

ISSN 2078-5356

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА:

*Вестник
Нижегородской академии
МВД России*

2024. № 2 (66)

Министерство внутренних дел Российской Федерации
The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

**Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год**

№ 2 (66)

Legal Science and Practice:

Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Founded in 2001
Published 4 times a year**

Нижний Новгород 2024

Юридическая наука и практика

Вестник

Нижегородской академии МВД России

№ 2 (66)

2024

Адрес редакции и издателя:

603144, Нижегородская область,
Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
Нижегородская академия МВД России
Редакционно-издательский отдел
Тел.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**Включен ВАК при Минобрнауки России
в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук
(Категория К-1)**

**Включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)**

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-38354
от 11 декабря 2009 года

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 80785

Главный редактор *В. М. Баранов*
Редакторы *Н. Б. Помадина, С. Ю. Осокина, А. И. Новикова,*
А. С. Коробова, Т. Ю. Булганина, Н. А. Елизарова
Компьютерная верстка *Т. В. Булкиной, С. Ю. Осокиной*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Тираж 1000 экз. Заказ № 244.
Свободная цена.
Дата выхода в свет 28.06.2024

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной
печати Нижегородской академии МВД России.

603144, Нижегородская область, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

© Нижегородская академия МВД России, 2024

Legal Science and Practice

16+

**Journal of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
№ 2 (66)**

2024

Address of the editorial and publishing office:

Editorial and publishing department, Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia
Tel.: (831) 421-73-21

E-mail: vestniknamvd@mail.ru

**The journal is included in the list of peer-reviewed
scientific journals and publications,
where main research results of doctoral dissertations
should be published
(Category K-1)**

**The journal is included in the system
of the Russian Science Citation Index**

Published 4 times a year

The Journal is registered at the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate number PI no. FS77-38354
as of December 11, 2009

Subscription index
at the General catalogue
“The Press of Russia”: 80785

Editor-in-chief *V. M. Baranov*
Editors *N. B. Pomadina, S. Yu. Osokina, A. I. Novikova,*
A. S. Korobova, T. Yu. Bulganina, N. A. Elizarova
DTP *T. V. Bulkina, S. Yu. Osokina*
Cover design *K. A. Bykov*

1000 copies. Order no. 244.
Free price.
Release date 28.06.2024

Printed at the printing section of Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod region,
Nizhny Novgorod, 603144, Russia

Редакционный совет

Председатель:

Плясов Константин Анатольевич — начальник Нижегородской академии МВД России, генерал-майор полиции, доктор юридических наук, доцент, академик Российской академии юридических наук (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Члены редакционного совета:

Баранова Марина Владимировна — заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Баулин Олег Владимирович — профессор кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Бондарь Николай Семенович — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Белоусов Сергей Александрович — проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Власенко Николай Александрович — профессор кафедры теории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ершова Елена Александровна — заведующая кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Исаков Владимир Борисович — профессор-исследователь Департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Союза писателей Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Капустин Анатолий Яковлевич — заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Карагодин Валерий Николаевич — заведующий кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Лазарев Валерий Васильевич — главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований

Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Мацкевич Игорь Михайлович — ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Москалькова Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Петрянин Алексей Владимирович — директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Поляков Михаил Петрович — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Попондопуло Владимир Федорович — заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Санинский Роман Александрович — председатель Арбитражного суда Нижегородской области, кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Старилов Юрий Николаевич — декан юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Супрунов Александр Германович — первый заместитель начальника Нижегородской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Тарасов Николай Николаевич — профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Терещенко Людмила Константиновна — заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Тихомиров Юрий Александрович — заместитель заведующего Центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Editorial council

Chairman:

Plyasov Konstantin A. — Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major General Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Members of editorial council:

Baranova Marina V. — Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department Theory and History of State and Law of the National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Law, Candidate of Sciences (Cultural Studies), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Baulin Oleg V. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bondar Nikolay S. — Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation retired, Head of the Department of constitutionalism of the Southern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Belousov Sergey A. — Vice-rector for Research of the Saratov State Academy of Law, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Vlasenko Nikolay A. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Yershova Yelena A. — Head of the Department of Labor and Social Security Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Isakov Vladimir B. — Research Professor at the Department of Legal Theory and Cross-industry Legal Disciplines of the National Research University "The Higher School of Economics", Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Writers' Union of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kapustin Anatoly Ya. — Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Karagodin Valery N. — Head of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Lazarev Valery V. — Chief Researcher at the Center for Basic Legal Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Matskevich Igor M. — Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, President of the International Foundation for Legal Initiatives, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Moskalkova Tatyana N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Petryanin Alexey V. — Head of Nizhny Novgorod branch St. Petersburg Academy of the Investigative Committee Russian Federation, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Polyakov Mikhail P. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Popondopulo Vladimir F. — Head of the Department of Commercial Law of the St. Petersburg State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Saninsky Roman A. — Chairman of Arbitration Court of Nizhny Novgorod Region, Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Starilov Yuri N. — Dean of the Law Faculty of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Suprunov Alexander G. — The First Deputy Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work), Candidate of Legal Sciences (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tarasov Nikolay N. — Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Tereshchenko Lyudmila K. — Deputy Head of Department of Administrative Legislation and Procedure of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Tikhomirov Yuriy A. — Deputy Head of the Center for Public Law Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Баранов Владимир Михайлович — помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Заместитель главного редактора:

Смолин Алексей Юрьевич — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Бирюков Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Болтанова Елена Сергеевна — заведующий кафедрой гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Булатов Борис Борисович — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Вавилин Евгений Валерьевич — заведующий кафедрой семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Валеев Дамир Хамитович — заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по научной деятельности, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Гамбарян Артур Сиреканович — заведующий кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики Российско-Армянского университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Горшенков Геннадий Николаевич — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Гусев Алексей Васильевич — профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Демин Александр Васильевич — профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Демичев Алексей Андреевич — профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Кириллов Михаил Андреевич — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кодан Сергей Владимирович — профессор кафедры теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профес-

сор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Корнев Аркадий Владимирович — заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Крохина Юлия Александровна — заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Крусс Владимир Иванович — заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Кузнецов Александр Павлович — профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Кучеров Илья Ильич — первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Лушников Андрей Михайлович — заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Мартынов Алексей Владимирович — заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Милюков Сергей Федорович — профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Миронов Анатолий Николаевич — заместитель руководителя Межрегионального управления Росприроднадзора по городу Москве и Калужской области, доктор юридических наук (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Моисеев Алексей Александрович — профессор кафедры теории и истории государства и права Кабардино-Балкарского университета имени Х. М. Бербекова, доктор юридических наук, доктор права Австралии (научная специальность 5.1.5 — международно-правовые науки)

Нематов Акмал Рауфджонович — заместитель Главного ученого секретаря; главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Национальной академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Овчинников Алексей Игоревич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного Федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Павлов Вадим Иванович — начальник кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Ромашов Роман Анатольевич — профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, док-

тор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Сафин Завдат Файзрахманович — заведующий кафедрой экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Сизимова Ольга Борисовна — заведующий кафедрой гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Соловьева Татьяна Владимировна — профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, член экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Тарасов Анатолий Михайлович — главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Терехин Владимир Вячеславович — заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Толстик Владимир Алексеевич — начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (научная специальность 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки)

Фатьянов Алексей Александрович — заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор (научная специальность 5.1.2 — публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Черных Евгения Евгеньевна — проректор по учебной работе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки)

Шестерякова Ирина Владимировна — заведующая кафедрой национальной безопасности и правоохранительной деятельности Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, доцент (научная специальность 5.1.3 — частно-правовые (цивилистические) науки)

Editorial board

Editor-in-chief:

Baranov Vladimir M. — Assistant to Head of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Research Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

Smolin Aleksey Yu. — Head of the Editorial and Publishing Department of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sciences (Law)

Members of editorial board:

Biryukov Pavel N. — Head of the Department of International and Eurasian Law School of Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Boltanova Yelena S. — Head of Department of Civil Law of National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Bulatov Boris B. — Professor of the Department of Criminal Procedure of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Vavilin Evgeniy V. — Head of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Member of the Council for Codification and Improvement of Civil Legislation under the President of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Valeyev Damir Kh. — Deputy Dean of the Faculty of Law of Kazan Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Gambaryan Artur S. — Head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law of the Institute of Law and Politics of Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Gorshenkov Gennady N. — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 - criminal law)

Gusev Aleksey V. — Professor of the Department of Criminalistics of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Demin Aleksandr V. — Professor of the Department of Entrepreneurial, Competitive and Financial Law of Law Institute of Siberian Federal University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Demichev Alexey A. — Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Candidate of Sciences (History), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kirillov Mikhail A. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kodan Sergey V. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ural Academy of Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kornev Arkady V. — Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Krokhina Yulia A. — Head of the Department of Legal Disciplines of the Supreme State Audit School (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Kruss Vladimir I. — Head of Department of Theory of Law of Tver State University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Kuznetsov Alexander P. — Professor of the Department of Criminal and Penal Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Kucherov Ilya I. — The first Deputy Director of Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Lushnikov Andrey M. — Head of the Department of Labor and Financial Law of Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Martynov Alexey V. — Head of the Department of Administrative and Financial Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Milukov Sergey F. — Professor of the Department of Criminal Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Mironov Anatoly N. — Deputy Head of the Interregional Department of Rospirodnadzor for the City of Moscow and the Kaluga Region, Doctor of Law (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Moiseyev Alexey A. — Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kabardino-Balkarian University named after H. M. Berbekov, Doctor of law (scientific specialty 5.1.5 — international legal sciences)

Nematov Akmal R. — Deputy Chief Scientific Secretary; Chief Researcher of the Department of Theoretical Problems of the Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Ovchinnikov Aleksey I. — Deputy Director of the Department of Theory and History of State and Law of Southern Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Pavlov Vadim I. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Sciences (law), Associate Professor (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Romashov Roman A. — Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement Activity of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Safin Zavdat F. — Head Department of Environmental Law, Labor Law and Civil Procedure of Kazan (Privolzhsky) Federal University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Sizemova Olga B. — Head of the Department of Civil Law and Procedure of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Solovyeva Tatyana V. — Professor of the Department of Civil Procedure of Saratov State Academy of Law, a member of the Advisory Board under the Committee of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State-Building, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Tarasov Anatoly M. — Chief Advisor of the General Director of the Kaspersky Lab JSC for the Juridical Questions, Chief Scientist of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Employee of the Internal Affairs of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Terekhin Vladimir V. — Deputy Director for Research of the Volga Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law)

Tolstik Vladimir A. — Head of the Department of Theory and History of State and Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (scientific specialty 5.1.1 — theoretical and historical legal sciences)

Fatyanov Aleksey A. — Head of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Law, Professor (scientific specialty 5.1.2 — public law (state law) sciences)

Chernykh Evgenia E. — Vice-Rector for Academic Affairs of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Dean of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (scientific specialty 5.1.4 — criminal law Sciences)

Shesteryakova Irina V. — Head of the Department of National Security and Law Enforcement of Moscow State Linguistic University, Doctor of Law, Associate Professor (scientific specialty 5.1.3 — private law (civil) sciences)

Теоретико-исторические правовые науки

Баранов В. М., Кabanов П. А. О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России

16

Дробышевский С. А., Красовская Н. С. О некоторых идеях относительно правотворчества современных отечественных исследователей

29

**Публично-правовые
(государственно-правовые) науки**

Муравьев М. В. Административно-юрисдикционные полномочия сотрудников образовательных организаций системы МВД России, привлекаемых к охране общественного порядка

36

Частноправовые (цивилистические) науки

Симагин А. С. Полномочия суда апелляционной инстанции по гражданским делам в современных условиях состязательности

41

Уголовно-правовые науки

Абдуллаев Я. Д., Архипов А. Ю. К вопросу о необходимости совершенствования отдельных элементов механизма превентивного контроля в отношении ранее судимых за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних

47

Батоев В. Б. Отдельные аспекты использования правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при решении задач борьбы с преступностью

55

Богомолов С. Ю., Неганов Д. А. Противодействие финансированию преступной деятельности: современный тренд уголовной политики, направления оптимизации

62

Дягилев А. А., Бессонов В. А. Проблемы противодействия торговле людьми на современном этапе

67

Захаров Н. Д. Содержание оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» при выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет»

73

Кобец П. Н. Причинный комплекс возникновения криминальных рисков, вызванных применением технологий искусственного интеллекта, и превентивные меры по их предупреждению

80

Лapatnikov M. B. Институт привлечения в качестве обвиняемого по УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации: к вопросу о сходствах и различиях

86

Магнутов Ю. С. Общественно опасные деяния, сопряженные с нарушением миграционного законодательства, как составная часть преступности в сфере миграции: особенности юридико-технического конструирования и правовой оценки

92

Поздышев Р. С. Вопросы соотношения криминальных банкротств

97

Theoretical and historical legal sciences

Baranov V. M., Kabanov P. A. On new directions of doctrinal anti-corruption research in modern Russia

Drobyshevsky S. A., Krasovskaya N. S. On some ideas regarding lawmaking of modern domestic researchers

Public law (state law)

Muravyov M. V. Administrative and jurisdictional powers of employees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia involved in the protection of public order

Private law (civil law) sciences

Simagin A. S. The powers of the court of appeal in civil cases in modern conditions of competition

Criminal law sciences

Abdullaev Ya. D., Arkhipov A. Yu. About the necessity to improve the mechanism of preventive control in relation to priorly convicted for crimes against sexual freedom and integrity of minors

Batoyev V. B. Some aspects of the use of the law enforcement segment of the hardware and software complex "Safe City" in solving crime control problems

Bogomolov S. Yu., Neganov D. A. Combating the financing of criminal activities: modern trend in criminal policy, areas of optimization

Diaghilev A. A., Bessonov V. A. Problems of countering human trafficking at the present stage

Zakharov N. D. The main directions of the operational search activity "Making inquiries" in the identification and disclosure of crimes committed using the Internet

Kobets P. N. The causal complex of the emergence of criminal risks caused by the use of artificial intelligence technologies and preventive measures to prevent them

Lapatnikov M. V. The Institution of involvement as an accused under the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: on the issue of similarities and differences

Magnutov Yu. S. Socially dangerous acts associated with violation of migration legislation as an integral part of crime in the field of migration: features of legal and technical design and legal assessment

Pozdyshev R. S. Questions of the ratio of criminal bankruptcies

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Потапов Д. Ю. К вопросу о нейтрализации противодействия криминальной среды при оперативно-розыском обеспечении расследования уголовных дел, связанных с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции

102

Potapov D. Yu. On the issue of neutralizing the counteraction of the criminal environment in the operational investigative support of the investigation of criminal cases related to the illegal production and trafficking of alcoholic leverages

Трибуна молодого ученого

A young scientist's forum

Балалаева Ю. С. Риски использования искусственного интеллекта в юридической сфере: анализ и пути минимизации

109

Balalaeva Yu. S. Risks of using artificial intelligence in the legal sphere: analysis and ways to minimize

Веснина Н. А. Исторические начала предварительного расследования в российском уголовном процессе

117

Vesnina N. A. Historical beginnings of the preliminary investigation in the Russian criminal process

Железова Л. Ю. К вопросу о соотношении понятия «мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности» со смежными категориями

122

Zhelezova L. Yu. On the question of the correlation of the concept of "measure of negative (retrospective) legal liability" with related categories

Жумашев М. А. Правовая природа реабилитации и возмещения вреда: необходимость логикотерминологического и содержательного разграничения в УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан

128

Zhumashev M. A. The legal nature of rehabilitation and compensation for harm: the need for logical, terminological and substantive differentiation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan

Золотова Е. В. Система оценки личных, деловых качеств сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и их профессиональной пригодности: правовой аспект

134

Zolotova E. V. System for assessing the personal and business qualities of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and their professional suitability: legal aspect

Ковалев А. Ф. Наказание и уголовное наказание: правовая природа, определение понятий

141

Kovalev A. F. Punishment and criminal punishment: legal nature, definition of concepts

Красненкова А. В. Проблемные вопросы проверки наличия (отсутствия) признаков криминальных банкротств у юридических лиц

148

Krasnenkova A. V. Problematic issues of checking the presence (absence) of signs of criminal bankruptcies in legal entities

Кузнецов М. С. Критика формальной теории оценки доказательств в уголовном процессе: пять главных упреков

156

Kuznetsov M. S. Criticism of the formal theory of evidence assessment in criminal proceedings: five main reproaches

Кузнецова М. Д. Мошенничество в уголовно-правовом исследовании

161

Kuznetsova M. D. Fraud in criminal legal research

Наимов С. С. Особенности законодательного закрепления поводов и основания к возбуждению уголовного дела в УПК Республики Таджикистан

167

Naimov S. S. Features of legislative consolidation of the reasons and grounds for initiating a criminal case in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan

Романова М. А. Применение систем распознавания лиц в правоохранительной деятельности

172

Romanova M. A. The use of facial recognition systems in law enforcement

Устиленцев К. А. Правовая политика современной России в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей: ключевые цели и задачи

179

Ustilentsev K. A. Legal policy of modern Russia in the field of strengthening traditional spiritual and moral values: key goals and objectives

Файзализода Ф. С. К вопросу о квалификации доведения до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости, по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан

185

Faizalizoda F. S. On the issue of the qualification of suicide of a person who is financially or otherwise dependent, according to the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan

Черенкова А. И. Право иностранных граждан на участие в формировании органов местного самоуправления: корреляция интересов личности и государства

191

Cherenkova A. I. The right of foreign citizens to participate in the formation of local authorities: the correlation of the individual and the state interests

Конференции, круглые столы, семинары		Conferences, round tables, seminars	
Обзор выступлений межвузовского международного практического мотивационно-просветительского форума по докладу заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. В. Малько «О роли современной юридической науки в жизни российского общества (проблемы «научного туризма» — как я стал почетным профессором в Китае и читал лекции в Германии)», состоявшегося 26 марта 2024 года на базе Нижегородской академии МВД России		Review of the presentations of the interuniversity practical motivational and educational forum on the report of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A. V. Malko “On the role of modern legal science in the life of Russian society (problems of “scientific tourism” — how I became an honorary professor in China and lectured in Germany)”, held on March 26, 2024 on the basis of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia	
Плясов К. А. Роль юридической науки в поиске, постановке, решении инновационных экономических, организационно-управленческих, культурно-воспитательных проблем современной России	196	Plyasov K. A. The role of legal science in the search, formulation, and solution of innovative economic, organizational, managerial, cultural and educational problems of modern Russia	
Малько А. В. О роли юридической науки в современном российском обществе		Malko A.V. On the role of legal science in modern Russian society	
Баранов В. М. Популяризация юридической науки в современной России: понятие, состояние, пути активизации	202	Baranov V. M. Popularization of legal science in modern Russia: concept, state, ways of activation	
Тарасов Н. Н. Роль и значение юридической науки в современной России как предмет исследования (методологические основания)	226	Tarasov N. N. The role and significance of legal science in modern Russia as a subject of research (methodological grounds)	
Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Борьба с колониализмом и неоколониализмом как средство установления более справедливого миропорядка (вклад научной школы международного права РУДН)	232	Abashidze A. H., Solntsev A. M. The fight against colonialism and neocolonialism as a means of establishing a more just world order (contribution of the Scientific School of International Law RUDN)	
Аверин А. В. Методологическое значение теории государства и права и роль общетеоретической отрасли юриспруденции в формировании правосознания будущих юристов	241	Averin A.V. Methodological significance of the theory of state and law and the role of the general theoretical branch of jurisprudence in shaping the legal consciousness of future lawyers	
Алиев Т. Т. Роль современной науки гражданского процессуального права в российском обществе	245	Aliyev T. T. The role of modern science of civil procedural law in Russian society	
Баранова М. В. Юртехнетика в жизни современного российского общества	249	Baranova M. V. Yurtechnetics in the life of modern Russian society	
Барзилова И. С. Российская юридическая наука в «интерьерах» XXI века: взгляд ученого-теоретика	252	Barzilova I. S. Russian legal science in the “interiors” of the XXI century: the view of a theoretical scientist	
Бирюков П. Н. Искусственный интеллект: вызовы современной юридической науке	256	Biryukov P. N. Artificial intelligence: challenges to modern legal science	
Боголюбов С. А. Особенности эколого-правовых научных исследований	260	Bogolyubov S. A. Features of environmental and legal scientific research	
Булатов Р. Б. Мотивационный аспект в деятельности студентов и преподавателей как ключ решения проблем в системе образования	265	Bulatov R. B. The motivational aspect in the activities of students and teachers as the key to solving problems in the education system	
Власенко Н. А. О кризисе современной правовой науки	268	Vlasenko N. A. On the crisis of modern legal science	
Горшенков Г. Н. Ретроспективный туризм в гущу уголовно-правовых событий, связанных с рождением криминологии и уголовной политики	274	Gorshenkov G. N. Retrospective tourism in the midst of criminal legal events related associated with the birth of criminology and criminal policy	
Грязнова Т. Е. Состояние и стратегические задачи отечественной юридической науки: взгляд российских правоведов рубежа XIX – XX века	278	Gryaznova T. E. The state and strategic tacks of domestic legal science: the view of Russia jurists at the turn of the 19 th – 20 th centuries	

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Дворянсков И. В. Российские научные исследования (на примере юридической науки): per aspera ad astra	281	Dvoryanskov I. V. Russian scientific research (using the example of legal science): per aspera ad astra
Демичев А. А., Илюхина В. А. Юридическая наука и наукометрия	285	Demichev A. A., Ilyukhina V. A. Legal science and scientometrics
Дроздова А. М. Размышления на тему: современный вуз еще храм науки или уже нет	288	Drozdova A. M. Reflections on the topic: is a modern university still a temple of science or not
Захарцев С. И., Сальников В. П. Экстрасенсорика и юридическая наука: вчера, сегодня, завтра	292	Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Extrasensory perception and legal science: yesterday, today, tomorrow
Иванов Н. Г. Роль науки в законотворчестве	296	Ivanov N. G. The role of science in lawmaking
Ивашевский С. Л. Социальный запрос на доктринальное развитие правовой аксиологии	300	Ivashevsky S. L. Social demand for doctrinal development of legal axiology
Ильин И. В., Морозов О. Л. Роль виктимологии в современном российском обществе	302	Ilyin I. V., Morozov O. L. The role of victimology in modern Russian society
Калинина Е. В. Юридическая наука в эпицентре вызовов современности	304	Kalinina E. V. Legal science at the epicenter of modern challenges
Кобец П. Н. О роли современной юридической науки в развитии и регулировании различных сфер жизнедеятельности российского общества	308	Kobets P. N. On the role of modern legal science in the development and regulation of various spheres of life in Russian society
Ковтун Н. Н. Юридическая наука в условиях экзистенциального кризиса: насколько в наличии силы и средства для ответа на вызовы	313	Kovtun N. N. Legal science in conditions of existential crisis: how much strength and means are there to respond to challenges
Кодан С. В. Междисциплинарный вектор исследований в современной юридической науке: исторические контексты и современные проблемы	317	Kodan S. V. Interdisciplinary vector of research in modern legal science: historical contexts and modern problems
Кокотов А. Н. Рассмотрение Конституционным Судом Российской Федерации судебных дел как научно-практический дискурс	323	Kokotov A. N. Consideration of court cases by the Constitutional Court of Russian Federation as a scientific and practical discourse
Костенко Р. В. Новые горизонты юридической науки: стратегии интеграции в жизнь современной России	326	Kostenko R. V. New horizons of legal science: strategies for integration into the life of modern Russia
Крусс В. И. Конституционная теория права на фоне дихотомии неизбежного	330	Kruss V. I. Constitutional theory of law against the background of the dichotomy of the inescapable
Кузнецов А. П. Общественная опасность как объект уголовно-правовой науки	335	Kuznetsov A. P. Social danger as an object of criminal law science
Лановая Г. М. О критериях научности юридического знания	339	Lanovaya G. M. On the criteria of scientific legal knowledge
Мазуренко А. П. К вопросу о состоянии отечественной юридической науки и научной обоснованности правотворческой политики	344	Mazurenko A. P. On the issue of the state of domestic legal science and the scientific validity of law-making policy
Макарейко Н. В. Некоторые доктринальные проблемы государственного принуждения	347	Makareiko N. V. Some doctrinal problems of state coercion
Мельник В. В., Корбашов В. Е. Значение профессиональной юридической этики для нравственной социализации выпускников юридических вузов, образования и воспитания их в духе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей	352	Melnik V. V., Korbashov V. E. The importance of professional legal ethics for the moral socialization of law school graduates, their education and upbringing in the spirit of traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values
Нематов А. Р. Роль юридической науки в правовом просвещении граждан Республики Таджикистан	363	Nematov A. R. The role of legal science in legal education of citizens of the Republic of Tajikistan
Панченко В. Ю., Лисицкая С. А. О единстве функций понятия права в юридической и исторической науках	367	Panchenko V. Yu., Lisitskaya S. A. On the unity of the functions of the concept of law in legal and historical sciences
Парилов О. В. Об актуальности изучения философии права	372	Parilov O. V. On the relevance of studying the philosophy of law

Петрянин А. В., Калинин А. В. Роль юридической науки в развитии антиэкстремистского уголовного права: частный взгляд на проблему	376	Petryanin A. V., Kalinkin A. V. The role of legal science in the development of anti-extremist criminal law: a private view of the problem
Плетников В. С. Технологизация современной юридической науки	378	Pletnikov V. S. Technologization of modern legal science
Поляков М. П. О популяризации, депопуляризации и аутопопуляризации юридической науки	383	Polyakov M. P. On popularization, depopularization and auto-popularization of legal science
Репьев А. Г., Репьева А. М. Защита персональных данных в условиях цифровой трансформации юридической науки и образовательного процесса	385	Repyev A. G., Repyeva A. M. Protection of personal data in the context of digital transformation of legal science and educational process
Романовская О. В. Правовая наука и юридическое образование сквозь призму реформ	389	Romanovskaya O. V. Legal science and legal education through the prism of reforms
Румянцев Ф. П. О значении юридической науки в обеспечении публичных интересов в сфере современного лесопользования	393	Rumyantsev F. P. On the importance of legal science in ensuring public interests in the field of modern forest management
Середа И. М., Румянцева Ю. Н., Каландаришвили Х. А. О роли «научного туризма» при обеспечении права на защиту в современной юридической науке и практике	396	Sereda I. M., Rumyantseva Yu. N., Kalandarishvili H. A. On the role of "scientific tourism" in ensuring the right to defence in modern legal science and practice
Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Юридическая наука в аксиологическом измерении	399	Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I. Legal science in the axiological dimension
Субочев В. В., Плешаков Е. А. О приоритетах юридической науки в контексте потребностей юридической практики современного российского общества	403	Subochev V. V., Pleshakov E. A. On the priorities of legal science in the context of the needs of legal practice in modern Russian society
Толстик В. А. Кризис юридической науки: причины, следствия, пути преодоления	407	Tolstik V. A. The crisis of legal science: causes, consequences, ways of overcoming
Треушников И. А. Юридическая наука в эпоху конфликта цивилизаций	412	Treushnikov I. A. Legal science in the era of conflict of civilizations
Фомин А. А. Роль юридической науки в формировании духовно-нравственной основы современного российского общества	415	Fomin A. A. The role of legal science in the formation of the spiritual and moral foundation of modern Russian society
Хужин А. М. Наука и практика: современные проблемы взаимодействия в юридической сфере	418	Khuzhin A. M. Science and practice: modern problems of interaction in the legal field
Шабуров А. С. «Политика права» и «правовая политика» — важнейшие категории политико-правовой науки	421	Shaburov A. S. "Politics of law" and "legal policy" are the most important categories of political and legal science
Шафиров В. М. Общая теория права: состояние, основные направления исследований и роль в современный период	425	Shafirov V. M. General theory of law: status, main directions of research and role in the modern period
Ponkin I. V., Lapteva A. I. Scientific methodology: Classification in Law	430	Ponkin I. V., Lapteva A. I. Scientific methodology: Classification in Law
Абдулханьянов И. А., Бразин Ю. Ю. Специальная военная операция и уголовное право: точки научно-педагогического соприкосновения	446	Abdulkhannyanov I. A., Brazhin Yu. Yu. Special military operation and criminal law: points of scientific and pedagogical contact
Бондарь Е. А. Роль науки в жизни российского общества и проблемы цифровизации налогового законодательства	448	Bondar E. A. The role of science in the life of Russian society and the problems of digitalization of tax legislation
Васильев П. В. Обеспечение гражданского мира и согласия в стране как возможное направление развития российской юридической науки	452	Vasiliev P. V. Ensuring civil peace and harmony in the country as a possible direction for the development of Russian legal science
Галузо В. Н. О соотношении юридической науки, юридического образования и праворегулирования в Российской Федерации	455	Galuzo V. N. On the relationship between of legal science, legal education and legal regulation in the Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ CONTENT

Гильмуллин А. Р. Определенность правопонимания как фактор эффективности юридической науки	459	Gilmullin A. R. Certainty of legal understanding as a factor of effectiveness of legal science
Горбачева С. В. Конституционное развитие России: проблемы периодизации	463	Gorbacheva S. V. Constitutional development of Russia: problems of periodization
Грешнова Г. В., Ремизов П. В. Научное обеспечение цифровой трансформации публично-правовых отношений: к вопросу о роли юридической науки в современном мире	467	Greshnova G. V., Remizov P. V. Scientific support for the digital transformation of public law relations: on the role of legal science in the modern world
Елисеева В. С., Гарцева Ю. Ю. К вопросу о роли конституционного права в патриотическом воспитании российской молодежи	470	Eliseeva V. S., Gartseva Yu. Yu. On the question of the role of constitutional law in the patriotic education of Russian youth
Каракулян Э. А. Контуры новой концептуальности в философии и науке международного права, «международноведения» в целом	473	Karakulyan E. A. Contours of a new conceptuality in the philosophy and science of international law, "international studies" in general
Князькин С. И. Проблемы повышения роли юридической науки в современном российском обществе	477	Knyazkin S. I. Problems of increasing the role of legal science in modern Russian society
Кузьмин И. А. Внутренние и внешние функции юридической науки (на примере частной теории юридической ответственности)	481	Kuzmin I. A. Internal and external functions of legal science (using the example of the private theory of legal liability)
Купцова О. Б. Формирование и развитие технико-юридической культуры как вклад юридической науки в жизнь общества	484	Kuptsova O. B. Formation and development of technical and legal culture as a contribution of legal science to the life of society
Лаврентьев А. Р., Лаврентьева Н. А. Научно-консультативный совет при Законодательном собрании Нижегородской области: 10 лет экспертного сотрудничества	486	Lavrentiev A. R., Lavrentieva N. A. Scientific Advisory Council at the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod region: 10 years of expert collaboration
Ламтева А. В. Популяризация юридической науки как неотъемлемая составляющая передового общества	491	Lamteva A. V. Popularization of legal science as an integral component of an advanced society
Летелкин Н. В., Пшеничнов И. М. Ведомственная наука в ракурсе противодействия коррупционным и экономическим преступлениям	497	Letelkin N. V., Pshenichnov I. M. Departmental science from the perspective of combating corruption and economic crimes
Малютина О. А. Роль научного инструментария в формировании правоприменительной практики	499	Malyutina O. A. The role of scientific tools in the formation of law enforcement practice
Метшин И. Р. Исследование вопросов государственного единства в современной российской историко-правовой науке	502	Metshin I. R. Study of issues of state unity in modern Russian historical and legal science
Мещерякова А. Ф. Роль юридической науки в формировании концепции религиозной безопасности	504	Meshcheryakova A. F. The role of legal science in the formation of the concept of religious security
Михайлов А. Е. Историко-правовой анализ развития судебной власти в российской юридической науке	508	Mikhailov A. E. Historical and legal analysis of the development of judicial power in Russian legal science
Осипов М. Ю. К вопросу об оценке качества юридических научных исследований	513	Osipov M. Yu. On the issue of assessing the quality of legal scientific research
Пермиловский М. С. Мировоззренческая конституционная аксиологизация — неоконституционализм или отечественный консерватизм?	518	Permilovsky M. S. Worldview constitutional axiologization — neo-constitutionalism or domestic conservatism?
Попов В. И. Система и структура юридической науки в контексте механизма научного познания права: методологический подход	523	Popov V. I. The system and structure of legal science in the context of the mechanism of scientific knowledge of law: a methodological approach
Прокофьева Т. В. Роль юридической науки в современном образовании	527	Prokofieva T. V. The role of legal science in modern education
Рувинский Р. З. Российская юриспруденция перед лицом глобальных кризисных трансформаций	529	Ruvinsky R. Z. Russian jurisprudence in the face of global crisis transformations

Сафронов Д. В. Настоящее и будущее применения искусственного интеллекта в юридической науке и практике	534	Safronov D. V. Present and future of artificial intelligence application in legal science and practice
Сивицкий В. А. О роли правовой науки в систематизации законодательства	536	Sivitsky V. A. On the role of legal science in the systematization of legislation
Скурко Е. В. Постгуманизм в юридических концепциях: «лица» и «вещи» в современном праве	540	Skurko E. V. Posthumanism in legal concepts: «persons» and «things» in modern law
Собко Р. В. «Проблема вагонетки» в контексте юридических межпредметных исследований	543	Sobko R. V. «The trolley problem» in the context of legal interdisciplinary research
Соколов Д. В., Лабути́н В. В. Юридическая наука в Российской Федерации и технологический скачок: проблемы и перспективы	547	Sokolov D. V., Labutin V. V. Legal science in the Russian Federation and technological leap: problems and prospects
Супрунов А. Г., Васильев В. В. Современная юридическая наука: взгляд сквозь призму непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел	551	Suprunov A. G., Vasiliev V. V. Modern legal science: a look through the prism of continuous education of employees of internal affairs bodies
Царева Ю. В. Роль научной школы в популяризации уголовно-процессуальной науки	554	Tsareva Yu. V. The role of the scientific school in the popularization of criminal procedure science
Червяковский А. В. Сравнительное правоведение как научное направление в современной российской юридической науке	558	Chervyakovsky A. V. Comparative law as a scientific direction in modern Russian legal science
Гвоздецкий Д. С. Нормативно-правовое проектирование законодательных и иных нормативных актов: теоретико-правовая характеристика	562	Gvozdetsky D. S. Regulatory and legal design of legislative and other normative acts: theoretical and legal characteristics
Плешаков Е. А. К вопросу о приоритете в юридической науке	565	Pleshakov E. A. On the issue of priority in legal science
Трегубов И. С. Доктринальный анализ системы мер процессуального принуждения в науке административного права	569	Tregubov I. S. Doctrinal analysis of the system of procedural coercion measures in the science of administrative law
Хен Л. Г. Современная юридическая наука о развитии советской теории права	574	Khen L. G. Modern legal science on the development of Soviet theory of law

Рецензии

Баранов В. М., Толстик В. А. Цифровизация и частная жизнь: общеправовой анализ. Отзыв ведущей организации — федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» на диссертацию Авдеева Даниила Алексеевича на тему «Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни» (Владимир, 2024. 202 с.), представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 (Теоретико-исторические правовые науки)

**Нижегородская академия МВД России:
навстречу 100-летию юбилею**

Поляков М. П. Кафедра уголовного процесса имени заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. Т. Томина

Reviews

Baranov V. M., Tolstik V. A. Digitalization and private life: general legal analysis. Review leading organization — federal state government educational institution of higher education Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the dissertation of Danila Alekseevich Avdeev on the topic “Legal regulation of relations related to the digitalization of private life” (Vladimir, 2024. 202 p.), submitted for the degree of candidate of legal sciences in specialty 5.1.1 (Theoretical and historical legal sciences)

**Nizhny Novgorod academy of the MIA of Russia:
together the 100th anniversary**

Polyakov M. P. Department of Criminal Procedure named after Honored Scientist of Russian Federation, Doctor of Law, Professor V. T. Tomin

Научная статья

УДК 343.35

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-16-28>

О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России*

Баранов Владимир Михайлович¹, Кабанов Павел Александрович²

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X

²Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева, Казань, Россия, kabanovp@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить новые направления научно-практического и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции.

Предлагается максимально быстро перейти от инкорпорации антикоррупционного законодательства к разноразмерной его кодификации посредством подготовки серии модельных кодексов противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации и СНГ.

Обосновывается необходимость создания и введения для всеобщего открытого обозрения Реестра лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности, активизации (наряду с антикоррупционным просвещением, антикоррупционным воспитанием, антикоррупционным образованием, антикоррупционной агитацией, антикоррупционной пропагандой и антикоррупционной рекламой) популяризации антикоррупционной деятельности.

Авторы выступают за разработку многоуровневой системы поощрения антикоррупционной деятельности, внедрение антикоррупционного планирования, антикоррупционной экспертизы на региональном и муниципальном уровнях, создание теории виктимологии коррупции и антикоррупционной педагогики.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, систематизация и кодификация антикоррупционного законодательства, Модельный кодекс СНГ о противодействии коррупции, Реестр лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности, популяризация антикоррупционной деятельности, система поощрения антикоррупционной деятельности, антикоррупционное планирование, антикоррупционная педагогика, антикоррупционная экспертиза, виктимология коррупции, методика определения цены коррупции

Для цитирования: Баранов В. М., Кабанов П. А. О новых направлениях доктринальных исследований противодействия коррупции в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 16–28. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-16-28>.

* Статья дополняет доклад профессора В. М. Баранова 17 апреля 2024 года на Международном XIII Евразийском антикоррупционном форуме «Правовое просвещение и противодействие коррупции».

© Баранов В. М., Кабанов П. А., 2024

Original article

On new directions of doctrinal anti-corruption research in modern Russia

Vladimir M. Baranov¹, Pavel A. Kabanov²

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, baranov_prof@bk.ru, orcid.org/0000-0003-2689-739X

²Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation, kabanovp@mail.ru

Abstract. The article attempts to identify new areas of scientific, practical, educational and methodological support for combating corruption.

It is proposed to move as quickly as possible from the incorporation of anti-corruption legislation to its multi-level codification through the preparation of a series of model anti-corruption codes in the subjects of the Russian Federation and the CIS.

The necessity of creating and introducing for public viewing a Register of persons convicted of corruption-related crimes, activation (along with anti-corruption education, anti-corruption education, anti-corruption education, anti-corruption agitation, anti-corruption propaganda and anti-corruption advertising) popularization of anti-corruption activities is substantiated.

The authors advocate the development of a multi-level system for encouraging anti-corruption activities, the introduction of anti-corruption planning, anti-corruption expertise at the regional and municipal levels, the creation of a theory of victimology of corruption and anti-corruption pedagogy.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption legislation, systematization and codification of anti-corruption legislation, CIS Model Code on Combating Corruption, Register of Persons Convicted of corruption-related crimes, popularization of anti-corruption activities, anti-corruption promotion system, anti-corruption planning, anti-corruption pedagogy, anti-corruption expertise, victimology of corruption, methodology for determining the price of corruption

For citation: Baranov V. M., Kabanov P. A. On new directions of doctrinal anti-corruption research in modern Russia. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 16–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-16-28>.

Второго апреля 2024 года на расширенном заседании коллегии МВД России Президент государства отметил, что «сегодня внутренние и внешние угрозы часто переплетаются и одинаково направлены против наших граждан и общества, на сдерживание России, на подрыв нашего суверенитета», и констатировал: «Важнейшей задачей остается принципиальная, последовательная борьба с коррупцией, которая отравляет общество, ломает законопослушный бизнес, крадет деньги, необходимые для обороны страны, для ее движения вперед в экономике, социальной сфере» [1].

Эти почти афористичные констатации свидетельствуют об особой актуальности темы прошедшего 17 апреля 2024 года XIII Евразийского антикоррупционного форума «Правовое просвещение и противодействие коррупции».

Противодействие коррупции — сложный процесс, предполагающий творческое использование имеющихся сил и средств, а также поиск резервов, ресурсов, инновационных средств, инструментов, механизмов и технологий их привлечения к антикоррупционной деятельности. Противодействие коррупции в любом государстве требует

согласованных мер и формирования единой многоуровневой системы государственной политики противодействия этому социальному злу.

Все элементы этой сложной системы должны быть точно и ясно зафиксированы (с надлежащей степенью конкретности) национальным законодательством.

Рассуждая о перспективных направлениях научных исследований, способных кардинально и качественно повысить результативность антикоррупционной деятельности, считаем возможным предложить следующее.

Первое. На базе уже проведенной масштабной и трудоемкой **инкорпорации** антикоррупционного законодательства России необходимо максимально быстро перейти к его **кодификации**. Имеется острая потребность в подготовке Модельного кодекса СНГ «О противодействии коррупции». В «пакете» с предлагаемым Модельным кодексом желательно дать его развернутый авторский комментарий, что позволит значительно увеличить возможности его восприятия и признания.

И здесь не для саморекламы, а для аргументации предложения сошлемся на три сборника

региональных нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции [2—4], в подготовке которых приняли участие авторы статьи.

Эти сборники демонстрируют, насколько значительный объем работы необходимо провести по анализу правовой базы субъектов Российской Федерации, чтобы осуществить кодификацию регионального антикоррупционного законодательства. После опубликования указанных выше сборников каких-либо инициативных проектов кодексов противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации не появилось (не скроем — мы надеялись на появление энтузиастов — «кодификаторов»). Мы убеждены: кодификация российского федерального и регионального антикоррупционного законодательства — одно из приоритетных инновационных исследовательских направлений, которое может не только оживить интерес к упорядочению антикоррупционного законодательства, но и сориентировать государственную политику противодействия коррупции на долгосрочную перспективу, значительно повышающую срок действия национального плана. Доктринальным «сопровождением» этого процесса может стать **разработка нескольких альтернативных проектов модельных антикоррупционных кодексов субъектов Российской Федерации.**

На этой основе гораздо легче будет вести поиск содержания и формы Модельного кодекса СНГ о противодействии коррупции.

Но на этом систематизаторскую деятельность «останавливать» нецелесообразно. В предлагаемый Модельный кодекс СНГ «О противодействии коррупции» вполне могут войти некоторые элементы ныне действующего Модельного закона о противодействии коррупции (в редакции 2008 года), Модельного закона СНГ о борьбе с коррупцией 1999 года, Модельного закона СНГ «Основы законодательства об антикоррупционной политике 2003 года, Модельного закона СНГ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» 2012 года, Модельного закона СНГ «Об антикоррупционном мониторинге» 2013 года, Модельного закона СНГ «О просветительской деятельности», Модельного кодекса поведения для государственных служащих (2000 года) и некоторых других.

Предлагаемая нами кодификация законодательства необходима потому, что в нем следует учесть принципы антикоррупционного

законодательства субъектов Российской Федерации, отразить ныне отсутствующую процессуальную сторону антикоррупционного законодательства, отобразить линии взаимодействия между различными органами по вопросам реализации государственной политики противодействия коррупции, которые применяются в рамках межгосударственных соглашений. Например, в рамках многостороннего Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции 2022 года либо двустороннего Меморандума о взаимопонимании между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Агентством Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службой) от 21 февраля 2024 года.

Модельный кодекс СНГ «О противодействии коррупции» необходим и в ракурсе отдаленной перспективы развития российского законодательства — имеем в виду создание Свода законов о России в формате «Кодекса кодексов».

Модельные кодексы — такой формат, если его последовательно развивать, который может выступить реальной альтернативой, барьером для выдвижения совершенно идеалистических, невыполнимых даже в отдаленной перспективе доктринальных идей. Приведем одну из них, озвученную и отстаиваемую в философской науке.

М. Н. Гирник ведет речь «о формировании конституционализма нового типа — наднационального, предполагающего выработку общепланетарной глобальной конституции. Но было бы наивно полагать, что новый тип конституции может быть отражен в каком-нибудь единственном правовом документе. Новый тип конституции может строиться на принципиально иных, более сложных системных основаниях, нежели конституции национальных государств» [5]. Полагаем, что нет ни теоретической, ни практической необходимости искать подобного рода «сложные системные основания» — надо системно модернизировать модельную кодификацию.

Второе. Целесообразна подготовка открытого для всеобщего обозрения **Реестра лиц, осужденных за преступления коррупционной направленности.**

Реестр может содержать: а) фото преступника; б) основные биографические данные (цифровой профиль); в) статью УК РФ, по которой он осужден; г) избранную меру наказания; д) реально отбытый срок наказания; е) дату условно-досрочного освобождения и какой именно суд принял такое решение. Особо надо

отметить ведомство, где он служил и совершил преступление. Отдельно должна быть указана «строка» об осужденных, скрывшихся за рубежом либо в России. Реестр желательно разместить на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации.

Реестр следует отнести к юридическим актам **постоянного** функционирования. Смерть внесенного в него лица не должна влечь исключение из Реестра. «Вечное клеймо», федеральная виртуальная Доска позора, современный аналог гражданской казни выступают мощным системным профилактическим средством не только для близких коррупционера, но и для широкого круга лиц и организации. Открытость такого рода данных — сама по себе демократическая ценность, свидетельствующая о нетерпимости государственной власти и гражданского общества к коррупции, как к высокой степени опасности.

В настоящее время в МВД России есть информационная база осужденных, в том числе и за коррупционные преступления, но она закрытая, а информацию о судимости можно получить только по запросу. Это скорее перечень организационно-управленческого рода, а не средство профилактического воздействия, которое мы предлагаем.

Может возникнуть сомнение относительно объема предлагаемого Реестра. Здесь надо опираться на имеющиеся официальные статистические данные. Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации данная информация об обвинительных приговорах по делам коррупционной направленности за 2023 год пока не опубликована. В 2021 году таких приговоров было вынесено 15 162. В 2022 году их стало больше — 20 560.

В докладе Министра внутренних дел России на уже упоминавшемся расширенном заседании коллегии МВД России при характеристике наступательности в противодействии коррупции озвучена следующая цифра: «органами внутренних дел задокументировано 27 тысяч посягательств в данной категории, половина из них — факты взяточничества» [1].

В декабре 2023 года А. И. Бастрыкин указал на то, что за девять месяцев 2023 года в суд направлено 7 949 уголовных дел коррупционной направленности (источник: <https://tass.ru/interviews/19484225>). Более достоверной и точной информации по 2023 году пока что нет.

Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что в предлагаемом Реестре ежегодно может появляться около

20—23 тысяч осужденных, в том числе лиц, которым уголовное наказание заменено судебным штрафом.

Не исключен вариант, что Реестр может состоять из двух частей — другим элементом этого документа может быть **реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия**. Реестр размещен в открытом доступе в сети «Интернет» на портале (<http://gossluzhba.gov.ru/reestr>). По состоянию на 5 апреля 2024 года в реестр включено **2 893 лица за совершение коррупционного правонарушения**.

Согласно статье 15 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия (далее — реестр) подлежат включению сведения об увольнении (о прекращении полномочий) лица в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, за исключением сведений, составляющих государственную тайну, сроком на пять лет с момента принятия акта, явившегося основанием для включения в реестр. Бытует мнение, что страх — малозффективное средство профилактики коррупции. Конечно, результативнее достичь духовного совершенства, нравственного, личного неприятия коррупционных проявлений. Но предлагаемый реестр может сыграть свою стопорящую роль, вызвав страх иного рода, другого уровня — боязнь коррупционера повредить **будущему** своих детей и внуков.

В августе 2023 года вступили в силу изменения, внесенные в постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия». В частности, скорректировано Положение о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Теперь в реестр будут также включаться данные о лицах, замещавших должности в федеральных государственных учреждениях, а также должности руководителей региональных и муниципальных учреждений. Такое нововведение соответствует не только «букве закона», но и его смыслу.

В соответствии с частью 7 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации сведения о применении к работнику дисциплинарного взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за нарушение определенных норм антикоррупционного законодательства обязательно включаются работодателем в реестр.

Имеется солидный зарубежный опыт противодействия коррупции с помощью ведения специальных реестров.

В 2001 году в Японии вступил в силу Закон «О раскрытии информации». Этот акт гарантирует гражданам право на доступ к официальной информации, имеющейся у правительственных учреждений, и возможность подать апелляцию в Совет по контролю за раскрытием информации в том случае, если правительство откажется ее обнародовать.

В Японии в соответствии с данным законом ведется **реестр лиц, против которых выдвинуты обвинения в коррупции или причастности к организованной преступности** [6, с. 45—56]. Этот факт доводится до сведения общественности через средства массовой информации, может повлечь за собой установление контроля за поведением конкретного лица, применение к нему ряда правоограничений.

В Германии существует несколько **региональных реестров регистрации фактов коррупции** [7], которые используются для целей государственных закупок. Государственные органы обязаны отчитываться о коррупционных предприятиях, которые регистрируются централизованно. До заключения контрактов на сумму, превышающую определенный лимит, государственные закупщики обязаны сверяться с реестром.

В России постоянно (с большей или меньшей активностью) вводятся новые правовые институты и режимы. Необходимо сразу исследовать возможные коррупционные риски этих инноваций, вести поиск пробелов и иных дефектов, которые могут использовать лица, склонные к коррупционному поведению. Например, с 1 января 2024 года введен **институт репатриации**. Соотечественники, проживающие за рубежом, в рамках госпрограммы получили право переселиться в любой субъект без согласования с соответствующим уполномоченным органом.

Нет нужды объяснять, как важно обеспечить правильное, экономное, быстрое функционирование этого правового института. И как значимо не допустить в этой сфере появления и распространения коррупции.

Третье. Ничуть не умаляя теоретическую важность, практическую значимость, дидактическую ценность антикоррупционного просвещения, считаем необходимым несколько **сместить акцент**, усилить и дополнить некоторые элементы этой деятельности посредством обращения к феномену **популяризации**.

В двух крупных публикациях об антикоррупционном просвещении [8, 9] понятие «популяризация» не раскрывается и связь этого вида деятельности с просвещением не исследуется.

В интересной статье Е. Б. Козловой с названием «Меры популяризации антикоррупционного поведения в рамках образовательного процесса» [10] речь идет об антикоррупционном просвещении и образовании, но не о популяризации этих институтов противодействия коррупции.

Популяризация результатов противодействия коррупции, антикоррупционное воспитание, антикоррупционное образование, антикоррупционная пропаганда — смежные, параллельно существующие, но не тождественные, а разнопорядковые понятия.

Чрезмерно узко «связать» популяризацию только с антикоррупционными стандартами поведения, их активным «внедрением» в правосознание граждан и общественных объединений.

Популяризация результатов противодействия коррупции не просто и не только антикоррупционное информирование, воспитание, пропаганда, образование. Это нечто большее по **активности воздействия**. Популяризация антикоррупционной деятельности — призыв и вовлечение адресатов в ее процесс для достижения результата.

Различие между популяризацией результатов противодействия коррупции и антикоррупционным просвещением можно провести по следующим моментам.

Антикоррупционное просвещение носит **более объективный** характер, нежели популяризация, которая в значительной степени субъективна. Популяризатор, как правило, «любит» тему, стремится ее «возвысить», «облагородить». Популяризация предполагает поддержание интереса к антикоррупционной деятельности, вовлечение адресатов в ее сферу, приобщение к борьбе с коррупционерами. Популяризация результатов противодействия коррупции проявляется в наличии эмоционально-оценочных языковых средств, особого авторского стиля, образности, метафоричности. Для популяризации результатов противодействия коррупции характерно применение личного опыта, обращение к образному пояснению терминов и категорий. При популяризации результатов противодействия коррупции преобладает авторское «я». Цель такого обращения — стремление к авторскому присутствию и вовлечению адресата в диалог.

Антикоррупционное просвещение в содержательном плане несколько ближе к **правовой идеологии**, а популяризация теснее связана с юридической психологией, эмоциональной стороной человеческой деятельности.

Мало знать и даже понимать содержание антикоррупционных законов, поддерживать

антикоррупционную политику государства — требуется **реальное личное участие** в противодействии коррупции. Именно на это нацелена популяризация результатов противодействия коррупции, а не антикоррупционное просвещение. В этом плане популяризация результатов противодействия коррупции близка по своему содержанию к антикоррупционной агитации, направленной на побуждение лица к одобряемому антикоррупционному поведению [11].

Анализ содержания федерального и регионального антикоррупционного законодательства позволил нам выявить действующие инструменты противодействия коррупции, которые были стихийно сформированы и до сих пор в недостаточной мере исследованы в доктрине. Среди них следует отметить такой институт, как **антикоррупционная пропаганда**, закрепленный в региональном антикоррупционном законодательстве. Однако каких-либо крупных научных исследований по практике его применения и мерах, направленных на повышение его эффективности, отечественными специалистами не проводилось. Сегодня в юридической науке имеются лишь небольшие по объему научные статьи по отдельным вопросам, направленным на его обоснование как инструмента противодействия коррупции, и некоторые оценки его применения [12—15]. Справедливости ради надо отметить, что и в целом информационное сопровождение реализации государственной на «периферии» научных разработок. В современной доктрине до сих пор не разработаны такие средства противодействия коррупции, которые упоминаются отдельными специалистами, как **антикоррупционная агитация** и **антикоррупционная реклама**. Не смогли мы обнаружить исследовательские работы, направленные на качественное исследование **антикоррупционной информационной политики** в Российской Федерации.

Полагаем, что есть острая потребность в организации специализированной межведомственной **лаборатории популяризации результатов противодействия коррупции**, которая могла бы координировать поиск, планирование и реализацию этого вида творческой деятельности.

Промежуточным итогом этого фрагмента статьи можно предложить следующую операциональную дефиницию понятия «популяризация результатов противодействия коррупции».

Популяризация результатов противодействия коррупции — особый, относительно

самостоятельный, самоценный, предметно специализированный, поливекторный, многофакторный, разноуровневый вид творческой массово-коммуникативной деятельности, направленной на правильное распространение истинных научно-практических знаний антикоррупционного профиля от специалистов к неспециалистам, нацеленной на практико-ориентирующее, заинтересованное их освоение в доступных, понятных письменных и электронных формах, призванной формировать в общественном сознании позитивный образ и социальную выгодность антикоррупционного поведения, усиливать доверие к антикоррупционной деятельности, повышать имидж антикоррупционной науки и борцов с коррупцией, увеличивать потребность общества в результатах антикоррупционной деятельности, расширять обмен опытом популяризаторского антикоррупционного общения¹.

Многие изъяны популяризации результатов противодействия коррупции обусловлены недостатками в популяризации юридической науки в целом. Приведем один показательный факт.

Е. Е. Макаровой был составлен рейтинг предметно-тематических направлений научно-популярных сайтов (в процентах от общего числа публикаций). Исследованные ею сайты популяризируют **двадцать четыре** направления. И далее она отмечает, что среди этих направлений нет юридических наук [16]. Остается сожалеть, что этот пробел не замечают правоведы.

К результатам популяризации результатов противодействия коррупции надо ради объективности относить не только фиксированные успехи и достижения в борьбе с этим социальным злом — девиантным поведением, но и ошибки, провалы, недостатки в этой сфере.

¹ Дефиниция является конкретизацией определения более общего феномена «популяризация юридической науки», природа которого раскрыта В. М. Барановым в выступлении на межвузовском с международным участием практическом мотивационно-просветительском форуме по докладу заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. В. Малько «О роли современной юридической науки в жизни российского общества (проблемы «научного туризма» — как я стал почетным профессором в Китае и читал лекции в Германии)», состоявшегося 26 марта 2024 года на базе Нижегородской академии МВД России (материалы содержатся в этом же номере журнала).

Их также можно и нужно популяризировать (а не скрывать) под определенным углом зрения, в особом ракурсе, особенном фокусе. Трудности антикоррупционной деятельности здесь можно продемонстрировать особенно рельефно.

Своеобразным эталоном популяризации дефектов научно-практической деятельности может служить книга академика РАН Э. М. Галимова с примечательным названием «Замыслы и просчеты: фундаментальные космические исследования в России последнего двадцатилетия. Двадцать лет бесплодных усилий» (Москва: Едиториал УРСС. 2010. 304 с.). В предисловии к книге на странице 10 автор пишет: «Это — описание участия в работе, которая не принесла результата. За этим стоят бесплодные усилия многих людей, не получивших удовлетворения от своей работы. Они, подобно своим предшественникам, могли бы гордиться своим личным вкладом в историю космических исследований. Но годы их труда ни во что не воплотились. Это и мои бесплодные усилия». В книге бесценны гражданская смелость и критический анализ совершенных ошибок.

Об особой важности популяризации результатов противодействия коррупции свидетельствует поручение по итогам заседания Совета при Президенте по науке и образованию от 8 февраля 2024 года, которое гласит: «Принять меры, необходимые для обеспечения производства и проката полнометражных художественных фильмов, направленных на популяризацию достижений российской науки и повышение престижа профессии ученого» [17].

Документальных (да и качественных художественных) фильмов о противодействии коррупции явно недостаточно. И здесь одно спорное отступление. Если бренд «сказка» является в настоящее время очень популярным, то жанр «фантастика» не менее привлекателен. В этой связи одно «шальное» предложение — хочется верить, что оно не будет отвергнуто без раздумий, «сходу». Надеемся, нас не обвинят в приверженности к давно развенчанной евгенике, но генетика **человека** — научное направление, которое развивается весьма активно, и возможности его необозримы. Глава 8 книги историка науки и технологий Уорикского университета Джейма Поскетта названа «Генетические государства».

Рискнем выдвинуть гипотезу, что у коррупционеров могут быть неизвестные нам пока генетические особенности (точнее отклонения), выражающие суть их корыстной природы, стяжательских наклонностей. Речь идет

о возможной подготовке и проведении генетического экспериментального исследования ДНК и крови на предмет поиска «хромосомы жадности» либо «гена корыстолюбия» или «биоклетки стяжательства», «микроба вождения», «молекулы казнокрадства», «вирусной мутации тщеславия» и т. п.

Чтобы предложение не казалось совсем абсурдным, напомним, что мексиканский генетик де Гарай собирал и изучал образцы крови олимпийских спортсменов в 1968 году. По итогам масштабного исследования де Гарай был вынужден признать: «Не было обнаружено надежной корреляции между какими-то конкретными генами и конкретными спортивными достижениями олимпийцев» [18, 19]. Отрицательный результат, как известно, тоже результат.

Ничто не мешает снять красивый убедительный фантастический фильм о такого рода генетическом анализе, где была бы наглядно показана отвратительная природа коррупционера. Если угодно — предлагается «внедрение» механизма отрицательной долговременной социальной памяти. В фильме следует доказать, что корыстолюбие, стяжательство, мздоимство не являются **генетическим заболеванием** — это сугубо социальный морально-психологический феномен, который подлежит **не лечению**, а системному наказанию и воспитанию.

Вполне можно такие фильмы демонстрировать перед каждым сеансом резонансных произведений.

Касаясь нетривиальных путей решения противодействия коррупции, некоторые исследователи не без оснований предлагают обратиться к **психике человека**. «Человек, — отмечает философ Низами Мамедов, — биопсихосоциальное существо. Биологическая основа человека — его анатомия, физиология, генетическая программа развития, естественные потребности, инстинкты. Это биологическая основа, развиваясь, породила психику — сознание, мышление, память, эмоции, характер» [20]. Смысловая регуляция психических состояний личности коррупционера — архиактуальная задача общей психологии, психологии личности и юриспруденции. По всей видимости, раньше или позже, но будут найдены механизмы управления бессознательным, регулирования стяжательских инстинктов.

Есть резон создать своеобразную видеотеку с записью фрагментов последнего слова на суде наиболее известных коррупционеров, которые публично раскаиваются в совершенных деяниях.

Четвертое. К числу новых направлений совершенствования российской государственной политики противодействия коррупции, требующих научного сопровождения, надо отнести междисциплинарную разработку многоуровневой **системы поощрения** антикоррупционной деятельности в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях. Именно поощрения, а не стимулирование, поскольку в него (стимулирование) входят и меры государственного принуждения, включая юридическую ответственность, а это иной значительно более широкий «пласт» доктринального исследования. Ныне «обрисованы» лишь основные контуры предлагаемой поощрительной системы [21—24, с. 137—142].

Внедрение в практику противодействия коррупции действенного **антикоррупционного поощрения** позволит при минимальных экономических затратах радикально повысить эффективность такого противодействия. С одной стороны, антикоррупционное поощрение позволит органам публичной власти и организациям снизить коррупционные затраты в экономической деятельности, а с другой — уменьшить коррупционные риски в сфере социального управления.

С технико-юридической стороны систему антикоррупционного поощрения можно «выстроить» следующим образом. Базовым нормативным правовым актом в этой области может стать Указ Президента Российской Федерации «О правовых формах поощрения за заслуги в противодействии коррупции». В общей части документа желательно четко «развести» государственные награды и иные формы поощрения за достижения в борьбе с коррупцией. При обозначении государственных наград (орден, медаль, почетная грамота, благодарность, почетный знак и др.) надо четко зафиксировать «заслугу».

Проблема «заслуги» как главного основания государственного поощрения имеет ключевое значение в деле стимулирования позитивно-активной деятельности (предпочтительнее в этом контексте термин «сверхнормодеятельность»). Заслугу желательно формулировать предельно конкретно. Там, где это возможно, представлять в количественном формате. Такой подход значительно мощнее мотивирует людей к достижению заранее определенных показателей, открывает возможности в правовом порядке **требовать** награды или иного государственного поощрения [24—25, с. 139]. При этом нельзя «культивировать» установление

«квот» на поощрение за заслуги в противодействии коррупции. Квоты нарушают принцип справедливости при оценке заслуг граждан, организаций, отдельных должностных лиц в противодействии коррупции. Награждению и иному поощрению подлежат все заслужившие своей антикоррупционной деятельностью субъекты, а квота «урезает» количество имеющих право на поощрение.

В Указе Президента Российской Федерации желательно делегировать соответствующие полномочия по поощрению руководителям субъектов Российской Федерации, министерств, организаций и учреждений. На этом уровне мыслимы самые разнообразные меры поощрения, включая продвижение по службе. Оптимальная форма конкретизирующих Указ Президента России поощрительных нормативных правовых актов — **Положение**.

Считаем важным отметить, что немногочисленные значимые государственные и общественные премии («Фемида», «За верность науке») не предусматривают номинации за достижения в сфере борьбы с коррупцией.

За конкретные заслуги в антикоррупционной деятельности целесообразно «культивировать» в качестве альтернативы традиционных поощрений оплату путевок на отдых или абонементов в фитнес-зал, предоставление акций компаний, скидок на товары, которые производит предприятие, туристические поездки на выставки, концерты, спортивные мероприятия и т. п.

Пятое. Не менее значимым направлением государственной политики противодействия коррупции в Российской Федерации является подготовка высококвалифицированных кадров по вопросам противодействия коррупции в органах публичной власти. Если для подготовки специалистов по противодействию коррупции в организациях разработан и утвержден соответствующий профессиональный стандарт «Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений» [26], то для подготовки специалистов по вопросам противодействия коррупции в органах государственной власти и органах местного самоуправления, где уровень коррупции значительно выше, нет никакого профессионального стандарта, нет рамочных рекомендаций. В то же время разработанные и реализуемые образовательными учреждениями образовательные программы магистратуры по направлению «антикоррупционная деятельность» ориентированы на действующий профессиональный стандарт. Они не всегда соответствуют потребностям практики

противодействия коррупции в органах государственной власти, органах местного самоуправления и ожиданиям работодателей. Поэтому в качестве одного из направлений научного сопровождения совершенствования государственной политики противодействия коррупции должна стать разработка профессионального стандарта «специалист по противодействию коррупции в органах публичной власти». По всей видимости, потребуются научно обоснованная переработка образовательных документов (учебных планов, учебных программ и т. д.) для их подготовки в образовательных учреждениях высшего образования. В этой связи требуется фундаментальная разработка такого научного направления, как **антикоррупционная педагогика**.

Законодатель подробно регламентирует порядок и критерии аттестации инструкторов-проводников, сопровождающих туристов (экursionsантов), предусматривает необходимость их профессионального обучения [27]. Думается, подготовка популяризаторов результатов противодействия коррупции — не менее важное государственное и общественное дело, и ему также следует уделить достойное «законотворческое внимание».

Не секрет, что иногда в среде обучающихся противодействию коррупции встречаются педагоги (лекторы), которые «несут в массы» ложную информацию, деструктивные идеи, больше приносящие вред антикоррупционной деятельности или приводящие к ее дискредитации, чем формирование у обучающихся антикоррупционных компетенций.

Шестое. Еще одним научным направлением, способным качественно повлиять на совершенствование государственной политики противодействия коррупции, является разработка такого направления, как **антикоррупционное планирование**. Парадоксально, но в современной научной литературе имеется только одна монографическая работа, да и та по антикоррупционному планированию в субъектах Российской Федерации [28]. При этом в данной работе не рассмотрены вопросы ведомственного антикоррупционного планирования, планирования противодействия коррупции в муниципальных образованиях и корпоративного антикоррупционного планирования, а обозначены важнейшие направления организации антикоррупционной деятельности.

Седьмое. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в тех направлениях, которые обстоятельно разработаны российскими исследователями антикоррупционной

деятельности, имеются существенные пробелы. Например, по вопросам правового регулирования, организации и проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов отечественными специалистами опубликовано достаточное количество научной, учебной и методической литературы [29—30, с. 122—139], но вне научных интересов остаются вопросы **организации и проведения антикоррупционной экспертизы на региональном и муниципальном уровнях**. Хотя в структуре принятых и действующих в Российской Федерации нормативных правовых актов они занимают значительную долю.

Восьмое. Требуется разработка еще одного нового междотраслевого научного направления (частной виктимологической теории), которое мы условно предлагаем называть **«виктимология коррупции»**. Здесь появляются возможности не только по учету **жертв коррупционного поведения**. В связи с развитием отечественной ведомственной виктимологической статистики мыслима выработка мер по виктимологической профилактике и виктимологической реабилитации этой категории жертв [31—34].

Кстати, виктимологическая составляющая «присутствует» (хотя официально не отмечается) в инновационных экспериментальных мероприятиях в Китае, где собирают жен высокопоставленных государственных служащих и разнопланово воспитывают на предмет неприятия коррупции [35].

Девятое. Еще одно новое направление исследований условно можно назвать **«противодействие антикоррупционному законодательству и практике его реализации»**. Имеются в виду убежденные противники функционирующего антикоррупционного законодательства. К ним, бесспорно, относятся лица, осужденные за преступления коррупционной направленности. Своей жизнью и плачевным концом карьеры они доказали, что категорически не приемлют требования антикоррупционного законодательства.

Коррупционеры сознательно встают на путь конкурентного противостояния государству и гражданскому обществу, умышленно выбирают возможность столкновения, конфликта с властью, с системой государственного управления. Они сделали свой выбор и важно всеми доступными средствами и способами показывать и доказывать: это патология, которая претит нормальным людям.

Почему бы не подготовить с привлечением не только социологов, но и психологов, педагогов, культурологов, медиков развернутую анонимную анкету об их отношении к антикоррупционному законодательству, причинах, приведших их к его грубому нарушению, моментах, где его можно было остановить, и т. п.

Десятое. В качестве относительно самостоятельного направления будущих доктринальных исследований может стать выявление максимально большого числа (прямых и косвенных, близких и отдаленных) **последствий коррупционного правонарушения**. Важно выяснить не только **сумму** прямого денежного ущерба от взятки, должностного хищения, служебного злоупотребления и подлога, но и у кого эти средства реально изъяты, сколько таких потерпевших, их социальный статус, возможные пути компенсации этого ущерба. Поэтому **определение цены коррупции** для современного российского государства и общества должно стать приоритетным направлением научных исследований уже в ближайшем будущем.

Изложенное позволяет сделать выводы о том, что для совершенствования государственной политики противодействия коррупции необходимо рассматривать в качестве приоритетных и актуальных следующие направления научных исследований:

— разработка теоретических основ кодификации российского антикоррупционного законодательства и подготовки Модельного кодекса СНГ «О противодействии коррупции»;

— раскрытие сущности, содержания и форм, линий взаимодействия основных инструментов противодействия коррупции, предусмотренных российским антикоррупционным законодательством (антикоррупционная популяризация, антикоррупционное воспитание, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное образование, антикоррупционное планирование, антикоррупционная пропаганда, антикоррупционная информационная политика);

— формулирование стратегии и тактики организации и проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на региональном и муниципальном уровнях;

— «внедрение» антикоррупционной педагогики;

— доктринальная разработка виктимологии коррупции как частной виктимологической теории и использование полученных результатов;

— разработка методики определения цены коррупции для российского государства и

общества и использование ее результатов при мониторинге эффективности противодействия коррупции.

Список источников

1. Расширенное заседание коллегии МВД России 2 апреля 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 08.04. 2024).
2. Антикоррупционное законодательство субъектов Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов / сост. В. М. Баранов, И. И. Бикеев, П. А. Кабанов и др. Москва: Проспект, 2017. 1120 с.
3. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов / сост. В. М. Баранов, И. И. Бикеев, П. А. Кабанов и др. Москва: РГ-Пресс, 2018. 1152 с.
4. Правовое регулирование организации и проведения антикоррупционной экспертизы в субъектах Российской Федерации: сборник нормативных правовых актов / сост. В. М. Баранов, И. И. Бикеев, П. А. Кабанов и др. Москва: Проспект, 2020. 936 с.
5. Гирник М. Н. Конституция как средство и результат социальной самоорганизации: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Москва, 2023. С. 17–18.
6. Бочарников И. В. Зарубежный опыт противодействия коррупции. Актуальные проблемы противодействия коррупции. Сер. Проблемы национальной безопасности. № 6 (351). 2008. Москва: Совет Федерации ФС РФ. С. 45–56.
7. Министерство зонирования Берлина, Реестр коррупции (Korruptionsregister). URL: www.stadtentwicklung.berlin.de. (дата обращения: 08.04.2024).
8. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики. Казань: Изд-во «Познание», 2019. 240 с.
9. Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Д. А. Пашенцев, Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Проспект, 2024. 144 с.
10. Козлова Е. Б. Меры популяризации антикоррупционного поведения в рамках образовательного процесса // Юстиция. 2016. № 3. С. 37–51.
11. Кабанов П. А. Антикоррупционная агитация как информационное средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Административное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 178–185.
12. Горшенков Г. Н. Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 39–46.
13. Кабанов П. А. Понятие и содержание антикоррупционной пропаганды как правовой категории в российском региональном антикоррупционном законодательстве // Административное и муниципальное право. 2013. № 9 (69). С. 878–884.

14. Кабанов П. А. Антикрупционная пропаганда как инструмент противодействия коррупции в Республике Татарстан: вопросы повышения качества правового регулирования // Право и политика. 2013. № 9. С. 1130–1138.
15. Михалеп Е. В., Приймак Л. О. Антикрупционная пропаганда // Интернаука. 2023. № 43-3 (313). С. 41–42.
16. Макарова Е. Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 102.
17. Заседание Совета при Президенте по науке и образованию от 8 февраля 2024 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73737> (дата обращения: 03.04.2024).
18. Поскетт Дж. Незападная история науки: Открытия, о которых мы не знали / пер. с англ. Москва: Альпина Паблицер, 2024. С. 356.
19. См. также Медведев Ю. Расшифруют по букве. 100 тысяч россиян получают генетические паспорта // Российская газета. 2024. 17 апреля.
20. Мамедов Н. Коррупционное мышление как естественно-научный феномен. Биопсихические качества *Homo sapiens* не исчезают с усилением в нем социальных качеств // Независимая газета. 2024. 10 апреля.
21. Кабанов П. А. Правовое регулирование стимулирования деятельности независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикрупционной экспертизы в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 1. № 9. С. 158–164;
22. Кабанов П. А. Международно-правовые основы стимулирования (поощрения) антикрупционного поведения в Российской Федерации // Вопросы реализации государственной политики в области противодействия коррупции: сб. материалов науч.-практ. конф. (Казань, 8 ноября 2019 г.) / под общ. ред. Ф. Р. Хисамутдинова; сост. А. А. Хайдаров; Казан. юрид. ин-т (фил.) Ун-та про-куратуры Рос. Федерации. Москва, 2020. С. 36–39.
23. Кабанов П. А. Стимулирование реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ: аналитический доклад. Казань: изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. 91 с.
24. Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. Москва: Блок-Принт, 2022.
25. Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права: монография. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. 146 с.
26. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений»: приказ Минтруда России от 8 августа 2022 года № 472н. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.09.2022).
27. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 23 марта 2024 года № 63-ФЗ // Российская газета. 2024. 27 марта.
28. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Антикрупционное планирование: теоретические основы и правовое регулирование в субъектах Российской Федерации. Казань: Изд-во «Познание», 2021. 328 с.
29. Юридическая техника. 2022. № 16: Материалы XXIII Международного научно-практического Форума «Юртехнетика» на тему «Правотворческая экспертиология (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 22—25 сентября 2021 года) / глав. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. 686 с.
30. Залоило М. В. Современные проблемы антикрупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Автоматизация и цифровизация процесса // Противодействие коррупции и процессы цифровизации: научно-практическое пособие / Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин, Е. В. Черепанова и др. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Инфотропик Медиа, 2023. С. 122–139.
31. Кабанов П. А., Садеев М. М. Виктимология коррупции как частная виктимологическая теория: понятие, предмет и некоторые задачи, связанные с оказанием помощи жертвам коррупции // Следователь. 2008. № 5. С. 43–46.
32. Гарипов И. М. Виктимологическая характеристика криминального коррупционного поведения в Республике Татарстан (результаты статистического наблюдения за период 2007—2009 гг.) // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 31–38.
33. Гарипов И. М. Виктимологическое направление воздействия на криминальное коррупционное поведение: понятие и общая характеристика // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 34–37.
34. Балясов Д. С., Гордополов Ю. В., Петрова В. Ю. Виктимологическая профилактика коррупции // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9-1. С. 450–460.
35. Ленин А. Не давай мужу воровать. В Китае о коррупции стали предупреждать жен чиновников // Российская газета. 2024. 10 апреля.

References

1. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on April 2, 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (accessed 08.04.2024). (In Russ.)

2. Anti-corruption legislation of the subjects of the Russian Federation: collection of normative legal acts / comp. V. M. Baranov, I. I. Bikeev, P. A. Kabanov, etc. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 1120 p. (In Russ.)
3. Anti-corruption procedural legislation of the subjects of the Russian Federation: collection of normative legal acts / comp. V. M. Baranov, I. I. Bikeev, P. A. Kabanov, etc. Moscow: RG-Press Publ., 2018. 1152 p. (In Russ.)
4. Legal regulation of the organization and conduct of anti-corruption expertise in the subjects of the Russian Federation: collection of normative legal acts / comp. V. M. Baranov, I. I. Bikeev, P. A. Kabanov and other. Moscow: Prospekt Publ., 2020. 936 p. (In Russ.)
5. Girnik M. N. Constitution as a means and result of social self-organization: Author's abstract. ... candidate of Philosophical Sciences. Moscow, 2023. Pp. 17–18. (In Russ.)
6. Bocharnikov I. V. Foreign experience in combating corruption. Actual problems of combating corruption. Ser. Problems of national security. No. 6 (351). 2008. Moscow: Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Pp. 45–56. (In Russ.)
7. Berlin Ministry of Zoning, Register of Corruption (Korruptionsregister). URL: www.stadtentwicklung.berlin.de. (accessed 08.04.2024). (In Russ.)
8. Bikeev I. I., Kabanov P. A. Anti-corruption education: issues of theory and practice. Kazan: Publishing house "Cognition", 2019. 240 p. (In Russ.)
9. Anti-corruption education in the Russian Federation: a scientific and practical guide / D. A. Pashentsev, Yu. V. Truntsevsky, A. M. Tsirin [et al.]; ed. by T. Ya. Khabrieva. Moscow: Prospekt Publ., 2024. 144 p. (In Russ.)
10. Kozlova E. B. Measures to popularize anti-corruption behavior in the framework of the educational process. *Justice*, 2016, no. 3, pp. 37–51. (In Russ.)
11. Kabanov P. A. Anti-corruption agitation as an informational means of countering corruption: concept and content. *Administrative and municipal law*, 2014, no. 2, pp. 178–185. (In Russ.)
12. Gorshenkov G. N. Anti-corruption propaganda: concept and content. *Actual problems of economics and law*, 2010, no. 4, pp. 39–46. (In Russ.)
13. Kabanov P. A. The concept and content of anti-corruption propaganda as a legal category in the Russian regional anti-corruption legislation. *Administrative and municipal law*, 2013, no. 9 (69), pp. 878–884. (In Russ.)
14. Kabanov P. A. Anti-corruption propaganda as a tool for combating corruption in the Republic of Tatarstan: issues of improving the quality of legal regulation. *Law and politics*, 2013, no. 9, pp. 1130–1138. (In Russ.)
15. Mikhalap E. V., Priymak L. O. Anti-corruption propaganda. *Internauka*. 2023, no. 43-3 (313), pp. 41–42.
16. Makarova E. E. Popularization of science on the Internet: content, forms, development trends. *Bulletin of the Moscow University*. Ser. 10. Journalism, 2013, no. 2, p. 102. (In Russ.)
17. Meeting of the Presidential Council for Science and Education on February 8, 2024. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73737> (accessed 03.04.2024). (In Russ.)
18. Poskett J. The non-Western history of science: Discoveries that we did not know about / translated from English by Moscow: Alpina Publ., 2024. p. 356. (In Russ.)
19. See also Medvedev Yu. They will decode it by letter. 100,000 Russians will receive genetic passports. *Rossiyskaya gazeta*. 2024. April 17th. (In Russ.)
20. Mammadov N. Corrupt thinking as a natural scientific phenomenon. The biopsychic qualities of Homo sapiens do not disappear with the strengthening of social qualities in him. *Nezavisimaya Gazeta*. 2024. April 10. (In Russ.)
21. Kabanov P. A. Legal regulation of stimulating the activities of independent experts authorized to conduct anti-corruption expertise in the Russian Federation: problems and prospects. Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space. 2020. Vol. 1. No. 9. pp. 158–164. (In Russ.)
22. Kabanov P. A. International legal bases for stimulating (encouraging) anti-corruption behavior in the Russian Federation // Issues of implementation of the state policy in the field of anti-corruption: collection of materials of scientific and practical conference. (Kazan, November 8, 2019) / under the general editorship of F. R. Khisamutdinov; comp. A. A. Khaidarov; Kazan. Jurid. in-t (phil.) The University of Pro-curation grew. Federation. Moscow, 2020. pp. 36–39. (In Russ.)
23. Kabanov P. A. Stimulation of the implementation of the state anti-corruption policy in the subjects of the Russian Federation included in the Far Eastern Federal District: an analytical report. Kazan: Publishing house "Cognition" of Kazan Innovation University, 2021. 91 p. (In Russ.)
24. Baranov V. M. "Positive legal responsibility": controversial concept, imaginary practice, virtual technique: monograph. Moscow: Blok-Print Publ., 2022. pp. 137–142. (In Russ.)
25. Baranov V. M. Incentive norms of Soviet socialist law: monograph. Saratov: Publishing House of the SSU, 1978. 146 p. (In Russ.)
26. On approval of the professional standard "Specialist in the field of prevention of corruption offenses: order of the Ministry of Labor of the Russian Federation no. 472n of August 8, 2022. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed 09.09.2022). (In Russ.)
27. On Amendments to the Federal Law "On the basics of tourism activity in the Russian Federation" and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation no. 63-FZ of March 23, 2024. *Rossiyskaya Gazeta*. 2024 March. 27. (In Russ.)
28. Bikeev I. I., Kabanov P. A. Anti-corruption planning: theoretical foundations and legal regulation in the subjects of the Russian Federation. Kazan: Publishing house "Cognition", 2021. 328 p. (In Russ.)

29. Legal technique. 2022. No. 16: Materials of the XXIII International Scientific and Practical Forum "Yurtechnetics" on the topic "Law-making expertise (doctrine, practice, technique)" (Nizhny Novgorod, September 22-25, 2021) / editor-in-chief Prof. V. M. Baranov. Nizhny Novgorod: UNICOPI Publ., 2022. 686 p. (In Russ.)

30. Zaloilo M. V. Modern problems of anti-corruption expertise of normative legal acts and their projects. Automation and digitalization of the process // Anti-corruption and digitalization processes: a scientific and practical guide / Y. V. Truntsevsky, A. M. Tsirin, E. V. Cherepanova, etc. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infotropik Media Publ., 2023. pp. 122–139. (In Russ.)

31. Kabanov P. A., Sadeev M. M. Victimology of corruption as a private victimological theory: concept, subject and some tasks related to providing assis-

tance to victims of corruption. *Investigator*, 2008, no. 5, pp. 43–46. (In Russ.)

32. Garipov I. M. Victimological characteristics of criminal corrupt behavior in the Republic of Tatarstan (results of statistical observation for the period 2007–2009). *Actual problems of economics and law*, 2010, no. 4, pp. 31–38. (In Russ.)

33. Garipov I. M. Victimological direction of influence on criminal corrupt behavior: concept and general characteristics. *Current problems of economics and law*, 2011, no. 4, pp. 34–37. (In Russ.)

34. Balyasov D. S., Gordoplov Yu. V., Petrova V. Yu. Victimological prevention of corruption. *Issues of Russian and international law*, 2022, vol. 12, no. 9-1, pp. 450–460. (In Russ.)

35. Lenin A. Don't let your husband steal. In China, the wives of officials began to warn about corruption. *Rossiyskaya Gazeta*. 2024. April 10th. (In Russ.)

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника», член Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции;

П. А. Кабанов — доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, член рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции по взаимодействию со структурами гражданского общества.

Information about the authors

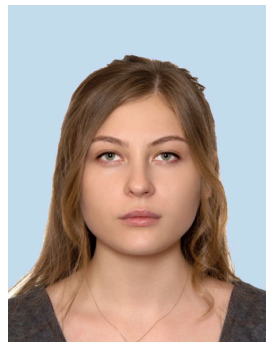
V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activity, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center "Legal Technology";

P. A. Kabanov — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Anti-Corruption Research Institute of Kazan Timiryasov Innovation University, member of the working group of the Presidium of the Presidential Council under the President of the Russian Federation for Combating Corruption on interaction with civil society structures.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-29-35>

О некоторых идеях относительно правотворчества современных отечественных исследователей

Дробышевский Сергей Александрович¹, Красовская Наталья Сергеевна²

^{1,2}Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹sergiidrobicevski@gmail.com

²nat.kras06@gmail.com

Аннотация. На базе осмысления ряда опубликованных в российских юридических изданиях суждений сформулированы полезные для теории и практики правотворчества выводы. В частности, во-первых, некорректно представление, что суть правотворчества есть «поиск права». Ведь до правотворчества права еще нет. Во-вторых, ошибочно следующее умозаключение: «Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются. Появляются все новые и новые группы отношений, в том числе складывающиеся в виртуальном пространстве, которые не урегулированы правом. В итоге правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений. Пока правотворческие органы обратят внимание на появление новой группы общественных отношений, предпримут усилия по разработке, обсуждению и принятию нормативного правового акта, отношения, складывающиеся под воздействием цифровизации, снова изменятся. В этих условиях процессы цифровизации приводят к тому, что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер. Многие принимаемые нормативные акты устаревают уже в тот момент, когда они вступают в силу». Аргументация в пользу ошибочности приведенного умозаключения очевидна. Если «все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются», то не может быть и речи о том, что «правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений», и абсурдно заявлять, «что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер». В-третьих, отсутствуют и не предвидятся следующие выделенные в юридической литературе последствия цифровизации. «Возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности». Причина нынешнего отсутствия и невероятности наступления таких последствий проста. Нет и никогда не сложатся условия, а именно отставание правотворчества «от темпов развития общественных отношений» и «догоняющий характер» правотворческой деятельности, вызывающие к жизни упомянутые последствия.

Ключевые слова: право, правотворчество, формальный источник права, культура правотворчества, правообразование, правоустановление, цифровизация общественных отношений, догоняющий характер правотворчества

Для цитирования: Дробышевский С. А., Красовская Н. С. О некоторых идеях относительно правотворчества современных отечественных исследователей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 29–35. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-29-35>.

© Дробышевский С. А., Красовская Н. С., 2024

Original article

On some ideas regarding lawmaking of modern domestic researchers

Sergey A. Drobyshevsky¹, Natalya S. Krasovskaya²

^{1,2}Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹sergiidrobicevski@gmail.com

²nat.kras06@gmail.com

Abstract. Based on the understanding of a number of judgments from Russian legal publications, conclusions useful for the theory and practice of lawmaking are formulated. In particular, firstly, it is incorrect to imagine that the essence of law-making is the “search for law”. After all, there is no law before law-making. Secondly, the following conclusion is erroneous. “The digitalization of public relations leads to the fact that all processes in society, including the legal sphere, are accelerated many times. There are more and more new groups of relationships, including those developing in the virtual space, which are not regulated by law. As a result, lawmaking is increasingly lagging behind the pace of development of public relations. While law-making bodies pay attention to the emergence of a new group of public relations, make efforts to develop, discuss and adopt a normative legal act, the relations that develop under the influence of digitalization will change again. In these conditions, the processes of digitalization lead to the fact that law-making becomes irreversibly catching up. Many of the adopted regulations become outdated already at the moment when they come into force”. The argument in favor of the fallacy of the above conclusion is obvious. If “all processes in society, including the legal sphere, are repeatedly accelerated”, then there can be no question that “law-making is increasingly lagging behind the pace of development of public relations”, and it is absurd to declare “that law-making is becoming irreversibly catching up”. Thirdly, the following consequences of digitalization highlighted in the legal literature are missing and are not expected. “There is a tendency to reduce the role of legal acts in regulating public relations, to the possible emergence of new, as yet unknown regulatory systems, including, possibly, quasi-legal regulators. Such a trend may lead to the loss of its role by legal acts, which will also affect law-making activities”. The reason for the current absence and improbability of such consequences is simple. There are no and never will be conditions, namely the lag of law-making “from the pace of development of public relations” and the “catching up nature” of law-making activities, which cause mentioned consequences.

Keywords: law, lawmaking, formal source of law, culture of lawmaking, creation of law, establishment of law, digitalization of public relations, catching up nature of lawmaking

For citation: Drobyshevsky S. A., Krasovskaya N. S. On some ideas regarding lawmaking of modern domestic researchers. *Legal science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 29–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-29-35>.

Как известно, в нынешней России несовершенство практики правотворчества стало притчей во языцех [1, с. 100]. Притом очевиден факт, что указанное несовершенство практики частично обусловлено усвоением соответствующими практиками при их обучении правоведению идей из современной российской юридической теории.

В ней же пока имеется много того, что требует доработки. Речь идет, среди прочих вещей, об осмыслении связи правотворчества с формальными источниками права, соотношении правотворчества, правообразовании и правоустановлении предмета правотворческой деятельности в обществе, степени участия сознания участников суверенной власти в правотворчестве, сути правотворческой деятельности, влияния на правотворчество цифровизации.

Сама необходимость доработки идей по выделенной проблематике объясняется хотя бы следующим: выдвинутые теоретические

представления по каждой теме из упомянутых логически противоречат друг другу. И так как есть научные доводы в пользу того, чтобы одни из них считать верными, а другие – нет, то подобного рода аргументы следует привести для того, чтобы они были известны и теоретикам, и практикам правового регулирования. По крайней мере, без этого нельзя рассчитывать на улучшение правотворческой теории и практики.

Попытка такой доработки предпринята в последующем изложении. Теоретической базой этих усилий стало понимание права как системы норм, установленных в обществе суверенной властью. Методами явились наблюдение, выступающее как изучение соответствующей юридической литературы, а также анализ, синтез, сравнение, противопоставление, формально-логическое умозаключение. Потребовалось также обратиться к свойственному правоведению понятийному аппарату этой отрасли знания.

В результате применения указанных методов стало ясным следующее. С почти всеми дальше приведенными опубликованными идеями по выделенной проблематике современных отечественных авторов невозможно согласиться по вполне конкретным основаниям. Последние также далее приведены. Причем сделана попытка каждому неверному суждению противопоставить верное.

Если обратиться к первой из упомянутых идей, то В. А. Сапун и Я. В. Турбова заметили, что «правотворчество... приводит к созданию основных источников права» [2, с. 679]. Едва ли это суждение соответствует действительности. Право существует только как совокупность его формальных источников. Отсюда ясно, что результатом правотворчества являются все формальные источники права без какого-либо исключения.

Притом они, по крайней мере в России, выступают в обычной, а не в цифровой форме даже в условиях современности, а не только в истории. Не случайно, рассуждая о нынешних отечественных государственных и муниципальных информационных системах, Р. В. Амелин заявил следующее: «Потенциальная проблема заключается именно в том, что фактическое использование системы в качестве средства регулирования общественных отношений (т. е. источником права) *de facto* не подкрепляется признанием этого статуса *de jure*. В результате закрепленные в коде системы правила не могут приобрести легитимность через легальность, а на правосознание пользователей влияет убеждение, что закон не требует того, что хочет от него система. Принципиальное решение обозначенных проблем видится в системном и органичном включении правил (возможностей и ограничений), заданных в программном коде государственных и муниципальных информационных систем (далее — ИС), в систему права. Этого можно достичь либо действенными мерами, разработав соответствующие интегрирующие положения (например, приняв закон о государственных информационных системах (далее — ГИС) и определив в нем правовой режим требований, проистекающих из работы этих систем), либо утверждением таких требований в качестве правовых норм, а также программного кода, объективирующего эти требования, — в качестве формы (источника) права и распространением на процесс создания и внедрения в государственные и муниципальные ИС принципов и механизмов, характерных для законотворческого процесса. Основное

значение будут иметь следующие принципы: законность (соответствие требований, зафиксированных в государственных и муниципальных информационных системах (далее — ГМИС) нормативных правовых актов, согласованность их между собой и с требованиями иных ГМИС; открытость исходного кода; общественное обсуждение технического задания и проектной документации ГМИС, экспертиза соответствия фактического кода проектной документации; наличие правового механизма отказа от некорректно работающей (в том числе не соответствующей законодательству) информационной системы» [3, с. 13–14].

По поводу соотношения правотворчества и формальных источников права имеется еще одна теоретическая позиция. Как пишет В. С. Афанасьев, «процесс, в рамках которого появляются законы и иные нормативные правовые акты,... в литературе обычно называют правотворчеством» [4, с. 4; 5, с. 319].

Это теоретическое представление не может быть признано верным. Так, обстоят дела по той же причине, по какой некорректна изложенная идея В. А. Сапуна и Я. В. Турбовой: правотворческая деятельность является процессом по созданию всех формальных источников права.

Нередко правотворчество отграничивают от правообразования. Скажем, по словам В. С. Афанасьева, «следует говорить о правообразовании, то есть процессе первоначального зарождения норм права в общественных отношениях до их закрепления в законе» [4, с. 5].

Нужно заметить, что до указанного «закрепления» отсутствуют нормы права, вопреки мнению В. С. Афанасьева. Нормы становятся правовыми лишь в итоге такого «закрепления». На этом основании выделять правообразование или зарождение права до правотворчества некорректно, равно как и писать о том, что «последовательную смену этих двух процессов: правообразования и правотворчества, имеющих общий результат... можно назвать правоустановлением» [4, с. 5] как «единый процесс возникновения норм права от их зарождения в реальных общественных отношениях до закрепления в соответствующих нормативных правовых актах» [4, с. 5].

В научной литературе изложена следующая идея. «В ходе развития общества возникают новые, не урегулированные правом отношения людей. Первоначально они принимают различную форму, но постепенно в поведении субъектов этих отношений закрепляются наиболее удобные и выгодные для них формы. Эти варианты

поведения становятся привычными, постепенно формируются определенные правила, которые получают всеобщее признание. Именно эти правила признаются государством и в дальнейшем закрепляются им в нормативно-правовых актах в качестве общеобязательных» [4, с. 5].

Едва ли эта идея является верной. Ведь суверенная власть не формулирует правила в качестве правовых норм, которые и без таких ее усилий «получают всеобщее признание», то есть реализуются всеми членами общества.

Что касается возможностей упомянутой власти при правотворчестве, то она, как правильно замечено В. С. Афанасьевым, «не безгранична» [4, с. 4]. Скажем, она ограничена рамками способностей адресатов права осуществлять юридические предписания.

Во всех случаях правотворчество выступает сознательной деятельностью представителей суверенной власти в обществе. Ведь сознательный характер имеет все социальное управление, частью которого является правотворчество.

Правда, есть и иного рода суждения о правотворческой деятельности. Согласно одному из них, «большинство норм права в отношении людей формируются стихийно» [4, с. 6]. Причем отмечено, что «происходит это следующим образом.

Первоначально под воздействием всей системы факторов в ходе социального развития возникают новые общественные отношения, приобретающие массовый характер. Сначала люди действуют по-разному, выбирая свой вариант поведения, но поскольку они живут в одинаковых социальных условиях и стараются действовать наиболее удобными для себя экономичными способами и в то же время согласовывать свои действия с другой стороной общественного отношения, то число избираемых вариантов поведения постепенно уменьшается. И, наконец, наибольшее распространение получает какое-то одно единое правило поведения. Такие правила могут принимать различный характер (например, нормы морали, обычаи и др.). Они большинством людей признаются и принимаются, то есть становятся легитимными» [4, с. 6].

В только что приведенной цитате отсутствует доказательство того, что «большинство норм права в отношениях людей формируются стихийно». Вдобавок и сам автор последней идеи ее опровергает.

Он это делает, сначала утверждая, а затем отрицая более общее суждение, чем только что приведенное. В самом деле, авторская логика

такова. «Право... формируется независимо от воли законодателя... Возникая из других социальных норм, право становится «правом» в собственном смысле лишь тогда, когда его признает государство в лице суда или иных компетентных органов» [4, с. 8].

Юридические правила не всегда возникают из неюридических. Однако в случае наличия неправовой нормы, которая может быть сделана правовой, это стоит осуществить при необходимости принятия последней. Ведь так поступать легче, чем изобретать для юридических нужд специальное правило.

Относительно сути правотворческой деятельности сделано такое замечание. «Цифровизация и развитие иных высоких технологий бросают вызов культурным ценностям, коренным условиям человеческого существования, независимо от его принадлежности к той или иной культуре... Законодатель (субъект правотворчества) уже не выступает как естественный испытатель. Если ранее его задача заключалась в том, чтобы «видеть право в самой действительности... воплотить в законе объективные потребности общественного развития» [6, с. 9], то теперь правотворчество не сводится к простому познанию общественных отношений, но является предугадыванием, конструированием реальности. Таким образом, в понимании сути правотворчества происходят качественные изменения (от поиска права и отражения его в принимаемых нормах до конструирования, преобразования действительности)» [7, с. 70–71].

Следует отметить, что никогда «правотворчество не сводится к простому познанию общественных отношений», оно всегда «является предугадыванием, конструированием реальности». Суть правотворчества не может определяться как «поиск права» хотя бы потому, что до правотворчества права еще нет. И если последнее присутствует, то это результат именно правотворчества как создания или, выражаясь иначе, творчества права, его «предугадывания» и «конструирования».

Иначе и быть не может на протяжении всей истории правового регулирования. Ведь всегда в ней неизменно противостоят друг другу две вещи: отсутствие права и его наличие. Притом наличие является итогом создания права из неправа, то есть творческой деятельности человека.

Несмотря на то, что правовое регулирование, как правило, характеризуется его индивидуализацией, в юридической литературе присутствует следующая идея. Происходящая в ходе цифровизации современная «трансформация

культуры правотворчества» [7, с. 68] предполагает среди прочих вещей «переход от нормативности к индивидуализации правового регулирования» [7, с. 68].

Едва ли это так. В случае реализации только что цитированной идеи правового регулирования больше не будет, ибо оно во всех случаях есть нормативное регулирование. Да и правотворчества тоже не останется. Ведь таковое представляет собой создание именно норм, хотя и специфических, а именно правовых. В итоге цитируемая «трансформация культуры правотворчества» обернется уничтожением последней, что, разумеется, не имел в виду автор обсуждаемой идеи. По его представлениям, культура правотворчества будет продолжаться в условиях цифровизации. В них речь идет лишь о «трансформации... культуры правотворчества» [7, с. 67].

Применительно к цифровизации в юридической литературе сформулировано такое умозаключение: «Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются. Появляются все новые и новые группы отношений, в том числе складывающиеся в виртуальном пространстве, которые не урегулированы правом. В итоге правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений. Пока правотворческие органы обратят внимание на появление новой группы общественных отношений, предпримут усилия по разработке, обсуждению и принятию нормативного правового акта, отношения, складывающиеся под воздействием цифровизации, снова изменятся. В этих условиях процессы цифровизации приводят к тому, что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер. Многие принимаемые нормативные акты устаревают уже в тот момент, когда они вступают в силу» [8, с. 233].

Изложенное умозаключение является противоречивым. Ведь если «все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются», то не может быть и речи о том, что «правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений» и абсурдно заявлять, «что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер».

Вот почему следует отвергнуть как критикуемое умозаключение, так и многочисленные ему подобные – более или менее обширные. Скажем, неправ Д. А. Пашенцев, написавший следующее. В условиях цифровизации «под воздействием мощных информационных потоков

общественные отношения меняются так быстро, что право не успевает вовремя реагировать на эти изменения. В итоге наблюдается такой феномен, как прогрессирующее отставание правовых норм от потребностей реальной жизни» [9, с. 134]. Неправы также и по той же причине И. Д. Ягофарова [10, с. 10], А. А. Арнаутова [11, с. 33] и Д. В. Карпец [12, с. 305].

Как заметил последний исследователь, из трех только что отмеченных, «в этих условиях» [12, с. 305], то есть тогда, когда «правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений» [12, с. 305], по его словам, «возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности» [12, с. 305; 13, с. 5–16].

Однако поскольку упомянутых Д. В. Карпцом, а именно «этих условий» нет, то отсюда ясен такой вывод. Отсутствуют и указанные названным автором последствия из них, о которых раньше Д. В. Карпеца писали Д. А. Пашенцев и М. В. Залоило. Д. А. Пашенцев и М. В. Залоило заявляли, что в условиях догоняющего характера «правотворческой деятельности... возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов [авторы сослались на работу: 13, с. 8]. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности» [8, с. 234].

Выводы проведенного исследования таковы. Во-первых, результатом правотворчества являются все формальные источники права без какого-либо исключения. Сама правотворческая деятельность является процессом по их созданию.

Во-вторых, идея о том, что право зарождается при правообразовании и затем при правотворчестве закрепляется в формальных источниках права, так что правообразование и правотворчество вместе есть правоустановление, некорректна.

В-третьих, предметом правотворческой деятельности в обществе не являются правила, которые получили всеобщее признание его членов, то есть претворяются в жизнь всеми этими людьми.

В-четвертых, правотворчество никогда не представляет собой стихийный процесс. Оно во всех случаях выступает сознательной деятельностью представителей суверенной власти в обществе.

В-пятых, никогда «правотворчество не сводится к простому познанию общественных отношений», оно всегда «является предугадыванием, конструированием реальности». Суть правотворчества не может определяться как «поиск права» хотя бы потому, что до правотворчества права еще нет. И если последнее присутствует, то это результат именно правотворчества как создания или, выражаясь иначе, творчества права, его «предугадывания» и «конструирования». Иначе и быть не может на протяжении всей истории правового регулирования. Ведь всегда в ней неизменно противостоят друг другу две вещи: отсутствие права и его наличие. Притом наличие является итогом создания права из неправа, то есть творческой деятельности человека.

В-шестых, происходящая в ходе цифровизации современная трансформация культуры правотворчества не предполагает переход от нормативности к индивидуализации правового регулирования. Правовое регулирование не может не быть нормативным по самой своей сути.

В-седьмых, ошибочно следующее умозаключение: «Цифровизация общественных отношений приводит к тому, что все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются...» [8, с. 233].

Причина ошибочности этого умозаключения такова. Если «все процессы в обществе, включая правовую сферу, многократно ускоряются», то не может быть и речи о том, что «правотворчество все больше отстает от темпов развития общественных отношений», и абсурдно заявлять, «что правотворчество приобретает необратимо догоняющий характер».

В-восьмых, отсутствуют следующие выделенные в юридической литературе последствия цифровизации. «Возникает тенденция к снижению роли правовых актов в регулировании общественных отношений, к возможному появлению новых, еще не известных регулятивных систем, в том числе, возможно, квазиправовых регуляторов. Такая тенденция может привести к утрате правовыми актами своей роли, что скажется и на правотворческой деятельности».

Разумеется, эти выводы не есть истина в последней инстанции. Однако в каждом из них присутствует рациональное зерно. Хочется надеяться, что верные суждения из указанных заключений будут восприняты теоретиками и

практиками правового регулирования и претворены в жизнь с пользой для отечественного, да и для зарубежного правотворчества.

Список источников

1. Румянцев М. Б. Понятие, виды и признаки правотворчества // Государство и право. 2017. № 4. С. 98–101.
2. Сапун В. А., Турбова Я. В. Правотворчество и законотворчество: стратегия и тактика формирования права и закона // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 679–682.
3. Амелин Р. В. Использование государственных информационных систем как форм (источников) права: перспективы и проблемы // Вестник Московского университета. 2021. № 4. С. 3–15.
4. Афанасьев В. С. Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 4–14.
5. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права: учебное пособие. Рекомендовано Советом по правоведению УМО университетов Российской Федерации. Москва: Издательский Дом "Инфра-М", 2003. 480 с.
6. Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. Москва: Юридическая литература, 1991. 160 с.
7. Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 65–72.
8. Пашенцев Д. А., Залоило М. В. Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 231–235.
9. Пашенцев Д. А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на правотворчество и правоприменение (постановка проблемы) // Российское государственное управление. 2018. № 4. С. 131–137.
10. Ягофарова И. Д. Цифровые технологии в правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Пролог: Журнал о праве. 2021. № 2. С. 4–10.
11. Арнаутова А. А. Цифровизация правотворческой деятельности // Электронный научный журнал «Век качества». 2019. № 2. С. 32–42.
12. Карпец Д. В. Влияние цифровых технологий на правотворческую деятельность государства // Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова: материалы конференций, 6 и 14 ноября 2020 года / отв. ред. и сост. М. Ю. Спирин; [науч. ред. С. Ю. Суменков, И. А. Кузьмин]. Иркутск: Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2021. 500 с.
13. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

References

1. Rumyantsev M. B. The concept, types and signs of lawmaking. *State and law*, 2017, no. 4, pp. 98–101. (In Russ.)
2. Sapun V. A., Turbova Ya. V. Lawmaking and lawmaking: strategy and tactics of the formation of law and the law. *Legal technique*, 2015, no. 9, pp. 679–682. (In Russ.)
3. Amelin R. V. Use of state information systems as forms (sources) of law: prospects and problems. *Bulletin of Moscow University*, 2021, no. 4, pp. 3–15. (In Russ.)
4. Afanasyev V. S. Law education and lawmaking. *Legal science and law enforcement practice*, 2008, no. 1 (4), pp. 4–14. (In Russ.)
5. Komarov S. A., Malco A. V. Theory of State and Law: Textbook. Recommended by the Council for Legal Studies of the UMO of Universities of the Russian Federation. Moscow: "Infra-M" Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
6. Kerimov D. A. Culture and technology of lawmaking. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1991. 160 p. (In Russ.)
7. Zaloilo M. V. Post-industrial culture of law-making: a new image of reality. *Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2022, no. 4, pp. 65–72. (In Russ.)
8. Pashentsev D. A., Zaloilo M. V. The impact of modern digital technologies on the content and nature of law-making activities: theoretical and legal aspect. *Legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (44), pp. 231–235. (In Russ.)
9. Pashentsev D. A. On the issue of the influence of digital technologies on law-making and law enforcement (formulation of the problem). *Russian State Studies*, 2018, no. 4, pp. 131–137. (In Russ.)
10. Yagofarova I. D. Digital technologies in law-making activity: theoretical and legal aspect. *Journal of Law*, 2021, no. 2, pp. 4–10. (In Russ.)
11. Arnautova A. A. Digitalization of law-making activity. *Century of quality*, 2019, no. 2, pp. 32–42. (In Russ.)
12. Karpets D. V. The influence of digital technologies on the law-making activity of the state / The second International Theoretical and Legal readings named after Professor N. A. Pyanov: Conference proceedings, November 6 and 14, 2020 / ed. and comp. M. Y. Spirin; [by ed. S. Y. Sumenkov, I. A. Kuzmin]. Irkutsk: Interregional Association of Theorists of State and Law, 2021. 500 p. (In Russ.)
13. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 5–16. (In Russ.)

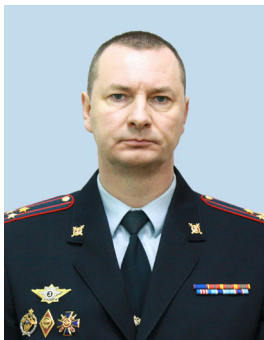
Информация об авторах

С. А. Дробышевский — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета;
Н. С. Красовская — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.

Information about the authors

S. A. Drobyshevsky — Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the department of theory and history of state and law, Institute of Law, Siberian Federal University;
N. S. Krasovskaya — senior lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute of the Siberian Federal University.

Научная статья
УДК 342.98
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-36-40>

Административно-юрисдикционные полномочия сотрудников образовательных организаций системы МВД России, привлекаемых к охране общественного порядка

Муравьев Михаил Викторович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, mmuraviev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные административно-правовые полномочия сотрудников учебных заведений системы МВД России при привлечении их к мероприятиям по охране общественного порядка, в том числе в сравнении с полномочиями сотрудников органов внутренних дел, не являющихся сотрудниками полиции, привлекаемых к выполнению тех же задач. Проводится сопоставление основных нормативных правовых актов, регламентирующих в настоящее время данное направление деятельности полиции, даются предложения по совершенствованию нормативного регулирования.

Ключевые слова: административно-юрисдикционные полномочия сотрудников полиции в сфере охраны общественного порядка; образовательные организации системы МВД России

Для цитирования: Муравьев М. В. Административно-юрисдикционные полномочия сотрудников образовательных организаций системы МВД России, привлекаемых к охране общественного порядка // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 36–40. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-36-40>.

Original article

Administrative and jurisdictional powers of employees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia involved in the protection of public order

Mikhail V. Muravev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, mmuraviev@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main administrative and legal powers of employees of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia when involving them in measures to protect public order, including in comparison with the powers of other officers, who are not police officers, involved in performing the same tasks. A comparison is made of the main departmental and legal regulations currently regulating this area of police activity, and proposals are made to improve legal regulation.

© Муравьев М. В., 2024

Keywords: administrative and jurisdictional powers of police officers in the field of public order; educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system

For citation: Muravev M. V. Administrative and jurisdictional powers of employees of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia involved in the protection of public order. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 36–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-36-40>.

Складывающаяся обстановка в стране, вызванная, прежде всего, проведением специальной военной операции на территории новых Российских регионов, предполагает мобилизацию всех сил и средств органов внутренних дел (далее — ОВД) по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Представляется, что не должны оставаться в стороне от выполнения данной задачи и образовательные организации системы МВД России, способные оказывать посильную помощь территориальным ОВД в местах своей постоянной дислокации, прежде всего в усилении наружных нарядов, несущих службу по охране общественного порядка в общественных местах. Кроме того, не следует забывать, что выполнение указанных обязанностей учащимися очной формы обучения является частью программы обучения [1–2].

Так, в 2023 году постоянный и переменный состав Нижегородской академии МВД России на ежедневной основе привлекался в Главное управление МВД России по Нижегородской области к несению службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, пресечению и раскрытию преступлений и иных правонарушений на территории Нижнего Новгорода [3]. В общей сложности за указанный период к данным мероприятиям привлечено 17 295 сотрудников.

Однако в целях правильного применения норм административного законодательства, не допущения нарушения законности, нарушения требований ведомственных приказов, а также исключения фактов превышения должностных полномочий со стороны сотрудников образовательных учреждений, привлекаемых к несению службы по охране общественного порядка, необходимо детально разобраться в возлагаемых на них обязанностях и предоставляемых им в этой связи правах.

Правовой статус сотрудников образовательных учреждений МВД России определен пунктом 9 статьи 25 ФЗ «О полиции» от 3 февраля 2011 года № 3-ФЗ (далее — Закон), в соответствии с которым сотрудники образовательных организаций МВД России считаются проходящими

службу в полиции [4]. Исходя из данного положения, следует, что на сотрудников образовательных организаций распространяются права и обязанности сотрудников полиции.

Сотрудникам полиции в целях реализации обязанностей в сфере обеспечения общественного порядка, предусмотренных статьей 12 Закона, предоставлен ряд прав (ч. 1 ст. 13 Закона) однако в соответствии с частью 3 статьи 13 Закона, порядок реализации данных прав, предоставленных полиции, определяется МВД России путем издания соответствующего нормативного акта [4].

Так, в целях конкретизации и уточнения полномочий сотрудников ОВД по составлению протоколов об административных правонарушениях (в соответствии со статьями 23.3, 28.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) и применению меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренной статьей 27.3 КоАП РФ (Административное задержание) издан приказ МВД России от 30 августа 2017 года № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» (далее — Приказ № 685).

Исходя из положений данного нормативного акта, должностные лица (как постоянный, так и переменный состав) образовательных учреждений системы МВД России не правомочны осуществлять названные выше функции [5]. Также можно сделать вывод о том, что указанные должностные лица не вправе осуществлять и иные процессуальные действия по делу об административном правонарушении.

В соответствии с требованиями пунктов 4–5 статьи 5 и статьи 27 Закона любой сотрудник полиции (сотрудник постоянного и переменного состава образовательного учреждения МВД России) в случае обращения к нему гражданина или выявления факта противоправного деяния (нахождения лица в опасности) обязан предпринять первоочередные меры

административного реагирования, а также оказать помощь пострадавшим [4].

Возложенным на сотрудников полиции обязанностям корреспондируют ряд прав, закрепленных в статье 28 Закона, также распространяющихся абсолютно на каждого сотрудника полиции [4]. Отметим, что данные права связаны в основе своей с применением мер административного предупреждения и пресечения и не носят процессуального характера.

Однако, рассматривая данный аспект правового статуса сотрудников полиции, хотелось бы обратить особое внимание на пункт 4 статьи 28 Закона, который прямо предусматривает возможность любого сотрудника полиции, по сути, реализовывать меру обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренную статьей 27.2 КоАП РФ «Доставление» [4]. Однако по смыслу части 4 статьи 28.1 КоАП РФ составление протокола о применении данной меры обеспечения является актом возбуждения дела об административном правонарушении, который в соответствии с частью 3 той же статьи оформляют должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях [6], к которым, как уже было указано, в силу приказа № 685 не отнесены сотрудники образовательных учреждений системы МВД России [5]. Таким образом, под доставлением, осуществляемым сотрудниками образовательных учреждений системы МВД России в соответствии со статьей 28 Закона следует понимать лишь фактическое перемещение, препровождение лица в территориальный ОВД, без составления процессуального документа – протокола доставления, а только передача правонарушителя уполномоченным должностным лицам ОВД для дальнейшего процессуального оформления.

В соответствии с положениями ведомственных нормативных актов, сотрудники образовательных учреждений не наделены полномочиями в сфере осуществления мероприятий по профилактике противоправных деяний, соответственно, не вправе применять такие административно-предупредительные меры, как, например, объявление официального предупреждения о недопустимости антиобщественного поведения [7].

В свете затронутой темы также уместно упомянуть о возможности привлечения к мероприятиям по охране общественного порядка сотрудников ОВД, не являющихся сотрудниками полиции (например, сотрудников внутренней службы, сотрудников юстиции, которые также

могут являться слушателями образовательных учреждений системы МВД России, а также стажеров).

В соответствии со статьей 32 Закона привлечение данной категории сотрудников ОВД к исполнению обязанностей полиции, в том числе по охране общественного порядка, допускается в порядке, определенном приказом МВД России. В данном случае на них распространяются обязанности, права и ответственность сотрудников полиции [4].

Приказом № 685 определены также полномочия должностных лиц системы МВД России, не являющихся сотрудниками полиции, а также стажеров, привлекаемых к выполнению обязанностей полиции. Согласно пункту 4 приложения № 1 данного приказа указанные сотрудники наделены правом в пределах компетенции, установленной КоАП РФ, документировать только составы правонарушений, предусмотренных главами 6, 18, 19, 20 КоАП РФ [5].

Согласно приказу МВД России от 15 августа 2011 года № 942 «О порядке привлечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, не являющихся сотрудниками полиции, а также стажеров к выполнению обязанностей, возложенных на полицию» при привлечении стажеров к выполнению обязанностей, возложенных на полицию, право составления протоколов об административных правонарушениях при этом им не предоставляется [8], что, безусловно, указывает на наличие взаимно исключających положений в указанных выше приказах.

Исходя из содержания вышеназванных нормативных актов, можно сделать вывод, что сотрудники ОВД, не являющиеся сотрудниками полиции, при привлечении их к охране общественного порядка наделены значительно большими административно-юрисдикционными полномочиями, в сравнении с некоторыми должностными категориями полиции, в случае привлечения их к данным мероприятиям (сотрудниками образовательных организаций системы МВД России, сотрудниками подразделений по работе с личным составом, сотрудниками комендантских подразделений и др.).

Анализ действующих правовых норм и подзаконных нормативных актов позволяет прийти к выводу, что в настоящее время сотрудники образовательных учреждений системы МВД России при привлечении к мероприятиям по охране общественного порядка должны регламентироваться исключительно положениями статей 5, 27–28 Закона, не вторгаясь при этом

в административно-процессуальную юрисдикцию ОВД.

Можно сделать вывод о том, что приказы МВД России в данной сфере, ввиду наличия указанных выше противоречий, нуждаются в корректировке и уточнении, также целесообразна проработка вопроса о возможности наделения всех сотрудников МВД России, имеющих специальное звание полиции, полномочиями в сфере возбуждения дел об административных правонарушениях в объеме и порядке, предусмотренном пунктом 4 приложения № 1 приказа МВД России от 30 августа 2017 года № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание», а также приказом МВД России от 15 августа 2011 года № 942 «О порядке привлечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, не являющихся сотрудниками полиции, а также стажеров к выполнению обязанностей, возложенных на полицию».

Список источников

1. Об утверждении Особенности организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, Особенности организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 19 сентября 2022 года № 691. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.04.2024).

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.04.2024);

3. Информация об участии сотрудников и обучающихся образовательной организации в мероприятиях по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности; пресечении и раскрытии преступлений и иных правонарушений. URL: <https://на.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/rubric/8026/> (дата обращения: 20.04.24).

4. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.04.2024).

5. О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание: приказ МВД России от 30 августа 2017 года № 685. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.04.2024).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.04.2024).

7. О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официально-предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения: приказ МВД России от 4 марта 2020 года № 119. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.04.2024).

8. О порядке привлечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, не являющихся сотрудниками полиции, а также стажеров к выполнению обязанностей, возложенных на полицию: приказ МВД России от 15 августа 2011 года № 942. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.04.2024).

References

1. On approval of the Features of the organization and implementation of educational activities in educational programs of secondary vocational education, bachelor's programs, specialty programs, master's programs, additional professional programs and basic vocational training programs, Features of the organization and implementation of methodological and scientific (research) activities in the field of personnel training in the interests of ensuring law and order, as well as the activities of federal government organizations carrying out educational activities and being under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation no 691 of September 19, 2022. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.04.2024). (In Russ.)

2. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law no 342-FZ of November 30, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.04.2024). (In Russ.)

3. Information on the participation of employees and students of an educational organization in activities to protect public order and ensure public safety; suppression

and detection of crimes and other offenses. URL: <https://na.mvd.rf/Press-sluzhba/Novosti/rubric/8026/>. (accessed 20.04.2024). (In Russ.)

4. On the Police: federal law no 3-FZ of July 2, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.04.2024). (In Russ.)

5. On officials of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation authorized to draw up protocols on administrative offenses and carry out administrative detention: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 685 of August 30, 2017. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.04.2024). (In Russ.)

6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal law no 195-FZ of December 30, 2001. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.04.2024). (In Russ.)

7. On some issues of the announcement by the internal affairs bodies of the Russian Federation of an official warning (warning) about the inadmissibility of actions that create conditions for the commission of crimes, administrative offenses, the resolution of which falls within the competence of the police, or the inadmissibility of continuing antisocial behavior: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 119 of March 4, 2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.04.2024). (In Russ.)

8. On the procedure for attracting employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation who are not police officers, as well as trainees to perform the duties assigned to the police: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no 942 of August 15, 2011. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.04.2024). (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Муравьев — кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности ОВД Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

M. V. Muravev — candidate of sciences (law), associate professor department of administrative activities of internal affairs bodies Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-41-46>

Полномочия суда апелляционной инстанции по гражданским делам в современных условиях состязательности

Симагин Антон Сергеевич

Нижегородский областной суд, Нижний Новгород, Россия, antonsimagin@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется такой значимый элемент российской судебной системы, как суды апелляционной инстанции по гражданским делам, и реализуемые ими полномочия. Дается общая оценка той роли, которую играют апелляционные суды, раскрывается содержание термина «полномочия суда апелляционной инстанции». Рассматриваются различные доктринальные точки зрения по вопросу классификации полномочий суда апелляционной инстанции.

Автор говорит о том, что все полномочия судов апелляционной инстанции делятся на три крупные категории, включающие в себя процессуальные, контрольно-предупредительные и организационно-методические полномочия. Другая типологизация полномочий предполагает их разделение на инициативные и условно-инициативные, а также на общие и частные полномочия.

Особое внимание уделяется вопросу, касающемуся полномочий суда апелляционной инстанции по гражданским делам в современных условиях, трансформации принципа состязательности. Устанавливается, что в настоящее время в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации закреплён ограниченный перечень таких полномочий.

Ключевые слова: производство в суде апелляционной инстанции, суд апелляционной инстанции, суд апелляционной инстанции по гражданским делам, полномочия суда апелляционной инстанции, апелляционная жалоба, апелляция, состязательность

Для цитирования: Симагин А. С. Полномочия суда апелляционной инстанции по гражданским делам в современных условиях состязательности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 41–46. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-41-46>.

Original article

The powers of the court of appeal in civil cases in modern conditions of competition

Anton S. Simagin

Nizhny Novgorod Regional Court, Nizhny Novgorod, Russia, antonsimagin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes such an important element of the Russian judicial system as the courts of appeal in civil cases and the powers they exercise. A general assessment of the role played by the courts of appeal is given, and the content of the term «powers of the court of appeal» is revealed. Various doctrinal points of view on the classification of the powers of the court of appeal are considered.

© Симагин А. С., 2024

The author says that all the powers of the courts of appeal are divided into three major categories, including procedural, control and preventive, and organizational and methodological powers. Another typologization of powers implies their division into initiative and conditional initiative, as well as into general and private powers.

Special attention is paid to the issue concerning the powers of the court of appeal in civil cases in modern conditions of transformation of the adversarial principle. It is established that currently the Civil Procedure Code of the Russian Federation establishes a limited list of such powers.

Keywords: proceedings in the court of appeal, the court of appeal, the court of appeal in civil cases, the powers of the court of appeal, appeal, appeal, competitiveness

For citation: Simagin A. S. The powers of the court of appeal in civil cases in modern conditions of competition. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), p. 41–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-41-46>.

Суд апелляционной инстанции (апелляционный суд) является важным элементом отечественной судебной системы. В различных существующих видах судебного процесса (гражданском, уголовном, административном, арбитражном) апелляционный суд осуществляет контрольную функцию в отношении актов, вынесенных судами первой инстанции. Первостепенная задача, возложенная на апелляционные суды, заключается в исправлении допущенных судами первой инстанции ошибок, а также обеспечение права на пересмотр дела.

Трудно переоценить ту роль, которую играют апелляционные суды в российской судебной системе. Функционирование апелляционной инстанции позволяет поддерживать ее независимость, контролировать правильность принятых нижестоящей судебной инстанцией решений, а также гарантировать достойную защиту прав и законных интересов сторон. Иными словами, апелляционный суд имеет большое значение для правового обеспечения судебного процесса, также гарантируя его независимость, состязательность и непрерывность.

Полномочия суда апелляционной инстанции определяются как комплекс прав и обязанностей, позволяющий совершать законодательно установленные процессуальные действия в отношении не вступивших в законную силу судебных актов, нуждающихся в проверке на основании направленных на рассмотрение апелляционных жалоб, представлений лиц, «принимающих участие в деле, а также лиц, не являющихся участниками, вопрос, касающийся прав и обязанностей которых, был разрешен в судебном порядке» [1, с. 50].

Учитывая множественность и многогранность таких полномочий, учеными предлагаются различные варианты их классификаций. Так, выделяют три основные группы полномочий:

— процессуальные (закрепленная процессуальным законодательством, принадлежащая суду апелляционной инстанции совокупность прав и обязанностей, позволяющая ему совершать процессуальные действия, связанные с пересмотром дела, проверкой решений, вынесенных судом первой инстанции актов, которые не вступили в свою законную силу);

— контрольно-предупредительные (осуществление контроля за принятием нижестоящей инстанцией законного решения и превенция нарушений, допускаемых судом первой инстанции);

— организационно-методические (комплекс мероприятий, направленных на обеспечение надлежащей организации работы судебной системы и создание качественного методического обеспечения судебной деятельности) [2, с. 76].

В зависимости от обусловленности полномочий суда апелляционной инстанции волей участников соответствующего судебного производства все полномочия делят на *инициативные* (их реализация судом апелляционной инстанции происходит по его собственной инициативе) и *условно-инициативные* (осуществляются по волеизъявлению иных участников апелляционного судебного производства). Исходя из пределов рассмотрения (объема проверки акта, вынесенного судом первой инстанции), выделяют *общие полномочия* (проверка производится исключительно в пределах доводов, приведенных в жалобе и только в обжалуемой части) и *частные полномочия* (инициативные полномочия, предполагающие проверку вне зависимости от доводов, которые приведены в жалобе) [3, с. 12].

Полномочия апелляционной инстанции по гражданским делам — это совокупность прав и обязанностей суда, рассматривающего направленную заявителем с целью рассмотрения

и дальнейшего удовлетворения апелляционную жалобу на судебный акт, принятый судом первой инстанции в гражданском процессе. Апелляционный суд наделен исключительными полномочиями по осуществлению руководства всей деятельностью, связанной с пересмотром первоначально принятого судебного акта. Он обладает правом своим апелляционным определением произвести отмену, корректировку или же оставить без изменения решение, вынесенное ранее.

Апелляционная инстанция в гражданском судопроизводстве дает сторонам возможность оспорить неправильное или несостоятельное решение, вынесенное нижестоящим судом. В качестве апелляционной инстанции, исходя из того, какой суд первоначально занимался разрешением спорной ситуации, в соответствии со статьей 320.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) может выступать: районный суд (в тех случаях, когда должно быть обжаловано решение, принятое мировым судьей); суд субъекта России или окружной (флотский) военный суд (если возникает необходимость обжаловать решения, вынесенные районными судами или гарнизонными военными судами); апелляционный суд общей юрисдикции (обжалуются решения, принятые судами субъектов Российской Федерации, выступающими в качестве первой инстанции); апелляционный военный суд (в них могут быть обжалованы решения, которые были вынесены окружными (флотскими) военными судами по первой инстанции); Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации (жалоба может быть направлена на решения, принятые Верховным Судом Российской Федерации, который выступает в качестве первой инстанции) [4].

Комплекс полномочий любого из названных апелляционных судов, а также порядок реализации ими соответствующих прав и обязанностей являются идентичными. Они регламентируются статьей 328 ГПК РФ и конкретизируются постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16) [5].

В соответствии со статьей 328 ГПК РФ комплекс *полномочий, реализуемых судом апелляционной инстанции*, образуют следующие действия:

— оставление без изменения решения, принятого судом первой инстанции, а также оставление направленной заявителем апелляционной жалобы (или направленного им представления) — без удовлетворения;

— аннуляция акта, вынесенного нижестоящей судебной инстанцией, или же его изменение (при этом акт может быть изменен полностью либо частично) с последующим принятием по поступившему на рассмотрение делу нового решения;

— аннуляция судебного акта, принятого первой инстанцией, прерывание производства по находящемуся на рассмотрении делу либо же оставление направленной заявителем жалобы без рассмотрения;

— оставление без рассмотрения по существу направленной апелляционной жалобы (указанное действие реализуется в том случае, если жалоба была подана с нарушением установленных сроков, а вопрос, связанный с восстановлением соответствующего срока, не был разрешен в судебном порядке).

Положения, содержащиеся в указанной норме, детализирующие полномочия суда апелляционной инстанции, по выраженному Верховным Судом Российской Федерации справедливому мнению, олицетворяют собой *гарантии процессуального характера, существование которых обусловлено необходимостью правильного рассмотрения и разрешения судами дел в рамках гражданского судопроизводства*. Их главной целью является обеспечение принятия законных и обоснованных решений, а также исправление допущенных органами судебной власти ошибок. В данной статье отечественным законодателем устанавливается закрытый перечень полномочий, реализуемых судом апелляционной инстанции на основании полученных в ходе рассмотрения дела в апелляционном порядке результатов [6].

Основанием, позволяющим реализовать апелляционным судом любое из обозначенных в статье 328 ГПК РФ полномочий, является анализ вынесенного судом первой инстанции подлежащего обжалованию судебного акта на предмет соблюдения правомерности и аргументированности в процессе его принятия. Необходимо отметить, что в тех случаях, когда оспаривается только какая-либо конкретная часть вынесенного судебного решения, именно она подлежит проверке. Тем не менее суд апелляционной инстанции для того, чтобы соблюсти интересы законности, обладает правом выйти за пределы направленной заявителем жалобы

и произвести полный анализ судебного акта (ст. 327.1 ГПК РФ).

Когда апелляционная инстанция делает вывод о том, что судебное решение, вынесенное первой инстанцией, является легитимным и обоснованным, принятый судебный акт сохраняется в своем первоначальном виде и вступает в правовую силу. В подобных ситуациях суд апелляционной инстанции отказывает в удовлетворении поданной апелляционной жалобы и выносит соответствующее определение.

Перечень оснований, при выявлении которых вынесенный судом первой инстанции акт подлежит отмене или изменению, ограничен и закреплен в статье 330 ГПК РФ. Такие основания делятся на две категории: порождающие безусловную отмену или корректировку первоначально принятого решения и не порождающие безусловное аннулирование либо изменение судебного акта.

В первую группу включены семь возможных допускаемых судом первой инстанции нарушений (например, изучение дела в нелегитимном составе; нарушение правил языка, используемого для ведения судопроизводства; несоблюдение правил протоколирования судебного заседания и др.). Для реализации апелляционным судом своих полномочий по отмене и изменению принятого первой инстанцией решения, неправомерные действия, относящиеся ко второй группе, должны напрямую отразиться на вынесении неверного судебного решения.

К обозначенной категории относятся такие нарушения, как некорректное применение норм материального права; некорректное установление обстоятельств, которые имеют существенное значение для находящегося на рассмотрении дела и т. д. В ситуациях, когда направленная заявителем апелляционная жалоба не рассматривается судом либо же производство по делу прерывается по закрепленным в статьях 220 и 222 ГПК РФ причинам, должно быть вынесено соответствующее определение, которое согласно части 5 статьи 329 ГПК РФ приобретает свою законную силу сразу после его принятия.

Изложенное свидетельствует о том, что реализация апелляционным судом полномочий, закрепленных в пункте 1 статьи 328 ГПК РФ, осуществляется тогда, когда суд нижестоящий не допустил в ходе рассмотрения дела каких-либо нарушений. Выполнение таких полномочий является наиболее желательным итогом с позиции обеспечения эффективности гражданского

судопроизводства, укрепления авторитета судебной власти.

При этом, если брать во внимание, что главная цель апелляционного суда заключается в проведении проверочных мероприятий в отношении судебных актов, вынесенных первой инстанцией для устранения допущенных ошибок в ходе рассмотрения и разрешения конкретного дела по существу, следует отметить, что все остальные из перечисленных в статье 328 ГПК РФ полномочий апелляционного суда направлены именно на аннулирование принятых первоначально судебных актов по каким-либо основаниям.

Право апелляционной инстанции, закрепленное в пункте 2 статьи 328 ГПК РФ, позволяющее ему произвести отмену судебного акта, вынесенного первой инстанцией полностью или частично, либо его корректировку и принять по конкретному делу новое решение, является наиболее объемным. Данное полномочие базируется на предоставленной апелляционному суду возможности перехода к рассмотрению конкретного дела по правилам так называемой полной апелляции. Иными словами, в таких случаях может быть инициирован встречный иск, привлечены третьи лица и т. п. Тем не менее в нынешних реалиях существует противоречие содержанию апелляционного производства [7, с. 37].

Дискуссионным по-прежнему остается вопрос, связанный с предоставлением апелляционной инстанции права на направление дела на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции. Отмечается, что «у лица появляется возможность по-другому оценивать значение национальной судебной системы, а также степень справедливости российского правосудия, что, очевидно, в полной мере соответствует задачам, характерным для гражданского судебного процесса» [8].

По нашему мнению, следует поддержать позицию, в соответствии с которой имеется насущная необходимость закрепить за судом апелляционной инстанции компетенции, в рамках которой у него будет возможность направлять дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение в определенных законом случаях. При этом «в число подобных случаев будут входить нарушения норм процессуального права, а также ходатайство, поданное одной из сторон, о передаче гражданского дела в конкретную судебную инстанцию и конкретному судье, к подсудности которых оно отнесено законом» [9, с. 22]. В число таких ситуаций может

также входит направление заявителем жалобы по заочно принятому решению, допущенные серьезные нарушения процессуальных норм и прочие случаи, когда «последствием рассмотрения дела судом апелляционной инстанции может стать подмена полномочий апелляционной инстанции полномочиями суда первой инстанции» [10, с. 20].

Полномочия апелляционного суда, зафиксированные в пункте 3 статьи 328 ГПК РФ, так же, как и предыдущие, предоставляют возможность отменить или изменить вынесенный судом первой инстанции акт. Однако данное нормативное положение предписывает осуществлять прекращение производства по делу либо оставление направленного заявления без рассмотрения (полностью или частично). Получается, что в указанном случае суд апелляционной инстанции не может принять новый судебный акт, поскольку нарушения, которые были допущены судом нижестоящей инстанции по объективным основаниям, исключают возможность рассмотрения по существу гражданского дела.

Апелляционная инстанция имеет право *прекратить производство по делу по различным причинам*. В их числе: рассмотрение судом нижестоящей инстанции дела, которое не могло быть рассмотрено и разрешено в суде, поскольку для его решения требовался иной судебный порядок; принятие судом первой инстанции к рассмотрению заявления, направленного с целью защиты прав, свобод и законных интересов лица, поданного от имени органа публичной власти, организации или гражданина, не наделенных таким правом; обнаружение апелляционным судом вступившего в свою законную силу аналогичного судебного решения либо вынесенного судом определения о прекращении производства по делу по причине выраженного истцом отказа от предъявленных ранее исковых требований или вследствие утверждения между сторонами мирового соглашения, а также наличия имеющего обязательный характер решения, вынесенного третейским судом (за исключением ряда случаев).

Апелляционный суд наделен правом по отмене принятого судом первой инстанции акта также тогда, когда в процессе апелляционного производства истец направит заявление об отказе от предъявляемых исковых требований или же между сторонами будет заключено мировое соглашение, а апелляционная инстанция, соответственно, произведет утверждение указанных распорядительных действий сторон.

Апелляционная инстанция имеет право *оставить заявление без рассмотрения*, если будут выявлены допущенные при принятии заявления судом первой инстанции ошибки (например, заявление было направлено недееспособным лицом; заявление подано без подписи или же было подписано лицом, которое не имело на это полномочий). Апелляционный суд также вправе не рассматривать направленное заявление тогда, когда суд первой инстанции невзирая на то обстоятельство, что истцом не был соблюден установленный федеральным законодательством или утвержденный в рамках договора досудебный порядок урегулирования споров, рассмотрел дело и принял по нему решение. Подобный исход влечет и выявление единовременного исследования одинаковых дел этим либо каким-то другим судом или обнаружение заключенного сторонами соглашения о разрешении спорной ситуации третейским судом [11, с. 307].

Установленное пунктом 4 статьи 328 ГПК РФ полномочие суда апелляционной инстанции предоставляет ему возможность оставить без рассмотрения по существу направленную заявителем апелляционную жалобу или апелляционное представление. В качестве основания, дающего возможность реализовать указанное полномочие, выступает пропуск предусмотренного действующим законодательством срока обжалования по апелляции и отсутствие решения по вопросу, связанному с восстановлением такого срока.

Подводя итоги, видится возможным говорить о том, что реализация определенных гражданским процессуальным законодательством, а именно статьей 328 ГПК РФ, полномочий, принадлежащих суду апелляционной инстанции по гражданским делам, которые обеспечивают гарантии справедливости, объективности, состязательности, обоснованности и легитимности выносимых судебных решений и защищают права, свободы, законные интересы сторон, зависит от многих факторов. Выполняя законодательно определенные полномочия, апелляционный суд фактически осуществляет имеющую в настоящее время особенное значение правозащитную деятельность в условиях трансформации принципа состязательности сторон.

Список источников

1. Шерстюк В. Полномочия апелляционной инстанции. Основания отмены решений // Хозяйство и право. 1997. № 4. С. 50–59.

2. Коршунов Ю. А. Полномочия апелляционных судов в судебной системе Российской Федерации // Юридическая наука. 2020. № 1. С. 76–80.

3. Байдаева Л. В. Реализация полномочий суда апелляционной инстанции в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 32 с.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 года № 137-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября.

5. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 16 // Российская газета. 2021. 2 июля.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сазоновой Елены Александровны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 327.1 и пунктом 1 статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 года № 379-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2024).

7. Борисова Е. А. Реформирование процессуального законодательства: настоящее и будущее // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 4. С. 36–41.

8. Поспелов Б. И. Спорные вопросы нового законодательного регулирования апелляционного производства в гражданском процессе // Юрист. 2011. № 6. С. 3–6.

9. Сыскова Е. Н. Проблемы совершенствования системы пересмотра судебных актов в гражданском судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 30 с.

10. Борисова Е. А. Институт апелляции в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1994. 22 с.

11. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. IX. Гражданское процессуальное право в системе отраслей российского права: монография / под ред. А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ 2022. 512 с.

References

1. Sherstyuk V. Powers of the appellate instance. Grounds for cancellation of decisions. *Economy and law*, 1997, no. 4, pp. 50–59. (In Russ.)

2. Korshunov Yu. A. The powers of the courts of appeal in the judicial system of the Russian Federation. *Legal science*, 2020, no. 1, pp. 76–80. (In Russ.)

3. Baidaeva L. V. Implementation of the powers of the court of appeal in civil proceedings: abstract. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2019. 32 p. (In Russ.)

4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 137-FZ of November 14, 2002. *Rossiyskaya gazeta*. 2002. November 20th. (In Russ.)

5. On the application by courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the court of appeal: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 16 of June 22, 2021. *Rossiyskaya Gazeta*. 2021. July 2. (In Russ.)

6. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Elena Alexandrovna Sazonova for violation of her constitutional rights by Part one of Article 327.1 and paragraph 1 of Article 328 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 25, 2016, no. 379-O. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 10.04.2024). (In Russ.)

7. Borisova E. A. Reforming procedural legislation: present and future. *Arbitration and civil procedure*. 2011. No. 4. Pp. 36–41. (In Russ.)

8. Pospelov B. I. Controversial issues of the new legislative regulation of appeal proceedings in civil proceedings. *Lawyer*, 2011, no. 6, pp. 3–6. (In Russ.)

9. Syskova E. N. Problems of improving the system of judicial acts review in civil proceedings of the Russian Federation: abstract of the thesis ... candidate of legal sciences. Moscow, 2001. 30 p. (In Russ.)

10. Borisova E. A. Institute of appeal in civil proceedings: abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences. Moscow, 1994. 22 p. (In Russ.)

11. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: In 12 volumes. Vol. IX. Civil procedural law in the system of branches of Russian law: monograph / ed. by A. A. Demichev, R. L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform Publ., 2022. 512 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Сумагин — кандидат юридических наук, судья Нижегородского областного суда.

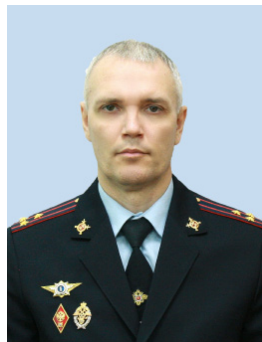
Information about the author

A. S. Simagin — Candidate of Law, Judge of the Nizhny Novgorod Regional Court.

Научная статья

УДК 343.54

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-47-54>

**К вопросу о необходимости совершенствования
отдельных элементов механизма превентивного контроля
в отношении ранее судимых за преступления против половой свободы
и неприкосновенности несовершеннолетних**

Абдуллаев Ямуддин Джамалдинович¹, Архипов Александр Юрьевич²

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, abdullaevyam@yandex.ru

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, aarkhipov69@mvd.ru

Аннотация. Повышенная общественная опасность преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, а также четко прослеживаемая склонность к их совершению определенной группой лиц побуждают законодателей и правоприменителей к выработке эффективного превентивного механизма, частью которого является индивидуальная профилактика в отношении таких лиц со стороны оперативных подразделений органов внутренних дел. В статье исследованы отдельные проблемные аспекты правового характера, не позволяющие в должной мере осуществлять действенный контроль за лицами, склонными к совершению указанного вида преступлений с помощью оперативно-розыскного инструментария. В ходе работы над публикацией использованы следующие методы: статистический, анализ, индукция, дедукция. Предложено решение заявленной проблемы путем изменения механизма контроля за социально опасной категорией лиц, заключающееся также в необходимости внесения изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: половая свобода и неприкосновенность несовершеннолетних; профилактика; оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Абдуллаев Я. Д., Архипов А. Ю. К вопросу о необходимости совершенствования отдельных элементов механизма превентивного контроля в отношении ранее судимых за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 47–54. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-47-54>.

Original article

**About the necessity to improve the mechanism of preventive control in relation
to priorly convicted for crimes against sexual freedom and integrity of minors**

Abdullaev Y. D. ¹, Arkhipov A. Y. ²

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, abdullaevyam@yandex.ru

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, aarkhipov69@mvd.ru

© Абдуллаев Я. Д., Архипов А. Ю., 2024

Abstract. The increased public danger of crimes against sexual freedom and the integrity of minors, as well as a clearly traceable tendency for them to be committed by a certain group of people, encourages legislators and law enforcement officers to develop an effective preventive mechanism, part of which is individual prevention against such persons by the operational units of the internal affairs bodies. The article examines certain problematic aspects of a legal nature that do not allow adequate effective control over persons prone to committing this type of crime with the help of operational investigative tools. During the work on the publication, the following methods were used: statistical, analysis, induction, deduction. A solution to the stated problem is proposed by changing the mechanism for monitoring a socially dangerous category of persons, which also involves the need to amend the current legislation.

Keywords: sexual freedom and inviolability of minors; prevention; operational investigative activities

For citation: Abdullaev Ya. D., Arkhipov A. Yu. About the necessity to improve the mechanism of preventive control in relation to priorly convicted for crimes against sexual freedom and integrity of minors. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 47–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-47-54>.

Преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних в целом, а особенно сопряженные с убийством или причинением увечий потерпевшим, совершенно справедливо вызывают огромный общественный резонанс, а их раскрытие и расследование находятся под пристальным вниманием общественности, органов прокуратуры, уполномоченных по правам ребенка, правозащитных организаций.

К преступлениям против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних относится достаточно широкий круг деяний, указанных в статье 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а именно составы, предусмотренные ст. 131–135, 240–242, 242.1 и 242.2 УК РФ [1]. Однако в рамках настоящего краткого исследования мы проанализируем вопросы превентивного контроля со стороны оперативно-розыскных органов лишь в отношении лиц, осужденных по статьям 131–135 УК РФ, как субъектов, представляющих наибольшую общественную опасность в связи с тяжестью совершенных ими деяний и страдающих зачастую неочевидными психическими расстройствами и отклонениями.

Согласно статистическим данным МВД России, в отношении несовершеннолетних в 2023 году было зарегистрировано 1 729 изнасилований (в том числе ст. 30, 131 УК РФ), тогда как в 2022 году указанный показатель составлял 1 852, а в 2021 году — 1 936 [2]. По закрытым данным ГУ МВД России по Нижегородской области, на территории региона в 2023 году было поставлено на профилактический учет 36 ранее судимых за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних. В 2022 году данный показатель составлял 43 человека. При этом в целом преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, как отмечает

О. Ю. Степанова, опирающаяся на результаты опроса сотрудников правоохранительных органов и экспертов, обладают высоким уровнем латентности, достигающем 35 % [3, с. 17]. Однако и этот показатель нам видится не вполне объективным и представляется, что он может быть значительно выше.

Но даже в этих условиях очевидно, что доля указанных преступных деяний, даже учитывая их достаточно высокую латентность, незначительна по сравнению с общим количеством тяжких и особо тяжких преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации за 2023 год 589 079 [4], и составляет менее 1 %. Однако то и дело новостные сводки информационных агентств пестрят сообщениями об очередном маньяке-педофиле, совершившем дерзкое, будоражащее общественное сознание преступление. Одним из громких печальных примеров последних лет может служить изнасилование и убийство 12-летней девочки, совершенное в мае 2021 года в Нижегородской области 49-летним С. М., ранее неоднократно судимым за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних. По версии следствия, 13 мая 2021 года подозреваемый на электричке прибыл из г. Заволжье в рабочий поселок Большое Козино. Передвигаясь на велосипеде, он заметил незнакомую малолетнюю девочку. В лесополосе поселка он напал на ребенка, совершил в отношении нее преступление против половой неприкосновенности, а затем убил ее, нанеся смертельные ножевые ранения, после чего скрылся с места преступления [5]. Данное преступление удалось раскрыть по горячим следам, так как С. М. попал в объективы камеры видеонаблюдения рядом с местом преступления. Полученная видеозапись была продемонстрирована по местным телеканалам, а соответствующая ориентировка незамедлительно направлена во все территориальные

органы внутренних дел (далее — ОВД), дислоцированные на территории области. По видеозаписи с места преступления С. М. был опознан инспектором по делам несовершеннолетних отдела полиции, где он состоял под административным надзором.

Практика показывает, что среди лиц, совершивших изнасилование или иное преступление сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, высок процент ранее судимых за аналогичные преступления (далее — педофилов). За последние десятилетия различным криминологическим и уголовно-правовым аспектам преступности в указанной сфере посвящено внушительное количество исследований и научных публикаций. Имеется немало работ, в том числе и монографического характера, посвященных изучению личности насильников. Так, Ю. М. Антонян отмечает, что сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних чаще всего совершают лица, имеющие семью или постоянного сексуального партнера, но эти половые отношения по разным причинам не приносят им удовлетворения [6, с. 247]. В исследовании, проведенном А. А. Ткаченко, указывается, что 57 % насильников воспитывалось в неполной семье (в детстве отсутствовало социально-позитивное влияние отца). Указанным автором были получены результаты, свидетельствующие о том, что многим из преступников с самого раннего возраста был свойствен садизм по отношению к своим родственникам, сверстникам и животным, который выступает средством самоутверждения [7, с. 59]. Очевидно, что педофилия является одной из форм психического расстройства, а современный международный классификатор болезней (МКБ-10) относит педофилию к психическим расстройствам и расстройствам поведения, расстройствам сексуального предпочтения.

Конечно, на наш взгляд, значительно могло бы облегчить работу правоохранителям в данном направлении, а также снизить количество сексуальных посягательств на детей принятие некоторых законодательных инициатив, так или иначе ограничивающих свободу педофилов. Так, бывшим Уполномоченным по правам ребенка при Президенте России А. Ю. Кузнецовой (далее — Уполномоченный) предлагалось введение бессрочного, административного надзора за лицами, совершившими преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, освобожденными из мест лишения свободы, с использованием электронных следящих

устройств (браслетов). В докладе Уполномоченного отмечалось, что еще в 2016 году на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации находился проект Федерального закона № 55362-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», предусматривающий введение реестра педофилов и электронных браслетов в качестве мер административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Однако ввиду противоречий с Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» в части регулирования особенностей обработки и распространения специальных категорий персональных данных, отсутствия финансирования на электронные браслеты, указанный проект закона был снят с рассмотрения в ноябре 2018 года [8]. В последующем подобные инициативы не раз высказывались в Государственной Думе, в частности, председателем комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи А. Е. Хинштейном [9], однако соответствующий закон так и не принят до настоящего времени.

Иной инициативой, рассматривавшейся в Государственной Думе в 2021 году, являлся так называемый законопроект о химической кастрации педофилов. В соответствии с предложенными изменениями статья 99 УК РФ должна быть дополнена новым видом принудительных мер медицинского характера — химической кастрацией. Под последней следует понимать введение в организм препаратов, которые подавляют сексуальное влечение [10]. Однако и эта законодательная инициатива не была воплощена в правоприменительную практику.

Особо отметим, что в вопросе о возможности химической кастрации педофилов у отечественных ученых отсутствует единая позиция, хотя как вид наказания такая мера уже длительное время применяется в различных странах: Германии, Франции, Польши, некоторых штатов США и других). Так, ряд исследователей (А. А. Игнатова [11], Е. В. Лоба [12] и другие) высказывались о безусловной необходимости введения химической кастрации как меры наказания и в российское уголовное законодательство, причем отдельные ученые (например, А. С. Никифоров [13]) предлагали даже более радикальные меры, такие как стерилизация и лоботомия. Меньшая часть исследователей,

например, А. Я. Авдалян [14], А. А. Ключев [15], А. Д. Кононов [16] и другие относятся к указанной мере медицинского характера скептически.

Безусловно, к положительным моментам в части совершенствования механизма превентивного контроля за педофилами следует отнести изменения, принятые в Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [17]. Согласно новой редакции статьи 4 указанного закона, утвержденной Федеральным законом от 6 апреля 2024 года № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы”», поднадзорным лицам, имеющим непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, запрещается выезд за установленные судом пределы территории и посещение объектов и территорий образовательных, медицинских, санаторно-курортных, физкультурно-спортивных организаций, организаций культуры, предназначенных для детей, организаций отдыха детей и их оздоровления, площадок с использованием открытой плоскостной детской игровой и детской спортивной инфраструктур (за исключением случаев, если поднадзорное лицо, являясь родителем несовершеннолетнего, сопровождает его, в том числе для представления его интересов) [18]. Однако несомненно, что введенные ограничения носят половинчатый характер и практически не способны оградить детей от сексуального насилия, учитывая территориальную и временную ограниченность действия новой нормы в отношении поднадзорных субъектов.

В сложившихся условиях явного дефицита действенных законодательных мер административного характера особую остроту приобретают вопросы своевременного предупреждения циничных вызовов социуму имеющимися в арсенале оперативных подразделений методами и средствами, поскольку простое, пусть даже самое скрупулезное изучение личности подобных индивидуумов неспособно предотвратить конкретные преступления данного вида. Повышенная общественная опасность рассматриваемых преступлений, в свою очередь, предопределяет необходимость своевременного и эффективного оперативно-розыскного контроля за педофилами со стороны оперативных подразделений ОВД.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 6 Федерального закона от 23 июня 2016 года

№ 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» защита личности, общества и государства от противоправных посягательств является одним из основных направлений профилактики правонарушений, которая должна быть ориентирована в том числе на недопущение совершения преступлений лицами, склонными к антисоциальной деятельности. Реализация основных направлений профилактики правонарушений, согласно части 2 статьи 6 указанного закона, осуществляется посредством применения специальных мер административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного характера [19]. Таким образом, механизм превентивного контроля за педофилами должен включать в себя совокупность указанных мер, перечень которых, в свою очередь, определяется пунктами 4.2, 4.3 приказа МВД России от 24 августа 2023 года № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» [20], а также мероприятий по устранению причин и условий, способствующих совершению указанными лицами противоправных деяний в отношении несовершеннолетних. В контексте рассматриваемой темы наибольший интерес представляют две специальные меры оперативно-розыскного характера, предусмотренные указанным приказом, заключающиеся в необходимости использования:

— результатов оперативно-розыскной деятельности о лицах, намеревающихся совершить преступление либо подготавливающих его совершение, с целью его недопущения;

— специальной техники в предупреждении преступлений на стадии приготовления и покушения.

Формы реализации данных мер носят преимущественно негласный характер и отличаются применяемым в ходе их исполнения оперативно-розыскным инструментарием, включающим в себя возможность заведения дел оперативно-розыскного учета, использования негласного содействия граждан, проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ).

Однако анализ законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности показывает, что возможность эффективного применения такого инструментария в отношении педофилов в настоящее время также существенно ограничена, что и предполагает, на наш взгляд, необходимость изменения существующего

механизма превентивного контроля за рассматриваемой категорией лиц, а именно его оперативно-розыскной составляющей.

Так, в соответствии с частью 2 статьи 10 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД») дела оперативного учета могут быть заведены лишь при наличии оснований, предусмотренных пунктами 1–6 части 2 статьи 7 указанного закона [21]. В указанные основания не входит наличие судимости за преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних. Таким образом, в случае отсутствия в отношении педофилов сведений об их причастности к преступной деятельности (либо приготовлению к ней) за ними возможно лишь профилактическое наблюдение со стороны полиции, носящее преимущественно гласный характер. При этом совершенно очевидно, что простое изучение образа жизни педофилов, что собственно и предполагает профилактическое наблюдение, без заведения дел оперативного учета и проведения комплекса ОРМ технического, аналитического и разведывательного характера практически не в состоянии предупредить и пресечь замышляемые ими преступления, особенно в условиях их латентности. Если речь идет о совершении в отношении ребенка преступления сексуального характера со стороны родственников и иных близких лиц. В приведенном нами выше примере С. М., после освобождения из мест лишения свободы, был взят под административный надзор. Кроме того, неоднократно проверялся по месту жительства участковыми уполномоченными полиции и сотрудниками уголовного розыска в рамках оперативно-профилактических операций «Нарцисс». Несмотря на это, принимаемые профилактические меры не помогли предотвратить страшную трагедию, и, по нашему глубокому убеждению, подтвержденному выводами по итогам расследования уголовного дела, вопрос вовсе не в добросовестности исполнения своих обязанностей сотрудниками полиции.

Говоря о профилактике преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, учитывая их повышенную общественную опасность, а также субъектный состав лиц их совершающих, мы исходим из того, что такая профилактика будет целесообразнее и эффективнее в форме специального наблюдения, заключающегося в контроле за педофилами в рамках особого вида дел оперативного учета. На наш взгляд, такая форма

контроля должна осуществляться в отношении всех ранее судимых педофилов. При этом сам факт заведения специального дела оперативного учета не должен увязываться с наличием конкретной информации об их преступной деятельности. Полагаем, что такие дела должны заводиться по факту наличия судимости за преступления, предусмотренные статьями 131–135 УК РФ. В нашем мнении мы исходим из того, что, во-первых, педофилия является длящимся и практически не поддающимся лечению психическим заболеванием; во-вторых, преступления данной категории обладают исключительной общественной опасностью.

Причем вопрос о форме такого документирования, как и вообще о возможности заведения подобного рода дел оперативного учета в отношении педофилов по факту имевшей место ранее судимости, является дискуссионным. Оно может осуществляться как в рамках уже имеющихся видов дел оперативного учета, предусмотренных ведомственными нормативными правовыми актами МВД России, так и в рамках специального нового вида.

Важно иное, а именно возможность проведения в отношении таких лиц всего комплекса ОРМ, предусмотренных законодательством, с целью своевременного выявления их преступных замыслов путем проникновения в сферу маскируемых интересов. Достижение данных целей зачастую возможно только путем анализа их переписки в социальных сетях, мессенджерах, в том числе под вымышленными данными, контроля посещаемых ими сетевых ресурсов, геолокации, установления тщательно скрываемых связей специальными оперативными мероприятиями и т. п. Бесспорно, что решение таких вопросов попросту невозможно в рамках простого профилактического наблюдения без заведения дела оперативного учета.

Предвидя возможные возражения критиков, ратующих за необходимость соблюдения прав и свобод личности, необходимо отметить, что возможность осуществления такого специального наблюдения за педофилами, которое по сути и по форме будет уже являться оперативным контролем, потребует внесения соответствующих изменений в ФЗ «Об ОРД», поскольку действующая редакция статей 7–8 указанного закона не предполагает возможности проведения ОРМ, в том числе ограничивающих конституционные права человека, только лишь на основании имевшей ранее место судимости за преступления против половой свободы

и неприкосновенности несовершеннолетних. В настоящее время ни факты устройства педофилов в организации, связанные с детским отдыхом, спортом, образованием, ни иные события, несущие потенциальную угрозу и возможность совершения ими новых преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, не могут являться основанием для заведения дел оперативного учета в отношении указанных лиц.

Изучение соответствующих научных источников показало, что подобные идеи в части рационализации механизма превентивного контроля за рассматриваемой категорией лиц учеными ранее не высказывались [22–27]. Хотя при этом ряд исследователей предлагали различные варианты оптимизации его оперативно-розыскной составляющей, в том числе путем внесения изменений в ФЗ «Об ОРД».

Еще раз подчеркнем, что наше предложение носит дискуссионный характер, однако его принятие, на наш взгляд, безусловно, способствовало бы повышению качества превентивных мер в отношении педофилов, своевременному получению информации о замыслаемых или подготавливаемых ими преступлениях и в конечном счете своевременному предотвращению и раскрытию преступлений указанного вида.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2024).
2. Форма: «БОП-УР» (код 563) за 12 месяцев 2023 года, за 12 месяцев 2022 года, за 12 месяцев 2021 года. URL: Сервис ведомственной правовой статистики ИСОД МВД России (дата обращения: 30.03.2024).
3. Степанова О. Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2018. 25 с.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 20.02.2024).
5. В Нижегородской области задержан мужчина, подозреваемый в убийстве малолетней девочки. URL: <https://nnovgorod.sledcom.ru/news/item/1569893/> (дата обращения: 30.01.2024).
6. Антонян Ю. М. Почему люди совершают преступления? Причины преступности. Москва: Кameleon, 2005. 304 с.
7. Ткаченко А. А. Сексуальные извращения-парафилии: монография. Москва: Триада-Х, 1999. 461 с.
8. Доклад о деятельности уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2019 год. URL: <http://deti.gov.ru/documents/reports> (дата обращения: 01.02.2024).
9. В Госдуме прорабатывают введение браслетов для освободившихся педофилов // Российская газета. 2021. 7 сентября. URL: <https://rg.ru/2021/09/07/reg-sibfo/v-gosdume-prorabotaiut-vvedenie-brasletov-dlia-osvobodivshis-pedofilov.html> (дата обращения: 01.02.2024).
10. Закон о химической кастрации педофилов готовят к внесению. Новости. Известия. 26.10.2020. URL: <https://iz.ru/1078418/2020-10-26/zakon-o-khimicheskoi-kastratscii-pedofilov-gotoviat-k-vneseniiu> (дата обращения: 01.02.2024).
11. Игнатова А. А. Уголовная ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 26 с.
12. Лоба Е. В. Еще раз о кастрации, как о рецепте борьбы с педофилией // Право и образование. 2014. № 1. С. 142–146.
13. Никифоров А. С. О смертной казни // Государство и право. 2001. № 4. С. 64–65.
14. Авдалян А. Я. Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты: компаративистское исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015. 23 с.
15. Ключев А. А., Чепуров В. В. Спорные аспекты политики усиления ответственности за посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних // Российский следователь. 2012. № 5. С. 25–27.
16. Кононов А. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и применения к этим лицам принудительных мер медицинского характера: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 31 с.
17. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ: ред. от 6 апреля 2024 года № 69-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.04.2024).
18. О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: федеральный закон от 6 апреля 2024 года № 69-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.04.2024).
19. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ. Доступ из СПС

«КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

20. О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений: приказ МВД России от 24 августа 2023 года № 619. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

21. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ: ред. от 29 декабря 2022 года № 638-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2024).

22. Гришин А. Г., Смирнов В. Н. Использование оперативных учетов в предупреждении и выявлении половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Особенности законодательного и ведомственного нормативного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской межведомственной научно-практической конференции (18 ноября 2022 г.) / под ред. Д. А. Васильченко. Омск: Омская академия МВД России, 2023. С. 164–169.

23. Черкашин А. В., Велиев Я. П. Основные направления противодействия насильственным преступлениям сексуального характера в отношении малолетних подразделениями уголовного розыска: учебное пособие. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2023. 90 с.

24. Черкашин А. В. К вопросу об оперативном внедрении при противодействии преступлениям, связанным с сексуальным насилием в отношении малолетних // Особенности законодательного и ведомственного нормативного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: материалы межведомственной научно-практической конференции 12 ноября 2018 года / отв. за вып. Д. А. Васильченко. Омск: Омская академия МВД России, 2019. С. 94–99.

25. Труняева О. Н. Противодействие оперативных подразделений ОВД изготовлению и обороту материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних с использованием сети «Интернет»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 35 с.

26. Решетов А. В. Предупреждение и раскрытие преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 22 с.

27. Захаров Н. Д. Деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 27 с.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: federal law no. 63-FZ of June 13, 1996. Access from the

reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 20.02.2024). (In Russ.)

2. Form: “BOP-UR” (code 563) for 12 months of 2023, for 12 months of 2022, for 12 months of 2021. URL: Service of departmental legal statistics ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia (accessed 30.03.2024). (In Russ.)

3. Stepanova O. Yu. Criminal liability for crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors: improving legislative regulation and enforcement. Author's abstract... candidate of legal sciences. Saint Petersburg, 2018. 25 p. (In Russ.)

4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January — December 2023. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (accessed 30.03.2024). (In Russ.)

5. A man suspected of murdering a young girl was detained in the Nizhny Novgorod region. URL: <https://nnovgorod.sledcom.ru/news/item/1569893/> (accessed 30.01.2024). (In Russ.)

6. Antonyan Yu. M. Why do people commit crimes? Causes of crime. Moscow: Cameron Publ., 2005. 304 p. (In Russ.)

7. Tkachenko A. A. Sexual perversions-paraphilias: monograph. Moscow: Triada-X Publ., 1999. 461 p. (In Russ.)

8. Report on the activities of the Commissioner for Children's Rights under the President of the Russian Federation for 2019. URL: <http://deti.gov.ru/documents/reports> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)

9. The State Duma is considering the introduction of bracelets for released pedophiles. Rossiyskaya Gazeta. 2021. 7 September. URL: <https://rg.ru/2021/09/07/reg-sibfo/v-gosdume-prorabotaiut-vvedenie-brasletov-dlia-osvobodivshisya-pedofilov.html> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)

10. The law on chemical castration of pedophiles is being prepared for introduction. News. News. October 26, 2020. URL: <https://iz.ru/1078418/2020-10-26/zakon-o-khimicheskoi-kastratsii-pedofilov-gotoviat-k-vneseniiu> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)

11. Ignatova A. A. Criminal liability for non-violent assault on the sexual integrity of persons under sixteen years of age. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2015. 26 p. (In Russ.)

12. Loba E. V. Once again about castration as a recipe for combating pedophilia. *Law and Education*, 2014, no. 1, pp. 142–146. (In Russ.)

13. Nikiforov A. S. On the death penalty. *State and law*, 2001, no. 4, pp. 64–65. (In Russ.)

14. Avdalyan A. Ya. Prevention of crimes against sexual integrity of minors: criminal legal and criminological aspects: comparative research. Author's abstract... candidate of legal sciences. Tomsk, 2015. 23 p. (In Russ.)

15. Klyuev A. A., Chepurov V. V. Controversial aspects of the policy of increasing responsibility for

attacks on sexual integrity and sexual freedom of minors. *Russian investigator*, 2012, no. 5, pp. 25–27. (In Russ.)

16. Kononov A. D. Current problems of criminal liability of persons with a mental disorder that does not exclude sanity, and the application of compulsory medical measures to these persons. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2019. 31 p. (In Russ.)

17. On administrative supervision of persons released from prison: federal law no. 64-FZ of April 6, 2011: editorial office of April 6, 2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 12.04.2024). (In Russ.)

18. On amendments to Article 4 of the Federal Law On administrative supervision of persons released from prison: federal law no. 69-FZ of April 6, 2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 12.04.2024). (In Russ.)

19. On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: federal law no. 182-FZ of June 23, 2016. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.02.2024). (In Russ.)

20. On some organizational issues of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in crime prevention: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no. 619 of August 24, 2023. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.02.2024). (In Russ.)

21. About operational investigative activities : federal law no. 144-FZ of August 12, 1995. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 20.02.2024). (In Russ.)

22. Grishin A. G., Smirnov A. G. The use of operational records in the prevention and detection of sexual crimes committed against minors. Features of

legislative and departmental regulatory legal regulation of operational investigative activities: materials of the All-Russian interdepartmental scientific-practical conference (November 18, 2022) / ed. by D. A. Vasilchenko. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. pp. 164–169. (In Russ.)

23. Cherkashin A. V., Veliev Ya. P. Main directions of counteracting violent crimes of a sexual nature against minors by criminal investigation units: textbook. Khabarovsk, 2023. 90 p. (In Russ.)

24. Cherkashin A. V. On the issue of operational implementation in countering crimes related to sexual violence against minors. Features of legislative and departmental regulatory legal regulation of operational investigative activities of internal affairs bodies: materials of the interdepartmental scientific and practical conference November 12, 2018 / reply. per issue D. A. Vasilchenko. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. pp. 94–99. (In Russ.)

25. Trunyaeva O. N. Counteraction of operational units of the internal affairs department to the production and circulation of materials or objects with pornographic images of minors using the Internet. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2018. 35 p. (In Russ.)

26. Reshetov A. V. Prevention and detection of crimes against sexual integrity and sexual freedom of minors. Author's abstract... candidate of legal sciences. Omsk, 2005. 22 p. (In Russ.)

27. Zakharov N. D. Activities of operational units of internal affairs bodies to identify and solve crimes against the sexual integrity of minors committed using the Internet. Author's abstract... candidate of legal sciences. Volgograd, 2022. 27 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Я. Д. Абдуллаев — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

А. Ю. Архипов — кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

Ya. D. Abdullaev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky;

A. Y. Arkhipov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Operational-Investigative Activities of the Department of Internal Affairs, educational and scientific complex for combating economic and tax crimes Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-55-61>

Отдельные аспекты использования правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при решении задач борьбы с преступностью

Батоев Владимир Батоевич

Специальная техника и связь МВД России, Москва, Россия, vbatoev@mail.ru, ORCHID 0000-0002-8526-4923

Аннотация. Рассмотрены вопросы применения правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при решении задач борьбы с преступностью. В работе представлены официальные статистические данные, указывающие на эффективность применения данного комплекса при раскрытии преступлений. Освещены проблемные вопросы использования систем видеонаблюдения при противодействии противоправным деяниям. Обозначены предложения по их возможному устранению.

Ключевые слова: преступность, правонарушение, преступление, аппаратно-программный комплекс, «Безопасный город», правоохранительный сегмент, видеонаблюдение

Для цитирования: Батоев В. Б. Отдельные аспекты использования правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при решении задач борьбы с преступностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 55–61. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-55-61>.

Original article

Some aspects of the use of the law enforcement segment of the hardware and software complex “Safe City” in solving crime control problems

Vladimir B. Batoev

Special equipment and communications of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, vbatoev@mail.ru, ORCHID 0000-0002-8526-4923

Abstract. The issues of the use of the law enforcement segment of the “Safe City” hardware and software complex in solving crime control problems are considered, official statistical data indicating the effectiveness of the use of this complex are presented, problematic issues of the use of video surveillance systems in countering illegal acts are highlighted, proposals for their possible elimination are outlined.

Keywords: crime, offense, crime, hardware and software complex, safe city, law enforcement segment, video surveillance

For citation: Batoev V. B. Some aspects of the use of the law enforcement segment of the hardware and software complex “Safe City” in solving crime control problems. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2. (66), p. 55–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-55-61>.

На фоне глобальной цифровизации общественных отношений с бурно протекающими в них технологическими процессами, а также интенсивного развития информационно-телекоммуникационных технологий вопросы

организации противодействия преступности вышли на качественно иной уровень.

В настоящее время на постоянной основе разрабатываются, внедряются и используются передовые практики и цифровые программные

© Батоев В. Б., 2024

продукты при раскрытии и расследовании преступлений. Важное место среди них отведено системам видеонаблюдения, без применения которых все труднее становится осуществлять процессы сбора, хранения и обработки информации, имеющие оперативно значимое значение, которые в ряде случаев выступают единственным средством установления истины по тому или иному криминальному событию. Уже сейчас результаты правоприменительной практики свидетельствуют о наличии возможности у сотрудников правоохранительных органов, используя аппаратно-программные комплексы (далее — АПК), устанавливать маршруты передвижения криминально активных лиц, их личность и иные значимые сведения о тех или иных явлениях, фактах и событиях [1, с. 135–137; 2, с. 163–165]. Данному направлению деятельности уделяется особое внимание на всех уровнях организации правоохранительной деятельности с принятием соответствующих правовых, организационных и иных мер [3].

В настоящее время органами государственной власти и местного самоуправления реализуется комплекс мер по построению и развитию технических средств АПК «Безопасный город»¹, основные положения которого отражены в положениях Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 года № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [4].

Напомним, что по линии деятельности правоохранительных органов ключевым элементом в составе АПК «Безопасный город» является правоохранительный сегмент (далее — ПС), основной задачей использования которого является информационное обеспечение при

выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений и административных правонарушений.

На государственном и муниципальном уровнях организации общественных процессов по линии обеспечения общественной безопасности и общественного порядка вопросы развития ПС являются одними из ключевых. Полагаем, что, с одной стороны, приоритетность данного направления деятельности обусловлена необходимостью противопоставления криминальным проявлениям в обществе действенного инструмента при решении задач борьбы с преступностью. С другой стороны, думается, что данную приоритетность можно объяснить вопросами экономической целесообразности реализации мер по построению и развитию искомого АПК. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра (далее — ГИАЦ МВД России), в 2023 году в целом объем финансовых средств, выделенных на развитие и внедрение системы ПС АПК «Безопасный город», составил 9 886 907 тыс. рублей (федеральный бюджет — 264 469 тыс. рублей, местный бюджет — 9 622 438 тыс. рублей), из которых было затрачено на видеонаблюдение 5 400 438 тыс. рублей, организацию экстренной связи с полицией — 58 572 тыс. рублей, комплексы автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения — 5 722 461 тыс. рублей.

В противовес данным цифрам можно привести статистические данные о внушительных объемах финансовых средств, наложенных в качестве штрафов за административное правонарушение, выявленное с применением системы ПС АПК «Безопасный город», размер которых составил 93 303 317 тыс. рублей, в том числе 91 854 084 тыс. рублей — в результате использования комплексов автоматической фиксации нарушений Правил дорожного движения. Одновременно с этим укажем на объем поступлений в бюджет субъектов Российской Федерации финансовых средств от уплаты штрафов за административные правонарушения, выявленные с применением системы ПС АПК «Безопасный город», размер которых составил 51 545 144 тыс. рублей, в том числе 51 487 449 тыс. рублей — в результате использования комплексов автоматической фиксации нарушений Правил дорожного движения.

По данным ГИАЦ МВД России, на территории Российской Федерации в рамках построения и создания ПС АПК «Безопасный город» в населенных пунктах субъектов РФ установлена 601 285 камер видеонаблюдения

¹ Комплекс «Безопасный город» является совокупностью функциональных и технических требований к аппаратно-программным средствам, нормативных правовых актов и регламентов межведомственного взаимодействия, направленных на противодействие угрозам общественной безопасности, правопорядку и безопасности среды обитания, формирующих вместе с действующими федеральными системами обеспечения безопасности интеллектуальную многоуровневую систему управления безопасностью субъекта Российской Федерации в целом и муниципального образования в частности, за счет прогнозирования, реагирования, мониторинга и предупреждения возможных угроз, а также контроля устранения последствий чрезвычайных ситуаций.

(АППГ — 550 123), из которых 9 323 — аналоговые, 591 962 — цифровые, 35 315 — интеллектуальные (ситуационного видеонаблюдения). Более подробно в разрезе федеральных округов Российской Федерации количество установленных камер видеонаблюдения ПС АПК «Безопасный город» в 2023 году, используемых в целях обеспечения правопорядка и безопасности на улицах и в других общественных местах, представлено ниже (табл. 1).

Таблица 1

Количество установленных камер видеонаблюдения ПС АПК «Безопасный город» в 2023 году (по федеральным округам Российской Федерации)

Table 1

Number of installed CCTV cameras at the substation agro-industrial complex "Safe City" in 2023 (by federal districts of the Russian Federation)

Федеральный округ / всего по Российской Федерации	Количество установленных камер видеонаблюдения	Темпы прироста к АППГ, %
ЦФО	334 019	2,0
СЗФО	104 052	22,5
СКФО	5 290	8,4
ЮФО	22 069	33,3
ПФО	90 293	15,8
УрФО	21 829	23,3
СФО	9 029	12,9
ДФО	14 704	16,7
Всего по Российской Федерации	601 285	9,3

Представленные в таблице 1 данные показывают, что наибольшее количество установленных камер приходится на Центральный, Северо-Западный и Приволжский федеральные округа, что косвенно указывает на уровень материально-технического и финансового обеспечения данного направления правоохранительной деятельности. Отчасти такие показатели можно объяснить уровнем развития регионов и подавляющим большинством проживающего в них населения. Тем не менее подобное количество установленных камер видеонаблюдения не может свидетельствовать о степени удовлетворенности их количеством и охватом территорий при решении задач борьбы с противоправными фактами и явлениями [5, с. 100–102].

С учетом государственной политики в данной области общественных отношений вопросы увеличения количества устанавливаемых камер видеонаблюдения находятся в зоне постоянного внимания с позиций увеличения их количества [6, с. 158–160].

Отдельное внимание следует уделить эффективности использования ПС АПК «Безопасный город» при решении задач борьбы с преступностью (см. табл. 2). Всего в 2023 году с использованием ПС АПК «Безопасный город» было зафиксировано 106 417 621 противоправное деяние (преступления и административные правонарушения), что на 9,2 % больше по сравнению с показателями АППГ. Здесь налицо положительная динамика, которая не позволила остаться выявленным фактам противоправной деятельности без должного внимания и мер реагирования со стороны правоохранительных органов.

В целом по итогам 2023 года с использованием ПС АПК «Безопасный город» правоохранительным органам удалось раскрыть 24 213 преступлений, что на 9,4 % больше по сравнению с показателями АППГ. Более подробно этот показатель представлен ниже (см. табл. 2).

Изучение данных таблицы указывает на необходимость активизации деятельности по вопросам выявления и раскрытия преступлений по горячим следам, а также использование технологий искусственного интеллекта и видеоаналитики в онлайн-режиме.

Помимо необходимости наполнения ПС АПК «Безопасный город» современными ИИ-инструментами при решении задач борьбы с преступностью, существует ряд проблемных вопросов, требующих тщательного рассмотрения и разрешения в ближайшей перспективе.

Напомним, что ряд проблемных вопросов отмечен в решении Правительственной комиссии по профилактике правонарушений [7], к числу которых относятся:

- недостаточное количество интеллектуальных камер видеонаблюдения;
- отсутствие в ряде случаев вывода получаемой с камер видеонаблюдения информации в органы внутренних дел;
- фактическое отсутствие систем видеонаблюдения в ряде субъектов Российской Федерации;
- отсутствие интеграционных процессов по линии массивов и каналов передачи данных, передачи видеопотоков информации из различных предприятий, организаций, учреждений и др.;

— разнородность, неструктурированность видеоинформации;

— низкий уровень финансового и материально-технического обеспечения на нужды построения и развития ПС АПК «Безопасный город», где в основном выделяемые финансовые средства расходуются на поддержание созданной инфраструктуры, а не на ее развитие и расширение;

— связанные с обеспечением технической защищенности и несанкционированного доступа;

— неразрешенность вопроса отнесения видеоданных к категории информации, охраняемой законом, а также отнесения ПС АПК «Безопасный город» к объектам критической инфраструктуры.

Таблица 2

Количество преступлений, раскрытых с использованием ПС АПК «Безопасный город» в 2023 году

Table 2

Number of crimes solved using PS APK "Safe City" in 2023

Федеральный округ / Всего по Российской Федерации	Раскрыто преступлений с использованием ПС АПК «Безопасный город»	Количество преступлений, по которым лица, их совершившие, были задержаны на месте преступления, по информации ПС АПК «Безопасный город»	Количество преступлений, по которым лица, их совершившие, были задержаны в результате их отслеживания по системе ПС АПК «Безопасный город», по результатам онлайн-просмотра информации с видеокамер
ЦФО	14 112	1	8
СЗФО	5 960	192	229
СКФО	15	0	0
ЮФО	516	0	0
ПФО	1 950	3	2
УрФО	623	0	79
СФО	525	9	0
ДФО	512	2	6
Всего по Российской Федерации	24 213	207	324

Помимо этого, следует отметить и иные проблемные вопросы, образующиеся в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Одновременно с этим полагаем, что обозначенные нами недостатки, выявленные в ходе построения и развития ПС АПК «Безопасный город», следовало бы рассматривать в качестве основных прикладных направлений совершенствования искомой сферы общественных отношений. К числу недостатков, требующих разрешения, можно отнести следующие.

1. Отсутствие единой нормативно-правовой базы федерального уровня, регламентирующей вопросы развития и функционирования АПК «Безопасный город», а также разграничение полномочий федерального центра, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Также целесообразно принятие мер по унификации подходов к разработке и утверждению на федеральном уровне соответствующих стандартов и типовых проектных решений, основывающихся на отечественных

разработках, которые субъекты Российской Федерации и органы местного самоуправления могли бы масштабировать и использовать при развитии АПК «Безопасный город» на региональном и муниципальном уровнях. При этом отметим, что проект федерального закона «О единой системе безопасности среды жизнедеятельности и общественного порядка «Безопасный город»» находится на стадии подготовки заключительного текста с апреля 2022 года.

2. В разрабатываемых проектах технических заданий на построение АПК «Безопасный город» не ставятся задачи по созданию комплекса средств автоматизации «Сервисная платформа» (Единых требований к техническим параметрам сегментов аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (далее — ЕТТ), утвержденных председателем межведомственной комиссии по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» от 28 июня 2017 года № 4516п-П4), предназначенного для стандартизированного информационного

взаимодействия с потребителями информации от АПК «Безопасный город» в правоохранительном сегменте. При этом отметим, что решением Правительственной комиссии по профилактике правонарушений (далее — Комиссия), утвержденным председателем Комиссии, Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым 12 января 2023 года (размещено на официальном интернет-сайте МВД России в разделе «Правительственная комиссия по профилактике правонарушений»), высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации рекомендовано следующее: «В целях обеспечения сотрудников правоохранительных органов удаленным оперативным доступом к ресурсам хранилищ фото- и видеоинформации АПК «Безопасный город» предусмотреть в соответствии с ЕТТ включение в технические задания на построение и развитие АПК «Безопасный город» мероприятий по развертыванию комплекса средств автоматизации "Сервисная платформа"».

3. Отсутствие финансирования на организацию и содержание каналов передачи данных между серверным оборудованием региональных информационных массивов, а также серверов с видеоинформацией предприятий, учреждений и организаций и территориальными органами МВД России на районном уровне. В данном случае заинтересованные подразделения не могут удаленно и оперативно пользоваться видеоматериалами, существует лишь возможность по предварительной заявке получить необходимые видеофайлы на региональном уровне, где агрегированная информация из муниципальных образований консолидируется на базе информационно-коммуникационной платформы. При этом в МВД России и в его территориальных подразделениях по субъектам Российской Федерации финансирование развития, внедрения и эксплуатации ПС АПК БГ также не предусмотрено. В связи с этим всестороннего изучения и проработки требует вопрос о внесении корректив в работу органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по реализации положений Концепции на построение и развитие АПК «Безопасный город», включая создание Единой региональной системы видеонаблюдения с построением каналов передачи данных и предоставлением правоохранительным органам удаленного доступа к архиву видеозаписей.

4. Отсутствие готовых программно-технических решений АПК «Безопасный город»,

которые можно было распространить повсеместно в целях формирования унифицированного подхода к организационным вопросам построения данного АПК.

5. Низкий уровень финансирования, что не позволяет провести мероприятия по интеграции в АПК камер видеонаблюдения, установленных управляющими компаниями и другими организациями для увеличения процента охвата ими территории общего пользования муниципальных образований. В ряде субъектов Российской Федерации в основном происходит тестирование пилотных проектов с коммерческими организациями, а на федеральном уровне целевое финансирование отсутствует ввиду дотационности регионального и местного бюджетов. Более того, в соответствии с Концепцией построения и развития АПК «Безопасный город» механизмом построения и развития комплекса «Безопасный город» инструментом финансирования мероприятий должна выступать федеральная целевая программа «Безопасный город», которая в настоящее время не принята.

6. В настоящее время в виду указанного обстоятельства не представляется возможным проведение мероприятий по внедрению биометрической системы видеоидентификации, предназначенной для обнаружения и распознавания лиц по видеоизображению в условиях плотного потока людей. В связи с тем, что большинство камер видеонаблюдения, установленных в рамках построения АПК «Безопасный город», не соответствуют техническим требованиям, необходимо дополнительно изыскивать финансовые средства на приобретение камер видеонаблюдения, коммутационного оборудования, серверов обработки данных, их монтаж, а также организацию оптических каналов связи до мест установки оборудования на новых адресах.

7. Отдельно обратим внимание на то, что раскрытие преступлений, задокументированных с помощью средств видеофиксации, осложняется низким качеством представляемых на исследование фото-, видеоматериалов. Установленные в ПС АПК «Безопасный город» камеры в подавляющем большинстве технически устаревшие, обладают низким разрешением и не позволяют использовать их для биометрической видеоидентификации (обнаружения и распознавания лиц по видеоизображению в условиях плотного потока людей).

8. В ряде субъектов Российской Федерации отсутствует единый комплекс технических средств ПС АПК «Безопасный город», где камеры видеонаблюдения существуют как

отдельные сегменты и находятся на балансе различных хозяйствующих субъектов. При этом подобные видеосистемы созданы независимо друг от друга, в разное время и во исполнение различных нормативных правовых предписаний в рамках решения различных по своей сути задач. Более того, на федеральном уровне отсутствуют технические регламенты информационного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов с органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления в рамках функционирования АПК «Безопасный город».

9. Отсутствие законодательного закрепления полномочий органов исполнительной власти и местного самоуправления по выполнению задач, указанных в Концепции построения и развития АПК «Безопасный город» и единых технических решений и критериев, а также необходимость закрепления прав пользователей информации, определения источника финансирования работ по адаптации имеющихся видеосистем, эксплуатируемых различными предприятиями, учреждениями и организациями независимо от формы собственности в ПС АПК «Безопасный город».

10. В Перечне подразделений полиции в территориальных органах МВД России, утвержденным приказом МВД России от 30 апреля 2011 года № 333 «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России», не предусмотрено наличие какого-либо специализированного подразделения, в компетенцию которого входит функция обработки информационных ресурсов ПС АПК «Безопасный город». В связи с чем в ряде территориальных органов внутренних дел субъектов Российской Федерации указанные подразделения отсутствуют, что вызывает определенные осложнения при использовании имеющейся информации, в том числе нет возможности осуществлять контроль за складывающейся оперативной обстановкой в онлайн-режиме.

11. Неразрешенность в вопросах определения исполнителя, на которого было бы целесообразно возложить задачи по осуществлению круглосуточного мониторинга камер видеонаблюдения из ПС АПК «Безопасный город» с проработкой порядка передачи и использования органами внутренних дел поступающей информации. При этом не решен вопрос с созданием единой информационной платформы с интеллектуальной системой распознавания лиц, объединяющей в единый контур системы видеонаблюдения, расположенные на территории всех муниципальных

образований субъекта Российской Федерации, в целях осуществления эффективного прогнозирования, мониторинга и реагирования на состояние оперативной обстановки.

12. Отсутствие нормативной базы, регламентирующей единый подход к документированию и учету выявленных с использованием системы видеонаблюдения правонарушений. Также в целях более эффективной работы территориальных органов МВД России по выявлению правонарушений, мониторингу складывающейся оперативной обстановки и оперативного поиска и задержания правонарушителей в связи со стремительным увеличением количества камер видеонаблюдения имеется необходимость в создании на базе дежурных частей ситуационных центров.

13. Согласно требованиям Федерального закона от 9 февраля 2007 года № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» оснащение объектов транспорта техническими средствами обеспечения транспортной безопасности (системы и средства сигнализации, контроля доступа, досмотра, видеонаблюдения, аудио- и видеозаписи и др.) возлагается на субъекты транспортной инфраструктуры и перевозчиков. При этом операторы АПК «Безопасный город» не являются субъектами обеспечения транспортной безопасности, в связи с чем интеграция систем видеонаблюдения с объектов транспортной инфраструктуры в АПК «Безопасный город» возможна только при условии проведения обязательной сертификации технических средств на соответствие установленным требованиям к функциональным свойствам технических средств обеспечения транспортной безопасности. Более того, финансирование мероприятий по оснащению объектов транспортной инфраструктуры (аэропортов) техническими средствами обеспечения транспортной безопасности производится в рамках деятельности предприятия по обеспечению транспортной безопасности. ПС АПК «Безопасный город» не относится к системам обеспечения транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры, в связи с чем для установки оборудования данного комплекса требуются дополнительные финансовые средства.

В заключение отметим, что вопросы построения и развития ПС АПК «Безопасный город» находятся, с одной стороны, в зоне повышенного внимания субъектов правоохранительной деятельности, а с другой — требуют весьма внушительных объемов финансирования. Обозначенный перечень проблемных вопросов, к

сожалению, не носит исчерпывающего характера. Тем не менее полагаем, что устранение некоторых из них положительно отразится на уровне информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов при решении задач борьбы с преступностью в целом. В связи с этим на всех уровнях организации государственной власти и правоохранительной деятельности необходимо пересмотреть существующие подходы к решению вопросов построения комплекса технических средств в рамках АПК «Безопасный город» с реализацией соответствующих мер финансового, материально-технического, кадрового, научно-методического характера.

Список источников

1. Кузьмин Н. А., Кузьмина Т. Н. Отдельные аспекты использования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в раскрытии преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 135–139.
2. Лозовская Н. Н., Ульянова И. Р. Отдельные аспекты использования аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в процессе раскрытия и расследования преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 11. С. 163–168.
3. Байганова И. С. «Безопасный город» на страже правопорядка // Перспективы формирования конкурентоспособной научной модели Российской Федерации: сборник статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с международным участием. Воронеж, 2023. С. 91–92.
4. Кофман Д. В. Использование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в целях выявления и раскрытия преступлений // Молодой ученый. 2023. № 38 (485). С. 117–120.
5. Майоров В. И. О внедрении аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2023. № 5. С. 100–107.
6. Низаметдинов Р. А. Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» как неотъемлемый

инновационный сегмент совершенствования обеспечения общественной безопасности территориальными органами МВД России в субъектах Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 158–162.

7. Решение Правительственной комиссии по профилактике правонарушений от 12 января 2023 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/sovorg/prav_kom/com_work (дата обращения: 16.02.2023).

References

1. Kuzmin N. A., Kuzmina T. N. Certain aspects of using the hardware and software complex “Safe City” in solving crimes. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 5, pp. 135–139. (In Russ.)
2. Lozovskaya N. N., Ulyanova I. R. Certain aspects of the use of the hardware and software complex “Safe City” in the process of disclosure and investigation of crimes. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2023, no. 11, pp. 163–168. (In Russ.)
3. Baiganova I. S. “Safe city” on the guard of law and order. Prospects for the formation of a competitive scientific model of the Russian Federation: collection of articles of the National (All-Russian) scientific and practical conference with international participation. Voronezh, 2023. Pp. 91–92. (In Russ.)
4. Kofman D. V. The use of the hardware and software complex “Safe City” in order to identify and solve crimes. *Young Scientist*, 2023, no. 38 (485). pp. 117–120.
5. Majorov V. I. On the implementation of the hardware and software complex “Safe City”. *Police and society: problems and prospects of interaction*, 2023, no. 5, pp. 100–107.
6. Nizametdinov R. A. Hardware and software complex “Safe City” as an integral innovative segment of improving public safety by territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the subjects of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4, pp. 158–162.
7. Minutes of the commission meeting of January 12, 2023. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/sovorg/prav_kom/com_work (accessed 16.02.2023).

Информация об авторе

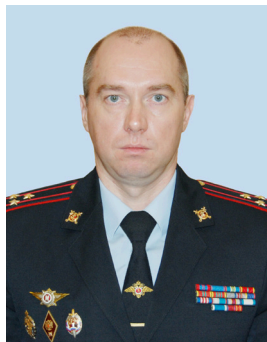
В. Б. Батоев — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. B. Batoev — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-62-66>

Противодействие финансированию преступной деятельности: современный тренд уголовной политики, направления оптимизации

Богомолов Станислав Юрьевич¹, Неганов Дмитрий Александрович²

¹Казанское линейное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации на транспорте, Казань, Россия, shadow037@mail.ru

²Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия, nagan78@mail.ru

Аннотация. В статье представлено авторское видение современного состояния уголовно-правового противодействия финансированию преступной деятельности. Отмечено, что в настоящее время наблюдается точечная криминализация финансирования отдельных видов преступной деятельности с признаками экстремистско-террористической деятельности. Выделены объединяющие признаки системы преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за финансирование общественно опасных деяний. Обоснована необходимость введения в Уголовный кодекс Российской Федерации унифицированного уголовно-правового запрета, не позволяющего оказывать финансово-материальную помощь для совершения любого преступления.

Ключевые слова: преступление, финансирование, терроризм, экстремизм, противодействие, предмет, деньги, услуга, общественная опасность

Для цитирования: Богомолов С. Ю., Неганов Д. А. Противодействие финансированию преступной деятельности: современный тренд уголовной политики, направления оптимизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 62–66. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-62-66>.

Original article

Combating the financing of criminal activities: modern trend in criminal policy, areas of optimization

Stanislav U. Bogomolov¹, Dmitriy A. Neganov²

¹Kazan Line Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Transport, Kazan, Russian Federation, shadow037@mail.ru

²Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation, nagan78@mail.ru

© Богомолов С. Ю., Неганов Д. А., 2024

Abstract. The article presents the author's vision of the current state of criminal law in combating the financing of criminal activities. It is noted that currently there is a targeted criminalization of the financing of certain types of criminal activities with signs of extremist and terrorist activities. The unifying features of a system of crimes establishing criminal liability for the financing of socially dangerous acts are identified. The need for inclusion in the Criminal Code of the Russian Federation of a unified criminal law prohibition prohibiting the provision of financial and material assistance for the commission of any crime is substantiated.

Keywords: crime, financing, terrorism, extremism, counteraction, object, money, service, public danger

For citation: Bogomolov S. U., Neganov D. A. Combating the financing of criminal activities: modern trend in criminal policy, areas of optimization. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 62–66 (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-62-66>.

Актуальность выбранного для исследования направления может быть подтверждена множеством факторов. В качестве первого выступают поступательные законодательные решения в части криминализации финансирования отдельных видов групповой преступной деятельности. Сегодня классификация этих деяний представлена следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ): 205¹ УК РФ «Содействие террористической деятельности»; 205³ УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»; 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации»; 281¹ УК РФ «Содействие диверсионной деятельности»; 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности»; 359 УК РФ «Наемничество»; 361 УК РФ «Акт международного терроризма». Итого всего семь статей уголовного закона устанавливают ответственность за финансирование частных разновидностей криминального поведения. Обращаем внимание на то, что все они сконцентрированы лишь в трех главах УК РФ. Это глава 24 «Преступления против общественной безопасности», глава 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и глава 34 «Преступления против мира и безопасности человечества».

Статистика привлечения к ответственности за их совершение за последние 5 лет, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, указана в таблице:

Представленная картина указывает на то, что тренд противодействия финансированию преступной деятельности путем точечной криминализации наблюдается лишь в противодействии экстремистско-террористическим деяниям. В уголовно-правовой доктрине представлена гипотеза включения этих

преступлений в общую группу, объединенных объектами уголовно-правовой охраны, вытекающими из положений Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также мотивацией, закрепленной в примечании 2 к статье 282¹ УК РФ [1, с. 438–442], [2].

Таблица

Число осужденных по статьям 205¹, 205³, 208, 281¹, 282³, 359, 361 УК РФ, в том числе за финансирование преступной деятельности [3]

№	Статья УК РФ/ год	2019	2020	2021	2022	2023
1.	205 ¹	105	153	158	217	189
2.	205 ³	11	9	12	19	33
3.	208	113	61	85	100	95
4.	281 ¹	—	—	—	—	—
5.	282 ³	5	4	6	26	28
6.	359	—	—	—	1	1
7.	361	—	—	—	—	—

С другими криминальными актами такой прием уголовно-правового противодействия их финансированию не применяется. Используется институт соучастия в преступлении, финансирование расценивается как разновидность пособничества, регламентированного частью 5 статьи 33 УК РФ. Отмеченное порождает рассмотрение вопросов, касающихся как применения уже криминализированных актов оказания финансово-материальной преступной деятельности, так и возможных направлений дальнейшего развития института ответственности за финансирование общественно опасных деяний.

Учитывая методологию проводимого исследования, остановимся на рассмотрении объединяющих положений представленной выше системы преступлений.

Так, в независимости от содержания непосредственных объектов анализируемых деяний в части установленной ответственности за

финансирование, всех их объединяет предмет преступления, юридические характеристики которого прямо влияют на определение объекта общественно опасного посягательства и его квалификацию [4, с. 190]. Основы правового содержания исследуемого предмета закреплены в статье 1 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма [5, с. 10–23]. Определенное уточнение его характеристик дано и в Конвенции Совета Европы от 16 мая 2005 года «Об отмывании, выявлении, аресте и конфискации доходов от преступной деятельности, и финансировании терроризма» [6].

На основе их с учетом национального законодательства и складывающейся судебной-следственной практики главный государственный интерпретатор в лице Пленума Верховного Суда Российской Федерации предложил свое видение по юридически значимым его характеристикам [7]. В первую очередь к предмету финансирования предлагается отнести денежные средства и любые иные средства, услуги или предметы, имеющие стоимостную оценку. Считаем, что методологически верно и намеренно судебный орган оставил открытый перечень, предлагая лишь несколько примеров, дающих общее представление об этом элементе состава преступления. Учитывая экономико-этимологическое содержание понятия «финансирование», главной ключевой особенностью предмета финансирования любых форм общественно опасной деятельности должно выступать определение его в денежном эквиваленте. На этом акцентирует особое внимание научная общественность, чью позицию мы полностью разделяем [8, с. 430; 9, с. 467; 10, с. 4–6]. Отмеченное позволяет выдвинуть научную гипотезу о необходимости дифференциации ответственности за исследуемую группу преступлений в зависимости от размера финансирования. Полагаем, что от его объема напрямую зависит не только реальность в достижении конечной криминальной цели, но и скорость в получении желаемого результата.

Характеристика предмета финансирования преступной деятельности предполагает выделение дополнительного и объединяющего их объекта общественных отношений в сфере обеспечения экономической безопасности государства, что, с нашей точки зрения, требует усиления применения экономических санкций за рассматриваемые криминально-девиантные формы поведения. Хотя в доктрине до настоящего времени идут споры по

допустимости такого подхода. В частности, на примере статьи 205¹ УК РФ учеными высказывается мнение о поглощении основным объектом — общественными отношениями в сфере обеспечения общественной безопасности всех иных возможных благ и ценностей, страдающих при совершении этого деяния [11, с. 20, 45–50; 12, с. 71]. С данной точкой зрения сложно согласиться по причине того, что лицо, совершающее финансирование любого преступления, использует экономические инструменты, имеющие стоимостную оценку. Вывод их из легального оборота в криминальных целях создает прямую угрозу для экономической безопасности. Как верно отметил в одной из своих работ А. И. Парог, необоснованно отказываться от выделения дополнительного или факультативного объектов преступления при явном их наличии [13, с. 53]. Отмеченное дает возможность правильно оценить общественную опасность преступного финансирования, что, с нашей точки зрения, например, подтверждается санкционной политикой, реализуемой в рамках части 1¹ статьи 205¹ УК РФ и статьи 282³ УК РФ. Максимальные размеры наказаний за финансирование террористическо-экстремистской деятельности в разы выше организации или участия в террористических / экстремистских сообществах или организациях.

Об неотъемлемой экономической составляющей изучаемых деяний свидетельствует и использование в их юридико-технических конструкциях соответствующего понятийного инструментария, например финансовых услуг. Полагаем, что явная двухобъектность исследуемых форм криминально-девиантного поведения и стала причиной самостоятельной криминализации финансирования экстремизма в рамках отдельной статьи (ст. 282³ УК РФ).

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что, во-первых, аксиомой является необходимость установления ответственности за финансирование любой общественно опасной деятельности. Это возможно путем создания единой унифицированной уголовно-правовой нормы, а не через призму не прекращающегося процесса точечной и в чем-то даже опаздывающей криминализации финансирования отдельных преступлений. Во-вторых, термин «финансирование» с учетом его экономико-юридических характеристик должен рассматриваться как собирательное понятие, ключевой особенностью которого выступает возможность его стоимостной оценки. В-третьих, в рамках

дифференциации уголовной ответственности за финансирование преступления обязательно необходимо установление конкретных денежных критериев по примеру, реализуемому в уголовном законодательстве при противодействии экономической преступности.

Список источников

1. Петрянин А. В. Оптимизация курса уголовной политики в области противодействия экстремизму // Оптимизация правового регулирования: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 26–27 мая 2023 года. Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 438–442.
2. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук, 2015. 490 с.
3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации / Судебная статистика / Данные судебной статистики. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 07.05.2024).
4. Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2005. Т. 4: Состав преступления.
5. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5. С. 10–23.
6. Совета Европы: официальный сайт. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/198.htm> (дата обращения: 07.05.2024).
7. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. Москва: Юрайт-Издат, 2007.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. Москва: Контракт; Инфра-М, 2009.
10. Агапов П. В. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие его совершению // Уголовное право. 2003. № 2. С. 4–6.
11. Комиссаров В. С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1997. С. 45–50.
12. Сопов Д. В. Уголовная ответственность за терроризм: проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. С. 71.

13. Энциклопедия уголовного права / под ред. В. Б. Малинина, Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2005. Т. 4. Состав преступления.

References

1. Petryanin A. V. Optimization of the course of criminal policy in the field of countering extremism // Optimization of legal regulation: theory, practice, technology: collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, May 26–27, 2023. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. Pp. 438–442. (In Russ.)
2. Petryanin A. V. Conceptual foundations of counteracting extremist crimes: theoretical and applied research. Dissertation... doctor of legal sciences, 2015. 490 p. (In Russ.)
3. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation / Judicial statistics / Data from judicial statistics. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (accessed 07.05.2024). (In Russ.)
4. Encyclopedia of Criminal Law / ed. by V. B. Malinina. St. Petersburg: Professor Malinin's Publ., 2005. Vol. 4: Composition of the crime. (In Russ.)
5. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism. *Bulletin of International Treaties*, 2003, no. 5, pp. 10–23. (In Russ.)
6. Council of Europe: official website. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/198.htm> (accessed 07.05.2024). (In Russ.)
7. On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 1 of February 9, 2012. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2012, no. 4. (In Russ.)
8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / resp. ed. by V. M. Lebedev. Moscow: Yuriy-Izdat Publ., 2007. (In Russ.)
9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by A. I. Chuchava. Moscow: Kontract, Infra-M Publ., 2009. (In Russ.)
10. Agapov P. V. Involvement in committing crimes of a terrorist nature or other assistance in its commission. *Criminal law*, 2003, no. 2, pp. 4–6. (In Russ.)
11. Komissarov V. S. Crimes that violate general security rules (concept, system, general characteristics). (In Russ.)
12. Sopov D. V. Criminal liability for terrorism: problems of qualification. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2004. (In Russ.)
13. Encyclopedia of Criminal Law / ed. by V. B. Malinina. St. Petersburg: Professor Malinin's Publ. 2005. Vol. 4. (In Russ.)

Информация об авторах

С. Ю. Богомолов — кандидат юридических наук, начальник Казанского линейного управления МВД РФ на транспорте;

Д. А. Неганов — кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета.

Information about the authors

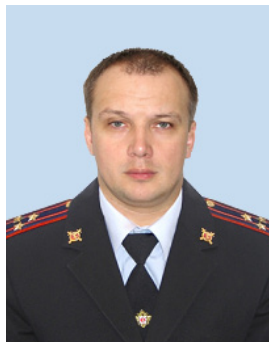
S. Yu. Bogomolov — Candidate of Sciences (Law), the Head of the Kazan Line Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Transport;

D. A. Neganov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Legal Disciplines, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University.

Научная статья

УДК 343.43

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-67-72>

Проблемы противодействия торговле людьми на современном этапе

Дягилев Андрей Аркадьевич¹, Бессонов Владимир Анатольевич²

^{1,2} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹ musasi2008@yandex.ru

² kvadro-nn@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проблема противодействия торговле людьми представлена через призму двух основных факторов, к которым относятся особенности преступного механизма и транснациональный характер рассматриваемого вида преступной деятельности, а также влияние социально-экономических причин на международное полицейское взаимодействие. В настоящее время в ряде стран Запада активно продвигается политика двойных стандартов, когда, официально осуждая торговлю людьми и призывая бороться с ней, ее «результаты» в виде эксплуатации жертв активно потребляются в легальной и теневой экономиках данных государств. Например, легализация занятия проституцией создает благодатную почву для роста спроса на «живой товар», что наглядно показывает ситуация с украинскими беженцами в Европе.

Ключевые слова: торговля людьми, сексуальная эксплуатация, проституция, международное полицейское взаимодействие

Для цитирования: Дягилев А. А., Бессонов В. А. Проблемы противодействия торговле людьми на современном этапе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 67–72. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-67-72>.

Original article

Problems of countering human trafficking at the present stage

Andrey A. Diaghilev¹, Vladimir A. Bessonov²

^{1,2} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹ musasi2008@yandex.ru

² kvadro-nn@yandex.ru

Abstract. In the presented article, the problem of combating human trafficking is considered through the prism of two main factors, which include the features of the criminal mechanism and the transnational nature of the type of criminal activity in question, as well as the influence of socio-economic reasons on international police interaction. Currently, a number of Western countries are actively promoting a policy of double standards, when officially condemning human trafficking and calling to fight it, its “results” in the form of exploitation of victims are actively consumed in the legal and shadow economies of these states. Or example, the legalization of prostitution creates fertile ground for an increase in demand for “living goods”, which is clearly demonstrated by the situation with Ukrainian refugees in Europe.

© Дягилев А. А., Бессонов В. А., 2024

Keywords: human trafficking, sexual exploitation, prostitution, international policing

For citation: Diaghilev A. A., Bessonov V. A. Problems of countering human trafficking at the present stage. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 67–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-67-72>.

В настоящее время мировое сообщество вновь столкнулось с угрозой, связанной с торговлей людьми и криминальной эксплуатацией человека. Не случайно в целях консолидации усилий по борьбе с этим видом преступлений на данный момент времени принят ряд международных нормативных правовых актов. Однако, несмотря на общемировое признание общественной опасности торговли людьми и необходимости принятия мер по борьбе с ней, деятельность правоохранительных органов в данной сфере трудно назвать достаточно эффективной.

Представляется, что причины этого обусловлены как непосредственно особенностями преступного механизма торговли людьми, так и наличием спроса на «живой товар», удовлетворяемого в тех или иных формах.

Говоря об особенностях преступного механизма торговли людьми, традиционно отмечают многоэлементность объективной стороны данного состава преступления, которая отражена как в международных нормативных правовых актах, так и в уголовном законодательстве суверенных государств.

Так, согласно Палермскому протоколу «торговля людьми — это осуществление в целях эксплуатации, вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения людей» [1]. Аналогичный набор действий криминализован, в частности, Уголовными кодексами Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Российской Федерации и др. В Северной Ирландии Закон о торговле людьми и эксплуатации также обязывает суды интерпретировать торговлю людьми, как «организацию или содействие перемещению другого лица с целью эксплуатации этого лица. Эти действия подразумевают вербовку, перевозку, передачу, получение, осуществление контроля над лицом» [2].

Разнообразие действий, которые совершают преступники в процессе торговли людьми, обуславливает следующие особенности: протяженность преступного механизма как во времени, так и в пространстве; реализацию отдельных элементов состава преступления зачастую на территории нескольких государств; вовлечение в криминальные цепочки значительного количества лиц, выполняющих различные

функции, направленные на достижение общего преступного результата.

Вышесказанное существенно влияет на картину слеодообразования. Во-первых, с точки зрения сохранности материальных и идеальных следов преступления в силу значительности периода времени, который может пройти, например, с момента вербовки жертвы до того момента, как будет выявлен факт преступлений. Во-вторых, с точки зрения отыскания, фиксации и изъятия этих следов на территории иных суверенных государств, в случаях, когда преступление было выявлено в одной стране (например, купля-продажа, получение либо эксплуатация жертвы), а отдельные элементы преступной деятельности (например, вербовка, перевозка, укрывательство) осуществлялись на территории других государств.

В этой связи возрастает необходимость создания и поддержания должного уровня эффективности механизмов межгосударственного взаимодействия по борьбе с торговлей людьми.

Бесспорно, подобные механизмы имеют место быть. В частности, можно отметить деятельность Межучережденческой координационной группы по борьбе с торговлей людьми, объединяющей с 2007 года подразделения Организации объединенных наций (далее — ООН) [3, с. 67–74], а также Группы экспертов по противодействию торговле людьми (далее — ГРЕТА), созданной в рамках Совета Европы [4, с. 46–65] и др.

Вместе с тем в настоящий момент времени не удалось выработать единую позицию относительно того, какие именно деяния и при наличии каких конкретно условий относятся к торговле людьми. Как следствие, отсутствует точная статистика распространенности торговли людьми и связанных с ней проявлений криминальной эксплуатации человека как в целом в мире, так и на территории конкретных государств. Проводимые исследования, по мнению специалистов, не оказывают существенного влияния на ситуацию по борьбе с данным видом преступлений.

Исследования распространенности торговли людьми в отдельных государствах и мерах, принимаемых властями данных стран по борьбе с ней, зачастую используются как оружие в информационной войне. Данный факт можно продемонстрировать на примере деятельности

Управления по контролю за торговлей людьми и борьбе с ней Государственного департамента США, доклады которого являются одним из оправданий проводимой санкционной политики [5] в части оснований применения ограничений в отношении внешней помощи указанным в нем странам [6]. Вышесказанное существенно подрывает доверие как к отдельным докладчикам и представляемым ими странам, так и в целом к результатам мониторинговой деятельности по данному направлению [7].

Говоря о непосредственном взаимодействии правоохранительных органов по борьбе с торговлей людьми, необходимо отразить важную практическую значимость деятельности международной полицейской организации Интерпол, в качестве основных направлений которой можно выделить:

- координацию совместных полицейских операций по ликвидации международных преступных сетей, занимающихся торговлей людьми [8];

- координацию деятельности правоохранительных органов различных стран и оказание им информационного содействия при расследовании преступлений трансграничного характера. В том числе путем введения баз данных в отношении лиц, причастных к торговле людьми, а также информационных массивов, содержащих сведения о документах (утерянных или похищенных), которыми могут воспользоваться преступники для сокрытия личности жертвы [9, с. 84–89];

- организацию подготовки сотрудников правоохранительных органов, а также развитие сотрудничества различных международных правительственных и общественных организаций по вопросам борьбы с торговлей людьми, рабством, нелегальной миграцией [10, с. 70–72].

Вместе с этим следует сказать, что, несмотря на наличие каналов международного полицейского сотрудничества, осуществляемого как в рамках договорно-правового, так и институционального механизмов взаимодействия [11, с. 19], современные политические реалии вносят свои существенные коррективы, не всегда положительного характера. Так, попытки со стороны США и их сателлитов «изолировать» Россию на мировой арене, отказ признавать «вернувшиеся в родную гавань» регионы, блокирование как открытое, так и завуалированное российских интеграционных инициатив в области борьбы с преступностью и обеспечения мировой безопасности привели к тому, что практическая реализация взаимодействия с целым

рядом государств не возможна либо сведена до минимума. Прежде всего, речь идет о недружественных нам странах либо государствах, властные круги которых опасаются навлечь на себя «недовольство западного хозяина» из-за слишком тесных контактов с нашей страной. Кроме того, в ответ на проводимую недружественную политику в отношении нашей страны, Российская Федерация была вынуждена предпринять ряд шагов по выходу из международных институтов. В частности, в марте–июне 2022 года Российская Федерация добровольно вышла из состава Совета Европы и денонсировала ряд конвенций, в том числе Европейскую конвенцию по правам человека [12].

Вышесказанное свидетельствует о том, что институты международного взаимодействия во многом зависимы от проводимого политического курса различных государств, их взаимоотношений, а также складывающейся геополитической ситуации в мире.

Наряду с политической ангажированностью вопроса борьбы с торговлей людьми, международное полицейское взаимодействие по данному направлению затрудняет высокая экономическая рентабельность рассматриваемого вида преступной деятельности и связанных с ним форм эксплуатации человека.

Если ранее возможность извлечения сверхприбыли в результате торговли людьми, а также последующей сексуальной, трудовой и иных форм эксплуатации жертв привлекала внимание к данному виду криминального бизнеса представителей организованных преступных формирований и террористических организаций, то в последнее время просматривается заинтересованность в подобных формах эксплуатации со стороны целого ряда государств.

Разумеется, представители органов власти и управления, а также крупных бизнес кругов в открытую не занимаются торговлей людьми и не поощряют ее, как это было ранее, например, в эпоху великих географических открытий [13]. Напротив, на официальном уровне торговля людьми и эксплуатация человека порицаемы. Однако в данном случае мы имеем дело скорее с политикой двойных стандартов, чем с истинной борьбой с торговлей людьми.

Это можно продемонстрировать на ряде примеров. Показательной является ситуация, связанная с проституцией, которая согласно положениям международных нормативных правовых актов представляет собой одну из наиболее распространенных форм сексуальной эксплуатации жертв торговли людьми. В частности,

государства, ратифицировавшие Конвенцию ООН по борьбе с торговлей людьми, обязались «подвергать наказанию каждого, кто для удовлетворения похоти другого лица: сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо, даже с согласия этого лица; эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица» [14]. Однако, призывая бороться с торговлей людьми, целый ряд государств легализовали проституцию, приравнивая ее к официальной форме трудовой деятельности [15, с. 78–79], порождая тем самым спрос на «рабочую силу» в данной «отрасли». Примером этого может служить ситуация, складывающаяся с украинскими беженками, прибывающими в Европу, которые становятся легкой добычей сутенеров и торговцев людьми. «Шестьдесят пять процентов случаев торговли людьми связаны с женщинами, как правило, для сексуальной эксплуатации», — заявила заместитель директора агентства «ООН-женщины» Джо-Энн Бишоп, указывая на «высокий риск» того, что украинские женщины могут оказаться втянуты в проституцию или порноиндустрию» [16]. На это также указывал постоянный представитель Российской Федерации при ООН В. А. Небензя, отмечая, что «международные структуры обязаны проследить, чтобы украинские женщины и дети, попавшие в Европу, не стали жертвами европейских организованных преступных группировок, промышляющих торговлей людьми. Свидетельства об этом уже имеются» [17].

Вместе с тем подобная политика легко объяснима высокой доходностью проституции и возможностью извлечения государством прибыли от ее налогообложения. Так, например, по сообщениям средств массовой информации (далее — СМИ), еще в 2014 году при подсчете ВВП ряда западных стран учитывались «элементы теневой экономики. В первую очередь это наркоторговля, проституция и контрабанда» [18].

Более отчетливо роль ряда государств в лице их специальных служб как в формировании спроса на «живой товар», так и непосредственно участие в торговле людьми стала видна в результате проведения специальной военной операции на Украине. В частности, российскими [19] и иностранными СМИ были получены многочисленные сведения, указывающие на причастность различных общественных организаций, связанных со специальными службами западных стран, к фактам торговли детьми с территории Украины, которые продавались для усыновления в нарушение правил суррогатного материнства, а также для сексуальной

эксплуатации педофилами и незаконного изъятия органов («черная трансплантология»).

В интервью Российской газете официальный представитель МИД Российской Федерации М. В. Захарова сообщила, что «в июне 2023 года на украинско-словацкой границе был задержан мужчина, который, будучи сотрудником некой благотворительной организации, занимался торговлей украинскими детьми за рубеж, в том числе для пересадки органов». Кроме того, дипломат привела «данные о том, что в июне 2023 года представители минздрава одной из натовских стран договорились с украинской стороной о поставке вагона-рефрижератора с человеческими органами и частями тела, которые чаще всего используют в трансплантологии. Это роговицы глаза, некоторые кости, соединительные ткани, сердца и печень» [20].

Наряду с черными трансплантологами на территории Украины активно развивается торговля людьми под видом процедур суррогатного материнства. «Украина стала мировым центром торговли детьми для западных стран. Результаты своего расследования обнародовал американский журналист и телеведущий Клейтон Моррис. Проблема приобрела такой размах, что ее существование признают даже киевские власти» [21].

В данном случае мы можем наблюдать конфликт между правоохранными и экономическими интересами, что, в свою очередь, затрудняет и без того непростую деятельность по борьбе с торговлей людьми.

Таким образом, мы можем констатировать наличие целого ряда сложностей в области борьбы с торговлей людьми, в основе которых лежат не только технико-юридические проблемы, связанные, в том числе, с разностью подходов к криминализации конкретных деяний, имеющих признаки торговли людьми. Но также и причины социального, экономического и политического характера.

Практические предложения для их решения:

— необходимо повышать уровень международного полицейского сотрудничества;

— повысить уровень взаимодействия правоохранительных органов с общественными организациями, специализирующимися на оказании помощи жертвам торговли людьми и криминальной эксплуатации человека;

— увеличивать усилия суверенных государств по искоренению причин и условий, делающих торговлю людьми одним из самых высококорентабельных и относительно безопасных криминальных бизнесов.

Список источников

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принят в городе Нью-Йорке 15 ноября 2000 года Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.09.2023).

2. Грачева В. Г. Обзор законодательства и правоприменительной практики Великобритании, Германии, Италии, США, Франции и Швеции в области противодействия торговле людьми и принудительному труду. URL: <https://russia.iom.int/sites/g/files/tmzbd11036/files/documents/Overview%20human%20trafficking%20fin.pdf> (дата обращения: 23.09.2023).

3. Сакаева О. И. Международно-правовые проблемы сотрудничества в сфере противодействия торговле людьми // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения 2018. № 4. С. 67–74.

4. Алисиевич Е. С. Совет Европы на страже прав жертв торговли людьми: правовые стандарты и факторы риска // Международное правосудие 2018. № 3 (27). С. 46–65.

5. Деловая газета «Взгляд». URL: <http://www.vz.ru/news/2013/6/20/637941.html> (дата обращения: 20.10.2023).

6. Официальный сайт посольства США в Российской Федерации: Докладу о торговле людьми 20 лет. Подведение итогов URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/our-relationship-ru/official-reports-ru/tip20years/> (дата обращения: 10.02.2024).

7. Торговля людьми — верхушка айсберга нарушений прав человека в США — МИД КНР ИА Красная Весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/a36b26cd> (дата обращения: 10.10.2023).

8. Операции по пресечению торговли людьми / Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Human-trafficking/Operations-to-curb-human-trafficking> (дата обращения: 10.02.2024).

9. Гусейнов Т. А. Роль взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации по линии Интерпола при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми // Известия тульского государственного университета. Тула. 2019. № 3. С. 84–89.

10. Пузырева Ю. В. Вклад Интерпола в противодействие незаконной миграции // Международный журнал конституционного и государственного права 2020. № 1. С. 70–72.

11. Нигматуллин Р. В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX — начале XXI столетия (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007.

12. Информационное письмо Управления международного сотрудничества МВД России от 28.04.2022 пер. № 21/13/6716. URL: <https://pravo.ppt.ru/pismo/mvd?ysclid=lutma20h1t872124026> (дата обращения: 10.02.2024).

13. Филиппов В. Р. Филиппова Е. И. Работоторговля в истории Гваделупы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabotorgovlya-v-istorii-gvadelupy/viewer> (дата обращения: 23.07.2023).

14. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, принятой резолюцией Генеральной ассамблеи ООН от 2 декабря 1949 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (дата обращения: 23.12.2023).

15. Алихаджиева И. С. Проституция как социальное явление: уголовно-правовые и криминологические последствия: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. С. 78–79.

16. В Европе обеспокоены ростом торговли и сексуальной эксплуатации беженцев с Украины. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/30/19161073.shtml> (дата обращения: 23.09.2023).

17. Небензя заявил о случаях торговли в Европе женщинами и детьми с Украины. URL: <https://ria.ru/20220520/evropa-1789838891.html> (дата обращения: 23.09.2023).

18. Европа впервые включила в расчеты ВВП наркоторговлю и проституцию. Подробнее на РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/10/2014/5440e924cbb20f3927c14baa> (дата обращения: 23.10.2023).

19. Украина — криминальный «лидер» в торговле человеческими органами. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2022521433-a7dcJ.html> (дата обращения: 23.10.2023).

20. Офицер Народной милиции ЛНР: К черным трансплантологам на Украину отправляют 20–30 раненых в день. URL: <https://life.ru/p/1510565> (дата обращения: 23.09.2023).

21. Украина превратилась в мировой центр торговли людьми. URL: 1tv.ru/news/2023-08-13/459134 (дата обращения: 17.06.2024).

References

1. Protocol on the Prevention, Suppression and Punishment of Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime: adopted in New York on 15.11.2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 23.09.2023). (In Russ.)

2. Gracheva V. G. Review of legislation and law enforcement practice of Great Britain, Germany, Italy, USA, France and Sweden in the field of combating human trafficking and forced labor. URL: <https://russia.iom.int/>

sites/g/files/tmzbd11036/files/documents/Overview%20human%20trafficking%20fin.pdf (accessed 23.09.2023). (In Russ.)

3. Sakaeva O. I. International legal problems of cooperation in the field of combating human trafficking. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 67–74. (In Russ.)

4. Alisievich E. S. The Council of Europe on the protection of the rights of victims of human trafficking: legal standards and risk factors. *International Justice*, 2018, no. 3 (27), pp. 46–65. (In Russ.)

5. Business newspaper "Vzglyad". URL: <http://www.vz.ru/news/2013/6/20/637941.html> (accessed 23.09.2023). (In Russ.)

6. Official website of the US Embassy in the Russian Federation: The report on human trafficking is 20 years old. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/our-relationship-ru/official-reports-ru/tip20years/> (accessed 23.09.2023). (In Russ.)

7. Human trafficking is the tip of the iceberg of human rights violations in the United States — Chinese Foreign Ministry IA Krasnaya Vesna. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/a36b26cd> (accessed 24.10.2023). (In Russ.)

8. Operations to suppress human trafficking / Interpol official website. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Human-trafficking/Operations-to-curb-human-trafficking> (accessed 10.02.2024). (In Russ.)

9. Huseynov T. A. The role of interaction between law enforcement agencies of the Russian Federation through Interpol in the investigation of crimes related to human trafficking. *Izvestiya Tula State University*, Tula, 2019, no. 3, pp. 84–89. (In Russ.)

10. Puzyreva Y. V. Interpol's contribution to counteracting illegal migration. *International Journal of Constitutional and State Law*, 2020, no. 1, pp. 70–72. (In Russ.)

11. Nigmatullin R. V. Cooperation of states in the fight against crimes of an international nature in the XX — early XXI century (historical and legal aspect): Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2007. (In Russ.)

12. Information letter from the Department of International Cooperation of the Ministry of Internal Affairs of Rus-

sia dated April 28, 2022 reg. no. 21/13/6716. URL: <https://pravo.ppt.ru/pismo/mvd?ysclid=lutma20h1t872124026> (accessed 10.02.2024). (In Russ.)

13. Filippov V. R. Filippova E. I. Slave trade in the history of Guadeloupe. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabotorgovlya-v-istorii-gvadelupy/viewer> (accessed 23.07.2023). (In Russ.)

14. The Convention for the Suppression of Trafficking in Persons and the Exploitation of Prostitution by Third Parties, adopted by resolution of the UN General Assembly of December 2, 1949. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (accessed 23.12.2023). (In Russ.)

15. Alikhajeva I. S. Prostitution as a social phenomenon: criminal law and criminological consequences. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2021. pp. 78–79. (In Russ.)

16. Europe is concerned about the increase in trafficking and sexual exploitation of refugees from Ukraine. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/11/30/19161073.shtml> (accessed 23.09.2023). (In Russ.)

17. Nebenzia reported cases of trafficking in women and children from Ukraine in Europe. URL: <https://ria.ru/20220520/evropa-1789838891.html> (accessed 23.09.2023). (In Russ.)

18. Europe for the first time included drug trafficking and prostitution in GDP calculations. Read more on RBC. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/10/2014/5440e924cbb20f3927c14baa> (accessed 23.10.2023). (In Russ.)

19. Ukraine is a criminal "leader" in human organ trafficking. URL: <https://zvezdaweb.ru/news/2022521433-a7dcJ.html> (accessed 23.09.2023). (In Russ.)

20. Officer of the People's Militia of the LPR: 20-30 wounded people are sent to black transplantologists in Ukraine per day. URL: <https://life.ru/p/1510565> (accessed 23.09.2023). (In Russ.)

21. Ukraine has become a global center for child trafficking. URL: 1tv.ru/news/2023-08-13/459134 (accessed 17.06.2024). (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Дягилев — кандидат юридических наук, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России;

В. А. Бессонов — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

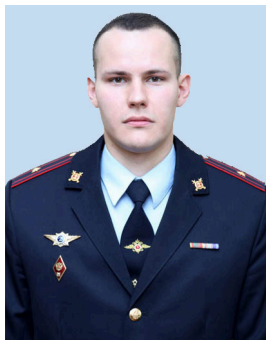
A. A. Diaghilev — Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of Operational Investigative Activities of the Educational and Scientific Complex of Countering Economic and Tax Crimes Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

V. A. Bessonov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Operational Investigative Activities of the Educational and Scientific Complex of Countering Economic and Tax Crimes Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 341:31

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-73-79>

**Содержание оперативно-розыскного мероприятия
«Наведение справок» при выявлении и раскрытии преступлений,
совершаемых с использованием сети «Интернет»**

Захаров Николай Дмитриевич

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, ratinho@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы, формы, методы и ожидаемые результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий «Наведение справок» в зависимости от складывающейся обстановки при выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет» с учетом возможностей, предоставляемых информационно-телекоммуникационными сетями на современном этапе. На основе правовых, организационных, тактических и технических особенностей рассматриваются различные направления проведения ОРМ «Наведение справок» как непосредственно в сети «Интернет», так и возможности применения информационно-поисковых систем, стоящих на обеспечении полиции, а также находящихся в свободном доступе.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, наведение справок, интернет, информационные системы

Для цитирования: Захаров Н. Д. Содержание оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» при выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 73–79. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-73-79>.

Original article

**The main directions of the operational search activity “Making inquiries”
in the identification and disclosure of crimes committed using the Internet**

Nikolai D. Zakharov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation, ratinho@bk.ru

Abstract. The article discusses various methods, forms, methods and expected results of conducting an operational search event “Making inquiries”, depending on the current situation in identifying and solving crimes committed using the Internet, taking into account the possibilities presented by information and telecommunications networks at the present stage. On the basis of legal, organizational, tactical and technical features, various directions of conducting the ORM “Making inquiries” are considered both directly on the Internet, and the possibility of using information search engines that support the police, as well as those that are freely available.

© Захаров Н. Д., 2024

Keywords: operational investigative activities, operational investigative measures, inquiries, Internet, information systems

For citation: Zakharov N. D. The main directions of the operational search activity "Making inquiries" in the identification and disclosure of crimes committed using the Internet. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 73–79 (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-73-79>.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий предопределило рост числа преступлений, совершаемых в рассматриваемой сфере. Реагируя как на современные внутренние вызовы в государстве, так и резко осложнившуюся внешнеполитическую обстановку, МВД России во взаимодействии с иными государственными, в том числе не правоохранительными органами, организует работу, направленную на противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Особую значимость здесь приобретает использование сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) как одного из действенных элементов системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

На сегодняшний день остается дискуссионным вопрос о правовой регламентации проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) в сети «Интернет». Не ставя в настоящем исследовании задачу уяснить теоретико-правовые основы осуществления ОРД в сети «Интернет», отметим, что анализ научной литературы и нормативной правовой базы позволил нам полностью разделить позицию известного ученого в рассматриваемой сфере доктора юридических наук, профессора В. И. Шарова, высказанную еще в 2018 году, но не потерявшую актуальность и сегодня, указывающего, что единая концепция по получению и использованию информации из сети «Интернет» в процессе ОРД не сформирована окончательно, алгоритм действий в принципе понятен, но законность и целесообразность таких действий во многих случаях требуют объяснения [1, с. 82].

Представляется, что по причине отсутствия закрепленных на государственном уровне правовых основ деятельности субъектов ОРД в сети «Интернет» разрешение данной проблемы лежит в плоскости определения различных форм, средств и методов проведения ОРМ в сети «Интернет» и их документального оформления.

Таким образом, в настоящей статье мы умышленно не затрагивали дискуссионные вопросы, связанные с пониманием содержания и пределов проводимых в сети «Интернет»

ОРМ, и сфокусировали усилия на рассмотрении конкретных способов проведения ОРМ «Наведение справок» в сети «Интернет» как одного из самых перспективных, по нашему мнению, мероприятий, представляющих оперативному сотруднику богатый функционал как с точки зрения правовых основ и универсальности в выборе форм, средств и методов проведения, так и широкого пласта информации, получаемой по его результатам.

Изучение архивных уголовных дел, анализ научной литературы и результатов интервьюирования респондентов — сотрудников оперативных подразделений ОВД, а также личный практический опыт автора [2] позволили выделить следующие основные направления проведения ОРМ «Наведение справок».

1. *Установление технической информации (регистрационных данных) о пользователе, создавшем и администрирующем страницу в социальной сети* [3, с. 112]. Каждый зарегистрированный пользователь социальной сети, как и каждая созданная в ней группа (сообщество), имеют персональный идентификационный номер так называемый *ID*. При получении информации в отношении конкретного аккаунта (сообщества) оперативному сотруднику необходимо направить соответствующий запрос в адрес администрации ресурса. В зависимости от задач, стоящих перед оперативным сотрудником, могут быть получены следующие сведения:

— адрес и наименование страницы, указанные при регистрации анкетные данные;

— дата, время и *IP*-адрес регистрации страницы;

— номер телефона, привязанный к аккаунту (для *SMS*-подтверждения при прохождении двухфакторной аутентификации);

— электронная почта, привязанная к аккаунту;

— время последнего изменения пароля и *IP*-адрес, с которого было совершено это действие;

— история изменений имени пользователя и привязки телефонного номера;

— время размещения указанного в запросе контента и *IP*-адрес, с которого он был опубликован;

- список IP-адресов, с которых осуществлялся вход на страницу;
- история блокировок страницы и обращений в техподдержку;
- сведения о произведенных в социальной сети платежных операциях;
- информация о списке друзей пользователя;
- операционная система и браузер, использующиеся на устройстве пользователя [4, с. 114].

Аналогичные данные могут быть получены и в отношении группы (сообщества): имена ее создателей и членов, время и IP-адрес, с которого осуществлялась публикация сообщения в группе.

2. *Установление владельцев сайтов, ресурсов, доменных имен (включая способы оплаты за эти услуги)* [3, с. 112]. Для установления лица, создавшего сайт, возможно использовать бесплатные и общедоступные интернет-сервисы типа Whois (например, *2ip.ru/whois/*, *reg.ru/whois/* и др.). В первую очередь следует определить компанию — регистратора доменного имени ресурса и компанию, на технических площадках которой размещен ресурс (хостинг-провайдера). После этого в адрес компании направляется запрос о предоставлении сведений, с каких IP-адресов создавался и администрировался сайт, о способах оплаты услуг, а также информации, указанной о себе лицом при регистрации данного сайта.

Указанные регистрационные данные не подлежат обязательной проверке (идентификации личности) со стороны регистратора доменного имени и (или) хостинг-провайдера и могут умышленно искажаться злоумышленниками. Но указанные сведения все равно целесообразно запрашивать и проверять, так как в ответе компании могут содержаться и IP-адреса авторизации, платежные реквизиты, адрес электронного почтового ящика создателя ресурса.

3. *Установление сведений по электронному почтовому ящику (далее — ЭПЯ) и облачным хранилищам данных* [3, с. 112]. Для установления владельца ЭПЯ необходимо направить соответствующий запрос в адрес владельца почтового клиента (например, *@mail.ru*, *@yandex.ru*, *@ramler.ru* и др.). Отметим, что такие организации могут быть зарегистрированы и за рубежом (*@gmail.com*, *@hotmail.com*, *@yahoo.com*).

В данном контексте необходимо отметить, что и операторы связи, и организаторы распространения информации в сети «Интернет» обязаны предоставлять информацию

уполномоченным государственным органам, осуществляющим ОРД или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами.

Необходимую информацию уполномоченные органы могут получить не только от российских организаций — собственников интернет-сервисов, но и от организаций, зарегистрированных вне юрисдикции Российской Федерации, но осуществляющих свою деятельность на ее территории [5]. Речь идет о так называемом законе о «приземлении» [6].

Указанный закон определил обязанность владельцев иностранных информационных ресурсов с суточной аудиторией более полумиллиона российских пользователей организовать в Российской Федерации свое представительство (учредить юридическое лицо), зарегистрировать личный кабинет на сайте Роскомнадзора, а также разместить на своем ресурсе электронную форму для обратной связи с российскими гражданами или организациями. Ранее законодательство не налагало указанных обязанностей на иностранные организации, что формально позволяло уклоняться от ответа на поступающие запросы правоохранительных органов.

Возвращаясь к результатам рассматриваемого способа проведения ОРМ, отметим, что могут быть получены следующие сведения:

- указанные при регистрации анкетные данные;
- дата, время и IP-адрес регистрации ЭПЯ;
- номер телефона, привязанный к ЭПЯ;
- дополнительная электронная почта, привязанная к аккаунту;
- сведения о произведенных платежных операциях;
- список IP-адресов, с которых осуществлялся вход на ЭПЯ;
- история изменений ЭПЯ, смены номера телефона, других данных.

Аналогичного алгоритма следует придерживаться и при установлении лица, создавшего облачное хранилище данных (как правило, на базе существующего аккаунта почтового клиента) — модель онлайн-хранилища, где данные хранятся на многочисленных распределенных в сети серверах, предоставляемых в пользование клиентам, — в так называемом «облаке», которое, с точки зрения клиента, является одним большим виртуальным сервером.

4. *Установление сведений о владельцах электронного кошелька (электронной платежной системы)* [3, с. 112]. Наиболее распространенными сервисами перевода электронных

денежных средств в настоящее время являются *ЮMoney, YandexMoney, PayPal* и др. Следует учитывать, что функциональные возможности данных систем определены федеральным законом [7] и зависят от прохождения пользователем процедуры идентификации, которая позволяет осуществлять платежи и переводы без ограничений, а также расширяет возможности по снятию денежных средств. В случае ее прохождения пользователь сообщает исчерпывающие сведения о своей личности. Если этого не произошло, то его финансовая активность ограничивается. Однако стоит учитывать возможность использования злоумышленниками поддельных документов, удостоверяющих личность, либо заведомо ложных в этих целях подставных лиц. В названных организациях возможно запросить сведения о сеансах доступа к учетной записи (перечень технической информации соответствует рассмотренным выше примерам). При необходимости получения выписки о движении денежных средств по счетам требуется судебное решение, которое направляется в организацию. В ответе могут содержаться персональные данные, реквизиты банковских карт или номера электронных кошельков, связанные со счетом (пополнение баланса, переводы по номеру телефона), об абонентских номерах телефонов, о детализации финансовых операций.

5. Установление принадлежности IP-адреса. При получении от соответствующей организации сведений о дате, времени и конкретном IP-адресе обращения к ресурсу важнейшим этапом документирования является установление адреса конечного оборудования, а также личности конкретного лица, осуществляющего выход в сеть «Интернет».

Для определения провайдера используются общедоступные интернет-сервисы *Whois*. При установлении соответствующей организации в ее адрес направляется запрос, где указываются искомый IP-адрес, точные дата и время обращения к ресурсу, при наличии сведения о ресурсе, к которому осуществлялось обращение, что может значительно сузить рамки поиска интересующей информации. В ответе на запрос возможно получить следующие сведения:

- наименование логина, присвоенного пользователю;
- номер, дату заключения договора об оказании услуг связи;
- адрес оказания услуг;
- анкетные данные и контактный телефон абонента;

— способы оплаты услуг связи;

— MAC-адрес сетевого устройства. Отметим, что установление MAC-адреса — необходимая процедура процесса документирования по той причине, что изъятие сетевой техники с идентичным номером MAC-адреса при производстве обыска (выемки) является существенным доказательством по уголовному делу.

Необходимо учитывать, что IP-адрес может быть как статическим (один адрес соответствует одному пользователю), так и динамическим (один адрес используется одновременно различными пользователями для подключения к сети). Естественно, что последнее затрудняет установление личности пользователя, однако не делает это невозможным. При получении от провайдеров ответов, содержащих большое количество пользователей, которым выделялся искомый оперативным сотрудником IP-адрес, целесообразным является проведение фильтрации ответа с использованием известных сведений (в совокупности с IP-адресом обращения, номером телефона, адресом оборудования и др.).

Предоставление динамического IP-адреса также характерно для мобильного интернета, то есть с использованием сим-карты оператора сотовой связи. В этом случае следует провести фильтрацию данных с использованием сведений о возможных абонентских номерах телефонов проверяемого лица.

6. Установление принадлежности абонентского номера телефона. Обладая информацией об используемом проверяемым абонентском номере телефона, оперативный сотрудник имеет возможность установить его принадлежность посредством направления мотивированного запроса в адрес компании сотовой связи, без взаимодействия с подразделениями специальных технических мероприятий МВД России (далее — ПСТМ). Полученный ответ может быть представлен в качестве доказательства по уголовному делу, а также содержать в себе, помимо регистрационных данных последнего владельца сим-карты, данные о прежних владельцах, способах пополнения баланса, о платежных операциях по счету.

7. Получение сведений об установочных данных лиц из различных информационных баз данных, поисковых систем, реестров. ОРМ «Наведение справок» проводится также при необходимости установления анкетных данных проверяемых и их связей, используемых средств связи, автомобилей и иных

транспортных средств, получения иного характеризующего материала. Для этого целесообразно использовать следующие сервисы информационного обеспечения деятельности:

— ИБД-Ф и ИБД-Р (интегрированный банк данных федерального и регионального уровней). Осуществляется поиск по критериям: лицо, событие (преступление), организация, адрес, автомобиль, информация о лице. Кроме того, функционирует модуль оперативно-справочной картотеки (ОСК) — картотеки лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, осужденных за совершение преступлений;

— Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России, включает такие сервисы, как информационная поисковая система (далее — ИПС) «Следопыт-М», аккумулирующая в себе информацию из различных баз данных, используемых в подразделениях системы МВД России; ФИС «ГИБДД-М», где аккумулируются сведения обо всем зарегистрированном на территории Российской Федерации автотранспорте; АС «Российский паспорт»; АИПС «Оружие-МВД».

Помимо указанных систем, содержат значительный массив информации различные ИПС в области контроля за дорожным движением: ИПС «Андромеда», предоставляющая возможность установления маршрута отдельно взятого автомобиля (с фотографиями), а также ИПС «Паутина».

Добавим, что путем направления запросов в различные государственные и муниципальные органы могут быть установлены сведения об имущественном положении лица, его финансовых обязательствах и задолженностях, имуществе, находящемся в собственности, месте работы, учебы, факте нахождения на специальных учетах в медицинских организациях.

В данном контексте следует упомянуть важнейшее, на наш взгляд, решение законодателя в свете цифровизации общества и противодействия преступности. Федеральным законом от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» на базе Федеральной налоговой службы и имеющихся многочисленных разрозненных государственных баз данных и информационных систем создан единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении Российской Федерации (далее — ЕФИР). ЕФИР предполагает сбор, обработку, хранение, получение и использование

сведений о населении, получаемых из различных баз данных органов исполнительной власти [8].

Сюда следует отнести возможности использования биометрических данных. Федеральным законом от 29 декабря 2022 года № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [9] утвержден порядок использования Единой биометрической системы (ГИС ЕБС). Система предполагает использование биометрических данных (радужная оболочка глаза, отпечаток пальца, голос, изображение лица, рисунок вен ладони) для идентификации личности в сфере оказания государственных услуг и банковской сфере.

8. *Получение сведений на общедоступных ресурсах в сети «Интернет».* Необходимо учитывать, что значительный массив сведений может быть получен посредством использования открытых интернет-сервисов, что не требует получения специальных разрешений и санкционирования проведения ОРМ. К таким ресурсам относятся:

— сервисы, позволяющие получить характеризующий материал на проверяемое лицо без направления соответствующих запросов (банк данных исполнительных производств — <https://fssp.gov.ru/iss/ip/>; реестр уведомлений о залоге движимого имущества Федеральной нотариальной палаты — <https://www.reestr-zalogov.ru/>; судебные решения судов общей юрисдикции — <https://sudact.ru/> и др.);

— сервисы, позволяющие определить банк-эмитент пластиковой карты по БИН (банковский идентификационный номер), оператора связи любого абонентского номера (<http://reg.num>);

— сервисы, позволяющие определить происхождение фотографий и изображений (<http://regex.info/exif.cgi>, <http://www.findexif.com>);

— сервисы, позволяющие идентифицировать пользователя сети «Интернет» по его имени, номеру телефона или адресу электронной почты (<https://pipl.com>, <http://www.webmii.com>);

— сервисы, позволяющие получить информацию о владельце доменного имени, хостинг-провайдере, владельце IP-адреса (<http://who.is>, <http://www.whoishostingthis.com>, <http://myip.ms>, <http://www.ewhois.com>).

Подводя промежуточные итоги, отметим важное, на наш взгляд, обстоятельство, определяющее определенную научную новизну и практическую направленность нашего исследования. Все вышеуказанные направления проведения ОРМ «Наведение справок» могут осуществляться самостоятельно сотрудниками оперативных подразделений ОВД без привлечения сил и средств ПСТМ МВД России, взаимодействие с которыми затрудняется формально определенными требованиями ведомственных нормативных правовых актов, а полученные результаты проведения оперативно-технических мероприятий, по сути, ничем не отличаются от результатов, полученных при проведении гласного ОРМ «Наведение справок». В этой связи отсутствует необходимость согласования возможности предоставления результатов в органы дознания, следствия и суда, а решение при этом принимает самостоятельно должностное лицо оперативного подразделения ОВД.

Таким образом, рассмотренные нами способы проведения ОРМ «Наведение справок», безусловно, не являются исчерпывающими, но могут отражать основные направления работы сотрудников оперативных подразделений ОВД при выявлении, раскрытии и (или) документировании преступлений, совершаемых как в сети «Интернет», так и преступлений, совершаемых без применения информационно-телекоммуникационных технологий, но выявление и раскрытие которых требуют использования информационно-телекоммуникационных технологий.

В проведенном исследовании нами продемонстрирован широчайший инструментарий ОРМ «Наведение справок» как при обращении к различным автоматизированным информационно-поисковым системам, так и при поиске, сборе, анализе информации о проверяемых лицах с применением информационно-телекоммуникационных сетей. Использование указанных нами способов проведения ОРМ «Наведение справок», уяснение их содержания, а также знание «выходного результата» — конкретной оперативно значимой информации, которую возможно получить, позволят успешно выполнять задачи, стоящие перед ОРД в условиях современного информационного общества.

Список источников

1. Шаров В. И. Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 82–87.

2. Захаров Н. Д. Деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 238 с.

3. Захаров Н. Д. Особенности проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий при выявлении и раскрытии преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 108–115.

4. Гаврилин Ю. В., Аносов А. В., Баранов В. В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 1. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. 208 с.

5. Захаров Н. Д. Оперативно-розыскная деятельность в сети Интернет как объект правового регулирования // Оперативно-розыскная деятельность в современных условиях: материалы межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22–23 июня 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 57–61.

6. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации: федеральный закон от 1 июля 2021 года № 236-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2024).

7. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2024).

8. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: федеральный закон от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2024).

9. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 572-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.01.2024).

References

1. Sharov V. I. Operational investigative measures on the Internet. *Society and law*, 2018, no. 2 (64), pp. 82–87. (In Russ.)

2. Zakharov N. D. The activities of the operational units of the internal affairs bodies for the identification and disclosure of crimes against the sexual integrity of minors committed using the Internet. Dissertation... candidate of legal sciences. Volgograd, 2022. 238 p. (In Russ.)

3. Zakharov N. D. Peculiarities of carrying out certain operational investigative measures in the identification and disclosure of crimes against the sexual integrity of minors committed using the Internet. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (64), pp. 108–115. (In Russ.)

4. Gavrilin Yu. V., Anosov A. V., Baranov V. V. The activities of the internal affairs bodies to combat crimes committed using information, communication and high technologies: a textbook. In 2 parts. Part 1. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)

5. Zakharov N. D. Operational investigative activity on the Internet as an object of legal regulation. Operational investigative activity in modern conditions: materials of the interdepartmental scientific and practical conference, St. Petersburg, June 22–23, 2023. St. Petersburg:

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. Pp. 57–61. (In Russ.)

6. On the activities of foreign persons in the information and telecommunications network “Internet” on the territory of the Russian Federation: federal law no. 236-FZ of July 1, 2021. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.01.2024). (In Russ.)

7. On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism: federal law no. 115 FZ of August 7, 2001. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.01.2024). (In Russ.)

8. On the Unified Federal Information Register containing information about the population of the Russian Federation: federal law no. 168-FZ of June 8, 2020. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.01.2024). (In Russ.)

9. On the identification and (or) authentication of Individuals using biometric personal data, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation: federal law no. 572-FZ of December 29, 2022. Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (accessed 16.01.2024). (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Д. Захаров — кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России.

Information about the author

N. D. Zakharov — Candidate of Sciences (Law), Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-80-85>

**Причинный комплекс возникновения криминальных рисков,
вызванных применением технологий искусственного интеллекта,
и превентивные меры по их предупреждению**

Кобец Петр Николаевич

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия,
pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. В работе акцентируется внимание на том, что широкое внедрение роботизации в условиях развития цифрового общества требует совершенствования мер безопасности при внедрении технологических процессов, основанных на искусственном интеллекте, вследствие реальных рисков, влекущих наступление негативных последствий. В частности, развитие технологических процессов будет способствовать возрастанию случаев, связанных с причинением вреда обществу, которое будет вынуждено прибегнуть к развитию законодательных основ по привлечению виновных к юридической ответственности. В процессе проведенного исследования убедительно доказано, что разнообразные угрозы могут возникнуть из-за отсутствия адаптированных к специфическим особенностям новых технологий, уголовно-правовых механизмов по охране общественных отношений, а также возникающей в связи с этим законодательной расплывчатостью по вопросу субъектов правовых отношений в случаях возникновения ущерба и причиненного вреда данными технологиями. В этой связи повышается актуальность вопросов, предусматривающих повышенную ответственность как работодателей, так и самих работников, связанных с индустрией искусственного интеллекта. В заключение делается вывод о том, что, минимизируя разнообразные риски использования новых технологий, которые могут приводить к непредсказуемым негативным последствиям, имеющим резонансный характер, возможно обеспечить необходимый уровень общественного доверия со стороны общества.

Ключевые слова: цифровое общество, технологический прогресс, новые технологии, правовое регулирование, законотворческая деятельность, юридическая ответственность, обеспечение безопасности, законодательные меры

Для цитирования: Кобец П. Н. Причинный комплекс возникновения криминальных рисков, вызванных применением технологий искусственного интеллекта, и превентивные меры по их предупреждению // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (61). С. 80–85. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-80-85>.

© Кобец П. Н., 2024

Original article

The causal complex of the emergence of criminal risks caused by the use of artificial intelligence technologies and preventive measures to prevent them

Peter N. Kobets

National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, pkobets37@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. The work focuses on the fact that the widespread introduction of robotization in the context of the development of a digital society requires improving security measures when introducing technological processes based on artificial intelligence, due to real risks leading to negative consequences. In particular, the development of technological processes will contribute to an increase in cases associated with causing harm to society, which will be forced to resort to the development of a legislative framework to bring the perpetrators to legal responsibility. In the process of the study, it was convincingly proven that various threats can arise due to the lack of new technologies adapted to the specific features, criminal legal mechanisms for the protection of public relations, as well as the resulting legislative vagueness on the issue of subjects of legal relations in cases of damage and harm caused by these technologies. In this regard, the relevance of issues involving increased responsibility of both employers and workers themselves associated with the artificial intelligence industry is increasing. In conclusion, it is concluded that by minimizing the various risks of using new technologies, which can lead to unpredictable negative consequences of a resonant nature, it will be possible to ensure the necessary level of public trust on the part of society.

Keywords: digital society, technological progress, new technologies, legal regulation, legislative activity, legal responsibility, security, legislative measures

For citation: Kobets P. N. The causal complex of the emergence of criminal risks caused by the use of artificial intelligence technologies and preventive measures to prevent them. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1 (65), pp. 80–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-1-80-85>.

Сегодня технологии на основе искусственного интеллекта разрабатываются, чтобы кардинально изменить экономическую сферу и общественные процессы. Также при помощи рассматриваемых технологий предусматривается решение многих серьезных проблем в медицинской сфере, образовательной среде, автомобилестроении, оборонном комплексе, сельскохозяйственной отрасли, энергетической системе, а также в правовой и правоохранительной сферах. До настоящего времени рассматриваемые технологии не контролируют деятельность человека, но в то же время активно стремятся завладеть контролем над регулированием и управлением многих сфер человеческой жизнедеятельности. К примеру, сегодня человечеством уже принимаются некоторые новые технологии как важная и необходимая составляющая жизни. Одним из самых простых примеров можно считать повсеместное распространение средств телефонии и связи, работающих на рассматриваемых технологиях.

По оценкам многочисленных консультантов, в области цифровизации одними из совершенных и высокотехнологических интеллектуальных

систем сегодня выступают следующие: MYCIN — диагностирующие медицинские заболевания, Watson — одна из перспективных разработок IBM, распознающая речь человека, а также воспроизводящая поведенческие и мыслительные процессы людей, и др. В области юриспруденции также пытаются использовать интеллектуальные цифровые системы, и в этой связи показателен Европейский суд по правам человека, который, анализируя судебную практику, активно применяет алгоритмы, при помощи которых с высокой вероятностью предсказываются возможные будущие судебные решения. Также необходимо подчеркнуть, что многогранность рассматриваемых технологий, обладающих возможностями интегрирования в большинство сфер жизнедеятельности социума, делает их сверхуниверсальными. Поэтому в ближайшем будущем, по мнению ряда представителей научного сообщества, ожидается появление беспилотного транспорта, различных цифровых помощников и др.

Вопреки различным достоинствам и положительным аспектам использования данных технологий необходимо сказать и о существующих

реальных рисках их применения, влекущих наступление негативных последствий. Анализ отечественных и зарубежных источников юридической литературы позволяет автору утверждать о том, что потенциальные риски и угрозы условно состоят из двух больших групп: технических и социальных. К первой группе технических рисков следует отнести следующее. В первую очередь вероятность вмешательства в функционирование компьютерных программ искусственного интеллекта в тех случаях, когда компьютерная программа может быть подвергнута вирусной атаке, при помощи которой в нее будут внесены изменения. Данные попытки могут быть предприняты злоумышленниками, стремящимися препятствовать законной деятельности контрольно-надзорных органов, либо представителями зарубежных стран, которыми преследуются преступные цели.

Серьезные технические риски также вероятны во время технических сбоев в период работы механизмов, использующих искусственный интеллект. Разработка их программного обеспечения еще не вполне совершенна, и поэтому велика возможность некорректной работы подобных технических устройств [1, с. 46]. В связи с техническими неисправностями системы искусственного интеллекта можно ожидать потери информационных данных, в том числе ограниченного доступа, и иной секретной информации. В случае отсутствия должного контроля за этим возможна потеря ценной информации или же несанкционированное распространение персональных данных. Кроме прочего, корректная и бесперебойная работа новых технологий возможна при наличии доступа к высокоскоростному интернету, что в настоящее время является одной из проблем. Сбои в работе высокоскоростного интернета могут внести негативные корректировки в функционирование искусственного интеллекта, который оперирует большими данными.

Широкое внедрение роботизации на основе технологий искусственного интеллекта уже сегодня требует разработки, создания и внедрения дополнительной системы по обеспечению и функционированию медицинской техники и других технологических приборов, устройств, работающих на основе данных технологий при возможных их сбоях в работе и отключении. Также потребуются новые организации и структуры, которые будут обеспечивать бесперебойную работоспособность различных приборов и устройств, их защиту от взлома хакеров, ремонт, настройку, обслуживание. Это будет

касаться в первую очередь робототехники, связанной с обеспечением жизнедеятельности человека. В неменьшей степени значительными являются вопросы, связанные с обеспечением безопасности в процессе автоматизированной обработки информации, а также персональных данных при широком внедрении технологических процессов, основанных на искусственном интеллекте. Прорывные технологии, вне всякого сомнения, приведут к различным нарушениям в сфере гражданских прав, в том числе связанным с персональными данными. Они могут быть похищены, обнародованы и использованы не по назначению злоумышленниками.

Ко второй группе социальных рисков следует отнести следующее. В первую очередь, принимая во внимание возникновение рисков, которые связаны с ошибками работы техники на основе искусственного интеллекта, необходимо более часто проверять принятые искусственным интеллектом решения. И чем чаще техника, работающая на основе рассматриваемых технологий будет принимать неправильные решения, тем меньше будет уверенность в правильности ее работы и в скором времени встанет вопрос о возможном доверии такой технологии. Вспоминаются утверждения ученых о том, что юридические решения, которые принимались устройствами, использующими технологии искусственного интеллекта, очень сложно опротестовываются, и данное обстоятельство существенно влияет на соблюдение гарантий и прав граждан [2, с. 81].

Повсеместное использование ИТ-технологий и роботизации производственных процессов, однозначно будет только способствовать сокращению неквалифицированных и малоквалифицированных специалистов, что, в свою очередь, отразится на росте безработицы и социальной напряженности. В том числе наступательное применение технических устройств, основанных на искусственном интеллекте, может привести к нигилизму и желанию противостоять рассматриваемым технологиям. Слишком поспешное стремление к замене человека робототехникой и связанный с этим рост безработицы могут привести к открытому противостоянию между населением, работодателями и крупными корпорациями. В сложившейся ситуации государству придется прибегнуть к сокращению сфер, в которых применяются технологии на основе искусственного интеллекта. Использование данных технологий может повлечь за собой массу проблемных вопросов, выходящих за рамки традиционного восприятия правоохранительных

органов, к рискам, связанным с безопасностью и здоровьем населения. Также немаловажно, что на практике большинству рисков, возникающих в результате использования новых технологий, чрезвычайно сложно законодательно противодействовать в связи с особенностью национальных законодательных систем.

Таким образом, बढ़ающая опасность, угрожающая любому обществу, в первую очередь может исходить в процессе активной замены работающего человека робототехникой. Абсолютно очевидно, что подобные замены приведут не только к взрывному росту безработицы, но и преступности. И, как мы видим, это проблема не из далекого будущего, она намного реальнее, чем нам это может казаться, поскольку многие современные сферы автоматизируются. Логично предположить, что при этом подобная замена будет способствовать и развитию новых видов преступлений, поскольку пользователи этой робототехники получают дополнительную возможность применять новейшие цифровые технологии в преступных целях, совершая новые виды преступных посягательств.

Кроме того, велики угрозы, вызванные социальными конфликтами в процессе применения новых технологий вследствие того, что при принятии управленческих решений на основе рассматриваемых технологий происходит существенное обнуление различных возможностей, связанных с административным усмотрением. В подобных ситуациях вполне вероятно игнорирование робототехникой сложных жизненных ситуаций и финансовых возможностей людей, а также в целом социально-политических условий, поэтому использование только технических устройств, работающих на основе рассматриваемых технологий, может помешать максимальному решению целей и задач госуправления, которое основывается на принципе справедливости и гуманизма.

Вне всякого сомнения, ситуации, связанные с просчетами в процессе внедрения новых технологий, будут приводить к утрате доверия населения к оказанию различных услуг техническими устройствами, работающими с использованием новых технологий, будь то автомобиль, управляемый автопилотом, или же ситуации, при которых данные технологии будут задействованы в правоприменительной и правоохранительной сферах, поэтому вопросы о скорейшем использовании искусственного интеллекта по большей части связаны не столько с техническими возможностями, сколько с обеспечением необходимого уровня общественного

доверия к этим технологиям со стороны общества. Этого можно достигнуть, лишь минимизируя разнообразные риски использования новых технологий, которые могут приводить к непредсказуемым негативным последствиям, имеющим резонансный характер.

Однозначно, что развитие роботизации будет способствовать значительно упрощению жизнедеятельности любого современного общества, в том числе способствовать минимизации всевозможных рисков в быту и на производстве. В то же время различные эксперты, развивая прогрессивные разработки в сфере искусственного интеллекта, все больше говорят о необходимости узаконивания механизмов по наделению статусом субъектов правоотношений робототехники, работающей на основе новых технологий, до конца не осознавая возможность наступления отрицательных последствий [3, с. 25].

Из сказанного очевидно, что сегодня повышается актуальность вопросов, предусматривающих повышенную юридическую ответственность как работодателей, так и самих работников, связанных с индустрией искусственного интеллекта. Можно с уверенностью предположить, что немаловажное значение будет отводиться юридической ответственности лиц, производящих и использующих робототехнику и подобные технологии. Особому контролю будет подлежать качество произведенной продукции, в том числе и ее безопасность. При этом выделять такую робототехнику в качестве отдельного субъекта права и тем более электронного лица [4, с. 38] сегодня еще рано, поскольку подобные подходы несут в себе множество непредсказуемых угроз современному цифровому обществу. Новые цифровые технологии пока должны обладать статусом только человеческого помощника.

В настоящее время все больше различных экспертов склонны полагать, что развитие технологических процессов, основанных на искусственном интеллекте будет, в свою очередь, способствовать возрастанию случаев, связанных с причинением вреда обществу, которое будет вынуждено прибегнуть к развитию законодательных основ по привлечению виновных к юридической ответственности. В этой связи заниматься проработкой адекватных мер ответственности за противоправную деятельность с применением роботов, работающих на основе рассматриваемых технологий, нужно уже сегодня, пока ситуация в рассматриваемой сфере не вышла из-под контроля. И несмотря на то,

что в условиях современного цифрового мира мы наблюдаем устремления отдельных групп выдвинуть робототехнику на один уровень с высококвалифицированными специалистами и все возрастающее устремление по максимуму наделить робототехнику статусом субъекта правоотношений, с правовой точки зрения допустить такое было бы неправильно.

Более того, возможность законодательных преобразований, в результате которых роботы станут субъектами права, нельзя допускать до того момента, пока научный и технологический прогресс не выведет робототехнику на совершенно новый технический уровень, при котором возможность причинения вреда человеку робототехникой, разработанной на основе новых технологий, будет минимальна [5, с. 115]. В то же время и тогда, когда робототехника будет чрезвычайно совершенна, нужно будет со всей ответственностью подходить к решению вопроса, связанному с признанием вредоносности субъектов правоотношений. Пока трудно представить, что научно-технический прогресс достигнет такого уровня, что позволит разработать робототехнику, которая будет наделена правами и обязанностью нести ответственность за содеянное. Скорее всего, общество осознает важность четкого определения ответственности лиц, являющихся разработчиками, производителями или же владельцами роботов в случае совершения ими нарушений норм права. Ведь согласно юридическому подходу робототехника не обладает ни характерными чертами субъектов права, ни социальностью, ни правосубъектностью, ни другими правами [6, с. 75].

Обозначенные проблемные аспекты все чаще ставят перед человечеством альтернативные вопросы, суть которых сводится к тому, насколько актуально заниматься изменениями и дополнениями к действующим правовым актам в сфере искусственного интеллекта, может быть логично заниматься разработкой специальных законодательных норм, которые специально будут регулировать отдельные вопросы новых технологий. Возможно предположить, что в дальнейшей перспективе юридическая наука будет иметь еще массу разнообразных дебатов относительно разграничения сферы влияния людей и искусственного интеллекта, поскольку вся эта проблематика требует своего серьезного научного осмысления в процессе проведения новых исследований и открытий.

В заключение хотелось бы отметить, что уже сегодня эффект от использования новых технологий приводит к многочисленным трудностям

и проблемам. Во многом это объясняется тем, что мировое сообщество в полной мере не просчитало наличие возможных социальных, нравственных, экономических, правовых последствий, которые могут возникать в процессе их использования. В этой связи актуализация вопросов различных видов правовой ответственности в сфере искусственного интеллекта по большей части вызвана тем, что современная робототехника не только выполняет набор действий, которые типичны для человека, но также обладает особенностями саморазвития определенных автономных и когнитивных функций, среди которых самообучение и принятие независимых решений, что, в свою очередь, делает робототехнику похожей на людей.

В сложившейся ситуации автор находит абсолютно правильной позицию многих отечественных специалистов, которые утверждают об опасности исходящей от неконтролируемого развития технологий по искусственному интеллекту, поскольку эти технологии неизбежно могут создавать ряд угроз, направленных на безопасное развитие нашей страны [7, с. 771]. Гипотетически обозначенные угрозы могут возникнуть из-за отсутствия в настоящее время адаптированных к специфическим особенностям новых технологий, уголовно-правовых механизмов по охране общественных отношений, а также в связи с этим возникающей законодательной расплывчатостью по вопросу субъектов правовых отношений в случаях возникновения ущерба и причиненного вреда технологиями с использованием искусственного интеллекта, поэтому в настоящее время одним из важнейших аспектов специалистов в области законодательной деятельности является подготовка необходимого правового регулирования, которое позволит в достаточной мере регламентировать функционирование данных технологий.

Список источников

1. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. Москва: Проспект, 2019. 240 с.
2. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex Russica* (Русский закон). 2019. № 11 (156). С. 79–87.
3. Васильев А. А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // *Известия Алтайского государственного университета*. 2018. № 6 (104). С. 23–26. DOI 10.14258/izvasu(2018)6-03.
4. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы //

Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

5. Кобец П. Н. Совершенствование правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 112–118.

6. Рассказов Л. П. Теория государства и права: учебник для вузов. 2-е изд. Москва: РИОР, 2009. 343 с.

7. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Криминологические риски применения искусственного // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 767–775.

References

1. Legal concept of robotization: monograph / ed. by Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 240 p. (In Russ.)

2. Biryukov P. N. Artificial intelligence and “predictive justice”: foreign experience. Lex Russica (Russian law), 2019, no. 11 (156), pp. 79–87. (In Russ.)

3. Vasiliev A. A., Shpopov D. Artificial intelligence: legal aspects. News of the Altai State University, 2018, no. 6 (104), pp. 23–26. (In Russ.)

4. Yastrebov O. A. Legal personality of an electronic person: theoretical and methodological approaches. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 36–55. (In Russ.)

5. Kobets P. N. Improving legal regulation in the field of using artificial intelligence technologies. Philosophy of Law, 2023, no. 3 (106), pp. 112–118. (In Russ.)

6. Rasskazov L. P. Theory of state and law: a textbook for universities. 2nd ed. Moscow: RIOR Publ., 2009. 343 p. (In Russ.)

7. Begishev I. R., Khisamova Z. I. Criminological risks of using artificial. All-Russian Criminological Journal, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 767–775. (In Russ.)

Информация об авторе

П. Н. Кобец – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России.

Information about the author

P. N. Kobets – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Scientific Officer National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 343.103
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-86-91>

Институт привлечения в качестве обвиняемого по УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации: к вопросу о сходствах и различиях

Лапатников Максим Владимирович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maks4@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу одного из ключевых институтов уголовно-процессуального права в Республике Беларусь и Российской Федерации с позиций тождества и различия. Автором дана оценка места обвинения в системе признаков типовой принадлежности уголовно-процессуальных моделей обеих стран.

Ключевые слова: обвинение, предварительное следствие; дознание

Для цитирования: Лапатников М. В. Институт привлечения в качестве обвиняемого по УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации: к вопросу о сходствах и различиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 86–91. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-86-91>.

Original article

The Institution of involvement as an accused under the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: on the issue of similarities and differences

Maksim V. Lapatnikov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maks4@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of one of the key institutions of criminal procedure law in the Russian Federation and the Republic of Belarus from the standpoint of identity and difference. The author also gives an assessment of the place of the charge in the system of characteristics of the typical criminal procedure models of both countries.

Keywords: accusation, preliminary investigation; inquiry

For citation: Lapatnikov M. V. The Institution of involvement as an accused under the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: on the issue of similarities and differences. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 86–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-86-91>.

© Лапатников М. В., 2024

Вряд ли в уголовно-процессуальном праве можно выделить несущественные институты, однако два из них имеют поистине ключевое значение — это доказывание и обвинение. Первому традиционно и заслуженно почти всегда уделяется большое внимание, а вот второе, как думается, незаслуженно таким вниманием обделено, между тем обвиняемый — центральная фигура в уголовном процессе, именно его появление запускает полноценный механизм привлечения к уголовной ответственности. Именно посредством предъявления обвинения обвинительная власть ставит перед судебной властью основной вопрос уголовного процесса. Правосудие же, вершимое судом, можно квалифицировать как ответ суда на вопрос субъектов уголовного преследования о доказанности / недоказанности обвинения. Да и в дальнейшем, когда, казалось бы, вынесено итоговое решение, разрешающее этот самый вопрос по существу, в основе осуждения либо оправдания лежит обвинение, которое и далее в случае обжалования в большинстве случаев будет определять параметры апелляционной / кассационной проверки. В этой связи можно утверждать, что, начиная со своего появления на стадии предварительного расследования, обвинение во многом предопределяет ход, направленность и предмет судебных стадий уголовного процесса.

Кроме того, не следует забывать, что обвинение тесно связано с привлечением к уголовной ответственности. И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь лицо считается привлеченным к уголовной ответственности с момента предъявления обвинения, так как, согласно доминирующей точке зрения в доктрине, данное решение сопрягается с началом реализации правовой обязанности лица, совершившего преступление, понести эту самую ответственность. Действующее нормативное регулирование также поддерживает такой подход, так как и в уголовном, и в уголовно-процессуальном законах мы можем обнаружить нормы, подтверждающие, что именно органы предварительного расследования привлекают и освобождают лицо от уголовной ответственности (ст. 75–76.1, 299 Уголовного кодекса Российской Федерации; п. 2 ч. 1 ст. 154, п. 3 ч. 1 ст. 225, ст. 431, ч. 1 ст. 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)).

Укажем и на то, что привлечение лица в качестве обвиняемого выступает одним из признаков, определяющих типовую принадлежность модели уголовного процесса конкретной страны. В данном случае речь идет о следственном

или состязательном порядке организации обвинения. И хотя такая организация сама по себе еще не означает принадлежность типа процесса к следственному или состязательному, так как она должна оцениваться в совокупности с другими признаками, однако в указанном контексте этот фактор имеет значение.

В настоящей статье мы обратимся к анализу института обвинения Республики Беларусь, рассматривая его в соотношении с российским аналогом.

В Республике Беларусь в настоящее время действует Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК РБ), принятый в 1999 году [1]. В статье 6 УПК РБ, посвященной исключительно процессуальной терминологии, обвинение определяется как утверждение о совершении определенным лицом конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Это определение практически слово в слово идентично российскому определению (п. 22 ст. 5 УПК РФ), если не считать стилистических, как нам представляется, отличий в термине, обозначающем преступление как предмет обвинения.

Указанное сущностное сходство дефиниций обвинения в обеих странах позволяет утверждать следующее: а) такое построение определения обвинения семантически отграничивает его от подозрения, что немаловажно; б) обвинение как утверждение должно быть сделано в определенном уголовно-процессуальном законе порядке, то есть в установленной данным уголовно-процессуальным законом процедуре и никак иначе; в) его предметом является преступление как общественно опасное деяние, запрещенное материальным уголовным законом под угрозой наказания.

Однако очевидно, что указанный анализ далеко не исчерпывает рассмотрение института обвинения, в связи с чем обратимся к понятию обвиняемого как участника уголовного процесса, так как его появление непосредственно завязано на выдвижении в отношении него обвинения.

В Российской Федерации обвиняемым признается лицо, в отношении которого обвинение вынесено (оформлено) тремя разновидностями процессуальных документов: постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого, обвинительным актом, обвинительным постановлением (ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Это объясняется особенностями дифференциации процессуальной формы предварительного расследования, а именно делением ее на предварительное следствие и дознание, а последнего, в свою

очередь, — на дознание в общем порядке и в сокращенной форме.

В Республике Беларусь обвиняемый обозначается как лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 42 УПК РБ). И здесь мы встречаемся с достаточно существенной отличительной особенностью белорусского уголовного процесса. Как подтверждают данное определение, а также обращение к иным нормам белорусского уголовно-процессуального закона, порядок привлечения лица в качестве обвиняемого, судя по всему, предназначен только для предварительного следствия, что резко контрастирует не только с Российской Федерацией, но и с большинством иных постсоветских стран. Это, в общем-то, неудивительно, учитывая, что с 2011 года дознание в Республике Беларусь от полноценной формы расследования было сведено к первоначальному этапу предварительного следствия, так как в соответствии с законом, производящее дознание по возбужденному уголовному делу, производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления, после чего в срок не позднее 10 суток направляет дело следователю (ст. 186 УПК РБ). Вышеуказанное дает основание современным исследователям определять белорусское дознание как «...форму предварительного расследования уголовных дел, которая заключается в производстве неотложных следственных и других процессуальных действий для установления и закрепления следов преступления» [2, с. 113].

Однако, учитывая, что задачи дознания в этом контексте исчерпываются задачами закрепления следов преступления, полагаем, что в этом контексте дознание по УПК РБ не может выступать в качестве самостоятельной формы расследования, как в России, поэтому права те специалисты, которые не видят в ней указанное правовое явление [3, с. 133]. Дознание здесь выступает как первоначальный, неотложный этап предварительного следствия, предназначение которого определяется задачами раскрытия преступления и незамедлительного закрепления его следов для дальнейшего их использования в доказывании.

Если отталкиваться от указанного предназначения дознания, то становится ясной логика белорусского законодателя, отказавшегося от внедрения так называемого дознавательско-прокурорского обвинения (для простоты

обозначим его как завершающего, так как оно предъявляется на этапе завершения дознания), подразумевающего предъявление обвинения на этапе окончания дознания буквально перед утверждением прокурором итогового документа данной формы расследования. Если предварительное следствие есть единственная и основополагающая форма расследования, то и обвинение должно выдвигаться в рамках данного режима и никак иначе. В Российской Федерации порядок предъявления обвинения выступает одним из отличий предварительного следствия от дознания, так как российский законодатель хоть и максимально сблизил следствие и дознание, но все же не пошел на полное их слияние, в связи с чем предусмотрел более облегченный порядок предъявления обвинения в ходе дознания как более простой формы досудебного производства.

Таким образом, нормативное переосмысление белорусским законодателем сущности и предназначения дознания естественным образом повлекло за собой отказ от процедуры надления лица статусом обвиняемого, хотя УПК РСФСР 1960 года в его последней редакции фактически предусматривал данные последствия при утверждении обвинительного заключения (ст. 124 УПК РСФСР). В этом смысле белорусский законодатель оказался более последователен и в чем-то радикален, чем законодатель советский и даже российский.

Если попытаться обобщить конфигурацию белорусского института привлечения лица в качестве обвиняемого (далее – ПвКО), то обращение к нормам, непосредственно регламентирующим указанную процедуру в УПК РБ (гл. 27), а также к иным нормам, тесно связанным с обвинением (п. 17 ст. 6, ст. 42 УПК РБ), позволяет сформулировать следующие наиболее существенные черты института обвинения по УПК РБ 1999 года:

1) порядок привлечения лица в качестве обвиняемого распространяется только на предварительное следствие. Кроме того, данная процедура применяется и по делам, расследуемым в порядке ускоренного производства (гл. 47 УПК РБ);

2) для привлечения лица в качестве обвиняемого лицо, осуществляющее уголовный процесс, должно вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого;

3) данный документ выносится следователем самостоятельно на любом этапе расследования после возбуждения уголовного дела, но до направления дела прокурору;

4) постановление о ПвКО должно быть мотивировано, предъявлено обвиняемому и его защитнику (если он участвует) в течение трех суток с момента его составления либо в день привода обвиняемого с разъяснением лицу его процессуальных прав и обязанностей и вручением копии постановления. Постановление также подлежит направлению прокурору;

5) на следователя возложена обязанность после предъявления постановления допросить обвиняемого;

6) следователь вправе в течение предварительного расследования при наличии соответствующих оснований изменить, дополнить или прекратить обвинение.

Оценивая институт обвинения обеих стран с позиции тождества, следует признать, что белорусский институт обвинения (гл. 27 УПК РБ) в значительной степени схож с российским порядком привлечения лица в качестве обвиняемого по делам, расследуемым в форме предварительного следствия (гл. 23 УПК РФ). Это неудивительно, учитывая, что матрицей обоих институтов служил советский аналогичный институт УПК РСФСР 1960 года.

Указанный факт свидетельствует как об определенной исторической преемственности, так и подчеркивает отказ от препарирования одной из ключевых уголовно-процессуальных процедур в состязательном контексте, что свойственно некоторым бывшим советским республикам, стремящимся некритично «как у них», и как можно больше отказаться от советского наследия.

На наш взгляд, такой подход укладывается в единый мировоззренческий тренд в уголовном процессе Республики Беларусь, заключающийся в отказе от ориентирования на принцип состязательности как на ключевое, системообразующее начало. Так, в УПК РБ мы можем найти лишь отдельные элементы этого принципа, как, например, правило о равенстве сторон в судебном заседании, институт судебного контроля и др., но говорить о нем как о системообразующем правовом явлении, судя по всему, не приходится.

Что касается соотношения обоих институтов в контексте существенных различий, то считаем, что в качестве таковых можно выделить следующее: во-первых, правило, обязывающее лицо, осуществляющее расследование, вынести мотивированное постановление о ПвКО; во-вторых, различие в детализации порядка вызова на допрос обвиняемого.

Выскажем соображения по поводу указанных различий. Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь требует приведения

в тексте постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого обоснования (мотивировки) принятого решения (ч. 1 ст. 240 УПК РБ). Считаем, что в принципе этот подход более соответствует идеалу правового государства и известной аксиоме о том, что в уголовном процессе мы знаем лишь то, что доказано. Хотя говорить о том, что в этом случае обвинение уже доказано, является преждевременным. Полагаем, что правило о мотивировке постановления о ПвКО носит, прежде всего, правозащитную направленность и укладывается в известный в процессуальной теории и практике подход «благоприятствования стороне защите» (*favor defensionis*)), так как позволяет защите и прокурору в определенной степени проконтролировать доказанность обвинения уже на данном этапе. Другое дело, что при отсутствии общепринятых стандартов доказывания при предъявлении обвинения оно предоставляет правоприменителю возможность крайне широкого усмотрения при решении вопроса о том, что именно и каким образом указать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Это в определенной степени нивелирует данную гарантию. Однако это лучше, чем ничего, и в данном смысле мы считаем отсутствие требования о мотивировке постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, как это реализовано в Российской Федерации, неадекватным с правозащитной точки зрения.

Следующее существенное отличие связано с более детальной регламентацией процедур обвиняемого на допрос по предъявленному обвинению. Белорусский уголовно-процессуальный закон более детально регламентирует данный вопрос, что мы оцениваем положительно (ст. 242 УПК РБ). Несмотря на то, что во многом эти процедуры носят обеспечительный характер, мы исходим из того, что такой подход позволяет снять ряд проблемных на практике вопросов, связанных с извещением обвиняемого. Так, нельзя в положительном ключе не оценить правило, позволяющее использовать современные технические средства для извещения обвиняемого о необходимости его прибытия для предъявления обвинения (ч. 3 ст. 242 УПК РБ).

Несколько иная ситуация сложилась в Российской Федерации, где единственным легальным средством вызова обвиняемого для предъявления обвинения является повестка (ст. 188 УПК РФ), несмотря на то, что развитие и массовость технологических новшеств в настоящее время уже позволяют их использовать для выполнения указанной задачи путем

задействования смс-информирования, использования месенджеров и др. Для нас очевидно, что в цифровую эпоху повестка технически устарела и должна использоваться не как основное средство извещения, а как дополнительное в случае отсутствия соответствующих технических возможностей. И хотя в настоящее время ситуация несколько меняется, учитывая, что 25 декабря 2023 года были приняты изменения в УПК РФ, позволяющие направлять при наличии технической возможности повестку в форме электронного документа (ч. 6 ст. 474.2 УПК РФ) [4], говорить о коренном изменении законодательного подхода в данном случае пока преждевременно.

Особенно следует выделить установленный законодателем перечень причин, признающихся уважительными для неявки по вызову (ч. 5 ст. 242 УПК РФ), где определено три конкретные уважительные причины для законной неявки по вызову обвиняемого на допрос, что гораздо более проясняет для правоприменителя понимание оценочной по своей сути категории «уважительные причины» и ограничивает возможность ее произвольной трактовки [5].

В целом, оценивая институт обвинения Российской Федерации и Республики Беларусь, необходимо отметить, что в обеих странах уголовное судопроизводство построено по лекалам континентального подхода, что предполагает место обвинения на досудебном производстве. И здесь одним из наиболее существенных и устоявшихся нововведений советского периода была организация двухэлементного обвинения, когда обвинение предъявляется следователем (так называемое следственное обвинение) и в рамках подинститута обвинения государственного, когда последнее выдвигается прокурором на основе обвинения следственного. Такая форма организации обвинения существовала и в действующем на момент распада Советского Союза Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года и затем была воспринята рядом стран бывшего СССР при формировании своей национальной модели уголовного процесса.

Белорусский законодатель, отказавшись, в отличие от ряда стран бывшего СССР, от имплементации западных моделей в этом (и не только) вопросе, предпочел сохранить букву советского уголовного процесса, пойдя на практически полное заимствование советского института обвинения в действующий уголовно-процессуальный закон. И в этом смысле подход белорусского законодателя в целом схож с подходом законодателя российского,

который, принимая в 2001 году действующий УПК РФ, предпочел также практически в неизменном виде позаимствовать советский институт привлечения в качестве обвиняемого. Единственное исключение – это, конечно, отказ от завершающего обвинения, что стало следствием низведения дознания до одного из этапов предварительного следствия.

Указанный факт, как представляется, свидетельствует, во-первых, об исторической преемственности в развитии уголовного процесса в обеих странах, а во-вторых, подчеркивает их ориентацию на самобытное развитие уголовно-процессуального законодательства в условиях качественно нового этапа своей истории. Это утверждение в большей степени соответствует уголовно-процессуальной модели Республики Беларусь, так как, в отличие от своего соседа, Российская Федерация в 2001 году в значительной мере восприняла ориентацию на западные стандарты правосудия. Тем не менее такое постоянство свидетельствует, что в основах обеих страны по-прежнему остаются приверженцами консервативных подходов, и даже Российская Федерация, в период разработки и принятия УПК РФ 2001 года много чего подглядевшая из-за океана, так и не пошла на реформирование института обвинения. Отталкиваясь от этого и других признаков, мы полагаем, что можно утверждать неосветский характер отечественного уголовного процесса, так как, несмотря на некоторое внедрение состязательных начал и определенные технические новации, основа его осталась неизменной с советского периода.

В этом смысле, хотя, как правило, тип отечественного уголовного судопроизводства определяется как смешанный, мы придерживаемся иной точки зрения. По нашему мнению, современная уголовно-процессуальная модель нашей страны, начиная с УПК РСФСР 1922 года, никогда и не была смешанной, по крайней мере, применительно к той форме, в которой она реализована в так называемых развитых в правовом отношении странах континентальной правовой семьи. По всей видимости, те авторы, которые отстаивают смешанный тип уголовного процесса Российской Федерации опираются прежде всего на формально-догматический анализ уголовно-процессуального законодательства, казалось бы, вполне позволяющий прийти к такому выводу. Мы определяем тип отечественного уголовного судопроизводства как процесс розыскного типа с элементами состязательности, а если конкретнее, то, отталкиваясь от подхода А. В. Смирнова и К.

Б. Калиновского, как следственный процесс розыскного типа. В рамках подхода указанных авторов следственный процесс рассматривается как наиболее развитая и цивилизованная разновидность розыска, естественно, в его современном, а не архаичном варианте [6, С. 59].

Подведем итоги. Белорусский институт обвинения во многом является калькой советского аналогичного института, что свидетельствует о консервативности белорусского законодателя, как, впрочем, и российского. Однако, в отличие от своего восточного соседа, Республика Беларусь отказалась от дознания как самостоятельной формы досудебного производства, предпочтя свести его к первоначальному этапу предварительного следствия, что повлекло и отказ от так называемого завершающего вида обвинения, присущего российскому дознанию, распространяв следственный порядок предъявления обвинения на все остальные формы досудебного производства.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. URL: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовно-процессуальный_кодeкс_РБ (дата обращения: 13.12.2023).
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М. А. Шостака. Минск: Академия МВД, 2014. 1230.
3. Рожко О. В. Предварительное расследование: проблемы соотношения процессуальных форм // Актуальные проблемы юридической науки: материалы республиканской научно-практической конференции. Могилев, 18 мая 2012 года. Могилев: УО «МГУ имени А. А. Кулешова», 2012. С. 133.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федераль-

ный закон от 25 декабря 2023 года № 672-ФЗ // Российская газета. 2023. 29 декабря. № 297.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=lgayv1cymn84516634 (дата обращения: 13.12.2023).

6. Калиновский К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства: учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство юридического института, 2002.

References

1. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999 no. 295-Z. URL: https://belzakon.net/Codes/Criminal_Procedure_Code_RB (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
2. Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus / N. I. Andreychik [and others]; under scientific ed. by M. A. Shostak; educational institution "Acad. M-va ext. Affairs Rep. Belarus". Minsk: Acad. Ministry of Internal Affairs, 2014. 1230 p. (In Russ.)
3. Rozhko O. V. Preliminary investigation: problems of correlation of procedural forms. Current problems of legal science: materials of the rep. scientific-practical Conf., Mogilev, May 18, 2012. Mogilev: MSU named after A. A. Kuleshov Publ., 2012. (In Russ.)
4. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law no. 672-FZ of December 25, 2023. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023. December 29, no. 297. (In Russ.)
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 no. 174-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=lgayv1cymn84516634 (accessed 13.12.2023). (In Russ.)
6. Kalinovskiy K. B. Main types of criminal proceedings: textbook. St. Petersburg: The Legal Institute Publ., 2002. (In Russ.)

Информация об авторе

Лопатников М. В. — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

Lopatnikov M. V. — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Procedure Department Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-92-96>

Общественно опасные деяния, сопряженные с нарушением миграционного законодательства, как составная часть преступности в сфере миграции: особенности юридико-технического конструирования и правовой оценки

Магнатов Юрий Сергеевич

Борский городской суд Нижегородской области, Нижегородская область, Россия, magnutov2018@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечено, что деяния, сопряженные с нарушением миграционного законодательства, представляют опасность для национальной безопасности Российской Федерации. Высказана научная гипотеза о том, что преступления, посягающие на установленный законом порядок реализации миграционного законодательства, закреплены в статьях 322¹–322³ Уголовного кодекса Российской Федерации. Представлено количество зарегистрированных преступлений по статьям 322¹–322³ Уголовного кодекса Российской Федерации за 2019–2023 годы. Рассмотрены юридико-технические проблемы их конструирования. Предложены направления совершенствования уголовно-правового противодействия общественно опасным деяниям, сопряженным с нарушением миграционного законодательства.

Ключевые слова: миграция, мигрант, иностранный гражданин, лицо без гражданства, незаконная миграция, преступление, противодействие, безопасность, законодательство

Для цитирования: Магнатов Ю. С. Общественно опасные деяния, сопряженные с нарушением миграционного законодательства, как составная часть преступности в сфере миграции: особенности юридико-технического конструирования и правовой оценки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 92–96. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-92-96>.

Original article

Socially dangerous acts associated with violation of migration legislation as an integral part of crime in the field of migration: features of legal and technical design and legal assessment

Yuri S. Magnutov

Bor City Court of the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod Region, Russia, magnutov2018@yandex.ru

Abstract. The article notes that acts involving violations of migration legislation pose a danger to the national security of the Russian Federation. A scientific hypothesis has been expressed that crimes encroaching on the legally established procedure for implementing migration legislation are enshrined in art. 322¹–322³ of the Criminal Code of

© Магнатов Ю. С., 2024

the Russian Federation. The number of registered crimes under Art. Art. is presented. 322¹–322³ of the Criminal Code of the Russian Federation for 2019–2023. The legal and technical problems of their design are considered. Directions for improving the criminal legal response to crimes involving violations of migration legislation are proposed.

Keywords: migration, migrant, foreign citizen, stateless person, illegal migration, crime, counteraction, security, legislation

For citation: Magnutov Yu. S. Socially dangerous acts associated with violation of migration legislation as an integral part of crime in the field of migration: features of legal and technical design and legal assessment. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 92–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-92-96>.

Современная миграционная преступность представляет высокий уровень опасности для позитивного развития страны, что прямо задекларировано в Стратегии национальной безопасности России [1].

Это также подтверждается как ее количественным увеличением, отраженным в уголовно-правовой статистике, так и совершением мигрантами опаснейших актов терроризма и экстремизма.

По мнению Президента России, нелегальная миграция — это питательная среда для экстремизма [2]. Трудовые мигранты составляют основу террористических групп, действующих на территории нашей страны [3], и являются фактором увеличения уровня социальной напряженности в обществе [4]. Растущие, неконтролируемые должным образом миграционные потоки создают угрозу для распада страны [5], что требует усиления мер ответственности за нарушения, допускаемые при реализации норм миграционного законодательства [6].

Сегодня такого рода высоко организованная общественно опасная деятельность фактически может быть представлена целой системой деяний, посягающих на блага и ценности, находящиеся под охраной уголовного законодательства. С нашей точки зрения, ее уголовно-правовая и криминологическая модель включает в себя четыре самостоятельные группы. Первая — это

преступления, посягающие на установленный законом порядок реализации миграционного законодательства. Вторая, методологически смежная с первой, — служебные преступления, способствующие незаконной миграции. Третью и четвертую образуют криминальные акты, в которых иностранные граждане обладают уголовно-правовым статусом субъекта преступления либо потерпевшего. Полагаем, что представленная система общественно опасных деяний в сфере миграции охватывает все возможные акты криминально-девиантного поведения во взятой для исследования области научного познания.

В рамках данной научной публикации остановимся на исследовании первой из выделенных групп как составной части преступности в сфере миграции с демонстрацией особенностей правовой оценки деяний, входящих в нее. Разделяем мнение ученых о том, что ее образуют акты противоправной деятельности, запрещенные в рамках статей 322¹–322³ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [7, с. 42–49]. Учитывая, что последняя из указанных статей включена в уголовный закон в конце 2018 года, для демонстрации состояния рассматриваемого подвида миграционной преступности более полно для криминологической картины представим статистические данные за 2019–2023 годы [8].

Таблица

Количество зарегистрированных преступлений по статьям 322¹–322³ УК РФ за 2019–2023 годы

№	Год	Статья 322 ¹ УК РФ	+/-, в %	Статья 322 ² УК РФ	+/-, в %	Статья 322 ³ УК РФ	+/-, в %
1.	2019	963	–4,4	7 443	–0,7	43 035	+11
2.	2020	737	–23,5	7 259	–2,5	33 724	–21,6
3.	2021	926	+25,6	6 772	–6,7	28 919	–14,2
4.	2022	1 081	+16,7	4 909	–27,5	32 164	+11,2
5.	2023	1 941	+79,6	3 868	–21,2	34 950	+8,7

Указанные выше статистические данные фактически демонстрируют состояние миграционной преступности, сопряженной с нарушением установленного законом порядка реализации миграционного законодательства, и свидетельствуют о неукоснительном росте за последние три года актов организации незаконной миграции и фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в России. Тенденция к снижению рассматриваемых общественно опасных деяний в 2019 и 2020 годах объясняется не декриминализацией миграционной сферы, а ограничениями и запретами, вводимыми на въезд в Российскую Федерацию в результате распространения пандемии COVID-19. Их снятие повлекло рост регистрируемых деяний, ставших объектом нашего исследования.

Остановливаясь на частных проблемах и обращаясь к положениям статьи 322¹ УК РФ «Организация незаконной миграции», отметим, что закрепленная в ней уголовно-правовая норма за время ее действия корректировалась пять раз, что указывает на поиск более эффективной уголовно-правовой модели противодействия этому общественно опасному деянию.

Говоря о проблемах применения статьи 322¹ УК РФ, подчеркнем, что в уголовно-правовой доктрине высказывается научная гипотеза о неудовлетворительности состава преступления, закрепленного в ней [9, с. 93–96], что предполагает демонстрацию имеющихся юридико-технических проблем и направлений их решения.

Сложность исследуемой нормы представляется в следующих аспектах. Во-первых, использование собирательного понятия «незаконная миграция» в названии статьи. Во-вторых — это высочайший уровень бланкетности. В-третьих, альтернативность состава, предполагающая установление одного из незаконных фактов въезда, пребывания или транзита иностранцев или лиц без гражданства, имеющих существенную, по нашему мнению, разницу в общественной опасности.

С должной долей уверенности можно утверждать, что организация незаконного въезда является наиболее опасной формой организации незаконной миграции из отмеченных выше, так как предполагает совершение более организационно сложных действий, нежели связанных с незаконным пребыванием или транзитом. Вместе с тем Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной

миграцией», не дает детальных характеристик каждой из этих преступных форм, в целом соглашаясь с единым уровнем опасности отмеченных деяний путем установления для них унифицированного момента окончания создания условий для их совершения. Хотя далее в пункте 11 частично подтверждается наша гипотеза. Главный интерпретатор прямо указывает на то, что при организации незаконного въезда, сопряженного с незаконным пересечением государственной границы, действия виновного охватываются статьей 322¹ УК РФ и дополнительной квалификации по статье 322 не требуется. Однако вариантов квалификации статей 322² и 322³ УК РФ с поглощением других деяний в постановлении не изложено [10]. Представленное также дает основание для признания незаконного пересечения государственной границы формой организации незаконной миграции и толчок для более детальной дифференциации ответственности за их совершение путем закрепления в отдельных частях статьи 322¹ УК РФ каждой из исследуемых форм криминального поведения с учетом уровня их общественной опасности. Полагаем, что такой юридико-технический прием позволит снять выявленную внутриотраслевую коллизию и уточнить курс уголовной политики в борьбе с незаконной миграцией.

Говоря о фиктивной регистрации, ответственность за которую установлена в статье 322² УК РФ, и фиктивной постановке на учет иностранного гражданина или лица без гражданства (ст. 322³ УК РФ), мы также сталкиваемся как с проблемами юридико-технической конструкции данных уголовно-правовых запретов, так и особенностями их квалификации. Обратившись к формируемой судебной-следственной практике, видим, что субъектами этих деяний выступают физические лица, имеющие специальные юридические права на объекты, предназначенные для временного или постоянного проживания. Например, гражданин М., «заведомо зная о нарушении иностранными гражданами А., Р., С., Н. установленного режима пребывания в Российской Федерации, выраженном в уклонении от постановки на миграционный учет и от выезда за пределы Российской Федерации по истечении срока временного пребывания на территории Российской Федерации, создал им условия для нарушения установленного порядка миграционного учета в Российской Федерации и организовал их проживание на территории производственного объекта, тем самым создав указанным гражданам необходимые для проживания условия, предназначенные для удовлетворения

бытовых и иных нужд» [11]. В другой ситуации «лицо организовало незаконное пребывание на территории Российской Федерации иностранного гражданина, который находился в России незаконно, так как прекратил оплачивать ранее оформленный патент. В компетентные органы за продлением срока регистрации не обращался, о чем был осведомлен субъект» [12].

Таким образом, анализируемые уголовно-правовые нормы устанавливают ответственность исключительно для особой разновидности специальных субъектов. Такой законодательный прием породил конструктивную дискуссию среди ученых и практиков, определяющую частичную пробельность анализируемых статей уголовного закона, в части отсутствия уголовной ответственности за данное деяние со стороны лиц, регистрируемых и поставленных на учет [13, с. 110–116; 14, с. 97–103]. В случае, если у этих лиц отсутствуют легитимные правовые основания для регистрации или постановке на учет, они также нарушают закон, и опасность такого делинквентного поведения равнозначна действиям лица, их регистрирующего или ставящего на учет. Аналог двойственности уголовной ответственности субъектов, совершаемых смежные деяния, в УК РФ есть, давно апробирован и не вызывает критики. Примерами являются статья 290 УК РФ «Получение взятки», статья 291 УК РФ «Дача взятки», статья 204 УК РФ «Коммерческий подкуп». Анализируя задачи уголовного законодательства, представленные в статье 2 УК РФ, и его основополагающие идеи (ст. 3–7 УК РФ), не видим препятствий для криминализации рассматриваемых девиантных действий.

Полагаем, что еще одним пробелом статей 322² и 322³ УК РФ является неучет в их конструкциях корыстного мотива и совершение деяния в соучастии. В судебно-следственной практике масса таких примеров. Так, «лица, осведомленные о порядке и сроках пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации, действуя совместно и согласованно группой лиц по предварительному сговору, из корыстных побуждений, в целях получения денежного вознаграждения от иностранных граждан, организовывали незаконного пребывания последних в Российской Федерации», за что были привлечены к уголовной ответственности по пункту «а» части 2 статьи 322¹ УК РФ [15]. Корыстный мотив как конструктивный илиотягающий признак во вмененной статье также отсутствует.

Подводя итог проводимому исследованию, отметим, что ревизия положений статей 322¹–322³ УК РФ показала наличие ряда

юридико-технических неточностей и пробелов, а также возможный потенциал юридической техники в части их решения. Учитывая, что исследованные общественно опасные деяния глубоко методологически взаимосвязаны между собой и относятся к преступлениям, сопряженным с нарушением миграционного законодательства, направления совершенствования уголовной политики в противодействии им должны быть системными и идентичными. Во-первых, необходимо исключить альтернативность состава в рамках части 1 статьи 322¹ УК РФ по причине разного уровня общественной опасности, незаконного въезда, пребывания и транзита через территорию Российской Федерации. Во-вторых, необходима криминализация действий в виде фиктивной регистрации или фиктивной постановки на учет, субъектом которых выступают иностранные граждане и лица без гражданства. В-третьих, незаслуженно за рамками уголовно-правового противодействия преступлениям, сопряженным с нарушением миграционного законодательства (ст. 322¹–322³ УК РФ), остался корыстный мотив и институт соучастия.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.
2. Путин назвал нелегальную миграцию питательной средой для экстремизма. URL: <https://rg.ru/2024/04/02/putin-nazval-nelegalnuiu-migraciiu-pitatelnoj-sredoj-dlia-ekstremizma.html> (дата обращения: 06.04.2024).
3. Директор ФСБ Бортников призвал навести порядок в миграционной сфере. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2711698/> (дата обращения: 06.04.2024).
4. Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (дата обращения: 06.04.2024).
5. Патрушев: нелегальная миграция формирует предпосылки для распада страны. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6666145> (дата обращения: 06.04.2024).
6. Краснов предложил ужесточить меры за незаконную выдачу патентов мигрантам. URL: <https://ria.ru/20240424/migranty-1941964311.html> (дата обращения: 06.04.2024).
7. Розовская Т. И., Петрянин А. В. Миграция и преступность: частный взгляд на проблему // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 4. С. 42–49.
8. Количество зарегистрированных преступлений по статьям 322¹–322³ УК РФ за 2019–2023 годы. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 06.04.2024).

9. Карягина А. В. Направления совершенствования регламентации уголовной ответственности за организацию незаконной миграции в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4. С. 93–96.

10. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 года № 18 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.

11. Приговор Щелковского городского суда Московской области № 1-703/2023 от 23 октября 2023 года по делу № 1-703/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vEtas25tKhUP/?regular-txt=> (дата обращения: 29.04.2024).

12. Приговор Переславского районного суда Ярославской области № 1-193/2023 от 18 октября 2023 года по делу № 1-193/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FT0NK4riXwYp/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения: 29.04.2024).

13. Михаль О. А., Черемнова Н. А. Юридический анализ состава преступления, предусмотренного статьей 322² Уголовного кодекса Российской Федерации // Современное право. 2015. № 7. С. 110–116.

14. Акименко П. А. Анализ уголовно-правовых норм, закрепленных в статьях 322² и 322³ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 4. С. 97–103.

15. Приговор Октябрьского районного суда г. Томска № 1-560/2020 от 28 июля 2020 года по делу № 1-560/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vqWjK2VBWrm4/?regular-txt=лица%2C> (дата обращения: 29.04.2024).

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of June 2, 2021. *Collection of legislative acts of the RF*, 2021, no. 27, part II, art. 5351. (In Russ.)

2. Putin called illegal migration a breeding ground for extremism. URL: <https://rg.ru/2024/04/02/putin-nazval-nelegalnuu-migraciiu-pitatelnoj-sredoj-dlia-ekstremizma.html> (accessed 06.04.2024). (In Russ.)

3. FSB Director Bortnikov called for bringing order in the migration sphere. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2711698/> (accessed 06.04.2024). (In Russ.)

4. Alexander Bastrykin: migrants have become one of the factors of social tension in the world and in Russia.

URL: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (accessed 06.04.2024). (In Russ.)

5. Patrushev: illegal migration forms the preconditions for the collapse of the country. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6666145> (accessed 06.04.2024). (In Russ.)

6. Krasnov proposed tightening measures for the illegal issuance of patents to migrants. URL: <https://ria.ru/20240424/migranty-1941964311.html> (accessed 06.04.2024). (In Russ.)

7. Rozovskaya T. I., Petryanin A. V. Migration and crime: a private view of the problem. *Union of criminologists and criminologists*, 2023, no. 4, pp. 42–49. (In Russ.)

8. Number of registered crimes under art. 322¹–322³ of the Criminal Code of the Russian Federation for 2019–2023. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Statistics and analytics. URL: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics> (accessed 06.04.2024). (In Russ.)

9. Karyagina A. V. “Directions for improving the regulation of criminal liability for organizing illegal migration in Russia. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2017, no. 4, pp. 93–96. (In Russ.)

10. On judicial practice in cases of illegal crossing of the State border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 18 of July 9, 2020. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2020, September, no. 9. (In Russ.)

11. Verdict of the Shchelkovo City Court of the Moscow Region no. 1-703/2023 of October 23, 2023 in case no. 1-703/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vEtas25tKhUP/?regular-txt=> (accessed 29.04.2024). (In Russ.)

12. Verdict of the Pereslavl District Court of the Yaroslavl Region no. 1-193/2023 of October 18, 2023 in case no. 1-193/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FT0NK4riXwYp/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (accessed 29.04.2024). (In Russ.)

13. Michal O. A., Cheremnova N. A. Legal analysis of the crime provided for in Article 322² of the Criminal Code of the Russian Federation. *Modern Law*, 2015, no. 7, pp. 110–116. (In Russ.)

14. Akimenko P. A. Analysis of criminal law norms enshrined in articles 322² and 322³ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4, pp. 97–103.

15. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Tomsk no. 1-560/2020 dated July 28, 2020 in case no. 1-560/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vqWjK2VBWrm4/?regular-txt=лица%2C> (accessed 29.04.2024).

Информация об авторе

Ю. С. Магнатов — кандидат юридических наук, председатель Борского городского суда Нижегородской области.

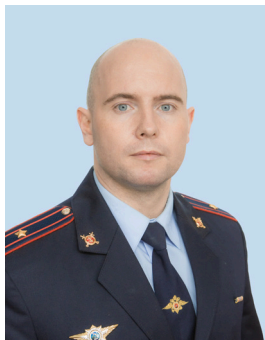
Information about the author

Yu. S. Magnutov — Candidate of Sciences (Law), Chairman of the Bor City Court of the Nizhny Novgorod Region.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-97-101>

Вопросы соотношения криминальных банкротств

Поздышев Роман Сергеевич

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, rmanpzdzyshev@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения неправомерных действий при банкротстве и преднамеренном банкротстве. Актуальность данной проблемы обусловлена отсутствием актов официального толкования норм права в данной сфере и единого подхода в юридической практике к квалификации криминальных банкротств. Ключевым обстоятельством в данном контексте представляется момент совершения преступления относительно появления признаков банкротства. На основе анализа правоприменительной практики даются рекомендации по разграничению рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: криминальное банкротство, преднамеренное банкротство, неправомерные действия при банкротстве

Для цитирования: Поздышев Р. С. Вопросы соотношения криминальных банкротств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 97–101. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-97-101>.

Original article

Questions of the ratio of criminal bankruptcies

Roman S. Pozdyshev

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, rmanpzdzyshev@rambler.ru

Abstract. The article examines the issues of the correlation between illegal actions in bankruptcy and intentional bankruptcy. The relevance of this problem is due to the lack of acts of official interpretation of the norms of law in this area and a unified approach in legal practice to the qualification of criminal bankruptcies. The key circumstance in this context is the moment of the commission of the crime regarding the appearance of signs of bankruptcy. Based on the analysis of law enforcement practice, recommendations are made on the differentiation of the crimes under consideration.

Keywords: criminal bankruptcy, intentional bankruptcy, illegal actions in bankruptcy

For citation: Pozdyshev R. S. Questions of the ratio of criminal bankruptcies. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 97–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-97-101>.

© Поздышев Р. С., 2024

Криминальные банкротства в российском уголовном праве представлены тремя статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], предусматривающими ответственность за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

Согласно статистическим данным [2], в 2022 году выявлены 154 преступления (-29,0 %), предусмотренные статьями 195–197 УК РФ, расследованы 117 (-9,3 %) преступлений, уголовные дела о 73 (+22,0 %) преступлениях направлены в суд. Установлено 123 (-21,7 %) лица, совершивших преступления указанной категории, уголовные дела в отношении 64 лиц (-12,3 %) направлены в суд. Ущерб по выявленным преступлениям составил 4,8 млрд рублей, возмещено более 1,8 млрд рублей (39,1 %). Ежегодно значительную долю среди всех выявленных преступлений данной категории занимают преднамеренные банкротства (около 70 %), на втором месте по количеству — неправомерные действия при банкротстве (около 30 %), фиктивные банкротства носят единичный характер. Если говорить о фактическом внешнем выражении данных деяний, то их абсолютное большинство представлено в виде отчуждения имущества должника, а квалификация данных деяний по статье 195 УК РФ или статье 196 УК РФ зависит от обстоятельств их совершения, подробнее о которых речь пойдет далее.

Эмпирическая база научного исследования представлена материалами судебно-следственной практики (обвинительные заключения, постановления о прекращении уголовных дел, приговоры и др.) по противодействию преступлениям, связанным с банкротством, которые предоставлены Следственным департаментом МВД России в рамках подготовки аналитического обзора судебной и следственной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 195–197 УК РФ в 2020–2022 годах. Кроме того, в ходе исследования проводилось интервьюирование 14 следователей, имеющих опыт проведения проверок сообщения о преступлении и расследования криминальных банкротств.

Результаты изучения информационно-аналитических материалов, а также копий процессуальных документов, представленных органами предварительного следствия МВД России в рамках проведения данного научного исследования, свидетельствуют о том, что существует проблема разграничения

неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства. Так, нередко случаи возбуждения уголовных дел по статье 195 УК РФ и дальнейшей переквалификации на статью 196 УК РФ и наоборот. Кроме того, схожие по многим обстоятельствам деяния в одних случаях квалифицируются как неправомерные действия при банкротстве, в других — как преднамеренное банкротство. Это негативно влияет на эффективность юридической практики и требует отдельных разъяснений.

Ключевым критерием разграничения преднамеренного банкротства и неправомерных действий при банкротстве является момент совершения преступных действий. Поскольку самым распространенным способом совершения преступления, связанного с банкротством, является неправомерное отчуждение имущества должника, то такой способ будет подразумеваться при соотношении данных составов. Если такие действия по отчуждению имущества были совершены при наличии признаков банкротства, то их следует квалифицировать по статье 195 УК РФ, если они явились причиной банкротства, то по статье 196 УК РФ. При использовании такого подхода возникает несколько вопросов: «Что считать признаками банкротства?», «Как квалифицировать деяние, если первоначальные действия начались до появления признаков банкротства, а в дальнейшем совершались в ходе процедуры банкротства?», «В какой момент считать преступления оконченными?»

Момент совершения неправомерных действий при банкротстве. В условиях отсутствия соответствующего определения в УК РФ, а также актов официального толкования норм права признаки банкротства следует определять в соответствии с нормами Федерального закона № 127-ФЗ от 26 октября 2002 года «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Федеральный закон) [3]. Моментом, определяющим наличие признаков банкротства, следует считать день, следующий за днем истечения трех месяцев с даты, когда должны были быть исполнены обязательства перед кредитором. Для должников, являющихся юридическими лицами, дополнительных условий для установления признаков банкротства законом не устанавливается. Для физических лиц такое условие есть — задолженность должна быть не менее 500 000 рублей. День возникновения обязанностей и день возникновения признаков банкротства необходимо определять в соответствии с правилами главы 11 Гражданского кодекса Российской Федерации

(далее — ГК РФ) [4]. Следует учитывать, что в соответствии со статьей 193 ГК РФ, если последний день срока приходится на нерабочий день, днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день.

Примером применения данного подхода является уголовное дело № 12201650001000412, находившееся в 2022 году в производстве следователей СУ УМВД России по г. Екатеринбург по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 195 УК РФ. В ходе расследования установлено, что Г., являясь единственным участником и директором ООО «Промресурс», достоверно зная о наличии кредиторской задолженности перед АО ИСЦ «УГМК» в сумме более 10 000 000 рублей, будучи осведомленным о наличии у ООО «Промресурс» признаков банкротства, совершил неправомерные действия при банкротстве в виде отчуждения имущества ООО «Промресурс» в сумме 3 506 870 рублей, причинив кредитору АО ИСЦ «УГМК» материальный ущерб на указанную сумму [5].

Таким образом, вышеуказанный момент появления признаков банкротства происходит до начала процедуры банкротства. При этом в юридической практике органов внутренних дел более распространены случаи квалификации преступлений по статье 195 УК РФ, когда деяние совершается уже после начала процедуры банкротства.

В производстве следователей СУ УМВД России по Владимирской области находилось уголовное дело № 12201170046000365, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного частью 1 статьи 195 УК РФ. В ходе расследования установлено, что лицо, выполняющее управленческие функции в ООО «Мысль», заведомо зная о том, что на основании определения Арбитражного суда Владимирской области от 4 августа 2020 года ООО «Мысль» признано несостоятельным (банкротом) путем заключения договора аренды от 1 октября 2020 года с А., осуществило умышленное отчуждение имущества должника с целью его дальнейшего сокрытия от кредитора ООО «Витязь», права требования которого установлены решениями суда, чем причинило кредитору ООО «Витязь» материальный ущерб на сумму не менее 2 250 000 рублей [6].

Период совершения неправомерных действий при банкротстве представлен на рисунке 1. На оси координат отмечены точки, обозначенные цифрами: 1 — заключение должником сделки, в результате которой у него возникли обязательства; 2 — день, когда должник

должен был исполнить обязательства перед кредитором; 3 — трехмесячный срок с даты, когда обязательства должника должны были быть исполнены; 4 — день, следующий за истечением трехмесячного срока с даты, когда обязательства должника должны были быть исполнены; 5 — обращение кредитора с претензией к должнику по факту неисполнения обязательств; 6 — обращение кредитора в суд с целью взыскания задолженности; 7 — обращение кредитора в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом; 8 — начало процедуры банкротства. Начиная с четвертого этапа действия (бездействие) должника могут быть квалифицированы по статье 195 УК РФ, до этого момента деяния должника не охватываются действием данной нормы уголовного закона.

Рис. 1. Период совершения неправомерных действий при банкротстве

Приведенные выше этапы не являются универсальными, их нельзя рассматривать по отношению ко всем преступлениям, связанным с неправомерными действиями при банкротстве, но они могут быть использованы для уяснения особенностей установления момента совершения преступления, предусмотренного статьей 195 УК РФ.

Момент совершения преднамеренного банкротства. Ключевым отличием преднамеренного банкротства является то, что действия (бездействие), направленные на создание неплатежеспособности должника, осуществляются при отсутствии признаков банкротства, напротив, само банкротство является целью преступления.

В производстве ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю находилось уголовное дело № 12001030053001348 по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного статьями 196 УК РФ. В ходе расследования установлено, что в период времени с 1 июля 2013 года по 25 ноября 2013 года директор ООО «ЮгРосБизнес» Н., достоверно зная о наличии на балансе юридического лица ликвидного имущества, в том числе транспортных средств, а также о наличии кредиторской задолженности и обязанности по уплате обязательных платежей, оплата которых возможна за счет активов (имущества)

организации, совершил заведомо невыгодные для ООО «ЮгРосБизнес» сделки по продаже транспортных средств на общую сумму 6 443 205 рублей, при этом фактическая общая стоимость данного имущества составила 28 552 903 рубля. Данные действия Н. повлекли уменьшение коэффициентов, характеризующих платежеспособность ООО «ЮгРосБизнес» и уменьшение чистых активов на 22 109 698 рублей, как следствие — несостоятельность (банкротство) организации. Решением Арбитражного суда Краснодарского края от 2 июля 2015 года ООО «ЮгРосБизнес» признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство [7].

Период совершения преднамеренного банкротства представлен на рисунке 2.

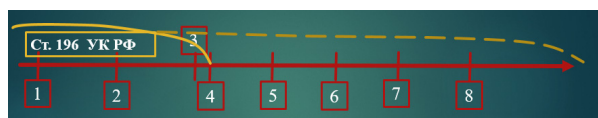

Рис. 2. Период совершения преднамеренного банкротства

Точки, обозначенные на оси координат, имеют такое же значение, как и на рисунке 1, а отмеченные отрезки периода совершения преднамеренного банкротства требуют дополнительных пояснений. Действия по отчуждению имущества должника при преднамеренном банкротстве всегда начинаются до возникновения его первых признаков, установленных федеральным законом. Однако уже начатые действия по отчуждению имущества должника могут продолжаться и после появления признаков банкротства. В таких случаях сложившаяся юридическая практика обычно квалифицирует такие деяния, как единое продолжаемое преступление, предусмотренное статьей 196 УК РФ.

В производстве ГСУ ГУ МВД по Республике Татарстан находилось уголовное дело № 12101920041000117 по обвинению Г. и Н. в совершении преступления, предусмотренного статьей 196 УК РФ. Предварительным расследованием установлено, что в период с 31 мая 2017 года по 18 марта 2020 года Г. и Н., являясь лицами, выполняющими управленческие функции в ООО «Поликом», произвели действия по выводу денежных средств данного юридического лица, что повлекло его неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, чем причинили ущерб в сумме 5 069 838, 34 рубля. Признаки

банкротства ООО «Поликом» проявляли себя уже с 31 декабря 2017 года, а процедура банкротства начата 26 ноября 2019 года [8].

Совокупность преднамеренного банкротства и неправомерных действий при банкротстве. Не всегда неправомерные действия по отчуждению имущества должника квалифицируются по статье 195 УК РФ либо по статье 196 УК РФ. В правоприменительной практике следственных подразделений органов внутренних дел есть случаи квалификации таких действий, как совокупности преступлений.

В производстве ГСУ ГУ МВД России по Краснодарскому краю находилось уголовное дело № 11901030049002080 по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных статьями 195 и 196 УК РФ. В ходе предварительного следствия установлено, что в период с 29 июня 2015 года по 3 декабря 2016 года К., являясь директором ООО «Бетонстройсервис», с целью вывода активов на заведомо невыгодных для организации условиях и причинения ущерба кредиторам совершил от имени возглавляемого юридического лица сделки по отчуждению имущества на общую сумму 17 211 394 рубля. Данные сделки привели к ухудшению финансового состояния ООО «Бетонстройсервис» и его неспособности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, причинив им крупный ущерб на общую сумму 12 112 904, 91 рубля. Таким образом, К. совершил сделки, заведомо влекущие неспособность указанного юридического лица в полном объеме удовлетворить требования его кредиторов по денежным обязательствам и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей при указанных выше обстоятельствах. Данный эпизод преступной деятельности К. квалифицирован по статье 196 УК РФ.

По решению Арбитражного суда Краснодарского края от 20 августа 2018 года ООО «Бетонстройсервис» признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта процедура конкурсного производства. Далее К. в период с 12 февраля 2019 года по 17 февраля 2019 года в нарушение пункта 2 статьи 126 Федерального закона совершил ряд тождественных противоправных действий, направленных на незаконное и необоснованное отчуждение имущества должника юридического лица ООО «Бетонстройсервис» на общую сумму 3 606 707 рублей, тем самым совершил неправомерные действия при банкротстве ООО «Бетонстройсервис», чем

причинил крупный ущерб кредиторам. Данный эпизод преступной деятельности К. квалифицирован по части 1 статьи 195 УК РФ [9].

Вопрос о том, как правильно квалифицировать деяния преступника, связанные с криминальными банкротствами: как единое продолжаемое преступление или совокупность преступлений — зависит от обстоятельств их совершения. Ключевым критерием разграничения данных видов преступных действий является умысел субъекта преступления: был ли он единым и охватывал все неправомерные действия или каждый раз он возникал вновь. Ответ на данный вопрос не является очевидным, а установление данных обстоятельств представляется крайне сложным. О едином умысле могут свидетельствовать объективная тождественность сделок по отчуждению имущества, например, путем составления договоров купли-продажи с одним и тем же лицом.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что, по мнению автора, ключевым критерием разграничения преднамеренного банкротства и неправомерных действий при банкротстве является момент совершения преступного деяния относительно времени наступления признаков банкротства. Представляется, что в условиях отсутствия разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу такое умозаключение может быть полезным в попытке унификации многообразия подходов правоприменителей к решению данной задачи и обеспечению предсказуемости юридической практики.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 12.12.2023).
3. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 года. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

Информация об авторе

Р. С. Поздышев — кандидат юридических наук, начальник кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России.

Information about the author

R. S. Pozdyshev — Candidate of Science (Law), Head of the Department of Preliminary Investigation Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

5. Уголовное дело № 12201650001000412 // Надзорное производство Следственного управления УМВД России по г. Екатеринбург. 2022.

6. Уголовное дело № 12201170046000365 // Надзорное производство Следственного управления УМВД России по Владимирской области. 2022.

7. Уголовное дело № 12001030053001348 // Надзорное производство Главного следственного управления ГУ МВД России по Краснодарскому краю. 2021.

8. Уголовное дело № 12101920041000117 // Надзорное производство Главного следственного управления ГУ МВД по Республике Татарстан. 2022.

9. Уголовное дело № 11901030049002080 // Надзорное производство Главного следственного управления ГУ МВД России по Краснодарскому краю. 2020.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996. *Collection of Legislative acts of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
2. The state of crime in the Russian Federation for January — December 2022. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (accessed 12.12.2023). (In Russ.)
3. On insolvency (bankruptcy): federal law no. 127-FZ of October 26, 2002. *Collection of Legislative acts of the RF*, 2002, no. 43, art. 4190. (In Russ.)
4. Civil Code of the Russian Federation (Part one) no. 51-FZ of November 30, 1994. *Collection of Legislative acts of the RF*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)
5. Criminal case no. 12201650001000412 / Supervisory proceedings of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Yekaterinburg. 2022. (In Russ.)
6. Criminal case no. 12201170046000365 / Supervisory proceedings of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vladimir region. 2022. (In Russ.)
7. Criminal case no. 12001030053001348 / Supervisory proceedings of the Main Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Krasnodar region. 2021. (In Russ.)
8. Criminal case no. 12101920041000117 / Supervisory proceedings of the Main Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan. 2022. (In Russ.)
9. Criminal case no. 11901030049002080 / Supervisory proceedings of the Main Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Krasnodar region. 2020. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-102-108>

**К вопросу о нейтрализации противодействия криминальной среды
при оперативно-розыском обеспечении расследования уголовных дел,
связанных с незаконным производством и оборотом
алкогольной продукции**

Потапов Дмитрий ЮрьевичНижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
potapov.d.75@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы оперативно-розыского обеспечения расследования уголовных дел, связанных с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции, представлены различные точки зрения научной среды на понятие «оперативно-розыское обеспечение» и выделены его основные элементы. Проанализированы проблемы в оперативно-служебной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел, касающиеся вопроса нейтрализации противодействия криминальной среды, предложены пути их решения.

Ключевые слова: оперативно-розыское обеспечение расследования, преступления в сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции, нейтрализация противодействия криминальной среды

Для цитирования: Потапов Д. Ю. К вопросу о нейтрализации противодействия криминальной среды при оперативно-розыском обеспечении расследования уголовных дел, связанных с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 102–108. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-102-108>.

Original article

**On the issue of neutralizing the counteraction of the criminal environment
in the operational investigative support of the investigation of criminal cases
related to illegal production and trafficking of alcoholic leverages**

Dmitriy Y. PotapovNizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, potapov.d.75@mail.ru

Abstract. The issues of operational investigative support for the investigation of criminal cases related to the illegal production and trafficking of alcoholic beverages are considered, various points of view of the scientific community on the concept of “operational investigative support” are presented and its main elements are highlighted, problems in the operational and official activities of internal affairs departments related to the issue of neutralizing counteraction to the criminal environment are highlighted and ways to solve them are proposed.

© Потапов Д. Ю., 2024

Keywords: operational and investigative support for investigations, crimes in the field of illegal production and trafficking of alcoholic beverages, neutralization of counteraction from the criminal environment

For citation: D. Y. Potapov On the issue of neutralizing the counteraction of the criminal environment in the operational investigative support of the investigation of criminal cases related to illegal production and trafficking of alcoholic leverages. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 102–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-102-108>.

Анализируя дефиницию понятия «оперативно-розыскное обеспечение» расследования преступления, мы констатируем, что с того времени, когда определение было впервые представлено научному сообществу, проведено достаточное количество научных изысканий, посвященных рассматриваемой проблематике. Однако, несмотря на большое количество научных исследований по данному вопросу, в теории оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) до настоящего времени отсутствует единообразный подход к определению понятия «оперативно-розыскное обеспечение».

В общих чертах сущность данной категории можно рассматривать как деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД), направленную на решение задач, связанных с предварительным расследованием преступлений и рассмотрением уголовных дел в суде.

В теории ОРД проблему оперативно-розыскного обеспечения, связанную с деятельностью следователя по установлению лица, совершившего противоправное деяние на этапе предварительного расследования, впервые исследовал В. П. Хомколов [1, с. 17–26; 2, с. 62–69]. Он указал, что «под оперативно-розыскным обеспечением понимается система мер, основанных на законе и ведомственных нормативных актах, осуществляемых оперативно-розыскными аппаратами органов внутренних дел и направленных на непрерывное, своевременное и полное обеспечение предварительного следствия информацией, содержащей совокупность фактических данных об обстоятельствах совершенных преступлений и лицах, их совершивших, а также других сведений, необходимых для расследования и раскрытия преступлений» [3, с. 4].

Основываясь на практическом опыте следственных подразделений, можно констатировать, что оперативно-розыскное обеспечение на данный момент является одной из форм деятельности, без которой невозможно быстрое и продуктивное расследование преступлений. Эффективность процессуальной деятельности следователя по расследованию преступлений зависит от качественного оперативно-розыскного обеспечения [4, с. 66–67].

Таким образом, проблема оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования преступлений не утратила своей актуальности и в настоящее время.

Вместе с тем представляется, что указанные работы не дают полного представления о сущности и содержании оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования и рассматривают лишь некоторые стороны этого многогранного процесса.

На рубеже второй половины XX века, учитывая осложнение оперативной обстановки в стране и роста проявлений организованной преступности, в теории ОРД начала исследоваться проблема оперативно-розыскного обеспечения расследования наиболее латентных преступлений экономической направленности. Термин «оперативно-розыскное обеспечение» впервые нашел свое отражение в нормативных документах МВД СССР [5]. Одновременно проблемным вопросам оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования стали уделять внимание ученые в области теории ОРД и практические сотрудники оперативных подразделений. Некоторые особенности оперативно-розыскного обеспечения анализировались рядом ученых через аспект соотношения ОРМ и следственных действий, их комбинаций с целью повышения эффективности и качества предварительного расследования и рациональности проведения отдельных следственных действий [6, с. 53; 7, с. 297]. Ряд ученых рассмотрели проблему, связанную с оперативно-розыскным обеспечением, с точки зрения организации взаимодействия следователя и оперативного сотрудника на стадии предварительного расследования [8, с. 210–213]. Другие авторы исследовали рассматриваемую проблему через призму деятельности оперативных сотрудников по предоставлению оперативно-розыскной информации на стадии предварительного расследования и ее влияния на тактику проведения отдельных следственных действий [9, с. 151–155].

Полностью поддерживая позицию Е. М. Рябкова, мы заключаем, что спектр вопросов, решаемых в ходе оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования, значительно шире, чем при взаимодействии оперативного

сотрудника и следователя, основанием для которого служат различные следственные ситуации, возникающие в ходе процессуальной деятельности. Так, в ходе оперативно-розыскного обеспечения решается широкий ряд задач, связанных с обеспечением безопасности участников уголовного процесса, сохранности доказательственной базы по уголовному делу, нейтрализации противодействия криминальной среды и т. д. [10, с. 8–9].

Представляется, что В. П. Хомколов несколько сужает оперативно-розыскное обеспечение расследования, характеризуя его лишь «как форму взаимодействия следователя и оперативно-розыскных аппаратов» [11, с. 11].

Рассматривая соотношение понятий «взаимодействие» и «оперативно-розыскное обеспечение», можно сделать вывод, что первое из них является неотъемлемой частью второго. Именно эффективное взаимодействие является залогом успешного решения задач оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования.

Впоследствии ряд ученых, которые исследовали проблему оперативно-розыскного обеспечения, давали различные определения данному понятию [12, с. 13–14; 13; 14, с. 24]. Однако у них не было единого мнения по поводу количества включаемых в содержание рассматриваемой деятельности оперативных работников структурных элементов.

Учитывая различные точки зрения ученых на понятие «оперативно-розыскное обеспечение», необходимо констатировать, что они, по нашему мнению, не отражают в полной мере всех структурно-содержательных элементов данного многогранного процесса деятельности оперативных сотрудников. Мы придерживаемся мнения тех ученых [15, с. 66–70; 16, 135–140], которые выделяют следующие основные элементы оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования:

- обеспечение доказывания по уголовному делу;
- нейтрализация противодействия криминальной среды.

Необходимо отметить, что вышеуказанные структурные элементы в полной мере раскрывают деятельность оперативных подразделений по оперативно-розыскному обеспечению предварительного расследования, что, в свою очередь, продиктовано их большим значением в достижении целей уголовного судопроизводства.

Так, важность оперативно-розыскного обеспечения по сбору информации, имеющей

доказательственное значение по уголовному делу, неоспорима, поскольку доказывание является основой уголовного судопроизводства, вне зависимости от того, на каком этапе предварительного расследования мы находимся. Основной задачей оперативного сотрудника является обеспечение следователя непрерывным потоком такого рода информации в целях обеспечения эффективного расследования уголовного дела и направления его в суд.

Кроме этого, на оперативного сотрудника возлагается задача по нейтрализации противодействия криминальной среды в целях формирования качественной доказательственной базы по уголовному делу.

На основании вышеизложенного автор предлагает следующее определение понятия: «оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений в сфере незаконного производства и оборота алкогольной продукции (далее — НПОАП)».

Оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений в сфере НПОАП представляет собой деятельность оперативных подразделений ОВД, осуществляемую в рамках действующего законодательства во взаимодействии со следователями Следственного комитета России и следователями ОВД МВД России, состоящую из системы мер по сбору оперативно значимой информации, формирующей впоследствии доказательственную базу по уголовному делу в рассматриваемой сфере, нейтрализацию противодействия криминальной среды и выполнение функций защиты участников уголовного процесса.

В связи с ограниченным объемом научной статьи остановимся подробнее на таком направлении оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений в сфере НПОАП, как нейтрализация противодействия криминальной среды.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что противодействие криминальной среды расследованию уголовных дел экономической направленности приобрело масштабный характер и представляет угрозу правоохранительной системе в целом. Не являются исключением и дела, возбужденные по фактам НПОАП. Это обусловливается в первую очередь организованным характером преступности в данной области, недостаточной профилактикой преступлений рассматриваемого вида (составление протоколов об административных правонарушениях в сфере НПОАП), а также крайней степенью латентности совершаемых преступлений.

Проанализируем причины противодействия предварительному расследованию уголовных дел в сфере НПОАП:

1. Крайне высокая доходность НПОАП, которая в 10–15 раз (в зависимости от производства или сбыта нелегального алкоголя) превышает прибыльность легального сектора экономики в рассматриваемой сфере. Даже высокие непроизводительные затраты (прежде всего на коррупционную ренту должностным лицам контролирующих органов) не оказывают какого-либо влияния на рентабельность данного нелегального бизнеса, вследствие чего организованные группы, осуществляющие НПОАП, обладают достаточными финансовыми ресурсами для оказания противодействия сотрудникам правоохранительных органов.

2. Соответственно, из первой причины противодействия криминальной среды вытекает вторая.

В настоящее время в сфере НПОАП действуют организованные группы, имеющие значительные финансовые ресурсы, полученные от нелегального бизнеса. Используя эти денежные средства, лидеры организованных групп привлекают опытных аналитиков из числа бывших сотрудников правоохранительных органов, а также высококвалифицированных технических специалистов и исполнителей с высоким уровнем подготовки. С целью оказания давления на участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного следствия члены данных организованных групп осуществляют разведывательные и контрразведывательные мероприятия, направленные на противодействие расследованию уголовных дел в сфере НПОАП.

Далее рассмотрим способы противодействия расследованию преступлений в сфере НПОАП, являющиеся неотъемлемой частью механизма преступления. При этом следует акцентировать внимание на том, что способы противодействия уголовному судопроизводству в рассматриваемой сфере во многом зависят от статуса лица, привлекаемого к уголовной ответственности (руководитель юридического лица, должностное лицо, рядовой исполнитель) [17, с. 133–144; 18, с. 26–29].

Следует отметить, что ключевые позиции в организации противодействия расследованию уголовных дел в сфере НПОАП занимают руководители организаций, на территории которых осуществлялась рассматриваемая противоправная деятельность (например, директора ликеро-водочных заводов, крупных оптовых баз, предприятий общепита). Нередко

вышеуказанная категория лиц проходит подозреваемыми и обвиняемыми по уголовным делам в анализируемой сфере.

При этом вышеуказанные должностные лица предпочитают действовать тайно, «кулуарно», задействуя свои коррупционные каналы, а официально представлять свои интересы в правоохранительных органах поручают адвокатам.

Кроме того, расследованию преступлений в сфере НПОАП криминальная среда может противодействовать следующими специфическими способами:

— запугивание лиц, не имеющих регистрации на территории Российской Федерации, выдворением за пределы страны (в случае расследования уголовного дела по факту изготовления фальсифицированной алкогольной продукции на «кустарном» производстве);

— оказание давления на сотрудников оперативных подразделений ОВД и следователей с помощью коррумпированных связей в федеральных и региональных органах государственной власти, а также средств массовой информации с целью создания негативного общественного мнения о ходе расследования в отношении членов организованных групп, занимающихся противоправной деятельностью в рассматриваемой сфере;

— нередко фигурантами, причастными к преступлениям в сфере НПОАП, и их окружением (родственниками, соучастниками) предпринимаются попытки передачи незаконного денежного вознаграждения сотрудникам экспертно-криминалистических учреждений за фальсификацию криминалистических экспертиз. Особенно актуален такой способ противодействия криминальной среды при расследовании преступлений по статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации, когда химическая экспертиза алкогольной продукции на наличие веществ, опасных для жизни и здоровья граждан, является одним из основных доказательств по уголовному делу;

— прямой подкуп должностных лиц из числа контролеров и офицерского состава ИВС, СИЗО с целью обеспечения нахождения в одной камере лиц, задержанных по уголовному делу в сфере НПОАП. Совместное нахождение в одной камере членов организованных групп позволяет согласовывать нужные им показания (зачастую ложные) на стадии предварительного следствия, тем самым осложняя работу следователя по сбору доказательственной базы;

— привлечение к защите высокооплачиваемых адвокатов с целью легального

ознакомления с материалами уголовного дела с последующей передачей необходимой информации членам организованных групп;

— особые межличностные отношения между членами организованных групп, занимающихся НПОАП. Специфика состоит в том, что связь между поставщиками и изготовителями может быть опосредованной — через организатора или его помощников. В результате чего изготовителям неизвестно, откуда поступает оборудование и сырье, а поставщики не знают, где и кто их использует, что значительно осложняет расследование уголовного дела в рассматриваемой сфере.

Далее рассмотрим меры по преодолению противодействия расследованию уголовного дела в рассматриваемой сфере.

Классифицируем меры по противодействию расследованию уголовных дел, разделив их на две группы по следующим критериям:

— меры по преодолению противодействия расследованию уголовного дела, которые осуществляют непосредственно оперативные подразделения ОВД;

— меры по преодолению противодействия расследованию уголовного дела, которые осуществляют оперативные подразделения ОВД во взаимодействии с другими оперативными службами различных ведомств.

1. Меры по преодолению противодействия предварительному расследованию преступлений в рассматриваемой сфере основаны на особенностях деятельности оперативных сотрудников подразделений ОВД:

— проведение сотрудниками оперативных подразделений ОВД оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) по поручению следователя при оптимальном соблюдении норм закона и правил применения тактических приемов, направленных на изъятие у обвиняемых имущества, нажитого преступным путем, тем самым лишая последних финансовых ресурсов, необходимых для противодействия предварительному расследованию уголовных дел в анализируемой сфере;

— проведение сотрудниками оперативных подразделений ОВД мероприятий, результаты которых будут использованы для определения тактики последующих следственных действий с целью фиксации фактов противодействия расследованию в рассматриваемой сфере.

Следует акцентировать внимание на том, что при получении оперативной информации об угрозах следователю ОВД или об оказании на него давления сотрудники оперативных

подразделений ОВД должны проинформировать по данному факту подразделения собственной безопасности МВД России, осуществляющие физическую защиту сотрудников полиции.

Рассматривая проблему обеспечения государственной защиты сотрудников ОВД, необходимо отметить, что ее решение находится не только в плоскости вопроса обеспечения сотрудников служебным оружием и физической защитой. На наш взгляд, это система организационных, охранных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обеспечение сохранности жизни и здоровья сотрудников ОВД и их близких, неприкосновенности имущества и жилья, а также выявление и нейтрализацию лиц, создающих угрозу всем вышеперечисленным факторам, с последующим привлечением таких лиц к уголовной ответственности.

В случае поступления оперативной информации об угрозах участникам уголовного судопроизводства (заявителей и свидетелей), сотрудникам оперативных подразделений ОВД необходимо проинформировать подразделение по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите МВД России. Именно в компетенцию этого подразделения входит обеспечение физической защиты участников уголовного судопроизводства и проведение ОРМ, нейтрализующих подобную угрозу.

2. Далее рассмотрим меры по преодолению противодействия расследованию уголовного дела, которые осуществляют оперативные подразделения ОВД во взаимодействии с оперативными службами других ведомств:

— при выявлении на стадии предварительного следствия коррумпированных связей обвиняемых в органах государственной власти необходимо во взаимодействии с оперативными подразделениями ФСБ России нейтрализовать влияние вышеуказанных специальных субъектов на ход расследования уголовных дел, связанных с НПОАП;

— при поступлении информации о подкупе контролеров или офицерского состава СИЗО, где содержатся под стражей обвиняемые, проходящие по одному уголовному делу, связанному с НПОАП, совместно с оперативными подразделениями ФСИН России осуществить задержание указанных должностных лиц.

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить, что оперативные сотрудники ОВД должны обеспечить оперативно-розыскное сопровождение предварительного расследования уголовных дел, возбужденных по фактам

противоправной деятельности, связанной с НПОАП. Среди задач, стоящих перед оперативными подразделениями ОВД на этом этапе, нейтрализация противодействия криминальной среды предварительному расследованию остается одной из главных. Деятельность в этом направлении создает необходимую предпосылку для быстрого и полного раскрытия преступления, способствует обеспечению установления истины по конкретному уголовному делу и реализации принципа неотвратимости наказания, а также сдерживания криминального противодействия виновных лиц и их окружения.

Список источников

1. Хомколов В. П. Некоторые проблемы оперативно-розыскного обеспечения предварительного следствия // Проблемы взаимодействия оперативных аппаратов с иными службами органов внутренних дел, с государственными и общественными организациями. Киев, 1989.
2. Хомколов В. П. К вопросу о тактике оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя при раскрытии и расследовании преступлений // Труды академии МВД СССР. Москва, 1988.
3. Хомколов В. П. Правовые и организационно-тактические вопросы оперативно розыскного обеспечения деятельности следователя по установлению лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1984.
4. Харченко С. В., Попова Т. В. К вопросу об оперативно-розыском обеспечении предварительного расследования преступлений // Государственная служба и кадры. 2018. № 3.
5. О дальнейшем совершенствовании деятельности следственного аппарата органов внутренних дел: приказ МВД СССР от 21 апреля 1976 года № 110. Москва, 1976.
6. Гвоздев И. Д. Оперативно-розыскные меры органов дознания в процессе предварительного расследования преступлений. Москва, 1980.
7. Ковалев А. В. Актуальные вопросы формирования института оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. №3 (2).
8. Харченко С. В., Гирько С. И., Цепинский С. А. К вопросу о взаимодействии оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования преступлений // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1.
9. Самороковский С. А. Особенности оперативного обеспечения предварительного следствия по делам о хищениях в сфере ЖКХ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38).

10. Рябков Е. М. Нейтрализация противодействия привлекаемых к уголовной ответственности лиц с использованием возможностей ОРД: монография. Нижний Новгород, 2002.

11. Хомколов В. П. Правовые и организационно-тактические вопросы оперативно-розыскного обеспечения деятельности следователя по установлению лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1984.

12. Бордиловский Э. И. Сущность и основные направления оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования групповых преступлений // Труды академии МВД СССР «Актуальные проблемы агентурно-оперативной деятельности органов внутренних дел». Москва, 1990.

13. Попов Н. М. Оперативное обеспечение досудебной подготовки в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1997.

14. Карпушкин В. В. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых корыстно-насильственных преступлений (правовой, организационный, тактический и методический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005.

15. Жданов А. А. Определение понятия оперативно-розыскного сопровождения расследования преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2.

16. Иванов П. И., Кустов А. М. Оперативно-розыскное сопровождение расследования уголовных дел и использование при этом результатов ОРД (организационно-тактический аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).

17. Гребенькова Л. А. Особенности личности лидера преступного формирования // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сборник научных статей V Международной заочной научно-практической конференции. Курск, 2014.

18. Бутырская А. В. Личностные особенности организаторов преступных сообществ, действующих в сфере экономики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7).

References

1. Khomkolov V. P. Some problems of operational and investigative support of the preliminary investigation. Problems of interaction of operational apparatus with other services of internal affairs bodies, with state and public organizations. Kyiv, 1989. (In Russ.)
2. Khomkolov V. P. On the issue of tactics of operational-search support for the activities of the investigator in solving and investigating crimes. Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Moscow, 1988. (In Russ.)

3. Khomkolov V. P. Legal and organizational-tactical issues of operational investigative support for the activities of the investigator to identify the person who committed the crime: Dissertation ... candidate of legal sciences. Moscow, 1984. (In Russ.)
4. Kharchenko S. V., Popova T. V. On the issue of operational investigative support for the preliminary investigation of crimes. Public service and personnel. 2018, no. 3. (In Russ.)
5. For example, see: On further improvement of the activities of the investigative apparatus of internal affairs bodies: Order of the USSR Ministry of Internal Affairs of April 21, 1976 No. 110. Moscow, 1976; On approval of instructions on the interaction of investigators, operatives of the criminal investigation department, BHSS with duty units of internal affairs bodies when initiating criminal cases and investigating crimes: Order of the USSR Ministry of Internal Affairs of February 20, 1979, no. 64. Moscow, 1979. (In Russ.)
6. Gvozdev I. D. Operational and investigative measures of the investigating authorities in the process of preliminary investigation of crimes. Moscow, 1980. (In Russ.)
7. Kovalev A. V. Current issues in the formation of the institute of operational investigative support for the investigation of crimes. News of the Tula State University. Economic and legal sciences. Tula, 2016, no. 3 (2). (In Russ.)
8. Kharchenko S. V., Girko S. I., Tsepinsky S. A. On the issue of interaction between operational and investigative units of internal affairs bodies in the process of solving and investigating crimes. Problems of economics and legal practice. Moscow, 2018, no. 1. (In Russ.)
9. Samorokovsky S. A. Features of operational support of the preliminary investigation in cases of theft in the housing and communal services sector. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017, no. 2 (38). (In Russ.)
10. Ryabkov E. M. Neutralization of opposition from persons brought to criminal liability using the capabilities of operational intelligence activities: monography. Nizhny Novgorod, 2002. (In Russ.)
11. Khomkolov V. P. Legal and organizational-tactical issues of operational-search support for the activities of the investigator to identify the person who committed the crime. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 1984. (In Russ.)
12. Bordilovsky E. I. The essence and main directions of operational investigative support for the preliminary investigation of group crimes. Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR "Current problems of intelligence and operational activities of internal affairs bodies." Moscow, 1990. (In Russ.)
13. Popov N. M. Operational support of pre-trial preparation in criminal proceedings in Russia. Dissertation ... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 1997. (In Russ.)
14. Karpushkin V. V. Operational and investigative support for the detection and investigation of group mercenary and violent crimes (legal, organizational, tactical and methodological aspects). Dissertation ... candidate of legal sciences. Moscow, 2005. (In Russ.)
15. Zhdanov A. A. Definition of the concept of operational investigative support for crime investigations. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 2. (In Russ.)
16. Ivanov P. I., Kustov A. M. Operational search support for the investigation of criminal cases and the use of the results of operational investigations (organizational and tactical aspect). *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Nizhny Novgorod, 2017, no. 4 (40). (In Russ.)
17. Grebenkova L. A. Personality features of the leader of a criminal group. Criminal law in an evolving society: problems and prospects: collection of scientific articles of the V International correspondence scientific and practical conference. Kursk, 2014. (In Russ.)
18. Butyrskaya A. V. Personal characteristics of organizers of criminal communities operating in the economic sphere. *Investigation of crimes: problems and ways to solve them*. 2015, no. 1 (7).

Информация об авторе

Д. Ю. Потапов — кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России.

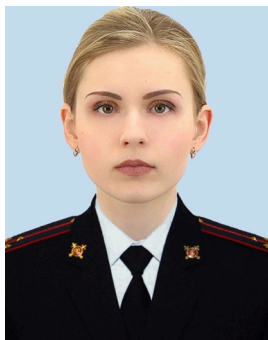
Information about the author

D. Y. Potapov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Operational-Investigative Activities in the Department of Internal Affairs Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-109-116>

Риски использования искусственного интеллекта в юридической сфере: анализ и пути минимизации

Балалаева Юлия Сергеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, balalaeva.98@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6272-5320>

Аннотация. В настоящей статье автором исследуются проблемы, связанные с рисками использования искусственного интеллекта при осуществлении отдельных видов юридической деятельности. Обращается внимание на риск: а) «шаблонизации» судебных решений в случае их генерирования искусственным интеллектом; б) нарушения ключевых принципов права при использовании функционирующих в режиме реального времени и удаленно биометрических систем идентификации личности. В результате исследования автор приходит к выводу, что создание наиболее оптимальных условий использования искусственного интеллекта в юридической сфере является более рациональным способом минимизации данных рисков, чем установление запрета на такое использование. Им предлагаются конкретные условия, в частности, предоставление гражданам дополнительных гарантий реализации их прав и свобод.

Ключевые слова: искусственный интеллект, риск, юридическая сфера, юридическая деятельность, условия

Для цитирования: Балалаева Ю. С. Риски использования искусственного интеллекта в юридической сфере: анализ и пути минимизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 109–116. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-109-116>.

Original article

Risks of using artificial intelligence in the legal sphere: analysis and ways to minimize

Yulia S. Balalaeva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, balalaeva.98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6272-5320>

Abstract. In this article, the author examines problems related to the risks associated with the use of artificial intelligence (AI) when carrying out certain types of legal activities. Attention is drawn to the risk of: a) “template generation” of court decisions in case they are generated by AI; b) violation of the key principles of law when using real-time and remote biometric identification systems. As a result of the study, the author concludes that creating the most optimal conditions for the use of AI in the legal field is a more rational way to minimize these risks than imposing a ban on such use. The author proposes specific conditions, including providing citizens with additional guarantees for the implementation of their rights and freedoms.

© Балалаева Ю. С., 2024

Keywords: artificial intelligence, risk, legal sphere, legal activity, terms

For citation: Balalaeva Yu. S. Risks of using artificial intelligence in the legal sphere: analysis and ways to minimize. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 109–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-109-116>.

Искусственный интеллект (далее — ИИ) сегодня представляет собой наиболее сложную инновационную технологию, в развитии которой заинтересовано все мировое сообщество. В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно подчеркивал стратегическую значимость ИИ для нашей страны. Так, участвуя в заседании наблюдательного совета автономной некоммерческой организации «Россия — страна возможностей» Президент Российской Федерации указал на то, что «технологии искусственного интеллекта не менее важны сейчас, чем атомный или ракетный проекты в СССР, за ними будущее» [1]. Вместе с тем последние характеризуются противоречивым характером: с одной стороны, имеют безграничный потенциал для оптимизации различных процессов, но с другой — несут многочисленные риски, которые нельзя игнорировать. Примером может служить программно-аппаратный комплекс городского видеонаблюдения, функционирующий на основе технологий компьютерного зрения, позволяющий идентифицировать конкретное лицо, попавшее в объектив видеокамеры. Использование его в правоохранительных целях позволяет повысить раскрываемость преступлений за счет мгновенного распознавания правонарушителя и задержания его по «горячим следам». Однако при этом под угрозой оказываются персональные данные граждан, а также их право на неприкосновенность частной жизни.

Приведенный пример демонстрирует одну из ключевых проблем правового регулирования, возникающих при использовании ИИ в юридической сфере. Она связана с различными рисками такого использования, вероятностью наступления неблагоприятных последствий.

Очевидно, что следует искать способы преодоления или минимизации указанных рисков. Одним из них является установление запрета на развитие, внедрение и использование ИИ вообще либо в отдельных сферах деятельности. В последнее время данный вариант приобретает популярность, что обусловлено опасениями, вызываемыми чрезвычайно стремительным прогрессом новых технологий. Данные опасения, по нашему мнению, являются следствием чересчур преувеличенных представлений о возможностях искусственного интеллекта, порождаемых фантастическими

произведениями литературы и кинематографа, о возникновении «сверх-разума» и порабощении им человечества.

Так, всемирно известный американский предприниматель Илон Маск призвал приостановить разработку и обучение нейронных сетей, полагая, что они могут превзойти нас численностью, перехитрить, сделать ненужными и заменить [2]. Подобные призывы звучали и от американского ученого Элиезера Юдковского, предложившего не только приостановить развитие ИИ, но и запретить его использование по всему миру. По его мнению, «наиболее вероятным результатом создания сверхчеловечески умного ИИ при любых обстоятельствах, отдаленно напоминающих нынешние, будет то, что буквально все на Земле умрут» [3].

Следует отметить, что уже есть реальные примеры установления запрета при регулировании общественных отношений в сфере ИИ. Однако характер вызвавших его опасений другой — они связаны с риском потери персональных данных пользователей при использовании нейронной сети *Chat GPT*. Первым государством, установившим рассматриваемый запрет, стала Италия: государственный орган *Privacy Guarantor* выпустил распоряжение, согласно которому временно ограничивается обработка данных итальянских пользователей в отношении компании *Open AI* — разработчика *Chat GPT* [4]. За ней последовали Германия и Франция.

Аналогичные предложения высказываются и отдельными российскими учеными. С нашей точки зрения, такой вариант правового регулирования не является наилучшим. Развитие ИИ — объективно обусловленный процесс, остановить который вряд ли возможно. Эта идея прослеживается и в последнем выступлении В. В. Путина на пленарном заседании Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению *AI-journey 2023* [5]. Для эпохи постиндустриального общества характерно экспоненциальное увеличение количества информации, формирование «больших данных», работа с которыми требует использования специальных автоматизированных инструментов.

Значительно более рациональным вариантом минимизации рисков, возникающих при

использовании ИИ, видится создание наиболее оптимальных условий его использования в различных сферах деятельности с целью повышения эффективности всех процессов и недопущения наступления негативных правовых последствий.

Для создания рассматриваемых условий требуется сначала выявить основные направления использования ИИ.

Анализ особенностей осуществления отдельных видов юридической деятельности (правотворческой, судебной, деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД РФ)) позволил нам выявить следующие основные направления использования ИИ в юридической сфере:

а) подготовка (генерирование) проектов нормативных правовых актов, правоприменительных актов (судебных решений, актов в рамках производства по делам об административных правонарушениях, уголовного судопроизводства);

б) осуществление экспертиз проектов нормативных правовых актов;

в) автоматизация производства по делам приказного и упрощенного производства (глава 11, 21.1 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации [6]; глава 11.1, 33 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [7]; глава 29, 29.1 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации [8];

г) проверка правоприменительных актов на предмет наличия в них юридических, логических, технических, грамматических, орфографических, пунктуационных и других ошибок;

д) использование показаний работающих в автоматическом режиме специальных технических средств в рамках особого порядка привлечения к административной ответственности;

е) нормативно-правовая поддержка принятия правоприменительных решений;

ж) розыск лиц;

з) юридическая квалификация;

и) собирание, проверка и оценка доказательств.

Обратим внимание на отдельные риски в рамках использования ИИ в указанных направлениях.

1. Риск «шаблонизации» судебных решений при их генерировании ИИ.

Зарубежный опыт, в частности опыт Китая, свидетельствует о том, что генеративный ИИ (*Chat GPT*) сегодня может успешно использоваться при осуществлении правосудия. В этом государстве функционирует целая система

«умных судов» (SoS), к которой имеет доступ каждый судья [9]. Она имеет довольно много функциональных возможностей, одной из которых является генерирование проектов судебных решений по запросу судей. Для этого в систему вводятся фактические обстоятельства рассматриваемого дела для их анализа. На выходе китайские судьи получают судебное решение со ссылками на положения нормативных правовых актов, а также материалы судебной практики. Следует подчеркнуть, что такое «консультирование» китайских судей с ИИ является не правом, а обязанностью.

В связи с тем, что сгенерированное судебное решение представляет собой результат обработки данных об уже принятых и вступивших в силу судебных решениях, отдельные ученые указывают на вероятность утраты индивидуального характера правоприменения, выражающегося в получении «шаблонных», то есть похожих друг на друга судебных решений. Так, А. В. Дарда уверен в том, что «для реализации подобных алгоритмов придется в большинстве случаев уничтожить индивидуальность, уникальность и внутреннюю природу каждого человека» [10, с. 6].

С нашей точки зрения, данный риск является необоснованным, это обусловлено особенностями осуществления производства по определенным категориям дел.

Во-первых, судебные решения, выносимые в рамках производства по делам приказного производства, в форме судебных приказов, являются «шаблонными» по своей природе. Для их формирования требуется лишь проверка соблюдения предусмотренных законом требований. Индивидуализирующими обстоятельствами здесь выступают лишь данные о должнике, взыскателе, сумме взыскиваемых денежных средств. Производство по таким делам представляется возможным в высшей степени автоматизировать, исключив участие судьи-человека.

Во-вторых, в судебной практике отчетливо выделяются категории дел, решения по которым практически не отличаются. Это во многом обусловлено спецификой самих дел. К примеру, в уголовном судопроизводстве можно говорить о типовом характере дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Проведя анализ судебной практики по данной категории дел, мы обнаружили, что описательно-мотивировочная часть решений отдельных судов практически тождественна по обстоятельствам совершения преступления. Такой тождественностью

отличаются, например, решения Туймазинского районного суда Республики Башкортостан по статье 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [11]. В более чем 10 решениях указывается на то, что обвиняемые приобретают в торговом павильоне кондитерский мак, в магазине — растворитель, а затем из кондитерского мака изготавливают наркотическое средство — «экстракт маковой соломки». Преступная деятельность обвиняемых пресекается сотрудниками полиции, которыми выявляется факт незаконного изготовления наркотического средства. Помимо этого, в рассматриваемых решениях разбирательство осуществляется в особом порядке в соответствии с главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) ввиду согласия обвиняемых с предъявленным им обвинением [12–16].

Подобным «типовым» характером обладают и дела о преступлениях, предусмотренных статьей 157 УК РФ: «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». Ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения Европейского университета Санкт-Петербурга К. Д. Титаев обращает внимание на то, что уголовные дела о преступлениях данной категории «штампованные по самой своей природе, сколь бы ни были различными жизненные ситуации потерпевших. В них всегда приводятся два факта: что алименты назначены и то, что они не платились» [17].

Представляется, что в сфере уголовного судопроизводства таких «типовых» категорий дел будет немного. Намного больше их в гражданском судопроизводстве. К примеру, В. И. Калязин указывает на дела о взыскании неустойки за ненадлежащее исполнение договора участия в долевом строительстве. В результате анализа более тысячи дел по искам дольщиков к застройщику ООО «Прометейсити» он обнаружил, что «Солнечногорским городским судом Московской области и Зеленоградским районным судом города Москвы было рассмотрено и удовлетворено исков к ООО «Прометейсити» 163 и 877 соответственно» [18, с. 17–20]. Основанием к этому служила статья 333 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [19].

Вышеприведенные примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что в силу большой нагрузки, а также благодаря специфике отдельных категорий дел судьи стремятся оптимизировать свою деятельность и поэтому копируют текст из вынесенных по схожим

обстоятельствам решений, меняя лишь необходимые детали. Таким образом, они приобретают шаблонный характер. Для оптимизации осуществления производства по таким делам использование ИИ представляется как никогда актуальным.

Несмотря на обозначенный нами необходимый характер рассматриваемого риска, требуется все же указать на путь его минимизации. Он лежит через качественную деятельность самого судьи, высокий уровень его профессионального правосознания, в рамках которого он не просто бездумно полагается на ИИ, а действительно оценивает приемлемость сгенерированного им решения для разрешения конкретного дела и при необходимости вносит изменения, учитывающие особенности фактических обстоятельств. Полагаем, что в Китае сегодня реализуется именно этот путь, поскольку китайские судьи имеют право не согласиться с предложенным ИИ решением и отклонить его, письменно обосновав свою позицию.

2. Риск нарушения ключевых принципов права при использовании функционирующих в режиме реального времени и удаленно биометрических систем идентификации личности (далее — биометрических систем).

Одним из наиболее проблемных аспектов использования ИИ в юридической сфере является соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Следует отметить, что данной проблеме посвящено большое количество научных публикаций [20, с. 25–39; 21, с. 76–82; 22, с. 18–23]. Возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, применение ИИ субъектами правоохранительной деятельности конечной целью имеет защиту прав и свобод, с другой — может их нарушать. Гарантиями указанных прав и свобод выступают принципы права, поэтому значимым представляется не допустить их нарушения.

А. Принцип презумпции невиновности находит первоначальное закрепление в части 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации [23], а детализацию — в кодифицированных нормативных правовых актах (ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [24], ст. 14 УПК РФ [25], ч. 6 ст. 108 Налогового кодекса Российской Федерации [26]). Является важнейшей гарантией режима законности, одним из принципов правового государства. Особое значение он имеет для сферы уголовного судопроизводства ввиду того, что здесь подлежат ограничению ключевые конституционные права

и свободы граждан. Последнее является также причиной, обуславливающей «болезненное» отношение многих ученых-юристов к внедрению и использованию в данной сфере ИИ. Повышенное внимание придается допускаемым им ошибкам, которые, как правило, являются результатом деятельности разработчиков при подготовке данных для обучения [27, с. 7–14]. Факт же правоприменительных ошибок опускается, ввиду чего складывается впечатление об идеальном правоприменителе и опасном ИИ, который можно обвинять в предвзятости и нарушении принципа презумпции невиновности. Приведем пример-иллюстрацию рассматриваемой проблемы.

Ярославского ученого-гидролога А. Ц. обвинили в совершении нескольких убийств, совершенных в 2002 году. Ученый был задержан в порядке статей 91–92 УПК РФ, ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Указывается, что эти процессуальные действия были произведены на основе данных ИИ, который показал, что составленный в 2003 году, то есть 20 лет назад, фоторобот убийцы женщин на 55 % совпадает с А. Ц. Отметим, что о деле ученого-гидролога доложили Президенту Российской Федерации. В. В. Путин не выразил сомнений в эффективности ИИ, но не исключил и возможность «сбоев» [28]. А. Ц. освобожден из-под стражи, однако следствие продолжается.

Проанализировав данный пример, мы заключаем, что незаконное задержание А. Ц. произошло в результате ошибки, прежде всего правоприменителя. Данные ИИ не могут служить основанием для задержания подозреваемого, независимо от процента их точности. Кроме того, 55 % совпадения — невысокий показатель. Таким образом, обвинение ИИ в незаконном задержании представляется необоснованным, решение о проведении всех процессуальных действий принимает только человек-правоприменитель. ИИ может лишь направить мыслительную деятельность субъекта расследования в определенном направлении, помочь построить различные версии для их последующей проверки.

В связи с этим сформулируем ряд требований (условий) к использованию ИИ в уголовном судопроизводстве (гарантий правомерного использования, не нарушающего права и свободы граждан), с помощью которых представляется возможным минимизировать риск нарушения принципа презумпции невиновности:

1) в основу подозрения (обвинения) лица в совершении преступления не могут быть

положены исключительно результаты функционирования ИИ;

2) использование результатов функционирования ИИ в качестве доказательств возможно лишь при условии, что они соответствуют предъявляемым к доказательствам требованиям;

3) выводы ИИ имеют для субъекта расследования лишь ориентирующее значение.

Б. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина закреплен в статье 11 УПК РФ и пересекается с принципом презумпции невиновности, поскольку последний служит гарантией обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22 Конституции РФ). Однако при использовании биометрических систем под угрозой оказывается еще одно право — право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ).

Разветвленные системы видеонаблюдения на основе ИИ, позволяющие в режиме реального времени или удаленно идентифицировать конкретное лицо по его биометрическим данным, представляют неизбежный риск, согласно подходу Европейского Парламента [29]. Использование данных систем возможно при установлении ряда ограничений, связанных, прежде всего, с целью такого использования. Ею выступает осуществление правоохранительной деятельности, а именно деятельности по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений и административных правонарушений. Отметим, что часть 3 статьи 55 Конституции РФ допускает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако такое ограничение сопровождается предоставлением гражданам определенных гарантий. Так, ограничение свобод в рамках избрания меры пресечения в виде заключения под стражу допускается лишь в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Кроме того, решение об избрании указанной меры пресечения может быть обжаловано в апелляционном порядке (ч. 11 ст. 108 УПК РФ).

С целью минимизации риска нарушения принципа охраны прав и свобод человека и гражданина считаем необходимым предоставление гражданам ряда гарантий в рамках

функционирования систем биометрической идентификации. Одной из них должно стать использование данных систем лишь с целью выявления, пресечения и раскрытия преступлений и административных правонарушений. Отслеживание передвижения граждан, выявление их индивидуальных особенностей (внешность, походка и т. п.) недопустимо. Наряду с этим целесообразно, чтобы граждане знали о самом факте функционирования подобных систем, для чего камеры, оснащенные ИИ, должны определенным образом маркироваться.

По нашему мнению, предоставление рассматриваемых гарантий будет учитывать интересы граждан, обеспечивая охрану их прав и свобод, что, в свою очередь, позволит использовать ИИ для повышения эффективности правоохранительной деятельности, в чем заинтересовано государство. Отметим, что видеонаблюдение с ИИ доказывает свою эффективность. Например, использование «умных» камер транспортной полицией Москвы позволило обнаружить свыше 9 тысяч лиц, находящихся в розыске [30]. Значимость технологий ИИ в правоприменительной деятельности подчеркивается и учеными-юристами. Так, В. С. Овчинский обращает внимание на тот факт, что с помощью системы умного видеонаблюдения раскрывается около 70 % всех зарегистрированных преступлений [31].

Следует указать, что в столице России функционирует наиболее разветвленная система городского видеонаблюдения на основе ИИ, к которой подключены 167 тысяч видеокамер, обслуживающих 95 % жилых домов. На сегодняшний день именно технологии компьютерного зрения получили наибольшее развитие и использование в нашей стране. Основной компанией, предоставляющей технологические решения в этой сфере для государства и бизнеса, является *NtechLab*, а основным программно-аппаратным комплексом *Find Face Security*, признанным лучшим на международном конкурсе *The Mega Face Benchmark*, организованном Вашингтонским университетом [32]. Полагаем, что это свидетельствует о необходимости дальнейшего расширения процессов развития и ИИ в правоохранительной деятельности с созданием дополнительных гарантий для граждан.

Список источников

1. Путин заявил, что за технологиями искусственного интеллекта будущее. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18313089?ysclid=lrz0geaiq6840347945> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Илон Маск призвал приостановить разработку и обучение нейросетей. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534?ysclid=lrz0jthaiz439857911> (дата обращения: 29.01.2024).
3. Ученый предупредил об угрозе человечеству из-за искусственного интеллекта. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/01/ugroza/?ysclid=lrz0lib6j6249364168> (дата обращения: 29.01.2024).
4. Первая западная страна заблокировала Chat GPT. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/31/03/2023/6426da7e9a794757b5679bb7?ysclid=lrz0p4vg9l248168531 (дата обращения: 29.01.2024).
5. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/72811 (дата обращения: 27.01.2024).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 ноября.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ // Российская газета. 2015. 11 марта.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.
9. Умные суды в Китае: как они работают и почему судьи должны советоваться с искусственным интеллектом. URL: <https://processer.media/ru/umnye-sudy-v-kitae-kak-oni-rabotajut-i-pochemu-sudi-dolzny-sovetovatsya-s-iskusstvennym-intellektom/> (дата обращения: 29.01.2024).
10. Дарда А. В. Правоприменение в условиях цифровизации // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 4–8.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 25 июня.
12. Приговор № 1-376/2014 от 17 декабря 2014 года по делу № 1-376/2014. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.09.2023).
13. Приговор № 1-336/2014 от 12 ноября 2014 года по делу № 1-336/2014. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.09.2023).
14. Приговор №1-255/2017 от 24 ноября 2017 года по делу № 1-255/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.09.2023).
15. Приговор № 1-288/2020 от 22 июля 2020 года по делу № 1-288/2020. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.09.2023).
16. Приговор № 1-602/2019 1-94/2020 от 13 февраля 2020 года по делу № 1-602/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.09.2023).
17. Конвейерная Фемида: суды уличили в копировании приговоров. URL: <https://pasm.ru/archive/230301/> (дата обращения: 12.09.2023).
18. Калязин В. И. Проблемы использования искусственного интеллекта при вынесении судебных решений // Цифровая трансформация государствен-

ного и муниципального управления: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 1 июля 2021 года). Чебоксары, 2021. С. 17–20.

19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.

20. Талапина Э. В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25–39.

21. Сильченко Р. Н. Проблемы защиты прав и свобод человека в условиях применения технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. XV. № 4. С. 76–82.

22. Хаддур З. А. Искусственный интеллект и права человека: Юридическая и этическая ответственность за ущерб, причиненный технологиями искусственного интеллекта // Право и управление. 2023. № 3. С. 18–23.

23. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 04.01.2024).

24. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года // Российская газета. 2001. 22 декабря.

26. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) № 146-ФЗ от 31 июля 1998 года // Российская газета. 1998. 6 августа.

27. Балалаева Ю. С. *AI bias*: «предвзятость искусственного интеллекта» или результат деятельности разработчиков? // Юрист-Правоведь. 2023. № 3 (106). С. 7–14.

28. Искусственный интеллект довел до тюрьмы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6382177?ysclid=lrjxfywkI940938412> (дата обращения: 29.01.2024).

29. Proposal for a regulation of the European Parliament and of the council laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206> (дата обращения: 29.01.2024).

30. Умные камеры за год помогли найти более девяти тысяч человек в Москве. URL: https://dzen.ru/a/ZVz7nxVnQE2_GdJp (дата обращения: 29.01.2024).

31. Овчинский В. С. Искусственный интеллект и правоохранительные органы: союзник или противник? // Наука и практика. 2019. 17 декабря. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/iskusstvennyj-intelekt-i-pravookhranitelnye-organy-soyuznik-ili-protivnik?ysclid=lwjcnlxsfo971238000> (дата обращения: 23.05.2024).

32. Россияне выпустили коробочную версию «лучшей в мире» системы распознавания лиц. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-06-06_rossiyane_vypustili_korobochnuyu_versiyu_luchshej?ysclid=lrzolzmv5j104961556 (дата обращения: 29.01.2024).

References

1. Putin said that artificial intelligence technologies are the future. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18313089?ysclid=lrz0geaiq6840347945> (accessed 29.01.2024). (In Russ.)

2. Elon Musk called for suspending the development and training of neural networks. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534?ysclid=lrz0jthiaz439857911> (accessed 29.01.2024). (In Russ.)

3. A scientist warned of a threat to humanity due to artificial intelligence. URL: <https://lenta.ru/news/2023/04/01/ugroza/?ysclid=lrz0lib6j6249364168> (accessed 29.01.2024). (In Russ.)

4. The first Western country to block Chat GPT. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/31/03/2023/6426da7e9a794757b5679bb7?ysclid=lrz0p4vgI9248168531 (accessed 29.01.2024). (In Russ.)

5. Conference “Journey into the world of artificial intelligence”. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/72811 (accessed 27.11.2023). (In Russ.)

6. Civil procedural code of the Russian Federation no. 138-FZ of November 14, 2002, . *Rossiyskaya Gazeta*, November 20, 2002. (In Russ.)

7. Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation no 21-FZ of August 3, 2015. *Rossiyskaya Gazeta*, March 11, 2015. (In Russ.)

8. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation no. 95-FZ of July 24, 2002. *Rossiyskaya Gazeta*, July 27, 2002. (In Russ.)

9. Smart courts in China: how they work and why judges should consult artificial intelligence. URL: <https://processer.media/ru/umnye-sudy-v-kitae-kak-oni-rabotajut-i-pochemu-sudi-dolzhny-sovetovatsya-s-iskusstvennym-intellektom/> (accessed 29.01.2024). (In Russ.)

10. Darda A. V. Law enforcement in the context of digitalization. *Legal science*, 2021, no. 12, pp. 4–8. (In Russ.)

11. Criminal Code of the Russian Federation no. 63-FZ of June 13, 1996. *Rossiyskaya Gazeta*, 1996, June 25. (In Russ.)

12. Sentence no. 1-376/2014 of December 17, 2014 in case no. 1-376/2014. URL: <https://sudact.ru> (accessed 12.09.2023). (In Russ.)

13. Sentence no. 1-336/2014 of November 12, 2014 in case no. 1-336/2014. URL: <https://sudact.ru> (accessed 12.09.2023). (In Russ.)

14. Sentence no. 1-255/2017 of November 24, 2017 in case no. 1-255/2017. URL: <https://sudact.ru> (accessed 12.09.2023). (In Russ.)

15. Sentence no. 1-288/2020 of July 22, 2020 in case no. 1-288/2020. URL: <https://sudact.ru> (accessed 12.09.2023). (In Russ.)
16. Sentence no. 1-602/2019 1-94/2020 accessed February 13, 2020 in case no. 1-602/2019. URL: <https://sudact.ru> (accessed 12.09.2023). (In Russ.)
17. Conveyor Themis: courts caught copying sentences. URL: <https://pasmi.ru/archive/230301/> (accessed 09.12.2023). (In Russ.)
18. Kalyazin V. I. Problems of using artificial intelligence in making judicial decisions. *Digital transformation of state and municipal governance*: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Cheboksary, July 01, 2021, pp. 17–20. (In Russ.)
19. Civil Code of the Russian Federation (part one) no. 51-FZ of November 30, 1994. *Rossiyskaya Gazeta*, December 8. (In Russ.)
20. Talapina E. V. Algorithms and artificial intelligence through the prism of human rights. *Journal of Russian Law*, 2020, no. 10, pp. 25–39. (In Russ.)
21. Silchenko R. N. Problems of protecting human rights and freedoms in the context of the use of artificial intelligence technologies. *Problems of economics and legal practice*, 2019, vol. XV, no. 4, pp. 76–82. (In Russ.)
22. Khaddur Z. A. Artificial intelligence and human rights: Legal and ethical responsibility for damage caused by artificial intelligence technologies. *Law and Management*, 2023, no. 3, pp. 18–23. (In Russ.)
23. Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote on December, 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on January, 7, 2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (In Russ.)
24. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses no. 195-FZ of December 30, 2001. *Rossiyskaya Gazeta*, December 31. (In Russ.)
25. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 no. 174-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*, December 22. (In Russ.)
26. Tax Code of the Russian Federation (part one) no. 146-FZ of July 31, 1998. *Rossiyskaya Gazeta*, August 6. (In Russ.)
27. Balalaeva Yu. S. “AI bias”: “artificial intelligence bias” or the result of developers’ activities? *Lawyer-Pravoved*, 2023, no. 3 (106), pp. 7–14. (In Russ.)
28. Artificial intelligence brought me to prison. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6382177?ysclid=lryjxfywk1940938412> (accessed 29.01.2024). (In Russ.)
29. Proposal for a regulation of the European Parliament and of the council laying down harmonized rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206> (accessed 29.01.2024). (In Russ.)
30. Smart cameras helped find more than nine thousand people in Moscow over the course of a year. URL: https://dzen.ru/a/ZVz7nxVnQE2_GdJp (accessed 29.01.2024). (In Russ.)
31. Ovchinsky V. S. Artificial intelligence and law enforcement: ally or adversary? *Science and practice*. 2019. December 17. (In Russ.)
32. The Russians have released a boxed version of the “world’s best” facial recognition system. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-06-06_rossiyane_vypustili_korobochnuyu_versiyu_luchshej?ysclid=lryzolmv5j104961556 (accessed 29.01.2024). (In Russ.)

Научная статья

УДК 344.65

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-117-121>

Исторические начала предварительного расследования в российском уголовном процессе

Веснина Наталья Алексеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Vesnina90@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены исторические начала предварительного расследования в российском уголовном процессе. Автором определен ряд выводных суждений, касающихся развития и процветания предварительного расследования в России и зарубежных странах. Кроме того, на основе обобщенной информации выделены принципы, являющиеся началом уголовного процесса и предварительного расследования в российском судопроизводстве.

Ключевые слова: российское судопроизводство, устав, судебная реформа, предварительное расследование

Для цитирования: Веснина Н. А. Исторические начала предварительного расследования в российском уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 117–121. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-117-121>.

Original article

Historical beginnings of the preliminary investigation in the Russian criminal process

Natalia A. Vesnina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Vesnina90@yandex.ru

Abstract. This article examines the historical beginnings of the preliminary investigation in the Russian criminal process. The author defines a number of conclusions concerning the development and prosperity of the preliminary investigation in Russia and foreign countries. In addition, based on the generalized information, the principles that are the beginning of the criminal process and the preliminary investigation in the Russian legal proceedings.

Keywords: russian legal proceedings, statute, judicial reform, preliminary investigation

For citation: Vesnina N. A. Historical beginnings of the preliminary investigation in the Russian criminal process. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 117–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-117-121>.

© Веснина Н. А., 2024

Всякое явление имеет свою историю. При этом можно увидеть свои ошибки, следовательно, появляется шанс их предотвратить или исправить.

Пожалуй, невозможно рассматривать развитие российского судопроизводства в отрыве от уголовно-правовых начал. При этом можно выделить четыре стадии.

На первой стадии выступает законная месть потерпевшего (или «обиженного»). Более того, месть являлась ни больше и ни меньше его «священной обязанностью». Такова была господствующая идея: только посредством зла уничтожается зло. Ярких примеров множество: княгиня Ольга жестоко отомстила древлянам за убийство мужа Игоря, месть князя Владимира за убийство князя Олега [1, с. 7]. Впрочем, были случаи, когда мститель позволял откупиться. Здесь нет следов никакого судопроизводства.

Справедливости ради нужно упомянуть некоторые статьи (2–5, 12) Олегова договора с греками. Русское общество уже не допускает самоуправства при разборе обид и преследовании преступников (ст. 2). Здесь явно и прежде всего выступает суд как общественная власть над обидчиками, «как главное основание общественного благоустройства». Статья 3 Договора допускала выкуп или вознаграждение ближних убитого. И. Д. Беляев указывает на «замечательное развитие права в Олегово время». По «...чисто русскому закону невинная жена не отвечает за виновного мужа», как это прописано в римском праве. И особенно замена смертной казни выкупом, чего не было в римском праве [2, с. 76–77]. Быть может, только в «Олегово время» суд допускал такое наказание — «бегство убийцы». Беглец оставлял свое имущество в удовлетворение родственников убитого, а сам находился под покровительством закона.

На второй стадии общество понимает, что следует установить пределы мести и пределы откупа. И только тот обиженный получит удовлетворение, кто пожалуется. Нет жалующегося — нет и суда. Стороны — обиженный и обидчик — представляют так называемые формальные доказательства, которые суд не обязан исследовать и оценивать. Это было время искового судопроизводства, регулируемого Русской Правдой, в первоначальном виде изданной Ярославом и дополненной Судным Законом времен Владимира. Заметим важное обстоятельство: в Судном Законе закреплена норма о свидетелях как о главном судебном доказательстве. «Нельзя начинать иск по такому делу, которое не может быть подтверждено

свидетелями» [3, с. 124]. При этом «царство кровной мести» — обычай всех первоначальных обществ клонился к упадку. Так, только по решению суда допускалась месть родственников и только тогда, когда суд объявит виновного [2, с. 89].

Стоит дополнить, что через 17 лет после смерти Ярослава его сыновья поняли, что Устав Ярослава «О вирных уроках» нуждается в изменениях. Так появилась «Правда сыновей Ярослава». В первом отделе этой Правды введены полная отмена мести и замена ее денежным выкупом. Кроме того, впервые обращалось внимание суда на мотивы совершения преступления. Не требовалось свидетелей, если потерпевший окровавлен или на его лице синяки, или иные следы преступления.

Для третьей стадии развития права характерно то, что наиболее опасные преступления преследуются государственной властью без участия обвинителя. Однако суд обязан входить в сущность доказательств, поскольку они перестают быть формальным делом между сторонами. Исчезают откуп, месть и частное удовлетворение (за исключением дел об оскорблении). Заметим, что многие преступления на этой стадии остаются без уголовного преследования, поскольку нет обвинителя. Нормативной базой этой стадии судопроизводства служили уставные грамоты. Например, Двинская грамота Великого князя Василия Дмитриевича 1398 года, уставная Белозерская грамота 1488 года [4, с. 319].

На четвертой стадии развития российского уголовного процесса возникает следственное судопроизводство. Следственная форма стала вытеснять обвинительную. «Уставная Книга Разбойного Приказа есть главный источник, в котором надобно отыскивать начало следственного судопроизводства в России» [5, с. 14–15]. Справедливости ради отметим, что, кроме Разбойного приказа, существовали, меняя друг друга, Земский и Стрелецкий приказы.

Так или иначе с определенными особенностями во многих европейских государствах представленные стадии развития уголовного судопроизводства имеют сходные черты. Например, итальянцы пережили все «удовольствия» искового производства. Уголовные дела начинались по «извету или жалобам» и тогда претор (или помощник его квестор) поручали самому заявителю подготовить все необходимые доказательства, включая объяснения свидетелей. Впрочем, существовали так называемые «едины» — особенные следователи (*judices*,

quadruplicatores), получавшие премии за выявленные преступления. П. И. Дегай утверждает, что единообразие судопроизводства «начинает возникать только при единодержавии» [6].

Во Франции во времена властелинов феодального судопроизводства было обвинительным. Только при укрепившейся власти королей появились «постоянные исследователи». Почти триста лет во Франции в каждом случае расследования должны принимать участие два ассессора (представители судебной власти и помощники следователя).

Особенности предварительного следствия были не чужды Испании, Шотландии, Бельгии и другим государствам. В Австрии и в Баварии по горячим следам могут производить расследования мировые судьи, их помощники, жандармские офицеры и полицейские комиссары. В некоторых странах каждый округ имел своего особенного следователя. Например, в Баден-Бадене была должность следственного судьи, который в некоторых случаях возлагал предварительное следствие на местного следователя. Во Фрейбурге и в Неаполитанском королевстве функция предварительного расследования была отдана председателю окружного суда. По Неаполитанскому уложению при каждом следователе должен всегда находиться его писец или присяжный свидетель.

Обобщая все нормативные меры, уложения и постановления европейских государств, можно сделать следующие выводы:

- 1) право выявлять и первоначально расследовать преступления отдается местной административной власти;
- 2) право расследования преступлений вверяется особым должностным лицам — следователям;
- 3) следователи должны производить расследование в присутствии других лиц, назначенных правительством;
- 4) «для большего охранения всех действий должны они быть подчинены постоянному контролю» [с. 6, 47–49, 55].

В России безусловная заслуга Ивана IV состоит в установлении губных старост, на наш взгляд, прообразов следователей (выборные должности от всяких («сошных») людей). Губные старосты вызывались в Москву для принятия присяги. Это было началом публичного обвинения. Не дожидаясь жалоб и заявлений, губные старосты выявляли преступления и следственным порядком доводили дело до рассмотрения Разбойного Приказа. Они получили власть, которую не имели наместники и тиуны.

По мнению В. А. Линовского, этот «следственный порядок, введенный царем Иваном IV, долго оставался господствующим в России без всякого существенного изменения». И далее: в 1669 году следственное производство было усилено за счет введения должности сыщиков, по отношению к которым губной староста был заместителем («товарищем»). Поскольку функция досудебной проверки сведений о преступлении оставалась, то должность сыщиков, несмотря на неоднократное упразднение, снова восстанавливалась [7, с. 14–15].

Специальным Указом от 25 июля 1713 года Петр I юридически оформил деятельность так называемых «майорских» следственных канцелярий. Именно 25 июля 1713 года в России учреждается первый специализированный следственный орган — следственная канцелярия гвардии майора Михаила Ивановича Волконского. В 1714–1715 годах Петром I были учреждены еще три следственные канцелярии (их возглавляли гвардейские офицеры В. В. Долгоруков, И. Н. Плещеев и И. С. Чебышов), а в 1717 году — еще шесть. Все они, согласно Наказу от 9 декабря 1717 года, подчинялись непосредственно Петру I. В их состав, как правило, входили офицеры Семеновского и Преображенского полков, которые были наделены более широкими процессуальными полномочиями.

К подследственности этих органов были отнесены дела о наиболее опасных деяниях, посягающих на основы государственности, в первую очередь о преступлениях коррупционной направленности, совершаемых высокопоставленными должностными лицами органов государственной власти (взяточничество, казнокрадство, служебные подлоги, мошенничество).

В Наказе от 9 декабря 1717 года не был упомянут ни один орган власти, уполномоченный давать «майорской» канцелярии какие-либо указания. Даже сенат, согласно заключительному положению Наказа, мог (причем «под опасением жестокого ответа») только оказывать следственной канцелярии содействие в вопросах кадрового обеспечения. «Майорское» следствие не было ограничено какими-либо процессуальными сроками.

А. Г. Мамонтов ошибается, когда утверждает, что «функционально обособленный орган», занимающийся осуществлением предварительного расследования, появился лишь в ходе судебной реформы 1861–1864 годов [8, с. 5]. Однако век «майорских» следственных канцелярий оказался недолог. 9 декабря 1723 года (ровно через пять лет после основания шести

коллегиально устроенных следственных канцелярий) император издал указ об их упразднении.

По нашим сведениям, впервые в 1775 году (7 ноября) следователю как особому участнику уголовного судопроизводства Екатерина II предписала: «Следователь должен учинить немедленное исследование происшедшего преступления». А через семь лет регламентировала, что в случае учинения уголовного преступления следователю надлежит исследовать: «1) над кем или каким, или во вред чей или чему; 2) что; 3) чем; 4) когда; 5) где; 6) как; 7) кем учинено» [9, с. 361].

Важно заметить, что по существовавшим в первой половине XVIII века правилам производства расследования (сыска) по каждому делу выделялся (назначался) сыщик. Каждому сыщику давалась письменная инструкция по ведению сыска (перечень методических рекомендаций). В инструкции среди прочего перечислялись по пунктам те вопросы, которые необходимо было задать конкретному подозреваемому и записать его ответы.

История знает, благодаря каким «обманным вызовам из-за границы» были арестованы царевич Алексей, «принцесса Владимирская» (княжна Тараканова). В таких случаях организовывалась группа сыщиков для работы за границей и поимки беглецов. Делалось это зачастую под благовидным предлогом. Например, за неуплату «кредитного долга». Императрица Анна Иоанновна в инструкциях начальнику Тайной канцелярии А. И. Ушакову рекомендовала производить столько арестов, «сколько возможно в одно время, дабы друг про друга не сведения и уйти не могли». Одновременно с арестом должен быть проведен тщательный обыск с целью найти все бумаги и письма. Заметим, что А. И. Ушаков много раз пользовался своим излюбленным приемом: тем, кто едет на задержание и обыск, давать инструкцию в конверте. При вскрытии конверта обязательно кто-то должен был присутствовать. Это делалось «...для лучшего содержания секрета, чтоб человек о той порученной ему комиссии прежде времени ведать не мог...».

Если в ходе сыска обнаруживались «участники», «видаки» или «послухи» (свидетели), но при этом инструкция не предусматривала их допросов, то об этих людях сообщалось «наверх». В ожидании дальнейших инструкций соучастники и свидетели сидели «под караулом в цепях». «Допросные листы» скреплялись подписью сыщика, допрашиваемого и понятых,

если их присутствие предусматривалось инструкцией [10, с. 363].

На наш взгляд, это было непростое время в истории российского уголовного процесса, однако его можно считать мощным толчком к установлению более справедливой и эффективной системы уголовного правосудия, поскольку все имеющиеся недостатки и несовершенства в уголовном процессе впоследствии послужили основанием для внесения реформ и улучшения правовой системы в России.

По мнению В. П. Даневского, неудовлетворительное состояние следственной части единодушно признается теоретиками и чинами судебного ведомства; «отзывы их расходятся между собою лишь въ указаніи причин такого состоянія, а въ еще большей степени — меръ и способовъ къ исправленію замѣченныхъ недостатковъ» [11]. В своих заметках он сделал упор на субъективных факторах предварительного расследования: замедленность процедур, небрежность в документальной части, неполнота доказательств, слабый надзор прокуратуры и окружного суда, обвинительная тенденция следователей по громким делам. Потом пишет: «Мы далеки от мысли осуждать наших следователей, большинство которыхъ — труженики, добросовестно несущіе свою нелегкую службу». Особая озабоченность В. П. Даневского «непомерно высокій процентъ оправдательныхъ вердиктовъ, значительно превосходящій число ихъ въ Англіи и даже во Франціи». «Слабость репрессіи — это вина наших присяжныхъ» [12, с. 3]. По нормативной части — ни слова.

Представляется, что время уставов уголовного судопроизводства — это время развития и становления «правил о доказывании» в стадии предварительного расследования. И уж совсем не верно, что французское предварительное расследование являлось своего рода родоначальником появления судебного следователя в России. Все историческое начало предварительного расследования в российском уголовном процессе показывает ошибочность этого мнения. Все достижения и недостатки российского предварительного расследования носят чисто русский характер.

Нельзя забывать, что именно Александр II без иностранных заимствований подготовил Судебную реформу и утвердил «Основные положения судебного преобразования», в которых учтено 446 замечаний, потупивших со всех концов России. Основные начала уголовного процесса, в том числе предварительное расследование, были заключены в следующих

принципах: 1) отделение судебной власти от исполнительной, административной и законодательной; 2) принцип гласности; 3) несменяемость судей; 4) введение присяжных поверенных; 5) введение присяжных заседателей; 6) отмена теории и практики формальных доказательств; 7) учреждение кассационного суда; 8) создание нотариата.

Составленные проекты Судебной реформы, по словам профессора Н. П. Радутной, должны признаваться как «...законодательный и вместе с тем умственный памятник, который должен служить в отдаленном потомстве величайшей честью нашего времени» (что мы можем признать в XXI веке) [13, с. 4]. На наш взгляд, данные слова не могут быть оспоримы, поскольку проекты, которые способствуют улучшению судебной системы, должны быть не просто важным наследием для будущих поколений, но и образцом должного профессионализма.

Список источников

1. Линовский В. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве. Одесса: типография Л. Нитче, 1849. 262 с.
2. Беляев И. Д. История русского законодательства. Санкт-Петербург: Издательство «Лань», 1999. С. 76–77.
3. Калачов Н. Исследования о Русской Правде. Ч. 1. Москва, 1897. 875 с.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 т. Т. IV. Москва: Изд-во «Студия АРДИС», 2011. С. 319.
5. Линовский В. А. Указ. Сочинение. С. 14–15.
6. Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Типография Министерства Государственного имущества, 1847. 323 с.
7. Линовский В. А. Указ. Сочинение. С. 14–15.
8. Мамонтов А. Г. Расследование преступлений в российском судопроизводстве первой половины XIX века Москва, 2003.
9. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Москва: Юридическая литература, 1990. 480 с.

10. Устав благочиния или полицейский // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Москва: Юридическая литература, 1990. 480 с.

11. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. Москва, 2002.

12. Серов Д. О. Первые органы следствия России (1713–1723) // Российский следователь. 2014. № 14. С. 48–52.

13. Даневский В. П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. Москва: Тов. скоропеч. А. А. Левенсон, 1895. 89 с.

References

1. Linovsky V. The experience of historical searches on investigative criminal proceedings. Odessa: Printing house of L. Nitch, 1849. 262 p. (In Russ.)
2. Belyaev I. D. The history of Russian legislation. St. Petersburg: Lan Publ., 1999. 640 p. (In Russ.)
3. Kalachov N. Studies on Russian Truth. Part 1. Moscow, 1897. 875 p. (In Russ.)
4. Karamzin N. M. History of the Russian state. In 12 vols. Vol. IV. Moscow: "Studio ARDIS" Publ., 2011. p. 319. (In Russ.)
5. Linovsky V. A. Decree. Pp. 14–15. (In Russ.)
6. Degai P. I. A look at the current situation of criminal proceedings. St. Petersburg: Ministry of State Property Publ., 1847. 323 p. (In Russ.)
7. Linovsky V. A. Decree. Pp. 14–15. (In Russ.)
8. Mamontov A. G. Investigation of crimes in Russian judicial proceedings of the first half of the XIX century. Moscow, 2003. (In Russ.)
9. Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire (November 1775, 7). Anthology on the history of state and law of the USSR. Moscow: Legal literature Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
10. Charter of deanery or police. Reader on the history of state and law of the USSR. Moscow: Legal literature Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
11. Anisimov E. V. The rack and the whip. Political investigation and Russian society in the XVIII century. Moscow, 2002. (In Russ.)
12. Serov D. O. The first investigative bodies of Russia (1713–1723). *Russian investigator*, 2014, no. 14, pp. 48–52. (In Russ.)
13. Danevsky V. P. Our preliminary investigation: its shortcomings and reform. Moscow: Comrade. skoropech. A. A. Levenson Publ., 1895. 89 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-122-127>

К вопросу о соотношении понятия «мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности» со смежными категориями

Железова Людмила Юрьевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Zhelezova-2016@mail.ru

Аннотация. В рамках данной научной статьи автором проводится всесторонний анализ такой правовой категории, как мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности. Акцентируется внимание на проблемных аспектах определения меры негативной (ретроспективной) юридической ответственности, вызванных отождествлением в ряде научных трудов указанного понятия с санкцией правовой нормы и мерой государственного принуждения, что вызывает у автора сомнения и опровергается приведенными в статье аргументами. Кроме того, анализируется соотношение понятий «мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности» и «мера наказания», приводятся доводы, позволяющие утверждать, что рассматриваемые понятия отличаются лишь формально-юридически, но не содержательно. Более того, автор особое внимание уделяет вопросу о том, какие меры, закрепленные в законодательстве, можно признавать мерами негативной (ретроспективной) юридической ответственности и допустима ли весьма распространенная на сегодняшний день точка зрения, в соответствии с которой иные меры уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф), меры принудительного воспитательного воздействия, а также случаи вынесения обвинительного приговора без назначения наказания можно относить к мерам негативной (ретроспективной) юридической ответственности.

Ключевые слова: мера юридической ответственности, качественные характеристики, количественные характеристики, неблагоприятные последствия, мера правового принуждения, мера государственного принуждения, мера наказания, санкция правовой нормы

Для цитирования: Железова Л. Ю. К вопросу о соотношении понятия «мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности» со смежными категориями // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 122–127. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-122-127>.

Original article

On the question of the correlation of the concept of “measure of negative (retrospective) legal liability” with related categories

Abstract. Within the framework of this scientific article, the author conducts a comprehensive analysis of such a legal category as a measure of negative (retrospective) legal liability. Attention is focused on the problematic aspects of determining the measure of negative (retrospective) legal liability, caused by the identification in a number of scientific works of this concept with the sanction of a legal norm and a measure of state coercion, which raises doubts in the author and is refuted by the arguments presented in the article. In addition, the relationship between

© Железова Л. Ю., 2024

the concepts “measure of negative (retrospective) legal liability” and “measure of punishment” is analyzed, and arguments are given to argue that the concepts under consideration differ only formally and legally, but not meaningfully. Moreover, the author pays special attention to the question of what measures enshrined in legislation can be recognized as measures of negative (retrospective) legal liability and whether the very common point of view today is acceptable, according to which other measures of a criminal legal nature (forced measures of a medical nature, confiscation of property, a judicial fine), measures of compulsory educational influence, as well as cases of a guilty verdict without imposing punishment can be classified as measures of negative (retrospective) legal liability.

Keywords: a measure of legal responsibility, qualitative characteristics, quantitative characteristics, adverse consequences, a measure of legal coercion; a measure of state coercion, a measure of punishment, a sanction of a legal norm

For citation: Zhelezova L. Yu. On the question of the correlation of the concept of “measure of negative (retrospective) legal liability” with related categories. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 122–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-122-127>.

Несмотря на повышенный интерес научного сообщества к вопросам юридической ответственности, проблема определения такой правовой категории, как мера негативной (ретроспективной) юридической ответственности, является мало изученной, что порождает трудности в понимании отличий между указанной категорией и санкцией правовой нормы, мерами государственного принуждения, также мерами наказания, ввиду чего видится целесообразным внести ясность в разграничение указанных понятий.

В ряде научных трудов, посвященных различным видам юридической ответственности, авторы, как правило, стараются дать свое определение мере в рамках рассматриваемого ими вида ответственности. Анализ таких работ приводит к выводу о том, что некоторые авторы отождествляют санкцию с мерой юридической ответственности, определяя, к примеру, конституционные санкции как законодательно закрепленные неблагоприятные меры юридической ответственности [1]. Такого рода утверждения вызывают у нас некоторые сомнения, поскольку санкция правовой нормы — это все-таки понятие собирательное и в зависимости от характера неблагоприятных последствий, помимо меры ответственности, может предусматривать и меры предупредительного воздействия, и меры защиты, а также неблагоприятные последствия, возникшие в результате поведения самого субъекта (например, ч. 3 ст. 188 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) (рис. 1).

Более того, когда мы имеем дело с запрещающей нормой, санкция может трактоваться неоднозначно, поскольку многое зависит от субъекта. Так, если для обычного гражданина часть запрещающей нормы, закрепляющая возможные для него негативные последствия, является санкцией, то для правоприменителя эта же

часть запрещающей нормы выступает диспозицией, поскольку регламентирует для него меру поведения, которую нужно применить к правонарушителю [2].

Гипотеза (условие при котором действует норма права)

- В случае неявки без уважительной причины на допрос

Диспозиция (правило поведения)

- Лицо обязано явиться в назначенный срок, либо заранее уведомить следователя о причинах неявки

Санкция (последствия, которые необходимо будет претерпеть, в случае нарушения диспозиции)

- Лицо может быть подвергнуто приводу, либо к нему могут быть применены иные меры процессуального принуждения.

Рис. 1. Структура правовой нормы на примере части 3 статьи 188 УПК РФ

Ввиду ранее изложенного ставить знак равенства между мерой негативной (ретроспективной) юридической ответственности и санкцией правовой нормы недопустимо, поскольку последняя является лишь структурным элементом нормы права, в которой могут содержаться меры юридической ответственности, но не всегда.

Проанализируем соотношение понятий «мера юридической ответственности» и «мера государственного принуждения».

Сложность в понимании отличий указанных терминов, на наш взгляд, связана с широким использованием в законодательстве термина «меры принуждения» при отсутствии закрепленной в норме права позиции законодателя относительно его содержания, что приводит к многочисленным доктринальным толкованиям рассматриваемой категории. В результате в некоторых научных трудах формируются тезисы, в соответствии с которыми мера юридической ответственности определяется как мера государственного принуждения, то есть две эти категории рассматривают как часть и целое. Нельзя

не согласиться с тем, что меры юридической ответственности выступают в качестве одной из правовых форм выражения мер государственного принуждения, однако можно ли их рассматривать как часть и целое, утверждая, что абсолютно все меры юридической ответственности являются одновременно и мерами государственного принуждения?

Исследование научных трудов С. Н. Кожевникова [3], И. В. Упорова [4], А. М. Колоскова [5], С. И. Вершининой [6] и ряда других ученых показало, что субъектом, применяющим меры государственного принуждения, выступает государство в лице своих компетентных органов и должностных лиц. Анализ всевозможных видов юридической ответственности с особенностями применения им мер демонстрирует, что не для каждой из этих мер правоприменителем выступает государство, поскольку применять установленные меры юридической ответственности могут и негосударственные органы. По нашему мнению, говоря о возможном соотношении этих двух терминов, можно констатировать, что они пересекаются, но не совпадают и рассматривать их взаимосвязь следует с использованием более широкой правовой категории — меры правового принуждения (рис. 2).

В целом можно заключить, что категория «правовое принуждение» включает в себя такие понятия, как «государственное принуждение» и «частное принуждение», разделяемые в зависимости от субъекта, применяющего ту или иную меру принуждения. В свою очередь, меры юридической ответственности в зависимости от их вида можно относить либо к частному принуждению, либо к государственному.

Весьма дискуссионным также является вопрос, связанный с разграничением меры негативной юридической ответственности с такой правовой категорией, как мера наказания, поскольку некоторые ученые, например, Г. Ф. Шершеневич [7], Н. С. Малеин [8] или М. Н. Каплин [9] отождествляют наказание с юридической ответственностью, а другие, например, В. В. Сверчков [10] признают наказание только как одну из составных частей юридической ответственности, относя к структурным элементам последней, помимо наказания, иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры воспитательного воздействия, а также случаи вынесения приговора без назначения наказания.

Мы убеждены в том, что отождествлять понятия «мера ответственности» и «мера наказания» формально-юридически допустимо лишь в рамках уголовной и административной

Рис. 2. Соотношение понятий «меры юридической ответственности», «меры государственного принуждения», «меры частного принуждения» и «меры правового принуждения»

ответственности, в рамках же конституционной, гражданско-правовой, материальной и дисциплинарной ответственности приравнивать анализируемые понятия нельзя, поскольку термин «наказание» для данных видов ответственности не характерен. Хотя, если исследовать содержательную сторону этого вопроса, то можно говорить об идентичности категорий «мера ответственности» и «мера наказания». Аргументируем нашу позицию следующими доводами.

Во-первых, законодатель неоднократно использует понятия «наказание» и «ответственность», наделяя их при этом одним смысловым значением (например, в ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), статья 2.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) и статья 106 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), закрепляющих дефиниции понятий «преступление», «административное правонарушение», «налоговое правонарушение»). Подтверждением этому являются также статьи 61, 63 УК РФ и статьи 4.2, 4.3 КоАП РФ, устанавливающие обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание / ответственность.

Во-вторых, законодатель как в КоАП РФ, так и в УК РФ указывает на то, что наказание выступает измерителем юридической ответственности.

В-третьих, по нашему мнению, ошибочно разграничивать меры наказания и меры юридической ответственности, утверждая, что последняя категория является более широкой на том лишь основании, что иные меры уголовно-правового характера, а также принудительные меры воспитательного воздействия не входят в систему наказаний, но при этом могут быть признаны мерами ответственности, поскольку представляют собой меры государственного принуждения, применяемые к лицам за совершение преступления. Мы убеждены, что дифференциация мер юридической ответственности на меры наказания, меры уголовно-правового характера и меры воспитательного воздействия весьма условна. Убедиться в этом можно путем анализа содержательной стороны рассматриваемых мер. Так, например, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в случае применения к нему такой меры уголовно-правового характера, как судебный штраф. В свою очередь, судебный штраф подразумевает под собой денежное взыскание, которое должно уплатить виновное в совершении преступления лицо. Если же исследовать

такую меру наказания, как штраф, то по своему содержанию исследуемые категории абсолютно идентичны, поскольку и в том и другом случае виновное лицо наказывается материально. Отличия же носят чисто формальный характер и заключаются в том, что в случае с обычным штрафом мера наказания назначается приговором суда, а в случае с судебным штрафом — постановлением о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. При этом стоит отметить, что оба процессуальных документа весьма схожи по своему содержанию. Еще одним отличием, как уже ранее упоминалось, является то, что в случае назначения судебного штрафа лицо считается освобожденным от уголовной ответственности, к нему не применяются меры наказания, предусмотренные Кодексом и, соответственно, оно считается несудимым. Однако позволяют ли указанные отличия утверждать, что по своей юридической природе такая мера, как судебный штраф, не является наказанием? На наш взгляд, не существует убедительных аргументов для положительного ответа на указанный вопрос. Да, в соответствии с нормой закона, лицо освобождается от уголовной ответственности, но, тем не менее, все равно претерпевает неблагоприятные для себя последствия в виде имущественных лишений за совершенное преступление, ввиду чего, с точки зрения теории права, судебный штраф можно с полной уверенностью назвать мерой наказания за совершенное преступление.

Аналогичная ситуация обстоит и с принудительными мерами воспитательного воздействия, которые назначаются таким процессуальным документом, как постановление об освобождении от уголовной ответственности и применении принудительных мер воспитательного воздействия. В свою очередь, указанные меры, например, в виде предупреждения или возложения обязанности загладить причиненный вред также содержательно сходны с мерами наказания и лишь формально отличаются от них.

Не является исключением и такая мера, как конфискация имущества, которая также может быть приравнена к мерам наказания. Это подтверждает анализ уголовных кодексов иных государств, в которых данная мера относится к возможным видам наказания, например, в республике Таджикистан (ст. 47), в Китайской Народной Республике (ст. 34), в Республике Абхазия (ст. 43). Стоит также отметить, что вплоть до 2003 года конфискация имущества, в

соответствии с УК РФ, относилась к возможному виду наказания, после чего была упразднена и лишь в 2006 году была возвращена в Кодекс, но уже в качестве иной меры уголовно-правового характера. В дополнение к этому хочется сказать, что в отличие от всех ранее рассмотренных мер, применение конфискации имущества не является основанием для освобождения лица от ответственности.

Единственным исключением из этого, по нашему мнению, являются принудительные меры медицинского характера, которые нельзя признать мерами наказания ввиду того, что чаще всего (за исключением случаев, предусмотренных п. «в» и «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ) виновное лицо является невменяемым и, следовательно, в конкретной ситуации нет состава преступления, поскольку отсутствует обязательный элемент — субъект. При этом отметим, что основанием для привлечения лица к уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Что же касается случаев, предусмотренных пунктами «в» и «д» части 1 статьи 97 УК РФ, то, несмотря на то, что лицо является вменяемым и субъект преступления фактически присутствует, сами меры в виде лечения навряд ли можно признать неблагоприятными последствиями для лица, поскольку они направлены на улучшение его состояния.

Что же касается случаев вынесения приговора без назначения наказания, то возможность отнесения подобных ситуаций к мерам ответственности весьма убедительно опроверг В. А. Толстик, высказывая тезис о том, что в случаях постановления обвинительного приговора без назначения наказания от юридической ответственности остается только «голое» осуждение, которое не предполагает возникновение правовых последствий, что, в свою очередь, не может признаваться юридической ответственностью, а скорее, лишь моральной [11].

В-четвертых, время назначения наказания и время установления меры юридической ответственности одинаково (рис 3).

Подводя итог всему ранее изложенному, мы приходим к следующим выводам:

1. Санкция правовой нормы является лишь возможной формой выражения мер негативной (ретроспективной) юридической ответственности, ввиду чего отождествлять указанные категории недопустимо.

2. Определять меру негативной (ретроспективной) юридической ответственности следует не через меру государственного принуждения, а путем использования такой категории, как «мера правового принуждения».

3. Что касается соотношения меры наказания с мерой негативной юридической ответственности, то в рамках уголовного и

Рис. 3. Характеристика времени установления меры юридической ответственности

административного права указанные термины можно назвать тождественными, поскольку фактически именно меры наказания и выступают мерами негативной (ретроспективной) ответственности. Иные меры уголовно-правового характера (за исключением принудительных мер медицинского характера), а также меры принудительного воспитательного воздействия отличаются от мер наказания лишь формально-юридически, но не содержательно, ввиду чего также могут признаваться в качестве мер наказания.

4. Использование термина «наказание» характерно далеко не для всех отраслей права и, как следствие, не для всех видов юридической ответственности (например, при нарушении трудового законодательства работник сталкивается с таким видом юридической ответственности, как дисциплинарная, которая реализуется посредством применения к работнику не мер наказания, а дисциплинарных взысканий). Конечно, анализируя возможные дисциплинарные взыскания, меры материальной, гражданско-правовой и конституционной ответственности, можно утверждать, что по своей содержательной стороне они весьма схожи с мерами наказания (как минимум, это можно заметить исходя из тех целей, для достижения которых они применяются), однако формально-юридически приравнивать эти понятия нельзя.

Список источников

1. Колосов Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2000. 190 с.
2. Краснов А. В., Рыбушкин Н. Н. К вопросу об особенностях реализации диспозиций и санкций запрещающих норм // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. № 2. С. 143–147.
3. Кожевников С. Н. Государственное принуждение: сущностные аспекты // Социально-политические науки. 2017. № 3. С. 71–74.
4. Упоров И. В. Государственное принуждение: толкование в концептуальном аспекте // Юридические науки. 2023. № 5 (2). С. 545–548.
5. Колосков А. М. Понятие и виды мер государственного принуждения: сравнительный анализ концепций дореволюционного и современного периодов // Сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2021. № 1 (11). С. 14–19.
6. Вершинина С. И. Юридическая ответственность как вид государственного принуждения // Вектор науки ТГУ. 2009. № 5 (8). С. 23–30.

7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Рига. 1924. С. 656

8. Малеин Н. С. Об институте юридической ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Труды по правоведению, 1989. С. 30.

9. Каплин М. Н. Уголовная ответственность и наказание: соотношение базовых категорий уголовного права // Пенитенциарная наука. 2009. № 8. С. 9–12.

10. Сверчков В. В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание. Москва, 2021. С. 26–48.

11. Толстик В. А. Юридическая ответственность и наказание: проблема соотношения // Государство и право. 2023. № 10. С. 63–70.

References

1. Kolosov N. M. Constitutional responsibility in the Russian Federation: responsibility of public authorities and other subjects of law for violation of the constitutional legislation of the Russian Federation. Institute of Legislation and Comparison. jurisprudence under the Government of the Russian Federation, 2000. 190 p. (In Russ.)
2. Krasnov A. V., Rybushkin N. N. On the issue of the peculiarities of the implementation of dispositions and sanctions of prohibiting norms. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, 2010, no. 2, pp. 143–147. (In Russ.)
3. Kozhevnikov S. N. State coercion: essential aspects. *Socio-political sciences*, 2017, no. 3, pp. 71–74. (In Russ.)
4. Uporov I. V. State coercion: interpretation in the conceptual aspect. *Legal sciences*, 2023, no. 5 (2), pp. 545–548. (In Russ.)
5. Koloskov A. M. The concept and types of measures of state coercion: a comparative analysis of the concepts of the pre-revolutionary and modern periods. *Network scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 14–19. (In Russ.)
6. Vershinina S. I. Legal responsibility as a type of state coercion. *Vector of Science TSU*, 2009, no. 5 (8), pp. 23–30. (In Russ.)
7. Shershenevich G. F. General theory of law. Riga. 1924. p. 656 (In Russ.)
8. Malein N. S. About the Institute of Legal responsibility. *Legal responsibility: problems and prospects. Proceedings on Jurisprudence*, 1989. p. 30. (In Russ.)
9. Kaplin M. N. Criminal liability and punishment: the ratio of basic categories of criminal law. *Penitentiary Science*, 2009, no. 8, pp. 9–12. (In Russ.)
10. Sverchkov V. V. Responsibility and measures of criminal legal impact: punishment, upbringing, treatment, property recovery. Moscow, 2021. Pp. 26–48. (In Russ.)
11. Tolstik V. A. Legal responsibility and punishment: the problem of correlation. *State and law*, 2023, no. 10, pp. 63–70. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343.92

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-128-133>

**Правовая природа реабилитации и возмещения вреда:
необходимость логико-терминологического и содержательного
разграничения в УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан**

Жумашев Максат Асылханулы

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, maksat.zhumashev1991@mail.ru

Аннотация. Реабилитация в уголовном процессе России и Казахстана представляет собой необходимый механизм особой публичной реституции прав лица, которое подверглось незаконному уголовному преследованию. При этом основным структурным элементом данного права должно являться именно публичное признание со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, того факта, что лицо незаконно или необоснованно подверглось уголовно-процессуальному принуждению. Возмещение вреда является существенным, но не решающим элементом процедуры реабилитации, поскольку лицо может не воспользоваться данным правом. Российская и казахстанская законодательные модели института реабилитации являются одними из наиболее благополучных в странах ближнего зарубежья, однако отдельные вопросы по-прежнему требуют более четкого, аксиологически обусловленного решения. Представляется значимым четкое содержательное разграничение данных смежных понятий с акцентом на том, что реабилитация является в первую очередь не правом лица, подвергшегося незаконному уголовному преследованию, а обязанностью должностных лиц государства. Сравнительно-правовой анализ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, а также уголовно-процессуального законодательства некоторых других стран ближнего зарубежья позволяет сформулировать ряд выводов, направленных на более эффективную регламентацию института реабилитации в России и Казахстане в вопросах четкого разграничения понятий «реабилитация» и «возмещение вреда».

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, институт реабилитации, лицо, подлежащее реабилитации, Уголовно-процессуальный кодекс, уголовное преследование, сравнительно-правовой анализ, обязанность реабилитации, уголовный процесс, гражданский процесс

Для цитирования: Жумашев М. А. Правовая природа реабилитации и возмещения вреда: необходимость логико-терминологического и содержательного разграничения в УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 128–133. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-128-133>

© Жумашев М. А., 2024

Original article

**The legal nature of rehabilitation and compensation for harm:
the need for logical, terminological and substantive differentiation
in the Code of criminal procedure of the Russian Federation
and the Code of criminal procedure of the Republic of Kazakhstan**

Maksat A. Zhumashev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation,
maksat.zhumashev1991@mail.ru

Abstract. Rehabilitation in the criminal process of Russia and Kazakhstan is a necessary mechanism for special public restitution of the rights of a person who has been subjected to illegal criminal prosecution. At the same time, the main structural element of this right should be precisely the public recognition by officials conducting criminal proceedings of the fact that a person was unlawfully or unreasonably subjected to criminal procedural coercion. Compensation for harm is an essential, but not a decisive element of the rehabilitation procedure, since a person may not exercise this right. The Russian and Kazakh legislative models of the institute of rehabilitation are among the most prosperous in the CIS countries, however, certain issues still require a clearer, axiologically determined solution. It seems significant to make a clear meaningful distinction between these related concepts, with an emphasis on the fact that rehabilitation is, first of all, not the right of a person who has been subjected to illegal criminal prosecution, but the duty of state officials. A comparative legal analysis of the CPC of the Russian Federation and the CPC of the Republic of Kazakhstan, as well as the criminal procedure legislation of some other neighboring countries, allows us to formulate a number of conclusions aimed at more effective regulation of the institute of rehabilitation in Russia and Kazakhstan in matters of a clear distinction between the concepts of "rehabilitation" and "compensation for harm".

Keywords: rehabilitation, compensation for harm, rehabilitation institute, person subject to rehabilitation, Criminal Procedure Code, criminal prosecution, comparative legal analysis, obligation of rehabilitation, criminal procedure, civil procedure

For citation: Zhumashev M. A. The legal nature of rehabilitation and compensation for harm: the need for logical, terminological and substantive differentiation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 128–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-128-133>.

Фактически вести речь о полной реабилитации лица, к которому необоснованно применены меры уголовно-процессуального принуждения, можно только в случае, когда состоялось восстановление всех его ущемленных прав (в натуральном выражении, а чаще — в доступном эквиваленте). С другой стороны, и российский, и казахстанский законодатель процедурный вопрос возмещения вреда ставит в зависимость от выраженного волеизъявления самого лица, в отношении которого признано право на реабилитацию. Как справедливо указывает казахстанский исследователь В. С. Попов, «реабилитация (в уголовном процессе) по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан (далее — УПК РК) чрезмерно тесно связывается с возмещением (либо с правом на возмещение) вреда, незаконно причиненного при производстве по уголовному делу» [1, с. 37].

В УПК РФ, в отличие от УПК РК, непосредственно используется термин «реабилитированный».

Вместе с тем определение данной дефиниции в пункте 34 статьи 5 УПК РФ как лица, имеющего право на возмещение вреда, причиненного в связи с незаконным или необоснованным осуждением, содержит в себе элемент незавершенности, поскольку сама реабилитация определяется в пункте 33 статьи 5 УПК РФ как «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» [2], то есть в строгом смысле реабилитированным лицо может быть признано только в том случае, если вред ему уже возмещен, а право на его возмещение не возникло.

Статья 53 Конституции Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на возмещение вреда, который причинен незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и должностных лиц; корреспондирующая данному праву обязанность содержится в статье 52 Конституции Российской Федерации [3]. В Конституции Республики Казахстан аналогов

подобным установлениям нет, соответственно, все вопросы регулирования концентрируются в плоскости отраслевого законодательства (в том числе уголовно-процессуального) [4].

Сопоставляя законодательную модель в оформлении института реабилитации в УПК РФ и УПК РК, можно обнаружить ряд существенных различий. Наиболее принципиальным является указание в части 1 статьи 133 УПК РФ, что право на реабилитацию «включает в себя» право на возмещение различного вида вреда. Часть 1 статьи 37 УПК РК решает этот вопрос иначе: во-первых, речь идет исключительно о восстановлении в правах и недопустимости ограничения в правах и свободах, гарантированных Конституцией РК; во-вторых, часть 2 статьи 37 УПК РК разделяет меры по реабилитации и меры по возмещению вреда [5].

Для сравнения: в УПК Молдовы вообще отсутствует обособление института реабилитации, а «актом реабилитации» является «выведение лица из-под уголовного преследования» [6]. Согласно части 2 статьи 284 УПК Молдовы лицо выводится из-под уголовного преследования при традиционных обстоятельствах «реабилитирующего» характера. При этом УПК Молдовы признает за всеми лицами, которым был причинен вред в ходе уголовного преследования, право на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства в течение трех лет с момента возникновения права на возмещение вреда в порядке статьи 6 Закона Республики Молдовы от 25 февраля 1998 года № 1545-XIII «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры и судебных инстанций».

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК РБ) обособленно оформленный институт реабилитации также отсутствует, а соответствующие вопросы решаются в рамках статей 461–462 УПК РБ, причем статья 462 определяет перечень обстоятельств, при наличии которых принимается «решение о реабилитации лица», а статья 461 УПК РБ связывает наличие права на возмещение вреда исключительно с данными обстоятельствами (т. е. иные формы возмещения вреда УПК РБ не предусмотрены). Все вопросы возмещения вреда, причиненного в уголовном процессе, белорусский законодатель связывает исключительно с решением в порядке гражданского судопроизводства. В качестве положительного аспекта в белорусском варианте можно указать четкую законодательную градацию признаков

каждого вида вреда, который может быть причинен лицу, в отношении которого принимается «решение о реабилитации» [7].

Схожий с российским и казахстанским вариантом регламентации институт реабилитации наблюдается в Уголовно-процессуальном кодексе Кыргызской Республики (далее — УПК КР), причем он также обособлен в рамках отдельной главы УПК КР. Кыргызский вариант в большей степени приближен к российской модели, поскольку согласно части 1 статьи 132 УПК КР «право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного ущерба, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах» [8]. Однако отличительной особенностью является то, что право на возмещение вреда признается исключительно за реабилитированным и реализуется только в порядке гражданского судопроизводства.

Одно из самых детальных оформлений института реабилитации имеет место в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (далее — УПК РУ), где он также регламентирован в рамках самостоятельного раздела (раздел 7) и включает 13 статей. При этом основания реабилитации указываются вне данного раздела (ст. 83 УПК РУ) и включают в себя лаконичный перечень обстоятельств реабилитирующего характера, а также вынесение оправдательного приговора (ст. 301 УПК РУ). В УПК РУ также отсутствуют указания на возмещение вреда в иных случаях, кроме обстоятельств, дающих право на реабилитацию. Сходство с казахстанской и российской моделями заключается в том, что механизм возмещения вреда реализуется в рамках уголовного процесса [9].

В целом представленных примеров законодательных практик достаточно для понимания того, что оформление института реабилитации (либо его фрагментов) в законодательстве различных государств имеет существенные отличительные особенности. При этом, в частности, обращает на себя внимание, что далеко не во всех УПК предусматривается право на возмещение вреда в отношении лиц, не подпадающих под реабилитацию (из проиллюстрированных законодательных практик — только в Молдове). Кроме того, помимо УПК РФ и УПК РК, возмещение вреда при реабилитации предусмотрено в рамках уголовного процесса только в УПК РУ.

Отличием казахстанской модели является достаточно четкое разграничение права на реабилитацию с правом на возмещение вреда, которые находятся во взаимосвязи, но не во

взаимозависимости. Во-первых, правом на возмещение вреда, как и в УПК РФ, обладают не только лица, подлежащие реабилитации, но и другие лица, которым причинен тот или иной вид вреда в связи с уголовным преследованием. Во-вторых, как отмечено в недавних исследованиях, поскольку реализация права на возмещение вреда имеет диспозитивное начало и не является обязательным элементом механизма реабилитации, оно «не должно ставиться в зависимость от того обстоятельства, намерено ли лицо заявлять требование о восстановлении своих имущественных и иных прав» [10, с. 9].

Фактически любое лицо, в отношении которого признается право на реабилитацию, должно быть реабилитировано. Если связывать реабилитацию с фактом возмещения вреда, то возникает недопустимая фикция: появляется вынужденная необходимость признавать в качестве реабилитированных и тех лиц, которые не подали требование о возмещении вреда. При этом ежегодная статистика Судебного Департамента ВС РФ свидетельствует о том, что на протяжении последних пяти лет количество лиц, обратившихся за возмещением, в среднем составляет около 62 % [11]. Имеются ли в таких случаях основания для признания в качестве реабилитированных лиц, которые не воспользовались соответствующим правом? Очевидно, что нет, если исходить из действующей редакции статьи 133 и пункта 34 статьи 5 УПК РФ. Как пишет по этому поводу Н. Э. Шалумова, если государство реально не может обеспечить возмещение вреда, то считать данное лицо реабилитированным нельзя [12, с. 135].

Посредством логически верной корректировки понятий возможно добиться устранения существующих смысловых противоречий. В этом плане заслуживает внимания ранее приведенный опыт нормативного решения в УПК Молдовы и Беларуси, где процедура реабилитации вообще не связывается с категорией «право лица», а расценивается фактически как односторонняя обязанность должностных лиц («акт реабилитации» в Молдове и «решение о реабилитации» в Беларуси). То есть в данном случае вообще исключаются элементы диспозитивности, а процедура реабилитации расценивается как односторонняя обязанность государства в лице его органов. В российской науке также уже высказывалось мнение, что реабилитацию (равно как и возмещение вреда) следует оценивать как обязанность правоохранительных органов и суда [13, с. 7]. Мы со своей стороны полагаем, что именно реабилитация есть обязанность

государственных органов и должностных лиц, а в отношении возмещения вреда должно сохраняться диспозитивное начало.

Соответственно, наиболее точным было бы применение термина «лицо, подлежащее реабилитации», с приведением исчерпывающего перечня лиц, в отношении которых осуществляются реабилитационные процедуры. Этот термин позволит сделать акцент на том обстоятельстве, что реабилитация не связана с тем или иным поведением лица, а осуществляется в одностороннем порядке как обязанность компетентных должностных лиц. Как справедливо указала в своей докторской диссертации М. Т. Аширбекова, в структуру публичности как имманентного принципа уголовного процесса включается «признание юридической ответственности государства и деликтоспособности должностных лиц его органов как субъектов уголовно-процессуальных отношений за допущенные в ходе производства по уголовному делу нарушения прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц» [14, с. 16].

Реабилитация в строгом понимании данного термина представляет собой восстановление какого-либо предшествовавшего состояния, которое имело место до нарушения. Так, в теории уголовно-процессуального права (до принятия действующего УПК РФ) обособление реабилитации и возмещения вреда произошло в связи с принятием Указа Президиума ВС СССР от 18 мая 1981 года № 4892-X. В частности, Б. Т. Безлепкин сразу вслед за появлением данного Указа отмечал, что реабилитацию следует трактовать как «оправдание судом подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении осужденного, обвиняемого, а также подозреваемого за отсутствием события или состава преступления ввиду недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, а равно по другим основаниям, представляющим собой различные варианты перечисленных условий и обстоятельств» [15, с. 64]. Вскоре после принятия УПК РФ в 2001 году исследователи стали отмечать неточность законодательного соединения вопросов реабилитации и возмещения вреда, поскольку возмещение вреда представляется именно по причине реабилитации [16, с. 6] и является обусловленной реабилитацией возможностью лица [17, с. 7].

Полагаем, что для решения данного вопроса следовало бы четко разделить механизм возмещения вреда при обстоятельствах, дающих лицу право на реабилитацию, и иных обстоятельствах (круг которых не определен

в УПК РФ и частично определен в УПК РК). Реабилитация непосредственно связана с фактом признания существенных нарушений в рамках уголовного процесса, что делает совершенно обоснованным возмещение вреда лицам, имеющим право на реабилитацию, именно в уголовно-процессуальном порядке. Любые иные случаи причинения вреда, не связанные с реабилитацией, было бы обоснованно рассматривать в порядке гражданского судопроизводства на основе общего порядка рассмотрения дел по вопросам причинения вреда действиями (бездействием) должностных лиц, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации и Гражданским кодексом Республики Казахстан.

Приведенный в рамках статьи сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что для стран ближнего зарубежья характерно выведение вопросов возмещения вреда за рамки уголовного процесса (причем также и для реабилитированных лиц). В этом смысле российская и казахстанская модели представляются более верными, поскольку защита от необоснованного обвинения и обеспечение реабилитации каждого лица в случаях незаконного обвинения или осуждения непосредственно включены в сущностное определение уголовного процесса (ч. 2 ст. 6 УПК РФ и ч. 2 ст. 8 УПК РК). Соответственно, в отношении лиц, подлежащих реабилитации, обоснованы соответствующие процедуры именно в рамках уголовного процесса как его продолжение в случаях, когда налицо та или иная степень его дефектности.

Таким образом, во-первых, вопросы реабилитации и возмещения вреда в УПК РФ и УПК РК более адресно и эффективно следовало бы отразить через категории «лица, подлежащие реабилитации», и «лица, имеющие право на возмещение вреда». Это позволит произвести акцент на том обстоятельстве, что реабилитация осуществляется в обязательном порядке и в первую очередь является обязанностью должностных лиц, а соответствующее право производно от данной обязанности. Разделение указанных понятий установит четкие границы, при которых можно будет произвести фиксацию факта реабилитации в отношении каждого лица, имеющего соответствующее право, поскольку они не будут поставлены в зависимость от предъявления (или непредъявления) требования о возмещении вреда. Во-вторых, в целях более полного разграничения статуса лиц, подлежащих реабилитации, и лиц, имеющих право исключительно на возмещение

вреда, целесообразно использовать механизм восстановления вреда в рамках уголовного процесса исключительно для случаев реабилитации; во всех иных случаях механизм возмещения вреда следует связывать с порядком гражданского судопроизводства.

Список источников

1. Попов В. С. Реабилитация в уголовном процессе: о ее сущности и содержании // Бизнес в законе. 2012. № 4. С. 35–39.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от 28 июня 2023 года) // Российская газета. 2023. 20 июня.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года // Российская газета. 2020. 4 июля.
4. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года с изм. и доп. по сост. на 19 сентября 2022 года // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4, ст. 217.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года. № 231-V: принят Парламентом Республики Казахстан (в ред. 24 июля 2023 года) // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова (кодекс от 14 марта 2003 года № 122-XV): принят Парламентом Республики Молдова (в ред. от 1 декабря 2017 года) // Официальный вестник. 2003. № 104–110, ст. 447.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (кодекс от 16 июля 1999 года № 295-3): принят Палатой представителей 24 июня 1999 года (в ред. 17 июля 2023 года) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 77–78. 2/71.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129: принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики (в ред. 22 июня 2023 года) // Эркин-Тоо. 2021. № 135 (3314).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII (в ред. 12 августа 2023 года) // Oliy Kengash Axborotnomasi. 1995. № 2.
10. Кузнецова А. Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 176 с.
11. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.07.2023).

12. Шалумова Н. Э. Конституционное право на реабилитацию: основные понятия // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. 2006. № 5. С. 134–138.

13. Татьянин Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания, процессуальный порядок): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. 24 с.

14. Аширбекова М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 62 с.

15. Безлепкин Б. Т. Новые гарантии законных интересов реабилитированного // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 62–70.

16. Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.

17. Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 22 с.

References

1. Popov V. S. Rehabilitation in criminal proceedings: about its essence and content. *Business in law*, 2012, no. 4, pp. 35–39. (In Russ.)

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended of June 28, 2023). *Rossiyskaya gazeta*, 2023, June 20. (In Russ.)

3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote of March 14, 2020). *Rossiyskaya Gazeta*, 2020, July 4. (In Russ.)

4. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at a republican referendum of August 30, 1995, with amendments and additions as of September 19, 2022). *Gazette of the Parliament of the Republic of Kazakhstan*, 1996, no. 4, art. 217. (In Russ.)

5. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan no. 231-V of July 4, 2014: adopted by the Parliament of the Republic of Kazakhstan (as amended of July 24, 2023). *Kazakhstanskaya Pravda*, 2014, July 10. (In Russ.)

6. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova no. 122-XV of March 14, 2003: adopted by the

Parliament of the Republic of Moldova (as amended on December 1, 2017). *Official Gazette*, 2003, no. 104–110, art. 447. (In Russ.)

7. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus (code no. 295-Z of July 16, 1999): adopted by the House of Representatives of June 24, 1999 (as amended of July 17, 2023). *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*, 2000, no. 77–78. 2/71. (In Russ.)

8. Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of October 28, 2021 no. 129: adopted by the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic (as amended of June 22, 2023). *Erkin-Too*, 2021, no. 135 (3314). (In Russ.)

9. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan: approved by the law of the Republic of Uzbekistan no. 2013-XII of September 22, 1994 (as amended of August 12, 2023). *Oliy Kengash Axborotnomasi*, 1995, no. 2. (In Russ.)

10. Kuznetsova A. D. Features of rehabilitation in criminal proceedings of the Russian Federation when considering cases by the court of first instance. Dissertation... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2022. 176 p. (In Russ.)

11. Data from judicial statistics of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (accessed 18.07.2023). (In Russ.)

12. Shalumova N. E. Constitutional right to rehabilitation: basic concepts. *Bulletin of KGU named after N. A. Nekrasova*, 2006, no. 5, pp. 134–138. (In Russ.)

13. Tatyannin D. V. Rehabilitation in the criminal process of Russia (concept, types, grounds, procedural order). Author's abstract ... candidate of legal sciences. Izhevsk, 2005. 24 p. (In Russ.)

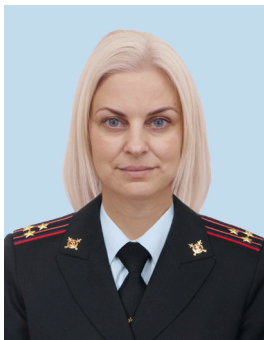
14. Ashirbekova M. T. The principle of publicity of criminal proceedings: concept, content and limits of action. Author's abstract ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2009. 62 p. (In Russ.)

15. Bezlepin B. T. New guarantees of the legitimate interests of the rehabilitated. *Soviet state and law*, 1982, no. 6, pp. 62–70. (In Russ.)

16. Podoprighora A. A. Rehabilitation in the criminal process of Russia. Author's abstract ... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2004. 26 p. (In Russ.)

17. Ramenskaya V. S. Institute of Rehabilitation in Criminal Procedure. Author's abstract ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2004. 22 p. (In Russ.)

Научная статья
УДК 342.5, 34.08
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-134-140>

**Система оценки личных, деловых качеств
сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации
и их профессиональной пригодности: правовой аспект**

Золотова Елена Владимировна

Департамент делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций МВД России,
Москва, Россия, zolotovaelen@yandex.ru

Аннотация. Исследуется система оценки профессиональной пригодности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и ее отражение в основных нормативных правовых актах. Отдельно в качестве элемента данной системы рассматривается аттестация. Определяются условия, требования и критерии, которым должны отвечать сотрудники для признания их соответствующими замещаемым должностям.

Ключевые слова: государственная служба, органы внутренних дел, МВД России, полиция, профессиональная пригодность, аттестация

Для цитирования: Золотова Е. В. Система оценки личных, деловых качеств сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и их профессиональной пригодности: правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 134–140. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-134-140>.

Original article

**System for assessing the personal and business qualities
of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation
and their professional suitability: legal aspect**

Elena V. Zolotova

Department of records management and work with appeals from citizens and organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, zolotovaelen@yandex.ru

Abstract. The system of assessing the professional suitability of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and its reflection in the main regulatory legal acts is investigated. Certification is considered separately as an element of this system. The conditions, requirements and criteria that employees must meet in order to be recognized as suitable for the positions being filled are determined.

Keywords: civil service, internal affairs bodies, Ministry of Internal Affairs of Russia, police, professional suitability, certification

© Золотова Е. В., 2024

For citation: Zolotova E. V. System for assessing the personal and business qualities of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation and their professional suitability: legal aspect. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 134–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-134-140>.

Формирование квалифицированного и мотивированного к службе в органах внутренних дел Российской Федерации (далее — органы внутренних дел) кадрового состава требует наличия специальной ведомственной системы оценки личных, деловых качеств персонала и подразделений (структур), обеспечивающих ее эффективное функционирование. При этом подразумевается, что такая оценка должна проводиться как на этапе отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, так и в процессе ее прохождения. В первом случае это позволяет отсеять контингент, который по своим качествам не подходит для службы в силу законодательно установленных условий, требований и критериев [1]. Во втором случае оценивается профессиональная пригодность уже действующих сотрудников органов внутренних дел (далее — сотрудники) в целях определения их соответствия замещаемым должностям.

В силу того, что реализация оценочных механизмов осуществляется в рамках правоотношений, связанных с прохождением службы в органах внутренних дел, она в полной мере регулируется специальными нормативными актами, основной из которых — Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе) [2].

В отношении кандидатов на службу данным Законом предусмотрен комплекс отборочных мероприятий, по итогам которых принимается решение о приеме их на службу в органы внутренних дел. Основными составляющими этого комплекса являются: предварительные, специальные и иные проверки, а также испытание при поступлении на службу в органы внутренних дел (период стажировки). Кроме того, сюда же можно отнести обучение по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», после освоения которых возможно полноценно осуществлять оперативно-служебную деятельность [3]. Результатом перечисленных мероприятий является окончательное решение о назначении гражданина на определенную должность в органах внутренних дел и присвоение ему статуса сотрудника, обладающего властными полномочиями,

обусловленными спецификой правоохранительной работы.

Что касается самого предмета оценки — личных и деловых качеств кандидатов на службу либо стажеров, то законодательно он не раскрывается. В научной литературе под деловыми качествами понимаются разнообразные свойства человека, характеризующие его способность выполнять определенные трудовые функции, предусмотренные профессиональной моделью [4]. В свою очередь, к личным качествам можно отнести принципиальность либо склонность к компромиссам, личную дисциплинированность, умение устанавливать контакты и коммуникабельность, самокритичность и адекватное восприятие критики, способность сохранять самообладание в ситуациях различной степени сложности, вежливость, честность, добросовестность, готовность оказать помощь и др. [5].

Перечень юридически значимых качеств возможно вывести из подзаконных нормативных правовых актов, к которым отсылает Закон о службе. Так, пунктом 2 Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 года № 1259 (далее — Правила) [6], установлено, что данная процедура осуществляется для определения способности кандидатов по своим личным и деловым качествам выполнять служебные обязанности сотрудника, а также для выявления факторов риска девиантного (общественно опасного) поведения. В пункте 6 Правил перечислено 6 категорий личных и деловых качеств, а в пункте 7–11 факторов риска [7]. Важно отметить, что почти за 12 лет, прошедших с момента утверждения Правил, названные нормы изменений не претерпели, что доказывает обоснованность их внедрения в период реформирования МВД России, одной из целей которого было сохранение кадрового ядра и создание системы профессиональной надежности сотрудников на всем протяжении службы. В качестве субъектов проведения психологического отбора выступают соответствующие комиссии, подготавливающие по результатам комплексного обследования кандидатов заключения об их профессиональной пригодности. Заключение

направляется в кадровое подразделение для приобщения к материалам проверки.

В соответствии с частью 3 статьи 24 Закона о службе и главой VII Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 1 февраля 2018 года № 50 (далее — Порядок организации прохождения службы) [8]. При установлении испытания в период индивидуального обучения руководителем, наставником и сотрудниками кадровых подразделений осуществляется дальнейшее изучение деловых и личных качеств стажера. О каких именно качествах идет речь, правовые акты умалчивают. Однако с учетом употребляемого в законе словосочетания «дальнейшее изучение» можно сделать вывод, что во внимание принимаются, в первую очередь, личные и деловые качества, перечисленные в Правилах. Стажер, успешно прошедший испытание, назначается на должность, но полностью полномочия сотрудника сразу после этого реализовывать не может, поскольку должен освоить программу профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», что растягивает период полного трудоустройства в среднем на срок от шести месяцев до одного года. В связи с этим закономерно поднимается вопрос об объединении периода испытания и первоначальной подготовки [9].

Система оценки личных, деловых качеств действующих сотрудников и их профессиональной пригодности отличается своей спецификой. Сама по себе данная система призвана обеспечить внутренний контроль и аудит качества личного состава, представлять руководству адекватную картину для принятия управленческих и кадровых решений. Необходимость наличия такой системы оценки, помимо практической потребности Министерства, обусловлена и требованиями законодательства о службе. Так, часть 1 статьи 12 Закона о службе среди основных обязанностей сотрудника называет предписания по прохождению в порядке, устанавливаемом МВД России, регулярных проверок знания Конституции Российской Федерации, законодательных и иных нормативных правовых актов, поддержанию квалификации, необходимой для надлежащего выполнения служебных обязанностей, прохождению профессионального обучения и (или) получению дополнительного профессионального образования, соответствия по уровню физической подготовки квалификационным требованиям к замещаемой должности в органах внутренних дел.

При этом характерно, что, как и в отношении кандидатов на службу, понятие «личные и деловые качества сотрудника» и их виды Закон о службе не раскрывает. Аналогичным образом термин «профессиональная пригодность» используется только в пункте 15¹ части 1 статьи 12 и пункте 4 части 4 статьи 33 Закона о службе, в которых речь идет о навыках владения сотрудниками специальными средствами и огнестрельным оружием, умении применять физическую силу.

Анализируя Закон о службе, научную литературу и предлагаемые экспертным сообществом модели оценки профессиональной пригодности персонала, можно прийти к выводу, что родовым понятием будет являться профессиональная пригодность, которая зависит в том числе от личных и деловых качеств сотрудников и общего уровня их квалификации и компетентности, наличия знаний, развития навыков и умений, достаточных для достижения социально приемлемой эффективности в той или иной профессии [10]. Важнейшее место среди критериев профессиональной пригодности сотрудников занимает уровень готовности выполнять действия в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Воплощение системы оценки личных и деловых качеств, профессиональной пригодности сотрудников в жизнь осуществляется профильными подразделениями органов внутренних дел в различных формах и разными способами.

Во-первых, в рамках подготовки кадров в соответствии с законодательством об образовании, Законом о службе и Порядком организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденном приказом МВД России от 2 февраля 2024 года № 44 (далее — Порядок подготовки кадров) [11], по программам профессиональной подготовки, основным общеобразовательным программам, программам среднего профессионального образования и программам высшего образования, основным и дополнительным профессиональным программам повышения квалификации и переподготовки (профессиональной переподготовки), в процессе профессиональной служебной и физической подготовки.

Первые три направления нацелены на приобретение сотрудниками определенного уровня образования, а вместе с ним профессиональных компетенций, знаний, умений, навыков. Для удовлетворения потребности в

квалифицированных специалистов в МВД России создана уникальная разветвленная сеть имеющих свою многолетнюю историю образовательных организаций от Санкт-Петербурга до Владивостока [12]. Сегодня в нее входит 18 высших учебных заведений, 2 института повышения квалификации и 2 школы подготовки специалистов-кинологов. В стенах ведомственных образовательных организаций сотрудники в статусе курсантов, слушателей или адъюнктов не только осваивают общие и специальные дисциплины, но и приобщаются к традициям органов внутренних дел, воспитываются в духе патриотизма и служения Отечеству.

В отличие от образовательного процесса в вузах, профессиональная служебная и физическая подготовка осуществляется непосредственно по месту службы сотрудников кадровыми и иными подразделениями и заключается в совершенствовании знаний, умений и навыков личного состава. Данный вид подготовки проводится систематически, непрерывно и подразумевает ежегодные итоговые занятия, на которых и определяется профессиональная пригодность сотрудников.

В ходе обучения в образовательных организациях МВД России профессиональной и служебной физической подготовки на теоретических и практических занятиях формируются и совершенствуются профессиональные знания, умения и навыки, необходимые для нормального повседневного выполнения сотрудниками служебных обязанностей. И уже в последующем проводится проверка их сформированности на зачетах, экзаменах и других видах итоговых занятий, на основе чего делается вывод о профессиональной пригодности (успешности освоения образовательных программ) обучающихся.

Во-вторых, оценка личных и деловых качеств, профессиональной пригодности сотрудников осуществляется при проведении инспектирований, контрольных и целевых проверок органов, организаций и подразделений МВД России (далее — ведомственные проверки) в порядке, установленном Министерством [13, 14]. В отличие от контрольных мероприятий в системе подготовки кадров, помимо индивидуальной оценки сотрудников, ведомственные проверки позволяют выявить результативность органов внутренних дел в целом, управленческую роль руководителей (начальников). Для оценки личных и деловых качеств последних организуются исследования социально-психологического климата, которые позволяют

установить степень авторитетности, доверия в служебных коллективах, стиля управления должностных лиц системы МВД России. Одновременно с этим определяется персональный уровень профессиональной подготовленности, в том числе к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, то есть собственные показатели органа, организации и подразделения по профессиональной служебной и физической подготовке сопоставляются с итогами выполнения упражнений стрельбы и физической подготовки, что объективно показывает положение дел «на земле».

Таким образом, оценка профессиональной пригодности в рамках ведомственных проверок служит для обеспечения внутреннего контроля функционирования системы МВД России и возможностей анализа эффективности деятельности его органов, организаций и подразделений. Кроме того, результаты ведомственных проверок по различным направлениям работы органов внутренних дел в последующем могут учитываться при решении вопросов о поощрении, продвижении по службе (ротации) личного состава, а также при формировании кадровых резервов различного уровня.

Еще одним элементом системы оценки личных, деловых качеств сотрудников и их профессиональной пригодности является аттестация. Говоря о ней, в первую очередь следует отметить, что назначение сотрудников на должности с учетом уровня их квалификации, заслуг в служебной деятельности, личных и деловых качеств пунктом 3 части 1 статьи 75 Закона определено в качестве принципа формирования кадрового состава органов внутренних дел. Пунктом 3 части 2 этой же статьи Закона о службе оценка результатов служебной деятельности сотрудников путем проведения аттестации названа в качестве одного из шести основных направлений формирования кадрового состава. При этом, в соответствии с частью 3 статьи 30 Закона о службе, результаты аттестации и (или) конкурс являются двумя основаниями для назначения на вышестоящую должность. Иначе говоря, в обычных условиях продвинуть сотрудника по службе без проведения аттестации просто невозможно. Исключением является лишь выдвижение сотрудника на должность из кадрового резерва, в котором он состоит в соответствии со статьей 78 Закона о службе. Вместе с тем содержание статьи 33 Закона о службе, посвященной непосредственно аттестации, подразумевает, что она может проводиться и при

обратных обстоятельствах — в случае решения вопроса о прекращении службы. Таким образом, очевидно, что законодательно для аттестации установлена роль не просто процедуры по оценке личных и деловых качеств сотрудников, а одного из инструментов кадровой политики.

Технические моменты организации и проведения аттестации отражены в главе X Порядка организации прохождения службы. Обобщая особенности определения профессиональной пригодности в ходе аттестации [15], можно резюмировать, что формально для этого требуется только мотивированный отзыв, отражающий результаты служебной деятельности сотрудника, изучения его личных и деловых качеств. Как отмечено выше, перечень подлежащих оценке личных и деловых качеств сотрудника в Законе о службе не приводится и является открытым. Однако ориентироваться можно найти в форме мотивированного отзыва, утвержденной приложением № 40 к Порядку организации прохождения службы. Так, в названном документе излагается служебная характеристика аттестуемого сотрудника, основанная на результатах его служебной деятельности. При заполнении соответствующего раздела отзыва учитываются качество и своевременность выполнения обязанностей по замещаемой должности, динамика результатов служебной деятельности, участие в выполнении специальных служебных задач, в различного рода конкурсах, своевременность устранения недостатков в работе, соблюдение сотрудником требований профессиональной этики и служебного этикета, служебной дисциплины. При проведении аттестации сотрудника, замещающего должность руководителя (начальника), включая должность начальника кадрового подразделения, учету подлежит также оценка деятельности возглавляемого им подразделения [16]. Среди профессионально важных (значимых) личностных качеств называются лидерские способности, степень авторитетности в служебном коллективе, инициативность, эмоционально-волевая устойчивость, организованность). Одновременно не стоит забывать о личных и деловых качествах, изучаемых при приеме на службу (пункт 6 Правил), которые могут изменяться с течением времени.

В части констатации профессиональной пригодности сотрудника мотивированный отзыв должен содержать сведения об уровне его профессиональной служебной и физической, морально-психологической подготовки. В этом отношении важной вехой в правовой регламентации проведения аттестации стала

нормативная взаимосвязь Порядка прохождения службы в органах внутренних дел и нового Порядка организации подготовки кадров, которым морально-психологическая подготовка выделена в отдельный вид подготовки, специфика осуществления которой устанавливается специальным приказом МВД России.

Сведения для заполнения мотивированного отзыва представляются непосредственному руководителю (начальнику) профильными подразделениями, например, по профилактике коррупционных и иных правонарушений, профессиональной подготовке, по работе с личным составом.

Члены аттестационной комиссии вправе задавать аттестуемому сотруднику, а также его непосредственному руководителю (начальнику) вопросы, связанные со служебной деятельностью аттестуемого. Однако практически соответствие содержания мотивированного отзыва действительности не проверяется. Никаких тестирований, тренингов и т. п. в ходе аттестации не проводится.

Завершается аттестация в большинстве случаев принятием кадрового решения уполномоченного руководителя (начальника), влияющего на дальнейшую карьеру сотрудника. Однако иногда такое решение может и не выноситься, а аттестация может быть перенесена, но не более чем на один год для устранения выявленных недостатков в служебной деятельности.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие основные выводы и обобщения:

1. Законодательными и иными нормативными правовыми актами предусмотрена многоуровневая система оценки личных и деловых качеств, профессиональной пригодности кандидатов на службу и сотрудников органов внутренних дел. Такая оценка проводится как на этапе отбора на службу, так и в период ее прохождения.

2. Одним из элементов системы оценки личных и деловых качеств, профессиональной пригодности сотрудников является аттестация, которая, с одной стороны, аккумулирует в себе результаты иных проверочных мероприятий, с другой — предполагает собственный механизм определения соответствия личного состава замещаемым должностям.

3. В отличие от других проверочных мероприятий и процедур, аттестация в меньшей степени содержательно наполнена, так как заключается не в проведении каких-либо тестирований и испытаний, а в анализе документов (мотивированных отзывов), подготавливаемых руководителями (начальниками) аттестуемых сотрудников.

4. Учитывая отмеченную формальность аттестации, представляется возможным и логичным расширение ее внутреннего наполнения в части определения профессионально значимых компетенций сотрудников, например путем решения ими в реальном времени специально подготовленных упражнений и задач.

5. Аттестация как полноценная кадровая процедура позволяет получить не промежуточный результат, констатирующий наличие конкретных личных или деловых качеств сотрудника, его профессиональных навыков и умений, а изучить их в совокупности и вынести рекомендацию о дальнейшем прохождении службы, на основе которой принять управленческое кадровое решение.

Список источников

1. Ольшевский А. В., Школа О. В. Условия, критерии и требования при поступлении на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2021. № 1. С. 34–55.

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2024).

3. Кулик О. В., Долгошеин П. С. Процедура отбора кандидатов на службу в полицию в Российской Федерации и Финляндской Республике (сравнительно-правовой анализ) // Научный портал МВД России. 2021. № 3 (55). С. 99–113.

4. Кутушев В. Г. Подбор кадров в органы внутренних дел: учебное пособие. Хабаровск: изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1988.

5. Основы управления в органах внутренних дел: учебник / под ред. А. П. Коренева. Москва: МЮИ МВД России, Щит-М, 1999.

6. Правила профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 года № 1259. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2024).

7. Виноградов М. В. Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения МВД // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2015. № 2. С. 52–53.

8. Порядок организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: утвержден приказом МВД России от 1 февраля

2018 года № 50. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2024).

9. Заяев Е. Д. Наставничество в органах внутренних дел: правовое регулирование на отдельных этапах развития и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 46–55.

10. Григорьева Н. Н. Психофизиология профессиональной деятельности: учебный курс. Москва: МИЭМП, 2012. 125 с.

11. Порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: утвержден приказом МВД России от 2 февраля 2024 года. № 44. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2024).

12. «Устремленные в будущее...». Система подготовки кадров МВД России / колл. авт. под руководством В. Л. Кубышко; сост. С. В. Богачев, Л. Н. Боде, Р. О. Иванов, В. В. Коновалов, В. И. Субботина. Москва: ДГСК МВД России, 2018. 547 с.

13. Об организации контроля за деятельностью образовательных организаций, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 3 февраля 2012 года № 77. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2024).

14. Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 3 марта 2016 года № 100. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2024).

15. Золотова Е. В. Инновационные технологии кадровой деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 586–589.

16. Золотова Е. В. Вопросы оценки результатов оперативно-служебной деятельности руководителей кадровых подразделений территориальных органов МВД России // Управление полицией в современных условиях: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 15 апреля 2020 года) / под ред. А. В. Богатырева, О. Л. Морозова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. С. 93–96.

References

1. Olshevsky A.V., Shkola O.V. Conditions, criteria and requirements for entering the service of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Current problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. 2021. No. 1. Pp. 34–55. (In Russ.)

2. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: federal law no 342-FZ of November 30, 2011. Access from the

reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.05.2024). (In Russ.)

3. Kulik O. V., Dolgoshein P. S. Procedure for selecting candidates for police service in the Russian Federation and the Republic of Finland (comparative legal analysis). Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (55). Pp. 99–113. (In Russ.)

4. Kutushev V. G. Selection of personnel for internal affairs bodies: Textbook. allowance. Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House. Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. (In Russ.)

5. Fundamentals of management in internal affairs bodies: Textbook / ed. by A. P. Koreneva. Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 1999. (In Russ.)

6. Rules for professional psychological selection for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation no 1259 of December 6, 2012. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.05.2024). (In Russ.)

7. Vinogradov M.V. Professional psychological selection for service in internal affairs bodies: a new approach to the study of personal and business qualities of citizens entering service in units of the Ministry of Internal Affairs. *Questions of psychology of extreme situations*, 2015, no. 2, pp. 52–53.

8. The procedure for organizing service in the internal affairs bodies of the Russian Federation was approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no 50 of February 1, 2018. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.05.2024). (In Russ.)

9. Zayaev E. D. Mentoring in internal affairs bodies: legal regulation at individual stages of development and ways of improvement. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no 4 (100), pp. 46–55. (In Russ.)

10. Grigorieva N. N. Psychophysiology of professional activity. Training course. Moscow: MIEP Publ., 2012. 125 p. (In Russ.)

11. The procedure for organizing training for filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation was approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no 44 of February 2, 2024. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.05.2024). (In Russ.)

12. «Aimed at the future...». Personnel training system of the Ministry of Internal Affairs of Russia / team of authors under the leadership of V. L. Kubysenko; comp. S. V. Bogachev, L. N. Bode, R. O. Ivanov, V. V. Konovalov, V. I. Subbotin. Moscow: DGSK Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018. 547 p. (In Russ.)

13. On the organization of control over the activities of educational organizations under the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 3, 2012 № 77. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.05.2024). (In Russ.)

14. On the basics of organizing departmental control over the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia no 100 of March 3, 2016. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 13.05.2024). (In Russ.)

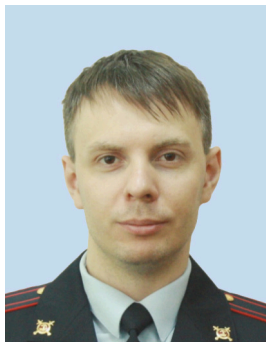
15. Zolotova E. V. Innovative technologies of personnel activities in the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Legal technology*, 2021, no 15, pp. 586–589. (In Russ.)

16. Zolotova E. V. Issues of assessing the results of operational and official activities of heads of personnel departments of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Police management in modern conditions: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, April 15, 2020) / ed. by A. V. Bogatyrev, O. L. Morozov. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. Pp. 93–96. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-141-147>

Наказание и уголовное наказание: правовая природа, определение понятий

Ковалев Александр Федорович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, velnos@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием и сущностью наказания в целом и уголовным наказанием в частности. Автор раскрывает природу указанных понятий, основываясь на научных концепциях отечественных и зарубежных ученых, выделяя кару как необходимый, но не единственный элемент наказания. Кроме кары, значение имеют такие элементы, как убеждение и исправительно-воспитательное воздействие на виновного. Присоединяясь к компетентному мнению ряда ученых, автор предлагает расширить понятие уголовного наказания, включив в него в качестве обязательного признака, помимо исправления и воспитания, ресоциализацию.

Ключевые слова: наказание, уголовное наказание, цели уголовного наказания, правовая природа

Для цитирования: Ковалев А. Ф. Наказание и уголовное наказание: правовая природа, определение понятий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 141–147. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-141-147>.

Original article

Punishment and criminal punishment: legal nature, definition of concepts

Aleksandr F. Kovalev

Lecturer of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, velnos@mail.ru

Abstract. This article discusses issues related to the concept and essence of punishment in general and criminal punishment in particular. The author reveals the nature of these concepts based on the scientific concepts of domestic and foreign scientists, highlighting punishment as a necessary, but not the only element of punishment. In addition to punishment, such elements as persuasion and corrective and educational influence on the perpetrator are important. Joining the competent opinion of a number of scientists, the author proposes to expand the concept of criminal punishment by including resocialization as a mandatory feature, in addition to correction and education.

Keywords: punishment, criminal punishment, purposes of criminal punishment, legal nature

For citation: Kovalev A. F. Punishment and criminal punishment: legal nature, definition of concepts. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 141–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-141-147>.

© Ковалев А. Ф., 2024

Исследование правовой природы уголовного наказания и системы уголовных наказаний невозможно без понимания сущности наказания как социально значимого явления.

Сущность наказания, в том числе и уголовного, связана с появлением и закреплением в первых нормативных источниках правила талиона и правила божественного возмездия. Таким образом, изначально наказание приобретает исключительно негативное содержание для виновного и предстает как возмездие. Это послужило основой для дальнейшего развития наказаний по пути, отраженном в теории возмездия (абсолютных теорий наказаний) [1].

Понять сущность наказания стремились с давнего времени, но наибольшего успеха впервые удалось достичь античным философам. Древнегреческий философ Платон под наказанием понимал кару, которая наступала за нарушение закона. Важно, что под карой подразумевали причинение страданий виновному за нарушение закона и связывали ее со способом исправления преступника. Эту позицию положил в основу своих рассуждений древнеримский философ Сенека, полагавший, что наказание есть не только кара за деяние, но и мера, направленная на исправление нарушения закона и несовершенство преступлений в дальнейшем. Именно эта основа послужила базисом для последующего формирования теории полезности наказания (теории прагматичности) [2].

Попытку переосмыслить античные теории предпринял Г. Гроций в философском трактате «Три книги о праве войны и мира» [3]. Данная работа носила общеправовый характер и затрагивала множество проблем, одной из них было отношение к наказанию. Под наказанием он предлагал понимать обязательное зло, на применение которого соглашается виновный, совершивший преступное деяние.

Немецкий философ И. Кант предложил теорию, согласно которой наказание выступает не только злом, но и правом на возмездие в отношении виновного, обеспечиваемым волей государства [4]. Более подробно сущность наказания рассматривал известный немецкий ученый (ныне его называли бы криминологом и специалистом в области уголовного права) П. А. Фейербах. Под уголовным наказанием он предлагал понимать зло, причиняемое виновному, в зависимости от тяжести преступления на основании закона и от имени легитимной власти [5].

В отечественной науке сущность наказания также не оставалась без внимания. Н. Д. Сергеевский выделял не менее 24

социально-философских концепций о сущности наказания и свыше 100 уголовно-правовых и криминологических доктрин, посвященных проблеме наказания, написанных разными авторами [6].

Более позднее исследование сущности наказания, главным образом уголовного, позволило выделить восемь научно обоснованных концепций наказания. Согласно им наказание является:

- 1) формой уголовной ответственности;
- 2) мерой государственного принуждения, применяемого в отношении виновного;
- 3) инструментом уголовно-правовой борьбы с преступлениями;
- 4) орудием уголовно-правового воздействия на виновного в совершении преступления;
- 5) реакцией государства на совершенное преступление;
- 6) правовым последствием совершения преступления;
- 7) карой (возмездием) виновному за содеянное;
- 8) фактическим ограничением прав и свобод, причиняемым на основе судебного приговора виновному в совершении преступления [7].

По нашему мнению, отсутствие единства в установлении сущности наказания связано со сложностью, многогранностью данного явления. До настоящего времени не разрешен вопрос о том, что является первичным: кара или наказание. Очевидно, что понятие «наказание» перешло в юридическую плоскость из философии. Это означает, что сущность наказания возможно раскрыть на стыке юриспруденции и философии. При этом существенное влияние на итоговое восприятие оказывают исторический и геополитический контексты, которые сопутствовали исследованию данного явления. Например, в условиях международной напряженности, связанной с ведением военных действий между странами или между страной и сепаратистами, одним из направлений в уголовной политике является криминализация деяний, которые в обычной обстановке преступными не считались. Кроме этого, происходит пенализация преступных деяний — пересмотр срока и размера наказания в сторону увеличения.

Л. Н. Толстой считал уголовное наказание исключительным злом. Позже из-за влияния, оказанного христианской религией, он полагал неэффективным отвечать злом (наказанием) на зло (преступление), писал о непротивлении злу насилием [8].

Отношение к наказанию как к негативно-му явлению (злу) соответствует не только

философским воззрениям, но и юридическим. Например, Н. Д. Сергеевский предлагал под наказанием понимать особые страдания, причиненные лицу, совершившему преступление [9]. Отличительной особенностью страданий являлась установленная законом воля на причинение их виновному.

С. П. Мокринский конкретизировал: если воспринимать наказание как определенный факт социальной жизни человека, то его сутью будет являться принуждение к страданиям, определенным законом [10]. Мы согласимся с данными позициями лишь в случае изучения уголовного наказания как эмпирического явления без акцентирования внимания на его юридической сущности. С учетом юридической сущности наказания выделяется позиция М. Д. Шаргородского. Под уголовным наказанием он понимал негативное явление, суть которого — причинение страданий виновному. В то же время наличие негативных последствий необходимо для эффективного воздействия на виновного в преступлении это фактически и является возмездием за содеянное [11].

О значении кары для наказания писали многие ученые: Н. А. Беляев, С. В. Познышев, А. М. Яковлев, Н. А. Стручков и др. Прочной является позиция Н. А. Беляева: «Наказание выступает карой за совершенное преступление и причиняет виновному установленные законом лишения (страдания). Без данного элемента наказание потеряет свою сущность, а с ней и свое значение» [12].

О влиянии кары на виновного писал и С. В. Познышев. Он полагал, что уголовное наказание для виновного должно заключаться не в причинении ему страданий, а в установлении ограничений, которые крайне невыгодны для преступника, но в то же время соизмеримы с характером, степенью опасности содеянного для общества и личности [13].

В середине XX века в отечественной научной среде существовала позиция, согласно которой сущностью уголовного наказания является принуждение виновного к страданию (каре), соразмерному наступившему в результате совершенного преступления вреду [14]. Буквальное толкование понятий «соразмерность» и «вред», причиненный преступлением, приводит к назначению виновному за вред, наступивший в результате убийства, наказания в виде смертной казни. Однако в цивилизованном обществе соразмерность и «равенство» — не одно и то же. Наказание за данное преступление должно быть направлено на обеспечение

общей превенции. Одновременно мы согласны с мнением ученых о том, что уголовное наказание содержит элемент возмездия виновному за причиненное зло, но кара не должна быть тождественна злу (совершенному преступлению).

Таким образом, воспринимать соразмерность необходимо с позиции ее расширительного толкования, а не буквального и тем более не усеченного (ограничительного), что также будет справедливо и применительно к понятию кары.

Многие авторы (например, С. И. Деметьев, В. Д. Филимонов, А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, А. Л. Ременсон) считали тождественными понятия «наказание» и «кара». По нашему мнению, *кара — сущность наказания*. При отсутствии негативных последствий для лица, совершившего преступление, высока вероятность повторения преступного поведения [15, 16]. Уголовное наказание даже за преступление небольшой тяжести должно причинять определенные страдания виновному. Именно это свойство наказания является необходимым для эффективного воздействия на осужденного.

Иную позицию занимал В. К. Дуюнов. Он считал, что уголовная ответственность, выраженная в наказании виновного, выступает формой реализации кары. В соответствии с этим он предлагал воспринимать кару не только сущностью уголовного наказания, но и исторически оправданной реакцией государства на преступление, которая отвечает общепризнанным представлениям о справедливости [17].

Мысль о том, что кара является необходимым элементом не только уголовного наказания, но и других форм реализации уголовной ответственности, не является новой. Именно кара, выраженная в лишении и ограничении прав, делает наступление уголовной ответственности невыгодным для виновного. В то же время одного элемента — кары — недостаточно, чтобы охарактеризовать уголовное наказание, равно как и другие меры уголовно-правового воздействия. Об этом рассуждает и Ф. Б. Мулюков. В его работах кара выступает неотъемлемым признаком наказания, но не его сущностью, так как является лишь внешним его выражением [18].

Под наказанием в целом и уголовным наказанием в частности И. С. Ной понимал систему, состоящую из двух элементов: 1) кары (элемента принуждения, а равно ограничения прав и свобод); 2) убеждения (элемента исправления и воспитания виновного). Доводы ученого основывались на том, что без элемента убеждения уголовное наказание станет репрессией [19].

Уголовное наказание является одним из центральных понятий не только для нашего исследования, но и для всей уголовно-правовой науки. Сущностным элементом наказания выступает кара: без нее наказания быть не может. Между тем в исследуемое понятие входит еще один необходимый элемент, названный некоторыми авторами *убеждением* [19] или *исправительно-воспитательным воздействием* [20]. Считаем, что понятие «убеждение» не может отразить весь спектр необходимого воздействия на виновного, которое возможно со стороны уголовного закона. Обретение преступником убеждения в необходимости правомерного поведения в значительной мере отражает его исправление.

Мы полагаем, что необходимо более широкое понятие, которое объединит ряд элементов, убеждение осужденного в недопустимости повторения преступного поведения (действия или бездействия) и исправление виновного, которое выражается в переориентации (коррекции) его личности на законопослушный образ поведения в социуме. Воспитание виновного, относящееся в большей степени к несовершеннолетним преступникам, заключается в воздействии на их сознание с целью усвоения ими социально полезных и значимых установок, которые в дальнейшем позволят не допустить противоправного (преступного) поведения.

Охватить указанные смыслы для дальнейшей объективной оценки достижения целей наказания способно понятие «*ресоциализация осужденного*».

О ресоциализации как о составляющей уголовного наказания начали говорить во второй половине XX века [21]. Это связано с тем, что основным показателем успешного (эффективного) действия уголовного наказания на осужденного является недопущение совершения им преступлений в дальнейшем (рецидива). Анализируя результаты воздействия уголовных наказаний на осужденных, ученые установили, что в случае привлечения виновного к уголовной ответственности и назначения ему наказания, сопряженного с изоляцией от общества, а равно исключением осужденного из социальной жизни, высока вероятность повторного совершения преступления [22]. Это связано с неспособностью субъекта после отбытия назначенного ему судом наказания вести законопослушный образ жизни из-за десоциализации, наступившей в результате длительной изоляции от нормальных общественных отношений [23].

Важно отметить, что для создания гарантий невозвращения осужденного к преступной деятельности наказание должно включать в себя необходимый элемент — ресоциализацию. Под ресоциализацией нужно понимать многоаспектную деятельность уполномоченных законом субъектов, направленную на реализацию целей наказания в процессе его исполнения:

- 1) социализацию личности виновного;
- 2) восстановление утраченных осужденным социальных контактов с обществом;
- 3) подготовку осужденного к адаптации жизни на свободе [24].

Развивая изложенные суждения, следует отметить, что понятие «ресоциализация» шире понятий «убеждение», «исправление» и «воспитание». Кроме того, мы считаем, что *исправление / воспитание осужденного как цель уголовного наказания достижимо в процессе исполнения наказания, а ресоциализация достигается в процессе реализации уголовной ответственности*.

Само по себе исправление преступника (его качественная нравственная переориентация), особенно в местах лишения свободы, не создает необходимых гарантий возвращения в общество личности, которая может адаптироваться к условиям существования вне исправительных учреждений. Именно поэтому, применяя к осужденному меры государственного принуждения, необходимо обеспечить не только исправление, но и восстановление навыков социально-полезного взаимодействия, наличие которых поможет успешно адаптироваться в обществе и не допустить повторение преступного поведения.

Изменения в отечественном законодательстве последних лет также направлены на достижение цели по ресоциализации лиц, совершивших преступления. Федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» предусматривает, что с осужденными, в особенности с отбывающими наказание, связанное с изоляцией от общества, необходимо проводить работу по ресоциализации, которая начинается в местах лишения свободы и при необходимости продолжается после их освобождения [25].

Таким образом, ресоциализация как не отраженная в российском уголовном законодательстве цель уголовного наказания способствует решению задач, поставленных перед уголовным правом. Связано это с глубоким и качественным воздействием на виновного и осуществимо не только во время отбывания наказания, но и в период последующей

адаптации его в обществе. Кроме этого, по мнению И. И. Карпеца, «введение понятия ресоциализации в уголовное право позволит наказанию перейти на иной качественный уровень. Уголовное наказание приобретет конкретный нравственно оправданный смысл, что позволит прекратить дальнейшую деградацию личности преступника, и в результате наказание действительно станет средством исправления» [26].

Изложенное позволяет включить в понятие уголовного наказания, наряду с исправлением и воспитанием, в качестве обязательного признака ресоциализацию осужденного. Важно акцентировать внимание на том, что кара выступает не целью уголовного наказания, а его сущностью — лишением (ограничением) прав и свобод виновного, а также физическим и моральным дискомфортом (в определенном смысле страданием), связанным с лишениями.

Наказание является крайней (самой строгой и жесткой) мерой принуждения, которая находится в распоряжении государства наряду с иными мерами воздействия. Следовательно, применять ее необходимо лишь в случаях, когда нет основания для иного воздействия.

Таким образом, **наказание** выступает мерой воздействия на лицо, которое нарушило установленный в обществе запрет путем наложения на данное лицо в императивном порядке определенных обязанностей, лишения и (или) ограничения прав, свобод.

Под **уголовным наказанием** следует понимать меру принуждения, назначаемую судом, посредством которой государство лишает виновного в совершении преступления наиболее существенных благ, ценностей, ограничивает его права, свободы для восстановления социальной справедливости, исправления/воспитания и ресоциализации преступника, предупреждения совершения новых преступлений.

В цивилизованном государстве уголовные наказания должны быть систематизированы.

Система в самом общем понимании представляет совокупность взаимосвязанных (взаимообусловленных) элементов, образующих определенную целостность (единство). Система может выступать как установленным порядком, основанным на существующей взаимосвязи частей чего-либо, так и совокупностью определенных элементов, единиц, частей, которые объединены общими признаками или назначением.

«Система наказаний» — понятие многоаспектное и сложное. Это находит подтверждение в работах многих ученых. Например, В. П. Марков

пишет: «Понятие системы уголовных наказаний не стоит путать с понятием перечня наказаний, так как оно сложнее и глубже. Перечень определяет лишь основные границы действия системы уголовных наказаний» [27]. Аналогичную позицию занимали Н. С. Таганцев, П. П. Осипов, И. С. Ной, А. Э. Жалинский и др.

В настоящее время уголовный закон фиксирует систему уголовных наказаний упрощенно — как перечень. В то же время ключевой проблемой упрощенного подхода является отсутствие возможности проследить взаимодополняемость и взаимозаменяемость наказаний [28].

Полагаем, что каждое уголовное наказание должно соответствовать принципам уголовного закона. Например, принципу справедливости (см. ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), состоящему в назначении виновному наказания соответствующего характеру и степени общественной опасности содеянного, а равно иным обстоятельствам совершения преступного деяния и личности виновного; принципу гуманизма (см. ст. 7 УК РФ), который подразумевает не только обеспечение общей безопасности личности, общества и государства, но и назначение уголовного наказания без цели причинить унижение и физическое страдание виновному, а в целях, указанных в части 2 статьи 43 УК РФ.

Таким образом, **под системой уголовных наказаний** необходимо понимать совокупность специальных мер государственного принуждения, которые находятся во взаимосвязи, соответствуют принципам уголовного права и направлены на достижение предусмотренных законом целей. Целеполагание при назначении и исполнении наказания зависит от уровня развития общества.

Итак, наказание и система наказаний соотносятся как часть и целое. Развитие части неизбежно ведет к развитию целого и соответственно при развитии целого не может не происходить положительного изменения его составляющих.

Список источников

1. Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг.: Типография Правда, 1914. С. 198–199, 205.
2. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. Москва: Юридическая литература, 1973. С. 156.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008035241> (дата обращения: 27.04.2024).

4. Кант И. Метафизика нравственности. Основы метафизики нравственности. Москва: Высшая школа, 1999. С. 713.
5. Фейербах П. А. Уголовное право. Санкт-Петербург. Медицинская типография, 1810. С. 14. Доступ из СПС «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/6703019> (дата обращения: 27.04.2024).
6. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям. 8-е изд. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1910. С. 70.
7. Дуюнов В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Москва: Научная книга, 2003. С. 143.
8. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 23. Москва: Художественная литература. 1957. С. 316–328.
9. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая: пособие к лекциям. 8-е изд. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1910. С. 78–79.
10. Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. Ч. III: Каузальный и потенциальный моменты действия. Томск: Паровая типолитография П. И. Макушина, 1905. С. 293–295.
11. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность: монография. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1973. С. 5–6.
12. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Ленинград: ЛГУ, 1963. С. 25.
13. Познышев С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания. Москва: Лань, 2013. С. 34.
14. Никифоров Б. С., Утевский Б. С. Вопросы теории исправительно-трудового права и практика его применения // Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права: сборник. Москва: ВШ МВД СССР, 1957. С. 37.
15. Дементьев С. И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительные аспекты. Ростов: Издательство Ростовского университета, 1981. С. 45.
16. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. Москва: Юридическая литература, 1967. С. 17.
17. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск: РОСИ, 2000. С. 53.
18. Мулюков Ф. Б. Наказание в уголовном праве России // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2007. № 1. С. 90–96.
19. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973. С. 51.
20. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2022. С. 200.
21. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с фр. Москва: Прогресс, 1970. С. 30–45.
22. Бровкина А. А., Корнеев С. А. Ресоциализация осужденных как цель уголовного наказания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 100–101.
23. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Издательство ГОУ ВПО СГЮА, 2004. С. 54–56.
24. Уманец В. С. К проблеме наказания и его целям при применении статьи 64 Уголовного кодекса РФ // Вестник СГЮА. 2014. № 2 (97). С. 200.
25. О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ // Российская газета. 2023. 9 марта. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.05.2024).
26. Карпец И. И. Уголовное право и этика. Москва: Юридическая литература, 1985. С. 188–192.
27. Марков В. П. Механизм реализации основных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в Российской Федерации (уголовно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 110.
28. Милюков С. Ф. Российская система наказаний. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / науч. ред. Б. В. Волженкин. Санкт-Петербург: СПбЮИ, 1998. С. 5.

References

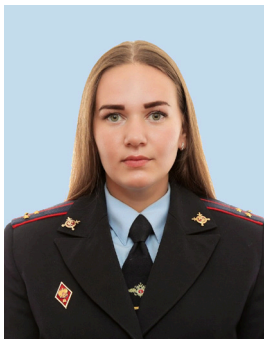
1. Zhizhilenko A. A. Punishment. Its concept and difference from other law enforcement means. Pg.: Type. Pravda, 1914. Pp. 198–199, 205. (In Russ.)
2. Karpets I. I. Punishment. Social, legal and criminological problems. Moscow: Legal. lit. Publ., 1973. 156 p. (In Russ.)
3. Grotius G. On the Law of War and Peace. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008035241> (accessed 27.04.2024). (In Russ.)
4. Kant I. Metaphysics of Morality. Fundamentals of the metaphysics of morality. Moscow: Higher School, 1999. 713 p. (In Russ.)
5. Feuerbach P. A. Criminal law. St. Petersburg Medical printing house, 1810. P. 14. Access from the reference legal system "Garant" URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/6703019> (accessed 27.04.2024). (In Russ.)
6. Sergeevsky N. D. Russian criminal law. General part: manual for lectures. 8th ed. St.-Peterburg: Type. M. Stasyulevich, 1910. 70 p. (In Russ.)
7. Duyunov V. K. Criminal legal influence: theory and practice. Moscow: Scientific book Publ., 2003. 143 p. (In Russ.)
8. Tolstoy L. N. Complete. collection op. T. 23. Moscow: Fiction. 1957. Pp. 316–328. (In Russ.)
9. Sergeevsky N. D. Russian criminal law. Part General: a manual for lectures. 8th ed. St. Peterburg: Type. M. Stasyulevich, 1910. Pp. 78–79. (In Russ.)

10. Mokrinsky S. P. Punishment, its goals and assumptions. Part III: Causal and potential moments of action. Tomsk: Steam typo-lithography P. I. Makushina, 1905. pp. 293–295. (In Russ.)
11. Shargorodsky M. D. Punishment, its goals and effectiveness. Monograph. Leningrad: Publishing house Leningr. Univ., 1973. Pp. 5–6. (In Russ.)
12. Belyaev N. A. The goals of punishment and the means of achieving them in correctional labor institutions. Leningrad: Leningrad State University, 1963. 25 p. (In Russ.)
13. Poznyshv S. V. The doctrine of punitive measures and the extent of punishment. Moscow: Lan Publ., 2013. 34 p. (In Russ.)
14. Nikiforov B. S., Utevsky B. S. Questions of the theory of correctional labor law and the practice of its application. Materials of a theoretical conference on issues of Soviet correctional labor law: collection. Moscow: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1957. 37 p. (In Russ.)
15. Dementyev S. I. Deprivation of liberty. Criminal law and correctional aspects. Rostov: Rostov University Publ., 1981. 45 p. (In Russ.)
16. Natashev A. E., Struchkov N. A. Fundamentals of the theory of correctional labor law. Moscow: Legal. lit. Publ., 1967. 17 p. (In Russ.)
17. Duyunov V. K. Problems of criminal punishment in theory, legislation and judicial practice. Kursk: ROSI Publ., 2000. 53 p. (In Russ.)
18. Mulyukov F. B. Punishment in Russian criminal law. *Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University*, 2007, no. 1, pp. 90–96. (In Russ.)
19. Noah I. S. The essence and functions of criminal punishment in the Soviet state. Saratov: Saratov University Publ., 1973. 51 p. (In Russ.)
20. Sverchkov V. V. Criminal law. General and Special parts: textbook for universities / 9th ed., revised. and additional Moscow: Yurait Publ., 2022. 200 p. (In Russ.)
21. Ansel M. New social protection (humanistic movement in criminal policy) / trans. from fr. Moscow: Progress Publ., 1970. Pp. 30–45. (In Russ.)
22. Brovkina A. A., Korneev S. A. Resocialization of convicts as the goal of criminal punishment. *Journal of the Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 100–101. (In Russ.)
23. Rybak M. S. Resocialization of those sentenced to imprisonment: problems of theory and practice. 2nd ed., rev. and additional Saratov: Publishing house of the State Educational Institution of Higher Professional Education of the State Law Academy, 2004. Pp. 54–56. (In Russ.)
24. Umanets V. S. To the problem of punishment and its goals when applying Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the SSLA*, no. 2 (97). 2014, 200 p. (In Russ.)
25. On probation in the Russian Federation: federal law no. 10-FZ of February 6, 2023. Russian newspaper. 2023. March 9. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 07.05.2024). (In Russ.)
26. Karpets I. I. Criminal law and ethics. Moscow: Legal literature Publ., 1985. Pp. 188–192. (In Russ.)
27. Markov V. P. Mechanism for implementing basic criminal penalties not related to isolation from society in the Russian Federation (criminal legal analysis). Dissertation... doctor of legal sciences. St. Petersburg, 2006. 110 p. (In Russ.)
28. Miliukov S. F. Russian penal system. "Series of modern standards in criminal law and criminal procedure" / ed. by B. V. Volzhenkin. St. Peterburg: SpbYul Publ., 1998. 5 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-148-155>

Проблемные вопросы проверки наличия (отсутствия) признаков криминальных банкротств у юридических лиц

Красненкова Алена Вячеславовна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, alenakrasnenkova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены проблемы проверки наличия (отсутствия) признаков криминальных банкротств у юридических лиц, которые возникают в практической деятельности специалистов-ревизоров отделов документальных исследований подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее — ЭБиПК), а также экспертов экспертно-криминалистического центра.

Ключевые слова: признаки криминальных банкротств, организации, должник, коэффициентный анализ, анализ сделок должника, факторный анализ

Для цитирования: Красненкова А. В. Проблемные вопросы проверки наличия (отсутствия) признаков криминальных банкротств у юридических лиц // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 148–155. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-148-155>.

Original article

Problematic issues of checking the presence (absence) of signs of criminal bankruptcies in legal entities

Alena V. Krasnenkova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, alenakrasnenkova@yandex.ru

Annotation. The article presents the problems of checking the presence (absence) of signs of criminal bankruptcies in legal entities, which arise in the practical activities of specialist auditors of documentary research departments, as well as experts.

Keywords: signs of criminal bankruptcies, organizations, debtor, ratio analysis, analysis of debtor transactions, factor analysis

For citation: Krasnenkova A. V. Problematic issues of checking the presence (absence) of signs of criminal bankruptcies in legal entities. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 148–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-148-155>.

© Красненкова А. В., 2024

Специальные экономические знания, их использование являются неотъемлемой частью раскрытия и расследования преступлений, связанных с криминальными банкротствами. Признаки криминальных банкротств проявляются в негативном изменении показателей финансовой отчетности. Их своевременное выявление зависит от оперативного и качественного ее анализа, поэтому именно методики финансового анализа должны быть адаптированы к выявлению криминальных банкротств.

По результатам опроса сотрудников отделов документальных исследований УЭБиПК — специалистов-ревизоров — (далее — опрос) установлено, что при исследовании документов по делам, связанным с криминальными банкротствами, в 68,5 % случаев ими используется методика выявления признаков преднамеренного и фиктивного банкротств, предназначенная для арбитражных управляющих.

Кроме приведенной методики, в практической деятельности специалисты-ревизоры руководствуются методическими рекомендациями, разработанными авторским коллективом кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета УНКПЭИ НП Нижегородской академии МВД России («Методика проведения документальных исследований по материалам оперативно-розыскной деятельности в разрезе классификационных критериев по преступлениям экономической направленности») для ГУЭБиПК МВД России [1] (согласно опросу, в 53,8 % случаев), а также типовой экспертной методикой проведения финансово-аналитической экспертизы, в которой отражен порядок проведения финансового состояния хозяйствующего субъекта и степени влияния экономических факторов на его изменение [2] (согласно опросу, в 15,4 % случаев).

Констатируем, что методические рекомендации не имеют статуса нормативного правового акта, поэтому специалисты-ревизоры в разных субъектах Российской Федерации используют самостоятельные методики проверки наличия (отсутствия) признаков криминальных банкротств, в том числе методики проведения коэффициентного анализа должника отличные друг от друга.

Эксперты экспертно-криминалистического центра (далее — ЭКЦ) при производстве финансово-аналитической экспертизы используют устаревшие методические рекомендации (2012), для актуализации информации применяют самостоятельные методики определения финансового состояния должника отличные друг от друга, в результате чего единой методикой проверки наличия (отсутствия) признаков

криминальных банкротств у юридических лиц не располагают.

На основе анализа современной экспертной практики, практической деятельности специалистов-ревизоров, изменений законодательства в области бухгалтерского учета возникает необходимость в переработке существующего методического обеспечения с учетом произошедших изменений в целях повышения эффективности производства, финансово-аналитических экспертиз и проведения документального исследования в системе МВД России.

Таким образом, первой проблемой является отсутствие единой методики проверки наличия (отсутствия) признаков криминальных банкротств у юридических лиц, которую в своей практической деятельности могли бы использовать специалисты-ревизоры отдела документальных исследований ЭБиПК, эксперты.

Ко второй проблеме, вытекающей из первой, следует отнести отсутствие общепринятых коэффициентов, формул их расчета и нормативных значений.

Третьей проблемой является отсутствие понимания у лиц, назначающих исследование о необходимости предоставления документов, подлежащих проверке по делам, связанным с криминальным банкротством.

Для решения вышеназванных проблем предложена методика проверки наличия (отсутствия) признаков криминальных банкротств у юридических лиц, которая может быть использована при производстве финансово-аналитической экспертизы и оперативно-розыскных мероприятий «Исследование документов и предметов» [3], позволяющая сократить временные затраты, а также обеспечивающая эффективность противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности, в частности по делам, связанным с криминальным банкротством, с указанием необходимых для расчета коэффициентов (с формулами, нормативными значениями и примерами), а также с перечнем документов, необходимых для проведения исследования.

Проверку наличия признаков криминальных банкротств следует проводить в несколько этапов: первоначальный, основной и заключительный. Основной этап должен содержать коэффициентный анализ, анализ сделок должника и факторный анализ (при постановке соответствующего вопроса).

Первоначальный этап. Специалист-ревизор, эксперт (далее — специалист) анализируют предоставленные документы; ознакомливаются

с основанием для назначения исследования; оценивают вопросы, содержащиеся в рапорте (поручении) или постановлении; определяют достаточность данных, подлежащих исследованию, корректность вопросов; выбирают методику исследования.

При проведении исследования необходимо изучить:

- учредительные документы должника (например, выписку из ЕГРЮЛ);

- его бухгалтерскую отчетность и приложения (не менее чем за два года, предшествующих признанию должника банкротом, или за период, подлежащий исследованию);

- заключение о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства арбитражного управляющего;

- определения, решения Арбитражного суда субъекта Российской Федерации о признании должника банкротом, о признании сделок недействительными;

- правоустанавливающие документы (договор купли-продажи, долевого участия, дарения);

- сведения о движении денежных средств по расчетным счетам (выписки банка по расчетным счетам организации);

- справку о задолженности перед бюджетами всех уровней и внебюджетными фондами;

- документы, свидетельствующие о кредитных обязательствах и займах, и др.

В распоряжении важно также иметь электронные базы данных программных продуктов, предназначенных для ведения бухгалтерского учета (например, 1С: Бухгалтерия). С их помощью можно оперативно провести все необходимые выборки по интересующим операциям и подтвердить факт отражения в бухгалтерском учете спорных сделок.

При отсутствии указанных документальных источников следует сообщить об этом инициатору исследования, указав на последствия влияния непроверенных либо документально неподтвержденных данных на оценку финансового состояния организации-должника и установление причинно-следственных связей между анализируемыми сделками и изменением показателей платежеспособности.

Основу методики, применяемой специалистом при разрешении поставленных перед ним вопросов относительно проверки наличия признаков криминального банкротства организации-должника, составляют приемы финансового анализа.

При этом целесообразно рассчитать ключевые показатели, рекомендованные арбитражным

управляющим [4] для проверки достоверности сведений, содержащихся в заключении арбитражного управляющего, на основании которого организацию (должника) признали несостоятельным (банкротом), а также показатель, содержащийся в методике, представленной ГУЭБиПК МВД России [1], — коэффициент срочной (быстрой) ликвидности, поскольку он содержит дополнительную информацию о финансовых активах, находящихся у должника, и позволяет определить возможность исполнения обязательств за счет ликвидных активов.

Расчет только коэффициентов платежеспособности не является достаточным для определения признаков криминальных банкротств, поскольку финансово-хозяйственная деятельность организаций может быть разнообразной, в зависимости от сферы деятельности, сезонности ее платежеспособность отлична, также активы компании могут находиться в обороте для получения большего дохода.

В этой связи в целях выявления признаков криминального банкротства после коэффициентного анализа необходимо провести анализ сделок должника, что в последующем поможет в формировании выводов о наличии (отсутствии) признаков криминальных банкротств. На основании этого проводится факторный анализ, предполагающий установление связи между исследуемой операцией и изменением показателей платежеспособности.

Примеры вопросов, поставленных для проведения исследования.

- Какова динамика коэффициентов, характеризующих платежеспособность ООО «М» за три года (не менее двух лет), предшествующих процедуре банкротства?

- Какие сомнительные сделки совершены руководством ООО «М» за три года, предшествующих введению процедуры банкротства организации?

- Как на платежеспособность ООО «М» повлияла финансовая операция выдача беспроцентного займа Б.?

Основной этап. В описательной части указываются вопросы для проведения исследования, полностью соответствующие документу, на основании которого проводится исследование (рапорт оперативного сотрудника, поручение следователя о проведении документального исследования, постановление о назначении финансово-аналитической экспертизы).

Последовательно специалист отвечает на поставленные вопросы, ссылаясь на документы, представленные на исследование.

Таблица 1

Наименование показателя	Период		
	На 31.12.2020	На 31.12.2021	На 31.12.2022
Наиболее ликвидные оборотные активы	159 000	217 000	0
Быстро-реализуемые активы	3 474 000	16 262 000	0
Ликвидные активы	439 000	6 142 000	15 016 000
Скорректированные внеоборотные активы	0	35 263 000	0
Текущие обязательства должника	78 000	49 493 000	16 137 000
Обязательства должника	5 334 000	55 100 000	16 137 000
Средне-месячная выручка	41 666	1 833 333	2 125 000

Для ответа на вопрос: «Какова динамика коэффициентов, характеризующих платежеспособность ООО «М» за три года, предшествующих процедуре банкротства?», достаточно определить платежеспособность организации и ликвидность ее баланса.

Коэффициентный анализ следует проводить следующим образом: необходимо рассчитать коэффициенты абсолютной, быстрой (срочной) текущей ликвидности, показатель обеспеченности обязательств должника его активами и степень платежеспособности по текущим обязательствам.

Для расчета коэффициентов необходимы следующие показатели:

- наиболее ликвидные оборотные активы (НЛА);
- быстро реализуемые активы (БРА);
- ликвидные активы (ЛА);
- скорректированные внеоборотные активы (СВА);
- текущие обязательства должника (ТОД);
- обязательства должника (ОД);
- среднемесячная выручка (СВ);
- денежные средства, краткосрочные финансовые вложения (ценные бумаги);
- краткосрочная дебиторская задолженность и стоимость запасов;
- сумма НЛА, краткосрочной дебиторской задолженности, прочих оборотных активов;
- сумма стоимости нематериальных активов, основных средств, незавершенных капитальных вложений, долгосрочных финансовых вложений, прочих внеоборотных активов;
- сумма краткосрочных займов и кредитов, кредиторской задолженности и прочих краткосрочных обязательств;
- сумма текущих обязательств и долгосрочных обязательств должника;
- отношение величины валовой выручки к количеству месяцев в периоде.

Приведен бухгалтерский баланс и отчет о финансовых результатах ООО «М» за период с 31 декабря 2020 года по 31 декабря 2022 года (см. табл. 1).

Набор коэффициентов и их нормативные значения законодательно не закреплены, в этой связи предлагаем использовать представленные ниже сведения: наименование показателя, формулу расчета и нормативное значение. В соответствии с данными, представленными в бухгалтерском балансе и отчете о финансовых результатах, были сформированы необходимые показатели, на основе которых получены результаты за три года (см. табл. 2).

Полученные результаты свидетельствуют о неплатежеспособности организации, поскольку показатели не соответствуют нормативным значениям, что указывает на тот факт, что ООО «М» не обладало достаточными активами для своевременного погашения задолженности. Платежеспособность существенно ухудшилась с 2021 года.

Полученные результаты свидетельствуют о неплатежеспособности организации, поскольку показатели не соответствуют нормативным значениям, что указывает на тот факт, что ООО «М» не обладало достаточными активами для своевременного погашения задолженности. Платежеспособность существенно ухудшилась с 2021 года.

Таблица 2

Наименование показателя	Формула	Нормативное значение	Период		
			31.12.2020	31.12.2021	31.12.2022
Коэффициент абсолютной ликвидности	НЛА / ТОД	Не менее 0,2	2,04	0,00	0,00
Коэффициент текущей ликвидности	ЛА / ТОД	Не менее 2,0	5,63	0,12	0,93
Коэффициент быстрой (срочной) ликвидности	(НЛА + БРА) / ТОД	Не менее 0,8	46,58	0,33	0,00
Показатель обеспеченности обязательств должника его активами	(ЛА + СВА) / ОД	Не менее 1,0	0,08	0,75	0,93
Степень платежеспособности по текущим обязательствам	ТОД / СВ	Не более 3 мес.	1,87	27,0	7,59

Таким образом, необходимо провести анализ сделок должника.

Для ответа на вопрос: «Какие сомнительные сделки совершены руководством ООО «М» за три года, предшествующих введению процедуры банкротства организации?», проводится анализ сделок должника, в ходе которого устанавливается соответствие сделок должника законодательству Российской Федерации, а также выявляются сделки, заключенные или исполненные на условиях, не соответствующих рыночным условиям, послужившие причиной возникновения или увеличения неплатежеспособности и причинившие реальный ущерб должнику в денежной форме [4].

Например, при анализе документации была выявлена подозрительная сделка по внесению недвижимого имущества ООО «М» в уставный капитал ООО «К»: административного здания и земельного участка. Подозрительность сделки заключается в том, что указанное имущество было единственным средством дохода ООО «М», которое на протяжении последних лет фактически вело деятельность по сдаче в аренду офисных помещений, расположенных в указанном административном здании. Других источников дохода у ООО «М» не имелось. У ООО «М» начала увеличиваться кредиторская задолженность, в Арбитражном суде рассматривался иск ООО «С» (кредитор). Руководство ООО «М» понимало, что в скором времени кредиторы в рамках исполнительного

производства могут обратить взыскание на имущество ООО «М», в том числе на земельный участок и расположенное на нем административное здание. В целях вывести указанное имущество, так как с помощью него можно было извлекать доход от сдачи в аренду офисных помещений, руководство ООО «М» решило передать указанное ликвидное имущество безвозмездно в организацию, принадлежащую председателю совета директоров ООО «М» В. В. Ивановой.

Имущество балансовой стоимостью более 6 млн рублей и рыночной стоимостью более 20 млн рублей передано в ООО «К» безвозмездно. После того, как было прекращено право собственности имущества ООО «М» последнее не смогло больше осуществлять деятельность и получать выручку, что привело к тому, что собрание директоров приняло решение о ликвидации ООО «М».

Для ответа на вопрос: «Как на платежеспособность ООО «М» повлияла финансовая операция выдача беспроцентного займа Б.?», необходимо провести факторный анализ. Он заключается в установлении влияния конкретной сделки на платежеспособность организации.

На первом этапе факторного анализа необходимо определить экономическое содержание выделенных следователем (при постановке вопроса может указываться конкретная сделка) или специалистом финансовых и хозяйственных операций и тип их влияния на отчетность,

корреспонденцию счетов, а также дать им количественную оценку. Далее специалисту следует определить влияние операций на строки предоставленной бухгалтерской отчетности должника, участвующие в расчете коэффициентов платежеспособности (определяются итоговые суммы изменения строк отчетности, а также их направление — увеличение или уменьшение).

Следующим этапом является корректировка показателей предоставленной бухгалтерской отчетности должника с учетом влияния операций (необходимо установить изменение строки в бухгалтерском балансе при отсутствии исследуемой операции в учете должника). После чего осуществляется расчет значений коэффициентов согласно данным скорректированной бухгалтерской отчетности.

Таким образом, специалист располагает данными предоставленной бухгалтерской отчетности, скорректированной бухгалтерской отчетности, значениями коэффициентов предоставленной и скорректированной отчетности. Далее необходимо установить изменения, которые произошли под влиянием исследуемой сделки. Изменение определяется разницей

между скорректированными показателями и данными предоставленной отчетности.

Полученное изменение может содержать как снижение, так и повышение коэффициентов под влиянием изучаемых операций.

Например, представлен бухгалтерский баланс ООО «М» за период с 31 декабря 2020 года по 31 декабря 2022 года (в рублях). Исходная бухгалтерская отчетность и исходные значения коэффициентов представлены.

Определением Арбитражного суда Нижегородской области недействительной сделкой признано перечисление ООО «М» денежных средств в пользу Б. в общей сумме 700 тыс. рублей (выдача беспроцентного займа в 2020 году). Таким образом, если бы данная операция не была осуществлена, то произошли бы следующие изменения оборотных активов: денежные средства (увеличение) и дебиторская задолженность (уменьшение).

С учетом корректировки бухгалтерской отчетности показатели, необходимые для расчета коэффициентов, будут выглядеть следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Наименование показателя	31.12.2020	Скорректированные показатели	Изменение
Наиболее ликвидные оборотные активы	159 000 (ДС 3 000 + ФВ 156 000)	859 000 (ДС 700 000 + ФВ 156 000)	+700 000
Быстрореализуемые активы	3 474 000 (ДЗ 277 000 + ЗЗ 3 197 000)	2 774 000 (ДЗ - 423 000 + ЗЗ 3 197 000)	-700 000
Ликвидные активы	439 000	439 000	—
Скорректированные внеоборотные активы	0	0	—
Текущие обязательства должника	78 000	78 000	—
Обязательства должника	5 334 000	5 334 000	—
Среднемесячная выручка	41 666	41 666	—

Таким образом, представляется возможным рассчитать коэффициенты платежеспособности с корректировкой бухгалтерской отчетности (см. табл. 4). Вывод: значение коэффициента абсолютной ликвидности равняется 11,01, что свидетельствует о том, что ООО «М» является

платежеспособной организацией и может погасить краткосрочные обязательства за счет наиболее ликвидных активов (денежных средств и финансовых вложений). В этой связи операция по выдаче займа существенно ухудшила финансовое состояние организации в 2020 году.

Таблица 4

Наименование показателя	Период		
	31.12.2020	Скорректированные показатели	Изменения
коэффициент абсолютной ликвидности	2,04	11,01	8,97
коэффициент быстрой (срочной) ликвидности	46,58	46,58	—
коэффициент текущей ликвидности	5,63	5,63	—
показатель обеспеченности обязательств должника его активами	0,08	0,08	—
степень платежеспособности по текущим обязательствам	1,87	1,87	—

Итоговая часть. По результатам исследования специалист формулирует итоговые выводы в форме лаконичного ответа на поставленные вопросы. В основной части исследования содержатся промежуточные выводы по схеме «вопрос – ответ». В итоговой части специалист аккумулирует полученную в ходе исследования информацию и по результатам проверки на наличие признаков криминального банкротства делает следующие выводы:

- о наличии признаков криминальных банкротств [5];
- отсутствии признаков криминальных банкротств;
- невозможности проведения проверки в связи с отсутствием необходимых документов для ее проведения.

Например, совершение в преддверии признания ООО «М» банкротом сделки по безвозмездной передаче в качестве вклада в уставный капитал аффилированного юридического лица ООО «К» недвижимого имущества, без которого невозможна основная деятельность должника, может свидетельствовать о наличии признаков преднамеренного банкротства.

Таким образом, использование специальных экономических знаний способствует эффективному раскрытию и расследованию криминальных банкротств. Приведенные методические рекомендации по проверке наличия (отсутствия) признаков криминальных банкротств у юридических лиц позволят более полно установить фактические данные и достичь целей оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования, и могут быть использованы в практической деятельности специалистов-реvizоров подразделений ЭБиПК и экспертов.

Список источников

1. Методика проведения документальных исследований по материалам оперативно-розыскной деятельности в разрезе классификационных критериев по преступлениям экономической направленности / И. В. Бандорина [и др.]. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 144 с.
2. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: в 2 ч. Ч. II / под ред. А. Ю. Семенова; общ. ред. В. В. Мартынова. Москва: ЭКЦ МВД России, 2012. 800 с.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.2023).
4. Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 855. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.10.2023).
5. Красненкова А. В. Особенности криминалистической характеристики преднамеренного банкротства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 178–183.

References

1. Methodology for conducting documentary research based on materials from operational investigative activities in the context of classification criteria for economic crimes. Bendorina I. V. [and other]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2018. 144 p. (In Russ.)
2. Standard expert methods for examining material evidence. Part II / ed. by A. Yu. Semenov. General ed. by V. V. Martynov. Moscow: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2012. 800 p. (In Russ.)

3. On operational investigative activities: federal law no. 144-FZ of August 12, 1995. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 27.09.2023). (In Russ.)

4. On approval of the Temporary Rules for checking by an arbitration manager for signs of fictitious and deliberate bankruptcy: decree of the Government of the Russian Federation no. 855 of December 27, 2004.

Access from the reference legal system ConsultantPlus (accessed 19.10.2023). (In Russ.)

5. Krasnenkova A. V. Features of the forensic characteristics of deliberate bankruptcy. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4 (56), pp. 178–183. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-156-160>**Критика формальной теории оценки доказательств в уголовном процессе:
пять главных упреков****Кузнецов Максим Сергеевич**

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maks199914@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен критики формальной теории оценки доказательств в до-революционной, советской и современной юридической доктрине, проявляющийся в содержании работ отдельных исследователей. Цель научной статьи заключается в исследовании и реабилитации действительной сущности рассматриваемой теории вопреки устоявшимся идеологическим шаблонам в отношении отрицания ее состоятельности. Для разрешения заданной цели проведен анализ различных доктринальных источников и сравнительных подходов к оценке доказательств, существующих в выделенных этапах. Исследователь констатирует, что, несмотря на главенство принципа свободной оценки доказательств, закрепленного в статье 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, возможно заметить нормы, относящиеся нас к формальной теории оценки доказательств. Автором предпринята попытка рассмотрения процессуальной технологии доказательственной теории в контексте реабилитации ее процессуальных институтов. Предлагается общая классификация научной аргументации критики, обращенной к отдельным положениям формальной теории оценки доказательств. В качестве выводов автор обосновывает свою позицию и предлагает нейтрально рассматривать альтернативные подходы к оценке доказательств, появившиеся ввиду необходимости совершенствования уголовного процесса в эпоху революционных преобразований.

Ключевые слова: формальная теория оценки доказательств, уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, критика, доказательственная теория

Для цитирования: Кузнецов М. С. Критика формальной теории оценки доказательств в уголовном процессе: пять главных упреков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 156–160. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-156-160>.

Original article

**Criticism of the formal theory of evidence assessment in criminal proceedings:
five main reproaches****Maxim S. Kuznetsov**

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maks199914@yandex.ru

© Кузнецов М. С., 2024

Abstract. The article analyzes the phenomenon of criticism of the formal theory of evaluating evidence in pre-revolutionary, Soviet and modern legal doctrine, manifested in the content of the works of individual researchers. The purpose of the scientific article is designated by the author as research and rehabilitation of the actual essence of the theory under consideration, contrary to established ideological patterns regarding the denial of its validity. To resolve the given goal, an analysis of various doctrinal sources and comparative approaches to assessing the evidence existing in the selected stages was carried out. The researcher states that, despite the primacy of the principle of free assessment of evidence enshrined in Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in our legislation, it is possible to notice norms that relate us to the procedural technology of the formal theory of evidence assessment. The author has made an attempt to consider the procedural technology of evidentiary theory in the context of the rehabilitation of its procedural institutions. A general classification of the scientific argumentation of criticism addressed to individual provisions of the formal theory of evidence assessment is proposed. As conclusions, the author substantiates his position and proposes to neutrally consider alternative approaches to evaluating evidence that have emerged in view of the need to improve the criminal process in the era of revolutionary changes.

Keywords: formal theory of evidence assessment, criminal process, criminal procedure legislation, criticism, evidentiary theory

For citation: Kuznetsov M. S. Criticism of the formal theory of evidence assessment in criminal proceedings: five main reproaches. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 156–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-156-160>.

Как известно, под формой уголовного процесса принято понимать совокупность характеристик и черт, которые образуют понятие, назначение и сущность уголовного судопроизводства в конкретный этап времени. Рассматривая розыскной (инквизиционный) процесс на основе исследований ученых дореволюционного, советского и современного периода, кроме традиционных признаков в виде выдвижения на первый план публичного начала уголовного преследования, тайности и письменности судебного разбирательства, нередко можно заметить еще и появление дополнительного признака в качестве «провальной» формальной теории оценки доказательств.

Несмотря на сам этимологический смысл слова «теория», который заключается в совокупности идей, принципов, обобщающих практический опыт и отражающий закономерности развития общества и мышления в конкретную эпоху, в нашей юридической доктрине теорию формальной оценки доказательств во главе с одноименным принципом противопоставляют свободной оценке доказательств. Как правило, сравнение направлено на прямую констатацию отличия без соответствующей опоры на технологию каждой из доказательственных теорий.

Автор допускает, что немало подобных акцентов зависит от исследовательского подхода к изложению сути учения. Но подобная характеристика в отношении формальной теории оценки доказательств переходит уже в некий разряд доктринальной обыденности. Историческое развитие уголовного процесса хорошо знает альтернативные проблемы критики и

отрицания, возникающие даже в правовом поле из-за революционного обострения.

Признавая, что одним из критериев эмпирического характера системы или теории выступает ее принципиальная опровержимость (фальсифицируемость) [1, с. 78–79], юридическая доктрина не может отступить от сформировавшихся идеологических установок в отношении критики отдельных институтов или теорий в учении о доказательствах и доказывании. Данное положение полностью распространяется на теорию формальной оценки доказательств.

Представляется, что для опровержения принципа данной доказательственной теории в виде опоры на заранее установленную силу доказательств доктрина уголовного процесса так и не выработала весомых аргументов, выразившихся в фундаментальных научных трудах. Полемика исследователей в основе своей была направлена на изобличение отдельных процессуальных институтов формальной теории оценки доказательств, содержание и форма которых полностью соответствовали развитию юридической техники в рассматриваемую эпоху.

По большому счету аргументация дореволюционных и советских авторов носила идеологический и неоднозначный характер, выдвигала на арену правосудия внутреннее убеждение суда как главное мерило истинности судебного решения.

Так, А. Ф. Кони следующим образом высказывался в отношении формальной теории оценки доказательств: «Сознание того, что самым тщательным образом произведенное следствие выцветет и утратит свои живые краски в тисках

формальных доказательств, которыми исключительно жил и мыслил старый суд — уничтожало интерес деятельности следователя...» [2, с. 276–277]. Рассматриваемая доказательственная парадигма, составляя уникальную процессуальную технологию доказывания, выносила мыслительную деятельность правоприменителя на теоретические задворки, оставляла для нее место только в части применения «высшей судебной математики».

Отметим, что такую категорию, как «оценка», и по отношению к уголовному судопроизводству можно рассмотреть в качестве процедуры измерения или установления качества предмета или явления путем выработки определенных качественных или количественных юридических критериев. Данная интерпретация не знакома действующему уголовному судопроизводству, но она лежит в природе сущности человеческого познания. Именно в ключе данной формулы, построенной на математических основаниях, и была основана теория формальной оценки доказательств.

Несмотря на это, теория была принята забвению непреложной волей законодателя, вводившей в судопроизводство принцип свободной оценки доказательств, не соотносившейся идеологически с системой формальных доказательств. Законодатель, ориентируясь на опыт европейских стран, оставил лишь малое из того, что привнесла нам формальная теория оценки доказательств.

Подвергнувшись критике по ряду причин, рассматриваемая теория не перестала полностью существовать после Судебной реформы 1864 года. Отдельные ее нормативные положения, прошедшие через рецепцию уголовно-процессуальных норм, можно встретить и в действующем уголовном процессе.

Развивая предыдущий тезис, отметим, что принцип свободной оценки доказательств, ориентируясь к досудебным стадиям уголовного процесса в нашем законодательстве, — это более теоретическая конструкция или императив, чем законодательная практическая функция.

Так, на стадии предварительного расследования буквально различимы признаки репатриации к формальной теории оценки доказательств, если мы говорим о доказательственной теории, а именно узнаваемы в виде строгого соблюдения юридической формы, общих правил проведения следственных действий, иных формально обязательных требований уголовно-процессуального закона.

Ориентируясь на такое свойство доказательств, как допустимость, формальные требования уголовно-процессуального законодательства закладывают правило, что доказательство должно быть получено законным субъектом, законным способом и из законных источников. В контексте негативной формальной теории оценки доказательств данные правила также занимали одни из ведущих положений.

В данном отношении выделим критическую позицию Л. Е. Владимирова: «В настоящее время осознано, что формальная теория доказательств как положительная, так и отрицательная, не только не достигает своей цели, но прямо ей противодействует...» [3, с. 54–55]. При всем одностороннем характере рассматриваемой теории более пяти столетий уголовный процесс базировался на заранее установленную юридическую силу доказательств и все же достигал целей уголовного судопроизводства, заложенного в его основу.

По мнению автора, формальная доказательственная парадигма вряд ли нашла объективную и обстоятельную характеристику в дореволюционной, советской и постсоветской юридической доктрине, а именно была выброшена на теоретические задворки не с момента эмпирического установления наукой ее несостоятельности, а с момента законодательного ostracism.

Тем не менее ряд исследователей выделяли одним из недостатков рассматриваемой теории возможность преступного элемента манипулировать своим поведением при отсутствии доказательств в связи с жесткой градацией доказательств по их доказательственному значению.

Интересно мнение ученого Н. А. Терновского по данному вопросу: «Многолетний, вековой опыт указывает, что теория формальных доказательств, ложная в принципе, далеко не обеспечивает интересов правосудия на практике. Весьма часто она вела к безнаказанности преступлений...» [4, с. 47].

Идейно представленный тезис развивал и ученый И. Я. Фойницкий: «Вынужденный руководствоваться такими искусственными основаниями, суд оказывался в наиболее тягостном положении при так называемой положительной формальной теории, обязывавшей его постановлять обвинительные приговоры при отсутствии убеждения в виновности подсудимого и даже при убеждении в его невиновности...» [5, с. 186–187].

Кроме указанных авторов, в качестве принципиальных апологетов формальной теории

оценки доказательств выступали А. Я. Вышинский [6, с. 62–63], А. Ф. Кони [7, с. 640] и среди их условных оппонентов, которые данную идею отрицают, но не конкретизируют, — В. Д. Спасович [8, с. 91] и В. К. Случевский [9, с. 137–138].

Рассматривая проявление критики на постсоветском или современном этапе, отмечаем некий спад идеологического осуждения формальной теории оценки доказательств, переходящий в стадию забвения.

Отдельные исследователи не перестают заявлять о присутствии данной теории и на современном этапе развития уголовного процесса. Так, Ю. Е. Сибилева заявляет: «Преюдиция — это современное воплощение теории формальной оценки доказательств» [10, с. 198].

Исследователь О. А. Теплякова в своей работе отмечает: «Представляется возможным избавиться от рудиментов формальной теории доказательств, закрепив в УПК РФ доказывание с помощью метода запрета, когда разрешено все, что не запрещено законом» [11, с. 76].

На уровне диссертационного исследования П. В. Козловский заявляет: «Наличие различных процессуальных форм, в рамках которых в ходе эволюции случайным образом произошло распределение сведений, в сочетании со строгими правилами признания доказательств недопустимыми обозначает признаки угрозы возврата к теории формального доказывания» [12, с. 105–106].

Однако нельзя сказать, что это общее мнение юридической доктрины. А. В. Смирнов в своей монографии [13, с. 236], посвященной формальным средствам доказывания в уголовном праве и процессе, не выделяет подобного негативного правопреемства норм формальной теории оценки доказательств.

Анализируя своего рода «антогонистические взгляды» представителей дореволюционного, советского и современного периодов, отчасти приведенные в данной работе, выделим общие положения критики формальной теории оценки доказательств:

1. Применение пытки как средства формирования доказательств.
2. Заранее установленная законодателем юридическая сила доказательств.
3. Отсутствие «векового человеческого опыта» в нормативном содержании формальной теории оценки доказательств.
4. Выражение через юридические инструменты теории монополии государства на властное принуждение.
5. Классовый характер норм, посвященных оценке доказательств.

На основе выделенной общей аргументации приходим к выводу, что выбранная опора на систему формальных доказательств в дореволюционном уголовном судопроизводстве полностью соответствовала достижениям юридической техники в рассматриваемый этап развития отечественного уголовного процесса. Почти шестисотлетнее главенство данной доказательственной теории привело к тому, что средства доказывания в своем юридическом развитии достигли своего логического предела. Тем самым восхождение на арену правосудия внутреннего судейского убеждения в рамках Судебной реформы 1864 года не было стихийным.

Негативное отношение именно к теории появилось не столько ввиду проблем в правоприменительной практике, вызванных ее недостатками, сколько следствием смены идеологии и необходимости введения более мобильного уголовного судопроизводства. Бесспорно, опора суда на заранее установленную силу доказательств не осуществляла необходимую «гибкость» уголовного процесса, порождая возможность манипуляции преступного элемента. Процессуальная технология формальной теории оценки доказательств не должна подвергаться критике в связи с особым подходом к процессу доказывания, вызванным изменением позиции законодателя в отношении эволюции принципов уголовного процесса.

Список источников

1. Поппер К. Логика научного исследования / под общ. ред. В. Н. Садовского. Москва: Республика, 2005. 447 с.
2. Кони А. Ф. За последние годы. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1898. 745 с.
3. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и Особенная. 3-е изд., изм. и законч. Санкт-Петербург: изд-во кн. маг. «Законоведени», 1910. 440 с.
4. Терновский Н. А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. Тула: типография В. Н. Соколова, 1901. 208 с.
5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II / под ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: изд-во Альфа, 1996. 606 с.
6. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 220 с.
7. Кони А. Ф. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. 640 с.

8. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. Москва: ЛексЭст, 2001. 93 с.

9. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство—судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. 684 с.

10. Сибилева Ю. Е. Актуальные проблемы преюдиции в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 20. С. 197–200.

11. Теплякова О. А. Особенности и проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2020. № 3. С. 71–76.

12. Козловский П. В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. 224 с.

13. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография. Москва: НОРМА: ИНФРА–М, 2023. 240 с.

References

1. Popper K. Logic of scientific research / gen. ed. by V. N. Sadovsky. Moscow: Republic Publ., 2005. 447 p. (In Russ.)

2. Koni A. F. In recent years. 2nd ed., rev. and exp. St. Petersburg: Printing house A. S. Suvorina, 1898. 745 p. (In Russ.)

3. Vladimirov L. E. The doctrine of criminal evidence. Parts: General and Special. 3rd ed., rev. and exp. St. Petersburg: "Jurisprudence" Publ., 1910. 440 p. (In Russ.)

4. Ternovsky N. A. Legal grounds for judging the strength of evidence and thoughts from the speeches of the Presiding Judge in criminal cases. A manual for

legal practitioners and jurors. Tula: Printing house of V. N. Sokolova, 1901. 208 p. (In Russ.)

5. Foinitsky I. Ya. Course in criminal proceedings. Vol. II / ed. by A. V. Smirnova. St. Petersburg: Alfa Publ., 1996. 606 p. (In Russ.)

6. Vyshinsky A. Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. Moscow: Commissariat of Justice of the USSR Publ., 1941. 220 p. (In Russ.)

7. Koni A. F. Selected works and speeches / comp. I. V. Potapchuk. Tula: Autograph Publ., 2000. 640 p. (In Russ.)

8. Spasovich V. D. On the theory of forensic-criminal evidence in connection with the judicial system and legal proceedings. Moscow: LexEst Publ., 2001. 93 p. (In Russ.)

9. Sluchevsky V. K. Textbook of Russian criminal procedure. Judicial system-legal proceedings. 4th ed., rev. and add. St. Petersburg: Printing house M. M. Stasyulevich, 1913. 684 p. (In Russ.)

10. Sibileva Yu. E. Current problems of prejudice in criminal proceedings. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 20, pp. 197–200. (In Russ.)

11. Teplyakova O. A. Features and problems of use in proving the results of operational investigative activities. *Journal of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2. Legal sciences*, 2020, no. 3, pp. 71–76. (In Russ.)

12. Kozlovsky P. V. Types of evidence in criminal proceedings: evolution, regulation, correlation Dissertation... candidate of legal sciences. Omsk, 2013. 224 p. (In Russ.)

13. Smirnov A. V. Formal means of proof in criminal law and process: monograph. Moscow: NORM: INFRA–M Publ., 2023. 240 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-161-166>

Мошенничество в уголовно-правовом исследовании

Кузнецова Мария Дмитриевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, mari.kuz2712@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматриваются проблемные вопросы противодействия мошенничеству в уголовно-правовых исследованиях. Анализируя работу С. Я. Бойко, автор обращает особое внимание на понятие собственности как одного из определяющих факторов существования и развития общества. Проведенная оценка работы С. Я. Бойко позволила прийти к выводу, что им был использован комплекс методологических приемов, позволивших ему не просто создать прочную научную основу решения возникающих проблем, но и получить материализованный продукт в виде сформулированных предложений по совершенствованию законотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, преступления против собственности, мошенничество, уголовно-правовые проблемы

Для цитирования: Кузнецова М. Д. Мошенничество в уголовно-правовом исследовании // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 161–166. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-161-166>.

Original article

Fraud in criminal legal research

Maria D. Kuznetsova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, mari.kuz2712@mail.ru

Abstract. This article discusses problematic issues of combating fraud in criminal legal research. Analyzing the work of S.Ya. Boyko, the author pays special attention to the concept of property as one of the determining factors in the existence and development of society. An assessment of the work of S. Ya. Boyko, allowed him to come to the conclusion that he used a set of methodological techniques that allowed him not only to create a solid scientific basis for solving emerging problems, but also to obtain a materialized product in the form of formulated proposals for improving legislative and law enforcement activities.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, crimes against property, fraud, criminal legal problems

For citation: Kuznetsova M. D. Fraud in criminal legal research. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 161–166. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-161-166>.

© Кузнецова М. Д., 2024

Современный период развития общества характеризуется коренными изменениями всех сфер общественного бытия. Не осталась без внимания и экономика, ее реальное состояние и перспективы развития, которые приобрели особую актуальность и значимость [1, с. 22]. Однако, как оказалось в реальной действительности, экономика Российской Федерации как один из важнейших социальных институтов общества в условиях рыночных отношений функционирует неэффективно. В большинстве случаев она в силу объективных и субъективных причин не соответствует реальным потребностям и запросам общества. Процессы, происходящие в сфере экономики, не остаются без внимания научной общественности, она становится объектом исследования социально-гуманитарных наук, в том числе и уголовно-правовой науки. Подтверждением этому может служить то, что за последнее время активизировались научные исследования в данной сфере общественных отношений: экономика стала обсуждаться на различных научных форумах, ей посвящены многочисленные научные сочинения, где раскрывались теоретико-практические проблемы, подчеркивались ее роль и значение, влияние на процессы, происходящие в обществе, отмечалась важность регулирования правом вообще, в том числе и уголовным правом.

24 мая 1996 года законодатель принял Уголовный кодекс Российской Федерации, в Особенной части выделил раздел VIII «Преступления в сфере экономики» и включил в него три главы [2].

Выделенная триада объектов уголовно-правовой охраны и ее размещения на втором месте в системе Особенной части говорит о значимости правоохраняемых объектов. В конкретизируемом виде в качестве родового объекта указанной группы преступлений следует признавать общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование экономики Российской Федерации. В сформулированной системе преступлений в сфере экономики структурно выделены *преступления против собственности*, их содержанием служат экономические акты по владению, пользованию и распоряжению материальными благами и оказанию услуг.

Такой подход к уголовно-правовой охране отношений собственности не случаен. По господствующему мнению, собственность является основой рыночных отношений, требующих специальной правовой регуляции. Подтверждением этому может служить то, что в ст. 8 Конституции Российской Федерации сформулированы

значимые юридические положения, позволяющие государству признать равную защиту частной, государственной, муниципальной и иной формы собственности [3]. Провозглашая равенство всех форм собственности, Основной закон императивно запрещает устанавливать какие-либо запреты или ограничения, предоставлять преимущество для тех или иных форм экономических отношений, выступает гарантом стабильности отношений собственности, обеспечивает устойчивое развитие складывающихся в государстве социально-экономических и политико-правовых отношений, их динамичность и нацеленность на достижение конечного позитивного результата.

Решение указанных в Конституции Российской Федерации возникающих проблем возможно только при условии правильного применения положений уголовного законодательства. Отметим, что принятые законодателем определенные уголовно-правовые меры реагирования не в полной мере решили вопросы в сфере уголовно-правовой охраны собственности. Свидетельством этому могут служить, во-первых, допущенные юридико-технические ошибки в конструировании предписаний позитивного законодательства, затрудняющие применение положений уголовного закона; во-вторых, принимаемые нормативные правовые акты не отличаются глубокой криминологической обоснованностью, отсутствием научно-практической аргументации без учета реальной обстановки, четкого предвидения негативных последствий, что в конечном счете влияет на правоприменительную деятельность, ослабляет превентивную силу уголовно-правовых запретов.

Объяснимым и оправданным видится выход в издательстве «Юрлитинформ» в 2019 году под редакцией профессора А. П. Кузнецова монографии С. Я. Бойко на тему «Уголовная ответственность за мошенничество: теоретико-прикладное исследование» [4]. В представленном научном сочинении на основе логико-философских методов рассматриваются методологические основы уголовно-правового противодействия преступлениям против собственности [5], проводится сравнительно-правовое исследование ответственности за мошенничество в российском и зарубежном уголовном законодательстве, дается критическая оценка российского уголовного законодательства об ответственности за мошенничество, включающая в себя проблемы квалификации мошенничества и ограничения его от смежных составов, а также уголовно-правовые ошибки конструирования и

толкования норм об ответственности за мошенничество.

Монография предназначена для широкого круга читателей: научно-педагогических работников высших учебных и научных заведений, аспирантов, студентов гражданских и ведомственных образовательных организаций, работников правоприменительных органов и судей.

Исследование автором большого количества нормативных правовых актов, а также доктринальных источников в отношении уголовной ответственности за мошенничество показало, что проблема противодействия мошенничеству продолжает оставаться одной из самых приоритетных как в научном, так и практических аспектах.

Сложившаяся ситуация требует проведения полномасштабных уголовно-правовых исследований, позволяющих своевременно и оперативно выявить юридико-технические ошибки в конструировании уголовно-правовых запретов в сфере противодействия мошенничеству, установить механизм и факторы, способствующие их совершению.

Основываясь на изложенном выше, необходимым и востребованным следует признать подготовленную С. Я. Бойко работу, позволяющую создать прочную основу для проведения научных исследований, а также сформулировать комплекс конкретных методологических рекомендаций и таким образом восполнить имеющиеся теоретико-прикладные проблемы.

В представленной монографии особое внимание обращено на изучение уголовно-правовых проблем, связанных с преступными деяниями в отношении собственности, включая мошеннические посягательства, в том числе относительно новые составы специальных видов мошенничеств (ст. 159–159⁶ УК РФ). Включение данной группы преступлений в уголовный закон требует научного изучения в целях разработки новых форм и методов противодействия указанным противоправным деяниям.

Критически оценивая монографическое исследование, необходимо отметить правильное его структурирование, основанное на применении разнообразного методологического инструментария, используемого в науке уголовного права [6], что позволило сформулировать цели, задачи, обеспечить взаимосвязь и взаимообусловленность, логическое построение глав и параграфов.

Во введении работы в концентрированной форме изложены ее актуальность, степень научной разработанности, определен объект и

предмет исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методологическая, правовая и эмпирическая основы.

Глава первая «Методологические основы уголовно-правового противодействия преступлениям против собственности» включает три параграфа, позволяющих, во-первых, дать научную характеристику социально-экономических и политико-правовых признаков собственности; во-вторых, раскрыть уголовно-правовую природу преступлений против собственности; в-третьих, установить негативные парадигмы конструирования норм об ответственности за преступления против собственности.

Примененный комплекс методологических приемов позволил не просто создать прочную научную основу решения возникающих проблем, но и получить материализованный продукт в виде сформулированных предложений по совершенствованию законотворческой и правоприменительной деятельности.

С. Я. Бойко обращает обоснованное внимание на тот факт, что в современной гуманитарной науке исследователи так и не пришли к единообразному пониманию содержания и сущности явления собственности, поэтому оправдано познание и последовательное раскрытие им различных аспектов данной категории (социальный, экономический, правовой).

В обсуждаемой части работы также уделяется внимание такому понятию, как хищение. Оно составляет предмет активной научной дискуссии начиная со второй половины XIX века. Несмотря на сотни работ, ему посвященных, по-прежнему выявляются проблемы, препятствующие правильной квалификации различных видов хищений. Это связано главным образом с развитием общественно-политических институтов, научно-техническим прогрессом и изменением облика преступности. Автор монографии, учитывая происходящие трансформации и последние законодательные обновления, описывает отдельные признаки упомянутой категории.

В третьем параграфе первой главы указываются технико-юридические изъяны изучаемой группы уголовно-правовых норм и делается справедливый вывод о том, что встречаемые в нормах главы 21 УК РФ логические, языковые, структурные ошибки и неточности непосредственным образом сказываются на правильности их толкования и применения. С. Я. Бойко детализирует эти проблемы, акцентируясь на трудностях правового восприятия ряда криминалообразующих признаков составов преступлений,

признаков субъекта, предмета хищения и отдельных оборотов, сформулированных в примечаниях к статьям.

Содержание второй главы «Сравнительно-правовое исследование ответственности за мошенничество в российском и зарубежном уголовном законодательстве» основывается на применении широко распространенных в уголовно-правовой науке методах: историко-правовом и сравнительно-правовом (компаративистском). Такой подход оправдан и неоднократно апробирован в научных исследованиях, особенно монографического характера. Историко-правовой метод позволяет выявить эволюцию того или иного правового образования, явления, института или нормы и обнаружить внешние факторы, оказывавшие на него влияние (культурные, политические, экономические, идеологические и другие). Многие существующие сегодня проблемы, в том числе в области уголовного права, имеют глубокие исторические предпосылки, непонимание или незнание которых не позволит надлежащим образом изучить современное законодательство и сформулировать эффективные предложения по его совершенствованию.

В данной части работы С. Я. Бойко обнаруживает, что концептуальное восприятие мошенничества как формы хищения, сопряженной с обманом и злоупотреблением доверием, оформилось еще в дореволюционном уголовном законодательстве. С приходом советской власти юридическое содержание мошенничества не претерпело каких-либо серьезных изменений: как декретное законодательство, так и Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов предусматривали уголовную ответственность за рассматриваемое общественно опасное деяние [7–9]. Интересным представляется тезис автора монографии о том, что наказание за мошенничество и определение момента его окончания менялись в зависимости от проводимой социально-экономической политики то в сторону ужесточения и увеличения превентивной роли уголовно-правовых норм, то в сторону смягчения ответственности.

Характеризуя компаративистскую часть работы, отметим прежде роль и значение сравнительно-правового метода. Его применение помогает глубже увидеть проблему, ее масштаб и значение в рамках деятельности всего государства. В этой связи нельзя не согласиться с тезисом профессора А. П. Кузнецова о том, что сравнительно-правовой метод способствует получению новых знаний о существующих

механизмах противодействия преступности за рубежом и расширению тем самым представлений о способах возможного решения той или иной уголовно-правовой проблемы [10, с. 13–15]. Одновременно с этим следует помнить о том, что использование указанного метода должно подчиняться определенным правилам, главенствующее место среди которых занимает правило о системности изучения законодательств стран мира. Это означает, что перечень стран, уголовное законодательство которых подвергается разработке, должен соответствовать выделяемым правовым семьям (системам). С уверенностью можно заявить о том, что С. Я. Бойко в рецензируемой монографии в полной мере учел существующую методiku применения компаративистского метода, поскольку разделил сравнительно-правовую часть работы на два крупных блока: в одном рассмотрел соответствующее законодательство в странах ближнего зарубежья (преимущественно страны-участников — СНГ), в другом — законодательство стран дальнего зарубежья (Англия, США, Германия, Франция). Эта исследовательская процедура позволила выявить общие и отличительные черты в вопросах уголовно-правового противодействия мошенничеству, установить закономерности развития уголовного законодательства в государствах, принадлежащих к разным правовым культурам, придерживающихся разных правовых традиций.

Третья глава «Критическое исследование российского уголовного законодательства об ответственности за мошенничество», основываясь на ранее сформулированных теоретико-методологических и историко-сравнительных знаниях, содержит исследование современного уголовного законодательства об ответственности за различные виды мошенничества.

Данная часть работы отличается междисциплинарностью, поскольку в ней раскрываются криминологические основы уголовной ответственности за мошенничество в постсоветский период, определяются место и роль изучаемой группы посягательств в системе преступлений против собственности, характеризуются проблемы их квалификации и отграничения от смежных составов преступлений, а также выявляются ошибки конструирования и интерпретации криминообразующих признаков.

Криминологическое обоснование уголовной ответственности за мошенничество основывается на объективных экономических, социологических и политологических показателях, свидетельствующих о стремительном возрастании

статистики совершения данных преступлений против собственности (что подтверждается и сегодня, спустя пять лет с момента опубликования монографии).

Последующий научный обзор специальных видов мошенничества (ст. 159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶ УК РФ) позволил получить исчерпывающее представление об их юридическом наполнении, особенностях и критериях разграничения между собой. Последующее за этим исследование правоприменительных ошибок в квалификации мошенничества помогает увидеть возникающие у сотрудников правоохранительных органов трудности в установлении значимых криминообразующих признаков. Ценность данной части работы выражается в том, что тезисы и идеи С. Я. Бойко подкрепляются материалами следственной и судебной практики, решениями судов по конкретным делам, что доказывает потенциальную востребованность доктринальных наработок в реальной юридической деятельности.

Принципиальная позиция автора монографии заключается в критике законодательного закрепления специальных видов мошенничества и обосновании необходимости их исключения из содержания уголовного закона. Принятое государством решение о криминализации частных видов мошенничества предопределило возникновение коллизий, пробелов и неточностей в уяснении и разъяснении их содержания. Этому посвящен заключительный параграф рецензируемого исследования, включивший конкретные авторские предложения по изменению действующего уголовного законодательства.

Не меньший познавательный интерес представляют приложения к работе, в которых в схематичном виде отражены показательные компаративистские и статистические сведения, усиливающие доказательность позиции С. Я. Бойко.

Обращают на себя внимание последовательность, аргументированность и логичность решения научных задач, отличающихся своей оригинальностью и новизной. В совокупности это позволило достичь поставленную в начале цель статьи, а также предложить в систематизированном виде научно-практические рекомендации доктринального и правоприменительного характера, способные найти реальное воплощение в правотворческой, судебной и право-разъяснительной деятельности.

Детально характеризуя более детально научную новизну рассматриваемого научного труда, заметим, что С. Я. Бойко творчески осмыслил

категорию собственности в уголовно-правовом дискурсе, понятие «хищение», основание уголовной ответственности за мошенничество, его виды, закономерности развития уголовно-законодательства в исследуемой области, целесообразность криминализации и степень общественной опасности, технико-юридические проблемы конструирования ряда норм Особенной части (ст. 159–159⁶ УК РФ), типичные ошибки в квалификации мошенничеств и сформулировал конкретные идеи по их минимизации и устранению.

Достоверность полученных результатов подтверждается значительным количеством изученных в процессе проведения исследования научных источников, нормативных правовых актов, материалов судебно-следственной практики, а также лично полученных эмпирических данных.

В заключении автор откровенно утверждает, что он не претендует на исчерпывающее описание всех проблем, связанных с мошенничеством в уголовном праве. Это характеризует высокий уровень его научной культуры, исследовательскую добросовестность, а также показывает глубину и сложность рассмотренной им тема.

Можно с уверенностью заявить о том, что монография С. Я. Бойко «Мошенничество в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование» и по прошествии пяти лет с момента ее издания привлекает внимание всех интересующихся проблемами уголовного права, будь то научно-педагогические работники, студенты, аспиранты или работники правоприменительных органов. Вопросы уголовно-правового противодействия мошенничеству по-прежнему остаются актуальными и острыми, что обусловлено тенденциями развития преступности в последние годы.

Список источников

1. Кузнецов А. П., Степанов М. В. Преступления против собственности. Нижний Новгород, 2019. 82 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2024).
4. Бойко С. Я. Уголовная ответственность за мошенничество: теоретико-прикладное исследование: монография / под ред. А. П. Кузнецова. Москва: Юрлитинформ, 2019. 208 с.

5. Кочои С. М. Преступления против собственности: учебное пособие / отв. ред. А. И. Рарог. Москва: Проспект, 2014. 81 с.

6. Кузнецов А. П. Методологические основы уголовно-правовой науки. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2010. 40 с.

7. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 года: постановление ВЦИК // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1922. № 15, ст. 153.

8. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: постановление ВЦИК // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

9. Уголовный кодекс РСФСР: утвержден ВС РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

10. Кузнецов А. П. Сравнительное уголовное право: монография. Нижний Новгород: Приволжский институт повышения квалификации ФНС России. 2022. 172 с.

References

1. Kuznetsov A. P., Stepanov M. V. Crimes against property. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 82 p. (In Russ.)

2. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996. *Collection of Legislation of the RF*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

3. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.04.2024). (In Russ.)

4. Boyko S. Ya. Criminal liability for fraud: theoretical and applied research: monograph / ed. by A. P. Kuznetsova. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)

5. Crimes against property: textbook / S. M. Kochoi; resp. ed. by A. I. Rarog. Moscow: Prospekt Publ., 2014. 81 p. (In Russ.)

6. Kuznetsov A. P. Methodological foundations of criminal law science: lecture. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Legal Academy, 2010. 40 p. (In Russ.)

7. Criminal Code of the RSFSR of 1922. *Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government*, 1922, no. 15, art. 153. (In Russ.)

8. Criminal Code of the RSFSR of 1926: resolution of the All-Russian Central Executive Committee. *Collection of laws of the RSFSR*, 1926, no. 80, art. 600. (In Russ.)

9. Criminal Code of the RSFSR 1960. Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1960, no. 40, art. 591. (In Russ.)

10. Kuznetsov A. P. Comparative criminal law: monograph. Nizhny Novgorod: Volga Institute for Advanced Studies of the Federal Tax Service of Russia. 2022. 172 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-167-171>

Особенности законодательного закрепления поводов и основания к возбуждению уголовного дела в УПК Республики Таджикистан

Наимов Сиявуш Саидхалимович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, siyovush_naimov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности использования понятий поводов и оснований для возбуждения уголовного дела в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан. Автор пытается найти объяснение специфике словесных конструкций, используемых законодателем. Дается широкое толкование оснований для возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, повод и основание для возбуждения уголовного дела, уголовный процесс Республики Таджикистан

Для цитирования: Наимов С. С. Особенности законодательного закрепления поводов и основания к возбуждению уголовного дела в УПК Республики Таджикистан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 167–171. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-167-171>.

Original article

Features of legislative consolidation of the reasons and grounds for initiating a criminal case in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan

Siyavush S. Naimov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, siyovush_naimov@mail.ru

Abstract. The article reveals the specifics of the use of the concepts of reasons and grounds for initiating a criminal case in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan. The author tries to find an explanation for the specifics of the verbal constructions used by the legislator. A broad interpretation of the grounds for initiating a criminal case is given.

Keywords: initiation of a criminal case, the reason and the basis for the initiation of a criminal case, the criminal process of the Republic of Tajikistan

For citation: Naimov S. S. Features of legislative consolidation of the reasons and grounds for initiating a criminal case in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 167–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-167-171>.

© Наимов С. С., 2024

Важнейшим направлением деятельности всякого государства является уголовное судопроизводство. В системе законных способов противостояния преступности оно занимает ведущее место. Несмотря на единую суть уголовно-процессуального производства и близость его целей, в каждой стране имеются свои процедурные особенности, которые придают национальный колорит процессу и оправдывают правомерность использования термина «отечественный уголовный процесс». Не бывает уголовного процесса как нечто абстрактного и идеального. Уголовный процесс всегда реален, всегда имеет государственную прописку. Как правильно указывает профессор Л. В. Головкин: «Уголовный процесс всегда институционально принадлежит какому-либо государству, создается им, приводится в действие, что, в частности, отражается в традиционной атрибутивной лингвистической конструкции» [1, с. 6], например, «Уголовный процесс Российской Федерации», «Уголовный процесс США», «Уголовный процесс Италии» и т. д.». В этот список по праву может быть включен и «Уголовный процесс Таджикистана».

Национальная специфика уголовного процесса — предмет особого научного изучения [2, с. 10]. Но самое пристальное внимание должно быть уделено особенностям, которые плохо поддаются рациональному объяснению и не вписываются в привычные доктринальные положения. В этом смысле Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) представляет немалый интерес. Так, взор процессуалиста, знакомого с уголовно-процессуальным законодательством России и государств, возникших на постсоветском пространстве, обращает внимание на особенности наименования 17 главы УПК РТ «Повод и основания для возбуждения уголовного дела».

Странность заголовка заключается в непривычных для юридической сферы терминологических нюансах. Традиционно при нормативном закреплении ключевых понятий стадии возбуждения уголовного дела акценты, как правило, расставляются несколько иначе: слово «повод» в заголовках глав и статей уголовно-процессуального закона редко (возможно, вообще впервые) используется в единственном числе. В заголовках глав и статей «поводы» всегда во множественном числе. К примеру, глава 19 УПК Российской Федерации (далее — УПК РФ) называется — «Поводы и основание». Статья 322 УПК Республики Узбекистан (далее — УПК РУ) именуется «Поводы и основания к возбуждению

уголовного дела». Примечательно, что тот же советский УПК Таджикской ССР (ст. 103) склонялся к «поводам и основаниям». А в наименовании главы 17 УПК РТ законодатель вдруг обозначает слово «повод» в единственном числе. Мы неслучайно применили слово «вдруг». Совершенно непонятно, что это: обычная редакционная случайность или же новая юридическая закономерность, которую первым уловил законодатель Таджикистана? Вопрос интересный. Но имеет ли он какой-то практический интерес? Стоит ли на данную особенность обращать внимание?

Последние сомнения уместны, поскольку не всякое слово требует глубокой интерпретации и поиска тайного смысла. Никто, например, не озабочен тем, что термин «основание» в ряду нормативных понятий стадии возбуждения уголовного дела (в тех же заголовках глав и статей) применяется в УПК разных стран как в единственном, так и во множественном числе. Даже примеры УПК России и Узбекистана, которые мы привели выше, наглядно показывают это. И юридическую науку это обстоятельство ни разу не смутило.

Однако отсутствие внимания к проблеме не означает отсутствие проблемы. Думаем, что с «основанием» и «основаниями» тоже нужно разбираться на серьезном научном уровне [3, с. 9]. Язык уголовно-процессуального закона должен быть понятным, непротиворечивым и унифицированным.

Вернемся к заголовку главы 17 УПК РТ. Тот факт, что «повод» там представлен в единственном числе, действительно интересен, и не с позиции филологии, а с сугубо методологической точки зрения. Подчеркнем еще раз, что подобное терминологическое новшество свойственно исключительно постсоветскому УПК РТ, поэтому целесообразно выяснить, означает ли данный «терминологический ход» намеренный шаг законодателя, отражающий проверенный наукой и практикой подход (находка национального законодательства) или же это случайное стечение обстоятельств, а возможно, просто издержки русского перевода текста закона. Впрочем, последнее обстоятельство, несмотря на то, что на него намекают некоторые авторы [4, с. 19], мы отвергаем.

Вопрос о том, есть ли в данном терминологическом нюансе процессуальная целесообразность, для нас показался достойным изучения. Мы решили разобраться: имеется ли здесь скрытое противоречие или же мы имеем дело с открытым несоответствием языка

уголовно-процессуального закона устоявшейся юридической доктрине.

Начнем с понятия «повода». Как мы уже сказали, юридическая наука и практика привыкли к тому, что в заголовках глав и статей термин «поводы» всегда во множественном числе. Это оправданно, поскольку речь в законе идет именно о нескольких поводах. Закон приводит их перечень, раскрывает процедурные особенности.

УПК РФ и других стран СНГ ведут речь о разнообразных поводах, поэтому названия статей маркируют термином «поводы». УПК Таджикской ССР, который действовал до УПК РТ, тоже говорил о поводах во множественном числе. Современный УПК РТ от этой традиции полностью решил не отказываться и после сравнительно недавних изменений в УПК РТ сформулировал заголовок статьи 140 в новой редакции — «Основания и поводы к возбуждению уголовного дела». Прежняя редакция заголовка была короче: «Основания к возбуждению уголовного дела», а содержание заключалось в перечислении поводов.

В этой связи необходимо принимать во внимание не догматический аспект, а нечто другое. Дело в том, что законодатель РТ решил понятия «поводы» и «основания» наполнить несвойственным смыслом. Произошла терминологическая подмена, которую заметили процессуалисты Таджикистана и отметили недопустимость таких перестановок.

Р. Р. Юлдошев и А. Л. Арипов заявили, что в статье 140 УПК РТ произошла подмена понятий «поводы» и «основание» для возбуждения уголовного дела... Основания не могут подменить или заменить поводы для возбуждения уголовного дела, а то и наоборот» [4, с. 20].

«Анализ норм УПК Республики Таджикистан в части, регламентирующей производство в стадии возбуждения уголовного дела, — пишут они, — приводит нас к выводу о том, что работа по подготовке данного закона проводилась в отрыве от современных достижений уголовно-процессуальной науки, основанных, в свою очередь, на настоятельных требованиях правоприменительной практики. Дело в том, что в УПК РТ глава 17 именуется как «Повод и основания к возбуждению уголовного дела». Вместе с тем в УПК РТ отсутствует норма, устанавливающая перечень источников информации, которые это основание образует. В статье 140 УПК Республики Таджикистан предусмотрены только поводы к возбуждению уголовного дела, а сама

статья называется «Основания к возбуждению уголовного дела» [4, с. 20].

«Подобная «недосказанность» в тексте УПК Республики Таджикистан, — продолжают они, — обуславливает смешение в использовании понятий «поводы» и «основания» для возбуждения уголовного дела, что, по нашему мнению, недопустимо. Следовательно, в целях исправления отмеченных недостатков представляется оправданным рекомендовать внести изменения в название главы 17 и, уточнив при этом редакцию статьи 140 УПК Республики Таджикистан, изложив ее в редакции статьи 103 ранее действовавшего УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.), а также дополнив ее новой частью. Точное определение перечня поводов и единственного основания возбуждения уголовного дела в тексте закона может поставить точку в размытии границ расширительного толкования норм-положений статьи 140 УПК Республики Таджикистан» [4, с. 23].

Как видим, законодатель РТ принял эти пожелания юридической науки, но с некоторыми национальными особенностями. В статье было дано понятие «основания», но технически (в структуре статьи) раскрытие этого понятия последовало ранее перечня поводов. Заголовок главы 17 УПК РТ оставлен без изменений. Он так и звучит в своей первоначальной редакции: «Повод и основания для возбуждения уголовного дела».

В связи с этим возникает желание предложить привести текст заголовка статьи в соответствие с содержанием главы и назвать его привычно «поводы и основания». Но, возможно, обойтись и без этого, поскольку нельзя однозначно заключить, что «повод и основания» — это непригодная формулировка. Следует признать, что она просто непривычная. Во всяком случае, практического вреда эта формулировка никому не принесла. УПК РТ применялся и применяется и на практике проблем с возбуждением уголовных дел нет. Для практических работников не столь важно, именуется заявление о преступлении поводом или же его называют основанием для возбуждения уголовного дела. Главное, что закон достаточно четко описывает форму источника информации, который запускает уголовно-процессуальное производство.

Полагаем, что речь в «проблемном» заголовке идет лишь о сути, то есть в формуле «Повод и основания для возбуждения уголовного дела» говорится не столько о том, что анонсируется в соответствующей главе, сколько о том, что должно быть юридическим импульсом,

запускающим уголовное дело. Это в конкретном случае должен быть именно повод и основания как необходимая и достаточная связка, вызывающая юридическую реакцию.

В юридической литературе по поводу термина «основания» тоже есть разночтения. Кто-то говорит, что в одном поводе должно содержаться одно основание; кто-то полагает, что таких оснований должно быть много. Но это опять же, не столь принципиальная позиция [5].

Понятие «основания» не такое простое, как может показаться на первый взгляд. Мы привыкли к тому, что это понятие у нас чисто информационное, поскольку оно формулируется через термин «данные». Это мы видим и в части первой статьи 140 УПК РФ. И в предшествующей «советской» статье было то же самое. Основание — это достаточные данные, указывающие на признаки преступления, либо, как формулируется в современной редакции УПК РФ, указывающие на признаки состава преступления.

Для нас пока не важно, какая формулировка основания ближе к юридической безукоризненности. Главное, что сохраняется концептуальная суть: основание — это есть информация. В свою очередь, термин «информация» тоже обозначает весьма размытое понятие. Этой информацией может быть минимум различных и разрозненных данных, но может быть и юридически оформленная система сведений, которая именно как система и составит понятие основания. Причем, если повод к возбуждению уголовного дела есть нечто уже сформированное до начала уголовного судопроизводства, то основание формируется официальным должностным лицом в процессе приемки повода и проверки, содержащейся в нем информации.

Информация, которая содержится в поводе, сама по себе еще не формирует основания для возбуждения уголовного дела. Эта информация превращается в основание, когда оценивается по всем признакам, присущим доказательствам — относимости, допустимости, законности и так далее. Основание формируется как доказательство. И доказательство наличия признаков преступления и есть основание для возбуждения уголовного дела.

Правда, термин «доказательства» законодателем в стадии возбуждения уголовного дела не употребляется, но, тем не менее, законодатель говорит о чем-то близком. Основанием для возбуждения уголовного дела являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления (состава преступления).

С появлением термина «основания» в нормативном поле появляется связка между стадией возбуждения уголовного дела и законами логики (иногда их называют законами диалектики) [6, с. 41; 7, с. 86]. Среди этих законов есть такой, как «закон достаточного основания». То есть всякое суждение, всякое доказательство должно опираться на некие основания, через которые провозглашается истина. И решение о возбуждении уголовного дела не является исключением. Хотя эта деятельность практическая и юридическая, она, будучи основана на слове и мышлении, в большинстве своем опирается на начала логики. Когда должностное лицо оценивает информацию, сравнивает ее с уголовным кодексом (на предмет юридической оценки) и принимает решение, то возникает это самое достаточное основание уголовного дела. Тут в чистом виде, с некоторыми оговорками, и реализуется логический закон достаточного основания.

Традиционно этот закон определяется как некий принцип, суть которого заключается в простой вещи: всякие осмысленные суждения (не обязательно глубокомысленные), должны быть доказаны, должны опираться на аргументы. Возбуждение уголовного дела, принятие этого решения — это первая стадия доказывания. Тут есть свои средства, свои особенности, необходимые для того, чтобы эти аргументы добыть. Особенность в том, что в данном случае доказывается гипотеза. Выдвигается обоснованная гипотеза, дело возбуждается на основании гипотетического преступления. То есть это предположение, но оно опять же должно быть аргументировано, опираться на данные. В этом есть действие закона достаточного основания, а повод — это как раз средство формализации основания, чтобы основание приобрело определенную форму, в которой оно должно быть закреплено, чтобы иметь юридические последствия. Вот повод — заявление о преступлении, в нем, с одной стороны, провозглашается публичное право каждого гражданина заявить о преступлении, а, с другой — определяются процедурные нюансы формального начала уголовного процесса.

Логический закон достаточного основания, как мы заметим, говорит о достаточном основании (единственное число), а не об основаниях. Но это точно так же как уголовно-процессуальный закон говорит о доказательствах, но результаты всего процесса доказывания можно тоже назвать единым доказательством. Но, очевидно, что это «логическое основание» складыва-

ется из определенных информационных частей, которые в совокупности достигают уровня достаточности для принятия решений. Мы видим, что этот критерий полностью реализуется, если информации достаточно для констатации этого достаточного основания. Если основание есть, то дело возбуждается; если информации не хватает, то принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Но поскольку эта деятельность процессуальная, основание должно приходиться через систему установленных законом источников, которые и называются поводами для возбуждения уголовного дела.

На наш взгляд, в чисто логическом смысле в законном решении о возбуждении дела нет отдельно оснований и нет отдельно поводов. Повод и основание переплетаются друг с другом как форма и содержание. Поэтому можно говорить об их сочетании в тексте закона в разных пропорциях: «повод и основание», «повод и основания», «поводы и основания». В УПК бывших союзных республик мы найдем все варианты словесного обозначения этой пары. Исходя из этого, можно сделать вывод, что словесное обозначение количественной степени поводов и оснований — это вещь, которая не препятствует практической деятельности. Просто УПК Таджикистана решил немножко оригинально подойти к изложению информации. Это нельзя оценить как правильно или неправильно. Это можно пометить словом «непривычно».

Поэтому «национальная» формулировка «повод и основания» ничуть не противоречат природе и сути стадии возбуждения уголовного дела. Ни каким образом не тормозит эту деятельность. Можно, конечно, настаивать на унификации языка уголовно-процессуального закона. Но возникает вопрос: «Что выбрать эталоном?» В принципе, если не считать единством терминологии совпадение терминологии до последней буквы, то в принципиальном ключе эта унификация уже имеется, во всяком случае, в законодательстве стран, отнесенных к семейству советского уголовно-процессуального права. Мы видим одинаковые слова и, главное, одинаковые смыслы. Но пусть такой индивидуальный подход, выражающийся в формуле «повод и основания» и замена местами частей статьи, будет национальной приметой УПК Таджикистана, и приметой не единственной [8].

Список источников

1. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. Москва: изд. дом «Городец», 2022.

2. Куланбаева З. А. Понятие и проблемы системы поводов к возбуждению уголовного дела в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики // Теоретические и практические проблемы развития современной науки: материалы II Международной научно-практической конференции, Махачкала, 26 января 2015 года. Махачкала, 2015. С. 147–153.

3. Елинский И. В. Основание для возбуждения уголовного дела: толкование понятия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2 (8). С. 87–89.

4. Юлдошев Р. Р., Арипов А. Л. Правовое регулирование полномочий суда по возбуждению уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. 2-е изд., испр. и перераб. Душанбе: изд-во «Ирфон», 2017.

5. Кузьменко Е. С. Система поводов к возбуждению уголовного дела: теоретический и прикладной аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.

6. Коридзе М. Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

7. Юлдошев Р. Р. Деятельность суда по возбуждению уголовного дела в Таджикистане: история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 61–68.

References

1. Golovko L. V. The state and its criminal proceedings: monograph. Moscow: "Gorodets" Publ., 2022.

2. Kulanbayeva Z. A. The concept and problems of the system of reasons for initiating a criminal case in the criminal proceedings of the Kyrgyz Republic. Theoretical and practical problems of the development of modern science: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Makhachkala of January 26, 2015. Makhachkala, 2015. Pp. 147–153.

3. Elinsky I. V. The basis for initiating a criminal case: interpretation of the concept. *Crime investigation: problems and solutions*, 2015, no. 2 (8), pp. 87–89.

4. Yuldoshev R. R., Aripov A. L. Legal regulation of the powers of the court to initiate criminal proceedings: problems and prospects: monograph. 2nd ed., ispr. and overwork. Dushanbe: Irfon Publ., 2017.

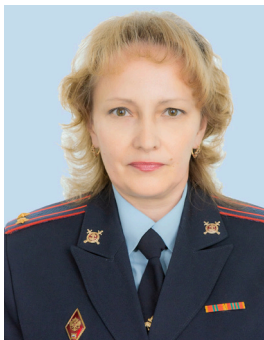
5. Kuzmenko E. S. The system of reasons for initiating a criminal case: theoretical and applied aspects. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2007.

6. Koridze M. T. Modern tasks of the stage of initiation of a criminal case and means of their solution. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2006.

7. Yuldoshev R. R. Activity of the court on initiation of criminal proceedings in Tajikistan: history and modernity. *Criminal Justice*, 2014, no. 1 (3), pp. 61–68.

Научная статья

УДК 004.93'1

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-172-178>

Применение систем распознавания лиц в правоохранительной деятельности

Романова Марина Александровна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, mararomanovann@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловливается тем, что уровень криминогенной обстановки в Российской Федерации с каждым годом обостряется все больше и больше. Растет количество преступных проявлений, которые связаны с тщательной подготовкой, организацией, использованием продвинутых информационных технологий, позволяющих совершать противоправные действия на дистанционном уровне, тем самым сохраняя анонимность и избегать наступления ответственности.

В связи с этим в правоохранительной системе существуют особые компьютерные технологии, с помощью которых возможно распознавать лицо разыскиваемого правонарушителя в любом общественном месте. Системы распознавания лиц во многом облегчают работу правоохранительных органов, поскольку они позволяют в режиме реального времени определить точное местоположение виновного лица, во что он одет, какие действия он совершает и прочее.

В данной научной статье особое внимание уделяется информационным системам распознавания лиц, которые находят свое практическое применение в деятельности правоохранительных органов, помогают в раскрытии и расследовании преступлений, служат средствами профилактики. Рассматриваются информационные технологии, лежащие в основе изучаемых систем. Приводятся примеры положительного использования систем идентификации лиц правоохранительными органами. Изучаются тенденции расширения использования систем в будущем.

Ключевые слова: информационные технологии, система распознавания лиц, идентификация лиц, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Романова М. А. Применение систем распознавания лиц в правоохранительной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 172–178. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-172-178>.

Original article

The use of facial recognition systems in law enforcement

Marina A. Romanova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, mararomanovann@mail.ru

© Романова М. А., 2024

Abstract. The relevance of this study is due to the fact that the level of criminogenic situation in the Russian Federation is becoming more and more aggravated every year. The number of criminal manifestations is growing, which are associated with careful preparation, organization, and the use of advanced information technologies that allow you to commit illegal actions at a remote level, thereby maintaining anonymity and avoiding responsibility.

In this regard, there are special computer technologies in the law enforcement system, with the help of which it is possible to recognize the face of a wanted offender in any public place. Facial recognition systems greatly facilitate the work of law enforcement agencies, since they allow you to determine the exact location of the guilty person in real time, what he is wearing, what actions he is performing, and so on.

In this scientific article, special attention is paid to information systems for facial recognition, which find their practical application in the activities of law enforcement agencies, help in the detection and investigation of crimes, and serve as means of prevention. The information technologies underlying the studied systems are considered. Examples of the positive use of face identification systems by law enforcement agencies are given. The trends of expanding the use of systems in the future are being studied.

Keywords: information technology, face recognition system, face identification, law enforcement

For citation: Romanova M. A. The use of facial recognition systems in law enforcement. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 172–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-172-178>.

В современном мире активно развивается информационная индустрия, которая присутствует в данный момент во всех сферах жизнедеятельности человека. Безусловно, появление информационных технологий во многом облегчило жизнь общества: стали доступны цифровые площадки по покупке и продаже различных благ, упрощена система документооборота, общение с людьми возможно на любом расстоянии, стала доступна трудовая деятельность на дистанционном уровне и многое другое [1]. Благодаря стремительному развитию информационных технологий преступные лица стали использовать их в своих корыстных целях. За последние несколько лет участились случаи бесконтактного мошенничества, подделки электронных документов, удостоверяющих личность, использования незаконных схем по переводу денежных средств, добытых преступным путем, и прочих правонарушений, совершаемых с использованием современных технологий, что является серьезной проблемой не только для общества, но и для государства. Процент раскрываемости таких преступлений крайне низок. Объясняется это тем, что информационные ресурсы и механизмы в руках криминогенного контингента способны скрывать личные данные, местоположение, банковские счета, контакты злоумышленников, что усложняет розыск данных лиц и привлечение их к ответственности, установленной законодательством Российской Федерации.

На фоне отсутствия четкого и выработанного механизма по розыску, расследованию и привлечению к ответственности преступных лиц были изобретены и внедрены в правоохранительную систему такие информационные технологии, как распознавание лиц.

Распознавание лиц [2] — это особая технология, позволяющая по биометрическим данным автоматически идентифицировать человека как в режиме реального времени, так и по картинке. Такая технология устроена на анализе мимических особенностей человеческого лица. Поскольку каждое лицо имеет свои индивидуальные черты: движения, структуру кожи, наличие растительности, форму, объем, расположение носа, глаз и губ, то система запоминает такие особенности и может определить нужного человека по данным критериям. Система распознавания лиц, анализируя основные черты лица, определяет главные точки и строит математическую модель, которую сравнивает с имеющимися в базе данных лицами, выдавая совпадения чаще всего в процентном соотношении.

Широкое применение системы идентификации нашли в банковской сфере, аэропортах, железнодорожных вокзалах и иных местах, где требуется обеспечение высокого уровня безопасности и осуществление контроля доступа.

Распознавание лиц становится технологией, все более применяемой правоохранительными органами. На сегодняшний день использовать программы, относящиеся к этому классу, возможно даже с мобильных устройств. В Соединенных Штатах Америки сотрудники правоохранительных органов устанавливают личность человека, сделав фотографию мобильным устройством и обработав ее с помощью программ распознавания лиц [3]. Исследуемые технологии развиваются настолько стремительно, что системы идентификации лиц могут работать в режиме реального времени.

Основная цель применения систем распознавания лиц — обеспечение идентификации личности с максимальной точностью.

Стоит отметить, что системы распознавания лиц в большинстве случаев устанавливают в местах большого скопления граждан (торговые центры, стадионы, площади, парки и т. д.), перед входом в отделы правоохранительных органов (с целью безопасности и своевременного предупреждения преступлений).

Как же работает система распознавания лиц? Весь принцип работы такой системы можно описать как процесс распознавания лиц людей, которые ранее попадали в объективы камер (либо специально сохранялись в устройстве смартфона или компьютера). Однако на данный момент существуют всего три базовых алгоритма, на основе которых строится все программное обеспечение такой технологии [4].

1. *Выравниватель*. Использует в своем программном алгоритме загруженную сеть изображений (картинок лица) людей. Принцип заключается в следующем: изображение поступает на камеру видеонаблюдения, где программа вырезает лицо человека, а затем сравнивает его с изображениями лица в базе данных. Как правило, за основу берется расположение глаз, форма носа и бровей, размер губ. Система как бы «выравнивает» вырезанное лицо человека и накладывает его на загруженные картинки. После чего происходит процесс идентификации и выдача результатов совпадения.

2. *Сеточный*. Принцип сеточного алгоритма заключается в том, что лицо человека разбивается на точки, которые между собой образуют так называемую информационную сетку. Например, самый примитивный сеточный алгоритм делит человеческое лицо на несколько секторов: глаза, нос и губы. После чего формирует рисунок, где указывается расстояние от вышеперечисленных объектов. Далее ищет в базе данных подобную структуру лица и при ее обнаружении выдает ее, тем самым идентифицируя лицо человека. Сеточный принцип может содержать в себе не только три точки, с помощью которых ведется распознавание. Также может включать в себя высоту бровей, расположение шрамов, родинок, морщин, высоту лба и многое другое, что присуще конкретному человеку.

3. *Матрица*. Сущность матрицы заключается в том, что за основу берутся не только индивидуальные черты лица человека, но и форма головы, уши, амплитуда движения головы при ходьбе и беге. Используемый алгоритм

позволяет учитывать наличие бороды, изменение внешности с помощью очков, головного убора или тому подобное. Данная система наиболее точно идентифицирует лицо, которое попало в объективы камер видеонаблюдения. Матричный алгоритм — это своего рода 3D-картинка, которая хранится в базе данных и потом сравнивается с представленным видеоматериалом.

Правоохранительные органы нашей страны активно используют технологию распознавания лиц в своей профессиональной деятельности, поскольку она способствует не только розыску преступного лица, но и выступает в качестве профилирующего средства. Разберем основные направления, в которых применяются технологии распознавания лиц в практической деятельности органов правопорядка.

1. Контроль дорожно-транспортной обстановки [5]. Аэропорты, вокзалы, общественный транспорт могут являться средством передвижения криминальных элементов и могут стать объектом атак. Обеспечение безопасности таких объектов — одна из задач правоохранительных органов.

Существует информационная система «Паутина», одной из функций которой является распознавание лица человека, управляющего транспортным средством, в режиме реального времени. Данная технология позволяет идентифицировать лицо человека и проверить его по базе данных на предмет наличия водительского удостоверения, находится ли данное лицо в розыске, является ли лицо совершеннолетним гражданином. Благодаря этой системе обеспечивается профилактическая часть деятельности сотрудников ГИБДД, что позволит сотрудникам правоохранительных органов пресечь то или иное правонарушение. В большинстве случаев система «Паутина» работает все-таки на определение государственных регистрационных знаков, которые закреплены за собственником транспортного средства.

Однако стоит отметить, что распознавание лица человека, сидящего за рулем транспортного средства, применяется пока только в крупных городах. Такая технология появилась относительно недавно и требует еще доработок, поскольку транспортные средства постоянно находятся в движении, что затрудняет процедуру распознавания лица, а также в ночное время суток система малоэффективна.

Сегодня идет внедрение системы *FindFace*, обеспечивающей транспортную безопасность, сертифицированной ФСБ России в качестве

технического средства для обеспечения безопасности на транспортных объектах [6].

Система распознавания лиц позволяет осуществлять биометрический мониторинг в режиме реального времени. Данные с камер видеонаблюдений мгновенно анализируются, выявляя лиц, подозреваемых в подготовке или совершении общественно опасных деяний, в том числе и террористических актов на объектах транспортной инфраструктуры. *FindFace* способна осуществлять поиск по накопленной базе данных изображений лиц, зафиксированных камерами на объектах транспортной системы. Использование такого функционала дает возможность определения и проведения анализа маршрута разыскиваемых лиц, поиска людей, пропавших без вести.

2. Поиск пропавших людей. Каждый населенный пункт оборудован тысячами камер видеонаблюдения, которые позволяют установить местонахождение любого человека. Ежегодно в России пропавшими без вести объявляют десятки тысяч людей. В правоохранительных органах существует специальная база «Пропавшие», которая содержит в себе сведения о пропавших людях. Соответственно, в нее загружена вся персональная информация, в том числе и биометрические данные лица.

Принцип работы заключается в следующем: система распознавания лица фиксирует изображение лица человека, а затем операторы системы сравнивают его по базе данных «Пропавших». В случае совпадения данных по базе «Пропавших» система фиксирует, в каком районе (месте) было сделано изображение, и отражает эту информацию в базу данных.

3. Контроль въезда и выезда из населенного пункта. Обеспечение контрольно-пропускного режима является важной частью безопасности населения. С помощью системы распознавания лица можно установить: покинул ли сбежавший преступник тот или иной населенный пункт, имеет ли лицо законные основания пребывания на территории Российской Федерации и прочее. Как правило, такая система реагирует на лиц, которые состоят в запрещенных террористических группировках и пытаются въехать в город или область.

Система работает следующим образом: лицо человека фиксируется камерами видеонаблюдения, после чего передается на стационарный пульт, где система обрабатывает изображение и сравнивает его с имеющимися в базе данных по розыску лиц.

Кроме того, еще в 2022 году Общественная палата подготовила в Правительство

Российской Федерации, Государственную Думу и МВД Российской Федерации предложение об установлении водителей по их внешности с помощью камер ГИБДД [7]. Они предлагают использовать систему США, где штрафы с камер автоматической фиксации административных правонарушений получает лицо, его совершившее, а не владелец транспортного средства. Эксперты поддерживают такую инициативу, но признают, что это потребует серьезных материальных вложений.

Отмечается, что и сегодня системы распознавания лиц, работающие в этом сегменте, не всегда справляются с поставленной задачей. В качестве одного из недостатков указывается большой процент «ложных» срабатываний. Последнее объясняется тем, что лобовое стекло, преломляя свет, не всегда позволяет получить качественное изображение лица, чем затрудняет проведение идентификации. Возможно, внедрение технологий искусственного интеллекта для распознавания лиц в систему камер дорожного движения позволит решить данную проблему.

4. Поиск преступников. Пожалуй, самой главной функцией данной системы в правоохранительных органах является розыск преступных лиц. Если изображение лица преступника когда-либо было загружено в базу данных либо имеется так называемый словесный портрет (фоторобот), который система распознает среди толпы людей.

Следует отметить, что системы распознавания лиц эффективно справляются и с возрастными изменениями внешности. Так, в 2021 году было зафиксировано два случая задержания обвиняемых по прошествии нескольких лет после объявления в розыск. Первый — спустя 8 лет был задержан мужчина, обвиняемый в изнасиловании и находящийся в федеральном розыске. Второй — в Москве была задержана семейная пара, обвиняемая в организации убийства и находящаяся в федеральном розыске 17 лет.

В крупных городах устанавливается все больше камер различного типа на улицах, в общественном транспорте, торговых центрах и не только. Мы ежедневно встречаемся с устройствами видеофиксации, передвигаясь в метро, автобусах, троллейбусах, трамваях. Подъезды оснащаются камерами «умных» домофонов, в торговых центрах, магазинах, офисных зданиях, банках используются системы видеонаблюдения. Некоторые из перечисленных систем не осуществляют работу в режиме реального

времени, но данные с них эффективно используются для расследования правонарушений, поиска преступников.

Так, в 2022 году, используя видео с домофона, расположенного в подъезде многоэтажки, нашли убийцу 12-летнего школьника в Нижнем Новгороде. В том же году в Москве была установлена женщина, родившая и выбросившая новорожденного ребенка в мусоропровод. Потратив несколько суток на просмотр видеозаписей подъездной камеры, оперативным сотрудникам удалось отыскать изображение беременной женщины. Задержали преступницу во время проведения поквартирного обхода. В 2023 году камеры системы «Безопасный город» Москвы помогли отследить маршрут злоумышленника, забиравшего деньги у жертв мошенничества [8]. В Мурманске с помощью камер видеонаблюдения установили 17-летнюю местную жительницу, обвиняемую в хищении денежных средств [9].

5. Система «Портрет Поиск». С помощью данной программы удается создать так называемый словесный портрет, или субъективный портрет. Правоохранительным органам с использованием данной программы получается мобильно определять потенциального преступника. Механизм работы довольно прост. Например, человек приходит в отдел полиции и описывает преступное лицо — составляет словесный портрет. Затем составленный портрет вносится в базу и проверяется на совпадение. В случае установления лица с имеющимся уже в базе портретом правоохранительные органы будут обладать информацией, которая позволит сузить круг подозреваемых лиц, своевременно проверить данное лицо на причастность к совершению преступления и восстановить нарушенные права.

В нашей стране на сегодняшний день в правоохранительных органах используются такие системы распознавания лиц, как «Паутина», «Безопасный город» и «Портрет Поиск».

При проведении чемпионата мира по футболу, проходившего в 2018 году во многих городах Российской Федерации, использование систем распознавания лиц позволило определить их положительные и отрицательные стороны.

Системы использовались в двух режимах.

В режиме реального времени видео с камер, расположенных на входных группах, сравнивалось с базой данных разыскиваемых лиц. При получении положительных результатов проводились мероприятия по задержанию лица, находящегося в розыске.

В режиме офлайн видео с мест происшествий сравнивалось с базами данных подозреваемых и разыскиваемых лиц. Применение систем распознавания лиц позволило доказать причастность некоторых задержанных к противоправным действиям.

Несмотря на всю мобильность и современность таких технологий, все же существует масса недоработок, которые препятствуют полной реализации всего функционала такой системы [10].

Во-первых, дороговизна системы. Программное обеспечение, банки данных, камеры видеонаблюдения, оснащенные системой распознавания лиц, стоят достаточно дорого и требуют постоянного контроля со стороны специалистов.

Во-вторых, система распознавания лиц не будет работать должным образом при плохих погодных условиях, отсутствии связи и так далее. Также особую сложность при распознавании лица представляет тонировка и быстрое движение транспортного средства, темное время суток, отсутствие освещения на участке дороги и тому подобное.

В-третьих, отсутствие специалистов в данной сфере. В правоохранительных органах присутствует кадровый голод среди специалистов, которые обладают специальными познаниями в сфере IT-технологий. Необходимо включить в программу подготовки сотрудников органов внутренних дел обучение работе с системами распознавания лиц.

В-четвертых, базы данных систем распознавания лиц несовершенно и ограничены в объеме информации, что может вызвать сбой в работе, перегрузки системы видеонаблюдения, ложного установления того или иного лица. Однако информационные технологии, находясь в постоянном развитии, позволили улучшить алгоритмы работы систем.

Следует обратить внимание, что применение технологий распознавания лиц вызывает множество споров как с юридической, так и с этической точек зрения. Государственное регулирование в данной области, разработка норм эффективного применения систем идентификации, примеры их положительного использования должны сформировать у граждан уверенность в законности использования изучаемых технологий.

В заключительной части научной статьи обозначим, что использование технологии распознавания лиц в правоохранительной деятельности имеет огромные перспективы. Мы выяснили, что такие системы активно используются сотрудниками правоохранительных

служб в разных сферах. Несмотря на то что функционал распознавания лиц ограничен, все же благодаря этой системе удастся осуществлять контрольно-пропускной режим, разыскивать лиц, подозреваемых в совершении преступления или правонарушения, а также пропавших людей и тому подобное.

Системы распознавания лиц могут работать в автоматическом режиме, что позволяет своевременно обнаруживать разыскиваемых лиц.

Безусловно, на сегодняшний день имеется ряд технических проблем, связанных с обеспечением правоохранительной системы такими информационными технологиями. Дороговизна оборудования, проблемы с логистикой в дальние регионы, отсутствие профессионалов в этой сфере и тому подобное.

В качестве положительной тенденции отметим, что с каждым годом такие технологии совершенствуются, специалистов становится все больше, а как следствие, деятельность правоохранительных органов при использовании систем распознавания лиц становится проще, что позволяет своевременно реагировать на те или иные правонарушения.

В перспективе с развитием технологий искусственного интеллекта и машинного обучения правоохранительные органы могли бы использовать распознавание лиц для идентификации людей в темноте, сопоставления с фотороботом или создания модели лица по образцу ДНК.

Список источников

1. Шаповалова Г. М., Шаповалов В. В. Криминалистика и ее роль в предупреждении преступлений на основе информационных технологий // *Полицейская деятельность*. 2019. № 2. С. 187–199.
2. Яровенко В. В. Криминалистическая дерматоглифика: монография. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2021.
3. Face Off: Law Enforcement Use of Face Recognition Technology. URL: <https://www.eff.org/wp/law-enforcement-use-face-recognition> (дата обращения: 01.02.2024).
4. Взмагиллов Р. А., Галимов Э. Э. Информационные технологии, используемые для собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // *Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина: сборник статей Международной научно-практической конференции*. Уфа: Уфимский юридический университет МВД Российской Федерации, 2020. С. 285–290.
5. Тищенко Е. В., Саядова А. С. Технологические инновации в области профилактики преступности:

тенденции и риски // *Российский следователь*. 2019. № 5. С. 62–66.

6. Распознавание лиц на транспорте. URL: <https://ntechlab.ru/solution/transportnaya-bezopasnost/?ysclid=lq5xcdnada13113772> (дата обращения: 01.02.2024).

7. Искать нарушителей ПДД хотят по лицу. URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2022/04/14/14735306.shtm?ysclid=lq606u64x0570416930> (дата обращения: 01.02.2024).

8. Четыре тысячи преступлений раскрыли в столице с помощью камер видеонаблюдения. URL: <https://vm.ru/news/1081404-chetyre-tysyachi-prestuplenij-raskryli-v-stolice-s-pomoshhyu-kamer-videonablyude> niya?ysclid=lq5zhjfh8f316896625 (дата обращения: 01.02.2024).

9. Сразу семь преступлений раскрыли в Мурманской области с помощью камер. URL: <https://abnews.ru/szfo/news/murmansk/2023/12/11/srazu-sem-prestuplenij-raskryli-v-murmanskoj-oblasti-s-pomoshhyu-kamer?ysclid=lq5zxj30h0201800802> (дата обращения: 01.02.2024).

10. Иванов В. В., Нестеров А. Ю. Право в искусственной среде третьей природы: юридический статус цифрового двойника // *Мир человека: Нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь: сборник трудов Международной конференции*. Саратов, 2019. С. 234–240.

References

1. Shapovalova G. M., Shapovalov V. V. Forensics and its role in the prevention of crimes based on information technologies. *Police activity*, 2019, no. 2, pp. 187–199. (In Russ.)
2. Yarovenko V. V. Forensic dermatoglyphics: monograph. Vladivostok: Federal University Publ., 2021. (In Russ.)
3. Face Off: Law Enforcement Use of Face Recognition Technology. URL: <https://www.eff.org/wp/law-enforcement-use-face-recognition> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)
4. Vsmagilov R. A., Galimov E. E. Information technologies used for collecting, checking and evaluating evidence in criminal proceedings / Current problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen: collection of articles of the international scientific and practical conference. Ufa: Ufa Law University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. Pp. 285–290. (In Russ.)
5. Tishchenko E. V., Sayadova A. S. Technological innovations in the field of crime prevention: trends and risks. *Russian investigator*, 2019, no. 5, pp. 62–66. (In Russ.)
6. Facial recognition in transport. URL: <https://ntechlab.ru/solution/transportnaya-bezopasnost/?ysclid=lq5xcdnada13113772> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)

7. They want to look for traffic violators by their faces. URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2022/04/14/14735306.shtml?ysclid=lq606u64x0570416930> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)
8. Four thousand crimes were solved in the capital using video surveillance cameras. URL: <https://vm.ru/news/1081404-chetyre-tysyachi-prestuplenij-raskryli-v-stolice-s-pomoshyu-kamer-videonablyudeniya?ysclid=lq5zhjfh8f316896625> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)
9. Seven crimes were immediately solved in the Murmansk region using cameras. URL: <https://abnews.ru/szfo/news/murmansk/2023/12/11/srazu-sem-prestuplenij-raskryli-v-murmanskoj-oblasti-s-pomoshhyu-kamer?ysclid=lq5zxj30h0201800802lq5zhjfh8f316896625> (accessed 01.02.2024). (In Russ.)
10. Ivanov V. V., Nesterov A. Yu. Law in the artificial environment of a third nature: the legal status of a digital twin. Human World: Normative Dimension — 6. Norms of thinking, perception, behavior: similarities, differences, interrelationships: collection of proceedings of the international conference. Saratov, 2019. Pp. 234–240. (In Russ.)

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-179-184>

Правовая политика современной России в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей: ключевые цели и задачи

Устиленцев Кирилл Андреевич

Московский государственный институт (университет) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), Москва, Россия, ustilentsev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются цели и задачи правовой политики Российской Федерации в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. Излагаемые автором задачи правовой политики дополняются их классификацией, что позволяет более полно отразить характер стратегических действий государства и институтов гражданского общества, направленных на сохранение и распространение традиционных духовно-нравственных ценностей. Дается краткое описание современного политического контекста, в рамках которого осуществляется разработка правовой политики по укреплению традиционных ценностей. Обозначены актуальные угрозы и вызовы, стоящие перед российским государством, которые обуславливают цели и задачи правовой политики в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: правовая политика, традиционная духовно-нравственная ценность, государство, правовое обеспечение, правовое средство, суверенитет

Для цитирования: Устиленцев К. А. Правовая политика современной России в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей: ключевые цели и задачи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (66). С. 179–184. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-179-184>.

Original article

Legal policy of modern Russia in the field of strengthening traditional spiritual and moral values: key goals and objectives

Kirill A. Ustilentsev

Moscow State Institute (University) of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University), Moscow, Russian Federation, ustilentsev@mail.ru

Abstract. The article consistently examines the issues of goals and objectives of the legal policy of the Russian Federation in the field of strengthening traditional spiritual and moral values. The tasks of legal policy set out by the author are complemented by their classification, which makes it possible to more fully reflect the nature of the strategic actions of the state and civil society aimed at preserving and spreading traditional spiritual and moral values. A brief description of the current political context is given, within the framework of which a legal policy is being developed. The current threats and challenges facing the Russian state are outlined, which determine the goals and objectives of legal policy in the field of strengthening traditional spiritual and moral values.

© Устиленцев К. А., 2024

Keywords: legal policy, traditional spiritual and moral value, state, legal protection, legal means, sovereignty

Forcitation: Ustilintsev K. A. Legal policy of modern Russia in the field of strengthening traditional spiritual and moral values: key goals and objectives. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 179–184. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-179-184>.

Отрадно отметить, что достаточно очевидной чертой развития российской правовой системы становится все возрастающее значение традиционных духовно-нравственных ценностей, которые начинают играть роль не только моральных ориентиров, но и значимых регуляторов социальных отношений, институционализирующихся в особых правовых средствах. Отсылка к необходимости укрепления и развития традиционных духовно-нравственных ценностей все чаще является вектором развития российского правотворчества, определяет исход правоприменительных процессов, координирует процесс как официального, так и неофициального толкования права.

Своеобразной кульминацией институционализации и весьма явной формализации традиционных духовно-нравственных ценностей в правовой жизни российского общества в целом и в механизме правового регулирования в частности стала разработка и принятие Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года №-809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1], в котором, по сути, впервые за всю новейшую историю России публичная власть взяла на себя смелость перечислить (закрепить) не только сами духовно-нравственные ценности, которые до этого представляли собой предмет лишь философско-культурологического анализа, но и цели и задачи государственной политики в этой области.

Данный шаг полагаем весьма востребованным и социально обусловленным, ведь нельзя не согласиться с тем, что именно традиционные духовно-нравственные ценности выступают, как это и отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, *залогом* будущего России, предоставляя молодежи «надежные жизненные ориентиры», являясь основой национальной идентичности, делая российский народ единым [2].

Необходимость укрепления традиционных ценностей в условиях беспрецедентного политического, экономического и информационного давления со стороны стран «коллективного» Запада сомнений не вызывает, ведь именно

традиционные ценности служат средством сплочения многонационального народа Российской Федерации, обогащают и укрепляют народное самосознание жизненно важными ориентирами, способствуют сплочению граждан страны в условиях актуализации экзистенциальных угроз и опасностей.

Поиск надлежащей формы для механизма правовой охраны и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей является актуальной задачей для субъектов правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности. В связи с этим следует отметить, что правовая политика Российской Федерации, будучи составной и неотъемлемой частью общегосударственной политики [3, с. 17], представляет собой «стратегию государства в правовой сфере», сочетающую «идеи, программы, установки и иные аналогичные им компоненты» и «методы ее осуществления» [4, с. 28–29]. Помимо сказанного, как справедливо подчеркивает А. В. Малько, правовая политика представляет собой усилия и субъектов гражданского общества, направленные на создание эффективного механизма правового регулирования, что делает именно правовую политику важнейшей формой интеграции усилий личности, общества и государства по укреплению и защите традиционных духовно-нравственных ценностей [5, с. 5].

Механизм реализации правовой политики обусловлен ее целями и задачами. К общим целям правовой политики государства полагаем обоснованным отнести «наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности» [5, с. 6].

Вместе с тем отдельные направления правовой политики, в частности правовая политика в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, могут ориентироваться на более частные цели, которые обусловлены спецификой общественных отношений в соответствующей области.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей содержат указание на три подобные обособленные цели

(п. 23). Первой целью являются сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению. Второй целью обозначается противодействие распространению деструктивной идеологии, а третьей — формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Полагаем, что данные цели вполне могут лечь в основу целей и правовой политики в рассматриваемой сфере, однако с определенной их «адаптацией» к специфике правового регулирования, к стратегии государства и институтам гражданского общества в сфере права.

Если государственная политика представляет собой комплексное стратегическое направление работы, охватывающее различные сферы жизнедеятельности общества, являясь основой для формирования направлений и программ управленческого воздействия, то правовая политика является научно обоснованной, системной и полисубъектной деятельностью, направленной на создание эффективного механизма правового регулирования, в данном случае — правового механизма укрепления и популяризации традиционных духовно-нравственных ценностей. Если государственная политика создает общие рамки и условия для реализации правовой политики, предопределяя ее основные цели и задачи, то правовая политика обеспечивает их решение посредством юридического инструментария [6, с. 51].

Цели правовой политики могут предопределяться государством лишь с точки зрения необходимости достижения конкретного состояния правовой жизни общества, должны лежать в сфере права, решать вопросы правового развития общества посредством применения надлежащих правовых средств, объективируются в праве, имеют правовой алгоритм их достижения через последовательное решение ее задач. В результате реализации правовой политики осуществляется движение от текущего состояния правовой жизни общества к наиболее предпочтительному, желательному, что и позволяет рассматривать правовую политику как социально обусловленный вектор правового развития.

В этом смысле целевые установки, которые определяют характер правовой политики государства, носят отчасти идеалистический характер — они направлены на достижение эталонного, желательного состояния правовой жизни общества.

Принятие норм, направленных на охрану и защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, требует разработки соответствующих механизмов обеспечения их реализации. Исследуя цели правовой политики, необходимо также подчеркнуть роль государства в создании устойчивой системы ценностных ориентиров, способных противостоять внешним и внутренним вызовам. Обеспечение правовой защиты традиционных ценностей способствует укреплению национального самосознания и социальной стабильности. В этом контексте правовая политика направлена не только на защиту наследия прошлого, но и на гармоничное регулирование социальной среды, что в конечном счете служит интересам и благополучию всего общества.

Полагаем, что целесообразно выделять общие и специальные цели правовой политики, при этом общая цель воплощает желаемое состояние правовой жизни общества, которое достигается в результате реализации правовой политики, а специальные цели детализируют это желаемое состояние. Так, общей целью правовой политики в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей является обеспечение правовыми средствами их сохранности, а также передачи от поколения к поколению в неизменном виде как нравственных ориентиров, объединяющих многонациональный народ Российской Федерации.

К специальным целям правовой политики в рассматриваемой сфере следует отнести:

а) формирование соответствующего сложившимся геополитическим реалиям механизма правового регулирования отношений, связанных с охраной и защитой традиционных духовно-нравственных ценностей;

б) разработку действенных правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных актов в области популяризации и распространения традиционных ценностей как социально-правовой основы формирования национальной идентичности, достижения гражданского мира и согласия, культивирование уважительного отношения граждан к традиционным ценностям.

Постановка целей правовой политики государства в сфере укрепления традиционных ценностей требует определения системы задач, решение которых позволит обеспечить их достижение. Задачи правовой политики предопределяют конкретные действия, которые предпринимаются как органами публичной власти, так и институтами гражданского общества,

будучи своеобразными промежуточными звеньями, расположенными на пути движения от текущего состояния правовой жизни общества к желательной ее модели.

Полагаем, что задачи правовой политики в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей достаточно многообразны и могут быть подразделены на следующие виды. Первостепенное значение для реализации правовой политики в рассматриваемой области имеют *охранительные задачи*, которые призваны обеспечить защиту традиционных ценностей от внешнего деструктивного влияния. К этой группе задач правовой политики следует отнести:

а) дополнительное установление мер юридической ответственности за противоправные посягательства на традиционные духовно-нравственные ценности и распространение деструктивной идеологии, размывающей мировоззренческие основы российского общества;

б) разработку правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных актов в области обеспечения культурного и информационного суверенитета Российской Федерации, направленных на пресечение внешнего деструктивного воздействия на духовно-нравственную жизнь российского общества;

в) разработку правовых средств защиты русской культуры, русского языка, объектов материального и нематериального культурного наследия государства, служащих инструментом формирования национального самосознания и идентичности народов Российской Федерации.

Охранительные задачи позволяют обеспечить надлежащую правовую защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, которая во многом связана с борьбой с внешним деструктивным информационно-психологическим воздействием. Сказанное подразумевает пресечение деятельности, направленной на разрушение основ культуры и идентичности нашего народа, что предполагает использование всех возможных механизмов для предотвращения пагубного влияния иностранных деструктивных сил на образ жизни российских граждан. Это поможет не только предотвратить дезориентацию общества, размывание его традиционных устоев, но и сформировать уважительное отношение к традиционным духовно-нравственным ценностям.

Наряду с охранительными задачами, перед Российским государством встают задачи *популяризации и распространения* традиционных духовно-нравственных ценностей, прежде всего

среди молодежи, которая должна получить достоверное представление о духовно-нравственных основах исторической и культурной жизни своей страны. К группе *популяризационных задач* правовой политики в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей следует отнести:

а) разработку программ правового воспитания, правовой пропаганды и правового информирования граждан о социально-культурной значимости мер правовой охраны и защиты традиционных ценностей, необходимости формирования и культивирования уважительного отношения к духовно-нравственным идеалам и ориентирам развития российского общества;

б) обеспечение государственно-правовой поддержки деятельности институтов гражданского общества (общественных объединений, некоммерческих и религиозных организаций), которая направлена на укрепление и распространение традиционных духовно-нравственных ценностей;

в) принятие государственных программ в области реализации *политики исторической памяти*, государственной информационной политики, направленной на пропаганду традиционных духовно-нравственных ценностей, таких как традиционные семейные ценности, патриотизм и т. д., как среди молодежи, так и всего общества в целом.

Задачи популяризации традиционных ценностей могут решаться за счет разнообразных управленческих решений. Государственный заказ на проведение научных исследований, создание информационных и методических материалов, а также произведений литературы и искусства может сыграть важную роль в сохранении и популяризации традиционных духовно-нравственных ценностей, ведь информационные технологии и ресурсы «являются необходимым условием существования правовой политики, главной задачей которой является изменение правовой ситуации» [7, с. 108].

Государственный заказ услуг подобного рода способствует расширению базы знаний о культуре и истории нашего народа, способствует сохранению уникальных традиций и обычаев — нематериального культурного наследия. Создание кинолентописей и других аудиовизуальных материалов, направленных на популяризацию традиционных духовно-нравственных ценностей, имеет огромное значение для образования и воспитания населения. Такие материалы позволяют увлекательно и доступно преподносить информацию об истории

и культуре, что способствует привлечению внимания к традиционным ценностям. Данная деятельность содействует укреплению культурного единства общества и формированию гражданской идентичности, а государственная поддержка подобных инициатив позволяет сохранить ценности, передаваемые из поколения в поколение, способствуя формированию национального самосознания.

Наряду с охранительными и популяризационными задачами правовой политики в рассматриваемой сфере, необходимо выделить еще одну группу задач, которая направлена на формализацию, институционализацию традиционных духовно-нравственных ценностей в российском законодательстве. Решение этой задачи будет способствовать тому, что традиционные ценности убедительно докажут свой «статус» правовых ценностей, формируя аксиологическую основу российской юридической практики.

Следует отметить, что отражение традиционных духовно-нравственных ценностей в действующем законодательстве, использование их в качестве аксиологического ориентира в правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности является наиболее важным этапом реализации правовой политики по их укреплению.

В большей степени это касается правотворчества, так как именно законодательство является концентрированным выражением процесса реализации правовой политики, выражая в форме закона политическую волю всего государства. Любая правовая политика требует своего облечения в юридическую форму, соединяя «воедино доктрину, правотворчество и правоприменительную юридическую практику, обеспечивая тем самым научно обоснованный характер государственной деятельности» [8, с. 5].

Рассмотренные цели и задачи правовой политики государства в сфере укрепления традиционных ценностей обусловлены уникальным характером тех исторических вызовов, которые стоят перед современным российским государством и обществом. Сегодня Российская Федерация сталкивается с беспрецедентными вызовами, требующими активных действий по разработке и реализации средств правовой политики в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Начало проведения специальной военной операции в сочетании с мерами санкционной политики западных государств стало одним из наиболее серьезных вызовов для дальнейшей

реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [9]. Современные угрозы и опасности, заключающиеся в деструктивном внешнем информационном воздействии, подрывают основы национальной безопасности, а глобализация и западное культурное влияние угрожают нравственным ориентирам, выработанным на протяжении долгих лет, что и объясняет необходимость их укрепления через специальные правовые механизмы.

Укрепление традиционных ценностей через инструменты правовой политики государства является необходимым шагом на пути защиты суверенитета и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Задачи правовой политики в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в своей совокупности направлены на поддержание и обеспечение цивилизационной идентичности и суверенитета российского государства, а сохранение и популяризация данных ценностей способствует сплочению народа Российской Федерации, обеспечивая достижение гражданского мира и согласия.

Таким образом, предложенные выше цели и задачи правовой политики государства в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей являются результатом научно-теоретического осмысления природы стратегического действия Российского государства в сфере права, осуществленного с учетом характера современных вызовов и угроз. Систему целей и задач правовой политики в указанной сфере можно представить в виде необходимой последовательности управленческих решений, часть из которых уже претворена в жизнь, а некоторым из которых еще предстоит получить свою практическую реализацию. Правовая политика в сфере укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей отличается комплексным характером и предполагает системный подход к разработке и применению правовых средств, направленных на обеспечение сохранности данных ценностей, а также их ретрансляции как нравственных ориентиров, объединяющих многонациональный народ Российской Федерации.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

2. Видеообращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к участникам церемонии вручения премии общества «Знание». URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/73568> (дата обращения: 01.03.2024).

3. Матузов Н. М. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 6–17.

4. Марченко М. Н. Правовая политика: понятие, субъекты, механизм реализации // Вестник Московского университета. 2013. № 5. С. 26–37.

5. Малько А. В. Правовая политика как категория XXI века // Государство и право. 2012. № 11. С. 5–13.

6. Эффективность государственной политики и правовое регулирование Г. К. Артамонова [и др.] // Правовое поле современной экономики. 2012. № 7. С. 50–55.

7. Рыбаков О. Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики // Журнал российского права. 2015. № 4 (220). С. 105–112.

8. Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4–25.

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.

References

1. On approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian

spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation № 809 of November 19, 2022. *Collection of Legislative acts of the RF*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)

2. Video message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the participants of the award ceremony of the society "Knowledge". URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/73568> (accessed 01.03.2024). (In Russ.)

3. Matuzov N. M. The concept and main priorities of the Russian legal policy. *Izvestiya of higher educational institutions. Law studies*, 1997, no. 4 (219). pp. 6–17. (In Russ.)

4. Marchenko M. N. Legal policy: concept, subjects, mechanism of implementation. *Bulletin of the Moscow University*, 2013, no. 5. pp. 26–37. (In Russ.)

5. Malko A. V. Legal policy as a category of the XXI century. *State and law*, 2012, no. 11. pp. 5–13. (In Russ.)

6. Effectiveness of state policy and legal regulation / G. K. Artamonova [and other]. *The legal field of modern economics*, 2012, no. 7, pp. 50–55. (In Russ.)

7. Rybakov O. Y. Legal information as a condition for the implementation of modern Russian legal policy. *Journal of Russian Law*, 2015, no. 4 (220). pp. 105–112. (In Russ.)

8. Malko A. V., Gaivoronskaya Ya. V. Doctrinal acts as the main instrument of legal policy. *Right. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 1, pp. 4–25. (In Russ.)

9. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation no. 400 of July 2, 2021. *Collection of Legislative acts of the RF*, no. 27. Part II, art. 5351. (In Russ.)

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-185-190>

**К вопросу о квалификации доведения до самоубийства лица,
находящегося в материальной или иной зависимости,
по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан**

Файзализода Фариди Саиджафар

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, ffarida98@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы квалифицированные составы преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации и части 2 статьи 109 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, предусматривающие уголовную ответственность за доведение до самоубийства или покушение на него с учетом квалифицирующего признака: наличие материальной или иной зависимости потерпевшего лица от виновного. По результатам изучения особенностей взаимоотношений между виновным и потерпевшим, находящимся в зависимости, проведен анализ возможных форм и способов совершения исследуемого преступления. Предпринята попытка описания понятия материальной и других видов зависимости потерпевшего от виновного лица, в которых может оказаться суицидент. Охарактеризовано поведение потерпевшего и его возможная роль в механизме совершения анализируемого преступления, что может иметь принципиальное значение при расследовании преступлений, касающихся доведения до самоубийства, при наличии квалифицирующего признака материальной или иной зависимости от лица. Определены дополнительные факторы риска доведения до самоубийства или покушения на потерпевшего в связи с материальной или иной зависимостью от виновного.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, суицид, материальная зависимость, служебная зависимость, зависимость в семье, домашнее насилие, склонение, содействие, вовлечение

Для цитирования: Файзализода Ф. С. К вопросу о квалификации доведения до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости, по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 185–190. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-185-190>.

Original article

**On the issue of the qualification of suicide of a person who is financially
or otherwise dependent, according to the legislation of the Russian Federation
and the Republic of Tajikistan**

Farida S. Faizalizoda

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ffarida98@mail.ru

© Файзализода Ф. С., 2024

Abstract. The article analyzes the qualified elements of the crime provided for in paragraph "a" of Part 2 of Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), and Part 2 of Art. 109 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Republic of Tajikistan), which provides for criminal liability for incitement to suicide or attempted suicide, taking into account the qualifying feature: the presence of financial or other dependence of the victim on the perpetrator. Based on the results of revealing the peculiarities of the relationship between the perpetrator and the victim, on whom the latter is dependent, an analysis of possible forms and methods of committing the crime under study was carried out. An attempt has been made to describe the concept of material and other types of dependence on the guilty party, in which a suicide may find themselves. The behavior of the victim and his possible role in the mechanism of committing the crime under analysis are characterized, which can be of high importance in the investigation of incitement to suicide in the presence of financial or other dependence on the perpetrator as a qualifying feature. Additional risk factors for driving to suicide or attempted suicide due to financial or other dependence on the perpetrator have been identified.

Keywords: incitement to suicide, suicide, financial dependence, work dependence, dependence in the family, domestic violence, inducement, assistance, involvement

For citation: Faizalizoda F. S. On the issue of the qualification of suicide a person who was in financial or otherwise dependent, according to the legislation of the Russian Federation and Republic of Tajikistan. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2, (66), pp. 185–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-185-190>.

Рассматривая причины суицидального поведения, особо следует подчеркнуть крайне негативные черты, присущие анализируемому явлению. Не акцентируя внимание на столь исключительном последствии, как смерть, упомянем о совокупности факторов социально-демографического, экономического, психологического и иного характера, учитываемых при исследовании проблем суицида.

Статистические показатели о количестве самоубийств в Российской Федерации вызывают крайнюю озабоченность. В 2022 году зарегистрировано свыше 24 тыс. самоубийств [1], из них 679 — среди несовершеннолетних [2].

Обращают на себя внимание статистические показатели совершенных самоубийств в Республике Таджикистан, представленные Генеральной прокуратурой: в 2015 году совершено 692 самоубийства; в 2016 году — 637; 2017 году — 536; 2018 году — 581; 2019 году — 632; 2020 году — 487; 2021 году — 569; 2022 году — 487; 2023 году — 456 человек. Несмотря на стабильно большое количество совершаемых самоубийств, уголовные дела по статье 110 УК РФ возбуждались крайне редко. В Республике Таджикистан за доведение до самоубийства в суд в 2015 году было отправлено 39 уголовных дел; в 2016 году — 42; 2017 году — 32; 2018 году — 37; 2019 году — 39; 2020 году — 34; 2021 году — 35; 2022 году — 42; 2023 году — 41 [3].

Когда человек лишает себя жизни из-за других лиц, которые прямо или косвенно повлияли на принятие решения покончить жизнь самоубийством, склоняли или способствовали совершению отчаянного поступка, виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности,

поскольку их действия требуют не только моральной оценки, но и надлежащей юридической квалификации. Защищая в качестве высшей социально значимой ценности жизнь человека, статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [4], статья 109 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее — УК РТ) [5] предусматривают ответственность не только за доведение до самоубийства, но и за покушение на самоубийство, признавая их уголовно наказуемыми деяниями.

Квалифицированные составы выделенных норм уголовных законов обоих государств предусматривают в пункте «а» части 2 статьи 110 УК РФ и части 2 статьи 109 УК РТ повышенную ответственность за доведение до самоубийства или покушение на лицо в случаях, если оно находилось в материальной или иной зависимости от виновного. Целесообразность выделения подобного квалифицирующего признака состоит в предоставлении дополнительной защиты лицам, которые в силу социально-экономических и морально-психологических причин не в силах противодействовать оказываемому на них влиянию ввиду зависимости от субъекта, его допускающего.

Учитывая то, что человек, его жизнь и здоровье есть высшие ценности, закрепленные во всех основных законах любого современного демократического государства, указанные блага подлежат защите, в том числе уголовно-правовыми средствами. При этом необходимость в анализе проблематики квалификации доведения до самоубийства, в том числе с выявлением специфики квалифицирующих признаков, заключающихся в нахождении лица в материальной или иной зависимости от субъекта преступления, очевидна.

В квалификации преступлений по пункту «а» части 2 статьи 110 УК РФ и части 2 статьи 109 УК РТ важно корректно выделять объект преступления. Состав данных преступлений является формально-материальным, то есть деяние считается оконченным в момент наступления вредных последствий, а именно смерти или покушения на самоубийство потерпевшего. Следовательно, основным объектом в данной категории составов является жизнь человека [6, с. 109]. В то же время имеет место и выделение такого объекта преступного посягательства, как субъективное право человека самостоятельно распоряжаться своей жизнью [7, с. 65]. Дополнительным объектом при исследуемом квалифицированном составе следует назвать человеческое достоинство потерпевшего, поскольку на него оказывается эмоциональное и психологическое давление, провоцирующее развитие у лица негативного эмоционального состояния и душевного беспокойства, связанного с осознанием себя как личности. При этом виновный оказывает на жертву такое эмоциональное и психологическое давление, из-за которого потерпевший решает покончить с жизнью.

Для применения квалифицирующего признака, предусматривающего материальную или иную зависимость жертвы от виновного, следует определить само наличие такой зависимости, которую констатирует суд в соответствии с установившимися отношениями между обозначенными сторонами [8, с. 55].

Потерпевшим в обозначенном случае является лицо, находившееся в материальной или иной зависимости от субъекта и совершившее самоубийство или покушение на самоубийство. Такое лицо — жертва проявления давления, которая переживает, претерпевает различные неприятности от кого-либо; на нее давят, над ней издеваются, проявляют насилие, ей угрожают либо шантажируют, то есть оказывают определенное давление, используя зависимость и невозможность либо сложность оказания сопротивления.

Под материальной зависимостью в данном случае следует понимать состояние, при котором потерпевший получает от виновного весомую материальную поддержку или находится на его иждивении (например, зависимость нетрудоспособной женщины от мужчины, нетрудоспособного мужчины от женщины, несовершеннолетних детей от родителей, нетрудоспособных родителей от детей и т. п.) [9, с. 212]. По аналогии под иной зависимостью следует понимать зависимость подчиненного от начальника, военнослужащего от командира, обучающегося

от педагога, одного родственника от другого и тому подобное.

При этом относительно установления содержания термина «в материальной или иной зависимости от виновного», равнозначно примененного как в российском, так и в таджикском уголовных законах, целесообразно считать, что такая зависимость лишь тогда может рассматриваться как побуждающая к совершению самоубийства, если при ней субъектом преступления совершаются действия, способствующие появлению и реализации желания совершить суицид, например, в случае оказания виновным систематического давления, унижающего личность потерпевшего. Непосредственное выделение в диспозициях соответствующих статей форм и способов совершения такого преступления не представляется обоснованным, поскольку обширность вариантов доведения до самоубийства или покушения на него чрезмерно высока, а появление новых изощренных способов давления в случае отсутствия детализации их в норме уголовного закона будет способствовать криминализации любого деяния, если оно преследовало достижение преступной цели и привело либо могло привести к фатальному последствию смерти зависимого лица в результате суицида.

Как представляется, предусмотреть все виды зависимостей, в которые может попасть пострадавший, а также определить исчерпывающий перечень способов доведения до суицида крайне затруднительно. Тем самым обобщенная, недетализированная формулировка соответствует тезисам о человеке как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ [10], ст. 5 Конституции РТ [11]) и об обязанности государства защищать жизнь человека, хотя впоследствии, учитывая полученный в будущем криминалистический и процессуальный опыт, судебную и следственную практику, может потребоваться уточнение дефиниции по пункту «а» части 2 статьи 110 УК РФ, части 2 статьи 109 УК РТ.

Наибольшую остроту демонстрирует проблема зависимости в семье, причем как при наличии зарегистрированного брака, так и в случае пребывания лиц в фактических брачных отношениях. Как российская и таджикская, так и зарубежная судебная практика рассматривает в качестве зависимости нахождение одного из супругов в ситуации материального, морального, физического или иного подавления иным супругом.

Мы ознакомились с позициями ученых, изучавших связь между домашним насилием в отношении женщин и риском суицида [12; 13; 14]. Показательным представляется

исследование, проведенное турецкими учеными *F. Kavak, Aktürk Üm, A. Özdemir, A. Gültekin* среди замужних женщин в возрасте 18 лет и старше (1 025 человек) в 10 семейных медицинских центрах, расположенных в муниципалитете Йешилюрт провинции Малатья (Турция). В ходе аналитической работы была использована анкета из шести вопросов, сформулированных с упором на разработанную заранее шкалу домашнего насилия и шкалу вероятности суицида. Для оценки показателей использовали распределение в процентах, среднее арифметическое, тест независимой выборки и корреляцию. Исследование показало, что уровень домашнего насилия среди женщин был высоким, а риск самоубийства среди них — умеренным [15, с. 576]. В зависимости от степени подавления воли потерпевших, повышения степени их уступчивости давлению и насилию в семье увеличивался уровень риска самоубийства.

От насилия в семье могут страдать все члены семьи, но более распространены проявления насилия в отношении слабых, неспособных защитить себя и зависимых членов семьи: детей, пожилых людей, лиц с ограниченными физическими или психическими возможностями, женщин. Однако современные реалии свидетельствуют об ошибочности мнения, что обычно лишь дети, старики, женщины могут находиться в материальной или иной зависимости, становиться жертвами домашнего или служебного насилия, провоцирующего попытки суицида. Актуальное для современного этапа общественного развития стремление женщин к профессиональному и карьерному росту, личностному развитию, разрушению гендерных стереотипов отчасти изменило восприятие, в связи с чем несколько трансформировались и проявления давления с использованием материальной или иной (внутрисемейной, служебной и прочей) зависимости, демонстрируемой женщинами по отношению к мужчинам. На практике уже не единичными являются случаи доведения так называемого «сильного» пола до самоубийства «слабым», если потерпевший пребывает в зависимости от своей «мучительницы».

Таким образом, в семейных отношениях смещение традиционных гендерных ролей может оказывать психологическое давление на мужчин, обуславливать домашнее насилие, утеснять эго мужчин, провоцировать кризисные состояния и самоубийства. Такие проблемы в научной литературе преимущественно обходят вниманием, а между тем количество суицидов лицами, находящимися в материальной или иной

зависимости от супруга в семье, возрастает вне зависимости от разграничения субъекта преступления и потерпевшего по половому признаку.

Дополнительным и достаточно неоднозначным фактором риска доведения до самоубийства по причине материальной или иной зависимости от виновного является зависимость пострадавшего от психоактивных веществ (алкогольная, наркотическая зависимость, депрессивные расстройства), то есть лишение финансирования, непредоставление материальных средств на приобретение психоактивных веществ, психотропных лекарственных средств. Психоактивные вещества влияют на адекватность восприятия реальности, могут усиливать депрессивные состояния, а при наличии состояния эмоционального страдания — это крайне критично. На это указывают такие ученые, как *A. Jakubczyka, A. Klimkiewicz, A. Krasowska, M. Koperaa, A. Sławińska-Cerana, K. J. Brower, M. Wojnar*, анализировавшие сексуальное насилие и попытки суицида в анамнезе у больных алкогольной зависимостью [16, с. 1564].

Жестокое обращение с детьми в анамнезе считается одним из высоковероятных факторов риска суицидальных попыток в будущем. Исследователи доказали, что попытки суицида появляются значительно чаще у людей, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, имеющими иные деструктивные привычки, сформированные в том числе в связи с проявленным по отношению к ним насилием в детстве.

Объективная сторона исследуемого преступления имеет следующие составляющие:

1) действие или бездействие, нацеленное на создание реальных условий для совершения самоубийства или покушения на самоубийство другим лицом;

2) доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство посредством осуществления физического, психологического, информационного воздействия на суицидента.

Соответственно, под физическим воздействием следует понимать жестокое обращение с лицом, систематическое унижение человеческого достоинства, систематическое противоправное принуждение к действиям, противоречащим его воле [17, с. 63]. Психологическое воздействие предполагает активную деятельность (убеждение, внушение, подражание, манипулятивное поведение), направленную на изменение психики или поведения потерпевшего. В свою очередь, информационное воздействие осуществляется через передачу, интерпретацию,

искажение информации, которая предрасполагает или побуждает человека к самоубийству.

Склонение к самоубийству как способ совершения преступления порождает у потенциального суицидента желание покончить с собой и является необходимым условием совершения суицидальных действий. В свою очередь, содействие самоубийству — это создание соответствующих условий для дальнейшего развития причинной связи, обуславливающей трагические последствия.

Преступление может совершаться и в форме бездействия, под которым следует понимать непредоставление материальных благ лицом, которое по закону или в связи с другими устойчивыми социальными правилами, межличностными отношениями должно было и могло (или обязано было) заботиться о потерпевшем.

Исходя из приведенных форм и способов исследуемого противоправного уголовного наказуемого деяния, под объективной стороной преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 110 УК РФ, части 2 статьи 109 УК РТ, следует понимать умышленные действия или бездействие преступника, обуславливающие наступление такого последствия, как самоубийство или покушение на него.

Субъект рассматриваемого преступления — общий, это физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста. В соответствии с логикой законодателя при совершении преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 110 УК РФ или части 2 статьи 109 УК РТ, в момент совершения преступления потерпевший должен находиться в материальной, служебной или иной зависимости от обозначенного лица.

Значимым для установления состава исследуемого преступления является его субъективная сторона (психическое отношение лица к совершенному им деянию (действию или бездействию) и его общественно опасные последствия). В силу специфики квалифицирующего признака, предусмотренного пунктом «а» части 2 статьи 110 УК РФ, части 2 статьи 109 УК РТ и заключающегося в установлении наличия материальной или иной зависимости лица от виновного, обязательным является установление именно целенаправленных действий субъекта преступления, склоняющего или способствующего формированию решительного поступка потерпевшего совершить суицид.

Исходя из указанного, обоснованным представляется формулирование следующих выводов. Доведение до самоубийства — достаточно

специфическое преступление, поскольку неестественное прерывание жизни или покушение на таковое непосредственно совершает не виновное лицо, а потерпевший, лишая себя самого ценного — жизни. Причинами самоубийства выступают личные проблемы и особенности суицидента, однако состав преступления наличествует лишь в том случае, когда к такому поступку потерпевшего доводит, склоняет иное лицо, в том числе и способствующее совершению такого преступления. Условиями, дополнительно склоняющими потерпевшего к суициду, может быть материальная, служебная, брачная и другие зависимости, а виновный, в свою очередь, может стремиться к смерти потерпевшего из-за желания завладеть его имуществом, деньгами, другими материальными благами или избавиться от материальной зависимости от него.

Список источников

1. Статистика самоубийств в России в 2022 году: количественный анализ и важные факты. URL: <https://deti-skazki.ru/novosti/статистика-самоубийств-в-россии-в-2022-го/> (дата обращения: 11.12.2023).
2. Омбудсмен Львова-Белова предложила создать службу для борьбы с подростковым суицидом. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/493741-ombudsmen-l-vo-va-belova-predlozila-sozdat-sluzbu-dla-bor-by-s-podrostkovym-suicidom> (дата обращения: 11.12.2023).
3. Статистические данные о количествах совершаемых самоубийств в Республике Татарстан (2015–2023 гг.). Документ опубликован не был.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 октября 2023 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2594.
5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года, № 9 (в ред. от 19 июля 2022 года № 1896) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998 года. № 9, ст. 68–69; № 22, ст. 306.
6. Решетникова Д. В. Особенности момента окончания преступлений против жизни и здоровья по Уголовному кодексу Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 1 (33). 108–111.
7. Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 219 с.
8. Буликеева Д. Ж. Проблемы применения квалифицирующего признака «Иное лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии» // Вестник ЧелГУ. 2013. № 17 (308). С. 54–57.
9. Корягина А. Н. Взаимоотношения потерпевшего и преступника: уголовно-правовое значение // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 207–216.

10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный текст Конституции Российской Федерации с внесенными поправками от 14 марта 2020 года. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

11. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 мая 2016 года) URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 11.12.2023).

12. Смертность от внешних причин в России с середины XX века / А. Г. Вишневский, С. Васин, Е. Кваша [и др.]; под науч. ред. А. Г. Вишневого. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 447 с.

13. Нигматуллин М. Р. Домашнее насилие как причина доведения до самоубийства // Виктимология. 2020. № 2 (24). С. 19–26.

14. Women who suffer domestic abuse three times as likely to attempt suicide. URL: <https://www.theguardian.com/society/2023/feb/22/women-who-suffer-domestic-abuse-three-times-as-likely-to-attempt-suicide> (дата обращения: 11.12.2023).

15. Kavak F., Aktürk Üm., Özdemir A., Gültekin A. The relationship between domestic violence against women and suicide risk. Archives of Psychiatric Nursing. 2018. Vol. 32. Issue 4 (August). Pp. 574–579.

16. Jakubczyka A., Klimkiewicz A., Krasowskaa A., Koperaa M., Sławińska-Cerana A., Brower K. J., Wojnar. M. History of sexual abuse and suicide attempts in alcoholdependent patients. Child Abuse & Neglect. 2014. Vol. 38. Issue 9 (September). Pp. 1560–1568.

17. Антипова А. В. Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения доведения несовершеннолетних до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 210 с.

Reverences

1. Suicide statistics in Russia in 2022: quantitative analysis and important facts. URL: <https://deti-skazki.ru/novosti/статистика-самоубийств-в-россии-в-2022-го/> (accessed 11.12.2023). (In Russ.)

2. The Ombudsman of Lviv-Belova proposed to create a service to combat teenage suicide. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/493741-ombudsmen-l-vova-belova-predlozila-sozdat-sluzbu-dla-bor-by-s-podrozkovym-suicidom> (accessed 11.12.2023). (In Russ.)

3. Statistical data on the number of suicides committed in the Republic of Tatarstan (2015–2023). The document was not published. (In Russ.)

4. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 no. 63-FZ (as amended on August 4, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 12, 2023). *Collection of Legislative acts of the RF*, June 17, 1996, no 25, art. 2954. (In Russ.)

5. The Criminal Code of the Republic of Tajikistan of May 21, 1998 no. 9 (as amended no. 1896 of July 19, 2022). *Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan*, 1998, no. 9, art. 68, art. 69, no. 22, art. 306. (In Russ.)

6. Reshetnikova D. V. Features of the moment of the end of crimes against life and health according to the Criminal Code of the Russian Federation. *Society and law*, 2011, no. 1 (33), pp. 108–111. (In Russ.)

7. Ukolova Yu. A. Problems of qualifying incitement to suicide as a criminal act. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2008. 219 p. (In Russ.)

8. Bulikeeva D. Zh. Problems of applying the qualifying feature "Another person who is known to the guilty person to be in a helpless state". *Bulletin of ChelSU*, 2013, no. 17 (308), pp. 54–57. (In Russ.)

9. Koryagina A. N. The relationship between the victim and the criminal: criminal legal significance. *Current problems of Russian law*, 2010, no. 2, pp. 207–216. (In Russ.)

10. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote of December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). The official text of the Constitution of the Russian Federation, as amended, of March 14, 2020, was published on the Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 11.12.2023). (In Russ.)

11. The Constitution of the Republic of Tajikistan of November 6, 1994 (with amendments and additions as of May 22, 2016). URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (accessed 11.12.2023). (In Russ.)

12. Mortality from external causes in Russia since the middle of the 20th century / A. G. Vishnevsky, S. Vasin, E. Kvasha [and other]; under scientific. ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow. House of the Higher School of Economics Publ., 2017. 447 p. (In Russ.)

13. Nigmatullin M. R. Domestic violence as a cause of incitement to suicide. *Victimology*, 2020, no. 2 (24), pp. 19–26. (In Russ.)

14. Women who suffer domestic abuse three times as likely to attempt suicide URL: <https://www.theguardian.com/society/2023/feb/22/women-who-suffer-domestic-abuse-three-times-as-likely-to-attempt-suicide> (accessed 11.12.2023).

15. Kavak F., Aktürk Üm., Özdemir A., Gültekin A. The relationship between domestic violence against women and suicide risk. Archives of Psychiatric Nursing. 2018. Vol. 32. Issue 4 (August). Pp. 574–579.

16. Jakubczyka A., Klimkiewicz A., Krasowskaa A., Koperaa M., Sławińska-Cerana A., Brower K. J., Wojnar. M. History of sexual abuse and suicide attempts in alcoholdependent patients. Child Abuse & Neglect. 2014. Vol. 38. Issue 9 (September). Pp. 1560–1568.

17. Antipova A. V. Criminological and criminal legal measures to prevent minors from driving themselves to suicide. Dissertation... candidate of legal sciences. Moscow, 2020. 210 p. (In Russ.)

Научная статья

УДК 342.8

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-191-194>

Право иностранных граждан на участие в формировании органов местного самоуправления: корреляция интересов личности и государства

Черенкова Анна Игоревна

Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганск, Российская Федерация, anna.cherenkova.99@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возможности предоставления права голоса иностранным гражданам при формировании органов местного самоуправления. Проводится сравнительный анализ избирательного законодательства национальной правовой системы России и нормативных правовых актов зарубежных стран. Оцениваются риски для государственной безопасности Российской Федерации в случае участия граждан в голосовании на местном уровне.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, муниципальное право, конституционное право, избирательное право, муниципальное образование, электорат

Для цитирования: Черенкова А. И. Право иностранных граждан на участие в формировании органов местного самоуправления: корреляция интересов личности и государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 191–194. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-191-194>.

Original article

The right of foreign citizens to participate in the formation of local authorities: the correlation of the individual and the state interests

Anna I. Cherenkova

Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk, Russian Federation, anna.cherenkova.99@mail.ru

Abstract. The article addresses the issue of the possibility of granting voting rights to foreign citizens when forming local government bodies. A comparative analysis of the electoral legislation of the national legal system of Russia and the regulatory legal acts of foreign countries is carried out. The risks to the state security of the Russian Federation in the case of citizens' participation in voting at the local level are assessed.

Keywords: local government bodies, municipal law, constitutional law, electoral law, municipal formation

For citation: Cherenkova A. I. The right of foreign citizens to participate in the formation of local authorities: the correlation of the individual and the state interests. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no 2 (66), pp. 191–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-191-194>.

© Черенкова А. И., 2024

Цензы являются важнейшей частью избирательного права, выступая критерием для отстранения от участия в формировании органов публичной власти или референдуме субъектов, не соответствующих требованиям, предъявленным со стороны государства.

Электоральному законодательству известны такие ограничения, как возрастной ценз, ценз места жительства, моральный ценз и ценз гражданства. Последний из перечисленных является самым распространенным и подразумевает необходимость быть гражданином государства для реализации избирательного права, что обусловлено целью устранить угрозу национальной безопасности путем вмешательства иностранных субъектов в ее политическое пространство.

Действительно, очень долгое время допуск только лишь граждан государства к праву избирать и быть избранным служил нерушимой аксиомой, однако в 1992 году произошло юридическое событие, которое в корне изменило подход к правовому регулированию данного вопроса на международном уровне — была принята Конвенция об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне ETS № 144, предоставляющая избирательное право иностранцам при избрании органов местного самоуправления [1]. Указанный нормативный правовой акт был разработан, прежде всего, в качестве настоятельной рекомендации для будущих стран-членов создаваемого на тот момент Европейского союза [2], но параллельно с этим также привлекал внимание других государств своей юридической новизной и нестандартным подходом.

Со стороны Российской Федерации изначально подобный вариант рассматривался в качестве излишне либерального для национальной правовой системы. Поэтому в статье 32 Конституции Российской Федерации был сделан акцент именно на цензе гражданства, указывалось, что: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [3].

Правда, законодатель все же оставил себе место для раздумья, ведь прямого запрета на предоставление права голоса иностранцам в процитированной норме не прослеживалось, что подразумевало в будущем вероятность субъектного расширения состава электората.

Так и случилось: постепенно при разработке национальной правовой базы мировоззрение законодателя стало меняться, становясь все более либеральным. Так, в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» было предоставлено активное избирательное право иностранным гражданам при формировании местной власти (что невозможно по отношению к выборам государственных органов на региональном и федеральном уровнях) [4]. Затем Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дополнил, что для этого необходимо выполнение двух условий: наличие ратифицированного международного договора и последующего соответствующего правового регламентирования в законодательстве на местном уровне [5].

Такой подход очень сильно напоминал европейскую модель формирования муниципальной власти, выглядел достаточно смело и демократично, одновременно оставляя открытым вопрос: «Насколько же данная привилегия со стороны законодателя коррелируется с интересами Российской Федерации в области национальной безопасности?»

Справедливо будет отметить, что сам опыт участия иностранцев в формировании органов публичной власти не является совершенно неизвестным феноменом истории нашего государства, правда, преследовал он в далеком прошлом вовсе не тенденцию совершенствования народовластных начал. Так, например, в соответствии со статьей 11 Конституции РСФСР 1918 года: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, исходя из солидарности трудящихся всех наций, предоставляет все политические права иностранцам, проживающим на территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу, а равно к непользующимся чужим трудом крестьянству, на основе постановлений верховных органов Союза Советских Социалистических Республик [6]». Но насколько же смелым и сложным было данное решение для государства?

Прежде всего необходимо осознавать, какую историческую эпоху переживала страна. Статус рабочего в период построения коммунизма расценивался в качестве подтверждения набирающей на тот момент силы новой идеологии государства с утвержденной властью

рабочих и крестьян и подчеркивал единство рабочего класса во всем мире во имя общей глобальной цели. К слову, законодатель активно лишал избирательного права собственных граждан (представителей духовенства, бывшего дворянства, зажиточных крестьян, спекулянтов), одновременно активно привлекая в процесс выборов трудящихся иностранцев.

Таким образом, на заре построения нового государства ключевую роль играло не гражданство, а совпадение идеологии личности с воззрениями государства. И самое главное власть никак не рисковала собственным суверенитетом ради высоких идей, а, напротив, обеспечивала целостность государственного строя, отстраняя от формирования органов государственной власти оппозиционные силы.

В случае же с предоставлением права голоса иностранным гражданам в современной Российской Федерации ситуация уже не выглядит столь однозначной.

С одной стороны, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, следовательно, никак не могут повлиять на глобальные политические процессы. Муниципальная власть, прежде всего, призвана решать вопросы локального формата: создание социальной инфраструктуры, стабилизация экономики, регулирование социально-экономических процессов, развитие межрегиональных и внутрирегиональных связей, поддержание экологической обстановки. По логике законодателя, если иностранный гражданин длительное время постоянно проживает на территории муниципального образования, приобретает там недвижимое имущество, занимается предпринимательской деятельностью, то было бы справедливо предоставить ему право принимать участие в выборах лиц, которые будут осуществлять местную власть. Безусловно, при перечисленных обстоятельствах у иностранного гражданина есть особая заинтересованность в формировании органов местного самоуправления. С другой — само слово «власть» уже говорит о наличии властных полномочий, пусть даже и на определенном участке территории. Местное самоуправление полномочно диктовать культурные условия жизни, вмешиваться в вопросы охраны общественного порядка, устанавливать местные налоги и регулировать еще ряд вопросов, непосредственно касающихся прав и свобод человека.

Далее к аргументам «за» можно отнести тот факт, что одним из условий предоставления права голоса является подписание со стороны

Российской Федерации международного договора, что должно означать безоговорочное дружественное отношение. Однако в ряде иностранных государств разрешено множественное гражданство, поэтому дружественные партнерские отношения не исключают вероятность наличия у субъекта еще одной линии политико-правовой связи с иным территориальным образованием, с которым Российская Федерация не имеет никаких подписанных договоренностей. К тому же в настоящее время отсутствует механизм, с помощью которого возможно узнать перечень стран, гражданином которых стал потенциальный избиратель.

Однако при предоставлении прав голоса законодатель также должен подробно описать соответствующие проверки, которые следует проводить по отношению к гражданину, претендующему на право голоса. Кстати, на этом этапе также могут возникнуть определенные трудности, так как иностранного гражданина достаточно тяжело привлечь к административной или уголовной ответственности за совершение деяний.

Последний и, возможно, самый главный вопрос, который ставит под сомнение целесообразность предоставления права голоса иностранцам: «Насколько же подобная прерогатива затронет интересы местного населения страны?»

Общеизвестным является факт, что данное государство активно предоставляло убежище беженцам из арабских и африканских государств, которые на сегодняшний день укоренились на французской земле и стали выражать желание принимать активное участие в формировании власти на местном уровне.

Проект закона, который должен дать проживающим в стране иностранцам дополнительные и очень важные права, внес в парламент председатель юридической комиссии Национального собрания депутат правительственного блока Саша Улье. Правда, его идею поддержали далеко не все. «Правые силы» парламента Франции высказали свое мнение о возможном наступлении «африканского и арабского коммунитаризма», дополнительно подчеркивая, что французские граждане давно высказывают недовольство относительно чрезмерно большого потока иммигрантов [7]. Тем более, что их культура, традиции, религия, мировоззрение существенно отличаются от европейского менталитета.

В приведенной ситуации население страны вполне осознанно остерегалось увеличения

политических сил иностранных граждан в муниципальном образовании, особенно если они являются представителями совершенно другого мира.

Таким образом, идея о предоставлении избирательного права иностранцам была «заточена» исключительно под государства-членов Европейского Союза и, возможно, Российская Федерация закрепляла такое право также с перспективой более тесного сотрудничества членов Содружества Независимых Государств или же ныне активно развивающегося Таможенного союза.

При этом, вспоминая противоречия относительно обсуждения Закона о предоставлении мигрантам права голоса во Франции, обратим внимание, что одним из первых контраргументов стал вопрос о необходимости ограждения собственных граждан от негативных последствий.

Действительно, порой в связи со сложной политической или техногенной обстановкой страны предоставляют гуманитарную помощь в виде проживания на собственной территории. Таким образом, в муниципальном образовании количество иммигрантов может превышать количество проживающих в нем местных жителей.

Резюмируя изложенное, приходим к следующему выводу. Безусловно, концепция наделения правом голоса иностранных граждан не является негативной и выглядит вполне прогрессивно в контексте идеального мироустройства. Вместе с тем реальность диктует контраргументы безукоризненно написанным постулатам демократии. В современное время предоставление права голоса иностранцам хотя и является шагом к повышению уровня народовластия, но одновременно представляет собой определенные риски для государств из-за мирового политического кризиса и отсутствия должного международного сотрудничества. Это делает идею предоставления избирательных прав иностранным гражданам преждевременной и не до конца проработанной.

Список источников

1. Конвенция об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне ETS № 144 (Страсбург, 5 февраля 1992 года).

2. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) // Журнал — N C. 2016, 7 июня 2016 года.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с изм. от 6 октября 2022 года). URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 20.11.2023).

4. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ // Российская газета. 2002. 31 июля.

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 2 ноября 2023 года) // Российская газета. 2003. 8 октября.

6. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 51, ст. 582.

7. Иностранцам во Франции предлагают выбор // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5512838> (дата обращения: 20.11.2023)

References

1. Convention on the participation of foreigners in public life at the local level ETS no. 144 (Strasbourg, February 5, 1992) (In Russ.)

2. Treaty on the European Union (Maastricht, February 7, 1992). *Journal — N C of 2016 June 7.* (In Russ.)

3. Constitution of the Russian Federation: adopted of December 12, 1993 by popular vote (as amended on October 6, 2022). URL: www.pravo.gov.ru (accessed 20.11.2023). (In Russ.)

4. On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation: federal law no. 115-FZ of July 25, 2002. *Rossiyskaya Gazeta*, 2002, July 31. (In Russ.)

5. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: federal law no. 131-FZ of June 10, 2003. *Rossiyskaya Gazeta*, 2003, August 8. (In Russ.)

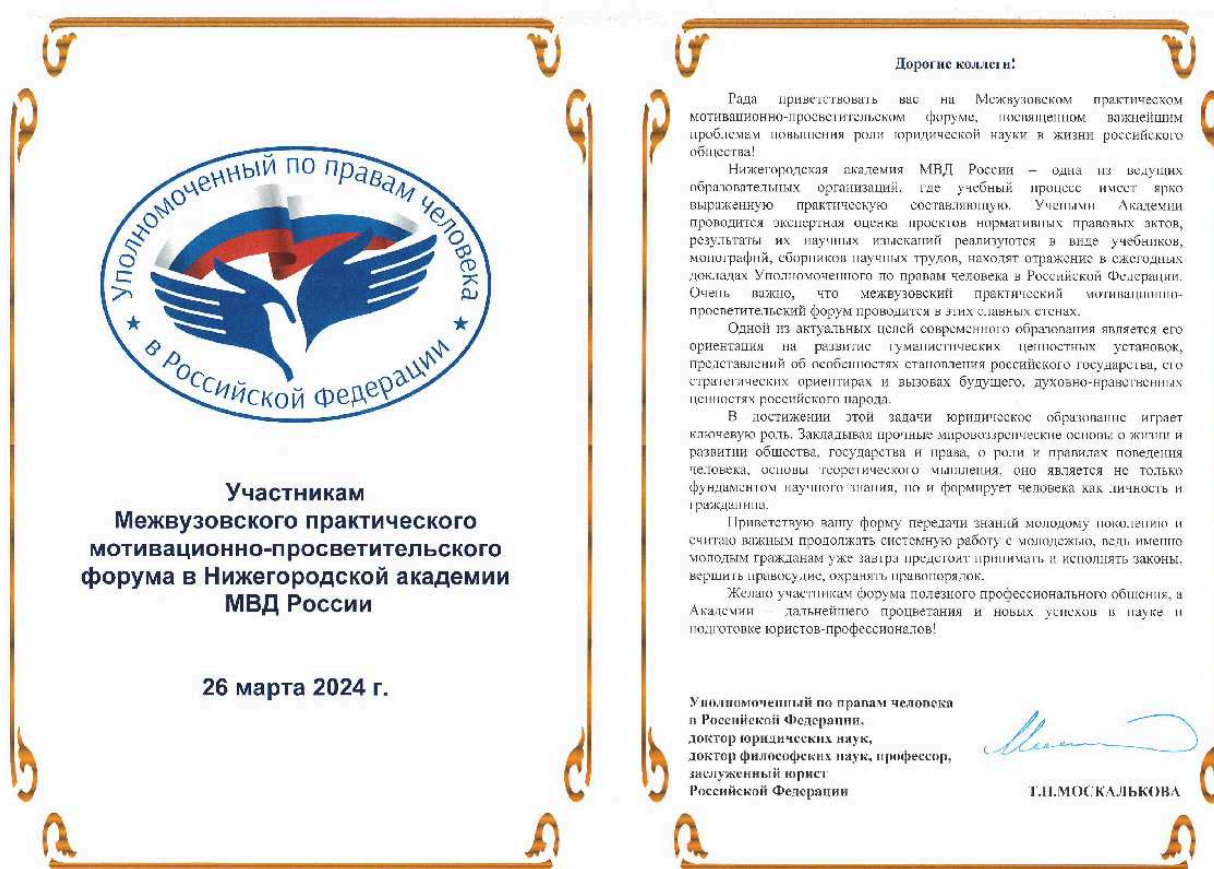
6. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918). *SU RSFSR*, 1918, no. 51, art. 582. (In Russ.)

7. Foreigners in France are offered a choice. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5512838> (accessed 20.11.2023) (In Russ.)

Обзор выступлений межвузовского международного практического
мотивационно-просветительского форума по докладу
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора А. В. Малько
«О роли современной юридической науки в жизни российского общества
(проблемы «научного туризма» — как я стал почетным профессором
в Китае и читал лекции в Германии)», состоявшегося 26 марта 2024 года
на базе Нижегородской академии МВД России

Review of the presentations of the interuniversity practical motivational
and educational forum on the report of the Honored Scientist
of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A. V. Malko
“On the role of modern legal science in the life of Russian society
(problems of “scientific tourism” — how I became an honorary professor
in China and lectured in Germany)”, held on March 26, 2024 on the basis
of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

В форуме в очном формате и по видео-конференц-связи
приняли участие около 300 человек

Форум открыл доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» В. М. Баранов, который огласил приветственное слово Уполномоченного по правам человека Российской Федерации Т. Н. Москальковой и предоставил слово для выступления начальнику Нижегородской академии МВД России генерал-майору полиции, доктору юридических наук, академику РАЮН Константину Анатольевичу Плясову.

Тема выступления К. А. Плясова — **«Роль юридической науки в поиске, постановке, решении инновационных экономических, организационно-управленческих, культурно-воспитательных проблем современной России».**

Уважаемый Александр Васильевич!
Уважаемые коллеги и гости!

Приветствую вас в стенах Нижегородской академии МВД России, которая 5 ноября 2027 года будет отмечать свое 100-летие.

Сегодня мы проводим второй межвузовский научно-практический мотивационно-просветительский форум — жанр новый, интересный, позволяющий применять самые разные форматы научной коммуникации.

Напомню: первый Форум состоялся 30 июня 2023 года по докладу председателя комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Российской Федерации Сергея Владимировича Кабышева и был посвящен развитию системы высшего юридического образования в России.

Материалы Форума опубликованы в третьем номере журнала «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России» за 2023 год (относится к первому квартилю перечня ВАК при Минобрнауки Российской Федерации) и получили широкий отклик юридической общественности. В журнале на освещение этого материала было отведено 178 страниц. Более того, развернутая информация о первом Форуме размещена в Библиографическом указателе Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук «Правоведение и политология» в первом номере за 2024 год, который, как известно, распространяется по всему миру. Ясно, что это работает на имидж академии, и я призываю организаторов иных академических научно-презентационных мероприятий следовать этому примеру.

Материалы сегодняшнего Форума будут размещены во втором номере нашего ваковского журнала, и я уверен, что они окажутся столь же активно востребованы.

Тема Форума — роль юридической науки в жизни современной России — насколько актуальна, настолько и дискуссионна.

Об особой актуальности Форума свидетельствуют два новейших и очень содержательных указа Президента Российской Федерации: Указ Президента России от 28 февраля 2024 года № 145 «О стратегии научно-технического развития Российской Федерации» и Указ Президента России от 28 февраля 2024 года № 146 «О стратегических целях и задачах развития Российского научного фонда на период до 2030 года». В один день принято сразу два стратегических документа о развитии науки, и очевидно, что они не могут кардинально не повлиять на трансформацию существующих в юридической науке проблем.

Касаясь **содержательной стороны** темы Форума, сформулирую серию совсем не риторических и весьма непростых вопросов, которые не могут не волновать, и, полагаю, что их раскрытию посвятят свои выступления и статьи участники нашей встречи:

- посредством каких содержательных и технико-юридических средств российская юридическая наука может способствовать становлению многополярного правопорядка?
- как сконцентрировать ресурсы юридической науки для преодоления рисков мировоззренческого характера, присутствующих в концепциях фашизма, национализма, терроризма, экстремизма?
- каково соотношение юридической науки и правовой идеологии в современной России?
- как юридической науке достоверно и своевременно обнаруживать новые междисциплинарные связи с другими гуманитарными науками и естественно-техническими дисциплинами?
- какие инновационные правовые режимы может и должна предложить российская юридическая наука в условиях внешних и внутренних угроз и вызовов?
- на основе каких критериев можно ранжировать юридические науки на фундаментальные и прикладные?
- какова реальная ценность научных отраслей частного и публичного права?
- как повысить доверие гражданского общества к результатам современной юридической науки в России?
- как влияет ныне и как должна влиять на развитие юридической науки цифровизация?
- каковы пределы внедрения в юридическую науку искусственного интеллекта?
- повысилась или понизилась роль уголовно-правовой науки, науки оперативно-розыскной деятельности в условиях проведения специальной военной операции на Украине?

Применительно к уголовно-правовой проблематике, которой много лет занимаюсь я, «будоражат» следующие вопросы:

- каково значение уголовно-правовой охраны внешнеэкономической деятельности в современных геополитических условиях?
- насколько изменения российского и международного права обеспечивают эффективность функционирования внешнеэкономических процессов?
- можно ли признать взаимодействие гражданского, таможенного и уголовного законодательства в вопросах противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности успешным?
- в какой степени юридическая доктрина может повлиять на совершенствование действующего правового механизма противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности?

Эти и многие другие вопросы (а их число легко увеличить) беспокоят не только ученых, преподавателей юридических вузов, практиков-юристов, но и граждан России.

Благодарю профессора Александра Васильевича Малько за участие в Форуме, за подготовку заглавного доклада.

Желаю участникам Форума (особенно присутствующим здесь молодым исследователям) творческих успехов, обогащения новыми идеями.

Далее профессор В. М. Баранов осветил жизненный путь и достижения в научной, учебной и общественной деятельности профессора А. В. Малько. Представляя докладчика, В. М. Баранов отметил, что профессора Эйнштейна после его доклада на научной конференции спросили, какой момент на конференции был самый трудный. «Самая большая трудность заключалась в том, — ответил великий физик, — чтобы разбудить аудиторию, когда закончил нудную и долгую вступительную речь джентльмен, представляющий меня публике».

Я бы не хотел выступить в роли подобного «джентльмена» и потому значительную часть информации не стану озвучивать, а представлю ее на слайдах.

Историку В. Ключевскому (1841–1911) принадлежат замечательные слова: «В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли»¹. Вот почему перед вами на экране информация об основных трудах А. В. Малько и фотоэтюды из его научной жизни. Полагаю, что это значительно «приблизит» нас к сегодняшнему гостю и поможет понять масштаб его личности.

Александр Васильевич Малько — выпускник Саратовского юридического института имени Д. И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия). Окончил СЮИ с отличием и был направлен в очную аспирантуру по кафедре теории государства и права. В 1985 году досрочно защитил кандидатскую диссертацию («Законные интересы советских граждан» под научным руководством профессора Н. И. Матузова), а в 1995 году — докторскую диссертацию («Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект»). С 1996 года профессор кафедры теории государства и права СГЮА. С 1999 года — директор Саратовского филиала Института государства и права РАН. С 2020 года — профессор и главный научный сотрудник Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в Саратове.

А. В. Малько — специалист в области теории государства и права и политологии. Он, в частности, разработал основы теории законных интересов, правового стимулирования и правового ограничения как парных юридических категорий,

правовых поощрений и льгот, привилегий и иммунитетов, целей и средств в праве, правовых актов, правовых режимов, правовой жизни общества. Одним из первых стал активно исследовать актуальные в современных условиях проблемы лоббизма и популизма в политической и правовой жизни России — новое приоритетное направление в юриспруденции и политологии. Выступает основным разработчиком категории правовой политики — важнейшей политико-правовой категорией XXI века, оказывающей заметное влияние на правовое развитие страны, выстраивание ее полноценной правовой системы, упорядочение весьма противоречивой правовой жизни общества.

Всего им опубликовано более 1 100 научных работ. Среди них более 30 монографий, более 80 учебников и учебных пособий. Работы, кроме России, изданы в Китае, Германии, Польше, Беларуси, Казахстане, Таджикистане и других странах.

Наиболее значимыми являются следующие книги: Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект (Саратов, 1994); Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики (Тольятти, 1999); Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы (Москва, 2000); Смертная казнь в России: история, политика, право (Москва, 2003); Стимулы и ограничения в праве. (2-е издание переработанное и дополненное. Москва, 2003); Цели и средства в праве и правовой политике (Саратов, 2003); Льготная и поощрительная правовая политика (Санкт-Петербург, 2004); Законные интересы как правовая категория (Санкт-Петербург, 2004); Льготы в российском праве (проблемы теории и практики) (Саратов, 2004); Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения (Пенза, 2005); Правовая жизнь общества (Саратов, 2007); Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения (Москва, 2010); Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект. 3-е издание дополненное и переработанное. LAPLAMBERTAcademicPublishing. (Saarbrücken, Germany, 2011); Теория правовой политики (Москва, 2012); Правотворческая политика в России: история и современность (Москва, 2014).

А. В. Малько выступил инициатором и руководителем ряда общероссийских проектов:

— **доктринальных документов** — проектов Концепций: антикоррупционной политики современной России; правовой политики в Российской Федерации; правотворческой политики в Российской Федерации; правоохранительной политики в Российской Федерации; правозащитной политики в Российской Федерации; правовой политики субъекта Российской Федерации

¹ Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневник. Москва: Мысль, 1993.

(на примере Тамбовской области); муниципально-правовой политики в Российской Федерации; правовой политики в сфере юридической ответственности;

— **междисциплинарных монографий:** Теория политики: общие вопросы (Саратов, 1994); Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект (Саратов, 2005); Антикоррупционная политика в современной России (Саратов, 2006); Правовая политика России: проблемы теории и практики (Москва, 2007); Современные методы исследования в правоведении (Саратов, 2007); Политическая и правовая жизнь изменяющейся России: проблемы качества и стратегии развития (Саратов, 2007); Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция (Саратов, 2008); Правовая политика в Российской Федерации: региональный уровень (Тамбов, 2008); Публичная власть: проблемы реализации и ответственности (Саратов, 2011); Правовые режимы: общетеоретический и отраслевой аспекты (Москва, 2012); Запреты в праве в правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты (Москва, 2018); Правовые акты как средства российской правовой политики в условиях глобализации и регионализации (Москва, 2018); Судьба Евросоюза и уроки для России (Пенза, 2018); Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации (Москва, 2018); Интерпретационная правовая политика в современной России в условиях глобализации и регионализации (Москва, 2018); Правовая политика современной России в условиях глобализации и регионализации (Москва, 2019); Правовая политика как способ модернизации правовой системы общества (Москва, 2019); Правовая культура. Правовая политика. Права человека: XXI век (Саратов, 2020); Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий (Москва, 2020); Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив (Тамбов, 2021); Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации (Москва, 2023); Теневая правовая жизнь общества (Москва, 2023) и др.;

— **серии «Юридические словари России»:** Антикоррупционная политика: словарь-справочник (Москва, 2006); Краткий юридический словарь (Москва, 2007); Большой юридический словарь (Москва, 2009); Правовая политика: словарь и проект концепции (Саратов, 2010); Юридический словарь для государственных и муниципальных служащих (Саратов, 2012); Антинаркотическая политика: словарь-справочник (Саратов, 2012); Юридический словарь для сотрудников пенитенциарной системы (Самара, 2013); Юридическая энциклопедия (Саратов, 2013); Экспертиза: юридический словарь-справочник (Москва, 2018); Юридический словарь для предпринимателей (Москва, 2018); Юридический словарь для военнослужащих (Москва, 2018); Электоральная правовая политика современной России: словарь-справочник (Москва, 2018); Информационно-правовая политика в современной России: Словарь-справочник (Москва, 2019); Юридический словарь для сотрудников органов внутренних дел (Москва, 2019); Правовая политика современной России в Арктике: словарь-справочник (Москва, 2020); Юридическая ответственность: доктринальный словарь (Москва, 2020); Гражданское общество: юридический словарь-справочник (Москва, 2021); Правозащитная политика в современной России: словарь и проект Концепции (Москва, 2021); Земельно-правовая политика в современной России: словарь-справочник (Москва, 2021); Юридический словарь-справочник для судебных приставов (Москва, 2021); Российская правовая политика в сфере общественного контроля: словарь-справочник (Москва, 2022); Финансово-правовая политика в современной России: словарь (Москва, 2023); Юридический словарь для работников прокуратуры (Москва, 2023); Юридический словарь для следователей (Москва, 2024) и др.;

— **серии учебно-методических комплексов (УМК):** Теория государства и права (Москва, 1999); Конституционное право России (Москва, 2000); Основы политологии (Москва, 2000); Конституционное право зарубежных стран (Москва, 2004); Сравнительное правоведение (Москва, 2010); Правовая политика (комплексный подход к усовершенствованию государственной и правовой жизни общества) (Москва, 2019) и др.;

— **курсов лекций:** Теория государства и права (2-е изд. Москва, 1997); Проблемы теории государства и права (Москва, 2001); Российская правовая политика (Москва, 2003); Общая теория государства и права. Академический курс в 3 томах / под ред. М. Н. Марченко (3-е изд. Москва, 2007); Теория государства и права (Москва, 2012); Правотворческая политика в современной России (Москва, 2022); Правоприменительная политика в современной России (Москва, 2024) и др.

При научном консультировании А. В. Малько защищено 11 докторских диссертаций (С. В. Жильцов, О. И. Чердаков, Н. В. Исаков, М. Б. Тленкопачев, А. Ю. Саломатин, В. П. Беляев, Л. В. Голоскоков, И. С. Барзилова, В. В. Субочев, А. П. Мазуренко, С. Ю. Суменков).

Под научным руководством А. В. Малько защищено 65 кандидатских диссертаций.

При непосредственном участии А. В. Малько был создан Саратовский филиал Института государства и права РАН, которым он руководил более двадцати лет. По его инициативе создан Научно-образовательный центр федеральных и региональных проблем правовой политики совместно с Саратовской государственной юридической академией, а также целый ряд научно-образовательных центров с ведущими вузами Саратова и других городов Российской Федерации. Более двадцати лет А. В. Малько являлся главным редактором созданного им научного журнала «Правовая политика и правовая жизнь», а также членом редколлегии ряда ведущих научных журналов. С 2020 года — главный редактор журнала «Правовая культура».

Его отличает научное подвижничество, выражающееся, в частности, в том, что он постоянно в разных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Краснодар, Саратов, Самара, Тольятти, Волгоград, Рязань, Ульяновск, Кострома, Белгород, Саранск, Тамбов, Пенза, Астрахань, Махачкала, Сочи, Ставрополь, Пятигорск, Таганрог, Казань, Ханты-Мансийск, Мурманск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Хабаровск, Владивосток и др.), а также за рубежом (Армения, Казахстан, Таджикистан, Южная Осетия) проводит научно-практические «круглые столы» журналов «Государство и право» и «Правовая культура», совмещая их с читательскими конференциями.

В 2014 году читал лекции в Трирском университете (Германия, г. Трир).

В 2021 году единственный из России вошел в TOP-100 ученых мирового и европейского рейтинга по версии *Rankings for Scientist* в разделе «Право / Правовые исследования», заняв 39-е место в мировом рейтинге среди ученых-юристов и 4-е место в европейском рейтинге.

В 2022 году занял 7-е место и вошел в TOP-30 российских правоведов, внесших наибольший вклад в развитие юридической науки в современной России (Академические репутации и социальный портрет российских ученых-юристов / под ред. К. Титаева. Санкт-Петербург, 2022. С. 16).

В 2023 году занял 1-е место в рейтинге среди ученых-юристов в странах БРИКС, 9-е место — в европейском и 60-е место (единственный из России) в мировом рейтинге.

Значимость научных разработок подтверждается высоким уровнем цитирования в системе РИНЦ; Хирш — 64.

А. В. Малько включен в академические справочники «Кто есть кто в политической науке России» (Москва, 1996) и «Кто есть кто в юридической науке и практике» (Москва, 2001), в энциклопедический словарь биографий «Видные ученые-юристы России» (Москва, 2006) и в энциклопедический словарь биографий «Правовая наука и юридическая идеология России» / отв. ред. В. М. Сырых (Москва, 2014. Т. IV). Создана и действует специальная страница в интернете, посвященная его творчеству.

С 2012 года А. В. Малько является почетным профессором Чжэнчжоуского государственного университета (Китайская Народная Республика). В 2012 году стал лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу (за монографию «Теория правовой политики»). С 2014 года и по настоящее время решением аттестационной комиссии по аккредитации экспертов он аккредитован в Федеральном реестре экспертов научно-технической сферы.

В 2008 году Указом Президента РФ ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 2023 году награжден медалью Анатолия Кони.

Один личный момент. Так сложилось, что у меня и А. В. Малько одна альма-матер — Саратовский юридический институт, но по некоторым доктринальным проблемам — мы убежденные противники. Например, он горячий поборник и основной разработчик теории позитивной юридической ответственности, которую я категорически не признаю и даже издал в 2022 году в московском издательстве «Проспект» монографию с хлестким названием «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника». Он исследует категорию «правовая жизнь», я же исхожу из того, что это метафора, а не правовое явление.

Я это констатирую не для того, чтобы А. В. Малько стал сейчас объяснять мои заблуждения и доказывать свою научную правоту. Я о другом — такие многолетние научные расхождения не мешают нам оставаться друзьями и сам факт приезда А. В. Малько в Нижегородскую академию МВД России яркое тому свидетельство.

Завершить представление докладчика хочу последним абзацем упомянутой монографии о позитивной юридической ответственности. Он применительно к А. В. Малько звучит так: «Считаю необходимым высказать одно суждение этического плана. Так получилось, что огонь критики конструкций позитивная юридическая ответственность и поощрительная санкция пал в основном

на рассуждения и аргументы профессора А. В. Малько. Мне бы не хотелось, чтобы у читателей сложилось впечатление некоей предвзятости по отношению к этому известному правоведу, с которым я давно и близко знаком, сотрудничаю по самым разным исследовательским проектам. Просто он с присущим ему талантом сумел весьма ярко презентовать в своих трудах наиболее выигрышные стороны, нюансы, моменты эфемерной позитивной юридической ответственности. Я искренне старался быть объективным в критическом цитировании позиций сторонников и противников концептов позитивной юридической ответственности и поощрительной санкции.

Не в качестве комплимента или своеобразного извинения за прозвучавшую в настоящей работе (может быть иногда излишне резкую) критику, а ради справедливости констатирую: А. В. Малько, обладая редким чувством нового, даром юридического предвидения, мощной работоспособностью, был, есть и будет оригинальным российским правоведом, основателем крупной неординарной научной школы».

Особо и с глубоким удовлетворением должен отметить, что профессор А. В. Малько на протяжении многих лет сотрудничает с Нижегородской академией МВД России. Его первая статья о государственной политике в сфере интеграции образования и науки опубликована в Нижнем Новгороде в сборнике статей о развитии научного потенциала Приволжского федерального округа в 2005 году. Затем он принимал участие в целом ряде международных научно-практических форумов «Юртехника»: «Законодательная дефиниция» (2007 год), «Правотворческая ошибка» (2009 год), «Кодификация законодательства» (2009 год), «Юридическая конструкция» (2013 год), «Стратегия законодательства» (2015 год), «Ограничение в праве» (2019 год) — вот темы форума, в разработке которых своими неординарными статьями принял участие А. В. Малько. Кроме того, в 2018 и 2019 годах профессор предложил свое видение дискуссионной проблемы норморайтера. В журнале «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России» им опубликовано в разные годы шесть статей: о правовой политике России, охранительной функции права, межгосударственных конфликтах, усовершенствовании правоинтерпретационной деятельности, имплементированных правовых конструкциях в конституционном праве России. И самое последнее. Надеюсь, что профессор А. В. Малько представит нам сегодня не просто мини-лекцию, не только глубокий доктринальный доклад, а даст своего рода мастер-класс, раскроет свою «творческую кухню».

Именно это позволит присутствующую здесь молодежь вовлечь в юридическую науку, привить вкус к исследовательской деятельности, а опытным преподавателям даст возможность сравнить свой научный багаж с опытом А. В. Малько.

Может быть, когда-то кто-то из присутствующих здесь адъюнктов, аспирантов, соискателей, слушателей и курсантов, студентов, став профессором либо даже академиком, на каком-то презентационном мероприятии или собственном юбилее торжественно заявит: «Я решил заниматься юридической наукой после творческой встречи с профессором А. В. Малько в Нижегородской академии МВД России».

Время, конечно, покажет, но я полагаю: это один из вполне возможных реальных результатов нашей сегодняшней встречи.

Не сомневаюсь, что предмет доклада А. В. Малько и его творческое видение темы с неизбежностью вызовут дискуссию, материалы которой мы обнародуем во втором номере журнала «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России».

В рамках межвузовского практического мотивационно-просветительского форума «О роли современной юридической науки в жизни российского общества (проблемы «научного туризма» — как я стал почетным профессором в Китае и читал лекции в Германии)» участники мероприятия задали вопросы А. В. Малько по данной тематике, на которые профессор дал обстоятельные и неординарные ответы.

Одобрив в целом выдвинутые профессором А. В. Малько идеи, выводы, предложения о роли юридической науки в жизни российского общества, участники обсуждения проблемы предложили следующее.

Малько Александр Васильевич,

доктор юридических наук, заслуженный деятель
науки Российской Федерации
профессор Поволжского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

О роли юридической науки в современном российском обществе

Поскольку мой доклад ориентирован на предельно широкую аудиторию (включая адъюнктов Нижегородской академии МВД России), я постараюсь более доступно рассказать о роли юридической науки в современном обществе, используя определенные примеры и имеющийся собственный опыт, через призму, что называется, сделанного.

О науке и ее роли в обществе. Если говорить в самом общем виде, то **наука** — это сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и упорядочение объективных знаний о действительности, а также оптимальное их использование на практике. Следовательно, с ролью науки (в том числе и юридической) связана известная триада действий: 1) производство новых знаний, идей; 2) их систематизация; 3) использование их как для развития самой науки, так и для практики.

Попытаюсь показать роль юридической науки на примере такой идеи, как «правовая политика», которая за последнее время уже стала полноценной категорией.

О правовой политике как категории XXI века. Ее разработка — одна из главных задач юридической науки, прежде всего теории государства и права. Вокруг нее ведется оживленная научная дискуссия, в процессе которой проявляются причины образования этой категории, ее место и роль в системе современной юриспруденции.

Любая категория вводится в науку тогда, когда для этого «созревают» соответствующие условия, когда накапливаются необходимые знания, формируются «близлежащие» понятия, появляются востребованные этими и иными обстоятельствами новые методы исследования и т. д. Так случилось и с категорией правовой политики. Сначала научная информация об этом явлении «складывалась» в учении о политике права, которое, как и всякое иное научное направление, в основном ориентировалось на идеальное, должное право, затем данные сведения были востребованы практикой, и заговорили уже о правовой политике, которую должны проводить в жизнь государственные органы и т. п. В середине XX века появляются системный подход и другие методы, которые были уже в состоянии полноценно исследовать названный весьма сложный междисциплинарный феномен, имели необходимые познавательные ресурсы для анализа существующих в таком масштабном явлении связей, а также взаимодействия его с другими масштабными явлениями (например, с одной стороны, с правовой системой, правовой жизнью общества, а с другой стороны, с экономической, социальной, информационной политикой и т. п.). Все это позволило вплотную заняться изучением рассматриваемого феномена, и уже в начале XXI века стала складываться теория правовой политики, стала формироваться соответствующая категория, выражающая процессы оптимизации права, пути правового развития общества и т. д. Категория «правовая политика» начинает формироваться, по сути, только тогда, когда возникает жизненная необходимость в явлении «правовая политика», в соответствующей системной, последовательной и научно обоснованной деятельности в сфере правового регулирования, когда право начинает высоко цениться и с ним связывают возможность усовершенствования государства — доведения его до уровня правового государства.

Если говорить кратко, то под **правовой политикой** предлагаю понимать деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по усовершенствованию правовой системы в целом¹.

Правовая политика — это одна из главных категорий юридической науки (наряду с правом, правовой системой и правовой жизнью общества). Она отражает весьма богатую по содержанию политико-правовую реальность: последовательную и системную деятельность, нацеленную на введение новаторских технологий и конструкций в юридическую сферу, на внесение в правовое развитие большей стратегической определенности и тактической гибкости. Ее специфика состоит

¹ См.: Малько А. В. Теория правовой политики. Москва, 2012.

в том, что она выступает одной из форм проведения государственной политики и средством юридической легитимации официального политического курса страны, вырабатывает стратегию и тактику правового развития общества.

Здесь принципиально важным моментом выступает теснейшая связь правовой политики с правовой системой и правовым развитием точно так же, как и связь экономической политики с экономической системой и экономическим развитием, информационной политики с информационной системой и информационным развитием и т. д. В силу этого она, будучи многогранной и многофункциональной, «учит» уметь обращаться как с целями, так и со средствами правового регулирования, «ищет возможности» усилить гарантии осуществления прав человека и его юридических обязанностей, создает условия для устранения пробелов, коллизий и иных дефектов в правовой системе, которым она призвана противодействовать. Уникальность правовой политики заключается в том, что она так или иначе может влиять на все стороны правовой жизни общества: и на правотворчество (через такую свою форму реализации, как правотворческая политика), и на правоприменение (через правоприменительную политику), и на юридическое образование и воспитание (через воспитательно-обучающую политику) и т. п.

Есть и другие виды правовой политики — отраслевые. Среди наиболее «ранних» разновидностей правовой политики заметно выделяется уголовная, в рамках которой разрабатывается стратегия и тактика борьбы с преступностью.

О конституционно-правовой политике и необходимости новой Конституции России. Наиболее же значимо влияя на правовое развитие общества политика конституционная, которая призвана «заботиться» о содержании и форме Конституции конкретного государства, о соответствии ее национальной идентичности и культуре.

Однако это далеко не всегда хорошо получается. Взять хотя бы Конституцию Российской Федерации 1993 года, которая имеет ряд недостатков, «требующих» обновленной версии нашего Основного закона. О необходимости его принятия с позиций конституционно-правовой политики мне приходилось неоднократно высказываться¹. И хотя изменения 2020 года сделали данный политико-правовой акт более российским, заметно «приблизили» его к нашей национальной правовой культуре, процесс конституционного реформирования еще не завершен, обойтись полумерами, думаю, не получится. Ведь Конституция Российской Федерации 1993 года — акт, во многом «скопированный» с западных основных законов (Франции, Германии и др.), которые выступают конституционными ориентирами именно для либеральных стран.

Отсюда есть еще положения в Конституции Российской Федерации, которые создают внутреннюю противоречивую ситуацию в силу того, что, с одной стороны, они были механически заимствованы, а с другой — их пытались «навязать» как якобы общечеловеческие и цивилизованные стандарты (а на самом деле прозападные). **Противоречия содержатся в положениях о разделении властей** (явно не согласованы статья 10, в которой закреплено, что «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» и часть первая статьи 11, где уже указано, что «Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации»), **о федеральном устройстве** (достаточно посмотреть на статью 5 Конституции, где в первой части установлено, что «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации», а во второй — нечто противоречащее: «Республики (государство)...»; **о правах и свободах человека и гражданина** (которые без полноценной системы юридических обязанностей и ответственности превращаются в лучшем случае в декларации, а в худшем — во вседозволенность). Эти и иные противоречия и нестыковки не позволяют правовое пространство страны привести в единство, ибо сам образец — изначально противоречив, что не может не сказываться и на правовом развитии общества.

Нужна новая Конституция Российской Федерации, которая была бы изначально пророссийской, выражающей национальные интересы, традиционные духовно-нравственные ценности,

¹ См., например: Малько А. В. Конституционно-правовая политика современной России // Право и политика. 2001. № 6; Его же. Льготная и поощрительная правовая политика. Санкт-Петербург, 2004. С. 31–34; Его же. Теория правовой политики. Москва, 2012. С. 236–240.

которая бы отражала наши идеи народовластия, а не так называемой либеральной демократии. И самое главное — новой «путинской» Конституции требуется (в отличие от «ельцинской») более высокий уровень ее легитимности, поэтому при ее обсуждении и принятии важно значительно повысить степень правового сотворчества¹, в рамках которого институты гражданского общества и в целом избиратели более активно бы участвовали как во всенародном обсуждении, так и во всенародном голосовании (референдуме). Вовлекая «широкие народные массы» в данные совместные процессы сотворчества, тем самым создаются условия для более высшего непосредственного выражения власти народа и, как следствие, более полного соблюдения и эффективно-го действия такого политико-правового акта. Вполне можно согласиться с теми специалистами, которые весьма убедительно говорят о необходимости в современных условиях принятия именно новой Конституции Российской Федерации².

О концепциях как форме научных знаний. Различные теории, как и любое систематизированное научное знание, могут облекаться в различные формы. Одной из таких форм выступает концептуализация подходов в области правового регулирования, что является одной из первоочередных задач современной юридической науки.

Действительно, продукт, который должна давать юридическая наука, может быть выражен в более концентрированной, аргументированной, системной форме — в форме концепций. Особенно это касается крупных научных проблем, наиболее востребованных как наукой, так и практикой. Зачастую ученые сетуют на власть, практиков, что они далеко не всегда прислушиваются к их разработкам. В этом есть немало истины. Однако и ученые подчас не всегда дают научный продукт в целостном виде. Научные наработки будут выглядеть гораздо убедительнее и заметнее влиять на власть, на соответствующие правотворческие и правоприменительные структуры, если их давать на уровне концепций, где научные взгляды оформляются в более основательном, аргументированном, комплексном виде.

На этапе кардинальных трансформаций, происходящих сейчас в России, все больше становится очевидным, что законодательство не может развиваться вне четкой и обоснованной концептуальной основы. На подобные вызовы времени ученые-юристы отвечают уже не один год, разрабатывая и предлагая свои научные наработки в форме концепций. Так, выдержали не одно издание «Концепции развития российского законодательства»³, подготовленные сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Институт государства и права РАН была предложена концепция стабильности закона, выраженная в форме монографического исследования⁴, профессором В. М. Барановым написано учебное

¹ «Под правовым сотворчеством следует понимать процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)» (Трофимов В. В., Свиридов В. В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 4. С. 109).

² См., например: Клеандров М. И. О неизбежности разработки и принятия новой Конституции Российской Федерации и что в ней должно быть // Государство и право. 2022. № 1. С. 7–18; № 3. С. 7–18; Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского Университета. Серия: Право. 2023. Т. 64. № 1. С. 3–21.

³ См., например: Концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. Москва, 1994; Правовая реформа: концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 1995; Концепции развития российского законодательства / под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 1998; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2004; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. 5-е изд. перераб. и доп. Москва, 2010; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. 6-е изд. перераб. и доп. Москва, 2013.

⁴ См.: Концепция стабильности закона: монография / отв. ред. В. П. Казимирчук. Москва, 2000.

пособие «Концепция законопроекта»¹, профессором В. В. Лапаевой и доцентом Е. В. Бурдиной опубликованы свои концепции² и т. д.

Однако концепция концепции разн. У них могут быть совершенно различные уровни охвата правовой жизни. Например, процессы преобразований в российском обществе обнаружили острую необходимость обеспечения стратегии развития страны не только социально-экономической программой, но и концепцией правового развития государства. На сегодняшнем этапе успешная реализация приоритетных национальных проектов, решение актуальных общегосударственных проблем напрямую обусловлены проведением единой в масштабах всего государства эффективной правовой политики, которая ориентирована не только на развитие законодательства, но и на правовое развитие общества в целом.

О доктринальных документах как научном продукте. Все вышеобозначенные концепции можно обобщенно называть **доктринальными документами**, выступающими в качестве специфического жанра научного произведения. С одной стороны, это не монография, не статья, не тезисы (хотя доктринальный документ, несомненно, базируется на них). С другой — это и не элементарный конкретный законопроект, который обычно готовится в недрах органов власти (хотя структурно и содержательно что-то берет и от него). Это научный продукт, некий гибрид, специфическая «кодификация» накопленных научных знаний в важных сферах жизнедеятельности.

Особенности его состоят в том, что данный документ призван сочетать в себе специфическую монографичность (но обобщения в нем более высокого уровня, чем в обычной монографии) и концептуальный характер (который, в частности, предполагает концентрированную и системную форму изложения научной информации); во-вторых, он ориентирован как на науку, так и на практику.

Значение доктринального документа «вытекает» из того факта, что доктрина должна идти впереди правотворческих и правоприменительных структур. «Роль доктрины, — подчеркивал Р. Давид, — проявляется в том, что именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель»³. И в этом смысле доктринальный документ есть некий своеобразный неофициальный правотворческий почин.

О проектах концепций правовой политики как особом доктринальном документе. Если же говорить о конкретных доктринальных документах, то в современных условиях необходимо разработать Концепцию правовой политики Российской Федерации в качестве одной из ключевых составных частей стратегии сбалансированного и устойчивого развития страны. Настало время выстраивать программу последовательных и долгосрочных юридических действий.

Одним из вариантов такого документа в принципе можно считать проект Концепции правовой политики в Российской Федерации, в котором были системно изложены взгляды на модельную программу правового развития российского общества на ближайшую перспективу⁴. В дальнейшем он стал предметом специальных обсуждений на страницах научных журналов, книг, диссертаций. В 2008 году было опубликовано второе (доработанное и дополненное) издание проекта Концепции правовой политики в Российской Федерации⁵, а в 2010 году — третье⁶.

Данный документ представляет собой систему теоретических положений, отражающих взгляды на сущность, цели, принципы, механизмы реализации и пути повышения эффективности правового регулирования в России в долгосрочной перспективе. Он разработан в целях гарантирования полноты и качества правового обеспечения основных направлений государственной политики, определенных в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, а также долгосрочных приоритетов стратегического развития России, учитывая их преемственность и внутреннюю взаимосвязь. Он призван стать ориентиром для органов власти при подготовке

¹ См.: Баранов В. М. Концепция законопроекта: учебное пособие. Нижний Новгород, 2003.

² См.: Лапаева В. В. Концепция совершенствования российского законодательства, регулирующего развитие исследований в области генома человека // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 2; Бурдина Е. В. Концепция электронного (цифрового) правосудия как основа теоретико-правового моделирования судебной системы // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект: сборник статей / отв. ред. Е. В. Алферова. Москва, 2021. С. 129–159.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. Москва, 1988. С. 143.

⁴ См.: Матузов Н. И., Малько А. В., Шундилов К. В. Правовая политика современной России: предлагаем проект концепции для обсуждения // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 6–27.

⁵ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А. В. Малько. Москва, 2008.

⁶ См.: Правовая политика: словарь и проект концепции / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2010.

и принятии нормотворческих, правоприменительных и интерпретационных актов, а также при разрешении коллизий.

В его развитии нужны более детальные концепции правотворческой, правоохранительной, правозащитной, судебной политики и другие, конкретизирующие и развивающие общую. Часть из вышеназванных уже подготовлена. Например, проект Концепции правовой политики стал основой для создания таких доктринальных документов, как проект Концепции правотворческой политики в Российской Федерации¹, проект Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации², проект Концепции муниципально-правовой политики в Российской Федерации³, проект Концепции правозащитной политики в Российской Федерации⁴, проект Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области) до 2035 года⁵. На современном этапе одним из важнейших направлений для разработки наиболее востребованных доктринальных документов выступает, в частности, научное сопровождение вхождения Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей в состав единого Российского государства. Это может быть воплощено в соответствующей Концепции российской правовой политики в сфере интеграции новых субъектов с Российской Федерацией. Роль данного документа весьма высока, ибо именно с помощью него можно будет более эффективно организовать правовое «слаживание» новых регионов, оптимизировать формирующееся в этой связи правовое пространство, выстроить целостную правовую систему страны. Он внесет в эти процессы порядок, некую последовательность, определит очередность необходимых юридических действий.

Данные концепции призваны создавать алгоритм развития той или иной сферы юридической деятельности, показывать вектор «возможного осуществления» ее различных видов. Только выходя на концептуальный уровень, современная юридическая наука с помощью инструментов правовой политики сможет помочь и соответствующей юридической практике.

Разработка доктринальных документов — важнейшее направление в современной юридической науке. В самом общем плане **доктринальный документ** есть научное произведение, направленное на исследование и усовершенствование как отдельного закона и массива законодательства, так и правовой системы (и соответственно правового развития) общества в целом.

В зависимости от степени охвата юридической материи (в зависимости от объема объекта исследования и усовершенствования) доктринальные документы могут подразделяться (условно говоря) на **специальные** (например, концепция одного законопроекта), **отраслевые (межотраслевые)** (например, концепции развития законодательства) и **общие (универсальные)** (концепции правовой политики, охватывающие «своим вниманием» правовую систему общества либо ее значительную часть). Если применить сравнение с организмом как биологической системой, то первые можно рассматривать как некую «клетку», вторые — как «органы», а третьи — как «организм».

Что касается специальных доктринальных документов, то с ними более-менее все понятно. Возникают проблемы тогда, когда нужно отличать отраслевые (межотраслевые) от общих (универсальных). Чем же отличаются научные концепции развития законодательства от концепций правовой политики?

Если объектом первых выступает оптимальное развитие законодательства, то объектом вторых — усовершенствование правовой системы общества в целом либо какой-то ее значительной части. В этой связи Ю. А. Тихомировым верно подмечено: «Как охарактеризовать научную концепцию развития законодательства? Примерное определение можно сформулировать следующим образом: это прогнозная модель его оптимального развития для решения актуальных задач государства»⁶. Несомненно, данные доктринальные документы, которые являются результатом

¹ См.: Малько А. В., Мазуренко А. П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). Москва, 2011.

² См.: Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2012.

³ См.: Концепция муниципально-правовой политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Ростов-на-Дону, 2013.

⁴ См.: Концепция правозащитной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А. В. Малько. Ульяновск, 2014.

⁵ См.: Концепция правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области) до 2035 года (проект) / под ред. А. В. Малько и В. В. Трофимова. Тамбов, 2021.

⁶ Тихомиров Ю. А. Введение // Научные концепции развития российского законодательства: 8-е изд., перераб. и доп. / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. Москва, 2024. С. 20.

труда больших научных коллективов и которые содержат детальный анализ отраслевого и межотраслевого нормативного материала, имеют огромное значение и для науки, и для практики. Они давно уже себя зарекомендовали в качестве ценного аналитического опыта.

Концепции же правовой политики — это доктринальный документ нового поколения, это другой вид научного продукта с иным уровнем концептуализации правовой материи, а отсюда и со сверхсложной (более общей и универсальной) природой. Они, естественно, могут базироваться на специальных и отраслевых доктринальных документах, в чем-то обобщать их материал. Они ориентированы не столько на развитие конкретного законодательства, сколько на правовое развитие общества в целом (правовой системы) или какого-либо его сегмента (правоохранительной, правозащитной, судебной и других систем). В этом смысле концепции правовой политики имеют более широкое социальное звучание, более объемный и одновременно более обобщенный охват правового материала. Получается, что они не связаны только с развитием законодательства, а «выходят» на более высокий уровень абстрагирования, «интересуясь» не только законами и подзаконными актами, но и иными источниками права (действующими юридическими обычаями, договорами и т. д.), не только уровнем нормативного правового регулирования, но и уровнем правоприменительной и правоинтерпретационной практики, а также проблемами развития юридической доктрины, правосознания, правовой культуры и т. п. Кроме того, нужно учитывать и то, что сама правовая политика — одновременно и юридический, и политический феномен. Когда мы говорим о ней, по сути, «речь идет о межсистемном институте. По своей социальной сущности и властно-управленческому потенциалу правовая политика — феномен преимущественно политический, а по функциональной направленности, характеру решаемых задач, ценностно-нормативным основаниям и формам реализации примыкает к правовой системе»¹.

Однако нужно помнить, что доктринальные документы выступают комплексными научными разработками и их нельзя отождествлять с доктринальными правовыми актами (как политико-правовыми актами, имеющими официальный характер, исходящими от компетентных субъектов, обладающими обязательностью и влекущими политико-правовые последствия). Если примерами первых можно считать, в частности, Концепции развития российского законодательства (в нескольких переизданиях)², проект Концепции правовой политики в Российской Федерации³, то примерами вторых — Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации; Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации, и др.

Иными словами, доктринальные документы и доктринальные правовые акты — принципиально разные с точки зрения юридического значения и юридических последствий явления. Их объединяет общий признак — доктринальный характер⁴.

О Концепциях правовой политики как новом политико-правовом акте. Доктринальный документ (как научный продукт) может трансформироваться в доктринальный правовой акт, если, например, органы публичной власти его утвердят как акт официальный.

Что же для этого нужно сделать?

Необходимо на основе имеющейся теории и проекта доктринального документа разработать Концепцию правовой политики в Российской Федерации до 2030 года как общий политико-юридический документ, охватывающий своим влиянием все правовое развитие общества. Такого документа (включая и Конституцию Российской Федерации) на сегодняшний день у нас нет. Его нужно создавать и официально на общегосударственном уровне утверждать указом Президента Российской Федерации по примеру того, как это уже сделано в ряде стран, в частности, приняты и действуют следующие политико-правовые акты:

— Концепция правовой политики Республики Казахстан утверждалась Указом Президента трижды: в 2002 году была принята до 2010 года, в 2010 году (обновленный вариант) — до 2020 года, а в 2021 году — опять обновленный вариант, но уже до 2030 года. В последнем варианте установлено, что она «является документом Системы государственного планирования, определяющим

¹ Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград, 2009. С. 188.

² См., например: Научные концепции развития российского законодательства: 7-е изд., перераб. и доп. / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. Москва, 2015.

³ См.: Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А. В. Малько. Москва, 2008.

⁴ См. подробнее: Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 1. С. 13.

приоритетные направления развития национального права, правоохранительной и судебной систем, внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, а также правового образования и правовой пропаганды»;

— Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы утверждена Указом Президента 6 февраля 2018 года, в которой наряду с совершенствованием отраслей права предложены меры по оптимизации правового просвещения, правовой пропаганды и правовой помощи;

— Концепция правовой политики Кыргызской Республики на 2023–2026 годы утверждена Указом Президента 31 мая 2023 года; в ней закреплено, что «основной целью правовой политики является обеспечение верховенства права, повышения уровня и качества правовой жизни общества и его структурных подразделений, более гарантированного осуществления прав человека и гражданина, интересов личности, а основными ее направлениями являются: 1) совершенствование нормотворческих процессов; 2) совершенствование правоприменительной практики; 3) правовое просвещение; 4) развитие права и науки»;

— Концепция правовой политики Республики Беларусь утверждена Указом Президента 28 июня 2023 года, в которой под правовой политикой понимается «научно обоснованная деятельность государства при участии граждан, общественных институтов по формированию и развитию всех элементов правовой системы», что «целями настоящей Концепции является обеспечение эффективного функционирования и дальнейшего совершенствования правовой системы в интересах белорусского государства, общества и граждан».

То, что Концепции правовой политики утверждены главами ряда вышеперечисленных государств, — знаковое событие. Это означает своеобразный «перевод» накопленных концептуальных знаний о правовой политике из доктринального документа в документ официальный, содержащий определенные ориентиры для юридической практики, для правового развития общества.

Требуется основательный анализ существующих Концепций правовой политики обозначенных стран с тем, чтобы и в России наконец-то был принят соответствующий политико-правовой акт. Хотя нужно отметить, что впервые еще в 2001 году о необходимости разработки подобного документа с конкретными предложениями по его содержанию и структуре было сказано именно в России¹. В 2002 году реакция последовала не из российских органов власти, куда были отправлены соответствующие материалы, а из Казахстана, где, по сути, воплотились в жизнь предлагаемые мною идеи, разумеется, с существенными и значительными дополнениями.

Концепции правовой политики нужны и в субъектах Российской Федерации. Пионером в этом выступила Иркутская область, в которой 16 июля 2015 года распоряжением ее Губернатора утверждена Концепция государственной правовой политики Иркутской области. В ней данная политика определяется как «комплексная деятельность органов государственной власти (государственных органов) Иркутской области во взаимодействии с территориальными органами федеральных органов государственной власти в Иркутской области, органами местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области..., организациями, общественными объединениями и гражданами, направленная на формирование единого правового пространства в Иркутской области, развитие институтов мировой юстиции и правового просвещения граждан...».

О традиционных российских духовно-нравственных ценностях как важнейшем векторе развития юридической науки. В 90-х годах юридическая наука в России развивалась весьма противоречиво, она оказалась неготовой к тем изменениям, которые произошли в обществе. Бурное развитие права, к сожалению, не было связано с таким же бурным развитием юридической доктрины. Наука существенно отставала от потребностей правовой политики и от правовой жизни, которые «шли» во многом на ощупь, двигались методом «проб и ошибок». Отсюда подчас были и механические заимствования тех или иных юридических институтов, конструкций и средств из иностранного законодательства (например, института траста из англосаксонского права), что делалось во многом не от «хорошей доктрины». Отсюда и шараханье властных структур, которые не имели в своей основе надежных правовых ориентиров, национально выверенной юридической идеологии, базирующейся на наших культурных ценностях и особенностях российской политико-правовой жизни. По сути, под видом «демократизации» и «либерализма» подтачивалась наша государственность.

¹ См.: Малько А. В. О концепции правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 174–177.

Современная же Россия в условиях кардинальной трансформации, уверенно двигаясь от однопольного к многополярному миропорядку, соответственно меняет курс не только политики в целом, но и правовой политики в частности. Глобальное мировое переустройство (и специальная военная операция как важнейшая составная часть его) вывели на передний план нашей жизни такие ценности, на которые до недавнего времени представители прозападно-потребительских идей старались не обращать внимания. Речь идет об исконно наших идеалах, о российской идентичности, о национальной правовой культуре.

В этой связи сегодняшняя правовая политика должна реформировать правовую систему общества, базируясь при этом на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, выступающих фундаментом всей нашей жизни. Это же относится, естественно, и к юридической науке, одна из задач которой состоит в том, чтобы дать ответы на следующие вопросы, возникающие перед юридической практикой в связи с заявленным государством курсом на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: «Каким образом право должно отреагировать на новый курс? Какие правовые инструменты и механизмы необходимо задействовать? Что должно «отмереть», а что «родиться» либо «возродиться» в российской правовой системе? <...> Важно определить место и роль традиционных российских духовно-нравственных ценностей в отечественной правовой системе в рамках единой теоретико-правовой концепции, которая по своему характеру должна претендовать на роль новой правовой парадигмы, которая будет иметь потенциал стать основой формирования дальнейших доктринальных разработок, имеющих практическую пользу для российского общества в виде систематизированного и унифицированного обновления отечественной системы правового регулирования. На сегодняшний день, безусловно, юридическая наука и практика нуждаются в единой теоретико-правовой концепции традиционных духовно-нравственных ценностей в российском праве»¹.

Более того, обозначенные ценности выступают важнейшей основой для юридических теорий, способствующих формированию соответствующей правовой политики, которая на стратегическом уровне будет пытаться их решать с помощью выстраивания тех или иных приоритетов, определения целей и поиска адекватных юридических средств для их достижения.

О научной школе правовой политики. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что пришло время для крупных научных проектов, которые в одиночку не осилить. Нужны научные коллективы, особой разновидностью которых выступают научные школы.

В частности, школа правовой политики берет свое начало еще с 1996 года, когда я, будучи членом редколлегии журнала «Правоведение», провел круглый стол одноименного журнала по теме «Приоритеты правовой политики в современной России» на базе Саратовской государственной академии права. Круглый стол получился весьма результативным, после чего на страницах двух номеров журнала «Правоведение» были опубликованы соответствующие материалы². Данное научное мероприятие придало импульс более энергичному исследованию правовой политики и ее видов, ибо было направлено на определение целей и основных первоочередных задач обозначенной политики в условиях постсоветской России.

Для научного сопровождения исследований названной темы стал издаваться специальный профильный журнал «Правовая политика и правовая жизнь». За эти годы защищено несколько десятков кандидатских и докторских диссертаций, под редакцией и при моем личном авторском участии опубликованы несколько десятков коллективных монографий, сборников научных трудов, статей, посвященных названной теме, ведь для масштабных исследований такой многогранной проблемы, как правовая политика, зачастую необходимо объединение усилий многих ученых, в результате чего и была создана научная школа правовой политики³.

Обобщая доктринальные наработки данной научной школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. М. Сырых подчеркнул, что «научная школа имеет место лишь там, где существует не просто коллектив единомышленников, а такой коллектив, который активно разрабатывает какую-либо оригинальную теорию в области правоведения... Из современных российских правоведов реально на образование школы претендуют

¹ Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. С. 42.

² См.: Правоведение. 1997. № 4. С. 146–176; 1998. № 1. С. 124–186.

³ См.: Субочев В. В. Научная школа правовой политики профессора А. В. Малько: 20 лет активных действий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 8–14.

немногие, в частности, доктор юридических наук, профессор А. В. Малько, трудами которого создана теория правовой политики современного государства, которая ранее российскими правоведом исследовалась лишь в самом общем виде. Совокупность аспирантов и докторантов, успешно защитившихся под руководством А. В. Малько по проблемам правовой политики и последовательно развивавших его идеи, можно рассматривать, по нашему мнению, как самостоятельную научную школу¹. Воспринимаю такие слова известного ученого-методолога с большой благодарностью и как некий «аванс», который еще нужно отрабатывать.

О научном туризме. В рамках научной школы правовой политики часто проводились выездные заседания круглых столов в разных городах и в разных вузах, что дало основание для обозначения подобного научным туризмом. Естественно, научный туризм — условное название, ведь само слово «туризм», согласно словарям, означает (от французского «поездка») путешествие². Отсюда его можно назвать и как некое «научное путешествие», сочетающее занятия наукой и туризмом.

Научный туризм как специфическая подвижническая (в прямом и переносном смысле слова) научная деятельность предполагает и соответствующие формы мероприятий — круглые столы. Именно они, в отличие от масштабных площадок — симпозиумов, конференций, чтений и т. д., больше всего подходят для таких динамичных и точечных научных дел. Круглые столы предполагают, как правило, немногочисленный состав, подбирающийся строго по научным интересам и обсуждающий какую-либо одну специальную тему. Здесь уже ставка делается не столько на количество приглашенных (зачастую с разными научными устремлениями), сколько на то, что участники, занимающиеся во многом схожими научными направлениями, могут выступать в качестве экспертов, глубоко погруженных в проблему и пути ее разрешения. К тому же круглые столы — достаточно демократичная и свободная форма: все участники на равных условиях (без всяких президиумов) заседают за одним столом, в любое время (без всяких строгих регламентов) можно задать вопрос, высказать свое мнение, реплику и т. п. Все это позволяет более гибко и оперативно проводить научные мероприятия с максимальным эффектом. Конечно, в науке используются разные формы мероприятий, и никто не против них. Просто для научного туризма в силу его специфики, проявляющейся в своего рода «кочевом» научном образе жизни, более органичными (простыми и удобными) оказались именно «малые формы» — круглые столы.

По сути, образовался некий клуб единомышленников, желающих заниматься наукой в таком формате. Сложилась даже специфическая «научно-туристическая культура» со своими традициями (например, первые выступления на круглых столах, как правило, предоставляются тем, кто приехал из более дальних регионов, поскольку в научном туризме считается, что они больше имеют право на это; тех же, кто занимается научным туризмом постоянно и плодотворно, в своем кругу называем «заслуженный научный турист»; по результатам научного мероприятия обязательно публикуются обзоры в одном из журналов).

Научный туризм — это целое движение, с помощью которого те, кто хочет заниматься наукой, имеют еще и возможность познакомиться с местными достопримечательностями, с очагами культуры. Отсюда это не просто научный, а скорее, «научно-культурный туризм».

О том, как я стал почетным профессором в Китае и читал лекции в Германии. Именно в рамках многочисленных выездных круглых столов (а их было более 300) происходили обсуждения различных проектов доктринальных документов, которые, пройдя определенную апробацию, становились более завершенными.

Отдельные же проекты Концепций «выступили своеобразными причинами» для приглашения меня на международные мероприятия, то есть для занятия уже зарубежным «научным туризмом». Так, во многом благодаря проекту Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации в 2012 году я был не только приглашен в Чженчжоуский государственный университет (Китай) на Международную научно-практическую конференцию, но и стал почетным его профессором. Исходя из того, что данная конференция была посвящена исследованиям судебной реформы государства в переходный период, я предложил разработать и принять проект Концепции судебно-правовой политики КНР, которая бы лежала в основе их судебной реформы. Мой доклад высоко

¹ Сырых В. М. Вступительная статья // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий и автобиографий. Т. 3 / отв. ред. В. М. Сырых. Москва, 2015. С. 21.

² См.: Словарь иностранных слов. Москва, 1988. С. 512; Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1991. С. 814.

оценили и предложили сотрудничество, а первым шагом с их стороны было вручение удостоверения почетного профессора Чженчжоуского университета.

В Институт же правовой политики Трирского университета (Германия) я был приглашен в 2014 году как для участия в Международном симпозиуме, так и для чтения лекций по российской правовой политике. Здесь уже ключевую роль сыграл такой доктринальный документ, как проект Концепции правозащитной политики в Российской Федерации, который заинтересовал директора Института правовой политики Трирского университета профессора Герхарда Робертса. Он связался со мной по электронной почте и попросил выступить на обозначенном симпозиуме. Я дал согласие, организовал перевод данного проекта на немецкий язык и выступил с докладом.

Что касается лекций, то мне предложили прочитать курс «Российская правовая политика» именно на русском языке, так как в Трирском университете (основанном в 1473 году) есть специальный международно-правовой институт, в рамках которого готовят юристов, ориентированных на различные страны (например, Францию, Италию, Швецию, Россию и т. д.). Данные студенты организуются в соответствующие группы и должны знать язык того государства, на которое они ориентированы в образовательном плане, поэтому я читал лекции для русскоязычной аудитории, а затем принимал зачет. Для других групп приглашались профессора соответственно из иных стран, которые тоже на своем языке читали лекции и принимали зачеты.

Таким образом, доктринальные документы, как оказалось, «работают» в том числе и в сфере международного научного туризма и дают свои плоды. Хотелось бы надеяться, что они будут более эффективно использованы и по прямому своему назначению и окажут определенную роль в организации правового развития нашего общества.

Баранов Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации,
помощник начальника Нижегородской академии
МВД России по инновационному развитию научной
деятельности, президент Нижегородского
исследовательского научно-прикладного центра
«Юридическая техника»

Популяризация юридической науки в современной России: понятие, состояние, пути активизации

К вопросу об определении понятия «популяризация юридической науки»

Вызывает удивление и некоторое недоумение то обстоятельство, что во многих авторитетных и объемных энциклопедиях и словарях¹ отсутствует описание понятия «популяризация». По всей видимости, не только в массовом, но и в профессиональном сознании укоренился консервативный стереотип, стойкий шаблон о ясности, понятности, определенности понятия «популяризация». На самом деле «проникнуть» в сущность этого феномена сложно, а предложить дефиницию «популяризация юридической науки» крайне затруднительно. Ведь, по сути, речь идет о четком и доказательном различении научного и ненаучного, упрощенного (но не примитивного) знания.

Понятие «популяризация» описывается в некоторых энциклопедиях и словарях по-разному, с различной степенью глубины осмысления и неодинаковой трактовкой сферы функционирования.

В 1894 году понятие «популяризация» определялось как «изложение науки так, чтобы было понятно всем, даже не знакомым специально с предметом». «Популяризатор», по мнению составителя, «ученый, который старается излагать научные истины языком, доступным не только всем образованным, но даже только грамотным людям»².

¹ См.: Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. Т. 46: Пола — Призмы оптические / гл. ред. О. Ю. Шмидт. Москва: Советская энциклопедия, 1940. 408 с.; Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 20: Плата — Проб / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1975. 608 с.; Энциклопедический социологический словарь / ред.-сост. А. В. Кабыща; общ. ред. Г. В. Осипова. Москва: ИСПИ РАН, 1995. 939 с.; Политическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2: Н–Я / Г. Ю. Семигин. Москва: Мысль, 1999. 702 с.; Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2: М–Я / гл. ред. В. В. Давыдов. Москва: Большая российская энциклопедия, 1999. 670 с.; Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / отв. ред. М. И. Панов; сост. М. И. Панов, Л. Е. Тумина. Москва: Олимп, 2005. 959 с.; Большая энциклопедия: в 62 т. Т. 38. Москва: ТЕРРА, 2006. 592 с.; Библиотечная энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Гриханов; науч. ред.-сост. Е. И. Ратникова, Л. Н. Уланова. Москва: Пашков дом, 2007. 1297 с.; Культурология. Энциклопедия: т. 2: Н–Я / гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. Москва: РОССПЭН, 2007. 1183 с.; Складская Г. Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика: около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / под ред. Г. Н. Складской. Москва: ЭКСМО, 2008. 1133 с.; Лебедев С. А. Философия науки: терминологический словарь. Москва: Академический проект, 2011. 269 с.; Современный словарь по общественным наукам / под общ. ред. О. Г. Данильяна. Москва: ИНФРА-М, 2013. 314 с.; Большая универсальная энциклопедия: в 20 т. Москва: Астрель, 2010–2011; Большая Российская Энциклопедия: в 30 т. Т. 27: Полупроводники — Пустыня / науч.-ред. совет: Ю. С. Осипов (пред.) [и др.]. Москва: Большая российская энциклопедия, 2015. 767 с.; Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 611 с.; Новиков А. М., Новикова Д. А. Методология: словарь системы основных понятий. 2-е изд., стереотип. Москва: URSS: Ленанд, 2019. 207 с.; Философия права: словарь / под общ. ред. В. Н. Жукова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. Москва: Мир философии, 2020. 791 с.; Философский словарь / под ред. А. А. Гусейнова и Ю. Н. Солодухина; науч. ред.-сост.: П. П. Апрышко, А. П. Поляков. 9-е изд., дораб. и доп. Москва: Мир философии: Алгоритм, 2021. 942 с.; Канке В. А. Специальная и общая философия науки: энциклопедический словарь. Москва: ИНФРА-М, 2023. 629 с.; Философия политики и права: энциклопедический словарь / К. Ю. Аласания, П. П. Аношкин, В. Н. Антонова [и др.]; под общ. ред. Е. Н. Мошелкова; науч. ред. А. В. Никандров. Москва: ИНФРА-М, 2023. 246 с.

² Словарь иностранных словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленъ подъ редакціею А. Н. Чудинова. С-Петербургъ: Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго, 1894. С. 696.

В Толковом словаре русского языка популяризация определена в двух значениях: «1. только ед. Действие по глг. популяризовать. П. дарвинизма. Не всякий ученый имеет способность к популяризации. 2. Популярная книга, общедоступное сочинение (книжн.). Несколько детских популяризаций по биологии»¹. Понятие «популяризовать» объясняется тоже в двух значениях: «1. Изложить (излагать) в популярной, доступной для слушателя, читателя форме. П. научные выводы. 2. Агитируя, сделать (делать) широко известным, всем понятным что-н., разъяснить (разъяснять) цели и задачи чего-н. П. среди молодежи парашютизм»².

В третьем издании энциклопедии «Менеджмент» отмечается: «ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ (лат. *popularis* народный) — 1. Изложение какого-либо вопроса в популярной, общедоступной форме. 2. Распространение чего-либо, стремление сделать что-либо широко известным»³.

Во втором издании Большой советской энциклопедии зафиксировано: «ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ — 1) Изложение в общедоступной форме к.-л. научного вопроса. 2) Широкое распространение знаний, опыта в той или иной области. 3) Разъяснение целей, задач или назначения чего-либо. См. также Научно-популярная литература»⁴.

Популяризация, отмечается в одном из словарей, представляет собой «процесс изложения научной мысли, глубокого учения, научного понятия и т. п. в форме ясного, простого и действенного описания»⁵.

В Иллюстрированном толковом словаре иностранных слов содержится «гнездо» трех смежных понятий — «популяризация», «популяризовать», «популярный». Эти понятия объясняются следующим образом: «ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ, -и, ж. [фр. *Popularisation* < лат. см. популярный]. 1. Изложение какого-н. вопроса в популярной (в 1-м знач.), общедоступной форме. П. научных знаний. 2. Распространение чего-н., стремление сделать что-н. широко известным, популярным (во 2-м знач.). П. нового метода обработки металла.

ПОПУЛЯРИЗОВАТЬ, -зую, -зует, несов. и сов., что [фр. *populariser* < лат. см. популярный]. Осуществлять (осуществить) популяризацию (в 1-м и 2-м знач.).

ПОПУЛЯРНЫЙ, -ая, -ое, -рен, -рна [фр. *populaire* < лат. *populāris* народный < *populus* народ]. 1. Общедоступный, вполне понятный по простоте, ясности изложения. Популярная брошюра. 2. Пользующийся широкой известностью. П. артист. П. метод. Популярность — свойство популярного (в 1-м и 2-м знач.)»⁶.

Интересно отметить, что в Большом академическом словаре русского языка понятие «популяризация» отождествляется с понятием «популяризование» и приводится пример из рассуждений Писарева: «Можно сказать без малейшего преувеличения, что популяризование науки составляет самую важную всемирную задачу нашего века»⁷. Хочется надеяться, что значение популяризации современной науки в России не уменьшилось.

Теория журналистики и культура информационного общества — вот основные предметные области, активно занимающиеся проблемами популяризации науки. Популяризация науки в целом была предметом интереса исследователей в советское время. Ныне также появляются работы, посвященные теоретическому осмыслению этого феномена в связи с технологическими новациями в способах распространения информации и в связи с переходом к рыночной экономике⁸.

¹ Толковый словарь русского языка в 4 т. Т. III / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Астрель, АСТ, 2000. С. 595.

² Толковый словарь русского языка. Т. III / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2000. С. 596.

³ Менеджмент: энциклопедия / под ред. проф. Е. Н. Белякова. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2017. С. 617.

⁴ Большая Советская Энциклопедия: в 51 т. Т. 34 / глав. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. Москва: Государственное научное изд-во «Большая советская энциклопедия», 1955. С. 167.

⁵ Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. Москва: Флинта: Наука, 2003. С. 493.

⁶ Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. Москва: Эксмо, 2008. С. 560.

⁷ Большой академический словарь русского языка: в 27 т. Т. 18: Подлещ — Порой. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 730.

⁸ Подробно о степени изученности темы см.: Дивеева Н. В. Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 186 с.

Фундаментальные научные исследования, посвященные природе и трансформации популяризации юридической науки, отсутствуют — имеются лишь фрагментарные, попутные заметки, тезисно-статейные наработки. Между тем вопросы о том, как представлена юридическая наука в общественном сознании, при помощи каких познавательных инструментов можно улучшать ее имидж и поднимать авторитет, системно внедряя современные формы инноваций, противодействуя распространению недостоверных знаний, способствуя конструктивным отношениям между юриспруденцией и обществом, являются чрезвычайно важными, актуальными.

Популяризация юридической науки не должна вести поиск доктринальной истины. Ее миссия иная — доступно (но не примитивно!) изложить суть и значение уже добытой научной истины в сфере юриспруденции.

«Популяризация помогает науке сделать первый шаг навстречу обществу, — отмечает А. В. Сахарова, — формируя у общества желание слышать и слушать научную экспертизу, получать образование и учиться навыкам критического мышления»¹.

Популяризация юридической науки, без сомнения, — продукт **творческого** плана, то есть он создается не механически, не схематично. Речь идет о том, что результат ПЮН обладает **творческой составляющей**², выступает объектом интеллектуальной деятельности и собственности.

По мнению филолога Ю. В. Шевченко, «работы ученых-популяризаторов характеризуются наличием ярко выраженного авторского идиостиля, который, с одной стороны, демонстрирует высокий уровень языковой компетенции ученого, а с другой свидетельствует о стремлении к проявлению творческого начала личности»³.

Понятие «популяризация» относится к разряду законодательных. Оно многократно применяется Конституционным Судом Российской Федерации⁴, но делается это в основном применительно к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, и определения его даже в этом «урезанном» ключе не предлагается.

Под популяризацией юридической науки (далее — ПЮН) я понимаю особый относительно самостоятельный самоценный предметно-специализированный поливекторный многофакторный разноуровневый вид творческой массово-коммуникативной деятельности, направленной на правильное распространение истинных научных юридических знаний от специалистов к неспециалистам, нацеленной на практико-ориентирующее заинтересованное их освоение в доступных, понятных письменных и электронных формах, призванной формировать в общественном сознании позитивный образ юриспруденции, усиливать доверие к юридической науке, повышать имидж ученого, научных школ, временных творческих коллективов, культивировать осознание вовлеченности в доктринальное правовое развитие, увеличивать потребность общества в достижениях юридической науки, усиливать междисциплинарную доктринальную интеграцию, расширять обмен опытом популяризаторской правовой работы.

Трудность (а может быть и невозможность на данном этапе развития гуманитарной науки) четкого жанрового определения ПЮН связана с тем, что в юриспруденции не исследована его историческая динамика, не конкретизированы феномены «народная наука», «промышленное просвещение», «занимательная наука», «научпоп»⁵.

¹ Сахарова А. В. Между доверием и пониманием: зачем нужна популяризация науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 20.

² Подробно о сущности и соотношении категорий «творчество», «творческий труд», «творческое видение», «единый творческий замысел», «творческая концепция» см.: Дорохова Н. А. Творческое видение как правовая категория: понятие, юридическая природа, соотношение со смежными категориями // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 5. С. 154–161.

³ Шевченко Ю. В. Идиостиль ученого в научном и научно-популярном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2023. С. 3.

⁴ См., например: По делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Сергеева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2024 года № 17-П // Российская газета. 2024. 26 апреля.

⁵ См.: Ваганов А. Г. Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI веках // Управление наукой и наукометрия. 2016. № 3. С. 64–77.

Сложности популяризации гуманитарного научного знания развернуто и убедительно обозначил Л. С. Клейн¹. На странице 264 автор замечает: «Популяризатор науки сродни учителю — с той только разницей, что программы обучения нет и ничто не удерживает учеников в классе. Удержать их может только увлекательность и полезность».

Необходимость ПЮН зиждется на объективном обстоятельстве: различии жанров научного и научно-популярного дискурсов². У этих жанров разные коммуникативные стратегии, тактики, методики — не просто информирование, а распространение научных юридических идей в информационной сфере профессионально неподготовленной аудитории. ПЮН предполагает поддержание интереса к правовой науке, вовлечение адресатов в научную сферу, приобщение к занятию наукой. ПЮН проявляется в наличии особого авторского стиля, образности, метафоричности популярного текста. При ПЮН преобладает авторское местоимение «я». Цель такого обращения, по свидетельству Ю. В. Шевченко на с. 16, — стремление к авторскому присутствию и вовлечению адресата в диалог.

Популяризация юридической науки связана с рекламой, о чем свидетельствует ее направленность на привлечение внимания к юридической науке, ее достижениям, личностям конкретных исследователей. При этом, безусловно, есть ярко выраженная специфика целей, объектов, состояний, процессов. Примечательно, что в правовой доктрине есть исследования, предлагающие понимать рекламу как «особую форму юридически значимой коммуникации, оказывающей воздействие на не персонифицированный круг лиц с целью законной популяризации и/или реализации объекта рекламирования»³. Здесь популяризация в целом представляется как желаемый итог, на который направлено рекламное воздействие. Широта используемых средств, информационное наполнение, широкий спектр адресатов, стремление реализовать общественно полезные цели, действовать в интересах государства, стремящегося привлечь молодежь в лоно юридической науки, указывают на родство популяризации с социальной рекламой (пункт 11 статьи 3 ФЗ «О рекламе»).

По мнению М. В. Барановой, «реклама отличается от «паблисити» (*publicity*), которая рассматривается как популяризация, придание известности, осуществляемое посредством бесплатной передачи средствам массовой информации материалов о товарах, услугах, идеях или фирме для опубликования по их усмотрению»⁴. В этом случае «паблисити» — вариация популяризации, но, видимо, отличная от «придания известности». Обращение к исследованиям PR также приведет к неизбежному употреблению термина «популяризация», но в ином ключе, обусловленном необходимостью выстраивания позитивного мнения по какому-либо поводу. В этой связи, вероятно, популяризация выступает неким специфичным средством достижения желаемого результата. Ни один из множества подходов к пониманию места и роли популяризации не дает четкого отличия этого феномена от иных схожих, смежных, сопряженных феноменов. Не меняется картина и при обращении к популяризации собственно юридической науки.

Предстоит работа по теоретическому различию понятий «ПЮН», «правовое просвещение», «правовое обучение», «должное образование».

Предлагаемая мною дефиниция ПЮН несколько громоздка, относится к разряду рабочих операциональных определений и, конечно, нуждается в совершенствовании. Считаю возможным вынести ее на обсуждение юридической общественности по той причине, что дефиниция в целом отвечает нынешнему состоянию теории и современной практике юриспруденции. Такой подход представляется наиболее нейтральным и предельно обобщенным применительно к юридической сфере.

В дефиниции сознательно опущен признак, отражающий необходимость популяризации лишь **сложных** юридических категорий, понятий, конструкций, идей и других форм правовых знаний. Распространению и «переложению» на доступный язык подлежат все выработанные научные юридические знания. То, что в юриспруденции ясно одному, может быть неясно другому. Признак сложности

¹ Клейн Л. С. Муки науки: ученый и власть, учений и деньги, ученый и мораль. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. С. 257–264.

² Подробнее см.: Шевченко Ю. В. Идиостиль ученого в научном и научно-популярном дискурсе: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2023. 25 с.

³ Баранова М. В. Право и реклама (общетеоретический аспект): монография. Нижний Новгород, 2010. С. 123.

⁴ Там же. С. 110.

юридического знания не является существенным для ПЮН, ибо степень упрощения юридического материала может быть постоянно спорной.

Дефиниция не содержит «привязки» к юридической практике, поскольку это превратит ПЮН в «безбрежное» поле деятельности — в неявном виде практика «включена» в юридическую науку.

Может быть ошибочно, но я полагаю, что любая форма ПЮН по сути своей есть разновидность **комментария**. И это не является неким принижением роли и значения ПЮН. Дело в том, что в юриспруденции до сих пор не исследована природа юридического комментирования, хотя этот вид деятельности находит широчайшее применение при подготовке комментариев к Конституции России, кодексам, отдельным законам, постановлениям Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, рецензий на разноплановые научные исследования.

Мечтаю о том, что когда-нибудь юридическое комментирование возвысится до уровня **литературного комментирования**, которое пока мало привлекает и слабо интересует правоведов.

«Подробные, исчерпывающие комментарии к национальной классике, — констатирует доктор филологических наук Александр Марков, — один из важнейших показателей зрелости культуры». И далее он поясняет: «Есть эпохи, в которые комментарий становился главным узлом культуры или главным ее чувствительным нервом, не столько менявшим структуру культуры, сколько оживлявшим ее после долгого прозябания»¹.

Так или иначе, но комментирование — высокое искусство оценки, это реконструкция культуры эпохи. Думается, при такой трактовке жанра комментирования «соединение» его с ПЮН вполне приемлемо, оправдано, нормально, выигрышно.

Об особой важности ПЮН свидетельствует поручение по итогам заседания Совета при Президенте по науке и образованию от 8 февраля 2024 года, которое гласит: «Принять меры, необходимые для обеспечения производства и проката полнометражных художественных фильмов, направленных на популяризацию достижений российской науки и повышение престижа профессии ученого»².

Не менее рельефно значимость ПЮН отразилась в Указе Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», где в пункте «в» одной из целей рассматриваемой политики обозначена «популяризация достижений отечественной науки и культуры»³.

Пытаясь проникнуть в сущность ПЮН, надо учитывать род занятий субъекта, который характеризует этот вид творческой деятельности. Например, в «Российской газете» опубликовано интервью с руководителем издательства «Наука» Николаем Федосеенковым. Журналист поставил вопрос: «А какую часть в Вашем портфеле занимает популяризаторское направление. И как Вы его будете развивать?». К сожалению, ответ оказался очень лаконичным, несколько тавтологичным и не вполне убедительным: «Популяризация — это **менеджерская задача** (выделено мной. — В. Б.) по популяризации науки. Мы в данном случае говорим о научно-популярной литературе. То есть это не академические издания, а, например, книжки серии «История для юных и не очень юных», например, Диккенс, Цвейг, Генриетта Гизо»⁴.

Думается, «крен» на окупаемость научного или популяризаторского продукта не должен определять его судьбу, познавательную ценность, тиражи. Конечно, книга о безаварийных космических системах рассчитана на узких специалистов, и ее приобретет ограниченное число граждан, но краткая популяризаторская брошюра об этой проблеме не позволит ей (проблеме и ее исследователям) оказаться в забвении.

По Н. В. Дивеевой, «форма популяризации — это любое устойчивое и воспроизводимое средство коммуникации с обществом, которое может использоваться для донесения научных знаний до широкой аудитории и / или для формулирования образа науки в общественном сознании» (с. 8–9, 45, 56 диссертации).

ПЮН вряд ли имеет собственные, специфичные только для нее формы. Любая из имеющихся ныне форм популяризации с большей или меньшей степенью результативности может быть примерна для представления юриспруденции обществу. Задача — выявить из огромного массива

¹ Марков А. Дар комментатора // Троицкий вариант — наука. 2019. 19 ноября.

² URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73737> (дата обращения: 03.04.2024).

³ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 03.04.2024).

⁴ Визель М. Академикам дали слово. Изд-во «Наука» почти через десять лет возвращается в РАН // Российская газета. 2024. 28 февраля.

форм популяризации разных наук (естественно-технических и социально-гуманитарных) арсенал наиболее подходящих для юриспруденции форматов. Дело в том, что содержание юридических научных знаний не может «отливаться» в любые формы популяризации — специфика этого знания объективно «диктует» оптимальные форматы его представления.

Наиболее значимыми формами ПЮН являются следующие: научно-популярные статьи, брошюры, книги; популярная рецензия на монографию, экспозиции в музеях, серии публичных лекций, обзор фестиваля правовой науки; демонстрация правового эксперимента; **личностные оценки** итогов крупных научных дискуссий (о правопонимании, системе права, правоприменении, национальной идее и др.); ТВ-каналы; фильмы, конкурсы, клубы по юридическим интересам; научно-популярные сайты, компьютерные программы, подкасты, электронные библиотеки; видеолекции.

Делить формы ПЮН на первичные и вторичные (такая классификация распространена в теории журналистики) нет резона, поскольку в разные периоды времени юридические события (принятие нового Кодекса, изменения Конституции, отмена правового института) могут выйти на первое место, «отодвинув» на второстепенные места все иные научные достижения.

Научная составляющая в любых формах ПЮН не может быть вспомогательной, второстепенной. Она должна быть в приоритете как в постоянных, так и в периодических, эпизодических формах ПЮН.

Как известно, в России созданы и функционируют самые разные, в том числе и зарубежные научно-популярные телеканалы («Наука 2.0», см. с. 66–67 диссертации Н. В. Дивеевой).

Популяризуется живая природа, астрономия, космонавтика, моря и океаны, физика, история, биология, медицина. Юридической **научной** тематикой, насколько мне известно, не занимается ни один телеканал. Отсутствуют документальные сериалы о правовой науке. Научная юридическая материя отличается невероятным богатством содержания, которое не исключает развлекательности, юмористического начала. Это к тому, что продукты ПЮН в силу «сухости», жесткой формализации трудно продать. Коммуникация ПЮН, конечно, нужна, но ее нельзя ставить во главу угла, особенно на начальном этапе ее формирования.

Даже если в какой-то период времени научно-популярный канал юридического профиля окажется на периферии телевидения, это обстоятельство можно отнести к издержкам роста. В перспективе возможно создание общедоступного **эфирного** научно-популярного телеканала «Юридическая наука и жизнь общества». Это позволит «преодолеть» некоторые недостатки спутниковой и кабельной связи.

Своеобразной формой ПЮН (об этом обычно забывают) выступают разноплановые способы увековечивания памяти выдающихся правоведов: памятники, мемориальные доски; гашение почтовых марок. Например, в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН состоялась церемония гашения почтовой марки «180 лет А. Ф. Кони».

Установка памятников выдающимся правоведам А. Ф. Кони, М. М. Сперанскому, Г. Р. Державину — не просто традиционная и широко распространенная форма увековечивания памяти, но и элемент (формат) ПЮН.

Наименование улиц, площадей, вузов желательно использовать для ПЮН значительно шире, чем это практикуется ныне.

Сложен и специфичен вопрос о популяризации в России достижений зарубежной юридической науки. И дело здесь не только и не столько в санкционной деятельности недружественных России государств. Более труден и принципиален вопрос о соотношении популяризации правовой науки и идеологии государства. Юридическая наука, конечно, идеологична и политична, и от государства зависит, перевод какой именно иноязычной монографии или серии журнальных статей оплатить из бюджета.

Научная популяризация возникла в России с появлением первых публикаций (конец VII — начало XVIII века), когда стали излагать сложные доктринальные разработки для широкого круга людей.

Научно-популярная юридическая литература должна публиковаться не вместо, а наряду с научной и во взаимодействии с ней. Доходчивость и понятность — доминирующие требования к ПЮН, где информация может быть достоверно представлена не во всей полноте, не со всеми доказательствами, но зато образно, метафорически, занимательно, увлекательно.

При ПЮН не обойтись без специального языка права, схем, диаграмм, графиков, но они могут быть даны в усеченном виде для обеспечения наглядности.

Голая фактографичность и красивая декларативность не характерны для ПЮН.

ПЮН рассчитана на самые разные слои населения, профессиональные группы, возрастные категории, не имеющие никакой правовой подготовки.

Непросто определить **предметы (объекты)** ПЮН. Как выделить приоритетные из них? Целесообразно ли популяризовать отдельные юридические нормы, конкретные законы или разъяснять только крупные правовые массивы, кодексы? Нужно ли предлагать населению материал о конкретных технико-юридических средствах или лучше знакомить широкие массы с юридической техникой в целом? Вот лишь некоторые проблемные вопросы, и их число легко увеличить.

Состояние ПЮН в современной России характеризуется следующими ключевыми чертами и доминирующими оценками:

- юриспруденция (правоведение) не обладает статусом науки, и ставить вопрос о ее популяризации абсурдно (такую позицию, к сожалению, разделяют некоторые представители не только естественно-технических, но и правовых наук);
- юридическая наука настолько субъективна, идеологична, политизирована, а ее результаты настолько неопределенны, аморфны и текучи, что популяризировать особенно нечего;
- отсутствует система этого вида творческой деятельности;
- нет ее четкой правовой регламентации;
- наблюдается снижение интереса к юридической науке, что обусловливается отсутствием теоретических и организационно-методических основ ПЮН;
- превалирование столичной ПЮН, не затрагивающей регионы¹;
- не всегда выдерживается баланс между развлекательной и образовательной ПЮН;
- значительно отстает в качественном и количественном измерениях от аналогичного рода деятельности в естественно-технических науках;
- функционирует усилиями энтузиастов, зачастую в качестве хобби, при незначительной государственной поддержке;
- в массовом правосознании и официальной государственной политике фактически рассматривается вспомогательной, второстепенной, малопочетной работой;
- нет потребности в масштабировании этой деятельности, поскольку в России и так много желающих учиться правоведению, давно существует избыток дипломированных юристов, многие из которых не работают по специальности;
- формы ПЮН однотипны, малоинформативны, блеклы, не всегда демонстрируют отечественный приоритет, не подчеркивают конкурентоспособность российских правоведов в мировом научном процессе;
- информационная поддержка (особенно социальное рекламирование) ПЮН слаба;
- по традиции «привязывается» к различным юбилейным датам;
- слаба (или отсутствует вообще) мотивация правоведов заниматься ПЮН (этот труд либо не оплачивается совсем, либо является малооплачиваемым);
- явно недостаточно стимулирование ПЮН, премирование как стратегия легитимации авторитета популяризатора малоэффективно.

Перечисленные черты ПЮН в большей или меньшей степени содержат негативный оттенок, отрицательную оценку. Это обстоятельство не означает, что в современной России отсутствуют положительные, образцовые, удачные и даже уникальные примеры ПЮН. Они, конечно, имеются, но число их столь мало, распространенность и востребованность (в смысле стимула для подражания) настолько невелики, что их результативность (в широком и богатом смысле этого понятия) низка и слабо соотносится с реальным развитием юридической науки, ее достижениями.

В качестве позитивного примера могу привести следующие факты.

К 100-летию юбилею Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации издан великолепно оформленный пятитомник — «Летопись российской юридической науки: в 5 томах» / отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023.

¹ По подсчетам специалистов 42 % работников креативных индустрий проживают в Москве и Санкт-Петербурге. См.: Соколова Н. Треть творческих работников живут в Москве и Петербурге // Российская газета. 2024. 17 апреля.

Институт государства и права РАН осуществляет 20-томный фундаментальный научный проект «Российская академия наук: выдающиеся ученые-правоведы. XX век». В рамках проекта уже опубликовано несколько томов: «Академик В. Н. Кудрявцев. Опередивший свое время / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков; науч. ред. А. И. Чучаев. Москва: ИГП РАН, 2023. 576 с.»; «П. С. Ромашкин. Жизнь в науке и для науки / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков. Москва: ИГП РАН, 2023. 576 с.»; «В. М. Чхивадзе. Основатель науки советского военного права / рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков. Москва: ИГП РАН, 2024. 576 с.». Значительный интерес вызывают издаваемые в РАН биобиблиографии академиков и членов-корреспондентов.

В знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» в 2024 году вышел сборник «Президенты Академии наук», где представлены очерки о 23 ученых и государственных деятелях, возглавлявших Академию наук в России, начиная с момента ее основания по сегодняшний день. С сожалением приходится констатировать: ресурс серии «ЖЗЛ» и издательская мощь «Молодой гвардии» явно недостаточно используется для популяризации деятельности выдающихся юристов разных эпох.

Особо хочу отметить многоплановую многолетнюю популяризаторскую деятельность кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева.

Популяризация юридической науки — одна из традиций, которая была заложена родоначальником уральской школы теории государства и права С. С. Алексеевым, положена в основу деятельности созданной им в Свердловском юридическом институте кафедры теории государства и права.

С. С. Алексеев с 1961 по 1988 год являлся бессменным заведующим кафедрой. В это время считалось нормой, что работники кафедры проводят занятия в школе, выступают с лекциями по популяризации знаний о государстве и праве в рамках общества «Знание». В 1989 году он стал Народным депутатом СССР, председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка. При всей занятости популяризаторскую деятельность он продолжил, например, была опубликована его работа «Демократические реформы и конституция. Научно-публицистические заметки» (Москва, 1992. 55 с.), в которой он доступным языком объяснил происходящие изменения. После завершения политической карьеры он издал серию популяризаторских произведений:

- Право — надежда наша: научно-публицистические очерки. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1999. 320 с.;

- Две повести: О праве. О власти. Екатеринбург: Российская школа частного права, Уральское отделение, 2002. 147 с.

При этом важно отметить, что в этих трудах он обращался не только к взрослым гражданам: часть из них была адресована и детям. В книге «Друг: рассказ о девочке и собаке» (Екатеринбург: Институт частного права, 2005. 33 с.) он не просто рассказывает о дружбе, а поднимает вопросы собственности, договора, охраны общественного и правового порядка, привлечения к юридической ответственности.

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева сохраняет память о своих выдающихся представителях, внесших крупный вклад в развитие юридической науки. Для этих целей проводятся мероприятия различной направленности. На фасадах учебных корпусов Университета размещены мемориальные доски с высказываниями С. С. Алексеева, В. Ф. Яковлева, Д. Д. Остапенко, М. И. Кукушкина. Проводятся митинги, на которых собираются студенты, выпускники, преподаватели и вспоминают учителей и их научные достижения. Считаются хорошим тоном подготовка и издание материалов о жизни и работе ученых-юристов, научных школ Университета. Для доступности результатов научного поиска подготовлено собрание сочинений С. С. Алексеева в 10 томах; издается книжная серия «Уральская юридическая школа», в которой представлены труды В. М. Семенова, В. С. Якушева, С. А. Хохлова, В. И. Кофмана; готовится аналогичная серия работ учеников С. С. Алексеева.

Подготовлены работы, посвященные жизненному пути отдельных представителей кафедры, где отражены этапы их научного становления, вклад в современную юриспруденцию:

- Алексеев Сергей Сергеевич. Ученый-правовед и государственный деятель: «Жизнь — абсолютная ценность»: биобиблиографическое пособие / Уральский государственный юридический университет, Научная библиотека, Справочно-библиогр. отд.; сост. Л. А. Гусарова; отбор изданий

Т. Н. Колясникова; отв. за вып. О. А. Овчинникова. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. 48 с.;

– В. Д. Перевалов — основатель человеческого измерения государства и права: Юбилейное издание. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета; Москва: Статут, 2016. 308 с.;

– Анатолий Степанович Шабуров: друг, коллега, учитель (к 75-летию со дня рождения) / под ред. В. С. Плетникова. Екатеринбург: Издательство «Компас», 2016. 240 с.

При деятельном участии работников кафедры был снят фильм «Восхождение к праву», посвященный 95-летию Сергея Сергеевича Алексеева, премьера которого состоялась 29 июля 2019 года в Уральском государственном юридическом университете. Сегодня фильм доступен для всеобщего просмотра по адресу в сети «Интернет» — <https://alekseev-museum.usla.ru/pokaz-filma-o-s-s-alekseeve/>.

Чтобы труды учителей не были забыты, их ученики принимают меры по их распространению, адаптации к современным реалиям. Так, например, А. П. Семитко готовит развернутые аннотации к трудам своего учителя и публикует забытые работы в научных изданиях. Не так давно вышла в свет работа: Алексеев С. С. У истоков конституции России (субъективные заметки) // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 3 (30). С. 56–84.

Большой вклад в дело популяризации юридической науки вносят работники структурных подразделений университета. Библиотека ежеквартально готовит и проводит выставки научных трудов представителей различных научных школ Университета. Каждое торжественное мероприятие, конференция, круглый стол в обязательном порядке сопровождает работник библиотеки, в обязанности которого входит обеспечение иллюстративного сопровождения, представления в подборках литературы, изданной учеными университета.

Архив и музей истории СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ обеспечивают наглядность обучения, устраивают экспозиции, которые позволяют обучающимся понять природу идей, концепций научных трудов, рассказывают об условиях жизни ученых университета, представляют предметы их быта. Их стараниями, начиная с 77-й годовщины со Дня Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, готовятся публикации, посвященные участникам войны, чье имя связано с СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ, в частности был подготовлен материал, посвященный военному периоду жизни С. С. Алексеева.

Значительный вклад в организацию и проведение научно-популярных (научно-просветительских) мероприятий вносит торжественно открытый 28 июля 2016 года музей С. С. Алексеева «Восхождение к праву», который расположился в центре города Екатеринбурга по адресу: ул. Ленина, д. 101. Единственный в мире музей, который посвящен юристу — <https://alekseev-museum.usla.ru/>. Музей освещает жизненный путь С. С. Алексеева, здесь можно познакомиться с жизнью и бытом ученого, его научными и публицистическими трудами. Самое важное — мероприятия, которые систематически проводят представители кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева (Д. С. Владимирова) в стенах музея для различных возрастных категорий.

Посетители в возрасте 7–10 лет обсуждают правовые понятия и разгадывают ребусы, участвуют в театрализованных постановках правовых споров, просматривают мультфильмы и обсуждают правовые казусы.

Подростки в возрасте 11–15 лет объясняют пословицы на правовую тематику, проводят игры «Права и обязанности».

Достигшие возраста 15–18 лет играют в кости и разгадывают юридические загадки, изучают правовые категории через ребусы, проводят игровые судебные заседания.

Работниками кафедры не забыта обязанность проведения правового просвещения в рамках сотрудничества с российским обществом «Знание». В современных условиях наиболее востребованная проблематика, с которой выступают члены кафедры, — российская государственность: формирование, проблемы, обеспечение. Причем, если в советский период истории кафедры с этой тематикой выступал А. С. Шабуров, то на современном этапе данная тематика освещается его учеником В. С. Плетниковым.

Отдельный блок работ научно-популярного характера на кафедре связан с широким распространением цифровых технологий. Представители кафедры (Д. В. Грибанов, В. В. Тищенко, М. С. Антоненко, В. С. Плетников) обеспечивают популяризацию научных знаний посредством разработки и проведения в сети «Интернет» интерактивных мероприятий:

– Всероссийский интеллектуально-правовой конкурс «Теория государства и права»;

– региональный онлайн-квест «Юристы нового поколения».

Задания к данным мероприятиям формируются на основе результатов научного поиска представителей кафедры, но сформулированы они таким образом, чтобы принять участие в конкурсах могли не только юристы, но и обучающиеся по другим специальностям. Следовательно, участники имеют возможность как продемонстрировать уровень эрудиции, включенности в общественную жизнь, так и познакомиться с новейшими научными достижениями в сфере юриспруденции. Каждый из участников может стать призером указанных мероприятий.

Значительный вклад в дело популяризации научных юридических знаний вносит студенческое научное общество “*Nostra tempus*” под руководством доктора юридических наук В. С. Плетникова, которое на протяжении последних лет совместно с Законодательным Собранием Свердловской области реализует научно-просветительский проект «Мы знаем право». Студенты-юристы совместно с преподавателями кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева, юристами-практиками (прокурорскими работниками, юрисконсультами хозяйствующих субъектов) выступают перед учащимися школ, колледжей и рассказывают последним о действующем праве, о юридической практике, научных достижениях ученых-юристов. По итогам общения в обязательном порядке проходит интерактивная игра (в зависимости от возраста адресата: деловая игра, викторина, квест, квиз). Победители приглашаются в Законодательное Собрание Свердловской области, где подводят итоги, а лучшие из лучших получают памятные призы.

Своего рода эталоном популяризации юридической науки (в лицах!) может служить книга известного уральского ученого С. В. Кодана о М. М. Сперанском¹.

Отдельной строкой считаю нужным отметить, что частные юридические вузы значительно отстают в популяризации результатов своей научной деятельности от вышеприведенных правовых центров.

Интересные форматы ПЮН культивирует Саратовская государственная юридическая академия: в ее стенах оформлены «именные» аудитории Ю. Х. Калмыкова, И. Е. Фарбера, В. Т. Кабышева.

Издаются сборники статей к юбилейным датам со дня рождения².

Множество научно-популярных сайтов ныне, по признанию специалистов, выступает новой типологической группой в системе российских СМИ. И вот показательный сюжет.

Е. Е. Макаровой был составлен рейтинг предметно-тематических направлений научно-популярных сайтов (в процентах от общего числа публикаций). Исследованные ею сайты популяризируют **двадцать четыре** направления. И далее она отмечает, что среди этих направлений нет юридических наук³. Остается сожалеть, что этот пробел не замечают правоведы.

ПЮН может осуществляться посредством качественно нового сервиса — **подкаста**. Подкаст, по мнению Л. А. Егоровой, — это распространяющиеся через интернет цифровой медиафайл (обычно звуковой) или группа файлов, которые можно воспроизвести при помощи компьютера, портативного медиаплеера, автомагнитолы, мобильного телефона и домашней стереосистемы⁴.

Популяризация юриспруденции через подкасты редка и пока широкого распространения не получила.

Опубликованы результаты исследования (2022–2023 годы) доверия к ученым и их работе в обществе. В исследовании участвовали 71 417 человек из 67 государств. Масштабный онлайн-опрос охватил 31 % стран, где проживают 78 % земного населения.

Странами с наибольшим уровнем доверия науке стали Египет (4,3 балла) и Индия (4,26 балла). В первую пятерку вошли Нигерия, Кения, Австралия.

С противоположной стороны (внизу шкалы) оказались Албания, Казахстан, Боливия и Россия (3,23 балла).

¹ Кодан С. В. Божьей милостью Чиновник. М. М. Сперанский и Российское государство. Екатеринбург: УрГУ, 2001. 183 с.

² См., например: Учитель, Ученый, Человек! К 80-летию юбилею профессора Владимира Терентьевича Кабышева / сост.: М. А. Липчанская, Е. В. Комбарова, Т. В. Троицкая; под ред. С. Б. Суrowова. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2018. 492 с.; Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов, 2022. 312 с.

³ См.: Макарова Е. Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013. № 2. С. 102.

⁴ См.: Дивеева Н. В. Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. С. 96.

82 % опрошенных высказались за то, что ученые должны рассказывать широкой публике о науке. Конечно, можно сомневаться в правильности проведенного опроса, но сам по себе факт настораживает.

Пути активизации ПЮН

Проблема международных и национальных рейтингов вузов и отдельных исследователей всегда была дискуссионной, острой в силу того, что они — инструмент конкурентной борьбы на рынке труда, свидетельства научного и образовательного авторитета, имиджа, престижа. При оценке выдвигается множество различных критериев, некоторые из которых довольно субъективны (например, цитируемость, востребованность проведенных научных исследований)¹.

Предлагаю: в любом рейтинге вузов и конкретных ученых учитывать количество и качество популяризаторских разработок. Если нет предмета и повода для вынесения результатов научного исследования на суд широкой публики, массовой аудитории, то, по всей видимости, трудно понять, чем именно занимается вуз или ученый в фундаментальном или прикладном направлении.

Популяризация науки (в нашем случае — юридической) должна быть представлена в качестве специального критерия, то есть «присутствовать» в рейтинге как отдельное направление.

Можно надеяться на поддержку моего предложения, поскольку немало виднейших ученых понимают значение популяризаторской деятельности. Например, академик РАН, председатель Санкт-Петербургского отделения РАН (создано в мае 2023 года) Андрей Рудской констатировал: «В целом, как и у всей академии, у нас триединая задача: популяризация науки, международная деятельность и экспертиза научных проектов»². Заметим, популяризация науки «располагается» на первом месте, то есть этому виду академического творчества отдается приоритет.

Я давно выступаю за то, чтобы в числе критериев официального признания того или иного творческого коллектива научной школой была **популяризация результатов ее деятельности**³.

Факт участия школы в популяризации результатов научной деятельности свидетельствует о правильности выбора предмета анализа, длительности функционирования исследуемых юридических феноменов, реальных достижениях в их трактовке, общественном интересе к получению выработанных школой знаний.

Отсутствует популяризация — значит, нет очевидных результатов деятельности школы, которые можно предложить гражданскому обществу. Популяризировать планы и «бумажные» программы легко и можно, но не всегда нужно и не совсем порядочно.

Раскрытие этой проблемы необходимо начать с обращения к Указу Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 146 «О стратегических целях и задачах развития Российского научного фонда на период до 2030 года»⁴. Раздел второй этого основного документа стратегического планирования деятельности Фонда называется «Приоритетные направления деятельности Фонда». Одно из таких направлений — «популяризация достижений российской науки». Оно раскрывается следующим образом: «В рамках этого направления проводятся мероприятия (в том числе конференции, семинары, панельные дискуссии на крупных форумах и диалоговых площадках), направленные на повышение доступности для широкой аудитории информации о достижениях современной науки, а также организуются и проводятся регулярные специализированные мероприятия для демонстрации успехов в практическом использовании достижений в области научно-технологической деятельности. Результатом деятельности по популяризации российской науки должно стать повышение интереса аудитории к достижениям и перспективам российской науки, повышение общественной значимости научных исследований».

¹ См.: Добрынина Е. Миссия выполнима. Каким должен быть рейтинг вузов // Российская газета. 2024. 27 февраля.

² Ледяева М. Не витать в облаках. Академик Андрей Рудской — о регулировании нейросетей и новом отделении РАН // Российская газета. 2024. 27 февраля.

³ Подробнее см.: Баранов В. М. Опыт формирования и функционирования научной школы техники правотворчества: монография. Москва: Проспект, 2019. С. 69–75; Его же. Основные итоги деятельности научной школы «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческого процесса России (история, теория, практика) по состоянию на 1 января 2024 года // Юридическая техника. 2024. № 18: материалы XXV Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности» (Нижний Новгород, 20–23 сентября 2023 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2024. С. 773–1008.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 10, ст. 1374.

Значимым и относительно самостоятельным путем активизации ПЮН является поэтапное устранение «белых пятен» в рассматриваемой области. Имею в виду более точное и справедливое освещение исторического пути решения сложных научных юридических задач, достижения значимых правовых результатов. При поиске научной истины нередко оказываются незаслуженно забытыми отдельные исследователи. И это относится не только к открытиям и изобретениям в технике. В частности, пока еще живы многие разработчики ныне действующей Конституции России, есть резон объективно выявить вклад каждого из них. В этом ракурсе заслуживает одобрения и поддержки подход, представленный профессором Б. С. Эбзеевым в статье, посвященной 30-летию Конституции России, где деликатно уточняется личный вклад составителей (но не творцов или авторов) проекта ныне действующей Конституции России¹.

Не исключено, что через некоторое количество лет будет подготовлена большая монография «Очерки истории научных исследований правовой политики», где последовательно и точно будет освещен личный вклад профессора А. В. Малько в разработку этой «вечной» юридической проблемы.

По аналогии с авторским толкованием норм права, когда разъяснение дается тем субъектом, который ее принял и обнародовал, можно вести речь о популяризации юридических знаний тем лицом (или коллективом), который его произвел. Наверное, это оптимальный вариант, ибо можно предполагать, что опасность неточного изложения научного материала при его популяризации меньше всего. Вспомним, каким успехом пользовалась «Высшая математика для начинающих» знаменитого физика и соратника А. Д. Сахарова академика Я. Б. Зельдовича (его именовали советским Леонардо да Винчи, 8 марта 2024 года ему исполнилось 110 лет со дня рождения). Кстати, любопытный (единственный в своем роде) факт: он стал доктором наук, профессором, академиком Академии наук СССР, не имея диплома о высшем образовании.

Важным путем активизации ПЮН должно стать развернутое, обоснованное (то есть с детальным описанием заслуги) поощрение этого жанра творчества. Премии за ПЮН — это не только награда популяризатору: это **гарантия** от специалистов (экспертов), что популяризаторское произведение **качественное** и желательно глубже вникнуть в освещаемую доктринальную проблему.

Прежде всего, важно увеличить число федеральных и региональных премий именно за ПЮН.

Парадоксально, но факт: самая престижная в сфере юриспруденции премия «Фемида» (учреждена в 1995 году членами Московского клуба юристов) за всю историю существования (более 250 лауреатов) в своих уставных документах не предусматривает награждения по основанию «За заслуги в популяризации юридической науки». Каждый год организаторы (учредители) премии, как правило, удачно и оригинально экспериментируют с номинациями, но поощрить кого-то из исследователей за вклад в популяризацию юридической науки не сочли возможным или нужным. Скорее всего, это связано с тем, что отсутствует четкое представление о сущности этой деятельности, о доказательных критериях самостоятельности, значимости рассматриваемого жанра.

На соискание этой премии и премии «Фемида» целесообразнее всего готовить и представлять просветительские проекты длительного действия об организации юридической науки, взаимодействии правовой науки и бизнеса, уникальной монографии по правовой проблематике; инновационных правовых технологиях.

Такого же плана премию можно «внедрить» и на региональном уровне.

Многие научно-популярные и просветительские проекты России отмечаются Всероссийской премией «За верность науке». Положением о IX Всероссийской премии «За верность науке» (утверждено решением Организационного комитета 14 марта 2023 года) предусмотрено, что она присуждается за выдающиеся достижения в области научной коммуникации, популяризации научных достижений и поддержки престижа научной деятельности в Российской Федерации. В пункте 2.1 Положения установлено: «Цель Премии» — популяризация науки и достижений российских ученых и стимулирование СМИ к широкому освещению российской науки. К задачам Премии относятся: выявление и поддержка проектов, направленных на популяризацию научных достижений, повышение престижа профессиональной научной деятельности в России и развитие научной коммуникации; информационная поддержка ученых, обеспечение их широкого присутствия в медийном поле; содействие коммуникации журналистского и научного сообществ; формирование позитивного имиджа российской науки; поддержка современных форм популяризации науки; привлечение молодежи в науку.

¹ См.: Эбзеев Б. С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12. С. 21–39.

Этой высокозначимой премией за вклад в популяризацию юридической науки награждений нет: отмечаются популяризаторы естественно-технических и точных наук.

В рамках реализации федерального проекта «Популяризация науки и технологий» проведено 2 конкурса, и грантовую поддержку получили самые разные мероприятия: выставка портретов ведущих ученых России «Наука в лицах»; Дни научного кино ФАНК; научно-просветительский проект «Геномная одиссея», направленный на повышение генетической грамотности; Всероссийский фестиваль *RuCode* по искусственному интеллекту и алгоритмическому программированию; Всероссийский театральный научно-просветительский фестиваль «Поколение будущего»; Фестиваль по научно-популярному туризму СКФО «Вершина наук» и другие.

Популяризаторов юридической науки в 2024 году среди отмеченных 19 проектов авторов научно-популярного контента и 18 проектов организаторов мероприятий, представляющих науку для широкой аудитории, не оказалось¹.

Давно назрела потребность во внедрении в рамках этой премии номинации «Лучший просветительский проект юридической науки» (или «Классная юридическая наука»). Эта номинация могла бы стать новым форматом популяризации правовой науки, который впоследствии можно через серию выездных презентаций значительно расширить географически.

Есть премия «Просветитель», но она охватывает среду искусства и не касается юристов. Например, лауреатом этой премии стала музыкальный журналист Ляля Кандаурова за книгу «Оперы и призраки. Страшные истории в буквах и картинках» (Москва: Альпина Паблишер, 2024. 64 с.).

В сфере юриспруденции имеются популяризаторские работы аналогичного формата², но они проходят незаметно и данных об их востребованности и полезности (даже дидактической) нет.

Можно констатировать, что ПЮН в комиксах находится в «зародышевом» состоянии. Кстати, комиксы в XX веке утратили комичность, за которую получили название и значительно расширили сферу иллюстративности. Даже такая уникальная медицинская наука, как психиатрия, соединяющая самые разноплановые и весьма абстрактные знания о человеке, его переживаниях, страхах, радостях, печалях, депрессиях и психозах, обращается при популяризации к комиксам³.

Вряд ли в честь кого-то из популяризаторов юридической науки назовут малую планету (астероид), как это случилось с главным теоретиком атомной бомбы Яковом Борисовичем Зельдовичем, но отмечать выдающихся просветителей в сфере юриспруденции надо чаще и заметнее.

Одно из возможных радикальных решений для повышения авторитета ПЮН — принять федеральный закон (или нормативный правовой акт Министерства науки и высшего образования) с примерным названием «О государственной поддержке популяризации юридической науки», где будут детально урегулированы сущность, формы и ожидаемые результаты рассматриваемой деятельности.

На встрече с представителями общественности 4 февраля 2020 года В. В. Путин призвал серьезно заняться популяризацией науки и предложил «выделить какое-то отдельное направление в деятельности какого-то фонда или министерства». Сразу появились иронические суждения о создании «Министерства по популяризации науки».

По сравнению с техническими науками, химией, биологией, медициной, где популяризация традиционно широко осуществляется с разнообразным богатым иллюстративным опытом, в юридической сфере этот вид деятельности считается второстепенным, вспомогательным, малоценным, непрестижным. Популяризацией юридической науки занимаются единицы, подлинные энтузиасты, и результаты их усилий часто малоизвестны.

Значительная роль в популяризации науки (крайне редко — юридической) отводится библиотекам⁴, которые самостоятельно вырабатывают формы (выставки, встречи с авторами). Далеко не все библиотеки юридических вузов уделяют внимание этому направлению деятельности.

¹ См.: Объявлены победители второго грантового конкурса для популяризаторов науки. Новости Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81243/> (дата обращения: 14.05.2024).

² Иллюстрированный Уголовный кодекс Российской Федерации в рисунках Алексея Меринова. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 516 с.; Кочои С. М. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий не только для юристов. Москва: Проспект, 2022. 352 с.

³ См.: Задорожная О. Психиатрические комиксы. История про людей. Москва: Городец, 2024. 112 с.

⁴ См.: Библиотека и популяризация науки: сборник научно-методических статей и разработок для библиотек по популяризации научных знаний и вовлечению подрастающего поколения в научно-исследовательскую деятельность / сост. Е. В. Хорошавина, Д. С. Мосеева; под общ. ред. Ю. В. Соколовой. Москва: ГПНТБ, 2023. 141 с.

Популяризаторы юридической науки призваны предложить новые форматы, отражающие специфику правовой деятельности.

Например, можно было бы подготовить издание обо всех академиках-юристах (начиная с Петровских времен до наших дней).

Кроме того, можно предложить и такие инновационные форматы ПЮН: видеоконтент «Изящный закон»; документальные фильмы «Правовой эксперимент»; «Космос и право».

Конечно, имея нейтронный реактор, нейтринный телескоп, формулу ДНК, уникальный архитектурный проект, можно наглядно и убедительно популяризировать достижения соответствующих наук. У юридической науки в этом плане возможностей меньше, но они есть, и надо умело, разумно их использовать.

Предлагая просветительскую деятельность рассматривать в качестве самостоятельной **функции государства**, Е. А. Певцова отмечает, что «просветительская функция государства — целенаправленная, выстроенная в систему закономерная деятельность государства, государственных органов, должностных лиц, наделенных властными полномочиями, во взаимодействии с институтами гражданского общества, направленная на пропаганду традиционных ценностей, устойчивое формирование правового сознания и правомерного поведения, распространение информации, развитие знаний и решений задач воспитания детей и молодежи в духе патриотизма и уважения к друг другу и старшим поколениям, а также включающая обязанность и возможность государства достигать целей страны-лидера, создавая комфортные условия бытия и развития человека»¹.

Понятие «популяризация» автором в тексте статьи не применяется и о просвещении в сфере юридической науки в силу иной направленности работы не упоминается. При всем многообразии функциональных характеристик сфер культуры, образования, науки, воспитания ПЮН сохраняет предметно-содержательную автономию и ее вполне можно считать **подфункцией государства**. Именно государство призвано выступить координатором всех государственных органов, организаций, общественных объединений, имеющих возможность качественной ПЮН.

Этот тезис находит подтверждение в уже упоминавшемся Указе Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314, где дефиниция «историческое просвещение» акцентирует внимание на государственно-властном начале в следующем формате: «**регулируемая государством** (выделено мной. — В. Б.) деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества»².

Желательно организовать специализированный многофункциональный Центр популяризации юридической науки и в его структуре предусмотреть одну или несколько должностей с названием «Популяризатор юридической науки». В скобках к этому наименованию можно будет добавить «отраслевую привязку» — в области науки конституционного или гражданского либо уголовного права. Это не моя придумка. В состав Экспертного совета IX Всероссийской премии «За верность науке» входит Е. В. Шугаева — популяризатор науки, ведущая программы «Мы и наука. Наука и мы» на телеканале НТВ.

Желательно разработать долгосрочную Программу ПЮН, одним из разделов которой может быть подготовка кадров для этого вида творческой деятельности.

Для поиска результативности путей активизации ПЮН желательно организовать и провести масштабный социологический опрос об общей оценке российскими учеными-правоведами нынешнего уровня популяризации юридической науки.

При составлении вопросов анкеты необходимо сделать акцент не только на выявление процентов положительной либо отрицательной оценки ПЮН, а на предложение респондентам дать развернутые трактовки об улучшении состояния дел в этом виде творческой деятельности.

Мастерством популяризации обладают далеко не все даже выдающиеся правоведа. Некоторые из них не желают тратить время на «общение» с неспециалистами в ущерб научному творчеству, и вряд ли их можно упрекать за такую позицию.

¹ Певцова Е. А. Просветительская функция современного государства: вопросы теории и практической реализации // Московский юридический журнал. 2024. № 1. С. 14.

² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=2> (дата обращения: 14.05.2024).

Пока профессиональная культура ученого-правоведа не рассматривает и не культивирует ПЮН в качестве обязательного и почетного элемента.

Трудным, но необходимым и в определенной степени неизбежным путем активизации ПЮН выступает последовательное «отслеживание», оценка и экспериментальная апробация появляющихся инновационных информационных технологий на предмет применения в популярном представлении научного правового знания. Не только искусственный интеллект может быть задействован при поиске новых форм ПЮН. Обогащение (но не вытеснение!) форм ПЮН средствами интернета и мультимедиа должно привести к перераспределению средств научной коммуникации и одновременно повысить эффективность ПЮН.

Надеюсь, что мои предложения по активизации ПЮН не попадут в разряд утопических проектов: в случае их реализации роль юридической науки постепенно улучшит свой имидж в массовом и профессиональном правосознании россиян.

И последнее. ПЮН — тот мощный познавательный и организационно-управленческий механизм, который позволяет показать, что за скучными, сухими (на первый взгляд!) правовыми категориями и конструкциями, громоздкими законами и сложноструктурированными нормами стоит «живая» действительность, в которой ежечасно общаются люди и их объединения.

Без знания и внутреннего «принятия» юридического среза жизнь человека в принципе не может быть достойной и комфортной, благополучной и обеспечивающей перспективу своим детям.

ПЮН — тот ресурс, который способен «прояснить» загадки и тайны правовой реальности, ответить (хотя бы в первом приближении) на «вечные» вопросы, касающиеся каждого: почему веками не утихают ожесточенные споры о смертной казни, эвтаназии, прерывании беременности, живучести терроризма и экстремизма, национальных и сексуальных предпочтениях?

Конечно, правовая наука (как и любая иная) интернациональная, но результаты ее все-таки, как правило, несут национальный характер, и их популяризация свидетельствует, прежде всего, о развитии российской цивилизации.

Тарасов Николай Николаевич,

доктор юридических наук,

профессор кафедры теории государства и права

Уральского государственного юридического

университета

Роль и значение юридической науки в современной России как предмет исследования (методологические основания)

Вопрос о роли юридической науки в предлагаемой постановке может показаться достаточно искусственным, поскольку в современных представлениях наука, наряду с государством, семьей, образованием и т. д., является необходимым институтом общества, занимающим в его структуре определенное место и осуществляющим определенные функции. Правда, эти представления связаны с теоретическими обобщениями и оправданы только в рамках одной из теоретических моделей. Что касается социологии понимания и оценки роли и значения конкретного социального института в конкретном обществе, то она может существенно отличаться и в различных культурных традициях, и на различных этапах общественного развития, да и в различных исторических ситуациях¹. Другими словами, принятая теоретическая модель позволяет уверенно определять нормативное значение науки в системе современного общества, но недостаточна для понимания ее роли и значения в конкретном, отдельно взятом обществе.

Действительность роли и значения науки в конкретном обществе определяется не только идеями господствующей картины мира, формами и структурой общественного сознания, но и всеми вариациями контекстов социокультурного процесса данного общества. Если обратиться к исходному

¹ См.: Для науки хорошим примером является историческая ситуация, сформированная становлением в XX веке философии постмодернизма, которая, в отличие от традиции модерна, уже не рассматривает научную рациональность как необходимый элемент системы социального развития. В смыслах Лиотара это выглядит, например, как соотношение рационального знания с «террором», которому противостоит постмодернистское знание, отвергающее универсальность и определенность науки и поэтому не являющееся «...исключительно инструментом властей». См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва, Алетейя, 1998. С. 11–12. См. также: Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 73–76.

пониманию социокультурного процесса¹ и трактовать его как взятое во взаимовлиянии единство социальных процессов и фундаментальных идей, то обоснованно принять, что общественное сознание — результат не просто некоего совокупного влияния естественных и искусственных факторов социальной действительности, а скорее, «результатирующая» их взаимовлияния. Таким образом, для целей данного обсуждения обоснованно принять, что если роль науки допустимо определять в рамках теоретической модели общества, то значение связано с состоянием общественного сознания.

Для более точного понимания как сказанного, так и ряда последующих утверждений необходимы некоторые пояснения. При обсуждении роли естественных и искусственных факторов в формировании общественного сознания и научного сознания как его формы необходимо учитывать, что системные и развернутые обсуждения понятий «естественное» и «искусственное» в юридической литературе не слишком распространены², поэтому и методологические смыслы данных категорий в основном остаются вне рамок наших научных интересов, а соответствующие понятия применяются, как правило, контекстуально, например, в связи с привычной категориальной оппозицией «объективное — субъективное»³. Не входя в содержание соответствующих дискуссий, отметим только, что в методологических разработках социальных наук сегодня можно различить как минимум два подхода к пониманию естественного и искусственного⁴.

Первый подход, в своих основаниях восходящий к Аристотелю и широко распространенный в литературе, исходит из данности естественных и искусственных объектов (процессов, структур и т. д.), являющихся таковыми по своей природе. В основном этот подход развивался в натуральной философии, где «естественное» полагается существующими независимо от нашего сознания, мышления и деятельности. Искусственное же связывается как раз с мышлением и деятельностью как «человеческим фактором»⁵. При такой трактовке «естественное» в социальных науках понимается, например, как «инстинктивные», «спонтанные», «стихийные» и т. п. действия или процессы, а «искусственное», соответственно, — как целевые действия или деятельность⁶.

Второй подход полагает искусственное и естественное не натурально, а как модусы существования объектов. Другими словами, естественное или искусственное здесь связано не с «природой» исследуемого объекта, «... а с различными способами его полагания, представления в мышлении и знаниях о нем»⁷. Этот подход и используется в дальнейшем, поскольку позволяет в юридических исследованиях разрабатывать проблему естественного и искусственного как проблему методологическую.

Такое понимание естественного и искусственного в качестве исходного полагания дает возможность утверждать, что наука, как и государство, семья, религия и прочие институты, влияет на социальную действительность так и постольку, как и постольку они оформлены категориально,

¹ Например, в версии Р. Будона, П. Сорокина. См.: Будон Р. Место беспорядка: Критика теорий социального изменения. Москва, 1998. С. 165; Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Москва: Астрель, 2006. С. 95. Философско-методологические смыслы такого понимания см.: Хайдеггер М. Время и бытие. Москва, 1993. С. 238–239; Дротянко Л. Г. Социокультурная детерминация фундаментальных и прикладных наук // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 91.

² Отдельные экскурсы в эту проблематику были весьма яркими (см.: Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. С. 119 и след.), однако традиции не создали, поэтому в нашем методологическом активе исследований данной проблематики в основном философские разработки. См.: Кедров Б. М. Естественное и искусственное в познании и деятельности человека // Вопросы философии. 1958. № 11; Щедровицкий Г. П. Философия у нас есть // Философия. Наука. Методология. Москва: Шк. культ. политики, 1997. С. 11–14; Генисаретский О. И. «Искусственные» и «естественные» системы // Вопросы методологии. 1995. № 1–2; Рац М. В. «Искусственное» и «естественное» / под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой. Москва: РОССПЭН, 2010.

³ См., напр.: Шейндлин Б. В. Сущность советского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ленинград, 1962. С. 23. Что, кстати говоря, можно считать почти традицией.

⁴ Подробнее о значении категорий «естественное» и «искусственное» в теории права. См.: Тарасов Н. Н. Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский Юридический Журнал. 2020. № 5.

⁵ См. напр.: Щедровицкий Г. П. «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 1. Москва, 2005. С. 419.

⁶ См.: Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Москва: Новости, 1992. С. 243–244.

⁷ См.: Рац М. В. «Искусственное» и «естественное» / под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 323. Исходную идею см.: Щедровицкий Г. П. «Естественное» и «искусственное» в развитии и функционировании знаковых систем // Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность. Кн. 1. Москва, 2005. С. 419–420.

восприняты и словарем бытового языка, и понятийным аппаратом языков специальных. В этом плане уже требуется обсуждение роли науки в обществе не только как социального института, но и как формы познания. Понятно, что рефлексия науки как формы познания осуществляется достаточно узким кругом ученых и философов, а взаимодействие различных субъектов с наукой и ее восприятие обществом происходит посредством институциональных форм. По большому счету и отношение к науке со стороны общества, его отдельных субъектов формируется тем же путем¹. Однако при условии и благодаря определенному типу образования и системному просвещению, ограниченность такого институционального восприятия преодолевается через расширения контекста и содержательного дополнения, в частности, представлениями о формах познания, их возможностях и ограничениях. В этом случае научное сознание как форма общественного сознания определяет ядерное содержание мировоззрения, а наука становится основанием картины мира².

В предлагаемой трактовке оправдано произвести еще одно полагание в плане условий корректности оценки роли науки по критерию востребованности этой формы познания конкретным, отдельно взятым обществом. Одним из индикаторов такой востребованности могут служить формы актуализации науки субъектами социальных процессов, то есть как конкретные субъекты, общество «видят» науку в рамках той или иной деятельности. Понять это, кстати говоря, не так просто, как может показаться. Для юридической науки ситуация осложняется ее эпистемологической сложностью, обусловленной как генезисом, так и историческими особенностями становления теоретической юриспруденции. Суть отмечаемой сложности состоит в многоплановости юридического мышления, работающего как в собственно научных, так и философских и догматических контекстах. При этом данные контексты не ведут к формированию обособленных планов содержания, поскольку даже в процессе собственно теоретического исследования в силу преобладающей практической ориентации нашего профессионального сознания юриспруденция почти нормативно «проецирует» научную проблему на социальную действительность через интерпретацию ее практических смыслов и анализ возможных механизмов реализации. Реализация же, понимаемая главным образом через организацию профессиональных практик, как раз и требует всесторонней оценки существующих условий, учета различных процессов и закономерностей (от климатических до экономических и от психологических до идеологических). Таким образом, соотнося свои идеальные построения с актуальной социальной реальностью, теоретик права вынужден как бы осуществлять их проверку форме, напоминающей мысленный эксперимент в естественных науках. Добавив к этому сложившуюся в нашем сообществе традицию оценивать научные работы по наличию практических предложений, являющихся, по сути, «инженерными конструкциями», требующими определенности, в том числе по своей адресности в системе профессиональных практик (то есть реализуемости), мы получаем теоретическую юриспруденцию как исследовательское пространство, исключительно сложно организованное. При такой интерпретации структуры юридической науки нетрудно заметить, что план идеальных (теоретических) построений в ней императивно сопряжен с эмпирически воспринимаемой действительностью и мыслительным конструированием фрагментов как социальных, так и профессиональных практик. Если поискать в такой исследовательской работе правоведов параллель, например, в естественных областях, то возникает «подозрение» о синкретическом соединении в научной деятельности юристов нескольких форм интеллектуальной деятельности. Как минимум это теоретическая (работа с понятиями), экспериментальная (интерпретация теоретических понятий в представлениях и терминах профессиональных практик), инженерное проектирование (разработка предложений по совершенствованию

¹ В массовом сознании наука, по сути, отождествлена с организаторами науки, то есть руководителями научных учреждений. В принципе это понятно и в определенном плане нормально. Нормально до тех пор, пока не приводит к искаженному восприятию и неадекватному отношению.

² Подчеркнем, что превращение науки в «символ веры» не означает формирование научного сознания, которое подразумевает понимание сущности научного познания, его возможностей и ограничений, значения для функционирования и развития общества и государства. На самом деле смешение институциональной формы и сущности науки не так безобидно. Сходную ситуацию мы имели в образовании, когда строили идеологию образовательных форм и процессов, исходя не из культурных оснований и социальных функций образования, а из конструкции юридической формы (услуги) возмездных отношений. Думается, разрушительная роль такой понятийной катастрофы еще не только не осмыслена в достаточной мере, но и не находится в зоне надлежащего исследовательского внимания нашей педагогики и социологии.

законодательства или организации профессиональной деятельности), организационно-техническая (определение форм внедрения предложений) и др. Образно говоря, юристы в своей научной деятельности вынуждены выполнять работы, которые в естественных областях выполняются представителями как минимум четырех специальностей.

При такой полисистемности юриспруденции привычное понимание практики как адресата научных исследований, как и дихотомия «теория — практика», являются сильно редуцированными. Таким же упрощением является и представление, согласно которому научное знание должно получить непосредственное применение в юридической практике: обладать практической значимостью¹, хотя такие представления создают некоторые смыслы. Вопрос только в понимании сущности практического применения и практической значимости разработок юридической науки. Ответ на него, в свою очередь, определяется подходом к пониманию юридической практики.

Прежде всего, в социокультурном плане юридическая практика не может ограничиваться функционированием правоприменительной системы и узкопрофессиональной деятельностью юристов², а должна пониматься как социальная, базирующаяся на интеллектуальной и духовной основе общества. В этом плане юридической практикой оправдано считать только такую деятельность в сфере права, которая соответствует идеалам права, правовым принципам и ценностям³. Только при этом условии юридическая практика обеспечивает воспроизводство права и правопорядка, а значит, и общества, поскольку в таком подходе право, регулируя общественные отношения, обеспечивает воспроизводство общества. Из чего следует, что роль юридической науки не столько в служении функционалу профессиональной юридической практики, сколько в обеспечении развития правового сознания и правовой культуры, и в этом смысле — развития юридической практики⁴. При такой трактовке соотношения юридической науки и практики сложно утверждать, что именно юридическая практика — непосредственный потребитель научных знаний⁵. Это означает, что юридическая практика, разумеется, видит науку, но результаты научных исследований «потребляет» в виде сложных систем объединяющих и прикладные разработки, и технические конструкции, и организационные формы, и процедурные «технологии», и т. д.⁶

Основываясь на сказанном, при условии методологической редукции, разумеется, можно принять, что наиболее надежным индикатором отношения к науке и в этом смысле понимания

¹ «Теория становится научной только тогда, когда высказанные на ее основе гипотетические предположения оправдываются на практике» (см.: Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск. 1987. С. 118) или «для правовой теории достаточно решать задачи, встающие перед судом» (см.: Фогельсон Ю. Б. Избранные вопросы общей теории обязательств: курс лекций. Москва, 2001. С. 19).

² В таком представлении юридическая практика не может рассматриваться и как критерий научной истинности, что обсуждалось и обосновывалось еще советской юриспруденцией. «Критерием истинности общетеоретических правовых положений не может быть только юридическая, государственно-правовая практика, сама представляющая только форму (не всегда адекватную) социального содержания. Поэтому критерием юридической науки, в том числе общей теории, является вся общественная практика...». См.: Явич Л. С. Общая теория права. Ленинград, 1976. С. 15–16.

³ Именно в этом и заключается пафос сегодняшнего противостояния в отношении нормирования международных отношений между нами и Западом, соответственно, между идеей права и идеей порядка, основанного на правилах, поэтому и прав В. В. Лазарев, утверждая, что правовые принципы являются «системообразующим фактором юридической практики». См.: Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 134.

⁴ В этом плане практическую значимость имеют любые научные исследования, способные прямо или косвенно в данный момент или в перспективе в форме конкретных рекомендаций и разработок или теоретических принципов, положений и конструкций повлиять на юридическую деятельность, юридическое мышление, юридические институты или процесс правового регулирования.

⁵ Кстати, история юриспруденции наводит на мысль, что юридическая практика в течении многих столетий вполне успешно компенсировала отсутствие науки оргтехнической и организационно-задачной рефлексией (римская юриспруденция, глоссаторы и т. д.). Подкрепленная цеховым обучением профессии, такая юридическая практика вполне обеспечивала самовоспроизводство (и даже без явной тенденции к вырождению). Другое дело — развитие. Если любые изменения юридической практики не отождествлять с ее развитием, предполагающим, как известно, идеального плана действительности, то есть теории, философии и т. д., то тандем с наукой неизбежен.

⁶ Понятно, что в еще меньшей степени юридическая наука непосредственно воспринимается и может служить основанием иных практик (политическая, экономическая, управленческая и т. д.).

ее роли и значения в конкретном обществе, является «научность» общественного сознания¹. С этих позиций бросается в глаза непосредственная связь юридической науки с образованием, не только специальным юридическим, но и общим, формирующим основные категории и принципы картины мира. Это означает, например, что, не придавая особого значения разного рода нежелательным эффектам от внедряемых форм организации науки или нормирования ее предметной организации, мы не просто снижаем эффективность данной формы познания, но и разрушаем одну из форм общественного сознания. Равно и постоянные изменения предметной структуры образования и разного рода модернизации учебных форм могут не просто снизить его качество, но и вывести из зоны преподавательского влияния формирование мировоззрения и профессионального сознания. Возможные эффекты от этих процессов: ценностная дезориентация определенных социальных групп (в первую очередь молодежи) и смена восприятия тенденций в государстве и обществе с позитивного на негативное со всеми вытекающими последствиями.

Изложенные методологические подходы к исследованию обозначенной проблемы позволяют сформулировать и несколько оценочных суждений. При анализе состояния указанных индикаторов оценки роли и значения науки в конкретном обществе обнаруживаются достаточные основания полагать, что современные тенденции отношения к науке у нас не самые позитивные хотя бы потому, что общественное сознание России в своих мировоззренческих основаниях уже не так гомогенно, как в эпоху Советского Союза, когда наука, по сути, являлась единственным инструментом построения картины мира. Сформировавшаяся в процессе ее философской рефлексии онтология была рационально обоснованной системой, составившей фундамент всех уровней образования, что позволяло в том числе создавать генерализированные смыслы социальных событий и действий, а значит, обеспечивать устойчивую поддержку экономических, политических и организационных стратегий государства, разрабатываемых управленческим аппаратом проектов и программ. Это, в свою очередь, создавало необходимую консолидацию общества, устойчивость и синхронизацию большинства социальных процессов. Однако именно в силу научности господствовавшей картины мира развал Советского Союза нанес самый разрушительный удар даже не по экономике или государству², не по системам управления или организационным формам³, а по структуре нашего сознания и, прежде всего, по научной картине мира. Понятно, что больше всего пострадали науки социальные⁴, которые в той или иной степени составляли синкретическое единство с господствовавшей трактовкой философии марксизма и предметно, и методологически. Одним из триггеров данного процесса стало восприятие развала СССР и последовавших за этим событий в бывших советских республиках как проявление социальных законов, верифицированных ходом «общественно-исторической практики», которая в советском сознании являлась бесспорным критерием научной истины. Это, в свою очередь, породило эффект «очевидной» несостоятельности философии социализма и исторической «ошибочности» существующего общественного строя⁵. При этом соединение в общественном сознании господствовавшей философской системы с научностью привело к формированию как минимум скепсиса не только к социализму как общественному строю, но и состоянию социальных наук в России, да и к самой методологии научного познания законов общественного развития.

Для юридической науки проблема состояла даже не в том, что образовавшаяся тенденция тотального отказа от господствовавшей гносеологии достаточно быстро проявилась в литературе как новая философско-методологическая установка — это процесс понятный и, видимо, неизбежный. Проблема состояла в катастрофической недостаточности философско-методологической

¹ Такой взгляд можно резонно и основательно критиковать, разумно указывая, например, на то что действительное отношение к науке гораздо точнее отражают, скажем, уровень и структура ее финансирования. Для нашего сознания аргумент очень сильный и почти не опровергаемый, но тем не менее поддающийся проблематизации. Во всяком случае период так называемой «лысенковщины» в нашей истории наглядно продемонстрировал необходимость, но не достаточность организационных и финансовых ресурсов для обеспечения развития науки.

² Что вполне подтверждено успешностью нашего противостояния разного рода санкциям.

³ Сегодня уже можно фиксировать их восстановление или замещение модернизированными конструкциями.

⁴ На уровне обывденного сознания, судя по всему, «зацепило» и науки естественные. Достаточно, обратить внимание на объем и популярность контента массмедиа, связанного с разного рода магией, экстрасенсорикой, «загадками» эволюции и т. д. Причем, похоже, процесс становится устойчивым. См., например: Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. Москва, 2001. С. 4–5.

⁵ Последовавшие в стране события и реформы данный эффект укрепили и закрепили.

рефлексии данного процесса, его движении без надлежащей проработки рациональных оснований, а потому при сильной коррекции влияния разнонаправленных политико-идеологических факторов, что привело в том числе к разрыву между декларируемой методологией и практикой исследования¹. Таким образом, по большому счету отказ от методологии советского правоведения не состоялся. Не привели к искомому результату и попытки обнаружить иные учения, пригодные для замещения «освободившегося» места философско-методологических оснований нашей юридической науки. По понятным причинам считалось, что такие учения могут быть обнаружены только в западной интеллектуальной культуре. Однако в 90-х годах прошлого века в западной традиции познания уже господствовала философия постмодернизма, вариации которой явно не годились на роль методологического фундамента теоретической юриспруденции². Во всяком случае, все даже заслуживающие внимания попытки предложить теоретической юриспруденции методологическую опору на идеи постмодернизма не вышли за рамки философско-методологических дискуссий. Кроме того, принципиальных изменений в понятийно-категориальном аппарате юридической науки, методах теоретического исследования, способах обоснования и аргументационном дискурсе обнаружить не удается³.

Если на юридическую науку указанные обстоятельства решающим образом не повлияли, то авторитет теоретического познания в сфере социогуманитаристики явно пострадал как в глазах принимающих решения элит, так и в массовом сознании. Понятно, что это не выражается в публичном отрицании социальных наук, их возможности объяснять причины и суть идущих в обществе изменений и прогнозировать развитие социальных процессов. Однако изменения форм и определенная стагнация механизмов связи науки и институтов государства, обозначившиеся тенденции политики в сфере науки и образования дают повод обратить внимание в плане оценки роли и значения юридической науки в современной России на отдельныестораживающие факты. В частности, это касается явной склонности нашей регулятивной практики, как и практики государственного управления, использовать интеллектуальный потенциал юриспруденции не столько в форме научных исследований, сколько оценки специалистов и экспертного мнения, которые, бесспорно, важны и необходимы сами по себе. Может показаться, что эти позиции разводятся искусственно, поскольку субъектом конкретного экспертного отношения выступают в том числе и представители научного (к сожалению, очень редко юридического) сообщества⁴. Однако существенное различие здесь должно осуществляться не по основанию субъекта, а по содержанию отношения и деятельности. В этом плане экспертное мнение — это позиция конкретного субъекта, а научные исследования — отчужденная форма знания. Кроме того, эксперт или отвечает на поставленные вопросы, или высказывается по предложенной проблеме. Это означает, что сама квалификационная ситуация задается не экспертом. В этом смысле эксперт встроен в контекст, определяемый другими субъектами, а ученый имеет независимую позицию, определяемую предметом и методом исследования. Наконец, эксперт отвечает за эффективное включение в процессы знаний, а ученый — за устранение незнания. В этом смысле эксперт ограничен процессом функционирования, а ученый способен работать и в режиме развития.

В заключение еще одно утверждение, которое является рефреном многих работ автора и его ценность. Юриспруденция в долгу перед современной Россией в плане теоретического обеспечения эффективного функционирования и развития российского государства и права. Однако наша миссия не в том, чтобы найти наконец ту единственную, универсальную и абсолютно истинную теорию государства и права, а в создании продвинутой теоретической юриспруденции, эвристический потенциал которой напрямую связан с методологической состоятельности юридической мысли.

¹ Нетрудно заметить, что и сегодня отказ от гносеологии марксизма широко представлен в декларативной части большинства наших научных работ и минимально в предметной.

² Впрочем, видимо, как и любой другой науки. См., например: Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. Москва, 2001. С. 5 и след.

³ Вряд ли причина этого в традиционно слабой восприимчивости юридической мысли к разного рода идейным течениям. Скорее дело в особенностях текущей социокультурной ситуации, но это уже тема отдельного разговора.

⁴ В этом смысле, эксперт и ученый это разные позиции и замещать одну другой нельзя. Правда, появляются попытки обосновать существование экспертной позиции науки как элемента современной научной инфраструктуры. См.: Масланов Е. В. Социальная позиция эксперта как новый элемент науки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 113–131.

Абашидзе Аслан Хусейнович,
 доктор юридических наук,
 заслуженный юрист Российской Федерации,
 профессор, заведующий кафедрой
 международного права Российского
 университета дружбы народов
 имени Патриса Лумумбы;
Солнцев Александр Михайлович,
 кандидат юридических наук, доцент,
 заместитель заведующего кафедрой
 международного права Российского
 университета дружбы народов
 имени Патриса Лумумбы

**Борьба с колониализмом и неоколониализмом
 как средство установления более справедливого миропорядка
 (вклад научной школы международного права РУДН)**

Антиколониальная повестка все более уверенно занимает должное место во внешней политике современной России. Термин «неоколониализм» звучит в выступлениях первых лиц государства, в том числе Президента России В. В. Путина. Заместитель председателя Совета безопасности Д. А. Медведев выступил с инициативой создания международного форума против неоколониализма. В конце марта 2023 года состоялось первое заседание оргкомитета Форума сторонников борьбы с неоколониализмом. В аналитических кругах уже не первый год обсуждается необходимость активизации антиколониальной повестки в России и привлечение к ней здоровых сил не только в странах — бывших колониях, но и в странах-колонизаторах.

В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года в этом контексте отмечается: «Происходящие, в целом благоприятные, изменения вызывают, тем не менее, неприятие у ряда государств, привыкших мыслить согласно логике глобального доминирования и неоколониализма. Они отказываются признавать реалии многополярного мира и договариваться на этой основе о параметрах и принципах мироустройства. Предпринимаются попытки сдержать естественный ход истории, устранить конкурентов в военно-политической и экономической сферах, подавить инакомыслие. Используется широкий набор противоправных инструментов и методов, включая применение принудительных мер (санкций) в обход Совета Безопасности ООН, провоцирование государственных переворотов, вооруженных конфликтов, угрозы, шантаж, манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов, наступательные и подрывные операции в информационном пространстве. Распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям. Как следствие, разрушительное воздействие распространяется на все сферы международных отношений» (п. 8)¹. При этом далее в Концепции отмечается, что «в целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание устранению рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах, созданию условий для отказа любого государства от неоколониальных и гегемонистских амбиций...» (п. 19)².

Президент России Владимир Путин на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2023 года обратился к западным политикам и посоветовал им попрощаться с колониальным прошлым: «Пора все-таки избавиться от этого мышления эпохи колониального владычества. Хочется так и сказать: протрите глаза. Эта эпоха давно закончилась и никогда больше не вернется. Такое мышление на протяжении столетий вело только к большим

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2406. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 20.05.2024).

² Там же.

войнам»¹. Президент России также напомнил, что история Запада — хроника экспансии, его влияние основывалось на ограблении колоний и не только. «Прошедшие века колониального (или, как сейчас принято говорить, однополярного) мироустройства сформировали менталитет западных элит во главе с англосаксами, а также значительной части населения. Им присущи чувство собственного превосходства, пренебрежение к интересам других народов, презрение к их культуре, присвоенное право судить, «казнить и миловать» целые народы. Прямое ограбление сменил валютный диктат, поддерживаемый военной силой США и НАТО, угрозы и практическое применение односторонних незаконных санкций. В культ возведены права человека, при этом Запад, разумеется, оставляет за собой монопольное право решать, какая страна соответствует его критериям, а какая нет, в соответствии с так называемым порядком, основанным на правилах. Эта практика получила название неокOLONиализма². Борьба с неокOLONиализмом тесно связана с реализацией концепции традиционных ценностей в России.

В ноябре 2022 года был принят Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее — Основы государственной политики). Согласно Указу «традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»³. Нынешнее бедственное положение, в котором находятся народы Африки, Азии и Океании в результате неокOLONиалистической политики так называемого коллективного Запада (большинство которого представляют бывшие колониальные державы), вызывают к реализации таких традиционных ценностей, зафиксированных в Указе Президента, как: жизнь, достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений.

В пункте 23 (в) Основ государственной политики отмечается, что ее целью является в том числе «формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих ценностей. В пункте 31 Основ государственной политики верно зафиксировано, что «реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей будет способствовать <...> повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации».

Важно подчеркнуть, что сегодняшняя борьба России с неокOLONиализмом проистекает из борьбы СССР против колониализма и тесно связана с историей развития Университета дружбы народов (далее — УДН) и его научной школы международного права.

Международно ориентированный характер УДН был предопределен в предпосылках и условиях его создания: в 1960 году, когда был создан УДН, Генеральной Ассамблеей ООН был принят документ исторического значения — Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (рез. 1514 (XV), 14 декабря 1960 г.), на основе которой ООН торжественно провозгласила необходимость незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех формах и проявлениях; этот же год вошел в историю как Год Африки в связи с тем, что в один год (1960 г.) на карте мира появилось 17 новых суверенных государств, в том числе Конго (ныне Республика Конго). Впоследствии УДН было присвоено имя Патриса Лумумбы, лидера национально-освободительного движения конголезского народа, ставшего жертвой колониальной державы. Советское государство оказывало борющимся за независимость народам и новым независимым государствам Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки, маленьким островным народам Океании содействие многостороннего характера, в том числе в деле подготовки

¹ Путин посоветовал Западу «протереть глаза». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42558> (дата обращения: 20.05.2024).

² См.: Колотов В., Савельев А. Закат эпохи колониализма. В условиях обострения антиколониальной борьбы России нужны новые эффективные инструменты. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/41797> (дата обращения: 20.05.2024).

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

национальных кадров, в которых эти народы и страны остро нуждались на начальном этапе их государственного строительства. Одним из ярких примеров этого международного содействия и безвозмездной международной помощи являлось создание УДН. Отсутствие у молодых государств собственных национальных кадров по внешнеполитической деятельности, включая дипломатов и юристов-международников, предопределило наличие в первоначальной структуре УДН факультета экономики и права, а в структуре последнего — кафедры конституционного и международного права, из которой впоследствии вышла самостоятельная кафедра международного права.

Решающую роль в успешном учебно-научном поприще кафедры международного права сыграли ряд обстоятельств, прежде всего, то, что УДН им. Патриса Лумумбы с самого начала в рамках правового отделения факультета готовил только юристов-международников, три четверти выпускников которого были выходцами из стран Африки, Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки и лишь одну четвертую составляли советские студенты. Понятно, что в учебном процессе правового отделения факультета ключевую роль играла кафедра международного права. Другим немаловажным обстоятельством в этом плане следует назвать тщательный подбор профессорско-преподавательского состава кафедры по выполнению государственной задачи — подготовки высококвалифицированных специалистов по международному праву для стран и народов, которые достигли или находились в процессе достижения независимости от колониализма и на начальном пути строительства собственного государства. Все заведующие кафедрой международного права УДН, возглавлявшие ее в период становления, были известными специалистами в сфере международного права, государственного права, сравнительного правоведения и, конечно, по проблемам национально-освободительного движения. Ими были профессора Л. Я. Дадияни, В. М. Шуршалов, С. В. Молодцов и Р. А. Тузмухамедов. Именно во главе с этими известными учеными, многие из которых были и успешными практиками, была заложена крепкая основа научной школы, ставшей впоследствии самостоятельной и признанной научной школой международного права Российского университета дружбы народов (далее — РУДН). Эти личности и их дела заслужили того, чтобы о них подробно поговорили, что полностью отвечает реализации концепции традиционных ценностей, зафиксированной в упомянутом Указе Президента России.

Первым заведующим кафедрой конституционного и международного права был **Дадияни Лионель Яковлевич (1927–2012)**. Родом из г. Тбилиси, поступил в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР (далее — МГИМО), который окончил в 1950 году с отличием (специальность — Международное право). Под руководством профессора В. Н. Дурденевского он защитил в МГИМО кандидатскую диссертацию на тему «Государственный строй в Австрии». В УДН он перешел работать в 1962 году, а в 1963 году возглавил кафедру конституционного и международного права. Из воспоминаний самого профессора Л. Я. Дадияни мы узнаем о том, что до 1963 года на факультете экономики и права все юридические дисциплины были сосредоточены на одной правовой кафедре, которую он возглавил. Впоследствии по мере необходимости создавались специализированные правовые кафедры. В круг обязанностей коллектива возглавляемой им кафедры входило преподавание конституционного права — советского и иностранного. Поскольку подавляющее большинство студентов УДН составляли граждане развивающихся стран, большое внимание на этой кафедре уделяли изучению конституционного права, политических систем стран третьего мира. Сам профессор Л. Я. Дадияни читал курс под названием «Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости» и написал ряд статей по этой тематике¹. Основной курс международного публичного права читал тогда еще кандидат юридических наук Р. А. Тузмухамедов.

Используя стимулирующие возможности, например, возможность для некоторых преподавателей улучшить свои жилищные условия (такое право было у ректора и парткома УДН), профессору Л. Я. Дадияни удалось укомплектовать штат кафедры из талантливых и трудолюбивых

¹ Дадияни Л. Я. Высшие органы власти и управления стран тропической Африки, развивающихся по некапиталистическому пути // Проблемы демократии в современном мире. Москва: Международные отношения, 1967. С. 202–211; Конституции государств Африки. Т. 2 / редкол.: Дадияни Л. Я., Зивс С. Л., Малик Я. А. (гл. ред.), Манча П. И., Покровский В. С., Солодовников В. Г., Энтин Л. М., Юдин Ю. А. Москва: Прогресс, 1966. 583 с.; Конституции государств Африки. Т. 3 / редкол.: Дадияни Л. Я., Зивс С. Л., Малик Я. А. (гл. ред.), Манча П. И., Покровский В. С., Солодовников В. Г., Энтин Л. М., Юдин Ю. А. Москва: Прогресс, 1966. 711 с.; Дадияни Л. Я. Государственно- и международно-правовые проблемы молодых стран Африки // Советское государство и право. 1964. № 12. С. 137–138.

специалистов. Он также широко практиковал приглашение тогдашних корифеев международного права. Так, студенты познакомились с такими видными учеными, как И. П. Блищенко, Ю. Г. Барсегов, М. И. Лазарев. Впоследствии эти блестящие ученые сыграли заметную роль в развитии научного потенциала кафедры международного права.

Для оказания студентам постоянной методической и библиографической помощи по инициативе профессора Л. Я. Дадияни был создан кабинет международного и конституционного права, в котором была сосредоточена необходимая справочная информация, схемы, диаграммы и т. д. Кафедра периодически организовывала студенческие научные конференции.

В 1966 году профессор Л. Я. Дадияни покинул пост заведующего кафедрой, чтобы сосредоточиться на подготовке докторской диссертации.

На короткое время (1966–1967 гг.) кафедру, но уже международного права возглавил профессор **Молодцов Степан Васильевич (1919–1998)**, выпускник исторического факультета Ленинградского государственного университета. Во время Великой Отечественной войны он строил военные объекты под Ленинградом, а после войны окончил Высшую дипломатическую школу (далее — Дипакадемия), затем — аспирантуру в Институте государства и права АН СССР (далее — ИГП РАН), где защитил кандидатскую диссертацию по теме «Международно-правовой режим Балтийских проливов» (1950 г.), а в 1961 году — докторскую диссертацию по теме «Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа». До прихода в УДН в 1962–1966 годы он занимал должность профессора кафедры международного права МГИМО. К этому моменту С. В. Молодцов обладал богатым опытом участия в межгосударственных переговорах и работе международных конференций. Он принимал участие в разработке целого ряда международных договоров, таких как Конвенции об открытом море, о территориальном море и прилежащей зоне, о континентальном шельфе, о рыболовстве и охране живых ресурсов моря (1958 г.), Договор об Антарктике (1959 г.). В 1966–1969 годы он работал секретарем Всемирного Совета Мира и вице-президентом Международного института мира в Вене. В качестве члена правительственной делегации и ее главы в течение восьми лет участвовал в работе Конференции ООН по морскому праву, в результате которой в 1982 году была принята единая Конвенция ООН по морскому праву.

Профессор С. В. Молодцов, будучи заведующим кафедрой международного права УДН, сумел гармонично сочетать практическую работу со служением науке и педагогической деятельностью. Вскоре он ушел из УДН, заняв должность руководителя Венского международного института мира. Впоследствии проф. С. В. Молодцов на долгие годы связал свою жизнь с кафедрой международного права МГИМО, где работал в должности профессора и заведовал кафедрой.

В 1967 году кафедру международного права УДН возглавил **Шуршалов Владимир Михайлович (1913–1990)**, выпускник Саратовского юридического института, который во время Великой Отечественной войны работал в системе прокуратуры СССР, а затем в аппарате ЦК ВКП(б) и в ИГП РАН, где в 1959 году защитил докторскую диссертацию. Перу В. М. Шуршалова принадлежат как фундаментальные труды в области международного права в целом¹, так и работы, связанные с международно-правовыми аспектами деятельности развивающихся государств и борьбы с последствиями колониализма². В 1979 году В. М. Шуршалов был приглашен работать заведующим кафедрой международного права Дипломатической академии.

Тузмухамедов Раис Абдулхамович (1926–1996), который тесно сотрудничал с кафедрой международного права УДН в качестве профессора по совместительству, возглавил кафедру в 1979 году и руководил ей до середины 1981 года. Он, уроженец Семипалатинска, в 1950 году окончил МГИМО, там же в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ликвидация колониализма в свете международного права» под научным руководством профессор С. Б. Крылова. Докторскую диссертацию защитил в Ленинградском государственном университете в 1979 году.

Научно-преподавательскую деятельность Р. А. Тузмухамедов начал в 1950 году, преподавал международное право в МГИМО, Дипломатической академии, Академии внешней торговли, Ташкентском государственном экономическом университете, Университете мировой экономики

¹ Шуршалов В. М. Основания действительности международных договоров. Москва, 1957; Шуршалов В. М. Основные вопросы теории международного договора. Москва, 1959; Шуршалов В. М. Международные правоотношения. Москва, 1971; Шуршалов В. М. Право международных договоров: учебное пособие. Москва, 1979.

² Шуршалов В. М. Режим международной опеки. Москва, 1951; Развивающиеся страны и международное право / отв. ред. В. М. Шуршалов. Москва: Изд-во УДН, 1971.

и дипломатии МИД Узбекистана. Он выступал с лекциями во многих авторитетных учебных центрах мира, включая такие, как Университет им. Дж. Неру (Дели, Индия) и Гарвардская школа права (Кембридж, США). Его научные труды публиковались за рубежом, в том числе на редких языках. Он участвовал в пяти изданиях учебника «Международное право» МГИМО и во втором издании семитомного академического «Курса международного права».

Перу профессора Р. А. Тузмухамедова принадлежат фундаментальные труды в сфере борьбы с остатками колониализма, и спецификой деятельности молодых развивающихся государств¹.

В составе правительственной делегации профессор Р. А. Тузмухамедов участвовал в работе Спецкомитета по выработке Декларации ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970 г.). В 1981 году профессор Р. А. Тузмухамедов сменил работу и возглавил кафедру международного права в Институте общественных наук в Кабуле (Афганистан).

Кафедра международного права УДН начала заметно наращивать свой научный потенциал с приходом на кафедру в 1981 году в качестве ее заведующего профессора **Игоря Павловича Блищенко (1930–2000)**, уроженца г. Баку, выпускника МГИМО (1953 г.). В 1957 году в МГИМО под руководством профессора В. Н. Дурденевского он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Международное и национальное право», а в 1964 году — докторскую диссертацию на тему «Правовая организация внешних сношений государств».

Профессор И. П. Блищенко внес большой вклад в развитие отечественной науки международного права. Им сформулированы на концептуальном уровне теоретические положения о соотношении международного и внутригосударственного права; о соотношении международного публичного и международного частного права; по международному гуманитарному праву; по понятию терроризма как правовой категории и терроризма как международного преступления; по дипломатическому праву; по проблемам обычного оружия в международном праве; по международному уголовному праву; по международно-правовым средствам мирного разрешения межгосударственных споров.

Перу И. П. Блищенко принадлежит более 400 научных работ, в том числе более 20 монографий и учебников, его работы были опубликованы на многих языках мира.

Практическая работа профессора И. П. Блищенко как юриста-международника и дипломата была связана с работой в составе правительственной делегации в международных организациях и в качестве эксперта ООН.

В рамках работы в законодательных органах страны И. П. Блищенко принимал непосредственное участие в разработке и правовой экспертизе законодательных актов, затрагивающих международно-правовую проблематику. Одним из своих практических достижений, которым он искренне гордился, он считал обоснование законодательного закрепления отказа от приравнивания граждан СССР, попавших в плен, к изменникам Родины. Практический результат этой работы проявился в восстановлении прав и реабилитации десятков тысяч военных и гражданских лиц, попавших в плен в годы Второй мировой войны. По существу, И. П. Блищенко обеспечил практическую интеграцию Женевских и Гаагских конвенций о статусе военнослужащих в национальное законодательство страны. Он был руководителем делегации юристов-международников СССР на 51-м собрании Ассоциации международного права в Токио, главой правительственной делегации на Международном конгрессе в Париже по предотвращению геноцида, представителем страны в Женеве в Подкомиссии ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, Советником делегации на Венской конференции о дипломатических сношениях и иммунитетах.

В качестве эксперта ООН И. П. Блищенко совместно с американским профессором Р. Бахтером подготовил для Генерального секретаря ООН исследование «Обзор существующих принципов и норм международного права, запрещающих и ограничивающих применение отдельных видов оружия» (1973 г.), которое стало серьезным вкладом в разработку ключевых положений

¹ Тузмухамедов Р. А. Организация африканского единства. Москва Международные отношения, 1965. 192 с.; Тузмухамедов Р. А. Национальный суверенитет. Москва: изд-во ИМО, 1963. 215 с.; Независимая Африка в документах / сост.: Кукушкин Е. В., Тузмухамедов Р. А. (отв. ред.). Москва, 1965. 221 с.; Тузмухамедов Р. А. Неприсоединение и разрядка международной напряженности. Москва, 1976. 120 с.; Тузмухамедов Р. А. Развивающиеся страны в мировой политике. Международные межправительственные организации развивающихся стран. Москва, 1977. 207 с.; Тузмухамедов Р. А. Движение неприсоединения и международное право. Москва: Наука, 1989. 190 с.

международного гуманитарного права. В 1998 году при его участии был разработан проект Конвенции о запрещении химического и бактериологического оружия.

Преподавательская деятельность И. П. Блищенко была неразрывно связана с его научной и практической деятельностью. В 1960–1966 годы он был доцентом, проректором по научной и учебной работе Дипломатической академии; в 1966–1978 годы — профессор кафедры международного права МГИМО. В разные годы И. П. Блищенко преподавал в Военно-политической академии им. Ленина, Московском финансовом институте, Высшей школе КГБ, в крупнейших зарубежных университетах.

Следует также отметить многогранную общественную деятельность И. П. Блищенко. В течение многих лет он был секретарем Международной ассоциации юристов-демократов (МАЮД), принимал активное участие во Всемирном движении сторонников мира, Движении солидарности народов Азии и Африки, в деятельности Международного союза студентов, Международного Красного Креста. Длительное время он входил в состав авторитетной Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам (Женева). Профессор И. П. Блищенко совместно с профессором В. П. Пархитко основал журнал «Международное право — *International Law*» и учредил премию и медаль Гуго Гроция. Почти 20 лет преподавательской деятельности И. П. Блищенко связаны с работой на кафедре международного права РУДН.

В 2000 году кафедру международного права возглавил **Капустин Анатолий Яковлевич**, будучи деканом юридического факультета РУДН. А. Я. Капустин — выпускник кафедры международного права УДН, в 1984 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Международный институциональный механизм латиноамериканской экономической интеграции (международно-правовые вопросы)» в РУДН, а в 2001 году — докторскую диссертацию в Московской государственной юридической академии (далее МГЮА). Под его редакцией в 2008 году вышел учебник кафедры «Международное право». В 2010 году профессор А. Я. Капустин перешел работать в Институт законодательства и сравнительного правоведения, где успешно продолжает научную деятельность. Много лет он возглавляет Российскую ассоциацию международного права.

В 2010 году кафедру международного права возглавил **Аслан Хусейнович Абашидзе**, выпускник РУДН (1985 г.), ученик профессора И. П. Блищенко. С 1997 по 2010 год А. Х. Абашидзе выполнял функции заместителя заведующего кафедрой международного права РУДН.

В разное время на кафедре международного права УДН / РУДН работали на постоянной основе или по совместительству известные ученые или ставшие впоследствии известными юристы-международники, которые внесли неоценимый вклад в развитие научной школы международного права РУДН, отличающейся широким охватом по отраслям и направлениям современного международного права.

В этом плане нам хотелось бы начать с тех ученых, которые составляли костяк кафедры международного права РУДН на сравнительно долгий период времени.

Шармазанашвили Гиви Владимирович (1926–1989), уроженец г. Тбилиси, выпускник МГИМО (1948 г.). С 1969 по 1989 год преподавал на кафедре международного права РУДН.

В 1952 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Борьба СССР против извращения понятия агрессии американско-английским блоком» в ИГП РАН под научным руководством профессора К. А. Багиняна, а в 1967 году защитил в МГИМО докторскую диссертацию по теме «Право мира: к вопросу сущности современного международного права».

Профессор Г. В. Шармазанашвили на фундаментальном уровне исследовал такие аспекты, как международно-правовые способы поддержания международного мира и безопасности, принцип ненападения, самооборона в международном праве, Международный суд ООН¹.

Плодотворную преподавательскую работу на кафедре международного права РУДН осуществляла **Любомудрова Валентина Владимировна (1918–1996)**, выпускница Московского государственного юридического института (1940 г.). Она работала доцентом на кафедре международного

¹ Его основные научные работы: Шармазанашвили Г. В. Принцип ненападения в международном праве. Москва, 1958; Его же. Право мира. Тбилиси, 1961; Его же. От права войны к праву мира. Москва, 1967; Кожевников Ф. И., Шармазанашвили Г. В. Международный суд ООН: Организация, цели, практика. Москва, 1971; Шармазанашвили Г. В. Самооборона в международном праве: учебное пособие. Москва, 1973; Его же. Международные межправительственные организации: учебное пособие. Москва, 1979 (2-е изд. — 1986); Шармазанашвили Г. В., Цикунов А. К. Право народов и наций на свободу и независимость: Критика буржуазных концепций: учебное пособие. Москва, 1987.

права РУДН в 1976–1993 годы. В 1948 году В. В. Любомудрова защитила кандидатскую диссертацию в Академии общественных наук.

Придя на работу в РУДН, она уже обладала богатым практическим опытом: в 1939–1941 годы она занимала должность референта правового отдела МИД СССР, в 1943–1944 годы — прокурора республиканской прокуратуры Удмуртской АССР, в 1944–1954 годы — второго секретаря Договорно-правового управления МИД СССР, в 1948–1957 годы — доцента кафедры международного права МГИМО (по совместительству), в 1957–1960 годы — помощника председателя Президиума Союза советских обществ дружбы культурных связей с зарубежными странами (ССОД), в 1960–1961 годы — директора Дома советской культуры, заместителя председателя ССОД в Индии, в 1965–1968 годы — заведующей отделом стран Африки ССОД и ответственного секретаря Советской ассоциации дружбы с народами Африки, в 1968–1975 годы была членом Президиума и Совета ССОД. Она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Объектами являлись следующие международно-правовые аспекты научных исследований Любомудровой В. В.: самоопределение наций, международно-правовые проблемы ликвидации расизма и апартеида в Африке¹.

Макейчев Иван Алексеевич (1921–1995), выпускник МГИМО (1950 г.), участник Великой Отечественной войны. Орденносец Красной Звезды. Кандидатская диссертация по теме «Борьба Советского Союза против реакционной и агрессивной идеи «мирового правительства»» была им защищена в 1953 году в Академии общественных наук. В 1974–1982 годы Макейчев И. А. работал старшим преподавателем кафедры международного права УДН. В 1982 году вышел на пенсию. Среди его научных работ выделяется: Право арабского народа Палестины на самоопределение // Освободившиеся страны и международное право. Москва, 1983.

Барчукова Нина Сергеевна (1930–1999), выпускница юридического факультета МГУ (1955 г.). Кандидатская диссертация на тему «Международно-правовые аспекты научного сотрудничества стран социалистического содружества» была ей защищена в РУДН в 1969 году. Сферами ее научных интересов были: международное сотрудничество в области туризма и международное научное сотрудничество².

Петренко Николай Иванович (1929–2002), выпускник международно-правового факультета МГИМО (1952 г.). В 1955 году окончил аспирантуру по кафедре международного права МГУ имени М. В. Ломоносова и защитил диссертацию на тему «Определение агрессии в современном международном праве» (научный руководитель — член-корреспондент АН СССР, профессор Г. И. Тункин).

До прихода в УДН Н. И. Петренко занимался практической деятельностью в системе МИД: с 1956 по 1963 год работал в договорно-правовом отделе МИД СССР. Участвовал в качестве юридического эксперта правительственной делегации в Лондоне в 1960 году в конференции по морскому праву, созванной Международной морской консультативной организацией. Неоднократно выезжал советским представителем на сессии Комиссии международного права ООН в Женеву. Участвовал в работе ряда крупных международных конференций, проводившихся под эгидой ООН, в том числе был членом правительственной делегации на конференциях по выработке Венских конвенций по дипломатическим и консульским сношениям (г. Вена, Австрия, 1961–1963 гг.).

С 1964 по 2001 год Н. И. Петренко являлся доцентом кафедры международного права РУДН. Читал лекции и вел практические занятия по спецкурсам «Дипломатическое и консульское право», «Основы дипломатической службы», «Дипломатический протокол и церемониал». Руководил

¹ Среди ее публикаций выделяются: Любомудрова В. В. Нарушение норм международного права англо-американской реакцией // Ученые труды Академии Общественных наук при ЦК ВКП(б). Вып. 3. Москва, 1949; Ее же. Самоопределение наций — одно из основных условий международного сотрудничества и мирного сосуществования // Международно-правовые формы сосуществования государств и наций. Ученые записки Института международных отношений. Вып. 1. 1957; Ее же. Правовое положение иностранных студентов в СССР: учебное пособие. Москва, 1982; Ее же. Грубое нарушение норм международного права Южно-Африканской Республикой в Намибии // Правоведение. 1984. № 6; Иностранная эксплуатация природных богатств Намибии — нарушение международного права // Международное право в практике освободившихся стран. Москва, 1988.

² Барчукова Н. С. Всеобщая декларация и международные пакты об уважении и защите основных прав и свобод человека: учебное пособие. Москва, 1978; Ее же. Международное сотрудничество государств в области туризма. Москва, 1986; Ее же. Таможенный и экономический союз государств Центральной Африки // Сборник научных трудов РУДН. Москва, 1989; Ее же. Правовое регулирование международного туризма на многосторонней основе: учебное пособие. Москва, 1990.

на кафедре работой популярного студенческого кружка «Мир сегодня». Основными научными направлениями для исследований Н. И. Петренко были: общие вопросы территории, дипломатическое и консульское право, мирные средства разрешения споров.

Эмин Ваган Геворгович (1943–1989), уроженец г. Ереван, выпускник МГИМО (1966 г.). Кандидатская диссертация на тему «Проблема высотного предела государственного суверенитета» была защищена в ИГП РАН в 1970 году (научный руководитель — профессор А. С. Пирадов). На кафедре международного права РУДН он работал доцентом в 1978–1988 годы. До прихода в РУДН В. Г. Эмин работал младшим научным сотрудником сектора международного воздушного и космического права ИГП РАН, редактором журнала «Новое время» в Арабской Республике Египет, старшим преподавателем Высшей школы профессионального движения ВЦСПС.

В сферы интересов его научных исследований входили международное воздушное и космическое право, а также он принимал активное участие в кафедральных коллективных монографиях, в том числе в аспекте специфики развивающихся государств¹.

Шатров Вячеслав Павлович (1930–1999), выпускник МГИМО (1954 г.). В 1983–1998 годы был профессором кафедры международного права РУДН. Кандидатская диссертация на тему «Международно-правовые структуры и деятельность Всемирной организации интеллектуальной собственности» была защищена в ИГП РАН в 1970 году под научным руководством проф. А. А. Рубанова. В 1979 году защитил докторскую диссертацию по проблемам межгосударственного сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности в Университете им. Гумбольдта (ГДР).

Основные сферы научных исследований В. П. Шатрова: международное экономическое право, новый международный экономический порядок, экономическая интеграция в Африке и Латинской Америке, международное сотрудничество в области изобретательского и авторского права.

Жуков Геннадий Петрович (1924–2014), участник Великой Отечественной войны, один из основателей науки международного космического права. В 1966 году в Академии наук СССР защитил докторскую диссертацию на тему «Международно-правовые проблемы освоения космоса». Г. П. Жуков владел английским, французским, польским и итальянским языками. С 1965 по 1969 год он по совместительству преподавал на кафедре международного права УДН. В течение долгих лет занимался научно-исследовательской деятельностью в ИГП РАН. Г. П. Жуков был заведующим кафедрой международного права Дипломатической академии (1970–1978 гг.), а затем возглавил сектор ООН отдела международных организаций Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (1981–1986 гг.). С 1987 по 2014 год — профессор кафедры международного права РУДН.

Барсегов Юрий Георгиевич (1925–2008), уроженец г. Тбилиси, в 1950 году окончил МГИМО. В 1954 году защитил в МГИМО кандидатскую диссертацию на тему «Территория в международном праве» под научным руководством профессора С. Б. Крылова. Докторская диссертация была защищена по тематике, имеющей гриф «Для служебного пользования».

В 1954–1962 годы — заведующий редакцией литературы по международным отношениям издательства «Иностранная литература». В 1962–1968 годы и 1972–1978 годы работал в Секретариате ООН специальным помощником главного юрисконсульта. В 1969–1971 годы и с 1979 по 2008 год — заведующий отделом ИМЭМО РАН. В 1987–1992 годы — член Комиссии международного права ООН.

В сферу интересов научных исследований профессора Ю. Г. Барсегова входили: международные отношения и дипломатия, территория и территориальные споры, мирное урегулирование, проблемы правопреемства, преступления против человечества и вопросы ответственности, морское право.

Наиболее значимыми научными трудами профессора Ю. Г. Барсегова являются «Территория в международном праве» (Москва, 1958 г.); «Мировой океан: право, практика, дипломатия» (Москва, 1983 г.); «Мировой океан: от конфронтации к сотрудничеству» (Москва, 1984 г.) (на исп. яз.); «Словарь международного морского права» (Москва, 1985 г.); «Самоопределение и территориальная целостность» (Москва, 1993 г.); «Каспий в международном праве и мировой политике» (Москва, 1998 г.).

¹ Ближний Восток и международное право / М. М. Абу Саад, Х. И. Абу Хилана, Аль Хасан, И. П. Блищенко, и др.; редкол.: И. П. Блищенко (отв. ред.), Н. В. Жданов, Л. В. Сперанская, Г. Б. Старушенко, В. П. Шатров, И. И. Яковлев. Москва: Наука, 1992. 264 с.; Освободившиеся страны и международное право: учебник / Барсегов Ю. Г. [и др.]; редкол.: Ю. Г. Барсегов, И. П. Блищенко (отв. ред.), М. Н. Копылов, Ю. М. Рыбаков, Г. В. Шармазаншвили, В. П. Шатров. Москва, 1987.

Копылов Михаил Николаевич (1955–2016), выпускник МГИМО (1977 г.). Кандидатскую диссертацию на тему «Международно-правовое регулирование полетов воздушных судов над открытым морем» защитил в 1980 году под руководством профессора С. В. Молодцова. В 2001 году защитил докторскую диссертацию в МГИМО на тему «Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся государств (международно-правовые вопросы)».

В его сферу научных интересов входили международное экологическое право, международное воздушное право, международное морское право, международное космическое право. Им было опубликовано более 260 научных работ, включая труды по проблематике развивающихся государств и постколониализму: *Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран: международно-правовые вопросы* (Москва, 2000 г.); *«Международное космическое право и развивающиеся страны»* (в соавторстве, Москва, 1990 г.). Профессор М. Н. Копылов заложил основу в научной школе международного права РУДН по международному экологическому праву.

Карташкин Владимир Алексеевич, заслуженный юрист Российской Федерации, выпускник юридического факультета МГУ. В 1964 году в ИГП РАН защитил кандидатскую диссертацию на тему «Международно-правовые вопросы территориальной целостности и верховенства развивающихся стран Азии и Африки». С 1969 по 1973 год по направлению МИД СССР работал в отделе прав человека ООН. В 1978 году в ИГП РАН защитил докторскую диссертацию на тему «Права человека и мирное сосуществование».

С 1979 по 1985 год вновь работал в ООН специальным консультантом Заместителя Генерального секретаря ООН по юридическим вопросам.

С 1964 по 2018 год работал с перерывами в ИГП АН в должности ведущего, а затем главного научного сотрудника. Одновременно с 1985 по 2019 год преподавал в РУДН. Читал лекции по международному праву прав человека.

С 1996 по 2002 год был председателем Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. В 2003 году основал журнал «Юрист-международник» и до 2008 года был его главным редактором.

С 1998 по 2006 год являлся членом Подкомиссии ООН по поощрению и защите прав человека. С 2008 по 2013 год после реформирования Подкомиссии являлся членом Консультативного комитета Совета ООН по правам человека.

Сферу научных интересов В. А. Карташкина составляют: проблемы теории и практики международного права, территориальные проблемы, суверенитет, Устав ООН, права человека. Наиболее весомый вклад им внесен в разработку проблем, относящихся к международной защите прав человека. На трудах профессора В. А. Карташкина по международной защите прав человека выросло не одно поколение отечественных ученых и практиков.

Лазарев Марклен Иванович (1920–2006), родом из г. Еревана, выпускник ВЮЗИ (1942 г.). Кандидатская диссертация на тему «Проблема признания во взаимоотношениях США с государствами Латинской Америки» была защищена в 1948 году, а докторская диссертация на тему «Иностранные военные базы на чужих территориях и современное международное право» — в 1961 году в МГУ. Основными сферами его научных исследований были: морское право, проблемы разоружения, статус военных баз на территориях других государств¹. Трудовую деятельность начал во время Великой Отечественной войны: 1944–1946 годы — юрисконсульт правительственной закупочной комиссии (ленд-лиз) СССР в США. 1950–1970 годы — преподаватель, заведующий кафедрой правовых наук Высшей дипломатической школы МИД СССР. 1971–1979 годы — заведующий сектором международного морского, воздушного и космического права Института государства и права Академии наук СССР. В 1979–1985 годы — заместитель директора Института Латинской Америки Академии наук СССР. Главный научный сотрудник Центра международно-правовых исследований Института государства и права РАН. В качестве профессора он читал курс лекций в РУДН по современным проблемам международного права.

¹ См.: Лазарев М. И. Преступления американских военнослужащих на чужих территориях (О положении американских войск в странах НАТО по Соглашению от 19 июня 1951 г.). Москва, 1961; Его же. Технический прогресс и современное международное право. Москва, 1963; Его же. Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки: Международно-правовое признание новых правительств. Москва, 1967; Его же. Океан и будущее: опыт правового прогнозирования. Москва, 1976; Его же. Теоретические вопросы современного международного морского права. Москва, 1983; Его же. Казусы в международном праве (в соавторстве). Москва: РУДН, 2001.

Дориа Жозе родом из Анголы, выпускник правового отделения РУДН (1995 г.). Кандидатскую диссертацию на тему «Международно-правовые проблемы экономического суверенитета Анголы» защитил в 1995 году под научным руководством профессора И. П. Блищенко. Преподавал на кафедре международного права с 1989 по 1995 год. Среди его публикаций следует отметить: Экономический суверенитет государства: учебное пособие (2001 г.); Прецеденты в международном публичном и частном праве (2-е изд., 1999, в соавторстве с профессором И. П. Блищенко). Работал в секретариате Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и УВКПЧ ООН.

Общеизвестность научного потенциала кафедры подтверждает еще одно достижение на научном поприще. Ежегодно с 2002 года в апреле на базе кафедры (10 апреля — день рождения профессора И. П. Блищенко) проходит научная конференция, которая за эти годы выросла из московской межвузовской научной конференции в Международный конгресс под названием «Блищенковские чтения». Очередной по счету XX Международный конгресс состоялся в 2024 году, который собрал более 350 участников из 28 государств. Все уже проведенные конгрессы подтвердили основное предназначение данного научного форума: быть площадкой для начинающих и молодых ученых. Сборники статей всех конгрессов изданы, индексируются в системе РИНЦ и доступны в электронном варианте¹.

Кафедра международного права под руководством профессора А. Х. Абашидзе приумножает научный потенциал кафедры по исследованию региональной международно-правовой проблематики. Уже изданы монографии «Латинская Америка и международное право» (2017 г.), «Ближний Восток и международное право» (2019 г.), «Африка и международное право» (2020 г.) и «Азиатско-Тихоокеанский регион и международное право» (2021 г.). В 2024 году запланирован выход монографии «Колониализм, неоколониализм и международное право».

Кафедрой издан двухтомник «Право международных организаций». Она бережно сохраняет и умножает научное наследие профессора И. П. Блищенко по многим направлениям международного права, профессора Г. П. Жукова по международному космическому праву и профессора М. Н. Копылова по международному экологическому праву. Коллектив кафедры благодарен руководству РУДН и Юридического института за поддержку ее инициативы по присвоению аудиториям имен этих известных ученых, которые внесли неоценимый вклад в развитие школы международного права РУДН.

Аверин Александр Валентинович,
доктор юридических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права
Владимирского филиала РАНХиГС

Методологическое значение теории государства и права и роль общетеоретической отрасли юриспруденции в формировании правосознания будущих юристов²

Одной из задач высшей юридической школы представляется передача будущим юристам знаний о праве и государстве, а «успешное развитие правовой науки и высшего юридического образования неразрывно связано с разработкой и постепенным совершенствованием методологических проблем юриспруденции, в том числе и прежде всего с пониманием права и государства»³. В свою очередь, современное положение дел свидетельствует о том, что недостаточное внимание, уделяемое последние три десятилетия проблеме формирования правового сознания подрастающего поколения, привело к появлению сверхактуальной жизненно необходимой государственно важной задачи формирования национальной идеи, базирующейся на чувстве патриотизма и справедливости. В значительной степени необходимость формирования правосознания относится к тем мо-

¹ URL: <http://intl.rudn.ru/blischenko-congress/materials/> (дата обращения: 20.04.2024).

² В основу статьи положены мысли профессора М. И. Байтина, имеющие методологический характер, опубликованные в четвертом номере журнала «Государство и право» за 2007 год, и некоторые научные взгляды автора (в форме самоцитирования). См.: Аверин А. В., Гроза Ю. А. Правосудие и право: монография. 2-е изд., доп. Москва: Юрлитинформ, 2020; Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (постановка проблемы). 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.

³ Байтин М. И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Государство и право. 2007. № 4. С. 5–9.

лодым людям, которые на начальном этапе своей самостоятельной жизни выбрали путь познания права и прилагают усилия для получения необходимого объема знаний в области юриспруденции.

Очевидно, что уровень правосознания зависит от многочисленных факторов, важнейшим из которых видится степень зрелости развития общества. Вместе с тем в любой исторический момент любое конкретное общество представляет собой некоторую количественную совокупность качественно значимых отношений, составляющих условный диапазон от исключительно прогрессивных до очевидно регрессивных. Следовательно, среднестатистическое поведение человека будет характеризоваться равным удалением от этих двух крайностей. Но если общественное развитие предполагает существование отношений в определенном диапазоне (от прогрессивных до регрессивных), отношений, которые формируют сознание членов этого общества, то необходимость разработки комплекса мероприятий, направленных на создание условий прогрессивного развития, становится очевидной, а важнейшая в этом роль юриспруденции и ее базовой научной дисциплины — теории государства и права — несомненной.

Сказанное приводит к необходимости обоснования методологического значения общей теории государства и права. Как известно, состояние юриспруденции «в значительной мере зависит от уровня ее развития на базе общей теории государства и права, которая, в отличие от других отраслей правоведения, изучает государство и право не под углом зрения их отдельных сторон, элементов и проявлений, а в наиболее общем виде, в качестве единых и цельных систем»¹. В этой связи исключительно важной видится задача отстаивания методологической роли общей теории государства и права в познании правовой реальности, а следовательно, необходимость бережного отношения (а в некоторых случаях и защиты) апробированных научных методов исследования государственно-правовых явлений². Обозначенная проблема не является сугубо академической, поскольку своим острием касается вопроса формирования правосознания правоведов, многим из которых предстоит заниматься правоприменительной деятельностью.

Другой стороной проблемы сохранности методологического значения общей теории государства и права представляется новомодная тенденция «размывания» и подмены «методологии и предмета общей теории государства и права посредством их пересмотра на основе так называемых нетрадиционных подходов, представляющих собой современные направления философского постмодерна, различные виды феноменологии, герменевтики, семиотики, синергетики и тому подобные, пронизывающие философию и другие гуманитарные науки на Западе»³. Критерием оценки истинности любой теории является практика, в связи с чем современные проблемы юриспруденции, поиск путей их решения, а также предлагаемые способы реализации на практике представляют собой лакмусовую бумагу проверки на прагматическую ценность провозглашаемых парадигм.

В свете сказанного возникает ряд вопросов, требующих ответа:

- 1) что собой представляет профессиональный менталитет юриста и каковы его критерии;
- 2) какому минимально необходимому уровню постижения правовой материи должны соответствовать теоретико-правовые знания выпускника высшего учебного заведения;
- 3) формирование правосознания студентов является императивом или факультативом;
- 4) какое место в гражданской позиции человека отводится правосознанию;
- 5) имеется ли связь между уровнем правового сознания и патриотизмом.

Размышления над этими и рядом других вопросов позволили прийти к выводу о том, что:

— формирование правового сознания и в первую очередь подрастающего поколения — одна из важнейших сторон проводимой в России правовой реформы;

— фундаментом правового сознания является правопонимание;

— современное нормативное правопонимание — единственно возможный научный подход, имеющий прикладное значение и нацеленный на формирование гражданской позиции и патриотизма;

¹ См.: Байтин М. И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Государство и право. 2007. № 4. С. 5–9.

² В частности, речь идет о диалектико-материалистическом методе или идеях марксизма.

³ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права. Москва, 1998; Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. Санкт-Петербург, 2001; Венгеров А. Б. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Санкт-Петербург, 2004; Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. Санкт-Петербург, 2002; Овчинников А. И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону, 2002; Байтин М. И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Государство и право. 2007. № 4. С. 7.

— теория государства и права, оперируя фундаментальными правовыми категориями и раскрывая для обучающихся законы развития и существования социума, является той научной дисциплиной, которая непосредственно нацелена на формирование гражданской позиции и патриотизма.

Общетеоретический анализ достаточно широкого спектра правовых проблем жизни общества позволяет выявить и сформулировать тот минимально необходимый круг явлений правовой действительности, понимание которых крайне важно для формирования правосознания и которые можно условно разбить на две группы — общетеоретические и теоретико-прикладные. К первой относятся вопросы о понимании государства и права, о роли принципа разделения властей в государственном устройстве, о сущности и значении применения права, о базовых положениях познания юридического содержания общественных отношений; ко второй — вопросы толкования правовых норм применительно к конкретным отношениям, умение ориентироваться в правоприменительной практике государства, а на более высоком уровне развития правового сознания — понимание сущности и значимости доказывания как стержневой стадии правоприменительной деятельности государства, а также владение минимальным объемом базовых знаний о доказательствах.

Перечисленные вопросы имеют основополагающее значение при формировании стержня правового сознания. При этом несомненным является одно — без комплекса государственных мер организационно-правового характера, направленных на формирование качественно более высокого уровня правового сознания людей, любые оптимистические прогнозы по поводу продвижения российской правовой реформы будут выглядеть неубедительно. В свою очередь, выполнение задачи формирования правового сознания требует не только определенного реформирования высшей юридической школы, но и осуществления комплексных разработок в этом научно-правовом общетеоретическом направлении.

Сказанное подчеркивает исключительную социальную значимость общей теории государства и права и невозможность переоценить в общественном прогрессе роль органической связи общеправовой теории и правоприменительной деятельности. В частности, правопонимание как базовая проблема теории государства и права является основой правового сознания. Невозможно говорить об осознанном отношении к выполнению правоприменительной функции, если должностное лицо не имеет более-менее четкого представления о праве.

В свою очередь, современное нормативное правопонимание — единственно возможный научный подход, имеющий прикладное значение, имманентно связан с формированием правосознания, определяющего гражданскую позицию и патриотизм. Этот тезис представляется исключительно важным, поскольку затрагивает не только вопросы взаимодействия теории и практики, но и касается разноплановых научных и профессиональных интересов правоведов. В нем в концентрированном виде выражены важнейшие проблемы профессионального образования юристов: качество преподавания в высших юридических образовательных организациях правовых дисциплин и в первую очередь теории государства и права; упорядочение содержательной стороны научных предметов; рациональное сочетание здоровой амбициозности любых научных школ и направлений правовой науки с главной целью учебного процесса — подготовкой юристов-практиков, имеющих относительно четкое представление о праве и не зараженных нигилистическим отношением к праву и правовым явлениям в обществе.

Вместе с тем очевидно, что монополия на истину для правовой, как и всякой другой, науки губительна. Следовательно, не только вредно, но и опасно не разграничивать процесс обучения студента-юриста и процесс научных изысканий ученого-правоведа.

Высокая значимость теории государства и права в формировании правосознания будущих юристов (в том числе будущих судей) очевидна, поскольку наряду с принятием государством комплекса мер, направленных на формирование научно-правового сознания судей (более высокого уровня правового сознания), высокий уровень правосознания создает предпосылки для повышения качества отечественного судебного правоприменения. В свою очередь, от качества судебного правоприменения зависит социальное спокойствие, поскольку убеждение людей в справедливости и истинности выводов суда по разрешаемым правовым конфликтам — одна из составляющих условий гармоничного существования и развития общества.

Правосознание представляет собой субъективное восприятие индивидом необходимости государственно-властного регулирования наиболее важных для общества отношений, идеальный образ этих отношений, а также оценку прав и обязанностей участников данных отношений с учетом

понимания социально-экономических закономерностей развития общества и достигнутого уровня свободы, равенства и справедливости. Иными словами, правосознание индивида – это его субъективная оценка: себя в обществе, социальных отношений и связей, а также качества действующей правовой регламентации этих отношений и связей.

Говоря о правосознании, следует иметь в виду, что гипотетически только в относительно однородном обществе можно говорить с известной степенью условности об одном уровне правосознания всего общества. Однако жизненные реалии свидетельствуют о том, что такое положение вещей невозможно. Правосознание формируется на основе повседневной социальной практики людей, в процессе которой они постоянно соприкасаются с позитивным правом и другими правовыми явлениями. В рамках этих связей и отношений происходит воздействие оформленного права на общественное сознание. Разнообразные ежедневные отношения и связи, подвергающиеся правовой регламентации юридически закрепленными нормами, служат основой для формирования в общественном сознании представления о праве как о тождестве закону. Эмпирический уровень правового сознания выражается в человеческой оценке, проявляющейся в отношении к действующему позитивному праву, регулирующему общественные отношения через посредство правовых норм, в связи с возникновением, изменением и прекращением конкретных правоотношений, в рамках которых конкретные субъекты выступают носителями субъективных прав и юридических обязанностей.

На этом уровне правовое сознание «ограничивается» восприятием происходящих событий, индивидуальными и коллективными ощущениями от действия права в обществе, субъективной оценкой справедливости законов, не выходя за рамки эмпирического восприятия, и тем самым не поднимается до уровня теоретического осмысления этого явления в поисках причин, а ограничиваясь следствием, отождествляет право с законом. На эмпирическом уровне правосознание не может подняться до понимания связи (право — общественные отношения), а останавливается на понимании связи (закон — государственная власть), в результате чего острое критики эмпирического правосознания направляется на форму, а не на содержание. В свою очередь, регулятором общественных отношений является право, представляющее собой систему юридических норм. Нормы права (правила поведения) моделируют поведение людей в рамках их социальной деятельности в целях придания стабильности отношениям, угодным известной части общества. В этом смысле к формуле «народ имеет то правительство, которое заслуживает», с определенной степенью условности следует добавить — «и то право, которое заслуживает», понимая при этом в том числе и низкий теоретический уровень общественного правосознания.

Если же гипотетически оценивая общественное правосознание как правосознание всего общества, достигшего максимального уровня демократических преобразований, исходить из того, что оно представляет собой теоретическое осмысление жизненных реалий данного общества, то можно утверждать, что общественное правосознание является восприятием общественных отношений подавляющей частью общества; возникает на основе комплекса знаний, отражающих действительность; содержит оценку тех отношений, которые затрагивают коренные интересы общества; создает желательный образ (идеальные модели) нужных обществу отношений; формирует представления об этапах (процедуре) трансформации устаревших отношений в новые и те правила поведения (нормы), которые должны обеспечить как преобразование старых, так и существование новых отношений.

Безусловно, высшим уровнем теоретического правосознания, достигаемым немногими, является научный уровень. На этом уровне осознания права не только можно, но и должно создавать самые, на первый взгляд, невероятные концепции вплоть до отождествления права с каким-либо социальным явлением или утверждения возможности существования современного общества без права. Наука — это та область работы человеческой мысли, где должны быть созданы условия для полета человеческой фантазии. Монополия на истину для науки губительна. Только разные точки зрения, только борьба этих разных позиций и концепций, только научный спор могут создать благоприятные условия для более точного осмысления действительности. Где наука — там должен быть спор, поскольку, как известно, только в споре рождается истина. Но здесь, как и в любом деле, нельзя забывать о мере¹. При этом непререкаемым должно быть правило, согласно кото-

¹ Самые «новые» и «экстравагантные» теории и взгляды представляют интерес для науки хотя бы потому, что заставляют ученых смотреть на предмет исследования со стороны, «неведомой» до момента появления

рому теория государства и права, дающая в учебных заведениях студентам базовые представления о государстве, праве и правовых явлениях общественной жизни, должна быть нацелена на выработку четкого представления о праве (в его социально-прикладном значении), на воспитание уважительного отношения к праву, на формирование гражданской позиции, важнейшей составляющей которой представляется любовь к Родине и патриотизм.

Алиев Тигран Тигранович,

доктор юридических наук, профессор,
почетный адвокат России, заведующий кафедрой
гражданского, арбитражного процесса
и правоохранительной деятельности
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,
профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин Университета мировых
цивилизаций имени В. В. Жириновского

Роль современной науки гражданского процессуального права в российском обществе

Российская Федерация относится к романо-германской семье, в свою очередь, это означает, что источником права является закон. Власть представлена в виде трех ветвей: законодательной, исполнительной и судебной. В Российской Федерации существование нормативного правового акта происходит посредством его жизнедеятельности путем прохождения через три ветви власти, ограниченное или неограниченное количество раз, то есть законодательная ветвь власти норму права реализует посредством написания закона, исполнительная власть осуществляет контроль по его исполнению и соблюдению, а судебная ветвь власти направлена на защиту норм права. При прохождении закона через судебную ветвь власти определяются его пробелы, казусы и противоречия, то есть устанавливается реальная жизнеспособность закона. Такая подводка приводит к выводу, что судебная ветвь власти играет свою роль при формировании правового поля.

В данной статье нами рассматривается только один вид судопроизводства — это гражданское судопроизводство. Из практики известно, что гражданское судопроизводство может осуществляться в арбитражных судах, но в данной работе конкретизируем до судов общей юрисдикции. Соответственно, рассмотрение направлено на Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — ГПК РФ)¹ как основной кодифицированный законодательный акт, содержащий нормы гражданского процессуального права. Стоит также отметить, что под правом будет пониматься как законодательные аспекты, так и юридическая, правовая доктрина в отрасли гражданского процессуального права.

Упор на судебную ветвь власти делается для понимания того, что судебные акты при формировании нормативного пространства играют особую роль. Так, Н. В. Самсонов в своей работе указывает, что судебная ветвь власти выполняет функцию толкования права. Толкование судами всех инстанций законодательных актов, статей и отдельных норм имеет связь с действующим законодательством, а также с юридической наукой, которая на основе судебной практики выстраивает юридическую доктрину. Таким образом, толкование норм права в гражданском судопроизводстве имеет значимость для правового регулирования и выстраивания правоприменительной практики².

В своей работе Т. Т. Алиев и В. Д. Вангели отмечают, что «...у процессуальных норм имеются свои специфические свойства, к ним относятся: особая сфера распространения и действия, процедурный характер, обращение к субъектам-правоприменителям, ограничены юрисдикционными

этих самых взглядов и теорий. Однако такие теории и взгляды могут принести вред, если в рамках учебного процесса ими полностью подменять научно-правовые доктрины, проверенные временем и подтвержденные социальной практикой.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 24 июня 2023 года, с изм. от 20 июля 2023 года) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

² См.: Самсонов Н. В. Доктрина гражданского процессуального права и ее значение для отечественного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 2. С. 422.

рамками, призваны обеспечивать материальные нормы, содержание связано с установлением порядка и способа совершения действий»¹.

Одним из критериев в правоприменительной практике выступает фактическое применение тех или иных норм права, источников из законодательства в юридической деятельности как оценка законности поведения, в том числе законности и обоснованности принятого решения. В современной юридической доктрине существует мнение, что применение юридической доктрины как источника гражданского процессуального права имеет свое теоретическое и практическое значение. Однако в современном законодательстве Российской Федерации юридическая доктрина не нашла места в правоприменительной практике. Суды не прибегают в обосновании акта к трудам ученых-юристов. Это обосновывается отсутствием у научных трудов формы, необходимой в гражданском процессуальном праве. В такую форму входит отсутствие правовой определенной обязательности, а также механизма применения доктринальных положений в гражданском судопроизводстве, которые присущи нормам права, оформленным в законодательных актах².

При разрешении споров суд выносит различные судебные акты, которые основываются на законодательных актах, а также на актах высших судов. Главным законодательным актом Российской Федерации выступает Конституция Российской Федерации³, содержащая принципы судопроизводства, одним из которых является законность. Под законом понимается нормативный правовой акт, который принимается представительным органом государственной власти в особом порядке, регулирует определенные общественные отношения и обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения. Таким образом, юридическая доктрина и ученые труды не могут подпадать под данную классификацию.

Однако в данной категории особое место уделяется правовой доктрине, так как она является предпосылкой правотворческой деятельности компетентных государственных органов. Правовая доктрина способствует правотворчеству путем представления понятийного аппарата и методологического инструментария для выявления общественной потребности в нормативном акте. Юридическая доктрина способствует выявлению общественных отношений, которые нуждаются в законодательной регламентации, а также формулирует юридические конструкции и правила.

В своей работе Н. В. Самсонов указывает, что применение правовой доктрины в гражданском судопроизводстве возможно, однако только в рамках факультативной аргументации. При этом оно является исключением из правила, а не закономерностью. Под аргументацией такого явления лежит крайняя редкость применения правовой доктрины в судопроизводстве. Это объясняется тем, что объективно невозможно определить, насколько качественным является труд ученого, чтобы его можно было приравнять и наделить признаками источника права. В данной ситуации авторитетность конкретного ученого или сообщества не может являться решающим фактором, так как юридическая доктрина, в том числе правовая, на постоянной основе находится в процессе дискуссии: путем выявления пробелов оппоненты ученые утверждают свою работу. При этом такая дискуссия не всегда направлена на выявление истины и определение качественных решений стоящей перед ними проблемы⁴.

В современной юридической доктрине, как уже говорилось выше, происходят постоянные дискуссии, тоже самое происходит и в сфере определения принципов гражданского судопроизводства. Так, некоторые ученые-юристы склонны сокращать количество принципов до универсального минимума, другие же, наоборот, увеличивают их за счет включения новых, которые не нашли своего закрепления в законодательстве, тем самым юристы могут сокращать или расширять действие

¹ Вангели В. Д., Алиев Т. Т. Норма процессуальной ответственности // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции (31 марта 2023 года, г. Симферополь): в 2 т. Т. 2. Симферополь, 2023. С. 389.

² См.: Самсонов Н. В. Доктрина гражданского процессуального права и ее значение для отечественного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 2. С. 422.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2024).

⁴ Самсонов Н. В. Доктрина гражданского процессуального права и ее значение для отечественного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. Вып. 2. С. 422.

принципов в гражданском процессуальном праве¹. Однако такая юридическая работа, которая бесосновательно пытается исключить или добавить принципы в гражданское судопроизводство, не может привести к положительному результату с практической точки зрения. Конституция Российской Федерации регламентировала главенствующие принципы судебной системы, на которых строится весь процесс гражданского судопроизводства. ГПК РФ содержит в себе все необходимые нормы, стилизованные под конкретные вид судопроизводства. Это большая работа, проведенная законодателями, которые оперировали уже имеющимся опытом построения законодательных норм. Безусловно, любое изменение в законодательстве должно быть обоснованным и нести практически значимый характер, в этом, несомненно, играет роль и работа юристов-ученых, которые, применяя различные методы исследования, представляют структурированную и обоснованную работу.

Особое место в юридической доктрине играет роль определение процессуальных сроков, которое привело к их процессуальному закреплению. Процессуальные сроки получили закрепление после реформы 1864 года, когда наука обратила внимание на необходимость определения процессуальных сроков. К безусловным положительным сторонам определения процессуальных сроков, как отмечает А. А. Дворецкий в своей работе, относятся «...ускорение процесса, упорядочение процессуальной деятельности, предотвращение злоупотреблений, минимизация периода правовой неопределенности в материальных и процессуальных отношениях, создание условий для установления объективной истины и стабилизации гражданского оборота»². Юридическая доктрина пришла к осознанию необходимости баланса между истинностью судебного акта и динамичностью судебного процесса.

В различные периоды развития законодательства и судопроизводства страны процессуальные сроки приобретали различную форму и функции. В советский период значение процессуальных сроков было упрощено и сводилось к соблюдению дисциплины, в которую входили упорядоченность и скорость рассмотрения споров. Безусловно, процессуальные сроки также имеют цель не затягивать судопроизводство до состояния хаотичной волокиты. Юридическая доктрина в противовес законодателю, который отразил необходимость поиска и соблюдения баланса судебной истины и быстроты судопроизводства, не находит распространения данной тематики³.

Современная юридическая доктрина развивается в различных направлениях, старается захватить все сферы жизни общества. Особую роль в этом играют современные технологии, которые упростили и ускорили процессы распространения и получения информации. Обращение к истории развития различных механизмов правотворчества и его влияние на общественные структуры также важны в развитии современной правовой доктрины. Дореволюционная правовая доктрина заложила основу для формирования осмысления и понимания важности процессуальных сроков, которое проявляется в правовой определенности, упорядоченности, и самое главное, направлено на обеспечение принципа верховенства закона.

Как было сказано выше, юридическая доктрина может влиять на законотворческий процесс только косвенно, путем определения общественных отношений, нуждающихся в законодательной регламентации, правовой коллизии и пробелов права. Законодательство, в свою очередь, приводит юридическую доктрину в движение при выявлении противоречий. Современные юристы на постоянной основе проводят анализ применения права, исследуя официальные толкования закона, правоприменительную практику и те общественные отношения, которые они регулируют, сравнивая с иностранным законодательством, углубляясь в исторические аспекты, а также предлагая альтернативные пути решения.

Современный ГПК РФ как основной источник процессуальных норм гражданского судопроизводства содержит в себе принципы судопроизводства, установленные Конституцией Российской Федерации, а также приводит относительно них собственную трактовку и применение в судопроизводстве. ГПК РФ закреплением различных процессуальных норм стимулирует развитие

¹ См.: Меркулова Т. Н. Принципы гражданского процессуального права: современное состояние, тенденции развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 3 (79). С. 106.

² Дворецкий А. А. Значение института процессуальных сроков в российском гражданском судопроизводстве: эволюция правовых подходов // актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11 (156). С. 22.

³ Там же.

юридической доктрины в направлениях определения соответствия новых норм права общественной реальности, а также конституционным принципам судопроизводства. Происходит процесс взаимодействия законотворчества и развития юридической науки.

В данной статье мы уделяем большое внимание принципам гражданского судопроизводства, так как они являются основой судебной деятельности, вокруг которых выстраивается все законодательство.

Продолжая размышления относительно роли гражданского процессуального права в обществе, особо отметим, что юридическая доктрина на данный момент указывает законодателю на необходимость определения в ГПК РФ конкретизированной нормы, определяющей конституционный принцип законности.

Гражданское процессуальное право строится на принципе законности как на одном из основных принципов. Он реализуется путем признания прав и свобод человека и гражданина. Однако в тексте ГПК РФ не содержится прямое указание на данный принцип, юридическая доктрина выделяет на данное упущение законодателя и необходимость такого закрепления с целью увеличения значения конституционных установлений в сфере гражданского процесса¹.

В гражданском процессуальном праве под эгидой принципа законности строится все судопроизводство, под которым понимается, что главенство при разрешении споров находится у норм материального права и процессуального права, а точнее, судебный акт должен соответствовать нормам материального права и быть вынесен в соответствии с нормами процессуального права.

В своей работе Н. Р. Гагиева следующим образом отмечает закреплённость принципа законности: «В ГПК нет какой-то одной нормы, закрепляющей данный принцип. Отдельные положения принципа законности и его гарантии закреплёны в очень многих, практически во всех нормах гражданского процессуального права»². ГПК РФ постоянно упоминает о необходимости соответствия принципу законности, но прямого его закрепления нет.

Относительно принципа законности есть ясность: он закреплён в Конституции Российской Федерации, и его дублирование или «переписывание» в ГПК РФ, возможно, не осуществляется законодателем с целью не раздувать кодекс.

Юридическая доктрина в отрасли гражданского процессуального права имеет рассуждения о принципах в качестве отдельных и самостоятельных, которые не закреплёны в российском законодательстве, а также не нашли поддержки со стороны законодателя. Возможно, это временное явление, и в будущем законодатель вернется к этой идее, либо она так и останется нерегламентированной. Стоит также сказать, что определение дополнительных самостоятельных принципов чаще всего происходит путем анализа и сравнения с иностранным законодательством³.

Гражданское процессуальное законодательство находится в постоянном процессе модернизации, однако не существует идеальных кодифицированных актов, которые в состоянии регламентировать все детали развития гражданских процессуальных отношений. В связи с наличием пробелов в законодательстве в юридической литературе предлагают путь решения в применении норм аналогичного законодательства по принципу аналогии права. Судебная практика солидарна с такой позицией и довольно распространённо осуществляла процесс применения аналогии права в целях преодоления пробелов гражданского процессуального права⁴.

В заключение подчеркнем, что гражданское процессуальное право выполняет свою особую роль в становлении общества и формировании законодательной базы Российской Федерации. Формирование гражданского процессуального права происходит путем циклического порядка взаимодействия законодателя, судов и ученых-юристов. Гражданское судопроизводство строится на основе ГПК РФ, который соответствует конституционным принципам. Можно сказать, что общественные

¹ См.: Меркулова Т. Н. Принципы гражданского процессуального права: современное состояние, тенденции развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 3 (79). С. 107.

² Гагиева Н. Р. Принцип законности в гражданском процессуальном праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 2. С. 59.

³ См.: Меркулова Т. Н. Принципы гражданского процессуального права: современное состояние, тенденции развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 3 (79). С. 107.

⁴ Гагиева Н. Р. Принцип законности в гражданском процессуальном праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 2. С. 60.

отношения появляются раньше, чем происходит их законодательная регламентация, но в примере с созданием гражданских процессуальных норм наглядно приведен пример определения процессуальных сроков в гражданском судопроизводстве. Такие изменения являлись новеллой современности, и уже на их основе строятся отношения в судопроизводстве, создавая структурированность и срочность гражданского процесса. Как общество влияет на гражданское процессуальное право, так и оно может повлиять на общественное сознание и понимание права. Особое место в статье отведено юридической и правовой доктрине, которые выступают в качестве общественного голоса в юриспруденции, направленного на поиск и выявление дефектов права.

Баранова Марина Владимировна,
доктор юридических наук,
кандидат культурологии, профессор,
профессор кафедры теории
и истории государства
и права юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

Юртехнетика в жизни современного российского общества

Попытка дать краткую характеристику современному российскому обществу, нацеленная на определение места, роли и специфики проявлений какого-либо доктринального юридического феномена, неизбежно проблемна, а результат неоднороден. Два сложноструктурированных, взаимосвязанных элемента: общество и правовая наука — требуют системного подхода к анализу, понимания реалий бытия, осознания традиционной и ситуативной ипостасей культурной, политической, экономической составляющих, глубокого знания правовой материи.

Правовая доктрина сегодня демонстрирует появление нетипичных объектов исследования, креативное преломление элементов фундаментального знания, активное формирование новых научных направлений. В условиях доступности правовой информации, включенности широкого спектра граждан в отношения, опосредованные правом, само право воспринимается иначе. Поверхностный взгляд может привести к ошибочному суждению об изменении места права в жизни общества, снижении его ценности, что совершенно не соответствует реальному положению вещей. Право по-прежнему сохраняет прочные позиции основного регулятора отношений в социуме, вынужденного чаще реагировать на вызовы, угрозы, изменения технологизированного мира. Властная сущность права дает обществу и государству прочную опору, позволяет своевременно внедрять регламенты нетипичных видов и форм деятельности, отношений. Перманентный рост объема нормативных правовых установлений, сложность гармонизации нововведений с действующим законодательством, проблемы правореализации — приметы «быстрого» времени.

«...В современных условиях нарастающей юридизации общественных отношений и гипердинамизма правового регулирования, влекущих в том числе изменение роли правоприменительной (прежде всего судебной) практики в нормотворческом процессе, обеспечению качества закона должно уделяться особое внимание»¹, — справедливо отметил председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию заслуженный юрист Российской Федерации С. В. Кабышев. Выступая перед участниками XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» в 2022 году, он обращал внимание на опасность соблазна «...простых казуальных неотложных законодательных решений, которые могут только усугубить накопившиеся застарелые социально-правовые проблемы»². Общество нуждается в упорядочении новых отношений, государство отвечает на это модернизацией нормативной базы, что вполне логично. Однако любые изменения требуют нового взгляда на типичный технико-юридический инструментарий, формирующий

¹ Приветственное слово председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, кандидата юридических наук С. В. Кабышева // Юридическая техника: Ежегодник. 2023. № 17. С. 12.

² Там же. С. 12.

внешние и внутренние аспекты властных установлений, позволяющий интерпретировать их смысл, воплотить в жизнь.

Именно юридическая наука стоит за созданием новых подходов к типичным процессам право-творчества, толкования, реализации права, сопряженных с ними феноменов. Тематические на-учные разработки, опирающиеся на фундамент инновационных научных исследований, много-уровневого анализа результатов юридической практики, предлагают модели новых способов, пути усовершенствования применяемых средств, в том числе технико-юридических. При этом прак-тико-ориентированная научная разработка, востребованная обществом, невозможна без опоры на полноценное научное юридическое исследование, под которым профессор В. М. Сырых пред-ложил понимать познавательную деятельность, осуществляемую в целях получения новых науч-но обоснованных, рациональных знаний по предмету или объекту правовой науки¹. Генерация, по-иск и накопление знаний не исчерпывают магистральные цели науки. Правовая наука направлена на формирование особого технико-юридического мышления, позволяющего расширять горизонты исследовательского поиска, обострить чувство новизны идей на пути к совершенствованию фор-мы и содержания права на благо общества.

Такое глобальное магистральное направление избрала научная школа «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческого процесса России (история, теория, практика)», основанная в 1999 году профессором В. М. Барановым. За четверть века школа при-влекла к своим проектам около 200 ученых и практиков. Под ее эгидой была разработана учебная дисциплина «Юридическая техника», преподаваемая в ведущих вузах страны. Словосочетание «юридическая техника» прочно вошло в оборот представителей теоретического, исторического, отраслевого юридического знания, стало привычным для юристов-практиков. Исследования адеп-тов научной школы за последние пятнадцать лет вышли за пределы правотворческой проблема-тики, утвердился широкий подход к пониманию юридической техники².

В рамках широкого подхода юридическая техника объединяет в себе «документарную» и «деятельностную» составляющие, средства, правила, алгоритмы деятельности, властное и не-властное начала, давая возможность понять многогранность и глубину этого научного направ-ления, позволяющего перекинуть прочный мост от теоретического знания о праве к реальной юридической практике. Системные научные исследования, направленность на позитивное преоб-разование права обусловили упрочение позиции юридической техники как универсальной науки. Не обошлось и без конвенциональной мудрости / договоренности, позволившей научному сообще-ству уйти от непродуктивных споров о допустимости самой идеи широкого подхода, некоторой терминологической специфике (юридическая техника / юридическая технология). Конвенциональ-ность здесь не поставила барьер на пути научного поиска, не стала препятствием для внедре-ния новых теорий, напротив, позволила систематизировать тематические исследования, увидеть многогранность этого направления юридического знания, выявить новые аспекты, не помешала появлению нового термина «юртехнетика».

Введение в научный оборот новой информационной единицы, особенно новой категории, часто вызывает настороженность и отторжение, виной тому может быть «инерция привычного» либо обоснованная убежденность в избыточности такой инновации. Научное сообщество типично рас-сматривало юридическую технику как науку и отдельно как учебную одноименную дисциплину. В преподавании закрепился аналогичный подход, что вполне обоснованно и оправданно. Введе-ние нового термина, идентифицирующего и индивидуализирующего именно научную ипостась этого феномена, позволяет органично объединить юридическую технику (средства, приемы), юридиче-скую технологию (алгоритмы, операции) и технико-юридическую реальность.

Впервые термин «юртехнетика» был введен в оборот главой научной школы профессором В. М. Барановым в 2013 году. В 2022 году автором была предложена новая доктринальная де-финиция понятия юртехнетики: «науки о технико-юридической реальности, которая выступа-ет элементом техносферы, вариантом технонауки, включает в себя экономические, идеолого-политические, культурно-воспитательные, психологические, организационно-управленческие, ин-формационно-цифровые, документальные средства правообразования, внутренние и внешние

¹ Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 207.

² См.: Юридическая техника: Ежегодник. 2024. № 18. С. 773–1009.

факторы создания и продвижения технологии правотворчества, реализации, интерпретации нормативных правовых актов»¹.

Глубокое понимание универсальности, некой «надпредметности», широты охвата этой неординарной науки обладает новизной, придающей особую ценность исследовательской работе членов научной школы, участников отдельных ее проектов. Налицо обогащение терминологического богатства юридического языка через процесс терминологизации, свидетельство успешной интеграции результатов тематических исследований последней четверти века в процесс формирования нового направления научного знания. Введение понятия «юртехнетика» представляется своевременным, востребованным отечественной юридической наукой и практикой. Ее формирование свидетельствует о системной стабилизации технико-юридического знания, порождает стремление к дальнейшему научному поиску.

Значимым представляется, что юртехнетика существует неотрывно от субъекта, всегда связана с человеком, его деятельностью, обществом и государством. Деятельность человека в науке направлена на выработку знания о разных ипостасях возникновения, функционирования и существования мира, сам социум, происходящие в нем процессы также являются объектами научного осмысления. Если ключевая цель юртехники — позитивное преобразование права, то сама идея такой трансформации основана на стремлении улучшить жизнь общества. Вырабатываемые в ходе технико-юридических исследований ценности занимают полноправное место в национальной правовой культуре, качественно преобразуют ключевые виды юридической практики, модернизируют инструментарий властной и невластной деятельности общества. Развиваясь, современная наука детерминирует возникновение новых направлений научного знания, что объективно предопределено развитием общества, его социально-экономическими и культурными потребностями. Сами исследователи — часть социума и в то же время на них лежит бремя поиска решения проблем, которые общество ставит перед правовой наукой. Общество — не мифическая беспокойная абстракция, бесконечно предъявляющая требования к законодателю, юристам-практикам, правоведам, это единый организм, обладающий системностью, подвергаемый внешнему воздействию, не свободный от внутренних противоречий, но однозначно постоянно нуждающийся в упорядочении государственно значимых отношений. Общество формирует запрос на преобразование правовой реальности, наука отвечает поиском новых путей, средств, возможностей. Юртехнетика не является исключением. На теоретическом уровне она опережает вызовы и запросы реальности, предлагая новое знание, обозначая вектор перспективного научного поиска, на прикладном уровне разрабатывает и предлагает систему действенных инструментов по совершенствованию внешней и внутренней сторон права.

Опираясь на утвердившийся в современной правовой доктрине широкий подход к пониманию юридической техники, осознавая взаимосвязь всего спектра проявлений социума с феноменом юртехники и опираясь на постулаты подхода профессора В. М. Баранова, можно предложить понимать юртехнику как теоретико-прикладную науку о технико-юридической реальности, ее осмыслении, создании, функционировании, эффективности воплощения в юридической практике системы профессиональных юридических правил, средств, технологий, используемых при составлении правовых актов, осуществлении властной и невластной юридической деятельности, целью которой (науки) является обеспечение совершенства формы и содержания права.

Безусловно, юртехнетика является новым элементом системы юридической науки, но ее место и ценность нельзя определять, исключительно исходя из сравнения с традиционными фундаментальными отраслями знания. Подобный подход по меньшей мере некорректен, поскольку не учитывает существования элементов различного уровня в сложной, обладающей системным единством структуре современной юридической науки.

Направленность юртехники на качественное улучшение права, позитивные преобразования упорядочения жизни общества позволяет выявить доминантные направления взаимосвязи этой теоретико-прикладной науки с различными аспектами жизни социума.

Во-первых, она создает систему технико-юридических средств и правил, обеспечивает их эффективное функционирование с целью позитивного преобразования права, оптимизации упорядочения жизни общества.

¹ Подробнее см.: Баранов В. М. Реплики по проблемам форума // Юридическая техника: Ежегодник. 2022. № 16. С. 646–647.

Во-вторых, юртехнетика алгоритмизирует правотворческий, правоинтерпретационный, право-реализационный процессы, повышая результативность всех видов юридической практики в государстве.

В-третьих, от нее зависит качество образовательного процесса в юридических вузах (применительно к учебной дисциплине «Юридическая техника», а именно ко всему процессу), поскольку юртехнетика обладает «надпредметностью», универсальностью, позволяющей востребовать ее результаты в теоретических, исторических, отраслевых юридических науках, соответственно, и в учебных дисциплинах. Включение в багаж знаний технико-юридической составляющей обеспечивает профессиональную пригодность будущих представителей юридической практики, дает возможность сформировать пытливого правоведа-исследователя.

В-четвертых, юртехнетика обуславливает качественный уровень доктринальных исследований как теоретических, так и отраслевых, что значимо для отечественной юридической науки, национальной правовой системы, государства и общества.

В-пятых, юртехнетика обогащается результатами исследований, создавая тем самым новые креативные направления для дальнейшего поиска на благо развития российской правовой науки, последующих позитивных преобразований законодательства, юридической практики.

Исследуя эффективность закона, профессор Т. Я. Хабриева справедливо акцентирует внимание на ценности неразрывной взаимосвязи юридической науки и практики, видит в этом «источник разработки новых эффективных инструментов и моделей правового регулирования различных областей общественной жизни»¹. Юртехнетика является воплощением такой взаимосвязи. Ее результаты исследований создают базис для юридической деятельности, позволяют эффективно функционировать широкому спектру значимых для общества властных и невластных институтов, оптимизируют процессы упорядочения жизни социума. Обладая универсальностью, юртехнетика обеспечивает возможность интеграции различных отраслей юридического научного знания, создание инновационных креативных направлений научного поиска. Такой нетривиальный элемент современной юридической науки способствует стабилизации технико-юридического знания, создавая прочный фундамент для позитивных социальных преобразований.

Барзилова Инна Сергеевна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Российская юридическая наука в «интерьерах» XXI века: взгляд ученого-теоретика

XXI век поставил перед отечественной юридической наукой ряд интересных и сложных задач. Российское общество всегда находилось под воздействием каких-либо изменений, но то, что происходит на современном этапе, качественно отличается от преобразований в социально-политической, экономической сферах, осуществлявшихся ранее. Меняется картина мира: он становится многополярным, формируются несколько центров принятия решений; активно внедряются в повседневную жизнь цифровые технологии, среди ученых продвигается идея о создании цифрового права; в отношении нашего государства применяются новые средства ведения гибридной войны и т. д., что, безусловно, оказывает влияние и на российское общество, и на юридическую науку, которая должна осмыслить происходящие процессы и выработать рекомендации по решению возникающих проблем.

Существенное отличие настоящего этапа в развитии юридической науки заключается, как представляется, в том, что ученым-юристам необходимо изучать не только новые процессы и возникающие новые отношения, но и исследовать вопросы, основательно ранее уже изученные на уровне докторских и кандидатских диссертаций, монографий и научных статей. Актуальность приобретают традиционные темы из теории государства и права, например, посвященные формам и функциям государства, механизму государства, правовому и социальному государству и т. д.

¹ Хабриева Т. Я. Основные направления обеспечения эффективности закона // Как обеспечить эффективность закона: научное издание / отв. ред.: Ю. А. Тихомиров, Н. Н. Толмачева, С. А. Боголюбов. Москва, 2019. С. 19.

Это объясняется тем, что, с одной стороны, на протяжении относительно длительного времени (с конца XX века) не велось исследования по проблемам теории государства, внимание ученых было сосредоточено преимущественно на тематиках общей теории права; с другой — предлагаются и уже предпринимаются активные попытки практического внедрения новых форм государства (сетевого государства, сервисного государства, цифрового государства и т. д.). Как представляется, подобные новые формы не являются благом для российского общества, так как возникают вопросы по поводу суверенитета Российской Федерации, защиты конституционно гарантированных прав человека, сохранения традиционных для российского общества ценностей. Подобная проблематика должна изучаться наряду с другими гуманитарными и юридической наукой. Например, в рамках темы «Механизм государства» по-новому звучат вопросы, посвященные дискреционным полномочиям должностных лиц, позволяющим принимать им соответствующие управленческие решения, руководствуясь собственным правосознанием и правовой культурой. В условиях ведения в отношении нашего государства санкционной войны подобная проблематика приобретает особое социальное звучание¹.

На современном этапе значимость приобретают темы, касающиеся осуществления государством управленческих функций, стратегического планирования, связанного с внутренней и внешней политикой Российской Федерации, определения целей и задач своего развития на определенном историческом этапе, исходя из политической, социально-экономической, демографической ситуаций. При проведении стратегического планирования используются разнообразные инструменты, средства, способствующие прогнозированию, планированию, программированию развития происходящих в российском обществе процессов.

Актуальными для юридической науки остаются и темы в рамках общей теории права. Здесь важным, как представляется, является сохранение отечественных традиций как на уровне права, так и российского общества в целом. Юридическая наука должна оберегать культурный код российского общества, который формировался на протяжении веков. Одна из главных проблем — это сохранение русского языка, терминологии, характерной для отечественного права. Непродуманное заимствование институтов и механизмов из иностранных правовых систем со всей очевидностью продемонстрировало недопустимость ломки сложившихся российских традиций в угоду сиюминутным «новомодным» веяниям. Ценность национального права как определенной социальной формы заключается в разумной организации и реформировании всей системы общественных отношений, ее защите от аутодеструкции. Упорядочивая и регулируя данную систему в целом, оно позволяет отстаивать и наиболее беспрепятственно удовлетворять интересы государства, общества, отдельных индивидов.

Отечественная юридическая наука должна обратить более пристальное внимание на проблемы соотношения с теоретической и методологической точек зрения универсального и национального в российском праве. Выявление общих тенденций развития права, связанных с изменением самих социальных связей, в то же время сохранение традиций, сложившихся общих подходов в процессе правового регулирования, должны учитываться при модернизации российской правовой системы. Юридические традиции позволяют праву как государственно-властному регулятору быть высокочувствительным к природе и имманентной нормативности регулируемых им объектов, не подменяя развитие социальной среды, а усиливая, охраняя ее, создавать необходимые условия и ориентиры, давать общее направление и общие цели.

Как представляется, в настоящее время в отечественной юридической науке недостаточно внимания уделяется исследованию проблем системы российского права, системы российского законодательства. В качестве угрозы следует отметить размывание предмета правового регулирования на отраслевом уровне, что приводит к появлению значительного числа конкурирующих, дублирующих друг друга норм, что совсем не способствует совершенствованию правореализационного процесса². И это вовсе не является свидетельством дифференциации российского законодательства, наоборот, смешение предметов правового регулирования различных отраслей права затрудняет специализацию законодательства и уводит данный процесс в совершенно другое русло.

¹ См.: Мажорина М. В., Алексеева Д. Г., Шахназаров Б. А. Право в условиях санкций: монография. Москва: Проспект. 2023.

² См. подробнее: Радько Т. Н., Азин Д. М., Киримова Е. А. Система права. История, современность, перспективы. Москва: Проспект, 2021; Кашанина Т. В. Структура права. Москва: Проспект, 2022; Головина А. А. Критерии образования отраслей в системе российского права. Москва: КноРус, 2023.

Не всегда оправданной представляется попытка закрепления на законодательном уровне новых правовых образований. Неумелое использование средств, приемов и правил юридической техники приводит к тому, что эти правовые образования приобретают, по сути, промежуточное значение между институтами и подотраслями права. Если добавить к этому неправильное использование юридической терминологии, размывание предмета правового регулирования ряда отраслей, то ситуация представляется довольно сложной. Некоторые правовые институты настолько объемны, что приближаются к статусу подотрасли права. Комплексный, межотраслевой характер данных институтов ставит вопрос об их месте в системе существующего права. Данные институты являются своего рода базовыми для отраслей права и могут во многих случаях предопределять развитие целой отрасли.

Представляется в качестве проблемы и искусственное расширение в ряде случаев сферы правового регулирования, приводящее к излишней «зарегулированности» общественных отношений. Право рассматривается как некая панацея от всех социальных бед, хотя это не всегда так. В результате процесс реализации права для субъектов настолько усложнен, что для нивелирования этого негативного фактора они формируют собственные механизмы, с использованием в том числе конкурирующих норм из других отраслей права.

Думается, что современная юридическая наука при рассмотрении вопросов на уровне общей теории права должна обратить внимание на следующие моменты, касающиеся развития системы современного российского права: дальнейшая дифференциация права, заключающаяся в увеличении количества подотраслей в рамках отдельной отрасли права; попытка создания так называемых мегаотраслей (например, экономическое право), объединяющих отдельные правовые отрасли; попытка формирования комплексных отраслей права, основанных на двойственных (например, императивно-диспозитивном) методах правового регулирования; значительное укрупнение отдельных институтов права, составляющих с точки зрения своего объема самостоятельную подотрасль или даже отрасль права; распространение практики использования в рамках системы права смешанных правовых режимов, приводящее к утрате императивных начал публичными отраслями права и диспозитивных — частными; распространение практики использования отсылочного и бланкетного способов изложения юридических норм в рамках отрасли права; изменение качества связей, возникающих между структурными элементами системы российского права¹ и т. д.

Среди важнейших проблем, которыми должна заниматься отечественная юридическая наука на современном этапе, можно выделить необходимость создания единого согласованного понятийного аппарата юриспруденции. По этому поводу в юридической литературе все чаще ведутся активные дискуссии по логико-гносеологическим, методологическим, лингвистическим проблемам юридических дефиниций. Важность проведения логического анализа применяемых определений предопределена их особым статусом в правовой сфере, связанной с институционализацией всех государственно-правовых явлений в юридических актах. Дефиниции позволяют придать упорядоченность, логичность и стройность в правовом регулировании, унифицировать законодательство в целом. Они выступают в качестве долговременной и продуктивной связи между элементами российской правовой системы, структурно оформляя ее.

Однако довольно часто можно наблюдать ситуацию, когда в правовых актах для обозначения отдельных институтов, средств, механизмов не всегда верно подбирается термин, в определении не совсем точно выделяются их специфические характеристики. Это связано, например, с несовершенством технико-юридического инструментария, «перегрузкой» или, наоборот, существованием пробелов, противоречий в понятийном строе юриспруденции, отсутствием как отраслевых, так и общетеоретических фундаментальных исследований. В результате в отраслевых нормативных правовых актах может совершенно по-разному трактоваться одно и то же правовое явление, что приводит к возникновению трудностей в правореализационном процессе.

По всей видимости, имеет место и проблема соответствия юридических дефиниций постоянно меняющейся правовой действительности, что на современном этапе придает особую значимость исследованиям в сфере социологии права, изучающей функционирование институтов права в общественной системе. Существенная роль отводится и методологическим вопросам юридической науки, в целом нуждающейся в обширном философском и науковедческом контексте.

¹ См. подробнее: Барзилова И. С. Проблемы развития современного российского законодательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4 (44). С. 92–101.

Проблема выстраивания единого понятийного ряда в юриспруденции в особой степени касается межотраслевых институтов, статус которых в условиях реформирования российской правовой системы и происходящей модернизации действующего законодательства значительно возрастает. Все это предопределяет необходимость в проведении совместных общетеоретических и отраслевых исследований.

В настоящее время вполне очевидны задачи поиска новых методологических подходов к исследованию правовых явлений, расширения сферы применения методов познания, использующихся в рамках естественных и технических наук. На протяжении длительного времени юридическая наука весьма осторожно относилась к использованию методов естественных и технических наук для изучения государственно-правовых явлений. Сегодня же важно в определенной степени преодолеть данный барьер. Математический, кибернетический, статистический методы приобретают все более важное значение при проведении исследований в рамках общей теории права. Инструментальный аспект действия права в современный период выходит на первый план. Средства, используемые в современном механизме правового регулирования, все больше приобретают не только правовую, но и техническую окраску. Думается, что коренным образом отходить от традиционного подхода к пониманию процесса правового регулирования все же нельзя, так как он касается, прежде всего, людей, учитывает их социальную и биологическую природу, поэтому юридическая наука должна подробно изучать различного рода дозволения, запреты, ограничения, приостановления¹ и т. д.

В настоящее время в отечественной юридической науке (особенно в сфере частного права) предлагается осуществить коренной пересмотр традиционных конструкций и юридических понятий. Речь идет, например, о конструкции «субъект права». Под субъектом права, в частности, предлагается рассматривать цифровые сущности, искусственный интеллект, аватары и т. п. В этом плане юридическая наука должна, думается, отстаивать позицию традиционного понимания человека в праве, защиты его прав и законных интересов.

Весьма противоречивым представляется вопрос, касающийся определения объекта правового регулирования и субъекта права. Появление в цифровой среде явлений, обозначаемых понятиями «цифровая сущность», «искусственный интеллект», ставит на повестку дня вопрос о соотношении субъекта и объекта правового регулирования. Намечается тенденция к сужению перечня объектов права и увеличению, соответственно, перечня субъектов права, что, думается, в результате приведет к изменению структуры предмета правового регулирования некоторых отраслей. Возникает вопрос и о самих участниках правовых отношений в виртуальной сфере: может быть ими только живой человек или возможно участие и роботов, «цифровых личностей», искусственного интеллекта? Это не только правовая, но и морально-этическая проблема.

На наш взгляд, в процессе правового регулирования необходимо учитывать следующие риски: недопустимость стандартизации человеческой личности, формирования определенных человеческих типажей по заданным человеческим параметрам; недопустимость использования технологий, превращающих человека в объект для эксперимента с неопределенными последствиями; понижение в профессиональной сфере конкурентоспособности обычного человека, не обладающего улучшенными свойствами с помощью технологий; изменение с помощью технологий подлинности человека и природы, базовых представлений о том, что есть человек и т. д.

В многополярном мире важно учитывать и правовые традиции иностранных государств, с которыми взаимодействует Российская Федерация. Так, средства и приемы медиации активно используются во многих государствах Азии, что продиктовано, например, этико-религиозными нормами конфуцианства, нормами традиционного права, спецификой традиций и обычаев².

В завершение хотелось отметить, что значимость для российского общества юридической науки нельзя преуменьшать. В ней не только сосредоточены знания, касающиеся юридической сферы, определяются правила поведения субъектов правовых отношений, но и содержатся многовековой опыт российского общества, его цивилизационный код, поэтому в «интерьерах» XXI века ученые-правоведы должны сохранить лучшие отечественные традиции, память о выдающихся исследователях в области юриспруденции.

¹ См.: Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. А. В. Малько. Москва: Инфра-М, 2020.

² См.: Барзилова И. С. Правовые системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовой анализ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 166–173.

Бирюков Павел Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного
и евразийского права юридического факультета
Воронежского государственного университета

Искусственный интеллект: вызовы современной юридической науке

Введение

Как известно, термин «искусственный интеллект» (далее — ИИ) включает в себя системы, которые: а) выполняют задачи в изменяющихся обстоятельствах без значительного человеческого контроля, а также б) могут извлекать уроки из опыта своего функционирования и улучшать свои показатели¹. Чем более человекоподобна система в контексте своих задач, тем больше она использует ИИ. Если говорить утрированно, то ИИ можно определить как компьютерную программу с возможностью самообучения, установленную на соответствующем оборудовании (или «умный софт на железе»).

В настоящее время сфера применения ИИ чрезвычайно широка: энергетика, машиностроение, оборона, транспорт, образование, здравоохранение, правоохранительная деятельность и т. д.² ИИ содержится в программном обеспечении оборудования, оружия, бытовых предметов, гаджетов и проч.

В 2023 году Генсек ООН объявил о формировании «Консультативного органа высокого уровня по вопросам искусственного интеллекта»³. Он должен поддерживать усилия международного сообщества по управлению ИИ, анализировать риски и возможности его использования.

Надо сказать, что Запад не дремлет. Во многих государствах (США, Великобритания, ФРГ, Испания и др.) активно развивается концепция ИИ, приняты соответствующие нормативные акты и документы «мягкого права».

В ноябре 2023 года в Блетчли-парк (Великобритания) состоялся первый международный саммит по безопасному использованию ИИ. Участвовало около 100 экспертов и гостей, в числе которых вице-президент США, глава Еврокомиссии, Генсек ООН, Илон Маск, президент *Microsoft*, глава *Google DeepMind*, а также гендиректор *Open AI* (разработчик *ChatGPT*). В результате была принята «Декларация Блетчли по безопасности ИИ»⁴. Документ был подписан 27 государствами (Австралией, Великобританией, Германией, Израилем, Индией, Ирландией, Испанией, Италией, Канадой, Китаем, Нидерландами, ОАЭ, Южной Кореей, Сингапуром, США, Францией, Швейцарией, Японией и др.) и представителем Европейского союза (далее — ЕС). Участники сосредоточились на «определении рисков в области безопасности ИИ и разработке общего их понимания». Кроме того, государства намерены сотрудничать при разработке национальных стратегий в отношении ИИ. Государства и ЕС высказались за прозрачность разработок ИИ представителями частного сектора и заявили о своем намерении обмениваться соответствующей информацией и опытом.

21 марта 2024 года Генассамблеей ООН была принята Резолюция «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития»⁵. Резолюция посвящена системам ИИ **в невоенной сфере**, «жизненный цикл которых включает этапы предварительного проектирования, разработки, оценки, тестирования, внедрения,

¹ См.: Artificial Intelligence. URL: <https://www.ec.europa.eu/digital-single-market/en/artificial-intelligence>. Artificial Intelligence: A Modern Approach / by Stuart Russell, Peter Norvig, Pearson, 2013. 1152 p.; Ertel W. Grundkurs Künstliche Intelligenz: Eine praxisorientierte Einführung. Springer Vieweg, 2013; Ramge T. Mensch und Maschine. Wie Künstliche Intelligenz und Roboter unser Leben verändern. Reclam Verlag, Stuttgart, 2018; Vergleich nationaler Strategien zur Förderung von Künstlicher Intelligenz. Sankt Augustin / Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung e. V., 2018; и др.

² См.: Neapolitan R., Jiang X. Artificial Intelligence: With an Introduction to Machine Learning. Chapman & Hall / CRC, 2018; Stuart Russell. Human Compatible: AI and the Problem of Control. Penguin Books, Limited, 2019. 336 p.; Somos conscientes de los retos y principales aplicaciones de la Inteligencia Artificial? URL: <https://www.iberdrola.com/innovacion/que-es-inteligencia-artificial> (дата обращения: 15.03.2024); и др.

³ Гутерриш дал старт работе глобального Консультативного органа по искусственному интеллекту. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446237> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ AI Safety Summit 2023: The Bletchley Declaration. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/ai-safety-summit-2023-the-bletchley-declaration> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ Резолюция ГА ООН A/78/L.49 «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». URL: <https://ai.gov.ru/upload/iblock/588/lityi72zuu6rlj3x09cbf84fmkz6qmk8.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).

использования, продажи, закупки, эксплуатации и вывода из эксплуатации и которые являются антропоцентричными». Они должны быть «надежными, объяснимыми, этичными, инклюзивными, в полной мере уважающими, поощряющими и защищающими права человека и международное право, обеспечивающими конфиденциальность, ориентированными на устойчивое развитие и ответственными». Управление ИИ только формируется, поэтому необходимо искать возможные подходы, которые должны основываться на «международном праве». При принятии внутренних нормативно-правовых и организационно-управленческих подходов в сфере ИИ государства должны создавать безопасные, защищенные и надежные системы ИИ.

В настоящее время применение предметов с ИИ влечет за собой возникновение, изменение и прекращение правоотношений в различных сферах. В этой связи возникает множество теоретических и практических проблем; остановимся лишь на некоторых из них.

Основное исследование

Первая проблема. Каков юридический статус у самого ИИ? Он уже субъект права или еще нет? Если да, то каковы последствия для отечественной юридической науки и российского законодательства? Если нет, то каков статус продуктов с ИИ в российском праве?

В нашей стране под субъектом права традиционно понимается лицо, обладающее правоспособностью, то есть способностью иметь права и обязанности¹. В зарубежной науке дают сходные определения².

Вместе с тем жизнь показывает, что чем шире сфера автономной робототехники, тем меньше ИИ можно считать простым инструментом в руках субъектов права (производителя, оператора, владельца, пользователя и т. д.).

В зарубежной литературе уже активно дискутируются предложения о введении в правовую материю «электронного лица» (*e-person*)³. Это, в свою очередь, ставит под сомнение достаточность обычных правил для регулирования отношений с участием ИИ, включая вопросы ответственности за его действия.

С формальной точки зрения ИИ в России пока еще не субъект права⁴. Следовательно, он не может нести ответственность за ущерб, причиненный продукцией с ИИ. В то же время мы видим, как идет накопление нормативного материала, как продвигаются научные исследования в данной сфере. Думаем, что с точки зрения общей теории права нет препятствий к наделению ИИ качеством правосубъектности; дело лишь за изменениями в законодательстве⁵.

Правда, некоторые ученые отрицают возможность наделения продукции с ИИ правосубъектностью⁶. Возникает вопрос: «Почему, собственно говоря? Чем эта правовая фикция отличается от,

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. Москва: Юридическая литература, 1981. С. 138; Гревцов Ю. И. Субъект права // Вестник СПбГУ. 2014. Вып. 1. Сер. 14. С. 33–39; и др.

² См.: James Dunbar-Brunton M. A. The Law and the Individual. Macmillan Master Series. 1979. P. 76; Eric Hilgendorf, Jan C. Joerden (Hrsg.). Handbuch Rechtsphilosophie. Metzler, Stuttgart 2017. Pp. 373–378; Klunzinger E. Einführung in das Bürgerliche Recht. 2013. P. 46; Stefan Klingbeil. Der Begriff der Rechtsperson // Archiv für die civilistische Praxis (AcP). 2017. Band 217. Pp. 848–885; и др.

³ См.: Scheufen M. Künstliche Intelligenz und Haftungsrecht: Die e-Person aus ökonomischer Sicht / Artificial Intelligence and Liability Law: The e-Person from an Economic Point of View // Wirtschaftsdienst. June 2019. № 99 (6). Pp. 411–414; Zeytin Z. Law and Artificial Intelligence: E-Person, Liability, and A Legal Application Example. URL: <https://robotic.legal/en/amp/hukuk-ve-yapay-zeka-e-kisi-mali-sorumluluk-ve-bir-hukuk-uygulamasi>; Lim Chong Kin. AI, Machine Learning & Big Data: Singapore 2020 // Global Legal Insights: URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/ai-machine-learning-and-big-datalaws-and-regulations/singapore>; Бирюков П. Н. Ответственность за вред, причиненный технологиями с искусственным интеллектом: подход Европейского Союза // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2020. Т. 12. № 4. С. 39–49; и др.

⁴ См.: Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170; Робот как субъект права: недалекое будущее или утопия? URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20230829/309167257.html (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ См.: Ладенков Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник БФУ имени И. Канта. Гуманитарные и общественные науки. 2021. Вып. № 3. С. 12–20; Попова А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11 (263). С. 14–24; и др.

⁶ См.: Бегишев И. Р. Проблема определения правосубъектности роботов // *Ex Jure*. 2021. № 3. С. 7–16; Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48; и др.

скажем, категории юридического лица? Наличием отдельного имущества? Обособленностью? Наличием собственной воли? Способностью участвовать в правоотношениях?»

К примеру, сейчас нейросети создают произведения науки, литературы, искусства. В этой связи возникают следующие вопросы: «Кто автор произведения? Кто правообладатель? Как передавать исключительные права? Кто и как будет нести ответственность в случае их нарушения?»

Еще больше вопросов к сложным роботам, которые оперируют объектами критической инфраструктуры или оружием. Они вполне могут иметь «особые права и обязанности», когда роботы принимают автономные решения. В этом случае ИИ мог бы получить статус, например, «электронной личности» (*e-person*). Потенциальный ущерб, вызванный продукцией с ИИ, мог бы быть покрыт за счет средств, получаемых от ее эксплуатации.

Полагаем, в настоящее время ничто не мешает наделить программу ИИ на соответствующем оборудовании правосубъектностью. Достаточно лишь закрепить соответствующую конструкцию в праве. Можно предложить, чтобы «электронная личность» имела правовое положение, сходное со статусом коммерческой организации. Это создаст особые права и обязанности для агентов / операторов ИИ и не предоставит роботам права человека.

В этой связи предлагают принять: а) руководящие этические рамки для проектирования, производства и использования продукции с ИИ; б) кодекс поведения инженеров-робототехников; в) кодекс этики органов, лицензирующих продажу продукции с ИИ. Однако «этические принципы» — это, конечно, неплохо, но, когда дело коснется интересов государства, они отойдут на второй план.

Вторая проблема. Насколько продукция с ИИ может ограничивать права человека? Надо сказать, что ИИ уже это делает и дальше будет делать еще больше. Назовем лишь некоторые сферы отношений.

1. Неприкосновенность частной жизни. Получили широкое распространение «умные дома», беспилотные автомобили, смарт-телевизоры, пылесосы, часы и др. Установленные в них программы прослушивают телефонные переговоры, мониторят почту, мессенджеры, реагируют на поведение владельца. Электронные устройства накапливают информацию о людях и передают ее неизвестным адресатам. Так что ни о какой тайне частной жизни речи уже не идет.

2. Право на осуществление судопроизводства судьями (мы называем его «правом на человеческое правосудие»). Надо сказать, что в мире уже успешно функционируют системы «цифрового правосудия» (Китай, США, Нидерланды и др.)¹. Программы ИИ разрешают споры физических и юридических лиц, привлекают их к ответственности. Более того, в некоторых странах уже функционируют судебные (например, интернет-суды) и внесудебные (экономические арбитражи), в которых человеческое участие минимально².

Не миновала эта тенденция и Россию. Президент Российской Федерации и Председатель Верховного Суда Российской Федерации активно говорят о внедрении в стране «цифрового правосудия» (в полном значении этого слова) (далее — ЦП)³. Прообразы ЦП уже работают. К примеру, штрафы на основании протоколов систем видеофиксации, программ слежения в период коронавирусных ограничений и др.

Помимо прочего, в мире активно развиваются программы «Предсказанного правосудия»⁴ (далее — ПП). В то время как задача традиционного правосудия — в установленные сроки вынести решение (приговор) по делу, ПП идет дальше. Программа может предвидеть исход спора и оценить шансы на успех будущего процесса. Система ПП позволяет: избрать наиболее правильный

¹ См.: Themeli E. International Commercial Courts Competition in Europe: A Litigation Experience Approach // X. E. Kramer & J. Sorabji (eds.), International Business Courts: A European and Global Perspective, Eleven International Publ., 2019. Pp. 273–296.

² См.: Chinese E-Justice, AI & Legaltech in Courts, and Cyber Court. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/t/chinese-e-justice> (дата обращения: 15.03.2024). Галлямов Д. Р. Интернет-правосудие: современный опыт Китая // Новый юридический вестник. 2023. № 1 (40). С. 34–36.

³ Цифровизация российской Фемиды. URL: <https://www.connect-wit.ru/tsifrovizatsiya-rossijskoj-femidy.html> (дата обращения: 15.03.2024); Путин обсудил с главой Верховного Суда цифровизацию судебной системы. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-obsudil-s-glavoy-verkhovnogo-suda-cifrovizaciyu-sudebnoy-sistemy.html> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ См. подробнее: Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // *Lex Russica*. 2019. № 11. С. 79–87; Predicting justice: what if algorithms entered the courthouse? URL: <http://theconversation.com/predicting-justice-what-if-algorithms-entered-the-courthouse-91692> (дата обращения: 15.03.2024).

способ защиты, выдвинуть наиболее подходящие аргументы; оценить предполагаемую сумму компенсации и т. д. После того, как перспективы процесса будут выданы, человеку будет проще принять окончательное решение о способах защиты и методах ведения процесса. Таким образом, речь идет о компьютерных программах, которые позволяют спрогнозировать будущий судебный акт по делу.

При помощи ПП не только судьи, прокуроры, адвокаты, юрисконсульты, но и простые граждане, организации смогут предвидеть ход процесса, загрузив необходимые данные. Правда, для этого юридическая информация должна быть структурирована и оцифрована, чтобы сделать ее удобной для принятия решений, но это вопрос технического порядка.

В настоящее время эффективность зарубежных программ ПП около 95 %, и эта цифра постоянно растет. Есть, конечно, некоторые категории дел, где пока сложно предвидеть и учесть все обстоятельства, но программы ПП постоянно совершенствуются и скоро догонят человеческих судей по утверждаемости. Это будет важной вехой на пути к цифровому правосудию.

Надо сказать, что ЦП уже активно развивается за рубежом. К примеру, американские судьи часто используют программы для оценки вероятности совершения подозреваемым повторного преступления. Так, гражданин США Э. Лумис в штате Висконсин был приговорен к шести годам заключения за угон автомобиля. Прямых улик не хватало, поэтому полиция и прокурор использовали программу *COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions — COMPAS)*. Программа (а вслед за ней и суд) обосновывала свое решение о виновности Э. Лумиса высоким риском рецидива такого рода лиц¹. Верховный суд США отказал Э. Лумису в обжаловании приговора суда штата.

КНР пошла еще дальше. В стране уже пять лет действуют три специализированных «интернет-суда», которые онлайн рассматривают дела по электронной коммерции, авторским правам и др. В 2018 году Верховный суд КНР опубликовал «Положения по некоторым вопросам, касающимся рассмотрения дел интернет-судами»², которые разъяснили юрисдикцию судов и урегулировали процедурные вопросы. По положению доказательства представляются в цифровом виде, а суды для вынесения решений используют ИИ. При этом средняя продолжительность заседания всего 30 минут.

Оценив положительный опыт интернет-судов, власти КНР запустили систему «Умный суд»³ по уголовным делам (далее — УС). Верховный суд Китая требует, чтобы судья по каждому уголовному делу при вынесении приговора консультировался с программой УС. Если судья не согласен с рекомендацией УС (а таких случаев около 5–7 %), он должен представить письменные возражения. В этом случае трое судей проверяют решение УС.

В 2021 году в КНР начала работать программа «Умный прокурор». На основании изучения представленных доказательств и материалов дела она выносит обвинительное заключение (совпадает с человеком до 97 %)⁴. Она используется для обвинений по распространенным преступлениям: мошенничество, участие в азартных играх, опасное вождение, тяжкие телесные повреждения, кражи и т. д.

При должной регламентации вполне можно передать часть уголовных дел ИИ, разгрузив суды от рутинной работы. При этом снизятся коррупционные риски, а контроль будет осуществлять человек.

3. Нарушение права на свободу передвижения. Мы уже это наблюдали при коронавирусных ограничениях. Программы ИИ следили и штрафовали москвичей за выход из дома, несанкционированные поездки на транспорте. Приходили штрафы за отсутствие масок в метро и магазинах.

4. Право на обращение в государственные и муниципальные органы, в компании. Боты-помощники встречают человека «на дальних подступах», их задача попытаться предварительно решить вопрос, по возможности направив конкретному специалисту («отфутболив» заявителя). Фактически речь идет о том, что ИИ принимает на себя некоторые функции исполнительной власти.

5. Нарушение равенства и правил конкуренции. Очевидно, что крупные предприятия имеют больше возможностей внедрять технологии с ИИ, получая конкурентные преимущества.

¹ Loomis V. Wisconsin. URL: <https://www.scotusblog.com/case-files/cases/loomis-v-wisconsin> (дата обращения: 15.03.2024).

² 个文件是2018年9月的. URL: http://www.scio.gov.cn/xwfb/gfgjxwfb/gfgjfbh/zgf/202307/t20230705_726509.html (дата обращения: 15.03.2024).

³ 智慧法院. URL: <https://wiki.mbalib.com/zh-tw/智慧法院> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ СМИ: в Китае искусственный интеллект взял на себя функции прокурора. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13306521> (дата обращения: 15.03.2024).

Не сомневаемся также, что программы ИИ будут оптимизировать расходы крупных компаний, монополизировав рынок и согласовывая маркетинговую политику. Достанется и мелким предприятиям, и потребителям. Массовые сокращения ждут и работников.

Как видим, значительная часть работы в настоящее время, осуществляемая людьми, уже передается и будет передаваться ИИ. Это окажет существенное влияние на системы занятости и социального обеспечения, что еще больше усилит неравенство в распределении богатства и влияния.

Заключение

Таким образом, государство (и общество) все чаще передает функции управления и правосудия программам ИИ. Так что пора подумать о внесении крупных изменений в законодательство и обновлении юридической науки.

Возникает также множество других юридических проблем, связанных с ИИ. Что, на наш взгляд, можно предпринять в поле юриспруденции?

1. Ввести в теорию права понятие юридической личности (*e-person*), поместив ее в один ряд с категорией юридического лица. Соответственно, изменения должны быть внесены и в отраслевое законодательство, и в область науки (гражданское, административное, уголовное право и проч.).

2. В гражданском праве необходимо дать понятие лица / продукции с ИИ как особого вида имущества. Создать единый реестр некоторых предметов / лиц с ИИ с регистрацией договоров в отношении прав на них, определив государственного оператора как лицо, аккредитованное государством.

3. В гражданском праве разработать стандартные положения договора по передаче прав на продукцию с ИИ (об отчуждении, аренде, концессии и т. п.).

4. Вменить действия продукции с ИИ их собственникам или операторам и признать лиц с ИИ объектом повышенной опасности с ответственностью независимо от вины. Ввести страхование ответственности продукции с ИИ (по типу ОСАГО).

Российскую юридическую науку ждут серьезные потрясения. В этой связи есть смысл внимательно изучить зарубежный опыт, чтобы использовать его при реализации отечественной стратегии об ИИ. Возможно, недалек тот день, когда ИИ получит статус субъекта права. Отечественная научная мысль должна быть к этому готова.

Боголюбов Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
научный руководитель отдела экологического
и аграрного законодательства Института
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Особенности эколого-правовых научных исследований

О роли науки, ее положении в обществе, значении для социально-экономического развития страны написано немало с изложением различных точек зрения, но ее состояние и влияние продолжают беспокоить как авторов, так и еще более многочисленных адресатов научных исследований, являющихся компонентами самой науки¹. Обостряющиеся глобальные и национальные проблемы использования природных ресурсов, сохранения окружающей среды обуславливают привлечение внимания к научным исследованиям в этой сфере.

В юридической профессиональной, учебной литературе под научными экологическими исследованиями понимаются: 1) элемент идеологического механизма в сфере охраны окружающей природной среды, охраны и использования природных ресурсов, обеспечения экологической

¹ См.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181–191; Баранов П. П. Российская юридическая наука сегодня и пути совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений // Гуманитарий юга России. 2015. С. 151; Тарасов Н. Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. 2012. №3. С. 19–25; Маликова А. Х., Кавкаева Ю. А. К вопросу о российской юридической науке сегодня и перспективах ее развития в будущем // Юридические науки. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 10-3 (49). С. 143–147.

безопасности человека и других объектов (общество, государство); 2) деятельность, осуществляемая в целях научного обеспечения охраны окружающей природной среды, охраны и устойчивого использования природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности человека и других объектов (общество, государство), представляющая собой систему мероприятий по организации, проведению и внедрению результатов научных исследований в названной сфере¹.

Предметом научных правовых исследований становятся изучение, анализ, обобщение содержания и развития отраслей, институтов, норм права и законодательства, правотворческих и право-реализационных процессов, законодательного, правоприменительного материала, обеспечения правопорядка, составных частей российской правовой системы и др. Объединение в исследованиях экологической и юридической тематики делает их эколого-правовыми. При этом обнаруживаются как общие черты, свойственные иным исследованиям, так и особенные, более присущие эколого-правовым исследованиям на основе комплексного, интегрирующего экологического права, объединяющего его природоохранную, природоресурсную подотрасли, экологизированные нормы других отраслей права.

Призванное регулировать важнейшие общественные отношения право участвует в организации эколого-правовых научных исследований — слагаемых науки экологического права, факторов воздействия на правотворчество, элементов формирования экологической культуры граждан, должностных лиц, в том числе работников правотворческих, правоохранительных, природоохранных органов. Усиленное законодательное регулирование эколого-правовых научных исследований можно объяснить молодостью, новизной экологического права, обилием в рабочих законопроектных группах ученых (стремящихся планировать, гарантировать последующие научные исследования), попытками стимулирования ускоренного развития экологического права в целях догнать, а по мнению чл.-корр. РАН О. С. Колбасова, и перегнать, заменить традиционные отрасли знания и права, наверстать упущенное².

Особенность эколого-правовых научных исследований объясняется авторитетом достижений естественных наук, поскольку на основе их приоритета может достигаться оптимальное регулирование отношений общества и природы. Специфика совмещения естественно-научных и юридических научных знаний обуславливает интерес не только к современному закреплению в федеральных, региональных законах правовых требований к экологическим научным исследованиям, но и некоторой ретроспективе государственного управления наукой в сфере экологии посредством права.

В первом комплексном природоохранном Законе РСФСР от 27 октября 1960 года «Об охране природы в РСФСР» наряду со статьями 18 «Преподавание основ охраны природы в учебных заведениях», 19 «Пропаганда вопросов охраны природы» предусматривалась статья 17 «Научно-исследовательская работа по проблемам охраны природы», согласно которой научно-исследовательским учреждениям и высшим учебным заведениям предписывалось включать в планы научных работ темы по охране природы и проводить систематическое изучение допустимых норм использования природных ресурсов и возможных путей их воспроизводства. Такое первоначальное правовое регулирование природоохранных, природоресурсных норм уже придавало научным работам характер эколого-правовых исследований. Для первой попытки регулирования научных исследований этого было, наверное, достаточно, хотя и слишком прагматично. В актах 1960–1980-х годов, принятых после проверки исполнения Закона от 27 октября 1960 года, не отражаются меры по реализации его вышеуказанной статьи 17 о научно-исследовательской работе и в целом о состоянии науки в сфере экологии.

В разделе XI «Экологическое воспитание, образование, научные исследования» следующего Закона Российской Федерации от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды» предусматривалась статья 77 «Научные экологические исследования», в части первой которой определялись: 1) субъекты исследований — РАН, отраслевые академии наук, государственные органы по науке и технике, охране окружающей природной среды, образованию, министерства и ведомства, научные учреждения, высшие учебные заведения; 2) направления исследований — разработка и утверждение комплексных программ и планов научных исследований, создание необходимых условий для эффективных экологических исследований и внедрения полученных

¹ См.: Голиченков А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов: учебное пособие для юридических факультетов университетов и юридических вузов. Москва: Городец. 2008. С. 193.

² См.: Колбасов О. С. Завещание экологам // Журнал российского права. 2000. № 5.

результатов; 3) область исследований — охрана и оздоровление окружающей природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов.

В части второй этой же статьи 77 указывались формы научной деятельности ученых и специалистов научных учреждений: 1) участие в разработке и реализации комплексных целевых экологических программ (международных, республиканских, региональных), проектных работах; 2) вхождение в состав научно-технических и экспертных советов; 3) дача заключений по экологической экспертизе проектов; 4) оказание помощи в решении практических задач рационального природопользования и охраны окружающей природной среды; 5) участие в формировании экологической культуры общества с персональной ответственностью за научные результаты своих разработок.

Краткий анализ этих предписаний, признанных с принятием нового Федерального закона от 10 января 2002 года «Об охране окружающей среды» утратившими силу, показывает, с одной стороны, что законодатель в 1991 году шагнул дальше Закона 1960 года, назвав примерные, в определенной мере новые, взаимные обязательства экологической науки и общества на перспективу; а с другой — оставил правовые требования к экологическим научным исследованиям достаточно размытыми, неконкретными, не во всем соответствующими требованиям юридической техники и здравого смысла. Так, сложно определяются «необходимые условия», «эффективность исследований», что следует за неисполнением этих требований?

В то же время понятно, что правовое регулирование любых исследований не может охватить все их направления, а призвано лишь наметить основные вехи научного поиска, стимулировать либо обременить его правоотношениями. Первые комментаторы принятого 19 декабря 1991 года Закона не без оснований считали его заслугой возможность субъектов научной деятельности рассчитывать на ее должное финансирование и надлежащее материально-техническое обеспечение, провозглашение нравственной, моральной ответственности ученых за содеянное ими, юридическую ответственности участников государственной и общественной экологической экспертизы, имеющей научный характер¹.

Более чем тридцатилетнее наличие природоохранного закона 1960 года об охране природы и десятилетнее действие Закона 1991 года об охране окружающей природной среды в части регулирования экологических научных исследований оказали влияние на их расширение, вхождение в социальную жизнь общества через подготовку высококвалифицированных научных кадров (в том числе в области правовой экологии — через аспирантуру, докторантуру, научную специальность в области юриспруденции 12.00.06 «Экологическое, природоресурсное, земельное, аграрное право»); разворачивались сравнительные исследования алгоритма, характера зарубежной эколого-правовой науки².

Ретроспектива регулирования научных исследований полезна для оценки современного регулирования эколого-правовых исследований, для взгляда на будущее науки, для реализации положений Экологической доктрины Российской Федерации от 31 августа 2002 года, Основ экологического развития России до 2030 года от 30 апреля 2012 года, от 19 апреля 2017 года № 176, Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, других документов стратегического характера³.

Основным нормативным документом в правовой иерархии актов на указанные темы является Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», где выделена специальная глава XII «Научные исследования в области охраны окружающей среды», состоящая из одной статьи 70, повторяющей заголовки главы. Большинство положений предыдущих законов об экологических научных исследованиях оказались из него исключенными, как бы «потерянными», о чем приходится сожалеть, поскольку при всей их декларативности в них присутствовал

¹ Охрана окружающей природной среды. Постатейный комментарий к Закону России / под ред. В. П. Ворфоломеева, В. В. Петрова. Москва: Республика. 1993. С. 166–167.

² См.: Шестерюк А. С. Развитие науки экологического права в Швеции: сборник материалов конференций «Экологическое право» / сост. А. К. Голиченков, И. А. Игнатьева. Москва: Зерцало, 1999. С. 181–183; Дубовик О. Л., Иванова А. Л. Проблематика и методология эколого-правовых исследований в ФРГ // Экологическое право. 2004. № 6.

³ Об экологической доктрине Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 года № 1225-р; Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 года; О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года № 176 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2024).

определенный правовой смысл, влекущий некие юридические последствия. Законодатель теперь сосредоточился на целях экологических научных исследований, характеризующих уровень экологической науки, которые можно условно разделить на общие и специальные.

К общим целям научных исследований в области охраны окружающей среды относятся (часть первая статьи): 1) социальное, экономическое и экологически сбалансированное развитие Российской Федерации (понимаемые как устойчивое развитие); 2) создание научной основы охраны окружающей среды (фундамента, базы, каркаса, остова, скрепы, основных начал); 3) разработка научно обоснованных мероприятий по улучшению и восстановлению окружающей среды, обеспечению устойчивого функционирования естественных экологических систем, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности. Каждое из этих направлений осуществляется посредством права.

К специальным целям научных исследований в области охраны окружающей среды (часть вторая статьи) можно отнести разработку концепций, научных прогнозов, планов сохранения и восстановления окружающей среды; оценку последствий негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду; совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды, создания нормативов, государственных стандартов, иных нормативных документов в области охраны окружающей среды; разработку и совершенствование показателей комплексной оценки воздействия на окружающую среду, способов и методов их определения; разработку и создание лучших технологий в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов; разработку программ реабилитации территорий, отнесенных к зонам экологического бедствия; разработку мероприятий по сохранению и развитию природного потенциала и рекреационного потенциала Российской Федерации; иные цели в области охраны окружающей среды. И здесь достижение каждой цели не обходится без необходимого правового сопровождения, эколого-правовых исследований.

Формулировка «об иных целях» свидетельствует, что перечень вышеуказанных задач и целей является примерным и служит исключительно ориентиром для проектирования, осуществления научных экологических исследований, включающих изучение, эксперимент, концептуализацию, эмпирику, проверку теории, связанные с получением научных знаний. Рыхлость положений статьи 70 главы XII Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» размыкает, снижает их регулирующее воздействие на организацию, состояние, научные результаты, внедрение в практику итогов этих исследований. Во исполнение и развитие требований федеральных законов о научных исследованиях в различных областях¹, в том числе в области охраны окружающей среды, приняты сотни правовых актов различного уровня, в том числе подзаконного характера в Федерации, субъектах Российской Федерации, муниципальных образованиях, организациях.

На экологические, правовые, как и иные научные исследования влияют состояние бюджета, запросы общества, международный обмен результатами научных исследований и иных форм научной деятельности, необходимость повышения, на основе науки, эффективности правового регулирования преодоления загрязнений окружающей среды, ее компонентов, их восстановления. Попытки законодательного регулирования научных исследований как предтечи и части науки можно обозначать как мягкое право, имевшее положительный оттенок десятилетия назад, но сомнительный в настоящее и наступающее время, когда праву подыскивают его прежние классические признаки в виде конкретности, категоричности, неотвратимости санкций за невыполнение.

Законодательным нормам о научных экологических исследованиях не хватает точности, обязательности, которые делают право правом, а не декларацией, призывом. Увеличивается стимулирующая, в том числе экономическая, функция права, которая, наряду с национальными предписаниями и мягкими международными конвенциями, призвана создавать надлежащую социальную среду для научных исследований в области правовой охраны окружающей среды, внедрения их результатов.

Являющиеся частью науки в области охраны окружающей среды эколого-правовые исследования нуждаются в привлечении к ним внимания лиц, занимающихся законопроектной работой, а также повседневной правореализацией, в дальнейшей активизации теоретических работ, в актуализации поднимаемых, решаемых в них насущных проблем, перспективных задач, для чего надо избавляться от повторов диссертационных тем, стремиться привлекать к их раскрытию

¹ О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2024).

энтузиастов, склонных к научным эколого-правовым исследованиям. Не случайно некоторые мэтры опрашивают поступающих в аспирантуру: «Вы за дипломом или за знаниями?» И в зависимости от ответов строят свои дальнейшие отношения с соискателями ученых степеней, количество и качество которых отражает состояние эколого-правовой, других отраслей науки. Советуют вернуться к координации научно-исследовательских работ в сфере правовой экологии, планируемые темы диссертаций публиковать в сборниках, журналах, что может служить ориентировочной информацией, помочь избежать дублирования.

В 1980-х подспорьем в выборе тематики исследований служили учет, обобщение предложений о совершенствовании законодательства, осуществляемые в НИИ советского законодательства Министерства юстиции СССР. Выдержавшая испытание временем система оценки научных кадров высшей квалификации предполагает моральную ответственность ученых за теоретическую, практическую значимость их работ, их поиск новых форм воздействия на эколого-правовую действительность. Требуется дальнейшего внимания разграничение специальностей для написания, защиты диссертаций в области юриспруденции, которая искусственно разделена на публичный и частный разделы: земельное, экологическое право попадает и в ту, и в другую части.

В условиях охватившего депутатов, большинство населения правотворческого зуда центр эколого-правовых научных исследований желательно переносить с законодательных новелл (что было оправдано в XX веке при наличии количества всех законов в пределах сотни) на рассмотрение проблем правореализации, когда в принятых шести с лишним тысячах федеральных законов обнаруживаются коллизии, противоречия, повторы, пробелы, неопределенности, задача видится не столько в увеличении количества актов, предписаний, а в обеспечении результативности их действия, выявлении причин бездействия, выработке предложений по повышению эффективности применения.

Эколого-правовые исследования как компоненты науки способствуют интеллектуализации общества, оптимизации сверхважных для него процессов правотворчества и правоприменения, серьезно влияющие на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения. Юридический цех экологии, как и экологический раздел юриспруденции, содействуют правовому воспитанию, созданию условий для развития системы экологического образования граждан, экологической культуры, формированию в обществе ответственного отношения к животным в соответствии с поправками к статье 114 Конституции Российской Федерации 2020 года.

Повышению качества эколого-правовых научных исследований способствуют разработка способов прямого действия права, соотношения положений законов и подзаконных нормативных правовых актов, мягкого и «категорического», императивного и диспозитивного, федерального и регионального права. О степени эффективности науки многие граждане судят не столько по выполненным ею научным обоснованиям, проектам актов, сколько по уровню экологического правопорядка, законности, по масштабам преступности в сфере природопользования.

Эколого-правовые исследования не полностью востребованы сегодняшним истеблишментом: бурное федеральное, региональное законотворчество не всегда прислушивается к рекомендациям науки, не использует должным образом результаты теоретических, эмпирических исследований, редко внедряет в правотворческую практику апробированные приемы законодательной техники, а в правоприменительную сферу способы повышения результативности природоохранного регулирования. Тенденция игнорирования научных разработок, а в ряде случаев пренебрежения ими, не является перспективной, не соответствуя вызовам современности, требованиям модернизации российской правовой системы, повышению эффективности законодательного регулирования основных общественных отношений, к которым относятся экологические общественные отношения, организация экологических научных исследований.

Порой присылаемые в научные учреждения, учебные заведения на экспертизу проекты нормативных, индивидуальных правовых актов носят характер спешной подготовки, предполагают короткие сроки, не позволяющие давать глубоко выверенные, всесторонне мотивированные оценки получаемых текстов, высказывать конструктивные профессиональные предложения об их улучшении, совершенствовании, внедрении в экологическую сферу.

На научных конференциях, которые не всегда посещают работники законодательных, исполнительных органов государственной власти, прокуратуры, судов (если они не стремятся обрести научные квалификационные степени), ученые, как правило, ведут дискуссии друг с другом, завершающиеся заранее подготовленными, но порой и творчески, в результате обсуждений, дополняемыми

рекомендациями: судьба отсылаемых в заинтересованные органы рекомендаций обычно не известна, но и участники заседаний, авторы рекомендаций, не всегда видят их реалистичность, не заботятся о механизмах внедрения, не интересуются их дальнейшим движением, не настаивают на рассмотрении, принятии по ним мотивированных решений с уведомлением о результатах.

Конкретные, конструктивные доклады ученых, преподавателей на парламентских, общественных слушаниях по актуальным вопросам могут приносить пользу лицам, занимающимся правотворческой, правореализационной деятельностью, педагогическим, научным сотрудникам. Для повышения престижа науки важно, чтобы научные рекомендации были новыми, осуществимыми, основанными на глубоких исследованиях. Порой заимствуются давние соображения о необходимости создания новых органов управления, провозглашаются задачи, целей без внедрения аппарата их исполнения, разделения или объединения функций экологического надзора, контроля, использования природных ресурсов. Не представляется достаточно обоснованными предложения о принятии новых законов либо о дополнении существующих, когда отсутствуют объективная статистика правоприменения, серьезный анализ, обобщение ее трудностей, причин недостаточной эффективности. Выбор актуальных, затребованных жизнью тем для научных исследований увеличивает их значение и признание авторов, проявляющих научную смелость, честность, принципиальность.

Авторитет, поддержка итогов эколого-правовых научных исследований зависят от их актуальности, новизны, практичности, уровня профессионализма, перспективности, востребованности обществом, отраслями народного хозяйства. Большинство характеристик научных исследований как элементов науки относятся и к эколого-правовым исследованиям, а их особенности сводятся к следующему: как и иные исследования в сфере охраны окружающей среды, они подвергаются правовому стимулированию через усиленное (в отличие от иных исследований) правовое регулирование, хотя и не слишком конкретное; эколого-правовые исследования представляют уникальный сплав естественно-научных и юридических знаний, требующий умелого высокопрофессионального знания, уважения и сочетания; эколого-правовые исследования предполагают возможности как экологического, так и правового воспитания, формирования представлений о законах объективных и законах рукотворных, о пределах действия норм права в отношениях общества и природы; в продолжении, расширении эколого-правовых научных исследований заинтересованы как экология, так и юриспруденция, все научное сообщество и различные слои населения.

Булатов Рашид Борисович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения

Мотивационный аспект в деятельности студентов и преподавателей как ключ решения проблем в системе образования

Юридическое образование является одним из самых востребованных в современной России. Ежегодно в университеты по всей стране поступает на направление «Юриспруденция» свыше 331,5 тысяч человек¹, что отражает лидерство юридической науки среди общественных наук. Такая популярность этого направления обучения порождает необходимость совершенствования учебного процесса, разработку новых методических рекомендаций и формирования мотивационных программ для научных сотрудников, осуществляющих подготовку студентов.

В статье 49 Конституции Российской Федерации² и положении Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»³ закреплено право граждан на получение высшего образования, а также определены его условия реализации. В упомянутый

¹ См.: Хайрутдинов Т. Как в России устроена система высшего образования. И сколько в стране студентов. URL: <https://journal.tinkoff.ru/statistic-universities/> (дата обращения: 26.05.2024).

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 года № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31, ст. 4398.

³ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

федеральный закон за 12 лет внесено свыше 150 поправок, которые направлены на совершенствование образовательного процесса и повышение качества образования, получаемого в Российской Федерации. Это говорит о том, что сфера образования является приоритетным направлением политики, проводимой в Российской Федерации. Действительно, подготовка новых специалистов, особенно юридического профиля, необходима для полноценного и стабильного функционирования нашего государства, а также для поддержания благоприятной правовой атмосферы в стране.

Существует несколько ключевых аспектов, которые отражают качество получаемого студентами образования:

1. Наполняемость образовательного курса;
2. Организация образовательного процесса;
3. Опыт и подготовленность педагогического состава университета;
4. Мотивационная составляющая для студентов и преподавателей.

Под наполняемостью образовательного курса следует понимать перечень дисциплин, преподаваемых на том или ином направлении, а также актуальность составленных программ по этим дисциплинам. На сегодняшний день во всех университетах Российской Федерации существуют требования по ежегодной актуализации программ дисциплин, что позволяет преподавателям использовать современные технологические инструменты и новейшие методики преподавания, закрепляя их документально в программах дисциплин, утверждаемых ученым советом факультета.

Говоря об организации образовательного процесса, необходимо отметить, что в каждом университете, в соответствии с их возможностями, формируются условия для обучающихся и преподавателей, однако они должны соответствовать требованиям действующего законодательства, в том числе Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹. Однако в некоторых вузах созданы более благоприятные условия (например, оборудованные современными технологиями аудитории, удобные системы дистанционного образования) для взаимодействия студентов с преподавателями во внеаудиторном формате. Ко всему прочему, важнейшим элементом организации образовательного процесса является работа деканата в лице руководителей и методистов, которые формируют расписание, отвечают за выдачу различных справок (например, справка об обучении), а также решают иные вопросы, которые облегчают жизнь преподавателей и студентов.

Следующим аспектом является опыт и подготовленность педагогического состава университета. На сегодняшний день это главная проблема в системе образования. Опытные педагоги, заслуженные деятели науки выходят на пенсию, а, к сожалению, подготовка молодых специалистов находится не на должном уровне. Недостаток опыта, практической подготовки, в некоторых случаях теоретической базы среди молодых преподавателей снижает качество образования и престиж образования в целом. Проблема подготовки новых научных работников существует уже давно. Сюда же следует отнести проблемы закрытия диссертационных советов; снижение мотивационной составляющей преподавателей и другие. Качество образования пропорционально уровню преподавательского состава университета, поэтому данный аспект является ключевым, а проблемы в этом направлении заслуживают особо внимания.

Мотивационная составляющая студентов и преподавателей — важнейший аспект, влияющий на кадровый потенциал университета и на количество студентов, которые в него поступают. Мотивация студентов состоит в том, чтобы получить престижное образование и найти высокооплачиваемую работу после университета. Для этого каждому вузу необходимо проделать титаническую работу в поддержании уровня качества образования, организации образовательного процесса и формировании сильного преподавательского коллектива, что сформирует престиж университета и позволяет выпускать высококвалифицированных специалистов, которые в будущем станут опорой российской правовой системы.

Мотивация преподавательского состава является ключом для решения таких проблем в системе образования, как привлечение молодых специалистов к занятию преподавательской (научной) деятельностью; формированию научных династий; эффективность работы действующих преподавателей, их научная и просветительская деятельность, дополнительная социальная и внеаудиторная работа и другие. Все это может повысить качество образования, зажечь огонь в сердцах молодых и поддержать его в сердцах уже действующих преподавателей.

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

Следует отметить, что мотивация преподавательского состава бывает материальной и нематериальной. К материальной относятся, например, премии, повышение заработной платы, финансовое стимулирование за различные направления деятельности, помимо преподавательской. Под нематериальной мотивацией понимаются, например, награждение почетной грамотой или благодарностью, представление к новой должности в административном аппарате вуза, командировка от университета.

Хотелось бы отметить, что во многих университетах в Российской Федерации существует система эффективного контракта. Она предполагает мотивацию научно-педагогического состава университета на педагогическую, научную и иную деятельность как сотрудника этого вуза¹. Чаще всего речь идет о балльно-рейтинговой системе, которая подразумевает начисление баллов за каждый пункт эффективности преподавателя, например: за публикацию статьи в журналах, индексируемых в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) начисляется 1 или 2 балла; за публикацию статьи в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации (ВАК РФ) начисляются баллы в зависимости от категории (квантиля) издания, за публикацию учебно-методического или учебного пособия, монографии и учебника также начисляются баллы в зависимости от количества печатных листов в научном труде. Ко всему прочему, оцениваются работа преподавателя с цифровыми образовательными инструментами (личный кабинет преподавателя, система дистанционного образования и т. д.), работа по актуализации программ преподаваемых дисциплин и др.

Два раза в год преподаватель заполняет отчет об эффективности (к сожалению, не во всех вузах), в котором указывает результаты своей деятельности за полугодие. После чего его баллы эффективности подсчитываются, и он получает соразмерную прибавку к зарплате. В разных университетах денежный эквивалент балловой системы высчитывается по-разному и в некоторых вузах реальный мотивационный характер подобных контрактов отсутствует, однако подобная система успешно функционирует во многих вузах страны, стимулируя преподавателей к активной научной и педагогической деятельности, отмечая их заслуги не только в нематериальной форме, но и подкрепляя финансовой поддержкой.

По нашему мнению, система эффективного контракта является инновационным подходом к формированию мотивационной стратегии привлечения к занятию научной деятельностью молодых специалистов, а также поощрения действующих научно-педагогических сотрудников. Эта система позволит повысить престиж и уровень образования в Российской Федерации, а также даст толчок всей науке в стране².

В связи с этим предлагается на законодательном уровне закрепить систему поощрения научных сотрудников, которая будет предполагать введение системы эффективных контрактов в университетах; разработать и утвердить единую систему балльно-рейтингового эквивалента материального стимулирования сотрудников; на федеральном уровне утвердить систему поощрения вузов с наиболее эффективными сотрудниками.

¹ См.: Сухов Э. В., Ганиева И. Н., Пуляева В. Н. Система управления эффективным контрактом вуза в условиях внедрения профессиональных стандартов // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 4 (104). С. 82–95; Воронина Л. И., Занина А. М. Эффективный контракт с профессорско-преподавательским составом в вузах России: вопросы доверия // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 года: в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. Т. 1. С. 198–203.

² См.: Эффективный контракт как инструмент устойчивого развития университета / М. А. Боровская [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 3. С. 100–111; Бедрачук И. А., Митина И. А. Эффективный контракт с преподавателем как инструмент повышения эффективности деятельности вуза // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1. С. 39–52.

Власенко Николай Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры теории права и государства
Юридического института Российского университета
дружбы народов

О кризисе современной правовой науки

О кризисе современной правовой надстройки, в том числе в юридической науке, выступающему уже приходилось отмечать¹. Многие авторы с этим согласились, другие (например, В. М. Баранов) — нет. Между тем Ю. А. Тихомиров в монографии выступает с категорическим заявлением: «Резко ослабла общая теория права, отраслевые юридические науки развиваются подчас хаотично и узкоситуационно». И далее: «...Поэтому назрела необходимость нового поворота российской правовой традиции и, соответственно, правопонимания, правосознания, правотворчества и правоприменения»². Одно из проявлений кризисных моментов в науке права видится в качестве исследований, их продуманности, выверенности с позиции философии, теории познания как мерила, если так можно выразиться, достаточности и истинности суждений. Изначальная проблема, которая беспокоит, — уровень, обоснованность и фундаментальность научных достижений. Прежде речь идет о качестве диссертаций, причем как кандидатских, так и докторских. Сформулированные положения, выносимые на защиту, часто неновы, недоказательны, технически не поданы и не отточены. Конечно, в последние годы после реформирования диссоветов, введения критериев «оригинальность», «степень заимствования», совершенствования номенклатуры научных специальностей и другого многие показатели улучшились.

Однако сказать, что данный кризис преодолен полностью, пока нельзя. В первом приближении видятся следующие тенденции, так или иначе не способствующие развитию юридической науки: *наполнение системы знаний необоснованными и бездоказательными идеями и конструкциями, удвоение терминологии, обоснование метафор и метафорических сравнений как научных категорий, а также так называемая философская вольность*, или попросту игнорирование принципов и требований научного познания, и, наконец, прямое или скрытое заимствование чужих идей и положений. Все это так или иначе приводит к появлению антинаучных тенденций и закономерностей.

Одной из тенденций антиинновационных «новаций» является появление *бездоказательных* или *слабо аргументированных* знаний. В большинстве случаев такие «знания» подкрепляются примерами и фактами, не обладающими *качеством* подтверждения тезиса или идеи; нередко они и подобраны тенденциозно. Принципы объективности научного познания требуют такого плана ложность и необоснованность опровергать. Известно, что само по себе опровержение есть логическая операция установления ложности или необоснованности выдвинутого тезиса посредством таких приемов, как опровержение фактами, антитезис, выявление несостоятельности демонстрацией³. Здесь заметим следующее. Юридическая наука по характеру и природе — социальная, и выдвигаемые положения в большинстве случаев требуют подкрепления аргументами, фактами. Некоторые авторы стремятся привести их как можно больше, полагая, что это придаст убедительность идее. Здесь на помощь приходит такой логический прием, как выявление несостоятельности идеи с помощью демонстрации. Этот способ показывает ошибки в системе доказывания. Речь идет о подборе аргументов, из которых истинность опровергаемого тезиса не вытекает. Известный специалист по формальной логике А. Д. Гетманова отмечает: «Обнаружив ошибки в ходе демонстрации, мы опровергаем ее ход, но не опровергаем сам тезис»⁴. Таким образом, тезис или идея в юридической науке могут и «жить», но без научного обоснования.

¹ См.: Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8; Власенко Н. А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника: Ежегодник. 2014. № 8; Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Москва, 2015. С. 35–37; Современное российское государство. Очерки. Москва, 2022. С. 20–34; и др.

² Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты. Москва, 2021. С. 12.

³ Подробнее: Гетманова А. Д. Учебник по логике. Москва, 1994. С. 185; с. 186–187.

⁴ Гетманова А. Д. Указ. Соч. С. 187; см. также: Ивин А. А. Современная логика. Москва, 2009. С. 173–175.

Приведем пример. Н. В. Путило поставила задачу поиска критериев социального государства и привела немало точек зрения по этой проблеме, сожалея, что ни одну позицию нельзя признать истинной, и предложила одиннадцать «формально-юридических критериев социального государства». Прежде всего, смущает подход: правомерно ли вообще ставить вопрос о юридических критериях социального государства? Иначе говоря, могут ли формулируемые государственно-юридические нормы быть критерием оценок этой силы? Дело в том, что социальных ориентиров и ценностей в формально-правовой основе государства может быть заложено немало. В модернизированной Конституции Российской Федерации 2020 года их стало еще больше. Но является ли это средством измерения социальности государства? Получается некая игра: государство, называя себя социальным пусть даже посредством обсуждения и голосования, прописывает это качество в собственных нормативных правовых документах, убеждая население в этом не сомневаться. Что-то напоминает сталинскую Конституцию СССР 1936 года, в которой с точки зрения логики и юридической техники все было выписано безукоризненно, но в жизни представляло собой фикцию. Да и формально-юридические критерии, предложенные Н. В. Путило, не убеждают, например, закрепление принципа социального государства в Конституции, отражение в Основном законе социальных прав, состояние социального законодательства и др. Нового подхода у автора не получилось¹. Здесь и срабатывает логика опровержения: продемонстрированные автором критерии не работают, не убеждают в том, что они есть реальные показатели социальности государства, факты не подтверждают идею.

Одна из вредных тенденций в современной теории права — *удвоение терминологии*, ибо это необоснованно засоряет терминологический арсенал науки. Нередко это связано с употреблением метафор, на что обращалось внимание в юридической науке². Например, совершенно несостоятельна попытка обоснования такой научной категории, как «правовое поле». Это не что иное, как метафора, и, анализируя доводы авторов, становится понятным, что речь идет о предмете правового регулирования. Таких примеров можно привести немало.

Более того, удвоение понятийного аппарата проникает и в сферу диссертационных исследований. Так, в 2017 году И. Б. Тарасевичем была защищена кандидатская диссертация «Адекватность языка закона». Возникает вопрос: что понимать под адекватностью языка закона? Теории юридической техники известны такие требования к законодательству, как ясность и точность его текста. В середине 90-х годов мною обосновывалась идея точности выражения формы права³. В чем же самостоятельность «категории адекватность языка закона»? Читаю автореферат. В самом начале раздела «Научная новизна» автор заявляет следующее: «Диссертация является первым теоретико-правовым исследованием, в котором проблема адекватности языка закона рассматривается как самостоятельная, не совпадающая с проблемой его качества»⁴. Трудно объяснить позицию автора. По его мысли, адекватность языка необходима, и это красная линия диссертационного исследования, но с качеством текста нормативного правового акта она, оказывается, никак не связана.

Обратим внимание на объект и предмет исследования. Здесь также много, мягко говоря, неясностей и вопросов. Под объектом исследования ученый видит «многообразие языковых форм и способов конструирования и выражения законов...». «Предметом исследования, — утверждает автор, — являются корреляции признаков адекватности языка закона с наиболее эффективными технико-юридическими, организационными и идеологическими средствами ее достижения, применяемыми в разных сферах действия права»⁵. В связи со сказанным отметим. Языковые формы (средства) выражения права были предметом многочисленных работ теоретиков права, достаточно вспомнить такие имена, как А. А. Ушаков, А. С. Пиголкин и др. Под предметом, как можно понять из приведенной цитаты, соискателю видится адекватное выражение мысли нормоустановителя, с помощью которого можно достигнуть максимального эффекта его действия. Мысль не нова — у нее многовековое прошлое.

¹ См.: Путило Н. В. Юридические критерии социального государства: новые подходы. Журнал российского права. 2016. № 10. С 15–25.

² См.: Власенко Н. А. Риск как правовое понятие и как метафора // Юридическая техника: Ежегодник. 2019. № 13. С. 136–141; Власенко Н. А., Баранов В. М. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–18.

³ См.: Власенко Н. А. Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 1997. 70 с.

⁴ Тарасевич И. Б. Адекватность языка закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. С. 9.

⁵ Там же. С. 6.

Словом, адекватность языка закона как самостоятельный термин не выдерживает критики. Термины «точность языка закона», «точность выражения формы права» давно и прочно вошли в юридическую науку и в дублире не нуждаются. Сама диссертация есть некая калька известных положений теории права.

О философских вольностях как «новациях» в современном правоведении. Философия утверждает, что категория — это «...предельно широкое понятие, в котором отображены наиболее общие существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира»¹. Иногда философы утверждают, что категория — предельно общее, фундаментальное понятие².

«Каждая наука, — констатирует Н. И. Кондаков, — имеет систему своих категорий»³. В правоведении такую попытку в 1976 году осуществил А. М. Васильев⁴. С тех пор прошло немало времени, и, несомненно, современная юридическая наука давно нуждается в аргументированном фундаментальном исследовании в этой области.

Если философию считать методологической основой, базой познания действительности социальными науками, в том числе юридической, то ученый, по крайней мере, должен придерживаться ее рекомендаций. Сказанное — вещь очевидная, но приходится об этом напоминать. В связи со сказанным правоведению необходимо решить следующие вопросы:

— насколько ученые-правоведы свободны, когда философские категории без всяких оговорок и осмотрительности называют правовыми? Нет сомнения, что речь идет о наполнении юридическим содержанием философских понятий. Однако легкость переодевания правовой материи в философские категориистораживает, например, вопрос о парности категорий «определенность» и «неопределенность» в философских и иных науках до сих пор не решен и практически никто из философов данные категории парными не называет. В юридической науке так называемая «философская нерешенность» часто игнорируется⁵;

— допустимо ли практически любое исследуемое явление и сформулированное понятие называть категорией? С. Ю. Суменков провел интересное и полезное изучение исключений в праве, при этом «правила и исключения» достаточно вольно охарактеризовал «как парные юридические категории»⁶.

Парность явлений в праве и «резкое» появление парных правовых категорий в настоящее время нужно отметить специально. Парность явлений замечена давно, пожалуй, со времен Платона. О присущей праву и праворегулированию парности отмечает А. Ф. Черданцев⁷. Уже упомянутый А. М. Васильев поставил проблему парных категорий в правоведении⁸. В. В. Нырклов провел специальное исследование по данной проблеме и сформулировал следующее определение: «Парные юридические категории есть такая логическая форма (особая пара понятий), которая имеет целью отразить в общей теории объективное единство и взаимодействие двух противоположных явлений, тенденций, свойств правовой жизни характеризуется специальным алгоритмом, основанным на логико-философских знаниях своего теоретического рассмотрения»⁹. В этой дефиниции смущает так называемая «правовая жизнь», по существу отрицающая парность. Если явления, выраженные в правоведении в форме категорий, имеют общую правовую природу, то вправе ли мы формулировать вопрос об их взаимоисключаемости, полярности и изолированности? Эти требования познавательной методологии в данном случае не выполнимы. Возможно, А. М. Васильева именно это останавливало, и он лишь поставил проблему парных категорий в праве.

Сомнение в существовании парных категорий в праве я выражал и ранее¹⁰, но сейчас все больше убеждаюсь в своей правоте. На мой взгляд, происходит подмена понятий: парность, существующая

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Москва, 1976. С. 240.

² См.: Философский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. Москва, 1983. С. 251.

³ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Москва, 1976. С. 241.

⁴ См.: Васильев А. М. Правовые категории. Москва, 1976. В сфере правовой политики интерес представляет книга А. С. Автономова. Правовая онтология политики. К построению системы категорий. Москва, 1999.

⁵ См.: например, название научной конференции «Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики» говорит само за себя. См.: материалы XII международной научно-практической конференции 17–21 апреля 2017 года. Москва, 2018.

⁶ См.: Суменков С. Ю. Исключения в праве. Москва, 2016. С. 84–101.

⁷ См.: Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. Москва, 2012. С. 272.

⁸ См.: Васильев А. М. Правовые категории. С. 238–262.

⁹ Нырклов В. В. Парные юридические категории: логико-философские основания и перспективы разработки // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 193–194.

¹⁰ Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности. Москва, 2015. С. 18.

в праве, часто подменяется сопоставлением юридических категорий. В юридической науке за *парные правовые категории* часто *выдают явление парности*. Парных правовых категорий в правоведении нет и быть не может — однородность и определенность такого явления как право это исключают.

Д. Е. Петров дифференциацию и интеграцию юридических норм называет парными категориями¹. Тенденции дифференциации и интеграции есть общее свойство материи, в том числе социальных правил и их разновидностей — юридических, и с этих позиций собственными категориями права рассматриваться не могут. Это — подмена понятий.

О роли *метафор* в юридической науке, их методологической опасности. Подчеркну, с одной стороны, метафоры в правовой науке есть средство наглядности и образности; с другой — представляют собой опасность в случае их понимания как истины. Однако неверным будет полагать, что «метафорические» диссертации в юридической науке не нужны. Совершенно нет. Интересным в этом плане является исследование А. А. Васильевой «Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств»², где речь идет о погружении части территории под воду. Здесь метафора «исчезновение территории» по существу выполняет функцию юридической категории. Аналогичное можно сказать об устоявшемся метафорическом высказывании «автоматические санкции»³. Эти примеры можно продолжить. Однако можно сказать о том, что попытка обосновать метафоры как правовые категории продолжается, иногда и с привлечением оценочных понятий. Например, А. В. Одинокова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Повышенная юридическая ответственность специального субъекта» (Н. Новгород, 2020). Однако в теории права с давних времен для решения проблемы справедливости юридической ответственности используется такое понятие, как «соразмерность»⁴.

Далее следует сказать о *заимствованиях*. В 80-е годы XX века я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Коллизионные нормы в советском праве» (Свердловск, 1982). Будучи аспирантом, работал страстно, много, тщательно. Спустя какое-то время в свет вышло энциклопедическое юридическое издание, в которое были включены понятия «коллизия норм», «коллизионная норма» и др. Дефиниции к этим понятиям практически заимствованы из моей работы. Рассмотрены были и виды коллизий, причем в той же последовательности, в какой они были изложены в диссертации. Тогда я не то чтобы расстроился, а скорее загордился. «Ну вот, — подумал я, — и мой, пусть крохотный, но вклад в науку». Подчеркну, изложенные в автореферате положения были полностью отражены в популярном издании как устоявшиеся в науке, но без ссылки на источник заимствования, а это главное в научной деятельности.

Спустя какое-то время, будучи уже доцентом и достаточно опытным исследователем, в журнале «Советское государство и право» я опубликовал статью «Личность и социалистическое правовое государство: принципы взаимоотношений» (1990, № 12). Эту статью и сейчас нередко упоминают в ссылках те или иные авторы. Позднее в этом же журнале появился обзор выступлений на научном форуме. Один из молодых авторов, сын известного профессора, в своем докладе воспроизвел достаточно объемные куски из моей статьи. Я возмутился и направил в журнал письмо, где указал, что взято и в каком объеме. Журнал, в то время центр сосредоточения научной юридической мысли, отмолчался. Я получил лишь письмо с извинениями от аспиранта, составившего этот обзор, где указывалось, что материал подготовлен на основе информации, которую ей представили выступающие на форуме. Теперь, спустя много лет, меня волнует не то, что тревожило в молодости: как можно просто воспользоваться чужим трудом? Сейчас думаю о другом: об отношении редакции к факту плагиата: никто не позвонил, не извинился.

Как бы мы не сетовали на наше настоящее, сейчас в полной мере такое представить трудно. Всецело заработал институт ретрагирования. Статьи автора, уличенного в серьезных заимствованиях, как правило, больше не публикуются. В любом случае лояльное отношение к плагиату во многом и порождает практику списывания.

¹ См.: Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Саратов, 2015. С. 99.

² См.: Васильева А. А. Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.

³ См.: Васильев П. В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014.

⁴ См. подробнее: Бажанов А. А. Соразмерность как принцип права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.

В теории права время от времени появляются новые положения. В начале они нередко активно подхватываются и разрабатываются представителями отраслевых наук. Наступает момент, и теоретическая идея, что называется, пошла в жизнь, то есть она наполняется отраслевым содержанием. Конечно, бывает и другой путь развития идей, противоположный: отраслевики предлагают, теория права обобщает. Например, такое случилось с категорией «правовые позиции», первоначально прозвучавшей в науке конституционного права (Н. В. Витрук и др.). В чем здесь проблема? И о чем приходится сожалеть? Скажем, автор издает книгу, защищает диссертацию и т. д. Однако качество трансформации идей теории права иногда настолько слабое, а иногда просто халтурное, но важно то, что такое «произведение» фактически ставит преграду последующим исследованиям. Нередко приходится слышать о том, что тот или иной молодой ученый взялся бы за ту или иную проблему как диссертационную, но по проблематике уже защищена диссертация (хотя уровень ее крайне слабый), и это, что называется, отпугивает. В результате творческая отраслевая апробация теоретических новелл затягивается на многие и многие годы. Обратимся к свежему примеру.

Без печального, где-то горького юмора нельзя читать работу М. В. Сидоренко, которая решила на докторском уровне обогатить проблематику определенности и неопределенности в праве посредством уголовно-процессуальной материи¹. Обратимся к автореферату. В пункте 1 положений, выносимых на защиту, автор заявляет, что под принципом правовой определенности следует понимать «...самостоятельную, фундаментальную, общеправовую идею мировоззренческого характера»², между тем в юридической науке правовая определенность с позиций общетеоретического понимания охарактеризована уже достаточно давно как многостороннее явление, причем с позиций разных методологических подходов³. Более того, в 2018 году в двух томах издан сборник материалов международной научно-практической конференции, где опубликована статья Л. А. Морозовой «Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип», в которой дана такого плана характеристика правовому феномену⁴. Об этом сборнике уже шла речь. Можно идти еще дальше. В книге И. С. Дикарева «Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе» изложены характеристики правовой определенности: это и «общепризнанный принцип международного права», и «элемент обеспечения стабильности правоприменительных решений», и «состояние (режим) в обществе»⁵. Итак, встает вопрос: что защищает автор в данном пункте, если правовая определенность как правовой принцип охарактеризован в общетеоретической и специальной, подчеркнем, уголовно-процессуальной литературе?

Скажу также следующее. Не так давно, желая детально проанализировать, насколько за последние десятилетия продвинулась теория коллизионного права, я сделал подборку авторефератов кандидатских диссертаций по проблеме коллизий юридических норм. Их свыше двадцати. Часть авторефератов представляют исследования проблемы в отраслевых науках. Вот лишь несколько примеров, когда в течение десятилетий защищаются одни и те же положения, давно сформулированные в науке.

В кандидатской диссертации, а затем в монографии я исследовал понятие коллизии норм права и пришел к достаточно простому выводу, что это отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического обстоятельства⁶. В существующей на тот момент литературе коллизию норм определяли как противоречие. Я постарался обосновать, что противоречивость норм — это случаи взаимоисключения норм и того, что ими предписано, различие же, ситуации несовпадения положений есть, например, в санкциях.

¹ См.: Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019.

² Там же. С. 16.

³ См., например: Власенко Н. А. Неопределенность в праве: понятие и пути исследования // Российское правосудие. 2006. № 7; Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.

⁴ См.: Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции 17–21 апреля 2017 года: в 2 т. Москва, 2018.

⁵ Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград. 2015. С. 4–5; и др.

⁶ См.: Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 3, 5; Его же. Коллизионные нормы в советском праве (переиздание): монография. Москва, 2018. С. 23.

Хорошо помню, что В. В. Лазарев, будучи оппонентом на защите кандидатской диссертации, сказал, что различие — это тоже противоречие. По большому счету, он прав, однако предложенная мною исследовательская деталь дает возможность более всесторонне охарактеризовать явление, в том числе в практической ситуации. И вот лишь некоторые положения из отдельных авторефератов. Так, О. Н. Халак пишет: «Юридические коллизии в правовом регулировании статуса гражданина России — это различия или противоречия между правовыми предписаниями...»¹. В. Г. Карташов отмечает следующее: «Коллизии в правотворчестве (в муниципальных правовых актах — это несогласованность (противоречие или различие) правовых норм»². Думаю, поиск в этом направлении можно продолжить.

Другой момент и тоже из коллизионного права. О причинах противоречий норм писали еще задолго до моего исследования. Единственное, что я сделал, так это разделил их на объективные и субъективные, обосновывая различия³. Между тем А. И. Юдин в числе новых положений указывает: «Многообразие причин возникновения юридических коллизий следует дифференцировать на объективные и субъективные...»⁴. Пожалуй, дальше всех ушел В. В. Денисенко, отмечая, что «...научная новизна диссертации заключается в том, что соискателем проведено первое (обратите внимание. — Н. В.) в общей теории права системное монографическое теоретическое исследование проблем преодоления и устранения коллизий правовых актов в современной отечественной системе законодательства»⁵. Но какое же это первое монографическое исследование проблем преодоления и устранения коллизий правовых норм? А как же труды В. Н. Кудрявцева, А. А. Тилле, Л. А. Лунца, А. Ф. Черданцева и др.? Побоясь быть нескромным, но в моей монографии 1984 года есть раздел «Способы устранения и преодоления коллизий в праве»⁶. Остается только разводить руками.

Примеры тиражирования одного и того же, да еще поощряемые присуждением ученых степеней, можно продолжить. Приходится глубоко сожалеть об этом и надеяться на то, что когда-то волна поверхностных работ схлынет, и все встанет на свои места.

Время от времени приходится сталкиваться с вопиющими фактами заимствования и интеллектуального воровства. Можно много спорить о качестве методических и дидактических материалов, в том числе о заимствовании идей, структур, их удачном или менее удачном наполнении, роли и личном вкладе того или иного ученого в развитие мысли. Однако все это меркнет, когда берешь в руки книгу, да которая еще подготовлена вузовским преподавателем, имеющим ученую степень кандидата юридических наук, а подготовлена как компиляция. К такого рода изданиям относится произведение А. С. Григорьева «Юридическая техника»⁷. Десятки страниц заимствованы у других авторов, а между тем сам материал изложен во многом безграмотно, с повторами. Специалисты решили не оставлять сей факт: на основе экспертизы была подготовлена подробная рецензия⁸. К сожалению, ни автор скандальной книжки, ни рецензенты, ни заведующий кафедрой, ни руководство университета, в котором работает автор, никак не среагировали на такое событие.

Больше всего в деле плагиата тревожит молодежь, которая откровенно списывает чужие тексты, а старшее поколение этого не замечает либо «не хочет» замечать. Все это потворствует развитию института плагиата, воспитывает у молодежи возможность достичь цели без труда. Например, У. М. Умаев в 2022 году опубликовал статью в сборнике «Актуальные научные исследования в современном мире». Название статьи «Право на инсоляцию в системе прав личности (природа

¹ Халак О. Н. Юридические коллизии в правовом регулировании статуса бездомных после освобождения из мест лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2012. С. 9.

² Карташов В. Г. Правовой механизм разрешения коллизий в сфере муниципального самоуправления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 10; см. также: Буяков А. Ю. Юридические коллизии и способы их разрешения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 1999. С. 7.

³ См.: Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве: монография. Иркутск, 1984. С. 23–24.

⁴ Юдин А. И. Юридические коллизии и механизм их разрешения: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2014. С. 7.

⁵ Денисенко В. В. Коллизии правовых актов и механизм их разрешения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2004. С. 8.

⁶ Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве: монография. Иркутск, 1984. С. 29–35.

⁷ См.: Григорьев А. С. Юридическая техника. Москва: Юрайт. 2020. 183 с.

⁸ См.: Баранов В. М., Власенко Н. А., Давыдова М. Л. Осторожно — плагиат! Рецензия на учебное пособие А. С. Григорьева «Юридическая техника». Москва: Юрайт. 2020. 183 с. Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД. 2021. № 3. С. 151–155.

и содержание)» (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50008265>). Дело в том, что вышеупомянутая публикация является полным копированием текста диссертации и некоторых научных статей старшего преподавателя РУДН, кандидата юридических наук П. Н. Андреевой, которая правом личности на инсоляцию занималась более десяти лет, опубликовала множество научных работ на данную тему¹. У. М. Умаев не цитирует и не ссылается на работы П. Н. Андреевой. Это означает, что данная публикация — откровенное воровство.

Надо отдать должное издателям сборника: после того, как был обнаружен данный факт, статью тут же ретрагировали.

В докладе я пытаюсь обратить внимание, прежде всего, на недопустимость недобросовестности и торопливости в научных изысканиях. Причем существование придуманных псевдоюридических терминов, пылкое и нередко страстное обоснование «единственно верного» методологического подхода, способного разрешить все проблемы в теории государства и права, подаются как «новый подход», «актуальная идея», «способ современного решения проблемы» и т. д. Вдобавок иногда как-то агрессивно, скажем, неакадемическими средствами. Выше я постарался показать излишнее, где-то самонадеянное обоснование тех или иных «пробивных» методологий, однако это уровень в основном кандидатских диссертаций и, следовательно, молодых ученых, которым по призванию что-то нужно доказать, и это как-то понятно, хотя науки предполагают точность и корректность мышления, между тем этим дело засорения понятийного аппарата не заканчивается. Болезнь лженаучных обоснований в современное теории права гораздо серьезнее, объемнее. И здесь еще одна немаловажная деталь — это вовлечение молодых авторов в так называемую «хоровую песню», ибо они полагают: чем больше голов, простите за некорректное выражение, тем «аргументированней» сомнительная идея или конструкция. Но здесь появился просвет, и это крайне важно для очищения современной юридической науки. Пока в теории права при первом приближении видятся два фундаментальных примера так называемого самоочищения. Первый — это статья, к сожалению, ушедшего от нас А. Ф. Черданцева «Интегративное недопонимание права»². Не менее фундаментальной в части критики, отповеди, авторской харизмы и опять же иронии является книга В. М. Баранова «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника»³. Автор аргументировано и корректно развенчал тлеющее в теории права. Речь идет, по существу, о метафорах, которые энтузиасты тащили на пьедестал высокой науки: «позитивная юридическая ответственность», «поощрительные санкции» и пресловутая «правовая жизнь». Эта книга похоронила метафоры, которым не суждено было пробиться в юридическую науку.

Работы А. Ф. Черданцева и В. М. Баранова специфические, это специфика — в достижении здравого смысла. По большому счету они не являются исследовательскими новеллами, но такой цели авторы, как очевидно, и не ставили. Но в плане наведения порядка и чистоты в доме теории права им цены нет.

Горшенков Геннадий Николаевич,
 доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного права и процесса
 Нижегородского государственного университета
 имени Н. И. Лобачевского

Ретроспективный туризм в гущу уголовно-правовых событий, связанных с рождением криминологии и уголовной политики

Идея научного туризма, навеянная профессором А. В. Малько, резонирует с методологическим принципом *преемственности*. Данный принцип активизирует развитие криминологического мышления с учетом тех исторических условий (начиная с середины XVIII века), в которых юридическое учение о преступлении столкнулось с необычным осязаемым воздействием нового, «инакомыслящего» взгляда на исследуемый предмет. Новизна заключалась в том, что исследовательская

¹ См., например: Андреева П. Н. Право личности на инсоляцию. Москва, 2019.

² См.: Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 1.

³ См.: Баранов В. М. Позитивная юридическая ответственность: спорный концепт, мнимая критика, виртуальная техника. Москва, 2021.

мысль обращалась не столько к знаниям, *падающим с небес* (что характерно для рационалистического познания), сколько к знаниям, *бьющим из земли* (по выражению родоначальника эмпиризма Ф. Бэкона). И в этом позитивистском обращении получили развитие два научных направления — криминологическое и уголовно-политическое.

Изначально *политическая сущность* уголовно-правовых наук была заложена и по сущности *криминологически* (в современном понимании) *обоснована* Ч. Беккария в его бессмертном трактате «О преступлениях и наказаниях». Так, в отличие от средневекового, уголовно-правового возвышения репрессивности наказания Беккария находил современную политическую стратегию в ее гуманистической направленности. Ученый не допускал, чтобы «в политическом организме, призванном действовать, не поддаваясь влиянию страстей, и умиротворять страсти индивидов», могла «найти приют бесполезная жестокость, орудие злобы и фанатизма»¹. При этом жестокость наказания Беккария, хотя и находил не противоречащей цели предупреждения преступлений, однако считал ее практически бесполезной. Более того, представлялось очевидным, что несовершенное законодательство, его неверное понимание и применение порождали обратный эффект — преступления².

Беккария считал усовершенствование воспитания самым верным, хотя и самым трудным средством предупреждения преступлений, в котором формируются нравственные корни социального поведения, устойчивого к различным негативным, в том числе и особенно к криминальным, воздействиям.

И в этом отношении показателен такой «преемственный» факт, как утверждение основ современной отечественной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации³.

В целом произведение Ч. Беккария воспринимается как свод основополагающих *криминологических* положений, сходящихся в итоге в фокусе политического осмысления противодействия преступности. Можно сказать, что Ч. Беккария открыл политический аспект криминологического обоснования будущих уголовно-правовых наук.

Идеи Ч. Беккария получили развитие в трудах германского юриста, одного из основателей социологического направления в уголовном праве и криминологии Ф. Листа. Ученый считал криминологические знания чрезвычайно необходимыми для уголовной политики; он подчеркивал важность исследования причин преступлений, которые нередко кроются не столько в нравственном разложении преступника, сколько в несовершенствах общества.

Ф. Лист и его сторонники отстаивали категорическое убеждение в том, что криминалист — профессор ли уголовного права, судебный следователь, полицейский — не должен ограничиваться *чисто* юридическим образованием, ибо именно в нем видится «глубочайшее основание многих недостатков и несовершенств в деле борьбы с преступностью»⁴. При этом от криминалистов не требуется проведения самостоятельных прикладных исследований, но надлежит освоение в равной мере также знаний уголовной биологии и уголовной социологии, как и — постановлений уголовных законов и решений кассационного суда, заключал Ф. Лист⁵.

В связи с таким новым направлением юридического учения о преступлении возник вопрос: как совместить уголовное право, уголовную политику и криминологию? Главной проблемой выступало спорное определение соотношения юридического и неюридического в учении о преступлении.

Выдающийся российский ученый С. К. Гогель критически оценивал науку уголовного права за ее чисто рационалистический дедуктивный метод, указывал на ее «несостоятельность для освещения существующей преступности, ее причин, конечно, и мер борьбы с преступностью»⁶. И ученый обращался к новой науке, которая никак не могла быть прикладной наукой к указанной догме,

¹ См.: Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва: Фирма Стелс, 1995. С. 105.

² Там же. С. 87.

³ Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинский. Москва: Инфра-М, 2004. С. 15.

⁵ См. там же.

⁶ Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. Санкт-Петербург, 1910. С. 2.

от которой новой науке нечего было заимствовать, поскольку ее задача заключалась в другом — исследовании реальной преступности и ее причинности.

Под новой наукой ученый подразумевал именно двуединую криминологическую науку. В *первой* ее части (криминологии) предмет изучения составляли преступность и ее причины, факторы, во *второй* — репрессивные и превентивные меры борьбы с преступностью. При этом С. К. Гогель рассматривал *уголовную политику как прикладную науку по отношению к основной науке криминологии*¹.

Давая общую характеристику факторам преступности, Гогель обращал внимание на то, что научные знания и в целом учения о данных факторах основываются отнюдь *не на умозрительных, а на позитивных теориях*. Несомненным признавалось первостепенное значение криминологического изучения социальных факторов, которые играют наибольшую роль в причинности преступности. Тем более, подчеркивал ученый, новой наукой (криминологией) уже в то время было установлено, что преступность представляет собой *«не кучу случайностей», а социальное явление*, которое «наступает, растет или убывает не внезапно, а постепенно, как последствие других явлений»². Следовательно, репрессивные меры, причем, направленные на индивидуальные преступления, здесь бессильны. Необходимо обращать усилия на *предупреждение преступлений*, в чем С. К. Гогель находил *«общий руководящий принцип»* борьбы с преступностью³.

И хотя догма уголовного права «держалась» практически недоступной для проникновения в нее криминологическо-политических идей, эти идеи со временем получают заметное развитие вне юридической сферы; в частности, криминология обретает «прочный и все более и более разрастающийся базис»⁴, в котором находит прочную основу уголовная политика. Следует сказать, что криминологическо-политические идеи, опирающиеся на полученные опытные знания, особенно уголовного правосудия, инициируют более чем существенную переработку уголовного законодательства в соответствии с новыми гуманистическими идеями. Например, в ряде европейских государств были введены ограничения на применение пыток, смертной казни и телесных наказаний, провозглашено равенство наказаний и др.

Переосмысление и соответствующее реформирование уголовного законодательства вело и к неизбежному изменению науки уголовного права. Криминологическо-политическая мысль стала заметно приобретать уголовно-догматический характер⁵.

В свою очередь, наука уголовного права сегодня призвана опираться на материалы прикладных (криминологических) исследований уголовно-правовых норм, оценивая их эффективность. Изучение правоприменительной практики открывает возможность реализации одной из важнейших задач уголовно-правовой науки, а именно разработки направлений, методов и средств совершенствования уголовного законодательства, *исходя из конкретной криминологическо-политической ситуации*⁶. Это — *с одной стороны. С другой* — «уголовно-правовая наука помогает оптимизировать качество уголовной политики, взвешенность законодательных решений»⁷.

Таким образом инициированная в середине XIX века догмой уголовного права «протестная» позитивистская мысль, призывающая науку спуститься с умозрительных небес на землю и всмотреться в тех, кто совершает преступление, взвешивая, почему это происходит и как предупреждать преступление, если репрессия не помогает избавиться от этого зла, сегодня не только преодолела догматическое непонимание, но и начинает признавать криминологическо-политические преимущества.

Определяя понятие современной уголовной политики, авторы учебника по уголовному управлению (МГУ) подчеркивают: *«Уголовная политика — это выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, принципы, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного законодательства, практики его применения»*

¹ Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. Санкт-Петербург, 1910. С. 3.

² Там же. С. 161.

³ Там же.

⁴ Чубинский М. П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / сост. В. С. Овчинский, А. В. Федорова. Москва: ИНФРА-М, 2008. С. 373.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург: Университет, 2016. С. 32.

⁷ Современное уголовное право и криминология: сборник научных статей / отв. ред. А. Э. Жалинский. Москва, 2007. С. 8.

(выделено нами. — Г. Г.), а также воздействия на правовую культуру и правовое сознание населения. Иначе говоря, уголовная политика... определяет стратегию и тактику борьбы с преступностью мерами уголовного права»¹. Разумеется, основываясь при этом на криминологических наблюдениях, объяснениях, оценках и прогнозах.

Акцентируя внимание на этом последнем утверждении, подчеркнем его *доказательность* и *важность* методологическим положением о том, что теоретическая мысль, пусть даже самая безупречная, однако не способна проникнуть в закономерности мира и поэтому «должна постоянно получать стимулы, толчки, факты из окружающей действительности посредством наблюдений, эксперимента, то есть эмпирического познания»². Когда же работа ума, как утверждал В. И. Вернадский, лишается этих стимулов, она «переходит в дальнейшем к бесплодной схоластике»³.

Таким образом, метафоричный туризм в историческую эпоху зарождения и развития новых направлений юридического учения о преступлении инициирует идею о роли и значении криминологии и уголовной (точнее сказать, теперь уже в целом противопреступной) политики в современной семье уголовно-правовых наук (именуемой научной специальностью 5.1.4). В одном из вариантов паспорта названной научной специальности криминологии делегирована, по сути, политическая функция — *стратегия применения специальных средств* или мер (уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных, уголовно-исполнительных, криминологических) в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений⁴.

В краткой формулировке «стратегия применения специальных мер» заключено широкое понимание. Специальные меры, или «правовые средства», определяемые, например, профессором А. В. Малько как «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»⁵. В нашем случае такими средствами являются правовые нормы и институты, содержащиеся в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, оперативно-розыскном и других отраслях законодательства, которые применяются прежде всего правоохранительными органами в противодействии преступности.

Но было бы крайним упрощением понимать таковые меры как элементарный набор средств. В таком случае к чему должно сводиться их криминологическое изучение? Дело в том, что каждая (отраслевая) группа этих мер представляет собой *подсистему* элементов *системы* государственного (а именно *специального*, то есть правоохранительного) принуждения. Например, предусмотренные уголовным законом меры уголовного наказания переходят в другое состояние, как бы «оживают» в процедурной сфере уголовного судопроизводства, а затем окончательно раскрывают свой предупредительный потенциал в уголовно-исполнительной сфере, подчиняясь *политическому велению* предупреждения (исправления, предупреждения, восстановления социальной справедливости).

По мере необходимости принудительное воздействие продолжается в форме *постпенитенциарного контроля*, то есть системы мер временного надзора, который осуществляют органы внутренних дел, за поведением определенной категории лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в целях частной и общей превенции преступлений⁶. В этих целях ведущая роль отводится пробации — специальной предупредительной деятельности, осуществляемой с осужденными, лицами, которым назначены уголовно-правовые меры, не связанные с лишением свободы, освобожденными из учреждений, исполняющих наказание⁷.

«Политическое веление» надо понимать как предусмотренную соответствующими отраслями уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, оперативно-розыскной науки

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. Москва: Статут, 2012. С. 34.

² Спиркин А. Г. Философия: учебник. 2-е изд. Москва: Гардарики, 2006. С. 444.

³ Там же.

⁴ Область науки. URL: <https://skspba.ru/wp-content/uploads/2021/09/Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки.pdf> (дата обращения: 08.06.2024).

⁵ Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 69.

⁶ Постпенитенциарный контроль. URL: <https://yandex.ru/search/?txt=постпенитенциарный+контроль&lr=20609&clid=2630713-16&win=537> (дата обращения: 19.08.2023).

⁷ О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html> (дата обращения: 04.03.2024).

политику противодействия преступности. Однако такое «веление», или приказание, требование само по себе не реализуется. Нужны усилия субъектов противодействия преступности, специалистов в области научной, законодательной, правоохранительной деятельности.

И одним из средств интеграции этих усилий рассматривается овладение заинтересованными субъектами криминологическим мышлением. Идея эта не нова, вспомним прозорливого Ф. Листа, который писал о необходимости владеть, по сути, такого рода мышлением.

Сущность криминологического мышления вытекает из криминологической целесообразности, то есть соответствия управленческих оценок, решений, действий в отношении преступности и их результатов криминологическим целям, органически связанным с политическими целями.

На основе криминологического мышления (профессионального единодушия) возможна системная интеграция, или *процесс объединения нескольких систем и компонентов в единую, целостную систему, которая работает для достижения общей цели*. Например, в качестве такого системного интегратора в практической сфере представляется возможным рассматривать своего рода *координационную структуру* органа управления исполнительной власти, правоохранительной деятельности и т. п.

Таким образом, рожденная в прошлом жизненно важная идея интеграции усилий уголовно-правовых наук и практик, сегодня остается не только по-прежнему актуальной, но и рассматривается как основополагающая идея в политике противодействия преступности.

Грязнова Татьяна Евгеньевна,
 доктор юридических наук, доцент,
 заслуженный работник высшей школы
 Российской Федерации,
 начальник кафедры теории и истории права
 и государства Омской академии МВД России

Состояние и стратегические задачи отечественной юридической науки: взгляд российских правоведов рубежа XIX — XX века

Доктринальная юриспруденция Российской империи конца XIX — начала XX века для современной юридической науки представляет интерес во многих отношениях. Именно в этот период благодаря влиянию исторической школы права и материализма, а также достижениям целого ряда гуманитарных наук (в первую очередь социологии, биологии и психологии) происходит преодоление правового этатизма, достаточно длительное время определявшего направленность развития юридического знания. В это же время отечественными правоведами остро осознается необходимость перехода отечественной юридической науки от накопления теоретических знаний и решения прикладных задач к профессиональному юридическому мышлению.

Так, С. А. Муромцев неоднократно подчеркивал, что «научное самосознание отстает от действительного состояния науки, задерживая ее поступательное движение»¹. Б. А. Кистяковский выразительно характеризовал состояние современной ему юриспруденции в качестве «методологического бездорожья»², обусловленного как накоплением в социально-гуманитарном знании огромной массы неотрефлексированных научных данных, так и идейным хаосом предшествующих десятилетий.

Поэтому не удивительно, что помимо проблематики, связанной с исследованием феноменов государства и права, отечественные правоведы конца XIX века, безотносительно к разделяющим их методологическим парадигмам и типам правопонимания, начинают активно рефлексировать по поводу предмета, методов, структуры и социального назначения юридической науки. В зависимости от избранного ракурса на предмет юриспруденции — норм, идей, правоотношений, эмоций или их совокупности — правоведами определялся круг методов, посредством которых следует изучать правовые явления. Объединяло всех российских ученых признание нормативного характера позитивного права, соответственно, значимости формально-догматического метода его изучения.

Поиск универсальной методологической парадигмы не увенчался успехом, что вполне объяснимо, учитывая многообразие представлений о праве, однако важным его результатом стало

¹ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права (часть первая) // Муромцев С. А. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. Москва, 2015. С. 27.

² Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва, 1916. С. 664.

формирование науки общей теории права. Обосновывая значение новой науки, Н. М. Коркунов пишет: именно «общая теория права есть... краеугольный камень системы правоведения; она связывает отдельные дисциплины и их содержание в одно целое»¹.

Предусматриваемый общей теорией права формат исследований («наука для науки», по выражению С. А. Муромцева) никоим образом не умалял их практической ценности. «Практика... только выиграла от такого рода изменения»², — писал С. А. Муромцев. «Эмансипировавшись... из-под непосредственного давления жизни, наука, по своим результатам, не только продолжала существовать для нее, но умножила свое служебное значение»³, — констатировал он.

Поворот юридической науки в сторону общетеоретических исследований требовал существенного пересмотра парадигмы юридического образования, сориентированного на удовлетворение государственных потребностей в практикующих юристах, в разы увеличившейся после судебной реформы 1864 года. Несмотря на несомненную либерализацию юридического образования, предусмотренную университетскими уставами 1835 и 1863 годов (в части расширения спектра преподаваемых дисциплин, в том числе историко-правового и общетеоретического профиля), заложенная в начале XIX века методика подготовки отечественных правоведов не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений. Львиная доля учебного времени отводилась практическим занятиям — составлению документов, решению юридических казусов и толкованию норм права. Л. И. Петражицкий с горечью отмечал, что вместо восполнения «вопиющих пробелов» в сфере государственных наук, мы «измышляем разные возможные и невозможные специальные практические занятия, чтобы чем-то заполнить время и занять студентов-юристов»⁴.

Не удивительно, что отечественная профессура выступала с резкой критикой университетской системы образования, считая необходимым изменение пропорции практического и теоретического обучения в сторону расширения последнего. Помимо существенного увеличения доли лекционных занятий, отечественные правоведы выступали за распределение учебного времени с учетом профиля юридических наук, внедрение в образовательный процесс достижений из иных областей социально-гуманитарного знания (в первую очередь философии, психологии, социологии, экономики и политики), расширение перечня теоретико- и историко-правовых наук, введение письменных работ, направленных на развитие теоретико-правового мышления обучающихся.

Так, исходя из специфики предметов и назначения юридических наук, Н. М. Коркунов обосновывал необходимость их разграничения на две неразрывно взаимосвязанные категории — науки прикладные и науки фундаментальные. «Наука положительного права есть... наука прикладная, развивающаяся в силу потребностей практического изучения права... Но всякая практика предполагает... теорию... Практика ставит нам вопросы, теория дает общие начала, как основу их разрешения»⁵, — писал автор. «Только существование теоретического изучения, на ряду с практическим, создает для правоведения возможность непрерывного, преемственного развития»⁶, — констатировал он.

К числу фундаментальных теоретических юридических наук ученые относили общую теорию права, историю права и историю учений о праве. Поясняя значение общей теории права, Н. М. Коркунов писал: «Если ... мы определим задачу научного правоведения, как выяснение действия права вообще ... то этим мы достигнем полного соответствия чистой науки и науки прикладной. Практическое правоведение имеет своей задачей изучение действия той или другой национальной системы права, теоретическое — действие права вообще»⁷.

Знание истории права, согласно российским правоведам (отметим, что самостоятельные кафедры истории русского права были предусмотрены на юридических факультетах, начиная с Устава 1863 г.), является залогом уяснения закономерностей формирования современных правовых систем, без чего немыслимо их научное познание и определение перспектив развития. «Только при помощи истории права выясняются вполне те юридические принципы, которые имеют такое

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. Санкт-Петербург, 2003. С. 49.

² Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступит. ст., коммент. Ю. И. Гревцова. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2004. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ Петражицкий Л. И. Университет и наука. Санкт-Петербург, 1907. Т. 1. С. 49, 52.

⁵ Коркунов Н. М. Энциклопедия права. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1882 году. Санкт-Петербург, 1883. С. 22–23.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 28.

важное значение для догматики и которые представляют собой чаще всего историческую тенденцию данного права»¹, — подчеркивал Г. Ф. Шершеневич.

Что касается истории воззрений на право, то без нее отечественная профессура не мыслила полноценное юридическое образование, впрочем, как и научную юриспруденцию в целом. Например, Н. М. Коркунов был убежден: что «нельзя понять... положительного права, не имея понятия о том, какими теоретическими воззрениями руководствовались люди, создававшие обычаи, законодательство, судебную практику»². «Для юриста они имеют значение не только как переходные ступени к... более новым теориям, а... главным образом, по тому влиянию, какое они... оказали на действительный строй современных им общественных отношений»³, — продолжал автор.

И это влияние в переломные исторические эпохи зачастую было определяющим. Так, величайшую заслугу европейских мыслителей XVIII века (Д. Локка, Ш. Л. Монтескье, Ж. Ж. Руссо) российские ученые видели в разработке принципов правового государства, послуживших идеологической основой установления конституционных форм, а также формирования и развития отрасли конституционного (государственного) права⁴. Не случайно Ф. Ф. Кокошкин подчеркивал, что идея правового государства «только в конституционном государстве... нашла себе практическое выражение»⁵. Прочно войдя в правосознание европейских народов, идеал правового государства стал маяком, определяющим вектор развития политических систем Нового времени.

Акцент на огромном мировоззренческом и преобразовательном потенциале юридической науки был свойственен отечественной доктринальной юриспруденции безотносительно к имеющимся в ее среде разногласиям по вопросам понимания права. Так, размышляя над соотношением умозрительной и утилитарной мотивации развития юриспруденции, А. С. Алексеев писал: «юрист, игнорирующий те практические требования, удовлетворение которых современный человек ждет от государства, напишет, пожалуй, ученую книгу, но не создаст плодотворного труда»⁶. Поскольку под таковыми имелась в виду реализация принципов правового государства, автор был убежден в ущербности любого концепта, прямо или косвенно препятствующего данному процессу. «Юрист не только должен овладеть правовым материалом и уметь пользоваться приемами формальной логики: он должен... знать жизнь, ее требования и запросы, черпать из жизни и творить для жизни»⁷, — констатировал он. Согласно Н. И. Лазаревскому, именно конституционализм «в силу своей жизненной, практической целесообразности, властно определяет направление дальнейшего развития политических учреждений современных государств»⁸. Фиксируя внимание на тесной взаимосвязи «характера науки» и «исторических потребностей эпохи», В. М. Гессен утверждал: «Государственная наука Нового времени является, прежде всего, практической ... Ее первой задачей является не изучение того, что есть, а выяснение того, что должно быть»⁹.

Смещение направленности юридического знания с правоприменительной и правореализационной практикоориентированности на мировоззренческую, призванную конструировать отвечающие новой социальной реальности правовые формы и претворять их в жизнь, позволило российским ученым рассматривать юридическую науку как важнейший фактор общественного и государственного прогресса. Не случайно периодизацию юриспруденции Н. М. Коркунов производил, руководствуясь критерием «соотношения практического и теоретического изучения права», отмечая, что она «совпадает с главнейшими эпохами развития духовной жизни человечества»¹⁰. Он различал юриспруденцию римскую, средневековую, новую и новейшую, усматривая в эпохе Возрождения

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права / Избранное: в 6 т. Т. IV / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. Москва, 2016. С. 684.

² Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. Санкт-Петербург, 1898. С. 2–3.

³ Там же. С. 3.

⁴ Алексеев А. С. Конспект лекций по русскому государственному праву, читанных в 1891–1892 акад. году. Москва, 1892. С. 280, 348; Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Санкт-Петербург, 1886. Т. I. С. 190, 381–393; Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Санкт-Петербург, 1908. Т. I. С. 4–9; Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. Москва, 2004. С. 210–211, 220, 235–240.

⁵ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. Москва, 2004. С. 222.

⁶ Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. Москва, 1895. С. 8.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Санкт-Петербург, 1908. Т. I. С. 4.

⁹ Гессен В. М. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург, 1912. С. 4.

¹⁰ Коркунов Н. М. Энциклопедия права. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1882 году. Санкт-Петербург, 1883. С. 56.

появление того «духа свободного исследования», который позволил европейскому теоретическому правоведению эффективно выполнять идеологическую и прогностическую функции¹.

Что касается отечественного теоретического правоведения, то именно с его преобразовательным потенциалом ученые связывали будущее России. В условиях имперских реалий практическую ценность фундаментальной юридической науки они усматривали в разработке приемлемой для своего отечества модели правового государства; в изучении провозглашенных в период буржуазно-демократической революции начала XX века принципов конституционализма и формировании науки и отрасли отечественного конституционного (государственного) права; в выявлении исторических закономерностей возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений, а также факторов, определяющих специфику национальных правовых систем, с целью применения в правотворческой деятельности; в создании науки политики права, назначение которой усматривали в критическом анализе правового порядка, выявлении пробелов права и определении стратегических направлений правотворческой деятельности.

Дворянсков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского университета имени А. С. Грибоедова

Российские научные исследования (на примере юридической науки): *per aspera ad astra*

В современной российской науке сложились определенные тенденции, не все из которых можно назвать позитивными. Можно выделить два их аспекта: содержательный и формальный.

Содержательный аспект. Важнейшим критерием состоятельности научного исследования выступает его новизна. Это безусловное требование, в частности, для диссертационных исследований (кстати, не только по юриспруденции). В Положении о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 25 января 2024 г.) «О порядке присуждения ученых степеней» (далее — Положение о присуждении ученых степеней) прямо и недвусмысленно сказано, что диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку.

Солидные издания (журналы, альманахи, сборники трудов), уважающие себя издательства никогда не опубликуют труды, не обладающие научной новизной, то есть не вносящие никакого вклада в науку, не представляющие никакой ценности, и к тому же, как зачастую бывает, заимствованные (как содержательно, так и текстуально). Но для авторов последних существует «палочка-выручалочка» в виде мусорных или, как их еще называют, «хищных» журналов, за определенную плату готовых опубликовать что угодно. У них нет подлинного научного рецензирования, хотя каким-то образом многие из них входят в перечень изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации (далее — Минобрнауки России).

Что же позволяет плодиться таким изданиям и держаться на плаву? Как известно, спрос рождает предложение. К сожалению, реальностью последних лет в нашей стране стал феномен требования обязательного количества публикаций для работников вузов и научных организаций. Оно входит в число обязательных наукометрических показателей, по которым оценивается научная работа (от сотрудника до всей организации). Напомним, что к ним относятся:

- общее число публикаций;
- индекс цитируемости публикаций (общее количество ссылок, сделанные на труды автора);
- индекс Хирша (*h*-индекс позволяет оценить как общее количество опубликованных автором статей и уровень цитируемости отдельных его трудов);

¹ Коркунов Н. М. Энциклопедия права. Лекции, читанные в Санкт-Петербургском университете в 1882 году. Санкт-Петербург, 1883. С. 57.

— импакт-фактор (количество баллов с учетом рейтинга научного издания).

Следует сказать, что на сегодняшний день насчитывается 248 нормативных указаний, содержащих требования публикационной активности¹, среди них, например:

— подпункт 3.2 пункта 3 Перечня целевых показателей эффективности работы бюджетных образовательных учреждений дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов, находящихся в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации, утвержденного приказом Минобрнауки России от 8 ноября 2010 г. № 1116 (зарегистрирован Минюстом России 7 декабря 2010 г., регистрационный № 19121), с изменениями, внесенными приказами Минобрнауки России от 2 сентября 2011 г. № 2257 (зарегистрирован Минюстом России 27 сентября 2011 г., регистрационный № 21893) и от 17 марта 2017 г. № 246 (зарегистрирован Минюстом России 7 апреля 2017 г., регистрационный № 46303);

— подпункты 2.1, 2.2, 2.4 и 2.5 пункта 2 показателей деятельности образовательной организации высшего образования, подлежащей самообследованию, подпункты 2.1, 2.2, 2.4 и 2.5 пункта 2 показателей деятельности организации дополнительного профессионального образования, подлежащей самообследованию, утвержденных приказом Минобрнауки России от 10 декабря 2013 г. № 1324 (зарегистрирован Минюстом России 28 января 2014 г., регистрационный № 31135), с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 15 февраля 2017 года № 136 (зарегистрирован Минюстом России 17 марта 2017 г., регистрационный № 46009).

— подпункты «а» и «б» пункта 1, подпункты «а» и «б» пункта 2, пункты 13 и 15 состава сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, представляемых в целях мониторинга и оценки, утвержденного приказом Минобрнауки России от 5 марта 2014 г. № 162 (зарегистрирован Минюстом России 29 апреля 2014 г., регистрационный № 32134), с изменением, внесенным приказом Минобрнауки России от 3 марта 2016 г. № 181 (зарегистрирован Минюстом России 28 марта 2016 г., регистрационный № 41594) и др.

При этом отдельные руководители, ментально далекие от подлинной науки, для подстраховки требуют от своих сотрудников все больше и больше публикаций, дабы превзойти показатели прошлого года. Качество этих публикаций, подлинная ценность их для науки, представляемой организации и ведомства, к которому она относится, практически никого не интересует. В итоге в ежемесячных, квартальных, годовых отчетах появляется ворох статей, которые не только никто не оценивал с точки зрения научной ценности, но даже и не читал. Главное, что отчет принят и галочка, как говорится, поставлена. Надо ли доказывать, что такой публикационный вал не только не несет никакой пользы, но в конечном счете причиняет огромный вред репутации самого автора, организации, да и науки в целом.

В арсенале образовательных и научных организаций существует два вида стимулирующих средств, соответствующих известной дихотомии кнута и пряника.

В первом случае публикационная гонка обеспечивается обязательными количественными показателями, которые должен выполнять работник под угрозой непродления с ним трудовых отношений (здесь имеются в виду так называемые эффективные контракты).

Во втором случае речь идет о материальном стимулировании как прямом (непосредственные выплаты за публикацию), так и косвенном (премирование по итогам месяца, квартала, года).

Отмечается и дифференциация ценности публикации в зависимости от статуса издания (*Scopus*, *WoS*, *RSCI*, российская категоризация рецензируемых изданий (К1 – К3)).

Экзотическими формами можно назвать выплаты за определенные уровни наукометрических показателей, например, индекса Хирша. Хотя их значения от усилий работника никак не зависят. В данном случае публикация начинает жить своей, независимой от автора жизнью.

Очевидно, что научного прогресса такое стимулирование не обеспечивает. Скорее наоборот, в погоне за количеством специалисты практически неизбежно снижают качество своих работ.

¹ См.: О неприменении отдельных положений некоторых актов Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в части требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью (в ред. приказов Министерства образования и науки Российской Федерации от 3 ноября 2022 г. № 1071, от 29 сентября 2023 г. № 934, от 17 ноября 2023 г. № 1085): приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 мая 2022 г. № 442 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

Еще одной тенденцией выступает проблема научного пияетета к «классикам» (вплоть до религиозного поклонения перед устоявшимися ранее точками зрения / позициями, неприкосновенности, закрытия тем в старых трудах и т. п.), препятствующая развитию нового научного знания.

Так, обращение к авторитетам является излюбленным приемом апологетов исправительной концепции в уголовно-правовой и пенитенциарной (уголовно-исполнительной) науке. В связи с неопределенностью исправления как в онтологическом, так и в критериальном смысле, основной задачей в советском исправительно-трудовом и постсоветском уголовно-исполнительном праве стало доктринальное оправдание этой цели, то есть фактически обслуживание ошибочного, на наш взгляд, уголовно-политического взгляда на наказание. Думается, что именно этим можно объяснить практически полное отсутствие плюрализма взглядов на исправление и тотально, зачастую с повторяющимися логическими и смысловыми ошибками, «лобовое» отстаивание необходимости и «жизнеспособности» исправления как цели уголовного наказания.

Научную основу исправительно-трудовой науки, в том числе исправления как цели наказания, заложили такие ученые, как В. П. Артамонов, Л. В. Багрий-Шахматов, Н. А. Беляев, А. И. Зубков, Л. Г. Крахмальник, М. П. Мелентьев, А. Е. Наташев, А. Л. Ременсон, И. А. Сперанский, Н. А. Стручков, Ю. М. Ткачевский, Б. С. Утевский, М. И. Федоров, В. А. Фелелов, О. Ф. Шишов, И. В. Шмаров и др. Сегодня их продолжают: Л. И. Беляева, В. И. Селиверстов, В. А. Уткин и др.

По сей день отдельными авторами выдвигается тезис о том, что такой-то классик в своих трудах «закрыв» тему целей наказания. Подобные утверждения, по сути, отрицают прогресс науки, развитие научной мысли, эволюцию знания. Скажем лишь, что ознакомление с трудами таких, безусловно, уважаемых авторов (многих из которых мы указали выше при перечислении ученых, заложивших основы отечественной исправительно-трудовой / уголовно-исполнительной науки), не обнаружило ни одного подобного заключения, исходившего от них самих. Напротив, ими всегда подчеркивалась дискуссионность мнений, вполне допускающая иную точку зрения. Кстати, именно научная новизна, опирающаяся в том числе на оппонирование существующим научным позициям, является основным критерием состоятельности диссертационного исследования, закрепленным в «Положении о присуждении ученых степеней». Полагаем, что это относится и к любым другим научным исследованиям.

Отметим, что подобные утверждения весьма удобны, потому что не требуют формулировки собственной аргументации, позволяют практически без труда присоединиться к чужому мнению.

Мы ни в коем случае не против научной дискуссии, проводимой корректно. Однако зачастую апологеты «незыблемости устоев» прибегают к нечестным, если не сказать недостойным ученого приемам. Одним из них можно назвать цензуру рецензентов, привлекаемых научными изданиями. Вместо того, чтобы указывать на формальные недочеты статьи, такие горе-рецензенты занимаются критикой содержания работы, авторской концепции, поучениями, как писать научные работы и т. п. Их основная цель — не помочь сделать статью формально отвечающей требованиям журнала, а не допустить ее публикации, воспрепятствовать распространению иной, отличной от их собственной позиции. Вкупе со встречающимся антиплагиатным формализмом редакций, это стало настоящим бичом научных исследований, подвергающих критике устоявшиеся научные позиции.

Формальный аспект. Весьма значимая причина препятствия новым исследованиям, в частности, диссертационным, — искусственное затягивание рассмотрения диссертации на профильной кафедре, а также наличие очередности при отсутствии прозрачных и понятных критериев ее формирования.

Этому способствует в немалой степени «разбивка» кафедр по старой номенклатуре специальностей (например, в Академии ФСИН России есть отдельные кафедры по уголовному праву, уголовно-исполнительному праву, криминологии), что обуславливает зачастую вместо одной три кафедральные экспертизы, причем не совместные, а отдельные и, как правило, поэтапные. Это зачастую приводит к выдвиганию к соискателю разных, а зачастую и противоположных замечаний и в целом ведет к затягиванию рассмотрения.

Кроме того, встречается прямое нарушение «Положения о порядке присуждения ученых степеней», когда перед выдачей заключения кафедрой требуется ее предварительное одобрение председателем диссертационного совета. Таким образом, председатель совета (он же, разумеется, его член с правом голоса) заранее, то есть до официальной защиты диссертации, по сути, уже «голосует за», что не дает основания признавать его голосование на заседании диссертационного совета как объективное и непредвзятое. Это является прямым нарушением пункта 3 «Положения

о порядке присуждения ученых степеней», который гласит, что диссертационный совет несет ответственность за объективность и обоснованность принимаемых решений при определении соответствия диссертаций критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, а также за соблюдением порядка представления к защите и защиты диссертаций, установленного положением о присуждении ученых степеней. Такую практику однозначно надо прекращать.

Серьезным фактором, препятствующим защите диссертаций, выступает вольное, умозрительное толкование нормы Положения о порядке присуждения ученых степеней о самостоятельности написания работы. На практике единственным и неоспоримым критерием этого требования советы считают справку программы «Антиплагиат» и ее аналогов. Вместе с тем эта программа не имеет возможности содержательно оценить научную новизну, самостоятельность и оригинальность исследования. Сформулируем несколько наиболее часто встречающихся ситуаций.

1. Основанием для отказа в приеме диссертации к защите является использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве без ссылок на соавторов. Однако природа заимствования понимается зачастую противоречиво. С одной стороны, определение заимствования увязывается с материалом без ссылки на автора и (или) источник заимствования. Однако, с другой стороны, заимствования объединяются с совпадениями «совпадения (заимствование)», под которыми понимаются «исключительно возможные технические (случайные) совпадения, не являющиеся неправомерным заимствованием», а также с самоцитированием, то есть обращением к собственным работам. Сюда же относятся практически неизбежные в юридических исследованиях ссылки на нормативные правовые акты, общепринятую юридическую терминологию. Разумеется, ни то ни другое авторство не имеет и заимствованием признавать не может.

2. Согласно пункту 11 Положения о порядке присуждения ученых степеней: «основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях (далее — рецензируемые издания)». Вместе с тем на практике программа «Антиплагиат» почему-то относит к заимствованию (не самоцитированию и даже не к цитированию, а именно к заимствованию) собственные статьи соискателя (даже без соавторства). Таким образом, соискатель ставится в безвыходное положение. С одной стороны, он обязан публиковать результаты своего исследования в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК. С другой стороны, эти публикации гарантированно снижают процент оригинальности исследования по указанной выше причине. При этом советы руководствуются некими пороговыми значениями оригинальности (в диапазоне от 60 до 90 процентов). Хотя в Положении о порядке присуждения ученых степеней никаких цифровых значений не регламентировано. Полбеда, если советы руководствуются утвержденными вузовскими или собственными локальными нормативными актами. Но зачастую и их не существует, а эти пороговые значения формулируются умозрительно, в том числе со ссылкой на некие «авторитетные мнения» членов ВАК.

Встречаются такие перлы: «более ранние научные работы соискателя могут являться источником цитирования, однако диссертация должна содержать существенное содержательное приращение, а не являться компиляцией из таких работ». Как можно опубликовать основные результаты диссертации (которые по логике должны быть получены ранее, то есть быть первичными по отношению к статье) и не попасть под определение «компиляция»? Последнее предполагает, что вначале пишется статья, а потом положения диссертации. Но, очевидно, согласно Положению о порядке присуждения ученых степеней все должно быть наоборот.

3. Согласно пункту 14 указанного Положения в диссертации соискатель ученой степени обязан ссылаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных статей, что, очевидно, легитимизирует такой материал, и поэтому он не требует процентного лимитирования, по крайней мере, в Положении о порядке присуждения ученых степеней об этом ничего не говорится.

4. Следует отметить, что в пункте 20 («г») Положения о порядке присуждения ученых степеней хотя и содержит такое основание отказа в приеме диссертации к защите, как «использование в диссертации заимствованного материала без ссылки на автора и (или) источник заимствования результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени в соавторстве без ссылок на соавторов, однако указаний на проценты и их соотношение оно не содержит, что представляется вполне обоснованным, так как авторство диссертации определяется содержательно комиссией диссертационного совета, а формализованные цифровые значения, по сути, нивелируют необходимость такой оценки.

Таким образом, указанные противоречия и правовые несоответствия могут препятствовать объективному рассмотрению диссертаций в диссертационных советах.

К негативным тенденциям в работе диссертационных советов относятся также монополизация научного руководства прикрепленными аспирантами, адъюнктами и соискателями; отказ от существующей ранее практики назначения сторонних научных руководителей на основании договора об оказании безвозмездных услуг по защите диссертационного исследования; отсутствие в ведомственных вузах материального стимулирования аттестованных научных руководителей в случае успешной защиты их учеников, по сравнению с «гражданскими» научными руководителями.

Предложения организационно-правового характера по преодолению названных негативных тенденций:

1) исключить искусственное затягивание рассмотрения диссертаций аспирантов, адъюнктов и соискателей на профильных кафедрах образовательных организаций, в том числе путем усиления внутреннего и ведомственного контроля за сроками рассмотрения готовых диссертаций;

2) рекомендовать Минобрнауки России и ведомствам, в подчинении которых находятся образовательные организации:

— пересмотреть структуру выпускающих кафедр, приведя ее в соответствие с новой номенклатурой специальностей, утвержденной приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 года № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 года № 1093»;

— исключить практику утверждения заключения выпускающей (профильной) кафедры по диссертации соискателя (адъюнкта) председателем диссертационного совета, в котором предполагается защита;

— разработать типовое положение «Об установлении пороговых значений результатов проверки диссертаций в автоматических системах обнаружения текстовых заимствований в диссертационных советах образовательных и научных организаций», утверждаемое Минобрнауки России.

Демичев Алексей Андреевич,

доктор юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации, профессор кафедры
гражданского права и процесса
Нижегородской академии МВД России,
главный научный сотрудник научного центра
Нижегородского института управления —
филиала РАНХиГС;

Илюхина Вера Алексановна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
Академии ФСИН России, старший научный сотрудник
Научного центра Нижегородского
института управления — филиала РАНХиГС

Юридическая наука и наукометрия

В научной сфере XXI век уже стал веком наукометрии. Научные и образовательные организации взяли активный курс на достижение различных формальных показателей. Самым важным из них стало количество публикаций, включенных в Российский индекс научного цитирования (далее — РИНЦ). В какой-то момент появилась мода (которая уже во многом сходит на нет) требовать

от ученых обязательных публикаций в изданиях, входящих в международные базы данных (далее — БД). Для юристов таковыми стали *Scopus* и *Web of Science*.

Многие преподаватели вузов для соответствия квалификационным требованиям и/или для выполнения так называемого эффективного контракта ринулись зачастую за немалую плату публиковаться в зарубежных изданиях. Некоторые самостоятельные диссертационные советы официально для соискателей ученых степеней кандидата и доктора наук ввели обязательное требование о наличии публикаций, включенных в международные БД. Сейчас эти требования либо отменили, либо сделали факультативными, однако до сих пор в анкетах членов диссертационных советов имеется раздел «Статьи в международных базах данных». В реальности такие публикации уже мало кого интересуют. Постепенно их место в наукометрических показателях начинают занимать публикации, входящие в ядро РИНЦ / БД *RSCI*. Последняя имеет интересный статус: она создана на платформе *Web of Science*, но при этом издания, входящие в БД *RSCI*, не содержатся автоматически в БД *Web of Science*.

По сути, все публикации оказались разделенными на три группы:

- 1) полноценные (в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее — ВАК);
- 2) неполноценные (входящие в РИНЦ);
- 3) не включенные в РИНЦ.

В первых двух группах появилась своя градация, а публикации, которые не включены в РИНЦ, часто вообще не воспринимаются в качестве публикаций.

Среди журналов из Перечня ВАК наиболее престижными стали те, которые входят в ядро РИНЦ. Деление журналов на категории (ошибочно многие по аналогии с изданиями из БД *Scopus* и *Web of Science* называют их квантилями) «К1», «К2» и «К3» привело к запутыванию ситуации. Дело в том, что не все журналы, входящие в категорию «К1», включены в ядро РИНЦ, и не все журналы, входящие в ядро РИНЦ, отнесены к категории «К1».

Учитывая не только иерархию престижности журналов из Перечня ВАК, но и требования к соискателям ученой степени доктора наук и членам диссертационных советов, можно утверждать, что сейчас имеет значение не столько деление журналов на престижные и непрестижные, сколько на входящие в категории «К1», «К2» и только в «К3». Для членов юридических диссертационных советов, как известно, установлено требование: наличие не менее восьми публикаций по специальности, представляемой в диссертационном совете, за последние пять лет в журналах из «К1», «К2». Следовательно, им просто нецелесообразно публиковаться в журналах из «К3». Для журналов получается замкнутый круг: чтобы категория журнала была высокой, в нем должны публиковаться известные авторы, работы которых будут цитироваться, однако у известных авторов отсутствуют стимулы публиковаться в журналах из «К3».

Для соискателей ученой степени доктора юридических наук установлен публикационный минимум — пятнадцать статей в журналах из Перечня ВАК, в том числе не менее пяти статей в журналах из «К1» и «К2». С учетом склонности к перестраховке как черты российской ментальности, характерной и для соискателей ученых степеней, и для председателей диссертационных советов, и их ученых секретарей, складывается ситуация, когда негласно повышаются требования к количеству публикаций в журналах из «К1» и «К2». Соответственно, и соискатели ученой степени доктора наук стремятся публиковаться именно в журналах из «К1» и «К2».

В мировом научном пространстве существует ряд «мусорных» и «хищнических» журналов, в том числе публикующих статьи по юридической тематике. К сожалению, Российская Федерация не стала исключением. Как правило, такие журналы входят в «К2» и фактически публикуют авторов только за плату (хотя на сайте могут быть указаны другие условия), массово допускают публикации нескольких (три и больше, иногда около десяти) статей одного и того же автора в одном номере, публикуют статьи студентов или в соавторстве со студентами. Качество многих из этих статей вызывает серьезные сомнения, хотя формально все они проходят рецензирование. Полагаем, что такого рода издания не только должны быть исключены из категории «К2», но им вообще не место в Перечне изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки.

В изданиях второй группы (не входящие в перечень ВАК, но включенные в РИНЦ) можно выделить несколько видов публикаций: монографии, учебники, учебные пособия, статьи и некоторые другие (например, отчеты по НИР, тезисы докладов и т. д.). Формально все они на уровне РИНЦ никак не разграничиваются. Это привело к тому, что в образовательных организациях произошли

формализация научных показателей и уравнивание научного статуса этих публикаций. Для отчетов часто важно количество публикаций в изданиях из Перечня ВАК и количество публикаций, входящих в РИНЦ. При этом у двух ученых количественный показатель может быть одинаковым, например, десять публикаций за год, включая три статьи в журналах из Перечня ВАК и семь публикаций, включенных в РИНЦ. Но есть нюанс: у первого — семь публикаций являются тезисами по несколько страниц в сборниках разных конференций, а у второго — это монографии, учебники и объемные статьи в научных журналах, не входящих в Перечень ВАК. Что касается журналов из перечня ВАК, то у одного статьи оказались опубликованными в авторитетных журналах из «К1», а у второго — в платных «мусорных» журналах, а формально по отчетам показатели у первого и второго ученого идентичны.

Вернемся к публикациям, включенным в РИНЦ. Понятно, что между монографией на триста — четыреста страниц и тезисами на несколько страниц — колоссальная разница. Причем эта разница не только в объеме, но и в научной значимости. Именно солидные монографии, вышедшие в крупных издательствах и известные научному сообществу, характеризуют ученого как Ученого. Регулярно переиздающиеся и выходящие многотысячными тиражами учебники свидетельствуют о практической значимости научных разработок, применимости их в реальном учебном процессе.

Следует понимать, что РИНЦ — это всего лишь частная организация, как, впрочем, БД *Scopus* и *Web of Science*, и они не должны навязывать научным и образовательным организациям свои представления о науке и научных изданиях. Научные и образовательные организации должны сами определять, что обладает более высокой научной ценностью, а что меньшей.

Полагаем, наверху этой иерархии должны находиться монографии, изданные в крупных издательствах тиражом не менее пятисот экземпляров, рецензенты которых — специалисты в соответствующей проблемной области — известные авторитетные ученые. На втором месте по научной значимости должны располагаться публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК в журналах из «К1», потом из «К2» и, наконец, из «К3». На третьем месте должны располагаться учебники (федерального и местного уровней), а потом — вся остальная научная продукция (учебные пособия, статьи в журналах, включенных в РИНЦ, статьи в сборниках научных статей, материалы и тезисы конференций).

Пока же гонка образовательных организаций за слабодифференцированными наукометрическими показателями приводит к тому, что преподаватели вынуждены не заниматься настоящей научной деятельностью (зачем долго и упорно работать над монографией, когда можно написать тезисы на три страницы?), а пытаются как-то «решить вопрос» со своей публикационной активностью.

Выходом из этой ситуации стало массовое соавторство. Одно дело, соавторство в монографии или учебнике, другое — в небольшой статье.

Мы принципиально не против соавторства (кстати, эта статья написана двумя авторами), только следует понимать, что оно бывает разным.

Первый вариант: статьи, родившиеся в результате реального сотрудничества авторов, их мозгового штурма, обсуждения каждого фрагмента работы и многократного редактирования текста всеми авторами (таковым примером является как раз данная статья).

Второй вариант: статьи, в которых соединяются блоки, написанные разными авторами, являющимися специалистами в соответствующих вопросах. Это тоже эффективный вариант соавторства. Главное, чтобы в итоге статья получилась цельной, непротиворечивой и написанной в одном стиле.

Третий вариант: один автор / авторы пишет/пишут черновые материалы, а другой все это редактирует, расставляет при необходимости акценты, формулирует выводы, придает научную форму тексту. Этот вариант уже вызывает вопросы. Одно дело, если все происходит действительно так, как мы написали. Есть исследователи, у которых возникают интересные идеи, но сами они не очень грамотно в научном смысле способны их аргументировать. В этом случае соавторство вполне уместно. К сожалению, нередко «редактор» просто ставит свою фамилию, исправив пару запятых и заменив несколько слов на синонимы. Такое «соавторство» — это не соавторство, а элементарное присвоение чужого труда.

Четвертый вариант: три человека написали самостоятельно по одной статье, а потом поставили друг друга в соавторы. Итог: у каждого из них по три статьи и все отчетные показатели закрыты. Если у таких «соавторов» отсутствуют научные амбиции, и всех все устраивает, включая образовательную организацию, и при этом статьи приемлемого научного уровня, то придаться тут к чему-то сложно. Такая ситуация не сложилась, если бы не требовались формальные наукометрические показатели.

Пятый вариант: один человек пишет, а другой в силу того, что он начальник автора, научный руководитель адъюнкта/аспиранта или курсанта/студента просто ставит свою фамилию в качестве соавтора (а часто еще и первой, якобы в силу более высокого статуса). Такие варианты, на наш взгляд, абсолютно недопустимы. Соавторство научного руководителя и аспиранта нежелательно, но возможно (в меньшей степени — преподавателя и студента) только в том случае, если это первый или второй вариант выделенных нами видов соавторства. Но вообще возникают вопросы: что это за научный руководитель, который так хочет использовать труд своего ученика? Он вообще способен добросовестно руководить? Препраду такому неравноправному «соавторству» может поставить каждая конкретная образовательная организация. Запретить соавторство она, конечно, не вправе, да и не должна, равно как и выяснять в каждом случае, как оно осуществляется, а вот не учитывать статьи в соавторстве с курсантами/студентами и адъюнктами/аспирантами при формировании отчетов не только можно, но и необходимо! В этом случае и наука будет чище, и наукометрические показатели станут более объективными.

Завершая статью, отметим, что наукометрия это вовсе не зло. Она дает представления о научной деятельности отдельных ученых и организаций, их достижениях, вкладе в науку. И это очень хорошо! Но, как и любые показатели, наукометрические показатели могут неправильно собираться, интерпретироваться, они не всегда корректно отражают реальную картину. Также по объективным или субъективным причинам они могут искажаться. Следовательно, к ним нужно относиться очень критично. Нельзя при оценке научной деятельности ориентироваться только на наукометрические показатели, тем более они далеко не совершенны. Полагаем, что не только наука должна быть чистой, а ученые — добросовестными, но и научные и образовательные организации, требуя от своих работников показатели, должны делать это так, чтобы ни у кого не возникало желания гнаться за ними любыми путями.

Дроздова Александра Михайловна,
 доктор юридических наук, профессор
 кафедры правовой культуры
 и защиты прав человека
 Северо-Кавказского федерального университета

Размышления на тему: современный вуз еще храм науки или уже нет

Наверное, для каждого ученого, кем бы он ни был — историком, математиком, химиком астрономом или физиком, характерно отсутствие стремления получить от своей работы практическую выгоду.

Б. Рассел¹

Достаточно спорное выражение Б. Рассела, но заставляет думать и размышлять: «Что мы понимаем под практической пользой, деньги, власть — это средства обеспечения счастья или само счастье?» Раскрыть свой творческий потенциал с целью саморазвития человек может, занимаясь научной деятельностью и обогащая мир новыми научными достижениями и открытиями. Некоторые люди посвящают науке всю свою жизнь, понимая в этой деятельности свое предназначение, и без научных исследований просто не мыслят своего существования. Наблюдать за красотой и гармонией Вселенной, в какой-то степени их постигая, как одна из основных человеческих способностей доставляет ему высшее удовлетворение. Это вне зависимости от тех материальных благ, которые оно может принести, является достойным и благородным занятием.

Если обратиться к термину «наука», то чаще всего под ним понимается вид человеческой деятельности, выраженный в сборе, анализе, систематизации информации, полученной в ходе познания окружающего мира. Вместе с тем наукой можно назвать группу исследователей, вуз целиком или даже одного известного ученого. Никто точно не может пока доказать, когда возникла наука, но известно то, что первые научные сведения появились благодаря возникновению письменности, когда полученные сведения стало возможным записать и оставить для последующих поколений исследователей. Ученые современности изучают различные науки, определяют функции науки и

¹ Цит. по: Ганс Селье. От мечты к открытию // ЛитМир: электронная библиотека. URL: <https://litlife.club/books/83571/read?page=1> (дата обращения: 20.05.2024).

ее виды, разрабатывают научную методологию, принципы науки, например, такие как честность и непредвзятость. Некоторые науки периодически подвергаются гонениям и получают статус псевдонаук, например гомеопатия.

Как определить человеку, нужна ли ему наука и следует ли ею заниматься? Для некоторых лиц этот вопрос решен с детства: им все интересно, они всесторонне развиты, очень много читают, а значит мыслят и пытаются делать много разного в своей молодой жизни, то есть «пробуют» себя в различных видах деятельности.

Другая часть населения думает, что наука создана только для особых, умных, одаренных и отличников, а остальным ученикам или студентам заниматься наукой и не следует. Более того, студенты уверяют себя и окружающих, что на науку время тратить не следует, свое драгоценное время следует использовать в другом месте и в другой деятельности. Поскольку дневной график современного студента очень своеобразен: расписанием не доволен, в библиотеку не ходит, книги не читает, лекции не записывает, спортом не занимается, в семье не оказывает помощь, в руках прилипший к ладоням смартфон, который уже стал частью самого студента, поскольку без него человек, обучающийся в вузе, ничего не знает, ничего не значит, ничего не может. Смартфон не может пришить пуговицу, забить в доску гвоздь, испечь блины или приготовить ужин; не может вложить в голову необходимые знания, поскольку информация останется в смартфоне и не перейдет в голову обучающегося. Лишенный смартфона студент оказывается беспомощным... Какая ему наука? Это же труд по сбору и анализу полученной информации, это умственная нагрузка, это общение с коллегами, обсуждения, дискуссии по результатам полученных данных, к чему молодой человек просто не приучен, да и не хочет изменить привычного поведения. Спать, есть, развлекаться, расслабляться, отдыхать — это называется жить полноценной молодой жизнью? Может ли студент понять, человек рожден, чтобы развиваться, созидать и помогать или ему проще оставаться в своем стереотипе, убедив себя в том, что наукой ему заниматься не следует.

Стоит с этим поспорить, углубляясь в ту или иную сферу деятельности, человек обогащает себя знаниями, начинает лучше и глубже понимать сущность, может оценить плюсы и минусы явления — одним словом, получает развитие и стимул к дальнейшему исследованию. Возможно именно выбранное в школе, в вузе направление деятельности станет основным в его жизни. Когда разобрался в одной сфере, начинаешь себя увереннее чувствовать и в смежных сферах.

Некоторая часть студентов вузов быстро откликается на приглашение к исследованиям, изучению дополнительного материала, научной деятельности, с удовольствием собирают материал по предложенной тематике, готовят выступления, доклады, пишут научные статьи, проводят социологические исследования, понимая, что приобретенные ими навыки и методики исследований будут востребованы в дальнейшей их рабочей деятельности, даже если они и не будут заниматься научными исследованиями в последующее время. Но они уже владеют навыками приемов, методов и технологий в сфере научных изысканий.

Нельзя не напомнить о научных грантах, победах, наградах и иных поощрениях для студентов в период обучения, тогда как определенная часть выпускников может не удовлетвориться достигнутым и продолжить свою научную деятельность, поступив на обучение в аспирантуру и ведя работу по сбору материала для будущей диссертации.

К сожалению, среди современной молодежи мало желающих серьезно, сознательно и терпеливо заниматься научными исследованиями, мало и мечтавших с детства стать учеными даже в семьях известных ученых, врачей, преподавателей и т. д. Вместе с тем человек, привыкший к постоянному поиску, анализу, постоянной творческой деятельности, уже не может заниматься рутинной работой и будет постоянно стремиться к познанию и совершенству и не только в избранной области или сфере профессиональной деятельности.

То, чем мы сегодня занимаемся в вузе, превратившемся из храма науки в предприятие обязательного, строго регламентированного, дополнительного привлечения денег в казну вуза любыми средствами, выглядит неоднозначно. Ну да ладно, если бы чиновники в сфере образования мониторили необходимость дополнительных занятий, готовили документы, подписывали бы договоры для проведения мероприятий и предлагали преподавателю определенную аудиторию, количество часов и т. д. для составления соответствующей программы и проведения этих дополнительных занятий... Все совершенно наоборот: вначале представь план, потом найди сам себе слушателей, потом оформи соответствующие документы и отчитайся перед теми же самыми

чиновниками от образования... Зачем тогда в вузе эта интересная прослойка работников с достаточно высокой оплатой труда, да и меньше их не становится даже с применением цифровых технологий. А вот количество преподавателей уменьшается, уменьшается и количество аудиторных занятий, зачеты и экзамены принимает робот, программу для которого разрабатывали молодые программисты, от правосознаний и правовой культуры которых многое зависит. Может быть, это они становятся носителями новой власти?

Увольняя возрастных преподавателей в основном из числа докторов и кандидатов наук, уважаемые чиновники в сфере образования не используют опыт преподавателей-профессионалов и одновременно не готовят молодых ученых, не растет число остепененных преподавателей, возможно, потому, что они — преподаватели — уже перестают быть востребованными. Однако аккредитационные показатели, «Скопусы», WOS, индексы Хирша и другие интересные требования продолжают странствовать на просторах российского образования.

Сегодня настало время развития информационного общества, крайне важным и модным стал искусственный интеллект (далее — ИИ). Никто не отрицает положительных сторон применения и внедрения инфокоммуникационных технологий там, где это крайне необходимо, там, где они эти технологии облегчат труд человека и окажут ему неоценимую помощь в определенных сферах.

Вместе с тем развиты такие технологии, как нейросеть, которую сегодня повсеместно предлагают ради экономии времени для написания научных статей, выполнения курсовых и выпускных работ и даже для создания художественных и литературных произведений...

Стало модным обсуждать ИИ на научных семинарах и конференциях, хотя речь идет пока о роботах, запрограммированных человеком. Нас призывают повсеместно применять возможности этих железных помощников, чьи мозги — это программа, написанная человеком, студентом, двоечником, преступником, врагом, наконец. Кто-нибудь всерьез подсчитал риски от применения цифровизации во всех сферах и отраслях жизни общества, государства, человека, формирования личности?

Чтобы написать элементарно научную статью для сайта или журнала потребуется определенное время, понимание актуальности и востребованности, необходимо определить уровень аудитории, которая будет читать данную статью; разработка гипотезы, сбор материала, составление плана, само написание статьи с последующей проверкой... При этом автор мыслит, работает, анализирует, несет ответственность за результат, заинтересован в определенном результате. Это человеческая деятельность в научной сфере, а нам предлагают нейросеть, которая за считанные минуты справится с подготовкой текста, еще и проверит его по всем параметрам (тот же ИИ-робот или программа, созданная живым человеком с его правовым сознанием и правовой культурой...). Может быть и по-другому: один человек работает с нейросетью, якобы пишет научную статью и приписывает еще 3–4 авторов, которым или некогда работать с нейросетью, или нет такой возможности, или они не владеют навыками... Все вместе издают научную статью по результатам научных исследований в зарубежном научном журнале, и какая гордость может появиться за свои достижения у этих приписанных авторов? Им надо отчитаться — они отчитаются. Их наградят или продвинут по служебной лестнице, они станут нами управлять и указывать, как надо осуществлять научную деятельность.

Современный смартфон — это хорошая игрушка, а если завтра отключат электроэнергию, произойдет вспышка на Солнце, отключат интернет... И человек окажется без глаз, без ушей, без мыслей и навыков, возможно, не сможет найти книгу — источник знаний, прочитать ее, проанализировать и осмыслить. И какая при этом будет научная деятельность? Будет элементарный стресс и истерика по причине бесполезного, купленного за 50 тысяч рублей смартфона в руках.

Может быть и другой сценарий развития событий, а именно: техники все больше, цифровизация захватила все сферы и отрасли, постепенно вытесняя живого человека не только с опасных и рутинных объектов, но и с обычных рабочих мест. Роботизация достигнет такого уровня, что машина сможет создать новую машину, которая и станет настоящим ИИ. И в зависимости от планов этого ИИ будет определяться наше с вами (тех, кто до этого доживет) будущее и место под солнцем. Живые люди не нужны, вокруг освобожденные территории, где управляют роботы. Некоторую группу образованных и обученных людей ИИ, возможно, и оставит для «ухода» за собой. Возможно понадобится еще одна группа людей, которые будут обеспечивать питание первой группы, например, или обучение, или лечение, или размножение человеческим путем. Это вам

не напоминает Генеральный план «Ост» 1942 года, где речь шла о 30 миллионах русских, а сегодняшние учредители новых цифровых концепций и технологий чего хотят?

Что будет с тем учителем, который берет за руку первоклашку и ведет в мир знаний? Нужны ли в XXI веке эти первоклашки и учителя?

Чтобы понимать роль юридической науки в современном обществе, следует вспомнить В. Е. Чиркина, который считал, что «юридическая наука (юриспруденция) — отрасль общественных, гуманитарных наук, изучающая определенную сферу человеческой деятельности, связанную с правовым регулированием общественных отношений; система знаний о праве и государстве»¹.

Человеческое общество, развиваясь, нуждается в правовом регулировании, по этой причине вместе с развитием права развивается юридическая наука в процессе обеспечения системы управления обществом, реализации правил, относящихся к организации, поведению, деятельности человека, к обществу и государству, развитию истории самой науки, перспектив ее развития, подготовке юридических кадров, наделяя их соответствующими полномочиями по применению юридических норм.

Не подлежит сомнению тот факт, что объектами современной юридической науки являются именно государство и право, притом что предмет юридической науки представлен основными и существенными свойствами государства и права в их взаимодействии. По-прежнему юридическая наука развивается на теоретическом и историческом уровнях, выделяются отраслевые, межотраслевые и специальные науки с учетом национальных, культурных традиций и ценностей.

Вероятно, в науке все начиналось с любознательных людей, которые искали, творили, создавали и развивали науку, без которой не существовало бы поступательного развития человеческого общества, а значит, люди бы не искали смысл жизни, а просто искали бы пищу, укрывались от невзгод. Наука нужна каждому человеку, чтобы мыслить, искать, создавать, развиваться и в этом существовать и жить. Некоторые уверенно говорят о том, что в современном обществе наука не нужна, поскольку все уже открыто, создано и изучено. Если вспоминать все научные достижения и открытия, то можем отметить и причиненный этими открытиями вред и самому человеку в том числе. Возможно, об этой стороне научных открытий и изысканий следует говорить сегодня повсеместно, чтобы не погубить человечество?

На основании вышеизложенного можно сделать вывод: для того, чтобы написать научную статью или монографию, нужно быть влюбленным в тематику своих исследований, полностью погрузившись и разобравшись во всех аспектах своего объекта исследования, а для того, чтобы наши исследования и его результаты были интересны еще кому-нибудь, мы должны уметь рассказать и написать о сложном предмете так, чтобы было просто, доходчиво, заманчиво и увлекательно.

¹ Чиркин В. Е. Первая публикация: Большая российская энциклопедия. 2017 года // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/a/v-chirkin-4c7767> (дата обращения: 20.05.2024). Чиркин В. Е. Субъективные заметки о либертарной концепции права в российской юридической науке // Государство и право. 2013. № 10. С. 32–39. URL: <http://opac.skunb.ru/index.php?url=/notices/index/IdNotice:853747/Source:default> (дата обращения: 20.05.2024).

Захарцев Сергей Иванович,

доктор юридических наук, академик РАН
профессор Санкт-Петербургского военного ордена
Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации;

Сальников Виктор Петрович,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации,
академик РАН
профессор Санкт-Петербургского военного ордена
Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации

Экстрасенсорика и юридическая наука: вчера, сегодня, завтра

Время неумолимо бежит вперед! Незаметно прошло пятнадцать лет со дня трагического события — нас покинула Наталья Петровна Бехтерева: крупнейший нейрофизиолог, всемирно известный исследователь мозга, многолетний научный руководитель Института мозга человека РАН, академик РАН.

С этим выдающимся человеком и ученым мы были знакомы. Наши встречи всегда непроизвольно затрагивали служебную деятельность. Она утверждала, что человеческий мозг изучен не более чем на пятую часть, а неофициально добавляла нам, что фактически познано лишь процента четыре. Иными словами, мозг практически не изучен. И человечеству предстоит большой и нелегкий путь его познания.

Отдельно отметим уникальную скромность Натальи Петровны Бехтеревой. Нам, и к сожалению нередко, встречались «ученые», знающие о своей науке, по их словам, «все» или «почти все».

С Н. П. Бехтеревой мы не раз затрагивали проблемы экстрасенсоведения. Она тоже надеялась, что когда-нибудь найдутся подходы и к «странным» проявлениям мозга. Писала для того, чтобы мы, не боясь ярлыков, заглядывали в научные пропасти, а не только ходили по их краю, необходимо, чтобы общество было по-настоящему свободным от ненужных, неоправданных запретов¹.

Возможно, в ходе таких встреч с Н. П. Бехтеревой мы впервые задумались о возможностях использования экстрасенсорики в борьбе с преступностью, об обосновании науки оперативно-розыскного экстрасенсоведения.

Сразу оговоримся, что мы не являемся нейрофизиологами и психологами и не можем профессионально исследовать мозг. По нашему замыслу, в науке оперативно-розыскного экстрасенсоведения речь должна идти не о том, какие процессы и за счет чего происходят в мозге экстрасенса, когда он предвидит последствия или точно описывает уже произошедшее событие. Наука должна быть посвящена изучению пределов таких возможностей: «Какие условия экстрасенсу нужны для работы? Как имеющиеся у него способности наиболее эффективно использовать в борьбе с преступностью?»

Наши идеи заинтересовали как ученых, так и практиков. Собственно, практические работники обращались к помощи названных людей достаточно давно. В печати периодически появлялись рассказы об использовании неизведанных способностей людей в военных целях. Приводились и факты применения экстрасенсов спецслужбами и оперативно-розыскными подразделениями правоохранительных органов.

Отдельные специалисты даже предлагали дополнить Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» отдельным оперативно-розыскным мероприятием, связанным с использованием экстрасенсов, но научной базы, необходимой даже для обобщения и последующего анализа случаев использования неординарных способностей людей, не было. Собственно, это

¹ См.: Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. Москва, 2017. С. 24.

видно и по предлагаемым названиям «нового» мероприятия: помощь неординарных сил человека, привлечение психофизиологических свойств человека, использование экстрасенсов и т. д. О том, целесообразно ли закрепление в законе такого оперативно-розыскного мероприятия сейчас, мы не раз писали¹.

Вместе с тем мероприятия по изучению неординарных возможностей экстрасенсов продолжают, что не может нас не радовать. Научные исследования ведутся в двух направлениях. Первое: непосредственное изучение психофизиологической деятельности человека. Второе — в рамках оперативно-розыскного экстрасенсоведения — обобщение и анализ опыта использования экстрасенсов в борьбе с преступностью, выработка необходимых рекомендаций по эффективному использованию труда указанных людей и т. д.

Например, выявились сугубо практические проблемы, препятствующие взаимодействию с экстрасенсами. О некоторых из таких проблем написал В. А. Ильичев. По его свидетельству, сотрудники милиции (полиции), использующие экстрасенсов в раскрытии преступлений, как правило, не умеют с ними общаться, не дают действительно нужной им информации, неправильно формулируют задачи. Кроме того, люди с экстрасенсорными способностями крайне неохотно идут на сотрудничество с милицией (полицией) по ряду причин. Им приходится помогать сыщикам фактически бесплатно: нет в смете органов внутренних дел такой статьи расходов. А главное, в тех редких случаях, когда им удается настроиться на жертву преступления, они начинают ощущать ее чувства в момент совершения нападения. И в результате у них после выхода из особого энергетического состояния, вызванного связью с жертвой, нередко возникают сильные боли в тех местах, куда наносились удары преступником. И после такого сеанса перемещения в пространстве и времени экстрасенс сильно болеет, и ему нужно длительное время для восстановления. И это все бесплатно, за простое «спасибо». Многие экстрасенсы, особенно женщины, после одного успешного сеанса, испытав на себе боль и ужас жертвы, отказываются от дальнейшего сотрудничества, и их можно понять. Вообще, по наблюдениям В. А. Ильичева, настоящий экстрасенс — это человек, как правило, предпочитающий уединение, соблюдающий строго определенную диету, ведущий размеренный образ жизни, включающий прогулки по лесу, отказ от секса и употребления спиртных напитков. И при таком самоограничении отдавать силы не на лечение людей, а на поиск преступников, да еще при этом ухудшать свое здоровье от временного отождествления себя с жертвой насильственного преступления мало кому хочется².

Была поднята и важная проблема привлечения экстрасенсов для совершения преступлений или оказания помощи преступникам. Ее хорошо описал член-корреспондент РАН М. И. Клеандров. В своей монографии он ярко обозначил влияние экстрасенсов на судей с помощью гипноза³.

На самом деле, конечно, гипнозом влияние не ограничивается, а распространено оно может быть не только на судей, но и прокуроров, подсудимых, других участников процесса.

Защищены ли от противоправного воздействия экстрасенсов люди? Уверены, что нет. Мы пришли к такому выводу в том числе благодаря размышлениям над монографией М. И. Клеандрова и подготавливая рецензии на ее первое и второе издания⁴.

Собственно, не только участники процесса, но и многие российские и зарубежные политики признавались, что во время выступлений испытывали на себе влияние непонятных им сил. Это влияние приводило к внезапно появлявшемуся ухудшению самочувствия, мыслительной способности, забывчивости, заплетания языка и т. д.

Н. П. Бехтерева очень опасалась возможности возникновения ядерной войны и последующей катастрофы⁵. Осенью 2023 года начался новый виток арабо-израильского конфликта и терроризма. К чему он приведет, пока не известно, а средства массовой информации вспомнили об уча-

¹ См.: Захарцев С. И., Игнащенков Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. Москва, 2015; Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия и юридическая наука. Москва, 2019.

² См.: Ильичев В. А. Криминальные хроники (записки оперативного работника). Москва, 2005. С. 51–52.

³ См.: Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. Москва, 2002; Его же. Правосудие и справедливость. 2-е изд.-во, перераб. и доп. Москва, 2023.

⁴ См.: Виноградова Е. В., Сальников В. П., Захарцев С. И. Правосудие для справедливости. М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194; Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Справедливое правосудие. Москва: Норма: Инстра-М, 2022; Клеандров М. И. Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. // Государство и право. 2023. № 7. С. 194–199.

⁵ См.: Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. Москва, 2014. С. 24.

ствовавшем в боевых действиях раненом израильском военном, который может узнавать арабов по шагам. Этот военный, не видя, кто идет по коридору госпиталя, а слыша лишь шаги, четко определял, араб он или нет! Многократно проведенный с ним эксперимент показал: безошибочно определял! По его заявлениям, такие способности у него появились после военных действий с арабами. Причем каким образом ему удается это определять, он не знает, утверждает, что что-то подсказывает. Хотите верить, хотите нет.

Вместе с тем экстрасенсы, конечно, используются не только для борьбы с преступностью и в военных целях или, напротив, с преступными замыслами. Значительная часть случаев привлечения экстрасенсорных возможностей связана с человеческим бытом, обычной жизнедеятельностью. К таким относятся: помощь в лечении болезней, снятии стрессов, предсказания и др. Как к ним относиться?

Не так давно в Москве произошел трагический случай. Мать отвела пятилетнего ребенка в детский садик. Ребенок, всегда хорошо относившийся к садику, вдруг вцепился в маму, закричал: «Не уходи, живи, стой». Ребенка очевидцы с трудом отцепили от матери, которая вышла за ворота садика и буквально через пару минут была насмерть сбита автомашиной... Случайность?

Или другой пример. Наши исследования показали, что матери неосознанно, но безошибочно — вдумайтесь! — чувствуют беду со своим ребенком. Мы опрашивали матерей, дети которых погибли в различных происшествиях или неожиданно умерли. Матери беду со своим ребенком чувствовали всегда!

Правда, мы понимаем определенную некорректность исследования. После смерти ребенка матери, возможно, во всем начинают видеть сигналы трагедии. Более корректным исследование стало бы, если бы матерей опросили до трагедии, то есть вначале бы мать сообщила о предчувствии трагедии с родным человеком, а затем бы эта беда случилась, однако, как такое исследование провести, мы не знаем...

В ходе исследований у нас сложилось убеждение, что каждый человек наделен возможностью предчувствовать опасные события с близкими. Более того, до сих пор никому, в том числе науке, не ясно, как именно функционирует механизм «психологическая поддержка родных и близких», но ведь такая поддержка есть и, наверное, это тоже все знают.

Как бы то ни было широкое использование помощи экстрасенсов в так называемых бытовых вопросах заставило нас задуматься и обосновать науку под названием экстрасенсоведение. Обосновать по аналогии с оперативно-розыскным экстрасенсоведением. Ее предназначение мы не связываем с исследованием мозговой деятельности. Специально повторимся, что специфика мозговой деятельности лиц, обладающих экстрасенсорными возможностями, не известна как самим экстрасенсам, так пока не известна и науке. Предназначением экстрасенсоведения является изучение научными методами фактов оказания экстрасенсами помощи, возможность юридической регламентации такой помощи или, напротив, правовой защиты от действий экстрасенсов.

Помимо академиков РАН Н. П. Бехтерева и М. И. Клеандрова, в настоящей публикации мы хотим обратить внимание на размышления еще одного академика РАН — выдающегося философа науки В. С. Степина. Он указывал на то, что наука стремительно развивается. И то, что науке сегодня кажется неясным, спустя какое-то время становится очевидным и легко изучаемым. А то, что пока не понято, относится к вненаучным знаниям, с которыми истинная наука хорошо взаимодействует и может изучать научными методами¹.

Собственно, так стало происходить и с экстрасенсоведением.

Пользуясь случаем, хотим особо подчеркнуть значимость трудов В. С. Степина для юридической науки, который, к сожалению, тоже недавно покинул нас².

Экстрасенсоведение вызвало интерес в научной среде России. Большое внимание к изучению опыта работы экстрасенсов проявили и зарубежные специалисты. Наши публикации были переведены на несколько иностранных языков, что, конечно, приятно. Но случились и казусы. Дело в том, что мы старались назвать нашу науку по возможности максимально по-русски:

¹ См.: Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. Москва, 2008. С. 375.

² См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. Москва, 2021; Захарцев С. И., Сальников В. П., Комаров С. А. Достойная книга про выдающегося русского философа. Рецензия-размышление на монографию: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. Москва, 2021. 176 с. // Теория государства и права. 2021. № 2 (22). С. 204–212.

экстрасенсоведение, базируясь на глаголах: ведать, изведывать, изучать и др. В зарубежной научной печати более понятен перевод «ведения» через латинское по происхождению слово «логос». Там со ссылкой на нас! науку стали называть экстрасенсология. Кроме того, помимо экстрасенсоведения и экстрасенсологии, опять же со ссылкой на нас, появились термины: экстрасенсорика и экстрасенсознание.

Теперь экстрасенсоведение, экстрасенсология, экстрасенсорика и экстрасенсознание используются в различных российских и зарубежных публикациях как синонимы. Так стали поступать и мы.

В завершение следует сказать, что последнее пятнадцатилетие получилось у нас достаточно плодотворным. Мы разработали комплексную теорию права и правовой прогресс, на философско-правовой уровень подняли вопрос ускорения темпа жизни, по новому взглянули на предмет философии права, достаточно качественно (что видно из рецензий) исследовали другие теоретико-правовые проблемы. Проведенные нами научные исследования нашли отражение в десятках монографий, вышедших в указанный период и пользующихся успехом¹.

Однако следует сказать, что экстрасенсорика воспринята многими достаточно неоднозначно. С одной стороны, мы приобрели сторонников, но появились и оппоненты, воспринявшие наши доводы весьма негативно. Часть из оппонентов не верит в экстрасенсорные способности человека, позволяя достаточно резкие суждения в наш адрес. Другие первоначально поверили, но затем стали жертвами преступников, выдававших себя за людей с экстраординарными способностями. Такие преступления негативно повлияли как на восприятие данными учеными идеи экстрасенсоведения, так и отношение к нам. Третьи не желали в поднятую проблему глубоко погружаться, поскольку не видели в ней научного и (или) практического интереса.

Но как бы то ни было, мы надеемся, что к XXII веку юриспруденция, как и все другие науки, поднимется на новый виток познания действительности². Будут достижения в познании способностей человека, что соответственно затронет и экстрасенсоведение.

А пока в завершение хотим предложить ученым задуматься и поdiskutировать о взаимодействии экстрасенсоведения и юридических наук. Как регулировать способности экстрасенсов правовыми актами, мы пока до конца не определились, но такая проблема есть, и хорошо, что во многом благодаря нам юристы и человечество в целом стали над ней задумываться.

¹ Идея справедливости в традициях постклассической философии права / Р. Ф. Исмагилов, Д. В. Масленников, В. П. Сальников, С. И. Захарцев, М. В. Сальников, Л. К. Петросян, А. В. Черняева; под общ. ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург, 2012; Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В. П. Сальникова. Москва, 2014; Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. Москва, 2015; Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия права. Юридическая наука. Москва, 2015; Захарцев С. И., Вихров В. А., Игнащенко Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / под ред. С. И. Захарцева. Москва, 2017; Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publ., 2018; Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия и юридическая наука. Москва, 2019; Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. Москва, 2019; Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) / Ананских И. А. [и др.] / под ред. С. И. Захарцева. Москва, 2020; Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. The Logos of Law: Parmenides — Hegel — Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London. 2021; Философско-правовое познание: актуальные проблемы / И. А. Ананских [и др.] / под общ. ред. В. П. Сальникова; Санкт-Петербург, 2022; Добро, доверие, справедливость в философско-правовой мысли: античность и современность / Ананских И. А. [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург, 2022; Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях суверенной метафизики права. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2024; Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства / М. Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2024.

² См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. XXII век: право будущего (идеи и размышления) // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 80–92; Захарцев С. И., Сальников В. П. XXII век и право. Размышления о будущем // Мониторинг правоприменения. 2022. № 4 (45). С. 59–65; Захарцев С. И., Сальников В. П. Право в XXII веке // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 4. С. 178–188.

Иванов Никита Георгиевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии РПА Минюста России

Роль науки в законотворчестве

Ж.-Б. Боссюэ однажды сказал, что справедливость — это вид мученичества. Совершенно верное замечание, которое имеет отношение и к вопросу об обоснованности нормативного насыщения любого отраслевого кодекса. Сколько нравственных мук испытывает исследователь, доказывая «мудрому» законодателю ущербность его активности на ниве законотворчества, и все тщетно. Но, может быть, усилия адептов доктринальной гармонии закона напрасны, да и не нужны? Разве что только для удовлетворения собственных творческих страстей. Может быть, нет никакой научной перспективы при создании законов, и роль науки сводится только к обслуживанию принятых решений? Попытаемся разобраться.

Как следует из преамбулы, будем делать акцент на законе как государственном нормативном установлении, соотносясь с логично безупречным тезисом Т. Гоббса, писавшего: «Следует различать *jus* и *lex* право и закон ... ибо право состоит в свободе делать или не делать, между тем как закон определяет и обязывает к тому или другому члену этой альтернативы, следовательно, закон и право различаются между собой так же, как обязательство и свобода, которые несовместимы в отношении одной и той же вещи»¹.

Закон, как совершенно справедливо утверждают исследователи, помимо реакции на скандал², должен обладать научной обоснованностью, которая состоит из рационального объяснения необходимости привлечения для улаживания конфликта, во-первых, правовых средств и, во-вторых, правовых средств именно данной правовой отрасли. Такое объяснение предполагает превращение его (объяснения) в убеждение, иначе объяснительный вариант закона вряд ли сформирует позитивную реакцию. Но в такой интерпретации (а иного толкования обоснованности мы не представляем) возникают самый, пожалуй, важные вопросы: «Что образует скандал? Какие отношения могут быть отнесены к скандалу?»

«Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе», — писал в XVI веке английский поэт Дж. Харингтон (перевод С. Маршака). Мятеж — это очевидный скандал, предполагающий радикальный финал фронды, восстание и свержение существующего порядка. Естественно, поэтому он оценивается с позиций скандала как явление плохое, нуждающееся в карательном воздействии. Но если мятеж удался, то он мгновенно превращается в противоположность плохому — в начало хорошее, получающее уже позитивную стигму в виде революции, эволюции, преобразования, перестройки и т. п., и в таком качестве в каре не нуждается, а, напротив, нуждается в поддержке с позиций, в частности, права. Все зависит от того, чьи интересы восторжествовали, ибо принцип крестоносцев «чья власть того — и вера» действовал всегда и будет продолжать действовать, безусловно (так как это неизбежная историческая фатальность). Таким образом, скандал как повод для, в частности, криминализации определяется интересами тех, чья власть. И этот тезис в доказательствах не нуждается, поскольку он доказан историей. Власть всегда защищала себя и будет именно так и поступать. Такое положение вполне естественно и может быть изменено только в пределах утопий, когда государством будут руководить философы. Но и в таком случае Платон допускал справедливость исключительно только в масштабах государства, поэтому даже в утопиях из-за кулис тайно проявляется окровавленный меч крестоносцев и кривая усмешка рыцарей храма.

Для того, чтобы обосновать закон, право, а значит, утвердить его в сознании бюргера, необходим миф. И это опять историческая фатальность, без которой не существовало ни одного государства. Миф всегда покоится на веских основаниях, поэтому его божественная сущность была, несомненно, выигрышным моментом. С тезисом *ad maiorem gloriam Dei* (к вящей славе Божьей) творились любые начинания, поскольку этот тезис был безупречен в своих объяснительных позициях. С этим тезисом казнили неугодных (охота на ведьм), преследовали недовольных, начинали войны и т. д.

¹ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва. 1991. С. 97.

² См.: Карбонье Ж. Юридическая социология. Москва: Прогресс. 1986. С. 290.

Со временем божественная сущность мифа была заменена на цицероновское «благо народа — высший закон», которое все же основывалось на божественных канонах, и уже это знамя сопровождало любые нормативные преобразования. Из постулата, который даже нельзя назвать новым, *ad maiorem gloriam populus* (во имя вящей славы народа) М. Вебер вывел закон, согласно которому прогрессивное развитие права идет в направлении его рационализации, которая включает всевозрастающую специализацию и бюрократизацию. Этот закон позволил обосновывать растущее число нормативных установлений, каковые, в свою очередь, имели целью под благими лозунгами защиту власть имущих. А. И. Исаев отмечает: «Государство всегда стремилось обозначить границы сферы действия собственной ответственности, маскируя эти намерения одним из своих главных мифов — защитой общественного интереса ... На самом же деле государство всегда охраняет только само себя¹. Но, охраняя само себя, государство не может не опираться на объективные позиции, которые будут не только доступны охлосу, но и поддержаны им. И эти позиции современного российского законодателя остались неизменными со времен средневековья — тезис о благе народа. Так, в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее — УПК РФ) (принятому 22 июля 2010 года № 155-ФЗ), дополняющему перечень обстоятельств, отягчающих наказание, предусмотренного частью 1 статьи 63 УК РФ, новым обстоятельством «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел» (п. «о»), интересы народа получили истинное назначение в качестве бесспорного аргумента. Весь сопроводительный документ исчерпывается указанием на то, что законопроект «подготовлен во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 12 ноября 2009 года № Пр-3020 и от 30 декабря 2009 года № Пр-3525 и **направлен на усиление защиты прав и законных интересов граждан и организаций** (выделено нами. — Н. И.) от неправомερных действий сотрудников органов внутренних дел».

Необходимость защиты интересов граждан используют политики и законодатели главным образом в тех ситуациях, когда законопроект вызывает возражения со стороны, между прочим, народа или сомнения в его целесообразности, корректности и обоснованности со стороны исследовательских кругов. Так, председатель Государственной Думы В. Володин опубликовал в своем Telegram-канале новый пост, который касается резонансного закона о специальных кодах доступа, принятого в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации. В новом посте В. Володин, в частности, написал, что «диалог по законопроекту будет продолжен», поскольку «нам» (видимо, власти. Вставка автора. — Н. И.) «важно сделать все для спасения людей».

Защита прав граждан — безупречный аргумент, обосновывающий любые начинания. Но права граждан, если иметь ввиду Конституцию, зиждятся на естественных правах человека: справедливости, свободе, равенстве, братстве, и, несмотря на то, что теория естественного права представлена многоаспектными вариантами ее интерпретации, она имеет общие основания: вечность (хотя бы идеи) и неотчуждаемость присущих человеку прав. Однако история государственности предлагает массу примеров, когда благие намерения защиты неотчуждаемых прав приводили в итоге к репрессиям и тирании. Так, Французская революция, которая провозгласила и принялась усердно защищать различного рода свободы, равенство всех граждан и приняла даже Декларацию прав человека и гражданина со свободой совести, печати, собраний, союзов и попыткой отмены смертной казни (Кондорсэ). Однако эйфория свободы прошла достаточно быстро, поскольку власть оказалась перед необходимостью защищать свои амбиции. И вот уже через незначительное время после ее начала Робеспьер стал обожествлять террор: появились ограничения свобод, и в результате Великая революция преобразовалась в страшную диктатуру, сопровождающуюся беспримысленным тезисом «благо народа», а между тем ученые умы и советовали, и настоятельно рекомендовали обратить внимание правящих властей на существо, естественно, правовых воззрений, помогающего установить справедливость во взаимоотношениях граждан. Со времен Ж.-Ж. Руссо и Дж. Локка такие требования не прекращались и в период новейшей теории естественного права, которая оперирует термином «естественное право социального содержания».

Другой не менее важный аргумент для легитимации властных амбиций — воля народа. Невзирая на мнения специалистов, высказывающих обоснованные сомнения в наличии такой всеобъемлющей воли, она, как беспримысленный аргумент, правит балом в законодательных реформах. Вот, например, спикер Государственной Думы Российской Федерации В. Володин в ходе

¹ Исаев И. А. Закон и революция. Москва: Проспект. 2022. С. 126.

выступления по случаю Дня Конституции Российской Федерации на пленарном заседании палаты сказал, что Конституция Российской Федерации с учетом принятых в 2020 году поправок к ней стала документом, который исходит из вызовов времени, опирается на текущую ситуацию и отражает волю народа. То же самое сказал В. В. Путин, объясняя необходимость изменения Конституции.

Ссылка на мнение народа, или как оно именуется иначе — общественное мнение, полностью соответствует положениям статьи 3 Конституции Российской Федерации, устанавливающей положение, согласно которому единственным источником власти в России является народ, и Всеобщей декларации прав человека ООН, где установлено, что воля народа должна быть основой власти правительства. Бесспорно, выигрышный тезис, имеющий фундамент в естественном праве. Но что дает этот тезис с позиции семантики? И здесь исследователь вынужден столкнуться с дуализмом. Во-первых, следуя за рассуждениями Ж.-Ж. Руссо и его последователей, закон выражает «общую волю» народа, которая складывается из субъективных волей каждого отдельного человека, поэтому, если кто-то не подчиняется общей воле, то в силу вступает принуждение и такой вольтерьянец силой принуждается быть свободным! Это напоминает тезисы римских императоров, народных волеводцев и подобного рода деятелей, склонных к кардинальным решениям или террористическим сюжетам. Например, один из виднейших деятелей реформации, пропагандист идеи спасения вне угнетающих регламентов церкви Ж. Кальвин считал, что ради достижения справедливости «надо делать добро людям вопреки их воле»¹, а В. Г. Белинский провозглашал: «Если для утверждения социальности нужна тысяча голов — я требую тысячи голов»². Именно такие следствия являются печальным итогом последовательной интерпретации учета так называемой «воли народа».

Во-вторых, исследователи совершенно справедливо отмечают, что общество неоднородно и состоит из различных социальных групп, обладающих собственными взглядами, ценностными установками, ментальными позициями, в связи с чем закон не может выражать волю всех. Это абсурд, но абсурд, выгодный законодателю, который продвигает линию демиурга.

Ратую против общей воли как надлежащего аргумента в защиту принимаемого закона, исследователи занимали порой радикальные позиции, но, в сущности, отражавшие гнев ученого, выступающего против забвения и игнорирования научной обоснованности принимаемых нормативных актов. Н. Черняев писал: «Его величество большинство голосов далеко не непогрешимо, отличается изумительной слепотой и сплошь и рядом служит послушным орудием людей тупых, злобных и ничтожных»³. Наиболее емко, однако, выразил отношение к массе народа величайший философ эпохи Возрождения М. Монтень и в этой сентенции мыслителя сосредоточены, пожалуй, все потенции народной массы, которыми она характеризуется вне зависимости от вековых особенностей. М. Монтень сказал: «Ибо массе свойственны тупость и легкомыслие, из-за которых она позволяет вести себя куда угодно, замороженная сладкими звуками красивых слов и не способная проверить разумом и познать подлинную суть вещей»⁴. Нельзя доверять решение важных вопросов массе, — предупреждали мыслители, имея ввиду, что масса неоднородна, не всегда достаточно креативна и падка на соблазнительные обещания. Надо иметь ввиду естественные нужды человека, требующие порой защиты, а вовсе не желание массы, которое может сформироваться в итоге побудительных призывов со стороны. При этом автор вовсе не принуждает игнорировать пожелания граждан при проектировании законоположений. Таких призывов не было и у тех исследователей, которые ратовали за скептическое отношение к так называемой «воле народа». Взаимоотношения между гражданами и законодателем необходимы, но принятие окончательного решения должно быть непременно обосновано с научных позиций, учитывая, что ссылка на волю народа может быть ширмой для принятия необходимых определенным кругом решений.

Еще один аргумент нельзя обойти вниманием в процессе рассуждений о роли науки в праве. Это аргумент о дальнейшей гуманизации и либерализации законодательства, который также употребляется без каких-либо научных уточнений и пояснений в расчете на массовое сознание. Так, в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ, в котором из системы наказаний была исключена конфискация имущества явно по требованию определенных кругов, связанных с предпринимательством, а также исключены нижние пределы санкций за целый

¹ Цит. по: Бачинин В. Мистерия гуманитарной аномии. Киев: Книгоноша. 2014. С. 97.

² Что дала октябрьская революция работнице и крестьянке // Историк. 2018. № 5. С. 27.

³ Черняев Н. Из записной книжки русского монархиста. Харьков. 1907. С. 133–134.

⁴ Монтень М. Опыты. Полное издание в одном томе. Москва: Эксмо. 2015. С. 274.

ряд преступлений, включая преступления против здоровья, что создало возможность дальнейшего развития и без того достаточно распространенного злоупотребления правом, аргументом принятых решений была провозглашена необходимость гуманизации уголовной политики государства. Подобные аргументы, повторюсь, без каких-либо научных или хотя бы просто приемлемых доводов лежали в основе объяснительных позиций и других нормативных актов. Но недоумевали пораженные юристы-исследователи: неужели российский УК — это кодекс Драконта, который надо постоянно очеловечивать, невзирая на то, что Уголовный кодекс должен все-таки внушать страх, дабы соответствовать критерию общей превенции. Однако аргумент гуманизации, а также ссылка на волю народа и необходимость защиты его интересов преодолевали все научные недоумения в ситуации принятия нового закона, являясь обязательными компонентами обоснования необходимости законодательного акта. И хотя эти тезисы носят абсолютно схоластический характер, именно они есть главный атрибут поднятой хоругви необходимости нормативного урегулирования определенных отношений. И какие в таком случае требуются научные обоснования? Или: кому они нужны, кроме самого обоснователя и адептов?

И тем не менее наука призвана играть роль в пьесе под названием «Обоснование закона». Она (наука) может быть представлена в такой государственно-правовой реальности в двух качествах, каждое из которых является важнейшим для внешнего обеспечения научной обоснованности принимаемого нормативного акта. Первое — наука как обслуживающий компонент государственных решений. Нужно же создать достойный восхитения миф. И этот миф постоянно создается, и в любых проектах он представлен рефреном с теми или иными интерпретациями: «в целях совершенствования уголовно-правовой охраны национальных интересов Российской Федерации, прав и свобод граждан...». Беспроигрышно: *ad maiorem gloriam Dei*. Наука приводит аргументы в пользу этого тезиса и тем свою роль ограничивает. Но государство всегда сопрягало законность с политической целесообразностью, и в таком сопряжении наука вряд ли способна на главенствующую роль. И сколь бы исследователи не старались доказать, что норма не нужна или ущербна по различным причинам, вплоть до дискредитации кодекса, она останется в прежнем виде, покуда не отпадет политическая нужда. Например, статьи 207³ и 280.3 УК РФ, в которых установлена ответственность: в первом случае — за распространение лжи об использовании Вооруженных сил Российской Федерации; во втором — за дискредитацию использования Вооруженных сил.

Второе качество науки тоже обслуживающее, но здесь она способна проявить себя во всем блеске, если на этот блеск обратят внимание. Это обслуживание технических вариантов созданной нормы. Исследователи справедливо обращают внимание законодателя на несовершенство созданного материала, что находит выражение в его: а) безграмотном (с точки зрения лексики) изложении материала, б) противоречии с ранее созданным материалом, в) противоречии с аналогичным материалом другой отрасли права, г) дублировании нормативного материала и т. п. И в этом сегменте наука превращается в благодушного лакея, создающего мифологему, способную хотя бы внешне удовлетворить бюргера¹. Но, создавая аргументы в пользу принятого закона и облагораживая мифологему в этой части, наука предлагает достойные внимания доводы в пользу преобразования принятого нормативного материала, что зачастую дает эффект, который выражается в принятии новой редакции закона. В первом качестве, однако, фронда по поводу инициатив государства способна привести в узилище, если нет «оправдывающего» момента, зато во втором — к поощрениям.

«Пусть князь заботится о победе и сохранении государства — средства всегда будут считаться достойными и каждым будут одобрены, потому что толпа идет за видимостью и успехом дела», — учил Н. Макиавелли². И это наблюдение итальянского философа, которого обоснованно причисляют к великим «вершителям мира», является квинтэссенцией существования любого государства или, лучше даже сказать, любого социального образования, которое непременно стремится к защите собственных интересов. Так происходило в веках, бывших до нас (как выражался Данте), так будет и впредь. Это фатальность социальной ячейки. Но наука здесь, повторимся, необходима, в частности, и для того, чтобы законодательство не выродилось в схоластический набор предписаний.

¹ Автор имеет ввиду исключительно нормы, которые своим бытием вызывают сомнение или неприятие.

² Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Москва: Мысль. 1996. С. 85.

Ивашевский Станислав Леонидович,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
Нижегородской академии МВД России

Социальный запрос на доктринальное развитие правовой аксиологии

Диалектика традиций и новаций в мире человеческих ценностей является основанием социокультурного развития. Это процесс противостояния множества противоречий и нахождения компромиссов. Ценности неотделимы от человека, определяют его поступки, формируют общественный уклад. Традиционные ценности обеспечивают стабильность, умиряют пыл человеческий в поисках лучшего для себя состояния. Новационные предлагают альтернативы, реализуют авантюрно-романтические надежды на изменение привычного состояния, созидание качественно иного, лучшего по отношению к наличной реальности. В их противостоянии общество не раз впадало в ценностный кризис, и, как показывает наша история, он крайне болезненно отзывался во всех сферах общественной жизни.

Актуален кризис ценностей и для нас сегодня. Несомненно, более чем тридцатилетие (начиная с перестройки) увлеченности «новационными» ценностями западной культуры пробудили к жизни давний в нашей культуре конфликт «западничества» и российского самобытничества. Усвоив определенные уроки взаимодействия с западным миром «международного людоедства»¹ Россия опять возвращается в духовное лоно национальных традиций.

Поворот этот во многом был стимулирован широко обсуждаемым сегодня Указом Президента страны «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022 года). Традиционные ценности определены в нем как силы, способные объединить все российское общество и направить на путь совместного преодоления всех вызовов и угроз нашему государству, обществу, культуре. В качестве традиционных ценностей в Указе определены жизнь, семья, права и свободы человека, патриотизм и ряд других, перечень которых, естественно, не может быть никогда полным и неизменным. Отмечено в Указе и значение научно-аналитического инструментария, особенно в его политико-правовой плоскости для реализации задач мировоззренческой перезагрузки российского общества².

Как пишет А. Н. Данилов: «Перезагрузка существующих ценностей — результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, отражающих состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового»³. Состояние культурной среды регулярно отслеживается отечественными социологами. Так, ВЦИОМ в ноябре 2023 года зафиксировал преобладающую нацеленность россиян на сохранение в их жизни и в будущем традиционных культурных ценностей (81 % опрошенных). В качестве самых значимых ценностей — целей были определены здоровье (58 %) и создание счастливой семьи (56 %) ⁴. Семья как традиционная российская ценность была определена и в другом исследовании ВЦИОМ (декабрь 2023 года) — 34 %. Обращает на себя внимание выявленная данным опросом противоречивость динамики происходящих ценностных изменений, неспособность значительной группы респондентов назвать традиционные ценности нашего народа (33 %) ⁵.

Проблема видится, конечно, не в названии, а в утрате смыслов, которые только и делают что-либо ценным, имеющим значимость для человека. Слова «жизнь», «семья» и другие более устойчивы, чем их смыслы, определяемые спецификой исторического момента. Смысл необходимо найти, в противном случае слова останутся лишь словами, набором звуков, не имеющих значения для человека.

Культура западного постмодерна привела к разрушению многих традиционных смыслов русской культуры. С. И. Трунев пишет: «Можно отметить... полную девальвацию таких понятий, как «истина», «родина», «народ», «любовь» и т. д., понятий, которые в рамках традиционных обществ

¹ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России / соч. в 2 т. Т. 1. Москва: Правда, 1989. С. 268.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 11.05.2024).

³ Данилов А. Н. Современность как вызов: ценностная перезагрузка // Философские науки. 2022. № 3. С. 20.

⁴ Традиционные ценности, современные цели. 30 ноября 2023 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi?ysclid=ludp9dmqvx44922459> (дата обращения: 11.05.2024).

⁵ Традиции в эпоху перемен. 28 декабря 2023 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen?ysclid=lnwu8fkyue485446043> (дата обращения: 11.05.2024).

придавали возвышенный смысл не только человеческой жизни, но и смерти»¹. Таким образом, даже ценность жизни утратила свой духовный потенциал творческого акта, посвященного усовершенствованию мира. Новации постмодерна представили жизнь как проживание для себя, где «Я» абсолютно, а все вокруг является для него лишь средством. В таком виде ценность жизни представляет уже опасность для национальной культуры и потенциально направлена на разрушение духовных скреп общества. Жить ради людей, отдать жизнь за счастье других, жить, радея о благополучии государства — все это выглядит в данной системе координат несурзацией.

Эта новая форма отношения к жизни не так уж глубоко скрыта, она на поверхности нашей повседневности, неакцентированно заявляя о своем праве на управление нами. Сравним текст присяги рядового и начальствующего состава органов ОВД 1973 года, присяги сотрудника органов внутренних дел 1992 года, присяги 2011 года — клятва не щадить своей жизни при охране правопорядка отсутствует в действующих правилах². Жизнь, конечно, важнее всего, но жизнь ради жизни выглядит духовной деформацией человека. В подобной бессмыслице человек отрывается от «корней», становится уязвимым для всех «ветров», ищущим себя в мире, но часто так и не находящим.

Традиционность ценности семьи видится не менее уязвимой в динамике своих исторических смыслов. Семья — основная ячейка общества, хранительница традиций, моральных норм, основа благополучия личности и общества. В силу своей укорененности в общественные отношения семья не раз подвергалась попыткам ее модернизации в угоду модным веяниям приходящих эпох. Каждый раз это сопровождалось серьезными социальными потрясениями. Казалось бы, во все времена ценность семьи для нашей культуры бесспорна, но за «словом» кроется текучесть смыслов.

Крушение Империи сопровождалось упадком традиционных семейных связей: «При опросе по меньшей мере половина студентов удостоверили отсутствие всякой духовной связи с семьей... Из 1 794 студентов, ответивших на вопрос: «имела ли семья влияние на выработку определенного мировоззрения?», 58 % дали ответ отрицательный. У русской интеллигенции — семьи нет», — писал А. С. Изгоев в знаменитом сборнике «Вехи»³.

Кризис, связанный с распадом СССР, был и кризисом семейных ценностей: «Тогда был взят курс на построение общества «массового потребления»; стали насаждаться либеральные ценности Запада, аморальные и безнравственные практики семейно-брачного поведения»⁴.

Сегодня семья как ценность выглядит весьма неоднозначно. С одной стороны, она прочно входит в «список» самых важных традиционных ценностей нашего общества, с другой — отмечаем падение престижа брака за последние десять лет и рост числа разводов. Так, в 2006 году в России браков было больше, чем разводов, примерно в 1,5 раза, в 2011 году — в 2 раза, в 2023 году — в 1,4 раза⁵. Численность населения как показатель, в том числе функционирования семьи, изменилась с 148,3 миллиона человек в 1991 году до 146,1 миллиона человек в 2024 году⁶.

Таким образом, приходится признать, что за общим социальным консенсусом по поводу значимости традиционных ценностей для развития нашего общества кроется конфликт смыслов, определяющих позитивный потенциал российской духовной культуры в современных жизненных реалиях. Проблема их обоснования становится условием формирования общественного запроса на развитие правовой аксиологии. Как отмечают представители юридической науки: «Проблема смыслообразования

¹ Трунев С. И. Жизнь как ценность: проблемы и противоречия // *Философия и общество*. 2008. № 4 (52). С. 120.

² Присяга рядового и начальствующего состава органов внутренних дел. Утверждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1973 года. URL: https://e-ecolog.ru/docs/r36fGg4UNStfC3XDIUDc2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 11.05.2024); Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление Верховного суда Российской Федерации от 23 декабря 1992 года N 4202-1 (ред. от 5 февраля 2018 года). URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-23121992-n-4202-1/?ysclid=lnwpr3ux3z7213490933> (дата обращения: 11.05.2024); О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342 (ред. от 4 августа 2023 года, с изм. от 12 октября 2023 года). URL: <https://www.zakonrf.info/doc-32293605/gl5-st28/?ysclid=lnwpr3ux3z7213490933> (дата обращения: 11.05.2024).

³ Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях) // *Вехи из глубины*. Москва: Правда, 1991. С. 99.

⁴ Свадьбина Т. В., Немова О. А. Российская семья как хранитель и транслятор традиционных национальных ценностей // *Вестник Мининского университета*. 2023. Т. 11. № 4. С. 14.

⁵ URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31604> (дата обращения: 16.05.2024).

⁶ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 16.05.2024).

выступает одной из ключевых проблем современного российского правоведения»¹. Опыт самой культурной традиции в отечественной науке утверждает необходимость в решении этой задачи опереться на социально значимую идею, идеал как высший уровень ценностного восприятия действительности и обладающий при этом характером необходимого должностования. Особый интерес при его формировании представляют самобытные идеи русской философии, где право утверждается как способ бытия духовных ценностей, динамичный баланс личной свободы и общего блага². Опираясь на опыт духовных исканий русских философов, можно утверждать, что выработка ключевой идеи, организующей жизнь современного общества и образующей актуальные смыслы традиционных ценностей, представляется важнейшим социальным запросом и задачей правовой аксиологии.

Ильин Игорь Вячеславович,

доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии МВД России;

Морозов Олег Леонидович,

кандидат экономических наук
заместитель начальника
Нижегородской академии МВД России
(по научной работе)

Роль виктимологии в современном российском обществе

Виктимологическая наука в качестве самостоятельного криминологического направления стала развиваться сравнительно недавно. Среди первых отечественных специалистов, исследующих личностные характеристики потерпевших в контексте детерминанты преступности, можно назвать Л. В. Франка и Д. В. Ривмана, которыми в 60-е годы XX века на основе исследований зарубежных виктимологов Ганса фон Гентига и Бенджамина Мендельсона были опубликованы первые труды, положившие начало советской виктимологии. До этого момента роль личностных характеристик в механизме совершения преступления преимущественно анализировалась в коннотации негативного поведения личности преступника, что обуславливало однобокое формирование индивидуальной профилактики, которая сводилась только к воздействию на обстоятельства, связанные с потенциальным субъектом преступления.

В дальнейшем в результате осуществления большого количества виктимологических исследований, накопления и селекции информации начали вскрываться реальные закономерности, свидетельствующие о влиянии поведения жертв в генезисе преступности.

Виктимологические аспекты предупреждения преступности нашли отражение во множестве диссертационных работ. К ним можно отнести труды, посвященные вопросам отраслевого виктимологического воздействия. Например, виктимологию хищений исследовали С. А. Аверинская³, А. Ю. Арефьев⁴, К. В. Астафьев⁵, И. В. Ильин⁶, Т. А. Малыхина⁷, Н. А. Чикишева⁸.

¹ Стратегии правового развития России: коллективная монография / О. Ю. Рыбаков [и др.]; под ред. О. Ю. Рыбакова. Москва: *Justitia*, 2015. 622 с.

² См.: Соловьев В. С. Оправдание добра: нравственная философия. Москва: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.

³ См.: Аверинская С. А. Виктимологическая характеристика краж, совершаемых на пассажирском железнодорожном транспорте и способы их профилактики: по материалам Восточно-Сибирского региона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 22 с.

⁴ См.: Арефьев А. Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей и разбойных нападений на квартиры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1994. 21 с.

⁵ См.: Астафьев К. В. Виктимологический аспект мошенничества: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 22 с.

⁶ См.: Ильин И. В. Виктимологическая профилактика экономического мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000. 21 с.

⁷ См.: Малыхина Т. А. Виктимологическая характеристика и предупреждение мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Иркутск, 2007. 27 с.

⁸ См.: Чикишева Н. А. Женское мошенничество: криминологическая и виктимологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2011. 22 с.

Проблемы виктимологического характера насильственных преступлений были изучены А. В. Акимовым¹, Л. Г. Ибрагимовой², И. С. Ильиным³, С. С. Мумаевым⁴, Ю. А. Надеевым⁵, Е. В. Черных⁶, Ю. В. Журавлевой⁷, И. Н. Заварыкиным⁸.

Существенный вклад в развитие виктимологической науки внес профессор В. С. Устинов, который сформировал Нижегородскую научную виктимологическую школу. Им не только совместно с одним из основателей советской виктимологии Д. В. Ривманом была опубликована в 1998 году и переизданная в 2000 году монография «Виктимология»⁹, содержащая концептуальные основы названной науки, но и впервые в России инициировано создание Нижегородской региональной общественной организации «Виктимологическая ассоциация», президентом которой он был избран и под эгидой которой стал издаваться «Вестник Виктимологической ассоциации», посвященный виктимологическому направлению предупредительного воздействия на преступность¹⁰.

В настоящий момент защищены также докторские диссертации на виктимологическую тематику. К ним можно отнести работы А. В. Майорова¹¹, Т. В. Варчука¹², Т. П. Будяковой¹³, К. В. Вишневецкого¹⁴, В. И. Задорожного¹⁵.

Можно сделать вывод, что сегодня виктимология существенно эволюционировала от изучения антропологических признаков жертвы преступления до исследования сложных конструкций, в том числе изучения корпораций и публичных образований как жертв преступлений, анализа многогранных процессов виктимизации, формирования направлений виктимологической профилактики, исследования сложных отношений преступник — жертва, выработки алгоритмов возмещения вреда причиненным преступлением.

Практика показывает, что виктимологическая наука также вызывает общественный интерес со стороны хозяйствующих субъектов, где организация систем безопасности основана на принципах виктимологической профилактики.

Наибольшую публичную значимость представляет виктимология, направленная на изучение групповой и общественной виктимности. Групповая виктимность объединена особенными чертами

¹ См.: Акимов А. В. Виктимологическое предупреждение убийств по найму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 23 с.

² См.: Ибрагимова Л. Г. Виктимологические аспекты убийства и причинения вреда здоровью человека: по материалам Республики Дагестан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 25 с.

³ См.: Ильин И. С. Виктимологические аспекты убийств по найму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 28 с.

⁴ См.: Мумаев С. С. Виктимологические аспекты профилактики насильственных преступлений: на материалах убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 33 с.

⁵ См.: Надеев Ю. А. Убийства несовершеннолетних: криминологические и виктимологические аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 21 с.

⁶ См.: Черных Е. В. Виктимологическая характеристика и предупреждение тяжкой насильственной преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 32 с.

⁷ Журавлева Ю. В. Виктимологическая профилактика изнасилований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 22 с.

⁸ См.: Заварыкин И. Н. Виктимологические аспекты профилактики изнасилований: региональное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. 20 с.

⁹ См.: Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология: монография. Нижний Новгород, 1998. 210 с.; Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. Санкт-Петербург, 2000. 331 с.

¹⁰ См.: Кабанов П. А. Вклад профессора В. С. Устинова в формирование и развитие российской политической криминологии: к 80-летию учителя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 256–264.

¹¹ См.: Майоров А. В. Теоретико — правовые основы виктимологической модели противодействия преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 46 с.

¹² См.: Варчук Т. В. Теория виктимологического моделирования и ее развитие в российской криминологической науке и практике предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2013. 47 с.

¹³ См.: Будякова Т. П. Виктимологическая профилактика преступлений, причинивших моральный вред: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. 41 с.

¹⁴ См.: Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 44 с.

¹⁵ См.: Задорожный В. И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. 47 с.

группы граждан, имеющих общие личностные признаки и качества, относящиеся к их способности стать жертвами преступления в силу определенных условий.

Массовая виктимность обусловлена резким изменением массово-коммуникативных возможностей информационного воздействия на целые общности, на неопределенный круг лиц вне зависимости от пола, расы и принадлежности к какому-либо государству.

Проблема усиливается тем, что снижаются возможности государственного контроля за распространением массового негативного воздействия на личностные характеристики потенциальных жертв преступления. Система скрытого шифрования обмена данными в интернете, в том числе мессенджерах, позволяет злоумышленникам из лояльных, а порой и враждебных нам государственных юрисдикций, где не действуют российские законы, анонимно совершать преступления.

При этом описанные еще классиками виктимологии признаки уязвимости потенциальных жертв: жадность, алчность, нескритичность, внушаемость, необдуманность, страх и многие другие, даже позитивные качества жертвы используются мошенниками в массовом плане.

Рекомендации по предупреждению мошенничества, указываемые в памятках потенциальным жертвам мошенничества, носят фрагментарный и неполный характер, как правило, состоящий из описания уже совершенных ранее преступлений, причинивший огромный ущерб.

Необходима глубокая проработка предупредительного опережающего воздействия на массовую виктимность, носящая целостный системный характер, предусматривающая финансирование, возложение соответствующих обязанностей на органы государственной власти, средства массовой информации, организации банковской системы и самих потенциальных жертв. Такими возможностями обладает только виктимологическая наука.

Виктимология, с одной стороны, является самостоятельным разделом юридической науки, с другой — интегрирована в систему знаний о личности жертвы, в том числе в антропологию, этнографию, социальную психологию и медицину.

Калинина Евгения Валерьевна,

доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры теории и истории государства
 и права юридического факультета
 Нижегородского государственного
 университета имени Н. И. Лобачевского;
 профессор кафедры общественного здоровья
 и организации здравоохранения
 Приволжского исследовательского
 медицинского университета

Юридическая наука в эпицентре вызовов современности

Вопрос о современном состоянии науки вообще и юридической в частности являлся и является открытым, ибо мы не перестаем оценивать достижения и делать прогнозы. Параллельно с этим выявляются внутренние препятствия, порождаемые самой научной динамикой, и риски, зачастую имеющие внешний характер. Многие вызовы имеют давнюю историю и никуда не исчезают, а сохраняются и трансформируются вместе с меняющимися реалиями. В этой связи В. В. Лазарев, классифицируя вызовы юридической науке, предложил их градацию на внутренние и внешние¹. В целом соглашаясь с подобным разграничением, отметим, что сложность конструкции юридической науки навевает еще один классификационный компонент — группу *гибридных вызовов*, 1) зарождающихся внутри системы и распространяющихся за ее пределы (например, проблема эффективности внутригосударственного правового регулирования при создании образа международного правового пространства неизбежно потребовала разработки комплексного механизма международного принуждения, действующего, правда, на иных — координационных — началах, а потому менее эффективных) и, наоборот, 2) формирующихся вовне, с прицелом на внутренние преобразования системы (например, идеи и концепты, выработанные международным сообществом или его частью, которые государства вынуждены ради блага безопасности признавать,

¹ Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. Т. LXXV. С. 183–184.

а значит, через инструмент гармонизации внедрять в свою правовую систему как акт исполнения своих международных обязательств).

Вырисовывается еще одна проблема: вероятное преобразование мировой системы как в политическом, так и правовом контексте. Новая архитектура мироустройства потребует смены универсальной ценностной системы, что отобразится в идеологии глобального пространства и его составных частей. Как будут выстраиваться отношения внутри общей системы и ее составляющих, насколько оправдаются прогнозы футурологов, покажет время, однако изменения мироустройства неизбежно повлекут преобразования в международной нормативной базе. Поскольку речь идет о системе коллективной/международной (всеобщей или региональной) безопасности, а также надеждах на мирное межгосударственное взаимодействие, то для обеспечения одного потребуются внесение изменений и во внутригосударственное право договаривающихся стран. В итоге доктрина международного права в целом, равно как и концепции отдельно взятых научных школ, претерпят трансформации.

Среди внешних вызовов юридической науке В. В. Лазарев выделил природные и социальные¹. Последние вызывают особый интерес как наиболее разнообразные, порождающие неисчислимо множество вопросов в отраслевых научных направлениях.

Исходя из вышесказанного и учитывая сосуществование вызовов-констант и новых проблемных образований, можно ввести соответствующую классификацию: 1) вызовы, перманентно присутствующие (дискуссионность терминологического аппарата науки и смежных направлений, спорный характер дефиниций отдельных концептов; методологические конструкции; признание новой области научных знаний в качестве сформировавшейся и многое другое); 2) новые вызовы, отражающие специфику определенных социальных трансформаций, новых технологических укладов, меняющейся ценностной системы и проч.

Дополнительную градацию проблемных вопросов можно усмотреть в попытках внешней самореализации юриспруденции: 1) вызовы, возникающие при взаимодействии правовой науки и юридической практики; 2) вызовы, возникающие при взаимодействии правовой науки и сферы политики (данный пункт, в свою очередь, распадается на две траектории: а) взаимодействие юридической науки с властью путем поиска оптимальных моделей сохранения и укрепления общественного порядка и солидарности; б) взаимодействие юриспруденции с социумом посредством генерирования правовых конструкций, необходимых для стабильности, защиты и благоденствия последнего).

Помимо обзора многообразия групп дискуссионных аспектов, хотелось бы остановиться на отдельных вызовах и дилеммах.

Технологический прогресс формирует новые сферы, еще пока недостаточно осмысленные, а потому не отнесенные к сфере правового или хотя бы гибридного, междисциплинарного регулирования (еще не признана существенность влияния отдельных новых технологических явлений на безопасность общества, хотя эти явления способны создавать ощутимые риски и даже вмешиваться в политические процедуры, не говоря о межличностных коммуникациях. Все это требует пересмотра социальной и государственной политики в отношении управления подобными новшествами и их последствиями. Так, прежде чем запускать высокотехнологичные цифровые сервисы, агрегирующие необъятные цифровые потоки персональных данных и в первую очередь наиболее «деликатные» сведения персонального характера, следует спрогнозировать и исключить всевозможные риски их утечки и злоупотребления злоумышленниками, что практически не представляется возможным, по крайней мере, на настоящий момент. Опыт (в том числе и международный) разработки нормативной базы, регулирующей информационные потоки и защиту данных, показал недостаточность этих усилий.

Отсутствие единообразия в инновационном терминологическом аппарате (внутреннем и междисциплинарном). Технологический прогресс и межгосударственная деятельность в поиске оптимальных регулятивных инструментов для актуальных вызовов и угроз породили множество новых, беспрецедентных явлений и практик, требующих признанных наименований. Однако каждая наука и внутринаучное направление в силу своего специфического инструментария вырабатывает устойчивые когнитивные шаблоны и стереотипы, порой отличающиеся от средств, применяемых в иной сфере и раскрывающих только одну сторону искомого явления. Так, в широкий обиход

¹ См.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. Т. LXXV. С. 182–183.

вошли понятия «коммуникативное пространство», «информационное пространство», «киберпространство», «медиапространство» и проч. Несмотря на то, данные термины имеют схожее значение (сфера информационных потоков), каждый из них имеет специфическую фокусировку (медиапространство: акцент на манипулятивном потенциале¹ информационных потоков и специфике коммуникаторов и реципиентов; киберпространство: в центре внимания — автоматизированность информационных систем и аппаратные способы передачи информации и т. д.)².

Дилемма нежелательности всеобъемлющей юридикации, что неизбежно приводит к замедлению необходимых обществу изменений (кроме того, юридикация управления прогрессивным коммуникативным пространством эффективно используется внутри- и внешнеполитическими оппонентами официальной власти для дискредитации действующих механизмов взаимодействия государства и общества³. В этой связи становится очевидной необходимость использования междисциплинарных подходов к противодействию пока еще недостаточно изученным вызовам (например, высокотехнологическим) коллективной стабильности и безопасности. Учитывая объективные препятствия созданию правовых фильтров и расширению сферы правового регулирования, в том числе агрессивную критику вмешательства государства в управление коммуникативной средой, целесообразен поиск оптимальной системы контрольно-надзорных мероприятий государства совместно с самоуправляемыми общественными учреждениями, хотя на данный момент приходится констатировать недостаточную вовлеченность юридической науки в междисциплинарный дискурс по разработке гибридных средств управления социальными процессами.

Дилемма неизбежной политизированности науки (в том числе юридической) и *невозможности отказать от ее использования в качестве так называемой «мягкой силы»*. С одной стороны, юриспруденция, как справедливо было отмечено Цицероном, является надстройкой, формируемой обществом и, соответственно, отражающей все трансформации этого самого общества — как продуктивные, так и деградационные. С другой стороны, даже при смене социальных парадигм мы продолжаем обращаться за ориентирами к мнению ведущих ученых и продуктам их деятельности, которые зачастую содержат апологетику нового социально-политического порядка, опирающуюся на жесткую критику предыдущего уклада. Причем, учитывая научное долголетие отдельных корифеев, можно выявить их собственные «метания» от одних установок к прямо противоположным, что может подорвать доверие к научным школам и порой к науке в целом. Кроме того, за последние годы мы убедились, что наука, как и образование, используются в качестве эффективного средства внешнеполитической манипуляции.

Ценностная деградация общества. Западно ориентированная псевдолиберальная повестка способствовала успешному формированию «общества квалифицированных потребителей». Все инструменты цифровизации были направлены на создание условий, обосновывающих приоритет прав личности над ценностью всеобщего благоденствия и коллективной безопасности. При этом избирательность логики апологетов этой концепции отметала любые указания на абсурдность таких постулатов для обществ со средним и ниже уровнем правовой культуры. Декларация приоритетности прав и свобод личности над правами и интересами общества применима исключительно к обществам с высоким уровнем правовой культуры и правосознания, где исключено

¹ Агапова С. Г., Гущина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 29–32; Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 205.

² Калинина Е. В. Этико-правовые вызовы прогрессивного пространства массовых коммуникаций. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2023. 48 (2). 285–294.

³ Регулирование СМИ в России: анализ правового поля и тенденций: доклад. URL: <https://www.trust.org/documents/trustlaw/media-regulation-in-russia-a-landscape-analysis-of-laws-and-trends.pdf> (дата обращения: 03.06.2024); Панкеев И. А., Тимофеев А. А. Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект. Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 231–246; Common M. F. Beyond the usual suspects: a taxonomy of social media regulations in countries with human rights issues, International Review of Law, Computers & Technology, DOI: 10.1080/13600869.2022.2043093. URL: https://www.researchgate.net/publication/362730653_Beyond_the_usual_suspects_a_taxonomy_of_social_media_regulations_in_countries_with_human_rights_issues (дата обращения: 02.06.2024); Rozgonyi K. 2018. A New Model for Media Regulation // InterMEDIA. 2018. April. Vol 46 Issue 1. pp. 18–23; Samples J. 2019. Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media. URL: https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa_865.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

злоупотребление правом. Только тогда указанный либеральный слоган не будет работать на разрушение социума изнутри. В нашем случае недавно запущенный процесс возвращения к социально ориентированной ценностной системе, несмотря на имеющиеся огрехи и двусмысленную риторику, может оказаться плодотворным в долгосрочной перспективе. Реконструкция системы традиционных духовно-нравственных ценностей представляется, таким образом, работой властей над ошибками либерального прошлого. Юриспруденция имеет высокий потенциал и внушительный инструментарий для выявления вызовов правовой культуре индивидов и общества, закрепления традиционных ценностей и профилактики нравственной деградации¹. К сожалению, предшествующая инкорпорация западных ценностных ориентиров в российское пространство путем обесценивания, выдавливания исконных этических констант (а когда это было невозможно, то и при помощи подмены понятий) привела к наслоению порой взаимоисключающих постулатов.

Для решения данной проблемы целесообразно задействовать накопленный опыт всех социогуманитарных наук. В частности, методы социальной инженерии могут быть поставлены на службу государства. Отчасти это сейчас и происходит на примере молодежной политики и внедрения в учебный процесс специфических дисциплин, направленных на формирование необходимой мировоззренческой платформы.

Отдельные авторы рассуждают о необходимости пересмотра места психологии, особенно юридической психологии, в юриспруденции², а также потенциала юридической антропологии³, который используется далеко не в полной мере. Кроме того, ввиду популяризации категории идентичности в современном социально-политическом нарративе как опорной составляющей ценностно ориентированного мировоззрения концепт «правовая идентичность», анализируемый Е. В. Резниковым⁴, представляет существенный интерес.

В завершение попробуем обобщить и систематизировать имеющиеся представления о многообразии проблемных аспектов. Поскольку в предшествующих публикациях, упоминавших разновидности вызовов, не было предложено четких классификационных критериев (а без них классификация не усматривается и наименование вызовов представляет собой не более чем перечень без существенной систематизации и упорядочения), целесообразно представить имеющиеся сложности, препятствия и риски на пути развития юриспруденции (как, впрочем, и любой другой науки) следующим образом: 1) *по масштабу и фокусу вызовов*: внешние, внутренние (в том числе по отраслям научного поиска), гибридные (смешанные); 2) *в зависимости от источника вызова и его сущности*: естественные и социальные; 3) *в зависимости от продолжительности существования вызовов*: вызовы-константы, вызовы-новообразования; 4) *по направленности взаимодействия юриспруденции с другими сферами*: вызовы взаимодействия правовой науки и юридической практики; вызовы взаимодействия правовой науки и сферы политики: а) взаимодействие с властью; б) взаимодействие с обществом.

Целостную, масштабную картину будущего любой науки, включая юридическую, можно увидеть, только анализируя весь комплекс вызовов и дилемм современного общества. Раздельное изучение актуальных процессов при помощи специфических средств различных наук позволяет увидеть лишь отдельные грани проблемы. Возможно, это и позволяет найти грамотные тактические решения, но не способствует формированию успешной антикризисной стратегии, для которой требуется междисциплинарный подход.

¹ Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. Т. LXXV. С. 185.

² Резников Е. В. Психолого-правовой анализ понятия «правовая идентичность» // Вестник Пермского университета, 2012. Юридические науки. Вып. 2 (16). С. 52.

³ Пучков О. А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве. Москва, 2003. 260 с.

⁴ Там же. С. 53.

Кобец Петр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Центра организационного обеспечения
научной деятельности ВНИИ МВД России

О роли современной юридической науки в развитии и регулировании различных сфер жизнедеятельности российского общества

Сегодня все мировое сообщество в процессе своего интенсивного развития проходит этап перехода в постиндустриальное общество. Данные процессы в первую очередь вызваны существенным повышением роли научного познания в различных сферах деятельности. С продвижением цифровизации и новых технологий человечество стало осознавать, что эффективное развитие современного общества невозможно без учета и своевременного научного реагирования на множество проблемных ситуаций, возникающих в разнообразных областях. В связи с этим в рамках исторического прогресса и эволюционирования научная деятельность оказывается своего рода производительной силой в обществе, а не только основополагающим социальным институтом. При этом она постепенно становится важнейшей формой общественного сознания и начинает представлять из себя связующее звено между учеными и органами власти.

В то же время, превращаясь в условиях нового тысячелетия в реальную экономическую силу, научная деятельность является одним из главных и центральных государственных институций, которые могут оценивать и соответственно определять направления развития и эволюционирования общественных и государственных институтов. В этой связи не вызывают сомнения многочисленные утверждения о том, что дальнейшие перспективы государственного устройства, общественного и социально-экономического развития в полной мере будут определяться характерами отношений, происходящих в научной деятельности¹. Одним словом, в условиях нового тысячелетия также во многих странах ускоренно, динамично и быстро происходит развитие юридической науки. Подобные схожие тенденции и явления в настоящее время наблюдаются и в нашей стране. И несмотря на то, что данные процессы частично рассмотрены в отечественной юридической литературе, необходим их детальный и основательный разбор.

Между тем важно указать на то, что процессы становления и дальнейшего развития отечественной юридической науки происходили на протяжении долгого временного промежутка², поэтому о точных датах ее возникновения и трансформации постоянно ведутся и не утихают многочисленные научные споры³. По мнению одних научных экспертов, становление правовых юридических основ берет свое начало в Российской империи в XVIII веке, когда в эту работу активно включился один из первых российских профессоров, а также величайших ученых-правоведов — Семен Ефимович Десницкий. В то же время ряд других отечественных исследователей полагают, что данная позиция не может в полной мере отражать всех реальных этапов по развитию анализируемой научной деятельности. Кроме того, они также апеллируют к тому, что, как правило, юридические научные воззрения обозначенного исторического периода, использовались в качестве примеров для подражания научным трудам европейских правоведов⁴. Однако важно отметить, что в дореволюционный период отечественное правоведение также развивалось и не стояло на месте, при этом заимствуя необходимые западные правовые теории и адаптируя их

¹ Арутюнов В. С. Наука — важнейший институт современного государства // Наукоевческие исследования. 2009. № 2. С. 21–39.

² Кобец П. Н. Вклад выдающегося русского и советского ученого М. Н. Гернета в процесс становления отечественной юридической науки // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2 ч. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 2064–2070.

³ Предупреждение преступности в России: монография / Ю. М. Антонян [и др.]; под ред. проф. Ю. М. Антоняна. Москва: Можайский полиграфический комбинат, 2014. С. 124.

⁴ Кобец П. Н. Научные подходы видного исследователя отечественной пенитенциарной системы М. Н. Гернета к изучению исполнения уголовных наказаний // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 1 (52). С. 59–66.

к российским реалиям. Однако оппоненты сторонников первого научного направления высказывают свою позицию по данному вопросу, которая основывается на том, что основу современного отечественного правоведения заложили в период советской власти, а не в дореволюционный период развития нашей страны¹.

Вне всякого сомнения, достижения советской юридической науки, при некотором ее догматизме, существенно выделялись из общемировых тенденций, и отечественными учеными был внесен неоценимый вклад в ее развитие. Вне всякого сомнения, советский период был одним из ключевых в процессе развития научной деятельности в сфере юриспруденции, между тем не считаться с другими этапами ее развития также не стоит². При этом важно отметить, что в процессе перехода нашей страны в конце прошлого тысячелетия к новым общественным отношениям стала активно происходить кардинальная реформация не только базовых отраслей права, которыми регулировались частноправовые отношения, но также и тех правовых отраслей, которые ученые и практики всегда относили к публичным. Одновременно с этим благодаря весьма активной роли юридической науки наша страна не переставала искать новые пути по развитию как отдельных правовых отраслей, так и в целом всей отечественной законодательной системы.

Продолжая разговор о роли юридической науки в жизнедеятельности современного российского общества следует указать на то, что в современных источниках юридической литературы представлены различные толкования понятия самой юридической науки. По мнению одних правоведов, она является системной совокупностью знаний о праве и государстве, которые были сформированы человечеством на протяжении всей его истории. Другие специалисты по праву характеризуют юридическую науку в качестве системы специализированных научных знаний в раках которых происходит освоение правовых наук. Ряд юридических экспертов отмечают, «что юридическая наука представляет собой систему специальных знаний и особую сферу деятельности, благодаря которой происходит изучение реальных проявлений права и государства, закономерностей их развития»³.

Таким образом, сводя результаты проанализированных выше позиций отечественных исследователей по данному вопросу, понятие юридической науки можно рассматривать в виде обобщенной системы правовых знаний, которая разрабатывает различные государственные и правовые области и процессы их развития. В то же время «ключевые направления воздействия юридической науки на разного рода сферы жизнедеятельности общества определяются правоведом как функции. При этом учеными и правоведом выделяются следующие ее функции: познавательная, практическая, идеологическая, социально-культурологическая»⁴.

Помимо этого, хотелось специально отметить, что очень интересно высказывание зарубежных экспертов по данному вопросу, «которые считают юридическую науку — наукой политической, поскольку ею изучаются закономерности, связанные с возникновением, развитием, функционированием государства и права, путей их дальнейшего совершенствования и практического использования»⁵. По большей части обозначенное выше влечет за собой ряд необходимых требований, предъявляемых к правоведом и ученым. Во многом эти требования сводятся к тому, что важно проводить исследование именно тех актуальных и довольно проблемных вопросов, в первую очередь возникших вследствие процессов по интенсивному государственному и правовому строительству. При этом подготовленные научные исследования в рассматриваемой сфере не должны терять своей актуальности в ближайшей перспективе.

Таким образом, в современных условиях юридическую науку определяют как область юридических знаний, изучающую право. Также ее определяют в качестве особой системы социальных норм, в том числе изучающей многочисленные составляющие элементы и черты юридической деятельности.

¹ Сырых В. М. История и методология юридической науки. Москва: Норма, 2018. С. 17.

² Кобец П. Н. Законодательное регулирование охраны публичного спокойствия и общественного порядка в дореволюционной России // Международный научный теоретико-практический альманах / ред. кол.: В. И. Борисов (гл. ред.), В. Г. Ткаченко, Е. Г. Лисовская, А. В. Борисов, Л. Г. Дегтярева, Д. М. Дремлюгин, А. В. Попов. Т. 2. Смоленск: Борисова С. И., 2015. С. 171–175.

³ Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. Москва: Юридическая литература, 1991. 321 с.

⁴ Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.

⁵ Раджабов Р. М. Роль юридической науки в формировании правовой системы // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2009. № 12. С. 31–37.

Также нельзя не упомянуть, что на современном этапе юридическая наука строго регламентирована и четко структурирована. При этом она включает в себя различные области знаний, взаимодействующих между собой и одновременно являющихся относительно самостоятельными. В том числе для рассматриваемой сферы научных знаний весьма характерно большое количество отраслей научного познания, которые образуют систему.

Совершенно понятно, что рассматриваемая научная деятельность влияет самым непосредственным образом на различные аспекты общественной жизни. Причем немаловажно, что данное воздействие в большинстве своем оказывает только положительное влияние. Также немаловажно, что по большей части обозначенное выше происходит вследствие того, что, как правило, данной наукой разрабатываются правовые нормы, которые направлены для защиты гражданских прав, регламентации разного рода связей, которые возникают в процессе различных правоотношений¹.

Кроме того, важно указать на то, что рассматриваемая область научных знаний представляет собой теоретико-мировоззренческую науку, которая предназначена для раскрытия и интерпретации ключевых и фундаментальных основ, закономерностей и правил в процессе развития права и государства. В том числе данная область научного познания объединяет несколько отраслей и направлений, среди которых конституционное, уголовно-правовое, гражданско-правовое и др. Поэтому анализируемая область научного познания неоднородна. В первую очередь она является совокупностью различных отраслей научного познания. Отечественными экспертами выделяются следующие юридические науки: общетеоретические и исторические; отраслевые юридические науки; специальные юридические науки и др.²

К тому же немаловажно отметить, что понятия юридической науки и юриспруденции абсолютно не равнозначные. Они никак не могут совпадать по своему содержанию и тем более являться абсолютно идентичными. В частности, в процессе занятия юридической наукой происходит получение и освоение определенных знаний, тогда как для юриспруденции в первую очередь характерно обладание рядом сведений в области права и государства с их дальнейшим использованием в ходе правотворческой деятельности.

В свою очередь, наиболее важная задача данного направления научно-исследовательской работы состоит в разработке проблематики, связанной с развитием законодательных основ и правового регулирования различных видов деятельности. Подобный подход к рассматриваемой научной работе вызван не только постоянным возрастанием ее необходимости для общества, но в то же время он по большей части обусловлен именно увеличением значимости правового регулирования нормативного контроля общественных отношений. Собственно, в силу этих причин отраслевым юридическим наукам в первую очередь отводится роль в подготовке четких рекомендаций, чрезвычайно необходимых для создания эффективной правовой системы в различных отраслях жизнедеятельности современного общества. В том числе отраслевые юридические науки, помимо всего обозначенного выше, также эффективно решают многие теоретические вопросы, носящие фундаментальный характер³. Кроме того, в настоящее время юридической науке отводится особая роль именно в решении возникающих проблемных ситуаций, в том числе и в связи с организацией процесса деятельности различных государственно-правовых институтов.

Помимо прочего, важнейшая задача, которая достигается в процессе проведения современных научных исследований в правовой сфере, во многом связана с необходимостью раскрытия всех имеющихся закономерностей правотворчества, представляющего собой весьма непростой социальный процесс, предполагающий довольно четкое и полное отражение в нормах права всех насущных потребностей населения⁴.

Также важно отметить, что рассматриваемому виду научной деятельности особая роль отведена именно по активному реагированию на разного рода социальные изменения, происходящие в условиях современного общества посредством подготовки требуемых подходов в деле

¹ Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А. А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О. Ф. Акбашев, К. В. Алексеев, В. П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2023. № 4 (48). С. 158–191.

² Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. Москва: Норма: ИНФРА М, 2015. С. 17.

³ Гаврилов О. А., Колдаева Н. П., Лукьянова Е. Г. Теоретические и практические аспекты развития правовой системы Российской Федерации в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 12. С. 5–12. С. 9.

⁴ Кобец П. Н. О важности проведения криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1 (37). С. 78–83.

строительства правового государства. В большинстве случаев подобные результаты достигаются в процессе концептуальных подходов совместной работы государственных органов и представителей гражданского общества, причем непременно с использованием повеления различных исследований и иного изучения деятельности, связанной с повышением оптимизации, а также улучшением функционирования правоохранительных и иных государственных структур¹.

Помимо прочего, юридическая научная деятельность предназначена для решения разнообразной научной проблематики в рассматриваемой области, которая, кроме прочего, также включает разнообразные оценки воздействия глобализационных процессов на государственную правовую сферу. В том числе анализируемая научная деятельность направлена на решение вопросов и проблематики, определяющей сложные юридические категории, в частности такие как государственный суверенитет, повышение законности и правопорядка. Также данная научная деятельность имеет большую важность в процессе изучения вопросов защиты гражданских прав. Она помогает достижению положительных результатов в работе по осведомленности общества с его гражданскими правами².

Также немаловажно значение научных исследований в юридической сфере в связи с постоянным проведением модернизации структурных элементов самой правовой системы. При этом в процессе данной работы особая роль принадлежит системности, целостности и последовательности. В то же время немаловажно осознавать, что юридическая область сегодня представляет собой некую отправную точку в процессах реформирования и корректировки любых иных общественных сфер. Кроме того, вследствие ее развития происходит разного рода регламентация различных направлений деятельности. Благодаря ей также устанавливается востребованный современным обществом перечень правил и регламентов, согласно которым в достаточной степени могут найти собственное отражение различные тенденции по изменению общественных отношений³.

Становится вполне очевидно, что современная юридическая наука также может рассматриваться как регулятор и катализатор процесса модернизации отечественной правовой системы. По большей части это обусловлено тем, что благодаря ей происходит изменение, формирование, выстраивание гипотез, дополнение правовой системы необходимыми элементами для эффективного развития общества. Одним словом, характеризуя значение научных разработок для модернизации правовой системы, важно указать на то, что ее реформирование будет способствовать созданию прочной и качественной теоретико-методологической основы для поступательного развития практики правового регулирования в современной России.

Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что правовые и экономические сектора общества весьма тесно взаимосвязаны, поэтому не следует игнорировать то обстоятельство, что совершенствование экономической области подталкивает к необходимости в том числе совершенствование правового сегмента. Вне всякого сомнения, возникающие новые формы собственности, а также изменяющиеся основные способы использования рыночных механизмов нуждаются в новых нормах, стандартах и регуляторах. При этом совершенно понятно, что финансовые расходы на научно-исследовательскую деятельность в сфере правового регулирования должны постепенно возрастать, потому как именно данное научное направление занято обеспечением роста и прогресса в разного рода сферах общественной жизни и развития нашей страны⁴.

Рассматривая важность роли юридической науки в жизнедеятельности сегодняшнего социума, невозможно обойти вниманием проблематику, связанную с наказанием за совершение противоправных деяний, поскольку именно разного рода правонарушения препятствуют нормальному и необходимому развитию различных социальных процессов и общественного взаимодействия в современном обществе. Роль юридических научных разработок в данной области заключается в том, что ею вырабатываются необходимые правила, формируются регламенты, прорабатываются положения, которые впоследствии лягут в основу нормативных правовых и законодательных актов,

¹ Ломтева А. Э. Роль юридической науки в современном обществе // Юридический факт. 2020. № 120. С. 117–119.

² Магомедова Е. А., Марченкова Е. А. Роль юридической науки в модернизации системы российского права // Дневник науки. 2021. № 8 (56).

³ Ломтева А. Э. Роль юридической науки в современном обществе // Юридический факт. 2020. № 120. С. 117–119.

⁴ Мититюк В. М. Роль юридической науки в современном обществе // Международный академический вестник. 2018. № 3 (23). С. 106–108.

в том числе и тех, которыми определяются механизмы и подходы по назначению и отбыванию наказания. В том числе обозначенными правовыми нормами закладываются, формируются и устанавливаются правовые механизмы, связанные с юридической ответственностью, значимость которых заключается в следующем, а именно в том, что при помощи них наказываются виновные лица, а также предотвращается различная противоправная деятельность.

В том числе юридическая деятельность, представляя одну из важнейших научных отраслей, играет существенную роль в области обучения и формирования квалифицированных и профессиональных кадров, что, в свою очередь, заслуживает особого внимания в рамках анализа данной проблематики. В этой связи выглядят в достаточной мере логичным, разумным и очевидным научные позиции отечественных экспертов относительно того, что настоящая действительность и текущее положение дел ясно свидетельствуют о необходимости подготовки настоящих профессионалов в различных областях. В этой связи значимость юридической науки в дело по повышению образовательного процесса в вузах юридического профиля и подготовки будущих специалистов в области юриспруденции весьма большая. В то же время еще великим английским философом Фрэнсисом Бэконом отмечалось, что «совершенствование науки следует ждать не от способности или проворства какого-нибудь отдельного человека, а от последовательной деятельности многих поколений, сменяющих друг друга»¹.

В настоящее время совершенно очевидно, что большинство современных государственных систем не в состоянии обходиться без научных исследований, поскольку рассматриваемая деятельность выступает в роли важнейшего и первостепенного инструмента, разрешающего основную часть самых сложных и наиболее насущных проблемных вопросов современного общества. В том числе социально-экономическое положение любой страны и ее социума находится в прямой зависимости от юридических научных изысканий, потому как процветание инновационной деятельности, надежное финансовое положение, экономическая устойчивость, бюджетный баланс, материальное благополучие невозможны без эффективной исследовательской деятельности в юридической сфере. Немаловажно и то, что рассматриваемую область научного познания необходимо исследовать с позиции регулирования ею различных социальных сфер современного общества.

Вышеуказанное красноречиво свидетельствует о том, что результаты, полученные в процессе занятия юридической наукой, крайне значимы и невероятно актуальны. Причем эти научные достижения и результаты в первую очередь чрезвычайно востребованы именно в практической деятельности. Поэтому так важно принимать во внимание все рекомендации, подготовленные учеными-правоведами. В том числе немаловажно осознавать, что принятые правовые решения, которые не будут основываться на положительных результатах юридической науки, всегда будут бесперспективны. Кроме того, достижения анализируемой научной деятельности должны быть использованы при разработке разного рода правовых доктрин, предостерегая общество от неправильных и необдуманных поступков, при этом помогая ему решать множество проблем, связанных с развитием государственно-правовых институтов.

Таким образом, развитие научных знаний совместно с ростом научных исследований способствовало не только повышению роли науки в общественной жизни, но также стимулировало зарождение юридических научных начал, постепенно превращая их в самостоятельную область науковедения. Все это привело к тому, что проблематика значения и функционала современной юридической науки в условиях настоящих реалий привлекает к себе огромное внимание и пробуждает особый интерес не только у правоведов, но и у простых граждан. По большей части данное обстоятельство обусловлено тем, что так или иначе юриспруденцией охвачены если не все, то большинство сфер жизнедеятельности российского общества. В целом проблематика, связанная с ролью юридической научной деятельности для жизнедеятельности современного общества, чрезвычайно важна и актуальна. По большей части это обусловлено тем, что в недостаточной степени использование юридических научных познаний в правоприменительной практике может способствовать порождению бесправия, которое может быть выражено в различных негативных формах.

Одним словом, поскольку юридической науке приходится находиться в эпицентре трансформации большинства областей жизнедеятельности, ей важно оперативно откликаться на все возникающие трансформации. В этой связи важность развития отечественной юридической науки для современного российского общества чрезвычайно велика.

¹ Литвинова Е. Ф. Ф. Бэкон: его жизнь, научные труды и общественная деятельность. Изд 2-е. Москва: КРАСАНД. 2010. С. 18.

Ковтун Николай Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России

**Юридическая наука в условиях экзистенциального кризиса:
насколько в наличии силы и средства для ответа на вызовы**

Науки нет, есть только науки.
Николай Бердяев

Как-то так интересно сложилось, что проблема роли и назначения юридической науки в жизни государства и общества особо остро и актуально являет себя либо на переломных этапах их исторического развития, либо во времена экзистенциальных вызовов, ставящих под угрозу сам факт дальнейшего существования этих социальных структур. И можно, конечно, либо конвенционально соглашаться с сутью данного тезиса, либо системно, скрупулезно, уничижительно показать его несостоятельность посредством целой системы аргументов, фактов, наглядных примеров. Тем не менее мы и далее будем «упорствовать» в этом послые, в том числе отстаивая как решающий довод тезис о том, что наиболее известные и значимые юридические памятники в той или иной правовой национальной системе были явлены обществу именно как средства разрешения наиболее серьезных конфликтов и вызовов «смутного» времени.

И то, что в последние годы российская правовая доктрина все более ставит на обсуждение общества проблемы вызовов времени и роли юридической науки в их разрешении, видимо, уже надо оценивать не столько как акт приглашения к очередной научной дискуссии, сколько как знак, своего рода знамение времени о том, что либо в социальной системе латентно скрываемый кризис, либо его предтеча, некий «общественный дискомфорт», который государство для целей своего бытия уже игнорировать просто не в состоянии. Знак, полагаем, и то, что реальное наличие вызовов — предмет акцентуаций ведущих корифеев той или иной отрасли российского права, которые в итоге суммируют, что современная правовая доктрина не в состоянии предложить ни подлинно эффективных идей, ни актуальных подходов, ни новых доктрин. Указанное при этом касается как внешних запросов к правовой научной системе, адресуемых непосредственно от государства и его правоприменительной практики, так и внутренних вызовов, объективируемых в рамках научной среды¹.

Между тем от науки, как и ранее, не требуют ничего невозможного. Юриспруденция — область создания и использования актуальных и эффективных юридических средств по управлению обществом. Процессы объективации и применения данных средств, соответственно, требуют наличия максимально достоверных, полных, практически верифицируемых знаний о государстве и обществе, о процессах, в них осуществляемых, средствах управления этими процессами; эвентуально прогнозируемых результатов (правового) воздействия. Субъект «производства» и представления указанных знаний и есть юридическая наука, призванная, прежде всего:

- к выявлению экзистенциальных вызовов государству и обществу;
- точному описанию их характеристик, реальных причин объективации в социальной среде, в диалектике взаимосвязей и взаимообусловленности с различными общественными процессами и точным прогнозом генезиса, и возможного комплекса деструктивных последствий для общества;
- разработке, обоснованию, своевременной модификации актуальных юридических средств, призванных к социально востребованному «ответу» на возникшие вызовы, с целью их нивелирования или хотя бы существенной минимизации наиболее негативных последствий;
- «контролю» за процессом воздействия на возникшие вызовы и своевременному предложению новых «программ» либо к честной констатации, что наличными средствами государства эти вызовы (на данном конкретном этапе) решены быть не могут.

Однако в этой простой и несложной «программе» есть один интересный нюанс. Науку, как акцентирует В. В. Лазарев, «производят» отдельные ученые, творческие группы, научные учреждения.

¹ См., например: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181–191; Сидоренко А. И. Материалы «круглого стола» «Юридическая наука и ее значение в современном обществе» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 4 (22). С. 52–62; и др.

Между тем с учетом наличного состава исследовательских кадров в настоящее время и собственно качества произведенной «продукции», наука, как и ее результаты, сильно не однородны. Исследователь выделяет три ее разновеликие части¹.

Первая, самая древняя, должна быть поименована «служанкой» (при власти. — Н. К.). Представители указанной части, как правило, хорошо образованны, начитанны, высокоэрудированны; отлично понимают проблему, в том числе в генезисе реальных причин и условий ее появления. Отсюда они, по идее, вполне в состоянии весьма точно обозначить как ее дальнейший генезис, так и круг возможных последствий. При наличии эффективных организаторских качеств именно представители этой подгруппы нередко объективируются как лидеры того или иного научного направления. Однако указанное не является причиной для личного или коллективного «подвига». Особенно, если это связано с крушением публичных «основ» и «столпов», когда причина кризиса и нарастающих вызовов в самом государстве (как власти). Здесь геройствовать «себе дороже». Система подобного «падения» не поймет и тем более никогда не простит. В итоге подвиг — максимум этой подгруппы — уже сама публичная постановка проблемы, обозначение структурных ее элементов, пунктирное указание на (потенциально) виновных, но никак не объективный, бескомпромиссный анализ, действительно, реальных причин и условий формирования системного кризиса, тем более не революционная программа качественных новых усилий и средств по кардинальному его разрешению. Устои неприкасаемы.

Субъективно и иронично мы характеризуем указанное как «казус Сперанского» (в генезисе мимикрии этого деятеля от либеральных шалостей 1805 года до авторства («неопубликованного») приговора над декабристами в 1825 году и далее). Есть, конечно, примеры и посвежее. Допустим, в образе крайне ученой грамотной дамы, пытавшейся на срезе «лихих» 1990-х посредством прелюбопытнейшей «докторской» обосновать либеральные концепции самоограничения судом государства. Естественно, публично была «не понята», «не оценена», в силу чего и сама защита столь либеральных идей свершилась несколько за пределами исторической Родины. Однако в дальнейшем — в рамках четырех «сытых» каденций в парламенте, вписавшей свое имя в «историю» исключительно посредством агрессивного личного авторства ряда весьма одиозных законов, всецело направленных к подавлению малейших ростков гражданских прав и свобод. Как следствие, вся суть изысканий представителей этой подгруппы изначально ограничена вектором «чего изволите», а средства и итоги подобного рода исследований не столько поиск, анализ и представление истины, сколько наукообразное описание ожидаемого результата в оценке сути, причин и следствий проблемы с набором факультативно предлагаемых для ее разрешения (якобы) средств. Достаточно очевидно и то, что, несмотря на то, что этот «набор», как правило, в принципе не решает исходного системного вызова, этот исследователь будет должно оценен и обласкан и власть предержащими, и бесчисленной когортой последователей-учеников, «творящих» в ожидании своего часа и честно заработанной «доли».

Вторую, весьма фрагментарную часть в дифференциации В. В. Лазарева представляют ученые, ментально обремененные исключительно поиском чистой, абсолютной, «божественной» истины. Они искренне верят, что ни у кого не состоят в услужении; никому, никогда, ничем не обязаны. Истинно они познали глубинную суть государства и права, и каждая их публикация, тезис, программа — суть откровение. А то, что их «не поняли», «не сумели» — суть достоверное подтверждение божественной заповеди «...о жемчуге, брошенном свиньям» (Мф. 7:6). В силу своей «божественной» сути они, как правило, не сотрудничают с властью, а если в «лихие», переломные годы и попадают во власть, последствия их «реформ», программ и новаций преодолеваются обществом с предельным напряжением оставшихся сил и ресурсов. В итоге, если им и позволяют «творить», то лишь в пределах «сельского сумасшедшего». Выход за эти пределы, когда под угрозу подлинно поставлены политические, идеологические, экономические основы власти (именуемой государством), определен изначально. Отсюда даже латентный статус «иноагента-исследователя» практически однозначно исключает эту подгруппу из претендентов на «подвиг» и авторство актуального ответа на экзистенциальные вызовы.

Третья часть, по утверждению В. В. Лазарева, самая обширная. Это то самое «юридическое общество», к которому, с одной стороны, усиленно (но с несколько разными тезисами) перманентно

¹ См., напр.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181–191; Сидоренко А. И. Материалы «круглого стола» «Юридическая наука и ее значение в современном обществе» // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 4 (22). С. 189–190.

апеллируют и власть, и представители первой подгруппы, причем как в поисках (как бы) ответов на вызовы, так и в контексте отыскания «дежурных» виновных. С другой стороны, именно этот рабочий «планктон» бесчисленными (но, по В. В. Лазареву, бесплодными¹) публикациями, конференциями, диссертациями, новациями *de lege ferenda* ежедневно объективирует в социуме некий предмет, который принято характеризовать как науку.

Естественно, он также сильно неоднороден и в телеологическом, и интеллектуальном контекстах, ибо подавляющее большинство, обретая искомую начальную степень, даже не помышляет о месте в первой подгруппе. Их удел — «уложиться» в назначенный рейтинг, выработать ту или иную нагрузку, «разродиться» одной, как подвиг, двумя ВАК-публикациями в год для целей строгой отчетности. В этой когорте — и соискатели научных степеней со столь же нужными к защите публикациями-достижениями, коих *a priori* не может быть меньше трех — четырех. С диссертациями и положениями к защите, в которых в десятый — двадцатый раз усиленно утверждается о еще более новом, актуальном и комплексном раскрытии темы, до буквы изученной в десятках ранее изданных публикаций. Что нового, актуально востребованного привносит в науку этот сугубо бюрократический вал производства «исследователей», основной показатель эффективности которого — прирост обязательного показателя к предыдущему году. Какие еще вызовы времени, экзистенциальные кризисы, поиски истины и инновационных решений, если под ведомственным бюрократическим прессом только темпланы, программы, ФОСы надо инновационно «переиначивать» по два — три раза в год? Иначе все: «кризис» не оправдали, сорвали процесс. Дотянуть бы до пенсии — до «подвига» ли в науке здесь.

Другая часть, напротив, сверхмотивирована, заявляя о «докторской» и праве на лидерство буквально через сутки после кандидатской защиты. У этих вал «мусорных» ВАК-публикаций, заявок на конференции предельно зашкаливает. Подбор хорошо мотивированных оппонентов и спешно подготовленных «монографий» неожиданно впечатляет. Система в итоге «сдается»: юридическая наука получает очередного ученого, сильно претендующего на место в элитной подгруппе. С последним, правда, не всегда получается, так как «корма и места» при власти на всех не хватает. Отберут единично лишь самых проворных, действительно знающих и умеющих все (особенно в части правил «игры»). Остальным остается заявиться в качестве «лидеров» регионального уровня, заняв свои места в ученых и диссертационных советах, в множасьих псевдонаучных исследовательских отделах и центрах ведущих юридических вузов страны, где основной показатель высокой «научности» — все то же наличие двух — трех ВАК-публикаций в год. Интеллектуальная ценность трудов этой подгруппы предельно емко охарактеризована В. В. Лазаревым как «словоблудие», тем не менее при официальном заказе они по калькам отцов-основателей легко обоснуют и факт присутствия общегражданского общества, и твердое становление правового государства, и глубоко самобытную (скрепную) форму национального права. В итоге эти если и сформируют ответы на вызовы, то, как правило, в форме блеклых «скриншотов» идей представителей первой либо второй из подгрупп.

В итоге, закономерен вопрос о Мессии. В. В. Лазарев «намекает» в ответе и на этот запрос. К примеру, когда утверждает, что в связи с наличием вызовов нуждается в критическом переосмыслении российская ментальность, согласно которой всякий общественный дискомфорт должен устранять власть (Царь, КПСС, Президент), ибо в российском обыкновении власть для того и власть, чтобы реагировать на стрессовый дискомфорт и организовывать цивилизованное преодоление кризисных ситуаций².

По идее, все правильно. И если есть сомнения по сути этого тезиса, то исключительно в том, надо ли что-либо «переосмысливать», если в ментальности российского общества все практически без изменений (в том числе в части решения проблем самобытным «цивилизационным путем»). Как следствие, ничего не «переосмысливая», возьмем на себя смелость утверждать, что послы на современные экзистенциальные вызовы времени должны быть ясно и недвусмысленно не только обозначены, но и властно реализованы именно высшим должностным лицом и лидером государства. Первопричины указанного как в сути угроз политического, идеологического,

¹ См.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181–191; Сидоренко А. И. Материалы «круглого стола» «Юридическая наука и ее значение в современном обществе» // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 4 (22). С. 189–190.

² См. там же. С. 183.

управленческого, экономического характера, так и в реальном состоянии российского общества. Симулякры общественной жизни хороши и работают только во времена обеспеченной «сытости» и «глубокого удовлетворения» общества сим определяющим фактором. И напротив, во времена, скромно именуемые «общественным дискомфортом», акты общественного недовольства все более испытывают на прочность «котел» общегосударственного устройства и бытия. Перманентно «спускать пар» уже не всегда удается.

Реальные выходы из ситуации кризиса, полагаем, также не только известны, но и не раз апробированы российским историческим опытом: либо государство, общество, наука выходят из кризиса, действительно, цивилизационным путем, либо история рано или поздно явит известные примеры иных ответов на экзистенциальные вызовы.

Напомним, к примеру, период, предшествовавший Великим реформам Российской империи, 1860–1864 годов. Тридцатилетнее правление императора Николая I (великого «жандарма Европы») окончено проигранной Крымской войной и по факту капитуляцией России перед объединенной Европой, подписанной в Париже 30 марта 1856 года. Веками крепостнической, экономически отсталая, практически полностью необразованная и всецело бюрократически управляемая страна просто не смогла ответить на те внешние и внутренние вызовы, которые были поставлены в этот период перед государством и обществом. Внутреннее и внешнее напряжение социума искало выход из общего состояния неудовлетворенности, разочарования, национальной обиды — «крышка кипящего котла» могла быть снесена в любой момент в силу любой из причин. В итоге Александр II не только решает на кардинальные реформы в государстве и обществе, но и во многом становится властным «перводвигателем» крестьянской, земской, городской, судебной, военной, финансовой, образовательной реформ. Несмотря на явное, не всегда завуалированное противодействие сословного дворянства и чиновничьей бюрократии, императорский посыл на реальные реформы, на их завершение привел к качественно осязаемым результатам. За два – три десятилетия страна была кардинально преобразована, возрождена, вновь заняла свое законное место на мировой и исторической арене¹.

Что касается собственно юридической сферы, Судебные Уставы 1860–1864 годов и с позиций современного юрико-правового анализа являются образцом (эталон) и собственно юридической техники, и выверенности большинства нормативных правовых предписаний. То же можно сказать относительно, действительно, монографических трудов талантливейших деятелей и представителей судебной реформы, которые, осознав и приняв дарованные свободы, исчерпывающе обосновали основные концепты подлинно состязательной формы процесса, отказа от формальной теории доказательств, свойств их релевантности и допустимости для процесса доказывания; и т. д. При этом данным исследователям, в отличие от современной уголовно-процессуальной доктрины, не надо было тратить усилия для высоконаучного обоснования, публично незыблемых симулякров об особом назначении и особой природе российского правосудия и уголовного судопроизводства в целом; придумывать всецело фальшивые смысловые конструкции для объяснения редкой «самобытности»:

— российского понимания принципа и функции состязательности процесса и равенства прав сторон в нем;

— необязательности для России норм международного договора межгосударственного характера, подписанного и ратифицированного стороной в договоре без особых (привилегированных для себя) оговорок;

— чисто национального внутреннего убеждения судей как основы (стандарта) для разрешения дела по существу;

— соглашения обвиняемого о сотрудничестве с прокурором, при котором в принципе нет соглашения сторон ни по одному из основных вопросов уголовного дела, а суд всегда вправе выйти за пределы требований обвинительной власти, несмотря на «согласованные» условия договора-сотрудничества и притязания прокурора непосредственно к суду;

— особой формы российской апелляции, более напоминающей печально известную «советскую» кассацию, чем форму классического пересмотра дела и приговора по существу более опытным и компетентным судом;

— крайне любопытной модели российской кассации, в рамках которой окончательный акт суда (*res judicata*) может быть дважды проверен и пересмотрен неоднократно и в различных судебных

¹ Подробнее см.: Сутоцкий А. Р. Великие реформы // Российская юстиция. 2024. № 1. С. 3–14.

инстанциях, причем и по вопросам законности, и обоснованности, и справедливости в интересах исключительно особой «советской» законности;

— в принципе необъяснимой формы надзорной проверки, призванной еще раз проверить (неоднократно проверенный в апелляции и кассации) акт *res judicata*, ибо Президиуму Верховного Суда Российской Федерации, видимо, просто больше нечем заняться в гражданском обществе и правовом государстве; и т. д.

Когда-то один из профессоров, у которого автор также учился, констатировал: «Настоящая наука начинается там и тогда, где она берет на себя смелость сказать “нет” власти». От себя добавим: «нет» принудительному диктату и лицемерной исследовательской лжи о сущем и должном в праве; «нет» сочинению общеобязательных симулякров, посредством которых белое следует именовать черным, а черное — белым. «Нет» — в обязательном наукообразном описании и восхвалении того, чего в принципе нет ни в обществе, ни в умах. «Нет» тому же в процессе обучения и воспитания, пришедших в науку исследователей, а не в некое подобие иезуитского ордена, отчего-то веками возглавляемого исключительно генералами; видимо, более понимающими толк в необъявленной и все еще незаконченной ментальной войне за умы и души.

От науки требуют принципиальных, честных, обоснованных и актуальных ответов на вызовы, а кто из названных выше подгрупп, решившись «на подвиг», сможет именно так их сформулировать и представить, когда правила и последствия этой интересной «игры» известны и широко апробированы на конкретных, весьма известных примерах. Роль «сельского сумасшедшего» или однозначно опасного для национального суверенитета, интереса и национальной безопасности «иноагента» вряд ли устроит представителя любой из названных выше подгрупп. Помнится, нам публично и долго акцентировали, что именно «бытие» определяет сознание. Отсюда — итоговый результат принудительно спущенного «сверху» научного заказа относительно актуального ответа на вызовы, скорее, будет соответствовать изначально навязанным и строго контролируемым правилам, чем подлинным запросам и вызовам государства и общества. Иного система не примет, пока ее не заставят принять, ибо известная формула «верхи не хотят, низы не могут», как свидетельствует объективный исторический опыт, решается либо непосредственно властью, либо давно известными средствами.

Кодан Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
управления научных исследований,
профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева,
член экспертного совета по праву и политологии,
Высшей аттестационной комиссии
при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации

Междисциплинарный вектор исследований в современной юридической науке: исторические контексты и современные проблемы

Утверждение в 2021 году приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее — Минобрнауки России) новой номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, затем и введение в действие Высшей аттестационной комиссией (далее — ВАК) при указанном Министерстве паспортов научных специальностей выделили область науки — «Социальные и гуманитарные науки» с обозначением в ней направления научной аттестации и позиционировали в пять объединенных научных специальностей с вошедшими в них отдельными юридическими дисциплинами. Это отразило современные тенденции в развитии научного знания, поскольку «современная наука разрушила условности и границы». Актуальные научные исследования, как правило, связаны с решением научных задач одновременно по нескольким направлениям.

По мнению А. В. Гобова и И. М. Мацкевича, совершенствование классификации наук нацеливают на то, чтобы «предельно точно показывать генеральные направления развития науки, чутко отзываясь на потребности науки с учетом мировых тенденций и практических задач современности»¹.

Заметим, что само развитие дисциплинарности и междисциплинарности в юриспруденции является проблемным пространством. Это в тех или иных контекстах обсуждалось на Всероссийском координационном совещании руководителей диссертационных советов по праву и политологии, проходившем 25 апреля 2023 года в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина по инициативе Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников, председателя и экспертного совета по праву и политологии ВАК при Минобрнауки России². На нем особенно рельефно эту проблему обозначил эксперт ВАК доктор юридических наук, профессор В. А. Корнев в докладе «Междисциплинарность в юридических исследованиях»³. При этом проблемы междисциплинарности требуют решения ряда задач на пути продуктивного использования потенциала взаимодействия наук в развитии не только юридической науки, но социогуманитаристики в целом. На основных проблемах остановлюсь в тезисном их обозначении.

Дисциплинарность и междисциплинарность как исследовательское пространство в науке опираются на историю формирования и становления научных дисциплин и современное понимание этих явлений в философии науки и науковедении. Здесь важно учитывать те отправные положения, которые позволяют непосредственно перейти к проблематике междисциплинарности в современной юридической науке.

История возникновения дисциплинарности в науке отражает процессы формирования, развития и становления организации научного знания и отделения его от смежных сфер жизнедеятельности общества. На античной и ранней классической стадиях научное знание носило додисциплинарный характер. По мере выделения науки в особую сферу жизни и культуры социума во второй половине XVII–XVIII века вместе с возникновением и развитием в средневековой Европе университетов и становлением научной профессии начинается процесс обособления наук. В конце XVIII–XIX века с дифференциацией и специализацией областей знания наука переходит к своей дисциплинарной организации. Во второй трети XIX века начинает формироваться и осознание необходимости в обеспечении взаимосвязей между науками. К началу XX века идея связи наук стала господствующей в научной деятельности.

К концу первой половины XX века в научном сообществе стало аксиоматичным мнение, что «прогресс науки выступает как осуществление внутреннего единства противоположных тенденций — дифференциации и интеграции научных знаний, причем каждая из этих тенденций оказывается лишь одной из сторон единого процесса развития научного познания»⁴. Соответственно, в отечественной и зарубежной философии науки и науковедении во второй половине 1960–1980 годов активно изучаются и обсуждаются проблемы дисциплинарной организации науки, а затем и проблемы междисциплинарности, которые становятся наиболее актуальными в последнюю треть XX — начале XXI века.

Понимание дисциплинарности в науке (от лат. *disciplina* — «учение») в общепhilosophическом и науковедческом планах рассматривается как «совокупность процессов и результатов организации, структуризации, социализации, институционализации теоретических знаниевых практик как предуглавливающих нормированный, санкционированный и легитимный порядок мышления и вытекающих из этого порядка действий (деятельности) в конкретных предметно-проблемных областях (отраслях) познания». Такое определение дают данному явлению В. Л. Абушенко и В. Л. Кацук⁵. Это понятие отражает всю сложность и многоаспектность этого явления. Важно учитывать, что общее видение дисциплинарности подразумевает «определенное предметное поле, методы научной работы, исследовательские процедуры, систему референции, специфический способ мышления и язык описания, собственную институциональную структуру, сообщество практикующих ученых, особые

¹ Габов А. В., Мацкевич И. М. Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2. С. 26.

² Шенгелия Г. А. О всероссийском координационном совещании руководителей диссертационных советов по праву и политологии // Юридическое образование и наука. 2023. № 6. С. 22–24.

³ Корнев А. В. Междисциплинарность в юридических исследованиях // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 26–33.

⁴ Кедров Б. М. Классификация наук: в 2 кн. Кн. 1. Москва, 1961. С. 14.

⁵ Абушенко В. Л., Кацук Н. Л. Дисциплинарность // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 291.

формы дискурса, нормы и правила профессиональной деятельности, типы личности»¹. При этом *научная дисциплина* с точки зрения ее понимания рассматривается в качестве основной аналитической единицы организации исследований и структурирования науки как «базовая форма организации профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, сообщество, занятое его производством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии»².

Междисциплинарность в науке начала складываться во второй половине XX столетия, хотя ее истоки в той или иной мере присутствовали и на ранних стадиях развития наук, изучающих общественные процессы. При сохранении и развитии дисциплинарных исследований все большее значение начинает приобретать междисциплинарность — вовлечение в конкретные исследовательские практики знаний других наук и проведение их с привлечением ученых из различных областей знания. В итоге в современном пространстве истории науки сложилось понимание и пласт исследований, который проблематизирует широкий круг вопросов, связанных с развитием дисциплинарности и междисциплинарности в различных ее исторических аспектах с выходом на их общие черты, характерные для развития науки в различные эпохи, и с проекцией на современное состояние дисциплинарного построения и междисциплинарных взаимодействий в сфере научного знания с выделением их парадигмальных оснований.

В современных условиях междисциплинарность выступает в научной деятельности как «интеграция, кооперация, взаимодействие и взаимодополнение подходов, методов и практик, развитых в отдельных научных областях. Междисциплинарность стала существенной для получения нового научного знания, а также для эволюции традиционных научных дисциплин и изменения контуров их конфигурации.

Междисциплинарность рассматривается и как форма организации научного знания и научной деятельности, и как процесс или тренд развития науки, и как стиль мышления ученых, и как методология исследований. Междисциплинарные исследования являются интегративными, продуктивными, креативными и наиболее востребованными современными научными институтами», так характеризует явление Е. Н. Князева³. Междисциплинарность в научной деятельности обусловлена сложностью и многоаспектностью объектов / предметов научных исследовательских практик и их направленностью на изучение различных и тесно связанных между собой явлений социума, и, соответственно, «структуры общества не поддаются точной расфасовке по дисциплинам. Почти все конкретные социальные явления, ситуации и институты вплетены в бесшовную ткань экономических, политических, социальных и культурных аспектов. Чтобы понять контексты, мы вынуждены быть междисциплинарными», констатирует Н. Смелзер⁴.

Дисциплинарность и междисциплинарность в юриспруденции появляются в русле общих процессов развития науки и уходят истоками к выделению сферы изучения политики, государства и права к мыслителями Древней Греции. Начало формированию юриспруденции как отдельного направления в жизнедеятельности общества было положено в Древнем Риме. Именно здесь начинает закладываться триада взаимодействующих и взаимосвязанных ее содержание факторов развития — практического освоения права, подготовки юристов для практической деятельности и в итоге создания основ юридической науки.

В Средние века с развитием подготовки юристов и возникновением университетов юридическое образование начинает дисциплинарно оформляться, что во многом было связано с рецепцией римского права, выходом на научное изучение государства и права для их осмысления, созданием учебных курсов, подготовкой студентов к практической деятельности и т. п. При этом необходимо подчеркнуть, что если дисциплинарность в науке в целом формируется на основе дифференциации предметов преподавания в университетах и определения предметов отдельных научных дисциплин, то в юриспруденции четко просматривается изначальная корреляция направлений развития государственного управления и сфер правового регулирования с формированием юридических наук и оформлением соответствующих учебных и научных дисциплин. Одновременно

¹ Попова Т. Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019. С. 134.

² Мирский Э. М. Дисциплина научная // Новая философская энциклопедия. Москва, 2010. Т. 1. С. 672.

³ См.: Князева Е. Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований. Москва, 2019. С. 10.

⁴ См.: Смелзер Н. Д. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 3–12.

в юриспруденции выделяются своеобразные «надстроечные» и стоящие над ориентированными на практику науки — история государства и права, философия права, энциклопедия права.

Дисциплинарное деление науки в России пришло с образованием Академии наук (1724 г.) и созданием Московского университета (1755 г.), в котором были учреждены «по юридическому факультету» три должности профессоров: «всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи», «юриспруденции российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права» и «политики, которой должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время»¹. Таким образом, возникает первое, пока еще достаточно общее дисциплинарное деление преподавания юридических дисциплин, которое уже начинает определять основные направления исследований в сфере юриспруденции. Одновременно следует учитывать и то, что приглашение для преподавания в Россию профессоров из европейских университетов привнесло в отечественно-правовых дисциплинах на предметной основе. В последующем университетские уставы (1804, 1835, 1863 и 1884 гг.) определили учебные дисциплины, и в целом развитие юридического образования стимулировало развитие юридической науки с ориентацией и того и другого на потребности Российского государства в развитии государственного управления и законодательства. В итоге к началу XX столетия сложилась система основных юридических наук и образовательных дисциплин, которая включала энциклопедию права, философию права, теорию права, историю права — российскую и зарубежную, историю политических учений, римское право, государственное право, гражданское право и гражданско-процессуальное право с судостроительством, уголовное и уголовно-процессуальное право с судостроительством, полицейское право, финансовое право, международное, церковное право. Тем самым дисциплинарность в юриспруденции стала основной формой организации исследований, преподавания и систематизации полученных знаний.

Обособление юридических наук повлекло и негативные тенденции в юриспруденции, связанные с их чрезмерной обособленностью. На это обращает внимание Г. Ф. Шершеневич, в начале XX века подчеркивая, что «все сильнее становится ощутительной разрозненность специальных наук в среде самого правоведения. Надо признаться, что теперь уже нет более юристов, а имеются только цивилисты, криминалисты, государствоведы, процессуалисты, канонисты. Все реже встречаются лица, способные составить себе имя не в одной, а в двух отраслях правоведения. При таком развитии специализации получается опасность для каждой юридической науки <...> в возрастающей ограниченности поля зрения на правовой порядок общежития и <...> в возрастающей ограниченности задачи изучения отдельных норм вне связи с оценкой общественного значения права. Разобщение юридических наук между собой отражается губительно на теоретическом и практическом правоведении. Какой интерес имеет изучение сменяющихся с большей или меньшей быстротой политических форм и юридических норм, когда для исследователя непонятно то постоянное, что скрывается под сменяющимися, та общественная цель, которой служат и служили нарождающиеся и отмирающие формы. Плоха юридическая практика, не подкрепленная теоретическим светом, как и безжизненная теория, не вытекающая из практики»².

Характерно, что проблему междисциплинарности в российской юриспруденции еще в 1839 году обозначил российский правовед К. А. Неволин: «Все предметы нашего познания находятся в связи между собой и имеют известные точки, где они касаются друг друга. Поэтому, чтобы точнее определить предмет какой-нибудь науки, нужно обозначить эти точки, дабы ограничить его от смежных предметов и видеть, что он имеет общего с ними. Как один из смежных между собой предметов не может быть познан без другого и знание одного из них облегчает и делает для нас доступным познание другого, то науки, занимающиеся предметами, находящимися в ближайшей связи с главным изучаемым нами предметом, и потому способствующие нам в изучении нашей науки»³. Во второй половине XIX — начале XX века идея связи наук стала господствующей в научной деятельности, также сложился достаточно широкий круг междисциплинарных взаимодействий как между юридическими науками, так и с науками социально-гуманитарного профиля с выходом на новые смежные исследовательские пространства и науки — философия права, политика права, социология права и др.

¹ См. Зверев Н. А. Энциклопедия права. Москва, 1899. С. 413.

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Москва, 1910. Вып. 1. С. 16.

³ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. Киев, 1839. Т. 1. С. 165.

В советский период развития юриспруденции с ее включенностью в идеологические политические процессы строительства общественных наук на базе марксистско-ленинского (в 1930 — начале 1950-х годов — сталинского) идеократического понимания государства и права юридическая наука развивалась преимущественно на основе дисциплинарного подхода, хотя и выделялись новые научные дисциплины: трудовое право, земельное право, колхозное право и др. При этом возможности междисциплинарности были несколько ограничены, но и в этих условиях традиции взаимодействия наук с различной степенью проявления давали себя знать и вели к накоплению потенциала в этой сфере. К началу второй половины XX века в среде ученых-юристов сложился четко артикулированный взгляд на то, что прогресс юриспруденции невозможен без интеграции научных знаний как самой юридической науки, так в пространстве взаимодействия с другими науками социально-гуманитарного профиля.

В 1960–1980-е годы на пересечении наук в юриспруденции получают дальнейшее развитие и новое звучание такие направления науки и научные дисциплины, как уголовная политика, криминология, судебная статистика, земельное право и другие, а также обозначаются принципиально новые сферы исследований: правовая кибернетика и правовая информатика, юридическая антропология, юридическая лингвистика и др.

В 1990–2010-е годы в условиях коренного реформирования государственно-правовой системы России и отхода от моноидеологической основы марксистско-ленинского учения юридическая наука и образование в России накопили значительный объем разносторонних знаний, связанных с исследовательскими и образовательными практиками в юриспруденции, получивших оформление в многочисленных научных публикациях и широко представленных в учебной литературе. Междисциплинарность стала одним из трендов развития юриспруденции.

Структура современной юридической науки включает следующие группы дисциплин: 1) теоретические и исторические юридические науки: теория права и государства, история политических и правовых учений, всеобщая история права и государства, отечественная история права и государства и др.); 2) отраслевые юридические науки: конституционное право, административное право, гражданское право, гражданское процессуальное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, трудовое право, семейное право, предпринимательское право, сельскохозяйственное право, экологическое право, международное право и др.; 3) специальные юридические науки: криминология, правовая статистика, криминалистика, судебная медицина, судебная психиатрия и др. Каждая из них, как отмечает В. С. Нерсисянц, выступает как «отдельный элемент структуры юридической науки, относительно самостоятельное формообразование в общем процессе понятийно-правового изучения и выражения объективной действительности, специфически определенная часть теоретико-юридического познания и знания»¹.

Основные проблемы использования междисциплинарности в юриспруденции связаны с входом в смежные пространства социально-гуманитарных наук. Здесь главными факторами являются необходимость дальнейшего развития юридической науки и повышения уровня новизны научных исследований с выходом на новые познавательные пространства или существенным расширением уже имеющихся знаний. Критерии современного научного исследования: новизна, методология, системность, доказательность, точность, проверяемость и другие — достаточно четко содержательно определены и не могут быть обеспечены лишь старым багажом знаний, что, соответственно, ведет к повторяемости «исследований» в лучшем случае с некоторым незначительным приростом, поэтому без взаимодействия наук объективно не обойтись. Между тем изучение публикаций показывает наличие достаточно высокой степени дисциплинарной разобщенности указанных сфер познания, что не способствует их развитию и, соответственно, более глубокому изучению и пониманию происходивших и происходящих процессов в различных сферах жизнедеятельности общества на «пограничных» предметных исследовательских пространствах различных наук. На это обращает внимание В. В. Лазарев, подчеркивая, что «юридическая наука постоянно должна обзирать свой собственный предмет и метод, разумеется, в системной связи с предметом и методом других наук, не в отрыве от них. Получивший в естественных науках признание принцип дополнительности предполагает трансдисциплинарные подходы, которые преодолевают узость отдельно взятых методологий, требуют синтеза разных эпистемологических парадигм»².

¹ Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Москва, 1999. С. 71.

² Лазарев В. В. Риски в юридической науке // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 25.

Особенно значимым в развитии междисциплинарности в юриспруденции является освоение методологии из сферы социально-гуманитарных наук. Взаимодействие с ними направлено на расширение содержательной направленности юридических исследований, выход за пределы преимущественного изучения государственных структур, органов управления и законодательства без обращения ко всей палитре возможных контекстов развития государственно-правовых явлений, институтов правового наследия и практик. На это справедливо обращает внимание Н. Н. Тарасов, отмечая, что «обращение к методологическим подходам, связанным с теми или иными метанаучными областями, это вопрос вовлечения в методологический арсенал юриспруденции тех или иных систем и схем научного мышления, обеспечивающих углубленное, всестороннее познание государства и права». Он особо оговаривает и то, что применительно к сфере юриспруденции в исследовательских практиках методологический подход должен быть обращен «к отдельным методологическим средствам или стратегическим контекстам» социально-гуманитарных наук в «форме восприятия освоения в юридическом исследовании элементов методов иных наук. При этом говорить о привлечении в юридическом исследовании таких элементов обоснованно только в том случае, когда они привлечены в рамках корректно реализованного подхода, а не случайным образом»¹. Указанное, соответственно, требует и достаточно широких познаний в смежных с юриспруденцией областях социально-гуманитарного знания, понимания их познавательных и содержательных возможностей в изучении государственно-правовых явлений и институтов. В этих пограничных областях знания, на пресечении юридических наук и наук социогуманитаристики появляются новые научные направления и научные и образовательные дисциплины, выполняющие служебные функции изучения и адаптации знаний других наук для развития юриспруденции².

Особо обратим внимание на то, что междисциплинарность в юриспруденции отнюдь не означает в методологическом плане уход от ее объектной направленности и предметной специфики. Соответственно, необходима юридизация методов, привлекаемых из других наук. На этом акцентирует внимание В. С. Нерсесянц, подчеркивая, что «юридизация методов означает юридико-понятийную трансформацию неюридических методов и дисциплин, их преобразование с определяющих позиций понятия права и их включение в новый познавательный-смысловой контекст предмета и метода юридической науки, а методы других наук могут и должны использоваться лишь как способы и приемы именно юридического познания, то есть как познавательные средства и компоненты самого юридического метода. Подобная юридизация методов других наук является необходимым требованием и условием методологической и предметной однородности и чистоты юридической науки»³, тем самым на уровне юриспруденции в целом, отдельных юридических и конкретных исследований осуществляются привязка и адаптация конкретных методологических инструментов из других наук к предметной изучению государства и права.

Ученый как главный актер междисциплинарности становится главной движущей силой в развитии междисциплинарных исследований, но и нередко является и главным тормозом в этих процессах. Здесь важно учитывать, что дисциплинарный тип мышления организует знания на уровне дисциплинарных картин мира — дисциплинарных онтологий, что позволяет перейти от общего мировоззрения к конкретно-дисциплинарному мировоззрению. При этом дисциплинарность не противоречит креативности, творческому мышлению как в рамках развития дисциплинарного знания, так и за его пределами в различных формах междисциплинарности. «Дисциплинарная зашоренность» это, скорее, не негативная сторона дисциплинарности, а характеристика конкретного учебного. Здесь важна образовательная составляющая в развитии междисциплинарности в юриспруденции, которая выступает в качестве одной из главных предпосылок развития исследований на уровне взаимодействия. Именно отсутствие достаточного уровня знакомства аспирантов, а порой и известных ученых с формами, методиками и технологиями проведения междисциплинарных исследований является одним из главных препятствий для выхода в общее пространство взаимодействия между различными областями научного знания.

Таким образом, междисциплинарный вектор исследований в современной юридической науке характеризуется достаточно четкой заданностью выхода в пространство взаимодействия

¹ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 47.

² См.: Кодан С. В. Служебные юридические дисциплины в структуре юриспруденции // Российский юридический журнал. 2020. № 4 С. 156–161.

³ Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Москва, 1999. С. 76.

с различными науками неюридического профиля. Обозначенные проблемы затрагивают лишь отдельные вопросы таких взаимосвязанных явлений, как дисциплинарность и междисциплинарность. Их науковедческая проработка и обсуждение в научном юридическом сообществе являются предпосылками развития юридической науки.

Кокотов Александр Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
судья Конституционного Суда Российской Федерации

Рассмотрение Конституционным Судом Российской Федерации судебных дел как научно-практический дискурс

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд) осуществляет конституционное правосудие в рамках устного и письменного производства посредством рассмотрения судебных дел. Такой порядок предназначен главным образом для выполнения им нормоконтрольных полномочий (толкование Конституции, проверка конституционности законов и иных правовых актов, внутрироссийских договоров, не вступивших в силу международных договоров, законопроектов, принятых, но еще не подписанных законов).

Устное производство осуществляется Конституционным Судом в заседаниях с проведением слушаний. Они включают, в частности, дебаты сторон. Письменное производство осуществляется в заседаниях без проведения слушаний. Названные заседания близки проводимым в устном производстве совещаниям судей по принятию итогового решения. В письменном производстве состояются не сами стороны непосредственно, а исходящие от них документы и иные материалы при их оценке судьями. Такое снижение уровня публичности и состязательности в письменном производстве обусловлено тем, что Конституционный Суд при рассмотрении конкретного дела считает, что оно может быть разрешено на основе имеющихся позиций, прежде всего сформулированных им ранее в ходе устного производства.

Однако не любое дело связано с разрешением спора. Он отсутствует, например, в делах о толковании Конституции, где есть инициатор разбирательства, но отсутствует вторая сторона. В таких делах при отсутствии состязания сторон уместно состязание разных идей, подходов, представляемых судьями, иными лицами. Этому способствует то, что процедура конституционного судопроизводства приближена к формату научной дискуссии.

Для совершенствования работы по рассмотрению конституционно-судебных дел полезен взгляд на нее как на особый дискурс. Под ним, в частности, понимают мышление в речевой деятельности, диалоге во всем многообразии их функций (дескриптивной, аргументативной, предписывающей, оценочной)¹. Причем, определенное смысловое значение может иметь не только то, что проговорено, но и то, что не высказано или недосказано.

Данный подход предполагает рассмотрение конституционно-судебных дел в качестве мыслительной деятельности судей, других лиц, в том числе в разных формах общения (коммуникации) с целью выработки итоговых решений по соответствующим делам. Формы устного и письменного судопроизводства задают для этой деятельности ее внешние организационно-процессуальные рамки. Заявленный подход превращает рассмотрение конституционно-судебных дел в междисциплинарный объект исследования лингвистики, семиотики, социологии, психологии, риторики, эргономики, что способно дать значимый материал для собственно правоведческих исследований в этой области, а в конечном итоге — для конституционно-судебной практики.

Рассмотрение конституционно-судебных дел в его дискурсивном срезе предстает в качестве процесса познания и представления судьями, иными вовлеченными лицами для себя и других нормативного материала (проверяемого и эталонного), фактических, статистических и иных данных, отзывов органов власти, научно-практических суждений экспертов. В указанной деятельности востребованы имеющиеся знания по предмету, в том числе относимые к делу позиции Конституционного Суда, ранее использованные им схемы, приемы обоснования тех или иных выводов, а также профессиональный и жизненный опыт, установки судей и иных лиц. Следовательно, необходимо своевременное введение перечисленного в ценностно-познавательное пространство

¹ См., например: Кротков Е. А., Зуев К. А. Проблема типов научного дискурса // Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 17.

конкретного дела. При этом важно сохранение судьями их первичного восприятия дела на всем его протяжении. Такое восприятие при всей его неразвитости может оказаться в конечном итоге наиболее правильным, хотя бы в главном.

В рамках названного пространства происходит актуализация и уточнение понятийно-смыслового каркаса рассматриваемого дела, его отдельных узлов, его ценностно-иерархических и логических взаимосвязей, прежде всего на стыке Конституции и проверяемых норм. Применительно к последним уточняются их место в системе действующего регулирования и их толкование судами. Такое толкование может составлять сложившуюся судебную практику, проверка которой отнесена к полномочиям Конституционного Суда, а может оказаться судебной ошибкой, этой практике противоречащей. Устранение данной ошибки осуществляется, по общему правилу, вне конституционного судопроизводства. Вместе с тем, действующее регулирование приравнивает к сложившейся судебной практике то понимание оспоренных в Конституционном Суде норм, которое лежит в основе решений всех судебных инстанций по конкретному делу. Конституционный Суд в данном случае оценивает оспоренные нормы по смыслу, приданному им судами в деле заявителя, даже если в решениях судов по другим делам эти нормы понимаются и применяются иначе, не вызывая сомнения в их соответствии Конституции. Таким образом, под понятие судебной практики для целей конституционного судопроизводства может подпадать совокупность судебных решений уже по одному делу.

Рассмотрение конституционно-судебных дел относится к виду властных профессиональных институциональных дискурсов, поскольку осуществляется Конституционным Судом как одним из высших органов судебной власти страны наряду с Верховным Судом Российской Федерации. Экспертный характер деятельности Конституционного Суда подкрепляется его властными полномочиями. Принимаемые им итоговые решения являются обязательными и окончательными, в том числе для других высших органов власти. Отмеченное означает, что в основе нашего дискурса лежат не только чисто поисковые интересы, но и интересы всех тех, кого касаются решения Конституционного Суда, в том числе интересы политические. Это, кроме прочего, требует принятия специальных мер для предотвращения лоббистского влияния на Конституционный Суд, сохранения им независимости. Но также важен анализ того, насколько Конституционный Суд, во-первых, независим от господствующих в обществе настроений, а, во-вторых, способен их учитывать в своей работе.

Властно-силовой срез заставляет обращать внимание не только на формальный статус Конституционного Суда, его аппарата, судей, иных участников конституционного судопроизводства, но и на их неформальные возможности влияния (авторитет, ораторские способности, убедительность доводов). Данный срез превращает в предмет научного внимания поведение названных лиц (лидерские качества, способность создавать деловой климат, умение генерировать прорывные идеи, способность к компромиссу, наличие конформизма и др.). Таким образом, формальная власть полномочий дополняется неформальной властью знаний, авторитета, глубины доводов и активности в отстаивании позиции. Эти два вида власти могут иметь разных носителей, в том числе противостоя одна другой.

Важен аспект соотношения неформальных возможностей судей и специалистов аппарата Суда. Те же судьи-докладчики часто ведут дела по темам, которые не входят в круг их научных интересов. Это обстоятельство вкупе с большой нагрузкой на судей объективно усиливает возможности профильных специалистов аппарата по решающему формированию позиции Суда по соответствующим делам. Предотвращению в подобных случаях чрезмерного влияния аппарата на судей-докладчиков и остальных судей способствует совокупный опыт судей, их общий научный багаж, а также получение по делу профессиональных мнений представителей разных научных школ и конкурирующих научных подходов.

В связи со сказанным встает вопрос о политике уполномоченных лиц по подбору кандидатов в судьи при открытии вакансий. Такая политика должна (в идеале) обеспечивать заметное представительство в Конституционном Суде разных научных школ и основных научных направлений правоведения. К примеру, в настоящее время, на наш взгляд, ощущается потребность во введении в состав Суда специалиста в области уголовно-охранительного цикла дисциплин. Названное представительство призвано, кроме прочего, обеспечить равновесность в отношениях Конституционного Суда и его аппарата.

Центральным элементом дискурса являются тексты проектов постановлений, работа над которыми завершается их принятием. В некоторых случаях Суд принимает определения о прекращении

производства по делу. Работа над текстами решений превращает дискурс в проективную деятельность, в рамках которой не просто исследуется и отражается (представляется) социально-правовая реальность, а конструируются новые ценности и смыслы. Такой дискурс, по меткому замечанию Е. А. Кожемякина, выступает в качестве режима работы или способа бытия института¹.

Решения Конституционного Суда сочетают в себе черты правоприменительных и правотворческих актов. В качестве первых они содержат индивидуальные квалификации проверяемого акта (соответствует или не соответствует Конституции, соответствует в той мере, в какой и др.). Вместе с тем, названные квалификации влекут и нормативные последствия. В их числе не только исключение из действующего законодательства неконституционных положений, но и приведение в него нового положительного содержания². Правотворческую функцию Конституционный Суд осуществляет и при введении временного регулирования. Законодатель, исполняя соответствующее постановление Конституционного Суда, зачастую вводит в законодательство ту же нормативную модель, что была предложена Конституционным Судом во временном регулировании.

Основное содержание решений Конституционного Суда связано с сопоставлением оспоренных норм с Конституцией. Как было показано выше, оспоренные нормы берутся в системе действующего регулирования по смыслу, придаваемому им судебной практикой. Необходимые для разрешения дела положения Конституции также соотносятся между собой и с иными нормами Конституции с тем, чтобы обеспечить их согласованное применение в качестве эталонного инструмента проверки. Проводимое здесь сопоставление проверяемого регулирования с конституционными положениями построено на методе сравнения.

Такое сравнение в силу абстрактности исходных конституционных положений требует в рамках толкования последних, прежде всего за счет их конкретизации, задания объективной социально-правовой картины общества, правового регулирования как главного контекста рассмотрения оспоренных норм³. Названная формализованная картина, вводимая в текст решения Конституционного Суда, содержит в себе научно-практическое знание, включающее оценочный компонент⁴.

В проектах решений поставленные перед Конституционным Судом вопросы, способы их решения укладываются в концептуальную схему. Концепция — это замысел проекта, соединяющий требования заявителя, предметную рамку рассмотрения, исходную поисковую версию, конституционную основу и ведущие конструкции. Предмет рассмотрения, отталкиваясь от требований заявителя, включает проверяемые нормы в том аспекте, в каком он их оспаривает. Однако это не всегда только нормы, подлежащие оценке с точки зрения их конституционности. Иногда Конституционный Суд включает в предмет рассмотрения нормы, которые не оспариваются заявителем, но тесно связаны с оспариваемыми нормами. Тем самым Конституционный Суд, по сути, говорит, что эти не оспоренные и не проверяемые им на предмет конституционности нормы непосредственно влекут нормативный дефект. Конституционный Суд может выходить в проверке нормы за те пределы, в которых она оспаривается заявителем. Более свободно он вправе это делать в рамках абстрактного нормоконтроля. Что касается конкретного нормоконтроля, то указанный выход следует четко мотивировать. Таким мотивом может быть общественная необходимость своевременной конституционно-судебной оценки оспоренной нормы во всех ее регулятивных связях.

Вид и серьезность дефекта определяет направления его конституционно-судебного устранения. В арсенале Конституционного Суда имеются разные способы дисквалификации

¹ См.: Кожемякин Е. А. Институциональные дискурсы: программа сравнительных исследований // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 2. С. 98.

² О правоприменительной и правотворческой природе решений Конституционного Суда смотри также: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России. Москва: Норма, Инфра-М. С. 128–136; Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). Москва: Норма, Инфра-М, 2013. С. 204; Кокотов А. Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 21–24; Его же. Предварительный контроль правовых актов Конституционным Судом России // Закон. 2020. № 12. С. 37.

³ Контекстные модели, помимо решения иных задач, придают текстам необходимое социальное измерение. См.: Ван Дэйк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 104.

⁴ О таком знании применительно к нормативному регулированию смотри: Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. С. 196.

неконституционного регулирования. При этом он практически не прибегает к варианту признания оспоренной нормы, взятой в ее текстуальном выражении (пункт, часть статьи, статья акта), неконституционной. Исходя из концепции конституционно-правовой сдержанности, он либо дает конституционно-правовое истолкование нормы либо признает неконституционным то или иное ее функциональное проявление (неконституционность нормы в той мере, в какой...). Данный подход сохраняет оспоренную норму в правовом пространстве, уточняя ее смысл и регулятивный объем. Конституционный Суд прибегает и к введению временного регулирования, о чем уже говорилось.

Конституционная основа в решении Конституционного Суда предстает в виде так называемого конституционного блока. Как правило, это пункт 2 постановления, включающий необходимые для разрешения дела конституционные положения, нормы международно-правовых актов, правовые позиции Конституционного Суда. Однако подобные положения могут содержаться и в иных частях решения. Основные и другие конструкции, содержащиеся в мотивировочной части решения, призваны обосновать исходную версию Конституционного Суда. Данное обоснование ведет к ее конкретизации, развертыванию в системе доводов¹.

Рассмотрение проекта конституционно-судебного решения во многом напоминает рассмотрение проекта закона посредством ряда чтений. Так, при первом обсуждении проекта утверждается его концепция. Если она оказалась удовлетворительной и утверждена, то на следующих заседаниях начинается предметная работа над текстом проекта, в него вносятся правки. Правки отрабатываются судьей-докладчиком с участием специалистов аппарата Суда при подготовке к очередному его заседанию. Такая кулуарная дискуссионность является отдельным полем творческого сотрудничества и в какой-то мере соперничества судей и аппарата. По завершению содержательной работы производятся редакционная вычитка проекта и его финальное обсуждение. В случае принятия проекта он вводится в систему действующих решений Конституционного Суда с присвоением ему необходимых реквизитов. В отличие от проектов федеральных законов проекты решений Конституционного Суда не размещаются в открытом доступе. Это продиктовано, в частности, необходимостью обеспечения свободы волеизъявления Суда, поэтому официально публикуются только уже принятые им решения.

Рассмотрение судебных дел является частью более широкого дискурса конституционно-судебной деятельности в целом. Данный дискурс вбирает в себя разнообразную деятельность Конституционного Суда, направленную на обеспечение рассмотрения им судебных дел, в том числе научно-аналитическую работу.

Костенко Роман Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета

Новые горизонты юридической науки: стратегии интеграции в жизнь современной России

Вопрос о роли юридической науки в жизни современной России заслуживает особого внимания в контексте динамично меняющегося правового и социального ландшафта страны. Юридическая наука способствует формированию законодательной базы, играет ключевую роль в адаптации правовой системы к текущим реалиям, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на общественное развитие и качество функционирования государственных институтов.

Современные отечественные ученые указывают на критическую необходимость повышения роли юридической науки в жизни общества. Они подчеркивают, что углубленное исследование правовых проблем и разработка новых теоретических подходов могут значительно улучшить качество законодательства, сделать правоприменение более эффективным

¹ О конституционно-судебных доводах подробнее см.: Чирнинов А. М. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3. С. 33–61.

и справедливым¹. Юридическая наука отражает существующее правовое поле, активно формирует его, предлагает решения для сложных социальных, экономических и политических вызовов современности.

В первую очередь одной из существенных проблем, с которой сталкивается современная юридическая наука в России, является необходимость укрепления связи между теоретическими разработками и практическим применением. К сожалению, многие академические исследования остаются в рамках узких специализированных сообществ, они не находят должного отражения в реальной жизни. Считаем, что для преодоления этой проблемы необходимо стимулировать механизмы, которые позволили бы результатам доктринальных исследований активно интегрироваться в законодательную и юридическую практику.

Указанная проблема разрыва между теорией и практикой в научной сфере представляет собой ключевое препятствие на пути к повышению роли юриспруденции в современном российском обществе. Эта проблема не только академическая, но и затрагивающая основы правоприменения и справедливости в стране. Ее переосмысление и решение потребуют комплексного подхода и включения в анализ новых факторов.

Представляется, что для преодоления разрыва между теорией и практикой можно предложить несколько направлений действий.

Во-первых, современная юридическая наука должна активно взаимодействовать с другими научными знаниями и направлениями, в том числе с социологией, психологией, информационными технологиями, включая искусственный интеллект (далее — ИИ). Такой симбиоз позволит обогатить теоретические разработки новыми идеями, повысит их практическую значимость, сделает правовые нормы более адаптированными к реальным социальным отношениям.

Во-вторых, для того, чтобы теория была актуальной и применимой в практике, следует опираться на аналитику реальных (репрезентативных) данных. Соответственно, серьезные эмпирические исследования выявляют наиболее острые проблемы правоприменения, анализируют последствия внедрения тех или иных норм и предлагают ценные рекомендации.

В-третьих, критическое значение приобретают инновационные формы обучения. Образовательный процесс в юридической сфере нужно направить на развитие у студентов навыков критического мышления, разбор сложных ситуаций, поиск нестандартных решений. Использование практических кейсов, симуляция судебных разбирательств и другие интерактивные формы обучения студентов существенно повышают качество подготовки будущих юристов. В конечном счете это также способствует взаимосвязи между теорией и практикой.

В-четвертых, востребованными являются платформы для диалога между учеными и практиками. Функционирование открытых площадок для общения и обмена опытом между юристами-теоретиками и юристами-практиками сокращает разрыв между наукой и практикой. В рамках таких платформ предоставляется возможность для обсуждения актуальной проблематики сложных юридических дилемм, разработка совместных рекомендаций, проведение междисциплинарных исследований. Полагаем, что наиболее перспективным является внедрение инновационных цифровых инструментов для упрощения взаимодействия между юристами, поскольку они облегчают доступ к научным материалам и практическим кейсам.

В-пятых, необходимо уделять внимание повышению доступности научных исследований. Приходится констатировать, что существует проблема, обусловленная недостаточной доступностью научных работ для широкого круга практикующих юристов. В свою очередь, обеспечение и поддержание открытого доступа к различным научным публикациям, исследованиям,

¹ См.: Баранов В. М., Клименко А. И. Функциональные характеристики правовой идеологии в фокусе юридического образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 169–173; Баранов В. М. «Мертвые» юридические нормы в фокусе оптимизации правового регулирования // Оптимизация правового регулирования: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 26–27 мая 2023 года. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2023. С. 12–41; Баранов В. М. Критика законодательства как универсальное направление и особая разновидность правовой аналитики (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 39–49; Малько А. В. Правовая жизнь общества, anomia и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 7–18; Малько А. В. Глава 1. Теневая правовая жизнь общества: основы теории // Теневая правовая жизнь общества. Москва: ООО «Юстиция», 2023. С. 4–20; Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации / Е. А. Абеева [и др.]. Москва: ООО «Юстиция», 2023. 446 с.

аналитическим отчетам и т. п., безусловно, поспособствуют более активному их использованию в практической деятельности. Создание и функционирование свободно доступных электронных библиотек, репозиториев, научных порталов должны быть приоритетами для академических (юридических) учреждений.

В-шестых, невозможно обойтись без устойчивой нормативной основы, которая способствует проведению качественных исследований, обеспечивает устойчивое финансирование научных проектов и защищает интеллектуальную собственность ученых, для этого необходимы соответствующие законодательные акты, внутренние акты вузов и научных учреждений. Они позволяют реализовать механизмы грантовой поддержки и стимулирования публикационной активности авторов.

В-седьмых, требуется обеспечить механизм обратной связи, которые, к примеру, позволят практикующим юристам делиться своим опытом применения существующих теоретических разработок, предлагать прогрессивные направления для дальнейших исследований. Важную роль в этой связи играют регулярные научно-практические конференции, семинары, круглые столы и другие формы профессионального взаимодействия.

На наш взгляд, следует акцентировать внимание на динамике развития общества и правовой системы в целом. Любое современное общество характеризуется стремительными изменениями в технологиях, социальной структуре, экономике и культуре. Широкий спектр этих изменений порождает новые виды, типы правоотношений. Они (правоотношения) требуют своевременного регулирования и адаптации существующих правовых норм, поэтому юридическая наука обязана опережать изменения в обществе, предлагать новые решения, которые будут актуальны в ближайшем обозримом будущем, а не только отражать текущее состояние дел.

В связи с этим не менее важной проблемой является обеспечение доступности юридических знаний для общества. В эпоху информационных технологий целесообразно использовать все доступные и законные платформы для распространения юридических знаний, в том числе интернет-ресурсы, публичные лекции, семинары, образовательные программы. Их применение способствует повышению правовой грамотности населения.

Полагаем, что обеспечение доступности юридических знаний для широкой аудитории — это акт воспитания правосознания граждан, это фундаментальный шаг к укреплению правовой системы всего нашего государства. В условиях стремительного развития информационных, цифровых технологий возможности для распространения знаний становятся фактически безграничными, и это нужно использовать с максимальной пользой для просвещения общества.

Юридические интернет-ресурсы, интернет-блоги, правовые онлайн-курсы способны играть ключевую роль в образовании населения в области права, поэтому создание доступных и понятных для широкого круга людей таких материалов, как презентации, видеолекций, интерактивных курсов, должно стать приоритетом в юридической науке. Это значительно повышает уровень правовой осведомленности граждан нашей страны. Однако юридические материалы должны быть не только информативными, но и интересными для аудитории, а значит, потребуются творческий подход и использование современных образовательных технологий.

По нашему мнению, проведение публичных лекций, разработка и представление дополнительных образовательных программ в юридической сфере, которые организуются в высших учебных заведениях, библиотеках, культурных центрах и даже онлайн, также служат эффективным инструментом для привлечения внимания общественности к важным юридическим вопросам. Важно регулярное приглашение известных юристов-практиков / научных работников для участия в таких мероприятиях. Это не только повышает престиж юридических профессий, но и происходит более глубокое усвоение и понимание сложных правовых концепций широкой аудиторией.

Отдельно следует сказать о значимости внедрения образовательных программ по правовой грамотности в образовательных организациях. Считаем, что обучение основам права с раннего возраста формирует у граждан уважение к закону и ответственное понимание своих прав и обязанностей. Интеграция образовательных программ по правовой грамотности в учебный процесс в образовательных организациях способствует повышению уровня правовой осведомленности среди молодежи, формирует активную гражданскую позицию.

Кроме того, остаются востребованным развитие и поддержка специализированных платформ, которые позволяют обмениваться опытом и лучшими практиками, а также обсуждать сложные юридические вопросы. Эти платформы помогают углубить профессиональные знания, сделать

их более доступными для широкой публики через публикации, обучающие материалы и открытые лекции.

В конечном счете обеспечение доступности юридических знаний для широкой аудитории выступает, как представляется, одним из элементов в строительстве правового государства и демократического общества. Соответственно, инвестиции в развитие правового просвещения носят стратегический характер для будущего России: они укрепляют осознание гражданами собственных прав и обязанностей, стимулируют активное участие в социальной жизни государства.

Необходимо отметить, что особую значимость приобретает международное сотрудничество в сфере юриспруденции. Обмен научными достижениями и инновационными решениями повышает качественные характеристики научных разработок, а также вносит весомый вклад в обогащение отечественной правовой системы. Ключевое направление в международных научных отношениях видится в совместном участии в исследовательских форумах различного уровня (конференциях, симпозиумах, круглых столах и т. д.), на которых различные ученые представляют результаты своих разработок, обсуждают актуальные проблемы мировой юридической науки, а также знакомятся с передовыми подходами и тенденциями в развитии правовых систем различных государств. Научный диалог способен сформировать прочные профессиональные контакты и партнерства, стать основой для реализации международных совместных проектов и исследований. Еще одним из направлений является сотрудничество с зарубежными университетами и научными центрами. Такое сотрудничество позволяет разрабатывать общие образовательные программы, программы обмена студентами и преподавательским составом, а также совместное творчество путем создания публикаций для международных научных изданий с высоким индексом цитирования. Не вызывает сомнений, что укрепление международных академических связей качественно обогащает научный и образовательный контент, делает его более инклюзивным, мультикультурным и многогранным.

В завершение необходимо сказать об интеграции ИИ в сферу юридической науки в современной России. На наш взгляд, она открывает перед учеными и практикующими юристами новые перспективы и возможности. Технологии на базе ИИ, такие как *ChatGPT*, уже сейчас демонстрируют свою способность к решению сложных задач, стоящих перед юриспруденцией, предоставляют инновационные инструменты для анализа и интерпретации юридической информации.

Применение ИИ в образовательной сфере, в частности, в разработке интерактивных учебных модулей и др., позволяет адаптировать обучение под индивидуальные потребности пользователей. Уверены, что применение ИИ содействует глубокому и осмысленному усвоению материала не только студентами, но и преподавателями.

Более того, ИИ играет первостепенную роль в разработке новых юридических теорий, подходов, методологий исследований, поскольку ИИ обеспечивает анализ больших объемов данных и выявляет закономерности, которые неочевидны при традиционных исследованиях. ИИ открывает путь к глубинному пониманию правовых проблем и разработке их оригинальных решений.

Однако следует признать, что применение ИИ в юридической практике сопряжено с существенными вызовами и рисками, связанными в том числе с этическими дилеммами, защитой личных данных и ответственностью за решения, принимаемые на основе алгоритмов, поэтому первостепенно постоянное и активное взаимодействие между юридическим сообществом, IT-специалистами и законодателем для создания адекватных нормативно-правовых и этических рамок, регулирующих применение ИИ.

На наш взгляд, синтез юридической науки и технологий ИИ: значительно обогащает всю правовую систему; способствует инновациям в правовом образовании; стимулирует разработку новаторских подходов к решению сложных практических кейсов; открывает широкие перспективы для усовершенствования правоприменения в России.

Крусс Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории права
Тверского государственного университета

Конституционная теория права на фоне дихотомии неизбывного

Не стреляют из чужого лука.
Копьеносец копыя не мечет.
Японские пословицы

Характеризуя современное состояние отечественной науки права, рискнем прибегнуть к метафоре Гомера, отмеченной интуицией единственного в противовес альтернативе безысходного. Речь идет о необходимости *утвердить* себя, дабы пройти, избегнув губительного крушения, к своему предназначению между Сциллой и Харибдой как воплощениями — в нашем сюжете — опустошающего «научно-юридического» молчания и оптимистично-притязательного «говорения».

В молчании Сциллы живет инерция юридического неопозитивизма, перманентно меняющего формы в ожидании властно-политической подсказки («отмашки»), когда (и что) можно начинать комментировать. Как если бы, например, наука права сама не могла — вследствие органической немощи или определенного для нее места — судить о значении достоверных ценностей¹, целей² либо о риторике модераторов «мирового порядка»³.

Вызовы Харибды видятся много более значительными. В «продуктивном» потоке цитирований одних и тех же авторов и корректоров «неустойчивой семантики» постмодернистского «дискурса и нарратива»⁴ проступает принципиальное согласие с универсально-космополитическим статусом права, обреченного служению западному цивилизационному выбору, а значит и с паллиативной ролью, отведенной, исходя из феноменологии этого выбора, российскому правоведению. И хотя проблематика поиска правовой идентичности может претавать «суверенной»⁵, актуальный социально-политический контекст («подсветка») всегда обнаруживает несостоятельности таких притязаний.

У каждого из проявлений «дихотомии неизбывного» есть свои локализованные «представительства». Молчание характеризует более ту сферу отечественной юридической науки, где она, фактически занимаясь вопросами общей теории права и государства, «вынуждена» ввиду номенклатурного распределения полномочий выступать под именем науки конституционного права. «Теснота» отраслевых рамок побуждает стремление их раздвинуть, в частности, эксклюзивно культивируя и «реабилитируя» локацию общего конституционного права⁶, к научным задачам которого относят прояснение сущности и понятийно-категориальное отображение базовых *правовых* явлений (включая их государственные и общественные формы), что традиционно соотносится с предметом теории права и государства. Тем самым подразумевается необходимость отказа от «параллельных» научных контекстов, с чем и связаны онтология и методологии конституционного правопонимания⁷.

На деле, однако, существующее положение дел оказывается первым пунктом неконструктивного научного умолчания. Даже методологические концепты предельного уровня — познания реального конституционализма (универсума конституционно-правовой действительности) и практики

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2024). Далее — Указ № 809.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2024). Далее — Указ № 309.

³ См.: Путин назвал бредом предлагаемый Западом порядок, основанный на правилах. URL: <https://tass.ru/politika/15920971> (дата обращения 30.05.2024).

⁴ См.: Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность транзитного общества: дискурс и нарратив. Санкт-Петербург: Алетей, 2024. С. 55–56.

⁵ См., например: Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2010. 332 с.

⁶ См.: Конституционное право. Общая часть / под ред. Н. А. Богдановой, А. А. Троицкой: в 2 кн. Москва, 2022. 364 с.

⁷ См., в частности: Крусс В. И. Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15. № 2. С. 5–19.

системной конституционализации¹ — не претендуют на статус теории права и государства, что, по нашему убеждению, глубоко неверно. Научно-конституционное познание в обоих указанных направлениях невозможно помимо аксиоматики тождества понятий *конституционного* права и *права как оно есть*, без отсылок к гипотезе дуально-дуэльного единства науки конституционной и науки юридической, без акцента на легитимных положениях о смысловой континуальности Конституции Российской Федерации, раскрывающей себя в текстах (источниках) российского права. В особенности это очевидно для теоретических блоков аксиологии, телеологии и антропологии права.

Обычные контрдоводы о призвании науки конституционного права изучать общественные отношения, регулируемые «одноименной» отраслью, имеют смысл сугубо в позитивистско-аналитическом восприятии. Уделом коего остается релятивизм целей и ценностей, а значит — исключается имманентное идее права *должное*, ждущее отображения в научных категориях и понятиях *общего* уровня. Сложный предикат «общее конституционное» может означать только *всеобщее*, сущностно всеобъемлющее в том, что связано требованием легитимной нормативности и предполагает наличие эталона и критерия подлинной (истинной) общеобязательности. Всенародно принятая Конституция Российской Федерации недвусмысленно утверждает (ч. 1 ст. 15) *соответствующее* качество каждого из своих положений. Научное учение о *такой* Конституции может быть только общей теорией права и правовой государственности (конституционного властвования). Иначе придется признать, что за рамками конституционно-правовой реальности наличествуют номинально правовые элементы, отношения и — главное — доктрины, о конституционности (легитимности) которых правоведение ничего сказать не может. Такая рефлексия ведет к дискредитации всего научно-юридического замысла и противоречит легитимному (имманентному) образу права и правопорядка.

Позитивизм последовательно придерживается взгляда на Конституцию как Основной закон (все равно — октроированный или конвенциональный). И это *понятное* онтологическое умолчание. Сложнее с множественностью «вибраций и обертонов» постклассической методологии. Их объединяет стремление предупредить явление имманентно-легитимной юридической теории, какой, собственно, и предстает конституционная теория права и государства как теория «из Конституции», исключая возможность (тем более — инвариантность) *внешней* доктринальной или коммуникативной «легитимации», в том числе в перспективе институционального смещения компонентов «правовой реальности». Конституционная онтология обусловлена уникальной *реальностью Конституции*. Ни феноменология, ни формальная генеалогия всецело эту реальность не отображают, и сущность Конституции не детерминируют, а социально-политические мутации — способны ее «только» погубить².

Конституционная теория права и государства не может отказаться от миссии консервативно-охранительного целеполагания. Ценности и цели стоят и в логико-временном соотношении, и в онтологическом родстве друг к другу. В конституционных реалиях они сугубо национальны (суверенны) и патриотичны, поэтому в России любое — «по умолчанию» либо «контекстуальное» — небрежение к аксиологии традиционных ценностей, «расползающейся» без признания определяющего значения веры в Бога, приоритета духовного над материальным и особой роли православия (ст. Конституции Российской Федерации; п. 5 Указа № 809), не позволяет связать правовое содействие реализации потенциала каждого человека с целями воспитания патриотичной и социально ответственной личности (п. 1 Указа № 309).

Научная «дискредитация» метафизического статуса (уровня, качества) права теряет доктринальную притязательность, как только доктринальный резонер обращается к проблематике неотчуждаемых прав и достоинства личности. Не «опираясь» последовательно на текст Конституции, он оказывается в тупике спекулятивных построений. Показательный пример — умозрительное форматирование на тему: «Право — это соразмерное сосуществование, регламентированное с помощью специальных процедур». Через лаг «игровой ситуации» оно ведет к экспозиции, в которой «согласие субъекта на вхождение в правовое поле служит той отправной точкой, с которой начинается раздвоенное бытие субъекта права»: метафизическое и юридическое. Причем

¹ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 34–39.

² Так, конституции коллективного Запада обнаруживают неспособность противостоять вызовам социальной энтропии XXI века, экспансии «новой этики» и трансгуманизма, которые и в России «трепетно ждут» теоретико-правового оправдания и поддержки. См., например: Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? Глобальный конфликт и контуры нового мира: XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 года. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2022. С. 65–71.

метафизический субъект «не способен жить в бессмысленном мире, вдали от тех ценностей, путь к которым и составляет содержание его метафизических размышлений»¹. Из чего вытекает предложение «отказаться от своей метафизической сущности, дабы избежать «диктата признания»². Как указание на неизбежную потерю человеком надежды на сохранение полноты свободы, достоинства, а возможно, и жизни в «бессмысленном» игровом — юридическом — пространстве. (Навязчивая аллюзия — одиозная «Игра в кальмара».)

Постклассика напрасно претендует на своеобразие «своей» познавательной парадигмы. Неопозитивизм есть такое же принципиальное отрицание метафизики, как философии духа, то есть провиденциального единства Бога и человека. Наука о праве причастна этому — смыслообразующему — единству и познавательному модусу в своем метафизическом (философском) измерении. А конституционная теория априори мыслит право на «границах» философии конституционализма (антропологии, аксиологии и телеологии). Кроме того, поскольку предположено национально-идентичное значение всех обретаемых и сопрягаемых на философском контуре истин, постольку исключается присущее новоевропейской метафизике «намерение человека положиться на им самим найденное и обеспеченное основание истины», которое возникает, «когда он освобождает себя от первоочередной обязанности библейско-христианской истины Откровения и церковного учения»³.

Европа XXI столетия официально отреклась от христианских корней. Новая этика, цифровое вменение, химеры трансгендерного самоопределения и трансгуманизма воплощают проект преобразования человека в особь — через транзитную стадию толерантной коммуникации обезличенных субъектов права. Россия заявила о приверженности традиционным духовно-нравственным ценностям на конституционном уровне, чем в конечном счете вызвала негодование исторических «оппонентов». Не замечать и не признавать этих обстоятельств в их связи с текущей глобальной конфронтацией, отечественная теория права также не может. Поскольку же такое имеет место быть, следует хотя бы признать метафизический характер требуемого подчинения. Да, особый и чужеродный, но метафизический, каким является стремление «европейского человека» «к новой свободе, как к уверенному в самом себе самозаконотворчеству»⁴, чем, в свою очередь, обусловлена актуальность конституционной критики того «рационально-гуманистического» представления, что «метафизика есть антропоморфия — образование и созерцание мира по образу человека»⁵.

Постклассическая методология права не балует конкретикой своих выводов и новизной конструкций. И скорее, это во благо. Думается, например, не приведет к профессиональному астигматизму студентов-юристов различение понятий *правомерного* и *правового* и определение правового поведения как «упорядоченной совокупности социально значимых деяний индивида, обусловленных психическими, социальными и правовыми факторами, прежде всего правовым архетипом, и направленных на удовлетворение правовых потребностей (интересов и притязаний) с целью наступления социально полезного или допустимого результата»⁶. Однако их (студентов) вполне способно заинтересовать предложение поставить «допустимость» в зависимость от ценностных ориентаций каждого человека⁷. Тем более в пику «правоведению, излишне ратующему за суверенность своего знания и пытающемуся плодить самостоятельные сущности там, где их нет, преуспевая в создании неких универсалий и придании им смысла действительного существования»⁸. Вполне «современно», крайне деструктивно и, скорее, все-таки безобидно.

Всерьез задуматься о неконформизме постклассической позиции побуждает ее готовность претендовать на значение *исповеди*⁹. В православной традиции исповедь — сокровенно-мистическое таинство. Секулярное западное просвещение не остановилось перед компрометацией и этого поня-

¹ См.: Пермяков Ю. Е. Юриспруденция как строгая наука // Юриспруденция в поисках идентичности: сборник статей, переводов, рефератов. Самара, 2010. С. 141; 146; 142.

² Там же. С. 141.

³ Хайдеггер М. Ницше и пустота Москва: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 186–187.

⁴ Там же. С. 190–191.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ См.: Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность транзитного общества: дискурс и нарратив. Санкт-Петербург: Алетей, 2024. С. 225.

⁷ См. там же.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ См.: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуниктивиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2023. С. 29–157.

тия. Верится, что для русского ученого, на публикации которого мы хотим задержаться, оно сохраняет смысл, отличный от эпатажной экзальтации в стиле Ж.-Ж. Руссо. Какой? Попробуем разобраться.

А. В. Поляков заявил о себе как видный ученый-юрист, концептуально обосновав коммуникативную природу/эйдос права и, соответственно, сугубую научность феноменолого-коммуникативного подхода, исходящего из представления о существовании права исключительно «здесь и теперь». Причем в решающей связи не с конкретными социальными фактами или абстрактными ценностями (как то: свобода, равенство, справедливость и т. д.), но с человеком — *homo communicatus* — субъектом правовой коммуникации. Характерной особенностью теории стало стремление утвердить ее *особый* онтологический статус (в сопряжении феноменология Э. Гуссерля и экзистенциализм М. Хайдеггера). Изначально проступало и желание автора избежать упреков в отрыве от национальной духовно-культурной традиции посредством отсылок к «интегральному правовопониманию» и даже допущения *идеологического* плюрализма при «выявлении онтологического в праве». Однако до консолидации с приверженцами *иной* онтологии (на примере К. П. Победоносцева) дело не доходило¹, что, собственно, и намечало вектор идеологии *правильной и нужной*, хотя бы («до срока») не названной.

Обоснование конституционного правовопонимания побудило нас к «мягкой» адресной критике указанных черт инновационной методологии как признаков ее аконституционности². И хотя доводы о критической «зыбкости» постклассического целеполагания *безосновного* права³ остались без ответа, «исповедь» позволяет предположить, что услышаны они были. Нарратив политико-правовой традиции Запада и ее восприятия в России предстает скорректированным данными «эмпирических наук о человеке», тезисами эволюционной эпистемологии и теории геннокультурной коэволюции⁴.

Предлагаемое обновление примечательно ориентацией на субъектов коммуникации, «сертифицированных» по идеологическому критерию. Они должны быть «окончательно» чуждыми практически несостоятельной идее «чистой» духовности. Впрочем, даже не они, а их мозг — этот персональный модератор информации, всегда остающийся «нейтральным, пустотным и пассивным», когнитивный референт современного человека и эквивалент его души⁵. При указанных предпосылках дискурсивное сопряжение материализма, дарвинизма и вестернизации всецело нейтрализует сомнения в генетическом примате биологического либерализма над биологическим консерватизмом. Намечен исторический переход от утилитарной морали гуманоидов и парохияльного альтруизма к «нейробиологическому праву» свободной эмансипированной личности. На деле — особи, которые «благополучно» изжили в себе религиозное чувство, мешающее «точно применять интеллект и рационально анализировать сообщения СМИ»⁶. Только либералы с им присущей, обусловленной «особенностями левополушарной активности мозга» «ментальностью западного типа» «воспринимают ложь как недопустимое средство даже в отношении «врагов», поскольку ложь унижает достоинство человека»⁷. И — главное — взращенная способность «любви к себе» ведет к «ценностному признанию Другого *не на религиозной* (теистической) основе» (выделено нами. — В. К.)⁸.

По-видимому, А. В. Поляков *искренне верит* во все вышеизложенное. «Возможно, что где-то в этой области находится и разгадка духовности человека и его души», — проникновенно замечает он⁹. Между тем акторы приведенных гипотез и доводов давно известны (Ч. Дарвин, К. Поппер, К. Г. Юнг

¹ См.: Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 845 с. С. 278–283; 298–299.

² См., например: Крусс В. И. Конституционное правоупотребление и конституционное правовопонимание // Проблемы понимания права: сборник научных статей. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 3. Саратов: Научная книга, 2007. С. 311–339.

³ См.: Крусс В. И. Конституционное правовопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 19–35.

⁴ См.: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2023. С. 93–95.

⁵ См. там же. С. 110–111.

⁶ См. там же. С. 117–120.

⁷ См. там же. С. 123–124, 128.

⁸ Там же. С. 132–136.

⁹ См.: там же. С. 136.

и др.). Отсылки же к либеральной демагогии Ф. Фукуямы¹, чьи притязания на философский статус «безжалостно» окарикатурил XXI век, оставим без комментариев. На *относительную* новизну тем самым может претендовать только дискурсивное стремление автора подкрепить идеологическую исповедь (присягу?) авторитетом классиков отечественного правоведения, где и проявляется граничащая с искажением существа вопроса стратегия умолчания рационально-метафизического и религиозно-нравственного компонента как определяющего для российской философии права и *русского типа* философии. Как, по сути, отрицание уникальной эпистемологической цели проявления *сообразности* (П. А. Бакунин) Бога и личности человека². Объем публикации не позволяет детализировать приемы этой стратегии, и мы ограничимся замечаниями о наследии И. А. Ильина.

На наш взгляд, А. В. Поляков критично редуцирует хрестоматийные идеи об автономном правосознании, примеряя их к *своему* (исповедуемому) идеалу демократического правопорядка, в котором — редкая конкретизация! — «ложь с экранов телевизоров будет считаться серьезным преступлением»³. *Опроверяемая* презумпция конституционности побуждает считать, что здесь подразумевается публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ). Однако аксиомы правосознания И. А. Ильина *необходимо* соотносить с его же аксиомами религиозного опыта. Духовно-метафизическая гносеология и антропология ведут философа к выводу, что «нормальное правосознание в своем зрелом осуществлении неизбежно приобретает *религиозный характер*, хотя этот характер может быть *осознан* им в большей или меньшей степени»⁴. В основе правосознания личности лежит «духовная воля» — божественный *дар* «освободить себя от всякого неприемлемого и отвергаемого воздействия как внутреннего, так и внешнего». Без чего — человеку и ученому — «невозможно ни узреть, ни раскрыть справедливое право»⁵.

Увлеченная искренность в постклассическом многоголосьи — скорее, исключение. Не случайно предметом цитатной обработки сегодня все чаще оказываются не концепты и труды фигур масштаба М. Хайдеггера или Ю. Хабермарса, а адаптированные к реалиям XXI века их продолжения (*sequel*). Оставим «за скобками» домыслы о том, почему российские ученые «с рейтингом» не видят, например, в «метатеории» делиберативного конституционализма/демократии общепризнанные характеристики института политического участия в реалиях конституционного властвования⁶ или утверждают актуальность многоликого либерального консеквенциализма⁷ при наличии насыщенной линейки национальных исследований эффективности права и закона. Однако в современной ситуации «трудности диверсификации мировоззренческой основы»⁸ «исповедуемого» или «умалчиваемого» о праве от названной необходимости *не избавляют*.

¹ См.: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2023. С. 157. В сноске на этой странице А. В. Поляков изящно возвращается к манифестации идеологической нейтральности юридической эпистемологии, симметрично расставляя в пространстве диалогической философии права «правого» Ф. Фукуям и «левых» К. Маркса и Ф. Энгельса.

² См.: Ильин Н. П. Трагедия русской философии. Часть I. От личности к лицу. Введение в принципы историко-философского понимания. Санкт-Петербург, 2003. С. 144–145.

³ См.: Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: коллективная монография под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург: Алетей, 2023. С. 156.

⁴ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. Москва, 2003. С. 375.

⁵ См.: Ильин И. А. О русской идее // Ильин И. А. О русском национализме: сборник статей. Москва: Российский Фонд Культуры, 2007. С. 142–146.

⁶ Ср., например, «звонкую» экспликацию в статье: Кравец И. А. Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции Российской Федерации в сравнительном аспекте) // Государство и право 2023. № 12. С. 48–58 и полную характеристику *тех же* вопросов в «непрофильной» работе Нарутто С. В., Смирнова В. А. Присяжные и арбитражные заседатели: теория и практика: монография / под ред. С. В. Нарутто. 2-е изд-во, испр. и доп. Москва: Проспект, 2024. С. 25–27.

⁷ См.: Колосов И. В. История правового консеквенциализма: результативность права: монография. Москва: Юрлитинформ, 2023. 224 с.

⁸ См.: Кравец И. А. Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 33–47.

По многим приметам, знаменитая сингулярность Р. Курцвейла наступит даже ранее экспоненциальных сроков его пророчеств. Вполне в духе «юридической эпистемологии» непосредственная коммутация «нашпигованного» нанороботами человека с интернетом станет залогом «безупречной», эффективной и всеохватывающей коммуникации каждого с каждым (избранными?). «При дверях» виртуальное «братство» на облачных сервисах с нейрокомпьютерным интерфейсом в контенте бесчисленных гиперссылок («глобального знания»). Продвинутый гуру предвидит и «многообещающую» техногенную мутацию самого человека, во всяком случае в отношении его мозга («расширенного сознания»), что многократно обогатит *homo sapiens* интеллектуально и эмоционально, сделает его существом более высокого порядка (и, конечно, сексуальнее)¹. Было бы странно не услышать — со стороны Харибды — призывов к конституционализации и этого техногенного мора². Выводы специалистов, утверждающих, что динамичное развитие искусственного интеллекта неизбежно лишит человечество будущего и «единственный шанс выиграть эту игру — не играть в нее вовсе»³, — кажутся им архаичными.

В завершение отметим еще один раздел упомянутой монографии адептов постклассической методологии. Намерение обосновать приверженность трансцендентной перспективе того «опыта коммуникации», который *называется* правом, доверено здесь *студенту*. Молодости свойственно дерзать. Однако в отношении оксюморона такого целеполагания и ей пришлось положиться на «скорбь и меланхолию по утраченной и никогда не существовавшей справедливости»⁴. Получилось близко к знаменитому «Проселку» М. Хайдеггера. Пожелаем же будущему ученому-юристу «уверовать» в реальность текста национальной Конституции, «существующей» имманентно-трансцендентным образом посредством («для») духовно-солидарной коммуникации российского народа.

Кузнецов Александр Павлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России

Общественная опасность как объект уголовно-правовой науки

Введение в проблему. Уголовно-правовая наука как часть социально-гуманитарной науки получила свое развитие и признание. Она стала объектом не только специалистов — научных работников и практиков, но и широкого круга лиц, участвующих в реализации уголовной политики. В этих условиях возникает насущная потребность в определении ее роли и места в процессе социальных преобразований.

Состояние и реальная оценка уголовно-правовой науки должны проводиться по установлению влияния на социальные процессы, происходящие в обществе, особенно на практическую реализацию уголовно-правового противодействия преступности. В данном случае уголовно-правовая наука определяет стратегические и тактические этапы правотворчества, правоприменения уголовного закона, уголовной политики. Только постоянный мониторинг проводимых научных исследований законотворческой и правоприменительной практики позволит получить исходную информацию о возникающих как общих проблем в области уголовно-правовых отношений, так и частных, конкретизирующих те или иные аспекты уголовной политики.

В связи с происходящими коренными экономическими, политическими преобразованиями, определившими реформирование всех сторон жизнедеятельности страны, возросли роль и значение уголовно-правовой науки в исследовании общественного устройства, государственных

¹ См.: Диамандис П. Рей Курцвейл: К 2030 году наш разум будет загружен в Сеть. URL: <https://spacemorgue.com/ray-kurzweils-wildest-prediction/> (дата посещения: 05.05.2024).

² См.: Кравец И. А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 5–22.

³ Счастнев А. Ученый предупредил о риске краха человечества всего через два года. URL: https://pervoe.online/news/student-v-mire/45774-uchenyi_predupredil_o_riske_krakha_chelovechestva_vsego_cherez_dva_goda/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 03.06.2024).

⁴ Боровцов И. В. Академическая свобода и демократическое действие: связь постклассической теории права и теории демократии // Постклассические исследования права. Санкт-Петербург, 2023. С. 319–330.

институтов, в том числе и институтов права. В российской правовой системе особое место занимает уголовное право, призванное специфическими и легитимными приемами и методами обеспечить охрану важнейших общечеловеческих ценностей, благ, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, от различных противоправных посягательств.

Решение указанных задач законодатель возлагает на Уголовный кодекс Российской Федерации — кодифицированный нормативный правовой акт, в котором закрепляются охранительно-предупредительные и уголовно-регулятивные юридические предписания.

В представленной статье с использованием различного методологического инструментария исследуется одна из значимых научных уголовно-правовых проблем — категория «общественная опасность». Полагаем, что уголовно-правовая категория общественной опасности имеет важное научно-практическое значение, определяющее социальную полезность уголовного законодательства и уголовно-правовой науки.

Последнее формулируется в нем с использованием различных юридико-технических приемов¹. Одним из самых распространенных и часто применяемых приемов следует назвать дефиницию².

Дефиниция в уголовном законодательстве — один из способов изложения юридического материала, должна отвечать требованием, четкости, ясности, краткости: она служит показателем юридико-технической зрелости, правовой культуры, логической стройности и стабильности, вносит унифицированность в правоприменительную деятельность³, поэтому не случайно законодатель уделяет дефинированию уголовно-правовых положений особое внимание. Примером может служить использование в законодательстве словосочетания «общественная опасность».

В этой связи считаем необходимым и оправданным с научной и практической точки зрения изучение словосочетания «общественная опасность» проводить с применением филологического и правового инструментария. Используемое в уголовно-правовых конструкциях словосочетание включает два базовых слова «общественный» и «опасность».

В филологических источниках «общественный» определяется, исходя из однокоренного слова «общество», как связанный с деятельностью людей в обществе⁴. Общество — это совокупность людей, объединенных исторически обусловленными формами совместной жизнедеятельности. Круг людей, объединенных общностью положений, происхождений, интересов. Добровольное, постоянно действующее объединение людей для какой-нибудь цели. Та или иная среда людей, компания, совместное пребывание с кем-нибудь⁵.

Опасность — возможность, угроза чего-нибудь очень опасного, очень плохого, какого-либо несчастья, опасный — способный вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье⁶.

Общественная опасность как уголовно-правовая категория обладает социально-правовой значимостью и в этих условиях приобретает новую специфическую качественную юридическую оценку, совершенного противоправного деяния. В данном случае общественную опасность следует понимать как опасность для всех общественных отношений⁷. Однако, как показало проведенное исследование в юридической науке, в том числе и в уголовно-правовой науке, категория «общественная опасность», несмотря на высокую социально-правовую значимость, остается малоизученной, а в ряде научных учебных работ она не рассматривается вообще. Такая ситуация отрицательно

¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва: Юристъ, 1999. С. 373; Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. Москва: Эксмо, 2008. С. 170–175.

² Дефиниция (от лат. *definitio* — «ограничение») — определение, понятие, раскрытие понятия путем перечисления его признаков, то есть путем указания на содержание понятия. См.: Философский энциклопедический словарь. Москва, 1997. С. 132; Определение, истолкование понятия. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва, 1990. С. 166; Краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления. См.: Словарь иностранных слов. Москва, 1990. С. 162.

³ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва: Юристъ, 1999. С. 373; Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. Москва: Эксмо, 2008. С. 170–175.

⁴ См.: Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под общ. ред. академика С. П. Обнорского. 3-е изд. Москва, 1952. С. 392.

⁵ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1990. С. 438.

⁶ См.: Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под общ. ред. С. П. Обнорского. 3-е изд. Москва, 1952. С. 451.

⁷ См.: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. С. 136.

сказывается на правоприменительной практике, снижает превентивную силу сформулированных уголовно-правовых регламентов.

Общественная опасность в доктринальных источниках. В российской уголовно-правовой доктрине доминирующей признается точка зрения, согласно которой общественная опасность является определяющей сущностно-содержательной категорией уголовного закона. Она пронизывает все основные положения, характеризующие преступления, и означает, что совершаемое противоправное деяние (преступление) вредоносно по своему содержанию и характеру, причиняет или создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

А. А. Пионтковский общественную опасность деяния определял как социально-политическую категорию, характеризующую преступность деяния, его объективные общественные свойства¹.

А. И. Марцев под общественной опасностью понимал как функционирующую независимую уголовно-правовую категорию, признаваемую или не признаваемую в уголовном законодательстве и доктрине².

В свою очередь А. В. Бриллиантов, М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин общественную опасность рассматривают как уголовно-политический ориентир для распределения энергии и силы государственного реагирования на преступность, включающий не только вредоносность, но и создание реальной угрозы его причинения³.

По мнению А. В. Наумова, общественная опасность — это способность предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)⁴.

Общественная опасность в уголовном законодательстве. Общественная опасность как юридическая категория закреплялась в первых нормативных правовых актах советской власти. Подтверждением этому могут служить уголовно-правовые памятники советского периода. В Руководящих началах по Уголовному праву РСФСР 1919 года⁵ *общественная опасность* (курсив наш. — А. П.) как классовая категория являлась одной из базовых, значимых признаков преступления и формулировалась применительно к различным уголовно-правовым положениям. Применительно к преступлению — это действие или бездействие, опасное для системы общественно-правовых отношений (ст. 6); применительно к определению наказания за совершенное преступление, общественная опасность оценивалась исходя из степени, характера и свойств опасности для общества как самого преступления, так и совершенного им деяния (ст. 11)⁶.

В УК РСФСР 1922 года общественная опасность деяния характеризовалась как угроза основам советского строя и правопорядка, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени (ст. 6)⁷. В данном нормативном акте словосочетание «общественная опасность» законодатель использует не только при формулировании преступления (ст. 6), под которым понимает всякое общественно опасное действие или бездействие, но и раскрывает его признаки, а именно, включая опасность лица, обнаруживается совершением действий, вредных для общества или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному порядку⁸.

В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года общественная опасность определялась через раскрытие задач, где в преамбуле указывалось на то, что уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик имеет своей задачей

¹ См.: Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: в VI т. Часть общая. Т. II. Преступление. Москва: Изд-во «Наука», 1970. С. 131.

² См.: Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск: Омский юридический институт МВД России, 2000. С. 13.

³ См.: Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении. Москва: Юрлитинформ, 2009. С. 24; Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. Москва: Проспект, 2014. С. 33; Бриллиантов А. В. Степень общественной опасности деяния и административная преюдиция // Российское правосудие. 2016. № S1. С. 254–259; Пудовочкин Ю. Е. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Российское правосудие. 2019. № 10. С. 70.

⁴ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юридическая литература, 2004. С. 156.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 1919. № 66, ст. 590.

⁶ Там же.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. 1922. № 15, ст. 153.

⁸ Там же.

судебно-правовую защиту трудящихся от общественно опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок. Как видно, материальный признак преступления раскрывался через объект посягательства — интересы власти трудящихся, то есть интересы социалистических правоотношений¹.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года в статье 6 законодатель дает определение общественной опасности и формулирует ее следующим образом: «Общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Одновременно с этим в статье 7 конкретизируется мера социальной защиты назначаемым лицам «совершившим общественно опасное действие или связанное с преступной средой»².

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1958 года категория «общественная опасность» включала в себя материальный признак преступления и указывала на объект посягательства — интересы социалистических правоотношений, определялась как «посягательство на советский общественный или государственный строй СССР, социалистическую систему хозяйствования, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом»³. В данном случае признаки, характеризующие общественную опасность, законодатель сформулировал достаточно подробно.

Впоследствии данное определение без каких-либо редакционных корректив было продублировано в статье 7 УК РСФСР 1960 года. Одновременно с этим в статье 1 данного правового акта указывалось, что для осуществления задач Уголовный кодекс РСФСР определяет, какие общественно опасные деяния признаются преступлениями, устанавливает наказание, подлежащее применению к лицам, совершившим преступление; «преступлением признается общественно опасное деяние (действие или бездействие)»⁴. Таким образом, законодатель словосочетание «общественная опасность» использует для дефинирования понятия «преступление» и формулирования задач.

Не явился исключением и принятый 24 мая 1996 года Уголовный кодекс Российской Федерации, в котором словосочетание «общественная опасность» используется при формулировании принципов: вины (ст. 5), справедливости (ст. 6); характеристики преступлений: понятие преступления (ст. 14), категория преступлений (ст. 15); конкретизации форм вины: прямого и косвенного умысла и неосторожности.

Законодательное закрепление, по мнению Н. Ф. Кузнецовой, выражается в трех вариантах: указанием на объект посягательства; указанием на вредоносность деяния; сочетанием объекта посягательства и вредоносностью деяния⁵.

Проведенное исследование законодательных памятников показывает, что категория «общественная опасность» постоянно менялась, в первом случае характеризовалась (отражала) классовый характер, во втором случае раскрывалась оценка классовых признаков относительно объекта противоправного посягательства, в третьем случае служила основным критерием криминализации и декриминализации деяний.

Изложенные выше положения, характеризующие общественную опасность как уголовно-правовую категорию, позволяют выделить ее следующие признаки:

- объективное свойство преступления, материальный признак, внутреннее свойство преступного деяния, раскрывающее его социальную сущность (природу), независящее от воли законодателя;
- основной критерий криминализации и декриминализации деяний, характеризующий объективные и субъективные признаки деяний, позволяющих определить целесообразность установления уголовно-правового запрета;
- объективное свойство деяний, определяемое причиненным вредом обществу, позволяющее отграничивать преступные деяния от других правовых деликтов;

¹ Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80, ст. 153.

² Собрание узаконений РСФСР 1926. № 80. С. 600.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1.

⁴ Там же. 1960. № 40, ст. 591.

⁵ См.: Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 261.

— характеризует вредоносность, выражающуюся в причинении либо в создании угрозы причинения ущерба охраняемым уголовным законом интересам;

— закрепляется в системе уголовного законодательства и обладает количественными и качественными характеристиками:

а) количественная сторона общественной опасности определяется тяжестью наступивших последствий, способом преступного посягательства, формой вины;

б) качественная сторона общественной опасности определяется объектом преступного посягательства: чем значимее объект, тем выше характер посягательства;

— многокомпонентная социально-правовая категория — результат законотворческой деятельности, включающий в себя уголовно-правовые, уголовно-исполнительные, уголовно-процессуальные, криминалистические, организационно-управленческие признаки.

Лановая Галина Михайловна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

О критериях научности юридического знания

Вопрос о критериях научности знания актуален для любой науки, и юриспруденция не является исключением. От правильности и точности выбора названных критериев зависят объективность оценки результатов исследовательского труда, возможность отграничения идей и концепций, служащих приращению знания, от фантазий, ложных гипотез и псевдонаучных теорий, а также вероятность обнаружения демаркационной линии между наукой и идеологией, приобретшей наукообразный вид. Следовательно, правильное и точное определение критериев научности юридического знания имеет чрезвычайно высокую значимость для стимулирования таких изменений в юридической науке, которые могут способствовать повышению ее роли в жизни современной России.

Несмотря на очевидную важность, проблема критериев научности знания удовлетворительно не решена в юриспруденции до сих пор не получает. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, последовательная смена типов рациональности привела к формированию в современной философии науки и науковедении нескольких подходов к решению вопроса о критериях научности знания, синтезировать которые практически невозможно. В этих условиях выработка единого, общепризнанного мнения относительно критериев научности юридического знания объективно затрудняется. Во-вторых, на юриспруденцию необратимым образом влияет то, что «массовый характер интеллектуальной деятельности порождает новый вид социальной фобии — страх утраты собственной индивидуальности»¹. В этой ситуации неизбежно появляется множество не связанных друг с другом и замкнутых на самих себе «авторских» решений вопроса о критериях научности юридического знания, прикладная ценность которых не всегда очевидна.

Бесспорно, рассуждения о критериях научности юридического знания могут быть продуктивными, будучи сопряженными с обоснованием принципиально новых, оригинальных идей, однако важно понимать, что новизна той или иной концепции сама по себе не является гарантией ее правильности, корректности. В этой связи имеет смысл прежде всего обратиться к уже известным и апробированным на практике подходам к определению критериев научности, соответствующим трем основным известным истории науки типам рациональности, — классическому, неклассическому и постнеклассическому.

В рамках рациональности классического типа основным критерием научности знания представит истинность — его адекватность реальности, достигаемая за счет очищения процесса познания от субъективизма².

¹ Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1 (5). С. 98.

² См.: Ключков В. В. Знание и невежество в юридической науке // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 145; Тюменева Н. В. Особенности применения универсальных критериев научности в юриспруденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 84–85; Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1 (5). С. 96.

Там, где речь идет о юриспруденции, размышления об истинности знания, как правило, сопровождаются рассуждениями о затруднениях, которые возникают на пути исследователя, стремящегося к постижению истины. При этом речь прежде всего идет о факторах, влияние которых на процесс познания неизбежно и непреодолимо, — например о культурной среде, в том числе о правовой культуре¹. Поскольку объективно не существует надежных способов нивелировать воздействие подобных факторов на исследователя и осуществляемую им деятельность, постольку, признавая критерием научности знания истинность, можно прийти к парадоксальному выводу: никакое юридическое знание научным не является.

Рассуждать об истинности или ложности юридического знания затруднительно и в силу того, что такое знание — всегда результат интерпретации, а последняя представляет собой деятельность, на содержание и результаты которой ощутимо влияют свойства сознания и мышления интерпретатора.

Сторонники того подхода к решению вопроса о научности юридического знания, который сформировался в рамках рациональности классического типа, вероятно, в силу проблематичности решения вопроса об истинности такого знания, нередко предлагают использовать дополнительные критерии, которыми при всем многообразии применяемой в их номинации терминов в сущности предстают доказательность, верифицируемость и логическая непротиворечивость², но и эти критерии использовать в оценке юридического знания весьма проблематично.

Так как в отношении юридического знания практически невозможно применить критерий истинности, о наличии или отсутствии у него таких свойств, как доказательность и верифицируемость, говорить также затруднительно.

Доказательность — обоснованность научного знания, его подтвержденность другими положениями, истинность которых доказана, — в рассуждениях о юридическом знании фактически подменяется аргументированностью. В то же время важно понимать, что доказывание и аргументация — разные виды деятельности, и потому аргументированность не может быть критерием научности знания в принципе.

Доказывание и аргументация имеют разные цели, средства, стадии, кроме того, они различаются и по другим параметрам³. Наиболее принципиально то, что целью доказывания является установление истины, а цель аргументации — обеспечить «принятие аудиторией (собеседником) выдвигаемых положений, частичное или полное изменение исходной позиции»⁴. Как следствие, инструменты, которые успешно используются в аргументации (например ссылка на авторитетное мнение или апеллирование к норме закона), в формально-юридическом смысле не служат надежными средствами доказывания истинности знания.

Верифицируемость — проверяемость на предмет истинности путем обращения к эмпирическому опыту — не может рассматриваться в качестве свойства юридического знания не только в силу отсутствия критериев истинности, проверку на соответствие которым предполагает верификация. Установить их соответствие какому-либо эталону эмпирическим путем в принципе затруднительно, так как применение опытов, наблюдения и эксперимента в юридической науке крайне ограничено. Поскольку объекты, изучаемые юридическими науками, относятся к категории идеальных либо являются материальными отражениями идеальных объектов, постольку их свойства невозможно измерить или зафиксировать приборами.

Там, где в исследовании изучаемых юридической наукой объектов, явлений и процессов используются точные методы, как правило, фиксируются не свойства самого объекта, явления, процесса, а результаты действия сложной системы факторов, правильность или неправильность

¹ См.: Антонов М. В. Объективность в праве и в юридическом мышлении. Рецензия на монографию: Jaakko Husa, Mark Van Hoecke (ed.). *Objectivity in Law and Legal Reasoning*. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2013. 268 р. Правоведение. 2014. № 1. С. 252.

² См.: Графский В. Г. Точку ставить рано: вместо заключения // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2011. С. 159–161; Иванов С. А. О критериях научности юридической теории // История государства и права. 2012. № 11. С. 46–47; Невважай И. Д. О возможности адаптации критериев научности в науках о праве // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2011. С. 127–133; и др.

³ Каргин К. В. Основные концепции соотношения юридической аргументации и юридического доказывания // Право и государство: теория и практика. 2013. № 2 (98). С. 56.

⁴ Пантыкина М. И. Теория и практика аргументации. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2014. С. 3.

интерпретации которых зависит от ученого. Например, увеличение количества зарегистрированных преступлений определенного вида может быть следствием как действительного увеличения количества таких деяний, так и изменения уголовного закона, применяемого на практике подхода к регистрации совершенных преступлений либо намеренного искажения статистики. Правильность выводов, сделанных на основе анализа статистики, в данном случае зависит непосредственно от того, сумеет ли исследователь отличить зависимости от ложных корреляций.

Что касается логической непротиворечивости — свойства системы, подразумевающего, что никакое предположение в ней не может быть доказано и одновременно опровергнуто, — то применение данного критерия к юридическому знанию затруднено в силу того, что его логическая непротиворечивость — всегда результат приложения усилий, достаточных для того, чтобы элиминировать из системы то, что противоречит другим ее элементам. Важно понимать, что подобные усилия, как правило, приводят к последствиям скорее негативным для науки, чем позитивным, так как логическое противоречие — основной источник развития научного знания и «чем более несовместимой с господствующей точкой зрения является выдвигаемая гипотеза, тем лучше»¹.

Итак, представления о критериях научности, сложившиеся в рамках рациональности классического типа, подвергаются критике небезосновательно. Их применение в отношении юридического знания вряд ли может дать четкое представление о том, когда оно научно, а когда — нет.

Специфика критериев научности знания, сложившихся в рамках рациональности неклассического типа, определяется тем, что последняя сформировалась не просто в условиях кризиса классической парадигмы, а именно в острой полемике с ней. Когда оказалось, что «рациональные схемы, создаваемые теоретическим мышлением «свободно мыслящего» интеллектуала, в большинстве случаев так и остаются абстрактными схемами и не воплощаются в действительность»², базовым критерием научности знания была провозглашена его практическая ценность (полезность).

Несмотря на то, что неклассическая парадигма рациональности «была вытеснена формирующимся новым типом рациональности прежде, чем был раскрыт весь ее исследовательский потенциал»³, ее влияние на современные представления о критериях научности юридического знания очевидно. Однако при этом к практической ценности (полезности) юридического знания апеллируют в основном там, где вопрос о критериях научности такого знания возникает в связи с необходимостью решения какой-либо иной проблемы. Например, А. В. Поляков пишет о возможности использовать указанный критерий для решения такой задачи, как «отделение (сепарация) научных построений от философско-мировоззренческих изысканий» и указывает, что «минимальными условиями научности теории» являются ее внутренняя согласованность и способность объяснять правовые реалии с точки зрения юридической практики»⁴.

В рамках рациональности постнеклассического типа в условиях идеологического и методологического плюрализма возникает представление, что абсолютных критериев научности не существует. Такие критерии зависят от исторического и культурного контекста. «Классическая рациональность превращается в коммуникативную intersubjectивную рациональность»⁵, а основным критерием научности юридического знания провозглашается конвенциональность⁶.

С применением названного критерия в оценке научности юридического знания трудно согласиться, так как оно фактически «замыкает» юридическую науку на самой себе: знание начинает рассматриваться через призму свойств, в признании значимости которых, по большому счету, решающую роль играет достигнутый учеными консенсус. Возникает опасность того, что юридическое знание оторвется от права и правовой практики, станет набором символов и моделей, не имеющих отношения к действительности и выступающих лишь ориентирами, в рамках которых должен

¹ Клочков В. В. Знание и невежество в юридической науке // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 148.

² Чеснокова М. Г. О социокультурных основаниях типов рациональности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2012. № 1(5). С. 97.

³ Там же. С. 98.

⁴ Поляков А. В. Энергичная антропология права и коммуникативный подход // Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма: сборник научных трудов / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск: Академия МВД, 2015. С. 40–41.

⁵ Честнов И. Л. Постклассические критерии научности юридической теории // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2011. С. 64.

⁶ Клочков В. В. Знание и невежество в юридической науке // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 149; Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. С. 229–230.

оставаться исследователем для того, чтобы продолжать считаться членом научного сообщества, быть принятым и услышанным им. При этом может быть утрачено осознание того, что указанные символы и модели — результат конвенционального соглашения, достигнутого научным сообществом, а не правдивое отражение правовой действительности.

Под влиянием представлений, сложившихся в рамках рациональности постнеклассического типа, возникает мнение, что юридическое знание можно оценивать, опираясь одновременно на универсальные критерии научности, получившие обоснование в рамках рациональности классического типа, и на «специальные» критерии, содержание которых определяется особенностями юридической науки. Однако, предлагаемые при этом решения оказываются неконкретными или вызывают возражения в силу других причин.

Так, Н. В. Тюменева пишет о необходимости разработки в дополнение к «универсальным» параметрам оценки научного знания, выработанным в философии науки, «собственно юридических (дисциплинарных) эталонов научности»¹. В то же время она не указывает, что именно может выступать в качестве собственно юридических (дисциплинарных) эталонов научности. В силу этого остается неясным, как именно можно реализовать ее предложение о расширении круга критериев научности юридического знания.

Мнение Н. В. Тюменевой разделяет Г. А. Иванцова². Она отмечает, что «правовой науке только предстоит выработать свои собственные частные (дисциплинарные) критерии научности»³. О каких именно критериях в данном случае может идти речь, при этом не уточняется.

Н. В. Варламова высказывает мнение, что к юридическому знанию с определенными оговорками применимы те же критерии научности, что и к любому другому знанию. В то же время ей представляется интересным выделить критерий научности «собственно юридического знания»: таким критерием, по ее мнению, может быть специфическое — с помощью не свойственного другим наукам метода познания — конструирование специфического предмета⁴.

Вместе с тем названный критерий вряд ли можно считать именно критерием научности юридического знания. Наличие у юриспруденции специфического метода, с помощью которого конструируется специфический предмет, может служить лишь подтверждением того, что она по праву носит статус самостоятельной науки (который, впрочем, сегодня сомнению никто не подвергает). Если бы у юриспруденции не было специфического метода, то это не лишило бы знание, произведенное ею, статуса научного, лишь указало бы на то, что такое знание является не юридическим, а, например, социологическим или политологическим.

Итак, критерии научности юридического знания, получающие обоснование в рамках рациональности постнеклассического типа, вызывают возражения. При этом то, что такие возражения возникают именно вследствие отсутствия уверенности в применимости указанных критериев, побуждает вновь обратиться к представлениям о научности знания, сложившимся в рамках рациональности неклассического типа.

В юридической науке неслучайно значительное внимание уделяется проблеме практического применения знания. Юридическое знание — как и любой другой результат человеческой деятельности — приобретает смысл не в момент своего производства, а тогда, когда становится средством удовлетворения определенных потребностей. Ввиду этого в качестве базового критерия научности юридического знания может и должна рассматриваться его практическая ценность (полезность), выражением которой служит применимость⁵.

¹ Тюменева Н. В. Критерии научности юридического знания и практика их применения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 3. С. 346.

² Иванцова Г. А. Критерии научности знаний о праве // Право и государство: теория и практика. 2019. № 6 (174). С. 26.

³ Там же. С. 25.

⁴ Варламова Н. В. Критерии научности юридического знания // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. Москва: Норма, 2011. С. 51–62.

⁵ Принципиально значимо отличать практическую ценность юридического знания от ценности результатов его фактического применения, так как одно и то же знание может использоваться с позитивным или негативным в социальном плане результатом. В этом плане показательным является то, что перераспределение полицейских сил и средств на основе знания разницы в динамике преступности в различных районах города может приводить как к снижению уровня преступности, так и к закреплению за определенными районами репутации криминологически неблагополучных, их маргинализации и, как следствие, еще большему увеличению количества совершаемых в них правонарушений.

С высказанным суждением вполне согласуется то, что в эпоху безраздельного господства рациональности классического типа, когда назначением любой науки, в том числе юриспруденции, считалось удовлетворение потребности человека в познании мира, основным критерием научности юридического знания признавалась его истинность. Со сменой типа рациональности на первый план выступили функции юридической науки, связанные с ее способностью быть средством преобразования мира. Возникло представление о том, что подлинно научным является то юридическое знание, которое, даже будучи отчужденным от мыслителя, может использоваться для преобразования мира. С появлением необходимости изучения чрезвычайно сложно организованных систем востребованным оказался подход, выработанный в рамках рациональности постнеклассического типа.

С учетом того, что среди функций юридической науки далеко не последнюю роль играет методологическая функция, практическую ценность как критерий научности юридического знания нужно интерпретировать предельно широко, усматривая его полезность в применимости для решения не только проблем, значимых для правотворческой, правореализационной и правоинтерпретационной деятельности, но и задач, актуальных для самой науки, например таких, как совершенствование методологии, устранение неопределенности или восполнение пробелов в юридическом знании.

Для того чтобы знание было применимо в юридической деятельности, оно должно быть предметным (относимым), конкретным, аргументированным, системным (непротиворечивым). Для того чтобы быть применимым в решении задач, актуальных для юридической науки, знание, кроме того, должно быть творческим и инновационным (должно обладать новизной). Представляется, что перечисленные признаки вполне могут служить дополнительными критериями научности юридического знания.

Новое знание может соответствовать существующей научной парадигме или быть связано со сменой этой парадигмы. В первом случае применимость знания обнаруживается сразу, и оно находит свою реализацию прежде всего в правовой практике. Во втором случае применимость знания часто неочевидна, и оно оказывается приложимо прежде всего там, где речь идет о решении сугубо теоретических задач, в том числе задач методологического плана.

Отдельно следует подчеркнуть, что парадоксальным образом возможность использования знания, оперирования им для решения практически значимых проблем напрямую не зависит от его истинности. В этом плане показательным то, что знание, сформировавшееся под значительным влиянием идеологии, оказывается во многих случаях применимым в той же мере, что и знание, объективно отражающее действительность.

Практическая применимость юридического знания не зависит напрямую и от его признанности научным сообществом. По крайней мере, нельзя исключить гипотетическую вероятность возникновения «юридической лысенковщины», при которой ученым сообществом в качестве научного будет маркировано знание, являющееся результатом симуляции научного труда, и при этом будет отказано знанию, действительно имеющему практическую ценность, но полученному с «нарушением» принципов исследования, относительно важности соблюдения которых учеными-юристами достигнуто конвенциональное согласие.

Итак, определяя критерии научности юридического знания, следует принимать во внимание то, для чего существует юридическая наука, в чем заключаются ее ценности. Так как в современных условиях юриспруденция востребована именно как деятельность, в рамках которой производится знание, применимое в решении актуальных теоретических и прикладных проблем, в качестве базового критерия оценки научности юридического знания целесообразно рассматривать его практическую ценность (полезность). Несмотря на то что такой подход к решению вопроса о критериях научности юридического знания не вполне согласуется с типом рациональности, господствующим сегодня в философии науки и науковедении, его реализация может способствовать повышению роли юридической науки в жизни современной России.

Мазуренко Андрей Петрович,

доктор юридических наук,
профессор кафедры государственно-правовых
дисциплин юридического факультета
Северо-Кавказского федерального университета,
член Президиума Северо-Кавказского научного центра

К вопросу о состоянии отечественной юридической науки и научной обоснованности правотворческой политики

26 марта 2024 года в Нижегородской академии МВД России по инициативе профессора В. М. Баранова состоялся межвузовский практический мотивационно-просветительский форум с участием главного научного сотрудника Поволжского института Всероссийского государственного университета юстиции профессора А. В. Малько, выступившего с докладом «О роли современной юридической науки в жизни российского общества (проблемы «научного туризма» — как я стал почетным профессором в Китае и читал лекции в Германии)». Подчеркивая актуальность темы, начальник академии К. А. Плясов в приветственном слове отметил, что «...вопросы о роли юридической науки в жизни современной России в настоящее время представляются важными и интересными не только для ученых, преподавателей юридических образовательных организаций, практикующих юристов, но и граждан России в целом, одновременно являясь как архиактуальными, так и дискуссионными»¹.

С последним замечанием трудно не согласиться, поскольку взгляды ученых на роль правовой науки в жизни современного российского общества диаметрально противоположны. По мнению одних, юридическая наука на сегодняшний день находится в кризисном состоянии². По мнению других, она не стоит на месте, разрабатывая новые идеи и отвечая социально-политическим потребностям общества³.

Действительно, всплеск интереса к проблемам права в начале 90-х годов XX века породил невиданное ранее количество научных, в том числе диссертационных исследований. Однако принципиально важным является тот факт, что среди них практически отсутствовали инновационные изыскания. Подавляющая часть этих работ представляет собой анализ и комментирование ранее написанного⁴. Особо «отличились» здесь «ученые от бюрократии», на «вклад» которых в науку обращал внимание Президент Российской Федерации в своем обращении к экс-президенту РАН В. Фортову⁵.

Еще одной причиной кризиса юридической науки выступило, как ни странно, бурное развитие юридического образования⁶. Проблемой стала его повсеместная коммерциализация, включая высшее послевузовское образование в аспирантуре, при постепенном снижении уровня государственной мотивации остепененного профессорско-преподавательского состава. Иными словами, кандидаты и доктора наук вынуждены были зарабатывать написанием диссертаций чиновникам и их «особо одаренным» отпрыскам, что неминуемо привело к снижению качества диссертационных

¹ В Нижегородской академии МВД России состоялся второй межвузовский практический мотивационно-просветительский форум с участием заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Александра Васильевича Малько. URL: <https://xn--80az.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/48505361/> (дата обращения: 01.06.2024).

² См., например: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // *Lex Russica*. 2013. № 2. С. 181–191; Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. Москва, 1998. 624 с.; Зорькин В. Д. Цивилизация права. Если право погибает, то мир окажется у края бездны // *Российская газета*. 2014. 12 марта.

³ См.: Маликова А. Х., Кавкаева Ю. А. К вопросу о российской юридической науке сегодня и перспективах ее развития в будущем // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020. Vol. 10-3 (49). С. 143.

⁴ См., например: Баранов В. М. Российская юридическая наука сегодня и пути совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений // *Гуманитарий Юга России*. 2015. С. 149–162.

⁵ См.: Путин поднял вопрос о чиновниках, ставших академиками РАН // *Аргументы и факты*. Федеральный АиФ. 2016. 23 ноября.

⁶ Подробнее см.: Мазуренко А. П. К вопросу о направлениях нового этапа развития высшего юридического образования в современной России // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2023. № 3. С. 198–203.

исследований при невиданном ранее увеличении их количества. Диссертационные советы по праву в начале нынешнего века действовали в абсолютном большинстве, в том числе непрофильных вузов Российской Федерации, а «рост числа недоброкачественных диссертационных работ достиг такого уровня, что данная ситуация, вызвав огромный общественный резонанс, обратила на себя внимание как государственных, так и общественных структур»¹.

Сегодня государственная политика в сфере подготовки научных кадров высшей квалификации переживает другую крайность. Практически все диссертационные советы работают в обратном порядке, десятками лишая ученых степеней кандидатов и докторов наук. Конечно, подобная во всех смыслах нездоровая ситуация с развитием современной, в том числе юридической науки, требует новых подходов к ее организации. На наш взгляд, необходимо пересмотреть принципы работы в сфере юридического образования, ограничив возможность подготовки квалифицированных юристов только в профильных и ведомственных вузах. Изменениям необходимо подвергнуть и обучение в аспирантуре, которое должно осуществляться только на бюджетной основе при строгом соблюдении открытых конкурсных процедур.

В целях оптимизации деятельности по защите соискателей следует изменить принципы присуждения ученых степеней, критерием присвоения которых должен стать личный вклад в развитие соответствующей отрасли научного знания путем оценки совокупности опубликованных трудов соискателя и защиты им научного доклада. Такой подход позволит искоренить практику подготовки и защиты заказных работ и присуждения ученых степеней лицам, не внесших реального индивидуального вклада в развитие отечественного правоведения.

К сожалению, примеры того, что современная российская юридическая наука переживает кризис, можно перечислять бесконечно, но так мы уйдем от заявленного предмета настоящей статьи, а поднятая тема действительно остается злободневной на протяжении уже не одного десятилетия. В качестве подтверждения приведем высказывание экс-депутата Государственной Думы Российской Федерации, известного экономиста и политического деятеля В. Шейниса, который сравнил Федеральное Собрание с печатным станком². Должны согласиться с данной точкой зрения. Российский парламент стремительно принимает огромное количество законодательных актов, не затрачивая на изучение проектов и их научного обоснования достаточного количества времени, поэтому уже штатной стала ситуация, когда по недавно принятому закону вносятся изменения. Как справедливо отмечают специалисты, «огромное количество вносимых поправок, изменений и дополнений — не столько показатель быстро меняющегося мира, сколько яркий пример отсутствия научно разработанных целей в стратегии развития законодательства и отсутствия продуманной работы по его реформированию»³.

На наш взгляд, одним из принципов, позволяющих обеспечить исполнимость и эффективность принимаемых законов, является принцип научной обоснованности. Данный принцип можно признать универсальным, поскольку он имеет одинаково важное значение как для правотворчества, так и для правотворческой политики⁴. По мнению Р. О. Халфиной, «...научная обоснованность имеет определяющее значение для эффективного правотворческого решения»⁵. Данный принцип подразумевает тщательное изучение той сферы общественных отношений, которую предполагается урегулировать соответствующим законом или иным правовым актом, практику применения действующих в этой сфере нормативных правовых актов, учет факторов, формирующих правотворческое решение, широкое привлечение научных учреждений и отдельных ученых к разработке и обсуждению законопроектов⁶. Научное обоснование, по словам С. В. Полениной, является важнейшим условием оптимизации правотворческой деятельности, а следовательно, и принимаемых законов. Активизация роли науки в формировании правотворческой политики и в законотворче-

¹ Баранов В. М. Российская юридическая наука сегодня и пути совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений. С. 158.

² См.: Вандышева О. Плюсы и минусы российского парламента // LIVEJOURNAL: сетевое сообщество. URL: <https://EXPERT.ru/2013/12/12/plyusyi-i-minusyi-rossijskogo-parlamenta/> (дата обращения: 04.06.2024).

³ Маликова А. Х., Кавкаева Ю. А. К вопросу о российской юридической науке сегодня и перспективах ее развития в будущем. С. 144.

⁴ См.: Малько А. В., Мазуренко А. П. Правотворческая политика России: история и современность: монография. Москва, 2013. С. 81.

⁵ Научные основы советского правотворчества / О. А. Гаврилов [и др.]. Москва: Наука, 1981. С. 37.

⁶ Подробнее см.: Мазуренко А. П. Правотворческая политика (опыт научного исследования): монография. Москва, 2023. С. 56–71.

стве — необходимая предпосылка к повышению качества принимаемых законов и эффективности содержащихся в них норм¹.

Однако, как показывает опыт, принятие конкретных законов, особенно в субъектах Российской Федерации, зачастую осуществляется без глубокой научной проработки проектов. Распространено принятие законодательных решений в условиях недостатка (или отсутствия) информации о вариантах решения соответствующей проблемы в зарубежных государствах на федеральном уровне или в других субъектах Российской Федерации. Это, конечно, негативно сказывается на качестве принимаемых актов, поскольку без научного обоснования с неизбежностью повышается роль субъективных моментов при выборе вариантов правотворческого решения².

Отсутствие полноценного взаимодействия между юридической наукой и органами законодательной власти является фактом в ряде (если не большинстве) регионов Российской Федерации³. Во многих субъектах Российской Федерации к помощи ученых не обращаются по причине недостатка финансовых средств, что вынуждает законодательные органы и субъектов права законодательной инициативы разрабатывать законопроекты самостоятельно. Нельзя забывать и о том, что научный потенциал в регионах разный, и далеко не во всех субъектах есть научные коллективы, способные обеспечить должное научное сопровождение законодательной деятельности.

Несмотря на имеющиеся проблемы, научный потенциал обязательно должен использоваться для осуществления оптимальной правотворческой политики. Это верный путь познания закономерностей социально-правовой сферы, выявления потребностей в законодательном регулировании, изучения правотворческой практики, обеспечения законодателя информацией сравнительно-правового и социологического характера и возможный только с помощью участия ученых в подготовке и обсуждении законопроектов. В целом научный подход направлен на обеспечение должной эффективности правотворческой политики и объективно нуждается в нормативном урегулировании форм участия представителей науки в правотворческом процессе.

В российской правотворческой практике нужно более основательно использовать научные экспертно-аналитические и консультативные советы, пока недостаточно результативно действующие при комитетах и комиссиях, должностных лицах Государственной Думы и Совета Федерации, при региональных парламентах, а также последовательно укреплять требования научной обоснованности законопроектов⁴. И хотя пока представление научного обоснования в нормативном плане не установлено в качестве обязательного этапа подготовки закона и является скорее факультативной стадией в законодательном процессе, есть основания предполагать ее превращение в обязательную часть конструирования закона, ибо современный мировой опыт демонстрирует стойкую тенденцию к введению экспертного исследования законопроекта в общую схему законотворческой процедуры⁵. Так, проведение экспертизы Институтom законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации является необходимым условием принятия решения о внесении подготовленного министерством проекта закона на заседание Правительства для последующего направления в Государственную Думу⁶. Нужно идти дальше и установить специальную норму в проекте Федерального закона «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов», который может выступить важным источником правотворческой политики и который необходимо принять в ближайшее время. Согласно данной норме научное обоснование должно стать обязательной составляющей под-

¹ См.: Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Москва, 2003. С. 192.

² Подробнее см.: Мазуренко А. П. Региональная правотворческая политика: монография / под ред. А. В. Малько. Ставрополь, 2006. 184 с.

³ Подробнее об этом см.: Кочетков А. В. Региональный законодательный процесс: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов. С. 33–34; Мазуренко А. П. Региональная правотворческая политика. С. 39–41.

⁴ См.: Мазуренко А. П. Правотворческая политика (опыт научного исследования): монография. Москва, 2023. С. 70–71.

⁵ См.: Хабриева Т. Я. Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сборник статей / под ред. С. В. Полениной, В. М. Баранова, Е. В. Скурко. Москва; Нижний Новгород, 2007. С. 28; Боботов С. В. Законодательный процесс в Великобритании // Журнал российского права. 1998. № 4–5. С. 228.

⁶ О совершенствовании законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2000 года № 347 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 17, ст. 1877.

готовки и принятия законов, а официальные заключения ученых на те или иные законопроекты в обязательном порядке должны рассматриваться в Федеральном Собрании Российской Федерации. Если парламентарии отказывают подобным заключениям, то необходимо указать мотивы такого отказа.

Следует согласиться с Т. Я. Хабриевой, что «...в силу усложнения нашей жизнедеятельности, глобального технологического прогресса научное сопровождение на различных стадиях законотворческого процесса все более очевидно превращается в необходимую часть подготовки и принятия закона»¹. По этой же причине важно создавать в правотворческих структурах более открытую атмосферу, более прозрачную обстановку, активнее включать в работу продуктивные механизмы общественных экспертиз и публичных обсуждений законопроектов, а также учета общественного мнения при их подготовке и принятии. Пока же «...в основе изменений законодательства, как правило, лежат политическое или лоббистское решение, а юристы как носители юридической техники лишь выступают инструментом для воплощения данного решения в жизнь»².

Таким образом, наряду с проблемами, описанными в начале статьи, на сегодняшний день отечественная юридическая наука испытывает сложности в определении пути дальнейшего развития еще и потому, что не в состоянии оказывать хоть какое-то влияние на правотворчество и правовую ситуацию в целом, правовая система полностью зависима от действующей власти и ее политики. Понятно, что сложившаяся ситуация не соответствует запросу активно растущего гражданского общества, требует формирования объективной правовой идеологии и национального правосознания, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Макарейко Николай Владимирович,
доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
административного права и процесса
Нижегородской академии МВД России

Некоторые доктринальные проблемы государственного принуждения

Государственное принуждение относится к высокоактуальному фрагменту правовой действительности. Об этом свидетельствует значительное число публикаций различных жанров и глубины. Невзирая на повышенное доктринальное внимание, нельзя признать исчерпанность данной проблематики. В пользу вышесказанной позиции свидетельствует развитие действующего законодательства, которое регламентирует различные формы государственного принуждения. Так, в январе 2020 года были разработаны проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и представлены для всеобщего обсуждения и оценки перспектив оказания регулирующего воздействия.

Широкая практика применения административной ответственности, объем оказываемого при этом правоограничительного воздействия свидетельствуют о значимости законодательного регулирования данной формы государственного принуждения. При этом следует признать, что те проблемы, которые были поставлены в Концепции реформирования указанного законодательства³, к сожалению, не получили своего разрешения в полной мере в данных проектах кодексов. Их вступление в силу не только не окажет положительного воздействия на функционирование института административной ответственности, а наоборот, породит значительные сложности в реальной правоприменительной деятельности. Законодательство немотивированно будет усложнено, что спровоцирует правоприменительные ошибки и, как результат, приведет к необоснованному ограничению прав и свобод граждан.

¹ Хабриева Т. Я. Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сборник статей / под ред. С. В. Полениной, В. М. Баранова, Е. В. Скурко. Москва; Нижний Новгород, 2007. С. 29.

² Баранов В. М. Российская юридическая наука сегодня и пути совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений. С. 149.

³ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 11.04.2024).

Несколько ранее (2018) Верховным Судом Российской Федерации был подготовлен законопроект о легализации уголовного проступка¹. Данный законопроект получил отрицательное заключение Правительства Российской Федерации, но органы судейского сообщества не оставляют надежды на его принятие².

Нынешнее состояние юридической практики в области государственного принуждения обусловлено, по меньшей мере, рядом научных факторов. Во-первых, состоянием разработки теории государственного принуждения. Во-вторых, использованием доктринальных разработок субъектами юридической деятельности. При этом следует разделить позицию Н. В. Сильченко: «Далеко не всегда в силу ряда причин и обстоятельств предложения и рекомендации юридической науки воспринимаются практикой законотворчества и правоприменения»³.

Обращение к существующим публикациям по государственно-принудительной проблематике позволяет констатировать, что научное внимание к указанной теме не ослабевает. Об этом свидетельствуют исследования как по теории права, так и отраслевой тематике. Вместе с тем следует признать очевидный дисбаланс доктринального внимания. Наиболее часто разрабатываются вопросы общей характеристики юридической ответственности и ее отраслевых разновидностей. Подобное положение имеет под собой вполне легальное объяснение. Именно институт юридической ответственности отличается наибольшим уровнем систематизации нормативного правового материала. При этом речь идет как о материально-правовой, так и процессуальной составляющих, что нельзя сказать об упорядочении мер предупреждения, пресечения, процессуального обеспечения и право восстановления (защиты).

Юристы-практики зачастую справедливо апеллируют к качеству проводимых исследований. Вместо поиска и обоснования закономерностей, свойственных государственно-принудительному, авторы идут по пути уточнения используемого понятийного аппарата. Вектор доктринального осмысления государственного принуждения должен быть ориентирован на установление, обоснование и характеристику существующих и устойчивых взаимосвязей. При этом, исключая единичные и случайные связи, с тем, чтобы не допустить выявления и обоснования ошибочных закономерностей⁴.

Необходимо отказаться от необоснованной либеральной парадигмы о сокращении объема применения государственного принуждения. Интенсивность применения данного метода государственного управления обусловлена наличием соответствующих оснований, то есть совершением, а в ряде случаев и потенциальной возможностью совершения правонарушений различной степени общественной опасности и наличием аномалий с правовым содержанием. В этой связи нельзя абсолютизировать, что государственное принуждение «является вспомогательным, дополнительным методом управления обществом. Основным методом является метод убеждения, который представляет собой совокупность средств, приемов и способов воздействия на сознание человека с целью формирования у него мнения об осознанном и добровольном соблюдении и исполнении правовых предписаний»⁵. Во многом схожий подход культивировался и в советский период⁶.

Очевидно, что подобное ограниченное восприятие государственного принуждения является контрпродуктивным. Не отрицая необходимость экономии государственно-принудительного воздействия, следует выработать действенные рекомендации по применению данного метода. Речь идет, прежде всего, об определении границ принудительного воздействия⁷. В этой связи целесообразно разработать критерии установления определенных пороговых показателей⁸.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект Федерального закона № 1112019-7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2024. (дата обращения 11.04.2024).

² См.: Звечаровский И.Э. На пути к уголовному проступку // Законность. 2021. № 2. С. 45–46.

³ Сильченко Н. В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики. Минск, 1993. С. 31.

⁴ См.: Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013.

⁵ Бабаев В. К. Право и государственное принуждение // Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва, 2002. С. 207.

⁶ См.: Керимова Т. В. Убеждение и принуждение при социализме (теоретические проблемы методов государственного руководства обществом): дис. ... канд. филос. наук. Ленинград, 1967. С. 212–217.

⁷ Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 90.

⁸ См.: Макарейко Н. В. Пределы государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 35–39.

Важно, чтобы такие показатели были сформулированы как на общетеоретическом, так и отраслевом уровнях нормативно-правового регулирования¹, а также применительно к определенным сферам правоохранительной деятельности².

Нуждается в дополнительном осмыслении проблема определения соотношения государственного принуждения и насилия. Не отрицая связи между указанными социальными явлениями, следует исходить из принципиального посыла, что государственное принуждение должно выступать средством не только пресечения и последующей правовой оценки насилия, а являться действенным его предупреждением³. Нужно своевременно диагностировать и не допускать проявления актов насилия, принимать необходимые меры по восстановлению нарушенного правового состояния.

При изучении государственного принуждения необходимо преодолеть негативное восприятие данного метода. Важно признать его востребованность в механизме правового регулирования. В этой связи следует принципиально скорректировать правосознание в данной области как ее идеологическую, так и психологическую составляющие. Важно, чтобы произошла позитивная трансформация как доктринального, так и профессионального и обыденного правосознания. Мы исходим из того, что в ходе применения мер государственного принуждения в максимальной степени задействовано правосознание (убежденность) соответствующих правоприменителей. Следует учитывать, что потенциал государственного принуждения востребован в качестве важного инструмента противодействия хаосу и в этой связи выступает важным инструментом упорядочения общественных отношений.

Перспективным видится познание аксиологической составляющей государственного принуждения. В ряде случаев именно государственно-принудительное воздействие является высоко востребованным средством обеспечения согласования противоречивых интересов различных субъектов общественных отношений. Целесообразно рассматривать государственное принуждение как обязательный атрибут общественного развития. Его характеристика, интенсивность применения на различных этапах будет существенно отличаться в силу соответствующих объективных и субъективных факторов. Указанный подход позволит преодолеть статистическое восприятие государственно-принудительной действительности, будет направлен на его видение в динамике, взаимосвязи и взаимодействии с другими юридическими явлениями и процессами.

Очевидный интерес представляет познание современных форм государственного принуждения во взаимосвязи с другими методами управления. При этом необходимо преодолеть ограничительный подход и не исчерпываться исключительно соотношением с убеждением и поощрением. В орбиту исследовательских интересов следует включить специальные методы, которые ориентированы на разрешение частных, но высоко востребованных правовых задач, которые имеют важное значение в настоящее время, а также в будущем, то есть нужно учитывать перспективные горизонты правового регулирования.

Усложнение общественных отношений, которые выступают в качестве объекта принудительного воздействия, требует повышенного внимания к технико-юридической составляющей. При этом важно охватить во взаимосвязи средства правотворческой, право интерпретационной, правореализационной техники государственного принуждения. Совершенствование юридической техники будет в комплексе способствовать как повышению эффективности, так и законности государственно-принудительного воздействия. Успешное разрешение указанной проблемы возможно при обеспечении взаимодействия между юристами-исследователями и юристами-практиками.

Сложность института государственного принуждения во многом предопределена многоуровневым характером его нормативного правового регулирования. Исключение составляет уголовная ответственность, которая в силу статьи 71 Конституции Российской Федерации регламентируется только на федеральном уровне при этом только нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 1 УК РФ). В то время как законодательством об административных правонарушениях

¹ См.: Макарейко Н. В. Проблемы правовой определенности административной ответственности // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4 С. 245–250.

² См.: Макарейко Н. В. Пределы государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности (общетеоретический аспект) // Союз криминалистов и кримиологов. 2014. № 2 (2). С. 66–74.

³ См.: Макарейко Н. В. К вопросу о соотношении насилия и государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 227–231. Макарейко Н. В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 305–307. Макарейко Н. В. Насилие как средство противоправного ограничения свободы // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 51–57.

регламентируется как на федеральном, так и региональном уровнях законодательного регулирования (ст. 1.1 КоАП РФ). Еще в большей степени усложняется проблема нормативного правового закрепления мер предупреждения и пресечения, что во многом актуализирует объем правотворческих и в конечном итоге правоприменительных ошибок. Субъекты правотворчества, в том числе и законодатели в ряде случаев «запаздывают» с регламентацией мер государственного принуждения. В этой связи актуальным является осуществление опережающего правотворчества в указанной области¹. В такой ситуации востребовано осуществление правового прогнозирования.

С учетом осуществления нормативно-правового регулирования государственного принуждения на различных уровнях существует потребность в выработке адресных рекомендаций. В настоящее время основное внимание сконцентрировано на федеральном уровне. При этом региональному компоненту уделяется незаслуженно меньшее внимание. Убеждены, что следует преодолеть сложившийся дисбаланс. Необходимо выработать рекомендации, которые должны привести к оптимизации такого регулирования, что может быть выражено как в расширении, так и ограничении таких границ. Нельзя сбрасывать со счетов муниципальную и локальную составляющие государственного принуждения. Актуализируется потребность в методическом обеспечении закрепления и применения рассматриваемого метода как на уровне нормативно-правового регулирования, так и правоприменения. В конечном итоге должна быть обеспечена гармонизация федерального, регионального, муниципального и локального нормативно-правового регулирования государственного принуждения.

Одной из особенностей государственного принуждения является изучение его субъектной составляющей. Такое положение предопределено тем, что правами по его применению наделен широкий круг лиц. Важно, чтобы соответствующими правами наделялись подготовленные субъекты. Целесообразно установить, чтобы правоограничительный потенциал соответствующих мер был сопоставим с уровнем компетенции правоприменителей. Наряду с этим данная закономерность не характерна для мер пресечения, особенно применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия. Указанные меры чаще всего реализуются субъектами, которые имеют минимальную правовую подготовку, но наиболее часто применяют указанные правоограничительные средства.

Важное значение имеет определение круга лиц, в отношении которых применяются меры государственного принуждения. Речь идет о выработке адресных рекомендаций по применению принудительного воздействия в отношении различных категорий физических лиц, в том числе и обладающих правовыми иммунитетами. Наряду с этим важно аргументировать возрастные характеристики принуждаемых, особенно в отношении видов юридической ответственности. Нельзя признать решенным вопрос применения соответствующих мер в отношении юридических лиц. Одним из аспектов выступает разделение принудительного воздействия между юридическим лицом и органами его управления.

Наличие и реальное функционирование различных экстраординарных правовых режимов (чрезвычайного, военного положения, контртеррористической операции, повышенной готовности и др.), в том числе введение санкционных режимов, требует выработки соответствующих доктринальных рекомендаций. Они должны быть направлены на «перенастройку» мер государственного принуждения на применение в особых условиях. Важно в комплексе предусмотреть изменение применяемых мер, то есть их материально-правовые и процессуальные характеристики.

Государственное принуждение является мощным правоограничительным инструментом, который востребован в силу высокой конфликтности общественных отношений, наличия противоречивых интересов у соответствующих субъектов. В этой связи важно выработать рекомендации по обеспечению баланса таких интересов, то есть между публичными и частными, индивидуальными и групповыми. При этом следует использовать те закономерности, которые выявляются специалистами в других областях знаний: социологами, психологами, политологами, экономистами. Использование такой информации будет способствовать выработке более адресных рекомендаций, а применяемые меры государственного принуждения позволят получить больший эффект.

Учитывая то обстоятельство, что меры государственного принуждения реализуются в различных пространственно-временных рамках, данный фактор требует обязательного учета. Он находится в русле общетеоретического познания указанных феноменов. «Грамотный и рациональный

¹ См.: Баранова М. В. Опережающее правотворчество в правовой системе современности // Вестник Саратовской юридической академии. 2016. № 1. С. 43–45.

подход к установлению и реализации пространственно-временных свойств в правовой сфере способствует нахождению оптимального баланса в состоянии упорядоченности общественных отношений и является необходимым условием достижения ближайших и отдаленных во времени стратегических задач государства»¹.

Следует принимать во внимание различные значения пространства и времени применительно к отдельным формам государственного принуждения. Они имеют принципиально важное значение относительно мер предупреждения и пресечения, когда «отступление» от указанных параметров рассматривается как нарушение законности. Названные обстоятельства в определенной степени утрачивают свою остроту применительно к мерам правовосстановления. При этом фактор времени имеет важное значение при оценке эффективности применения указанных мер безотносительно к их видам.

Принимая во внимание высокую динамику отношений, охраняемых посредством государственного принуждения, целесообразно выработать адресные рекомендации по проведению мониторинга в данной области. Его потенциал позволит скорректировать усилия субъектов правотворчества и правоприменения с учетом изменяющейся обстановки, позволит оперативно осуществлять коррекцию государственно-принудительного воздействия.

Учитывая возможность реализации государственного принуждения не в связи с совершением правонарушений, а при обнаружении аномалий с правовым содержанием, следует уделить повышенное внимание данной проблеме. Не только в обыденном, но и в профессиональном и доктринальном правосознании не преодолено ограничительное восприятие государственного принуждения, его связанность исключительно с правонарушениями. Отказ от задействования потенциала государственного принуждения в связи со стихийными бедствиями, техногенными авариями и катастрофами влечет за собой негативные последствия, которые не сопоставимы с правоограничениями от применения мер государственного принуждения. В этой связи важно дать научные рекомендации по закреплению и последующему применению таких мер, в том числе и по усилению контроля за их применением.

Объем института государственного принуждения, его разноуровневый характер требуют проведения систематизации нормативно-правового материала. Специфика различных форм государственного принуждения требует использования различных видов систематизации. Признавая потенциал кодификации, следует быть реалистами и понимать его ограниченные возможности, а критически оценивать рекомендации по осуществлению всеобщей кодификации указанного института. В этой связи целесообразно осуществлять адресную систематизацию применительно к отдельным отраслевым формам государственного принуждения. Следует сформулировать доктринальные рекомендации по упорядочению рассматриваемых мер. Речь идет о мерах предупреждения и пресечения, для которых характерен минимальный уровень систематизации.

Признавая наличие наиболее упорядоченного законодательства, регламентирующего юридическую ответственность, следует учитывать невысокую систематизацию дисциплинарной ответственности. Нельзя сбрасывать со счетов наличие норм, регламентирующих административную ответственность за границы законодательства об административных правонарушениях. При этом речь идет не только исключительно о налоговой ответственности, а касается и других видов юридической ответственности. В этой связи следует присоединиться к авторитетному мнению Н. В. Витрука об отсутствии должной аргументации самостоятельного статуса бюджетной, налоговой, таможенной видов юридической ответственности². В настоящее время ряд законов, особенно регулирующих финансово-правовые институты, несвободны от норм, устанавливающих административную ответственность. Данная посылка относится и к процессуальной ответственности³.

Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать продолжение кодификации мер государственного принуждения с учетом действующего отраслевого законодательства. Наряду с этим целесообразно продолжить практику принятия законов, регламентирующих деятельность отдельных правоохранительных органов, где предусмотреть систематизацию применяемого принудительного инструментария.

¹ Тенилова Т. Л. Пространство и время в правовой системе общества: монография. Нижний Новгород, 2014. С. 5.

² См.: Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. Москва, 2008. С. 130.

³ См.: Макарейко Н. В. Процессуальная ответственность как правовое явление // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 249–253.

Внедрение современных информационно-коммуникационных технологий должно учитываться при разработке теории государственного принуждения. При этом нужно принимать во внимание специфику использования данного инструментария при охране цифровых отношений. Наряду с этим актуализируется проблема применения искусственного интеллекта в ходе применения государственного принуждения. Понимая перспективность использования указанных технологий, возможность оперативного достижения поставленных правоохранительных целей, необходимо учитывать существующие при этом риски.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что государственное принуждение является правовой проблемой, требующей повышенного доктринального внимания. Оно не является константой, а будет корректироваться в силу как объективных, так и субъективных факторов, что требует перенастройки вектора научных исследований в указанной области.

Мельник Валерий Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Военного университета
имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации;
Корбашов Вячеслав Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса Военного университета
имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Значение профессиональной юридической этики для нравственной социализации выпускников юридических вузов, образования и воспитания их в духе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей

Актуальность темы обусловлена задачами, поставленными в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором особо отмечено, что в условиях, когда недружелюбные страны проводят целенаправленную политику по сдерживанию Российской Федерации, одним из важнейших стратегических национальных приоритетов является защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а обучение и воспитание молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей должны рассматриваться как одна из важнейших задач, связанных с обеспечением национальной безопасности, поддержанием на высоком уровне морально-политического состояния личного состава, правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах, других воинских формированиях и органах.

Решение указанных дидактических задач в юридических вузах приобретает особую актуальность и в свете последнего Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 30 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в котором определены:

— в качестве одной из приоритетных национальных целей рассматривается «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»;

— а в качестве целевых показателей и задач, выполнение которых характеризует достижение этой национальной цели, — «создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей».

Обучение и воспитание курсантов и студентов юридических вузов на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей охватывается понятием «социализация личности выпускников юридических вузов».

Нравственный аспект социализации юристов удачно выражает определение, в котором под нравственной (моральной) социализацией понимается «...процесс, в ходе которого происходит

усвоение индивидом нравственных норм и принципов, интериоризация нравственных категорий и ценностей общества»¹. Слово «интериоризация» (от лат. *interior* — внутренний) буквально означает переход извне внутрь; в самом широком смысле означает любое усвоение информации, знаний, ролей². В результате нравственной интериоризации нравственные знания становятся личностными знаниями, духовными компонентами морального и профессионального сознания личности, обеспечивающими нравственную саморегуляцию ее поведения с учетом действующих в обществе нравственных норм.

В условиях проведения Россией специальной военной операции на Украине для выпускников юридических вузов особенно важное значение имеет усвоение ими на уровне интериоризации содержания таких этических категорий, как «нравственный долг», «совесть», «достоинство», «честь», «мужество», «отвага», «героизм» и «патриотизм», поскольку это является одним из важнейших условий развития у них соответствующих высоких морально-психологических качеств, определяющих их способность эффективно выполнять свой нравственный и профессиональный долг в экстремальных условиях боевой обстановки и военно-юридической деятельности. В решении этой дидактической задачи свой посильный вклад должны вносить преподаватели всех юридических дисциплин, помня нравственный завет А. Ф. Кони о том, что формирование у будущих юристов идеалов служения правосудию, правильного отношения к судебной и правоохранительной деятельности как к святому делу: «Это — дело университетского преподавания. Университет — это *alma mater* (кормящая мать) своих питомцев, должен напитать их здоровым, чистым и укрепляющим молоком общих руководящих начал», учитывая, что в практической юридической деятельности выпускникам юридических вузов «...среди злободневных вопросов техники и практики об этих началах придется им услышать уже редко. Отыскивать их и раздумывать о них в лихорадочной суете деловой жизни уже поздно. С ними, как с прочным вооружением, как с верным компасом, надо войти в жизнь. Когда человека обступят столь обычные, низменные соблазны и стимулы действий: нажива, карьера, самодовольство удовлетворенного самолюбия и тоска неудовлетворенного тщеславия, и т. п., когда на каждом шагу станут грозить мели и подводные камни и манить заводи со стоячей водой, тогда не будет уже времени, да, пожалуй, и охоты запастись таким стеснительным компасом»³.

В этом мудром, образном высказывании А. Ф. Кони подразумевается, что именно юридические вузы усилиями преподавателей всех юридических и общеобразовательных дисциплин должны сформировать у выпускников высокую нравственную культуру (нравственные устои), нравственно-психологический иммунитет к коррупции, казенно-бюрократическому отношению к исполнению своего нравственного и профессионального долга, другие высокие морально-психологические качества, подобающие блюстителям законности и правопорядка в нашей стране.

В этом отношении заслуживает внимания опыт автора нескольких учебников и учебных пособий по административному праву, муниципальному праву, криминологии и учебника для правоохранительных органов доктора юридических наук, профессора В. С. Четверикова. В введении к третьему изданию учебника «Правоохранительные органы» он в числе важнейших исходных понятий этого курса рассматривает такие понятия, как «совесть», «мораль», «нравственность», объясняя это тем, что «...правоохранительная деятельность, осуществляемая органами власти по обеспечению защиты личности, здоровья, прав и свобод граждан, без правильного понимания и использования этих понятий чаще теряет свой позитивный смысл» и что «Правоохранительная деятельность, осуществляемая государством и его специально уполномоченными органами, не может быть успешной без понимания этих важнейших понятий в жизни наших граждан и, главное, без правильного использования в своей работе»⁴.

Особенно важное значение в решении сложнейшей дидактической задачи по нравственному обучению и воспитанию курсантов и студентов юридических вузов, формированию у них высокой нравственной культуры, прочных нравственных устоев путем глубокого осмысления и прочувствования содержания основных этических категорий и понятий на уровне интериоризации, превращении их в личное знание и убеждение имеет преподавание в юридических вузах такой учебной

¹ Кириллина Т. Ю. Социология морали: учебник. Москва, 2013. С. 178.

² Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. Москва, 2009. С. 309; Мещеряков Б. Г., Зинченко В. В. Современный психологический словарь. Москва, 2007. С. 392.

³ Кони А. Ф. Избранные произведения. Москва, 1956. С. 47.

⁴ Четвериков В. С. Правоохранительные органы: учебник. 3-е изд. Москва, 2018. С. 5–6.

дисциплины, как «Профессиональная этика юриста» (в различных юридических вузах ее называют по-разному: юридическая этика, следственная этика, судебная этика, адвокатская этика и т. п.).

К числу основных категорий профессиональной юридической этики следует отнести, прежде всего, такое общее понятие, как **«нравственный или моральный долг»**, которое концептуально отражает сущность соответствующего духовного компонента морального сознания личности, существенные аспекты которого представляют взаимодополняющие определения, в которых под нравственным долгом понимаются: 1) категория этики, выражающая такое отношение личности к обществу, в котором личность выступает как носитель определенных моральных обязанностей перед обществом, осознает эти обязанности и активно реализует их в своей деятельности; 2) способность личности самому себе ставить социально значимые задачи и выполнять их без расчета на какое-либо вознаграждение; 3) отношение личности к другим людям, определенному государству, обществу, выражающееся в нравственной обязанности по отношению к ним в конкретных условиях; 4) возникающая в конкретной ситуации, в которой находится человек, занимающий определенное социальное положение, его нравственная обязанность перед кем-либо (кредитором, коллективом, сослуживцами, обществом, государством, семьей), выполняемая под влиянием общественного мнения и внутренних нравственных побуждений¹.

Нравственный (моральный) долг как положительное морально-психологическое качество личности сотрудников правоохранительных органов и судей проявляется в системной взаимосвязи с такими высокими морально-психологическими качествами, как достоинство и совесть личности, сущность которых выражают соответствующие этические категории.

Достоинство — моральное понятие, выражающее представление о ценности всякого человека как личности, особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, в котором признается ценность личности. Сознание человеком собственного достоинства является прежде всего формой самосознания и самоконтроля, на которой основывается требовательность человека к самому себе. Утверждение и поддержание своего достоинства предполагает совершение соответствующих ему нравственных поступков либо, наоборот, не позволяет человеку поступать ниже своего достоинства. В этом смысле понимание собственного достоинства является одним из способов осознания своей нравственной ответственности перед самим собой как личностью, достойной самоуважения и уважения других людей. Вместе с тем достоинство личности требует и от других людей уважения к ней, признания за человеком соответствующих прав и возможностей, высокой требовательности, а значит, и высокой требовательности к нему².

Достоинство любого человека, также как и другие духовные компоненты его морального (нравственного) сознания, вытекает из того, что люди являются биосоциальными существами, принадлежащими к человеческому роду *Homo sapiens*. То есть достоинство — это родовое качество людей как разумных существ, обладающих особыми качествами, — сознанием и самосознанием, способностью ставить цели, осуществлять нравственный выбор, следуя нравственному закону и другим высоким качествам, возвышающим людей над слепой природой, что делает любого разумного человека достойным особого положения в мире и поднимающим его над слепой природой, животным миром. Подлинное достоинство личности проявляется не только в глубоком самоуважении к себе как к представителю биосоциального вида *Homo sapiens*, то есть признании в себе биосоциального существа с особым человеческим статусом в мире, но и в признании и уважении достоинства других людей, осознании, что все люди равны в своем достоинстве, в этом смысле среди них нет «более значимых» и «менее значимых». В идеале обладание человеческим достоинством означает и чувство безусловной собственной ценности, и обладание совокупностью позитивных нравственных качеств, и умение подняться над желаниями и обстоятельствами, и уважение общества, связанное с умением заслужить хорошую репутацию и поддержать свою честь³.

Смысл этической категории «достоинство», ее содержание пересекается со значением этического понятия «честь». Сущность чести, ее важные аспекты и системную взаимосвязь с другими

¹ Мещеряков Б. Г., Зинченко В. В. Современный психологический словарь. Москва, 2007. С. 226; Носков И. Ю. Профессиональная этика юриста: учебник для бакалавриата и специалитета. Москва, 2019. С. 273; Кобликов А. С. Юридическая этика: учебник. 3-е изд., изм. Москва, 2009. С. 16; Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. 6-е изд. Москва, 1989. С. 81.

² Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. 6-е изд. Москва, 1989. С. 84.

³ Золотухина-Аболина Е. В. Этика: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2013. С. 354–359.

духовными компонентами нравственного (морального) сознания личности выражают взаимно дополняющие определения, в которых под честью понимается:

— «...моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества, окружающих, когда моральная ценность личности связывается с моральными заслугами человека, с его конкретным общественным положением, родом деятельности, и признаваемыми за ним моральными заслугами...»¹;

— «...этическая категория, выражающая моральную самооценку и общественное признание деятельности личности, ее социально-нравственной ценности в соответствии с благородными делами и поступками»²;

— «категория этики, фиксирующая стремление человека оберегать свое достоинство как важное условие поддержания его морального авторитета в социальной группе, с которой человек себя ассоциирует в той или иной ситуации»³;

— «категория этики и понятие морально-этического сознания, означающая совокупность высших морально-этических принципов личности, характеризующих определенную социальную группу. Честь включает в себя нравственное достоинство человека, его честность, благородность, доблесть, чистую совесть, правдивость, стремление следовать идеалам добра, справедливости, служение Родине и народу»; короче говоря, честь означает «...моральное, профессиональное, служебное, социальное, человеческое и т. п. достоинство, вызывающее уважение к самому себе или со стороны общества»⁴.

Не трудно заметить, что честь, как понятие морального сознания и категория этики находится в смысловой связи с другими категориями этики, особенно тесно связана и во многом сходна с категорией достоинства. Но в отличие от понятия достоинства, моральная ценность личности в понятии «честь» связывается с конкретным общественным положением человека в обществе, с его социальным статусом. Тогда как представление о достоинстве личности исходит из принципа равенства всех людей в моральном отношении. Если достоинство личности основывается на равном праве каждого человека на уважение, то понятие «честь» предполагает проявление в отношении определенного человека той меры уважения, которую он заслужил. Посредством этического понятия «честь» мы дифференцированно оцениваем людей, что находит отражение в их репутации, поэтому смысл данного понятия предполагает, требует от человека оправдывать, поддерживать свою репутацию или репутацию коллектива, к которому он принадлежит⁵.

С учетом того, что чувство чести формируется у человека в процессе его социализации в рамках той социальной группы, членом которой он является, различают соответствующие виды чести, в том числе профессиональную, служебную, военную, мужскую и женскую. Служебная и военная или воинская честь формируются в процессе службы государству, Отечеству.

Как отмечает академик Д. С. Лихачев, представления людей о чести могут быть истинными и ложными. Истинной или подлинной называют такую честь, которая всегда соответствует совести, находится с ней в гармонии. Подлинная честь — это внутреннее достоинство нравственно живущего человека. В его поведении истинная честь проявляется в том, что он держит свое слово, ведет себя порядочно: «...не нарушает этических норм, соблюдает достоинство, не пресмыкается перед начальством, перед любым «благодаяющим», не подлаживается к чужому мнению, не упрямится, чтобы доказать свою правоту, не сводит личные счеты, не расплачивается с нужными людьми за счет государства различными поблажками, устройством на работу нужных людей и так далее...»⁶.

У государственных служащих, в том числе у судей, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, ложные представления о совести, которые наносят колоссальный ущерб обществу и государству, охватываются понятием «честь мундира». Осуждая этот отрицательный духовный феномен, ложную честь, Д. С. Лихачев писал: «У нас исчезли такие несвойственные нашему обществу понятия, как, скажем, дворянская честь, но «честь мундира» остается. Точно человек

¹ Кобликов А. С. Юридическая этика: учебник. 3-е изд., изм. Москва, 2009. С. 18.

² Профессиональная этика для юристов: учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В. М. Артемов, В. Н. Ксенофонтов. Москва, 2022. С. 183.

³ Носков И. Ю. Профессиональная этика юриста: учебник для бакалавриата и специалитета. С. 274.

⁴ Судейская этика: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» И. И. Аминов [и др.]; под ред. Н. Д. Эриашвили. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2019. С. 248–249.

⁵ Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. 6-е изд. Москва, 1989. С. 397–398.

⁶ Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. Москва, 2006. С. 288–289.

умер, а остался мундир, с которого сняты ордена и внутри которого уже не бьется совестливое сердце». «Честь мундира» заставляет руководителей отстаивать ложные или порочные проекты, настаивать на продолжении явно неудачных строек, бороться с охраняющими памятники людьми («наша стройка важнее») и т. д.»¹.

В этом высказывании подразумевается, что такое негативное явление, как «честь мундира» проявляется у бессовестных государственных служащих, в том числе у сотрудников правоохранительных органов, у которых в процессе социализации, нравственного и правового воспитания и образования не получило достаточного развития такое профессионально важное духовное качество, которое называется «совестью».

Совесть — сложнейший духовный феномен нравственного (морального) сознания юристов, в том числе военных, следователей и прокуроров, сущность которых заключается в способности личности осуществлять моральный самоконтроль и моральную саморегуляцию своего поведения, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку своих намерений и совершаемых поступков с учетом действующих в обществе нравственных, правовых и других социальных норм, призванных регулировать общение и социально полезную деятельность людей на уровне, подобающем представителям человеческого вида *Homo sapiens*².

Применительно к деятельности следователей, прокуроров, сотрудников МВД России и других правоохранительных органов сущность совести можно кратко определить как способность осуществлять нравственный самоконтроль и нравственную саморегуляцию своего поведения с учетом требований закона, профессиональной присяги, а также требований кодексов профессиональной этики сотрудников соответствующих правоохранительных органов.

Структуру совести как сложнейшего духовного феномена образуют три взаимосвязанных интеллектуально-духовных компонента:

1) когнитивный компонент, который проявляется в рациональном осознании нравственного достоинства своих намерений, предполагаемых, совершаемых или совершенных действий;

2) эмоционально-чувственный компонент проявляется в форме обусловленного нравственной самооценкой своих намерений и поступков, чувств личной нравственной ответственности за свое поведение, за предполагаемое или содеянное действие перед окружающими людьми, обществом и самим собой. По-видимому, именно это чувство имел в виду Сенека, говоря о совести как о внутреннем голосе, обвиняющем и оправдывающем наши поступки с точки зрения их нравственного достоинства³. Чувство личной нравственной ответственности за свое поведение субъективно переживается личностью в двух формах: как чистая совесть, когда внутренний голос в процессе нравственной самооценки и самоконтроля одобряет, оправдывает наши намерения и поступки с точки зрения их нравственного достоинства, и как «угрызения совести» — когда внутренний голос осуждает, обвиняет определенные намерения и поступки. «Угрызения совести» за совершенные недостойные поступки проявляются в форме чувства вины, стыда или раскаяния;

3) поведенческий компонент проявляется в стремлении человека усилием воли заставить себя поступить по совести; именно благодаря волевым усилиям решения совести приобретают императивный, обязательный характер для личности, осуществляющей нравственный выбор⁴.

Таким образом, совесть как нравственно-духовный регулятор поведения человека функционирует при одновременном участии и ума, и эмоций (человеческих чувств), и воли. Эти интеллектуально-духовные компоненты совести играют особенно важную роль в нравственно-конфликтных ситуациях, когда субъект находится перед выбором, а внешний контроль со стороны общественного мнения затруднен или невозможен.

Известный российский психолог Е. П. Ильин, отмечая, что совесть и долг образуют единый морально-психологический механизм регуляции поведения личности, в котором в качестве

¹ Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. Москва, 2006. С. 288.

² Мельник В. В. Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика: сборник научных статей. Москва, 2008. С. 17–66; Словарь по этике. С. 81.

³ Фромм Э. Психоанализ и этика. Москва, 1993. С. 115.

⁴ Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. Санкт-Петербург, 2016. С. 38–39; Мельник В. В. Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста. С. 40–44.

основания выполнения долга выступает совесть, обращает внимание и на то, что иногда между долгом и совестью «...могут возникать конфликты, порождаемые, как правило, несопадением целей и интересов личности и общества. Долг — это борьба «хочу» и «надо». Вопрос о правоте совести и долга зависит от обстоятельств, от правильного или неправильного понимания долга». Подобная нравственно-конфликтная ситуация реалистически отражена в рассказе Н. Лескова «Человек на часах». Анализируя нравственно-конфликтную ситуацию, описанную в этом рассказе, основанном на реальном случае, Е. П. Ильин пишет: «По сюжету рассказа главный герой стоит на посту у Зимнего дворца и слышит, что в Неве тонет человек. Ему запрещено уходить с поста, но необходимость спасти человеческую жизнь перевешивает чувства долга. В итоге главный герой чувствует вину за нарушение присяги и готов нести любое наказание. Он получает двести розог, и эта мера даже радует его»¹.

Значимость совести как нравственного регулятора поведения человека в нравственно-конфликтных ситуациях возрастает, особенно если учесть, что обыкновенным людям в повседневной жизни вообще свойственны противоречивые мотивы, побуждения, что очень тонко подметил Омар Хайям:

Противоречивых мы полны желаний:

В одной руке — бокал, другая — на Коране.

В подобных нравственно-конфликтных ситуациях совесть выступает в роли своеобразного доброжелательного внутреннего «контролера», «собеседника» и «советчика», подсказывающего, какое из противоречивых внутренних побуждений предпочесть. Указания совести имеют особенно важное значение в сложных, экстремальных жизненных ситуациях, требующих сложного нравственного выбора одного из нескольких конкурирующих мотивов, имеющих общественную и личную значимость. В таких ситуациях совестливый человек, прежде, чем отдать предпочтение определенному мотиву, тщательно, иногда и мучительно взвешивает конкурирующие мотивы на «весах» своей совести и в конечном счете склоняется к тому мотиву (побуждению, желанию), который занимает более высокое место в «табели о рангах» системы ценностных ориентаций личности, осуществляющей нравственный выбор с учетом личной и общественной значимости каждого «взвешиваемого» мотива².

Рассмотренные выше духовные компоненты совести (когнитивный, эмоционально-чувственный и поведенческий) проявляются в различных жизненных ситуациях, особенно носящих нравственно-конфликтный характер, в системной взаимосвязи не только друг с другом, но и с другими духовными компонентами, образующими ее нравственные устои (моральное сознание и самосознание), о чем свидетельствует мудрое высказывание выдающегося русского философа И. А. Ильина: «Там, где совесть вытравливается из жизни, ослабевает чувство долга, расшатывается дисциплина, гаснет чувство верности, исчезает из жизни начало служения; повсюду воцаряется продажность, взяточничество, измена и дезертирство; все превращается в бесстыдное торжище, и жизнь становится невозможной»³.

В системной взаимосвязи с совестью, нравственным долгом, достоинством и другими компонентами нравственного (морального) сознания личности сотрудников правоохранительных органов находится и ее профессиональный (служебный) долг, о чем свидетельствует высказывание А. Ф. Кони: «Я всегда находил, что наряду со служебным долгом судебного деятеля вырастает его нравственный долг. Он предписывает никогда не забывать, что объектом действия этого деятеля прежде всего является человек, имеющий право на уважение к своему человеческому достоинству. Всякое поругание последнего есть, неизбежно, поругание собственной души в ее высочайшем проявлении — совести»⁴.

Во время Великой Отечественной войны в сражениях с фашистскими захватчиками совесть как высочайшее проявление собственной души военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов проявляется в их поведении, в неразрывной связи с другими высокими

¹ Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. Санкт-Петербург, 2016. С. 38–39; Мельник В. В. Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста. С. 67.

² Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. Москва, 2000. С. 188–189; Его же. Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста. С. 38–40.

³ Ильин И. А. Путь духовного обновления. Москва, 2011. С. 152.

⁴ Цит. по: Окусов А. А. Юридическая деонтология или профессиональная несостоятельность безнравственных юристов: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2001. С. 167.

морально-психологическими качествами, в том числе с патриотизмом, мужеством, отвагой и героизмом. О важном значении проявления этих морально-психологических качеств сотрудников правоохранительных органов в боевой обстановке свидетельствует высказывание известного советского следователя и писателя Льва Шейнина, который через четыре года после окончания Великой Отечественной войны в предисловии к «Настольной книге следователя» писал: «В условиях Великой Отечественной войны наши военные следователи и прокуроры на фронте показали себя верными сынами своей Родины, честными патриотами, сознательными и мужественными бойцами», иногда они при ведении боя «заменяли только что выбывшего из строя командира, принимали на себя командование подразделением и вели его в атаку. Немало военных следователей и прокуроров пало смертью храбрых в боях за Родину». Далее отмечается, что военные следователи и прокуроры «...с честью выдержали все испытания, не уронили престижа советской прокуратуры, проявили высокие моральные и боевые качества, показали себя не только опытными и знающими юристами, но, прежде всего, достойными и преданными сынами своего народа, своей великой Родины»¹.

Представляется, что для воспитания у современных военнослужащих и сотрудников судебных и правоохранительных органов высоких морально-психологических качеств, обеспечения усвоения ими содержания рассмотренных выше этических категорий и понятий на уровне интериоризации важное значение имеет такой вид искусства, как художественная литература. Не случайно выдающийся российский историк и философ Василий Осипович Ключевский, характеризуя высокий нравственно-духовный потенциал подлинного искусства, его важное значение в эстетическом и нравственном воспитании людей, приобщении их к подлинной культуре, подтягивании ее до уровня, подобающего достойным представителям человеческого вида *Homo sapiens*, писал: «Воспитательное, культивирующее значение искусства всего удобнее определить отношением его источника или руководителя эстетического чувства к источнику нравственно-житейской деятельности — чувству нравственному. Бесспорность этого чувства и его годность быть меркой других житейских мотивов.

Общее или наиболее приемлемое мнение: чувство эстетическое — вспомогательное средство чувства нравственного; высшая задача искусства — облагораживать, возвышать человека; эстетика — помощница или младшая сестра этики; красота — служительница добродетели»².

В этой связи вспоминается замечательный педагог и руководитель Академии МВД СССР С. М. Крылов, который, по воспоминанию современников, мечтал формировать в этом вузе офицеров с высокой нравственной культурой, подлинных блюстителей законности и правопорядка, защитников прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также советского государства. Для достижения этой цели С. М. Крылов включал в учебные планы дисциплины, направленные на формирование высокообразованной личности, создавая в Академии университет культуры и требуя посещения слушателями театров, музеев, концертов³.

Для формирования и развития у студентов, курсантов и слушателей юридических вузов высокой нравственной культуры, более глубокого усвоения ими основных этических категорий и понятий на уровне интериоризации, личного знания, убеждения обучаемых важное методическое значение имеет использование в учебно-воспитательном процессе примеров из содержательных произведений художественной литературы на нравственно-правовую тему. Как отмечал Д. С. Лихачев, настоящая художественная литература — это «...совесть общества, его душа. Честь и достоинство писателя состоит в том, чтобы правду, право на эту правду отстаивать при самых неблагоприятных обстоятельствах»⁴.

Особенно важное дидактическое значение для нравственного обучения и воспитания выпускников российских юридических вузов имеет русская классическая литература. В пособии А. В. Каменца отмечается, что русская художественная литература носит ярко выраженный культурно-антропологический, «человековедческий» характер, отражает менталитет, традиционные ценности и идеалы русского народа, предоставляет возможность, избегая унылого, прямолинейного воспитательного воздействия, чрезмерного дидактизма, задавать «внутреннюю логику и направленность

¹ Настольная книга следователя / под ред. Генерального прокурора Союза ССР Г. Н. Сафронова. Москва, 1949. С. 8.

² Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. Москва, 1993. С. 415.

³ Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. Москва, 2013. С. 105.

⁴ Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. Москва, 2006. С. 289.

всего процесса инкультурации и социализации личности», «...примеры из художественной литературы можно рассматривать не только как иллюстрации тех или иных социальных и нравственных проблем, имеющих значение для культурной жизни общества, но и как дополнительный источник знаний об этике социальной жизни на основе анализа мыслей, чувств и поведения литературных персонажей, замысла творцов художественных произведений, сюжетных и фабульных ситуаций как своеобразных художественных моделей социальной реальности»¹.

Например, в качестве своеобразной художественной модели типичных нравственно-конфликтных ситуаций, возникающих в деятельности сотрудников правоохранительных органов, достойное разрешение которых предполагает высокий уровень развития у них не только чувства долга и совести, но и других высоких морально-психологических качеств, содержание которых выражают этические понятия «достоинство», «честь», «мужество», «отвага» и «героизм», представляет интерес художественное произведение российского писателя Виктора Астафьева. В его романе «Печальный детектив» совестливому герою произведения милиционеру Сошнину, неоднократно раненному в схватках с опасными вооруженными преступниками, противостоит его бессовестный коллега Федя Лебеда, который «ни разу не то что не ранен, но даже не поцарапан», потому что жил и работал по принципу: «нас не трогай, мы не тронем», а когда нужно было вступить в единоборство с вооруженным преступником, вместо себя подставил под его пулю безоружного молодого сотрудника, вчерашнего выпускника училища, «забыв» передать ему пистолет».

Нравственная состоятельность Сошнина, присущие ему высокие морально-психологические качества выразились в его умении преодолеть безнравственную стихию в самом себе, когда нужно было проявить «сверхнормативную» активность — прогнать из подъезда подвыпившую компанию распоясавшихся хулиганов. Сначала Сошнин сделал вид, что «ничего не видит, ничего не слышит» и попытался усыпить свою совесть: «Надоело на службе возиться со всякой швалью, устал... от нее и психовать, нарываться на нож или драку не хотелось — донарывался». Память услужливо напомнила слова тюремного парикмахера: «Усю шпану не перебреешь».

Дальше психологически достоверно показано, что пассивное поведение, уступки при столкновении со злом на руку лишь антигероям, которые, убедившись, что намеченная ими жертва не проявляет никакой инициативы и даже подыгрывает им своим молчанием или заискивающими репликами, постепенно растормаживаются и переходят в наступление. И в этот самый критический момент Сошнин сумел перебороть свою минутную слабость, собраться с духом и разбросать «героев подворотни», которые на самом деле оказались «голыми королями» с трусливыми, жалкими душонками².

Таким образом, мы убеждаемся в том, что в сложных, особенно экстремальных жизненных ситуациях, требующих нравственного выбора, борьба противоположных мотивов свойственна любому человеку. У совестливых сотрудников правоохранительных органов, в системе ценностных ориентаций которых преобладает чувство долга, личной ответственности перед другими людьми, обществом и государством, борьба мотивов завершается выбором нравственно достойного поступка, подобающего сотрудникам государственных правоохранительных органов как блюстителям законности.

Талантливые художественные произведения помогают будущим сотрудникам правоохранительных органов лучше осмыслить и прочувствовать смысл нравственных требований, содержащихся в кодексах профессиональной этики юристов, которые обязывают их добросовестно выполнять свой нравственный и профессиональный долг блюстителя законности и правопорядка не только в служебное, но и во внеслужебное время. Так, в соответствии с пунктом 4.1.2 Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации в случае явного нарушения закона, очевидцем которого он являлся, прокурорский работник обязан принять все предусмотренные законом меры для пресечения противоправных действий и привлечения виновных лиц к ответственности. Таким же образом должны поступать и добросовестные сотрудники других правоохранительных органов, в том числе следователи и оперативные сотрудники МВД России.

Интересные и содержательные художественные произведения обладают мощным интеллектуально-духовным потенциалом подтягивания морального сознания сотрудников

¹ Каменец А. В. Проблемы формирования духовно-нравственной культуры в произведениях русской художественной литературы: учебное пособие. Москва, 2016. С. 5, 6, 8, 9.

² Мельник В. В. Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста. С. 47; Его же. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. С. 188–189.

правоохранительных органов до уровня решаемых ими ответственных социально полезных задач благодаря художественной форме, обеспечивающей эффективное убеждающе-внушающее воздействие на читателей, что способствует эффективной нравственной социализации выпускников юридических вузов, воспитанию их в духе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, составной частью которых являются лучшие традиции российских правоохранительных органов.

Например, для воспитания будущих следователей в духе лучших нравственных традиций МВД и Следственного комитета Российской Федерации важное учебно-методическое и воспитательное значение имеет следующее образное высказывание советского следователя и писателя Льва Шейнина, которое направлено на побуждение следователей эффективно бороться с ленью ума, преодолевать другие нравственно-психологические барьеры на тернистом пути познания истины об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, успешно разрешать типичные нравственно-конфликтные ситуации в следственной деятельности:

«Помни, что ты следователь. Ты призван для борьбы с преступностью. Ты — следователь и потому первый сталкиваешься с преступлением. Ты первым должен разоблачить преступника... Тебе сообщили из района, что обнаружен труп, но на дворе была метель, бушевала вьюга, и ты сказал самому себе: «Ничего, я подожду, я выеду завтра». Но завтра ты уже не найдешь того, что мог бы найти сегодня... Ты опоздал на место преступления и его следы стерлись, растаяли, навсегда исчезли. Ты не вызвал вовремя важного свидетеля, и обвиняемый предупредил тебя, подговорил свидетеля показать неправду, сбил его с толку. Ты небрежно произвел обыск и не нашел искусно спрятанных ценностей, украденных у твоего государства, у твоего народа, у тебя.

Ты — следователь. Завтра в твое производство может поступить дело, которое доставит тебе много хлопот. Ты будешь проверять одну версию за другой и ты, наконец, устанешь. Дело тебе надоеет. Тебе покажется, что раскрыть его нельзя, что ты исчерпал все свои силы, все догадки, все возможности. Тебе захочется в бессилии опустить руки и сдать дело в архив. Преодолей неверие в свои силы, не опускай рук, не складывай оружия... новыми глазами взгляни на дело, проверь свои шаги, продумай ошибки, отбрось предвзятость и найди тот единственный путь, который приведет к раскрытию преступления»¹.

Классические произведения художественной литературы, среди которых следует особо выделить «Воскресение» Л. Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Американскую трагедию» Т. Драйзера, а также классические произведения детективного жанра² обогащают курсантов и студентов юридических вузов духовно еще и потому, что они являются продуктом творческого, системного мышления талантливых писателей, приобщение к которому способствует развитию у обучаемых не только общего интеллекта, способности логически рассуждать, но и эмоционального интеллекта.

Подтверждением тому является концептуальное положение из монографии Н. В. Рождественской: «Художественное мышление есть один из видов эмоционального интеллекта. Единство чувственного и логического в художественном мышлении обусловлено тем, что оно опирается на чувственное восприятие мира и оперирует образными представлениями. Наглядно-образное содержание несет в себе определенный смысл. Художественная идея всегда эмоционально окрашена, а художественное переживание предполагает обобщение, то есть определенный мыслительный процесс». Отсюда видно, что «...точность, логика, размышление входят в состав художественного мышления необходимой частью»³.

Это концептуальное положение эмпирически подтверждается высказыванием русского писателя И. А. Гончарова. Основываясь на своем творческом опыте и опыте других писателей, он пишет: «В верном образе есть непременно ум, потому что образ непременно говорит собой какую-то мысль, изображая эпоху, нравы, обстановку и т. д., а если к этому есть еще и сердце, так значит, есть и все»⁴.

¹ Настольная книга следователя / под ред. Генерального прокурора Союза ССР Г. Н. Сафонова. Москва: Гос. изд-во юридич. литературы, 1949. С. 8–11.

² Мельник В. В. Познавательное-эвристическое значение художественной литературы детективного жанра // Психологический журнал. 1992. С. 94–99.

³ Рождественская Н. В. Художественное творчество и эмоциональный интеллект. Санкт-Петербург, 2012. С. 77.

⁴ Русские писатели о литературном труде: сборник в 4 т. Ленинград, 1955. Т. 3. С. 89.

В этой связи для более глубокого осмысления значения художественной литературы, для обеспечения усвоения выпускниками юридических вузов содержания рассмотренных выше этических категорий и понятий на уровне интериоризации, преобразования их в личностное знание, являющееся духовным компонентом их мировоззрения, важное значение имеет еще одно концептуальное положение Н. В. Рождественской, раскрывающее общие закономерности работы эмоционального интеллекта в процессе художественного творчества и восприятия читателями его духовного продукта — художественного произведения, о том, что эмоционально насыщенные художественные образы, проникая в сознание человека, могут переживаться им «...с не меньшей силой, чем его жизненные впечатления. Более того, эти образы обладают высокой степенью заразительности и способны проникать в душу человека, воспринимающего данное произведение искусства». Благодаря этому человек, воспринимающий художественный текст, приобретает к художественному творчеству виртуально, становится его соучастником, что способствует развитию у него высших психических функций, от которых зависит его способность к творческой деятельности. Таким образом, мы убеждаемся в том, что «...воображение, мышление и высшие чувства в художественном творчестве неразрывно слиты. Это слияние обусловлено работой эмоционального интеллекта. На высших уровнях мыслительной деятельности образы объединены в определенную систему, воплощающую художественную идею»¹, что способствует развитию у читателей талантливого художественного произведения, системного мышления.

Для более глубокого осмысления значения художественной литературы, для развития у будущих юристов системного мышления до уровня, обеспечивающего принятия ими мудрых, здравомыслящих решений заслуживает внимание определение, в котором под системным мышлением понимается «характеристика способа мыслительной деятельности, основанного на понимании Мира как системы систем. Мир как Универсум требует универсального мышления. Задача человечества — охватить логику бытия, чтобы приспособить свое мышление, сознание к этой объективной логике (В. И. Ленин). Познав закономерности и случайности системы, мы можем оказывать на нее определенное влияние». Далее отмечается, что современной цивилизации известны следующие основные виды системного мышления: философское, научное, религиозное, эзотерическое, а также системное мышление, построенное на так называемом здоровом смысле².

Именно системное мышление, построенное на здоровом смысле, лежит в основе способности юристов принимать мудрые, здравомыслящие, всесторонне продуманные практические решения. Как известно, мудрость или здравый смысл в его высших проявлениях с древнейших времен почитается людьми за то, что от мудрости, по выражению Демокрита, «...получается три плода: дар хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать»³. В практической деятельности блюстителей законности способность хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать в полной мере проявляется только тогда, когда профессиональные знания, умения и навыки в них счастливо сочетаются с высокой нравственной культурой.

Морально несостоятельные юристы без нравственного «Царя в голове» предрасположены к различным формам недомыслия, лишаящего их подобающей блюстителям законности способности системно мыслить в процессе подготовки и принятия ответственных юридических решений. Это нравственно-психологически предрасполагает их к легкомысленному, казенно-бюрократическому стилю деятельности, парализует способность принимать мудрые, здравомыслящие, взвешенные, ответственные юридические решения⁴. Об этом свидетельствуют мудрые высказывания В. О. Ключевского о том, что «мысль без морали — недомыслие; мораль без мысли — фанатизм»⁵, а также Сократа — о том, что «Всякое знание без справедливости и других добродетелей представляет собой плутовство, а не мудрость»⁶.

¹ Рождественская Н. В. Художественное творчество и эмоциональный интеллект. С. 76.

² Карпичев В. С. Организация и самоорганизация социальных систем. Словарь. Издание третье, стереотипное. Москва, 2009. С. 169.

³ Цит. по: Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946. С. 32.

⁴ Мельник В. В. Значение нравственных заветов А. Ф. Кони для построения в Российской Федерации уголовного судопроизводства, соответствующего нравственным идеалам и стандартам демократического правового государства // Наука и технологии XXI века: тренды и перспективы: сборник статей по итогам IV Профессорского форума. В 2 т. Москва, 2021. С. 43–49.

⁵ Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. Москва, 1993. С. 415.

⁶ Мельник В. В., Мельник В. В. Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста. С. 38.

Следует особо отметить, что нравственная составляющая системного мышления здоровых людей при помощи художественной литературы формируется еще с детских лет благодаря тому, что «все значимые для культурного развития человека литературные произведения системны»¹.

Представляется, что произведенный авторами системный анализ² поставленной дидактической проблемы, связанной с нравственной социализацией выпускников юридических вузов, образованием и воспитанием их в духе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, намечает перспективные направления развития учебной и научной дисциплины, профессиональной юридической этики, фундаментальной (общей) и прикладной (юридической) аналитики³, уголовно-правовых и других юридических дисциплин⁴.

Кроме того, содержание статьи намечает перспективные направления достижения, наряду с указанными выше, и других целевых показателей и задач, определенных в последнем Указе Президента Российской Федерации, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности», в том числе:

— увеличение к 2030 году доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, не менее чем до 75 %;

— увеличение к 2030 году доли молодых людей, верящих в возможности самореализации в России, не менее чем до 85 %;

— увеличение к 2030 году доли молодых людей, вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность, не менее чем до 45 %;

— обеспечение к 2030 году функционирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов детей и молодежи, основанной на принципах ответственности, справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию 100 обучающихся;

— обеспечение продвижения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей в рамках не менее 70 % проектов в сфере культуры, искусства и народного творчества, финансируемых государственными институтами развития, к 2030 году и не менее 80 % таких проектов к 2036 году;

— формирование к 2030 году современной системы профессионального развития педагогических работников для всех уровней образования, предусматривающей ежегодное дополнительное профессиональное образование на основе актуализированных профессиональных стандартов, не менее чем 10 % педагогических работников на базе ведущих образовательных организаций высшего образования и научных организаций.

¹ Гуткович И. Я., Сидорук Т. А. Формирование системного мышления дошкольников. Ульяновск. 2015. С. 4–5.

² Мельник В.В. Значение системного анализа для активизации системного мышления юристов при постановке и решении актуальных проблем военного права и других отраслей юридической науки // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 14–20; Его же: Значение системного анализа для совершенствования правоприменения // Вестник военного права. 2019. № 3. С. 21–33.

³ См.: Мельник В. В. Перспективные направления развития фундаментальной и прикладной аналитики как теоретической основы продуктивной аналитической работы в юридической и других сферах деятельности // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 113–146.

⁴ См.: Наумов А. В. Преступный сюжет в русской литературе: монография. Москва, 2021; Клоченко Л. Н. Уголовный кодекс Российской Федерации и русская классическая литература. Соприкосновение. Москва, 2022.

Нематов Акмал Рауфджонович,
доктор юридических наук, доцент
Национальной академии наук Таджикистана,
главный научный сотрудник Института философии,
политологии и права имени А. Баховаддинова

Роль юридической науки в правовом просвещении граждан Республики Таджикистан

Наука — светоч просвещения.

Республика Таджикистан является правовым государством. Построение правового государства без обеспечения высокого правового сознания и культуры общества представляется практически невозможным. Отсюда можно сделать вывод о том, что повышение уровня правовой культуры и сознания населения, являясь одним из приоритетных направлений правовой политики Республики Таджикистан, осуществляются через обеспечение высокого уровня правового просвещения, правовой пропаганды, развития юридической науки и подготовки профессиональных юридических кадров.

И. Кант писал: «Единственная причина зла состоит в том, что человеческую природу не подчиняют правилам»¹. Высокий уровень правового просвещения гражданина может способствовать повышению уважения к закону и иным нормативным правовым актам в качестве одного из основных и ключевых средств регулирования общественных отношений, снижению правового нигилизма, а также формированию внутри человека убеждения в необходимости правового поведения, выработке чувства ответственности, подчинения положениям нормативных правовых актов.

К проблематике правового просвещения в Республике Таджикистан начали пристально обращать внимание с первых лет обретения государственной независимости: научные исследования в этом направлении начались, когда настоящая проблематика нашла отражение в Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан № 1005 от 6 февраля 2018 года. Массовое обращение к проблематике правового просвещения как учеными-юристами, так и практиками началось с провозглашением в Республике Таджикистан 2024 года Годом правового просвещения. Впервые это предложение прозвучало в Послании Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона парламенту страны об основных направлениях внутренней и внешней политики 28 декабря 2023 года. Правовую основу настоящего предложения составил Указ Президента Республики Таджикистан от 30 декабря 2023 года № 668 «Об объявлении 2024 года Годом правового просвещения». Таким образом, правовое просвещение имеет не только социальное значение, но и высший государственный характер.

Решению проблематики правового просвещения способствуют множество факторов: качество и доступность правовой информации, новые методики правовой пропаганды, подготовка высококвалифицированных кадров, уровень привлечения институтов гражданского общества и многие другие. Одним из факторов эффективного осуществления правовой политики государства и повышения уровня правового просвещения населения является развитие юридической науки в государстве. Основу законодательства и правовой политики страны составляют научные исследования, в которых всесторонне раскрываются их различные аспекты, в том числе закономерности их развития, опыт других стран, исторический и правовой опыт таджикской государственности. Развитие науки в целом и юридической науки в частности, а также высокий уровень правовой просвещенности общества может во многом способствовать развитию правовой сферы общественной жизни. Она может стать опорой государственной политики в различных областях деятельности, поднять имидж и авторитет страны на международной арене, способствовать совершенствованию законодательной базы, развитию научно-практического опыта правоприменительных и правоохранительных органов и в короткий срок вывести страну на новый уровень государственно-правового развития.

Наука есть одна из форм общественного сознания, которая развивается как в силу расширения человеческой деятельности и общественной практики, так и в силу глубокого исследования естественно-природных, социальных явлений и процессов. Наука, являясь совокупностью эмпирических и научно-теоретических знаний, удовлетворяет потребность общества в объективных знаниях

¹ См.: Кант И. Мысли о вечном / сост. и ред. перевода Т. А. Ермакова. Калининград, 2005. С. 8.

о свойствах и законах действительности¹. Одним из основных составляющих науки выступает общественная наука, исследующая проблемы общественной действительности, а также общие закономерности его развития социума. Любая наука, в том числе и общественно-гуманитарная, имеет предмет и объект исследования. Предмет науки формируется в зависимости от области исследования. Юриспруденция как наука определила объектом своего исследования государственно-правовые явления, объекты и процессы. Она формировалось на базе философских суждений мыслителей древности (Древнего Востока, Древней Греции, Рима) о политике, государстве, праве и законе.

Развитие юриспруденции в истории таджикского народа как единой отрасли науки о государстве и праве имеет не только давнюю и богатую историю. По этому поводу академик Ф. Т. Тахиров писал, что еще во времена государства Саманидов (IX–X вв.) здесь формировались различные школы права, которые осуществляли доктринальную разработку как общетеоретических, так и отраслевых проблем государства и права. Именно в этот период развития правовой культуры таджикский народ блистал знаменитыми мыслителями, философами и правоведами, такими как Абуали ибн Сина (Авиценна), А. Беруни, Ал-Бухари, А. Самарканди, М. Газали, Х. Кошифи и многие другие, которые не только разработали различные социально-правовые проблемы, но их научное наследие, войдя в сокровищницу восточной литературы, по сей день оказывает благотворное влияние на духовный мир людей².

Особым этапом развития юридической науки и ее роли в правовом просвещении граждан выступило развитие юридической науки в советском Таджикистане, который также имел свои особенности. На этом этапе были заложены кадровые основы развития юридической науки, которые сыграли беспрецедентную положительную роль в дальнейшем формировании национальных кадров в области юриспруденции. В. Г. Гранберг, А. П. Касаткин, В. И. Корецкий, В. М. Луцкий, Г. Н. Манов, В. Г. Мелкумов, Л. М. Энтин, Д. В. Франк, Л. С. Явич, Я. М. Яковлев и другие вели преподавание различных правовых и других дисциплин, организовывали учебный процесс, учебно-методическую и научно-исследовательскую деятельность, одновременно осуществляя подготовку специалистов, в основном из числа коренных национальностей Центральной Азии. Эти ученые не только внесли огромный вклад в дело развития юридической науки, но и своими научными трудами создавали научно-методическую базу правового просвещения общества. Благодаря этому они приобрели большую известность не только в Таджикистане, но и далеко за пределами нашей республики³.

Несмотря на то, что юридическая наука в Республике Таджикистан имеет многовековую историю и славные традиции, в условиях суверенитета и строительства независимого государства к ней предъявляются новые требования, обусловленные практической необходимостью и актуальной потребностью. Без научной разработки провозглашенных в Конституции Республики Таджикистан принципов и положений государственно-правового строительства невозможно успешное решение. Сосредоточение усилий юридической науки на приоритетных направлениях в области фундаментальных проблем правовой науки будет способствовать не только правовому прогрессу, но и защите государственных интересов на международной арене в условиях геополитических противостояний, а в конечном счете социально-экономическому и духовному развитию общества.

Правовое просвещение есть духовное составляющее общественной жизни. Мы уже не раз указывали на то, что духовность общества — очень тонкий вопрос, она в разы увеличивается, если связана с государственно-правовым развитием этого общества. Современные политические, экономические, культурно-духовные явления, происходящие в мире, угрожают именно духовной составляющей восточных государств и способствуют уничтожению их национального кода. Сильная тенденция исламизации общества ставит под угрозу демократическую, правовую и светскую сущность государства. Сегодня таджикский народ, обладая богатой культурой и древней историей, не видит другого пути, как выстраивать государственно-правовую жизнь на базе собственных культурных ценностей, которые помогут сохранить светские основы государства и национальную

¹ Ковальзон М. Я., Макешин Н. И. Общественное сознание и общественные науки. Москва; Ленинград, 2023. С. 13.

² См.: Тахиров Ф. Т. Краткий очерк истории развития юридического образования и юридической науки в Таджикистане // Актуальные проблемы истории и теории государства и права в условиях государственной независимости Республики Таджикистан. Душанбе, 2009. С. 132–133.

³ См. там же. С. 136.

идентичность¹. Право тоже является культурным феноменом в силу того, что правовая система всегда развивается в рамках определенного общества и под воздействием его культуры. Право только тогда приобретает свою регулятивную способность и может воздействовать на общественные отношения, когда оно будет соответствовать критериям культуры и отражать культурное состояние общества².

Правовое просвещение и его различные аспекты, а именно ознакомление общества с богатой и древней правовой традицией таджикского народа, с современными правовыми ценностями и естественными правами человека, с современной национальной и международной нормативно-правовой базой, донесение до каждого члена общества о праве как о ключевом соционормативном регуляторе общественных отношений есть один из основных моментов выстраивания современной государственно-правовой системы таджикского народа. И здесь отечественная юридическая наука должна сыграть ключевую роль.

Юридическая наука — общественная наука, изучающая право как особую систему социальных норм и различные аспекты правовой деятельности государства и правовой жизни общества. Это обусловлено социальной природой его объектов исследования, а именно государства и права. Так, М. Н. Марченко констатирует, что рассматриваемые феномены в виде государства и права по своему происхождению являются не естественными, техническими или природными, а сугубо общественными, социальными явлениями³, поэтому юридическая наука составляет основу установление истинных знаний о праве и государстве.

Юридическая наука в деле правового просвещения должна не только выполнять функцию установления статических знаний о праве, государстве, законе и других государственно-правовых объектах, процессах и явлениях, но и разработать и определить методику их донесения до члена общества, то есть разработать методологию динамического освоения обществом полученных юридической наукой знаний о государстве, праве и государственно-правовых ценностях. Эту функцию юридическая наука способна выполнить, и эта функция может проявиться в способности юридической науки взаимодействовать с другими отраслями не только общественно-гуманитарных, но и технических наук.

Юридическая наука, исследуя государственно-правовые явления в историческом развитии, теории и методологии, соотносит его с другими общественными науками. Государство и право являются объектами исследования не только юридической, но и других отраслей общественной науки, в частности философии, политологии, социологии, психологии и др. Отдельные аспекты государственно-правовых явлений составляет особые институты или подинституты этих общественных наук. Например, государство как политическая организация становится объектом исследования политологии, право как форма общественного сознания является объектом исследования философии.

Юридическая наука как совокупность знаний, идей и концепций о государственных и правовых объектах, явлениях, процессах с целью обеспечения методологических основ правового просвещения должна строить свои взаимоотношения с другими социально-гуманитарными (общественными) науками, в частности с философией, политологией, социологией, экономическими науками, на основе сотрудничества по тем или иным вопросам, момента и аспектам исследования государственно-правовой действительности. Такой большой круг взаимодействий обусловлен тем что, во-первых, государство и право — продукт общественного развития; во-вторых, государственно-правовые объекты, явления и процессы встречаются во всех областях общественной жизни: политической, социально-экономической, культурной; в-третьих, именно государство и право определяют основные тенденции в развитии этих сфер общественной жизни.

¹ Подробнее см.: Нематов А. Р. Духовно-культурные аспекты развития государственно-правовой системы Таджикистана: постановка вопроса // Правоведение. 2017. № 1 (330). С. 174–185; Нематов А. Р. Роль светского государства в диагностике и преодолении коллизий между правом и религией // Юридическая техника. Нижний Новгород, 2017. № 11. С. 226–232; Нематов А. Р. Светскость как важный фактор поступательного развития современных государств в условиях меняющегося мира // Академический юридический журнал. 2018. № 3 (27). С. 15–19; и др.

² Нематов А. Р. Право как культурный феномен в государственно-правовой системе таджикского народа // Право — явление цивилизации и культуры: сборник трудов конференции. Москва: Российский университет дружбы народов. 2021. Вып. 1. С. 232.

³ См.: Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. Москва: Проспект, 2002. С. 13.

На сегодняшний день с учетом коренных изменений в политической, экономической, социальной, духовно-культурной жизни процесс глобализации поставил вопрос развития самой системы юридической науки. Все более расширяющаяся сфера деятельности людей, постоянно происходящие изменения в ведущих направлениях развития общественной практики естественно накладывают отпечаток на развитие и становление науки¹.

Взаимосвязь и взаимообусловленность юридической науки с другими общественными, техническими и естественными науками породили ряд новых наук в системе юридической науки, которые относят к технико-прикладным наукам. А. С. Пиголкин утверждает, что такие науки находятся на стыке между юриспруденцией и другими отраслями знания и помогают правовой практике правильно, законно и обоснованно решать конкретные юридические дела (судебная психиатрия, судебная бухгалтерия, правовая информатика и др.)². Соглашаясь с ученым, следует отметить важность стыковочных наук в решении вопросов теоретико-методологического и практического характера исследования государственно-правовых явлений. Немаловажную роль они могут сыграть в правовом просвещении граждан. Особо можно выделить такие новые науки, как философия права, социология права и антропология права. Так, на примере философии права Д. А. Керимов пишет, что она призвана выработать методологические основания познания правовой действительности³. По его мнению, нельзя признавать наукой лишь эмпирические знания и отказывать в научности философским обобщениям данных знаний, поскольку эмпирический уровень изучения правовых объектов, явлений и процессов с неизбежностью ведет к рациональному их познанию⁴. В связи с этим эта категория наук в системе юридической науки призвана решать не только конкретно юридические дела, но и конкретные теоретико-методологические задачи юридической науки.

Юридические науки, в частности отраслевые, нуждаются в конкретно-определенном методологическом багаже для ведения не только исследовательской, но и просветительской деятельности. Конец 90-х годов XX века сопровождался отказом от марксистско-ленинской философии, при этом взамен не было предложено абсолютно ничего в плане методологической базы исследования общественных наук. В то время много говорилось о свободе выбора в методологическом плане, ведении научно-исследовательской работы в области общественно-гуманитарных, в частности юридических, наук. К сожалению, уже к середине 90-х годов XX века возникла необходимость обеспечения юридической науки методологической базой. Это функция была возложена на теорию, социологию и философию права.

На современном этапе важное место в решении теоретико-методологических задач в юридической науке отведено философии права. Возникновение этой науки на базе философии и правоведения неслучайно, а она имеет конкретно-определенные объективные причины и обеспечена предметом исследования, теоретико-методологической базой. Так, С. С. Алексеев пишет, что философия права обусловлена самой логикой жизни и рассматриваемых областей знаний интеграция философских идей и данных правоведения⁵. Перед этой наукой ставятся определенные задачи в познании государственно-правовой действительности и ее философского осмысления. По Р. Ш. Сатывалдиеву, центральным вопросом философии права выступают взаимоотношения естественного и позитивного права⁶. С. С. Алексеев, рассматривая философию права как область юридической науки, ставит задачей дать мировоззренческое объяснение права⁷. Он считает, что философское осмысление правовой реальности началось с разграничения права на естественное и позитивное⁸. В свою очередь, С. В. Моисеев рассматривает философию права как методологическую науку, а именно: применение методов философского анализа к сфере права, рефлексия над основными понятиями и проблемами юриспруденции⁹. Методологическую функцию философии права в исследовании правовой действительности, в частности отраслей права, не стоит

¹ Ковальзон М. Я., Макешин Н. И. Общественное сознание и общественные науки. Москва; Ленинград, 2023. С. 28.

² См.: Теория государства и права / под. ред. А. С. Пиголкина. Москва, 2003. С. 21.

³ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). Москва, 2000. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Алексеев С. С. Философия права. Москва, 1998. С. 12.

⁶ См.: Сатывалдыев Р. Ш. Теория права и государства (на тадж. яз.). Душанбе, 2002. С. 97.

⁷ См.: Алексеев С. С. Философия права. Москва, 1998. С. 2–3.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Моисеев С. В. Философия права: курс лекций. Новосибирск: Сибирское университетское издание, 2004. С. 7.

никоим образом игнорировать. Как известно, право, выступая формой общественного сознания, нуждается в философском осмыслении.

Следует отметить, что на современном этапе философия права должна играть не только роль философского осмысления правовой действительности, но и методологической основы для познания и исследования государственно-правовых явлений, помочь выявить истинное назначение права и государства в общественной и человеческой жизни.

Рассматривая философию права в системе общественных наук, в частности юридической науки, следует определить ее как основу гносеологического исследования государственных, особенно правовых, объектов, процессов и явлений. Она, образуя философские учения о праве, тем самым вырабатывает объективные знания о природе права, что может стать методологической основой исследования отдельных правовых объектов, процессов и явлений. На современном этапе она рассматривает в философском плане вопросы соотношения права и закона, закона и справедливости, права и морали. Таким образом, она устанавливает методические основы правового просвещения членов общества.

Таким образом, наука как форма общественного сознания выступила одним из первых средств просвещения человечества. Все современные достижения человечества в области техники, технологий, биологии, философии, юриспруденции в целом являются научными достижениями. Именно знание и ее наивысшая форма — наука, стали фактором социализации человека и формирования человеческого общества. Юридическая наука как одна из разновидностей социальной науки была направлена на выявление и развитие знаний в области государства и права. Вместе с тем она стала теоретико-методологической основой правового просвещения членов общества, а именно формирования у членов общества знаний о праве и государстве как основной форме человеческого сожительства. Чтобы эффективно осуществлять свои просветительские функции, юридической науке с учетом развития общественной жизни необходима структурная эволюция, формирование новых отраслей науки, которые будут способствовать формированию новых знаний в области права.

Панченко Владислав Юрьевич,

доктор юридических наук,
заведующий кафедрой теории,
истории государства и права
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
профессор Московского государственного
лингвистического университета,
главный научный сотрудник
Сибирского федерального университета;

Лисицкая Снежана Александровна,

стажер-исследователь Московского
государственного лингвистического университета

О единстве функций понятия права в юридической и исторической науках

Проблема понятия права ни в юриспруденции, ни в исторической науке, ни в истории в юридической науке, ни в истории права до сих пор окончательно не решена. Слова И. Канта о поиске юристами определения права, написанные несколько веков назад, актуальны и сегодня.

Для определения понятия права, которое было бы единым как для правоведения, так и для исторической науки, истории в юридической науке и для истории права, необходимо, на наш взгляд, исходить из следующих методологических предпосылок, роль которых играют классические и современные идеи ведущих ученых-юристов.

Во-первых, необходимо четко задать аспект (ракурс, систему координат), в рамках которого будет рассматриваться право как феномен социальной реальности, что в свое время метко схвачено в теоретическом положении Г. Л. А. Харта о двойственном отношении к праву «...либо с позиции

наблюдателя, который сам их не принимает, либо с позиции члена социальной группы, который принимает и использует их как руководство к действию»¹.

Во-вторых, вполне естественно, что и юриста, и историка права интересует в первую очередь то, как право действует не в сводах правил, а в реальности (прошлого и современности), что подчеркивается в идеях О. Эрлиха, Р. Паунда, Л. Я. Поспишила и многих других представителей правового реализма и социологической юриспруденции о «живом» и «мертвом» праве.

Так, О. Эрлих определял категорию «право» не только как систему правил поведения, когда «норма является правовой, только если она установлена в этом качестве государством». По причине важности, придаваемой обществом правовым нормам, «оно сильно желает», чтобы их содержанием были не «распоряжения общего характера, а детальные правила. Каждому следует быть способным знать из простой формулировки правовой нормы, как он должен вести себя в конкретных обстоятельствах. В то же время неправовые нормы <...> формулируются в общих выражениях», являясь лишь едва ощутимой конкретизацией абстрактных «руководящих принципов. И на этой базе каждому нужно создавать собственные правила поведения в отдельных случаях»². Эти правила О. Эрлих именовал «живым правом», если они являлись правилами реального поведения людей, а традиционное для юриспруденции определение права как системы общеобязательных в государственно организованном обществе социальных норм, конституируемых и поддерживаемых государственными органами, отнюдь не предполагает существование юридических норм в качестве «живого права» во всех случаях³.

Р. Паунд отмечал, что понятием «право» охватываются «... режим регулирования <...> человеческого поведения посредством систематического и упорядоченного применения силы политически организованного общества» («правовой порядок»), «комплекс авторитетных материалов или оснований либо руководящих принципов для вынесения судебных или административных решений», судебный и административный процесс, то есть само «решение судебных дел и споров в соответствии с авторитетными руководящими принципами с целью поддержания правового порядка»⁴.

Существенной особенностью права, как верно отметил Л. Я. Поспишил, является его существование в конкретных юридических решениях. Правила поведения, которые не применяются в юридических решениях и, следовательно, не соблюдаются, хотя и фигурируют в кодификациях в виде мертвых законов, не относятся к сфере собственно права по той простой причине, что они не осуществляют социальный контроль⁵.

Как верно отметил О. У. Холмс, знать право означает уметь «предсказывать действие публичной силы посредством судов»⁶.

Отсюда «живым», «действительным» правом признаются те нормы, которые люди в государственно организованном обществе реализуют в своей социальной практике, и, очевидно, что не все декларируемые, провозглашаемые в качестве юридических правила на самом деле относятся к этой категории. Это означает, что практическая деятельность людей всегда является как «двигателем правовых механизмов», так и объективным и субъективным творцом Истории. Исторической наукой и историей права, в частности, многократно установлено, что нормы права возникают и изменяются в связи с определенными изменениями в различных сферах жизни, а люди, их коллективы, включая массы, реализуют определенные нормы, делают право «живым», то есть подлинным регулятором своего поведения.

¹ Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. С. 94.

² Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1936. Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учебное пособие. 3-е изд., доп. Москва: Норма, 2018. С. 381–383.

³ См. там же. С. 381.

⁴ См.: Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven: Yale University Press, 1945. Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учебное пособие. 3-е изд., доп. Москва: Норма, 2018; Pound R. Social Control through Law. Hamden - Connecticut: Acchon Books, 1968. Цит. по: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учебное пособие. 3-е изд., доп. Москва: Норма, 2018.

⁵ См.: Pospisil L. J. Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies. The Journal of Conflict Resolution, vol. 11, no. 1. p. 24.

⁶ Holmes O.W. The Path of the Law. Harvard Law Review, 1997, vol. 110, no. 5, p. 991.

В-третьих, не следует игнорировать идеи Л. И. Петражицкого о психологическом механизме регуляции поведения и действия права, которое состоит «в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права)», «укреплении и развитии одних склонностей и черт характера, в ослаблении и искоренении других», «в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм направлении»¹. При этом, как известно из истории, индивидуальная воля человека всегда находится под воздействием культурных и идеологических факторов. Государственно организованному обществу всегда требуется определенное массовое поведение, которое бы соответствовало, а не противоречило формулируемым и проводимым в жизнь посредством убеждения и принуждения властным велениям, для чего используются все известные человечеству механизмы легитимации государственной власти, и, соответственно, легитимации права. Наличие определенного юридически или фактически «окна Овертона» для квалификации публичных и частных высказываний как приемлемых либо мятельных (крамольных, в современной терминологии экстремистских), юридически закрепленные или фактически проводимые пропаганда и цензура выступают необходимым признаком государства, который нередко игнорируется исследователями в рамках опять же идеологически приемлемого в государствах «окна Овертона».

В-четвертых, важнейшее значение для понятия права имеет марксистское понимание права как формы экономического обмена, которая основана на принципах равенства и свободы воли (К. Маркс), которая противоположна насильственному обмену при нарушении этих принципов. «В обмене, — писал К. Маркс, — покоящемся на меновых стоимостях, свобода, равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный реальный базис всякого равенства и всякой свободы. Как чистые идеи, равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями; будучи развиты в юридических, политических, социальных отношениях они представляют собой все тот же базис, но в некоторой другой степени»².

В-пятых, адекватно практике раскрывают закономерности существования и функционирования права положения материалистической теории права современного российского автора профессора В. М. Сырых о механизме перевода права из возможности в действительность, наличии наряду с позитивным правом индивидуального, конкретного и фактического права. Для материалистической теории права профессора В. М. Сырых ключевым является марксистское понимание сути права как «волевого отношения, в котором отражается экономическое отношение», соответствующие следующим требованиям (принципам): равенство субъектов, свобода воли, взаимодействие (взаимозависимость), эквивалентность и всеобщность (которая в условиях государственно организованного общества подкрепляется юридической ответственностью)³. Эти принципы выступают «первоосновой <...> всех правовых отношений»⁴, а объективное право как совокупность таких принципов является критерием для оценки действительной правомерности либо противоправности не только позитивного (волеустановленного) права, исходящего от государства, в качестве правового либо неправового закона (произвола), но также и других форм функционирования права, выделяемых в материалистической теории права В. М. Сырых, а именно: индивидуального права — правосознания и правовой культуры индивида, обладающего свободой воли, который осуществляет поиск правовой формы, способной воплотить его потребности в действительность⁵; конкретного права — отношений между индивидуально определенными лицами, возникающими из договоров или правоприменительных актов (правоотношений); фактических отношений — реальной деятельности индивидов в сфере правового регулирования⁶ по обмену материальными и нематериальными благами между заинтересованными субъектами на правовых, а не на произвольных, насильственных и т. п. началах.

¹ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд. Санкт-Петербург, 1908. С. 3.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 191.

³ Сырых В. М. Основы материалистической теории права: в 4 т. Т. 1. Объективное право и формы его выражения. Москва: Юрлитинформ, 2022. С. 72.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Сырых В. М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права! // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 5. С. 42.

⁶ Сырых В. М. Основы материалистической теории права. С. 42.

В-шестых, продуктивными в плане определения реального места и роли права во всей совокупности общественных отношений в государствах разных эпох представляются идеи экономистов Д. Норта (лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 года), Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста¹ о праве как обезличенных отношениях, которое, в отличие от произвола, основано на признанных и обеспечиваемых представлениях политической элиты о правах и обязанностях носителей статусов, независимо от их личных связей и возможностей.

В-седьмых, для формулирования единого понятия права определенным интерес представляет использование в юриспруденции известного биологам, физикам, химикам такого явления, как полиморфия («полиморфия» — от греч. *πολύ* — «много» и *μορφή* — «форма, вид») (в лингвистике для обозначения варьирования формы слов используется понятие «полиформия»). Полиморфия права — это вид адаптации, выраженный в способности существовать в разных внешних формах во время своего жизненного цикла, то есть многообразность форм существования и функционирования права как явления социальной эволюции².

Для того чтобы сформулировать понятие права, единое как для юриспруденции (теоретической и практической), так и для истории, необходимо определить, каким требованиям такое понятие должно соответствовать, наметить то, что мы ожидаем от этой дефиниции.

Первую функцию понятия права сформулировал Л. Я. Поспишил и она заключается в том, что «определением права всегда должен передаваться идеал поведения людей, который они обязаны воплощать на практике»³. На критике понятия «идеал» в контексте этой дефиниции остановимся чуть позже, здесь же отметим, что эта функция понятия права отражает ценность права для государства. Она реализуется в позитивистской доктрине, которую в общем можно выразить словами Дж. Остина: «Право — совокупность приказов, установленных «политическими высшими для политически низших»»⁴.

Вторая функция понятия права, которая отражает ценность права для человека, заключается в передаче информации как можно более четком и определенном ответе на вопросы о том, в каких случаях гражданин во взаимодействии с другими людьми, органами и должностными лицами государства может ожидать поддержки или наказания со стороны государства и в чем такая поддержка или наказание будут заключаться. Подчеркнем, что реакция государства важна именно на действия носителя статуса (гражданин, подданный, пенсионер, студент и т. д.), независимо от личных качеств, личного и социального капитала — связей, знакомств, материальных возможностей и проч.

Здесь следует поставить вопрос: достаточно ли для реализации понятием права этих двух функций того, что закреплено в текстах формальных источников права? В конституциях, законах, прецедентах? Того, что провозглашается, декларируется государством. Или же мы должны смотреть на реальность, раскрывать онтологию права? Вполне очевидно, что ценность для гражданина имеет не столько информация о декларируемых, сколько о практически реализуемых реакциях государства на те или иные деяния. Слова словами, а смотреть надо на реальные дела! Тем самым мы вынуждены включать в понятие права иные формы его проявления, наряду с позитивистской трактовкой.

Третья функция понятия права вполне прагматичная (практическая): юристам нужно то понятие права, которое было бы продуктивным для профессиональной юридической деятельности. Вряд ли можно выразиться лучше уже упоминавшегося выше О. У. Холмса о праве как предсказании действия публичной силы посредством судов. О. У. Холмс ясно и точно выразил суть практической юриспруденции: о прогнозировании результатов тех или иных юридически значимых действий: какие реальные гарантии прав или реальные наказания ожидать «не на бумаге», а те, которые будут в реальной жизни во взаимодействии с государственными структурами, которые можно и следует добиваться всеми имеющимися в распоряжении юриста законными средствами либо из которых следует исходить, поскольку они носят характер условий и не поддаются изменению посредством

¹ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2011.

² Панченко В. Ю. Полиморфия права и структура правовой жизни // *Правовая культура*. 2023. № 4 (55). С. 5–14.

³ Pospisil L. J. Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies. *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 11, no. 1, p. 28.

⁴ Austin J. *Lectures on jurisprudence, or, The philosophy of positive law*. Clark, New York: Lawbook Exchange, 1885. P. 102.

юридической деятельности отдельных лиц, не включенных в правящую элиту (но вполне могут составлять сферу активности политической элиты с использованием личных ресурсов).

Наконец, четвертая функция понятия права. Она непосредственно связана с историей права и назначением исторической науки. Ценность исторических исследований права состоит в выявлении причинно-следственных связей между правовыми средствами, использованными в разные эпохи для решения конкретных задач сохранения и развития конкретных государств и их результатами. Для того, чтобы то правовое средство, которое в свое время стало успешным ответом на задачи, аналогичные тем, что стоят перед конкретным современным государством, использовать для достижения актуальных целей.

Очевидно, что последние две функции понятия права, которые условно можно обозначить как практическую и историческую, имеют ценность только тогда, когда объектом внимания юриста становится вся правовая реальность, правовая жизнь.

Историки пытаются реконструировать жизнь государств прошлого. Изучение, интерпретация нормативных текстов (Законы Ману, Кодекс Хаммурапи и другие памятники права, точнее памятники его формальным источникам) — лишь начальный пункт исследования.

То же самое характерно и для практикующего юриста, целями которого являются формулирование и реализация такого руководства к действию, которое с наибольшей вероятностью приведет к достижению желаемого результата в конкретных условиях места, времени и обстоятельств.

Пригодное для целей и юриста-практика, и для историка права единое понятие права должно включать всю информацию о социальной практике реализации обезличенных приказов суверена подданным как носителям статусов о допустимом и недопустимом поведении в том виде, в котором они существовали в прошлом (для историка), и какова вероятность и последствия их реализации в будущем (для юриста-практика).

Как понятием «вода» охватываются природные явления: жидкость (собственно вода), газ и твердое вещество (лед), так и единое понятие «право» информационно, познавательно (гносеологически) должно отражать «полиморфию» права как реального явления социальной эволюции и включать все формы его проявления. Эти формы, на наш взгляд, таковы:

— индивидуальная форма права — совокупность представлений конкретных властвующих индивидов конкретного государства в конкретный исторический период, а также других людей о пределах допустимого поведения в государственно организованном обществе, которыми они готовы руководствоваться в реальных и потенциальных взаимодействиях с государством, независимо от личных ресурсов и возможностей;

— позитивная форма права — устные или письменные тексты формальных источников права и актов их официального толкования, которые провозглашены (декларируются) в качестве общеобязательных правил для неопределенного круга лиц, имеющих общие статусы;

— конкретная форма права — права и обязанности индивидуально определенных субъектов правовых отношений. Их источниками в частном праве выступают договоры, а в публичном — властные индивидуальные решения органов государства, именуемые правоприменительными;

— фактическая форма права — реальная деятельность людей и реальная деятельность лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, по реализации прав, обязанностей, запретов и реакции на их нарушение, нереализацию, несоблюдение;

— юридико-фактическая форма, которая представляет стандарты доказывания фактов, имеющих юридическое значение. В русскоязычной юридической науке более распространено понятие «пределы доказывания». Эта форма представляет собой синтез индивидуального, позитивного и фактического права и отвечает на вопрос, при каких условиях тот или иной факт будет считаться установленным (доказанным) и влекущим ту или иную реакцию со стороны государственных органов.

Как люди, живущие в реальном мире, а не в мире идей и идеалов, на основе многочисленных исторических примеров мы констатируем наличие в любом государственно организованном обществе (а человеческие общества, на наш взгляд, не могут быть не государственно-организованными, но могут быть примитивными либо цивилизованными, с неотделенным или самостоятельным государственным аппаратом), осознаем наличие универсальной социальной закономерности: диалектического взаимодействия в государственной жизни двух начал: произвольного (личного, основанного на личном усмотрении властвующих индивидов) и правового (обезличенного, основанного на статусах).

Правовое начало принято именовать правовым государством (правлением права). Оно реализуется в социальной практике прошлого и современности в той мере, в которой суверены осознают выгоду и поддерживают правовой (обезличенный), а произвольный (зависящий от личного усмотрения) способ решения задач, стоящих как перед государством в целом, так и, естественно, для охраны своих собственных элитарных интересов, сохранения власти и места в социальной иерархии. Подчеркнем, что суть групповых (классовых, элитарных) интересов суверена, и интересов подданных, поскольку иных источников развития государства, кроме ресурсов, труда и талантов его граждан, просто не существует.

И юристы, и историки права, определяя право в качестве предмета своих исследований и практической деятельности, не должны находиться в плену иллюзий, идеалов, а должны видеть право в системе взаимных связей с другими социальными явлениями, помня слова Р. Иеринга о том, что не общество существует ради права, а право ради общества, поэтому юрист, зная потенциал правовых средств, должен видеть и использовать и все иные возможные экономические, психологические, культурные и иные средства защиты как интересов конкретного клиента (работодателя), так и решения общегосударственных задач.

Парилов Олег Викторович,
 доктор философских наук, профессор,
 профессор кафедры гуманитарных
 и социально-экономических дисциплин
 Приволжского филиала Российского
 государственного университета правосудия,
 профессор кафедры философии и теологии
 Нижегородского государственного педагогического
 университета имени Козьмы Минина

Об актуальности изучения философии права

Роль дисциплины «Философия права» в современном российском юридическом вузе явно недооценена: ее изучают в магистратуре, но на бакалавриате в большинстве юридических вузов она не включена в учебные планы даже в качестве дисциплины вариативного блока. Причина подобного пренебрежения кроется в сформированном в советское время и непреодоленном до сих пор позитивистском, то есть инструментальном подходе к праву, что ведет к нивелированию его аксиологического контекста. Право как совокупность абстрактных формальных норм отрывается от общества, человека; утверждается принцип «человек для права, а не право для человека», юрист стоит на страже закона, а не личности, общества, формально решает юридические вопросы, применяя право как регулятивную систему к конкретному делу¹. Учебные программы юридических вузов неизбежно отражают подобный взгляд на подготовку юристов, о чем свидетельствуют тенденции последних лет: общее сокращение блока социально-гуманитарных дисциплин, отвечающих за формирование мировоззрения, дробление учебной программы на узкие специальности, что предполагает подготовку ремесленников, натасканных формально исполнять букву закона в конкретных областях жизнедеятельности.

Еще одна причина недооценки философии права — превратное толкование ее предмета. Ряд исследователей вообще считает эту дисциплину лишней, ненужной: если есть теория государства и права или общая теория права, то незачем без надобности умножать сущности — подобные суждения, в частности, прозвучали на круглом столе Международного объединения преподавателей и студентов по теории и философии права 16 февраля 2024 года. Д. А. Керимов считает философию права одним из направлений общей теории права². Базовые категории, которыми оперируют общая теория права и философия права, обнаруживают их кардинальное различие: собственно юридические, присущие особо тяжкому преступлению (далее — ОТП) (закон, правоотношение, субъект права, объект права...), и философские, присущие философии права (свобода, справедливость, порядок, смысл права, идея права, методология права...). Очевидно, что эти дисциплины

¹ См.: Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Юридическое образование в аксиологическом контексте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 204.

² Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). Москва, 2000. С. 83.

относятся к разным сферам знания. ОТП выступает базисом правовых дисциплин, философия права обеспечивает мировоззренческое, методологическое, то есть философское обоснование права, выходит за сферу юридического. Для ОТП право актуально как факт, философия права устремлена к идеалу права. Душа ОТП — дискурс, философии права — рефлексия.

Еще одна ошибочная тенденция — искусственно заужать предмет философии права, сводить его к общественному идеалу (С. Франк) или к справедливости (Н. Боббио), к идее права (Г. Гегель). В последнем случае, даже если идею трактовать расширительно, в платоновском смысле, все равно из предмета философии права выпадает значительный методологический пласт. Но при всем различии трактовок философии права, по справедливому утверждению С. И. Захарцева, многие правоведы ошибочно включают философию права в число юридических наук¹. Ошибочным мы считаем и тезис о существовании двух независимых подходов к изучению философско-правовых проблем: философского и юридического². Подобное «растаскивание по углам» предмета философии права чревато, с одной стороны, отрывом философствования от конкретных правовых проблем, с другой — отрывом права от философии и погружением в юридические частности³. Сила философии права именно в междисциплинарности.

Мы согласны с С. И. Захарцевым, что философия права не есть часть общей теории права, но определяет магистральные пути познания права, решает вопрос ценностного обоснования права, формулирует и решает мировоззренческо-правовые проблемы, связанные с экзистенциальным и социальным бытием. Таким образом, философия права — мост, соединяющий чистую философию с общей теорией права как базисом юриспруденции⁴. Значимость философии права обусловлена тем, что возникающие сегодня проблемы законоотворчества, правоприменения, судопроизводства не только не решить, но и не объяснить силами юриспруденции — они требуют философского подхода. Именно поэтому особую актуальность приобретают разделы философии права: правовая аксиология и правосознание, правовая онтология, правовая этика, правовая антропология, гносеология и методология права.

Перед правовой аксиологией стоят две глобальные задачи: 1) утверждение в сознании россиян ценности права (формирование зрелого правосознания — знания и, главное, уважения права) и 2) защита силами права традиционных российских ценностей. Именно сегодня проблема утверждения ценности права, развития правосознания в силу социоисторической обстановки приобретает особую остроту. Хотя в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» права человека обозначены как традиционные российские ценности⁵, мы все же считаем, что традиционно, в отличие от Западной, российская культура не является правовой. «Закон — что дышло...» — это русская поговорка. Образцы правового нигилизма у нас на каждом шагу: армия игнорирующих право интеллектуальной собственности псевдоученых или студентов, ставящих свои фамилии под чужими, скачанными из интернета текстами, армия автовладельцев, самовольно присвоивших часть дворовой территории в качестве личной автостоянки. Русский, и шире — россиянин, всегда отдавал предпочтение эмоционально-нравственной регуляции взаимоотношений, выстроенной на основе субъективного чувства справедливости, перед формально-юридической регуляцией, присущей более европейцу, американцу. Подобные различия наших культур отчасти обусловлены религиозно: в православии, являющемся базисом русской культуры, сформировалась духовная концепция спасения, в то время как в западном католическо-протестантском христианстве — юридическая теория, ставшая, в свою очередь, в эпоху Нового времени основой светских правовых теорий государства: договорной Т. Гоббса и либеральной, поставившей во главу угла священные права личности Дж. Локка. Права человека Запад провозгласил как абсолютную ценность и в качестве таковой навязывал

¹ Захарцев С. И. Проблема предмета философии права: размышления и предложения // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1 (10). С. 11.

² См.: Нерсисянц В. С. Философия права. Москва, 2011. С. 17.

³ См.: Захарцев С. И. Проблема предмета философии права: размышления и предложения // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1 (10). С. 15.

⁴ См. там же. С. 11.

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 27.02.2024).

всем остальным цивилизациям. В девяностые годы XX века Россия, встав на путь догоняющего Запад развития, безоговорочно восприняла европейско-американскую установку на построение правового государства. Но именно в наши дни Запад первый дискредитирует, обесценивает, попросту топчет международное право, право на свободу слова и защиту собственности (присвоение чужих активов), цивилизованную конкуренцию (санкции). Получается, право для Запада, частью которого мы притязали быть, вовсе не было ценностью, а было лишь предметом лукавых политических игр, а его защита — средством реализации эгоистических интересов. Данная ситуация усложняет проблему формирования зрелого правосознания россиян, а ведь ориентир на построение правового государства никто не отменял и права человека определены Указом как базовая, подлежащая защите ценность.

Большое значение имеет сегодня и **онтология права**. Решение фундаментальной онтологической проблемы сущности права напрямую связано с вопросом определения его цели и задач на современном этапе. А это, в свою очередь, коррелирует с **философско-правовой антропологией**, которая сегодня также чрезвычайно важна. В контексте определения вышеназванным Указом Президента Российской Федерации № 809 жизни и достоинства человека, гуманизма и милосердия в качестве базовых ценностей в правовой сфере на первый план выходит вопрос человеческого измерения права. Показательно масштабное социологическое исследование, проведенное в 2019–2020 годах С. И. Захарцевым и В. П. Сальниковым, охватившее более 40 тысяч жителей России разного возраста и более 20 тысяч европейцев (жителей Германии, Испании, Франции и Италии). Опрашиваемым задавали два вопроса: «С чем у вас ассоциируется право? Чего не хватает национальному праву?» В ответе на первый вопрос россияне и европейцы оказались на удивление солидарны: право у тех и других ассоциируется прежде всего с запретом и наказанием (так ответили около 90 % жителей России и 75–80 % — Европы). А вот в ответе на второй вопрос суждения европейцев и россиян кардинально разошлись: первым в национальном праве не хватает свободы и социальных гарантий, россиянам же — человечности и справедливости, что отвечает нашей национальной ментальности¹. К сожалению, у нас в русле позитивистской парадигмы по-прежнему действует принцип — человек для права. В лучшем случае юрист есть исполнитель буквы закона, в худшем случае право и правоохранительные органы выступают инструментами карающими, принуждающими. В связи с задачей отстаивания базовой традиционной ценности гуманизма право должно кардинально переориентироваться на защиту человека². Правоохранительные органы, по сути своей, должны стать человекоохранительными, обществоохранительными.

К ведению философско-правовой антропологии относится и решение сложного вопроса соотношения внешне-юридической и внутренней духовной свободы, сопряженной с ответственностью. Почему борьба за правовые свободы на Западе в итоге привела к массовому бегству от свободы, о чем писал Э. Фромм еще в 40-е годы XX века? Именно философ Платон еще 2 500 лет назад обнаружил, что доведенные до крайности юридические свободы при дефиците свободы внутренней и ответственности неизбежно трансформируются в свою противоположность — крайний тоталитаризм³. Правоту мыслителя подтверждает современный Запад — образец тирании всяческих меньшинств над большинством. В Великобритании под уголовное преследование может подпасть человек лишь по подозрению в нелояльности к представителям ЛГБТ. Абсолютизация прав детей неизбежно привела к своего рода педократии, когда детям позволено все, а взрослым (педагогам, родителям) — ничего. Согласно канадскому законодательству, уголовному преследованию подлежат родители, которые препятствуют не ведающим, что творят детям в их свободном определении собственной половой принадлежности (один из вариантов содомии). В Европе, США сегодня, по сути, любое насилие над ребенком под запретом. Автоматически это означает и запрет на воспитание. К сожалению, эти тенденции проникают и в современную Россию.

Еще одна важная философско-антропологическая проблема, связанная с определением границ ответственности взрослого за ребенком, который пока не сформировался как личность. Подчас цена решения этого вопроса — жизнь ребенка. Дети из Кабардино-Балкарии, Тулы, Ижевска, Санкт-Петербурга, Вязьмы и еще десятки российских детей из других городов умерли потому,

¹ См.: Захарцев С. И., Сальников В. П. Размышления об основах русской суверенной философско-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 187.

² Кочеров С. Н., Париков О. В., Кондратьев В. Ю. Философия русской идеи. Нижний Новгород, 2018.

³ См.: Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3 Ч. 1 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007.

что их родители или опекуны — свидетели Иеговы по религиозным соображениям воспрепятствовали своевременному переливанию им крови. Взрослые еще совсем недавно присваивали себе право решать вопрос жизни и смерти ребенка, опираясь на закон — статью 33 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан¹ (по счастью, в настоящее время редакция нормы кардинально скорректирована). То есть вопрос определения границ ответственности взрослых за детей выходит за пределы юриспруденции, он также находится в области философии².

Колоссальное значение сегодня приобретает **этика права**. В идеале право должно служить добру и справедливости, то есть правовое должно быть тождественно моральному. Но в реальности мы точно знаем, что между правовым и моральным всегда будет зазор. Моральные нормы более фундаментальны, укоренены в глубинных пластах религиозных традиций; моральный код универсален для большинства культур и народов. Право, напротив, зыбко, изменчиво, поскольку слишком зависимо от исторической, социально-политической конъюнктуры. Уголовно наказуемое в советское время (мужеложство, владение и пользование иностранной валютой, занятие частной предпринимательской деятельностью) сегодня юридически нейтрально, вообще не преследуется законом. Фемида зачастую бывает равнодушна к поступкам, однозначно аморальным во все времена у большинства народов. Ложь, лицемерие, супружеская неверность безнравственны, но неподсудны. Проблема соотношения нравственного и правового отнюдь не юридическая, но философская.

Требуем философского подхода еще один нравственный вопрос выбора между служением добру, справедливости и исполнением профессионального долга. С такой дилеммой может столкнуться адвокат в ситуации, когда уверен в виновности своего подзащитного, но при этом видит явный изъян в системе обвинения. Публично обнаружить этот изъян в судебном процессе, развалить обвинение и освободить нераскаянного преступника, являющего собой угрозу для личности и общества? Смолчать и изолировать преступника от общества, но не исполнить профессиональный долг? Бремя экзистенциального выбора, колоссальный моральный груз ответственности требуют от адвоката мировоззренческой, а следовательно, философской зрелости. В целом надо признать, что в большинстве своем подзащитные — люди действительно преступные, но долг адвоката если не освободить от ответственности, то хотя бы смягчить участь этих потенциально опасных граждан.

Актуальность **гносеологии права** детерминирована общемировой тенденцией утверждения общества постмодерна. Постмодернистский концепт деконструкции в сфере познания проявляется в размытии, скандализации абсолютных критериев истинного и ложного. Переход от классической парадигмы научного знания к неклассической, а затем в наши дни, к постнеклассической означает в итоге ни что иное, как дискредитацию объективной истины. Весьма тревожный симптом, поскольку в правовой сфере вопрос истины — это вопрос человеческих судеб. Современный Запад демонстрирует постмодернистскую деконструкцию истины в юридической сфере, насильственно заменяя ее на срочносочиненные, произвольные правила жизни. По счастью, Россия сопротивляется втягиванию в пространство постмодернистских игр, защиту традиции осознает как первейшую задачу. Следовательно, поиск объективной истины в праве по-прежнему актуален, а значит, актуален раздел **философско-правовой методологии** познания.

Вывод. Философия, являясь фундаментальной основой наук, обязательна к изучению во всех вузах мира. Именно такую же фундаментальную роль играет и философия права для всех студентов-юристов, следовательно, она столь же обязательна для изучения. Являясь связующим звеном между чистой философией и юриспруденцией, философия права отвечает за формирование правового мировоззрения и правосознания, за человеческое измерение права, его этическое и аксиологическое обоснование; реализует методологическое обеспечение законотворческой, правоохранительной, научно-исследовательской и судебной деятельности.

¹ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. ВС РФ 22 июля 1993 года № 5487-1) (ред. от 7 декабря 2011 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2020).

² Париков О. В. Смерть ребенка из-за отказа от гемотрансфузии по религиозным мотивам: юридический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50).

Петрянин Алексей Владимирович,
 доктор юридических наук, профессор,
 директор Нижегородского филиала
 Санкт-Петербургской академии
 Следственного комитета;
Калинкин Алексей Владимирович,
 кандидат юридических наук,
 доцент кафедры криминалистики
 факультета подготовки криминалистов
 Санкт-Петербургской академии
 Следственного комитета

Роль юридической науки в развитии антиэкстремистского уголовного права: частный взгляд на проблему

Начнем научные размышления по заявленной теме статьи словами Б. Пашковского: «Естественноиспытатели открывают всего лишь то, что есть, а гуманитарии — даже то, что могло бы быть»¹, именно поэтому роль юридической науки в развитии современного права бесценна. Практически на каждой известной научной площадке созданы и успешно функционируют научные школы, основной целью которых является проведение изысканий, нацеленных на дальнейшее поступательно-позитивное развитие главного регулятора общественных отношений — современного права.

Особо подчеркнем, что научные школы Нижегородской академии МВД России (далее — Академия), внимание которых сконцентрировано на противодействии преступности, в том числе с признаками экстремистской деятельности, известны не только в Российской Федерации, но и далеко за ее пределами. В Академии созданы и функционируют семь научных школ. За последние несколько лет на их площадках было подготовлено и успешно защищено несколько диссертаций, посвященных вопросам противодействия экстремизму, разработчиками которых в том числе стали и авторы этой статьи².

Представленные работы фактически формируют методологический базис, доказывающий и обосновывающий существование антиэкстремистского уголовного права, что подтверждается проведением научных исследований по данной проблематике в рамках научных школ, развивающихся и в других ведомственных образовательных организациях. В частности, в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК России) успешно функционирует научная школа «Обеспечение национальной безопасности в деятельности Следственного комитета Российской Федерации», в рамках которой ежегодно проводится комплекс научно-представительских мероприятий, сконцентрированных на исследовании противодействия новым угрозам. Одним из последних стала межведомственная научно-практическая конференция, посвященная вопросам возмещения вреда в ходе гибридных войн. Идея ее проведения была поддержана Председателем СК России А. И. Быстрыкиным³. На площадке научной школы также проводится изучение уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасности государства. Автором и разработчиком этой идеи выступает аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, руководитель

¹ Цитаты о науке // Time 365: сайт. URL: <https://time365.info/aforizmi/temi/nauka> (дата обращения: 02.05.2024).

² См.: Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. 490 с.; Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 285 с.; Пшеничнов И. М. Ответственность за наем в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 302 с.; Магнутов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ): теория, техника, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 285 с.

³ См.: В Санкт-Петербургской академии СК России проведена межведомственная научно-практическая конференция по вопросам возмещения вреда в ходе гибридных войн. URL: <https://skspb.ru/2024/04/19/v-sankt-peterburgskoy-akademii-sk-ros-78/> (дата обращения: 02.05.2024).

следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области А. С. Ахметшин¹.

На основе уже проведенных и проводимых в настоящее время исследований считаем обоснованным продемонстрировать имеющиеся достижения и потенциал юридической науки в развитии антиэкстремистского уголовного права.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание научной общественности, это охрана самых главных благ — жизни и здоровья личности — от экстремистских посягательств. В настоящее время уголовно-правовая модель противодействия им представлена по схеме дополнения запрещенных уголовным законом посягательств, включенных в главу 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), отягчающим признаком «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Такой юридико-технический прием реализован в рамках статей 105, 111, 112, 115, 116, 117 УК РФ. Верен ли такой подход? Для ответа на данный вопрос нужно отталкиваться от содержания мотива преступления, то есть от того побуждения, которое и подтолкнуло лицо к совершению криминального акта. Проводимые ранее исследования показали, что в рамках посягательств на личность, обремененных мотивами ненависти или вражды, на первое место ставится не здоровье или жизнь потерпевшего, а его принадлежность к конкретной религиозной конфессии, расе, национальности, политическому движению, разделяемой идеологии и т. п., то есть главной задачей агрессора является причинение вреда вышеотмеченным ценностям через первоначальное и непосредственное посягательство на личность, поэтому для преступника не имеют значения иные характеристики жертвы, например, пол, возраст, социальное или профессиональное положение. Таким образом, детерминантами общественно опасного поведения выступают не блага и ценности, находящиеся под охраной главы 16 УК РФ, так как они лишь средство достижения конечной преступной цели при непосредственном посягательстве на основы конституционного строя и безопасности государства в результате совершения такого рода экстремистского акта. Отмеченное актуализирует криминализацию экстремистского посягательства на личность в рамках главы 29 УК РФ².

Неоспоримым также является глубокая экономическая подоплека экстремизма как формы нелегитимной политической борьбы, наиболее радикальной формой которого с учетом положений статьи 1 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» выступает терроризм. Полагаем, что события, проходившие в Сирийско-Арабской Республике, сопряженные с разграблением добываемых углеводородов и исторических мировых ценностей, — яркое тому повреждение³. Отсюда вопрос о совершенствовании механизмов подрыва экономических основ экстремистско-террористической деятельности, в том числе и в части борьбы с ее финансированием. Это обусловлено тем, что от объемов и скорости оказания материально-денежной помощи напрямую зависит достижение преступного результата. Такого рода ответственность в рамках действующего УК РФ установлена в статьях 205¹, 282³ и 361 УК РФ. Однако до настоящего времени не закреплена дифференциация ответственности за их совершение в зависимости от размеров финансирования, хотя, с нашей точки зрения, это очень значимый стоимостный критерий, характеристика которого прямо влияет на степень общественной опасности содеянного. В этой связи предлагается провести такого рода дифференциацию в рамках статей 205¹, 282³ и 361 УК РФ, установив единообразные стоимостные критерии⁴.

Принимая во внимание высокий уровень организованности экстремистско-террористической преступности, назревает необходимость модернизации имеющегося сегодня концепта уголовно-правового противодействия ей в рамках возможной модернизации института соучастия.

¹ См.: Ахметшин А. С. Обусловленность уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 2. С. 252–260.

² См.: Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. С. 224.

³ См.: В Сирии потребовали от США компенсации за похищенные нефтяные ресурсы // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18702565> (дата обращения: 02.05.2024).

⁴ См.: Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. С. 10.

Обращаясь к положениям статей 205⁴ и 282¹ УК РФ, видим, что законодатель, устанавливая уголовную ответственность за такого рода групповую криминальную деятельность, вводит в оборот ранее неизвестные уголовному праву и законодательству дефиниции «террористическое сообщество» и «экстремистское сообщество». У любого специалиста автоматически возникает профессиональная ассоциация, предполагающая, что указанные криминально-девиантные формы являются разновидностью преступного сообщества, признаки которого отражены в части 4 статьи 35 УК РФ. Однако, сопоставляя юридически значимые характеристики преступного сообщества с признаками сообщества террористического или экстремистского, приходим к выводу, что это разные формы соучастия. На этом настаивает и Верховный Суд Российской Федерации в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», где прямо определяет, что экстремистское сообщество, как и террористическое, являются разновидностью организованной группы¹. Такой подход можно оценить с разных точек зрения. Мы соглашаемся с мнением Ю. С. Магнутова в том, что в данный подход заложен глубокий репродуктивный потенциал, позволяющий сегодня говорить о необходимости дополнения статьи 35 УК РФ новыми формами соучастия с закреплением в них юридически значимых характеристик экстремистского и террористического сообщества².

Мы, конечно же, указали лишь частные проблемы и направления, однако отмеченное дает основание говорить о том, что роль юридической науки и ее потенциал в развитии антиэкстремистского уголовного права открывают новые горизонты в развитии уголовного законодательства во взятой для исследования области, целью которого является повышение уровня противодействия современным экстремистско-террористическим угрозам при решении задач, указанных в статье 2 УК РФ.

Завершить проведенное исследование хочется одним из известнейших высказываний А. Энштейна: «Наука не является и никогда не будет являться законченной книгой. Каждый важный успех приносит новые вопросы. Всякое развитие обнаруживает со временем все новые и более глубокие трудности»³. С нашей точки зрения, это свидетельствует о методологическом бессмертии научного познания и его неисчерпаемом позитивном потенциале в прогрессивном развитии человечества.

Плетников Виктор Сергеевич,
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства
и права имени С. С. Алексеева
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева

Технологизация современной юридической науки

Сегодня каждая из частей современной юриспруденции тесно связана с процессами научно-технического развития, цифровизацией общественных отношений. Как юридическое образование, юридическая практика, так и юридическая наука становятся заложниками технологизации общественной жизни. Хорошо известна и качественно исследована тенденция технологизации юридической практической деятельности. Представители науки «Юридическая техника» детально остановились на проблемах определения понятия, структуры, особенностей и т. д. юридической техники

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8; О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

² См.: Магнутов Ю. С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ): теория, техника, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 245.

³ Цитаты о науке // Time 365: сайт. URL: <https://time365.info/aforizmi/temi/nauka> (дата обращения: 02.05.2024).

и юридической технологии¹, которые применяются в процессе выработки, принятия и оформления юридического решения. Если нет ответа на отдельный вопрос, то с полной уверенностью можно утверждать, что поиск ответа идет. Аналогичная ситуация складывается с исследованием и описанием проблем применения технических средств в процессе обучения юристов: как общие, так и отдельные аспекты широко обсуждаются в научной литературе². Ситуация с применением техники и технологий в современной юридической науке не получила должного анализа (исследования в лучшем случае проводятся в связке с юридическим образованием и науки³) и требует внимания. Качественно проблему технологизации научно-исследовательской деятельности в юриспруденции обозначил, наверно, лишь С. В. Кодан⁴. В своем исследовании он подробно остановился на вопросах понимания и структуры технологизации научно-исследовательской деятельности в юриспруденции, обозначил основные направления развития. Без должного внимания остались лишь вопросы связей между развитием техники/технологий и развитием современной юридической науки, а ведь именно они определяют будущее с позиции как содержания юридической науки, так и ее организации. Описание связей является необходимым условием, инструментом для качественного комплексного научного отражения особенностей государственно-правовой жизни.

Остановимся на отдельных моментах.

1. Сегодня сложно представить научную работу по юриспруденции, в которой автор не использовал бы технические возможности программного обеспечения (искусственный интеллект) для формирования выводов собственно проведения исследования. Технические средства им применяются для разных целей, а следовательно, их роль/вклад в достижении результата будет разным.

Можно начинать с простых поисковых запросов в сети «Интернет», позволяющих подобрать соответствующий контент, на основе которого исследователь сформирует, используя различные методы (методологию) научного познания, свое видение проблемы. Можно использовать поисковые запросы, которые в большом объеме текста помогут найти интересные исследования

¹ Баранов В. М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 15–29; Давыдова М. Л. Правовые фикции как средства юридической техники (примерная лекция по курсу «юридическая техника») // Право и образование. 2009. № 3. С. 143–151; Исаков В. Б. Юридическая техника — лишь один из уровней юридического знания // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 27–29; Кашанина Т. В. Юридическая техника или законодательная техника? // Журнал российского права. 2010. № 3 (159). С. 171–173; Костенко М. А. Соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» // Известия ТРТУ. 2005. № 9 (53); Поленина С. В. Юридическая техника и правовая технология: теория, практика, преемственность // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 387–390; Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. д. ю. н., профессора, академика РАЕН и ПАНИ В. М. Баранова. Нижний Новгород, 2000. 821 с.; Тарасов Н. Н. Юридическая техника в структуре юриспруденции (методологические проблемы исследования) // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 7–11; Шабуров А. С. Циклический правовой массив как юридическая конструкция в условиях цифровизации права // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 209–212.

² Бондарь М. А., Веселова А. П. Перспективы использования цифровых технологий в профессиональной подготовке оперативных сотрудников // Право и образование. 2024. № 2. С. 44–52; Куров С. В. Обучение по гуглу или несколько слов в поддержку традиционного образования (полемические заметки об онлайн-обучении) // Право и образование. 2023. № 11. С. 12–23; Максимова И. М. Цифровизация юридического образования: теоретический аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 18. С. 244–252; Морозов Н. А., Манилкин Н. В., Османов М. М. К вопросу о цифровизации юридического образования // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 2. С. 101–102; Плетников В. С., Плетникова М. С. Некоторые проблемы реализации компетентного подхода в системе высшего юридического образования в условиях цифровизации общественных отношений // Социальная ценность права в современном обществе: материалы шестого Всероссийского симпозиума / отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург, 2021. С. 148–153; Хильгендорф Э. Юридическое образование и новые технические средства обучения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 5 (286). С. 234–252; Ягофарова И. Д. Цифровизация образования: реальность, проблемы и перспективы // Право и образование. 2023. № 6. С. 14–19.

³ Баранова М. В. Юридическая наука и образование в условиях цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 166–169; Курбанова З. С., Исмаилова Н. П. Нейросети в контексте цифровизации образования и науки // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyroseti-v-kontekste-tsifrovizatsii-obrazovaniya-i-nauki> (дата обращения: 11.03.2024).

⁴ Кодан С. В. Технологизация научно-исследовательской деятельности в юриспруденции: понимание, структура и направления развития // Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. 580 с. С. 494–510.

фрагменты, что в конечном счете позволяет проводить исследования более качественно с позиции поиска правового материала.

Следующим шагом является применение в процессе исследования различных баз данных, благодаря которым материал систематизируется. Они же (базы) предлагают собственные алгоритмы поиска решений поставленных задач. Здесь речь можно вести о таких ресурсах, материалы в которых собраны в определенные блоки:

- сайт «Российской государственной библиотеки» — URL: <https://www.rsl.ru/>;
- сайт «Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU» — URL: <https://www.elibrary.ru/>;
- СПС «Гарант» — URL: <https://www.garant.ru/>;
- СПС «КонсультантПлюс» — URL: <https://www.consultant.ru/> и др.

Причем предоставляемые возможности доступа к информации будут существенным образом сказываться на полученных научных результатах. В ряде случаев специалисты (технический персонал), отвечающие за конкретное направление, фактически предоставляют готовый результат, формируют научную картину.

Высший уровень применения достижений науки и техники в процессе проведения научной работы в сфере юриспруденции — исследователь при подготовке материалов использует возможности искусственного интеллекта: готовит материалы научных статей¹, диссертации² с помощью *ChatGPT*. В этой ситуации исследователь не только должен иметь доступ к определенной нейросети, которая «заточена» на язык права, но и должен уметь качественно поставить вопросы, на которые в дальнейшем планирует получить ответ.

В таких условиях становится принципиально важно определить, что считать научным правовым знанием и кого можно называть ученым-юристом. Ведь из приведенных примеров вытекает, что в таких условиях появляются принципиальные отличия между исследователем и ученым. Ученый-юрист — это специалист, который внес вклад в развитие той либо иной сферы научного правового знания, а исследователь умеет работать с массивами правовой информации. Возможно, в такой ситуации как раз и не будет лишним сохранение в российской традиции присвоения научных степеней: кандидат юридических наук и доктор юридических наук. Степень кандидата юридических наук следует присваивать лицам, которые умеют работать с правовыми массивами, систематизировать их, предлагать изменения в действующее законодательство, то есть в данном случае следует сделать возможным применение в их работе нейросетей, которые будут способствовать повышению эффективности их деятельности, а результаты их работы фактически обеспечат повышение эффективности действующего законодательства. Степень доктора юридических наук следует присваивать за вклад в юридическую науку. Таким образом, появляются реальные критерии, которые позволят облегчить работу компетентных органов, отвечающих за присвоение ученых степеней, а также отграничить научное исследование от умелого применения методов научного познания для получения отдельных поисковых результатов. Да, конечно, при этом придется несколько изменить номенклатуру научных специальностей. Но в целом такое отношение к проблеме научного познания серьезно облегчит жизнь для научного сообщества и представителей экспертного совета по праву.

2. Технологизация современной юридической науки влечет необходимость включить в предмет научного познания ученых-юристов технические нормы, технико-юридические нормы, юридико-техническое правовое регулирование в целом.

Как известно, современная система правового регулирования, а как следствие, юридическая наука, которая слепо ориентируется на юридическую практику³, работает с системой социальных норм и отношений. В условиях технического прогресса внимание ученых-юристов должно быть сосредоточено на формировании системы связей между правовыми нормами и ГОСТами, СНИПами и другими требованиями, на основе которых будет функционировать современное общество.

¹ Крылов К. Ученый ВШЭ опубликовал одну из первых научных статей, написанных ChatGPT! Что это значит для науки и будущего творческих профессий? URL: <https://www.sobaka.ru/city/science/165100> (дата обращения: 11.03.2024).

² Лобецкий А. Нейросети уже пишут диссертации: Владимир Коршунов — о перспективах искусственного интеллекта. URL: <https://sova-news64.ru/ekonomika/9365-nejroseti-uzhe-pishut-dissertacii-vladimir-korshunov-o-perspektivah-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 11.03.2024).

³ Плетников В. С. Юридическая наука, образование и практика: проблемы взаимодействия // Актуальные проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. Д. Перевалова. Москва: Юстиция, 2019. С. 93–109.

Сегодня нормальной является ситуация, когда технические требования устанавливают интересные, работающие в данной сфере, правила поведения (нормы права) создает законодатель, а реализацией их в системе вынуждены заниматься третьи лица, которые фактически являются специалистами в сфере либо технических, либо правовых норм¹.

Ученым-юристам и их объединениям, компетентным государственным органам и лицам следует не просто установить общие абстрактные требования к результатам научного познания правовой материи, а как минимум такие требования, которые проверяются в рамках государственной научной аттестации и имеют конкретные оценочные значения.

Для примера, в постановлении Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с Положением о присуждении ученых степеней) сказано:

- диссертация <... > научно-квалификационная работа (п. 9);
- диссертация должна быть написана автором самостоятельно (п. 10);
- основные научные результаты диссертации должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях (п. 11);
- при использовании в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени лично и (или) в соавторстве, соискатель ученой степени обязан отметить в диссертации это обстоятельство (п. 14).

При этом сегодня ни в одном источнике нет указания, что понимать под самостоятельным исследованием. Ведь законодатель допускает возможность применения научных результатов, полученных в соавторстве, считая, данное исследование самостоятельным. Степень, объем должны быть определены; технические нормы и правила должны стать составной частью механизма правового регулирования и в равной степени быть интересны ученым-юристам для достижения качественного результата, развития юридической науки, оценки научных достижений. Это не единственная проблема, которая на протяжении длительного периода времени не находит должного решения. В процессе технологизации современной юридической науки такого рода проблемы должны быть решены.

Внедрение в научную юридическую деятельность технических норм приводит к тому, что должна поменяться роль юриспруденции в современном мире. Большим достижением советских юристов стало то обстоятельство, что сегодня невозможно представить деятельность ни одной реально работающей хозяйствующей организации без юриста. На новом этапе в результате технологизации современной юриспруденции юрист должен появиться в тех сферах, которые до недавнего времени считались неподдающимися правовому воздействию, например, геномная инженерия, применение нейротехнологий и т. д. Достижения технических наук, чат-боты, роботы-юристы изменят в ближайшее время юридическую профессию до неузнаваемости. Для примера, сегодня юристы «Сбера» описывают правила (фактически нормы права будущего) на *Legal DSL* — особом предметном языке, который был специально разработан для проекта «Робот-юрист», таким образом поддерживая работу системы в целом². Следовательно, ученый-юрист должен в равной степени хорошо работать с правовыми и техническими нормами в их системе.

3. Масштабное внедрение в научную деятельность технических средств, программного обеспечения, технических норм требует корректировки не только организации работы ученого-юриста, научных юридических сообществ, необходимо изменить подходы к подготовке ученого-юриста, в основу должны быть положены иные принципы.

Деятельность ученого-юриста, результаты его деятельности — это попытка решить проблему по существу, найти варианты поведения, которые будут удовлетворять заданным параметрам. Следовательно, и подготовка должна быть организована по такому же принципу. Исследователь должен не просто получать от наставника (преподавателя), научного руководителя некий набор знаний, а в первую очередь выработать умения и навыки по поиску и формированию нового знания.

¹ Плетников В. С. Немного о специфике юридико-технического регулирования в условиях реформирования российской государственности // Оптимизация правового регулирования: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 447–455.

² Робот-юрист: как сэкономить рабочее время квалифицированных сотрудников? URL: <https://sber.pro/publication/robot-iurist-kak-sekonomit-rabochee-vremia-kvalifitsirovannykh-sotrudnikov/> (дата обращения: 11.03.2024).

Следовательно, урочная форма проведения занятий с аспирантами/адъюнктами, докторантами на современном этапе развития науки и техники не принесет должного результата.

Сегодня, несмотря на тот факт, что еще в 1932 году¹ в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» говорилось о непригодности проектной технологии для обучения, именно она должна быть положена в основу подготовки современного ученого-юриста. Каждая учебная дисциплина, которую изучают лица, обучающиеся в аспирантуре/адъюнктуре, докторантуре, должна завершаться подготовкой некоторого проекта; а его результаты необходимо предоставить для всеобщего обсуждения путем публикации либо внедрения в практическую деятельность. Только в этом случае станет возможным подготовка ученых-юристов новой формации, которые смогут эффективно работать над решением проблем современного общества.

4. Развитие техники, средств обработки, хранения и передачи информации позволяют повысить эффективность деятельности современных ученых. Сегодня ученые находятся в том же положении, что и представители юридической практики в первой четверти XIX века, когда объемы информации были значительны, но не доступны в актуальной редакции для большинства адресатов. Только благодаря М. М. Сперанскому, который обеспечил должный уровень систематизации Свода законов и Собрании законодательства Российской Империи, информация стала доступной и применяться по назначению.

Для планомерного поступательного развития современной юридической науки необходимо информацию сделать доступной для ученых-юристов.

Сегодня, если обратиться к практике, можно наблюдать ситуацию, когда:

- ведомственная наука «живет» своей жизнью, наука в гражданских вузах и научных организациях функционирует по своим законам;
- справочно-поисковые системы доступны различным исследователям в различном объеме;
- информация до представителей одних научных структур доходит на порядок раньше, чем с ней могут ознакомиться иные представители научной общественности, занимающиеся идентичной проблематикой.

Следует принять меры для того, чтобы информация о результатах научного поиска могла быть найдена интересантом, то есть требуется привести в соответствие хотя бы одну классификацию результатов научной деятельности, создать общедоступный работающий рубрикатор. Для примера при опубликовании научной статьи редакция просит указать коды элементов универсальной десятичной классификации, но потом они нигде при классификации в поисковых системах чаще всего не используются. В научной электронной библиотеке *eLIBRARY.RU* даже нет такого фильтра для поиска, но здесь, например, применяется тематический рубрикатор, основанный на Государственном рубрикаторе научно-технической информации. Правда, по итогам поиска, например, в разделе «10.07.53 Теория государства» вниманию исследователя представлено всего 50 работ, подготовленных за время существования данной базы, что явно не является достоверной информацией. Если останавливаться на собственно Государственном рубрикаторе научно-технической информации, то это всего лишь одно из средств Государственной системы научно-технической информации, которое используется для тематической систематизации и индексации информационных ресурсов, то есть не содержит собственно информации; формируется весьма специфическим образом; фактически используется только отдельными учеными-юристами.

Подводя итог, стоит отметить, что современные ученые-юристы широко применяют в своей повседневной деятельности технические средства, программное обеспечение, нейросети, строят исследования, опираясь на действующие технические / технико-юридические нормы. В свою очередь, современная отечественная юридическая наука как некоторая безличностная система, формируемая, признаваемая, поддерживаемая... государством, остается слепа к происходящим изменениям в общественной жизни, достижения в сфере техники и технологий не принимаются во внимание, что порождает много вопросов.

Хотя, возможно, так и должно быть, когда юридическая наука представляется не как система, созданная государством, а является системой непрерывно восполняющихся знаний о государстве и праве, состоит из совокупности отдельных юридических дисциплин, каждая из которых изучает

¹ Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе. Приложение № 6 к п. 19 пр. ПБ № 113: Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года // URL: <https://istmat.org/node/57330> (дата обращения: 11.03.2024).

свои определенные аспекты государства и права¹. В таком случае технологизация юридической науки есть наивысшее благо. Благо, которое не нуждается ни в каком регулирующем воздействии, не требует никакой реакции со стороны научного сообщества, за исключением скорейшего внедрения достижений технических наук в деятельность ученых-юристов.

Поляков Михаил Петрович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России

О популяризации, депопуляризации и аутопопуляризации юридической науки

Что такое популяризация науки? Тем, кто попытается найти быстрый и простой ответ на просторах интернета, «неестественным интеллектом» будет предложено немало версий, но лидировать будет вариант, который сводит сущность популяризации науки к превращению научных знаний в форму, понятную (и где-то даже приятную) для самой широкой аудитории, не знающей возрастных и социальных ограничений, но переформатирование научных знаний лишь подготовка к другому ответственному акту, отражающему существо популяризации науки, — к массовому распространению этих знаний. Массовое, глобальное распространение научных знаний и является квинтэссенцией популяризации науки. Неудивительно, что наука вложила огромные усилия в развитие средств массовой информации, потому что важнейшим поводом к подобному информационно-технологическому прогрессу была потребность в широкой популяризации науки.

Научное сознание должно было вытеснить религиозное сознание из всех сфер общественной жизни. Не должно было остаться ни одной головы, в которую бы не была внедрена формула: «знание — сила». Формирование подобного сознания и достигалось через популяризацию науки. И эта популяризация пыталась донести до общества, что наука — вещь, которая творит чудеса ничуть не меньше сверхъестественных сил. «Знание» и «Сила» стали словами с самой большой буквы. Можно без преувеличения сказать, что через популяризацию наука пыталась дотянуться не просто до широкой аудитории. Ей дорог каждый житель нашей планеты.

Задачи популяризации науки не становятся менее глобальными и сегодня, когда научное мышление победило. Нет такой отрасли науки, которая могла бы игнорировать задачи по овладению умами и расширению круга своих почитателей. Юридическая наука не является исключением. Более того, она стоит на первых позициях, поскольку популяризация юридической науки является не факультативным и тем более побочным видом научной деятельности. Популяризация в немалой степени — источник развития и углубления самой юридической науки, ибо через стремление к простоте и внятности (задача популяризации) наука приходит к углубленному пониманию собственных понятий. Через популяризацию юридической науки раскрываются сакральные смыслы всей юриспруденции.

Популяризация юридической науки — явление непростое. Оно в определенном смысле «много-слойное». При желании можно всю юридическую науку интерпретировать как сплошную популяризацию с первого дня ее существования. Не секрет, что, описывая какое-то явление при помощи мудреных юридических терминов, наука все-таки составляет лишь приближенное и упрощенное представление о нем. А в толстых научных книгах эти явления порой просто рассыпаются в пыль едва уловимых смыслов. Юриспруденция — это не родитель и не изобретатель права. Право в его исконном смысле не может быть сведено к продукту человеческой рациональности. Право — это магическая стихия, неисчерпаемая в своих разноцветных смыслах и подводных течениях. И пытаюсь передавать эти смыслы простыми словами, юридическая наука совершает порой невероятные открытия. Юриспруденция — это в определенном смысле специфическая технология популяризации права.

Несмотря на стремление к максимальному расширению просвещаемой аудитории, популяризация юридической науки предполагает дифференциацию своих адресатов. Эту дифференциацию можно вывести, ненадолго задумавшись над вопросом: «Что значит популяризировать?» А значит это, во-первых, сделать известными обещания и достижения юридической науки и даруемые ей

¹ Плетников В. С. Юридическая наука, образование и практика: проблемы взаимодействия // Актуальные проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. Д. Перевалова. Москва: Юстиция, 2019. С. 94–95.

общественные блага; во-вторых, сделать это известное о науке интересным, например, подать в форме детектива или описания иного юридического приключения.

Думаю, что большинство читателей со мной в части этих двух пунктов согласятся. Однако третий пункт придет в голову далеко не всем почитателям популяризации. Да и подходит он далеко не для всех, а касается узкого круга. Третий пункт в нашем понимании сути популяризации гласит: популяризировать юридическую науку — это значит сделать ее любимым занятием того, кто ей уже занимается. Правда, слово «занятие» мне как-то не по душе. Оно невольно выводит на загадочную формулировку — «заниматься наукой». В этой фразе слово «наука» сжимается до каких-то узких и прикладных значений, звучит как-то ремесленно. Здесь просится емкий глагол, поэтому важнейшая задача популяризации науки — влюбить аудиторию в науку, но аудитория эта должна быть узким кругом. Наука нуждается в доверии масс, а любви ей достаточно в лице отдельных одиночек, в которых обнаруживается научное призвание.

Но это опять же очень условное объяснение. Во мне проявляются лишь отдельные проблески этой идеи. Мне представляется, что юридическую науку нельзя любить по частям, по отраслям. Ее можно любить только в целом, проникнувшись глубоким уважением к юриспруденции как к нераздельной стихии, восплавав волшебной страстью к этой «девушке с завязанными повязкой очами», восстанавливающей равновесие мечом.

Любовь к юридической науке следует непременно рассматривать важнейшей целью ее популяризации. Любовь к науке бывает разная: «юношеская» и «зрелая». В объятиях юношеской любви можно попасть случайно, на волнах всеобщей популяризации юридической науки, а вот «зрелая» любовь — это награда за особые осознанные усилия, с помощью которых удалось заставить себя полюбить юридическую науку и в результате обрести благодать чувствовать ее особый дух, особый аромат, видеть особый узор, наслаждаться ее превосходством над другими науками. И в этом состоянии шуточный афоризм, некогда услышанный от моего Учителя профессора В. Т. Томина, — «юриспруденция — это не математика, здесь нужна точность» — воспринимается без всякой иронии, а с большим пиететом к юридической науке.

Подчеркну, что слово «заставить» (полюбить) здесь самое правильное. Стать милым для науки можно только насильно. Точнее — «усильно». Это любовь, которая требует немало особых усилий над собой. Любовь, которую нужно заслужить.

Есть формула: «нельзя научиться у того, кого не любишь». Из нее логически выводится другое допущение — «нельзя научить того, кого не любишь». Конечно, в этих фразах много от логики афоризма, но, несомненно, есть и рациональное зерно. Несмотря на то, что с приведенными формулировками я согласен лишь отчасти, не могу не признать, что любовь есть реальная движущая сила науки. Поэтому уместна будет и формула — «нельзя научить тому, что сам не любишь». По-настоящему полюбить науку можно только тогда, когда она ответит тебе взаимностью или хотя бы благосклонностью. Это любовь дружеская, а дружба не бывает безответной и неразделенной.

Здесь слово «научить» используется в самом возвышенном смысле слова. Научить — это значит облучить своей любовью. Как говорил профессор Н. Н. Завалишин (герой повести И. Грековой «Кафедра»), энтузиаст своего дела может дать ученикам гораздо больше, чем эрудит, а чтобы быть энтузиастом, нужно искренне верить в красоту и величие предмета, который преподаешь.

Эти слова мне глубоко запали в душу. И с недавних пор на слова «Красота и Величие» я смотрю как на свою цель и миссию в юридической науке и конкретно в ее уголовно-процессуальной отрасли. И передо мной явственно и неизбежно встает задача — заняться популяризацией юридической науки, в первую очередь для самого себя. Сделать эту науку втрое интересной и содержательной, открыть ее красоту и величие не только на уровне ума, но и на уровне души и сердца.

Тут напрашивается лозунг: «Ученый, популяризируй самого себя!», но понимать этот лозунг нужно не в ключе самопиара, а в смысле, который заключен в известной сентенции *cura te ipsum!* (с лат. — «врач, исцели себя сам!»). Популяризировать юридическую науку для себя самого и означает состояние некой особой наполненности и цельности, курс на избавление от пробелов. Именно для этой формы индивидуальной популяризации мной (а может и не мной) и был изобретен термин «аутопопуляризация», попавший в заголовок статьи.

Усилия по аутопопуляризации преследуют цель не личную, а общественную. Это самообразование с перспективами общественного распространения полученного знания. Популяризация для себя в конечном итоге трансформируется в популяризацию для всех. Юридическая наука не может жить и развиваться без популяризации, но для качественной популяризации ей нужны подлинные

энтузиасты, любящие науку и любимые ей. Энтузиаст и есть тот самый популяризатор юридической науки. Популяризатор не по обязанности, а по умению и призванию (предназначению), поэтому первейшая задача популяризации науки — это воспроизводство популяризаторов, создание среды, в которой бы они могли не просто выживать, но и процветать.

Популяризация — это романтическое направление юридической науки, поэтому и к аутопопуляризации нужно относиться особенно, с добрым чувством. Не забывать, что целью ее является любовь к науке, которая потом не будет храниться в «личном чулане», а станет всеобщим достоянием. Мы порой исходим из того, что все, кто пришел в науку, — любят ее самозабвенно. Любят по должности, по ученой степени, но опыт показывает, что это далеко не так — и не любят, и не понимают, но при этом занимаются наукой. В дом, где нет любви, приходит уныние и скука.

Аутопопуляризация неизбежно выводит искателя искренней любви к юридической науке на проблему ее депопуляризации. За этим непривычным словом скрывается совсем не страшный смысл. Под депопуляризацией мы понимаем возвращение прежней юридической культуры в те научные темы и отрасли, где она была утрачена или значительно ущемлена. Так, в уголовном процессе есть неисчерпаемая тема доказательств и доказывания. Старинные тексты дышат красотой и изяществом, пестрят юридическими формулами, смысл которых современному процессуалисту зачастую не ясен. А без этих формул трудно понимать суть доказательств, предпосылки их юридического значения.

Депопуляризация означает и пересмотр популярных научных заблуждений и идеологических штампов. Давно, например, пора полностью реабилитировать такие явления, как «теория формальной оценки доказательств», «розыскной тип процесса». Да и такое историческое явление, как «пытка», нужно подать в серьезном юридическом свете, а не в рамках популярной трактовки ужасов репрессивных явлений прошлых лет.

Популяризация юридической науки — явление разное. В нем много разных сил — светлых и темных, которые нужно держать в узде и гармонии. Настоящий ученый юрист должен искать любви в науке. Она скрывается не только в простоте, но и в сложности. Юриспруденция — это целый мир. И популяризация юридической науки — это необходимая форма существования и сохранения этого мира.

Репьев Артем Григорьевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России;

Репьева Анна Михайловна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника
организационно-аналитического отдела
Академии управления МВД России

Защита персональных данных в условиях цифровой трансформации юридической науки и образовательного процесса

В стенах Нижегородской академии МВД России 26 марта 2024 года состоялся межвузовский практический мотивационно-просветительский форум, главной темой которого стала популяризация юридической науки в нашем государстве. Прозорливость организатора данного мероприятия профессора В. М. Баранова снова искренне поразила. Дело в том, что следом, буквально через месяц в нашем государстве состоялся важный нормативный правовой акт (как для достижения общесоциальных целей, так и научных).

Речь идет об утверждении Президентом Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹. Фактически каждая из семи сформулированных национальных целей неминуемо должна опираться на научное

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 19.05.2024).

знание и фундаментальные основы образования. Как иначе, если и в деле укрепления здоровья и повышения благополучия людей, и в рамках поддержки семьи, реализации потенциала каждого человека, развития его талантов, воспитания патриотичной и социально ответственной личности, и тем более при создании комфортной и безопасной среды для жизни, обойтись без опоры на выработанные учеными и апробированные практической деятельностью технологии достижения нельзя.

При этом наука и конкретные знания (получаемые преимущественно в стенах образовательных организаций) должны быть доступными. В этом, как видится, главная миссия популяризации науки — глубокая социализация, внедрение в широкие массы населения. Следовательно, *тезис первый*: публичность науки, ее понятность для общества — одна из главных тенденций современности. Думается, многим известен посыл П. И. Капицы, полагавшего, что наука должна быть веселая, увлекательная и простая.

Сегодня действительно наука пошла в массы. Рекламные стенды, билборды, цифровые табло на улицах и в транспорте открыто транслируют *Science*-контент. Мастер-классы, научные челленджи, вебинары, лектории — одни из значимых сегментов мессенджеров и социальных сетей.

Отсюда *тезис второй*: лучшим средством, обеспечивающим популяризацию науки, в том числе юридика, является внедрение современных технологий, в первую очередь базирующихся на площадке мировой паутины, то есть увеличение массовой доступности сети «Интернет». Так, на сегодняшний день, по данным экспертов, свыше 80 % населения нашей страны имеют доступ к сети «Интернет», и этот показатель планируется довести до 90 % уже в ближайшие годы¹.

Однако любое социальное явление, как известно, имеет две стороны. Высокая доступность информационных технологий, повсеместное распространение искусственного интеллекта и умного регулирования и прочее создают немало рисков. Мы сейчас не будем говорить об угрозах отторжения личности, разрыве традиционных коммуникативных связей между людьми, укреплении бреши в бездуховности современного человека, основанного на мировоззрении эгоцентризма. Это уже само по себе презюмируется применительно к глубокому проникновению *IT*-гаджетов в нашу жизнь, и написано об этом достаточно. Мы попробуем привлечь внимание к организационно-правовой проблематике.

Так, *тезис третий*: тотальная цифровизация общественных отношений создает риски неправомерного (либо слабо контролируемого) распространения персональных данных. Следовательно, задача науки юридической в данном ключе сформировать необходимую нормативную основу, адекватную интерпретационную практику и непротиворечивое правоприменение, обеспечивающее защиту частной жизни, а если потребуется и деидентификацию личности. Для сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и других специальных субъектов — это крайне важный компонент обеспечения выполнения возложенных обязанностей. При этом особое внимание защите персональных данных в условиях цифровой трансформации юридической науки уделяется в рамках образовательного процесса. Данная гипотеза основывается на толковании подпункта «ж» пункта 1 вышеуказанного стратегического документа о национальных целях, в качестве одной из которых определена «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Сегодня каждая образовательная организация, будь то общеобразовательная или же высшая школа (на последней мы в большей степени сконцентрируем свое внимание) нацелена и с определенной степенью успешности реализует учебный и научный компонент посредством онлайн среды. Своего рода значительный импульс этим процессам обеспечила мировая пандемия *Covid-19*, побудившая многие сферы общественной жизни переориентироваться на удаленный режим деятельности.

Кроме того, обязанность продвигать электронные образовательные платформы прямо вытекает из интерпретации нормативного правового регулирования данной сферы. Остановимся на данном аспекте подробнее, используя в качестве примера образовательные организации системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В современной действительности и в повседневной деятельности в целях информационного обеспечения управления и в рамках продвижения электронного обучения, дистанционных технологий при реализации образовательных программ учебными заведениями, подведомственными МВД России, используются информационные системы автоматизации образовательного процесса

¹ См.: Мамонова Е. Почему важно популяризировать науку // Российская газета. 2020. 22 декабря.

(наиболее распространенные из них: «Деканат», «Нагрузка ВУЗа», «Портфолио» и т. д.). Эксплуатация данных платформ обеспечивает исполнение требований федеральных государственных образовательных стандартов и федеральных государственных требований по созданию электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя информационные технологии, технические средства, электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы¹.

Функционирование электронной информационно-образовательной среды предполагает накопление, хранение и обработку персональных данных в первую очередь курсантов, слушателей и адъюнктов. Это направлено на создание электронного портфолио обучающегося (включая научные достижения), фиксацию хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и итогов освоения программ, проведения процедур оценки результатов обучения, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий и пр.

Вопрос создания информационных систем, в том числе банков данных, их ведения и функционирования, обеспечения достоверности и актуальности содержащейся в них информации, а также ее защиты от неправомерного доступа и (или) уничтожения в организационно-правовом плане отнесен к полномочиям МВД России.

При этом перечень информационных систем персональных данных, операторы персональных данных, являющиеся государственными или муниципальными органами, в соответствии с требованиями постановления Правительства Российской Федерации от 21 марта 2012 года № 211², утверждаются актом руководителя государственного органа.

В соответствии с приказом МВД России от 21 декабря 2017 года № 949 «О некоторых мерах, направленных на обеспечение выполнения МВД России обязанностей, предусмотренных Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных»», определены цели обработки персональных данных в системе МВД России, в том числе в связи с поступлением в образовательные организации, находящиеся в ведении данного министерства (определено содержание персональных данных и соответствующие категории субъектов, персональные данные которых обрабатываются в системе МВД России).

К сожалению, в настоящее время отсутствует единый подход к обеспечению автоматизации образовательного процесса в образовательных организациях МВД России с использованием информационных систем, содержащих персональные данные. Это, в свою очередь, не только создает риски неправомерного доступа к личной информации о сотрудниках органов внутренних дел, но и их распространения. Кроме того, усложняет создание новых и использование уже существующих программных продуктов для совершенствования различных процессов деятельности.

До недавнего времени образовательными организациями системы МВД России самостоятельно разрабатывались соответствующие образовательные платформы и Web-сервисы при соблюдении законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации о государственной тайне и защите персональных данных. Этот процесс укладывался в общий посыл использования современных информационных технологий в образовательной деятельности.

Однако, осознавая присутствующие в данной плоскости риски, издано соответствующее распоряжение МВД России, регламентирующее вопросы защиты информации персональных данных, обрабатываемых в информационных системах МВД России. В рамках исполнения его требований, деятельность по созданию собственных сервисов была приостановлена. Кроме того, использование информационных систем, не входящих в состав Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России, не введенных в эксплуатацию приказом МВД России или не включенных в Перечень информационных систем, необходимых для обеспечения служебной деятельности подразделений МВД России, запрещено.

Данный нормативный документ вызывает дуалистичные эмоции.

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 года), ст. 16 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ч. I, ст. 7598; 2024. № 1, ст. 20.

² Об утверждении перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом «О персональных данных» и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами: постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2012 года № 211 (в ред. от 15 апреля 2019 года) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 14, ст. 1626; 2019. № 16, ст. 1957.

С одной стороны, императивная норма оправдана, поскольку у многих образовательных организаций системы МВД России отсутствует лицензия на деятельность по разработке и производству средств защиты конфиденциальной информации. Самостоятельное создание *Web*-сервисов предполагает нацеленность их функционала на обработку или содержание персональных данных сотрудников, работников, а также обучающихся. Для защиты указанной информации необходимо использование технологий обезличивания персональных данных, что, в свою очередь, подразумевает необходимость выполнения дополнительных требований законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также требований регуляторов (Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России, Федеральной службы безопасности России и других) в части защиты персональных данных.

С другой — имеющийся ведомственный запрет не совсем укладывается в тенденции современной правовой политики в области науки, образования и использования для этих социально-важных отношений информационных технологий. В частности, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко постулирует необходимость с юридической стороны продолжать работу по «устранению нормативно-правовых ограничений для разработки, внедрения и использования искусственного интеллекта»¹.

Принимая во внимание существующий запрет на самостоятельную разработку необходимых для учебного и научного процесса *IT*-платформ, образовательные организации МВД России предпринимали попытки закупки существующих программных продуктов, направленных на решение поставленных задач. Однако по результатам проведенного мониторинга рынка программ, отвечающих предъявляемым требованиям, либо не подобрано, либо они не отвечают специфике подготовки кадров для органов внутренних дел.

Между тем цифровизация не просто прочно вошла в систему государственного и муниципального управления, она постепенно становится их стержнем, несущей осью. Подготовка высококвалифицированного профессионального ядра для управленческой деятельности в правоохранительной системе, которые с большой долей вероятности уже в ближайшей перспективе будут вовлечены в процессы электронного правосудия, осуществления юридического консультирования чат-ботами и многое другое не может игнорировать существующие тенденции.

Резюмируя, укажем на несколько важных моментов.

Во-первых, использование достижений цифровизации в научном и образовательном процессах — важный компонент высшего образования, при чем не вступающий в противоречие, а, напротив, укрепляющий его фундаментальные основы. На электронных образовательных площадках вузов базируются не только учебно-методическая составляющая и наука-метрические элементы, но и система воспитания, просвещения в рамках высшей школы. Этот компонент, некогда утраченный, вновь возрождается, в том числе благодаря данному Указу Президента Российской Федерации².

Во-вторых, с учетом присутствующих глобальных вызовов нашему государству, система высшего образования и юридической науки приобретает особое значение в вопросах повышения суверенизации государства, достижения поставленных целей в части политической и экономической независимости. Ведомственные образовательные организации, подготавливающие специалистов в области национальной безопасности, менеджеров для системы государственного и муниципального управления, не имеют права отставать в вопросах применения высоких технологий. Даже промедление в этих вопросах неминуемо скажется на уровне компетенций соответствующих специалистов.

Наконец, в-третьих, для нахождения консенсуса между ускоряющимися тенденциями цифровизации образовательного процесса и необходимостью защиты персональных данных необходим взвешенный, сбалансированный подход. Он видится нам в следующем: определение головного агрегатора (в качестве такового для системы органов внутренних дел могла бы выступить Академия управления МВД России), которому могла бы быть предоставлена соответствующая лицензия на разработку соответствующего программного обеспечения, впоследствии пригодного для решения задач образовательных и научных организаций.

¹ См.: Капранов О. Дмитрий Чернышенко: Наша цель — стать самой комфортной регуляторной юрисдикцией для ИИ // Российская газета. 2024. 22 апр.

² См.: Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73989> (дата обращения: 21.05.2024).

Романовская Ольга Валентиновна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственно-правовых
дисциплин Пензенского государственного
университета

Правовая наука и юридическое образование сквозь призму реформ

Объявленная реформа высшего образования находится на пике общественных обсуждений. Начало санкционного режима затронуло многие аспекты международного сотрудничества — образование и наука не остались в стороне. Это обуславливает поиск путей выхода из сложившейся ситуации, а значит, и определяет национальный вектор развития всей гуманитарной сферы. Однако главная задача любой образовательной системы — подготовка высококвалифицированных специалистов, что должно определять цель любой реформы. Изменения не должны исходить из достижения внешнего результата, который может в течение непродолжительного времени подвергаться кардинальным трансформациям. Сущность и содержание реформ — создание эффективной модели передачи знаний (в самом широком смысле этого слова). Данный тезис подтверждается также понятием образования, которое можно найти в статье 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

В конце XX века преобразования системы высшего образования строились на принципах Болонской модели. Болонский процесс штудировался как основа всех последовавших преобразований. По-видимому, необходимо сделать несколько уточнений.

Точка отсчета Болонского процесса — 1 июля 2000 года. С этой даты для Российской Федерации вступила в силу Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (далее — Конвенция) (заключена в городе Лиссабоне 11 апреля 1997 года). Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 4 мая 2000 года № 65-ФЗ «О ратификации Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе». Процедура денонсации Конвенции не запущена. Каких-либо официальных объявлений на этот счет произведено не было.

Болонский процесс получил название по городу Болонья (Италия), в котором проходило совещание министров образования 29 стран Старого Света, закончившееся принятием Декларации о создании общеевропейского пространства высшего образования от 19 июня 1999 года.

Предпосылками принятия декларации (а затем и Конвенции) послужили интеграция экономик европейских стран, понимание Европы как единого пространства, повышение мобильности трудовых ресурсов, потребность в увеличении конкурентоспособности европейской системы образования и др. В декларации отмечается: «Мы являемся свидетелями возрастающего понимания все большей части политического и академического мира в потребности установления более тесных связей во всей развивающейся Европе, в формировании и укреплении ее интеллектуального, культурного, социального и научно-технологического потенциала». В документе также определены цели, к которым будут стремиться страны-участники:

- принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней, в том числе через внедрение Приложения к диплому;
- принятие системы, основанной по существу на двух основных циклах — постепенного и постепенного. Доступ ко второму циклу будет требовать успешного завершения первого цикла обучения продолжительностью не менее трех лет;
- внедрение системы зачетных единиц по типу *ECTS* — европейской системы перезачета зачетных единиц трудоемкости, как надлежащего средства поддержки крупномасштабной студенческой мобильности;
- содействие мобильности путем преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения и др.

Рабочим органом Болонского процесса выступает Европейское пространство высшего образования (далее — ЕПВО), где высшим руководящим органом является Конференция министров образования стран ЕПВО. Периодичность заседаний — один раз в два – три года. Ближайшее должно пройти летом 2024 года в Албании.

Иными словами, главная цель Болонского процесса — создание единого европейского образовательного пространства (формы и методы достижения цели вторичны). Интеграция европейских стран, интернационализация правовых систем стали условиями Болонского процесса. Не вдаваясь в подробности всего происходящего в Старой Европе, можно задаться иным вопросом: завершен ли процесс единого образовательного пространства в Российской Федерации? Достаточно рассмотреть вопрос перевода студента из одной образовательной организации в другую (кто напрямую сталкивался с такими ситуациями, прекрасно понимает, о чем идет речь и тех сложностях с переаттестацией и перезачетами), чтобы убедиться в сложностях получения образования в разных образовательных организациях по системе сложения зачетных единиц трудоемкости. Болонский процесс предполагает, что студент должен быть мобильным. Это его одна из главных задач. Можно ли указывать на мобильность российского студенчества? — вопрос с далеко не однозначным ответом.

Одним из последствий Болонского процесса стало разделение на уровни образования, что изначально не нашло поддержки ни у работодателей, ни у родителей абитуриентов. Более того, понимание такого разделения отсутствует до сих пор. В середине 90-х годов XX века было достаточно распространено мнение, что магистры — это кадры, подготавливаемые для научной деятельности, некий переход от высшего образования к ученой степени кандидата наук. Сейчас магистратура многими рассматривается как высшее образование, но с неким бонусом. К тому же возможность получения магистерского диплома стала кратким путем для приобретения юридического образования. Для поступления в магистратуру необязательно освоить юридическую программу бакалавриата или специалитета. Дискуссии на эту тему ведутся длительное время, но они так и не привели к логичному результату: введению ограничений для лиц, не имеющих профильного образования.

К бакалаврам всегда присутствовало двойственное отношение. С одной стороны, бакалавр — это такой же специалист с высшим образованием, что лишало смысла получения образования в специалитете и магистратуре. Трата времени приводит к одинаковому результату на выходе. При обучении на коммерческой основе бакалавриат выступает еще и формой экономии денежных средств. С другой стороны, некоторые работодатели, наградив эпитетом «бакалейщики», считали, что студент должен проучиться не менее пяти лет, чтобы его можно было воспринимать как подготовленного работника, способного решать соответствующие профессиональные задачи.

Если подвести общий итог, то можно уверенно заявить: в российском обществе не сформировалось понимание разделения на уровни образования. Не способствует пониманию и введение профессиональных стандартов. В области профессиональной деятельности — 09 Юриспруденция (утверждена приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2014 года № 667н) принято всего четыре профессиональных стандарта:

- 09.001 Следователь-криминалист;
- 09.002 Специалист по конкурентному праву;
- 09.003 Специалист по операциям с недвижимостью;
- 09.004 Специалист в сфере предупреждения коррупционных правонарушений.

Ни один из них не охватывает массовый вид юристов как профессиональных работников. Подобное отношение к «быстроте» принятия профессиональных стандартов отчасти происходит в силу того, что во многих законах, определяющих особенности юридической профессии, изначально заложены требования к уровню образования. Например, Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет, что квалификационные требования к образованию сотрудника устанавливаются для разных категорий должностей Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2019 года № 618 «О некоторых вопросах прохождения службы сотрудниками органов принудительного исполнения Российской Федерации» и приказом Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации от 17 января 2020 года № 102 «Об установлении квалификационных требований...». Подробное описание квалификационных требований в указанных нормативных актах не способствует принятию профессиональных стандартов, поскольку потребность в них носит минимальный характер, тем самым снижается и обозначенная связь образовательных стандартов с профессиональными стандартами. Законодатель изначально выбрал иную модель формирования системы квалификационных требований для лиц, претендующих на юридическую профессию.

Дополнительные сложности в анализе юридического образования создают внутренние разделения. Так, в системе бакалавриата действуют два ФГОС ВО по укрупненной специальности «Юриспруденция»:

— 40.03.01. Юриспруденция, утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 года № 1011;

— 40.03.02. Обеспечение законности и правопорядка, утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27 июля 2021 года № 677.

В специалитете уже четыре:

— 40.05.01. Правовое обеспечение национальной безопасности;

— 40.05.02. Правоохранительная деятельность;

— 40.05.03. Судебная экспертиза;

— 40.05.04. Судебная и прокурорская деятельность.

В магистратуре разделение отсутствует. Действует единый ФГОС ВО магистратура по направлению подготовки 40.04.01. Юриспруденция, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25 ноября 2020 года № 1451.

Обратим внимание, что в каждом стандарте — единая область профессиональной деятельности: 09. Юриспруденция. В каждом стандарте есть уточнение: «Выпускники могут осуществлять профессиональную деятельность в других областях профессиональной деятельности и (или) сферах профессиональной деятельности при условии соответствия уровня их образования и полученных компетенций требованиям к квалификации работника».

Вопросы возникают при сопоставлении Карты компетенций по всем уровням высшего образования. Так, Перечень общепрофессиональных компетенций бакалавриата 40.03.02. Обеспечение законности и правопорядка и специалитета 40.05.01. Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02. Правоохранительная деятельность практически идентичен. Более того, практически при полном совпадении общепрофессиональных компетенций при обучении по специальности «Правоохранительная деятельность» обучающийся освоит 13 компетенций, а при обучении по специальности «Национальная безопасность» — 9. Иными словами, в первом случае за пять лет осваивается больше общепрофессиональных компетенций, что вызывает логичные вопросы к специальности «Национальная безопасность»: в чем ее специфика? Если осваивается меньше компетенций, то применим ли уровень специалитета? Аналогичные вопросы возникают при сопоставлении компетенций бакалавриата и специалитета.

Создается впечатление, что составители стандартов не понимали разницу по многим компетенциям, которая бы различала обучающихся в зависимости от получения ими уровня образования. Например, ОПК–4 в категории «Толкование права» в бакалавриате звучит: «Способен профессионально толковать нормы права», а в категории «Толкование права» в магистратуре ОПК–3: «Способен квалифицированно толковать правовые акты, в том числе в ситуациях наличия пробелов и коллизий норм права». Содержательная сторона компетенций практически идентична.

Сопоставление программы специалитета по специальности 40.05.04. Судебная и прокурорская деятельность с иными программами специалитета в части анализа общепрофессиональных компетенций также вызывает некоторое недоумение, поскольку в этой программе решили выделить только категорию «Теоретические и практические основы профессиональной деятельности», в которой изложены девять компетенций. В иных программах специалитета — пять (шесть) категорий. При этом сами ОПК также во многом совпадают. Например, ОПК–2 в специальности 40.05.04: «Способен определять правовую природу общественных отношений, профессионально квалифицировать факты и правоотношения»; ОПК–4 в специальности «Правоохранительная деятельность»: «Способен оперировать основными общеправовыми понятиями и категориями, анализировать и толковать нормы права, давать юридическую оценку фактам и обстоятельствам».

Некоторый парадокс существует с ФГОС ФО по специальности «Судебная и прокурорская деятельность». Первоначально специальность была введена в 2017 году (приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 16 февраля 2017 года № 144), когда появился ФГОС ВО третьего поколения (так называемый 3+). Сейчас действует ФГОС ВО 3++, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 18 августа 2020 года № 1058. При этом общепрофессиональные компетенции не отражают специфики подготовки будущих работников прокуратуры и будущих судей. Профессиональные компетенции должны отталкиваться от профессиональных стандартов, утверждение которых

маловероятно в силу того, что требования к судьям и работникам прокуратуры определены специальными законами:

— Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации»;

— Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации».

Закон о статусе судей устанавливает, что судьей может быть гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «Магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция». Соотношение указанной нормы и наименования специальности показывает, что лицо, окончившее высшее учебное заведение по специальности «Судебная и прокурорская деятельность», не имеет права претендовать на должность судьи. Не исправит ситуацию даже получение квалификации магистра по специальности «Юриспруденция», поскольку Закон четко указывает на обязательность наличия двух уровней образования: бакалавриата, а затем магистратуры. Напомним, что такая специальность существует в образовательном пространстве Российской Федерации уже более пяти лет, что не привело к внесению изменений в законодательстве о статусе судей.

На данную нестыковку постоянно обращают внимание в юридическом научном сообществе. Е. В. Бурдина отмечает «...потребность в более широкой трактовке образовательного ценза»¹. С. С. Харитонов считает, что данный пробел можно решить с помощью принятия профессионального стандарта, однако данный документ утверждается Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации². Он по определению не может скорректировать федеральный закон.

О. И. Виляк подчеркивает, что «...решающее значение для определения требований, предъявляемых к образованию претендентов на должности судей (как, впрочем, и представителей иных профессий) имеет не столько наименование специальности, по которой претендент должен получить высшее юридическое образование, сколько ее содержательные характеристики, позволяющие оценить профессиональный уровень и качество образования»³. Данный тезис не утрачивает свою актуальность, поскольку объявленная реформа высшего образования затрагивает смену наименований уровней образования, что автоматически приведет к полному пересмотру федеральных государственных образовательных стандартов. Появление новых уровней обусловит необходимость внесения изменений в Закон о статусе судей, который четко привязан к двухуровневой системе «бакалавриат + магистратура».

Таким образом, совершенствование юридического образования необходимо начать с его универсализации в той части, в которой это прослеживается и в настоящее время, при реализации компетентностного подхода к структуре образовательного процесса. Это приведет к ликвидации дублирующих специальностей и появлению одной базовой программы — «Юриспруденция», в рамках которой любой студент должен получить универсальные и единые для всех общепрофессиональные компетенции. Дальнейшая специализация должна происходить в зависимости от того, какую профессиональную направленность выберет выпускник. Будет ли это происходить в рамках магистратуры или специализаций — это вопрос уже является частным, не влияющим на принципиальный подход создания единого юридического образовательного пространства.

¹ Бурдина Е. В. Конституционно-правовое содержание требования об образовании кандидатов в судьи // Российский судья. 2021. № 2. С. 41–46.

² См.: Харитонов С. С. Об оправданности требований к образовательному цензу для кандидата на должность военного судьи // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 2. С. 33–37.

³ Виляк О. И. О конституционализации юридического образования // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 3–16.

Румянцев Федор Полиектович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры трудового
и экологического права
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

О значении юридической науки в обеспечении публичных интересов в сфере современного лесопользования

Использование лесных ресурсов на протяжении всей истории существования и развития России было актуальным и высоко значимым, поскольку как никакой иной природный объект леса выполняют крайне важную климатообразующую функцию, а как природный ресурс имеют многостороннее хозяйственное применение, начиная от использования лесной древесины в качестве высоко востребованного, непревзойденного по своим экологическим характеристикам строительного материала при возведении жилых строений и заканчивая традиционным использованием лесной древесины в качестве экологически безопасного вида топлива, используемого гражданами, проживающими в сельской местности, в негазифицированных населенных пунктах для отопления жилых строений в условиях достаточно сурового климата на значительной части территории нашей страны. Кроме указанных двух базовых значений, лесной ресурс широко используется в иных целях, полный перечень которых, согласно статье 25 Лесного кодекса Российской Федерации¹ (далее — ЛК РФ), предусматривает 15 видов использования лесов для обеспечения ведения хозяйственной и иной деятельности.

Исходя из высокой значимости лесов, правовое регулирование их использования должно обеспечивать достижение в первую очередь публичных интересов, направленных не только на пополнение бюджетов федерального и муниципального уровней, получаемое от передачи лесов в коммерческое использование на договорной и иной правовой основе субъектам предпринимательской деятельности, но и на сбалансированное восстановление площадей вырубленных ценнообразующих пород лесных культур, исключение от необоснованно преждевременных предоставлений лесных насаждений, не достигших продуктивной спелости; обеспечение получения объективной информации о количественных и качественных характеристиках произрастающих в границах государственного лесного фонда древесных культур; усиление защиты лесов от пожаров, наносящих ежегодно государству колоссальные убытки, и ряд иных важных целей и задач.

По ряду отдельных видов использования лесов считаем целесообразным внести определенные изменения в действующие законодательные нормы, что позволит, по нашему мнению, обеспечить повышение защиты публичных интересов. В частности, в целях усиления достижения финансовой эффективности от использования лесных ресурсов надлежит изменить действующую регламентацию использования лесов для строительства и реконструкции линейных объектов. Данный вид лесопользования регулируется положениями статьи 45 ЛК РФ, согласно которой в случаях использования лесов в целях прокладки линий электропередач, газо- и нефтепроводов, линий связи, строительства и реконструкции автомобильных и железных дорог лесные участки могут передаваться как с предоставлением, так и без предоставления перечисленным линейным организациям, относящимся к субъектам естественных монополий.

По действующим правилам² передачу лесных участков для строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов рекомендуется осуществлять в первую очередь за счет нелесных земель, а в случаях отсутствия таковых — за счет лесных земель, на которых произрастают наименее ценные лесные насаждения. Реализовать на практике указанную рекомендательную норму

¹ Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50, ст. 5278.

² Об утверждении Правил использования лесов для строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов и Перечня случаев использования лесов для строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов без предоставления лесного участка, с установлением или без установления сервитута, публичного сервитута: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 10 июля 2020 года № 434. Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.05.2024).

крайне сложно либо зачастую невозможно, поскольку проект прокладки планируемой линейной коммуникации основывается наряду с документами территориального планирования на критерии ее финансовой доступности, предусматривающей исключение по возможности любых увеличений протяженности и иных дополнительных затрат на ее создание, в связи с чем траектория прокладки коммуникаций планируется по варианту максимально короткого расстояния. Для снижения финансовых затрат на создание линейных коммуникаций по наиболее коротким расстояниям законодатель предусмотрел допустимость на передачу для таких целей лесных участков, входящих в состав лесного фонда и подпадающих в траекторию планируемого строительства и реконструкции линейных объектов.

Следует отметить, что при разработке большинства проектов строительства линейных коммуникаций приходится учитывать необходимость соблюдения не только значительного количества градостроительных, строительных, экологических и иных требований при выполнении технологических работ в процессе прокладки таких объектов, но и руководствоваться социальной и хозяйственной значимостью строительства линейной инфраструктуры, необходимой для создания и улучшения условий жизнеобеспечения населения, проживающего на данной территории, а также на развитие межмуниципальных, межрегиональных и межгосударственных хозяйственных и иных видов отношений. Действующая редакция статьи 20 ЛК РФ содержит положения об использовании лесов в целях строительства линейных коммуникаций на передаче лесных ресурсов, подлежащих сплошной вырубке в границах охранный зоны возводимых линейных объектов, в государственную собственность. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 23 июля 2009 № 604 «О реализации древесины, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со статьями 43–46 Лесного кодекса Российской Федерации»¹ линейная организация осуществляет на основе полученного разрешения исполнительного органа государственной власти на передачу лесных участков без предоставления лишь вырубки лесной древесины с последующей ее передачей государству.

Правоприменительная практика, сформировавшаяся на протяжении 17 лет с момента принятия (4 декабря 2006 года) новой редакции ЛК РФ, позволяет сделать оценку о не вполне удачном подходе законодателя в вопросе распоряжения государственной собственностью на заготовленную в границах траектории строительства линейных коммуникаций лесную древесину. Низкая степень обеспечения защиты публичных интересов выражается в данном случае в возникновении у государства необоснованных финансовых потерь от реализации заготовленной древесины, которая по причине длительности ее продажи через процедуру организации и проведения торгов существенно утрачивает свои товарные свойства, зачастую превращаясь из ценной дорогостоящей деловой древесины в полусгнившие неликвидные дрова. Разработчик действующей правовой модели распоряжения федеральной лесной собственностью не учел неустранимое волеизъявлением субъектов лесных правоотношений влияние сезонно-климатического фактора погодных условий, от воздействия которых ценный, высоко ликвидный заготовленный лесной ресурс неизбежно утрачивает частично, а зачастую и практически полностью свои товарные свойства.

Следует подчеркнуть, что в данном случае действующее нормативное регулирование *одновременно* отрицательно сказывается и на предпринимательских интересах самих линейных организаций, реализующих проекты строительства и реконструкции автомобильных, железных дорог, газо-, нефтепроводов, линий электропередач. Коммерческий интерес линейных организаций потенциально может состоять в получении коммерческой прибыли от реализации древесины, заготовленной при подготовке охранный зоны для строительства запланированных коммуникаций. Данное утверждение основывается на целесообразности одновременно с получением разрешения на строительство линейных коммуникаций передавать в собственность субъекта естественных монополий непосредственно и сами лесные ресурсы, вырубаемые в границах траектории прокладки линейных объектов. При таком варианте регулирования будет обеспечиваться возможность на непосредственную реализацию древесины с места ее заготовки или временного складирования без каких-либо значительных временных пауз, не позволяющих осуществлять сделки по ее отчуждению потенциальным покупателям. При этом следует отметить, что в силу высокой ликвидности

¹ О реализации древесины, которая получена при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда, в соответствии со статьями 43–46 Лесного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 23 июля 2009 года № 604 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30, ст. 3840.

и возросшего спроса в условиях стимулирования государством малоэтажного строительства на строительные материалы, изготовленные из древесины, не будет возникать проблем у заготовителя по ее продаже по реальной рыночной стоимости. Государство будет получать при таком варианте регулирования существенно более высокую прибыль, поскольку будет обеспечено сохранение высоких товарных качеств древесины, вырубленной в процессе подготовки полосы отчуждения для прокладки линейных коммуникаций. В связи с указанным законодательным недостатком считаем оправданным с точки зрения повышения степени защиты обеспечения публичных интересов внести в часть 2 статьи 20 ЛК РФ изменения, предусмотрев переход права собственности на древесину, заготовленную при использовании лесов, расположенных на землях лесного фонда в целях, установленных статьями 43–46 ЛК РФ, субъектам хозяйственной деятельности, осуществляющим указанные виды лесопользования.

Также считаем принципиально важным изменение регулирования процедуры проведения государственного лесоустройства, поскольку в данном вопросе по настоящее время над публичными интересами преобладают интересы лесного бизнеса. Внесение давно назревших изменений по замене наземных трудоемких способов проведения таксации лесов на применение беспилотных летательных аппаратов позволит: во-первых, существенно сэкономить федеральные бюджетные средства, выделяемые государством на проведение плановых лесоустроительных работ; во-вторых, значительно (в разы) сократить сроки, отводимые на проведение государственного лесоустройства, и, в-третьих, позволит достичь главную цель — получить объективно-достоверные, актуальные данные о количественных и качественных характеристиках лесных ресурсов, произрастающих на землях лесного фонда, что особенно важно в условиях тотальной цифровизации хозяйственных и иных видов правоотношений.

Наряду с предложенными рекомендациями считаем обоснованным внести в статью 123 ЛК РФ, редакция которой предусматривает использование лесов, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, в соответствии с целевым назначением этой категории земель¹. Данное законодательное установление вызывает на практике многочисленные вопросы у правоприменителей, поскольку в фактически существующих масштабах площадей сельхозугодий, заросших более чем на 40 млн га лесами, не вполне понятно законодательное предписание обеспечить дальнейшее их использование для нужд сельского хозяйства, поскольку несопоставимы указанная цель и фактические площади лесов². Данная нормативное установление не соответствует научно обоснованному подходу по обеспечению создания условий для рационального использования лесных ресурсов, позволяющих системно приносить государству весомые финансовые поступления от передачи их в коммерческое использование. В таких масштабах, безусловно, такие леса не могут быть использованы для целей сельскохозяйственного производства, они объективно должны быть средством производства в лесном хозяйстве. В связи с чем считаем необходимым ускорить законотворческую деятельность по упрощению перевода сельскохозяйственных земель в земли лесного фонда с установлением моратория на предоставление их под сплошные вырубки на протяжении не менее 10 лет для достижения хотя бы возраста приспевающих лесов.

¹ Румянцев Ф. П. Теоретико-правовой анализ легального определения понятия «невостребованная земельная доля» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 65–69.

² Липски С. А. «Позиционирование» Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», суть изменений, внесенных в него за 20 лет его действия: сборник материалов международной научно-практической конференции (к 20-летию вступления в силу указанного Закона) / сост. С. А. Липски, А. В. Фаткулина. Москва, 2023. С. 166–174.

Середа Ирина Михайловна,
 доктор юридических наук, профессор,
 заведующий кафедрой уголовного права
 и криминологии Иркутского
 института (филиала)
 Всероссийского государственного
 университета юстиции,
 член квалификационной комиссии
 Адвокатской палаты Иркутской области;

Румянцева Юлия Николаевна,
 кандидат экономических наук,
 кандидат юридических наук, доцент,
 заведующий кафедрой гражданского права
 и процесса Иркутского института (филиала)
 Всероссийского государственного
 университета юстиции
 (РПА Минюста России);

Каландаришвили Христина Александровна,
 кандидат юридических наук,
 доцент кафедры уголовного права
 и криминологии Иркутского института (филиала)
 Всероссийского государственного
 университета юстиции
 (РПА Минюста России)

О роли «научного туризма» при обеспечении права на защиту в современной юридической науке и практике

«Научный туризм» на международном уровне является уникальным видом путешествий, который предполагает участие в исследованиях в самых разных сферах. Международное профессиональное сотрудничество в сфере юриспруденции активно развивается и вызывает интерес не только у представителей непосредственно научного сообщества, но и все чаще привлекает внимание практических работников.

Адвокатская палата Иркутской области старается соответствовать данным тенденциям и активно взаимодействует с коллегами, обсуждая профессиональные вопросы в рамках взаимных визитов. Так, за без малого десять лет уже имеется опыт профессиональных обменов с Францией, Нидерландами, Южной Кореей, Грузией, Арменией и другими странами. Значение таких поездок для развития в профессиональной сфере сложно переоценить, поскольку они дают возможность существенно расширить кругозор, границы профессионального и общечеловеческого сознания, узнать о других правовых системах, тенденции современной юридической науки и практики, обсудить сложные профессиональные вопросы с коллегами. Традиционно в подобного рода поездках участвуют не только адвокаты, но и студенты, представители научного сообщества. Учебная часть поездки удачно сочетается с туристической программой, посещением достопримечательностей, знакомством с национальной кухней¹.

Одним из наиболее часто обсуждаемых вопросов в таких поездках становятся проблемные аспекты реализации прав подозреваемого и обвиняемого на защиту, предоставления бесплатной юридической помощи, судебного представительства и др. Так, обсуждаются теоретические подходы, научные парадигмы и практический опыт, существующий в рамках конкретной правовой системы.

В 2017 году состоялся учебный визит делегации Адвокатской палаты Иркутской области в Совет Европы и Европейский суд по правам человека (г. Страсбург, Французская Республика). Данный визит явился логическим продолжением курсов HELP по программе допустимости доказательств

¹ Международные связи позволяют существенно расширить собственный кругозор. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/mezhdunarodnye-svyazi-pozvolayut-sushchestvenno-rasshirit-sobstvennyy-krugozor/> (дата обращения: 01.05.2024).

в уголовном процессе, которые были проведены с участием представителей Федеральной палаты адвокатов РФ и Адвокатской палаты Ставропольского края. Программа позволила за короткое время получить представление о деятельности органов Совета Европы и европейском правосудии. Любопытно было узнать, что для ЕСПЧ существует проблема единообразия судебной практики, которая решается путем привлечения в процесс подготовки решений специальных консультантов. Цель их работы — возможное избежание противоречивых подходов при рассмотрении аналогичных дел¹.

В 2018 году делегация Адвокатской палаты Иркутской области посетила Республику Южная Корея. Делегацию принимали руководители и судьи Верховного Суда, прокуратуры и Адвокатской палаты провинции Чунгбук. Практический аспект визита также содержал возможность присутствия на судебном заседании в суде апелляционной инстанции и был удачно дополнен научными мероприятиями. Так, в университете провинции проведен международный симпозиум по темам, посвященным системе юридического образования, а также особенностям расторжения брака в России и Республике Корея. Со своими докладами выступили иркутские адвокаты и одновременно ученые-правоведы. Интересно отметить, что правом на судебное представительство в уголовном и в подавляющей части гражданского судопроизводства в Корее наделены исключительно адвокаты².

В октябре 2022 года с научно-практической целью делегация Адвокатской палаты Иркутской области побывала в Республике Армения и Республике Грузия. Предметом изучения, помимо прочих вопросов, был действующий в Армении порядок оказания субсидируемой юридической помощи, который существенно отличается от российского института защиты по назначению. Армянские адвокаты, оказывающие такую помощь, получают фиксированную оплату, приравненную к окладу прокурора города Ереван. Для участия в системе адвокат должен пройти конкурсный отбор. Работа в сфере бесплатной юридической помощи исключает для адвоката возможность собственной частной практики³.

В свою очередь и мы хотели бы поделиться с читателями собственным пониманием одного из наиболее существенных, на наш взгляд, вопросов — реализации прав подозреваемого и обвиняемого на защиту в контексте действующего отечественного законодательства. Представленный обзор основных элементов указанного права не претендует на высокую степень научной новизны и оригинальности и вместе с тем вполне соответствует материалам той дискуссии, которая открывалась по вопросу обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту в различных странах, которые мы посетили.

Принцип обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту является конституционным, судопроизводственным, уголовно-процессуальным принципом, первичное закрепление которого реализовано в ст. 45 и 48 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ)⁴. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ)⁵ данный принцип закреплен в статье 16 и предусматривает следующие положения:

1. Подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя.
2. Суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами.
3. В случаях, предусмотренных УПК РФ, обязательное участие защитника и (или) законного представителя подозреваемого или обвиняемого обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу.
4. В случаях, предусмотренных УПК РФ и иными федеральными законами, подозреваемый и обвиняемый могут пользоваться помощью защитника бесплатно.

¹ Вид на Страсбург из Сибири. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/vid-na-strasburg-iz-sibiri/> (дата обращения: 01.05.2024).

² Иркутск — Сеул — Кенджу. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/irkutsk-seul-kyendzhu/?ysclid=lwg3vhd uk1304899028> (дата обращения: 03.05.2024).

³ Международные связи позволяют существенно расширить собственный кривозор. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/mezhdunarodnye-svyazi-pozvolyayut-sushchestvenno-rasshirit-sobstvennyy-krugozor/> (дата обращения: 01.05.2024).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2024).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года. № 174-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ст. 4921.

Смысловое наполнение данного принципа — определение возможностей обвиняемого (подозреваемого) по защите от обвинения (подозрения). Таким образом, безусловную взаимосвязь можно проследить между принципом презумпции невиновности и принципом обеспечения подозреваемому обвиняемому права на защиту. Как верно указывал в свое время М. С. Строгович, «право обвиняемого на защиту является интегрированным выражением всей совокупности принадлежащих обвиняемому процессуальных прав, осуществляя которые он может защищаться от предъявленного ему обвинения, оспаривать его, приводить доказательства и доводы в свое оправдание или для смягчения своей ответственности»¹. Отступление от презумпции невиновности неизменно влечет за собой нарушение права обвиняемого на защиту, как, в свою очередь, нарушение права обвиняемого на защиту обязательно ведет к нарушению презумпции невиновности.

Важнейшие правоприменительные аспекты реализации рассматриваемого принципа раскрыты в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»².

Так, основополагающими непосредственно по вопросу участия защитника в уголовном судопроизводстве являются следующие указания Пленума Верховного Суда Российской Федерации: 1) по смыслу статья 16 УПК РФ обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях (п. 1); 2) если при рассмотрении дела в отсутствие обвиняемого в соответствии с частью 4 статьи 247 УПК РФ защитник не приглашен самим обвиняемым, его законным представителем или другим лицом по поручению обвиняемого, то суд в целях обеспечения состязательности и равноправия сторон и права обвиняемого на защиту принимает меры к назначению защитника (п. 9); 3) если обвиняемым заявлено ходатайство об отложении судебного заседания для приглашения избранного им защитника, то обвиняемому следует разъяснить, что в силу положений части 4 статьи 50 УПК РФ при неявке приглашенного им защитника в течение 5 суток либо в течение иного более длительного, но разумного срока со дня заявления такого ходатайства, суд вправе предложить обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае отказа принять меры по его назначению (п. 12).

Развитие основных постулатов принципа обеспечения подозреваемому обвиняемому права на защиту реализуется также за счет позиций Конституционного Суда РФ. Так, основополагающим из соответствующих позиций следует признать ту, согласно которой право на пользование услугами адвоката (защитника) не связано с приобретением конкретного официального статуса в уголовном судопроизводстве. Согласно указаниям Конституционного Суда РФ можно признать право пользования помощью адвоката (защитника) каждому лицу с момента, когда в отношении него в уголовном судопроизводстве начинается осуществляться публичное уголовное преследование в любых его формах, а также когда в целях его изобличения производятся те или иные следственные действия или предпринимаются меры принудительного характера, реально ограничивающие свободу и личную неприкосновенность лица независимо от его процессуального статуса³.

Таким образом, конституционный, судопроизводственный, уголовно-процессуальный принцип обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту действует на всех стадиях уголовного судопроизводства, является элементом системы гарантий, распространяющихся на каждое лицо с момента, когда в отношении него в уголовном судопроизводстве начинается осуществляться публичное уголовное преследование в любых его формах, обеспечивающих в том числе участие профессионального защитника (адвоката) в уголовном судопроизводстве. Международный опыт его реализации вне зависимости от политического устройства государства и его социально-экономического положения, безусловно, еще не раз привлекут внимание многих исследователей как в России, так и за рубежом.

¹ Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. Москва, 1984. С. 68

² О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

³ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года № 11-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.

Скоробогатов Андрей Валерьевич,

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства
и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета
имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП);

Скоробогатова Анна Ильдаровна,

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой педагогической психологии
и педагогики Казанского инновационного
университета имени В. Г. Тимирязова

Юридическая наука в аксиологическом измерении

Современная эпоха характеризуется усилением значения аксиологического фактора не только в сфере философского знания о мире, но и научного, в том числе юридического. Ярче всего эта тенденция прослеживается в симбиотическом сочетании философии права и общетеоретической юриспруденции, все больше приобретающей инновационный характер¹. В меньшей степени это прослеживается на уровне отраслевых юридических наук, хотя и здесь усиление ценностного начала постепенно проявляется. Однако речь идет не только о наполнении юриспруденции аксиологическим содержанием, но и трансформации роли науки в обществе, позволяющей наряду с социальным и практическим аспектом выделить ценностный.

Юридическая наука как система знаний о закономерностях и особенностях возникновения, развития и функционирования правовой реальности способна не только описать существующую действительность, но и объяснить инструментальное и коммуникативное значение права в жизни человека. Последнее предполагает необходимость расширения исследовательского поля юриспруденции, включения в него не только нормативно-инструментального, но и ценностного компонента, позволяющего изучить особенности воздействия тех или иных правовых явлений на сознание и поведение индивида, интенциональность и содержание его правовых взаимодействий в обществе². В значительной степени это обусловлено не только внутренней логикой развития самой юридической науки, но и усилением ценностного начала в правовой реальности в условиях прокси-войны, которую Запад ведет против России.

Динамический характер современной жизни и противоречивые общественные реалии ставят перед отечественной юридической наукой новые задачи. Важной задачей, стоящей перед отечественной юридической наукой на современном этапе, является разработка действенных юридических конструкций, органично сочетающих в себе инструментальный характер нормативного регулирования и традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности как аксиологическую основу правовой реальности.

Если советская юриспруденция, несмотря на ее опору на марксистско-ленинскую методологию, априорно предполагала, что научное знание должно было быть лишено оценочных суждений, а в объекте исследования не должны были выделяться ценностные характеристики, преимущественное внимание уделялось онтологическим аспектам, то сегодня происходит определенная переориентация в сторону усиления аксиологического начала. Хотя основные постулаты научного знания сохраняют свои позиции, в определенных случаях признается допустимым отказ от объективности познания, особенно когда речь заходит о формировании ориентиров человеческого поведения для качественного нормирования и упорядочения социальной жизни³. Конструируемое при этом интерсубъективное знание как конвенциональный результат горизонтальной коммуникации научного сообщества не только призвано объяснить правовую реальность, но и выразить ценностное отношение к ней со стороны данной социальной группы. Дальнейшая трансляция этого знания в про-

¹ Веденеев Ю. А. Юриспруденция традиций и новаций эпохи постмодерна в поисках себя // *Lex russica*. 2024. Вып. 7 7(1). С. 154.

² Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избр. труды. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2014. С. 70–89.

³ Летов О. В. Проблема научной объективности: от постпозитивизма к социальным исследованиям науки и техники // *Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия*. 2012. № 4. С. 47–59.

цессе вертикальной коммуникации расширяет число лиц, воспринимающих данное знание, а не только закреплённую в законе норму в качестве средства формирования ценностных ориентиров правосознания и правового поведения. При этом участие ученых-юристов в правотворческом и правоприменительном процессе как в качестве непосредственных субъектов, так и консультантов позволит, с одной стороны, сциентифицировать эти области вертикальной коммуникации, а с другой — усилить воздействие юриспруденции на правовую реальность.

Однако в условиях информатизации происходит трансформация научной коммуникации, которая все больше приобретает горизонтальный и квазигоризонтальный характер. В последнем случае адресат, разделяя позицию адресанта, воспринимает себя сопричастным не только к реализации и рефлексии этой позиции, но и ее конструированию. Следствием этого становится не только увеличение научного плагиата и изменение требований научной этики, но и конструирование юридического гипертекста (в его литеральной и визуальной форме), объединяющего онтологические, аксиологические и гносеологические интенции научной коммуникации.

Становление и развитие научной инфраструктуры интернета заставляет ученых переосмыслить познавательную парадигму, сосредоточив внимание на формировании качественно новых средств получения, передачи и использования информации, проведения исследований в виртуальном пространстве. Формируемое при этом научное сообщество оказывается способно к рефлексии правовой реальности с различных эвристических позиций как в рамках правового познания, так и гуманитаристики в целом. Это ориентирует юридическую науку на отказ от дисциплинарной демаркации исследований и переход к междисциплинарности¹.

В то же время познавательные стандарты, сформированные в отечественной и зарубежной философии права в последней трети XX века определили собственную зависимость от самого процесса познания, от развитости субъекта познания и от типа подлежащих познанию объектов². Трансформация гуманитарного познания была эксплицирована в иной интенциональности юридического познания, все больше признающего не только объективные, но и субъективные факторы как исследуемой реальности, так и ее научной рефлексии. В основе науки оказались социально-исторические, человеческие, личностные, культурные измерения, требующие принципиально иного философского осмысления. Одним из таких измерений стал ценностный (аксиологический) подход, органично соединяющий внутренний мир исследователя с общественными представлениями о ценностях и объекте познания.

Сформированная в это время постклассическая парадигма юриспруденции была основана на соответствующей модели рациональности, исходящей из коммуникативно-конструктивистской парадигмы исследования и преобразования реальности³. Речь при этом может идти о трансформации не только правовой, но и социальной реальности, которая все больше юридизируется, что проявляется как в расширении пределов правового регулирования, так и в воздействии права в его официальном и социальном выражении на сознание индивида и его взаимодействие в обществе. Как следствие, научный дискурс, формируемый при этом, представляет собой конвенциональный результат конструктивного взаимодействия различных точек зрения и позиций, достигнутых при изучении как непосредственно явлений, признаваемых в качестве правовых в пределах данного пространственно-временного континуума, так и их воздействия на сознание и поведения человека⁴. Именно таким путем возможно воспроизведение единого пространства рациональности на фоне распада классического монолизма. Рациональной, с этой точки зрения, является только такая деятельность, которая создает возможность для продуктивного взаимодействия разнообразных идейных (ценностных, мировоззренческих) позиций, не теряющих своей самостоятельности, но открытых для взаимного обогащения.

Конечной целью познания в рамках постклассической методологии юриспруденции является достижение истины путем диалога (полилога), свободного коммуникативного взаимодействия⁵.

¹ Klatt M. Integrative Jurisprudence: Legal Scholarship and the Triadic Nature of Law // Ratio Juris. 2020. Vol. 33 (4). Pp. 380–398.

² Лебедев С. А. Постнеклассическая эпистемология: сущность и основные принципы // Журнал философских исследований. 2020. Т. 6. № 1. С. 13–18.

³ Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2022. № 1 (45). С. 16–22.

⁴ Ромашов Р. А. Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 1 (71). С. 82–100.

⁵ См.: Честнов И. Л. Постклассическая рациональность права в эпоху постсовременности // Lex russica. 2022. Т. 75. № 7. С. 74–86.

Не разделяя чужой позиции, способное к диалогу сознание должно исходить из уважительного отношения к иному мнению. При этом, во-первых, необходимо понять теоретические и эмпирические основы этой позиции; во-вторых, осознать возможность наличия у нее определенной реальности, которая не может быть понята в должной степени с собственных позиций.

Целью диалога является выявление истины. Однако эта истина имеет не авторитарно определенный, а открытый, незавершенный, находящийся в процессе становления, внутренне противоречивый, полифонический характер, поэтому познать ее смысл полностью невозможно. Полученное знание является незавершенным, открытым к инновациям как содержательно, так и методологически.

Речь при этом идет не об отказе от познания истины как гносеологической цели познания, а о смещении ее в сторону аксиологии, признании зависимости отдельных ее аспектов от целеполагания и исследовательского инструментария субъекта. Именно философия диалога, эксплицируя ценность коммуникации в правовом взаимодействии человека, имеет наибольшее концептуальное значение для исследования права в ракурсе определения его интересубъективной сущности.

С помощью ценностного подхода юриспруденция получает возможность осмысления не только выраженного в законе права, но и права в аксиологическом смысле как ценностно-нормативной системы, основанной на социокультурном опыте прошлых поколений (обычного, социального, неофициального, индивидуального права). При этом право может иметь не только нормативное выражение, но и быть закрепленным в юридических практиках. Такой подход приобретает все большую актуальность в контексте преодоления позитивистского мышления в правовой сфере и осознании важности правового плюрализма. Проблема истины, в том числе истины в правовом дискурсе в пределах постклассической парадигмы юриспруденции, решается в зависимости от социокультурного контекста, предполагающего постижение ее ценностного содержания, семантического значения и семиотического смысла, обладающего не только действительным, но и симулятивным потенциалом.

Признание диалогичности и полифоничности процесса познания и мышления придает мощный импульс появлению новых и модернизации традиционных подходов, применяемых в правовых исследованиях, позволяющих всесторонне раскрыть разнообразные ракурсы права как сложного, многоуровневого, многовариантного, многоаспектного явления. С одной стороны, это ведет к существенному расширению онтологических исследований права, направленных на познание не только норм, фактов и явлений, но и правовой реальности в целом с учетом ее объективных проявлений и субъективных восприятий.

С другой стороны, речь идет о смещении исследовательского интереса в сторону духовно-нравственных и историко-культурных оснований правовых фактов и явлений, наполнении объекта юриспруденции ценностным содержанием, предполагающим освоение методологии философской аксиологии, включая ее антропологические и телеологические аспекты. Однако это означает не просто включение ценностей в объект юриспруденции, а ее переход на новые ценностные позиции.

Аксиологический подход в юриспруденции можно определить как общую стратегию исследования и организации научного знания, объединенных идеей познания права (и государства в его взаимосвязи и экспликации с правовой реальностью) через призму относительных ценностных ориентаций (оценка соответствия конкретно-исторического проявления положительного права ценностным ориентациям отдельного индивида) и их абсолютных ценностных начал (право как универсальный регулятор общественных отношений). Именно в случае применения аксиологического подхода при исследовании права появляется возможность оценки его цивилизационной значимости¹.

Помимо возможности исследования права аксиологический подход высоко эвристичен в своих познавательных возможностях и по отношению к другим юридическим ценностям. В таком контексте следует также акцентировать внимание на том, что юридическая аксиология включает в себя следующие элементы: универсальные ценности (справедливость, равенство, гуманизм и т. п.), сквозь призму которых могут оцениваться государство и право; государство и право как самодостаточные ценности; отдельные юридические ценности, которые могут принадлежать сфере права (правовые ценности и ценности права) или государства (суверенитет, государственная территория,

¹ Клименко А. И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4 (87). С. 102–107.

институты государства и т. п.). Это позволяет исследовать правовую реальность не только с позиций определенности правовых явлений, но и в контексте их неопределенности, оказывающей существенное воздействие на сознание и поведение индивида¹.

Это ставит на повестку дня современной юриспруденции органический синтез национальной правовой традиции и юридического наследия, с одной стороны, и правовых инноваций, обусловленных трансформацией социально-экономических и политических условий бытия человека — с другой. При этом должна превалировать характерная для российской цивилизации экзистенциальная интенциональность права как экспликации воли человека к упорядоченному самобытию. Однако это самосуществование связано не столько с индивидуальной средой человека, сколько с его ролью в социальной и правовой коммуникации, детерминированной архетипами соборности и этатизма.

Выступая средством трансляции правовой информации, направленной на формирование ценностных установок правосознания, юридическая наука призвана не только объяснить эту взаимосвязь, но и разработать эффективные направления правовых взаимодействий, сочетающих в себе ориентированность целенаправленности правового регулирования и ситуативности правового поведения индивида на единой ценностной системе, восходящей к экзистенциальной основе российской цивилизации. Тем самым юриспруденция становится не только социально-гуманитарной и политической наукой, но и мировоззренческой, направленной на формирование ценностных ориентаций как сознания человека, так и правовых актов.

Юриспруденция способна оказывать непосредственное воздействие на конструирование профессионального и доктринального правосознания, формируя ценностные ориентации субъектов, отвечающих за разработку и реализацию правовой политики. При этом юридическое, а тем более правовое образование должны выступать институциональной возможностью трансляции научных знаний в процессе правовой социализации². Из этого органично вытекает возможность усиления роли правовой доктрины в регулировании общественных отношений. Если в настоящее время правовая доктрина используется лишь высшими судами, то в перспективе ценностная составляющая доктрины может стать основанием для признания ее в качестве самостоятельной формы права.

Благодаря юриспруденции конструируется ценностная гармонизация всех уровней правовой реальности, обеспечивается достижение конвенционального согласия участников не только научной, профессиональной, но и бытовой правовой коммуникации по восприятию официального права в качестве ценностной экспликации достигнутого в процессе горизонтальной коммуникации компромисса по вопросу обеспечения бесконфликтного социального сосуществования и интенциональности государства на трансляцию единой системы правовых ценностей с целью формирования социально активного гражданина.

Однако усиление ценностного начала юридических исследований не должно означать отказ от фактологической парадигмы, наличия в научных работах доказательной, эмпирической базы, без чего теоретические выводы в большинстве своем страдают бездоказательностью, недостаточной аргументированностью. Упорядочение и организация нового культурного и научного опыта, формируемого при этом, должно осуществляться таким образом, чтобы понятие истинности не только не дезавуировалось, а, напротив, приобрело более широкое значение.

В идеале каждое последующее исследование должно ориентироваться на предыдущее и одновременно формировать новый инструментарий познания. Этот аспект усиливает практическую направленность каждого последующего правового исследования и актуализирует бытийное содержание права, которое претерпевает постоянные изменения. Речь должна идти не просто о количественном накоплении научных знаний, а о формировании нового знания, которое, не отрицая предыдущего, будет раскрывать новые грани изучаемого объекта и стимулировать дальнейшие поиски истины. При этом большую роль должна играть научная коммуникация, целью которой становится не только формирование научного дискурса, но и выработка конвенционального соглашения относительно возможностей и перспектив развития и функционирования правовой реальности для последующего использования в правотворческой и правоприменительной деятельности.

¹ Баранов В. М. Техничко-юридическая форма правовой неопределенности: сущность, основные виды, ценность функционирования // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 15–41.

² Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Юридическое образование в аксиологическом контексте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 203–206.

Это не только соответствует идеям практического поворота гуманитарного знания, но и позволяет придать правовому регулированию целенаправленный и обоснованный характер, ориентировать его на необходимость ценностного, нормативного и функционального синтеза правового наследия и инноваций.

Таким образом, юридическая наука в аксиологическом контексте может быть представлена в трех аспектах. Во-первых, сама юридическая наука выступает в качестве определенной ценности для человека, общества и государства. Признание ценностной роли юриспруденции повышает ее значение в развитии и функционировании правовой реальности, позволяет в перспективе рассматривать правовую доктрину в качестве формы российского права. Во-вторых, происходит расширение исследовательского поля юриспруденции за счет овладения установками философии права и исследовательского инструментария всего комплекса социально-гуманитарных наук. Это позволяет, с одной стороны, исследовать всю совокупность проявлений правового бытия человека в его нормативном, функциональном, когнитивном и дискурсивно-коммуникативном отношении, а с другой — обеспечить правовым исследованиям достойное место в системе современной гуманитаристики. В-третьих, право как основной элемент предмета юриспруденции имеет не только нормативно-институциональное, но и ценностное значение. Изучение права как ценности позволяет приблизить юриспруденцию к практическим потребностям общества, ориентировать ее на исследование воздействия норм права на сознание и поведение человека, включая рефлексию и формирование ценностных ориентаций правосознания как необходимого элемента правового поведения индивида и его взаимодействий социально-правового характера.

Субочев Виталий Викторович,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного
регулирования МГИМО МИД России;

Плешаков Евгений Александрович,

старший преподаватель кафедры судебной
и прокурорской деятельности Нижегородского
исследовательского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского),
вице-президент Коллегии адвокатов
города Москвы

О приоритетах юридической науки в контексте потребностей юридической практики современного российского общества

Роль и значение юридической науки в российском обществе зачастую выступают предметом оживленных дискуссий, что обуславливается рядом причин, среди которых полагаем возможным выделить лишь некоторые.

Во-первых, это очевидное расширение границ правового регулирования, или, другими словами, *юридификация* современного общества, в процессе которой практически все сферы жизнедеятельности подвергаются весьма детальной юридической регламентации¹.

Вопросы, связанные с информационной безопасностью, патриотическим воспитанием молодежи, сохранением и укреплением традиционных духовно-нравственных ценностей, демографической ситуацией в стране, поддержкой рождаемости, распространением искусственного интеллекта, активным использованием криптовалют, равно как и многие другие аспекты общественных отношений, уже не могут оставаться вне сферы правового регулирования, что вызывает не только все возрастающее значение права как универсального регулятора социальных процессов, но и самой юридической науки, которая призвана изучать природу, содержание и источники данного феномена, а также предлагать действенные способы совершенствования складывающейся юридической практики.

¹ См.: Адамянц С. Т. Юридификация современного российского общества и пределы правового регулирования: общетеоретический аспект исследования // Право и управление. XXI век. 2022. № 18 (4). С. 47–54; Дубинина Е. Н. Юридизация отношений в современном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010.

Во-вторых, усложнение общественных отношений, равно как и те масштабные *вызовы и угрозы* российской государственности, злободневность которых особенно актуализировалась в связи с переходом к многополярному мироустройству и противостоянием с коллективным Западом, обострили целый ряд экзистенциальных проблем, в решении которых должны участвовать не только органы публичной власти, но и *научное сообщество*, опираясь в том числе на достижения и юридической науки.

Данные две причины (в числе многих иных) обуславливают повышенное внимание к той роли, которую юридическая наука должна играть в современном обществе, накапливая и систематизируя объективные знания об окружающей действительности и используя их не только для собственного развития, но и для решения актуальных практических задач.

Опираясь на изложенное, кратко остановимся на тех *приоритетах*, которые полагаем наиболее актуальными для современной российской юридической науки.

1. Юридическая наука должна давать ответы на актуальные *вопросы и вызовы*, порожденные временем, геополитической ситуацией, развитием российской государственности и иными факторами. В отмеченной связи следует солидаризироваться с В. В. Лазаревым, справедливо подчеркивающим, что все многообразие внутренних и внешних факторов, обуславливающих развитие науки и позволяющих характеризовать ее метафизику, можно рассматривать через понятие «вызовы»¹.

Юридическая наука не должна игнорировать актуальные проблемы, стоящие перед российским обществом, «отгораживаться» от них², нивелировать необходимость их решения, маскируя определенную инертность тем, что подлинная наука якобы выше сиюминутных сложностей и должна лишь по прошествии времени анализировать события с должной степенью абстракции, выявляя закономерности, которые не раскрываются исследователю в одночасье.

Вызовы и проблемы, стоящие перед российским обществом и государством, представляются важнейшим вектором совершенствования и развития юридической науки, поэтому их осторожное игнорирование, обусловленное боязнью негативной реакции со стороны научного сообщества, представляется неприемлемым.

2. Вышеобозначенное во многом предопределяет то, что юридическая наука *не должна отставать от потребностей практики*, в том числе и юридической. Неоднократно приходится сталкиваться с тем, что высшие должностные лица России прямо говорят о целом спектре проблем, решение которых представляется критически важным для развития российской государственности и сохранения национального единства, однако данные вопросы так и не находят явного отклика со стороны представителей юридической науки.

К примеру, на протяжении уже нескольких лет Президент Российской Федерации В. В. Путин, министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров и другие должностные лица многократно заявляют о масштабном *манипулировании* международным правом, нормативными правовыми актами, международными договорами, конвенциями, судебными решениями, правовыми доктринами и институтами³, однако проблематика манипулирования юридическими целями и средствами, за исключением нескольких комплексных работ⁴, так и не получила широкого освещения и обсуждения в юридической науке.

Если манипулирование информацией, рынком, ценностями, общественным мнением, финансовыми инструментами, политическими технологиями и другими средствами давно находится

¹ См.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181–191.

² См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 114.

³ См., например: Выступление В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны Российской Федерации 21 декабря 2021 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67402> (дата обращения: 11.05.2024); Выступление В. В. Путина на заседании в формате «БРИКС плюс». 24 июня 2022 года // URL: <https://russian.rt.com/world/news/1018406-pravila-briks-putin> (дата обращения: 11.05.2024); Выступление В. В. Путина на заседании в формате «БРИКС плюс». 24 августа 2023 года // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72096> (дата обращения: 11.05.2024); Лавров С. В. Об инсценировках как методе политики Запада. 18 июля 2022 года // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1822333/ (дата обращения: 11.05.2024) и др.

⁴ См., например: Куликов М. А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 412 с.; Субочев В. В., Куликов М. А. Манипулирование юридическими целями и средствами: основы теории // Право и управление. XXI век. 2023. № 4 (69). С. 41–53; Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163–180; и др.

в фокусе внимания различных гуманитарных наук, то представители как общей теории права, так и отраслевых юридических наук пока еще с опаской смотрят на данную форму использования юридических целей и средств и предпочитают не вступать в дискуссию по этому поводу, несмотря на то, что юридическая практика демонстрирует явную необходимость решения отмеченной проблемы, поиска способов минимизации последствий манипулятивных и демагогических технологий в праве, равно как и их распознавания.

С не меньшей осторожностью юридическая наука обходится с вуалью, которая скрывает современную манипулятивную сущность таких классических концептов, как правовое государство, естественное право, права и свободы человека, свобода слова, демократия и т. д.

Не сводя роль и задачи юридической науки лишь к решению злободневных проблем, тем не менее полагаем необходимым подчеркнуть, что оставаться «вещью в себе» она также не должна. В противном случае юридическая наука как важнейший общественный институт рискует превратиться в прообраз ордена интеллектуалов и педагогического ведомства из провинции Касталия, жизнь и предназначение которых были мастерски описаны в произведении Г. Гессе «Игра в бисер», когда представители научного сообщества не могли в силу своего предназначения, да и не собирались в принципе в силу своего высокого статуса решать земные проблемы непосвященных.

Именно данный разрыв между приоритетами юридической науки и потребностями юридической практики вызывает особую озабоченность у отдельных ученых. К примеру, П. П. Баранов не без оснований отмечает, что трансформация в сознании миллиардов людей в последние десятилетия связана с активными процессами информатизации и достижениями технических наук, а не с какими-либо открытиями или достижениями гуманитарного знания, что, в свою очередь, объясняет то, что «у обычных людей возникает закономерный вопрос: чем же в эпоху глобальных технических открытий занимаются представители юридической науки?»¹. Более того, как подчеркивает П. П. Баранов, «в процессе формулировки и поиска ответа на этот вопрос само существование юридической науки ставится под сомнение»².

Таким образом, возьмем на себя смелость утверждать, что именно практика, будучи общепризнанным критерием истины, со своими проблемами и потребностями должна определять основной вектор развития юридической науки.

3. Направленность на решение практических задач позволит юридической науке минимизировать псевдонаучное конструирование искусственных проблем, равно как и уйти от того, что В. М. Баранов метко обозначил как «псевдоюридизацию терминологии», когда «исследователь не находит (а точнее, — не считает нужным искать) в проблемном поле правовой науки неисследованную либо малоисследованную тему, критически углубляться в ранее выдвинутые концепции и теории», а вместо этого обращается к смежной, неюридической сфере и перемещает активно дискутируемое в СМИ явление в правовую действительность с приставкой «юридический», «правовой» или «законный»³.

В. М. Баранов справедливо предупреждает, что добавление к какому-либо явлению или процессу приставки «правовой» автоматически не преобразует его в юридический феномен⁴, а провоцирует псевдонаучные исследования, связанные с «надумыванием» псевдоправовых концепций и решением несуществующих задач.

Вместе с тем сказанное не означает того, что юридическая наука, будучи отраслью гуманитарного знания и исследуя все многообразие социальных отношений, должна лишь со стороны наблюдать за развитием различных сфер общественной жизни. В отмеченной связи следует согласиться и взять на вооружение позицию А. В. Малько, В. В. Трофимова и В. А. Затонского, которые подчеркивают, что «правовая жизнь — это абсолютно все *общественные* (курсив наш. — В. С., Е. П.) явления, весь комплекс *социальных отношений* (курсив наш. — В. С., Е. П.), функционирование и развитие которых так или иначе опосредовано нормами права»⁵.

¹ Баранов П. П. Российская юридическая наука сегодня и пути совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений // Гуманитарий юга России. 2015. № 4. С. 150.

² Там же.

³ См.: Баранов В. М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника. Москва: Блок-Принт, 2022. С. 3–4.

⁴ См. Там же. С. 5.

⁵ Малько А. В., Трофимов В. В., Затонский В. А. Еще раз о праве и неправе, или почему правовая жизнь называется правовой // Государство и право. 2020. № 10. С. 60.

Другими словами, в результате принятия Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ цифровая валюта правовой категорией не стала, правовой цифровой валюты не появилось, однако определенная часть общественных отношений, связанных с ее использованием, стала регулироваться конкретными нормами права, перешла в разряд правоотношений и начала выступать неотъемлемой частью юридической практики и правовой жизни современного российского общества.

Повторим в иной связи — юридическая наука должна успевать за развитием юридической практики, исследовать новые виды правоотношений и нестандартные либо не существовавшие ранее формы использования юридических средств, не боясь новых терминов, определений и даже метафор. Как заметил В. В. Лазарев, юристы не часто в своих исследованиях используют метафоры, хотя именно «подобные экспликации могут служить наиболее глубокому проникновению в сущность государственно-правовых явлений»².

4. Несмотря на то, что юридическая (равно как и любая другая) наука не должна «обслуживать» публичную власть и выступать определенной формой пропаганды и прямого информационного воздействия на широкие слои населения, иначе истинность научного знания, равно как и его объективность, будут попросту нивелированы, тем не менее именно юридическая наука призвана *содействовать* эффективному государственному строительству, повышению эффективности механизма правового регулирования и гармоничному сосуществованию интересов личности, общества и государства. В этом смысле юридическая наука не может оставаться вне политики, вне контекста государственного управления и нахождения способов примирения интересов различных участников правоотношений.

В противном случае юридическая наука со всеми своими «глубокими», «целостными» и «логично обоснованными» концепциями превращается в псевдонауку, а использование пусть даже объективных и истинных знаний для собственного развития и совершенствования собственной методологии превращается в тупиковый путь, ибо юридическое научное знание теряет связь с реальными общественными отношениями, которые выступают и критерием его *истинности*, и *целью самого познания*.

В данном контексте актуализируется вопрос об истинности юридического знания³, о его критериях.

Как известно, существует немало критериев научной истины. К их числу относят проверяемость знания, его соответствие законам логики и ранее выявленным закономерностям, соответствие фундаментальным законам, равно как и признание сообществом ученых, определенного соглашения, компромисса. Очевидно, что ряд данных критериев лишь с большой натяжкой применим к гуманитарным знаниям. Тем не менее последний из перечисленных критериев становится особенно значимым в философии постмодернизма, которая, ставя под сомнение объективную реальность, позволяет объявить истинным все, что угодно.

Не вдаваясь в полемику относительно постмодернистских подходов к критериям истины, полагаем возможным подчеркнуть, что не только объективное отражение действительности, к которой в контексте юридической науки следует отнести всю совокупность опосредованных правом общественных отношений, должно являться целью познания и важнейшим критерием его истинности. Напрашивается вывод о том, что истинность юридического знания заключается не только в объективном отражении существующих социальных связей, но и в его способности находить пути их оптимизации в конкретно-исторических условиях.

Сказанное позволяет заключить, что развитие современной юридической науки должно быть предопределено актуальными проблемами, существующими в правовой жизни общества,

¹ См.: О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 года) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I), ст. 5018.

² Лазарев В. В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 7. Подробнее о природе и юридических возможностях метафор см.: Баранов В. М., Власенко Н. А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 11–19.

³ См.: Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1989. 400 с.; Баранов В. М. Сущность права в фокусе гносеологии // Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина. Саратов: изд-во Саратовской государственной юридической академии. 2022. С. 47–67.

теми вызовами и угрозами, с которыми сталкивается российская государственность и российская правовая система. Юридическое знание в силу своей онтологии не может существовать вне динамично развивающихся социальных отношений, поэтому совершенствование юридической практики, повышение эффективности государственно-правового строительства и нахождение способов гармоничного сосуществования интересов личности, общества и государства видится нами в качестве ключевого приоритета развития юридической науки.

Завершить наши рассуждения о приоритетах юридической науки в современной России уместно обращением к интересным данным, полученным сотрудниками Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ при опросе 400 известных российских и зарубежных ученых относительно путей развития науки в обозримом будущем с учетом мировых трендов в жизни общества¹.

Юриспруденция должна становиться все более открытой и широко применять новые организационные формы — научно-образовательные консорциумы, виртуальные лаборатории, междисциплинарные центры.

Цифровой инструментарий в правовой науке может значительно повысить скорость обработки и анализа научных данных. Трудно, но можно увеличить (при сохранении ключевой роли государства) финансирование правовой науки предпринимательским сектором.

Роль юридической науки (как и всего научного знания) в России будет только возрастать и важно своевременно обеспечить ее кадрами.

Толстик Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации, начальник кафедры теории
и истории государства и права
Нижегородской академии МВД России

Кризис юридической науки: причины, следствия, пути преодоления

Повышение роли современной юридической науки в жизни российского общества в числе прочего предполагает нейтрализацию (минимизацию) факторов, порождающих те или иные негативные (кризисные) явления.

Корректность доктринального анализа, прежде всего, предполагает необходимость определиться с рядом положений, имеющих в том числе методологическое значение.

Во-первых, следует внести ясность и определенность в понятия «кризис» вообще и «кризис юридической науки» в частности.

В соответствии с Большим этимологическим словарем русского языка термин «кризис» возник в первой трети XVI века «от немецкого *Krisis* из латинского *crisis*, из греческого *krisis* — "решение, поворотный пункт"². Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля определяет кризис как «перелом, переворот, решительная пора переходного состояния»³. В Большой Советской энциклопедии приведены следующие смысловые значения рассматриваемого слова: «переломный момент, тяжелое переходное состояние, обострение, опасное неустойчивое положение»⁴.

Из приведенных значений следует прежде всего два аспекта в понимании слова «кризис». С одной стороны, это изменения в явлении, обусловленные теми или иными причинами, а с другой — некое негативное состояние, существенно отклоняющееся от нормального.

Во-вторых, важно различать кризис явления и кризис науки о явлении. Рассматривая юридическую сферу, обоснованно говорить о кризисе права (правового регулирования) и кризисе правовой науки. При этом данное разграничение имеет существенное значение как для юриспруденции

¹ См.: Симонов А. Ученые по вызову. Как изменится наука в обозримом будущем // Российская газета. 2024. 15 мая.

² Большой этимологический словарь русского языка. Москва, 2016. С. 248.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 2007. Т. 2. С. 164.

⁴ URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/1303.htm> (дата обращения: 20.03.2024).

в целом, так и для отраслевых наук. Так, Н. А. Лопашенко отмечает, что в уголовном праве принято выделять по меньшей мере два вида кризиса: кризис уголовно-правовой науки и кризис самого уголовного права, включая кризис уголовного законодательства¹. Указанные виды взаимосвязаны, но между ними нет линейной зависимости. Кризис науки не всегда обусловлен кризисом явления, равно как и наоборот. Первую, казалось бы, парадоксальную ситуацию объясняют тем, что на фоне благополучия отрасли наука не находит путей для своего развития и начинает заниматься схоластикой². Вторая зависимость носит скорее закономерный характер, когда практика ждет от науки адекватного доктринального решения проблемы, а наука не способна его предложить³.

В-третьих, говоря о кризисе науки, следует различать две существенно различающиеся формы его проявления, а по сути два самостоятельных явления. В одном случае речь идет о неспособности науки генерировать на основе существующего инструментария (принципов, методов, средств, парадигмы) решение целого ряда высокоактуальных проблем. Такой вариант кризиса науки (а точнее, в науке) при условии добросовестности и профессионализма исследователей определяется как «...ситуация, в которой научное сообщество ставит под сомнение концептуальные и методологические основания парадигмы научного исследования; разрушаются устойчивые стереотипы восприятия научных данных, стандарты оценок, допустимых объяснений, размываются границы научной рациональности»⁴. В социологическом словаре этот вид кризиса трактуется как «...состояние, когда существующие средства (механизмы) достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы, для преодоления которых нужны новые модели мышления и действия»⁵.

В другом случае речь идет о некоем деформированном состоянии науки, возникающим под воздействием совокупности факторов объективного и субъективного порядка.

При этом кризис науки — это состояние, возникающее под воздействием не любых изменений, порождающих те или иные негативные следствия для явления или системы, а некая совокупность глубоких существенных изменений, приводящих систему в расстройство, причем таких, которые влекут утрату ее способности полноценно реализовывать свое функциональное предназначение. И именно об этом виде кризиса юридической науки речь пойдет в настоящей статье.

Далее уместно задаться вопросами, есть ли сегодня основания говорить о кризисе отечественной юридической науки? И если есть, то настолько он глубокий?

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к оценкам, имеющимся в юридической литературе. Так, по мнению П. П. Баранова, в настоящее время юридическая наука стремительно теряет свой авторитет. При этом, как он полагает, речь идет не просто о кризисе юриспруденции, а о системном кризисе всего гуманитарного знания. Что же касается собственно юриспруденции, то в отношении нее высказываются крайние, в том числе в высшей степени категоричные, суждения, в которых под сомнение ставится само существование юридической науки⁶.

Возникает вопрос: «В чем проявляется кризис юридической науки?» Часть ученых-юристов выделяет специальные формы кризиса отечественной юридической науки. К таковым относят догматизм, демагогию, апологетику и метафизичность⁷. Очевидно, указанные формы нуждаются в значительно более существенной конкретизации.

Если обобщить имеющиеся в научной литературе оценки, можно указать на следующие формы проявления рассматриваемого феномена.

¹ См.: Лопашенко Н. А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А. Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 97–111; Бибик О. Н. Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теоремы Коуза) // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 1. С. 91–98.

² См.: Бибик О. Н. Рынок «лимонов» и проблема учета личности преступника // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1 (50). С. 197–199.

³ См.: Лопашенко Н. А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А. Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 97–111.

⁴ URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/342/кризис__%28в_науке_%29 (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ URL: <https://gufo.me/dict/social/КРИЗИС> (дата обращения: 20.03.2024).

⁶ См.: Баранов П. П. Кризис юридической науки в современном мире // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 29.

⁷ См. там же. С. 33.

Одним из наиболее значимых и очевидных проявлений кризиса юридической науки является существенное снижение качества научных исследований и их результатов при одновременном, причем за пределами, увеличении объема научной продукции: диссертаций, монографий, научных статей. Для характеристики этого состояния научной юридической мысли используют такие обороты, как «кружение мутной воды» (Н. А. Власенко), «базарное словоблудие» (П. П. Баранов), «схоластика» и им подобные. Здесь следует оговориться. Несмотря на общий негативный тренд в юридической науке, имеют место и очень достойные, высококачественные научные разработки, однако они нередко теряются в общем массиве «сырой» продукции.

В качестве весомого доказательства кризиса юридической науки называют невостребованность результатов научных исследований на практике, отсутствие у юриспруденции ярко выраженной практической направленности, глобальный разрыв юридической науки и юридической практики. Так, П. П. Баранов пишет: «Само общество не чувствует потребности в юридической науке и, последняя отвечает взаимностью, развиваясь сама в себе»¹. Н. А. Власенко видит уникальность нынешней ситуации о том, что «государственная власть мало интересуется результатами исследований правовой науки»². В. Хилjuta отмечает, что «юридическая наука развивается сама по себе, а правоприменительная практика идет «своим ходом»³.

К сожалению, можно без малейшего преувеличения констатировать, что приведенные оценки в значительной степени соответствуют сложившимся отнюдь не дружественным отношениям между юридической наукой и юридической практикой, причем и законодательной, и интерпретационной, и правоприменительной.

По сути, произошла своеобразная юридическая атомизация, под которой в социологии понимают «...амбивалентный процесс разобщения и эгоистического обособления людей, расхождения их частных интересов, ослабления и распада множества личностных и групповых связей...»⁴ или в более общей форме — «...распад связей в обществе, социальное разобщение, социальная изоляция индивидов друг от друга в масштабах целого общества»⁵.

Уместно задаться вопросом: «Почему юридическая практика не чувствует потребности в юридической науке и не считает возможным и необходимым опираться на ее изыскания?» Только ли потому, что у современной юридической науки низкое качество? Думается, нет. Проблема юридической атомизации значительно сложнее. Как представляется, она носит комплексный характер. Обратим внимание на ряд моментов.

Во-первых, юридическая наука — это не сугубо прикладная наука, и с этой точки зрения от нее не следует ожидать тотальной практической ориентированности. Весомая часть данной отрасли научного знания, впрочем, как и многих иных, априори должна являться фундаментальной, ориентированной прежде всего на выявление государственно-правовых закономерностей, создание концептуальной основы отражения правовой реальности. Между тем современная юридическая наука не имеет ни должной концептуальности, ни практико-пригодного прикладного характера.

Во-вторых, и применительно к науке, и применительно к практике в последние годы произошла деформация целеполагания, были существенно искажены ориентиры развития первой и основы функционирования второй. О проблемах в научной сфере подробнее мы скажем далее. Здесь же отметим, что для юридической практики стали характерны конъюнктурность и субъективность. В доктрине не без оснований отмечается, что юридически значимые правотворческие и правоприменительные решения нередко принимаются на основе целесообразности (политической, экономической, социальной и т. д.)⁶. Вследствие этого результаты научных изысканий остаются невостребованными.

¹ Баранов П. П. Кризис юридической науки в современном мире // *Философия права*. 2015. № 1 (68). С. 33.

² Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // *Журнал российского права*. 2013. № 8 (200). С. 52.

³ Хилjuta В. Юридическая наука и образование: кризис или переходный период. URL: <https://ilex.by/news/yuridicheskaya-nauka-i-obrazovanie-krizis-ili-perehodnyj-period/> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/1839213> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ Атомизация общества. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Атомизация_общества (дата обращения: 20.03.2024).

⁶ См.: Хилjuta В. Юридическая наука и образование: кризис или переходный период. URL: <https://ilex.by/news/yuridicheskaya-nauka-i-obrazovanie-krizis-ili-perehodnyj-period/> (дата обращения: 20.03.2024).

Далее обратимся к причинам кризиса юридической науки и порождаемым ими негативным следствиям. Учитывая, что в ранее опубликованных нами научных статьях («Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл»¹, «Девиантное поведение в науке и пути его преодоления»², «Типичные дефекты и возможности повышения качества диссертационных исследований, проводимых в образовательных и научных организациях МВД России»³), многие из причин в том или ином аспекте рассматривались, здесь обратим внимание на ключевые положения.

На наш взгляд, можно выделить следующие блоки тесно взаимосвязанных причин.

1. *Управленческие (организационные)*. Между степенью рациональности организации научной деятельности и эффективностью науки существует прямая зависимость. Рациональная организация науки способствует повышению эффективности науки, нерациональная — влечет целый ряд, в том числе крайне негативных, следствий, которые в конечном счете наряду с иными причинами приводят к кризису науки.

В этом блоке, прежде всего, следует назвать критерии оценки научной деятельности ученых и образовательных (научных) организаций и нерациональную и избыточную забюрократизированность. Критерии оценки определяют мотивацию поведения ученых, побуждают их к деятельности в том или ином направлении.

Базовая цель науки — получение нового знания и систематизация существующего. Соответствующими должны быть и критерии оценки научной деятельности. Между тем в последние годы они претерпели существенные изменения.

Была цель — получение нового знания. Ее подменили количественными целями, установив соответствующие критерии оценки: количество публикаций (цитирования, индекс Хирша); количество научных конференций; установили нормативы для публикационной активности; ввели тотальное (стопроцентное) участие профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательской деятельности и другие.

В результате ученые и научные организации стали вынуждены работать на показатели. И именно они (наряду с иными причинами, о которых речь пойдет ниже) становятся определяющими при выборе варианта поведения и закономерно порождают целый ряд негативных следствий, в том числе уродливые и постыдные с позиций научной этики, а в ряде случаев и закона, явления.

Назовем лишь некоторые из них: *ложное соавторство* (включение в соавторы начальников, иных заинтересованных лиц (за плату или за услугу), написание каждым отдельным ученым по одной статье и опубликование их в двойном, тройном и более соавторстве); *плагиат* (присвоение чужих идей, работ, результатов исследований или текстов); *автоплагиат* (повторное и даже неоднократное опубликование одних и тех же материалов в различных статьях); *фабрикация данных* (подделка данных или результатов исследования); *фальсификация данных* (манипулирование используемыми материалами, изменение или замалчивание данных либо результатов исследований, ведущие к их искажению)⁴; *упоминание или цитирование источников не по их реальному вкладу в разработку данной темы, а из стремления «сделать реверанс» в адрес предполагаемых рецензентов, оппонентов, критиков*; *взаимные ссылки по договоренности двух авторов*⁵, *искусственное онаучивание, которым вуалируют бедность мысли и отсутствие подлинного научного результата* и другие.

Следует понимать, что между количеством научного продукта и его качеством существует прямо пропорциональная зависимость: *чем больше публикаций, тем ниже их качество*.

Наука — это прежде всего исследование, проведение которого предполагает затраты времени, энергии и средств. Для того чтобы создать что-нибудь теоретически и практически значимое,

¹ См.: Толстик В. А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 65–74.

² См.: Девиантное поведение в науке и пути его преодоления // Российский юридический журнал. 2020. № 5 (134). С. 54–63.

³ См.: Типичные дефекты и возможности повышения качества диссертационных исследований, проводимых в образовательных и научных организациях МВД России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 347–353.

⁴ Статья 9 Декларации об этических принципах научной деятельности. URL: <https://zakonrb.com/npa/o-deklaracii-ob-eticheskikh-principah-nauchnoy> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ См.: Лазар М. Г. Этика науки как новое направление в социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3. С. 154.

порой надо всю жизнь положить. При этом следует иметь в виду, что, как верно отмечал академик Г. И. Абелев, профессор Российского онкологического научного центра имени Н. Н. Блохина, вице-президент РГО, в истории науки 80–90 % гипотез в итоге оказались ошибочными, но это нормальный ход развития научного знания. Ошибочные или искаженные результаты научных исследований — это естественный «научный шум»¹.

Научная публикация — это опубликование результата научного исследования. При существующих критериях оценки статьи нередко публикуются без проведения научного исследования, которое как минимум должно предполагать глубокий анализ предмета исследования, результатов научных исследований, полученных предшественниками (иное в доктрине должно признаваться моветоном), проведение эмпирических исследований, осмысление полученных результатов и только после этого оформление соответствующего текста (публикации).

Еще одним негативным следствием нерациональных критериев оценки научной деятельности является деформация правосознания ученых. В их сознании возникает когнитивный диссонанс. В альтернативе: потерять в зарплате (или вообще работу) или производить халтуру. Выбор в большинстве случаев будет сделан не в пользу научной добросовестности. В этой связи показателен парадокс Перельмана: «Мы все знаем, что задолго до своего отказа от престижной премии В. Перельмана просто изгнали из научно-исследовательского института, так как он, видите ли, не отчитывался по "формальным показателям", то есть не публиковал статьи, не участвовал в конференциях и т. п., а занимался решением единственной "формулы". Но зато какой...»².

Существующие критерии оценки не выгодны ни обществу, ни государству в целом, но удобны чиновникам, отвечающим за организацию науки, которым не нужно в ней разбираться, достаточно уметь считать и жестко спрашивать с ученых за невыполнение установленных нормативов публикационной активности и (или) иных количественных показателей, но отнюдь не за реальный вклад в науку. Ученые вынуждены подстраиваться к существующим требованиям. В результате «гонка за количеством — убивает качество». Здесь уместно вспомнить В. И. Ленина, который одну из последних своих работ назвал «Лучше меньше, да лучше».

В этой же управленческой логике находится установление показателей по количеству научных конференций и многие другие показатели. Например, в Нижегородской академии МВД России каждая кафедра обязана провести минимум одну научную конференцию в год. Всего в организации 24 кафедры. Аналогично дело обстоит и в других образовательных организациях. Если посчитать «на круг», получится запредельное количество научно-представительских мероприятий. При этом на каждой конференции должен быть обеспечен высокий уровень научного представительства. Ученым, организующим конференции, приходится обращаться к коллегам, и на основе принципа взаимности идти навстречу друг к другу. В итоге они вынуждены принимать участие в большом количестве конференций, причем нередко по темам, в которых не являются специалистами. Возможно ли в таких условиях рассчитывать на написание качественных работ? Ответ очевиден.

2. *Экономические.* Рассматривая этот блок причин, следует указать на следующие факторы, прямо или косвенно детерминирующие кризис юридической науки: *низкую оплату труда, непрестижность научной деятельности, низкий социальный статус ученого в обществе.* Эти факторы тесно взаимосвязаны и порождают как минимум два негативных следствия. Во-первых, они отнюдь не способствуют массовому приходу в науку действительно талантливых молодых людей, имеющих ярко выраженную предрасположенность к научно-исследовательской деятельности. Такие люди отдают предпочтение иным, более привлекательным для них с материальной и статусной точек зрения, сферам общественной жизни. Это очень тревожная для науки тенденция с неоптимистическими последствиями для развития общества. Во-вторых, низкий уровень заработной платы в рассматриваемой сфере, наряду с факторами первого блока, не способствует созданию качественного научного продукта. Здесь работает принцип: *как платите, так и работаем.*

В качестве относительно самостоятельной причины в рассматриваемом блоке следует указать на *беспрецедентную коммерциализацию отношений в сфере науки.* Здесь имеют место две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, для того чтобы обеспечить выполнение нормативов публикационной активности, в ряде случаев ученые вынуждены платить за опубликование своих научных работ: статей, монографий. Это все равно, что пекарь и сапожник

¹ Подробнее см.: URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7490/> (дата обращения: 10.03.2024).

² Бабинцев В. П., Римский В. П. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // Высшее образование в России. 2014. № 4. С. 5–19.

будут не зарабатывать деньги за свою работу, а кому-то приплачивать за произведенный товар. В отдельных случаях приведенный парадокс объясняется тем, что, помимо выполнения нормативов публикационной активности, в ряде образовательных организаций мотивирование осуществляется путем установления надбавок (иногда очень приличных) к базовому размеру заработной платы, но опять же за количество, а не качество научных работ. Таким образом, бенефициарами оказываются научные издательства, публикующие статьи за плату, и те немногочисленные ученые, которые получают надбавки за высокую «производительность» и публикации в «правильных» журналах.

С другой стороны, наличие высокого спроса в среде чиновников и бизнесменов на научные степени кандидата и доктора наук породило рынок соответствующих услуг. Диссертация стала товаром. Возникла теневая сфера коммерческих отношений. П. П. Баранов отмечает тот факт, что 90 % диссертационных исследований, в том числе некачественных, чиновники различных уровней защищали и защищают по юридическим наукам, и делает вывод, что престижности юридическому знанию такая негативная ситуация совершенно не добавляет. С этим нельзя не согласиться.

Выявленные причины кризиса юридической науки позволяют сформулировать ряд предложений по их устранению и, как следствие, повышению ее качества и роли в развитии российского общества:

1) в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» необходимо закрепить прямой запрет оценки научной деятельности ученых и соответствующих организаций исключительно на основе количественных критериев;

2) следует существенно повысить заработную плату научных и научно-педагогических работников (как минимум она должна быть конкурентоспособной, то есть привлекательной для потенциального и действующего ученого);

3) для того чтобы в науку приходили потенциально способные кадры, необходимо создать адекватную систему мотивации (стимулирования) не только для поступления в аспирантуру, написания и защиты диссертации, но и занятия наукой в будущем;

4) необходимо отказаться от признания научными псевдонаучных работ (состоящих преимущественно из споров о понятиях, признаках, соотношений понятий; очевидной констатации различных дефектов законодательства и правоприменительной практики без разработки конкретных мер по их преодолению, и т. п.), и концентрировать научные усилия на изучении правовых связей, государственно-правовых закономерностей;

5) важно ориентировать ученых на проведение юридических научных исследований (в том числе общетеоретических), результаты которых могут непосредственно или опосредованно быть использованы в тех или иных сферах юридической практики;

6) следует разработать систему мер моральной ответственности ученых за нарушение норм научной этики. Однако эти меры могут быть обоснованными только в случае, когда будут устранены производные от власти факторы, прямо или косвенно побуждающие к неэтичному поведению в науке.

Треушников Илья Анатольевич,
доктор философских наук, доцент,
начальник кафедры философии
Нижегородской академии МВД России,
профессор кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
Приволжского филиала Российского
государственного университета правосудия

Юридическая наука в эпоху конфликта цивилизаций

Уже на рубеже XXI века, несмотря на процессы глобализации, аналитики обнаруживали достаточное количество проблем, которые в перспективе должны были привести к существенным противоречиям в отношениях между сторонами международного сообщества. Они порождены диспропорциями в развитии регионов и стран, что не ускользнуло от внимания экспертов, которые указывали на то, что «... мир вовсе не вступает в эру гармоничной глобальной взаимозависимости

и подлинной либеральной демократии¹». Следует ожидать обострения глобальной конкуренции и «геоэкономического соревнования», так как «мир вряд ли примет постулат заведомого неравенства». Особенно острый период вынужденного неравенства, по оценкам экспертов, ожидался после 2015–2020 годов. Развитие ситуации в последние годы демонстрирует, что прогнозы оказались в целом верны.

Современный мир демонстрирует высокий уровень конфликтности во всех сферах общественной жизни. Область общественного сознания не является исключением. Возрастание роли цивилизационной идентичности, что прогнозировал еще в 90-х годах XX века известный социальный философ и политолог С. Хантингтон, находит подтверждение в современном мире. «Культурные границы» становятся все более заметными и значимыми факторами как во внешней, так и во внутренней политике. Можно наблюдать противостояние идеологий, оказывающих существенное влияние на мировоззрение значимых масс населения. Продолжается непростой процесс цивилизационного самоопределения нашей страны. На уровне высшего политического руководства Российской Федерации мы можем наблюдать понимание необходимости обосновать и оформить этот процесс. В сентябре 2013 года в ходе заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент Российской Федерации высказал мысль о том, что наша страна представляет собой результат длительного сосуществования многих народов и культур. Прямо ссылаясь на философа К. Леонтьева, Президент Российской Федерации объяснил особенность нашего государственного устройства тем, что они следуют из модели государства-цивилизации². Мы считаем необходимым обратить особое внимание на то, что специфика цивилизации определяется преимущественно внутренними, имплицитными характеристиками. Они заданы господствующими в общественном сознании представлениями о месте народа и страны на исторической арене, исторической миссии, господствующей системе ценностных ориентаций, приоритетах общественного и личного развития. Закрепление данных представлений зачастую носит характер символов, мифологем, сакрализуемых событий. Они формируют основание цивилизационной идентификации общества и личности³. Таким образом, мы должны обращать существенное внимание на элементы духовной культуры личности и общества.

В современных условиях, как можно заметить, существенно обострилась борьба за умонастроения социально-активной части гражданского общества. Подвергаются активному пересмотру значимые итоги исторического и культурного развития мира и нашей страны. В условиях противостояния цивилизаций представители юридической науки в самом широком смысле, включающем и юридическое образование, и вообще подготовку кадров для правоприменительной системы, оказываются на переднем крае борьбы за мировоззрение. Мы разделяем и поддерживаем мнение о возрастании роли идеологических конструкций в современном общественном сознании и уже отмечали, что идеология так или иначе в различных формах «обнаруживает свои проявления в правовой реальности». Можно предположить, что область правовой науки в узком смысле слова в какой-то степени свободна от идеологических установок, но «скорее в качестве желаемого идеала, нежели актуального состояния»⁴. Основные элементы правовой реальности, которые осмысливает юридическая наука, находятся в сложных неустранимых взаимосвязях с общесоциальными идеологическими установками, и в силу этого добиться объективности правоведения задача почти невыполнимая. Более того, уместно задуматься над вопросом о целесообразности абстрагирования юридической науки от идеологии. В современных условиях общество особенно заинтересовано в том, чтобы носители юридического знания мыслили и действовали в контексте социально значимых приоритетов развития страны.

Юридическая наука как таковая должна обеспечить основы для регулирования общественных отношений в соответствии с цивилизационными (культурными) особенностями народов России. Следует согласиться, например, с мнением авторитетного современного исследователя о том,

¹ Уткин А. И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического // Полис (Политические исследования). 2000. № 1. С. 44.

² Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 19.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 12.04.2024).

³ Костина А. В. Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 138.

⁴ Треушников И. А. Идеология в праве и право на идеологию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 178.

что «...нельзя устанавливать якобы универсальный западный набор прав и свобод человека и гражданина без учета культуры, менталитета и иных моментов собственного развития конкретной страны»¹. Осознание необходимости ориентировать отечественную юридическую науку на поиск самостоятельных решений в условиях заданного вектора на цивилизационное самоопределение представляется своевременным и актуальным. Продуктивность следования в фарватере западной правовой мысли вызывала и в настоящий период времени вызывает в еще большей степени серьезные сомнения. Если Россия — это государство-цивилизация, то необходимо не только укрепить общекультурную самобытность, но и реализовать цивилизационный запрос в правовой сфере.

Сегодня особенно актуально звучит мнение авторитетных современных исследователей, утверждающих, что «... юридическое образование — это не нейтральный процесс», а его организацию «...можно рассматривать как важную часть идеологического механизма», присутствующего в общественной жизни². Юридическая наука (в широком смысле слова, включающая подготовку юридических кадров) идеологически насыщена в силу своей направленности и связи с общественным сознанием. «В условиях принципиальной открытости и доступности информации, — как мы отмечали, — существенную роль должны играть ценностные ориентиры личности. Для лиц, ориентированных на профессиональную деятельность в сфере правоприменения, адекватная служебной деятельности мировоззренческая ценностная иерархия выступает необходимым условием нормальной профессиональной реализации».³ В текущем учебном году в программах подготовки правоприменителей увеличились объемы преподавания всеобщей и отечественной истории, в первом семестре началось преподавание новой учебной дисциплины — «Основы российской государственности». Данные учебные дисциплины призваны обеспечить осознанную цивилизационную самоидентификацию будущих юристов. Учитывая тот факт, что юридические кадры в определенной степени могут выступать не только носителями, но и трансляторами правовых смыслов, при их подготовке возрастает значение областей знания, ориентированных на анализ проблем мировоззренческого характера.

Анализ данных проблем требует выхода на уровень предельных обобщений, тем самым блок философского знания можно рассматривать важной составляющей общегуманитарной подготовки будущих юристов. В связи с этим вполне оправдано обращение к философско-правовой проблематике и даже к преподаванию философии права как отдельной учебной дисциплины. В данной статье неуместно вторгаться в обширную дискуссию, посвященную целесообразности развития и преподавания философии права как отдельной области знания. Можно воспользоваться результатами обобщающей работы, которую проделали известные современные специалисты в области юриспруденции С. И. Захарцев, В. П. Сальников, рассмотревшие многочисленные подходы к решению данного вопроса и выработавшие достаточно взвешенную позицию. Понимая необходимость поднимать вопросы философского уровня при развитии юридической науки и образования, они предлагают рассматривать философию права как «философско-специализированную науку». Она обладает собственным предметом исследования, который включает в себя проблемное поле основных частей философского знания в той части, в которой они непосредственно направлены на осмысление права (онтология права, гносеология права, аксиология права, антропология права, логика права, этика права, праксиология права, основополагающие проблемы правосознания и правовой культуры). При этом, что важно для нас, авторы не считают возможным растворить философию права в теории права, полагают доминирующей областью знания именно философию и говорят о философии права как о методологической основе юридического знания.⁴ Данный подход представляется достаточно продуктивным.

¹ Малько А. В. Права и обязанности человека и гражданина: баланс и учет правовой культуры // Правовая культура. 2022. № 4 (51). С. 42–48.

² Баранов В. М., Клименко А. И. Функциональные характеристики правовой идеологии в фокусе юридического образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 170.

³ Треушников И. А. Роль общегуманитарных знаний в формировании профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 226.

⁴ Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия права и теория права: характер взаимоотношений // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 2. С. 176–184.

В реалиях образовательной системы МВД России представляется не принципиальным, присутствует ли в образовательной программе философия права в качестве отдельной дисциплины или нет. В рамках собственно философии достаточно ресурсов для обращения к философско-правовой тематике. Содержание комплекса исторических и общетеоретических юридических учебных дисциплин также позволяет выходить на уровень философских обобщений. В советский период общая теория государства и права существенно расширилась за счет обращения к вопросам методологии права и осмысления проблем правосознания, что в принципе позволило затрагивать предметную сферу философии права. В настоящий период границы между теорией права и философией права не выглядят достаточно определенными, а в процессе преподавания интенсивность и глубина обращения к вопросам философско-правового уровня во многом зависят от конкретного педагогического работника.

Мы полагаем, что обращение к философско-правовой проблематике при подготовке юристов будет способствовать формированию представлений о правовом идеале, решению вопросов мировоззренческого характера, выработке собственной обоснованной позиции в условиях идеологического противостояния. В контексте заявленной темы выступления хочется выразить надежду на то, что отечественная юридическая наука сможет найти инструменты и ресурсы для правового обеспечения самобытного продуктивного развития российской цивилизации.

Фомин Алексей Александрович,
доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия

Роль юридической науки в формировании духовно-нравственной основы современного российского общества

Несмотря на то, что духовно-нравственные ценности «вызревают» и накапливаются эволюционно из поколения в поколение в «недрах» социума, государственно-правовая наука не может уstraняться от участия в процессе формирования духовно-нравственной основы общества. Духовно-нравственная безопасность выступает элементом национальной безопасности, прочно и давно терминологически входит в публично-правовой лексикон. Светскость и отделение от государства религиозных объединений (ст. 14 Конституции Российской Федерации) не умаляет ведущей роли последних как моральных и духовных авторитетов в механизме генезиса идеологической атмосферы, благоприятной личностному и духовно-нравственному росту россиян, патристическому воспитанию, просвещению, социализации молодежи. Тем не менее юридическая наука, причем не только теоретико-историческая, но и отраслевая, учитывая исключительное значение государственно-правовой защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти¹, не может оставаться в стороне и пренебрегать исследованием не свойственных, на первый взгляд, для юриспруденции вопросов конституционализации и формализации социально позитивных духовно-нравственных проявлений гражданского общества. «Запрещая и карая злые проявления человеческой воли, — писал П. И. Новгородцев, — право имеет известное воспитательное значение: оно уничтожает таким образом необузданный произвол человеческих страстей и в самом внутреннем мире человека оставляет следы своего воздействия. Вот почему так важно, чтобы весь правовой склад общественных отношений проникался нравственным духом...»².

В отличие от социальных регуляторов, имеющих нравственную и категорически-императивную природу (религиозные, моральные, семейные нормы, нормы обычаев, традиций), двусторонняя представительно-обязывающая природа норм права исключает возможность предъявления к поведению участников социальных отношений и оценки их внутренней духовной жизни нравственно-гуманистических идеалов. Речь может идти о закреплении в праве минимальных стандартов справедливости,

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

² Новгородцев П. И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 113.

«минимального добра или порядка, не допускающего известного проявления зла» (В. С. Соловьев), то есть минимального, но необходимого и достаточного уровня духовно-нравственных требований, с одной стороны, предотвращающих злостные, крайние и опасные девиации и эксцессы в общественно значимом поведении, с другой — гарантирующих стабильность и предсказуемость развития общества в соответствии с его историческими особенностями и национальным менталитетом.

Духовно-нравственная безопасность — не академическая проблема, носящая скорее схоластический характер, а одно из направлений реализации стратегического национального приоритета в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Такой подход не случаен. Общественная практика демонстрирует корреляцию между эволюцией государственно-правовой надстройки и состоянием духовности, когда распад государственно-правовых институтов начинается с разрушения моральных устоев общества, кризиса нравственности, интервенции чуждой идеологии. Закономерным итогом духовного кризиса как в мире, так и в российском обществе является возведение в ранг общенациональных приоритетов и юридической наукой, и государственными деятелями, да и всеми россиянами широкого круга проблем духовного здоровья, духовной самоидентификации, нравственной безопасности.

Деградация ценностной основы общества неизбежно ослабляет инструментальный и ресурсный потенциал государства. Ему необходимо преодолевать трудности геополитического плана, социально-экономического и научно-технологического развития, последствия стихийных бедствий и природно-техногенных аварий и катастроф. И, напротив, укрепление, сохранение, защита духовно-нравственных ценностей, принципов, традиций оказывается, по существу, едва ли не ключевым фактором достижения безопасного состояния всей системы национальных интересов личности, общества и государства, фактором, обеспечивающим их взаимодействие и коммуникацию, взаимоувязанное бесконфликтное существование и функционирование в целях созидательного, поступательного цивилизационного развития¹. Национальные интересы России в сфере духовной жизни, культуры и науки лежат в том числе в правовом обеспечении духовно-нравственного совершенствования российского общества, в защите правовыми средствами его нравственных ценностей, в укреплении лучших образцов нравственности, патриотизма и гуманизма. Вот почему идея сбережения культурных, этических, интеллектуальных традиций в пределах исторически сложившейся на постсоветском пространстве единой национальной духовной общности² за последние годы получила отражение в концептуальных правовых актах в качестве одного из стратегических приоритетов развития юридической науки и государственно-правовой политики Российской Федерации³. Такая расстановка акцентов является залогом становления нашей страны в качестве одного из лидеров той части мирового сообщества, придерживающейся безусловного признания традиционных духовно-нравственных ценностей. Думается, в концептуальных правовых актах следует усилить элементы «экспансии» в духовной сфере. У России есть, что предложить миру в качестве духовных и нравственных ориентиров, поэтому необходимо коренным образом пересмотреть государственно-правовую политику в отношении зарубежной диаспоры, соотечественников, выходцев из СССР на основе пропаганды отечественных традиционных духовных ценностей.

¹ См.: Фомин А. А. Правовая жизнь современного российского общества в сфере духовно-нравственной безопасности // Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив: коллективная монография / под ред. А. В. Малько, В. В. Трофимова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 525–537; Мещерякова А. Ф., Фомин А. А. К вопросу о законодательном обеспечении религиозной безопасности в современной России // Право и безопасность. 2013. № 1–2. С. 108–112; Фомин А. А. Нравственная безопасность как объект правовой политики: общетеоретический и отраслевой аспекты // Право и образование. 2013. № 11. С. 33–39.

² См.: Аверина Д. И. Нравственная безопасность как основа формирования правового государства в современной России // Правовая Россия: теория и практика: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2012. С. 18–24.

³ Кроме упоминавшихся выше Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, имеются в виду положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Основ государственной культурной политики, Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы и ряд других концептуальных и стратегических актов.

Юридическая наука на современном этапе не должна игнорировать систематический анализ факторов риска в духовно-нравственной сфере, продуцирующий межконфессиональные конфликты, антагонизмы и столкновения духовно-нравственных ценностей. Сегодня наша страна переживает, образно выражаясь, «эпоху Ренессанса» таких традиционных ценностей, как Родина, Отечество, патриотизм, державность, государственность, соборность, национальная идентичность и национальный образ духовной жизни, коллективизм, социальная солидарность с общечеловеческими ценностями. Обретение «второго дыхания» и реставрация перечисленных выше и ряда других духовно-нравственных ценностей выступает катализатором обновления гражданского общества, государства, законодательства, регламентирующего духовно-нравственную безопасность, охраняющего духовно-нравственные ценности и права граждан духовно-нравственного содержания, то есть тех явлений, которые выступают в качестве непосредственных и основных объектов юридических исследований. В целях повышения эффективности государственно-правовой политики в области обеспечения духовно-нравственной безопасности России юридической науке следует активнее участвовать в дискуссиях по определению и формулированию национальных интересов в духовной сфере, предлагать основные направления совершенствования публично-правового механизма предупреждения и преодоления угроз нравственности в современной России.

Заслуживает поддержки идея А. Ш. Викторова о целесообразности введения в научный оборот термина «духовное право», под которым понимается система религиозных норм, норм морали и нравственности, получивших общесоциальное признание и в силу своей социальной значимости отражаемых в нормативно-правовых актах, в том числе в актах международного права и Конституции Российской Федерации¹. Однако при выстраивании правовой политики в сфере обеспечения духовно-нравственной безопасности законодатель зачастую сталкивается с трудностями при возведении нравственности в закон. Часть российского общества, в том числе и отдельными представителями юридической общественности, нравственность вообще воспринимается как юридический атавизм, то есть нравственность как понятие сугубо этическое не может регулироваться на законодательном уровне, и исполнение требований морали должно обеспечиваться лишь формами общественного воздействия. Между тем, на наш взгляд, национальному правовому менталитету и политико-правовой культуре более свойственны коллективистские ценности, чем индивидуалистические «западные», обуславливая тем самым понимание сущности национальной безопасности, в рамках которой безопасность личности обеспечивается посредством безопасности государства, а не наоборот. Такой подход имеет принципиальное значение с точки зрения анализа роли и ответственности государства и права как элементов механизма обеспечения национальной безопасности.

На конституционном уровне такие нравственные ориентиры, как уважение, согласие, мир, справедливость, любовь к Отечеству, выведены в преамбулу за рамки основного текста Конституции Российской Федерации. По справедливому мнению Е. А. Пушкарева, «установление оптимальной согласованности гипотетического императива и юридического норматива в Основном законе страны будет нелишним в век отчуждения и духовного кризиса, повысит эффективность обеспечения безопасности человека, его прав и свобод, восстановит гармонию общественного и личного как основу стабильного патриотического развития российского государства»². О. И. Цыбулевская констатирует отсутствие в Конституции Российской Федерации таких фундаментальных ценностей, как гражданская и социальная солидарность, общественный интерес и общественное благосостояние, гражданский и общественный долг³. Термин «нравственность» и вовсе упоминается в Основном Законе лишь однажды (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Правда, справедливости ради, следует отметить и обратную тенденцию: Законом о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года введена новая статья 67¹, согласно которой «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды» (ч. 3) и «на государство возлагается обязанность создания условий, способствующих всестороннему духовному и нравственному развитию детей» (ч. 4).

¹ См.: Викторов А. Ш. Духовная безопасность российской цивилизации: теоретико-методологические аспекты. Москва: Книжный дом Университет (КДУ), 2009. С. 93.

² Пушкарев Е. А. Нравственные основы юридической безопасности человека в России // Теория и практика общественного развития. 2006. № 2. С. 26.

³ См.: Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н. И. Матусова. Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. С. 146.

В правовом государстве право должно быть нравственным и содержать духовно-нравственные начала¹. В этой связи задача юридической науки состоит в том, чтобы нормативно-правовые стандарты поведения ориентировались на духовные потребности человека, отражали единые интересы нравственности в социально признанных и в первую очередь традиционных религиозных объединениях, не препятствовали исполнению специфических для каждой конфессии духовных практик, способствовали сближению их на почве истинных духовных ценностей. К сожалению, углубление кризисных явлений в обществе всегда сопровождается дестабилизацией религиозных чувств верующих, что, в свою очередь, создает питательную среду для сектантства. Противодействие деятельности псевдорелигиозных объединений и структур экстремистского характера представляет еще одно направление правового обеспечения духовно-нравственной безопасности современного российского общества.

Таким образом, сегодня юридическая наука должна обратить пристальное внимание на конституционные принципы и организационно-правовой механизм обеспечения духовно-нравственной безопасности в России. Духовно-нравственная составляющая системы национальной безопасности как государственно-правового феномена предполагает формирование прежде всего эффективного механизма охраны и защиты системы позитивных духовно-нравственных идеалов и ценностей многонационального и многоконфессионального российского народа, содержащей в себе традиционные цивилизационные коды, определяющие дальнейшие перспективы исторического развития Российского государства. В текущих геополитических реалиях процесс конституционализации и формализации духовно-нравственных ценностей, накопленных на протяжении тысячелетней истории многими поколениями народов, населявших территорию нынешней России, должен получить еще большую актуализацию в рамках юридической науки.

Хужин Альфир Мисхатович,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии МВД России;
профессор кафедры гражданского права и процесса
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

Наука и практика: современные проблемы взаимодействия в юридической сфере

Одной из глобальных проблем современной юридической науки является ее несоответствие в полной мере потребностям реальной жизни, то есть юридической практике. Да, здесь можно сразу возразить, что юридическая наука и не должна, безусловно, отвечать «сиюминутным веяниям практической юриспруденции». Наука, помимо прикладного, носит и фундаментальный характер, ориентированный на понимание того, как функционирует право, его идеи и закономерности на методологическом уровне. Наука может жить в будущем, которое практика еще не постигла! Наука должна озарять светом направление практической реализации! Эти лозунги заманчивы и верны, но отчасти.

В настоящее время тот темп, который имеется в практическом, технологическом, цифровом развитии общества уже опережает даже перспективные научные разработки, которые не поспевают за реалиями. Большинство научных изысканий в современной юридической науке либо пытаются объяснить имеющиеся практические результаты, либо ограничиваются научным прогнозом практического развития. Однако от науки, в том числе юридической, требуется большее.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145, четко определяет в пункте 28, что «Формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства, повышение восприимчивости экономики и общества к новым технологиям осуществляются путем создания условий для взаимовлияния науки и общества посредством привлечения общества к формированию запросов на результаты исследовательской деятельности, отвечающем

¹ См.: Супатаев М. А. Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект) // Государство и право. 2010. № 4. С. 11.

национальным интересам Российской Федерации»¹. Таким образом, юридическая наука должна иметь способность отвечать запросам практической потребности с учетом стратегического развития государства. Юридическая наука и практика должны иметь взаимосвязанные интересы.

К сожалению, научное юридическое сообщество и практические сотрудники «живут каждый в своем мире», которые часто не пересекаются. Представители юридической науки очень часто занимаются разработкой научных проблем, которые, кроме них и еще нескольких лиц, никого не интересуют. Диссертационные исследования выполняются исходя из погони за новизной и оригинальностью, а не из практической востребованности и значимости. Даже заказные научные исследования, то есть исходящие по инициативе практических органов, порой далеки от тех реалий, которые имеют место быть на практике.

Но и в практической юриспруденции работают сотрудники, не исходя из эффективности деятельности для достижения целей, а с позиции оптимизации и «недопущения гнева» вышестоящего руководителя. В то же время представителя научного сообщества практические сотрудники воспринимают как «пришельца из космоса», говорящего на своем языке.

Все это имеет место и в плоскости взаимодействия юридической научной среды с представителями практических органов. Если и имеются понимаемые и одобряемые элементы сотрудничества, то в качестве исключения, а не правила. Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую на примерах наших научных исследований и их применения в практической деятельности правоохранительными органами.

На уровне выполняемых заказных научных исследований (по инициативе — практических органов) имеются три глобальные проблемы.

1. *Реальная востребованность практикой научных исследований.*
2. *Соответствие ожиданий практических органов и имеющихся результатов научных исследований.*
3. *Действительная реализация результатов научной деятельности в практической плоскости.*

Приведу конкретные примеры по данному вопросу. Так, в связи с переподчинением службы лицензионно-разрешительной системы из МВД России в Росгвардию, был, по сути, утрачен интерес и практическая применимость разработанной в стенах кафедры научно-исследовательской работы: «Порядок отчуждения оружия, изъятого за административные правонарушения и хранящегося в ОВД», а также подготовленный на ее основе научный труд: «Мониторинг проблем правоприменения в области деятельности подразделений по осуществлению лицензионно-разрешительной работы и предложения по их решению». Научные исследования, имеющие реальную практическую востребованность на уровне территориальных органов, затрагивающие широкий спектр проблем, связанных с особенностями хранения, наследования и передачи изъятого оружия, стали не востребованными лишь в связи с реорганизационными процедурами в самих практических органах.

Теперь два ярких примера, когда имелась и востребованность на практике в деятельности правовых подразделений, и в содержательном плане научно-исследовательские работы были выполнены на высоком качественном уровне, но в практической реализации получили лишь фрагментарное применение.

Так, коллективом авторов Нижегородской академии МВД России было выполнено заказное научное исследование «Алгоритм проведения правовой экспертизы проектов наиболее распространенных правовых актов, издаваемых территориальными органами МВД России на районном уровне»². В этой работе были предложены последовательность (алгоритм) действий лица, осуществляющего правовую экспертизу проектов наиболее распространенных правовых актов, издаваемых территориальными органами МВД России на районном уровне. В результате проведенной работы выявлен ряд проблем и типичных ошибок при проведении правовых экспертиз в органах внутренних дел. В качестве приложений приводились блок-схемы алгоритма проведения правовой экспертизы, а также повторной правовой экспертизы после отправления проекта правового акта на доработку. Однако в своей основе как сами научные рекомендации, так и предлагаемые алго-

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

² Алгоритм проведения правовой экспертизы проектов наиболее распространенных правовых актов, издаваемых территориальными органами МВД России на районном уровне: методические рекомендации / М. В. Карпычев, А. М. Хужин, А. М. Субботин, А. В. Шухарева, А. А. Романова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России.

ритмы не были повсеместно применены сотрудниками правовых подразделений на региональном уровне.

Другой пример. Также в заказном порядке было выполнено научное исследование: «Гражданско-правовая защита репутации МВД России и подчиненных территориальных органов»¹. На базе данного научного труда была издана под моей редакцией монография «Защита деловой репутации: теория, практика, техника»². Данные научно-исследовательские работы содержали реальный обзор имеющейся на тот момент практики по защите репутации МВД России и подчиненных территориальных органов, анализировались реальные «громкие» дела, в том числе получившие огромный информационный резонанс, давалась правовая оценка ситуаций, а самое главное — давались реальные рекомендации по действию сотрудников при возникновении угроз репутации, акцентировалось внимание на действия сотрудников правовых подразделений при документировании фактов такого рода нарушений, а также уделялось внимание дальнейшему сопровождению дел в судебных инстанциях.

Да, в какой-то незначительной части аналитический материал был использован при издании приказа МВД России от 19 декабря 2018 года № 850³, а также использовались в памятках для сотрудников, разработанных на основе данного приказа, однако основные действительно востребованные меры по противодействию такого рода посягательствам, остались не реализованными, что подтверждалось дальнейшей «негативной» практикой по данной категории дел.

Высказанные проблемы требуют своего разрешения. Вот что хотелось бы предложить в этом направлении:

— во-первых, следует обязательно *проводить научный мониторинг проблем, действительно интересующих конкретные практические органы*. Положительным опытом здесь могут служить формы обсуждения насущных проблем на практике во время семинара-совещаний, учебы на факультетах повышения квалификации;

— во-вторых, *включать в состав авторского коллектива по научной разработке представителей практического органа*. В качестве положительного опыта укажем, что, например, в план научной деятельности Нижегородской академии МВД России на 2024 год, в состав авторского коллектива включен заместитель начальника правового отдела, начальник отделения судебно-исковой работы ГУ МВД России по Нижегородской области А. А. Рассадин, имеющий большой практический опыт и обладающий научным потенциалом исследователя;

— в-третьих, конечно, необходимо стимулировать проведение заказных научных разработок как со стороны головных органов, так и научных организаций за счет премирования, эффективной балльно-рейтинговой оценки, предоставления должного бюджета, времени для работы. Мотивация ученого должна обуславливаться не только научными притязаниями, служебными требованиями и практической востребованностью исследования, но и иными стимулирующими научную деятельность факторами;

— в-четвертых, необходимо *активно взаимодействовать с практическими органами* путем организации научных стажировок, анкетирования сотрудников, обсуждения проблем на различного рода мероприятиях. Только тесное сотрудничество и понимание реалий практики способствует качественному научному исследованию;

— в-пятых, обязательно следует *распространять полученные результаты исследования во все заинтересованные подразделения практических органов с получением обратной оценки эффективности проведенного исследования*. Компетентное мнение непосредственного практического сотрудника, для которого предназначалось научное исследование, его объективная оценка, указание на достоинства и недостатки работы, является действительным показателем эффективности выполненного научного труда.

¹ Гражданско-правовая защита репутации МВД России и подчиненных территориальных органов: аналитический обзор / М. В. Карпычев, А. М. Хужин, А. В. Шухарева, А. А. Романова, О. Н. Раченкова, Е. А. Попова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2020.

² Защита деловой репутации: теория, практика, техника: монография / под ред. д-ра юрид. наук А. М. Хужина. Москва: Юрлитинформ, 2020.

³ Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел российской федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России: приказ МВД России от 19 декабря 2018 года № 850. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056638> (дата обращения: 10.04.2024).

Еще одной современной проблемой взаимодействия юридической науки и практики, на наш взгляд, выступает *вопрос использования отдельных результатов выполняемых диссертационных исследований в практической сфере*. Постараюсь раскрыть данную проблему на примерах своего научного руководства над диссертационными исследованиями.

Так, несмотря на то что диссертации выполняются по теоретико-правовой специальности, в них всегда имеется блок предложений практического плана, направленный на повышение эффективности деятельности практических органов.

К примеру, в диссертации О. Н. Раченковой «Согласование юридических актов: теория, практика, техника»¹ даны рекомендации по совершенствованию согласования юридических актов. Разработанный диссертантом общий алгоритм согласования юридических актов четко определяет, когда юридический документ должен требовать процедуры согласования, а когда нет. Возможность избавиться от ряда бюрократических процедур позволила бы усовершенствовать и упростить процедуру согласования юридических документов на практике.

В диссертационном исследовании О. Н. Еремич «Юридическое уведомление: теория, практика, техника»², были предложены конкретные пути оптимизации уведомления, его основания, порядка и последствий. В частности, были сформулированы рекомендации для субъектов уведомительной деятельности по осуществлению уведомления таким образом, чтобы последнее признавалось надлежащим.

Такого ряда предложения не должны оставаться лишь «на бумаге» либо ограничиваться пресловутым актом внедрения в практическую деятельность, а действительно учитываться и реально применяться на практике.

В этой связи предлагаю следующие меры повышения эффективности взаимодействия диссертационных научных исследований и практики.

1. Диссертантам при выборе тем исследования необходимо выявлять востребованные для практической юриспруденции темы. Для этого проводить совместные заседания представителей практики, научных руководителей и соискателей перед определением темы диссертационного исследования.

2. Активно взаимодействовать диссертанту с практическими органами при написании диссертационного исследования. Не исключаю и возможность стажировки в конкретном подразделении, так или иначе затрагивающем научную проблематику исследования.

3. Приглашать представителей практики на заседания выпускающей кафедры при заслушивании отчетов о проделанной научной работе адъюнктов (аспирантов) и обсуждении самих итогов диссертации.

4. Заинтересовывать практических сотрудников в выполнении диссертационных исследований по актуальным проблемам, выявленным в процессе их практической деятельности.

5. При подписании актов внедрения в практические органы приглашать соискателей для выступления с основными выводами и рекомендациями, с их активным обсуждением и распространением результатов исследования в самих практических подразделениях.

Надеюсь, что все указанные в статье проблемы, а также пути их решения не останутся без внимания и будут восприняты в целях совершенствования системы взаимодействия юридической науки и практики.

Шабуров Анатолий Степанович,
доктор юридических наук, профессор
Уральского государственного юридического
университета имени В. Ф. Яковлева,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации, действительный
член академии военных наук

«Политика права» и «правовая политика» — важнейшие категории политико-правовой науки

В ходе развития юридической науки в центре внимания оказались проблемы, связанные с содержанием и взаимосвязью отдельных ее элементов, и, в частности, вопросы соотношения понятий

¹ Раченкова О. Н. Согласование юридических актов: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 288 с.

² Еремич О. Н. Юридическое уведомление: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2023. 231 с.

«политика права» и «правовая политика». Данные категории отечественными учеными либо отождествлялись, либо рассматривались как конкурирующие категории или рассматривались вне связи между собой.

В современных условиях формирования правового государства, совершенствования юридической науки и правового регулирования появилась необходимость рассмотрения содержания и связи указанных явлений. Их углубленный анализ показал, что эти явления самостоятельны как по своему содержанию, так и по месту и роли в юридической науке и практике, поэтому следует различать «политику права» как специфическую политику в сфере действия права и политику, осуществляемую посредством действия права, «правовую политику», рассматривая их как самостоятельные явления.

В последние годы в юриспруденции наблюдается активизация научных исследований по проблемам правовой политики. И это не случайно, ибо от ее разрешения зависит успех и других как сугубо научных, так и практических вопросов правового регулирования. Проблемы правовой политики рассматривались в большом количестве научных работ отечественных авторов. Но при этом, по мнению Н. И. Матузова, речь шла не о «правовой политике», а о «политике права», что совсем не одно и то же¹. За обилием работ по «правовой политике» вопросы «политики права» затерялись, оказались вне исследования, утратив свою актуальность. Более того, в большинстве работ политика права отождествлялась с правовой политикой.

В современных условиях развития юридической науки вопросы политико-правовых аспектов правового регулирования вновь встали в повестку дня. И среди рассматриваемых проблем весьма актуальной оказалась проблема исследования содержания политики права, определение ее места в системе науки права и правового регулирования.

Вообще, вопросы правовой политики и политики права поднимались еще дореволюционной российской наукой. По мнению Л. И. Петражицкого идея «политики права» стала находить сторонников среди представителей российского правоведения уже на рубеже IX–начала XX века². Именно Л. И. Петражицкого можно считать одним из основателей российской науки, политики права в России, которая, по его мнению, должна стать наукой цивилизованного и гармоничного развития человечества. Как подчеркивал этот российский ученый, именно эта наука может и должна ускорить и улучшить «движение к свету и великому идеалу будущего»³. По его мнению, «существо проблем «политики права» состоит в научно обоснованном предвидении последствий, какие следует ожидать в случае введения определенных правовых предписаний, а также в разработке таких положений, введение которых в систему действующего права путем законодательной деятельности (либо иным путем) оказалось бы причиной определенных желательных результатов»⁴. Но при этом он утверждал, что создание науки политики права — дело коллективной работы будущего.

Идеи Л. И. Петражицкого, успешно развивали и другие представители дореволюционной науки, закладывая тем самым российскую национально-правовую традицию в исследовании политики права и правовой политики в России. Среди них можно отметить таких известных ученых, как С. А. Муромцев, Г. В. Шершеневич, П. И. Новгородцев, Г. Д. Гурвич и др.

По мнению П. А. Покровского, учение о политике права — это «учение от том, чем должно быть право и как достичь желательных правовых изменений»⁵. Отдельные вопросы политики права рассматривал в своих работах С. А. Муромцев, который функцию «политики права» как науки видел в выработке предложений об исполнении недостатков существующего строя, обеспечении реформирования действующего законодательства. В связи с этим он полагал, что политика права «определяет цели и приемы, которыми должны руководствоваться гражданский законодатель и судья»⁶.

¹ Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 8. С. 32.

² Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Санкт-Петербург, 2000. С. 367–370.

³ Цит: Коробова А. П. Психологическая концепция правопонимания Л. И. Петражицкого и его учение о политике права // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2012. № 2.

⁴ Цит: Подгурецкий А. Очерки социологии права. Москва, 1974. С. 303.

⁵ Покровский П. А. Опыт теоретического введения в науку политики права // Юридический вестник. 1917. кн. ХУ111. С. 48.

⁶ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. Москва. 2004.

Достаточно много внимания проблемам политики права уделил профессор П. Г. Редкин, который под политикой права понимал науку, которая имеет цель постепенного осуществления идеями права в государственной и вообще в общественной жизни людей»¹.

Б. А. Кистяковский определял политику права как совокупность правил, помогающих находить и устанавливать какие-либо устойчивые нормы в общественной жизни, тем самым закрепляя за ними правовой характер. При этом политика права предполагает выработку новых правовых положений и принципов, соответствующих изменяющимся условиям и факторам.

В досоветский период политика права рассматривалась в качестве такой научной концепции, в которой нашли отражение некоторые стороны становления и развития отечественной юридической науки в целом. Эти вопросы рассматривались и советской наукой. Некоторые из них разрабатывались достаточно подробно, не потеряв своей актуальности и значимости и на современном этапе.

Изменения в общественно-политической жизни и в правовом развитии, происходящие в современной России, потребовали более полного обращения к ним.

Известный российский ученый-цивилист А. А. Симолин обратил внимание на то, что, критикуя действующее право, политика права сосредотачивает свое внимание на выработке новых, более соответствующих духу времени правовых идеалов и тех путей, по которым следует идти для их достижения»².

Б. А. Кистяковский определял политику права как совокупность правил, помогающих находить и устанавливать какие-либо устойчивые нормы в общественной жизни, тем самым закрепляя за ними правовой характер.

Несколько иначе подходил к характеристике политики права современник Л. И. Петражицкого Г. А. Ландау. Он рассматривал политику права в качестве теоретической основы изучения права как средства достижения определенных правовых целей. По его мнению, задача политики права заключается в том, чтобы давать обоснованные ответы на конкретные вопросы юридической практики, формулируя на основе конкретной юридической ситуации нормативное суждение, необходимое в данных условиях³. При этом политика права предполагает выработку новых правовых положений и принципов, соответствующих изменяющимся условиям и факторам.

Данные положения дореволюционных авторов были взяты за основу научного развития концепции политики права в современных условиях.

Обобщая основные положения современной концепции политики права, А. В. Поляков определяет ее как «совокупность представлений о путях и средствах такого воздействия на правовую ситуацию в обществе в целях приближения к правовому идеалу»⁴.

Подчеркнем, что «политика права — это именно наука, важнейшая правовая наука, получившая в последние годы существенное развитие. Российскими учеными разработаны новые юридические конструкции, правовые технологии, по-новому анализируется система права и основополагающие ее элементы и т. д. Все это привело к возрастанию качества права, повышению эффективности правового регулирования.

Ф. В. Тарановский подчеркивал, что «политика права представляет собой ни что иное, как внесение сознательного человеческого творчества в стихийный закономерный процесс развития права»⁵. Здесь проявляется сложное диалектическое единство политики и права. Политика определяется правом, которое, в свою очередь, служит средством утверждения правовой политики в процессе ее осуществления.

Другие авторы рассматривают политику права, ее содержание, цель, назначение с более широких позиций. Как полагает И. А. Ильин, «политика права — это такое научное направление, которое должно установить и доказать единую высшую цель, осуществляемую правом и правовыми союзами людей, и вслед за тем подыскать верные средства, ведущие к осуществлению этой цели;

¹ Редкин П. Г. Лекции по истории философии права в связи с историей философии вообще. Санкт-Петербург, 1889. Т. 1. С. 217.

² Симолин А. А. Слияние торгового права с гражданским с точки зрения политики права // Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. Москва, 2005.

³ Ландау Г. А. О политике права (К теории прикладных наук) // Вестник права. Кн. 1. 1906. С. 64–65.

⁴ Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. Санкт-Петербург, 2003. С. 421.

⁵ Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб. 2001. С. 341.

оно рассматривает каждое правовое явление и каждую правовую норму с точки зрения их практической годности и негодности, дает указания и советы мудрому правителю¹.

С широких практических позиций подходил к характеристике «политики права» А. Подгурецкий. Он рассматривал «политику права» как науку о рациональном осуществлении социальных изменений, производимых с помощью права, как инструментов этих изменений. «Опираясь на систему общепризнанных социальных ценностей, а также на знание закономерностей социального поведения, она занимается формулировкой директив о планировании и реализации социальных изменений»².

Права и свободы человека являются высшей ценностью. Следовательно, основанное на них право как общественное явление выступает важнейшей социальной ценностью³. Данное обстоятельство позволило Г. Д. Гурвичу охарактеризовать политику права как технику совершенствования правовой действительности, которая призвана обеспечить наиболее полную реализацию правовой жизни и тех объективных ценностей, которые присутствуют в действующих правовых нормах⁴. То есть «политику права» можно трактовать как фактор прогрессивного развития общества.

Следовательно, «политика права» — сложная комплексная наука. Поэтому проводить и реализовывать ее в практической деятельности можно только совместными усилиями всего научного сообщества. При этом в последнее время при ее развитии широко используются не только социальные, политические и экономические научные положения, но и технические, кибернетические, математические методы и методики.

Так, в распространении информационных систем, систем цифровизации права широкое научное и практическое распространение получили цифровые и математические технологии.

Практическое воплощение «политики права» находит в «правовой политике», которая выступает как неизбежный элемент правового развития общества. Важнейшее свойство правовой политики — ее государственно-властный характер, властное императивное содержание. Она потому и называется «правовой», что основывается на праве, связана с правом, осуществляется правовыми методами, охватывает правовую сферу деятельности, опирается, когда это необходимо, на государственное принуждение, является публичной, официальной, отличается нормативно-организационными началами. Во всех случаях право выступает базовым элементом этой политики.

Но ее нельзя отождествлять с «политикой права». Сегодня категория «правовая политика» рассмотрена в науке достаточно подробно, хотя в нормативных актах отсутствует ее фиксированное определение. Отсутствует единство и в ее понятии, и содержании среди ученых. Отдельные авторы понимают правовую политику достаточно широко. Так, например, Е. Н. Лебедева рассматривает ее как концептуальную государственную деятельность, осуществляемую в отношении всех сфер общественной жизни посредством права⁵. То есть автор политику права трактует как элемент правовой политики.

Однако, на наш взгляд, это не идентичные понятия. В понятии «политика права» право выступает как объект политики, с позиций же «правовой политики» оно понимается как ее субъект. Следует отличать специфику политики в сфере действия права, определяя ее как «политику права» и политику, осуществляемую посредством действия права, которая понимается как «правовая политика».

Анализируя термин «правовая политика», В. В. Трофимов обращает внимание на то, что в до-революционном правоведении чаще использовался термин «политика права», хотя по содержанию он во многом соответствует термину «правовая политика», который чаще применяется и в современной юридической литературе⁶.

В ней правовая политика определяется как «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность уполномоченных субъектов (прежде всего государственных и муниципальных органов власти) по созданию эффективного механизма правового регулирования»⁷.

¹ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. Собр. соч. в 10 т. Москва, 1994. Т. 4. С. 144.

² Подгурецкий А. Очерки социологии права. Москва, 1974. С. 305–306.

³ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. Юридическая литература. Москва, 1971.

⁴ Гурвич Г. Д. Философия и социология права: из. соч. Санкт-Петербург, 2004. С. 30–31.

⁵ Лебедева Е. Н. Правовая политика как общетеоретическая категория // Современное общество и право. 2011. № 4. С. 31.

⁶ Трофимов В. В. Правовая политика как научная основа правовых реформ // Государство и право. 2010. № 6.

⁷ Малько А. В. Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3. С. 23.

«Правовая политика» — это самостоятельная правовая категория, которая обеспечивает эффективное действие права в общественной жизни. Ее задача — создание качественно новых и более эффективных отношений между людьми. В связи с чем в правовой политике должны занимать не принудительные меры, а механизмы воспитательного и мотивационного воздействия на поведение людей.

Достаточно глубоко проблемы правовой политики рассмотрел современный отечественный ученый А. В. Малько. В своей интересной и глубокой по содержанию работе «От политики права к правовой политике» он трактует явление как понятие, охватывающее своим смыслом не только теоретический, но и практический срез: совершенствование действующего права. Правовая политика характеризуется автором как деятельность государства в юридической сфере, ориентированная на повышение эффективности правового регулирования. Отражая позицию многих современных отечественных ученых, автор утверждает, что эта категория воссоздает масштабные процессы правового развития общества, преобразование его правовой системы и упорядочивание правовой жизни¹. Однако в своей работе автор, по сути, не проводит четкого отличия правовой политики от политики права, ибо по тексту работы при определении содержания явления он в аналогичных случаях терминологически неоднократно использует оба понятия.

Применительно к развитию правовой науки можно вспомнить высказывание А. В. Полякова: «Российской науке, как представляется, необходимо продолжить усилия по разработке модернизированной теории права, которая могла бы объяснить усложнившуюся правовую реальность и связать этот поиск с решением задачи, доставшейся в наследство от теории естественного права — задачи понятия права как справедливости»². Но в основе этого должно стоять не противостояние важнейших элементов правовой науки: политики права и правовой политики, а их тесное взаимодействие. Только таким способом можно успешно решить задачу повышения эффективности правового регулирования, формирования социального правового государства и гражданского общества.

Шафиров Владимир Моисеевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации, профессор
кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского

Общая теория права: состояние, основные направления исследований и роль в современный период

Общую теорию права принято рассматривать в рамках теории государства и права — фундаментальной науки, состоящей из двух связанных и одновременно самостоятельных частей: теории государства и теории права. Базовые положения данной науки были заложены в советское время на основе материалистической государство-центристской идеологии. Объектом исследования выступают институциональные ценности (государство, его органы, законы, подзаконные акты, нормы) или государственно-юридическая реальность. На первом месте в названии науки стоит государство, тем самым подчеркивается примат государства над правом, ведь согласно материалистическому учению о праве все юридическое имеет политическую природу, а у права нет собственной истории. Государство считается единственным источником права. Именно оно создает право (формальные юридические нормы) и принудительно обеспечивает его (их) реализацию.

¹ Малько А. В. От политики права к правовой политике // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3. С. 23.

² Поляков А. В. Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии в теории права // Правоведение. 2013. № 8. С. 21.

В основе реализации лежит принцип формальной законности, то есть требование строгого и неукоснительного соблюдения норм. Поскольку сам термин «законность» произведен от термина «закон», то закон и право воспринимаются как тождественные. Стали аксиоматичными выражения: «закон есть закон»; «закон суров, но это закон»; «пусть рушится мир, но торжествует закон»; «закон закрепляет только то, что является правом»; «нужна диктатура закона»; «даже законы, содержащие величайшую глупость, надо соблюдать» и т. п. На таком идеологическом фундаменте в теории сформировался образ строго, формального, чисто внешнего, ограничивающего свободу, безучастного по отношению к справедливости, обязательно-принудительного права. Устоявшийся образ права перекоачивал и в отраслевые науки. Гражданину в таком праве отводятся малозаметные место и роль.

Рассмотрение права только в качестве инструмента государства принижает его самостоятельную ценность, значимость в обществе. Вывод очевиден: этактическое, односторонне позитивистское (часто узконормативное) восприятие права себя исчерпало. Наука, построенная на таком теоретическом фундаменте, не способна давать обоснованные рекомендации, ответы на вызовы, которые стоят перед страной в нынешних условиях. Это не могло не сказаться на престиже юридической науки в целом: ее влияние, как не печально, заметно снизилось. На сегодняшний день, к сожалению, разработки ученых правоведов не входят в перечень приоритетных направлений фундаментальных и поисковых научных исследований на 2021–2030 годы, сокращается количество бюджетных мест в аспирантуру по юридическим специальностям. Необходимо исправить положение. Юридическая наука достойна быть в этом перечне.

Одним из ключевых объектов ее исследования является величайшая ценность на земле — право, без которого невозможно решать большинство актуальных проблем современной России. Неслучайно выдающийся советский и российский ученый С. С. Алексеев назвал одну из своих книг «Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху». Следовательно, задача правоведения аргументировано довести настоящую мысль до общественного сознания, сделать ее приоритетным ориентиром для любой практической деятельности. Несомненно, определяющую роль здесь призвана сыграть общая теория права, в силу чего следует вывести теорию права из тени теории государства. Для этого есть конституционные основания. Согласно Конституции Российской Федерации (далее — Конституция) «...Россия есть... правовое государство...» (часть 1 статьи 1). В правовом государстве право по отношению к государству играет ведущую роль. Первый шаг в этом направлении сделан, а именно специальность 12.00.01 называется «Теория... права и государства...» (данные факт не учитывается в учебной литературе и, увы, сохраняется старое название теория государства и права). Перестановка местами права и государства имеет не формальное, а содержательное значение и требует внесения корректив в предмет исследования. Дело в том, что различные проблемы государства разрабатываются и другими юридическими науками: историей права и государства, историей учений о праве и государстве, государственным правом (сейчас его называют конституционным), административным правом и др. Нередко это приводит к дублированию вопросов (форма государства, политическая система, гражданское общество, государственный аппарат и т. д.), поэтому не прекращаются дискуссии о принадлежности тех или иных тем. Представляется, в теории права и государства вопросы государства должны рассматриваться не сами по себе, а через соотношение, взаимодействие с правом. В этом неправильно видеть призыв «Меньше государства», наоборот, только эффективное демократическое, социальное правовое государство увеличивает потенциал права, выступает его гарантом.

Введение теории права на первую позицию обуславливает потребность в определении основных направлений научных разработок в современный период. Квинтэссенцией в их вычленении выступают главные принципы правового государства: «не человек для права, а право для человека»; «не человек для государства, а государство для человека». Некоторые из направлений будут рассмотрены в настоящей статье.

1. *Смена парадигмы в правопонимании*, т. е. переход от односторонне позитивистского (часто узконормативного) к интегративному (многоаспектному) пониманию права. Данное требование следует из Конституции. При создании ее теоретической и нормативной модели были использованы естественно-правовой подход к пониманию права¹ и положения юридического позитивизма. Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный интегра-

¹ См.: Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. Москва: Инфра-М, 2011. С. 53.

тивный (естественно-позитивный) характер. Синтезом естественного и позитивного права не исчерпывается многоаспектное правопонимание. Эти две теории заложили фундамент интеграции, или основу для сближения различных концепций права. Каждая из концепций имеет самостоятельное научное значение, несет присущую ей определенную позитивную информацию о той или иной стороне права. Право есть явление многогранное. Совместимость концепций права строится на совместимости отображаемых ими различных сторон права. При этом ни одна из школ в отдельности не дает, да и объективно не может дать, представление о праве как целом явлении. Как показала история советской правовой мысли, любые попытки сделать это порождали конфронтацию, новые неточности, заблуждения, ошибки, отдаляли от полного и всестороннего освещения права. За интеграцией научных школ права (при сохранении их самостоятельности) — будущее¹.

2. Во главу угла научных изысканий должно быть поставлено человеческое измерение права (человекоцентризм). Человеческое измерение права — исходный пункт (критерий) интеграции научных школ. Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности — часть 2 статьи 17) и позитивное начало (политическая природа — статья 2). Конституция, выделяя личностную природу права, провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью (статья 2). Изменен подход к содержанию права: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (статья 18); «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (часть 3 статьи 17). Следовательно, не юридические нормы, а закрепленные в них права, свободы и обязанности являются элементами содержания права. Права и свободы представляют собой наиболее адекватное и полное выражение меры свободы личности. В обязанностях проявляется мера справедливости. Справедливость, в отличие от свободы (ей можно не воспользоваться), требует должного, обязательного поведения. Поступать несправедливо запрещено.

3. С общетеоретических позиций следует подойти к изучению термина «конституционность». Устоялась точка зрения, что данный термин является отраслевым, входит в понятийный аппарат науки и отрасли «конституционное право». Думается, что это ошибочное мнение. Его наличию способствует неточное обозначение Конституции как основного закона. Конституция олицетворяет собой акт народоправия (референдума), воплощающий в себе достижения отечественной и мировой цивилизации и культуры. Если сказать образно, то она представляет собой светскую правовую «библию» свободы и справедливости в обществе. Первые две главы Конституции, наряду с другими основополагающими положениями, закрепляют идею права и, как уже было отмечено ранее, концепцию понимания права. Таким образом, Конституция сама есть право (его первоэлемент, сердцевина), его высший источник, высшая форма выражения. Верховенство права есть, прежде всего, верховенство Конституции. Именно Конституция стоит на страже правового суверенитета Российской Федерации внутри страны и за ее пределами. Верховенство Конституции обеспечивается требованиями конституционности, а не законности.

Закон — следующий, отраслевой (межотраслевой) уровень верховенства права. Верховенство права данного уровня обеспечивается требованиями конституционности и законности. Положения Конституции (особенно ее первых двух глав) имеют всеобщее, универсальное значение, а их изучение — задача теории права и отраслевых наук. Выделение науки и отрасли конституционного права, хотим мы этого или нет, понижает место и принижает роль Конституции в правовой системе, превращает ее в рамках отрасли в чисто отраслевой юридический источник².

Таким образом, в аспекте конституционности необходимо проводить разработку всех современных проблем, входящих в предмет теории права и государства.

¹ Об интегративном понимании права см.: Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. Москва: РГУП, 2018; Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. №7. С. 5–19; Шафиров В. М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 24–33 и др.

² Автором уже была высказана мысль, что правильнее было переименовать науку и отрасль «конституционное право» в государственное право. См.: Шафиров В. М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 2–3.

4. *От формальной законности к правозаконности.* В теории права в качестве важнейшего признака права выделяется формальная определенность. Формальность права экстраполируется на все его проявления, включая законность. В науке на практике сложилось убеждение, что чем выше степень строгого и неуклонного соблюдения юридических предписаний, тем выше уровень законности, тем она прочнее и устойчивее. В таких ситуациях нет обязанности рассуждать о справедливости, разумности принимаемых решений, так как одобрено будет все, что формально соответствует букве закона. Формальный подход несовместим с конституционным пониманием права, не вписывается в модель правового государства. На недопустимость формального рассмотрения дел неоднократно указывали Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации. Конечно, речь не идет об отказе от требований соответствовать форме (соблюдать и исполнять законы всеми, к кому они адресованы; соблюдать иерархию законов и иных нормативных актов; соответствия законам нормативных договоров, правовых обычаев; непротиворечивости нормативным актам актов применения, непосредственной реализации; соблюдение, установленных законом порядка урегулирования вопросов, например, досудебного порядка, сроков подачи документов, правильности их составления, полноты перечня и т. д.), без этого просто не обойтись. Вместе с тем неоправданно преувеличивать их роль, ведь одна из ключевых содержательных конституционных новелл: «Права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов». Отсюда в законности главное содержательные, а не формальные требования, поэтому ее правильнее называть правозаконностью. Содержательные требования правозаконности вытекают из связи законности с конституционностью и моральностью. К ним относятся верховенство Конституции (права); недопустимость применения закона, иного нормативного акта, противоречащего Конституции; приоритет соблюдения защиты прав и свобод человека и гражданина; обеспечение непосредственного действия прав и свобод; уважение прав и свобод, достоинства личности; недопустимость нарушения баланса прав и обязанностей и др.

5. *Нормативная регуляция не сводится к норме права.* Многие юристы (теоретики и практики), говоря о праве, имеют в виду нормы. Да, юридическая норма — наиболее распространенное правило поведения, но не единственное. Конечно, возникает вопрос: «Что понимать под общим правилом поведения?» Общее правило поведения — это общая модель возможного и должного поведения. Сложилось два вида общих правил: нормы права и нормативные правовые обобщения. Конкретное, структурно организованное правило — это норма права. Нормативные правовые обобщения — правила поведения, которые в сжатом, концентрированном виде выражают содержание права. Нормативные правовые обобщения также, как и нормы, являются первичными элементами системы (внутренней формы) права. К ним относятся правовые принципы, цели, задачи, дефиниции и т. п. Они введены в тексты нормативных документов не в качестве украшения или как дань традиции, а как необходимые регулятивные средства. Только руководство всеми правилами поведения позволяет выявить в каждой конкретной ситуации действительный смысл права, правового регулирования, принять справедливое и разумное решение, и наоборот, применение одних юридических норм приводит к грубым содержательным ошибкам.

6. *Необходимо более углубленное исследование субъективной стороны правомерного поведения.* Представляется, это важно в не меньшей, а может быть, в большей степени, чем субъективной стороны противоправного поведения. Суждения о праве как о сфере внешней свободы, безразличии законодателя, правоприменителя к внутреннему состоянию правомерно ведущего человека устарели. Они вступают в противоречие с закреплением в Конституции личностной природой права, с конституционными положениями о человеке, его правах и свободах как высшей ценности. Дозволительное правовое регулирование направлено исключительно на субъективную сторону поведения. Особенность такого воздействия состоит в том, что оно является не ограничивающим или принуждающим, а позитивно побуждающим. В поведении при использовании прав презюмируются добросовестность, разумность, уважение прав и свобод других людей. Выявление таких качеств происходит путем анализа мотивов, целей, ценностных ориентаций, психологических установок, проявившихся в правомерном поведении. Оценка внутреннего состояния индивида при соблюдении и исполнении обязанностей также значима и требует обстоятельного изучения с позиций общей теории права.

7. *Преодоление противопоставления права и морали.* В отечественных философии, философии права, общей теории права утвердилось видение права и морали в качестве антиподов. Философ В. С. Соловьев вывел формулу, в которой право — низший предел нравственности.

По мнению В. С. Нерсисянца, создателя либертарно-юридической теории, «...1) право и мораль — принципиально различные социальные явления, нормы, регуляторы; 2) специфическим принципом права (в его различии с законом) является принцип формального равенства; 3) с точки зрения юридического правопонимания, принцип морали есть принцип автономной саморегуляции личностью отношения к себе и к миру, своего поведения; 4) соотношение права и морали — это соотношение разных принципов; 5) закон (позитивное право) должен быть правовым, но не моральным... Морализация закона столь же ошибочна и вредна, как и узаконение (огосударствление) морали»¹.

Право и мораль бесспорно отличаются, а вот противопоставлять их, проводить между ними конфронтационные линии не верно. Плодотворнее находить пути взаимодополнения и сближения данных мегарегуляторов. Взаимодополнение позволяет им более полно и всесторонне воздействовать на общественные отношения, эффективнее защищать права гражданина. Так, компенсация морального вреда в настоящее время предусмотрена в разных отраслях права, однако размер компенсации не всегда бывает адекватен возникшей ситуации. Бывает, что взыскиваются небольшие суммы, даже когда причинен значительный ущерб здоровью: человек утратил трудоспособность, лишился возможности заниматься любимой работой. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» разъяснено: «...Вопрос о разумности присуждаемой суммы должен решаться с учетом всех обстоятельств дела, в том числе значимости компенсации относительно обычного уровня жизни и общего уровня доходов граждан, в связи с чем исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы...». По сути, Пленум обратил внимание на необходимость при решении вопроса о компенсации одновременно применять юридические и нравственные принципы и нормы.

8. *Углубление связи фундаментальности и практико-ориентированности.* Теория права как фундаментальная наука изучает проблемы правоге́неза, эволюции права, его природы, сущности, содержания, форм и т. д., разрабатывает понятийный аппарат для всего правоведения, поэтому ее принято называть общей наукой о праве. Особо подчеркивается высшая степень абстрактности теории права. Считается даже, что, в отличие от отраслевых наук (предметом изучения которых служат нормативные акты, конкретные юридические дела), общетеоретические изыскания лишь опосредовано (через отраслевые науки) связаны с юридической практикой. Это неточное суждение. Любая юридическая наука в той или иной мере абстрактна. Да, уровень абстракции теории права выше, однако данное обстоятельство не исключает, а, напротив, предполагает непосредственную практико-ориентированность фундаментальных теоретических исследований. Практическая направленность теории права в рассматриваемом аспекте обусловлена закрепленной в Конституции личностной природой права, ключевыми конституционными положениями о человеке, его правах и свободах как высшей ценности, об их непосредственном действии, тем, что они определяют смысл, содержание и применение законов и т. д. Однако нередко общие положения глав 1 и 2 Основного правового документа страны не только практиками, но и учеными рассматриваются как декларации, программные положения, не имеющие прикладного значения. На самом деле это правовые принципы и нормы прямого действия, конкретизация содержания (прав, свобод и обязанностей) механизма осуществления которых требует глубокой общетеоретической практико-ориентированной разработки. Более того, именно органичное сочетание фундаментальности и прикладной направленности исследований в общей теории права позволяет перенацелить отраслевые науки, юридическую практику в сторону замены формального содержательным, человекоориентированным подходом. Только при таком условии возможна качественная модернизация правотворчества, правореализации, правового образования.

Проделанный краткий анализ позволяет сделать вывод, что одной из центральных ролей общей теории права в современных условиях является упрочение в науке и практике позиции конституционного (человекоориентированного) понимания права и вытекающего из него нового образа права, в котором право предстает как гуманное, выражающее свободу и справедливость, разумное, ориентированное на внутреннее и внешнее поведение, определенное, гарантированное государством и обществом социальное явление. Право в человеческом измерении — важнейшая составляющая в комплексе факторов обеспечения, определенных в Указе Президента Российской

¹ Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право 1998. С. 116.

Федерации от 7 мая 2024 года № 309 национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

Igor V. Ponkin,
 Doctor of Science (Law), Professor,
 Department of Administrative Law and Procedure,
 Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
Alena I. Lapteva,
 Candidate of Sciences (Law) (PhD (Law)),
 Associate Professor, Department of Sports Law,
 Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Scientific methodology: Classification in Law

Introduction

The understanding of the specificity of classification in law, its peculiarities, mechanisms and instruments has always been relevant.

Classification is an integral part of cognition, understanding (relevant ideas about a subject), interpretation and implementation of law, treatment of law, and generally constitutes, to a great extent, the very essence of legal practice, even more so — of legal profession. Classifying is an integral part of the process of law-making, the process of understanding and interpretation of law, the implementation of law. That is why it is so important to have an understanding of the applicability, the characteristics, the instruments, the peculiarities, the conditions and application limits of classification in law, desired and possible results of classification in law.

As Russell H. Curtis wrote as far back as 1894, classification in jurisprudence plays a significant role for its study, its best understanding, development, and also for streamlining the lawyer's work and improving its quality¹. Scientific interpretation of law starts with an attempt to differentiate situations which look similar on the outside, and thus to establish specific categories, principles and differences².

According to V. M. Syrykh, "classification in jurisprudence is used very widely since there does not seem to be any other way to bring the whole variety of legal and other phenomena, processes constituting the object of the legal science to a definite and easily observed unity"³.

In any of the cases or aspects of applying classification in law the product of such classification is a range of product options between a relatively simple listing and a logically interconnected complex multi-component multi-level construct.

To begin with, the authors would also like to say a few words about the relationship between the notions of "classification of law" and "classification in law". The authors believe that classification in law (in legal theory and practice, as well as in law as a phenomenon of regulation) is wider than classification of law, which is a mere individual case of classification in law.

This article focuses mainly on the study of conceptual and theoretic approaches to classification in law.

Without, however, going too deep into the history of the issue, the authors admit that the study of differences in the specific approaches of classification in law in Ancient Rome and Ancient Greece, in China and Japan (at different periods of time), in the USSR, in Islamic law is of significant scientific interest, but reasonably believe that these issues go beyond the scope of the research concept of this paper.

¹ Curtis R. H. Classification of Law. Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1894. Vol. 4. Pp. 42–56.

² Pound R. Classification of Law. Harvard Law Review. 1924, June. Vol. 37. No 8. Pp. 933–96.

³ Syrykh V. M. Preparation of theses in juridical sciences: an applicant's reference book. Moscow: Russian Academy of Justice, 2012. 500 p. (In Russ.)

The notion, the specifics, the methods and specific features of using classification in law have, on many occasions, been a matter of interest to many researchers, among which we could note Russell H. Curtis¹, A.N. Whitlock², Arthur L. Corbin³, Roscoe Pound⁴, Albert Kocourek⁵, Charles C. Ulrich⁶, Werner B. Ellinger⁷, Jerome Hall⁸, Richard T. Morris⁹, J. Narain¹⁰, Jay M. Feinman¹¹, J. E. Penner¹², Geoffrey Samuel¹³, Alexander Orakhelashvili¹⁴, Andrey A. Solovyev¹⁵, as well as the authors of this article¹⁶.

The topic, however, cannot be said to have been exhausted. The topic remains to be full of gaps and uncertainties, and needs further research.

1. General issues

1.1 General concept of classification

In its general meaning, according to definition of the authors of this paper, **classification** is an integrated logical operation behind a homonymous method of scientific comprehension, cognition, explanation and description which implies and includes the following actions and procedures as part of the same logic:

- positioning of a criterion (criteria) of division at the base of a classification;
- systemization (generalization) of an array (volume, variety) of data or images of objects (objects, phenomena, processes, interrelations) with an orderly, structuring and hierarchizing division and allocation (complex of divisions) of discrete (subject to discretization and lending itself to it) objects of a particular subject-object area (objects, phenomena, processes, interrelations) according to a particular criterion or a complex of criteria) into categories (categorization), groups or classes on the basis of their certain likeness or likeness (or correlativity and comparability) in some characteristics subject to concretization;
- categorization, indexing of the elements of classification (attributing referential characteristics to the elements);
- topologization (attributing and ascribing each element an appropriate place in a certain real or imaginary order), an example would be cataloging;
- representation of each element (object) and/or each group of elements (objects) in a reliable and convenient (for viewing, recognition, identification and comparison) form all the groups of objects (all the objects) of this subject-object area reflecting as much substantial information about them as possible¹⁷.

¹ Curtis R. H. Classification of Law. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1894. Vol. 4. Pp. 42–56.

² Whitlock A. N. Classification of the Law of Trusts. *California Law Review*. 1913. Vol. 1. No 3. Pp. 215–221.

³ Corbin A. L. Jural relations and their classification. *Yale Law Journal*. 1921. Vol. 30. Issue 3. Pp. 226–238.

⁴ Pound R. Classification of Law. *Harvard Law Review*. 1924, June. Vol. 37. No 8. Pp. 933–969.

⁵ Kocourek A. *Jural Relations*. Indianapolis: BobbsMerrill, 1927. 482 p.

⁶ Ulrich C. C. A Proposed Plan of Classification for the Law. *Michigan Law Review*. 1935. Vol. 34. No 2. Pp. 226–256.

⁷ Ellinger W. B. Subject Classification of Law. *The Library Quarterly*. 1949, April. Vol. 19. No 2. Pp. 79–104.

⁸ Hall J. Some Basic Questions Regarding Legal Classification for Professional and Scientific Purposes. *Journal of legal education*, 1953, vol. 5, pp. 329–343.

⁹ Morris R. T. A Typology of Norms. *American Sociological Review*, 1956, vol. 21, no 5, pp. 610–613.

¹⁰ Narain J. Classification of law. *Journal of the Indian Law Institute*, 1970, vol. 12, no 1., pp. 119–126.

¹¹ Feinman J. M. The Jurisprudence of Classification. *Stanford Law Review*. 1989. Vol. 41. No 3. Pp. 661–717.

¹² Penner J. E. Basic Obligations. *The Classification of Obligations* / ed. by Peter Birks. Oxford: Clarendon Press Publ., 1997. P. 91.

¹³ Samuel G. H. *Epistemology and Method in Law*. London: Routledge, 2016. 416 p.

¹⁴ Orakhelashvili A. The Classification of International Legal Rules: A Reply to Stefan Talmon. *Leiden Journal of International Law*, 2013, vol. 26, Issue 1, pp. 89–103.

¹⁵ Solovyev A. A. Russian and international experience of the systematization of sports legislation. Moscow: Commission for sports law of the Association of Lawyers of Russian Federation, 2011. 383 p. (In Russ.)

¹⁶ Ponkin I. V., Lapteva (Redkina) A. I. Classification as a Method of Scientific Research, Particularly in Jurisprudence. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2017. Issue 37. Pp. 249–259; Ponkin I. V., Lapteva A. I. *Methodology of Scientific Research and Practical Analytics: A Textbook: Fourth Edition. Vol. 2: Scientific research*. Moscow: Buki Vedi Publ., 2023. Pp. 453–490. URL: https://moscou-ecole.ru/2023/06/29/methodology_4-2_2023. (accessed 20.05.2024). (In Russ.)

¹⁷ Ponkin I. V., Lapteva (Redkina) A. I. Classification as a Method of Scientific Research, Particularly in Jurisprudence. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki. Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2017, Issue 37, pp. 249–259. (In Russ.)

Birger Hjørland defines classification as «a term used both about the process to classify and about the resulting set of classes, as well as the assignment of elements to pre-established classes. The wide meaning of classification is the process of distinguishing and distribution kinds of “things” into different groups. All narrower meanings of classification are based on the wide definition but add some extra requirements or restrictions put to the classification process and the resulting classification system — for example, the requirement that a classification should use only one criterion of division at a time, that classes should be mutually exclusive, and jointly exhaustive, are requirements demanded by some specific theories of classification, but not requirements that are common for all kinds of classification as here defined”¹.

We would also like to examine such notions as “classification”, “systematization”, and “taxonomy”.

With regard to systematization and classification — including, in law — as well as the way these methods of scientific cognition correlate, there exist various approaches to this issue.

Thus, on the one hand, one of the objectives of classification is none other than systematization of knowledge.

On the other hand, L. A. Sosunova and Ye. A. Serper regard systematization and classification on a par with topology as the principal methods of grouping the items of scientific knowledge².

As Hiroyuki Yoshikawa notes, general process of knowledge systematization consists focusing (setting up a view), articulation, collection and codification, crystallization, reusing and sharing of knowledge, and verification³.

The authors of this article understand, consider, and interpret the classification as:

— one integral research method, which can be used in various ways, depending on the specific avenues of knowledge within the framework of legal science and practice, as well as the purposes of the application of this method of acquiring scientific knowledge;

— integrated applied method of systematic arrangement (systematisation) of normative legal, normative technical (standards) and other normative arrays, legal relations, legal processes, professional legal activity, legal ontologies (in this sense, the concepts of systematisation and classification are considered as synonymous).

1.2. Methods and materials

The authors’ approach to the definition of classification in law rests upon the basic principles of the science of logic and the science of system analysis, on the basic approaches of the theory of law and the State.

The authors’ approach to the definition of classification in law is based on the fundamental principles of the science of logic, having been additionally influenced by the most well-known theories of classification, such as those developed by Herbert Spencer. Dividing all sciences into abstract, abstract-concrete and concrete, as proposed by the latter, is likewise applicable to dividing disciplines within an individual science, such as jurisprudence⁴.

2. Concept and features of classification in law

2.1. Taxonomy of classification in law

The doctrine about the principles and practice of classification is called taxonomy⁵.

As is known, taxonomy (from Greek τάξις meaning “order”, “arrangement” + νόμος meaning “law”) is the part of science (belonging to the methodology of scientific comprehension and cognition) that deals with the criteria, principles, instruments of classification of complex hierarchically related objects (theoretical categories, abstract notions, physical objects, phenomena, relations, processes etc.).

Taxonomy allows one to focus research activities and substantiate principles of rational classification and systematics⁶.

¹ Hjørland B. Classification / Encyclopedia of Knowledge Organization. URL: <http://www.isko.org/cyclo/classification#3.4> (accessed 20.05.2024).

² Sosunova L. A., Serper Y. A. Theoretical foundations of the systematization of scientific knowledge. *Economic Sciences*, 2010, no 8, pp. 5–54. (In Russ.)

³ Yoshikawa H. Systematization of Design Knowledge. *CIRP Annals*. 1993. Vol. 42. No 1. Pp. 131–134.

⁴ See: Spencer H. The classification of the sciences. New York: D. Appleton and company, 1864.

⁵ Jeffrey C. Biological Nomenclature. Second edition. London: Hodder Arnold, 1977.

⁶ Sosunova L. A., Serper Y. A. Teoreticheskie osnovy sistematzatsii nauchnykh znani. Theoretical foundations of the systematization of scientific knowledge. *Economic Sciences*, 2010, no 8, pp. 5–54. (In Russ.).

According to our original conception, taxonomy of classification in law can be described (disclosed) by means of the following group of classifications of various functional, target-oriented and other aspects of the application of classification in law:

1) as a method and an integral instrument of structural and functional division inside a norm of law as such, in a classic case of a legal norm featuring intrastructural elements: hypothesis, disposition, sanction (such structuring of legal norms became widespread in the Soviet legal science);

2) as a method and an integral instrument of positioning and allocating juridical norms in the hierarchical system of legal regulation:

— as a paradigm and a method to phrase the division criteria, form the basis of systematic arrangement (orderly systemic alignment) for the arrays of the norms of law (as well as technical norms, i.e. norms of technical regulation, extra-legal norms, i.e. norms of self-regulation — norms of different, apart from law, systems of normative regulation) and categorize them;

— as a method of systematization of the arrays of legal norms for purposes of determining the place of juridical norms in the hierarchical system of legal regulation, their indexing, attributing and prescribing each norm of law its place in the general normative order and assigning to it specific regulatory functions and a specific mode of interrelations with other norms; there is an established division (here we just mention, but not evaluate, since that is not the topic of our work) for norms of law in juridical academic and educational literature (the list is not complete):

- according to the criterion of interest manifested in a norm of law: norms of public law, norms of private law;

- according to the criterion of the object of regulation (using the sectorial criterion of homogeneity of the regulated relations): norms of civil law, constitutional law, administrative law, criminal law and many others;

- according to the criterion of the object of regulation (another subcriterion of division): norms of substantive law and procedural norms;

- according to the criterion of the method of regulation: imperative, dispositive, advisory, incentive norms of law;

- according to the criterion of permissibility (according to the form of expression of a legal provision): permissive norms of law, binding norms of law, prohibitive norms of law;

- according to the criterion of the extent of regulation: initial (basic) norms, general norms, special norms;

- according to the criterion of the degree of certainty of the elements of a norm of law: absolutely defined norms of law, relatively defined norms of law, alternative norms of law;

- according to the criterion of temporal parameters of a norm of law: permanent legal norms, temporary legal norms, individual one-off legal norms;

- according to the criterion of the degree of legal force (and the criterion of source): norms of national (federal — in federations) laws, norms of regional laws, norms of bylaws of governmental authorities (of various levels), norms of municipal normative acts;

- according to the criterion of functional and target-oriented purpose: competence, collision, compensation, protective norms etc.;

- according to the criterion of the intended purpose in the legal system: regulatory norms of law, ultimate norms of law (norm-principles and norm-origins, norm-declarations, norm-programs);

3) as a method and an integral instrument of systemic arrangement (orderly systemic alignment, systematization) of the arrays of normative legal regulation and operation thereof:

— as a paradigm and a method for positioning criteria of division forming the basis of systemic arrangement (orderly systemic alignment) of the arrays of normative legal acts (legislative acts and bylaws) and normative technical regulation acts;

— as a method and an integral instrument of forming (and / or reflecting), supporting and developing normative legal order (real or imaginary, fictional), implying the classification of individual branches (including complex ones) and sub-branches of law, institutions (including inter-branch ones) and sub-institutions of law;

— as a method of functional and structural construction (and, consequently, the condition of ontology) of a united hierarchically and vertically aligned system of law, including topologization (assigning an appropriate place in a certain real or imaginary order to each element);

— as a method and an integral instrument of simplification of law and simplification of legislation;

4) — as an integral method of scientific cognition in law:

— as a method of systemization (generalization) of an array (volume, variety) of images of objects (objects, phenomena, processes, interrelations) with orderly, structuring and hierarchizing division and allocation (complex of divisions) of discrete (subjected to discretization and lending itself to it) objects of a subject-object area (objects, phenomena, processes, interrelations) according to a particular criterion or a complex of criteria) into categories (categorization), groups or classes on the basis of their certain likeness (or correlativity and comparability) in some characteristics which are subject to concretization to reflect objects, fix, generalize and transform their scientific images in comprehension, cognition, interpretation and explanation of the legal reality;

— as a method of formalized and conceptualized representation (simple, frame-based or logistical) of each element of the legal space, legal order and legal reality (ontology) — of norm, category, subject, object, action, phenomenon, interrelation — and / or each group of elements in a reliable and convenient (for viewing, recognition, identification and comparison) form all the groups of objects (all the objects) of this subject-object area, reflecting as much substantial information about them as possible;

— as a method, an integral instrument and a result of organization (including structurization) of knowledge about law, its subjects and objects, legal relations, enforcement of law, legal process, legal space, time in law;

— as a method of cognitive mapping (creating a topologized complex image of a familiar (recognizable) environment of legal space (including context, connotation, discourse);

— as a method of organizing scientific research, a method of logical arrangement of applied or obtained data, a method of scientific research evaluation;

— as a method of generalization and representation of the functions of law;

— as a basis for understanding, fixation, systemization and interpretation of the defects of legal norms, the defects of normative legal acts, the defects of legal regimes (for the purposes of prevention and reduction of such defects);

5) as a practical juridical technique and an integral instrument of casual (in a specific situation) selection of norms of law and normative legal acts to be applied or possibly (acceptably) and meaningfully applicable, application of corresponding norms of law and normative legal acts:

— as a method of searching, integrative selection and interpretation of referential norms of law subject to articulation and / or application in a particular legal situation, their understanding and interpretation;

— as a method of juridical qualification of deeds implying the correlation of such with clearly defined (indicated) categories, groups, structures;

— as a method of juridical evaluation of legal relationships (and relationships in general), implying the correlation of such with clearly defined (indicated) categories, groups;

6) as a practical juridical technique and an integral instrument of casual (in a specific situation) selection of juridical sanctions to be applied or possibly (acceptably) and meaningfully applicable (for example, according to one of the conventional criteria of division the sanctions can be classified as absolutely-defined, relatively-defined, alternative);

7) as a practical bibliographical and source criticism method of arranging educational and academic juridical literature (although de facto the most commonly used is the alphabetical method of classification of the quoted literature or, at best, the method of breaking down into a few large branches of law which cannot be considered satisfactory, but, nevertheless, we must mark this position as well).

It is important to note that in our concept of the taxonomy of classification in law mentioned above certain specified positions may overlap, content-wise, with the purposes of classification in law.

It is clear that methods, instruments and special aspects of legal classification, as well as its application, depend, to a great extent, on the legal system (its peculiarities, traditions, trends in development) of a specific state with regard to the law of which such classification is being applied.

Moreover, it shall be understood that any such systematization is, to some extent, conventional (conditional).

In this sense, according to Geoffrey Samuel, who made a very significant contribution to the development of the scientific ideas about the applicability and limits of the classification in law, “when one turns to law, classification, as we have already suggested in the previous chapter, is one fundamental legal skill in the analysis and sorting of facts. However, ... facts can be classified in a number of quite different ways, depending upon the “describer” used. The facts could be classified according to the relationships flowing between the parties, the damage suffered, the status of the parties or the nature of the thing that does

the damage. Another way of classifying the facts is in relation to a “describer” that is dictated as much by the discourse of law as by any objective reality. For example, the case could be categorised according to the nature of the interests in issue; in turn these interests could imply a certain category of plaintiff, such as “consumer”. Classification is equally essential with respect to legal rules and legal concepts. Different categories of law reflect different normative “describers”, these “describers” in turn finding expression through different kinds of legal concepts... What one can legitimately ask, however, is whether such a taxonomical scheme has the same objective validity as the schemes that underpin a natural science like zoology. Or, put another way, are the objective “describers” that underpin the civilian scheme rooted in social fact or social values?»¹.

For example, according to Roscoe Pound, “classification is an arrangement of phenomena classified in a particular way, whereas legal provisions are neither conclusions, nor inevitable consequences of classification”, and, besides, “an individual branch of law or an institution of law is a system of practical corrections or compromises, proved and well-founded by experience, and not a complex of universal, inevitable logical conclusions”².

2.2. Requirements to classification in the field of law

Classification penetrates the entire ontology of law; in particular, **normative legal regulation is generically directed at:**

1) creation of the fundamental “rules of the game” (rules of conduct) in specific spheres of social relations, establishment and maintenance of certain boundaries for actions (behavior), relationships and interactions taking place in the society, including interpersonal relations, social life, economy and politics;

2) active administration, including alteration, of social relations and processes, aimed, among other things, at:

— arrangement, support and assistance of the development of social, economical, political, and other spheres of the life of the society and corresponding relationships of a territorially outlined volume of population subject to a sovereign jurisdiction (with regard to such relationships, presumably subject to arrangement by the state);

— selective correction of social relations and processes by putting (returning) them on the right track (“channeling”), as well as alternation of certain parameters of relationships and processes;

— restriction and suppression of unlawful relationships and acts;

— restriction, inhibition (deceleration) and damping (softening) of unfavorable or dangerous social relations and processes, reduction and damping of the consequences of such relations and processes, prevention of conflicts;

— sanctioning, stimulation (catalyzation, etc.), synergetic intensification of desirable or expected positive relationships and processes;

— legal defense and protection of the objects entitled to such defense and protection;

— keeping social relations and processes in a casually (as conditions may demand) required state of balance, stability, rigidity, or, on the contrary, in a casually required state of development (changes);

— protection of the subjects of social relations and the participants of the processes from unfounded and, as a consequence, excessive interference of public authorities;

— implementation of a pedagogic function and prevention of legal offences;

3) provision of guarantees, conditions, and procedures of interaction between public authorities and all other subjects, as well as interaction of said authorities with each other;

4) regeneration, permanent homologation³ (refinement, improvement of characteristics for the purpose of harmonizing with certain standards or requirements or facing the current challenges) of normative legal regulation and (with due periodicity) systematization of the arrays of normative legal regulation;

5) regulation of construction, functioning and regeneration of the “public governance machine” itself, of the system of public administration (in the generic sense).

Classification of law can be implemented in different ways and according to different criteria with the use of general methods and approaches of classification or some special ones. Nevertheless, one can distinguish certain requirements to classification in law.

¹ Samuel G. H. Epistemology and Method in Law. London: Routledge, 2016. P. 220–221.

² Pound R. Classification of Law. Harvard Law Review. 1924, June. Vol. 37. No 8. Pp. 933–969.

³ The term “homologation” reflects refinement of an object or a process and improvement of its characteristics for the purpose of harmonization with certain specific standards and requirements and in relation to achieving harmonization with such standards and requirements.

Jerome Hall points out the following requirements to classification in the field of law:

- classification must be a permanent and continuous process;
- there exists a need of constant search for more suitable and effective classifications, since the approach, according to which each classification is self-sufficient and comprehensive in and of itself and there are no standards for evaluation of a classification without reference to the interests of a particular classifier, is not relevant and correct, nor does it promote the development of the science;
- for the classification of objects in jurisprudence it is necessary to define basic units, as is the case with species and elements in chemistry or biology;
- there also exists a need to define specific distinguishing features of such units in order to make it possible to identify and classify them in such a way that will allow to make wider generalizations;
- the classification must not be drawn “out of thin air” but must be elaborated only together with the establishment of significant uniformity, likeness or relevance and interactions between the objects under consideration¹.

2.3. Instrumental Library Classification

Classification of law frequently plays a purely instrumental role of ensuring systematization and facilitation of finding corresponding data within the framework of, say, bibliographic classifications.

Among those existing, the so-called Henry Bliss classification² identified as a special case (or direction of development) of the so-called faceted classification should be singled out as the most well-known type (relevant to the study of law). This classification is based on the idea of the faceted structure of law³.

In its conventional meaning, a **faceted classification** is a method of organising knowledge into a systematic order using semantic categories, constituting an enumerative taxonomy of concepts with subordinate “facets” (sub-hierarchies), that is, a complex set (a fixed combination) of several simultaneously built, on different grounds, and independent, on these grounds, classifications, in which the concepts are presented in the form of an intersection of a number of features while classification indices are synthesised by combining these features.-

The library-bibliographic classification has been widely used in Russia⁴.

According to Eduard Sukiasyan, «The Library-Bibliographical Classification (LBC) which is the national classification system of the Russian Federation, is considered one of the largest general classification systems by the International Society for Knowledge Organization (ISKO). The LBC is the newest classification system applied in the world today. It appeared in the 1960s, whereas DDC was first published in 1876; UDC in 1895–1905; The Library of Congress Classification (LCC) in 1912; CC in 1933. In terms of its semantic power the LBC can be compared with UDC; its power cannot be measured by the number of main schedules’ division because of quantity of possible combinations with divisions of the auxiliary classification tables is immeasurable»⁵.

Within the Russian Library-bibliographic classification the place and the types of law are defined in the following manner: “Social sciences and humanities” are placed alongside other fields of knowledge under code 6/8.

This section includes, under code 67, a sub-section of “Law and juridical sciences”, subsubsections of which are, in their turn, classified as follows (only brief excerpts shall be quoted):

- 67.0 – General theory of law;
- 67.1 – History of legal thought;
- 67.3 – History of state and law;
- 67.4 – Branch-specific (special) juridical sciences and branches of law;
- 67.400. Constitutional (State) Law;
- 67.400.1 Constitutions;

¹ Hall J. Some Basic Questions Regarding Legal Classification for Professional and Scientific Purposes. *Journal of legal education*, 1953, vol. 5, pp. 329–343.

² Bliss H. E. A Bibliographic classification. New York: The H. W. Wilson Company, 1940/1953. Mills J., Broughton V., Neilson C. Bliss Bibliographic Classification. Class S: Law. München: De Gruyter Saur, 1996. URL: http://www.blissclassification.org.uk/ClassS/S_contents.shtml (accessed 20.05.2024). Bliss bibliographic classification / ed. by J. Mills and V. Broughton. London, Butterworths, 1977.

³ Introduction to Class S. Law. URL: http://www.blissclassification.org.uk/ClassS/S_intro.pdf (accessed 20.05.2024).

⁴ Bibliographic Library Classification: Worksheets for Public Libraries. Moscow: Libereya, 1999. 688 p. (In Russ.)

⁵ Sukiasyan E. R. Library-Bibliographical Classification (LBC). URL: <https://bartoc.org/en/node/1657> (accessed 20.05.2024).

67.400.5 Electoral Law. Electoral Systems. Referendum;
67.400.6 System of State Bodies;
67.400.7 Legal Status of a Person;
67.401. Administrative Law:
67.401.01. Subjects of Administrative Law;
67.401.1. Administrative and Legal Governance of Economic, Socio-cultural, Administrative and Political Activities;
67.401.21. State Governance in the Administrative and Political Sphere;
67.401.212. Administration in the Field of State Security;
67.401.213. Administration of Internal Affairs;
67.402. Financial Law;
67.404. Civil and Commercial Law. Family Law:
67.404.1. Property Law;
67.404.2. Law of Obligations;
67.404.3. Creative Legal Relations;
67.404.4. Family Law;
67.404.5. Inheritance Law;
67.405. Labour Law and Social Security Law;
67.406. Cooperative Law;
67.407. Land (Agrarian) Law. Mining Law. Water Law. Forest Law;
67.408. Criminal Law;
67.409. Correctional Labour (Penitentiary) Law ;
67.410. Procedural Law. Judicial proceedings:
67.410.1. Civil Procedural Law (Civil Procedure, Civil Judicial Proceedings);
67.410.2. Criminal Procedural Law (Criminal Procedure, Criminal Judicial Proceedings);
67.410.9. Court trials;
67.411. Criminal Procedure Law (Criminal Procedure);
67.412. International Law:
67.412.1. Public International Law;
67.412.2. Private International Law;
— 67.5. Branches of knowledge adjacent to jurisprudence:
67.51 Criminology;
67.52 Forensic Science;
67.53. Forensic Examination;
67.54. Legal Statistics;
— 67.7. Judicial Authorities:
67.71 Judicial System;
67.72 Public Prosecution;
67.73 Investigation Bodies;
67.75 Legal Profession;
— 67.9. International Law: Law of Individual Countries:
67.91. International Law (Public International Law);
67.93. Private International law;
67.99. Law of Individual Countries (Bibliotechno-bibliograficheskaya klassifikaciya 1999)¹.

Within the framework of each of those subsections there also exist numerous subdivisions each of which is, in its turn, likewise divided into individual units.

On the whole, this library-bibliographic classification of law is put together according to the general ideas and conventional approaches that have been used in classifying law, so the authors shall, for the purpose of this article, refrain from dwelling extensively upon it.

2.4. The nomenclature of qualifications of scientific workers in the field of law (Russian experience in organising dissertation councils)

Another applied way to engage classification in law is an orderly delineation and formal definition of research approaches in law.

¹ Bibliographic Library Classification: Worksheets for Public Libraries. Moscow: Libereya, 1999. Pp. 314–328.

The nomenclature of qualifications of scientific workers characterises the Russian experience and finds few references to comparable or similar experience of other countries of the world.

The nomenclature of qualifications of scientific workers is a conditional division (classification) of the array of legal directions in the system the state system of attestation of scientific and educational staff of the highest level for preparing and defending dissertations for the degree of Doctor of Science (Law) or Candidate of Sciences (PhD (Law)), and also to determine in which sphere of legal knowledge is the examination to be passed (the so-called "Candidate of Science exam") by the applicant for the academic degree in question.

Thus, as pointed out by A. I. Muranov, I. V. Smirnov, and A. O. Nikitina, the question of the history of normative regulation of the nomenclatures is a special case of the complex problem of classification in law, as a detailed analysis of this subject reveals very interesting facts and regularities in the development of domestic jurisprudence, in particular, to understand many of the issues associated with the various domestic doctoral and candidate dissertations in legal sciences that bear significance for contemporary Russian law¹.

Order No. 1027 of 23 October 2017 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (ed. 23 March 2018) «On Approval of the Nomenclature of Scientific Qualifications for Awarding Degrees», as applied to legal sciences, establishes the following classification (expired):

- 12.00.01. Theory and History of Law and State, History of Law and State Doctrines;
- 12.00.02. Constitutional Law; Constitutional Litigation; Municipal Law;
- 12.00.03. Civil Law; Business Law; Family Law; Private International Law;
- 12.00.04. Financial Law; Tax Law; Budget Law;
- 12.00.05. Labour Law; Social Security Law;
- 12.00.06. Land Law; Natural Resources Law; Environmental Law; Agrarian law;
- 12.00.07. Corporate Law; Competition Law; Energy Law;
- 12.00.08. Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law;
- 12.00.09. Criminal Proceedings;
- 12.00.10. International Law; European Law;
- 12.00.11. Judicial Activity, Public Prosecution, Human Rights Activity and Law Enforcement;
- 12.00.12. Forensic Science; Forensic Examination; Investigative Operations;
- 12.00.13. Information Law;
- 12.00.14. Administrative Law; Administrative Proceedings;
- 12.00.15. Civil Proceedings; Arbitration Proceedings.

The new Nomenclature of Scientific Qualifications for Awarding Degrees is now in effect:

- 5.1.1 Theoretical-historical legal sciences.
- 5.1.2 Public-legal (state-legal) sciences.
- 5.1.3 Private-legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 Criminal legal sciences.

Accordingly, the dissertation councils on legal sciences are created to match certain scientific qualifications (from among the above-mentioned), in which they are given the right to accept dissertations for the defence and award degrees in legal sciences.

2.5. Classification as a basis of ensuring consistency of normative legal regulation

In the context of public administration consistency of normative legal regulation is of great importance.

Consistency is an inherent property of any type of law, its presence indicates that law is not an arbitrary collection of isolated juridical norms but a coherent sustainable entity², an organic normative formation.

According to N. A. Mikhaleva «a **system** is understood as a collection of interrelated elements structured in a certain way to form a coherent unity. Each system is a complex entity and consists of a number of subsystems. An important feature of a system is the presence in it of new integrative properties that do not characterize its constituent parts. Structure is understood as internal organization, a way to unite the elements into a coherent systematic entity, the sum total of sustainable relations between the elements.

¹ Muranov A. I., Smirnov I. V., Nikitina A. O. Directory of Dissertations in Legal Sciences: MGIMO (1949–2007). Moscow: Gorodets, 2008. Pp. 17–18. (In Russ.)

² Marchenko M. N. Theory of state and law: Textbook. 2nd edition. Moscow: Velbi; Prospekt Publ., 2004. 640 p. (In Russ.)

A system is therefore a coherent unity, sum total of finished components¹ that actualizes the following logic: «Omne majus continet in se minus» («The greater contains in itself the less»).

«**Systemicity of law**, according to S.S. Alekseev's standpoint, is such a quality of law which, together with the qualities of normativity, formal certainty and others, is a condition for the social value of law... Owing to consistency, juridically heterogeneous norms of law are capable of regulating social interactions systematically... taken as a whole, by interrelated methods, ensuring differentiated, and yet consolidated and coordinated, impact on social interactions².

According to our concept, the **integrity of the system of legal support of public administration** is ensured (for example, in the Russian Federation) by, among other things, the following determinants:

- supremacy of the Constitution that acts as a system attractor³ of the entire normative mass, its fundamental founding and central systemically important and order-forming role in organization, arrangement (creating the backbone, the outlines and the hierarchies, systems of interrelations) and ensuring the viability of the entire system of legislation;

- uniformity of the topology and the nature of the system of legislation of the Russian Federation (to an extent, decentralized in the relations between the Federation and its constituent entities) ensured by connectedness uniformity of the imperative reference (association, relevance) to the Romano-Germanic family of law and the uniformity in taking into account Russian legal traditions and accepted practices;

- restrictions imposed by the uniformity in the imperative reference to the system of principles and rules of juridical techniques established in Russia;

- restrictions imposed by the limits of the legal space, as well as the backbone and the framework of the public order of a sovereign state;

- restrictions imposed by a unified and continuous public policy in the sphere of legal regulation.

In nearly all of the abovementioned positions classification acts as the basic operator.

2.6. The concept of systematization in law

With regard to understanding the contents of the notion of the systematization of law and the systematization of legislation we share the definition of A.A. Solovyev, according to which the **systematization of legislation** is a formalized arrangement of the normative and legal material as a whole across the entire body of legal regulation or within a specific sphere of social relations, elimination of outdated and inefficient norms of law, resolving juridical conflicts and elimination of gaps to make the normative and legal material appropriately consistent, increase the level of its organization and legal certainty, achieving optimal internal cohesion and coherence, ensuring stability and efficiency of legal regulation, as well as ergonomic design (accessibility and user-friendliness) in implementing legal norms. By **codification of legislation** A. A. Solovyev understands the type of arrangement of the normative and legal material in a specific sphere of social relations implemented (usually by a legislative body) through purposeful organizing and redistributing action applied to a disparate and non-systemic or loosely organized collection of normative legal acts and norms of law in a certain area of social relations, by incorporating and systemic embedding, integration within itself of such enactments and norms, their alteration and enrichment of additional normative and legal material, with deposition and removal or renovational replacement of outdated and unsatisfactory (by other criteria) segments and elements of legal rulemaking, with regrouping and integrating systemic organization of resulting aggregate following a specific multi-level and highly structured functional and logical, syntactical and morphological design inside thus reformed coherent, logically self-contained, sustainable and systemic normative legal enactment (codex), as a result, replacing in a specific area of social relations a significant part of normative and legal rule-making and performing a system-building function⁴.

Placing the classified objects in **alphabetical order** is one of the methods of classification. Such classification has been known in law for a long time and is still in use; notably, it is, to a certain degree, characteristic of the Federal United States Code, the principal and the largest sections of which are listed

¹ Mikhaleva N. A. Constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation (a comparative legal study). Moscow: Yurkompani Publ., 2010. Pp. 54–55. (In Russ.)

² Alekseev S. S. The structure of Soviet law. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ., 1975. P. 72. (In Russ.)

³ An attractor is a “focal point” or “area” of convergence (ability to converge), attraction and conjunction, intention in the phase space of a dynamic system.

⁴ Solovyev A. A. Russian and international experience of the systematization of sports legislation. Moscow: Commission for sports law of the Association of Lawyers of Russian Federation, 2011. Pp. 32–33. (In Russ.)

in alphabetical order according to the criterion of the object of legal regulation. On the one hand, such classification is reasonable: legislation must be clear and accessible to the population generally unfamiliar with the basic principles of the science of law. Yet on the other hand, particularly in the modern period, in the age of total globalization and informatization, significantly increasing complexity of legal relations, legal regulation of various relations is characterized by considerable complexity. Even the most simple of relations can be affected simultaneously by dozens of branches and institutions of law, and such, on the face of it, simplification of the systematization of legislation essentially makes it significantly harder to comprehend, leads to unjustified, by any other practical need, diffusion of norms related to one and the same institution, over various sections and chapters without clear logical connections.

Another method of classifying the mass of norms is by doing so upon a **substantive basis (sectorial division)**.

2.7. Uncertainties and complications in classification in law

Classification of juridical materials by categories different from those characteristic of jurisprudence is unclear, reduces their accessibility for jurisprudential research, nor does it integrate them with other areas of expertise¹.

However, as far back as 1924 Roscoe Pound claimed that it was impossible to develop such a classification of law that would provide easy solutions to the problems arising in the area of material law, would let a lawyer obtain a prescribed universal solution to any problem simply by mechanically following some charted and predefined analytical routes².

And we will subscribe to this statement, at least, for that reason that human relations that form the basis of legal relations (relations regulated by law) vary infinitely in their nature and due to various contexts and circumstances that surround them. This, however, is not originally included in the functions of classification. Classification in law is a method of cognition, an instrument employed to structure knowledge about law, as well as law itself.

On the other hand, Werner B. Ellinger points that the statement that law, as regards a specific object or topic, is, in essence, one of the aspects of such topic and, accordingly, must be classified taking that into account, is based on the following false premises:

- inability to discern law as a social phenomenon and law as a field of study;
- confusion between methods of research and the topic under investigation;
- inability to differentiate between the study of a science and social relations;
- mistaking the functions of law for the functions of a subsidiary science;
- presumption that in a classification the very topic, the very object is the principal integration factor, and therefore various aspects of the same object must be classified together³.

Jerome Hall believes that within the framework of legal classification it is impossible to carry out categorization of purely factual terms without losing the specific character of law while the existing branches of law are, in and of themselves, characterized by certain arrangement which transcends the framework of conventional cataloging⁴.

According to the measure of precision of the differentiation of the classified objects classifications in law may be as follows:

- distinct differentiating division;
- indistinct (or, loose) division of implicitly differentiated, multi-dimensional, indistinct objects (the latter is particularly relevant in the context of increasing uncertainties and entropy in law).

Thus, complex systems of classification (non-parametric classifications and classifications of indistinct objects, classifications in the conditions of uncertainty, classifications with two or more criteria of division, with one basic criterion, etc.) can also be implemented in law.

2.8. Classification as a foundation of understanding, fixation and systematization of the defects of legal norms, defects of normative legal acts, defects of legal regimes

Developing an efficient system of prevention, early detection and timely elimination of the defects of normative legal regulation is highly important for setting the goal, planning the resources and achieving the goals in homologation and significant increase in the efficiency of the entire legal system.

¹ Ellinger W. B. Subject Classification of Law. The Library Quarterly. 1949, April. Vol. 19. No 2. Pp. 79–104.

² Pound R. Classification of Law. Harvard Law Review. 1924, June. Vol. 37. No 8. Pp. 933–969.

³ Ellinger W. B. Subject Classification of Law. The Library Quarterly. 1949, April. Vol. 19. No 2. Pp. 79–104.

⁴ Hall J. Some Basic Questions Regarding Legal Classification for Professional and Scientific Purposes. *Journal of legal education*, 1953, vol. 5, pp. 329–343.

Accordingly, another original concept in the topic under research is the concept of describing and explaining the meaning of classification in law for the identification, registration and evaluation of defects in law.

According to our original conception the **defects of normative legal acts** should, among other things, include the following¹:

- 1) defects of the content of a normative legal act:
 - existence of conceptual defects (including deontological defects);
 - existence of legal gaps and uncertainties;
 - existence of legal conflicts (hierarchical, single-tier (horizontal) or internal);
 - redundancy of regulation (superfluous overregulation) realized in a normative legal act;
 - unjustifiably superfluous granularity of regulation applied in a normative legal act, unjustifiable textual redundancy contained therein;
 - unjustified redundancy of a normative legal act in terms of declarative provisions not supported by legal mechanisms of implementation;
 - regulatory inefficiency of the complexes of legal norms, parts of a normative legal act, an entire act as a whole;
 - factual defects of a normative legal act (errors in proper names, titles or offices, historical errors (such as dates of historical events), geographical errors, etc.);
 - unjustified usage in a normative legal act of lexical constructions «as a rule», «usually», «if necessary» etc., that define unjustified discretionary («at the discretion») powers of public administration bodies and/or officials;
- 2) grammatical and stylistic (including lexico-terminological) defects of a normative legal act:
 - defects of legal definitions anchored by a normative legal act;
 - defects of accuracy and clarity of regulation, presence of content-wise unclear (incomprehensible or not fully comprehensible, even to experts, unpalatable) and semantically (including depending on the context or connotation) ambiguous (polysemic) and indefinite (including emotional and evaluative) phrasing, cluttering of a normative legal act, or its part, with excessively and unjustifiably complicated lexical and syntactical constructions resulting in obscure or ambiguous interpretation (violation of the requirements of clarity, comprehensibility and unambiguity of juridical phrasing of legal norms and parts of a normative legal act);
 - designating various notions with one term or one notion with various terms in a normative legal act; using tautologies;
 - unjustified excessive use of foreign-language vocabulary, narrow, not generally accepted jargon, bureaucratic language, set phrases (cliches) in a normative legal act;
 - using considerably obsolete, vernacular, colloquial, slang, occasional lexemes and lexical constructions, as well as the language of proclamations and slogans in a normative legal act;
 - unjustified redundancy in the usage of abbreviations in a normative legal act, as well as the usage of abbreviations without giving their full forms first;
 - unjustifiably excessive amount of legal norms with disconnected internal structure (split hypothesis, disposition, sanction) in a normative legal act, inefficient interrelations between parts of legal norms in cases when such dissociated structure of a legal norm is justified and relevant;
- 3) structural and logical defects of a normative legal act:
 - loose logic and other logical defects and deformations of the internal structure of a normative legal act, defects of structural harmony between the form and the content of a normative legal act;
 - defects of cohesion and coherence (content-related and formal/logical binding) of lexical constructions within the framework of a structural element of a normative legal act and the entire normative legal act as a whole;
 - defects of topology and hierarchization of norms within a normative legal act, as well as the balance of the interrelations of the norms specified;
 - a defect of contiguity of the name of a normative legal act and its content, as well as defects of contiguity of the name of a structural element (chapter, article) of a normative legal act and the content of such element;

¹ Ponkin I. V. Theory of public administration: Textbook for the Master's degree and Master of Public Administration programs. Moscow: Buki Vedi Publ., 2017. Pp. 524–526. (In Russ.)

- defects of a preamble of a normative legal act (a defect of its contiguity with the «body» of a normative legal act, unjustified inclusion of independent normative prescriptions etc., in the preamble);
- a defect of uniformity of law-making techniques used;
- presence of unmotivated repetition of identical provisions (albeit in a slightly modified form) in different parts of a normative legal act;
- 4) defects of the requisite elements and juridical and technical preparation of a normative legal act:
 - defects or absence of one or more requisite elements of a normative act (dating, numbering, signatory reference, notes, etc.);
 - defects of unification of structural division and rubrication of the text of a normative legal act (splitting into structural elements, such as chapters, articles, (parts), clauses, subclauses);
 - defective entry-into-force scheduling of a normative act (entry-into-force dates of its parts and/or specific norms);
- 5) defects of interrelations of a normative legal act with other normative legal acts and the law system as a whole:
 - the defect of integration of a normative legal act in the structure and the «legal fabric» of the corresponding legal area or sub-area, legal institution or sub-institution;
 - the defect of interrelations of a normative legal act with other normative legal acts of the Russian Federation and/or a constituent entity of the Russian Federation;
 - presence of defective reference norms (for example, references to a repealed legal norm, to an act that never existed or was repealed or declared invalid);
 - unmotivated use or unjustified redundancy of blanket norms in a normative legal act;
 - defects of chronological links to other normative legal acts (repealing a normative legal act that has already become invalid or declared invalid; repealing a normative legal act without repealing normative legal acts by which it was modified).

According to our concept, **defects of legal norms** should include, among other things, the following¹:

- 1) defects of the content of a legal norm:
 - defects of the expression of will and interests of the law maker — incorrect decision laid at the foundation of the lexical construction of a legal norm which determines failure to achieve a regulative target for which this norm was designed (the legal norm realizes an incorrect decision, unjustified superfluous granularity of regulation or excessively high normative force of a legal norm not conditioned by the regulative target set before this legal norm, the legal norm is not relevant to the peculiarities of a specific subject-object area which it is designed to harmonize, accepted without taking into account the degree of rigidity and resistance of the regulated subject-object area, nor its applicability in the given conditions);
 - obscurity (semantic uncertainty, vagueness, ambiguity, substantive diffusion or confusion) of a lexical construction in a legal norm;
 - contravention of the principle of legal neutrality of a legal norm (including, as a result of an ideologically motivated invasion into the lexical structure of a legal norm);
 - conceptual defects of the content of a legal norm (including deontological defects);
 - a factual defect of the lexical construction of a normative legal act (errors in proper names, titles or offices, historical errors (such as dates of historical events), geographical errors, etc.);
- 2) lexico-technical, grammatical and stylistic defects of legal norms:
 - unjustified use of polysemic (possessing more than one meaning) lexemes in the lexical construction of a legal norm;
 - unjustified use of poorly chosen synonyms and homonyms in the lexical construction of a legal norm, unjustified oversaturation of the lexical construction of a legal norm with synonyms and homonyms, use of tautology in the lexical construction of a legal norm;
 - grammatical (including syntactic and/or punctuation) defects of the lexical construction of a legal norm;
 - the defect of lexical order in the lexical construction of a legal norm;
 - violation of the reasonable rationality in the length of a sentence in the lexical construction of a legal norm;

¹ Ponkin I. V. General theory and branch-specific aspects of a legal norm / ed. by R. L. Khachaturov. Moscow: Yurлитinform Publ., 2018. P. 223–228. (In Russ.)

— contravention of the «principle of short and concise» phrasing of a legal norm: unjustifiably redundant (overly superfluous) complexity and cumbersomeness of a definition (its congestion with overly and unjustifiably redundantly complex and cumbersome lexical and syntactical constructions);

— unjustifiably redundant technicism of the textual construction of a legal norm (unjustifiable redundancy of using foreign language vocabulary, narrow, not generally accepted jargon, bureaucratic language, set phrases (cliches), etc., in the definition of a legal norm);

— unjustified use of an abbreviation or unjustified superfluity of using abbreviations in a legal norm;

— the defect of the normality of tone and perception («euphony») of the phrasing of a legal norm which makes the norm sound like written «gibberish»;

— the defect of aesthetic appearance of the lexical construction of a legal norm;

— using considerably obsolete, vernacular, colloquial, slang, occasional lexemes and lexical constructions, the language of proclamations and slogans in the lexical construction of a legal norm;

3) internal functional, logical and structural defects of the lexical construction of a legal norm;

— the defect of logical and structural construction of a legal norm — existence of internal discrepancy or contradiction;

— existence of superfluous internal repetition – parallelism – in the definition of a legal norm;

— lack of one of the structural elements of a legal norm (hypothesis – disposition – sanction) where elemental fullness of its structure is objectively needed;

— textual construction of a legal norm with inefficient interrelations between its parts where such dissociation of the structure of a legal norm is justified and relevant.

2.9. Classification as a basis of simplification of legislation

The development of the issue raised here is the most significant for solving the problem of simplification of legislation which is now more relevant than ever for many of the nations across the globe. Simplification of legislation (French — “*simplification législative*”; Spanish — “*simplificación legislativa*”; German — “*vereinfachung der rechtsvorschriften*”; Italian — “*semplificazione legislativa*”) refers to application of the principles of rationality and proportion to legislation and represents an integral toolkit — a part of a common set of toolkits typical of the new model of public administration and reflects the conventional meaning of the notion “simplification” (as an action towards lowering of the excessive inner complexity, confusion, conflict of something) with regard to legislation.

Simplification of legislation (as a process and as a target to be sought) is (implemented for the purposes of increasing the systemic arrangement and efficiency of the legislative system, availability and ergonomics, including clearness, of the legislation for the consumer) logic and topology of designing and programming and practical implementation of the measures aimed at a considerable decrease, up to the point of elimination and subsequent prevention of critical redundancy (overregulation, excessive piling up and heaviness) and entropy (disorder, disorganization) of an array of legal norms, and aimed at finding, validation and implementation of more rational and more easily anchored and applicable tools of legal regulation¹.

Instruments of legislation simplification are as follows:

1) general revision, rationalization and homologation of legislation, increase of rationality, structural consistency and systemic arrangement in the overall mass of normative regulatory material;

2) reduction of the quantity of normative legal acts, total amount and total density (overload) of normative legal material within the framework of specific segments of a subject-object area of regulation, elimination of excessive complexity (cumbersomeness and confusion) of the legal regulation on individual issues, including for the purposes of making the legislation more efficient and adequate, more consistent with the requirements of target groups;

3) overall improvement of the quality of normative legal regulation, exclusion of repetitions and ambiguities in normative legal regulation, elimination of obsolete or excessive legal norms and normative legal acts, closing legal gaps etc., including by means of codification, re-codification and de-codification of legislation;

4) unification and/or standardization of juridical procedures coinciding with their (literal) simplification and putting down excessive barriers, first of all with regard to the decrease of redundant “density” of commercial activity regulation, including:

¹ Ponkin I. V. Simplification of legislation as an instrument of the “new” model of public management. Administrative law and process. 2014. No 4. Pp. 8–12. (In Russ.)

- reduction of the total number of licenses and permits that need to be obtained, reduction of obligatory notifications;
 - reduction of time and cost required to set up a legal entity, simplification of registration procedures for legal entities;
 - simplification of the procedures of issuing (left after “sanation”, revision) obligatory licenses and permits, obligatory notifications procedures; elimination of excessive, needless permits made compulsory for citizens and organizations to obtain;
 - reduction of the burden of difficulties related to submitting financial, fiscal and accounting statements, reduction of annual expenditure for legal entities related to submitting said statements;
- 5) reduction of the total number, and narrowing, of the segments of the subject-object area of normative legal regulation with the expansion of the practice of acknowledging and legitimizing particular provisions of the extralegal systems of normative regulation (lex sportiva, lex mercatoria, lex canonica, etc.) by the state;
- 6) passing “the law on laws” which would set strict requirements for juridical order, for the forms and the content of normative legal acts;
- 7) a set of measures to provide explicit, detailed, and straightforward interpretations and explanations of the legislation to the users¹.

3. The method of classification in the basis of understanding and interpretation of the ontology of law and in the basis of the formalisation of law

The principal original concept in the topic under research is the concept of description and explanation of the meaning of classification in law for ontological understanding of law.

Law cannot be completely formalised (there are objective reasons for this) but it is also true that law can be partially formalised without critical damage to it.

According to Jean-Louis Bergel, the reduction of law to mathematical equations and formulas is a myth because it meets with insurmountable methodological difficulties due to the fact that such a reduction is contrary to the objectives of any legal system, and law is full of deviations from logical solutions deduced from axioms, and these exceptions are the result of other concerns, other principles and other axioms, a significant number, complexity and heterogeneous intensity of which render an expression of positive law in mathematical formulas impossible².

Research on linking computer-software resources (artificial intelligence) and law, however, has been going on for over four decades³.

Ronald K. Stamper argued that the expression of legal knowledge in the form of rules overly simplifies and limits law⁴. He proposed the logic of forms and privileges instead. This logic was called NORMA and was intended to describe entities based on behaviour rather than on the meaning of truth. NORMA includes concepts that model agents, their behavioural invariants, and their actions⁵.

Early research in the field of legal theory contributed significantly to the conceptualisation of the legal field and led to explicit representations using formal languages. The earliest of these representations include the language of Thorne McCarty for legal discourse (LLD) and Ronald K. Stamper's formal logic of NORMA. The language of Thorne McCarty's LLD was based on a variety of terms, essentially representing a specific legal domain as an integral entity: the automated accounting of terms for reflection and designating of material objects and intangible objects is being carried out. With the use of such terminological sequences the legal discourse is being modelled in the form of regulations of legal norms of the

¹ Ponkin I. V. Simplification of legislation as an instrument of the “new” model of public management. *Administrative law and process*, 2014, no 4, pp. 8–12. (In Russ.)

² Bergel J.-L. *Méthodologie juridique*. Paris: Presses Universitaires de France, 2001. P. 145.

³ See: Rissland E., Ashley K., Loui R. AI and Law: A fruitful synergy. *Artificial Intelligence*. 2003. Vol. 150. No 1–2. Pp. 1–15. Bench-Capon T. What Makes a System a Legal Expert? *JURIX*, ser. *Frontiers in Artificial Intelligence and Applications*. 2012. Vol. 250. Pp. 11–20. Prakken H., Sartor G. Law and logic: A review from an argumentation perspective. *Artificial Intelligence*. 2015. Vol. 227. Pp. 214–245.

⁴ Stamper R. K. The role of semantics in legal expert systems and legal reasoning. *Ratio Juris*. 1991. Vol. 4. № 2. Pp. 219–244. Stamper R. K. Signs, information, norms and systems. *Signs of Work* / B. Holmqvist and P. B. Andersen (eds.), Berlin: Germany, De Gruyter, 1996. P. 349–397.

⁵ Ontology-based access to normative knowledge / MIREL (Mining and REasoning with Legal texts). Luxembourg: Université du Luxembourg, 2017. P. 6.

first order and modal-based entities of the second order supporting the time, events, actions, and deontic expressions¹.

A relevant solution can be found through the use of concepts of legal ontologies, legal orders, legal universes (landscapes, spaces).

Yet at the heart of all these approaches lies a method of classification.

The needs for an ontological approach to access the normative knowledge have long been justified².

Our concept holds that the **term “ontology” as applied in the field of law) is interpreted and explained in the following ways:**

1) an integral tool of formalised conceptualisation and topologisation of the sphere of law and, more broadly, the sphere of legal knowledge (legal science, professional and expert sphere of knowledge, etc.);

2) a means of constructing and/or representing legal reality (reality) and legal universe (legal space, legal landscape);

3) legal form approximated to the conditionally ideal form;

4) scientific doctrine of being and forms of beingness of law;

5) specific forms (discrete or continuous) of existence of legal norms (and legal arrays), legal phenomena, legal processes and legal relations, framed (limited by both rigid and dynamically changing against the stable legal framework — *vinculum juris*) by normative legal orders and normative extra-legal orders, including deontological (value-normative) orders.

The range of basic minimum (ordinary) ontological units in the ontology of law includes the following (the list is incomplete):

— the text of the legal norm and (at a slightly higher level) the normative legal act; here we add the norm of technical legal regulation, as well as the norm of a different system, other than law, of normative (extra-legal) regulation, as well as the relevant act;

— legal dispute;

— unit of legal rhetoric (what to include here is debatable);

— ordinary (“simple”) legal relationship, etc.

All these items can be relevantly considered and used only in the classifying projections (within classifications) or, at any rate, on the basis of classifications.

Ontologically, a legal norm is, above all, a text (a fixed or reflected rule).

According to our original definition, the **text** is an interconnected (via various lexical, grammatical, logical and other connections) sequence of characters, fixed (objectified) on a material medium (including in a virtual form, indirectly, on a digital medium) and expressing human thought (utterance, informative message) or representing a set of lexemes and lexical constructions (for instrumental purposes, for example, in dictionaries), as well as a sequence of characters in any programming language or markup language (the text of a computer program), which can be read and be understood by a human.

Consequently, a spoken (orally generated) text is either a reading (including from memory) of a text (and, according to Eric Livingston³, the text and its reading form constitute dynamically paired phenomena and, accordingly, concepts, in other words, a text is closely connected with its reading, understanding and interpretation), or creating a new text that will later be (can be) recorded, fixed, reproduced.

But the construction of the text of a legal norm is impossible in an abstract way, in isolation from the system of law, from the matrix of the regulatory legal order. In other words, classification is the life line of the law-making process, the enforcement process, the process of legal ontology.

Conclusion

Law as an organized expression of moral or economic doctrines, as wrote Werner B. Ellinger, can be a subject of various sociological, economical, political or historical debates and such debates will consequently contribute to sociology, economy, political science or history. Jurisprudence, however, preserves its identity as a separate area of cognition, even when it encompasses the relationships that are also studied within the sphere of other fields of knowledge. For example, the fact that labor relationships are,

¹ McCarty L. T. A language for legal Discourse. I. Basic features. ICAIL '89 Proceedings of the 2nd international conference on Artificial intelligence and law. New York: ACM Publications, 1989. Pp. 180–189.

² See: Bench-Capon T. J. M., Visser P. R. S. Open texture and ontologies in legal information systems. IEEE Comput. Soc Database and Expert Systems Applications. 8th International Conference, DEXA'97. Proceedings (Toulouse, 1–2 Sept. 1997). Piscataway (New Jersey, USA): IEEE, 1997. Pp. 192–197.

³ Livingston E. An anthropology of reading. Bloomington — Indianapolis: Indiana University Press, 1995. P. 86.

to a large extent, defined by economic conditions and are, consequently, a subject of research in the field of economics, does not exclude labor law from the field of jurisprudence. Unless classification is being reduced to classification for the sake of classification, it is necessary to ensure the preservation of the integrity of individual fields of knowledge although the corresponding research may not be limited to just the main field of knowledge¹.

It is impossible to do without generalization and arrangement of the studied objects, their sorting according to specific features, in any of the sciences, any scientific interdisciplinary research. But the above can be extrapolated as well to all the spheres of human activities, in this case, to the entire legal practice.

Абдулханьянов Ильяс Абдулхаевич,

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России;

Брагин Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России

Специальная военная операция и уголовное право: точки научно-педагогического соприкосновения

Происходящие геополитические метаморфозы, обострившиеся межгосударственные противоречия, открытое противостояние недружественных стран Российской Федерации обуславливают изменения во многих сферах человеческой жизнедеятельности. Не является исключением и государственное правотворчество, динамично реагирующее на вновь возникающие внешние и внутренние угрозы. За время, прошедшее с начала проведения специальной военной операции, отечественное законодательство претерпело многочисленные преобразования, опосредованные происходящими событиями. Затронули они и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), выступающий важнейшим средством охраны наиболее ценных личных, общественных и государственных благ и интересов.

Для обеспечения эффективности и устойчивости уголовного законодательства в современных условиях уголовно-правовая наука должна своевременно предлагать новые идеи по совершенствованию отдельных его положений с учетом появившихся факторов, оказывающих влияние на преступность и оценку противоправных посягательств, а также осмысливать увеличившуюся практику привлечения к уголовной ответственности по целому ряду долгое время «спящих» составов преступлений. Однако, как отмечается в научной литературе, одной из существенных проблем (признаком кризиса) современной уголовно-правовой доктрины выступает то, что ее представители не могут в безграничном потоке происходящих событий быстро реагировать на изменения законодательства, давать им оценку и вырабатывать научно обоснованные предложения². Нельзя не согласиться с тезисом профессора А. Э. Жалинского о том, что консервация уголовно-правовой науки приводит к отставанию в понимании логики социального развития, сопротивлению происходящим переменам, что противоречит самой сущности и роли науки³.

Уголовно-правовая наука для того, чтобы оставаться востребованной и актуальной, должна быть на «острие» происходящего. В настоящий момент в трудах авторитетных ученых встречается реакция на происходящие события сквозь уголовно-правовую призму, отмечаются допущенные законодателем изъяны, выдвигаются новые идеи по улучшению качества уголовного

¹ Ellinger W.B. Subject Classification of Law. The Library Quarterly. 1949, April. Vol. 19. No 2. Pp. 79–104.

² См.: Лопашенко Н. А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А. Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 98.

³ См.: Жалинский А. Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1. С. 22.

законодательства и практики противодействия преступности в условиях проведения специальной военной операции¹.

Одновременно с этим нельзя забывать об актуализации обозначенных выше вопросов в образовательном процессе при изучении курса дисциплин уголовно-правового профиля, в особенности уголовного права. Познание любой отрасли права направлено на достижение двух взаимосвязанных целей: формирование профессионального мировоззрения и воспитание чувства общей культуры и глубочайшего уважения к закону и неприятия нарушений утвержденных государством норм права. Это возможно только в условиях приближения учебного материала к реальной жизни. По этой причине обучающиеся обязаны быть в контексте происходящих событий, рассмотрение ими институтов Общей и Особенной части уголовного права должно основываться не на абстрактных и далеких примерах, традиционно кочующих из одного учебного издания в другое, а на складывающейся в настоящий момент практике применения уголовного закона. События проводимой специальной военной операции как глобального фактора, оказывающего влияние на состояние преступности в Российской Федерации, необходимо учитывать и «встраивать» в обсуждение отдельных тем по уголовному праву.

На наш взгляд, такой подход будет вызывать у обучающихся больший интерес к дисциплине, выступая также и эффективным средством их воспитания. Не секрет, что молодежь как социальная группа (весомая ее часть — студенчество) является наиболее подверженной восприятию деструктивных, антигосударственных идей, широко распространяемых сегодня на просторах сети «Интернет». Большой поток недостоверной, откровенно манипулятивной информации, необоснованно критикующей реализуемую государственную политику Российской Федерации в вопросах защиты национальных интересов и обеспечения собственного суверенитета, ведет к массовому правовому нигилизму указанной группы населения. Это несопоставимо с высоким моральным статусом юриста любого профиля.

Движимые желанием повысить эффективность преподавания уголовного права, «оживить» процесс изучения многих его положений и способствовать формированию у обучающихся объективной картины мира и места в нем нашего государства, авторы данной статьи готовят к изданию оригинальный тематический практикум по уголовному праву под рабочим названием «Уголовное законодательство в эпоху проведения специальной военной операции».

Его основу составят казусы, подлежащие правовой оценке и разрешению, особенность их состоит в том, что они составлены из материалов судебной практики и данных, взятых из открытых официальных источников, связанных с совершением общественно опасных деяний, опосредованных так или иначе проведением специальной военной операции.

Структурно практикум будет разбит на части, соответствующие разделам Особенной части УК РФ, в каждой из которых обучающимся будут предложены для решения задачи, контекстуально сопряженные со специальной военной операцией. Кроме того, в конце практикума будет указываться новейшая научная и учебная литература по уголовному праву, отражающая особенности квалификации отдельных преступлений, закономерности и тенденции развития уголовного законодательства в связи с происходящими событиями.

В частности, немало внимания в нем уделяется вопросам квалификации преступлений, совершенных высшими должностными лицами киевского режима, а также злодеяний представителей вооруженных сил Украины и неонацистских террористических организаций в отношении мирного населения и военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации, описываются случаи шпионажа и государственной измены и многие другие.

¹ См., например: Парог А. И. Возвращение к военно-уголовному законодательству // Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2023. С. 595–601; Лопашенко Н. А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2. С. 48–59; Коняхин В. П., Батюнина Т. Ю. Новации Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте современной геополитической ситуации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2. С. 70–77; Милуков С. Ф. Модернизация военно-уголовного законодательства через призму военно-полевой криминологии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 207–213; Федоров А. В. Преступления против мира и безопасности человечества: без срока давности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 1. С. 19–29; и др.

Не отступая от фундаментальных научных принципов достоверности и беспристрастности, нами приводятся в практикуме для осмысления также и задачи, описывающие отдельные преступления против военной службы, ответственность за которые предусмотрена разделом XI УК РФ.

Отметим, что все предложенные для решения казусы основаны на собранном авторами богатом эмпирическом материале, соответствуют действительности, однако, исходя из этических соображений, творчески переосмыслены и анонимизированы. Все приводимые в нем события происходили в период с февраля 2022 года по сей день, а фамилии, имена, номера воинских частей и подразделений изменены.

Полагаем, что такая форма практических заданий заинтересует студентов юридических вузов и факультетов, в особенности тех, чья дальнейшая деятельность будет связана с государственной службой и защитой Родины (военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, органов государственной безопасности, прокуратуры и т. д.).

Предлагаемый формат издания будет способствовать, во-первых, лучшему осознанию происходящих в настоящее время общественно-политических событий и осмыслению роли России в формировании нового мирового порядка; во-вторых, получению достоверных сведений об изменении характера преступности, ее особенностях, обусловленных проведением специальной военной операции; в-третьих, пониманию практики применения уголовного закона в новых условиях; в-четвертых, увеличению интереса к изучению уголовного права и оценке каждодневно встречающихся примеров преступлений сквозь уголовно-правовую призму.

Бондарь Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного права
и процесса
Нижегородской академии МВД России

Роль науки в жизни российского общества и проблемы цифровизации налогового законодательства

В условиях политических, экономических и социальных реалий, а также современной напряженной обстановки в мире, деструктивного, враждебного влияния на Российскую Федерацию со стороны стран коллективного Запада необходимо усиление защиты конституционного строя Российской Федерации, обеспечения ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности¹. Важнейшее значение в обеспечении экономической безопасности придается налоговой политике, которая призвана обеспечить бюджет государства необходимыми финансами и при этом соблюсти баланс частных и публичных интересов.

Противодействие агрессивной политики в отношении Российской Федерации, ведение специальной военной операции, устранение негативного влияния применяемых против Российской Федерации пакетных экономических санкций определяют курс реформирования и «настройки» правовой регламентации финансовой системы в общем и налоговой системы в частности.

Противостояние современным угрозам, с одной стороны, и естественное развитие экономических отношений, цифровизация, переход на инновационные технологии — с другой, ставят перед исследователями налогового права достаточно сложные задачи. Если рассматривать налоговое право в качестве подотрасли финансового права с учетом его стремительного развития, то также можно отметить и «переосмысление» многих терминов, отличие их содержания и наполнения в науке налогового права от аналогичных категорий в других отраслях права, более четкое определение его институтов, совершенствование правовых средств, используемых в налоговых отношениях. В частности, Налоговый кодекс Российской Федерации последнего десятилетия пополнился идейно новыми для Российской Федерации принципами, объектами налогов, методами и механизмами налогового контроля, способами защиты прав налогоплательщиков и т. д. Очевидно, что успешная практическая реализация этих норм права и качественное развитие налоговой сферы во многом будут зависеть от добротности положенной в обоснование ее развития научной базы.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2024).

Говоря о роли современной юридической науки в жизни общества, особое внимание уделим вопросам цифровизации в области налогового права. Это, по сути, область без границ. Российская Федерация — одна из первых стран в мире, которая закрепила в своем законодательстве регулирование отношений с криптовалютой, цифровыми финансовыми активами¹. Безусловно, этому способствовали научные изыскания, особенно с юридической стороны. Так, в апреле 2023 года в Москве состоялся Международный форум «Налоговая экосистема: люди и технологии». Аудитория форума составила более 450 человек. На одной площадке выступили представители налоговых администраций государств — участников СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан), КНР, ЮАР, Вьетнама и Бразилии, а также эксперты международных организаций, научного и профессионального сообщества. В рамках деловой программы Международного экономического форума «Россия — исламский мир: *KazanForum2024*» Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее — ФНС России) организовала панельную сессию «Внедрение принципов клиентоцентричности в государственное управление: опыт налоговых органов России и стран СНГ». ФНС России и представители налоговых администраций стран СНГ обменялись опытом и практиками в сферах цифровизации налогового администрирования, совершенствования системы внешних коммуникаций и развития обратной связи, изучения запросов и потребностей налогоплательщиков, а также совершенствования пользовательского опыта предоставления услуг и сервисов.

Примечательно, что еще в 2014 году ФНС России была занесена в Книгу рекордов Гиннеса за разработку цифровых технологий и программного обеспечения, позволяющих осуществить самый удаленный от Земли налоговый платеж (оплату земельного налога с околоземной орбиты произвел космонавт П. Виноградов)² через личный кабинет налогоплательщика, находясь на околоземной орбите.

За прошедшее с тех пор десятилетие возможности взаимодействия налогоплательщика с ФНС России посредством личного кабинета налогоплательщика существенно расширены и представлены в виде множества удобных и интуитивно понятных сервисов, позволяющих дистанционно разрешить практически любой налоговый вопрос. Например, для физических лиц цифровые сервисы представлены на рисунке 1.

Говоря о цифровизации в налоговой сфере, представляется интересным то, что мы имеем дело с самыми разными темами: от конституционных основ и вопросов защиты данных до разнообразных проектов по оцифровке в компаниях и финансовом управлении. В настоящее время ученые и практики занимаются двумя основными направлениями: проверкой цифровой пригодности законодательства; стандартизацией данных и тем, как эти данные обрабатываются в налоговом законодательстве. Основная проблема заключается в том, что на данный момент мало юристов, занимающихся налоговым правом, и еще меньше юристов, занимающихся цифровизацией.

Так в чем же заключаются основные трудности, связанные с устойчивой цифровизацией налогового законодательства?

По сути, есть два подхода к решению проблемы. Одним из них, конечно же, является упрощение самого налогового законодательства. Это требование, которое выдвигается на протяжении многих лет совершенно независимо от перехода на цифровые технологии. Однако с ростом интернационализации налогового законодательства Российская Федерация и другие страны столкнулись с проблемой. Многие нормы заимствованы из европейского права, есть ряд международных договоров, содержащих определенные ограничения и правила, и очевидно, что, когда думаем о цифровизации закона, то необходимо иметь в виду и это. Другой вопрос заключается в следующем:

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2024). 3 мая 2024 года в Государственную думу Российской Федерации был внесен законопроект, предусматривающий регулирование майнинга и ужесточение оборота криптовалют, в соответствии с которым с 1 сентября 2024 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации начнет формировать реестр тех, кто занимается майнингом. Кроме того, о получении криптовалюты в результате майнинга обяжут извещать орган, который определит правительство, также в Российской Федерации нельзя будет организовывать оборот цифровой валюты, рекламировать или по-другому предлагать неограниченному кругу лиц, в частности криптовалюту. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 20.05.2024).

² См.: Смирнов К. Налоговая служба побила рекорд Гиннеса. URL: <https://www.mk.ru/economics/article/2014/02/25/990147-nalogovaya-sluzhba-pobila-rekord-ginessa.html> (дата обращения: 20.05.2024).

как технически работает цифровизация? И как будет работать алгоритм действий в рамках законодательного процесса для проверки цифровой пригодности? Одна из возможностей состоит в том, что перед принятием норм необходимо проверить, можно ли легко и просто перевести закон в цифровую плоскость. В некоторых странах этой проблемой занимаются специально созданные государственные органы, в задачу которых входит контроль за соблюдением стандартов (например, в Германии это Совет по контролю за соблюдением стандартов). Однако, особенно в отношении налогового законодательства, важно, чтобы как ученые в области налогового законодательства, так и специалисты по информационным технологиям совместно проверяли, является ли закон цифровым и имеющим юридическую силу.

Рис. 1. Цифровые сервисы для физических лиц

В целом, более высокая степень оцифровки налогового законодательства помогла бы всем заинтересованным сторонам: налогоплательщикам, налоговым администраторам, правоохранителям и налоговым экспертам. Прежде всего цифровизация налогового законодательства является простой необходимостью. Мы можем использовать искусственный интеллект и математические алгоритмы, чтобы выявить определенные несоответствия и нарушения и внести свой вклад в совершенствование законодательства, но мы не считаем, что переход на цифровые технологии приведет к тому, что у нас когда-нибудь будет такое однозначное и четкое право, что больше не будет никаких формальностей, обходных маневров или чего-то подобного. По нашему мнению, идея о том, что в конечном счете у нас будет простое налоговое законодательство, будет четкое и охватывающее все вопросы в соответствии с определенными и недвусмысленными правилами, не может быть реализована. Рассмотрим простой пример: является ли, например, торговый павильон павильоном или нет? Это вопрос оценки. Данная субъективная оценка предшествует вопросу о том, что пользователь вводит в компьютерную программу для своей налоговой декларации. Цифровизация не способна интерпретировать факты — для этого нужен человек, который будет принимать одно из альтернативных решений. Здесь, безусловно, следует упомянуть ключевое слово «усмотрение». Можно ли его оцифровать?

Нет, нельзя кодировать дискреционные решения, однако с помощью искусственного интеллекта можно помочь в интерпретации. Так, в центрах обработки данных ФНС России уже существуют способы получения приблизительных значений из широкого спектра фактических ситуаций, которые показывают, существуют ли подозрительные операции или нет, применялись или нет схемы уклонения от уплаты налогов. Но мы никогда не сможем провести исследование и затем принять налоговое законодательство таким образом, чтобы оно было абсолютно независимо от толкования, и, конечно, дискреционные полномочия должны и впредь осуществляться уполномоченными должностными лицами.

В науке налогового права некоторых стран (США, Англия, Германия) также обсуждался вопрос о возможности использования судьями помощи искусственного интеллекта при применении норм права¹.

Ученые пришли к выводу, что это невозможно по ряду причин. Такие системы предполагают действительно очень большой объем данных. Он должен соответствовать правилам искусственного интеллекта. Кроме того, существующая во всех развитых странах политика конфиденциальности и защиты коммерческой, банковской, налоговой тайны уже привела к тому, что доступ к этой информации очень ограниченный. Конечно, можно перейти к анонимным или сгенерированным данным и попытаться что-то запрограммировать, но пока мы дойдем до того, что эти вещи станут реальными и применимыми, пройдет еще очень много времени.

Следующей проблемой является соответствие программных продуктов идеям законодателей и возможности их изменения. Позволим себе небольшое отступление и в качестве примера приведем специальный курс, разработанный в Нижегородской академии МВД России доктором юридических наук профессором В. А. Тимченко, о выявлении экономических и налоговых преступлений, совершенных путем внесения изменений в бухгалтерские программы (в частности 1С). Он преподавался в Академии еще в 90-е годы XX века, поскольку уже тогда данная проблема интересовала ученых и правоохранителей и была весьма актуальной. Современные информационные технологии предоставляют большие возможности пользователям по обе стороны закона.

При проведении научных исследований и разработке программного обеспечения также необходимо учитывать постоянное реформирование налогового законодательства (*пример, на момент написания статьи в Российской Федерации с 1998 года принято 167 редакций части первой и 356 редакций части второй Налогового кодекса Российской Федерации, и 23 мая 2024 года предстоит обсуждение в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации нового проекта реформирования налоговой системы (примечание автора)*) и возможности оперативного внесения этих изменений в программы и алгоритмы информационных систем.

Говоря о цифровизации и возможностях применения искусственного интеллекта, важно учитывать и географическое расположение, территорию нашей страны. В небольших европейских странах, таких как Дания, Эстония, Финляндия, оцифровать законодательство проще. В Российской Федерации, как бы нам этого ни хотелось, еще далеко не повсеместно у всех пользователей есть возможность доступа к сети «Интернет» и цифровым технологиям. Кроме того, не все налогоплательщики не то, чтобы не согласны впустить в свою жизнь и бизнес цифровые технологии, но не владеют соответствующими навыками и работают по старинке. Немаловажным также является фактор недостаточно высокого уровня налоговой культуры в обществе.

Завершая рассуждения о роли науки налогового права в жизни современного российского общества, отметим, что в современном мире ее развитие происходит стремительными темпами: за несколько десятилетий достигнут существенный прогресс, и по некоторым показателям Российская Федерация является мировым лидером в данной области, в частности в вопросах цифровизации законодательства и использовании современных информационных технологий в налоговых правоотношениях. Однако даже самое совершенное программное обеспечение, на наш взгляд, вряд ли когда-то сможет полностью заменить человеческий разум и взять на себя дискреционные полномочия правоприменителей.

Учитывая важность научных изысканий в области налогового законодательства в целом и цифровизации в частности, можно утверждать, что ученые и дальше будут увлечены этой весьма актуальной и интересной темой.

¹ T. Sourdin Judge v robot? Artificial intelligence and judicial decision-making // Judicial commission of NSW. URL: https://www.judcom.nsw.gov.au/publications/benchbks/judicial_officers/judge_v_robot.html (дата обращения: 20.05.2024).

Васильев Павел Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовых дисциплин
Ульяновского филиала РАНХиГС

**Обеспечение гражданского мира и согласия в стране
как возможное направление развития
российской юридической науки**

Российская юридическая наука, являясь комплексным социокультурным институтом, выполняет множество различных функций по удовлетворению интересов субъектов на различных уровнях социальной реальности: на уровне отдельных людей (личностный уровень), государства (государственный уровень), всего российского общества (общесоциальный уровень), а также того сегмента международной общественности, мировоззрение которого основано на сходных с нашими ценностях (международный уровень).

Социальные формы движения материи предполагают изменения на всех уровнях организации общества. Происходит либо развитие личности, общественно-политических институтов и их объединений, либо деградация данных субъектов социального действия. Если не двигаться вперед, то любой субъект социального действия, включая социокультурный институт российской юридической науки, неизбежно будет откатываться назад. Но возникает вопрос: «Как понимать вперед и назад?» Для ответа на данный вопрос можно использовать индуктивный или дедуктивный подходы.

Дедуктивный подход предполагает постановку общей цели, детализация которой обеспечивает понимание частных задач. В истории нашей страны есть четкий пример попытки реализации данного подхода: это опыт построения советской государственности. Основываясь на нем, можно сделать вывод о том, что движение вперед в отдельный момент исторического развития не всегда придерживается того вектора, который был задан при постановке цели. Так, перспективы построения всемирной коммунистической федерации посредством ориентированного на использование революционных методов международного коммунистического движения были заменены построением социализма в одной отдельно взятой стране, а затем возвратом к рыночной экономике и демократии.

По поводу данного опыта можно говорить, что постановка общей, предельно глобальной цели не соответствовала уровню развития международного коммунистического движения, а социально-экономическая база построения социализма и коммунизма не была сформированной в необходимой степени. Не будет преувеличением также и указание на иные проблемы, например, откровенно враждебное поведение отдельных держав (например, гитлеровской Германии в начале 1940-х годов и США как до Великой Отечественной войны, так и во время холодной войны). Основная трудность дедуктивного подхода состоит в определении уровня проблем, которые могут быть решены с учетом существующего и ближайшего перспективного уровня социального развития. Так, факт постепенного отказа от поставленных целей и развала СССР может свидетельствовать о том, что чрезмерно высокий уровень постановки политико-правовой перспективы не соответствовал ни достигнутому состоянию социально-политического развития советского общества, ни реальным перспективам социалистического строительства. Иначе говоря, заявленный уровень социально-политических целей изначально был слишком высок.

Таким образом, главная трудность применения дедуктивного подхода к определению перспективы политико-правового развития состоит в несоответствии сложности провозглашаемой политико-правовой цели существующему и реально достигаемому в обозримом будущем уровню социального развития.

Руководствуясь индуктивной логикой, можно развивать российскую юридическую науку посредством выявления отдельных проблем и постановки таких же по масштабу целей. В рамках индуктивной логики развития допустимо проанализировать все аспекты юридической науки, выявить отдельные проблемы и постепенно решать их. Примеры такого подхода встречаются весьма часто. В качестве наиболее существенных наработок индуктивного характера можно

выделить работы Н. А. Власенко¹, В. М. Баранова², П. П. Баранова³, И. Л. Честнова⁴ и многих других авторов.

Если совместить индуктивный подход к развитию российской юридической науки с методологией деятельностного подхода, то можно выделить проблемы по компонентам юридической науки как деятельности и попытаться их устранить. Так, среди проблем субъектов российской юридической науки можно обозначить недостаточную эффективность научных школ. Последние часто не обеспечивают ни надлежащее научное рекрутирование талантливых исследователей с избавлением от «балласта», ни достаточно результативную научно-исследовательскую работу с обучающимися в вузах. Можно также попытаться выделять и решать отдельные проблемы, состоящие не только в субъектах, но и объектно-предметной области научного исследования, в его методологии, в определении эффективности и результативности научных исследований и научно-представительских мероприятий, а также в иных аспектах.

При индуктивном подходе развитие науки сразу же начинает петлять. Например, проблемы средств и методов осуществления научной деятельности принимают форму изобретения новых методологических подходов. Так, Д. А. Пашенцев предлагает подход, который он обозначает термином «конструктивизм»⁵. Работа указанного автора претендует на широкое методологическое обобщение, которое заслуживает внимания и обсуждения в научном юридическом сообществе. Однако в этом и состоит главная трудность индуктивного подхода к развитию российской юридической науки. Научное сообщество неизбежно будет уделять внимание частотностям, за которыми не сможет увидеть «леса». При этом попытки решения отдельных проблем станут вызывать новые как объективные (несовпадение направлений научного и политического развития, несоответствие предлагаемых перспектив достигнутому уровню социально-экономического развития и др.), так и чисто субъективные (оценка работ с позиций личностных симпатий и антипатий, nepoтизм, неспособность принимать критику, признавать свои ошибки и осуществлять самокритику). Выражаясь метафорически, индуктивное развитие российской юридической науки можно сравнить с блужданием в лабиринте Минотавра без путеводной нити Ариадны. Что же может стать такой нитью? Возможно, что ею станут мудрость и опыт предков.

Обращаясь к мудрости древних как Востока (Будда), так и Запада (Аристотель), можно предложить срединный путь, состоящий в выборе дедуктивного подхода с постановкой реально осязаемой и перспективно достигаемой цели. При этом нужно, чтобы развитие юридической науки создавало позитивные стимулы на личностном, государственном, общественном и международном уровнях ее функционирования. Иными словами, общая цель должна давать ориентир для отдельных исследователей и их объединений (научные школы и иные институты), отвечать специфике политической реальности, социальным потребностям российского общества и ожиданиям иностранных партнеров, разделяющих наши ценности. Это, в свою очередь, позволит снизить уровень отдельных недостатков, так как появится возможность относительно объективно оценивать вклад отдельных авторов и их коллективов в развитие российской юридической науки. Например, научные достижения, начиная с работ обучающихся и заканчивая выносимыми на защиту положениями диссертаций на соискание ученых степеней, легко можно будет оценивать с позиции того, на сколько они помогают достигать заявленной цели. В качестве таковой можно предложить обеспечение гражданского мира и согласия в стране. Данная идея имеет достаточно высокий уровень обобщения, что обуславливает ее национальную универсальность, но и не претендует на глобальность, как это было с идеей построения всемирного коммунизма.

¹ См.: Власенко Н. А. Антиинновационные тенденции в современной юридической науке // Юридическая техника. 2021. № 15: материалы XXII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)». Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: Проспект, 2021. С. 48–57.

² См.: Баранов В. М., Пшеничников М. А. Гармонизация правовой системы России: концептуализация категории // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2000. № 1. С. 5–21.

³ См.: Баранов П. П. Кризис юридической науки в современном мире // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 29–36.

⁴ См.: Честнов И. Л. Состояние современной юридической науки: мнение экспертов // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 155–163.

⁵ См.: Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 1 (45). С. 16–22.

Нормативно данная идея закреплена поправками к статьям 80 и 83 действующей Конституции Российской Федерации, принятыми общероссийским голосованием 1 июля 2020 года¹. Это обстоятельство свидетельствует о соответствии указанной перспективы развития российской юридической науки интересам государства и объективно не входит в противоречие с интересами всего российского общества в целом. Кроме того, очевидные успехи в развитии данного направления могут стать фактором повышения международного престижа России как государства, обеспечившего такие важные условия благоприятной жизни человека, как гражданский мир и согласие.

Следует отметить, что нормативно данная идея реализована в форме уточнения полномочий Президента Российской Федерации, но это не означает, что только он должен предпринимать меры для развития российской государственности в данном направлении. Гражданское общество также может и должно внести свой вклад в обеспечение гражданского мира и согласия в стране. Как именно оно может это сделать? Например, проработав проблематику развития демократии.

С исторической точки зрения «торжество демократии» в России в начале 1990-х годов произошло с отказом от чрезвычайно демократического института выборности судей.

Отметим, что к идее о выборности судей в качестве меры укрепления гражданского мира и согласия в обществе приходят достаточно часто. Так, практически все знаменитые реформы, осуществленные по направлению обеспечения гражданского мира и согласия демократическими методами, предполагали выборный суд. Можно вспомнить введение Гелизи по реформам Солона в Древней Греции VI века до н. э., реальную выборность судебных инстанций в Древнем Риме периода Республики, суд шеффенов в средневековых германских княжествах и королевствах, учреждение суда присяжных по реформам Генриха II в средневековой Англии, создание парижского парламента как общегосударственного судебного органа в средневековой Франции.

Следует отметить, что российской правовой традиции институт выборности судей также не чужд. Наиболее полно он получил развитие в Псковской и Новгородской республиках до присоединения их к Московскому княжеству в XV–XVI веках. Также следует вспомнить выборность губных и земских старост по реформам Избранной рады XVI века, о введении суда присяжных заседателей и выборных мировых судей во второй половине XIX века. Характерно, что ограничение практики использования суда присяжных и выборных мировых судей в период контрреформ Александра III, а также введение в обход Государственной Думы института «скорострельной юстиции» по инициативе председателя Совета министров П. А. Столыпина лишь отсрочили крушение Российской империи.

Обращает на себя внимание тот факт, что молодая Советская Республика сразу же декретом Совета Народных Комиссаров о суде 22 ноября (5 декабря) 1917 года, упраздняя существующие судебные инстанции, постановила заменить их «...судами, образуемыми на основании демократических выборов»². Не идеализируя советскую судебную систему, в которой были и внесудебные полномочия ВЧК, и суд «двоек» и «троек», и достаточно далекие от идеалов демократии судебные процессы 20-, 30- и 40-х годов прошлого века, обратим внимание на то, что в качестве идеи институт выборности судей всех инстанций советская власть стремилась реализовывать по мере своего понимания возможности делать это.

Конечно, более детальный анализ исторических обстоятельств введения и функционирования выборных судей, а также влияния этого института на укрепление гражданского мира и согласия в нашем Отечестве требует более обстоятельного осмысления. Но заметим, что во всех обществах, включая наше, институт выборности судей вводился для установления или упрочнения гражданского мира и согласия, достигая этого с различной степенью результативности.

В целях научного обеспечения развития российской государственности и вовлечения в этот процесс исторической научной общественности на общесоциальном уровне функционирования российской юридической науки можно попытаться сформулировать ряд задач для научных исследований:

— провести факторный анализ влияния введения института выборности судей на состояние общества в конкретные исторические периоды;

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2024).

² Декреты Советской власти: в 18 т. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. Москва: Государственное изд-во политической литературы, 1957. С. 124–126.

— определить социальные тенденции, вызванные введением такого института, а также ближайшие и отдаленные результаты его функционирования;

— путем сравнительного анализа показать и объяснить сходство, а также различие российского и зарубежного опыта введения института выборности судей.

Заметим, что создание научного обеспечения реализации идеи по обеспечению гражданского мира и согласия в стране не может быть сведено только к вопросу о назначаемости или выборности судей, но с сугубо юридической точки зрения этот аспект представляется наиболее существенным и заслуживающим пристального внимания.

Галузо Василий Николаевич,

кандидат юридических наук,

старший научный сотрудник

НИИ образования и науки

О соотношении юридической науки, юридического образования и праворегулирования в Российской Федерации

Предметом данной статьи является соотношение юридической науки, образования и праворегулирования в Российской Федерации¹.

Е. Е. Рафалюк и Н. В. Власова исследовали «...проблемы законотворчества и правоприменения в сфере противодействия коррупции, выявлены научные идеи и новые подходы в борьбе с коррупцией», по результатам чего выработаны следующие рекомендации на тему «Правовые инновации в противодействии коррупции» («...формирование <...> научных знаний юридического сообщества и содействие на этой основе государственному и правовому развитию; укрепление правовых основ борьбы с коррупцией как наиболее разрушительным для устойчивого и динамичного развития страны явлением»; «активно содействовать созданию правовых концепций дальнейшего развития интеграции на евразийском пространстве, выработке научных основ единого правового регулирования в рамках евразийского правового пространства и реализации решений органов евразийской интеграции в национальных правовых системах²»). В данном случае соавторами противопоставлены несовершенные термина «законотворчество» и «правоприменение».

М. Б. Румянцев предложил выделить «общую теорию правотворчества» в отдельную юридическую науку («Проведенный анализ правотворчества <...> показывает, что назрела необходимость создания единой теоретической науки, в рамках которой следует системно исследовать вопросы создания правовых норм. Представляется, что пришла пора сформировать такую юридическую науку, как общая теория правотворчества. Это, несомненно, позволит поднять эффективность как правотворчества, так и законодательства в целом³»). Здесь уже допущено отождествление разных категорий, причем с обособлением еще одной отрасли юридической науки.

В. Б. Исаков, представив «обзор актуальных тенденций в развитии права, правового регулирования, юридической науки и образования», сфокусировал «внимание на изменения в самой основе права, появление новых объектов и предметов правового регулирования и связанное с этим развитие средств и методов правового регулирования» посредством выделения шести «конкретных проблем юридического образования» («Преодоление устаревших, консервативных, бюрократических форм управления образованием и его реальный разворот к актуальным проблемам национального развития должны остановить его деградацию, продолжающуюся <...> уже несколько десятилетий⁴»). С суждением о деградации юридического образования в Российской Федерации трудно не согласиться.

¹ Мы предлагаем с 25 декабря 1991 года для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее см.: Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123).

² Рафалюк Е. Е., Власова Н. В. Юридическая наука в поиске правовых механизмов противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 43–68.

³ Румянцев М. Б. Правотворчество как юридическая наука // Законодательство и экономика. 2015. № 5. С. 39–45.

⁴ Исаков В. Б. Перспективы реинжиниринга правового регулирования, юридической науки и образования // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 5–19.

3. С. Лусегенова и В. В. Тихонов высказали следующее суждение: «... в теории права все чаще поднимается проблема отсутствия в юриспруденции диалектической связи науки, практики и образования. Авторы предприняли попытку найти точки сближения науки права и правоприменительной практики посредством юридического образования. В работе в числе прочих активно применялся метод правового моделирования. Результатами исследования стали предложения, касающиеся внедрения в судебные органы базовых кафедр ведомственного вуза, а также связанные с этим ожидаемые положительные последствия («...дальнейшее развитие юриспруденции (в частности, отдельных отраслей права) лежит в русле активного взаимодействия и взаимопроникновения таких постулатов, как правовая доктрина, правоприменение и юридическое образование. Однако подобные изменения могут быть воплощены в жизнь только при нормативной поддержке, посредством внесения изменений/дополнений в действующее законодательство, регулирующее и регламентирующее судебный правоприменительный процесс»¹). Государственные суды общей и специальной юрисдикции в Российской Федерации не осуществляют «правоприменительный процесс», а посредством применения нормативных правовых актов осуществляют судопроизводство².

М. Ю. Осипов сформулировал несколько выводов: «...1) методологический потенциал концепций понимания права — это способность при помощи той или иной концепции понимания права решать определенный круг научно-исследовательских задач, стоящих перед современной юридической наукой; 2) оценка методологического потенциала той или иной концепции понимания права предполагает выяснение того круга задач, которые стоят перед современной юридической наукой и которые могут (не могут) быть решены с использованием положений той или иной концепции понимания права; 3) ни одна из существующих концепций права не может претендовать на универсальность, так как, будучи теоретико-философской основой для той или иной методики исследования права и правовой реальности, концепция определяет класс задач, которые могут быть решены с помощью той или иной методики исследования правовой реальности»³. В последующем этот же автор «выводы» и конкретизировал, и расширил: «...1. Методологический потенциал концепций понимания права — это способность при помощи той или иной концепции понимания права решать определенный круг научно-исследовательских задач, стоящих перед современной юридической наукой. 2. Оценка методологического потенциала той или иной концепции понимания права предполагает выяснение круга задач, которые стоят перед современной юридической наукой и которые могут (не могут) быть решены с использованием положений той или иной концепции понимания права. 3. Различные концепции правопонимания выступают в качестве теоретико-философских основ для изучения права и правовой реальности, лежащей в основе той или иной концепции права. 4. Ни одна из существующих концепций права не может претендовать на универсальность, так как, будучи теоретико-философской основой для той или иной методики исследования права и правовой реальности, она определяет класс задач, которые могут быть решены с помощью той или иной методики исследования правовой реальности. При этом существует и иной класс научно-исследовательских задач, которые требуют применения других методик исследования права и теоретико-философской основы и, следовательно, другой концепции понимания права. 5. В качестве теоретико-методологической основы для интеграции различных концепций понимания права может выступать факт правового регулирования общественных отношений, который предполагает его описание и объяснение с точки зрения различных концепций понимания права.

Вместе с тем попытки механического соединения различных концепций правопонимания в некую единую концепцию оказываются невозможными, так как, будучи теоретико-философскими основами той или иной методики исследования права, они определяют класс задач, которые могут быть решены с помощью данной методики, а поскольку данные задачи часто

¹ Лусегенова З. С., Тихонов В. В. Конвергенция правовой науки и юридической практики // Мировой судья. 2021. № 11. С. 9–15.

² См.: Галузо В. Н. Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022. С. 151–217.

³ Осипов М. Ю. Об оценке методологического потенциала некоторых концепций правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 15–30.

не пересекаются, то возникает необходимость использовать различные, в том числе экзотические, концепции правопонимания»¹. Но ведь основное предназначение права автором оставлено без внимания².

Неопределенность суждений о соотношении юридической науки, юридического образования и праворегулирования во многом предопределены фактическим отсутствием фундаментальных теоретических разработок и несовершенством законодательства Российской Федерации.

На нелицеприятное состояние юридической науки нами уже обращалось внимание³, это, в частности: активизация процесса «клонирования» отраслей юридической науки⁴; «внедрение» в юридическую науку представителей иных отраслей науки⁵; внедрение «инноваций» в юридическую науку⁶; умышленное игнорирование действительно фундаментальных научных разработок представителями ведущих образовательных организаций⁷; принудительное «соавторство»⁸.

Нелицеприятное состояние юридической науки сказывается и на юридическом образовании, на что нами также обращалось внимание⁹. Ныне образование урегулировано в части 1 статьи 1 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰ («1. Предметом регулирования настоящего Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в сфере образования в связи с реализацией права на образование, обеспечением государственных гарантий прав и свобод человека в сфере образования и созданием условий для реализации права на образование...»)¹¹. Имеется и подзаконный нормативный правовой акт: Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 года № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации». «В целях повышения качества образовательных программ высшего профессионального образования в области юриспруденции, усиления контроля деятельности образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров в Российской Федерации, постановляю...» (преамбула)¹².

¹ Осипов М. Ю. Об оценке методологического потенциала некоторых концепций правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 15–30.

² См.: Галузо В. Н., Эриашвили Н. Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // Социально-гуманитарное обозрение. 2023. № 1. С. 81–92.

³ См., например: Галузо В. Н. Юридическая наука в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Социально-гуманитарное знание как катализатор общественного развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 мая 2019 года: в 2 ч. Ч. II / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: АПНИ, 2019. С. 33–40.

⁴ См., например: Галузо В. Н. О допустимости «клонирования» отраслей юридической науки в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 1. С. 24–27.

⁵ См., например: Галузо В. Н. О «нашествии» «инородцев» в юридическую науку в Российской Федерации: *pro et contra* // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 66–69.

⁶ См., например: Батюк В. И., Галузо В. Н. О допустимости «инноваций» в юридической науке Российской Федерации (отклик на результат деятельности диссертационного совета Д. 212.081.26 при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет») // Образование и право. 2018. № 1. С. 165–173.

⁷ См., например: Галузо В. Н. Умственное совершеннолетие как условие фундаментальности научных разработок в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2013. № 12. С. 147–152.

⁸ См., например: Галузо В. Н. О регулировании соавторства на результаты интеллектуальной деятельности в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2021. № 2. С. 36–39.

⁹ См., например: Эриашвили Н. Д., Осавельюк А. М., Галузо В. Н. Образование и воспитание в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 71–75; Их же: Образование и воспитание в Российской Федерации: поиск оптимального сочетания // Особенности преподавания юридических дисциплин в современных условиях: сборник материалов круглого стола (27 марта 2015 года, г. Москва) / под общ. ред. О. Д. Жука. Москва: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 206–211; Галузо В. Н. О предназначении юридического образования в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. С. 247–251.

¹⁰ Собрание законодательства РФ. 2012. № 53, ст. 7598; 2024. № 1, ч. I, ст. 66.

¹¹ О несовершенстве данного Федерального закона Российской Федерации подробнее см.: Галузо В. Н. О некоторых проблемах комплексного правоприменения в сфере образования в Российской Федерации // Диалог. 2017. № 2. С. 28–37.

¹² См.: Собрание законодательства РФ. 2009. № 22, ст. 2698.

И, наконец, о праворегулировании¹, занимающим в триаде «юридическая наука — юридическое образование — праворегулирование» нижестоящее место. В данном случае речь идет об одном из регуляторов общественных отношений, а именно о праве². В Российской Федерации как субъекте международного права именно право признано приоритетным регулятором общественных отношений, что продекларировано в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года: 1. Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления³. Также нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что право как регулятор общественных отношений используется наряду с иными регуляторами общественных отношений (ныне это политика, религия, традиция)⁴. Но выбор регулятора общественных отношений — это исключительная прерогатива государства⁵. Регулирующее воздействие права проявляется через нормативные правовые акты, которые, к сожалению, в Российской Федерации и поныне не систематизированы⁶.

Таким образом, исследования относительно соотношения юридической науки, юридического образования и праворегулирования в Российской Федерации необходимо продолжать.

Во-первых, юридическая наука, юридическое образование и праворегулирование должны рассматриваться в качестве самостоятельных категорий, причем взаимосвязанных.

Во-вторых, с учетом роли результатов соотношение трех названных категорий может быть представлено следующим образом: юридическая наука — юридическое образование — праворегулирование.

В-третьих, юридическая наука не может быть ведомственной или вневедомственной.

В-четвертых, результатами юридической науки могут быть фундаментальные положения относительно использования права как регулятора общественных отношений и в первую очередь в правовых государствах

В-пятых, фундаментальными положениями юридической науки могут быть задача, цель и в особенности принцип.

В-шестых, суть юридического образования — умение применять нормативный правовой акт и тем самым реализация правила: учить надо не ответам на вопросы, а умению задавать вопросы.

В-седьмых, юридическое образование можно получить исключительно в специализированных юридических образовательных организациях, но не в образовательных организациях со множеством специализаций.

В-восьмых, в качестве альтернативы термину «правоприменение» необходимо использовать термин «праворегулирование»: право не применяется (применяются конкретные нормативные правовые акты) — право регулирует общественные отношения.

В-девятых, выбор регулятора общественных отношений, в том числе и права, является исключительным предназначением государства, которое непосредственно не регулирует общественные отношения.

В-десятых, именно праворегулирование (разумеется, в правовых государствах) является венцом юриспруденции, ибо призвано обеспечивать баланс между теорией и практикой.

¹ Ввиду несовершенства термина «правоприменение» нами предложен в качестве альтернативы термин «праворегулирование» (см.: Галузо В. Н. О праворегулировании как альтернативе право-применения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5–8).

² См.: Галузо В. Н., Редкоус В. М., Дуванов Н. Ю. Доказывание при праворегулировании в Российской Федерации: монография. 7-е изд., испр. и доп. Москва: Проспект, 2024. С. 20–30.

³ Российская газета. 1993. 25 декабря. 2020. 4 июля.

⁴ См.: Галузо В. Н. О системе регуляторов общественных отношений в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6.

⁵ См.: Галузо В. Н. О роли государства выборе регулятора общественных отношений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9.

⁶ См.: Галузо В. Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28–30; Его же. Систематизация законодательства в Российской Империи как условие его единообразного исполнения // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 98–101; Его же. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102; Его же. Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76–81.

Гильмуллин Айнур Разифович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Казанского (Приволжского)
федерального университета

Определенность правопонимания как фактор эффективности юридической науки

Для современного этапа развития отечественной правовой системы, как и всех глобальных правовых систем в целом, характерна постоянная, динамичная и хаотичная трансформация геополитических, политических, экономических, культурных и научно-технологических отношений и стандартов, непосредственно или опосредованно воздействующих на настоящее и будущее российского общества и государства.

Как представляется, данные объективные тенденции, основанные на принципиально новом векторе человеческой активности и продиктованные их глобальным (универсальным) влиянием и значением, с одной стороны, понуждают отечественную правовую систему к адекватной адаптации в новых условиях, в том числе к конструктивному реагированию и нахождению оригинальных подходов в процессе правового регулирования и правоприменения, тогда как с другой — непосредственно проецируются на юридическую науку и ставят перед ее теоретико-правовой частью кардинально новые задачи, связанные с необходимостью критического (метафизического) переосмысления данных направлений развития, методологического сопровождения и прогнозирования новых сфер правового регулирования. При этом наиболее «чувствительными» и одновременно скрытыми дилеммами, требующими особого внимания и осмысления со стороны теории права, видятся фундаментальные вопросы и перспективы сохранения идеи права, а также его онтологической и аксиологической роли и значения в контексте постнеклассических глобальных процессов.

Стоит отметить, что некоторые вызовы современности уже не раз становились предметом комплексного исследования с нашей стороны¹. К примеру, в рамках проведенного ранее анализа взаимосвязи правопонимания с политикой и экономикой было сделано заключение о том, что сложившаяся международная экономическая конъюнктура, а именно ее отношение к праву как нормативному средству для оформления тех или иных экономических и политических отношений, не может не вызывать вопросов и опасений, и, самое главное, обусловлена она не отказом от права как элемента культуры всей цивилизации, а отсутствием системного, концептуального понимания сущности права, его меры (границ), то есть существующие формальные права человека не позволяют идентифицировать право как онтологический, гносеологический феномен, имеющий собственное, присущее только ему содержание. Отсутствие определенных сущностных императивов права (и, следовательно, концепции правопонимания), предоставляющих возможность направлять, ограничивать функционирование публичных органов власти и других субъектов, осложняет деятельность последних, допускает ее непоследовательность и стихийность, позволяет им относиться к праву как к своего рода «оформителю» экономических, политических и иных отношений².

Другой, не менее важной дилеммой, на которую, на наш взгляд, важно обратить внимание в контексте настоящего исследования, является вопрос нахождения правового баланса между свободой научного творчества и самореализацией человека, с одной стороны, и достоинством, личной неприкосновенностью и безопасностью человека — с другой, опосредованный стремительными научными открытиями и достижениями во всем мире.

Не станет преувеличением утверждение о том, что человечество достигло такого уровня своего развития, когда можно с уверенностью констатировать: оно обладает необходимыми знаниями для поддержания базовых основ своей жизнедеятельности как особого вида живой природы. Однако разум человека продолжает становиться все более «уверенным» в себе и при этом особо ничем

¹ Гильмуллин А. Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 61–77; Гильмуллин А. Р. О связи правопонимания с политикой и экономикой // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 80–88.

² См. Гильмуллин А. Р. О связи правопонимания с политикой и экономикой // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 83.

не ограничивается при выборе объекта и методов своего познания, в том числе в тех областях, которые имеют прямое отношение к природе человека. В. Д. Зорькин в этой связи справедливо замечает: «Человек, возмнивший себя венцом творения, смотрит на окружающий его мир не как на внутренне связанную с ним среду его обитания, являющуюся условием продолжения человеческого рода, а как на совокупность внешних по отношению к нему средств, которые он может использовать для своего личного благополучия и самореализации»¹.

В частности, как свидетельствует хроника научных открытий, зачастую те или иные изобретения, инновации и технологии (в том числе *NB/C*-конвергенции) стремительно и повсеместно предлагаются и внедряются в социальную, экономическую, военную, экологическую сферу. Речь в том числе идет о таких новых технологиях, как создание гомункула — искусственного «двойника» человека, биологизаторские идеи о создании «сверхчеловека» с его особыми умственными данными, технологии бионики, искусственный интеллект и его творческие функции и т. д. Как правило, авторы современных научных открытий в силу специфики своей деятельности объективно и комплексно не рефлексируют на тему о том, как такие открытия соотносятся с правами, свободами и обязанностями человека, в частности, какие реальные и потенциальные вызовы и угрозы могут последовать за этими открытиями сегодня, завтра и т. д.

Данные антропогенные факторы, подпитываемые международной научной конкуренцией за глобальное экономическое могущество, технологическое и военное преимущество, уже давно вызывают немалую озабоченность со стороны экспертов разных направлений и являются объектом комплексных обсуждений представителями как естественных, так и гуманитарных наук, имеющими разные взгляды на происходящие вокруг человеческой природы научно-экспериментальные процессы, что представляется вполне закономерным. Как отмечает В. В. Лапаева, «глобальный характер современных антропогенных рисков, представляющих угрозу выживанию всего человечества, является главной особенностью нынешнего исторического этапа, обозначаемого как поздняя современность»². Свои опасения по поводу этого вопроса высказывал и академик В. С. Степин: «Проблема сохранения личности приобретает в современном мире еще одно, совершенно новое измерение. Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом миллионов лет биоэволюции и которую начинает активно деформировать современный техногенный мир»³.

Некоторые авторы достаточно обоснованно, на наш взгляд, предлагают контролировать и координировать процесс научно-технологической эволюции посредством правовой регуляции. К их числу относится, например, американский философ Ф. Фукуяма, по мнению которого юридическая регламентация позволит мировому сообществу контролировать биотехнологию человека и «потребует от законодателей всех стран мира взять на себя ответственность и принять трудные решения по сложным научным вопросам»⁴.

По нашему мнению, как и любой иной процесс нормативной регламентации, законодательное регулирование в области научно-технологических изысканий в первую очередь должно носить строго профессиональный, рациональный характер и, самое главное, базироваться на определенной правовой основе. Как справедливо подметила в этой связи О. В. Романовская: «Это налагает серьезное бремя на законодателя, определяющего в этих сложных условиях ту «нить Ариадны», призванную провести науку сквозь угрозы, соблазны, кризисы современного мира»⁵.

Иначе говоря, важное значение имеет понимание того, что прежде чем законодательно ограничивать те или иные научные исследования, такие ограничения должны быть действительно научно обоснованы, в том числе путем их глубокого и концептуального философско-правового переосмысления, а также с помощью научных доказательств и опровержений, эмпирических данных, в целях недопущения ситуации, когда могут быть произвольно нарушены либо ограничены чьи-либо права и законные интересы.

¹ Зорькин В. Д. Право против хаоса. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 20.

² Лапаева В. В. Право как фактор снижения антропогенных рисков: с позиций концепции техно-гуманитарного баланса. URL: <http://www.igpran.ru/articles/4473/> (дата обращения: 10.04.2024).

³ Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. Москва: Гардарики, 2006. С. 102.

⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. Москва: ООО «Изд-во АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. С. 25.

⁵ Романовская О. В. Конституционное право на свободу научного творчества: содержание, ограничения, проблемы регулирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 14.

По нашему убеждению, в процессе рационального осознания, исследования и разрешения всех этих фундаментальных вопросов право как предметная сторона юридической науки не может «тихо стоять в стороне» и выступать лишь в контексте позитивистской или нормативистской традиции, то есть как форма, система и т. д., которая должна будет обеспечить формально-логическое и юридико-догматическое сопровождение и оформление. Право должно стать первостепенной, определяющей основой с рационально-философским (сущностным), теоретико-методологическим содержанием и смыслом по вопросам, прямо опосредованным человеческим естеством и его сохранением¹. Другими словами, любая деятельность (будь то: политическая, экономическая, научная и т. д.; законотворческая, правоприменительная или исследовательская), планируемая и реализуемая посредством применения либо обусловленная обстоятельствами применения юридических средств, предполагает прямую детерминированность сущностными началами (основаниями) права. На данные аспекты также обращают внимание Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор: «Развитие конвергентных технологий актуализирует и обостряет, прежде всего, философские проблемы права, служит предпосылкой к переосмыслению сущности права, его роли и значения в жизни современного общества»².

Отсюда следует, что особое внимание отечественной теории и философии права должно быть сосредоточено на выработке теоретической однозначности (упорядоченности) содержания прав и свобод человека в контексте их рационального обеспечения и недопущения произвольного ограничения, то есть на вопросах создания теоретико-методологических (онтологических) основ для достижения разумного баланса в процессе правового регулирования, способствующего безопасному и устойчивому развитию российского общества и ограждению его от потенциальных рисков и угроз в настоящем и будущем.

Как представляется, достичь существенных и объективных результатов со стороны юридической науки в этом направлении возможно, прежде всего, в условиях доктринальной определенности в понимании права. Как точно отмечал в этой связи М. И. Байтин, «творческое исследование... разносторонних проблем... возможно лишь на основе верного понимания права»³.

Для современной отечественной юридической науки это, в свою очередь, означает, что в существующих условиях юридическая гносеология не может исходить из разных представлений и интерпретаций сущности права и руководствоваться ими. Например, быть мотивирована либо ограничена только вопросами классификации нормативных актов, выявления и устранения противоречий в правовой системе, анализа систем права в фокусе сравнительного правоведения, внедрения международного опыта, генерирования новых и разграничения существующих отраслей и институтов права, обоснования значения решений судебных органов в правовой системе в рамках позитивистского (нормативистского) или социологического подходов к праву. Или заниматься поиском методологических оснований для расширения прав и свобод человека, их обоснования и реализации в фокусе естественно-правовой доктрины и т. д.

В этой части обращает на себя внимание то, что данные подходы основаны на абсолютно разных методологических принципах понимания и обоснования природы права.

Существующий методологический плюрализм относительно фундаментальных аспектов права в конечном счете становится следствием того, что сторонники и приверженцы того или иного подхода к правопониманию не признают обоснованности доводов тех, кто аргументирует свою позицию исходя из иных, в том числе собственных представлений о понимании права. В итоге это приводит к тому, что понимание основополагающих аспектов права: принципов, функций, целей, дефиниций и т. д. — размывается, исходя из разных подходов, интерпретаций и целеполаганий. Вместе с тем в доктрине справедливо обращается внимание на то, что «в последние годы «коллизия правопонимания» стала трансформироваться в коллизию правосознания общества, в правовые установки и действия граждан, должностных лиц, политических деятелей»⁴. И далее авторы приходят к вполне закономерному выводу: «Теоретические коллизии не ме-

¹ Гильмуллин А. Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права. С. 71–72.

² Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. Москва, 2020. С. 92.

³ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 55.

⁴ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 365.

нее опасны, чем практические, ибо правоприменение прямо и непосредственно зависит от правопонимания»¹.

Иными словами, туманность (неопределенность) в правопонимании способствует усилению дезорганизации юридической науки и накоплению диссонансных и противоречивых тенденций в юридическом познании, мышлении, воспитании, а также в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Здесь нельзя не сказать, что в современной отечественной доктрине правопонимания определенную популярность приобрел интегративный подход к праву или интегративное (интегральное) правопонимание, на основе которого предпринимаются попытки обосновать и описать состояние и функционирование современной отечественной правовой системы.

Американский юрист, родоначальник теории «интегративной юриспруденции» Г. Берман, раскрывая в своем труде «Западная традиция права: эпоха формирования»² категорию «право в действии», указывал на необходимость объединения правового позитивизма, теории естественного права и исторической школы права и создания примиряющей их интегральной юриспруденции.

Отсюда можно сделать вывод, что квинтэссенцией интегративного понимания права выступает синтез разных концепций правопонимания и всего того общего, что их объединяет, в целях создания единого понятия права³, позволяющего учитывать достижения имеющихся концепций правопонимания⁴. Между тем набор концепций, подлежащих интеграции, сторонниками данного подхода в правопонимании не всегда последовательно определен и до настоящего времени однозначно не обозначен. Предлагаются разные варианты интеграции: одни теоретики права рекомендуют вариант естественно-позитивного права⁵; другие авторы ссылаются на формальные требования равенства и справедливости⁶; по мнению третьих, право объективируется в принципах и нормах права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве⁷, и т. д.

Необходимо все же обратить внимание на то, что, как отмечает ряд авторов, интеграция (синтез) подходов в правопонимании носит, как правило, компилятивный⁸ и эклектический⁹ характер. Есть и те, кто оценивает интегративное правопонимание в более строгой форме, указывая на то, что «в содержательном плане это выглядит скорее слабой неопозитивистской рефлексией правосознания, принципиально не готового (и не желающего) расставаться с исконно-позитивистскими стереотипами»¹⁰. Н. В. Евдеева считает, что причиной формирования интегрального правопонимания является «кризис науки вообще и юриспруденции в частности; утрата классическими концепциями главенствующих позиций в связи с изменением требований правовой действительности»¹¹.

¹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 365.

² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. Москва, 1994. С. 22.

³ Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юристъ, 2001. С. 49.

⁴ Палеха Р. Р. Интегративная концепция правопонимания как методологическая парадигма права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. № 1. С. 72.

⁵ Шафилов В. М. Естественно-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. С. 10.

⁶ Лазарев В. В. Интегративное восприятие права // Kazan University Law Review. 2016. № 1. С. 6.

⁷ Ершов В. В. Регулирование правоотношений. Москва: РГУП, 2020. С. 9.

⁸ Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. Москва: Российская академия правосудия, 2012. С. 8.

⁹ Зорькин В. Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика. Материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы», проводимой Институтом проблем правоприменения Европейского университета (г. Санкт-Петербург, 15 апреля 2010 года). URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=36> (дата обращения: 10.04.2024).

¹⁰ Крусс В. И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=118796&ysclid=lwghzv31qx679506570#Lvy4QDUU693gFFCG1> (дата обращения: 02.05.2024).

¹¹ Евдеева Н. В. Интегративные теории правопонимания в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. С. 11.

Видится важным напоминание о том, что речь в данном случае идет о формировании именно основополагающих и системообразующих компонентов правовой материи, каким, собственно говоря, и выступает базисное направление юридической науки — правопонимание (знание о сущности права), от определенности содержания которого прямо зависят все сферы правовой деятельности, и не только правовой.

На наш взгляд, соединение разных теоретических принципов и подходов к правопониманию, никак не определяющих их фундаментальную (сущностную) приоритетность по отношению друг к другу, может продуцировать непреодолимые методологические препятствия и предпосылки для возникновения конкуренции и противоречий между ними как в процессе правового регулирования, так и в процессе правореализации (правоприменения).

Но самое главное в данном вопросе то, что такие категории, как «естественное и позитивное право», «равенство и справедливость», «принципы и нормы права», являясь базовыми для разных версий интегрального правопонимания и, по сути, признавая и допуская разные модели человеческой активности (свободу и ответственность), нуждаются в более глубоком гносеологическом исследовании с целью придания теоретической однозначности и установления упорядочивающих их оснований (первоначал, первопричин), иначе говоря, нуждаются в определении их объективной рациональной сущности, или, как справедливо отметил В. М. Баранов, истинности как сущностного свойства права¹.

Очевидно, что современная мировая и отечественная юридическая наука накопила солидный «арсенал» конкретных и необходимых исторических и современных знаний об особенностях становления и развития права, его онтологической, аксиологической и гносеологической эволюции, современных тенденциях и противоречиях развития, достаточный для объективного познания и кристаллизации фундаментальных начал права. При этом, на наш взгляд, обращение и обработка данных знаний должны носить сугубо рациональный и объективный характер, а именно исходить из необходимости нахождения и обоснования объективных (научных, сущностных) законов изменения и развития права, определения практической и универсальной ценности знаний о праве, выработки научного предвидения и прогнозирования будущего права и т. д.

Именно соблюдение и реализация данных базовых требований науки (научной рациональности), по нашему мнению, может позволить, во-первых, осмыслить и обосновать конкретное научное (теоретическое) знание (представление) о праве как о самостоятельном объекте, объективно обладающем определенной внутренней сущностью (неотъемлемым качеством), и на его основе структурировать (рационализировать) базовые категории (предмет, объект, принципы, методы) юридической науки, а также структурные элементы правовой системы; во-вторых, повысить аксиологические основания и регулятивный потенциал права, создав устойчивую методологическую базу для процессов правотворчества и правореализации, в том числе в тех областях общественных отношений, которые динамично возникают под воздействием глобальных геополитических, политических, экономических, культурных и научно-технологических процессов. В части последнего стоит сказать: несоблюдение данных требований чревато тем, что юридическая наука в условиях отсутствия теоретической определенности (рациональности) в отношении идеи и сути права, а именно в условиях имеющейся разобщенности его онтологических, методологических и гносеологических оснований, может заметно снизить и дискредитировать свои аксиологические свойства и качества, как следствие, поиск и выработка фундаментальных критериев правовой материи могут постепенно стать объектами исследования иных смежных наук.

Горбачева Светлана Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета,
ученый секретарь Ученого совета Нижегородского
института управления — филиала РАНХиГС

Конституционное развитие России: проблемы периодизации

На межвузовском практическом мотивационно-просветительском форуме, посвященном роли современной юридической науки в жизни российского общества, профессором А. В. Малько

¹ Баранов В. М. Сущность права в фокусе гносеологии // Сущность права: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина. Саратов: Изд-во СГЮА, 2022. С. 59.

затронута проблематика генезиса отечественного законодательства, в рамках которой отдельному исследованию подвергнут вопрос развития российского конституционализма. Представленный ученым жанр научного доклада позволил провести лишь достаточно обзорный историко-правовой анализ конституционного развития России, в частности, не были затронуты проблемные вопросы периодизации данного развития. В данном кратком исследовании хотим, отталкиваясь от тех вопросов, которые были затронуты профессором А. В. Малько, рассмотреть проблемные аспекты возможной периодизации отечественного конституционного генезиса. Дополнительным вектором нашего научного поиска является мысль профессора В. М. Баранова о необходимости научно-юридического сообщества России принимать меры к популяризации юридической науки в нашем государстве и социуме.

Отправной точкой нашего исследования мы считаем возможным назвать выражение М. В. Ломоносова, вошедшее в 6 том его полного собрания сочинений: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего»¹. Для того, чтобы вести научную дискуссию, решать вопросы возможных путей совершенствования текстуального и, что гораздо важнее, содержательного наполнения норм Основного Закона нашей страны, мы считаем необходимым с применением ретроспективно-правового анализа провести изучение общепринятых и авторских взглядов на периодизацию конституционного совершенствования нашей уникальной с данной точки зрения страны — в прошлом Империи, в которой провинции обладали действующими конституциями, которые были неведомы метрополии — основной части Российской империи.

Прежде всего, выразим свое несогласие с воззрениями «советской» школы отечественного конституционного права, относившей весь исторический генезис конституционного становления в России до событий 1917 года к такому этапу, как «дореволюционный»². С таких позиций теряется чрезвычайно важный этап конституционного развития нашей страны с 1905 по 1917 год.

Затруднительно признать истинными и взгляды чрезвычайно известных исследователей науки и практики конституционного права Российской Федерации, допускающих членение всей истории конституционализма в России на три периода: дореволюционный этап — это период развития Конституции в условиях «тоталитаризма» и «демократический», берущий свое начало с конца 80-х / начала 90-х годов прошлого века³. При всей критичности автора одного из самых известных учебников по конституционному праву России к советскому этапу развития нашей страны, излишний и подчас малообоснованный критицизм не приносит положительных плодов для научного познания юридической науки и истории отечественного конституционализма. Более того, в такого рода «классификации» мы с сожалением фиксируем смещение самих оснований для членения пути развития отечественного конституционализма на этапы — если первый этап имеет выраженную временную основу — дореволюционный безотносительно даже к тому, почему член Конституционного Суда Российской Федерации не рассматривает события 1905 года в качестве революционных, то последовательно для второго и третьего этапов в качестве «основания» для их объективации автором исследования достаточно неожиданно определяется модель политического режима.

Даже столь краткий обзор различных научных воззрений на историю появления и последовательного становления отечественного Основного Закона позволяет нам утверждать об отсутствии в среде исследователей конституционного права единства мнений и общей скоординированной научной позиции относительно периодизации развития российской Конституции. Обратим свое внимание на четырехзвенную модель конституционного генезиса, имеющую большинство сторонников среди ученых-конституционалистов. Указанное большинство в целом соглашается с гипотезой о том, что подлинное отечественное конституционное строительство берет свое начало в первых десятилетиях XX века, когда Россия была монархией. Именно в период правления последнего императора династии Романовых в свет появляются акты монаршей воли, в которых исследователями конституционного права фактически безошибочно усматриваются видимые признаки такого законодательного характера нормативного акта, как Конституция. В Высочайше утвержденным и содержащим правовые нормы актах легко вычленимы нормативно-правовые предписания,

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в 11 томах. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1764 гг. . Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 128.

² См.: Советское конституционное право: учебник под ред. С. И. Русиновой и В. А. Рянжина. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. С. 47.

³ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. Москва: Норма, 2005. С. 37.

впервые в истории России закрепляющие «цивильные» права, равно как и фиксирующие самодержавную форму правления и административно-территориального устройства империи. Помимо этого, нормативное закрепление получили отдельные положения, касающиеся организации и функционирования государственно-властных институтов, их административно-правового статуса, Высочайше был закреплен порядок внесения корректировок в рассматриваемые положения. Уже на основании перечисленного мы считаем, что нормативно-правовым положением, утвержденным Николаем II 17 октября 1905 года Манифеста, присущи основополагающие признаки конституционного акта¹. В дальнейшем, во исполнение и дополнение данного Манифеста был принят перечень, в том числе и Высочайше утвержденных актов, давших не декларативное (как в случае с Конституционными актами Царства польского и Великого Княжества финляндского), но фактическое начало конституционному строительству и последовательному его генезису. Поскольку первоосновой появления и Манифеста, и решения монарха о даровании Российской империи представительного органа в лице Государственной Думы и ряда иных конституционных характера актов стали революционные события 1905 года при видимой неспособности государственной власти справиться с ними без указанных нами уступок политического характера, мы стоим на позициях, что, не отрицая наличия в истории развития конституционализма в России революционного этапа, его границы должны быть скорректированы на временной диапазон — от революционных событий 1905 года и обозначенных нами их нормативно-правовых последствий до событий, связанных с государственным переворотом октября (по старому стилю) 1917 года. Аналогичные воззрения мы встречаем и у С. А. Авакьяна², и у О. Е. Кутафина³.

Рассуждая о наиболее ярких и, на наш взгляд, неоспоримых периодах в развитии отечественной Конституции, мы приходим к выводу, что, беря за основу периодизации именно темпорально-событийное основание, представляется возможным говорить о наличии именно четырех периодов такого рода:

- дореволюционный, с достаточно расплывчатой в историческом плане точкой отсчета, но нашедший свое завершение с появлением в 1905 году упомянутого нами Манифеста;
- революционный, очерченный в своих границах двумя отечественными революциями (1905 года и октябрьский переворот 1917 года);
- советский, получивший свой старт с выступления В. И. Ленина на II Съезде Советов 25 октября 1917 года⁴ и завершившийся с фактическим прекращением СССР своей государственности в декабре 1991 года;
- современный, начавшийся с момента начала полнообъемной, несвязанной с Союзом ССР истории РСФСР и России в 1991 году и по настоящее время, включая новейшие изменения в Конституцию Российской Федерации в 2023 году.

Как и во всяком историко-содержательном периоде, в указанных нами исторических отрезках развития российской Конституции мы можем выделить отдельные, относительно автономные этапы, непосредственно связанные с тем или иным событием, имеющим конституционную природу. Жанр научного выступления в рамках межвузовского практического мотивационно-просветительского форума не позволяет провести полнообъемный анализ всех периодов развития отечественной Конституции и тем более отдельных этапов данных периодов. Для обоснованного участия в научно-мотивационной дискуссии и формулирования умозаключений о возможных векторах генезиса действующего Основного Закона нашей страны считаем возможным более подробно остановиться на дореволюционном и актуальном периодах развития отечественной Конституции.

Как мы ранее отмечали, первоначальный период конституционного развития России не имеет согласованной исследователями конституционного права точки отсчета. Можно вести речь о том, что он закончился на моменте 1905 года, о котором В. В. Маяковский писал, что «Царь испугался,

¹ Манифест об усовершенствовании государственного порядка. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 3-е изд., пересмотр. и доп. по I сентября 1908 года / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. Санкт-Петербург: Юрид. кн. склад «Право», 1909. С. 150–151.

² Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва: РЮИД «Сашко», 2000. С. 158.

³ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. Москва: Норма, 2008. С. 93.

⁴ Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября), 1917. Полн. собр. соч. 5-е изд. Москва, 1974. Т. 35. С. 7–29.

издал Манифест...»¹. К числу этапов, на которые может быть условно разделен данный период, мы можем отнести 1730 год и предложенный Верховным тайным советом проект князя Д. Голицына об ограничении самодержавия — Кондиции, предложенные для подписания званой на российский престол Анне Иоанновне Романовой и «разодранные» ею при принятии монаршей власти.

Еще один этап дореволюционного периода тесно связан с царствованием императора Александра I. В 1809 году на Высочайшее рассмотрение М. М. Сперанским был предложен проект изменения российского государственного образования, который остался без реализации², равно как последовавший спустя почти 10 лет проект Н.Н. Новосильцева о государственном уставе Империи³. Помимо представленных на суд монарха проектов конституционных актов, дореволюционный период конституционного развития России знает и несколько проектов конституционных актов, разработанных среди заговорщиков, получивших впоследствии наименование «декабристы»⁴.

Значимым этапом дореволюционного периода конституционного развития России является финал правления императора Александра II. Подготовленный М. Т. Лорис-Меликовым и Высочайше согласованный проект конституционного акта предполагал фактическое реформирование империи в конституционную монархию. Его официальное утверждение не состоялось по причине убийства народолюбцами монарха за день до назначенной процедуры.

К числу наиболее характерных черт всех этих нереализованных конституционных проектов мы можем назвать их фактическую неизвестность не только обществу, но подчас и августейшей семье, их видимую вторичность в сравнении с имеющимися европейскими идеями философов-идеалистов и конституционными актами. Достаточно интересным является факт того, что, преследуя цель создания законодательного акта, имеющего конституционную природу, практически все авторы их проектов старательно уходили от использования термина «конституция» в их названиях.

Применительно к современному периоду конституционного развития России отметим, что и в нем возможно выделить определенные этапы, число которых в силу наличия действующей Конституции Российской Федерации 1993 года точно указать не представляется возможным.

Формат научного доклада на практическом мотивационно-просветительском форуме, посвященного роли современной юридической науки в жизни российского общества, предполагает, помимо анализа имеющейся исторической основы отечественного конституционализма, формулирование проблем в конституционном генезисе и возможных путей их разрешения. Обозначим лишь часть из них.

Действующая редакция статьи 13 Конституции Российской Федерации указывает, что при всем возможном многообразии идеологических теорий и установок ни одна из них не может быть закреплённой в статусе общегосударственной, а тем более обязательной. Современное положение России, ведущей специальную военную операцию, сплотившую общество на фоне небывалого числа незаконных рестрикций со стороны «коллективного Запада», на наш взгляд, требует отмены указанного запрета и формирование государственной социально ориентированной идеологии, основанной на любви к Родине и патриотизме.

Часть 2 статьи 20 Основного Закона России, определение Конституционного Суда Российской Федерации⁵ указывают на невозможность назначения и исполнения на территории России такого

¹ Маяковский В. В. Москва горит. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 11. Подготовка текста и примеч. А. В. Февральского. Москва: ГИХЛ, 1958.

² Сперанский М. М. Краткое начертание государственного образования (1809) // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: сборник документов / авт.-сост.: А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. Москва: Гардарики, 2000. С. 187–188.

³ Новосильцев Н. Н. Государственная уставная грамота Российской империи (1818–1819) // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: сборник документов / авт.-сост.: А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. Москва: Гардарики, 2000. С. 243–248.

⁴ См.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. Т. 1. Москва, 1951.

⁵ О разьяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года № 1344-О-П. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19112009-n/?ysclid=lvu236cr1u42980532> (дата обращения: 23.04.2024).

вида уголовного наказания, как смертная казнь. Вместе с тем неоднократно проводимые ВЦИОМ опросы общественного мнения неизменно показывают, что больше 60 % населения выступает за применение данного вида уголовного наказания по тем статьям УК РФ, в которых оно в настоящее время присутствует. В настоящее время это тем более актуально с учетом того, что Россия вышла из большинства соглашений с европейскими структурами (ПАСЕ, Совет Европы и пр.), обязывавших нашу страну отказаться от смертной казни.

В заключение следует отметить, что исследование проблем возможной периодизации конституционного генезиса России не только способствует поднятию значимости современной юридической науки в жизни российского общества, но и позволяет осуществлять, как отметил профессор В. М. Баранов, популяризацию юридической науки в российском обществе.

Грешнова Галина Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и
административного права
Нижегородской академии МВД России,
доцент кафедры административного права
и процесса Нижегородского института управления —
филиала РАНХиГС;
Ремизов Павел Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
административного права и процесса
Нижегородской академии МВД России

Научное обеспечение цифровой трансформации публично-правовых отношений: к вопросу о роли юридической науки в современном мире

Прежде чем рассматривать значение науки для современного общества, следует рассмотреть сам термин «наука» и провести ретроспективный анализ.

«Наука» в современной терминологии понимается как:

- система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления, а также как отдельная отрасль таких знаний;
- то, что поучает, дает опыт, урок¹;
- особый вид познавательной деятельности, направленный на выработку объективных, обоснованных и системно организованных знаний о мире².

Таким образом, термин «наука» рассматривается в различных значениях, которые используются в зависимости от сферы применяемой деятельности.

Распространена известная фраза: «Наука—двигатель прогресса». Для того чтобы убедиться в вышесказанном, следует провести ретроспективный анализ развития науки как мирового явления.

Начать целесообразно с древнейших времен, когда человечество, как биологическая составляющая планеты, только начало свой путь в качестве разумного вида. Начиная со знаний, передающихся от поколения к поколению (правила проведения охоты, процесс эффективного собирательства, навыки первичной медицины и так далее), заканчивая знаниями о совершенствовании орудий труда. Данный пример возможно отождествить с вышеназванными определениями термина «наука», так как на тот момент уже существовали как накопленные знания, так и пространство для развития, то есть поле для процесса познания.

Желание человечества получать больше материальных благ и знаний об окружающем его мире подтолкнуло людей развивать орудия труда, принимать правила его разделения, проводить различные философские изыскания для понимания мира. В определенные периоды истории развитие жизнедеятельности человечества шло достаточно быстро (периоды становления Древней

¹ Толковый словарь Ожегова. URL: <http://gufo.me> (дата обращения: 24.04.2024).

² Философская энциклопедия. URL: <http://rus-philosophical-enc.slovaronline.com> (дата обращения: 24.04.2024).

Греции, «взлет» Римской Империи, эпоха Ренессанса, технологические революции Нового времени, Великие экономические чудеса различных стран). Данные взлеты были обусловлены благоприятными экономическими и социальными условиями, проведением успешных наступательных или оборонительных войн, наличием достаточных средств для приискания научных деятелей и предоставления им «поля» для научных и философских изысканий. В то же время в истории человечества были моменты спада (падение Римской империи и последующее за ним Средневековье, эпоха восстановления после мировых войн, экономические кризисы Новейшего времени). Данные периоды характеризовались экономическими кризисами, распадами крупнейших на то время государств, заменами научного прогресса на банальное выживание в создавшихся экономических и социальных условиях.

Тем не менее наука играет важнейшую роль в развитии общественных отношений вне зависимости от внешних условий. Технологический прогресс позволяет человечеству передвигаться на новую социально-экономическую ступень / модель развития. Наука в прямом смысле обеспечивает выживаемость человечества. Это обусловлено развитием медицины, которая позволяет снизить показатели смертности (изобретение передовых методов проведения хирургических операций, различных лекарственных препаратов для профилактики и лечения болезней и эпидемий, изобретение медицинских аппаратов и приспособлений) и увеличить рождаемость. Селекция новых видов продовольственных культур и разработка методов передового земледелия позволили увеличить урожайность пропорционально возросшего планетарного населения по отношению к неизменившейся сухопутной площади нашей планеты.

Таким образом, можно сказать, что наука в современном мире выполняет те же функции по накоплению имеющихся в распоряжении человечества знаний и процессов познания мира для улучшения качества жизни людей. Можно сказать, что наука является древнейшим и важнейшим аспектом деятельности людей, который позволил и позволяет до сих пор носить звание «разумного вида» и двигаться вперед.

Фундаментальная наука выступает мощным фактором технологических заделов, без которых не возможен экономический рост. Спрогнозировать тенденции будущего, оценить их и предложить оптимальные пути ответов на технологические вызовы — задача современной науки¹.

Развитие цифровых технологий предполагает необходимость адаптировать правовые нормы к новым реалиям. В настоящее время, в век информационных технологий, грани между человеческим и компьютерным трудом стираются. Все больше процессов становятся автоматизированными, а навыки человека заменяются более развитым искусственным интеллектом (далее — ИИ). Но возможно ли это сделать с социальными профессиями?

В 2016 году был создан чат-бот *DoNotPay*², который предоставляет услуги адвоката по оспариванию штрафов за парковку, проводит консультации, задает различные вопросы с целью уточнения необходимой информации, предлагает возможный алгоритм действий клиента в суде, оценивает перспективы дела. За шесть лет такой деятельности юридический робот выиграл внушительное количество дел. В настоящее время чат-бот проходит обновление, после которого планируется, что он сможет проводить консультирование и в других направлениях различных отраслей права.

Возможно ли такое в уголовном судопроизводстве? Вероятнее всего, в аналитической деятельности искусственный адвокат победит человека. Безусловно, определенные технические действия можно поручить ИИ, например, задействовать в части подготовки простых исков и направления их в суд, поиска судебных precedентов, подготовки проектов документов и т. д. Это снизит нагрузку на судебную систему в целом, что в итоге приведет к экономии ресурсов.

Однако в суде такой ИИ интересы сторон представлять пока не может: участвовать в судебных заседаниях, осуществлять поиск доказательств, аргументированно отстаивать позицию защищаемой стороны и оперативно реагировать на изменившуюся ситуацию. Искусственный робот лишен эмоций, он не сможет произвести впечатление на присяжных заседателей и суд.

¹ Президент потребовал успехов от фундаментальной науки в России. URL: <https://rg.ru/2016/12/01/prezident-potreboval-uspehov-ot-fundamentalnoj-nauki-v-rossii.html?ysclid=ivo6l3skg6733788915> (дата обращения: 28.04.2024).

² В США создали робота-юриста. Искусственный интеллект поможет людям развестись. URL: <https://incruussia.ru/news/v-ssha-sozdali-robota-yurista-iskusstvennyj-intellekt-pomozhet-lyudyam-razvestis/> (дата обращения: 26.04.2024).

В уголовном процессе у искусственного разума шансов совсем мало. Он, вероятнее всего, сможет проанализировать уголовное дело, однако робот не знает человеческой психологии и не способен учитывать особенности конкретного лица, участвующего в процессе. Сможет ли ИИ оценить различные обстоятельства, влияющие на принятие решения, такие как смягчающие и отягчающие ответственность? Подтвердить законность представленных доказательств или их опровергнуть? Скорее всего, нет. В судебной практике достаточно много нюансов, разобраться с которыми под силу лишь человеку.

Вопрос доверия к технологиям и алгоритмам, имеющимся у машины, также не лишен смысла. Как перепроверить правильность принятых решений? И кто будет проверять?

Искусственный интеллект должен стать помощником в работе, с ним не надо конкурировать, а вот применять в работе не только нужно, но и необходимо.

Во многих сферах деятельности, в том числе юридической, создаются программы, призванные помочь в реализации того или иного процесса, в том числе в юриспруденции. Большой массив вынесенных решений сложно проанализировать простому человеку, машине же это не составит труда. Искусственный интеллект должен стать не оппонентом, вымещающим работников с рынка труда, а помощником повышения качества человеческого капитала.

Насколько эффективен ИИ — вопрос времени. В современное время ясно одно: необходимо последовательное внедрение возможностей искусственного интеллекта в различные виды юридической деятельности.

Тенденции развития современной правовой науки напрямую связаны с технологическим процессом и, соответственно, общими тенденциями развития общества. Разрешение существующих правовых проблем предполагает комплексный подход, включающий знания специалистов из различных отраслей права, поэтому для науки на современном этапе характерна интердисциплинарность¹.

Стремительное развитие цифровой среды требует разработки новых механизмов регулирования правовых вопросов на международном уровне, поскольку они становятся трансграничными. Глобализация права предполагает тесное сотрудничество между государствами по разработке эффективных механизмов правового регулирования новых сфер общественных отношений.

Цифровизация необходима для эффективного функционирования правовой системы. Внедрение таких информационных технологий в государственное управление, как электронное правосудие, технологии блокчейн и так далее, обеспечивает надежность юридических сделок, повышает эффективность и доступность судопроизводства, укрепляет принцип прозрачности и открытости судебной системы, применение специализированных информационных технологий оптимизирует электронный документооборот между судом, адвокатами и иными заинтересованными сторонами, облегчает доступ к юридической информации. Возможность электронной подачи документов, онлайн-консультации повышают доступность услуг для граждан, обеспечивая равные права для всех категорий: малоимущих, людей с ограниченными возможностями и других². Стабильная деятельность государственных институтов имеет принципиально важное значение для эффективного функционирования права, а применение прогрессивных подходов позволяет плодотворно решать существующие проблемы.

Электронное право — стремительно развивающееся направление правовой науки. Для его реализации необходимо обеспечить высококачественное юридическое образование и профессиональную подготовку всех участников правовых отношений³. Это предполагает акцент на углубленное получение знаний в области современных информационных технологий и правовых инноваций.

В этой связи одной из актуальных задач современной науки остается защита прав граждан от угроз цифровой приватности, которая имеет принципиально важное значение⁴. Разработка мер по предотвращению кибератак, аутентификации пользователей, защита персональных данных явля-

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 28.04.2024).

² Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство как вектор инновационных государственных преобразований в России // Вестник РУДН, серия Политология. 2016. № 4. С. 121–129.

³ Желдыбина Т. А. Нужна ли России фундаментальная юридическая наука // Базис. 2020. № 1 (7). С. 21–25.

⁴ Понкин И. В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. С. 108–116.

ются важнейшими задачами современной науки. Плодотворное решение исследуемых проблем включает разработку нормативных правовых актов, регламентирующих использование различных областей цифровой среды, защиту авторских прав и интеллектуальной собственности¹.

Не менее важным направлением является популяризация науки. Необходимость разработки инициативных проектов, направленных на научные открытия и достижения в новых отраслях, — подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин².

В данной связи необходимо стимулировать интерес к научным исследованиям среди широких слоев населения, развивать научно-популярные ресурсы, которые могут помочь сделать науку более доступной и понятной.

Обратим внимание на не менее важный аспект — поддержку молодых людей, избравших путь научных открытий. В этой связи считаем целесообразным проработать вопросы социальной поддержки молодых ученых, в том числе решивших продолжить обучение в аспирантуре, адъюнктуре. Полагаем, в качестве возможных мер стимулирования предусмотреть оплату жилья, проезда на общественном транспорте, льготную ипотеку. Эти и иные меры, по мнению авторов, могут активизировать интерес определенной категории граждан к научным открытиям.

Елисеева Вера Сергеевна,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры конституционного
и международного права
Нижегородской академии МВД России;

Гарцева Юлия Юрьевна,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры конституционного
и международного права
Нижегородской академии МВД России

К вопросу о роли конституционного права в патриотическом воспитании российской молодежи

Включение в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополя, введение антироссийских санкций в 2014 году, а впоследствии и специальная военная операция обнажили имеющиеся в обществе противоречия и продемонстрировали необходимость усиления патриотически направленной деятельности в первую очередь в молодежной среде.

В 2015 году был принят модельный закон³, введивший понятие патриотического воспитания. В нем под патриотическим воспитанием предлагается понимать систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, общественных организаций (объединений) по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. В распоряжении Министерства культуры Российской Федерации от 16 октября 2020 года № Р-1357 «О методологии расчета показателя "Индекс вовлеченности в систему воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций"»⁴

¹ Зорькин В. Д. *PROVIDENTIA* или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.

² Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию. URL: <https://rg.ru/2016/12/01/poslanie-stenogramma.html> (дата обращения: 28.04.2024).

³ О модельном законе «О патриотическом воспитании»: постановление № 42-6 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2015. № 63. Ч. 2.

⁴ О методологии расчета показателя «Индекс вовлеченности в систему воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»: распоряжение Министерства культуры Российской Федерации от 16 октября 2020 года № Р-1357. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

понятие патриотического воспитания дается еще более развернуто: воспитание патриотической личности, характеризующееся развитием в гражданине фундаментальной личностной установки, которая определяет оценочную позицию человека по отношению к социокультурной действительности и мотивирует общественно значимую деятельность, в которой эта позиция выражается. В частности, в данную установку предлагается включить такие элементы, как неразрывная связь с историей, традицией, территорией и культурой своей страны, а также готовность и способность личности к активным действиям в целях обеспечения благополучия и процветания Российской Федерации.

В принятой в 2021 году Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ словосочетание «патриотическое воспитание» употребляется четыре раза (один раз — в контексте «военно-патриотическое воспитание»). Кроме того, в Стратегии патриотизм включен в перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Эту мысль логически развивают Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей², в пункте 5 которых патриотизм отнесен к традиционным ценностям Российской Федерации.

В Конституции Российской Федерации³ до реформы 2020 года патриотизм и его производные как самостоятельные термины не использовались. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁴ возвел патриотическое воспитание на конституционный уровень, установив в части 4 статьи 67.1 обязанность государства создавать условия для воспитания в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

В научной литературе неоднократно обращались к вопросу определения понятия «патриотизм» в правовом пространстве России. Фактически попытка дать такое определение была предпринята только в Модельном законе «О патриотическом воспитании»⁵, где патриотизм рассматривается как любовь к Родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам, защищать от врагов. Во всех иных случаях патриотизм и его производные лишь упоминаются. Так, А. Р. Лаврентьев, анализируя нормативные правовые акты, выделил три основных аспекта: связанный с военно-патриотическим воспитанием детей и молодежи, связанный с защитой Отечества и в рамках системы ценностей современного российского общества⁶. Н. А. Трусов, изучив вопросы правового закрепления патриотического воспитания граждан, делает вывод, что патриотизм есть моральное основание и ключевая идея государственной идеологии Российской Федерации⁷. Причем заметим, что в перечне традиционных российских духовно-нравственных ценностей категории «патриотизм», «гражданственность», «служение Отечеству», «высокие нравственные идеалы» разнесены как отдельные элементы списка.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Федерации от 2 июля 2021 года № 400. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.07.2021).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 09.11.2022).

³ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.03.2020).

⁵ О патриотическом воспитании: модельный закон: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2015 года № 42-6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.2024).

⁶ См.: Лаврентьев А. Р. Патриотизм в современной России: нормативное закрепление // Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 11–12 марта 2020 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, 2020. С. 247.

⁷ См.: Трусов Н. А. Некоторые вопросы правового обеспечения патриотического воспитания граждан // Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 11–12 марта 2020 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, 2020. С. 263.

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ государственная политика и правовое регулирование в сфере образования строится в том числе на принципах гуманистического характера образования в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, включая воспитание гражданственности и патриотизма. К обязанностям педагогических работников часть 2 статьи 48 данного Федерального закона относит формирование в процессе осуществления педагогической деятельности у обучающихся чувства патриотизма, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации. Несмотря на то, что большинство научных работ, посвященных патриотическому воспитанию в рамках образовательного процесса, опирается на среднее образование, нельзя не согласиться с позицией коллег из Казахстана: патриотическое воспитание (*Patriotic education*) — комплексный процесс, который должен быть основан на взаимодействии детей и взрослых². В российской науке подчеркивается важность патриотического воспитания обучающихся среднего профессионального и высшего уровней образования преимущественно военных и ведомственных учебных заведений³. Полагаем, патриотическое воспитание есть важнейший элемент воспитательного процесса в любой организации среднего профессионального и высшего образования, в том числе и юридического профиля, так как любой юрист, независимо от профиля или специальности подготовки, выполняет правоохранительную функцию российского государства.

Федеральные государственные образовательные стандарты как среднего профессионального (далее — ФГОС СПО), так и высшего юридического образования предусматривают формирование у обучающихся компетенций, в том числе связанных с патриотическим воспитанием. Так, ФГОС СПО по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность⁴ предусматривает формирование у обучающихся таких общих компетенций, как понимать и анализировать вопросы ценностно-мотивационной сферы (ОК-2), выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета (ОК-12), проявлять нетерпимость к коррупционному поведению, уважительно относиться к праву и закону (ОК-13). В соответствии со Стандартом компетенции ОК-12 и ОК-13 должны быть сформированы, в том числе при освоении общепрофессиональной учебной дисциплины «Конституционное право России». ФГОС ВО — специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности⁵ выделяет категорию общепрофессиональных компетенций «Ценностно-мотивационная ориентация» (ОПК-1 и ОПК-2), аналогично и ФГОС ВО — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка»⁶. При этом определение учебных дисциплин (модулей), иных компонентов образовательных программ, направленных на формирование данных компетенций, отдается на усмотрение образовательных организаций.

Полагаем, именно конституционное право как учебная дисциплина должно быть флагманом в формировании ценностных ориентиров обучающихся юридических вузов и в патриотическом воспитании, совмещая в своем содержании элементы истории, теории и практики и прививая

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2024).

² Moldagaliev B. A., Mukhieva G. S. Methods of Patriotic upbringing to high school students // Bulletin WKU. 2019. No. 1 (73). P. 17.

³ См.: Чередниченко С. В. Патриотическое воспитание как основа воспитания будущих офицеров // Молодой ученый. 2023. № 12 (459). С. 187–191; Шуманский И. И. Патриотическое воспитание как одно из основных направлений воспитания курсантов уголовно-исполнительной системы // Профессиональное образование и наука. 2018. № 1 (2). С. 17–20 и др.

⁴ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 мая 2014 года № 509 // Российская газета. 2014. 7 октября.

⁵ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 31 августа 2020 года № 1138. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2020).

⁶ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 июля 2021 года № 677. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.08.2021).

ключевые конституционные ценности. Содержание учебной дисциплины конституционного права должно находиться в тесной взаимосвязи с передовыми идеями науки конституционного права. Сами представители юридического научного сообщества сегодня склонны к рефлексии о роли конституционного права и Основного закона в экономическом, политическом и идейном развитии страны¹. Полагаем закономерным вопрос о привлечении юридического научного сообщества к разработке содержания реформы высшего образования, анонсированной Президентом Российской Федерации и министром науки и высшего образования², а также стандартов подготовки по программам базового и специализированного высшего образования с учетом стратегических приоритетов и национальных интересов государства.

Каракулян Эмиль Альбертович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры европейского и
международного права
юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского

Контуры новой концептуальности в философии и науке международного права, «международноведения» в целом

Любые рассуждения в контексте возможной философии международного права (далее — ФМП) и международного сообщества (далее — МС) должны исходить из первоначальных утверждений о характере международной жизни, суть которого состоит в том, что два и более субъекта оказываются потенциально или актуально в состоянии конкуренции (пересечения) интересов, ведущей к сотрудничеству или к тому или иному типу противостояния, включая военное, определяется как естественно-социальное. Трактовки и мирного, и военного состояния так или иначе связаны с необходимым представлением о «другом» как о фундаментально равном («себе» или «всем»), то есть исходят из презумпции реального консенсуса существования: в одном случае приводящем к правовому согласию (на уровне обычая или договора), в другом — к различным по формам и уровням интенсивности отношениям, конкуренции, вплоть до вооруженного конфликта. Последнее (за рамками вопросов о справедливости и легитимности, в том числе в религиозном плане) может выражаться в противостоянии прежде всего двух типов: войны как дуэли («поединок» на основе «законов и обычаев войны») и «тотальной войны»³, сопряженной с идеей и практикой геноцида и военных преступлений в силу принципиального игнорирования различий между комбатантами и некомбатантами, в конечном счете — между политическим режимом и народом.

Другим исходным тезисом является суждение о том, что смысл международного права (далее — МП), международной жизни в целом, не может быть сведен к какому бы то ни было одному конституирующему основанию в виде события, причины или цели (например, «естественное» или «божественное» право схоластов, «общественный договор» и всевластие суверена у Т. Гоббса, «радикальное основание» К. Шмитта, «основная норма» Г. Кельзена, «господство права» Х. Лаутерпахта, «федерация федераций» Ж. Сселя) именно в силу принципа множественности,

¹ См.: Авакьян С. А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 1. С. 3–21.

² Набиркина М. Новую систему высшего образования в стране запустят с 1 сентября 2025 года // Российская газета. 2024. 1 марта.

³ Термин нацистской идеологии и доктрины К. Шмитта, вышедший в последнее время на уровень и высказываний политических лидеров ЕС, и отдельных европейских государств в условиях специальной военной операции (далее — СВО) на Украине, — показатель неслучайной несоразмерности реакций на СВО, нацеленной на демилитаризацию и денацификацию. К. Шмитт: «Англия не стала “государством” в той же мере, что и крупные континентальные державы. Исходя из особенностей ведения морской войны, она разработала свое собственное понятие о тотальном враге и тотальной войне... Ибо только справедливая война является действительно “тотальной”». См.: Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д. В. Кузницына. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2006).

находящегося в основании любой социальной сферы, а также в силу характера международной сферы, определяемой приставкой «интер-», то есть промежуточного ее значения.

Политические субъекты (государства, нации и народы, борющиеся за независимость) формируются в условиях межсубъектного взаимодействия, и этот процесс субъектообразования не заканчивается с появлением международно-правовой субъектности. Переход к новой системе МП, который исторически всегда происходил военным образом, связан с изменением конфигурации основных действующих лиц, их состава, веса и возможностей. В целом «геометрия» межсубъектных взаимодействий в концентрированном виде отвечает на вопросы о субъектном составе, о характере межсубъектных отношений, о механизмах, принципах и нормах их взаимоотношений, о целях, о способах разграничения частного и общего интереса.

В систематизированном и обобщенном виде вышеобозначенные и связанные с ними аспекты социально-правового и философского содержания МП распределяются по четырем осям процессуального рассмотрения¹: а) *персонализация* (диалектическая трансформация миросоциальных отношений в категорию субъекта, интерессубъектных отношений в категорию лица; общий процесс становления лица и правосубъектности); б) *гармонизация* (механизмы согласования интересов, воли и норм, включая правовые); в) *универсализация* (в том числе регионализация, расширение пространственной сферы действия норм, «конституционализация» правовой системы, выстраивание иерархии норм); г) *юридизация* «миросообщества» (становление правового социума, прав и обязанностей формируемой общности перед лицом субъекта; социум как «субъект» или «личность», *status iuridicus* MC²).

Именно на совокупности и взаимодействии обозначенных концептуальных рядов и строятся международно-правовые (и смежные с ней) доктрины, но в различных соотношениях (конфигурациях), в авторском и (или) дисциплинарно-специализированном виде. Если за идеей конфигуративности неизбежно следует тезис об относительной истинности любой концепции, то ценность доктрины по меньшей мере для ее сторонников должна по идее ассоциироваться с неким мета-теоретическим или метафизическим планом, нежели состоять собственно в концептуальных или дисциплинарных инновациях³. Это происходит, как правило, когда авторы, а за ними эпигоны или адепты доктринывольно или невольно отождествляют формы своего правового мышления с формами всеобщего бытия. Неизбежно возникает дискуссия о том, чей способ «отождествления» ближе к истине. Если оппоненты используют один и тот же аргумент в своих интересах, то это говорит о недостаточной рационализации или логичности избранного способа аргументации (алогичность, паралогичность). В результате формируется предмет скорее некоего способа верования, нежели мышления и познания, в лучшем случае недостаточно осознанных интуиций, гипотез, умозрений или конкретизированных понятий. Но в узком, то есть дисциплинарном, смысле преодоление или оправдание относительности через отсылку к метафизическим пределам рациональности (что не отрицается) не может считаться ни единственным, ни удовлетворительным (достаточным) способом верификации. Необходимо найти внутренние (для правовой доктрины) критерии истинности и новизны, коль скоро сама по себе данная четырехзвенная конфигурация конститутивных процессов и соответствующих проекций не гарантирует с необходимостью их наличия и тем более их отличительности и отчетливости. Преодоление относительности через внутренние критерии истинности и будет движением на пути, с одной стороны, к новому или оригинальному способу видения предмета ФМП; с другой — к большей реалистичности (а также соответствия философии и науки МП). К данным критериям, не претендуя на полноту их охвата, мы относим следующие требования.

1. Не просто констатация данных четырех параметров исследования и его предмета (политико-правового социума), а их уточнение с точки зрения правового и исторического характера: о *каком* именно процессе или аспекте персонализации идет речь (*процессуальное* видение).

¹ См.: Калинина Е. В., Каракулян Э. А., Романовская В. Б. Очерки истории религиозной и светской политико-правовой мысли / под общ. ред. Е. В. Калининой: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017. С. 187–203.

² См.: Кант И. Сочинения: в 8 т. Москва: Чоро, 1994. Т. 7. С. 52.

³ По сути, это вопрос о соотношении внутренней логики доктрины и ее метафизического состояния, то есть появление которого связывают с Аристотелем. По Э. В. Ильенкову, Кант, который видел грех Аристотеля «в том, что тот принял формы мышления за формы бытия и таким образом превратил логику в метафизику», поставил обратную задачу: «...превратить метафизику в логику» // Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки теории и истории. Москва: Политиздат, 1974. 271 с.

2. Конкретизация механизмов перехода от одного способа измерения к другому: *каким* именно способом *такой* процесс персонализации связан с *таким* именно процессом, например, гармонизации и иными параметрами из данных четырех (*системное* видение).

3. Выводы из пересечения первых двух параметров видения, *идентификации* векторов развития, качеств и состояний рассматриваемой системы.

В итоге должен осуществиться синтез истории, теории и философии МП, специальной правовой терминологии и трансправовых (трансдисциплинарных) смыслов. Но и после этого остается вопрос о соотносительности новации и традиции.

В поисках нового автор так или иначе склоняется к той или иной традиции науки МП в ее классической или неоклассической форме в силу того, что этих традиций — конечное число¹, а также потому, что вне историко-концептуальной традиции исчезает собственный предмет науки. В плане исторической последовательности смены международно-правовых проектов классической эпохи и с известной долей терминологической условности выстраивается следующий перечень доктринальных линий: анархо-либеральная (естественное и позитивное право, Г. Гроций; международное общение и право с элементами международной коммунитарности, Ф. Ф. Мартенс); анархо-консервативная (естественное состояние и межсуверенная мораль Т. Гоббса; межвластные отношения и суверенитет по Г. Ф. Гегелю); либерально-федеративная (морально-правовые принципы и космополитизм, И. Кант); либерально-консервативная (суверенитет просвещенных монархов, *civitas maxima* Эм. де Ваттеля и право на вмешательство во имя МС); лево-прогрессистская (позитивное право, государство и отношения между ними как результат классовой борьбы по линии социальной прогрессивности; характер международной жизни как следствие принадлежности государств к доминирующей социально-экономической формации, К. Маркс; ранний советский проект, сочетание реально-политических интересов и позитивного права, принцип мирного сосуществования с элементами лево-консервативного направления, утверждение суверенности социалистических государств); либерально-прогрессистская (международный суд, международные организации, права человека, Х. Лаутерпахт, Ж. Ссель); реально-консервативная (позитивное право и баланс сил, К. Шмитт, Г. Моргантау); линия современного критического направления в неолиберализме (кризис, критика евроцентризма, постколониализма, международно-правового эклектизма, Э. Жуане, М. Коскенниemi); лево-консервативное направление (суверенитет, социально-экономические приоритеты, принципы жизненных прав человека, народов и государств, социально-правовое в международном масштабе равенство цивилизаций).

Таким образом, международно-правовая парадигма в целом в ФМП и в жизни возникает как: (а) логико-концептуальная связь новых требований времени (историческая форма концептуализации) в отношении специальным образом уточненных; (б) конститутивных процессов, их соотношений и особенностей с учетом (в) ценностно-ориентируемых политико-идеологических категорий. Отсюда *новое* в данной сфере выступает как форма исторически относительной конкретизации «вечных оснований» (Д. Вико) предмета, структура которого рассматривается сквозь призму теории множественной конститутивности.

В силу сказанного основными направлениями международных исследований на новом этапе, на наш взгляд, могут и должны быть следующие².

1. Грядущий образ Мира зависит как от новых способов и факторов *персонализации* международных отношений, то есть новых способов и форм субъектообразования, становления лица и его правосубъектности, так и от новых способов *юридизации* соответствующего социума — МС с атрибутами специфической правосубъектности: политически фиктивной для универсального МС и функционально-действительной в рамках юридической фикции для региональных МС (коль скоро перед ними имеется соразмерный им субъект в отличие от универсального). В любом случае процесс персонализации новых правовых субъектов или политических лиц связан с идеей «персонализации Мира» и (или) региональных пространств. В действительности «персонализацией Мира» занимаются, прежде всего, государства, международно-правовое и цивилизационное бытие которых совпадает с бытием Мира (первичные субъекты, в политическом измерении —

¹ Например, «гроцианское» (Г. Гроций), «гоббсианское» (Т. Гоббс), «виконианское» (Д. Вико), «кантианское» и др., а также их разновидности.

² См.: Каракулян Э. А. Персонализация Мира. Контуры интерконцептуальной парадигмы философии международного права. Москва: РУСАЙНС, 2022. 314 с.

«великие державы»). Именно в этом ключе допустимо использование понятия «миродержавности» Н. Я. Данилевского¹.

2. Относительная актуализация доктрин «межсуверенного права» (в рамках отдельных аспектов «гоббсианской» традиции, политического реализма, сила и мораль в противовес праву международного социума) в сочетании с элементами правосубъективации универсального МС² (фикция *civitas gentium maxima*), политической персонализации региональных сообществ³, процесса международной правосубъективации человека, в диалектическом переплетении оппозиций «суверенитет / МС», «анархизм / коммунитаризм МС» и др. Иными словами, «надменности»⁴ великих держав необходимо противопоставить «разумный эгоизм» (по Н. Г. Чернышевскому), несвободный от идей величия или великодушия в отношении внешних и внутренних стратегий, частных и общих интересов в международной жизни. Так, современная российская декларация справедливости на международной арене должна сочетаться с идеей справедливости во внутренней жизни.

3. В анархо-коммунитарном международном пространстве особая роль и место выпадают на суверенитеты, то есть на государства, призванные упорядочить мир отношений и коммуникаций всех со всеми. Суверенитет играет роль стабилизатора динамичной системы, колеблющейся между дикой анархией «войны всех против всех» и глобальным надгосударственным правом унифицированного мира, неподконтрольного его субъектам (а также и его агентам или адептам).

4. Борьба идет и будет идти за характер международного общения и возможной коммунитарности (универсальной и региональной) как (с известной долей условности или модернизации) «слева», так и «справа» (между лево-консервативными и лево-либеральными программами, оказавшимися вкупе с крайне правым консерватизмом), а по другим осям — с позиций глобализации, регионализации и реинтернационализации, безопасности и свободы, персонализации и деперсонализации⁵.

5. Телеология и политика МП для Российской Федерации в новых условиях должна опираться на концепты, примыкающие так или иначе к условным, если не классическим, контурам лево-консервативной внешне-внутренней политико-правовой доктрины или ее концептуального ядра, где приоритеты внешнего и внутреннего суверенитета сочетаются с принципами сохранения и развития социально-экономических, культурно-духовных прав человека и общества⁶ в целом, доктрины витальных прав человека, народов и государств⁷; в историческом плане для Российской Федерации речь идет об историко-концептуальной консолидации (гармонизации и синтезе) дореволюционного, советского и постсоветского периодов: историческое победоцентричное сознание и международное мировоззрение превыше любых политических или доктринальных разногласий.

6. Доктрина витальных прав человека, народов и государств базируется на принципах приоритета права на жизнь, социально-экономических, культурных и духовных прав в их взаимодополняющей

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва: Академический проспект, 2015. 602 с.

² Первая попытка оформления такого статуса, хотя и оставшаяся на уровне проекта, производилась при подготовке климатического соглашения в 2015 году. В сочетании статуса юридического лица в отношении планеты и требований новой климатической политики нарушители последних могли бы встать в ряд «врагов человечества», против которых допустимы любые способы воздействия.

³ Особенно после начала СВО Российской Федерации на Украине.

⁴ Как понятие фигурирует в теории войны Дж. да Линьяно (ум. в 1387 г.), выступающего характеристикой одного из видов войн.

⁵ Общее понятие в отношении различных аспектов делегитимации, десуверенизации, расчеловечивания, дегуманизации.

⁶ В выступлении Президента Российской Федерации В. В. Путина на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» выдвигались требования достижения мира через усиление социально-экономической согласованной политике на международной арене, а также в сфере образования и здравоохранения. URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (дата обращения: 01.02.2021). В выступлении на заседании Международного клуба «Валдай» В. В. Путин заявил об исчерпании современной модели капитализма: «Все говорят о том, что существующая модель капитализма, а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве стран, исчерпала себя. В ее рамках нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий»; «когда приходит настоящий кризис, остается только одна универсальная ценность — человеческая жизнь, и как ее защитить, каждое государство решает самостоятельно». URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/10/2021/617182b79a7947da0cfe221a> (дата обращения: 12.12.2021).

⁷ В историко-правовом плане связана с доктриной «9 мая»: победы как основания для реализации права на жизнь.

связи с правами политическими, базового мирного сосуществования и единства индивидуальных и коллективных прав, международно-правовых и цивилизационных ценностей¹.

7. Метаправовой категорией (в условиях «войны» ценностей и идентичностей) может быть исключительно право на жизнь человека и цивилизационных пространств. Во всех остальных отношениях метаправовые дискурсы противоречат интернациональной сущности международной жизни, понимание которой должно базироваться на интерконцептуальных и межкультурных основаниях.

8. Западно-центричным концепциям прав человека (крайний индивидуализм и политизация прав и свобод) и международной жизни (цивилизаторство и неоколониализм) должны быть противопоставлены доктрины интернационального и межкультурного Мирового централизма.

9. В условиях усложнения МС, связанного с фрагментацией МП, внешнеполитическим ориентиром Российской Федерации должна быть стратегия, направленная на формирование соответствующего федерального интересам «Евразийского», и (или) «Российского союза наций».

10. Новации в науке обеспечиваются, прежде всего, со стороны субъекта, оказывающего весомое и действенно творческое влияние на миропорядок.

11. Понимание процесса, обобщенного понятием «персонализация Мира», в фиктивном или институционно-правовом измерении (принципы *erga omnes*, концепции «гуманитарное вмешательство», «ответственность по защите») должно быть сбалансировано доктриной «персонализации человечности», философская сущность и теоретико-правовая фиктивность которой ассоциируется с идеей гуманизации «больших», региональных пространств на основе примата витальных прав человека и «больших групп людей», государств и цивилизаций. Россия должна предложить миру новый образ «всемирности и всечеловечности»², «самостояния» человека как «залога величия его» (А. С. Пушкин), что относимо и к пониманию фактора цивилизаций в многополярном мире.

12. Идеям линейного прогресса, развития от «центра» к «периферии» должны быть противопоставлены концепты поступательного³ (всестороннего) развития на основе антропологического видения МП. Полицентричный мир может быть сформирован и стабилизирован на основе соответствующей универсальной системы и региональных принципов коллективной безопасности.

Систематика вышеобозначенных тезисов рассматривается концептуальной основой для общих и специальных исследований и дисциплин в рамках «международноведения» и правоведения в целом гуманитарного образования, а также для формирования соответствующей идеологии, которая в условиях запрета может быть квалифицирована исключительно в качестве конституционной в широком и специальном смыслах, коль скоро речь идет о фундаментальных принципах и ценностях внешнего и внутреннего публичного порядка (другой стороной международной жизни оказывается борьба за характер и идентичность внутреннего публичного порядка). Иными словами, конституционный запрет на государственную идеологию в принципе не означает отрицания идеологии конституционной, несвободной от необходимости совершенствования. Именно конституционно оформленный субъект международной жизни легитимен в отношении влияния на все обозначенные конститутивные процессы (будь то в форме реальной конституции политического тела или в сугубо правовой форме текста конституции).

Князькин Сергей Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского

и административного судопроизводства

Российского государственного университета

правосудия

Проблемы повышения роли юридической науки в современном российском обществе

Наука в целом и юридическая наука в частности всегда играла стратегическую роль в развитии общества и государства. В условиях глобальной трансформации международной архитектуры

¹ См.: Каракуляна Э. А. Доктрина витальных прав человека, наций и народов в контексте философии международного права // Вестник Национально-исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. № 2. 2022. С. 43–52.

² См.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1984. Т. 26. 512 с.

³ Определение, заимствованное из области физики: «движение, при котором все точки тела движутся одинаково».

ее роль только усиливается. Политические, экономические социальные группы заняты поиском новых смыслов общественных отношений. Успех подобных поисков обусловлен степенью активности использования результатов исследований общественных наук, к которым относится юридическая наука.

Ее важность обусловлена тем, что она всегда выступала в качестве индикатора общественных отношений, на основе которого предлагала способы их совершенствования. Для того, чтобы юридическая наука смогла стать инструментом эффективных преобразований нашего общества, требуется разрешение ее проблем, которые накопились в разные исторические периоды времени. В самом общем виде в качестве проблем современной юридической науки следует выделить методологическую, идеологическую и социальную проблемы.

Методологический аспект проблематики заключается в недооценке или, наоборот, переоценке значения используемых методов юридических исследований. Особенно актуальна подобная переоценка в отношении историко-правового и сравнительно-правового методов.

Историко-правовой метод исследований традиционно используется в начале любой значимой работы, когда анализируется становление того или иного правового явления. Исторические этапы его возникновения и развития, как правило, рассматриваются изолированно от современности, что приводит к временному разрыву. Его негативное влияние на результаты исследований заключается в отсутствии связи истории с современностью через закономерности эволюции исследуемого объекта или явления. При таком подходе экскурс в историю становится лишенным той жизни, которая нужна для приращения научного знания.

Иными словами, историко-правовой метод исследований обретает свою результативность при приоритете анализа исторических фактов над их описанием. Ценность исторического анализа правовых явлений состоит не столько в отдавании дани уважения прошлому и его современникам, сколько в аналитическом восприятии минувших событий сообразно условиям их происхождения и их сопоставления с современностью.

Такое использование историко-правового метода позволяет сформулировать значимые выводы даже из самых отдаленных периодов человеческого бытия. Наглядным примером этому служит эпоха Древнего Рима, ставшего прародителем многочисленных институтов государства и права, особенно гражданского права и судопроизводства. Уроки, которые извлекает мировая и отечественная юридическая доктрина из древнеримского права, не только не утрачивают свою актуальность, но и позволяют находить научную новизну в преломлении к современным условиям.

Проблема использования сравнительно-правового метода исследований состоит в его идеализации без учета условий его результативности. Рост популярности этого метода три с лишним десятилетия назад был обусловлен открытием нашего общества и активной интеграцией государства в систему глобальных отношений. Этот процесс, в свою очередь, определил переход к активному восприятию отечественной наукой, включая юридическую, зарубежного опыта.

Однако переход общества из советского в постсоветский период не стал первым опытом бурного использования сравнительно-правового анализа отечественных и иностранных правовых явлений. Активное применение сравнительно-правового метода было известно отечественной правовой науке в период Российской Империи.

Изучая труды классиков того времени, мы всегда обращаем внимание на использование ими немецкого, французского, английского опыта. Они пытались адаптировать зарубежный терминологический аппарат к российским особенностям, формируя тем самым новые правовые понятия. Но успешные результаты использования сравнительно-правового метода исследований предвещало соблюдение ряда важных условий.

Одним из них является целесообразность не ограничиваться анализом только нормативного материала. В противном случае результат будет эклектичен и формален. Предполагается необходимым исследование эмпирического материала и не столько сухой практики, сколько причин и условий ее формирования. Для этого требуется погружение исследователя в соответствующую социальную среду.

Название мотивационно-просветительского форума, связанного с докладом А. В. Малько, посвященным научному туризму, акцентирует внимание на проблеме универсальности и верифицируемости научного знания, полученного в результате сопоставления иностранной среды с нашей.

Погружение в иную общественную жизнь, опыт правового регулирования которой предполагается к восприятию в российских условиях, должно быть длительным и глубоким. Похожий

опыт получали дореволюционные представители доктрины, например, известные процессуалисты Е. В. Васьковский, Т. М. Яблочков, которые в течение нескольких лет проходили стажировку во Франции, Германии, Швейцарии.

Дистанционное восприятие зарубежной действительности, даже с использованием оригинальных литературных источников в электронном виде на иностранном языке, не может компенсировать активную вовлеченность самого представителя доктрины в общественные отношения, которые являются предметом его исследования.

Житейский опыт, связанный с пониманием менталитета нации, ее привычек, образа жизни, приобретает годами, а то и десятилетиями. О научном опыте, который опирается на общесоциальный опыт, и говорить не приходится.

Достоверность научного знания может быть обеспечена при условии непрерывного исследования правового явления в одном или нескольких государствах. Эффективность подобных изысканий повышается, если работает не исследователь-одиночка, а их группа, которая координирует свою деятельность на основе заранее сформированных критериев, целей и задач исследования. В противном случае полученные сведения будут фрагментарными, в силу чего их сложно положить в основу выводов значимого исследования.

Речь не идет о том, чтобы полностью отказаться от сравнительно-правового метода исследований. Имеется в виду создание необходимых организационных условий для его использования, в том числе, с привлечением государства.

Еще одна проблема юридической науки, производная от методологического ее уровня, заключается в ее развитии по междотраслевому пути. Речь идет о взаимодействии и взаимной имплементации результатов исследований не только отраслей юридического знания, но и иных общественных, а также технических наук. Отрицательным проявлением отсутствия подобного взаимодействия является ситуация, при которой понятия, используемые в одной отрасли юридической науки, не известны представителям другой отрасли или они известны, но различен подход к их содержанию. Связь с естественнонаучными направлениями еще более слаба. Чего стоит только диаметрально противоположное понимание закона в физике и правоведении.

Идеологический компонент проблематики юридической науки состоит в длительном приоритете правовой идеологии юридического позитивизма как в доктрине, так и в правоприменительной практике.

Негатив от экстремального юридического позитивизма проявляется в методологическом плане, а именно в том, что объектом исследования выступают нормы права, регулирующие общественные отношения. Большая часть исследований содержит анализ писаных регуляторов общественных отношений, в то время как требуется анализ природы самих отношений, их целей, а также их сопоставление с законами и иными нормативными правовыми актами.

В идеологическом плане юридическая наука должна быть не столько наукой о позитивном праве, сколько научным знанием о правах человека и способах их реализации и защиты. Именно в этом и состоит ее высшая социальная ценность. И именно отступление от этого правила влечет давнюю критику о том, что юридическая наука погрязла в формализме и схоластике.

Природа текущего положения вещей известна и берет свое начало в Средневековье, когда по мере укрупнения государств, усиления централизованной власти в совокупности с рецепцией римского права стали формироваться пласты нормативных правовых актов, за развитие которых стала отвечать новая когорта в лице юристов. Они всегда были заинтересованы в том, чтобы права и свободы реализовывались опосредованно: только через нормативный массив, который во все времена изобилует противоречиями. Именно на этой почве был основан финансовый успех юристов.

Если помнить о значении юридической науки как одном из измерителей текущего состояния общества и источнике научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию его развития, то ограничение сферы исследования только нормами права существенно обедняет научное знание.

Научная деятельность не может сводиться к выработке рекомендаций по внесению изменений в нормативные правовые акты, что очень часто наблюдается в диссертациях по всем отраслям юридической науки. Известна аксиома о том, что развитие реальных общественных отношений происходит гораздо быстрее изменения нормативного материала, в который заложен «снимок» таких отношений, сделанный в определенное время.

С другой стороны, результаты исследования, претендующие на универсальность, не должны быть привязаны к ситуативному состоянию позитивных регуляторов общественных отношений, с изменением которых утратит значение и сама работа.

Поэтому нормативный уровень является одним из таковых, наряду с реальным (практическим) и доктринальным (теоретическим). Именно за счет последнего полученные знания обретают межотраслевой и универсальный характер.

Нормативный правовой акт требуется рассматривать не в качестве конечной цели развития общественных отношений, а в качестве одного из инструментов их регулирования. Такой подход применим как ко всей юридической науке, так и к ее отраслям.

Востребован подлинный учет достоинств основных школ правопонимания, к числу которых относятся не только позитивистская, но и историческая, социологическая, естественно-правовая. Причем последняя, в силу своего здравого подхода к реальным общественным отношениям, призвана обладать приоритетом перед остальными.

Преимуществом исторической школы права является анализ условий, исторического контекста возникновения и изменения того или иного правового явления¹. Социологическая школа понимания позитивного права обращает внимание на первичный учет реальных общественных отношений, их природы, только после анализа которых можно приступать к формированию их нормативных регуляторов, постоянно их отслеживая на предмет своей актуальности. Общественные отношения первичны потому, что ими обусловлено позитивное право². Императивно-атрибутивные переживания как элемент писаного права исследуют представители психологической концепции права³.

В естественный подход к правам человека⁴, который положен в основу отечественной Конституции, заложен здравый смысл. Он заключается в предоставлении им государственной защиты независимо от степени активности законодателя как по поводу них самих, так и по поводу мер, которые закреплены в позитивных регуляторах. При таком понимании юридическая наука рассматривается не с точки зрения законоведения как ведения юристом нормативным массивом, а с позиции правоведения.

Переход к правовой идеологии, учитывающей преимущества не одного, а всех основных типов правопонимания с приоритетом естественно-правового, следует производить именно по линии доктринального знания, формализуя результаты исследований на нормативном уровне и имплементируя их в социальную практику.

Социальный аспект проблематики российской юридической науки воплощается в привычках межличностных отношений, некоторые из которых сформировали устойчивые традиции. Эти традиции самым непосредственным образом влияют на результативность исследований и их достоверность.

Одна из положительных традиций представляет собой преемственность доктринального знания. Преемственность призвана обеспечивать непрерывное существование определенного направления науки с целью дальнейшего развития, поэтому требует особого подхода.

Осознанность, осмысленность научных идей и добровольное присоединение к ним в силу понимания их состоятельности и эффективности является рецептом процветания любой научной школы. В этом и состоит источник преемственности научного знания. Обратный подход существенно тормозит не только развитие научных школ, идей, но и воспроизводство научных кадров, о дефиците которых заявлено официальными источниками⁵.

Вполне вероятно, что эта проблема юридической науки является одной из причин небезосновательного сетования на падение глубины исследований, которое является следствием обхода подлинно дискуссионных, живых проблем и сведения фундаментальных работ преимущественно к эвристическо-описательному способу изложения.

Вторая традиция состоит в установлении тесной связи между научными достижениями и административными полномочиями. Речь идет о подведении солидных результатов исследований, формализованных в ученой степени, под назначение на ту или иную административную должность, в том числе в научно-образовательной среде.

¹ Пухта Г. Ф. Энциклопедия права. Ярославль, 1872.

² Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. Санкт-Петербург, 2011.

³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 ч. Ч. 1. Москва, 2018.

⁴ Нерсисянц В. С. Философия права. Москва, 1998. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ URL: <https://salt.news/nauka/v-rf-sokrashhaetsya-kolichestvo-kandidatov-i-doktorov-nauk/> (дата обращения: 05.06.2024).

В отличие от государственной службы, например военной, где присвоению воинского звания предшествует назначение лица на равную этому званию должность, научная деятельность по своей природе является свободной и не связанной какими-либо формальными рамками как условиями проведения исследований и оформления их результатов.

Далеко не всегда научная школа или коллектив получают свое структурирование в виде создания в научном или образовательном учреждении специального подразделения с выделением штатной должности его руководителя. И этот факт никак не влияет на исследовательскую результативность коллектива, поэтому для успешной деятельности достаточно традиционного распределения научно-педагогических кадров, которое имеется в системе высшего образования и науки.

Кузьмин Игорь Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Внутренние и внешние функции юридической науки (на примере частной теории юридической ответственности)

В государственно-организованном обществе, которое декларативно стремится к достижению глобального правопорядка и обеспечению законности во внутринациональном правовом поле, значение юридической науки сложно переоценить. Процессы государственного строительства и конструирования правовой системы во многом качественно зависят от уровня научных достижений, благодаря которым закономерности и перспективы развития соответствующих государственно-правовых систем формулируются и концептуально интерпретируются, актуализируются с учетом современных потребностей общества, государства и личности.

Юридическая наука посредством применения общей, специальной и частной методологии и целого комплекса средств познания, с одной стороны, позволяет проникнуть в сущностные аспекты изучаемых явлений, а с другой — порождает новые идеи и модели государственно-правового устройства, которые могут оказаться полезными как на дальнюю, так и на ближнюю перспективу. Так, К. Л. Бартельс обоснованно заявляет, что любая функция науки является проявлением существенных ее свойств. Реализуя собственные функции, любая наука открывает возможности и способности участвовать в решении важнейших проблем жизнедеятельности общества для выработки более благоприятных условий жизни людей. При этом функции науки исторически изменчивы и коррелируются с развитием социальных функций¹.

С учетом направленности воздействия мы предлагаем разграничивать внутренние и внешние функции науки². Под внутренними функциями юридической науки мы понимаем ее ориентацию на любые институциональные проявления академической среды — на доктрину, теории, концепции и взгляды отдельных правоведов, групп ученых и научные школы. Внешние функции науки характеризуют ее влияние на объективную (социальную) среду и связаны с переустройством окружающей социальной действительности на основе результатов научных исследований.

В юридической науке достаточно давно исследуется категория «государственное принуждение». Будучи одним из основных методов осуществления публичной власти, принуждение воплощается в системе мер, реализация, расширение и совершенствование которой относится к приоритетным направлениям правовой политики. Познание государственного принуждения с методологической

¹ См.: Бартельс К. Л. Функциональные приоритеты современной науки // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 166. С. 156.

² Здесь мы выражаем принципиально несогласие с К. А. Стрельниковым, который приписывает вопрос о соотношении внутренних и внешних функций юридической науки к числу бессмысленных ввиду того, что правовая наука во многом сама задает себе цели и успешно их решает. Представляется, что любая фундаментальная правовая дисциплина, исходя из основ науковедения, включает в предмет своего познания не только закономерности возникновения, развития и функционирования внешних объектов, но и постигает «самое себя», прежде всего, для определения ориентиров движения научной мысли и расширения методологической базы. Подробнее см.: Стрельников К. А. К вопросу о системном походе в юридической науке // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5. С. 4.

(как метод), функциональной (как деятельность) и институциональной (как режим, совокупность правовых средств) позиций создает возможности для поиска и нахождения эффективных подходов к правовому регулированию в целях достижения требуемых показателей законности и правопорядка. Еще в конце XX века В. С. Нерсисянц заявил, что в любом государстве сила тесно связана с правом, так как именно через правовую форму сила преобразуется во власть, а насилие — в урегулированное правом государственно-властное принуждение¹.

По мнению И. С. Штоды, закрепленные в законодательстве меры государственного принуждения «многообразны и могут в зависимости от основания применения быть классифицированы на две группы: меры юридической ответственности и меры, не являющиеся юридической ответственностью»². С учетом особой важности и специфики категории «юридическая ответственность» в общей теории права оформилась самостоятельная частная теория юридической ответственности, которая также выступает в качестве «проводника» внутренних и внешних функций юридической науки.

Осуществление внутренних функций рассматриваемой теории можно наглядно проследить в следующих аспектах. Во-первых, разработки теории юридической ответственности ведутся на масштабной основе и служат локомотивом для развития сопутствующих категорий, включая государственное принуждение и иные принудительные меры, не относящиеся к ответственности в праве (профилактические, пресекающие, правовосстановительные и другие). Определение межкатегориальных связей позволяет эффективно развивать частную теорию юридической ответственности и сопутствующие теории, переводя одни научные гипотезы в разряд научных фактов и опровергая другие.

Во-вторых, познание юридической ответственности затрагивает многообразные междисциплинарные связи правоведения с неюридическими науками (политологией, социологией, психологией, культурологией и т. д.). Данное обстоятельство активно способствует развитию специальной и частной методологии юридической науки за счет сопоставления методов и средств познания объектов, исследуемых различными науками.

В-третьих, погружение в проблематику юридической ответственности в силу комплексного характера обозначенной категории способствует дальнейшему укреплению когнитивных способностей исследователя, уточнению его научных интересов и приоритетов в области правоохранительной деятельности и государственного принуждения³. В конечном счете основательность и надежность результатов юридической науки зависят от ясности и убежденности исследователей. Еще в 1647 году французский поэт Буало-Депрео Никола писал:

«Учитесь мыслить вы, затем уже писать.

Идет за мыслью речь; яснее иль темнее

И фраза строится по образцу идеи;

Что ясно и понято, то четко прозвучит,

И слово точное немедля набежит»⁴.

Осуществление внешних функций рассматриваемой теории можно проследить на примере основных видов юридической деятельности.

Во-первых, правотворческая деятельность должна основываться на принципах научности и профессионализма, учитывать результаты научных исследований, выявленные общественные закономерности, а также последние достижения юридической техники. Привлечение ученых-правоведов к разработке, обсуждению и принятию различных источников права (прежде всего, нормативных правовых актов) необходимо для повышения качества нормативного материала. Учитывая, что правовое регулирование должно из «догоняющего» постепенно становиться «опережающим»⁵, без обращения к аналитике и научно обоснованным прогнозам названный переход мыслится невозможным. Внесение изменений в систему наказаний, составляющую фундамент юридической

¹ См.: Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. Москва, 1999. С. 266.

² Штода И. С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2017. С. 13, 135.

³ Подробнее см.: Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Проблема выбора объекта сравнительно-правового исследования // Право и современные государства. 2016. № 3. С. 2–26.

⁴ Буало Н. Поэтическое искусство / пер. с фр. С. С. Нестеровой, Г. С. Пиралова; под ред. Г. А. Шенгели; вступ. ст. Д. И. Гачева. Москва, 1937. С. 45.

⁵ См., например: Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 21–28.

ответственности, и в динамическую модель правоотношения ответственности относится к числу сложных правотворческих решений, последствия которых могут оказать кардинальное влияние на национальную правовую систему и уровень легитимности власти.

Во-вторых, правоприменительная деятельность, посредством которой и достигается фактический правопорядок и показатели законности, нуждается в научно-методическом обеспечении и соответствующих рекомендациях. При этом важно учитывать, что познание фактов, обстоятельств и иных юридически значимых условий в процессе применения права относится к вненаучному познанию, что не исключает тесной связи правоприменения с юридической наукой и широкого использования в его процессе различных методов и средств исследования¹. Как отметил на Всемирной конференции по конституционному правосудию 23–24 января 2009 года (г. Кейптаун, ЮАР) председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации учитывает источники зарубежной национальной судебной практики и принимает во внимание мнения относительно ссылок на научные доктринальные источники². Соответственно, квалификация деяния в качестве фактического основания возникновения юридической ответственности, определение справедливого наказания, добровольные формы реализации ответственности вне юрисдикционного процесса или восприятие иных специфических условий юридической ответственности требуют высокого профессионализма, построенного на усвоении аналитическим путем обобщенного опыта и научно апробированных правоприменительных методик.

В-третьих, правоинтерпретационная деятельность, нацеленная на выявление истинного смысла различных правовых предписаний, подразумевает использование целого ряда способов толкования права, выбор и подходы к реализации которых нуждаются в качественной научной проработке. В. В. Лазарев по этому поводу заметил, что толкование права как интеллектуальная деятельность содержит элементы искусства и науки³. В постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28 октября 2008 года по арбитражному делу № А33-1764/2008 содержалось утверждение о том, что «волю законодателя необходимо устанавливать путем применения способов толкования норм права, разработанных в теории государства и права». Соответственно, правильная интерпретация норм, содержащих юридическую ответственность, основания юридической ответственности и механизмы ее реализации являются залогом эффективных правовых решений, немислимых без сопровождения юридически значимых суждений и умозаключений научной методологией и инструментарием. Ранее мы уже обращали внимание на угрозы от наукообразных публикаций, в которых законодательные конструкции ответственности и их официальные толкования рассматриваются как аксиомы и неопровержимые научные факты. Акты официального толкования права необходимо выстраивать на передовых достижениях юридической науки, «в противном случае мы меняем причину и следствие местами и приравниваем субъективное формально выраженное мнение публичных субъектов к научному факту, что изначально неверно, порочно и даже опасно»⁴.

Важно помнить, что юридическая наука также лежит в основе правового обучения и правовой пропаганды, позволяя усиливать или ослаблять институт юридической ответственности с точки зрения глубины его понимания профессиональным сообществом либо общественностью. Так, в процессе образовательной деятельности в отношении студентов (обучающихся) юридическая наука может выполнять не только внешние, но и внутренние функции. К примеру, узнавая в научных трудах о нарушениях и эвентуальных мерах ответственности за них, студенты подвергаются некоторому внешнему профилактическому воздействию, но будучи самостоятельными участниками научной деятельности, последние начинают испытывать на себе внутренние функции науки, проникаясь той или иной концепцией юридической ответственности.

¹ Подробнее см.: Пьянов Н. А., Казанков Я. Н. О познании в правоприменительной деятельности // Пролог: журнал о праве. 2014. № 2. С. 9–10.

² Конституционный Суд Российской Федерации и его роль в защите прав человека в контексте глобальной юриспруденции: материал к Всемирной конференции по конституционному правосудию. Кейптаун, 23–24 января 2009 года // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=23> (дата обращения: 01.06.2024).

³ См.: Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. Москва, 2004. С. 443.

⁴ Кузьмин И. А. Система права и система юридической ответственности: монография. Иркутск, 2018. С. 114.

Таким образом, мы приходим к выводу, что юридическая наука, выполняя внутренние и внешние функции, осуществляет комплексное воздействие на государственно-правовую действительность во всех ее проявлениях, подвергая различным изменениям и трансформации правосознание и правовую культуру населения. В свою очередь, частная теория юридической ответственности, как одна из наиболее крупных, сложных и неоднозначных составляющих общей теории права, таит в себе огромный потенциал развертывания внутренних и внешних функций юридической науки через призму собственной социально значимой и принципиально важной для государства, общества и личности проблематики.

Купцова Ольга Борисовна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета
Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

Формирование и развитие технико-юридической культуры как вклад юридической науки в жизнь общества

Развитие современного общества и усложнение разнообразных социальных связей предопределяет формирование предпосылок к более активному взаимодействию юридической науки и расширению ее роли в жизни социума. Дифференциация общественных отношений, изменение целевых ориентиров развития государства влекут за собой качественные и количественные изменения в нормативной правовой регламентации.

Как акцентируется внимание в современной правовой доктрине, современное общество позиционируется как общество постмодерна, что выражается в ряде характеристик. В этих условиях «...постмодерн выступает в качестве такой мировоззренческой парадигмы, где производится процедура развенчания всего традиционного, привычного, классического»¹. Наряду с изменениями всей социальной организации современности особое влияние оказывает также изменение межгосударственного взаимодействия, во многом предопределяющее изменение ценностных ориентиров современного общества и государства. В этом отношении необходимо особо отметить позитивную тенденцию нормативной правовой регламентации возрождаемых и формируемых ценностей государственно-значимого характера. Так, Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»², содержит систему нормативно закреплённых важнейших идеологем, и этот процесс закрепления правовых установлений ценностного характера будет продолжаться, привнося свое влияние на развитие современного языка права. Кроме того, достаточно глобальные изменения в жизни социума и кардинальные преобразования целеполагания в правовых системах на современной юридической карте мира влекут за собой активную модернизацию нормативной правовой регламентации и более значительное взаимовлияние различных источников (форм) права. Это обуславливало различные проявления правосознания и правовых ожиданий, которые не всегда носят позитивный характер для правового восприятия действительности в юридически значимых ситуациях. В. М. Баранов справедливо утверждает, что современное законодательство в ряде случаев может носить травмирующий характер и может считаться одним из элементов образования общества травмы³. Во избежание возникновения и развития предпосылок данного явления необходимо более детально и последовательно внедрять в положения современной законодательной политики результаты развиваю-

¹ Жукова О. И. Современное общество и место в нем человека // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 49.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2024).

³ Баранов В. М. Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 40–58.

щегося многоуровневого общественно-государственного взаимодействия и создавать более качественные юридические акты различных видов. Анализируя регулятивную систему современного социума с точки зрения технико-юридического инструментария, следует отметить, что в настоящее время сложилась тенденция совершенствования технико-юридических оснований для развития современного права, которые предопределяют повышение эффективности его функционирования. К важнейшим из них следует отнести выбор оптимальной формы закрепления нормативных правовых установлений; согласованность законодательных дефиниций и иных видов юридических дефиниций; существенную роль играет упорядочение и системное использование доктринальных средств юридической техники¹.

Следует отметить, что изначально юридическая техника зародилась в русле правовой доктрины, но характеризуется тем, что имеет ярко выраженный практико-ориентированный характер формулируемых результатов научных изысканий, и ее развитие способствует не только совершенствованию всего права в целом, но также повышению качества создаваемых различных видов правовых актов. За более чем 25-летний период своего развития наука юридическая техника накопила весомый технико-юридический инструментарий и с учетом того, что вышеперечисленные особенности формирования современного социума в своей значительной степени предопределяются юридически значимыми положениями качественно сформулированных правовых актов, совершенствования различных форм права и иных проявлений, это важная основа для современного общественного развития.

Вместе с тем существующие достижения развития технико-юридического инструментария в свою очередь представляют собой систему положений ценностного характера, которые получают отражение в современном общественном и правовом сознании. В настоящее время можно утверждать, что сложились основные предпосылки для формирования такого явления, как технико-юридическая культура, и это является бесспорным вкладом в жизнь современного общества. Техничко-юридическая культура представляет собой «...часть правовой культуры систему технико-юридических (властных) и этико-деонтологических (невластных) ценностей, уровня развития юридической техники, осознанного уважительного отношения к технико-юридическому инструментарии, служащую базовой основой эффективности воплощения в юридической практике профессиональных юридических правил, приемов, средств, необходимых для качественного функционирования сфер правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечения совершенства формы и содержания права»². Исходя из этого понятия, технико-юридическая культура отражает специфику общественного развития и потребности общества, улучшение жизни общества, сферы юридически значимого поведения и некоторых смежных с ней структурных образований, в то же время уровень ее развития является показателем развития общества.

Имея в своем составе структурные элементы властного и невластного характера, технико-юридическая культура представляет собой явление, которое оказывает нелинейное воздействие на жизнь общества, кроме того, технико-юридическая культура синкретична как по содержательным характеристикам, так и по специфике определенности ключевого понятия, через которое раскрывается ее значение. Категория «ценность» не получила однозначного устоявшегося понимания в современной науке и по причине необходимости возрождения и формирования ряда ценностей, которые имеют важное значение для государственного развития, в его значение будет вноситься больше определенности. Учитывая, что система ценностей с точки зрения классической рациональности представляет собой определенную полезность для субъектов, наполненность ценностных характеристик технико-юридической культуры также предопределяется потребностями общества и государства. Это обстоятельство также обуславливает достаточно высокую степень взаимной зависимости технико-юридической культуры и общественной жизни, особенно в сфере юридически значимого поведения.

В структуре правовой культуры технико-юридическая культура занимает неоднозначное место. С одной стороны, ее носителями как индивидуально, так и в объединении в определенные общности, являются субъекты, которые профессионально осуществляют юридическую деятельность.

¹ Купцова О. Б. Техничко-юридические основания развития современного права как фактор повышения эффективности его функционирования // История государства и права. 2023. № 1. С. 30.

² Баранова М. В., Купцова О. Б. Техничко-юридическая культура как базовая основа эффективного функционирования системы властных и невластных начал современного российского права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 15–16.

С другой стороны, уровень развития технико-юридической культуры — это также и показатель субъектов, которые лишь потенциально будут заниматься профессиональной юридической деятельностью. Данное обстоятельство является следствием развития современного социума и усиливающейся тенденции диалогического взаимодействия государства и общества, так как не только лица, которые принимают юридически значимые документы, должны характеризоваться достаточно высоким уровнем сформированности ценностей технико-юридического характера, но и лица, которые потенциально могут являться таковыми, а также лица, проявляющие свою правовую активность и взаимодействующие с субъектами, обладающими государственно-властными полномочиями с целью совершенствования действующего законодательства и иных правовых актов. Как частный случай здесь можно привести пример деятельности молодежных парламентов при законодательных органах субъектов Российской Федерации: формирование у них определенного уровня технико-юридической культуры позволит в их будущей профессиональной юридической деятельности стать высококлассными специалистами и повысить локальные аспекты развития современного социума.

Детализируя вклад науки юридической техники в целом в разработку и формирование технико-юридической культуры как одного из важнейших ее доктринальных направлений, следует отметить, что исследования находятся в своей активной фазе, и возникающие нерешенные проблемы постепенно получают свое научное обоснование.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что технико-юридическая культура представляет собой феномен, который имеет неоднозначные проявления и играет значимую роль в системе социального взаимодействия. Как явление технико-юридической доктрины она оказывает существенное влияние на жизнь общества, но при этом во многом предопределяется особенностями современного социума. Техничко-юридическая культура в ценностном аспекте ее понимания представляет собой один из показателей развития жизни общества и имеет существенный потенциал своего влияния на нее.

Лаврентьев Александр Рудольфович,
 кандидат юридических наук, доцент,
 заведующий кафедрой
 государственно-правовых
 дисциплин Приволжского филиала
 ФГБОУ ВО «Российский
 государственный университет правосудия»;
Лаврентьева Наталья Александровна,
 начальник отдела аналитики процессов
 и внедрения бережливых технологий
 Законодательного Собрания
 Нижегородской области,
 старший преподаватель кафедры
 государственно-правовых дисциплин
 Приволжского филиала
 ФГБОУ ВО «Российский государственный
 университет правосудия»

Научно-консультативный совет при Законодательном собрании Нижегородской области: 10 лет экспертного сотрудничества

Экспертное обеспечение (сопровождение) деятельности законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации выступает одним из элементов участия граждан в публичном управлении. В Нижегородской области накоплен (в настоящее время уже предан истории¹, но может быть возрожден) интересный и по-своему уникальный опыт такого экспертного

¹ Пункт 3 постановления Законодательного собрания Нижегородской области от 25 ноября 2021 года № 67-VII «О принятии Положения об Общественном совете при Законодательном Собрании Нижегородской области. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/5200202112020006> (дата обращения: 01.06.2024).

сотрудничества: в течение 10 лет, начиная с сентября 2009 года, действовал научно-консультативный совет при Законодательном собрании Нижегородской области (далее — Совет).

Особенности нижегородского варианта экспертного сотрудничества. Инициатор создания Совета — председатель Законодательного собрания В. Н. Лунин, во многом благодаря его личной заинтересованности в научном обосновании принимаемых Законодательным собранием решений было принято Положение о Совете¹ и сформирован его первоначальный состав². По нашему мнению, что личная поддержка работы Совета следующим председателем Законодательного собрания Е. В. Лебедевым также обусловила внимание к вопросам, обсуждаемым Советом, и в большинстве случаев — реализацию решений Совета в деятельности Законодательного собрания. Названные обстоятельства (личный интерес и поддержка руководителя) — залог успеха и одновременно, что совершенно очевидно, главный минус (если интереса нет) в экспертном обеспечении деятельности органа власти.

Основные цели Совета: разработка и внесение в Законодательное собрание предложений по совершенствованию областного законодательства и повышение правовой грамотности населения (пункт 2 Положения о Совете). Взгляд со стороны научного и экспертного сообщества на рутинные процедуры и шаблонные алгоритмы позволил придать динамизм ряду процессов в законотворчестве и сократил дистанцию внедрения многих новаторских научных идей, а многоплановая деятельность Совета стала фактором повышения доверия населения области к Законодательному собранию и органам власти в целом, придавала импульс конкретным мероприятиям по повышению правовой грамотности и правосознания населения.

Механизм формирования Совета. Кандидатуры в состав Совета предлагают основные органы управления Законодательного собрания: председатель Собрания, комитеты и фракции. Каждый из инициаторов имеет право выдвинуть лишь одну кандидатуру (пункт 8 Положения о Совете).

Совет был компактным (12—15 членов), полидисциплинарным и аполитичным.

Состав Совета: представители научных и образовательных организаций, расположенных на территории Нижегородской области (пункт 6 Положения о Совете). Принципиально было принято решение, что в состав Совета нельзя включать депутатов Собрания, представителей органов публичной власти (пункт 7 Положения о Совете).

Состав Совета predetermined специфику экспертизы: комплексная³ по методологии и содержанию заключений при доминирующей роли юристов — профессионального меньшинства среди членов Совета (3—4 человека).

Ротация состава Совета: каждые два года (пункт 11 Положения о Совете), что позволило обеспечить, с одной стороны, регулярное обновление кадрового состава (за десять лет непосредственно в составе Совета были задействованы более 50 членов — руководителей и научных деятелей ведущих вузов Нижнего Новгорода, и привлекаемых для выполнения отдельных заданий более 200 экспертов, представляющих широкий спектр научных специальностей: от технических до гуманитарных, в том числе юриспруденции); с другой — преемственность за счет переизбрания наиболее работоспособных членов Совета (например, постоянными членами Совета были председатель первого — третьего составов — доктор медицинских наук Б. Е. Шахов; председатель четвертого — пятого составов — кандидат юридических наук А. Р. Лаврентьев; заместитель председателя всех созывов — доктор юридических наук В. М. Баранов).

Статус Совета: общественный консультативный коллегиальный орган (пункт 1 Положения о Совете). Решения Совета носят рекомендательный характер, но непременно рассматриваются на заседаниях профильных комитетов Законодательного собрания (пункты 23 и 25 Положения о Совете).

¹ О принятии Положения о научно-консультативном совете при Законодательном Собрании Нижегородской области: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 25 июня 2009 года № 1595-IV // Нижегородские новости. 2009. 29 августа.

² Об утверждении состава научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 24 сентября 2009 года № 1744-IV.

³ См. подробнее: Лаврентьев А. Р. Об опыте комплексной экспертизы нормативного материала, осуществляемой научно-консультативным советом при Законодательном Собрании Нижегородской области // История, теория и практика российского права: сборник научных работ, приуроченный к празднованию 15-летия юридического факультета КГУ / гл. ред. С. Н. Токарева. Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2019. Вып. 12. С. 344—370.

За десять лет работы Совета подготовлено более 100 экспертных заключений на проекты законов, а также разработано несколько инициативных проектов нормативных актов. Полноценно включить экспертные заключения Совета в регламентные нормы законотворчества не удалось, но абсолютное большинство выводов Совета было реализовано благодаря авторитету состава Совета и качеству экспертной «проработки» документов.

Совет генерировал иные идеи: парламентские дни в вузах; внедрение института общественного контроля в Нижегородской области, включая ежегодный круглый стол «Практика общественного контроля в Нижегородской области»¹; систематизация базовых законов Нижегородской области²; практиковал мастер-классы; активно включался в мониторинг правоприменения.

Организация работы Совета: на плановой основе (пункт 20 Положения о Совете) с минимальным (предельно экономичным) набором регламентных требований: заседания Совета правомочно, если на нем присутствует не менее половины членов (пункт 14 Положения о Совете), ведется протокол, решения Совета (на специальном бланке³) принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании (пункт 22 Положения о Совете), организационно-техническое, информационное и иное обеспечение деятельности Совета осуществляет аппарат Законодательного собрания (пункт 28 Положения о Совете).

Формы деятельности Совета: не только заседания Совета, но и иные форматы (пункт 12 Положения о Совете) соработничества. Члены Совета принимали участие в совещаниях, рабочих группах по разработке новых региональных законов, заседаниях комитетов, создавали собственные рабочие группы. Кроме этого, члены Совета были непосредственными участниками мониторинга действующего законодательства, взаимодействия с вузами и иными организациями. Так, если первый состав Совета (2009—2011) провел 17 заседаний, то четвертый (2015—2017) и пятый (2017—2019) — всего 20, однако содержательно «повестка» существенно расширилась: было рассмотрено более 90 вопросов и подготовлено более 30 заключений.

Популяризация работы Совета: для освещения использовались средства массовой информации и площадки вузов — членов Совета, а также трибуны научно-представительских мероприятий, научные публикации о Совете и различных формах его деятельности⁴. На официальном сайте Законодательного собрания был информационно насыщенный подраздел о Совете.

Спектр рассмотренных Советом вопросов: широчайший. Например, первым составом Совета были подготовлены проекты законов Нижегородской области «Об основах промышленной политики Нижегородской области»⁵ и «О профилактике правонарушений в Нижегородской

¹ См. подробнее: Красильникова Н. А., Лаврентьев А. Р. О практике осуществления общественного контроля в Нижегородской области // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала НИУ «Высшая школа экономики» / отв. ред. И. В. Михеева, Ю. В. Сочнев. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ — Нижний Новгород, 2017. Вып. 4. С. 69—82.

² См. подробнее: Елисеева В. С., Красильникова Н. А., Лаврентьев А. Р. Систематизация законов Нижегородской области: теория, практика, техника // Актуальные вопросы современного развития России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2016 г.: сборник научных статей. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2017. С. 7—14.

³ Приложение к Положению о научно-консультативном совете при Законодательном Собрании Нижегородской области // О принятии Положения о научно-консультативном совете при Законодательном Собрании Нижегородской области: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 25 июня 2009 года № 1595-IV (ред. от 29 апреля 2021 года) // Нижегородские новости. 2009. 29 августа.

⁴ См.: Лаврентьев А. Р. Из опыта работы научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области // Государство, Конституция, Родина: к поискам национальной идеи и новой доктрины государства. Москва: Проспект, 2015. С. 202—210; Лаврентьев А. Р. Критерии качества закона (опыт комплексной экспертизы проектов законов научно-консультативным советом при Законодательном Собрании Нижегородской области) // Критерии в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24—25 мая 2018 г.) / под общ. ред. В. А. Толстика, П. В. Васильева. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 38—57; Лаврентьев А. Р., Трусов Н. А. Опыт работы Научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области по вопросам законодательного обеспечения правоохранительной деятельности // Хабаршы-Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. 2019. № 4. С. 51—57.

⁵ Первоначально был принят Закон Нижегородской области от 21 декабря 2011 года № 190-З «О промышленной политике в Нижегородской области» (Нижегородские новости. 2011. 29 декабря). В настоящее время действует Закон Нижегородской области от 25 декабря 2015 года № 206-З (ред. от 2 августа 2023 года) «О промышленной политике в Нижегородской области» (Нижегородские новости. 2016. 19 января).

области»¹, а также инновационная концепция проекта федерального закона «Об управлении собственностью».

Второй состав Совета (2011—2013)² участвовал в разработке принятых в последующем Законодательным собранием законов области «О законодательной инициативе граждан в Нижегородской области»³ и «О бесплатной юридической помощи в Нижегородской области»⁴, инициировал новую редакцию Плана мероприятий Законодательного собрания по повышению уровня правосознания населения Нижегородской области⁵, включая такие формы работы, как парламентские дни в вузах, студенческие парламентские дебаты, конкурсы «Я – законодатель»⁶ и «Творчество против коррупции»⁷.

Третий состав Совета⁸ разработал концепции законов области, которые опередили время: «О контрольных полномочиях Законодательного Собрания Нижегородской области»⁹ и «Об особенностях организации местного самоуправления в Нижегородской области». Тогда же была реализована идея нового направления взаимодействия Законодательного собрания с вузами — фестиваль «Молодые звездочки нижегородской науки».

Четвертый¹⁰ и пятый¹¹ составы Совета провели работу по совершенствованию Устава Нижегородской области, систематизации базовых законов Нижегородской области, стояли у истоков запуска механизма общественного контроля на территории области (участвовали в формировании Общественного совета¹² при Законодательном собрании, законов области «Об общественном контроле в Нижегородской области»¹³ и «Об Общественной палате Нижегородской области»¹⁴, предло-

¹ О профилактике правонарушений в Нижегородской области: закон Нижегородской области от 6 июля 2012 года № 88-З (ред. от 6 февраля 2023 года) // Нижегородские новости. 2012. 17 июля.

² Об утверждении состава научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 29 сентября 2011 года № 221-V.

³ О законодательной инициативе граждан в Законодательном Собрании Нижегородской области: закон Нижегородской области от 8 мая 2013 года № 62-З (ред. от 7 ноября 2022 года) // Нижегородские новости. 2013. 23 мая.

⁴ О бесплатной юридической помощи в Нижегородской области: закон Нижегородской области от 2 ноября 2012 года № 144-З (ред. от 14 декабря 2023 года) // Нижегородские новости. 2012. 15 ноября.

⁵ Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 30 июля 2015 года № 1840-V «О плане мероприятий Законодательного Собрания Нижегородской области в сфере развития правовой грамотности и правосознания населения Нижегородской области», принято взамен двух версий Плана в редакции постановления Законодательного Собрания Нижегородской области от 27 августа 2009 года № 1730-IV и от 29 февраля 2012 года № 423-V. В настоящее время названный план не утратил силу, но фактически не применяется.

⁶ О конкурсе «Я – законодатель»: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 29 октября 2009 года № 1774-IV (ред. от 31 марта 2022 года).

⁷ Творчество против коррупции. Областной конкурс. URL: <https://www.zsno.ru/tpk/lp/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁸ Об утверждении состава научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 26 сентября 2013 года № 1051-V.

⁹ См.: Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Трусков Н. А. О концепции Закона Нижегородской области «О контрольных полномочиях Законодательного Собрания Нижегородской области» // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы I Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 4–5 июня 2015 г.) / отв. ред. А. В. Мартынов. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ имени Н. И. Лобачевского, 2015. С. 326–343.

¹⁰ Об утверждении состава научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 24 сентября 2015 года № 1893-V.

¹¹ Об утверждении пятого состава научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области: постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 26 сентября 2017 года № 394-VI (ред. от 25 января 2018 года).

¹² См.: Лаврентьев А. Р., Лаврентьева Н. А. Общественные советы в Нижегородской области: версия 2.0 // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научный ежегодник факультета права НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2019. Вып. 6. С. 65–77.

¹³ См.: Лаврентьев А. Р. Закон Нижегородской области «Об общественном контроле в Нижегородской области»: история разработки и принятия, опыт реализации // Проблемы реализации общественного контроля на уровне местного самоуправления: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, ООО «ВЕРТОЛА», 2016. С. 148–154; Елисеева В. С., Красильникова Н. А., Лаврентьев А. Р. О практике осуществления общественного контроля в Нижегородской области: шаг вперед, два назад // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2018. Вып. 5. С. 44–56.

¹⁴ Об Общественной палате Нижегородской области: закон Нижегородской области от 24 декабря 2018 года № 143-З. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/5200201812240013> (дата обращения: 01.06.2024).

жили проект Типового (примерного) Положения об общественной палате (совете) муниципального района (городского округа) Нижегородской области), деятельно поддерживали новаторские проект Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года¹ и законопроект «О Торгово-промышленной палате Нижегородской области»², обосновали концепцию федерального законопроекта «О городах военно-трудовой славы»³.

К сожалению, 10-летие экспертного сотрудничества научного сообщества и Законодательного собрания завершено. Однако в год 30-летия Законодательного собрания, накануне 30-летия со дня вступления в силу Устава Нижегородской области, есть повод вернуться к идее, обсужденной Советом еще в январе 2015 года: рассмотреть вопрос о создании **Института регионального законодательства**⁴ Нижегородской области.

Есть положительные примеры функционирования аналогичных структур на федеральном уровне⁵ и в других субъектах Российской Федерации⁶.

Опыт работы Совета при Законодательном собрании доказал свою эффективность, но очевидно, что деятельность Законодательного собрания требует повышения роли научно-правового сопровождения по всем направлениям: представительной, законодательной и контрольной функциям. Важно, что на федеральном уровне и в других субъектах Российской Федерации нет практики создания Института регионального законодательства при законодательном органе, однако именно по такому пути идут зарубежные страны.

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года: постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889 (ред. от 17 апреля 2023 года). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/5200201812250001> (дата обращения: 01.06.2024).

² Первоначально был принят Закон Нижегородской области от 3 мая 2017 года № 50-3 «О Торгово-промышленной палате Нижегородской области» (Нижегородские новости. 2017. 16 июня). В настоящее время действует Закон Нижегородской области от 2 августа 2023 года № 95-3 (ред. от 8 апреля 2024 года) «О Торгово-промышленной палате Нижегородской области» (Нижегородские новости. 2023. 8 сентября).

³ См.: Лаврентьев А. Р. О городах военно-трудовой славы // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 28 сентября 2017 года). Стерлитамак, Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. С. 30–34; Лаврентьев А. Р. О наградах городам // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. Ч. 1. С. 769–777.

⁴ Основные задачи Института регионального законодательства: проведение фундаментальных и прикладных исследований законодательства Нижегородской области; участие в подготовке планов законопроектной деятельности; проведение научно-правовой экспертизы проектов законов и иных нормативных правовых актов, находящихся на рассмотрении в Законодательном собрании; участие в мониторинге правоприменения законодательства Нижегородской области; составление аналитических и информационных обзоров состояния и тенденций развития законодательства Нижегородской области, а также практики издания и применения муниципальных правовых актов; издание научно-информационных материалов; организация и участие в научных конференциях, симпозиумах и иных мероприятиях, а также развитие научных связей с научными учреждениями и вузами Нижегородской области и Российской Федерации; координация научно-методического обеспечения противодействия коррупции; организация обучения по программам дополнительного профессионального образования; осуществление популяризации правовых знаний (правовое просвещение).

⁵ Практически все федеральные органы власти и иные государственные органы создали многопрофильные или специализированные организации: Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева **при Президенте Российской Федерации**; Российская академия народного хозяйства и государственной службы **при Президенте Российской Федерации**; Институт законодательства и сравнительного правоведения **при Правительстве Российской Федерации**; Университет **Генеральной прокуратуры Российской Федерации**; Санкт-Петербургская академия **Следственного комитета Российской Федерации**, Российский государственный университет **правосудия**; и др.

⁶ Автономное учреждение Воронежской области «Институт регионального законодательства» (создан совместным постановлением Воронежской областной думы и администрации Воронежской области, находится в ведении Департамента финансов Воронежской области); Государственное казенное учреждение Свердловской области «Уральский институт регионального законодательства» (учредитель — Свердловская область; функции и полномочия учредителя — губернатор Свердловской области); Государственное казенное учреждение Ленинградской области «Государственный экспертный институт регионального законодательства» (учредитель — Правительство Ленинградской области, находится в ведении Аппарата Губернатора и Правительства Ленинградской области); Иркутское областное государственное научно-исследовательское казенное учреждение «Институт законодательства и правовой информации имени М. М. Сперанского» (учредитель — Аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области).

Создание Института регионального законодательства именно при Законодательном собрании важно в плане усиления политической роли законодательной ветви власти в системе разделения властей, позволит вывести на качественно иной уровень вопросы организации муниципальной власти.

Организационные (штат — около 15 единиц, помещение, оргтехника и пр.) и финансовые (в других субъектах Российской Федерации: от 10 до 35 миллионов) затраты на создание Института регионального законодательства относительно быстро позволяют добиться очевидных результатов, например:

- сконструировать методологический базис деятельности Ассоциации законодательных органов субъектов Приволжского федерального округа¹;
- систематизировать законодательство Нижегородской области (на начальном этапе: комплексное — в электронном виде; тематическое — в электронном виде и на бумажных носителях) и разработать предложения по кодификации его отдельных отраслей;
- обеспечить доступ к актуальным редакциям текстов законов и иных нормативных правовых актов Законодательного собрания;
- подготовить комментарии к наиболее значимым нормативным актам (Уставу и ряду законов Нижегородской области);
- сформировать пакет модельных муниципальных нормативных правовых актов по наиболее актуальным вопросам местного значения;
- провести работу по совершенствованию законодательной процедуры;
- перевести на качественно иной уровень разработку законопроектов;
- расширить объем работы по мониторингу правоприменения законов и иных нормативных правовых актов Законодательного собрания;
- организовать профессиональное развитие выборных должностных лиц, депутатов представительных органов, служащих аппаратов представительных органов и работников вспомогательных учреждений.

Экспертное обеспечение деятельности законодательного органа в Нижегородской области на общественных началах оказалось непродолжительным и несистемным, при том что было многовекторным, содержательным и во многом эффективным.

Резюмируем: юридическая доктрина в правотворчестве требует институционализации (во всех смыслах!).

Ламтева Анна Вячеславовна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России

Популяризация юридической науки как неотъемлемая составляющая передового общества

Знание законов — одна из наилучших инвестиций человека в свое настоящее и будущее. Сегодня имеет место большой массив нормативно-правовой базы, но при этом есть отдельные базовые юридические нормы, которые относятся к большому кругу лиц, интересны с точки зрения экономической и социальной составляющих. В этой связи сформулируем несколько идей: юридическая наука — это способ повысить качество жизни, отстоять свои имеющиеся права, сэкономить денежные средства, технология для понимания вектора развития государства.

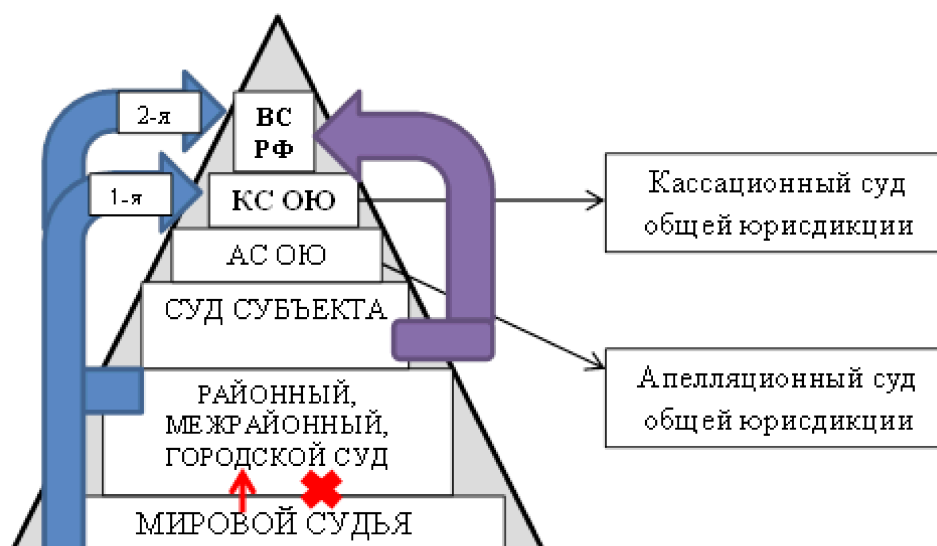
В юридической науке, как и в любой профессиональной сфере, есть свои тайны. Раскроем некоторые из них.

Первая: юриспруденция не терпит спешки. Основное кредо юридического образования заключается в том, что научить пониманию сути и содержания законов можно и нужно всех обучающихся. Ни одна норма права не может быть изучена вскользь или по диагонали. Это не то, что, начав читать, можно додумать или предположить самому, не то, что можно сформулировать по аналогии.

¹ См.: Баранов В. М., Лаврентьев А. Р., Лаврентьева Н. А. Институт координатора Ассоциации законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации федерального округа в системе публичного управления (на примере Приволжского федерального округа): содержательные и технико-юридические проблемы, перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 15–27.

Вторая: полагаем, что афоризм: «Если вы с пятого раза не понимаете, что читаете, значит, это написал юрист»¹ может иметь место. В этом еще один секрет юриспруденции, базирующийся на основах философии, — переход количественных изменений в качественные: **чем больше мы читаем юридические тексты, тем они становятся более понятными**, с каждым прочтением в обилии слов и символов словно подсвечиваются те слова, которые действительно имеют значение. И их, к слову, меньшинство, но облачены они в столь красивую и витиеватую форму, что с первого раза при отсутствии должной концентрации сопоставить начало и конец отдельной нормы становится затруднительным.

Третья: самый простой способ понять закон — **использовать язык схем**. Об этом свидетельствует работа «Правовая аналитика» доктора юридических наук, профессора Владимира Борисовича Исакова. Именно такой подход не раз помогал автору статьи понять тексты и нормы федеральных законов, которые без схемы кажутся затруднительными для осмысления и формирования общей правовой картины. Для нас как и специалистов в сфере уголовно-процессуальной науки индикатором степени подготовленности юриста может служить статья 401³ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Если юрист хотя бы за час сможет аргументированно объяснить содержание каждой ее части, это юрист с огромным потенциалом и задатками. Приведем одну из авторских схем, связанных с кассационным обжалованием:

В рамках кассационного производства обжалованию подлежит решение суда, вступившее в законную силу. По общему правилу проверяется только одно свойство приговора — законность. Если первой инстанцией был мировой суд, то здесь возможна либо сплошная кассация, либо выборочная. Но и в том и в другом случае кассационное обжалование состоится в кассационном суде общей юрисдикции.

Сплошная кассация эвентуально будет в том случае, если была подана апелляционная жалоба в вышестоящий, то есть в районный суд. В этом случае кассационная жалоба будет первоначально подана мировому судье, постановившему приговор, а затем передана в кассационный суд общей юрисдикции для последующего разрешения.

Выборочная кассация будет иметь место, если апелляционная жалоба на решение мирового судьи в районный суд не подавалась. Кассационная жалоба будет сразу подана в кассационный суд общей юрисдикции с приложением необходимых документов. Судья кассационной инстанции (далее — КИ) единолично изучит поступившую жалобу и в случае обнаружения нарушения свойства законности вынесет постановление о передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда КИ. Если уголовное дело не будет истребоваться из суда первой инстанции, то судебное заседание должно состояться в срок, не превышающий одного месяца со дня поступления кассационной жалобы в суд КИ.

¹ См.: Цитаты известных личностей. URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/635479-uill-rodzhers-esli-vy-s-piatogo-raza-ne-ponimaete-chto-chitaete-z/?ysclid=lubcezqzsd322757374> (дата обращения: 28.03.2024).

На приговор мирового судьи может быть подана одна сплошная кассационная жалоба либо одна выборочная. Возможна подача двух кассационных жалоб: первая (либо в порядке сплошной, либо выборочной кассации) — в кассационный суд общей юрисдикции, вторая (только в порядке выборочной кассации) — в коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. И, как видно из схемы, если первая инстанция — это суд субъекта, например Нижегородский областной суд, то итоговое рассмотрение кассационной жалобы будет происходить в коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в порядке либо сплошной, либо выборочной кассации.

Четвертая: еще одна тайна юриспруденции — **ничего не додумывать**. Так порой бывает, что человек читает начало слова, а дальше называет его целиком, не глядя. Такой подход — это плацдарм для юридических ошибок. Приведем пример: статья 343 УПК РФ посвящена процедуре голосования присяжных заседателей. В районных судах дело рассматривается профессиональными судьей и шестью присяжными, в суде субъекта — федеральным судьей общей юрисдикции и коллегией из восьми присяжных заседателей. Вердикт считается оправдательным, если половина присяжных проголосовала отрицательно хотя бы на одной из трех поставленных перед ними вопросов (ч. 3 ст. 343 УПК РФ). Согласно части 5 данной статьи, если голоса распределились поровну, то следует принять *наиболее благоприятный вариант*. Такой подход отражает социальную направленность и демократизм уголовного судопроизводства. Однако не всегда такой логики придерживается законодатель. При голосовании коллегии из 13 судей Президиума Верховного Суда Российской Федерации в рамках надзорного обжалования «при равном количестве голосов, поданных за пересмотр дела и против его пересмотра, надзорные жалоба, представление считаются отклоненными» (ч. 8 ст. 412¹⁰ УПК РФ).

Пятая тайна: знание корпоративного языка. «Юрист отличается от остальных тем, что пользуется словами, как математическими формулами»¹. Когда человек ежедневно работает с законодательством, устоявшиеся формулировки из нормативных актов обогащают его речь. Это и благо, и вред одновременно. Плюсы этого в том, что так сразу можно увидеть профессионального юриста. Минусы — он будет понят только своим узким кругом коллег. Юридическому языку нужно учиться так же, как русскому: читать, понимать и говорить на нем с использованием юридических формул и общепринятых правовых оборотов.

В обилии юридических норм легко запутаться. Как в мифе про Тесея и Минотавра, когда герой, победив чудовище, выбрался из пещеры с помощью клубка ниток, подаренного Ариадной, и спас других юношей и девушек, принесенных в жертву, так и в юриспруденции — умение видеть главное среди обилия юридических оборотов и формулировок позволяет не запутаться в нормах права.

Юриспруденция уникальна тем, что склад мышления юриста позволяет проникнуть в любую отрасль права, в мельчайшие проблемные вопросы и стать в этой сфере профессионалом. Судья сдает экзамен по всем отраслям права — именно такой формат подготовки и является образом идеального юриста. Так, например, квалификационный экзамен на должность судьи в 2024 году принимается ежемесячно (21 марта, 18 апреля, 23 мая)². На этом же сайте содержится примерный перечень вопросов для подготовки к теоретической части экзамена: по теории права, по конституционному праву, блок вопросов в области противодействия коррупции и соблюдения Кодекса судейской этики, по гражданскому, трудовому и другим отраслям права. В этой связи одна из самых объективных и всесторонних проверок на личный профессионализм — сдача экзамена на должность судьи. Так, например, согласно протоколу от 21 декабря 2023 года № 11, на экзамен пришло 9 кандидатов, из них: 1 отказался от ответа, 3 явившихся получили общую оценку «2», 5 кандидатов были оценены на «4»³.

К законам приходится обращаться многим гражданам в повседневной действительности. И именно юристу по профессии это сделать легче и проще всего. Но здесь возникает еще один нюанс. У каждого юриста есть близкое окружение. Все они обращаются к своему юристу-знакомому, который в силу специфики знаний всем помогает, скорее всего, безвозмездно. Как правило, никто

¹ См.: Юридические афоризмы. URL: <https://posinkom.pf/useful-information/juridicheskie-aforizmy/?ysclid=lubcqy64b0767222156> (дата обращения: 28.03.2024).

² См.: Экзаменационная комиссия Нижегородской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи. URL: <http://niz.vekrf.ru/> (дата обращения: 13.03.2024).

³ См.: Экзаменационная комиссия Нижегородской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи. URL: <http://niz.vekrf.ru/publication/5208/> (дата обращения: 13.03.2024).

не учитывает его ведущую отрасль права, по которой он трудится. В глазах общества юрист — это специалист во всех отраслях права одновременно. В этой связи можно сформулировать идею так: *вокруг юриста — его ближнее окружение под правовой защитой и опекой*. Как Земля вращается вокруг Солнца, так и все родственники — это юридические спутники по вопросам гражданских исков, купли-продажи, наследства, дарения и прочих повседневных моментов. Так что одна из главных задач подготовки грамотных юристов — помочь себе и своим близким по правовым вопросам.

Применительно к житейским будням можно рассмотреть составляющие счастливой жизни успешного мужчины: посадить дерево, построить дом, а также вырастить сына. Из этих судьбоносных событий возникает множество юридических правоотношений.

Сегодня рождение первого ребенка влечет за собой гарантированную законом правовую гарантию — получение материнского капитала. В 2024 году его сумма составляет почти 631 тыс. рублей¹. Если эти денежные средства вложить в улучшение жилищных условий, то возникает еще и обязанность выделить ребенку долю. Составляется соглашение о выделении долей в срок не позднее шести месяцев, если квартира была куплена с использованием материнского капитала и в ипотеку (этот срок исчисляется с момента снятия обременения с объекта недвижимости). Затем распределение долей регистрируется в Росреестре. Соглашение может составить сам гражданин по типовым шаблонам либо обратиться к нотариусу. Это один из ярких примеров того, как знание основ юриспруденции, а также математики может быть полезно с экономической точки зрения.

Кроме того, каждый гражданин имеет право на получение имущественного вычета при покупке жилья в размере 13 % от его стоимости, но не более 260 000 рублей. Для того, чтобы этим правом воспользоваться, в течение нескольких следующих лет следует заполнять и подавать декларацию 3-НДФЛ. Это яркие примеры того, как юриспруденция может помочь сэкономить при реализации гражданином своих имущественных прав. В принципе, для того, чтобы воспользоваться большинством правовых норм, не нужно быть юристом. Но, с другой стороны, именно уверенное использование, понимание содержания принципов каждой отрасли права влечет за собой необходимое понимание смысла и духа закона, которым интуитивно и интеллектуально необходимо руководствоваться при разрешении каждого правового вопроса.

Реализовать свое право на посадку дерева и тем самым на выполнение жизненного предназначения тоже надо правильно. Согласно пункту 2.4 постановления главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 10 июня 2010 года № 64 «Об утверждении СанПиН 2.1.2.2645-10»: «При озеленении придомовой территории жилых зданий необходимо учитывать, что расстояние от стен жилых домов до оси стволов деревьев с кроной диаметром до 5 м должно составлять не менее 5 м. Для деревьев большего размера расстояние должно быть более 5 м, для кустарников — 1,5 м. Высота кустарников не должна превышать нижнего края оконного проема помещений первого этажа». Нередки ситуации, когда посаженные деревья вырубает при ремонте труб, повреждают при очищении скверов и парков. В этой связи есть предложение: в каждом районе г. Нижнего Новгорода необходимо создать безопасную зону для мужчин, которые могут посадить туда деревья, и под ними точно ничего не будут чинить, они ничему не помешают, даже когда вырастут.

Уголовное судопроизводство — одна из самых строгих отраслей российского права. Согласно пирамиде потребностей Маслоу необходимость в ощущении собственной безопасности и защите занимает второе место после базовых физиологических потребностей. В этой связи уголовное судопроизводство направлено на защиту фундаментальных общечеловеческих ценностей, таких как жизнь, здоровье, неприкосновенность жилища и личной собственности, следовательно, обладает повышенной значимостью как для отдельного индивида, так и в масштабах всего государства в целом.

Уголовный процесс, помимо своей социальной направленности и уважения конституционных прав всех участников по уголовному делу, — очень красивая технология с возможностью перепроверки первоначальной гипотезы о виновности субъекта в многократном количестве. Первоначальное обвинение содержится в постановлении о возбуждении уголовного дела, после установления половины элементов предмета доказывания следователь вправе вынести постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, где будет содержаться более детальное и расширенное описание события преступления и его квалификация. На завершающем этапе стадии

¹ См.: Маткапитал-2024: как потратить ₽833 тыс. на улучшение жилищных условий. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5ffe9ba39a7947ba0505495a> (дата обращения: 11.03.2024).

предварительного расследования следователем будет составлено обвинительное заключение с обоснованием предъявленного обвинения совокупностью оправдательных и обвинительных доказательств. Затем прокурор должен утвердить обвинительное заключение, если уголовное дело расследовано с соблюдением процессуальных прав всех участников и требований УПК РФ, предъявляемых к производству следственных и иных процессуальных действий.

При разрешении уголовного дела по существу в суде первой инстанции судья устно и непосредственно исследует всю доказательственную базу по уголовному делу и вынесет правосудный приговор. Наличие апелляционной, кассационной и надзорной стадий свидетельствует о ревизионном начале уголовного процесса и позволяет проверить судебное решение нижестоящего суда более опытными судьями вышестоящих инстанций.

Таким образом, сама процедура признания лица причастным к совершению противоправного деяния носит длительный и аргументированный процессуальный характер. А такие процессуальные гарантии, как принцип презумпции невиновности, конструкция *favor defensionis*, принцип свободы оценки доказательств и состязательности сторон, являются индикаторами состязательного типа уголовного процесса и свидетельствуют о стремлении к достижению объективной истины при производстве по уголовному делу. Сама идея соразмерности наказания, системы мер пресечения, избрание которых зависит от личности обвиняемого и совершенного им противоправного деяния, палитра следственных действий для установления общего и специального предметов доказывания — это свидетельства вариативности, индивидуального подхода и ориентированности уголовного процесса на установление истины по делу.

Можно привести массу примеров практического применения уголовного судопроизводства. Самая яркая иллюстрация — это правовое противостояние профессионального адвоката и опытного следователя. Вторая партия процессуального противостояния разыгрывается в суде между государственным обвинителем, потерпевшим, судьей, адвокатом и подсудимым.

Что касается расценок на отдельные юридические услуги, то они более чем существенны. Так, на сайте адвоката по уголовным делам Андрея Валерьевича Зуева приведен примерный прайс с указанием минимальной стоимости: составление апелляционной жалобы на приговор от 25 000 рублей, составление ходатайства по уголовному делу от 7 000 рублей, стоимость выступления адвоката в суде первой инстанции зависит от предыдущего участия по делу и от категории преступления — от 50 000 рублей, если преступление небольшой тяжести и этот адвокат участвовал на стадии предварительного расследования, от 80 000 рублей — если адвокат вступает в процесс с момента судебного разбирательства¹. Если в таком русле смотреть на уголовное судопроизводство, то, помимо такой характеристики, как самая суровая отрасль права, можно добавить — еще и самая дорогая, потому как здесь решается правовая судьба человека, принимается ряд решений, ограничивающих конституционные права граждан.

Уголовный процесс является весьма многогранной конструкцией. Он дифференцируется в зависимости от того, какую функцию в нем выполняет участник. Если речь о следователе, то процессуальным ориентиром выступает установление объективной истины по делу, соблюдение процессуальных прав всех участников, защита потерпевшего и возмещение причиненного вреда ему. Если мы говорим об адвокате, то это выдвижение контраргументов в отношении обвинительных доказательств, собираемых следователем, это правозащитная деятельность по отстаиванию интересов своего подзащитного. Если анализировать деятельность судьи, то профессиональным кредо его деятельности можно считать независимость, беспристрастность, всесторонность, знание законодательства и его официального толкования. В этой связи можно сделать вывод о том, что уголовный процесс для каждого участника в зависимости от функциональной направленности — это совокупность совершенно разных норм, целей и ожиданий.

Юридическое образование неотделимо от юридического воспитания. Одна из задач по воспитанию грамотного юриста — это формирование такой совокупности идей, взглядов, суждений, мыслей и даже чувств, в которых выражается отношение к праву существующему, желаемому и к тем его вариациям, которые имели место в прошлом. По уровню правосознания необходимо ориентироваться именно на профессиональное (специализированное) либо даже еще на более высокую по глубине понимания и умениям правового обобщения ступень — на научное (теоретическое). Необходимо исключить такие ситуации, когда имеют место различные формы деформации

¹ См.: Зуев Андрей Валерьевич, уголовный адвокат. URL: <https://advokat-zuev.ru/gonorar/> (дата обращения: 29.03.2024).

правосознания ввиду личной переоценки знаний либо вольного трактования законов или их несоблюдения ввиду отрицания ценности права в целом. Правовой инфантилизм, нигилизм, дилетантизм и другие формы искажения правосознания недопустимы для настоящего юриста.

Надежный фундамент профессионального юриста составляет именно научный взгляд на правоотношения, на действующие правовые нормы, на обсуждаемые и выдвигаемые законопроекты.

Если готовим следователя, дознавателя, то необходимо более широко подойти к вопросам прохождения обучающимися практики. Она должна осуществляться не только на базе отдела полиции, но и в суде в качестве практиканта (общее между судьей и следователем в том, что каждый из них определяет норму уголовного закона, по которой следует квалифицировать совершенное общественно опасное деяние; для обучающегося будет не лишним понаблюдать за процессом избрания мер пресечения, четыре из которых избираются только с разрешения суда, за алгоритмом проведения судебного заседания в суде первой инстанции, за процессом рассмотрения ходатайства о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан и др.). Одна из практик должна иметь место на базе органов и учреждений прокуратуры. Это позволит увидеть, какие требования предъявляет прокурор в рамках прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью, дознанием и следствием, как происходит процедура утверждения обвинительного акта, заключения или постановления по уголовному делу, как заключается досудебное соглашение о сотрудничестве.

Полагаем, что межведомственное взаимодействие — это залог качественной подготовки юриста в рамках любой специализации.

Помимо совершенствования практических умений и навыков, необходимо работать над расширением кругозора юриста, его юридическим миропониманием. Чтобы показать многогранность уголовного процесса, гражданского права, конституционного права (и остальных отраслей) других стран, необходимо организовывать командировки в другие страны для правового обмена знаниями, прослушивания лекций, выступления с научными докладами.

Один из способов совершенствования подготовки современного юриста — это научный туризм. Это своего рода синтез путешествия и науки, возможность познакомиться с людьми, которые уже совершили открытия, побывать в лабораториях. Яркие примеры научного туризма — наблюдение за миграциями животных, участие в археологических раскопках, экспедиционный туризм в составе отряда научной организации, самостоятельный научный туризм.

Полагаем, что для осуществления юридического туризма нужно владеть базовыми европейскими языками, чтобы иметь возможность понять содержание национального права, общаться со своими коллегами, понимать суть диалога и быть понятым самим. Это еще одно требование к юристу современному — уметь читать и понимать иноязычные законы и научные труды своих коллег-юристов, уметь свободно общаться хотя бы на одном иностранном языке.

По общему правилу диплом юриста имеет ценность только на территории той страны, на которой он получен. Но и из этого правила есть исключения: это обучающиеся по научному обмену — студенты из стран, где имеет место как схожее, так и абсолютно различное законодательство, и считается даже более престижным получить высшее образование в другом государстве. Научно-юридический туризм — это первый шаг к тому, чтобы юриспруденция стала универсальной наукой без привязки к нормам отдельной страны.

В заключение сформулируем следующую идею — настоящий юрист дорожит каждой минутой и даже за это время может узнать для себя что-то новое. Но одновременно с этим следует помнить, что смена занятия — лучший отдых. Юриспруденция — это колоссальный интеллектуальный труд, после которого также требуется пауза. Юрист — это тот, кто живет полной жизнью, разносторонне развит, имеет определенный жизненный опыт, способен руководствоваться совестью, понятиями справедливости и истины. Только такая личность способна грамотно применить закон в любой жизненной ситуации.

Летелкин Николай Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Нижегородского филиала Санкт-Петербургской
академии Следственного комитета;

Пшеничнов Илья Михайлович,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса Нижегородского
филиала Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета

Ведомственная наука в ракурсе противодействия коррупционным и экономическим преступлениям

В контексте современной глобализированной экономики и геополитической обстановки на мировой арене коррупционные деяния и экономические правонарушения демонстрируют высокую степень угрозы как для внутренней, так и внешней безопасности. Эти деструктивные феномены не только взаимно усиливают друг друга, но и способствуют дальнейшему укреплению и распространению девиантного поведения. Такая ситуация ведет к возникновению прямого материального ущерба и косвенных потерь, а также к формированию в обществе отрицательных аспектов правосознания, включая правовой нигилизм, и к усилению недоверия к системе обеспечения конституционных прав и свобод личности. В результате этого происходит эрозия авторитета государственной власти и возникают барьеры для реализации общественных интересов как на национальном, так и на международном уровнях. В свете данных обстоятельств необходимо принятие адекватных мер противодействия, включая своевременное и решительное вмешательство, направленное не только на подавление уровня преступности до социально приемлемых норм, но и на культивирование в гражданском сознании отторжения коррупции как деструктивного и неприемлемого образа поведения.

Изложенные факты выступают фундаментом для выработки стратегических направлений в сфере национальной безопасности, акцентируя внимание на экономической ее составляющей. С этой целью были сформированы специализированные подразделения по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями, которые уже на протяжении целого столетия охраняют интересы нации, способствуя стабильности и прогрессивному развитию страны. В данном контексте необходимо подчеркнуть значимость образовательных и научных организаций в указанном процессе, так как на них возложены задачи по подготовке высококвалифицированных кадров для правоохранительных структур, разработке передовых методик противодействия преступлениям и поиску оптимальных путей реализации правоохранительной деятельности, что является ключевым элементом в борьбе с коррупцией.

Как отмечает А. Ю. Антонян, «фундаментальные исследования в сфере борьбы с преступностью направлены на познание принципиальных основ и глубинных явлений и процессов в социальной жизни, определяющих правопорядок в обществе и возможности его обеспечения, на те человеческие (личностные) факторы, которые на индивидуальном уровне порождают преступное поведение, наконец, на те методы, с помощью которых можно исследовать как общесоциальные, так и индивидуально-личностные особенности, приводящие, соответственно, к преступности и преступлению»¹. Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что исследовательская деятельность является основополагающим компонентом системы формирования профессионального кадрового потенциала, эффективного противодействия преступности и гарантирования национальной безопасности. Она играет важную роль в повышении качества и эффективности процесса обеспечения законности и правопорядка, способствуя развитию необходимых профессиональных и личностных качеств, таких как инициативность, коммуникативные навыки и критическое мышление, которые ценятся в сфере правоохранительной работы. Кроме того, научная работа способствует углублению и расширению существующих знаний, умений и навыков, что соответствует требованиям динамично развивающегося общества.

¹ Антонян Ю. М. Особенности научных исследований в сфере борьбы с преступностью // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 6.

Пренебрежение значимостью и возможностями науки в современных условиях представляется крайне нерациональным для любого субъекта общественных отношений. Ведь именно ее открытия и разработки способствуют сокращению дисбаланса между устоявшейся практикой применения законов и быстро меняющимися жизненными реалиями. Особенно это касается законотворчества, где новые социальные явления, тенденции и закономерности, требующие своевременного правового регулирования, часто выявляются именно благодаря научным исследованиям.

В свою очередь в гуманитарной доктрине существует мнение, что академическая наука, несмотря на все ее недостатки, предпочтительнее ведомственной¹. Обеспокоенность ученых по поводу качества отечественной научной работы в ведомственных структурах можно обобщить с помощью следующих ключевых тезисов:

- недостаточный уровень стремления к решению фундаментальных проблем в силу укореняющейся тенденции концентрироваться на узкоспециализированных вопросах;
- относительно низкий уровень гибкости и адаптивности формулируемых предложений, которые нередко оказываются краткосрочными и не учитывают долгосрочную перспективу;
- неприспособленность к административным требованиям, что приводит к подчиненности и ограничению академической свободы. Это сочетается с уменьшением возможностей для педагогического инновационного творчества из-за усиливающегося контроля и отчетности.

В то же время, наряду с этим, критика ведомственной науки в сравнении с академической часто касается и более «приземленных» аспектов:

- в академической среде целью создания научного знания является его быстрое и широкое распространение среди общественности. В контрасте с этим ведомственная наука характеризуется относительным стремлением ограничить доступ к результатам исследований;
- оценка значимости научной работы в ведомственных структурах часто ложится на плечи одного лица, обычно занимающего руководящую должность, что может привести к субъективизму;
- ведомственные исследования обычно являются коллективным усилием и при завершении проекта возникает вопрос о распределении авторства, что может вызвать конфликты интересов внутри коллектива;
- успех в академической науке в большей степени зависит от личных качеств исследователя, таких как инициативность, трудолюбие и решимость, в то время как в ведомственной науке большее значение приобретают терпение и навыки межличностного общения.

Точечная критика ведущих научных и образовательных учреждений, подведомственных федеральным органам исполнительной власти Российской Федерации, часто указывает на существенное снижение эффективности в подготовке высококвалифицированных специалистов. Это проявляется не только в уменьшении количества и качества диссертационных работ, но и в общем падении уровня готовности научно-педагогических сотрудников к решению сложных исследовательских задач. Кроме того, излишняя регламентация и искусственные требования к техническим аспектам, в том числе к оформлению результатов творческой деятельности, заставляют специалистов заниматься «вторичной работой», то есть переосмысливать уже известные концепции и идеи, переписывать и комментировать уже существующие открытия. Это приводит к тому, что результаты исследований часто оказываются поверхностными, с недостаточной проверкой и апробацией новых программ, методик и технологий, которые не достигают уровня даже частных теорий из-за отсутствия глубокой методологической разработки.

Несмотря на высказываемую критику, ведомственная наука обладает неоспоримыми преимуществами, которые вносят значительный вклад в развитие государства. Отраслевые ученые благодаря своей высокой мобильности и сочетанию практического опыта с научной работой способны создавать инновационные и востребованные продукты. Их достижения не только способствуют прогрессу внутри страны, но и получают признание на международном уровне, что подчеркивает их значимость для глобального научного сообщества: Г. А. Аванесов, В. М. Баранов, Р. С. Белкин, В. П. Божьев, Н. И. Ветров, Л. Д. Гаухман, А. П. Кузнецов, Г. М. Миньковский, Р. С. Мулукаев, Ю. И. Ляпунов, Ю. Ф. Подлипняк, А. П. Полежаев, М. П. Стурова и др. Ведомственная наука, таким образом, является ключевым элементом в системе научных исследований, обеспечивая разработку решений, направленных на удовлетворение конкретных отраслевых потребностей и укрепление национальной безопасности.

¹ См.: Ханин Г. И. Продолжение споров о судьбе российской науки // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2010. № 5 (431). С. 12.

Таким образом, основополагающей задачей государственной политики является формулирование масштабных задач перед ведомственной наукой и предоставление ресурсной поддержки для их решения. Несомненно, организуемая работа по научному обеспечению деятельности служб и подразделений силовых и правоохранительных органов придаст импульс к дальнейшему совершенствованию качества реализации возложенных на них профессиональных функций по обеспечению правопорядка и безопасности¹.

Малютина Оксана Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры гражданского права
и процесса Нижегородской академии МВД России

Роль научного инструментария в формировании правоприменительной практики

Язык вынес само содержание психики — значение — из психики вовне. В слове психика увидела саму себя; произошло отражение отражения.

Л. Б. Интельсон

Наука в нескольких словах — идеи, мысли, мнения, исследование, результат, полемика, внедрение, смысл, снова идеи. Эти несколько слов вмещают в себя длительный процесс поиска истины в самых разных отраслях российской науки. Научные теории, категории, определения понятий становятся предметом исследований. Им посвящены диссертационные исследования и отдельные научные публикации. Насколько это актуально на сегодняшний день? Нужны ли исследования или все уже написано и задача только научиться применять уже существующие нормы? Как объяснить сущностные категории науки и поставить их на службу правоприменителю? Полагаем, что один из способов, позволяющих ответить на заданные вопросы, — исследование языка, которым описываются явления. Без этого феномена и его инструментария невозможно взаимопонимание в профессиональном сообществе в частности и в обществе в целом. Отграничим сферу анализа в настоящем рассуждении — в центре внимания язык юридической науки.

Полагаем, что ряд исследователей не согласится с ролью языка ввиду развития технологического прогресса. И будут отчасти правы. Так, проблема фиксации доказательственной информации приобретает техногенный «уклон»: фотографии, электронный обмен данными, личный кабинет в системе судопроизводства, позволяющий реализовать обмен данными в режиме «здесь и сейчас» и т. д. Анализ плюсов и минусов такого развития событий не является целью настоящего исследования. Мы придерживаемся мнения, что сложившийся техногенный «уклон» в науке — это данность и порассуждаем лишь о том, какие средства сохраняют свою актуальность вне зависимости от развития технологий.

Язык науки — сфера, характеризующаяся многоаспектными, многомерными взаимоотношениями. Это обусловлено сложным переплетением собственно юридических, процессуально-правовых проблем со сложнейшими проблемами, изучаемыми в рамках системно-деятельностного подхода, теории отражения, современной теории информации, психофизиологии и других отраслей науки и техники², что уже было предметом анализа в предыдущих исследованиях. Отметим, язык науки в юриспруденции представляет собой «мостик» для перехода от научной сферы к практической, что сопряжено с письменным характером судопроизводства.

Исследование обстоятельств в юриспруденции предполагает их непосредственное и опосредованное изучение. Первое реализуется посредством прямого взаимодействия с объектом или субъектом (личное общение в рамках рассматриваемого дела, осмотр, допрос и т. д.). Второе предполагает исследование и ознакомление с обстоятельствами через процедуру их закрепления и предоставления доступа к ним через ознакомление с процессуальными документами. Объективно существующие обстоятельства (например, следы противоправной деятельности)

¹ Румянцев Н. В. Особенности научного обеспечения деятельности правоохранительных органов: правовые принципы, проблемы и способы их реализации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 165.

² См.: Малютина О. А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 13.

становятся доказательством только после их закрепления в соответствии с требованиями закона¹.

Речь идет о сложном процессе перехода от отражения, лежащего в основе всего процесса доказывания, к фиксации как составному элементу доказывания и процессуальным документам, выступающим основным техническим приемом вербальной формы фиксации и источником доказательств в судопроизводстве². Как отмечал в своем исследовании Н. Н. Лысов, «стремление зафиксировать последствия преступной деятельности логически направлено на обеспечение возможности дальнейшего исследования полученного материала, с тем чтобы иметь суждение о случившемся»³.

Как используется инструментарий науки, в качестве которого в первую очередь используется ее язык, на этапе фиксации? Рассматривая фиксацию доказательственной информации на практике, чаще всего мы имеем дело с конечным продуктом этой деятельности — процессуальными документами. Последние составляют на разных этапах судопроизводства, как гражданского, так и уголовного.

В уголовном судопроизводстве чаще всего в основу доказательной базы ложатся протоколы следственных действий, представляющие собой квинтэссенцию цепи последовательных событий: деяние — след — обнаружение следа — фиксация следа — интерпретация следа. Процедура фиксации в этом процессе занимает особое место, поскольку является выражением удостоверительного и коммуникативного характера всего процесса. Фиксация выступает способом сохранения и одновременно передачи информации, формой «отторжения» информации от субъекта — носителя. Конечный результат фиксации позволяет воссоздать в мысленной информационной модели прошедшее событие⁴.

Форма в процессуальном плане первична. Отсюда и распространенное среди процессуалистов представление о фиксации доказательств как об их оформлении в установленном законом порядке, то есть придании им законной формы⁵. Именно эти положения послужили основанием для формирования представления о фиксации как о простом «оформительстве».

Однако посмотрим на фиксацию с позиции ее информационной составляющей — речь идет о неоднократной перекодировке информационного сигнала, переносе его содержания на средство фиксации (например, запись в протокол осмотра, описание предмета экспертизы в экспертном заключении, описание недостатков товара в исковом заявлении и т. д.). Не следует забывать, что всякая передача информации неизбежно сопровождается ее потерей, при этом имеется в виду значение потери не всякой информации, а доказательственной⁶.

Именно здесь на первый план выходят языковые средства выражения, поскольку превращение потенциальной информации в актуальную неизбежно связано с языком.

Размышление о значении языка на этапе фиксации доказательств, обращение к роли языка с точки зрения философии и юрислингвистики приводят к выводу о том, что мыслительная деятельность также осуществляется в языковой среде. Представляется, что именно на этом этапе важно понимание используемых языковых средств: выбора наиболее точного, емкого понятия, отражающего суть описываемого явления.

Полагаем, что именно язык науки, представляющий собой вербальную форму выражения знания об отдельном явлении или событии, одновременно представляет собой и «мостик» в понимании друг друга различными субъектами⁷. Так, упоминая в речи «достигнутое соглашение», два человека подразумевают: договоренность устную, одностороннее обещание совершить действие или незавершенный переговорный процесс. Использование в аналогичной ситуации юридического понятия «договор» определяет не только применимые нормы права и их сферу, но и очерчивает

¹ См.: Малютина О. А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 14.

² См. там же. С. 13.

³ Лысов Н. Н. Фиксация доказательств в уголовном процессе. Ч. 1: Методологические проблемы: учебное пособие. Нижний Новгород, 1998. С. 24.

⁴ См. там же. С. 15.

⁵ См., например: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва, 1968. Т. 1. С. 302; Уголовный процесс. Москва, 1972. С. 161.

⁶ Малютина О. А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. С. 28.

⁷ См. там же. С. 67.

нормативные границы возникших правоотношений, позволяя квалифицировать вид договора, его содержание и ответственность сторон за неисполнение возложенных на них обязательств. Аналогичным примером служит использование часто встречающегося словосочетания «выдать (получить) расписку», которое с юридической точки зрения означает лишь факт передачи денежных средств одной стороной и не всегда равнозначно «заключению договора».

Иллюстрацией выбора языковых средств может служить отражение события преступления его непосредственным участником (подозреваемым) и выбора им языковых средств («"переварить" номера на машинах») и экспертом, проводившим впоследствии экспертное исследование («содержание маркировки двигателя «...» уничтожено путем удаления с рабочей поверхности маркировочной площадки блока цилиндров слоя металла со знаками маркировки порядкового номера двигателя»¹). Приведенный пример наглядно демонстрирует выбор разных языковых средств при описании одного и того же события разными субъектами.

Суть приведенных высказываний применительно к рассматриваемой ситуации заключается в следующем: информация, источником которой выступает объективная реальность, воздействует на сознание, оставляя в нем «идеальный след», но для последующего участия этой информации в процессе коммуникации и экстраполяции полученного знания необходимо выразить сформировавшиеся в сознании образы в виде знаков и знаковых систем, которые являются составляющими языка.

Именно язык является средством, с помощью которого осуществляется познание отражения и его интерпретация. В языковой форме происходит и фиксация познанного. И именно языковая форма обнаруживает множество проблем коммуникативного характера. Тем самым из всех форм, методов и средств фиксации четко выделяется вербализация, то есть отражение познанного языковыми средствами².

Как происходит выбор языковых средств — зависит от огромного количества факторов. При чем тут наука, скажете вы? Ответим цитатой: «совершенная языковая форма процессуальных актов является одним из средств, обеспечивающих воспитательное воздействие норм права». И одновременно подчеркнем, что «едва ли возможно назвать какую-нибудь иную область общественной деятельности, где неверно или неуместно употребленное слово, ошибочно построенная фраза, разрыв между мыслью и ее текстуальным выражением влекут за собой такие серьезные, а иногда и тяжелые последствия, как в области процессуальной деятельности»³.

В своей работе В. И. Попов высказывал мнение, что «при составлении протокола необходимо стремиться к тому, чтобы читающий его мог совершенно отчетливо себе представлять все, что было на месте происшествия. Это означает, что документ надо писать в точных, понятных, ясных выражениях, не допускающих двусмысленного толкования»⁴.

Отметим, что от того, насколько точно и грамотно будут подобраны и использованы языковые средства, насколько логично изложена процессуально значимая информация в каждом документе, зависит то, насколько эффективными и согласованными будут дальнейшие действия участников судопроизводства.

Безусловно, мы не сможем в контексте юридической науки вменить в обязанность любому участнику судопроизводства (гражданского, административного или уголовного) использование профессиональной терминологии юриста. Это не имеет смысла для общества в целом и не предполагает всеобщего юридического образования. Вместе с тем полагаем, что использование языковых средств науки позволит именно профессиональному сообществу однозначно трактовать события объективной действительности, что повлияет на качество принимаемых решений.

Еще одним немаловажным аспектом использования языка науки в большем объеме (в том числе в процессуальных документах) является тот факт, что под научной терминологией, как правило, скрыт огромный пласт переработанного практического опыта, трансформированного

¹ Цит. по материалам уголовного дела № 401977 Республики Татарстан. Приговор по данному уголовному делу вступил в законную силу. Приведенная цитата содержится и в данном документе, где приводятся показания свидетелей.

² См.: Малютина О. А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009.

³ См.: Губаева Т. В. Грамматико-стилистические особенности процессуальных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1984. С. 15.

⁴ См.: Попов В. И. Осмотр места происшествия. Москва, 1959. С. 195.

в исследования, изменения нормативного материала, рекомендации, экспертные мнения. Весь этот массив не раскроется при неиспользовании научной терминологии. Безусловно, в исковом заявлении о защите права собственности на спорную вещь не будет фигурировать упоминание о «секвестре», например, что не меняет сути требований. И самокат не меняет своей сути, если применить к нему термин «средства индивидуальной мобильности». Однако коль скоро требования к лицам, представляющим интересы сторон, повышаются, полагаем уместным использование терминологии науки как инструмента для защиты прав и охраняемых законом интересов, что позволит сохранить в том числе и традиции науки. Отвечая на поставленный в заглавии рассуждения вопрос, выскажем предположение, что единственно верный инструмент науки — ее язык. Утверждение не бесспорное, что позволяет продолжить дискуссию и совместно выработать направления совершенствования коммуникативных аспектов научного знания.

Метшин Ильсур Раисович,

кандидат юридических наук,

глава муниципального образования города Казани

Исследование вопросов государственного единства в современной российской историко-правовой науке

Укрепление государственного единства в условиях современных глобальных политических трансформаций представляется не только актуальной, но и достаточно сложной задачей, решать которую необходимо с учетом исторического опыта и сложившихся государственно-правовых традиций. Государственное единство — комплексное, многофакторное явление, включающее в себя политические, экономические, правовые, духовно-нравственные аспекты. В связи с востребованностью соответствующей проблематики в условиях системных кризисов цивилизационного развития на нее обращают внимание как практики политической деятельности, так и ученые, работающие в сфере государственно-правовой парадигмы¹.

Вопросы государственного единства составляют предмет юридической науки, прежде всего, теории и истории государства и права, а также конституционного права. Представляется возможным в качестве отдельного направления выделить историко-правовые исследования, в которых акцентировано внимание на изучении богатого опыта, накопленного российским государством на разных этапах развития. Этот опыт связан с укреплением власти как в центре, так и на местах, преодолением сепаратизма, решением национального вопроса, формированием единого правового пространства.

Существующие в современной российской юриспруденции доктринальные подходы к вопросам государственного единства в их исторической ретроспективе представлены в основном в рамках двух направлений.

Первое направление акцентирует внимание на идеях и концепциях государственного единства, разрабатывавшихся в отечественной политико-правовой мысли. Наиболее развернуто данное направление представлено в работах Ф. С. Сосенкова, который проанализировал взгляды на проблемные вопросы государственного единства целого ряда выдающихся деятелей: Д. И. Менделеева, С. С. Уварова, И. Л. Солоневича, Б. Н. Чичерина, Ю. Ф. Самарина, П. А. Столыпина, Владимира Мономаха и др.² Можно согласиться с ученым в том, что на разных этапах существования отечественной государственности вопросы государственного единства неизбежно сохраняли свою высокую значимость, но воззрения на сущность данного явления и пути его укрепления эволюционировали вместе с обществом и его политико-правовой системой. Кроме того, в историческом аспекте вопросы государственного единства, как правило, связывались с сильной единоличной властью правителя. В период феодальной раздробленности потребность в государственном единстве ощущалась настолько остро, что нашла отражение даже в лучших образцах художественной литературы, таких как «Слово о полку Игореве»³. Политико-правовые концепции более позднего

¹ См.: Хабриева Т. Я. Российская конституция и эволюция федеративных отношений // Государство и право. 2022. № 2. С. 66–76.

² См.: Сосенков Ф. С. Вопросы единства России в политико-правовых воззрениях Д. И. Менделеева // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сборник материалов. Уфа, 2017.

³ См.: Сосенков Ф. С. Идеи государственного единства в древнерусской политико-правовой мысли (XI — середина XIII в.) // Государство и право. 2017. № 10. С. 97–104.

времени связывали вопросы государственного единства с противодействием сепаратизму, затем с осмыслением особенностей федеративного государственного устройства. В начале XX века эта проблематика получила отражение в программах политических партий, представлявших различные направления широкого политического спектра. В работах, посвященных данному вопросу, подчеркивается, в частности, что партия кадетов выступала против возможного расчленения Российской империи, предполагала признать автономию в составе единого государства только для Польши и Финляндии¹.

В послереволюционный период получило актуальность исследование выраженного противоречия между правом наций на самоопределение и укреплением единого советского государства. Вопросы противодействия сепаратизму также не потеряли свою остроту, но проблемы, связанные с межнациональными конфликтами, нередко замалчивались, скрывались от широкой общественности, решались с помощью методов, характерных для спецслужб, без вынесения на суд широкой общественности.

В контексте рассматриваемых вопросов представляют несомненный интерес работы Н. И. Краснякова, который исследовал проблемы государственного единства Российской империи сквозь призму управления национальными и окраинными территориями. Логика этих исследований состоит в том, что окраины, присоединенные в разное время к Российской империи, выступали потенциальным источником сепаратизма. Нередко там существовали национальные движения, представлявшие определенную угрозу государственной целостности. Противодействие таким угрозам, напротив, способствовало укреплению государственного единства, а потому одной из первоочередных по значимости задач стало включение присоединяемых территорий в общее управленческое и правовое пространство страны. Организация эффективного управления, полностью подчиненного центральной власти, становилась важным фактором государственного единства Российской империи. В связи с этим в работах Н. И. Краснякова выявлены особенности организации регионального управления в период империи, проанализирован процесс инкорпорирования национальных управленческих структур в систему власти Российской империи². Ученый уделил достаточно много особенностям управления в Сибири, Средней Азии, Бессарабии и в некоторых других регионах³.

Стоит отметить, что региональное управление и вопросы включения территорий с различным населением в состав Российской империи исследовали и другие авторы, в том числе имеются интересные и значимые в научном отношении работы по системе управления Польшей и Финляндией, которые также входили в состав Российской империи⁴. Проводились исследования и применительно к степным и кочевым народам, также включавшимся в орбиту российской государственности⁵. Осуществлялся историко-правовой анализ государственной национальной политики, также направленной на сохранение государственного единства Российской империи⁶.

Несмотря на всю значимость научно-практических проблем, обозначенных выше применительно к исследованиям отечественных ученых, представляется, что вопросы государственного единства стоит рассматривать несколько шире.

Во-первых, сепаратизм, националистические и иные деструктивные движения, угрожающие государственному единству, могут существовать не только на окраинных территориях, но и в тех регионах страны, которые географически близки к ее центру. В этом отношении крестьянские восстания, происходившие в центральной России, в не меньшей степени угрожали единству страны и даже ее существованию, чем националистические проявления на окраинах империи, поэтому большое значение имел общий курс проводимой внутренней политики.

¹ См.: Степанов С. А. Кадеты (конституционно-демократическая партия) // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 78.

² См.: Красняков Н. И. Инкорпорирование управленческих структур национальных регионов в систему управления Российской империи // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 1.

³ См.: Красняков Н. И. Интеграция среднеазиатских территорий в систему национально-регионального управления Российской империи (XIX век) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 1.

⁴ См.: Андреянова Н. Н., Ващенко А. В., Звонарев А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи. Москва, 2015.

⁵ См.: Андреянова Н. Н. Особенности порядка управления калмыками в составе Российской империи (1825–1843) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2011. № 2.

⁶ См.: Пашенцев Д. А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. 2021. № 12-5. С. 229–236.

Во-вторых, вопросы государственного единства неразрывно связаны с отношением населения к государственной власти, которое определяется в первую очередь степенью решаемости социально-экономических проблем, благополучием населения, поэтому не меньшее значение для государственного единства, чем выстраивание эффективной системы управления окраинами, имеют вопросы развития образования и здравоохранения, местной промышленности и торговли. В этом отношении в период Российской империи обращает на себя внимание Земская реформа 1864 года, которая представляет собой попытку организации унифицированной системы общественного управления на части территории страны, за исключением Сибири и национальных окраин.

В-третьих, вопросы государственного единства имеют выраженную идеологическую составляющую, они зависят от духовной близости власти и народа, а также легитимации существующего правления. В период Российской империи одной из попыток усилить идеологическое содержание внутренней политики стало внедрение известной формулы «Православие — Самодержавие — Народность», которая, по всей видимости, не нашла глубокого отражения в коллективном правосознании населения страны. Большое идеологическое значение придавалось и православию как официально господствовавшей религии. В результате Петровских реформ церковь была включена в систему государственного аппарата, но в условиях полирелигиозного состава населения страны православие не могло успешно выполнять интегрирующую функцию, поэтому легитимация власти осуществлялась посредством набора определенных государственных символов. Присутствовала в этом вопросе и некоторая мифологическая составляющая.

В-четвертых, важное значение для государственного единства страны имеет формирование общего правового пространства. В этом случае право выступает как связующее звено между регионами. Таким образом, при переезде из одной местности в другую субъект остается в рамках единого правового поля. Важнейшее значение для установления единого режима законности в Российской империи имела унификация судостроительства и судопроизводства, создание эффективной системы правосудия. В связи с этим можно констатировать, что Судебная реформа 1864 года, которая создала в России новый бессословный суд с состязательным процессом, присяжными заседателями и адвокатурой, стала важным для своего времени фактором укрепления государственного единства.

При анализе указанных вопросов можно получить более полную картину того, какие механизмы использовались государственной властью в Российской империи для обеспечения и укрепления государственного единства, выяснить причины их недостаточной эффективности, о которой свидетельствуют революционные события 1917 года.

В то же время понимание факторов и закономерностей обеспечения государственного единства в период империи не стоит в полной мере экстраполировать на другие исторические периоды. Многие факторы, сыгравшие важную роль, имеют лишь конкретно-историческое значение. Они работают в определенном социально-политическом и духовно-идеологическом контексте, поэтому соблюдение принципа историзма представляется важным для выявления действительно устойчивых закономерностей, приобретающих вневременной характер, распространенный на иные периоды государственно-правового развития. В этом отношении перед современной юридической наукой стоят новые задачи, решение которых может обогатить не только правовую теорию, но и практику государственного строительства.

Мещерякова Анна Федоровна,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры правосудия
Пензенского государственного университета

Роль юридической науки в формировании концепции религиозной безопасности

В последнее время вопросы безопасности Российской Федерации выходят на первый план, что объясняется сложной геополитической обстановкой в мире. Для подрыва основ российской государственности, причинения вреда жизни и здоровью граждан, их правам и свободам представителями недружественных стран используются бесчеловечные и весьма изощренные способы, включая эксплуатацию религиозных чувств людей. Например, в преддверии празднования православного праздника Светлого Христова Воскресенья правоохранительными органами были

пресечены попытки ввоза на территорию России икон, которые использовались злоумышленниками в качестве своеобразных тайников для перевозки взрывчатых веществ¹.

Все это диктует необходимость уделять самое пристальное внимание вопросам религиозной безопасности как со стороны государства и общества, так и в научном контексте.

Для того, чтобы определить роль юридической науки в формировании концепции религиозной безопасности, следует изначально дать характеристику рассматриваемым категориям. Среди теоретиков можно встретить различные точки зрения на определение юридической науки, поскольку каждый из них выделяет в ней свои особенности и наиболее важные элементы. В самом общем виде юридическая наука рассматривается в качестве комплекса знаний о закономерностях появления, эволюции и функционирования права, государственно-правовых явлений, правового регулирования общественных отношений. Развитие этой научной отрасли тесно сопрягается с появлением и эволюцией права².

Как указывает Е. О. Мадаев, в качестве высшего проявления юридической науки, выходящего за границу обычных научных теорий, перетекающего в область практической деятельности, выступает правовая доктрина³. Последняя является весьма обособленной, многоаспектной составной частью правовой системы, которая представляет собой авторитетные, научно обоснованные взгляды и теории, касающиеся иных компонентов правовой системы и юридической деятельности, обладающие регулятивными способностями и научно-прикладным характером.

Доктрина оказывает влияние на законотворческую и правореализационную деятельность, выступая в том числе как правовой источник. Таким образом, главными ее признаками следует рассматривать: авторитетность, практический и научно-прикладной характер, регулятивный потенциал и научную обоснованность. Среди второстепенных признаков следует выделить: масштабность, формальную определенность, прогностичность, декларативность и др.

На современном этапе развития отечественной правовой системы регулятивные возможности доктрины осуществляются главным образом по четырем направлениям:

- посредством принятия актов стратегического характера, таких как «концепция», «доктрина», «стратегия»;
- посредством внедрения декларативных норм, а также норм-принципов, обладающих доктринальным происхождением, в действующее законодательство;
- посредством официальных актов толкования права, главным образом актов высших судебных органов;
- в процессе урегулирования правовых коллизий, устранения законодательных пробелов, применения права судейского усмотрения.

Категория «религиозная безопасность» в настоящее время не применяется в законодательстве, однако многие авторы придерживаются мнения, что она является видом национальной безопасности⁴, дефиниция которой получила закрепление в соответствующем Указе Президента Российской Федерации⁵. Мы разделяем данную точку зрения, поскольку «национальная безопасность» — категория довольно объемная, и со всей очевидностью она охватывает и безопасность в религиозной сфере.

Необходимо отметить, что системы ряда разновидностей национальной безопасности, например, экономической, информационной и т. д., закреплены сегодня в актах стратегического планирования, в связи с чем обладают четкой структурой⁶.

¹ Иерей заявил, что пытавшиеся ввезти в Россию взрывчатку в иконах воюют против Бога. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20421267?ysclid=lutj7tze2a42900314> (дата обращения: 08.04.2024).

² Васильев А. А., Землюков С. В. Развитие юридической науки в России в XIX в. // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. № 1 (5). С. 10.

³ Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 13.

⁴ Исаева А. А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 16.

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

⁶ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902; Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

Однако система религиозной безопасности до настоящего момента не получала достаточной проработки, несмотря на то, что данный термин все чаще стал использоваться в юридическом обороте. В последнее десятилетие были проведены фундаментальные научные исследования, которые положили начало разработке и обоснованию концепции религиозной безопасности. В их числе следует отметить докторскую диссертацию И. А. Тарасевич, выполненную на тему «Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации»¹, диссертационные исследования С. В. Козлова «Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности»² и Ю. В. Сластиной «Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности»³.

Полагаем, что, поскольку религиозная сфера играет довольно заметную роль в общественной жизни, перед законодателем сегодня также стоит важная задача по выработке системы религиозной безопасности. В условиях религиозного разнообразия и усложнения религиозных отношений в стране в последние несколько десятков лет, а равно преобладания разных типов правопонимания в указанной сфере одним из возможных способов упорядочивания отношения государства и религий является формирование концепции (доктрины) религиозной безопасности Российской Федерации, в рамках которой были бы предусмотрены универсальные стандарты в этой сфере жизнедеятельности.

Юридические концепции, помимо правоприменителей и интерпретаторов права, способны воздействовать и на законотворчество. К подобным актам обращаются законодатели при разработке и рассмотрении законопроектов и иных нормативных документов. Непосредственное воздействие концепций и доктрин на законотворчество проявляется при наличии пробелов в законодательстве, а равно в случаях, если при рассмотрении споров судебные органы оказываются в ситуации, когда явившиеся предметом разбирательства отношения регулируются противоречивыми нормами (либо вовсе не регламентируются)⁴.

Как указывается в юридической литературе, правовая концепция обладает практической направленностью в связи с тем, что она не просто предполагает теоретический подход к проблемному вопросу, но и обладает действительной способностью прямым образом оказывать воздействие на государственную политику и законотворчество посредством «официально признанных концептуальных актов»⁵. В частности, этой точки зрения придерживается С. В. Бошно, которая акцентирует внимание на том обстоятельстве, что одно время категории «концепция» и «доктрина» воспринимались в контексте юридической науки и неофициальных источников. Современное законотворчество использует их в целях наименования нормативных документов публичной власти, политического творчества⁶.

Концептуальный подход в вопросах совершенствования законодательства в сфере религиозной безопасности приобретает особую значимость, если учесть, что на разных уровнях власти принимается множество нормативных актов, включая законы и подзаконные акты, которые содержат лишь отдельные положения, посвященные данному вопросу. Иными словами, при изучении проблематики нормативно-правового закрепления проблем религиозной безопасности следует обращаться к большому количеству правовых источников, что существенно затрудняет поиск и анализ соответствующих норм и уяснение их содержания.

Исходя из социальной важности и выполняемых функций, концепция религиозной безопасности немногим уступает конституционной доктрине России. Религиозная сфера общества во все времена имела огромное значение, поскольку определяла жизнедеятельность народов. Сегодня свобода вероисповедания и совести — один из основных принципов, провозглашенных Конституцией Российской Федерации⁷.

¹ Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015. 376 с.

² Козлов С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 138 с.

³ Сластилина Ю. В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2006. 215 с.

⁴ Марченко М. Л. Вторичные источники романо-германского права: прецедент, доктрина // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 4. С. 62.

⁵ Зозуля А. А. Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. С. 34.

⁶ Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 70.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).

Между тем конституционные положения нередко характеризуются значительной декларативностью и абстрактностью.

Следует указать, что для теории конституционного права и сегодня актуальны дискуссии по поводу понимания конституционных положений, посредством которых регламентированы основные принципы функционирования религиозных объединений, свободы совести и др. Непосредственно концепция религиозной безопасности должна обозначить вектор понимания указанных положений, помимо теоретического наполнения норм Основного Закона Российской Федерации, обеспечивая ясность нормативного содержания данных принципов.

Важность юридической концепции религиозной безопасности нельзя недооценивать. Более того, со временем ее значение будет только возрастать.

Концепция религиозной безопасности, по мнению И. А. Тарасевича, представляет собой «комплекс подходов к цели, системе, принципам, а равно юридическому механизму обеспечения религиозной безопасности»¹. С ее помощью надлежит обеспечить общий подход к регламентации вопросов государственно-религиозных отношений в условиях религиозного, политического и идеологического плюрализма.

Несомненно, что одной из целей, указанных в концепции, должно служить совершенствование понятийного аппарата, применяемого в сфере религиозных отношений. В исследованиях последних лет не наблюдается единства подходов к таким категориям, как «религиозная сфера», «религиозная безопасность», «угроза религиозной безопасности», «государственно-конфессиональные отношения» и т. п., что усложняет понимание и создает путаницу в толковании этих терминов, а значит, порождает научные дискуссии. Закрепление их в рамках концепции предотвратит подобные споры и позволит сосредоточить внимание представителей юридической науки на более важных вопросах, в том числе связанных с ликвидацией угроз религиозной безопасности².

В отношении угроз необходимо отметить, что они весьма динамичны, не имеют постоянного характера и обуславливаются многими факторами. В связи с этим в юридической концепции религиозной безопасности целесообразно предусмотреть их подробную классификацию. Также в качестве одной из важнейших задач государственных органов необходимо обозначить непрерывный мониторинг таких угроз, а также по возможности прогнозирование их дальнейшей эволюции.

В юридической науке предпринимаются попытки провести классификацию угроз религиозной безопасности России, по мнению И. А. Тарасевича, главными из них являются: религиозный экстремизм, способный оказать разрушающее воздействие на каждого человека, а также на все государство; утрата религиозных особенностей отдельных народов; прозелитизм, посредством которого происходит неправомерная вербовка новых участников религиозных организаций; криминальные деяния, совершаемые на религиозной почве; функционирование деструктивных религиозных организаций; внешнеполитические решения, принимаемые Российской Федерацией без должного внимания к религиозному фактору³.

На наш взгляд, в концепции религиозной безопасности нашей страны целесообразно предусмотреть наделение ряда религиозных организаций специальным правовым статусом «традиционных организаций». На нынешнем историческом этапе это видится важным элементом в обеспечении религиозной (в частности), а также национальной (в целом) безопасности нашей страны. Исключительно подобная модель государственно-религиозных отношений в настоящее время способна наиболее эффективно предотвратить многие угрозы религиозной безопасности.

Полагаем, что увеличение правосубъектности соответствующих религиозных объединений, в первую очередь Русской православной церкви Московского патриархата (далее — РПЦ МП), не идет вразрез, а согласуется с основными конституционными идеями. Преамбула Основного Закона Российской Федерации гласит, что российский народ чтит память предков. Между тем такое почитание невозможно без особого отношения к конфессии, которая дала начало для развития Российского государства. Соответственно, придание РПЦ МП правового статуса «традиционной» будет соответствовать отечественной науке конституционного права.

То же самое касается религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России и обозначенных в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных

¹ Тарасевич И. А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2014. С. 263.

² Там же. С. 263.

³ Там же. С. 78.

объединениях»¹, а именно: христианство, ислам, буддизм, иудаизм. Особенно если принять во внимание, что, например, ислам и буддизм являются традиционно распространенными и культурообразующими религиями на территориях отдельно взятых субъектов Российской Федерации, таких как Республика Татарстан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Калмыкия, Республика Алтай и Забайкальский край и др.

Некоторые исследователи отмечают, что традиционные религиозные сообщества, оказавшие прямое непосредственное влияние на становление нашего социума, служат в качестве проводников основополагающих нравственных и идеологических принципов, а последние, в свою очередь, отрицают возможность любого экстремистского проявления и, соответственно, способны стать основополагающим фактором обеспечения религиозной безопасности нашей страны. В обстоятельствах некоторого юридического вакуума последние несколько десятков лет традиционные для нашей страны религиозные объединения предпринимают попытки для возрождения своей деятельности².

Полагаем, что охрана традиционных ценностей невозможна без охраны ценностей традиционных для России религий. Этот факт также подчеркивается в актуальном на сегодняшний момент документе в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³. В нем также подчеркнуто, что существенную угрозу безопасности сегодня представляет религиозный экстремизм.

Несомненно, что идея разграничения религиозных объединений должна лежать в фундаменте юридической концепции религиозной безопасности нашей страны. Данный документ стратегического характера должен явиться ядром обеспечения безопасности Российской Федерации в религиозной сфере. Полагаем, что лишь в случае разработки и принятия такого акта появится возможность совершенствования современных государственно-религиозных отношений. В то же время область действия концепции религиозной безопасности не ограничится исключительно Российской Федерацией. Данный документ вполне может стать руководством к внешнеполитическим действиям, а соответственно, обеспечить международную стабильность.

В заключение можно сделать вывод, что в формировании концепции религиозной безопасности юридическая наука играет первостепенную роль, поскольку без нее, без доктринальных исследований невозможна разработка никаких стратегических актов.

Михайлов Анатолий Евгеньевич,
 кандидат юридических наук, доцент,
 доцент кафедры государственных и административно-
 правовых дисциплин Северо-Кавказской
 государственной академии,
 доцент кафедры теории государства и права
 Саратовской государственной юридической академии

Историко-правовой анализ развития судебной власти в российской юридической науке

Правосудие следует рассматривать как воздание каждому своего.
М. Т. Цицерон

Теоретические основы судебной власти в России имеют важное значение в рамках ее конституционного устройства. Закрепленная в Конституции 1993 года, эта система характеризуется

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39, ст. 4465.

² Цыбулевская О. И. Нравственный аспект ограничения прав человека // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 351.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁴ См.: Афоризмы о законах и правосудии. URL: <https://pravorub.ru/groups/2951381520300/8956.html> (дата обращения: 02.06.2024).

разделением государственной власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из ветвей власти выполняет свои функции, несет ответственность и наделяется полномочиями, отвечающими конкретным потребностям общества.

В частности, судебная власть играет важнейшую роль в защите интересов государства и благополучия его граждан. Функционируя как многогранная структура, судебная власть играет ключевую роль в обеспечении верховенства закона во всех сферах деятельности. Кроме того, она обеспечивает свободу экономической деятельности, создавая благоприятные условия для законной практики. Тем самым она выступает в качестве защиты от произвола как частных лиц, так и государства, его институтов и должностных лиц. Отсутствие сильной судебной системы подрывает авторитет государства как правового субъекта.

В рамках государственного управления автономия и сила судебной власти имеют первостепенное значение. Она должна обладать необходимой профессиональной квалификацией, продуманной организационной структурой и уважаемым статусом. Соблюдая установленные процедуры, судебная власть поддерживает принципы правосудия и верховенства закона. Автономность, которой она обладает во взаимодействии с другими ветвями власти, обеспечивает эффективность ее деятельности по утверждению в обществе идеалов честности и справедливости. При этом основная роль судебной власти заключается в ее целях обеспечения действительности прав и свобод граждан. Опираясь на эти основы, достигается комплексное понимание судебной власти.

В целом судебная власть имеет долгую историю становления как независимого правового института. Сегодня наука точно не знает, когда появился первый суд. Анализируя историческое развитие России, можно усмотреть становление института правосудия как неотъемлемой части государственной власти. Этот процесс начал развиваться еще в Древней Руси, где судьи выполняли функцию разбирательства юридических вопросов¹.

Факты истории говорят о том, что с начала формирования общества человечество само урегулировало все свои распри. Но в ходе формирования сообщества трудности стали основательнее и способы их разрешения стали более сложными. Вследствие развития процесса разрешения споров появилась потребность привлечения третьих, независимых персон с целью свершения беспристрастной правды. Первоначально это были одноплеменники, далее — особенно дорогие в конкретном обществе личности, а позже — правители. Немаловажно выделить то, что этот процесс длился немалый период до того, как возникли первоначальные простые формы тяжёбных организаций.

Судебная власть в России уходит своими корнями в глубокую древность, в исторические предания о правосудии и разрешении споров у славянских каст в восточноевропейских областях. Одно из самых ранних упоминаний о «суде» встречается в Уставе князя Владимира Святославича XI века², что свидетельствует о первых шагах по накоплению законодательного материала на Руси. Со временем эти законодательные материалы превратились в сборники законов, кульминацией которых стало создание «Русской правды» — всеобъемлющего сборника законов, регулирующих гражданские обязательства и деликты³. Как отмечает Ю. П. Титов, «Русская правда» сыграла значительную роль в формировании древнерусской судебной системы⁴.

В этот период по господствующей судебной-административной концепции верховная власть принадлежала правителю, который выступал одновременно в роли законодателя и судьи. Правитель имел право лично отправлять правосудие или делегировать эту обязанность назначенным лицам.

Должности судей, как правило, занимали бояре, тиуны (землевладельцы), огнищане (местные чиновники) и другие лица, интегрированные в княжескую структуру власти.

В рамках правового поля Древней Руси существовал понятный и беспристрастный судебный процесс. Этот процесс, известный как судебное разбирательство, состоял из трех отдельных стадий: начального крика, переходного набора и заключительной погони. Каждая стадия способствовала структурированному и объективному подходу к разрешению споров, обеспечивая справедливость и соблюдение закона.

¹ См.: Гереев З. Г. К вопросу об истории развития правосудия в Древней Руси // Инновационная наука. 2016. № 5-2 (17). С. 202–205.

² См.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV веков / Я. Н. Щапов. Москва: Наука, 1976. С. 104.

³ См. там же. С. 241.

⁴ См.: История государства и права России: учебник / В. М. Клеандрова, А. А. Сенцов, О. В. Сиваков, Н. Ю. Титов и др.; отв. ред. Ю. П. Титов. Москва: Былина, 1996. С. 39.

Эти исторические основы дают ценное представление об эволюции судебной власти в России, подчеркивают значение ранних правовых систем и их влияние на развитие судебной системы страны. Например, в основе движения подавалась претензия, известная как поклеп¹. Тяжебное рассмотрение содержало в себе обследование абсолютно всех подтверждений и формирование бумаг.

Со временем, согласно продвижению разбирательства, доказательства позволили судьям наиболее конкретно установить правду сторон. И ниспровергнуть ошибочные сведения, свершить заключение в пользу осуждаемого либо пострадавшего в согласовании со всеми законодательствами.

Далее. Что касается судебной власти в России, то ее исторические корни можно проследить также и по влиянию княжеских грамот². По мере того как политические и экономические силы формировали ландшафт, Русское государство постепенно осознавало необходимость централизации. Еще до правления Ивана III (1440–1505 гг.)³ создание судебной системы, способной осуществлять единое государственное право, стало важнейшей задачей. Кульминацией этого стремления стала разработка Судебника 1497 года⁴, представлявшего собой всеобъемлющий сборник общерусского законодательства. Судебник заложил структурные основы судебной системы и управления государством, одновременно утвердив верховенство государственной власти над местными административными и судебными органами. Кроме того, он служил законодательным инструментом противодействия феодальному произволу и оспаривания традиционных норм, связанных с господствующим общественно-политическим строем.

Тем не менее необходимо признать, что Судебник в первую очередь отвечал интересам господствующего класса, обеспечивая эксплуатацию крестьянства⁵. Судебные процедуры, прописанные в Судебнике, были заведомо направлены на благо привилегированной элиты. Постепенная эволюция судебной власти в России показывает историческую последовательность, характеризующуюся влиянием княжеских грамот, императивом централизации и реализацией законодательных мер.

Понимание этих исторических основ, с опорой на научные труды авторитетных специалистов О. Е. Кутафина, В. М. Лебедева, Г. Ю. Семигина и др.⁶ необходимо для осмысления современной структуры и функционирования судебной власти в Российской Федерации. Глубокий анализ судебной власти в Российской Федерации позволяет выявить исторический контекст, в котором судебное управление на местах осуществлялось в основном губернаторами и волостными старшинами, непосредственно подчинявшимися населению. В этот период заметным достижением правовой системы стало введение двух различных способов вынесения судебных решений. Один из них предполагал участие боярского суда, а другой функционировал независимо от его участия. Важно отметить, что на представителей последней группы была возложена обязанность до вынесения решения по конкретному делу обращаться за утверждением своих окончательных решений в вышестоящий суд, как это предусмотрено статьей 43 Судебника⁷.

Кроме того, в соответствии со статьей 38 Судебника местные судебные органы при обсуждении любого вопроса обязаны были собираться в присутствии уважаемых лиц и старейшин. Помимо упорядочения административных процессов данная законодательная мера была принята с целью борьбы с коррупцией в судебной системе и облегчения ее бремени. В частности, она была направлена на централизацию подсудности наиболее тяжких дел, таких как убийства и разбои, исключительно в государственных учреждениях. Таким образом, духовные, наследственные или помещичьи суды лишались возможности рассматривать подобные дела, что обеспечивало более

¹ См.: Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Первый суд // Российская юстиция. 2005. № 3. С. 65–66.

² См.: Коваленко Т. С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 5. С. 259–263.

³ См.: Правление Ивана III (1462–1505). URL: https://istoriarusi.ru/udel/ioann_vasilevich_3.html (дата обращения: 02.06.2024).

⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Москва: Юридическая литература, 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления государства. С. 36.

⁵ См.: Памятники русского права. Москва, 1955. Вып. III. URL: <http://his95.narod.ru/1497.htm> (дата обращения: 02.06.2024).

⁶ См.: Коваленко Т. С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 5.

⁷ См.: Памятники русского права. Указ. соч.

эффективный и беспристрастный подход к их рассмотрению. Такая стратегическая переориентация была направлена на поддержание целостности судебной системы и обеспечение справедливого и равноправного отправления правосудия.

В контексте российской истории важно осветить историческое развитие судебной власти в России, особенно ее отношение к крестьянскому населению и последующие реформы. Данный анализ проливает свет на эволюцию судебной системы, демонстрируя ее трансформацию от произвола к более структурированным и сложным формам правосудия.

Переломный момент произошел в 1648 году, когда судебная система проявила заметный провозвол по отношению к крестьянам, подвергая их угнетению.

Это вызвало широкое восстание¹, которое привело к созданию Земского собора — представительного собрания. В ответ на недовольство Земский собор принял в 1649 году знаменитое Соборное Уложение². Этот влиятельный юридический документ ввел уникальные правила судостроительства и судопроизводства, фактически положив начало четкой системе классификации преступлений и расширенной системе наказаний. Примечательно, что в главе 10 Соборного Уложения специально рассматриваются различные аспекты правового статуса судей, обращается внимание на важность их роли в судебном процессе³.

В переломный период с конца 1530-х до конца 1550-х годов в России была проведена значительная судебная реформа, положившая начало новой эпохе правового управления. В 1550 году⁴ был введен и ратифицирован «новый» Судебник — всеобъемлющий свод законов, укреплявший авторитет центральной судебной власти.

В результате реформы центральная судебная власть получила право контролировать деятельность нижестоящих судов, что позволило создать более единую и централизованную систему правосудия. Поэтому, несмотря на негативные стороны централизации Российского государства в этот период, необходимо признать постепенный переход от рудиментарных к более совершенным формам правосудия.

Данные реформы, примером которых является создание Земского собора и принятие Соборного Уложения, а также введение в действие «нового» Судебника, свидетельствуют о стремлении государства совершенствовать и укреплять судебную власть в России.

Отделение судебных функций от общественного самоуправления и переход власти к монархии в IX—XVII веках привели к расширению судебных полномочий государства. В первой половине 1500-х годов появились признаки судебной структурной изоляции⁵.

По мере усложнения судов, в связи с развитием феодальных отношений и сословной монархии были созданы местные судебные органы и предоставлены значительные полномочия. Несмотря на это, вся правовая система была тесно связана с администрацией и усложнялась по мере возникновения феодальных связей. С середины XVI по XVII век была создана единая государственная система правосудия, продолжалось строительство судебной системы. В этот период компетенция вновь перешла к органам местного самоуправления типа губных и земских изб⁶.

Таким образом, феодальный период утвердился в истории с постепенным усилением судебной власти государства и созданием судебного аппарата.

В золотой век абсолютизма в России были предприняты первые шаги по отделению судебной власти от администрации. Реформы судебной системы, проведенные Петром I⁷ и Екатериной II⁸, привели к созданию судебных органов без дополнительных административных полномочий.

¹ См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 135.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ См.: Судебник 1550 года. URL: <http://his95.narod.ru/1550.htm> (дата обращения: 02.06.2024).

⁵ См.: Чесных Т. И. Суд и процесс в Киевской Руси в IX—XII веках // История судебных учреждений России. 2004. № 2. С. 74—81.

⁶ См.: Омеляненко М. Е. Судостроительство российского государства в XV—XVII веках // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 111—120.

⁷ См.: Эпоха правления Петра I. URL: <https://histrf.ru/read/articles/epoha-pravleniya-petra-i-1682-1725-gg-osnovnye-daty-k-ego> (дата обращения: 02.06.2024).

⁸ См.: Внутренняя политика Екатерины II. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/vnutrennyayapolitikaekaterinyii> (дата обращения: 02.06.2024).

В первой половине XVIII–XIX веков происходил рост централизации и обособленности государственной судебной системы, что привело к созданию органов, способствовавших надлежащему функционированию судов, таких как Юстиц-коллегии¹.

В это время происходит разграничение компетенции судов, которые подразделяются на гражданские и уголовные коллегии. При этом в сфере судебной власти в России заметный период значительных реформ пришелся на время правления Павла I². Эти реформы, проводившиеся с целью централизации и бюрократизации государственного аппарата, стали частью более широкой перестройки государственной власти. Несмотря на согласованные усилия, реорганизованные местные судебные органы оказались малоэффективными в устранении недостатков, унаследованных от Екатерининской эпохи.

Переломным моментом в развитии российской судебной системы стала Большая судебная реформа 1864 года. Эта масштабная реформа внесла новаторские изменения, направленные на унификацию судебной власти и создание системы всеобъемлющего правосудия. Преобразовательные меры реформы были закреплены в Судебных статутах 1864 года³, которые фактически включили международные стандарты и принципы в российскую судебную систему. Особо следует отметить такие аспекты реформы, как прозрачность, принцип состязательности и равноправие сторон в судебном процессе⁴.

Однако после Октябрьской революции 1917 года траектория развития российской судебной системы заметно изменилась. В. И. Ленин подчеркивал императивность государственного принуждения и выступал за то, чтобы советские суды выполняли функции органов принуждения. Это ознаменовало отход от прежних принципов судопроизводства и создало предпосылки для изменения конфигурации судебной системы в условиях развивающегося политического ландшафта страны. Он также считал, что суды имеют огромную задачу в воспитании населения и формировании трудовой дисциплины⁵.

В законодательстве данного периода проявилась поразительная степень кодификации и технического совершенствования советского права. Осуществление правосудия опиралось на основы социалистической демократии и принципы законности⁶. При внимательном изучении этого законодательства выявляется его требовательность, акцент на технической точности. Это свидетельствует о неуклонном стремлении советской правовой системы к утверждению идеалов социалистической демократии и обеспечению верховенства закона. Поэтому советская система правосудия выделялась по нескольким причинам.

Первоначально граждане играли активную роль в правовой системе. На выборах, состоявшихся в январе–марте 1969 года, было избрано более 580 тысяч народных заседателей судов города. Работу народных судов в СССР в 1982 году осуществляли более 730 тысяч заседателей⁷. Также политические интересы государства имели приоритет над юридическими интересами.

В итоге судебная власть в СССР претерпела значительные структурные изменения, особенно в связи с административным делением внутри страны. Эти изменения ознаменовали собой третий этап реформ, сформировавших судебную систему. Так, введение экономического районирования в 1924–1928 годах оказало глубокое влияние на развитие советских судов. Основной целью этой реорганизации была оптимизация деятельности и сокращение расходов. В целях обеспечения единообразия судебной практики приоритетным направлением стало создание кассационных и надзорных судов. Эти суды сыграли важнейшую роль в обеспечении последовательности и согласованности применения правовых принципов.

¹ См.: Захарова П. В. Эволюция судебного управления в России (XVIII–XX века) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 4. С. 63–87.

² См.: Внутренняя политика Павла I. URL: <https://foxford.ru/wiki/istoriya/rossiya-pri-pavle-i> (дата обращения: 02.06.2024).

³ См.: Коваленко Т. С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 5. С. 261.

⁴ См.: Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. С. 67.

⁵ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 36 Вариант статьи Очередные задачи Советской власти. URL: <http://leninvi.com/t36/p163> (дата обращения: 02.06.2024).

⁶ См.: Герасимов Д. Г. Основные демократические принципы судебной реформы в СССР 1956–1964 годов // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3. С. 135–138.

⁷ См.: Теребилов В. Ленин В. И. о принципах выборности, подотчетности и независимости судей // Советская юстиция. 1969. № 18. С. 4.

После распада СССР страны Содружества Независимых Государств вступили в фазу развития процессуальной доктрины. В этот период проводились постоянные реформы правовой системы, направленные на приведение ее в соответствие с международными правовыми стандартами.

При дальнейшем рассмотрении темы следует отметить, что судебная власть в Российской Федерации претерпела значительную эволюцию по сравнению с указанными историческими периодами. Создание независимой судебной системы с отдельными ветвями власти и Конституционного Суда способствовало защите прав граждан и формированию надежной правовой системы. Современная судебная власть действует на основе принципов независимости, беспристрастности и верховенства закона, стремясь к справедливому и равному отправлению правосудия в отношении всех граждан Российской Федерации. При этом основное внимание уделялось сохранению и совершенствованию действующего судебного законодательства с одновременным использованием передового опыта мирового сообщества. Этот период характеризовался постоянным стремлением к совершенствованию судебной системы и внедрению принципов международного права. Однако авторитет судебной власти начал быстро уменьшаться в 1990-х годах¹.

Важно отметить, что судебная система в России играет важнейшую роль в обеспечении общественной безопасности и поддержании правопорядка, как это было установлено годами. В последние годы судебная система в России претерпела реформы, направленные на повышение ее эффективности и стандартов правосудия. В этот период стало очевидно, что необходимость продолжения судебной реформы имеет решающее значение в постсоветском мире. В последнее десятилетие XX века необходимость поддержания законности в государстве ясно выражалась не словесно, а практическими мерами.

Подводя краткий итог, отметим что в развитии судебной власти можно выделить несколько периодов, каждый из которых характеризуется своими особенностями: 1) возникновение судебной системы. В эту эпоху происходит первоначальное становление судебной системы, закладывается фундамент для ее последующей эволюции; 2) эпоха сословного правосудия. На этом этапе судебная система функционировала как механизм отправления правосудия на основе социально-классовых различий; 3) великая судебная реформа 1864 года; 4) постреформенный этап. После успешного проведения Великой судебной реформы этот этап характеризует последствия и последующие корректировки реформированной системы; 5) советская эпоха правосудия; 6) постсоветская реформа судебной системы; 7) современная судебная система. Этот период характеризует современное состояние судебной системы, в котором нашли отражение реформы и изменения, произошедшие за прошедшее время.

Рассматривая эти отдельные сегменты, мы получаем неоценимое представление об исторической эволюции и основных вехах, которые неизгладимо формировали судебную систему Российской Федерации и привели к ее нынешнему проявлению.

Осипов Михаил Юрьевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Международной полицейской академии ВПА

К вопросу об оценке качества юридических научных исследований

Одной из актуальных проблем, стоящих перед современной юридической наукой, является проблема оценки качества научных юридических исследований. Однако специальных исследований, посвященных данной проблеме в отечественной юридической науке, уделяется очень маленькое внимание². Между тем данная проблема получила широкое распространение в зарубежной юри-

¹ См.: Коваленко Т. С. Исторический генезис судебной власти // Вестник Костромского государственного университета. Т. 22. 2016. № 2. С. 267–272.

² Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. Москва, 2009; Рехтина И. В. Исследования в области юриспруденции: тенденции, проблемы, перспективы // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-v-oblasti-yurisprudentsii-tendentsii-problemy-perspektivy> (дата обращения: 26.02.2024); Желдыбина Т. А. Нужна ли России фундаментальная юридическая наука // Базис. 2020. № 1 (7). С. 21–25; Шулькина А. Л. Сущность и специфика института главы государства в консервативных государственно-правовых учениях и доктринах // Юрист-Правоведъ. 2012. № 1 (50). С. 54–57.

дической науке. В указанных статьях рассматриваются различные аспекты оценки качества научных юридических исследований.

1. Проблема концептуализации научных юридических исследований¹.
2. Проблема качественной оценки научных юридических исследований².
3. Проблема отсутствия общепризнанной методики оценки качества научных юридических исследований³, в том числе единой методики оценки научных публикаций⁴.
4. Проблемы подготовки и обучения рецензентов, рецензирующих статьи в юридической сфере⁵.
5. Проблема качества подготовки исследователей в юридической сфере, поскольку от степени подготовленности исследователей зависит качество юридических исследований⁶.
6. Проблемы правильного выбора теоретической и эмпирической основы для проведения научного юридического исследования, а также правильного выбора методов проведения данного исследования⁷.
7. Роль электронных ресурсов и электронных библиотек в обеспечении качества юридических исследований⁸.
8. Иные проблемы, связанные с оценкой качества научных юридических исследований⁹.

Указанные проблемы составляют проблемное поле качества научных юридических исследований и их оценки.

Применительно к предмету нашего исследования, основной проблемой, которая подлежит рассмотрению, является проблема оценки качества научных юридических исследований. Отсюда вытекает цель исследования, результаты которой изложены в данной статье: определить особенности и технологии оценки качества научных юридических исследований.

Для достижения этой цели представляется необходимым решение следующих научно-исследовательских задач:

- а) определение качества научных юридических исследований и его критериев;
- б) определение особенностей и технологий оценки качества научных юридических исследований;
- в) определение основных факторов, влияющих на качество оценки научных юридических исследований;
- г) определение необходимых компетенций для качественной оценки научных юридических исследований.

Решение указанных задач составило самостоятельный этап исследования.

К числу методов исследования, при помощи которых были получены результаты, изложенные в данной статье, можно отнести следующие общенаучные методы: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, абстрагирование, обобщение, моделирование.

¹ Dunn D. J. Why legal research skills declined, or when two rights make a wrong // *Law Libr. J.* 1993. Vol. 85. P. 49; Bhat P. I. *Idea and methods of legal research*. Oxford University Press Publ., 2019.

² Roux T. Judging the quality of legal research: A qualified response to the demand for greater methodological rigour // *Legal Educ. Rev.* 2014. Vol. 24. P. 177.

³ Antenbrink F., Castermans A. G. Evaluating Dutch legal research quality assessment // *L'évaluation De La Recherche En Droit: Enjeux Et Méthodes*. Brussels: Bruylant, 2015.

⁴ Van Gestel R., Vranken J. Assessing legal research: Sense and nonsense of peer review versus bibliometrics and the need for a European approach // *German Law Journal*. 2011. Vol. 12. No. 3. Pp. 901–929.

⁵ Van Gestel R., Byland K. S., Lienhard A. Evaluation of legal research: Comparison of the outcomes of a Swiss and Dutch national survey // *Tilburg Law Review*. 2018. Vol. 23. No. 3.

⁶ Chegwe E. N., Akatugba M. A. Evaluating the Role of a Non-Doctrinal Legal Research Method on Legal Education and Practice in Common Law Africa: Nigeria as a Case Study // *Int'l J. Clinical Legal Educ.* 2023. Vol. 30. P. 57.

⁷ Taekema S., van Klink B. Progress in Legal Methodology — A Methodological Assessment of Six PhD Theses // *Law and Method*. 2023. Pp. 1–24.

⁸ Gupta M. P., Sanvalia A., Bamniya D. S. Use of E-Library and E-Resources by Staffs and Students in the Colleges // *Importance of Libraries in accessing e-contents related to Law*. 2023. P. 45.

⁹ Керимов Д. А. *Методология права: предмет, функции, проблемы философии права*. Москва, 2009; Рехтина И. В. Исследования в области юриспруденции: тенденции, проблемы, перспективы // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-v-oblasti-yurisprudentsii-tendentsii-problemy-perspektivy> (дата обращения: 26.02.2024); Желдыбина Т. А. Нужна ли России фундаментальная юридическая наука // *Базис*. 2020. № 1 (7). С. 21–25. Шулькина А. Л. Сущность и специфика института главы государства в консервативных государственно-правовых учениях и доктринах // *Юрист-Правовед*. 2012. № 1 (50). С. 54–57.

Особенности качества научных юридических исследований.

При разработке и использовании технологий оценки качества научных юридических исследований представляется необходимым определение понятия «качество научного юридического исследования»¹. Если исходить из определения «качество» как соответствие чего-либо определенным требованиям², тогда можно определить качество юридического исследования как соответствие юридического исследования требованиям, предъявляемым к нему.

К числу возможных требований, предъявляемых к юридическому исследованию, можно отнести:

- а) требования к объекту и предмету исследования;
- б) требования к целям и задачам исследования;
- в) требования к методологии и методике проведения юридического исследования;
- г) требования к результатам научного юридического исследования (результаты научного юридического исследования должны соответствовать реальной действительности).

Кроме того, все требования к научным юридическим исследованиям можно разделить на законодательные требования к научным юридическим исследованиям³ и доктринальные требования к научным юридическим исследованиям.

Знание и правильное понимание требований, предъявляемых к научному исследованию, позволяет осуществить на высоком уровне оценку качества научных юридических исследований. Далее рассмотрим особенности и технологии оценки качества научных юридических исследований.

Особенности и технологии оценки качества научных юридических исследований.

Представляется, что при оценке качества научных юридических исследований необходимо исходить из характера данного исследования: является ли данное исследование «позитивным» либо «критическим». По нашему мнению, «позитивное юридическое исследование» — это обычное юридическое исследование. Его объектом выступают соответствующие компоненты и элементы «правовой реальности», под которой автор данной статьи понимает совокупность всех взаимосвязанных и взаимодействующих между собой юридических явлений, а также иных социальных явлений, имеющих юридическую сторону.

Предметом «позитивного юридического исследования» «выступают закономерности становления, развития и функционирования тех или иных юридических явлений или юридической стороны того или иного социального явления», которые в том числе находят свое отражение в признаках того или иного понятия»⁴.

Целями позитивного юридического исследования, по нашему мнению, могут выступать: а) обнаружение новых закономерностей становления, развития, функционирования правовых явлений; б) выявление дефектов правового регулирования тех или иных сфер жизнедеятельности общества;⁵

¹ Roux T. Judging the quality of legal research: A qualified response to the demand for greater methodological rigour // Legal Educ. Rev. 2014. Vol. 24. P. 177.

² ГОСТ Р ИСО 6707-1-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Здания и сооружения. Общие термины (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 24 декабря 2020 года № 1388-ст). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

³ О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024). Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 25 января 2024 года) О порядке присуждения ученых степеней (вместе с Положением о присуждении ученых степеней). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

⁴ Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. Москва, 2009; Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Москва, 2004. Т. 1; Сырых В. М. Материалистическая теория права. Москва, 2014; Монастырский Ю. Э. Гражданско-правовые понятия «просрочка», «форс-мажор» и «невозможность исполнения» в новых экономических условиях // Цивилист. 2022. № 4. С. 54–61. Момотов А. С. Правовое понятие «инвестиции» и его влияние на инвестиционную привлекательность Российской Федерации // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 18–23; Гаськова К. С. Понятие инновационной деятельности: проблемы правовой идентификации // Финансовое право. 2023. № 5. С. 27–30; Шагапова Р. А. Понятие «геопарк» и его правовой режим // Экологическое право. 2022. № 2. С. 13–16.

⁵ О понятии правового регулирования и различных подходах к нему. См.: Осипов М. Ю. Правовое регулирование как динамическая система // Право и политика. 2006. № 11. С. 17–31; Его же. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. О дефектах правового и их видах. См.: Осипов М. Ю. Пути профилактики ошибок в правовом регулировании // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4 (40). С. 18–20.

в) разработка обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования в тех или иных сферах жизнедеятельности общества.

Соответственно в качестве критериев оценивания «позитивного» юридического исследования выступает степень достижения поставленных целей исследования, новизна полученных результатов исследования, которая может выражаться а) в обнаружении новых закономерностей, становления, развития, функционирования правовых явлений; б) в выявлении дефектов правового регулирования тех или иных сфер жизнедеятельности общества; в) в разработке обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования в тех или иных сферах жизнедеятельности общества¹, степень достоверности выводов, полученных в ходе юридического исследования, то есть для оценки «позитивного юридического исследования» достаточно использовать обычные критерии оценивания работ и научных статей, принятых в юридическом сообществе. В отличие от «позитивных» юридических исследований объектом «критических» юридических исследований выступают не объекты правовой реальности, а гипотезы, концепции, доктрины, теории, учения, изложенные в юридической литературе, иными словами результаты мышления других авторов.

Предметом «критических» юридических исследований выступают не закономерности становления, развития и функционирования тех или иных правовых явлений, но критический анализ тех или иных гипотез, концепций, доктрин, теорий, учений — иными словами тех научных результатов, которые изложены в научной литературе². При этом указанные результаты, которые изложены в научной литературе выступают в качестве теоретико-эмпирической основы того или иного исследования, поскольку указанные результаты носят как правило теоретический характер, но в «критическом» юридическом исследовании выпускают в качестве эмпирической базы для его проведения.

Цель «критического» юридического исследования вовсе не состоит в обнаружении новых закономерностей становления, развития и функционирования тех или иных правовых явлений, но заключается в том, чтобы определить насколько те или иные результаты, полученные другими исследователями, адекватно описывают и объясняют правовую реальность, а также насколько обоснованными являются предложения по совершенствованию правового регулирования в тех или иных сферах жизнедеятельности общества, и к каким возможным последствиям они могут привести. При оценке научной новизны «критического юридического исследования» оценивается, во-первых, проводился ли ранее критический анализ, рассматриваемых в данном научном исследовании теоретических положений, составляющих объект исследования или нет, во-вторых, являются ли выводы, полученные в ходе «критического» юридического исследования, новыми или нет, и если ранее указанные положения были уже объектом критического анализа, то тогда в чем заключается отличие выводов исследователя от ранее сделанных выводов.

При разработке технологий оценки качества юридических исследований, то есть совокупности действий, комбинаций и операций, направленных на оценку юридического исследования, представляется очень важным ответить на следующие вопросы: 1) какое перед нами исследование «позитивное» или «критическое»; 2) правильно ли определены основные составляющие научного юридического исследования: объект, предмет, цели, задачи, методы исследования; 3) верно ли определена научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; 4) определить сильные и слабые стороны юридического исследования при помощи SW-анализа. Покажем последнюю операцию на конкретном примере защищенной в 2014 году кандидатской диссертации П. В. Васильевым на тему: «Автоматические санкции в российском праве: теория, практика, техника»³.

¹ Осипов М. Ю. Научно-исследовательская работа в юриспруденции: учебное пособие. Москва: Издательский Центр РИОР, 2020.

² О понятии «гипотеза», «теория», «концепция», «доктрина», «учение». См.: Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. Москва, 2009; Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Москва, 2004. Т. 1; Гетьман-Павлова И. В. Наука международного частного права: Генрих фон Кокцейн // Журнал российского права. 2016. № 10 (238) С. 55–58; Сулейманов М. К. Роль правовой доктрины в становлении и развитии правовой системы Казахстана. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31644608&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 20.02.2024).

³ Васильев П. В. Автоматические санкции в российском праве: теория, практика, техника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014.

Пример SW-анализа положений указанной диссертаций:

Предмет оценивания	Сильные стороны	Слабые стороны
П. В. Васильев пишет о санкциях как «адресованные юридическими нормами субъектам правоотношений (адресатам) правовые последствия их неправомерного или правомерного (заслуженного) поведения, изменяющие правовой статус адресатов и функционирующие для достижения социально-положительного и значимого результата в системе механизма правового регулирования соответствующих отношений» ¹	Во-первых, в данном определении прослеживается адресность правовых предписаний, составляющих содержание санкции; во-вторых, наличие связи между правовыми последствиями и поведением адресата правовых предписаний; в-третьих, то, что применение санкций «всегда ведет к изменению правового статуса их адресатов» ²	Во-первых, вызывает определенное сомнение концепция заслуженного поведения и существование такого феномена юридической науки, как «поощрительные санкции» ³ ; во-вторых, в ряде случаев применение санкций не всегда ведет к «положительному и значимому результату в системе механизма правового регулирования соответствующих отношений» ⁴ . Поскольку криминологам известны случаи, когда применение тех или иных санкций не ведет к изменению поведения личности преступника ⁵
«автоматические санкции, обусловленные правомерным или неправомерным поведением лица, позитивные или негативные правовые последствия, юридическая возможность непосредственного и незамедлительного применения которых обусловлена единством и неизменностью его правового статуса с момента совершения деяния и до реализации санкции» ⁶	Оригинальность определения	Сомнения в их существовании, поскольку для их правильного и эффективного применения необходимо устанавливать следующие обстоятельства: кто совершил данное противоправное деяние, виновно ли лицо в совершении правонарушения, в случае если санкции предусматривают ответственность за его совершение; какие меры защиты могут быть применены в данном случае к лицу, нарушившему правовое предписание, изложенное в диспозиции правовой нормы, не имеется ли в данном случае обстоятельств, исключающих противоправность деяния, или иных обстоятельств, исключающих применение указанных санкций ⁷ . Все это требует осуществления правоприменительного процесса, что делает невозможным и нецелесообразным существование такого феномена, как «автоматические санкции», а сама теория «автоматических санкций» не является вполне научной теорией, так как она, по нашему мнению, неадекватно описывает и объясняет правовую реальность

¹ Васильев П. В. О понятии автоматических санкций в российском праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 201.

² Там же. С. 202.

³ Баранов В. М., Девяшин И. В., Чевычалов В. В. «Поощрительная санкция» в российском праве: реальность или искусственно-ложная юридическая конструкция. Нижний Новгород, 2005. С. 3.

⁴ Васильев П. В. О понятии автоматических санкций в российском праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 201.

⁵ Кострова М. Б. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Уголовное право. 2001. № 4. С. 41–44; Гарбатович Д. А. К вопросу о влиянии психологических факторов на эффективность уголовно-правовых норм // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2 (2). С. 34–37; Курылева В. Н., Кузнецов А. П. Эффективность уголовно-правовых норм: теоретический аспект // Российский следователь. 2007. № 20. С. 20–23; Кудрявцев В. Н. Эффективность системы уголовной юстиции // Социалистическая законность. 1971. № 7.

⁶ Васильев П. В. О понятии автоматических санкций в российском праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 202.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024); Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 января 2024 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

Далее рассмотрим основные факторы, влияющие на качество оценки научных юридических исследований, а также необходимые компетенции для осуществления такой оценки.

Основные факторы, влияющие на оценку качества научных юридических исследований, а также компетенции, необходимые для такой оценки.

Под основными факторами, влияющими на оценку качества научных юридических исследований, следует понимать те или иные явления, которые прямо (прямые факторы) либо косвенно (косвенные факторы), позитивно (позитивные факторы) либо негативно (негативные факторы) влияют на оценку качества научных юридических исследований.

К числу таких факторов можно отнести следующие:

а) наличие в научном юридическом исследовании основных составляющих юридического исследования: объекта, предмета, целей, задач, методологии и результатов исследования;

б) правильное определение основных составляющих юридического исследования, их четкое описание;

в) понимание рецензентом особенностей и основных составляющих того или иного юридического исследования;

г) понимание рецензентом требований, предъявляемых к юридическому исследованию того или иного вида;

д) способность рецензента оценивать соответствие того или иного юридического исследования требованиям, предъявляемым к данному исследованию как законодательных, так и доктринальных¹ и на основе этого способность рецензента оценивать качество научного юридического исследования;

е) способность рецензента осуществлять SW-анализ научного юридического исследования.

При этом к числу компетенций рецензента, необходимых для правильного оценивания качества результатов научного юридического исследования, можно отнести следующие компетенции: способность рецензента понимать особенности и основные составляющие того или иного юридического исследования, а также требований, предъявляемых к нему (СПК-1); способность рецензента, осуществлять SW-анализ научного юридического исследования (СПК-2); способность рецензента делать вывод о качестве того или иного юридического исследования (СПК-3).

Представляется, что указанные компетенции могут формироваться в ходе подготовки аспирантов в рамках научно-методологического семинара, с публикацией эссе аспирантов, а также доклада основного участника семинара, что, по нашему мнению, будет способствовать формированию критического юридического мышления, необходимого для успешного проведения научных юридических исследований в области юриспруденции.

Таковы, на наш взгляд, особенности и проблемы оценки качества научных юридических исследований.

Пермиловский Михаил Сергеевич,
 кандидат юридических наук,
 доцент кафедры государственного
 и международного права
 Северного (Арктического) федерального
 университета имени М. В. Ломоносова

Мировоззренческая конституционная аксиологизация — неоконституционализм или отечественный консерватизм?

В течение относительно недолгого времени (возьмем примерно двухсотлетний период) в России формировались разные мировоззренческие взгляды — славянофильство и западничество, народничество и неонародничество, коммунистическая идеология и вестернизация (разумеется, здесь приведены знаковые философские и общественно-политические направления). Опираясь на историю и психологию народа, с одной стороны, и дополняя их собственными идеями, с другой стороны, сторонники этих взглядов прямо или косвенно влияли на публично-правовую сферу,

¹ О доктринальных требованиях к юридическому исследованию. См.: Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. Москва, 2009; Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Москва, 2004. Т. 1; Сырых В. М. Материалистическая теория права. Москва, 2014.

которая, в свою очередь, воздействовала на формирование или деформирование правосознания и в конечном итоге на мировоззрение большинства.

Новейший этап отечественной истории характеризуется гибридными угрозами и гибридными войнами, к которым относятся информационная война, экстремизм, терроризм, недружественные действия различных субъектов права¹. Российские документы стратегического планирования² содержат организационно-правовой механизм противодействия гибридным угрозам и гибридным войнам, в основу которого положены принципы духовно-нравственного оздоровления общества.

Для этого сейчас необходимо осознание и формирование исторически преемственного мировоззрения:

— вероисповедания традиционных конфессий (в Российской империи) и советских научных достижений, то есть объединение высоких духовно-нравственных идеалов и актуальных научно-практических подходов к развитию науки, технологий и техники;

— поиск духовно-нравственной (в Российской империи) и материалистической (в Советском Союзе) правды и справедливости, то есть в сочетании концептов «должно быть» и «есть»;

— священной обязанности защиты Престола и Отечества (ст. 70 Свода законов Российской империи) и почетной воинской обязанности (ст. 19 Конституции РСФСР 1918 года, ст. 132 Конституции СССР 1936 года, ст. 63 Конституции СССР 1977 года), то есть воспитание патриотизма и служения Отечеству;

— российской личной чести и советской трудовой доблести, то есть поощрение созидательного труда, семьи и уважение достоинства;

— российской соборности и советского коллективизма, то есть отрицание деструктивного индивидуализма.

Можно ли при рассмотрении этих вопросов ограничиваться нормативной этикой и воздействовать на мировоззрение лишь санкционной превенцией? Можно ли механически выводить мировоззрение из закона?

Право в любой типологии понимания нельзя рассматривать как «вещь в себе», поскольку оно не создает само себя без социального контекста³. В этот контекст включается «ситуационная логика», связанная с ожидаемой от права справедливостью, а значит, право не должно исключать из процесса своего установления и применения морально-этических норм⁴.

Сам по себе законодательный акт оказывает неполное воздействие на мировоззрение, а его властно-принудительное обеспечение скорее сужает кантианское «уважение к закону»⁵ и по Р. Дворкину «не может быть оправдано, если закон в целом не является источником моральных обязанностей»⁶. Закон может быть наполнен интерпретационными правовыми, социально-экономическими, нравственноориентирующими и иными смыслами по мере реализации законодателем правопрограммных актов (президентских документов стратегического планирования) и правоприменительных актов (прежде всего судебных решений). Именно в них содержатся цели дальнейшего развития правового регулирования и совершенствования управленческих практик в сфере обеспечения безопасности, воспитания, культуры, цифровизации и др. (президентские документы стратегического планирования), а также разъяснения семантики норм права буквально (ординарная судебная практика) или расширительного (практика конституционного контроля) характера.

Президентские документы стратегического планирования имеют, с одной стороны, праворасширительное содержание, поэтапно развивающее законодательство в зависимости от нового целеполагания, и, с другой стороны, комплексный характер регулирования, которое включает не только правовые, но и иные социальные нормы. Так, в Основах государственной политики по сохранению

¹ Права человека и гибридные войны: монография / Г. Б. Романовский, А. В. Басова, Д. С. Велиева [и др.]. Москва: Проспект, 2023. С. 61–77.

² Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2406; Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

³ Мальцев Г. В. Нравственные основания права. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 56.

⁴ Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва; Челябинск: Социум, 2020. С. 134.

⁵ Кант И. Лекции по этике. Москва: Республика, 2000. С. 344–345.

⁶ Дворкин Р. Империя права. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2020. С. 261.

и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹ определены нравственные ориентиры, представляющие собой такие ценности. Отсылки к ним как к стратегическим задачам имеются еще во многих президентских документах стратегического планирования в сферах национальной, внешней, гуманитарной, культурной, информационной, антинаркотической и другой политики.

Содержащееся в президентских документах стратегического планирования целеполагание является правовым программным средством выбора приоритетов отраслевого развития и достижения конституционно-правовых благ и интересов, имплицитно заложенных в первой и во второй главах Конституции Российской Федерации. Правовым инструментом реализации утверждаемых Президентом России документов стратегического планирования является совершенствование федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов, причем любой формы. К примеру, в целях сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей в Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» внесены изменения, ориентирующие процесс воспитания и образования на формирование у обучающихся традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В настоящее время Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации рассматривает другие законодательные инициативы, продолжающие имплементацию в законодательство задач и принципов, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей (например, в сферах благотворительности и добровольчества (волонтерства), развития креативных (творческих) индустрий).

Проверка конституционности предполагает расширительную правоинтерпретацию как конституционных норм (их краткое изложение предопределяет судебную телеологию), так и спорного законоположения в совокупности с практикой его применения. Из аналитических материалов Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ)² следует, что такая интерпретация осуществляется на основе аксио-телеологического метода, предусматривающего оценку целей правового регулирования в качестве конституционных ценностей — благ и принципов, обусловленных особыми юридическими свойствами Конституции Российской Федерации.

В результате применения аксио-телеологического метода и истолкования КС РФ конституционных ценностей в отраслевом правовом регулировании появляются новые нормы права (как пример, процессуальные гарантии права на судебную защиту и доступ к правосудию, права на законный состав суда, права на квалифицированную юридическую помощь, права на разбирательство в разумные сроки (постановления КС РФ от 13 ноября 1995 года № 13-П, от 27 марта 1996 года № 8-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 16 марта 1998 года № 9-П, от 23 марта 1999 года № 5-П)).

В некоторых случаях КС РФ прямо подчеркивает: «Интересы защиты жизни и здоровья граждан при определенных обстоятельствах могут преобладать над ценностью сохранения обычного правового режима реализации иных прав и свобод» (постановление от 13 декабря 2022 года № 54-П), что означает безусловный приоритет над правами и свободами конституционной ценности жизни и здоровья людей. Он обеспечивается, по мнению КС РФ, через правоограничения (чаще всего посредством юридической ответственности).

В силу статуса Президента России как главы государства, гаранта Конституции Российской Федерации и президентских полномочий по определению государственной политики (ст. 80 Конституции Российской Федерации), а также статуса КС РФ как высшего судебного органа конституционного контроля, осуществляющего судебную власть посредством конституционного судопроизводства (ст. 125 Конституции Российской Федерации), президентские документы стратегического планирования и акты конституционного правосудия выполняют схожую по сути конституционно-правовую функцию — правосовершенствование, но на разных этапах нормотворчества (первичное правоустановление и последующая правокоррекция соответственно). В обоих случаях, то есть как при постановке стратегической цели, так и при постановке цели конституционного контроля, используется аксио-телеологический способ выбора благ и приоритетов, то есть ценностей, нуждающихся

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

² Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 27.06.2022).

в правовой реализации и (или) охране. В итоге ординарное правовое регулирование подвергается комплексной переработке (в первом случае) или казуальному изменению (во втором случае) на основе избранных ценностей (в указанных примерах — традиционных российских духовно-нравственных ценностей и конституционных ценностей).

Вследствие конституционно-правовой практики Президента России и КС РФ законы, документы стратегического планирования и акты конституционного правосудия в силу своей гносеологической функции приобретают в том числе мировоззренческое значение: в ходе определения Президентом России основ государственной политики (в рамках стратегического планирования) и их реализации законодательной и исполнительной властью в конкретных отраслях; в ходе устранения неконституционности законоположения и применения вместо него акта конституционного правосудия; в ходе правореализационной деятельности и применения правовых позиций КС РФ в качестве правоориентирующих средств.

Имплементация ценностей в правовое регулирование свидетельствует о конституционной аксиологизации — процессе нормативной правовой адаптации конституционных и иных ценностей в законодательстве в целях обеспечения прорыва в развитии какой-либо отрасли и (или) нормализации правоотношений (устранения правовых дефектов). Конституционной аксиологизации (по крайней мере частично) подвергаются отрасли права, юридическая наука и учебные дисциплины (преимущественно публично-правового цикла), а со временем — правовая культура и мировоззрение.

В теоретической юриспруденции такой подход принято относить к юснатурализму, однако в силу своей межнаучности и утилитарности он одновременно является предметом получившего распространение в последнее десятилетие неоконституционализма.

Идеи неоконституционализма заключаются в переходе от иерархии нормативных правовых актов к конституционализации отраслей права через «аксиологический фильтр»¹, синтезирующий подходы юснатурализма и легизма путем ориентирования права на нравственность в процессе правотолкования². Применительно к нашей теме неоконституционализм отражает лишь часть конституционной аксиологизации, а именно: итоги адаптации в законодательстве правовых позиций КС РФ, в которых раскрывается ценностный смысл конституционных норм, когда они истолковываются в системном единстве между собой, со спорными законоположением и правореализацией и, как правило, во взаимосвязи с принципом высшей ценности человека, его прав и свобод. В современном конституционном праве данный подход является предметом изучения самостоятельного научного направления — конституционной аксиологии (Н. С. Бондарь, М. Г. Вилова, Н. В. Витрук, В. Д. Зорькин, И. А. Умнова-Конюхова). Это означает, что в рамках неоконституционализма не рассматривается процесс конституционной аксиологизации права посредством реализации в законодательстве президентских документов стратегического планирования.

Интересно в связи с этим поднять тему отечественного консерватизма, получившую в последнее время научную идентичность³.

Из анализа первого тома Свода законов Российской империи усматривается, что отечественный консерватизм (по крайней мере нормативно) основывался на самодержавии (главы 1 (20 статей), 2 (14 статей), 3 (12 статей), 4 (3 статьи), 5 (2 статьи), 6 (3 статьи)), вере (глава 7 (6 статей)), правах и обязанностях (глава 8 (14 статей) (их можно разделить на права-гарантии: презумпция невиновности, неприкосновенность жилища и собственности, свобода определения места жительства, свобода собраний, слова и вероисповедания, а также обязанности: защита Отечества, уплата налогов), законности (глава 9 (13 статей)) (например, общеобязательность законов, законодательный порядок издания законов и иных нормативных правовых актов, запрет обратной силы закона, обязательное обнародование законов).

Отечественный консерватизм в рассматриваемом контексте — это не бессознательный консерватизм, отрицающий либерализм, а скорее идея сохранения исторически сложившихся

¹ Низов В. А. Конституционно-правовые основы публичной собственности в контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 136.

² Баррера Т. Р. У., Сидорова Е. В. О мере разумности в конституционном праве // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 8. С. 61.

³ Кузубова А. Ю. Правовые ценности в юридической доктрине русского консерватизма XIX века: дис. ... д-ра. юрид. наук. Белгород, 2023.

в российском обществе ценностей¹. К ним традиционно относятся вера, правда, справедливость, долг, включая патриотический и трудовой, семья, соборность, включая самопожертвование². Отечественный консерватизм исходит из необходимости создания смысловой связи между религиозными, моральными и правовыми нормами. Отсюда в популярной на рубеже XIX–XX веков в России психологической теории права тезисы об оценке права совестью и о возникновении внутренних переживаний личности по поводу соблюдения правовых предписаний, поскольку этого требуют в первую очередь религиозные и моральные нормы³.

В этой логике выстроены президентские документы стратегического планирования в сфере защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Официально они определены в качестве передаваемых от поколения к поколению нравственных мировоззренческих ориентиров, проявляющихся в духовной, исторической и культурной общероссийской идентичности. Это жизнь и достоинство, права и свободы, патриотизм и служение Отечеству, приоритет духовного над материальным, милосердие и справедливость, коллективизм и взаимопомощь, крепкая семья и созидательный труд, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Указанные традиционные российские духовно-нравственные ценности направлены на обеспечение преемственного мировоззрения для эффективного противодействия информационной войне, экстремизму, терроризму, недружественным действиям ряда государств, организаций и граждан. Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей осуществляются через воспитание и образование, культуру и науку, межнациональные и межрелигиозные отношения, средства массовой информации, то есть культурно-просветительскими способами духовно-нравственного содержания, что вполне соответствует подходу отечественного консерватизма.

В рамках конституционного контроля и установления аксио-телеологическим методом баланса интересов правовая охрана предоставляется таким конституционным ценностям, как жизнь и здоровье, права человека, достоинство и свободное развитие личности, защита Отечества, целостность Российской Федерации, основы нравственности, семья и семейное воспитание детей, труд, сохранение исторического государственного единства (постановления КС РФ от 21 декабря 2005 года № 13-П, от 19 апреля 2010 года № 8-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 7 июня 2012 года № 14-П, от 2 июля 2013 года № 17-П, от 19 ноября 2013 года № 24-П, от 19 марта 2014 года № 6-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П, от 20 декабря 2018 года № 46-П, от 5 марта 2019 года № 14-П, от 28 января 2020 года № 5-П, от 29 июня 2021 года № 30-П, от 13 декабря 2022 года № 54-П).

Таким образом, традиционные российские духовно-нравственные ценности и конституционные ценности находятся в смысловом единстве, поскольку имеют одну ментальную основу — передаваемые от поколения к поколению нравственные ориентиры, и одно нормативное допущение — Конституцию Российской Федерации. Их воздействие на правовое регулирование, включение в законодательные механизмы уполномочивания органов власти и других правоприменителей и в конечном счете внедрение в правореализационную деятельность является следствием конституционной аксиологизации. Поскольку в ее основе аксио-телеологический способ выбора благ и приоритетов, то есть ценностей, напрямую связанных с нравственными ориентирами, конституционная аксиологизация позволяет в настоящее время сохранять и укреплять отечественный консерватизм (в ходе стратегического планирования) в сочетании с положительными идеями неоконституционализма (в результате конституционного контроля). Это, в свою очередь, является существенным условием для формирования преемственного мировоззрения всех этапов российской истории.

¹ Асатов Р. А., Плотников С. Л., Хайрулин Ш. Ш. Российская консервативная идеология // Военный научно-практический вестник. 2016. № 2 (5). С. 121.

² Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского о характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. 3. Москва: Университетская типография на Страстном Бульваре, 1900. С. 230–231, 239, 242; Мартышин О. В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 25–27; Кузубова А. Ю. Правовые ценности в юридической доктрине русского консерватизма XIX века: дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2023. С. 14–16, 156–181.

³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 1. Москва: Юрайт, 2017. С. 274–282.

Попов Владимир Иванович,
кандидат юридических наук, доцент
Югорского государственного университета

Система и структура юридической науки

в контексте механизма научного познания права: методологический подход

Юридическая наука в контексте своего исторического и гносеологического развития подчинялась и подчиняется определенным правилам, которые в науке вообще и в юридической в частности называются методом или методологией. Удивительное свойство метода познания юриспруденции заключается в том, что он, метод, может преобразовываться, трансформируясь в предмет исследования. Природа такой трансформации вытекает из природы самого человеческого мышления, способности рефлексии разума посредством понятийно-категориальных форм придавать объективной реальности объекту-предмету познания либо «мифологическое, теологическое, метафизическое либо позитивное смысловое выражение»¹. Такая объективация осуществляется посредством юридических понятий, категорий, которые становятся предметом исследования социально-гуманитарных наук. Указанная взаимозаменяемость объекта, предмета и метода юридической науки (когда метод трансформируется в предмет, а последний — в метод) представляет собой механизм, обеспечивающий поступательное проникновение познающего субъекта в существо правовой материи. Так формируется механизм научного познания права.

Механизм научного познания права невозможно представить без его категорий, к которым можно отнести систему и структуру юридической науки. Если структура юридической науки рассмотрена в юридической литературе в достаточной степени, то ее системе уделено мало внимания. В философии, философии права, теории государства и права традиционно сложилось, что понятие «структура» и понятие «система» представляют собой единое явление. Так, П. В. Алексеев, анализируя систему материалистической диалектики, выделяет такие ее понятия, как «начало» и «клеточка», относя эти категории то к структуре, то к системе².

Т. В. Кашанина, определяя структуру права, утверждает, что структура права — это связи между элементами права, обеспечивающие его устойчивость и выполнение им своих задач. Таким образом, данное определение содержит два фразеологизма: во-первых, это «связь между элементами», что, собственно, и относится к понятию «структуры»; во-вторых, понятие «элементы права», что относится к понятию «система». Т. В. Кашанина говорит: «В праве можно выделить следующие структурные элементы: части, отрасли, подотрасли, институты, субинституты, нормы права, правовые предписания»³.

Однако хотелось бы заметить, что указанные «структурные элементы» относятся не к понятию структуры, а к понятию системы и в теории права определяются через понятие «система»: Система права (а не структура!) — это внутреннее строение права и подразделение его на отрасли, подотрасли, институты и т. д. Данная методологическая неразбериха относится в том числе и к понятию структуры правоотношения. Но если есть структура правоотношения, то что относится к системе или системным элементам правоотношения?

В методологическом значении понятие «структура» неотделима от понятия «система». Данный факт со всей методологической определенностью подтверждают естественные науки: физика, химия, астрономия, астрофизика и тому подобные, и в этом видится их специальное методологическое значение в системе методологии юридической науки. Во многих учебниках, учебных пособиях понятие «система юридических наук» рассматривается в сравнении исключительно с теорией государства и права, когда определяется место последней в этой системе, без учета структурообразующих факторов⁴. Очень часто структура или структурообразующие факторы рассматриваются отдельно от системы юридической науки как некие самостоятельные элементы. Данные методологические упущения влияют на возможности юридической науки, формируют ее понимание в контексте монистической авторитарно-тоталитарной парадигмы.

¹ Миль Дж. С. Огюст Конт и позитивизм. 3-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2007. С. 9–10.

² См.: Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. Москва: изд-во Московского университета, 1978. С 125–130.

³ Кашанина Т. В. Структура права: монография. Москва: Проспект, 2013. С. 156–157.

⁴ См.: Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. Москва: изд-во СГУ. 2011. С. 47.

Относительное единство мнений мы находим в понимании структуры юридической науки. Так, А. М. Лушников справедливо отмечает, что к структуре юридической науки следует отнести субъект, объект, предмет и методологию¹. По мнению Е. Н. Ярковой, структура юридической науки определяется через структуру научного познания и состоит из субъекта научного познания, объекта, научной картины мира, которая включает в себя общенаучную, частнонаучную, дисциплинарную и научный метод².

Система и структура юридической науки:

Системные элементы юридической науки	Структура юридической науки
1. Философия	1. Субъект
2. Философия права	2. Объект и предмет
3. Общая теория права — социология права — психология права — естественно-правовая теория права — теория юридического позитивизма — юридическая техника и иные теоретические подходы.	3. Методология
4. Отраслевая теория — теория гражданского права — теория уголовного права и т. д.	4. Научная картина мира: общенаучная, частнонаучная и дисциплинарная
5. Юридическая практика	5. Юридические действия и юридический опыт

Система юридической науки представляет собой упорядоченное отношение некоторых элементов множества посредством структурных взаимосвязей между элементами системы (см. табл.). Система — это порядок элементов, который создает структура, которая, в свою очередь, формирует иерархию элементов системы. Структура правовой науки создает ее «кристаллическую, связующую решетку», устанавливая определенный объектно-предметный и методологический порядок между ее системными элементами. Так происходит упорядоченная диффузия, системы, структуры, объекта, предмета и методологии юридической науки, обеспечивающих понимание механизма научного познания права и его закономерных свойств.

При соотношении системы и структуры юридической науки необходимо констатировать, что применение методов и иных элементов структуры при «препарировании» правовой материи для выяснения ее закономерных свойств зависит от различных факторов, к которым можно отнести цели и задачи научного исследования, научной картины мира, являющейся неотъемлемой частью сознания исследователя, вмещающей в себя объем и применяемые парадигмы в исследовании объекта и предмета юридической науки, политический режим, его демократическое, авторитарное или тоталитарное содержание, а также объективные свойства, характер и содержание объекта и предмета юридической науки.

В чем видится научная и методологическая перспектива рассмотрения юридического научного познания в единстве «системы и структуры» юридической науки? Во-первых, позволит утвердить плюрализм в понимании права. Во-вторых, позволит рассмотреть системные элементы юридической науки с позиции различных методологических подходов. В-третьих, позволит вычлнить из правовой материи широкий спектр закономерных свойств бытия права. В-четвертых, позволит в рамках юридической практики, юридической техники, правореализации, правоприменения, правозащитной деятельности сформировать и направить правовое регулирование в сферу защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

¹ Лушников А. М. История и методология юридической науки: учебно-методическое пособие. Ярославль ЯрГУ, 2015. С. 26.

² Яркова Е. Н. История и методология юридической науки: учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 114–116.

Понимание юридической науки как системы позволяет расширить методологические рамки познания закономерной бытийной сущности права, признать, что сведение понимания права к «едиственно верному» обречено на неудачу. Так, методологическая возможность исследования права и юридической практики через понимание юридической науки как системы убедительно проявляется через теорию индифферентных методологических рядов И. А. Ильина¹. Фактически данная теория носит методологическое значение и показывает механизм интегрирования объектно-предметных областей различных правовых наук: социологии права, психологии права, юридического нормативизма и юридической практики, причем интегрирование предполагает применение методологических приемов, не только свойственных социологии, психологии права. Взаимопроникновение объектно-предметной области различных социально-гуманитарных наук, осуществляемой сквозь призму юриспруденции, значительно расширяет методологические возможности изучения права и позволяет раскрыть его междисциплинарные связи и отношения. Такая методологическая интеграция помогает сконструировать различные правовые концепции, например, интегративную теорию в рамках постмодернистской методологии². Юридическая практика в значительной части обогатилась за счет интегрированного участия в ней юридической науки и, в частности, ее комплексной системно-структурной палитры.

Мы указывали выше, что юридическая практика входит в систему юридических наук, поэтому методологическая интеграция различных системных элементов юридической науки позволяет применять доктрину гражданского права в правоприменительных документах Верховного Суда Российской Федерации. В данном случае происходит интеграция таких системных элементов, как теория гражданского права и юридической практики.

Ярким примером этого может служить определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС23-24377, в котором говорится: «Теория гражданского права и судебно-арбитражная практика применения УЖД СССР признавали исключительный характер, названной неустойки (см.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 4: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. 5-е издание. Москва: Статут, 2011. С. 242)»³.

Как мы видим, юридическая доктрина (наука) становится неотъемлемой частью юридической практики как системного элемента юридической науки. Данный процесс происходит медленно, но он неизбежен, свойственен в большей степени англо-саксонской правовой системе, однако понимание системы юридической науки в неотъемлемом союзе с ее структурой позволяет вскрыть механизм научного познания некоторых закономерностей права.

Таковыми закономерностями, помимо указанных выше, являются структурные элементы системы юридической науки, которые, взаимодействуя между собой, вскрывают особенности формы ее системных элементов. Эти особенности видны при понимании взаимодействия объекта и предмета юридической науки. Объект и предмет в юридической литературе рассматривается с различных позиций, им даются различные определения, в которых можно выделить наиболее общие совпадения. Объекту присущи более общие абстрактные закономерности, а предметные закономерности можно охарактеризовать как более конкретизированные, специализированные или даже частные. При взаимодействии познающего субъекта происходит максимальное приближение сознания к границе объекта. Н. Н. Тарасов называет это «методологическим подходом», который предопределяет выбор инструментария, с помощью которого происходит «препарирование» правовой материи. Для социологии права — это инструментарий, способный раскрыть закономерности предметной области социологии права, для психологии права — это инструментарий, прежде всего психологии и т. д.

В рамках понимания, что есть «методологический подход», Н. Н. Тарасов говорит, что он «...представляет скорее не "изображение" объекта, а "изображение" научного мышления, изображающего объект <...> допустимо сказать, что методологический подход направлен не на видение

¹ См.: Ильин И. А. Теория права и государства. 2-е изд., доп. / под ред. и биографич. очерком В. А. Томсинова. Москва: Зерцало, 2008. С. 184.

² См.: Честнов И. Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 123 с.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2024 года № 305-ЭС23-24377 по делу № А40-146184/2022. Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.04.2024).

объекта, как объект исследования устроен "на самом деле", а на организацию исследовательских средств, обеспечивающих требуемое видение, то есть способ помыслить объект»¹.

Сам методологический механизм «препарирования» правовой материи позволяет проникнуть в клеточки правовой материи и узнать природу их возникновения и функционирования, с одной стороны, а с другой — выяснить, как они, правовые клеточки-закономерности, взаимодействуют между собой, создавая целостные и органичные конгломераты самостоятельных систем, образующих элементы юридической науки и не только.

Таким образом, объект юридической науки — это максимальное приближение познающего субъекта к одному из элементов системы юридической науки, связанной с выбором методологического инструментария для познания и понимания закономерных свойств ее предметной области.

Предмет юридической науки — это результат целенаправленной мыслительной деятельности познающего субъекта, характеризующийся познанием закономерностей права как системного образования.

Выбор методологического инструментария определяется особенностями, свойствами, сущностью объекта и предмета права и юридической науки вообще. Этот инструментарий может быть представлен в виде определенного типа исследовательской деятельности², с одной стороны, и в виде решения конкретных юридических задач³.

Если речь идет о юридической науке как системе, то пригоден тип исследовательской деятельности, если речь идет о конкретном системном элементе юридической науки, например, о юридической практике, то применим конкретный инструментарий в виде принципа или методологических принципов или конкретных методов, применяемых для решения конкретных практико-ориентированных юридических задач.

Поскольку система юридической науки представляет построение элементов ее множества от общего к частному, то и выбор методологического инструментария «препарирования» правовой материи определяется применением наиболее общих законов, категорий и принципов материалистической диалектики⁴. Их методологическим свойством является способность распространять свое «влияние» на все социально-гуманитарные науки как общего, так и частно-специального содержания, в том числе на право.

Как верно указывает Н. Н. Тарасов, отдельные элементы методологического инструментария направлены на решение отдельных задач юриспруденции и за «счет комбинаторики наличных элементов метода науки» создают новые исследовательские модели и конструкции, а «за счет освоения новых парадигм, привлечения новых методологических средств и процедур»⁵.

Методологические парадигмы, помимо методологии материалистической диалектики, в результате снятия идеологических методологических запретов стали широко использоваться в отечественной юриспруденции, способствуя как раз созданию новых научных моделей, конструкций и решению отдельных и комплексных задач юриспруденции.

Так, Е. Н. Яркова выделяет порядка одиннадцати методологических парадигм, хотя этот перечень не является исчерпывающим⁶. Например, можно выделить парадигму монизма, плюрализма, многоаспектности (системности или вида систем), рассмотреть право с точки зрения кибернетики или политической парадигмы. Как верно в этой связи отмечает Г. В. Мальцев, «...право всегда было, есть и будет специфической идеологией»⁷.

Используя парадигму систем, можно прийти к выводу о том, что сущность права — это многопорядковое явление. На данное обстоятельство указывал еще Л. С. Явич, опираясь на метод материалистической диалектики⁸.

¹ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2001. С. 88.

² К таким типам методологического познания относятся философский, общенаучный и частнонаучный.

³ Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 256.

⁴ В данном случае необходимо пояснить, что методы материалистической диалектики являются наиболее актуальными и часто применяемыми. Они доказали свою научную и методологическую перспективность в исследовании права.

⁵ Тарасов Н. Н. Указ. соч. С. 220.

⁶ См.: Яркова Е. Н. История и методология юридической науки: учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 135–423.

⁷ Мальцев Г. В. Социальные основания права. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 76.

⁸ См.: Явич Л. С. Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы обществ. Отношений. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1985. С. 81–86.

В последнее время получила широкое распространение парадигма постмодерна, претендующая на определенную новизну. В современных условиях постмодернистские методологические тенденции оказали безусловное влияние прежде всего на юридическую практику, практику конструирования правовой нормы, правовой позиции правоприменителя, формируя иногда абсурдные научные правовые модели¹.

Таким образом, механизм познания права представляет собой взаимодействие и взаимную ротацию системных и структурных элементов юридической науки в процессе которого происходит расщепление объектно-предметного знания, в целях понимания его общих и специальных закономерностей.

Прокофьева Татьяна Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института международного права и правосудия
Московского государственного
лингвистического университета

Роль юридической науки в современном образовании

Юридическая наука играет решающую роль в современном образовании, обеспечивая основу для понимания и анализа сложных правовых систем, регулирующих жизнь нашего общества. Речь, прежде всего, идет о реализации образовательных программ подготовки будущих юристов. Юриспруденция в России — это академическая область знаний, когда обучающиеся сначала осваивают научное понимание права, а только затем адаптируют полученные знания к практике.

Таким образом, основой образовательного процесса выступает научное познание. И насколько добротной будет эта основа, настолько в дальнейшем обучающиеся смогут использовать полученный научный базис в рамках дальнейшей специализации, а затем и в правоприменительной деятельности.

Следует отметить, что наряду с решением задач, направленных на подготовку будущих юристов-профессионалов, идет процесс воспитания информированных граждан, которые понимают роль закона в формировании общества и реализации основных правовых принципов законности и справедливости. Речь фактически идет о формировании достойной гражданской позиции (гражданственности) у представителей молодого поколения².

Юридическая наука дает студентам необходимые знания и навыки, которые помогут им преуспеть в своей будущей профессиональной деятельности. В частности:

1. Оттачиваются аналитические навыки студентов, позволяя им анализировать сложные юридические вопросы, выявлять соответствующие факты и формулировать аргументы.

2. Наука делает упор на методологии решения проблем, что способствует творческому подходу при разработке юридических стратегий, правовых документов, урегулировании споров. Студенты, обладающие солидной научной базой, лучше подготовлены к тому, чтобы ориентироваться в сложностях правоприменительной практики.

3. Любое решение, особенно касающееся деятельности компетентных органов, должно основываться на надежных доказательствах и аргументированном анализе. Научное образование прививает приверженность к аргументации, основанной на фактических данных, гарантируя, что студенты будут полагаться на эмпирические данные и логические умозаключения, а не на суждения и догадки при вынесении юридических решений.

4. Научный метод поощряет открытость к новой информации, готовность подвергать сомнению предположения и адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. В динамично развивающейся сфере правоприменения, где правовые нормы, общественные ценности и технологические достижения постоянно развиваются, такая адаптивность незаменима.

¹ См. напр.: Попов В. И. Теоретико-прикладные аспекты категорий здравый смысл и абсурд в праве // Современное право. 2024. № 1. С. 35.

² См.: Картавая Ю. К., Кравченко О. Г. Формирование гражданской ответственности студентов — приоритетная задача ВУЗа // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-2. С. 93–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanstvennosti-studentov-prioritetnaya-zadacha-vuza> (дата обращения: 20.03.2024).

5. Наука развивает междисциплинарное мышление, что расширяет понимание правовых вопросов и помогает эффективно решать сложные, многогранные проблемы.

Хотя базовые теоретические знания формируют основу образования и помогают студентам приобрести необходимые компетенции, их может быть недостаточно для развития подлинного научного интереса или навыков, необходимых для проведения самостоятельных научных исследований.

На наш взгляд, при работе с обучающимися необходимо обращать внимание на ряд факторов, которые могут способствовать развитию научной любознательности и исследовательских способностей студентов.

В первую очередь исследовательский интерес и любознательность надо пробуждать и поощрять. Профессорско-преподавательскому составу на занятиях необходимо затрагивать проблемы, которые выходят за рамки образовательной программы, но их актуальность привлекает студентов настолько, что посредством вопросов и обсуждения у них формируется исследовательский интерес к самостоятельному изучению той или иной проблемы.

Еще одним важным фактором выступает наставническая деятельность, способствующая лучшей адаптации обучающихся к академической среде, значительно повышающая вероятность их образовательных и научно-исследовательских успехов¹. Наставники в лице профессорско-преподавательского состава играют подчас определяющую роль в развитии научных интересов студентов и руководстве ими в процессе исследований. Индивидуальное руководство, конструктивная обратная связь и наставничество могут помочь студентам развить свой научный потенциал и усовершенствовать свои исследовательские идеи.

Не стоит забывать о таком организационном факторе, как предоставление студентам доступа к библиотечным ресурсам, различным базам данных, обеспечение возможностью пользоваться передовыми информационными технологиями. Важное значение имеет и финансирование участия талантливых студентов в научно-представительских мероприятиях с докладами результатов своих исследований, в том числе организуемых в других городах. Совместные исследовательские проекты, рецензируемые публикации и участие в конференциях или симпозиумах могут предоставить студентам ценные возможности для общения, обмена идеями и ознакомления с различными исследовательскими методологиями и подходами.

Как результат, преподаватели могут не только передавать теоретические знания и практические навыки, но и вдохновлять студентов становиться активными участниками научного сообщества.

Как показала практика, достаточно продуктивным направлением по привлечению студентов в науку и развитию научных интересов является работа студенческих научных сообществ (далее — СНО).

Действительно, СНО могут служить весьма эффективным средством привлечения студентов к науке и развития их научных интересов. СНО предоставляют платформу для взаимодействия и совместной работы со сверстниками, позволяя им обмениваться идеями, кейсами и сотрудничать в исследовательских проектах.

Именно в СНО использование института наставничества осуществляется на постоянной основе, в рамках которого более опытные студенты или преподаватели предоставляют рекомендации и поддержку новичкам.

Эти занятия обогащают академический опыт студентов, расширяют их интеллектуальный кругозор и вдохновляют на дальнейшее и более глубокое и многоаспектное изучение юриспруденции.

Члены СНО выступают с сообщениями и докладами по темам своих научных исследований на заседаниях СНО, принимают участие в научных дискуссиях под руководством профессорско-преподавательского состава осуществляют подготовку выступлений на научных мероприятиях различного уровня, участвуют в конкурсах научных работ, осуществляют подготовку студенческих публикаций в научных изданиях².

Участвуя в заседаниях СНО, в обсуждении актуальных научных тем, публично выступая на научно-представительских мероприятиях, студенты развивают свои ораторские способности, учатся четко и убедительно формулировать свои мысли и взаимодействовать с аудиторией. А это,

¹ См.: Гиндес Е. Г., Троян И. А., Кравченко Л. А. Наставничество в высшем образовании: концепция, модель и перспективы развития // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 110–129.

² Приветствуется, когда у СНО есть своя «страница», канал в соцсетях, где размещается актуальная информация, касающаяся проблематики научных исследований, организации их проведения, участия в научно-представительских мероприятиях.

в свою очередь, повышает уверенность студентов в себе, их лидерские качества и способность эффективно излагать сложные идеи, способствует их успеху в юриспруденции и других областях научных знаний.

Следует отметить, что профессорско-преподавательским составом решается еще одна важная задача — выявление талантливых студентов, имеющих исследовательские достижения, чтобы в дальнейшем предоставлять им возможности для дальнейшего развития.

Важным стимулирующим фактором выступает признание и подтверждение выдающихся студенческих достижений в виде наград, стипендий или возможностей для публикации, что мотивирует к продолжению и совершенствованию занятия исследовательскими научными проектами.

В данном случае не стоит забывать и о перспективной цели — привлечении талантливых студентов к дальнейшему поступлению в аспирантуру. Это дает множество преимуществ, включая углубленную специализацию, возможности для проведения исследований, карьерный рост, профессиональное развитие и самореализацию.

Таким образом, стимулируя студентов к научно-исследовательской деятельности в рамках образовательного процесса, а потом в дальнейшем выпускников — к получению ученых степеней, воспитывается следующее поколение ученых, исследователей и лидеров, которые внесут значительный вклад в развитие юриспруденции.

Рувинский Роман Зиновьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории государства
и права Нижегородского института
управления — филиала РАНХиГС

Российская юриспруденция перед лицом глобальных кризисных трансформаций

Современная юридическая наука оказалась в затруднительном положении. Возможно, в наиболее затруднительном с тех пор, как на рубеже XVIII–XIX веков на месте плюрализма правовых порядков утвердился юридико-позитивистский монизм¹, а право стало прочно ассоциироваться с замкнутыми в своих границах национальными государствами. Отточенность и изощренность юридико-технического инструментария, используемого в текстах правовых актов, высокий престиж юридической профессии во всем мире и блеск регулярно проводимых научно-практических конференций по правовым проблемам лишь затеяют растерянность, тупиковость, самореферентность и глубокую вторичность юридического научного знания. Если пытаться подобрать параллели в истории науки, то, пожалуй, в качестве наиболее подходящей аналогии состоянию современного правоведения можно указать на... кризис классической физики, проявившийся к началу прошлого столетия и преодоленный впоследствии благодаря таким ученым, как М. Планк, А. Эйнштейн и Н. Бор. К сожалению, состояние российской юридической науки оставляет желать лучшего даже на фоне общемирового кризиса юриспруденции.

В общем-то, кризис — наиболее подходящее слово как для описания состояния современной юридической науки, так и для характеристики ситуации, сложившейся на сегодняшний день практически во всех областях общественной жизни. Судя по всему, достигла своих пределов социальная парадигма индустриального капитализма, соответствующая исторической эпохе модерна и известная такими своими атрибутами, как ценности Просвещения, признание объединенных в нацию граждан в качестве учредительной власти, формальное равенство граждан и безусловный императив для государственных органов действовать в соответствии с правом (хотя бы в значении позитивного права, то есть законов, принятых самими государственными органами). Право — квинтэссенция социального, правовые установления затрагивают наиболее значимый сегмент общественных отношений: по поводу формирования и функционирования системы управления в масштабах страны, международных отношений, имущественных, корпоративных, трудовых отношений и т. д. Поэтому нет ничего удивительного в том, что трансформации моделей организации общества, отправления власти и пользования социальными благами отражаются на действующем праве и современной науке о нем.

¹ Schmitt C. Die Lage der europäischen Rechtswissenschaft. Tübingen: Internationaler Universitäts-Verlag Publ., 1950.

Любая наука выполняет познавательную функцию. Без накопления знаний об изучаемом объекте выявление закономерностей развития этого объекта, следовательно, невозможно и построение траекторий его *будущего* развития. Любая наука формирует для себя тот или иной понятийно-категориальный аппарат, с помощью которого и описывает изучаемую действительность. Это очевидные истины, и такое положение дел совершенно естественно, однако бывает и так, что сформировавшийся понятийный аппарат становится не вполне адекватным изменившемуся объекту описания, а простое накопление знаний с привычным описанием сущего в устаревших понятиях и категориях препятствует своевременному и должному реагированию на вызовы динамичной реальности. Наука может отставать от жизни, особенно это касается наук социальных.

На самом деле, мы уже вышли за исторические рамки модерна — эпохи, породившей привычные нам представления о праве, государстве, правах человека, юридической ответственности и иных явлениях правовой действительности. Уже неоднократно говорилось о том, что современные государства все в меньшей степени соответствуют образу национального суверенного государства (то есть государства, суверенитет в котором принадлежит его народу), сформировавшегося в результате социальных революций в Европе и национально-освободительной борьбы в странах третьего мира¹. Процессы экономической глобализации сделали государственный суверенитет текучим, расплывчатым, а усовершенствование манипулятивных политтехнологий позволило свести электоральные процедуры по всему миру к формальности, симуляции. Зачастую граждане не понимают, кто и зачем принимает те или иные социально значимые решения: общественный договор не просто изменен — его, похоже, теперь вовсе не существует! На место правового государства-нации постепенно приходит новая управленческая модель — государство как платформа², или датафицированное³ (*datafied*) государство, все большее значение в рамках которого придается обработке репутационных данных об индивидах и организациях и в котором формально равные друг другу лица оказываются фактически неравны в возможности реализации своих законных прав⁴. Цифровая трансформация публичного управления не только делает пользование отдельными государственными услугами более удобным, но и в конечном счете необратимым образом трансформирует облик государственности в целом, характер отношений между гражданином и государством, место индивида в рамках существующего правопорядка. Параллельно всему этому можно обнаружить симптомы эрозии права собственности⁵ и возрастающие правовые проблемы, сопряженные с развитием искусственного интеллекта и робототехники⁶.

Мир меняется на наших глазах, а у юристов есть как будто бы всего два способа реагировать на происходящие перемены: закрыть на них глаза и продолжать рассуждать о праве и государстве в терминах прошлого столетия или горячо приветствовать происходящие перемены, описывая сущее как должное. Конечно, есть приятные исключения, но два указанных варианта, судя по всему, наиболее распространены. Чтобы убедиться в этом, достаточно поучаствовать в паре-тройке отечественных научных конференций по праву: лучшие выступления на них, как правило, скрупулезно разбирают уже сложившиеся практики, уже принятые решения (сложившийся режим правового регулирования определенной области отношений, сформировавшуюся уже судебную практику),

¹ См.: Jaysuriya K. Globalization, Law and the Transformation of Sovereignty: The Emergence of Global Regulatory Governance // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1999. Vol. 6. No. 2. Pp. 425–455; Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. С. 118–126.

² См.: Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. Москва: Институт стратегических разработок, 2018. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9cccf0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 20.05.2024); Alauzen M. The platform state and digital identification of users: The FranceConnect design process // *Réseaux*. 2019. No 1 (213). Pp. 211–239.

³ Dencik L. The datafied welfare state: A perspective from the UK // *New Perspectives in Critical Data Studies*. 2022. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-96180-0_7 (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ См.: Рувинский Р. З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление: монография. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2022. С. 150–151.

⁵ См.: Kreiczer-Levy S. Destabilized Property: Property Law in the Sharing Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

⁶ См.: Simshaw D. Ethical Issues in Robo-Lawyering: The Need for Guidance on Developing and Using Artificial Intelligence in the Practice of Law // *Hastings Law Journal*. 2018. Vol. 10. Pp. 173–212; Zekos G. I. Advanced Artificial Intelligence and Robo-Justice. Cham: Springer, 2022.

худшие же повторяют известные истины или представляют собой рассуждения о далеких и мало-актуальных вопросах, выделения новых таксономий известных правовых явлений, нахождения различий в подходах к правопониманию отдельных зарубежных авторов, описания правовой истории далеких экзотических стран (то есть о всем том, что можно было бы назвать «*юридическим фэнтези*»).

В зарубежном, западном правоведении ситуация несколько отличается: ученые-юристы (разумеется не все, но речь здесь об общей картине) в меньшей степени, чем их российские коллеги, заняты обоснованием сущего как должного и обсуждают отнюдь не беспроблемные исследования, проводимые с целью накопления знания ради самого знания. В центре внимания наших западных коллег именно актуальные, острые проблемы современного политико-правового бытия, хотя так же, как и в России, на Западе правоведы стараются не выходить за пределы господствующего дискурса (разница лишь в том, что западный дискурс имеет стилистические и содержательные расхождения от российского), не подвергать сомнению доминирующие нарративы¹. Какой бы ограниченной и идеологизированной ни была западная юридическая наука, она, судя по всему, не боится переосмысления устоявшихся политико-правовых концептов, отказа от юридического языка и принципов ушедшей уже эпохи. Западные ученые не только не боятся, но, складывается впечатление, даже активно стремятся к отходу от устоявшихся политико-юридических нарративов модерна. В России же мы почему-то до сих пор говорим о государстве как о самодостаточной суверенной политико-территориальной организации, выражающей долгосрочные интересы той или иной нации, о праве как прежде всего о наборе положений, установленных на национальном уровне государственными органами и имеющих безусловный приоритет над любыми правилами и стандартами наднационального / внесударственного происхождения, о процедурах правового принуждения как о том, что всеобъемлющим образом описано в соответствующих нормативных правовых актах. Как будто бы на дворе не 2024-й, а 1974-й или даже 1924-й год. Как будто бы не было фактически незаконного (и при этом не внеправового!) ограничения прав и свобод граждан по всему миру в период пандемии коронавируса, не было надстраивания внеконституционных обязанностей и ограничений поверх системы конституционных норм. Как будто бы процессы сбора и обработки все больших массивов цифровых данных о поведении субъектов и их репутации не ведут к трансформации механизмов юридической ответственности и ретроспективного расследования уже совершенных правонарушений в систему управления рисками², превентивного ограничения прав в фактически перспективное понимание юридической ответственности³.

¹ Показательными в этом плане являются тематика и содержание докладов на конференции Международного общества публичного права *ICON*S Mundo* (6–9 июля 2021 г.), в работе которой довелось принять участие автору настоящей статьи. Исследования, посвященные вполне современным, актуальным темам, были в основном довольно-таки узки в своей направленности и редко пытались представить общую картину рассматриваемой проблематики. Сложилось ощущение, что большинство участников мероприятия разделяют набор примерно одних и тех же идей, установок и ценностей. В целом это ценности и установки глобализма, в рамках которого прекрасно сосуществуют и вполне традиционные либерально-западнические идеологии, и как бы антизападнический антиколониальный дискурс угнетенных народностей, расовых и сексуальных меньшинств и т. п. Государства в рамках такого «глобалистского» дискурса воспринимаются по большей части как некое препятствие, рудимент прошлой эпохи, необходимое зло в условиях перехода к новой реальности (и, как ни парадоксально, инструмент этого перехода). То, что расходится с космополитическими либеральными установками, объявляется авторитаризмом, требующим как минимум существенного реформирования, а как максимум — полного демонтажа. Было заметно, что западные правоведы довольно-таки основательно разбирают такие частные вопросы, как риски включения дискриминационных критериев оценки индивидов в современные алгоритмические системы, формирование систем регулирования и правоприменения на базе технологий искусственного интеллекта, защиту конституционализма от популизма и авторитаризма и т. п., но мало кто готов задаться вопросом о том, для чего разрабатываются соответствующие системы регулирования, правоприменения и контроля, кто стоит за их внедрением, в какую сторону их внедрение трансформирует институты государственности и правовые системы, не разрушают ли все эти инновации современный конституционализм гораздо эффективнее любого авторитаризма и популизма. За частными проблемами теряется из виду общая картина правового порядка. Судя по всему, в западной науке, как и в российской, существует самоцензура.

² См.: Coleman R., McCahill M. *Surveillance & Crime*. London: SAGE, 2011. Pp. 69–70, 75.

³ Рувинский Р. 3. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление. С. 135.

Как будто бы глобальная повестка так называемой борьбы с изменением климата»¹, цифровой трансформации публичного управления², предупреждения новых пандемий и энергетического перехода³ реализуются на уровне отдельных государств исключительно по их суверенной воле, а принимаемые на уровне отдельных стран решения лишь по случайности осуществляются синхронно по всему миру. Как будто бы отдельное, даже располагающее значительными ресурсами и военной мощью, государство действительно в наше время может не оглядываться в проведении своей политики на решения наднациональных институтов регулирования и управления (ВОЗ, ФАО, Всемирный Банк, МВФ и др.)⁴... Если отечественные ученые в своих академических публикациях еще как-то пытаются осмыслить актуальные проблемы и противоречия, то учебники, по которым учат будущих юристов, могут отставать от современных реалий на десятилетия.

Отсутствие остроты подлинной проблемы, которой стоило бы заниматься и стоило бы решать в отечественных исследованиях, особенно в исследованиях теоретико-правового характера — отдельная тема для разговора. Давно неактуальна уже и игра в правовой постмодернизм, выискивание постклассических определений понятия права, релятивизация всего и вся, сомнение в достоинстве. То, что на Западе обсуждали в 1960–80-е годы, российские ученые почему-то обсуждают до сих пор, хотя уже даже на Западе вместо модного прежде отказа от устойчивых объяснительных конструкций в ходу жесткие политико-правовые нарративы: критика институтов национального государства и авторитарного законодательства отдельных национальных государств, юридикация так называемой культуры отмены (*cancel culture*), юридикация репутации субъекта и пр.

В то время как российские авторы продолжают выискивать истину в трудах Кельзена и Дворкина, их западные коллеги формируют новую, правовую (а по сути, *постправовую*) доктрину, делая это, впрочем, полубессознательно, плохо отдавая себе отчет в том, что такая доктрина и соответствующая ей практика в перспективе способны покончить с цивилизацией права как таковой, с идеалами правового государства и верховенства права во всех сферах общественной жизни. Что включает в себя эта набирающая силу юридическая доктрина? Среди ее составляющих: обесценивание индивида в качестве субъекта права путем признания правосубъектности за животными, системами искусственного интеллекта и иными объектами⁵; отрицание значимости принципов права эпохи модерна через его критику с позиций теории антропоцена⁶; релятивизация права собственности, замена собственности иными, более гибкими формами владения и пользования⁷;

¹ Ср.: Климатическая доктрина Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 года № 812. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310260009> (дата обращения: 20.05.2024); Regulation (EU) 2021/1119 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 ("European Climate Law") // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=legisum:4536626> (дата обращения: 20.05.2024).

² Ср.: Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления: утверждено распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 года № 637-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403200032> (дата обращения: 20.05.2024); Regulation (EU) 2021/694 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2021 establishing the Digital Europe Programme and repealing Decision (EU) 2015/2240 // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/694/oj>. (дата обращения: 20.05.2024).

³ Ср.: О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 6 марта 2022 года № 34-ФЗ. URL: <http://wwwpublication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203060003> (дата обращения: 20.05.2024); Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions REPowerEU Plan // EUR-Lex. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2022:230:FIN> (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ В качестве замечательного примера глубокого понимания роли транснациональных акторов и создаваемых ими норм не только в развитии правовых систем, но и в развитии юридической эпистемологии см.: Avbelj M. Transnational law between modernity and postmodernity // *Transnational Legal Theory*. 2017. Pp. 406–428.

⁵ См.: Oliveira A. Subject (in) Trouble: Humans, Robots, and Legal Imagination // *Laws*. 2020. Vol. 9. No. 2. URL: <https://doi.org/10.3390/laws9020010> (дата обращения: 20.05.2024).

⁶ См.: Biber E. Law in the Anthropocene Epoch // *The Georgetown Law Journal*. 2017. Vol. 106. No. 1. Pp. 1–68; Grear A. Legal Imaginaries and the Anthropocene: "Of" and "For" // *Law and Critique*. 2020. Vol. 31. Pp. 351–366; Капра Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / пер. с англ. Г. Карпова. Москва: изд-во Института Гайдара; Санкт-Петербург: факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, 2021.

⁷ Krecizer-Levy S. Op. cit.

новое, более широкое понимание юридической ответственности и наказания; критика существующих норм о неприкосновенности частной жизни как избыточных¹; сдвиг от консенсусных форм организации общественной жизни к формам, предполагающим принуждение.

В то время, когда одновременно и на Западе, и на Востоке право постепенно заменяется новой синкретической системой социальной регуляции², в рамках которой позитивное право является лишь основанием / поводом для применения инструментов цифрового поведенческого анализа, социального дизайна и технологических артефактов, в России мы не можем и не должны копировать чужие концепты, плестись за чужими (не важно, европейскими или, допустим, китайскими) трендами. Нельзя ни продолжать переваривать устаревшие и *de facto* переставшие соответствовать реальной жизни доктрины законности, правового государства, государственного суверенитета и т. д., ни бездумно перенимать новомодные конструкты, такие как цифровое право, государство как цифровая платформа, социально-кредитная репутационная оценка, управление рисками (как заменитель традиционных механизмов профилактики правонарушений и юридической ответственности), суверенитет как ответственность³ и собственность как бремя⁴. Некоторые из специфических современных доктрин и конструкций могут быть полезны и потребуют усилий для их развития, но всегда, прежде чем перенимать что-то, должны быть заданы вопросы: «Куда это ведет?», «Кому это нужно?», «Кто от этого выиграет?»

Российской юридической науке предстоит найти ответы на вызовы, возникающие как вследствие объективно-исторических процессов, так и вследствие субъективных по своей природе программ и проектов, воплощаемых сегодня за рубежом. Предстоит сформулировать свое отношение к развивающимся на Западе политико-правовым нарративам: очевидно, что это отношение не может и не должно сводиться к отворачиванию спиной или примитивной огульной критике этих нарративов в пользу концептов и идей прошлого и позапрошлого веков. Но важно также не очароваться модными и, казалось бы, прогрессивными идеями зарубежных коллег.

Юридическая наука не должна существовать автономно от практики и не может сводиться лишь к апологетике устоявшихся практик и принятых решений. Прогресс российской правовой системы в значительной степени будет зависеть от того, удастся ли юридической доктрине стать мастерской по выработке концептуальных смыслов и конкретных будущих решений, удастся ли ей вернуть праву звание «искусства доброго и справедливого». Пока наука о праве в России — скорее, подручный инструмент для обоснования уже предreshенного и содействия действующей власти в выполнении отдельных узкотехнических задач (последнее объясняет причину того, почему у нас одним из наиболее перспективных и плодотворных направлений юридического научного знания является юридическая техника).

Ученым предстоит покинуть башню из слоновой кости увлекательных, но далеких от жизни фэнтезийных проблем, а также занять более независимую позицию по отношению к решениям начальства (представителей действующей государственной власти, занимающих ответственные посты в управленческой иерархии). Как бы некомфортно это ни было. Потому что наука должна прежде всего служить обществу.

¹ См., например: Annual Report 2019–2020 / World Economic Forum. November 2020. P. 132. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Annual_Report_2019_2020.pdf (дата обращения: 20.05.2024); King J., Meinhardt C. Rethinking Privacy in the AI Era: Policy Provocations for a Data-Centric World / Stanford University. White Paper. February 2024. URL: <https://hai.stanford.edu/sites/default/files/2024-02/White-Paper-Rethinking-Privacy-AI-Era.pdf>. (дата обращения: 20.05.2024).

² См.: Рувинский Р. З. Правовые аспекты внедрения системы социального кредита в современное публичное управление. С. 176–184.

³ См.: Walling C. B. Human Rights Norms, State Sovereignty, and Humanitarian Intervention // Human Rights Quarterly. 2015. Vol. 37. Pp. 383–413.

⁴ См.: Bavikatte S. K. Stewarding the Earth: Rethinking Property and the Emergence of Biocultural Rights. Oxford University Press, 2014. Pp. 116–143; France-Hudson B. Surprisingly Social: Private Property and Environmental Management. *Journal of Environmental Law*, 2017, vol. 29, no. 1, pp. 101–127.

Сафронов Дмитрий Владимирович,
кандидат технических наук, доцент,
профессор кафедры управления
Нижегородской академии МВД России;
доцент кафедры инфокоммуникационных
и профессиональных дисциплин
Волго-Вятского филиала Московского
технического университета связи
и информатики

Настоящее и будущее применения искусственного интеллекта в юридической науке и практике

В последнее время мы все чаще слышим понятие «искусственный интеллект». Однако часть людей не знает, что он собой представляет, как функционирует и каковы его реальные возможности и перспективы применения. Особенности архитектуры нейронных сетей (далее — нейросети), реализующих искусственный интеллект (далее — ИИ), существенно различны и определяют как сравнительные недостатки, так и преимущества.

Следует отметить, что нейросеть — это вычислительная модель, вдохновленная биологическими нейросетями. Она состоит из множества узлов (нейронов), которые связаны между собой и могут передавать сигналы друг другу. Нейросети способны обучаться и адаптироваться к новым данным, что делает их мощным инструментом для решения различных задач, таких как распознавание образов, обработка и генерация аудио- и видеoinформации, анализ данных и прогнозирование на основании анализа.

Ни для кого не секрет, что ИИ уже сегодня применяется в таких областях жизнедеятельности человека, как различные сферы экономики, производства, в сельском хозяйстве, медицине, образовании, финансовом секторе, транспорте и логистике, продаже и маркетинге, издательской деятельности, развлекательной индустрии, телекоммуникации, системах безопасности и так далее. Не является в этом смысле исключением и юридическая наука.

Однако необходимо заметить, что в зависимости от построения (архитектуры) нейросети ее возможности различны. С одной стороны, для создания компанией *OpenAI* достаточно известной нейросети *ChatGPT* потребовалось огромное количество специалистов, времени, вычислительных мощностей и финансовых ресурсов¹. С другой стороны, отдельные производители заявляют, что уже сейчас внедрили ИИ в видеорекамеры и видеоредакторы, обладающие ограниченной производительностью, памятью, незначительным энергопотреблением².

Возможности ИИ по обработке разного объема информации и различия указанных нейросетей основаны на различиях построения и зависят от количества слоев сети, на которых производится проверка соответствия определенным критериям, порядка их чередования и особенностей применения так называемых «весов», или коэффициентов каждого из слоев. Именно особенность расчета коэффициентов слоев нейросети новой архитектуры *KAN (Kolmogorov-Arnold Networks)*, в честь советских ученых Колмагорова и Арнольда) впервые с 1957 года (год создания многослойного перцептрона *MLP*) предопределила более высокую точность совпадения с образами и скорость получения результата анализа³. Ввиду неизбежного процесса совершенствования нейросетей в будущем следует учитывать возможные профилактические и оптимизационные работы по преобразованию ранее построенной нейросети в более производительную и эффективную.

Именно наиболее эффективные нейросети имеет смысл применять для анализа большого объема существующей правовой информации и генерации новой при решении задач юридической науки. В настоящее время такими текущими задачами являются следующие.

¹ URL: <https://3dnews.ru/1094315/mirovaya-iiinfrastruktura-moget-potrebovat-stolko-ge-elektroenergii-skolko-i-nebolshaya-strana> (дата обращения: 20.05.2024)

² См.: Что такое камера с искусственным интеллектом? URL: <https://www.tp-link.com/ru/technology/vigi-ai/> (дата обращения: 20.05.2024).

³ См.: На практике пробуем KAN — принципиально новую архитектуру нейросетей. URL: <https://habr.com/ru/articles/812147/> (дата обращения: 20.05.2024).

1. Обработка документов с автоматическим анализом контрактов с выделением ключевых положений и потенциальных рисков, а также систематизацией данных при организации и классификации юридической информации на основе использования природно-языкового обработчика (*Natural Language Processing, NLP*).

2. Проведение юридических исследований с поиском релевантных судебных решений, законов и статей, что значительно ускоряет процесс подготовки дел, а также с анализом судебной практики, что помогает адвокатам и юристам лучше понимать подходы судов при рассмотрении конкретных вопросов.

3. Проведение аналитики с прогнозированием вероятности успеха или неудачи судебных дел на основе существующей практики, чтобы помогать юристам оценивать риски и принимать обоснованные решения.

4. Юридические ИИ-боты и виртуальные помощники способны предоставлять базовые юридические консультации клиентам, отвечая на часто задаваемые вопросы и направляя их к нужным ресурсам; проводить сопровождение клиентов, помогая клиентам отслеживать статус их дел и управлять документами.

5. Автоматизация административных задач ускоряется с ИИ при выполнении генерации на основе шаблонов юридических документов, таких как: жалобы, ходатайства и контракты, а также при управлении делами с оптимизацией рабочих процессов, управлении сроками и задачами.

Для более широкого внедрения ИИ в процессы, связанные не только с юридической практикой, но и с юридической наукой, требуются, во-первых, подготовка цифровой базы для ИИ, а именно оцифровка максимально большего количества юридических документов с последующим их детальным анализом; во-вторых, привлечение достаточно большого числа высококвалифицированных специалистов в области ИИ для реализации процесса обучения, вычислительных мощностей, финансов на уровне государства или как минимум ведомств.

Следует учесть, что большинство из известных сотен тысяч нейросетей выполняют сугубо ограниченный набор функций для обработки текста, аудио- и видеoinформации и не предназначены для решения широкого спектра задач, присущего юридической науке и практике. Для решения разнородных задач, предполагающих анализ большого объема информации, требуется либо сосредоточение вычислительных мощностей и обеспечение доступа к ним (как с *ChatGPT-4o*), либо их распределение по отдельным вычислительным машинам, функционирующим в сети.

В любом случае в будущем, когда уровень развития технологий позволит аккумулировать необходимые для эффективной работы ИИ мощности в одном устройстве, дополнительно может быть реализовано выполнение следующих задач.

1. Проведение углубленного анализа огромных объемов данных для выявления скрытых закономерностей и тенденций может быть полезно в антимонопольных расследованиях, финансовом регулировании и других областях, а также при автоматическом отслеживании изменений в законодательстве для помощи организациям и компаниям в соблюдении нормативных требований.

2. Оптимизация судебной системы возможна посредством применения автоматизации процесса судопроизводства, автоматизации рутинных задач, альтернативного разрешения споров с использованием онлайн-платформ.

3. Интенсификация образования и обучения может быть достигнута посредством создания адаптивных образовательных программ для студентов юридических факультетов и профессионалов с целью овладения ими новыми навыками и знаниями. Кроме того, ИИ будет проверять степень усвоения учебного материала, результаты заданий для самостоятельного обучения, а также поможет анализировать эффективность учебных программ и предлагать улучшения.

4. ИИ способен обеспечить проведение судебной аналитики в части решения судей и предсказуемости их поведения в различных типах дел, может помочь в разработке стратегий защиты и обвинения, а также в поддержке принятия решений, предоставляя судьям аналитическую информацию и рекомендации, основываясь на большом массиве данных.

При этом необходимо отметить, что большинство специалистов, связанных с реализацией ИИ во всех сферах жизни человека, предостерегают от предоставления ИИ значительной свободы в части принятия решений и их реализации¹. Дело в том, что решения, принятые ИИ, носят вероят-

¹ См.: «Осталось два года». Ученый предупредил о смертельной угрозе человечеству. URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/ostalos-dva-goda-uchenyy-predupredil-o-smertelnoy-ugroze-chelovechestvu-61343770/> (дата обращения: 20.05.2024).

ностный характер, могут быть ошибочны и должны быть приняты с учетом правовых и этических норм, регулирующих использование ИИ, включая вопросы защиты данных, соблюдения прав человека в различных областях его жизни, именно поэтому за действиями ИИ требуется постоянный контроль со стороны человека.

В заключение следует отметить, что вопрос применения ИИ в юридической науке и практике не стоит. Положительный ответ на него уже получен эффективным применением ИИ при решении ряда юридических задач, спектр которых в будущем будет только существенно пополняться.

Сивицкий Владимир Александрович,
 кандидат юридических наук,
 профессор кафедры конституционного
 и административного права
 Санкт-Петербургского филиала
 НИУ ВШЭ

О роли правовой науки в систематизации законодательства

Говоря о систематизации законодательства, ее чаще всего понимают как упорядочение и совершенствование действующего нормативно-правового материала путем его обработки и изложения по определенной системе в виде сборников актов или в форме сводных кодификационных актов¹; объединение отдельных нормативных установлений в единую, внутренне согласованную систему²; целенаправленное упорядочение форм выражения права, осуществляемое с целью устранения несогласованностей между нормами права, очистки правовой системы от устаревших правовых норм и установления новых норм, соответствующих достигнутому уровню развития общества³; упорядочение действующих законов, всех нормативных актов, приведение юридических норм в упорядоченную, согласованную систему⁴. Уже сам характер этого вида деятельности в сфере юриспруденции ориентирует на то, что без вовлечения в нее юридической науки (а точнее, ее представителей) не обойтись.

Каковы же сферы применения научного потенциала в решении вопроса о систематизации законодательства?

Прежде всего, безусловно, теоретическая проработка этого вопроса. Проблемы систематизации исследовались в работах С. Н. Братуся, И. Л. Брауде, А. Н. Иодковского, Д. А. Керимова, М. Г. Кириченко, А. И. Лукьянова, А. В. Мицкевича, А. С. Пиголкина, С. В. Полениной, Т. Н. Рахманиной, И. С. Самощенко, А. С. Соминского, Ю. А. Тихомирова, А. А. Ушакова, А. Ф. Шебанова и других ученых.

В отечественной юридической науке всплеск научного интереса к проблемам систематизации замечен во второй половине 50–60-х годов. В этот период ряд юридических научных учреждений и вузов выпускали сборники научных трудов по вопросам кодификации, вышел ряд монографий, в которых давался теоретический анализ проблем систематизации, был опубликован ряд статей по этому вопросу. В 1962 году вышли работы «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства» (под ред. А. Н. Мишутина) и «Кодификация и законодательная техника» (Д. А. Керимов), в 1968 — «Развитие кодификации советского законодательства» (отв. ред. С. Н. Братусь), в 1969 — «Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства» (под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко). В этих, а также некоторых других работах дается теоретический анализ проблем систематизации, вносятся предложения по порядку ее осуществления.

В 1981 году вышла в свет работа «Свод законов Советского государства: теоретические проблемы» (отв. ред. И. С. Самощенко). Научный интерес к проблеме совершенствования законодательства актуализировался в конце 80-х — начале 90-х годов. Эта проблема обсуждалась в научных кругах, затрагивалась в выступлениях видных ученых и практиков в печати.

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / отв. ред. Е. А. Лукашева. Москва, 1973.

² См.: Основы теории государства и права / под общ. ред. Н. Г. Александрова. Москва, 1960. С. 399.

³ См.: Общая теория государства и права: в 2 т. / под ред. В. С. Петрова, Л. С. Явича. Москва, 1974. Т. 2. С. 285.

⁴ См.: Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. Москва, 1994. С. 125.

В 2003 году под редакцией А. С. Пиголкина вышла книга «Систематизация законодательства в Российской Федерации», в которой развиваются и приумножаются наработки советских и российских ученых в этой сфере.

Таким образом, можно констатировать наличие в отечественной юридической науке такого сегмента, как наука о систематизации законодательства. Причем ее сложно отнести к конкретной отрасли науки. Помимо теории государства и права, к которой она, безусловно, тяготеет, в ней имеется существенный государственно-правовой (конституционно-правовой) элемент, так как вопросы систематизации тесно пересекаются с вопросами законотворческой деятельности. А также нельзя отрицать ее проникновение в иные отрасли юридической науки, так как постоянно затрагивались особенности систематизации в различных отраслях права. То есть тот сегмент, который можно условно назвать «наукой о систематизации», носит во многом межотраслевой характер.

Теоретическая проработка вопросов систематизации должна, естественно, получать практический выход. Необходимо отметить, что и ряд перечисленных научных трудов были, по сути, научным сопровождением осуществлявшейся в соответствующий период времени практической деятельности по систематизации.

Необходимость участия ученых в правотворческой работе является общепризнанной. Причем «участие ученых-юристов должно состоять не только в обсуждении уже готового проекта... а главным образом в подготовительных работах по созданию проекта»¹. Сказанное в полной мере относится не только к проектам отдельных правовых актов, но и к проектам систематизации законодательства.

Высокая квалификация — основная, но не единственная причина необходимости привлечения ученых к процессу систематизации. Также имеет большое значение их независимость, способность самостоятельно, не будучи связанными какими-либо ведомственными интересами, провести соответствующую аналитическую работу или оценить ее результат. Важен и фактор «преодоления рутины»: систематизация требует высокой концентрации творческих усилий, а любой орган власти загружен текущей работой, и поэтому выделить необходимый кадровый ресурс для решения такой некаждодневной задачи может быть проблематично.

Как представляется, участие науки в систематизации начинается на самом раннем этапе — в решении вопроса о ее необходимости. В этой связи можно вспомнить спор между профессорами Тибо и Савиньи, известный как «кодификационный спор». Спор был вызван предложением Тибо о создании общегерманского кодекса гражданского права (Германия тогда не была единым государством). Савиньи же выступил против идеи Тибо: он утверждал, что в основе права лежат исторически сформировавшиеся обычаи и традиции, составляющие «народный дух» права, и законодательные проекты не должны и не могут ломать сложившуюся систему регулирования. Этот спор (позиция Савиньи в нем) во многом сформировал историческую школу права².

Данный пример наглядно демонстрирует, какой глубокий концептуальный уровень может иметь позиция ученого по вопросу о необходимости систематизации — даже порождать новую школу права. И уровень обсуждения такого вопроса может перерасти сугубо правовой и приобретать философско-правовой характер.

Но и для сугубо юридической материи в таком споре есть место. Так, в одной из упомянутых выше работ, относящейся к началу текущего века, применительно к перспективам систематизации в России с сожалением отмечается, что «в условиях модификации, революционного преобразования правовой системы, когда отменяются целые нормативные блоки, регулирующие отживающие, подлежащие существенному реформированию отношения, когда, по сути, дела создается качественно новая общественно-экономическая система, объективно требующая обновленных законов, систематизация законодательства как бы уходит на второй план»³.

Иными словами, важен правильный выбор удачного времени для начала систематизации, чтобы она не была «фальстартом» и не дискредитировала сама себя. А этот выбор во многом зависит от того, рассматривать ли систематизацию как только способ упорядочения существующего

¹ Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). Москва, 1968. С. 43.

² См. подробнее: Савиньи К. Ф. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря, предисл. О. Кутателадзе. Москва: Статут, 2011. С. 10–12; Кресин А. В. Дискуссия исторической и историко-философской школ: вопрос о социальных и компаративных основаниях права и юридической науки // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 85–102.

³ Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. Москва, 2003. С. 31.

или и как средство развития системы правового регулирования. В свою очередь, приверженность одному из этих методологических подходов влияет на представление о форме и результате систематизации и об организации работы по ней.

При решении вопроса о необходимости систематизации, в том числе применительно к конкретному моменту времени, важна и прогностическая функция правовой науки в смысле способности предвидеть, как осуществление систематизации скажется на состоянии правовой системы не только в краткосрочной, но и в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Так, например, проведенная под руководством Сперанского работа по составлению Полного собрания законов Российской империи в 1830 году и Свода законов Российской империи в 1832 году, безусловно, имела огромное значение. Свод, конечно, перерос форму инкорпорации, ведь определенная содержательная переработка нормативных предписаний имела место¹. Но при том, что на определенном этапе Свод законов, безусловно, был достижением, в последующем он стал в некоторой степени тормозом развития законодательства. Можно предположить, что в отсутствие Свода законов правотворчество, особенно в царствование Александра II, развивалось бы еще более бурно, а инструменты правового регулирования оказались бы более прогрессивными, чем закрепленные в Своде.

Предположим, вопрос о необходимости систематизации решен, и дальше стоит задача определиться с конкретной формой систематизации. Альтернативами могут рассматриваться кодификация и инкорпорация, но необходимо отметить, что «водораздел» между ними не является жестким.

Так, Ф. Шебанов утверждал, что «...особой, более высокой и сложной формой инкорпорации можно считать такую форму систематизации нормативных материалов, когда... при составлении сборников действующего законодательства идут на то, чтобы... в некоторых случаях заменить действующий акт или несколько актов по одному и тому же вопросу вследствие их противоречивости, устарелости, разрозненности новым нормативным актом»². И. С. Самощенко и Л. С. Явич также справедливо отмечали, что инкорпорация «не исключает возможности попутных с инкорпорацией и в связи с ней некоторых изменений формы и содержания законодательства компетентными органами по представлению инкорпоратора»³. Составители Свода законов Российской империи в 30-х годах прошлого века, даже будучи связаны предписанием поместить в Свод законы «без всякого изменения в существе их», все равно включили в инкорпорированный нормативный массив новые нормы⁴. П. И. Стучка при составлении Свода законов СССР прямо призывал перейти к коренной переработке законодательства⁵.

Вообще говоря, ценность банальной, не связанной с переработкой нормативного массива инкорпорации сейчас, в век информационных технологий, представляется довольно низкой. Но и у кодификации группы правовых актов по одному предмету в единый акт также есть определенные разумные пределы. В каждом конкретном случае эти пределы надо определять, в том числе исходя из определенных отраслевых особенностей предмета систематизации.

Соответственно, как представляется, задача юридической науки применительно к определению конкретной формы систематизации не может ограничиться линейным выбором между кодификацией и инкорпорацией. По сути, она должна состоять в формировании достаточно определенного представления о модели (схеме) правового регулирования в систематизируемом сегменте законодательства, включающей перечень нормативных правовых актов с предметом регулирования. Естественно, подразумевается, что такая модель (схема) должна составляться, с одной стороны, на основе собственных научному мышлению представлений об идеале. Однако, с другой стороны, не должен отбрасываться и фактор прагматизма: самая, казалось бы, идеальная схема может оказаться нереализованной, если вступит в коллизию с устоявшимся в правоприменительной практике восприятием системы нормативного правового регулирования в соответствующей сфере.

¹ Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. Москва, 2003. С. 300.

² Шебанов А. Ф. Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией действующего законодательства // Советское государство и право. 1960. № 7. С. 141.

³ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. С. 7.

⁴ Там же. С. 36–37.

⁵ Стучка П. И. Революционная кодификация // Революция права. 1929. № 5. С. 18.

При этом если речь идет об инкорпорации, то модель (схема) правового регулирования также предполагает решение вопроса о способе размещения нормативных актов в инкорпорированном материале (предметный, хронологический и т. д.), о наличии и составе указателей в нем (оглавление, алфавитно-предметный указатель и т. д.). Такие вопросы лишь на первый взгляд кажутся техническими, на самом деле они имеют важное значение для удобства пользования результатом систематизации законодательства, то есть, собственно, для реализации одной из ее важнейших задач. И правильное решение этих вопросов вполне могут подсказать ученые, опираясь в том числе на сравнительно-правовые исследования (изучение опыта инкорпорации в других странах), отечественную практику систематизации в Российской империи и Советском Союзе. При этом, имея в виду перспективы размещения результата официальной инкорпорации в электронном виде, традиционные представления о форме инкорпорированного материала должны сочетаться с пониманием возможностей электронного представления соответствующего нормативного массива.

Если же речь идет о кодификации, то, чтобы модель (схема) правового регулирования не носила излишне общий и затруднительный в реализации характер, уже на этой стадии работы должны быть определена структура планируемого кодифицированного акта (по крайней мере, по наиболее крупным элементам структуры), связь с другими актами (например, будут ли некоторые вопросы отсылочно выделены в отдельные нормативные акты, какие акты будут интегрированы в кодифицированный и прекратят свое существование). И здесь, конечно, основное слово должно быть за исследователями соответствующей предметной области (отрасли) права.

Собственно, конечный результат составления модели (схемы) правового регулирования должен состоять в том, чтобы была создана своеобразная «проектная документация» для осуществления систематизации.

На стадии реализации этой «проектной документации» в том случае, когда речь идет о кодификации или об инкорпорации, сопряженной с параллельным изменением нормативных правовых актов (на возможность таковой указывалось выше), содержание роли представителей юридической науки будет в целом аналогичным их обычной возможной роли в процессе разработки и принятия нормативных правовых актов. В том числе с учетом того, что само по себе создание системообразующего для отрасли права кодифицированного акта традиционно сопровождается активным привлечением представителей соответствующей отрасли юридической науки.

В том же редком случае, когда речь может идти о классической инкорпорации нормативных правовых актов (не сопровождающейся их переработкой), усилия привлеченных к этому процессу ученых могут быть сконцентрированы прежде всего на содействии решению спорных и сложных вопросов, возникающих при отборе актов для такой инкорпорации (в частности, по вопросу о том, является ли акт нормативным), а также на определении места нормативного акта в инкорпорированном материале.

Каковы возможные формы участия представителей юридической науки в работе по систематизации законодательства? Как представляется, для обсуждения вопроса о необходимости систематизации достаточно проведения круглых столов, «мозговых штурмов» с их приглашением, не исключено направление просьб письменно представить мнение. Когда же речь заходит об участии в составлении модели (схемы) правового регулирования в систематизируемом сегменте законодательства и тем более о ее реализации, это предполагает достаточно высокую и достаточно регулярную погруженность в процесс в ущерб другим активностям. Поэтому вполне может возникнуть вопрос о компенсации соответствующих усилий, что, с другой стороны, позволяет требовать и результативности участия.

Причем, хотя составление модели (схемы) правового регулирования, в отличие от ее воплощения в жизнь, может быть осуществлено с привлечением сравнительно небольшой группы ученых, важно участие в этом процессе представителей ведущих в соответствующей отрасли права научных школ. Иначе недоумение по поводу того, что мнение ряда из них по столь, как правило, значимому для отрасли вопросу не было даже заслушано, может отвлечь их от участия в дальнейшей работе по реализации этой модели (схемы), а также привести к формированию и дальнейшей «трансляции» негативной оценки «продукта», созданного без их участия, что может затруднить процесс систематизации. По этой причине, кстати, было бы сомнительным проведение конкурса между научными учреждениями на проведение работы по систематизации: даже если его критерии будут абсолютно справедливыми и прозрачными, все равно останутся недовольные результатами, что может повлечь указанные проблемы.

Соответственно, в вопросе определения состава представителей юридической науки, участвующих в этом процессе, требуется повышенная деликатность. Оптимальным представляется все-таки личное и, возможно, при соответствующей интенсивности трудозатрат, оплачиваемое участие представителей юридической науки, представляющих разные научные школы и авторитетных в соответствующей области, в работе, по крайней мере, над крупными проектами по систематизации. При этом может быть определен оператор такой деятельности, которому будет выделено соответствующее финансирование, но под условие его использования определенным образом, включая критерии формирования соответствующих рабочих групп.

Когда же будет реализовываться масштабный проект по систематизации всего законодательства, не исключено и создание специальной институции. Д. А. Керимов, например, в свое время предлагал создать Управление или Отдел кодификации законодательства Федерального Собрания Российской Федерации¹, Е. В. Колесников — Национальную кодификационную комиссию при Федеральном Собрании². Естественно, в такого рода структуру должны быть включены представители юридической науки. Об эффективности институционализации высокоуровневой экспертной работы свидетельствует, в частности, деятельность Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, созданного Указом Президента Российской Федерации от 5 октября 1999 года № 1338 и включающего как ученых, так и практиков (многие из которых также являются учеными) в сфере частного права.

Скурко Елена Вячеславовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института научной информации
по общественным наукам РАН

Постгуманизм в юридических концепциях: «лица» и «вещи» в современном праве

В последнее десятилетие получает развитие теория пост-гуманизма, влияние которой распространяется на множество сфер научного знания и социальной практики: от философии до политической теории, искусства, естественных наук. Проникает ее влияние и в юриспруденцию, и в правовую сферу.

Суть постгуманизма исследователи сводят к тому, что в нем выражается децентрализация доминирующей роли человека в обществе, в отношении природы, а также в научных исследованиях³.

В многообразии концепций пост-гуманизма объединяющей является идея о том, что бинарная логика и методы установления таких бинарных границ, как разделение материи на субъекты и объекты считаются примитивизмом. Собственно, материальные основы, от которых выстраиваются различные постгуманистические концепции, выдвигают принципы своей логики как отдельного вопроса концептуальных дебатов, причем, как правило, в центре внимания оказываются формы власти, которые структурируют жизненные миры человека и «нечеловека» как явления одного порядка, хотя и различающиеся между собой⁴.

Своей задачей постгуманистические концепции и исследования считают необходимость сделать видимыми различия между материальными объектами так, чтобы бросить вызов режимам власти, которые их формируют. То есть постгуманистические подходы как бы создают отправную точку для теории, которая задается вопросом о том, как возникают материальные объекты, как они связаны и как могут действовать, вместо того, чтобы анализировать, например, угрозы для человечества природного или искусственного характера (фактор искусственного интеллекта и цифровизации и т. п.)⁵.

В современном правоведении и юридической практике проникновение влияний концепций постгуманизма можно проследить на базовом уровне: в попытках отказаться от разделения

¹ Керимов Д. А. Законодательная техника. Москва, 1998. С. 97.

² Колесников Е. В. Источники российского конституционного права. Саратов, 1998. С. 58–59.

³ Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. London, New York: Routledge, 2023. P. 5.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 6.

материи на субъекты и объекты (то есть лица и вещи в юриспруденции), что выражается в стремлении размыть эти понятия и представления в сфере права, смешать их вплоть до выворачивания наизнанку правовой материи как таковой.

Действительно, сегодня пишут, например, о том, что в обществе потребления в условиях цифровой экономики, если потребителю предлагается нечто бесплатно, то, как оказывается, сам этот потребитель был кому-то «продан». То есть «если вы получаете доступ к определенным информационным товарам бесплатно, то, как правило, именно вас в данный момент и продают»¹.

В таких «формах» общественного взаимодействия товаром оказывается даже не труд человека, но его коммуникабельность. Коммерциализация коммуникабельности касается не только и не столько информации в социальных сетях: это приобретает особую актуальность в связи с развитием интернета вещей, умных городов и т. п. В этой связи сегодня можно видеть, например, как отдельные исследователи сетуют, что «правовые концепции, касающиеся собственности, по-прежнему основаны на традиционных мнениях о том, что представляет собой вещь и какой контроль подразумевает под собой право на такую вещь»².

С другой стороны, развивается тенденция в признании естественного лица в праве. Здесь речь идет о том, что сегодня все громче звучит требование придавать правовой статус по аналогии с юридическим лицом окружающей среде, природе в целом или отдельным ее частям, объектам, поскольку адепты этого подхода полагают, что тем самым появятся новые правовые средства, в особенности в борьбе за экологию и охрану окружающей среды³.

Сегодня в юридической практике (например, в Австралии, Новой Зеландии, Индии, Эквадоре, а также США, Канаде и других странах) представлен опыт правовой охраны окружающей среды в таких формах, когда природным объектам, элементам экосистем или природе вообще присваивается правовой статус, схожий с понятиями о юридическом лице. Правовая охрана такого естественного лица определяется источниками всех видов и уровней, устанавливается в Конституции государства, отражается в нормативных правовых актах, судебных решениях на национальном уровне, а также проводится в международных договорах⁴.

Правосубъектностью наделяются джунгли и высокогорья, леса и ледники, реки и озера, а также экосистемы, природные парки и даже «природа-мать». Права природы установлены в Австралии для реки Ярра, в Новой Зеландии — для реки Вангануи; в Боливии и Эквадоре «лицом» считается мать-земля, в Уганде — Природа; в Испании — лагуна Мар-Менор и др. Такие права природы в действительности не всегда создают подобие правосубъектности, однако сами объекты могут расцениваться как живое существо. В ряде стран в отношении отдельных природных объектов, в особенности в отношении рек (Ганг, Рио-де-ла-Плата, Ямуна, Козль и др.) статус лица («юридического лица») был признан в судебном порядке⁵. Обозначенные тенденции дополнительно укрепятся с принятием «Всеобщей декларации о правах рек» (*Universal Declaration of River Rights*), которая сегодня стоит на повестке дня в международном праве⁶.

Так, гуманистический подход и антропоцентризм, традиционно свойственные праву как мы его знаем, в том числе представление о праве как о служении людям, ставятся под прицел идей постгуманизма, вплоть до того, что могут оказаться невозможны утрачены.

«Перелицовывание» права, которое таким образом намечается, не может не привлекать к себе внимания специалистов, поскольку затрагивает основы правопонимания.

Исследователи, в частности, пишут, что различие между субъектом и объектом (лицом и вещью в юриспруденции) можно провести через институт собственности, поскольку он сам основан на разделении субъекта и объекта. Граница, которая существует между человеком и всем остальным, что связано с материей, в дальнейшем используется как разделительная линия для рационализации контроля лица над всем, что может считаться вещью⁷. В постгуманистическом представлении вещь может жить своей собственной жизнью вне зависимости от того, что на нее существует пра-

¹ Kaell J. Op. cit. P. 4.

² Ibid.

³ Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. London, New York: Routledge, 2024. P. 1.

⁴ Ibid. P. 40.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 31.

⁷ Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. P. 25.

во собственности у некоторого субъекта¹. Более того, постгуманизм не видит проблемы в том, чтобы наделять вещь властью, от нее исходящей и проецируемой ею на окружающий мир (в том числе человека)², то есть в целом выстраивать свою картину мира через некое взаимодействие энергий любого источника и переносить ее в правовую сферу в том числе³.

Поборники статуса естественного лица природы в своей аргументации критикуют тот факт, что институты охраны окружающей среды в современных правовых системах, как правило, основываются на принципах права собственности, а следовательно, определяют эксплуатацию природы, а не ее защиту. Это утверждение, однако, скорее «моральная», нежели практически значимая категория для современной юридической практики. Так, в судебном разбирательстве по иску экологов о присвоении реке Колорадо статуса юридического лица (*Colorado River Ecosystem v. Colorado*, 2017) суд высказался о том, что истец «преувеличил дихотомию между лицом и собственностью, переоценив при этом возможности достичь существенных изменений в системе управления рекой Колорадо при условии придания ей статуса лица, а кроме того, преуменьшил потенциал института имущественных отношений, предусмотренных концепцией собственности в системе общего права»⁴.

В сущности, постгуманистические идеи характеризуются тем, что стремятся бросить вызов антропоцентризму, включая представление о том, что право призвано служить человеку. Пост-гуманизм формирует требование концептуализировать человека лишь как некоторую часть природы, глобальной экосистемы, причем не обязательно в качестве центральной, основной ее части. Например, по мнению ряда современных течений экологов, права природы обладают абсолютным приоритетом, за ними в иерархии следуют права человека, далее — «права корпораций» и т. д.⁵

Действительно, в истории права известны случаи, когда «одушевлялись» и наделялись правосубъектностью животные или природные объекты (например, судебные процессы над животными в Средние века в Европе, известные предусмотренные средневековыми судебниками на Кавказе действия в случае причинения смерти человеку падением камня с дома или церкви, когда первый подлежал бы разрушению, а для второй предусмотрено, что, коль скоро это «мать», разрушать ее нельзя и т. п.), известны случаи, когда человек выступает в роде вещи *ius in personam* первоначально понималось буквально, как и *ius in rem*. Сегодня по мере проникновения идей постгуманизма в правовую сферу изменяется сама точка вменения, в любые времена в конечном счете остававшаяся антропоцентрической.

В правовой сфере эти процессы расцениваются специалистами как некая особенная форма правового плюрализма, в рамках которой по мере децентрализации антропоцентрического мышления происходит и децентрализация роли государства, в том числе в правовом развитии⁶. Эти процессы, с другой стороны, не новы и сходны с тем, как происходила интеграция правовых концепций и отдельных традиционных практик коренного населения при расширении Римской империи, то есть с древних времен⁷.

Нельзя, однако, игнорировать, что современный постгуманизм с его идеями, проникающими в правовую сферу, способен существенно исказить «правовую картину», хаотизировать «правовое пространство».

В этой связи важно помнить, что право — по-настоящему древняя конструкция, служившая человеку, его выживанию и развитию. Специалисты подчеркивают роль права в оформлении способности человека образовывать оседлые сообщества. Правовые формы охраны собственности (а, главное, результатов труда) стали принципиально важными для общественной безопасности при оседлом образе жизни⁸.

Исследователи подчеркивают, что право не является продуктом неолиберализма. Хотя правовые формы использовались для развития рыночных отношений и капиталистического способа

¹ Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. P. 26.

² Ibid. P. 5.

³ Подробнее см., например: Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. Pp. 5–11.

⁴ Цит. по: Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. P. 90.

⁵ Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. P. 41.

⁶ Ibid. P. 72.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 94.

производства, особенно в части, касающейся права собственности и договоров, однако это не единственная и отнюдь не главная цель как этих институтов, так и права вообще. Следует, конечно, признать, что, на определенном этапе Новой и Новейшей истории право выступило в ряду инструментов колониальной политики, в определенном роде стало символом колонизации, тем не менее и это не отменяет значения права для мирного сосуществования, безопасности, развития человека и человечества в целом.

Постгуманистическое право, в котором человек рассматривается как пассивный потребитель и таким образом, становится товаром и вещью, а даже неживой природой может, напротив, рассматриваться как источник власти и как бы становится способным к действию лицом, что во многом сходно с архаичными правовыми формами и взглядами.

Лукавство ситуации состоит в том, что выгодоприобретатели в таком положении вещей главным образом это, конечно, манипуляторы, покупатели коммуникабельности любого рода вплоть до наивности экологов всех мастей, в действительности — совершенно определенные физические и юридические лица, конвертирующие свои покупки в совершенно определенные и вполне материальные товары и услуги, имущество и предметы роскоши. Так, постгуманистическое право выстраивается в конечном счете на банальном обмане — *dolus*.

Коль скоро мы уже неоднократно упоминали древность в связи с постгуманизмом, напомним в завершении: *dolus est machinatio, cum aliud dissimulat aliud agit* — «обман есть хитрость, ибо говорит одно, а делает другое».

Собко Руслан Васильевич,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Приволжского филиала Российского
государственного университета правосудия

«Проблема вагонетки» в контексте юридических межпредметных исследований

На страницах «Юридической науки и практики: Вестника Нижегородской академии МВД России» уже не раз поднималась тема важности и даже необходимости всестороннего воспитания правосознания как у студентов юридических вузов, так и у всех сограждан, так или иначе связанных с государствообразующей деятельностью, начиная от государственного управления и заканчивая воспитанием и государственной идеологией¹. Если законодатель или исполнитель не понимает смысла законодательных инициатив, не видит тенденций их развития и запаздывает с изменением правоприменения в соответствии с новейшими тенденциями, в таком случае он действительно может быть с легкостью заменен на искусственный интеллект² или полицейский автоматический дрон³, безошибочный и более точный, чем человек, но лишенный возможности творить и оценивать изменения. Гражданин же, оказавшись перед лицом механизированного закона, очень скоро ощутит на себе правдивость положения, сформулированного еще Цицероном — «*Summum ius — summa iniuria*» (Верховенство права — верховенство бесправия (пер. авт.)).

¹ См: Париков О. В., Собко Р. В. Динамика цифрового образования и связанные с ним глобальные проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 226–229; Его же. Значимость философской и пути совершенствования логико-методологической подготовки специалистов правоохранительных органов Российской Федерации // Проблемы и перспективы подготовки квалифицированных специалистов для правоохранительных органов Российской Федерации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25 октября 2018 г.). Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. С. 23–29; Собко Р. В. Гуманитарное образование в контексте постправды: проблемы и стратегии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 241–243.

² See: Benyekhlief K., Zhu J. The judicial system and the work of judges and lawyers in the application of law and sanctions assisted by AI // Handbook of Artificial Intelligence at Work. Edward Elgar Publishing, 2024. P. 250–275.

³ See: Chen H. et al. A framework for the optimal deployment of police drones based on street-level crime risk // Applied Geography. 2024. Vol. 162. Pp. 103, 178.

Для иллюстрации нашего тезиса мы обратились к интерконтекстуальным исследованиям «проблемы вагонетки» (trolley problem). Сама концепция была сформулирована Филиппой Фут в 1967 году. Филиппа, а затем ее многочисленные последователи предлагают различным фокус-группам решить следующую морально-этическую дилемму: на трамвайных или железнодорожных путях, по которым следует состав, находится стрелка с возможностью изменения направления движения. На двух возможных направлениях пути находятся люди — один человек по одной ветке и пять по другой. Испытуемый (стрелочник) может перенаправить состав и погубить жизнь одного или пяти человек.

Несмотря на кажущуюся простоту эксперимента, он неожиданно превратился в удобный интеллектуальный и социологический инструмент, так как результат исследования меняется в зависимости от правовой или интеллектуальной культуры, социальных факторов и даже способа предъявления, что отличает *trolley problem* от похожих софизмов и силлогизмов¹.

Нужно отметить, что уже в самой постановке проблемы лежит психологическая манипуляция: участнику эксперимента предлагается выбор из двух плохих вариантов, результат которых — гибель человека. Те из испытуемых, кто понимал подобную манипуляцию, зачастую отказывались решать эту проблему вовсе. Тем не менее есть группа профессий, которые вынуждены решать подобную дилемму в силу специфики своей деятельности: юристы, врачи, военные, правители².

Первоначальный выбор, как кажется, очевиден — нужно или можно пожертвовать одним, чтобы спасти многих. Именно так поступает полицейский или судья, заключающая под стражу одного для спокойствия остальной части сообщества, однако силлогизм можно усложнить, предположив, что на одной стороне ветки находится ученый, а на другой — пять преступников, или на одной стороне — взрослые, а на другой — ребенок, какой тогда сделать выбор?

Представители традиционной этики, в том числе и современные, предполагают, что спасать нужно наиболее ценных членов общества, и в первом случае вывод очевиден — спасти нужно правителя, воина, мудреца. Что же касается оппозиции «ребенок — взрослый», то традиционная точка зрения в том, что спасти нужно взрослого, так как у него больше шансов выжить (например во время голода или бедствия), а детей можно родить и новых. Интересно, что такой выбор (в пользу сохранения жизни взрослым или почтенным членам общества), в том числе и в реальных автомобильных авариях чаще встречается в китайско-тихоокеанском регионе, в том числе в настоящее время³.

Оппозиция «один менее важен, чем многие» характерна для родоплеменных сообществ с одной оговоркой: один более важен, чем многие, если «один» — наш, а «многие» — чужаки, что особенно хорошо видно на примере правосознания диаспор, где спасти «своего» преступника можно и даже нужно, а публично осудить или даже отречься от него (например от террористов в Крокусе) — дело немыслимое и несправедливое. Хороший пример положительной динамики от родоплеменного правового сознания к общегосударственному — высказывания главы Чеченской Республики Р. А. Кадырова с осуждением «шайтанов» несмотря на возможную с ними религиозную или этническую общность⁴.

Стоит отметить, что в этом смысле США с их официальной государственной и юридической позицией против решений Международного уголовного суда, открытыми и публичными казнями неугодных им лидеров по всему миру, нарочитой защитой граждан США с использованием вооруженных сил более консервативны (традиционны), а Российская Федерация со спокойной, уравновешенной позицией, основанной на принципах международного права, более цивилизована, хотя и выглядит более слабой с точки зрения носителей менталитета традиционных сообществ⁵.

¹ See: Ethical Decision-Making in Older Drivers During Critical Driving Situations: An Online Experiment / A. Singh, S. Yahoodik, Y. Murzello, S. Petkac, Y. Yamani and S. Samuel // *Journal of Intelligent and Connected Vehicles*, 2024, vol. 7, no. 1, pp. 30–37. DOI: 10.26599/JICV.2023.9210031.

² О троллеологии см. подробное исследование: See: B. Gawronski, & Ng, N. L. (2024). Beyond Trolleyology: The CNI Model of Moral-Dilemma Responses. *Personality and Social Psychology Review*, 0(0). DOI: org/10.1177/10888683241234114.

³ See: Wang C. What's the Matter with "Trolley Problems" in China? "Catching Up" with the West Hampers Genuine Cultural Research // *China, Engineering, and Ethics: A Sketch of the Landscape*. 2024. P. 101–109.

⁴ See: Blaydes L. The Politics of Legal Pluralism in a Muslim Society // *Nationalities Papers*. 2024. P. 1–3.

⁵ See: Wheeler C. H. Strange Bedfellows: The Relationship Between the International Criminal Court and the United States // *Wake Forest JL & Pol'y*. 2024. Vol. 14. P. 35.

Проблема верховенства закона решается радикальным образом в традиционных религиозных сообществах (по крайней мере в авраамических). Бог как верховный законодатель и судья неизмеримо выше не только судьбы одного человека, но и всего человечества, а его божественный закон имеет абсолютный приоритет. Это позволяет сказать, что жизнь одного праведника больше жизни всех грешников, из чего возникает концепция всемирного потопа об избранных Ноем и погибшим допотопным человечеством или концепция вечных мук в аду с небольшой группой «малое стадо», спасшихся в рай, и большей частью претерпевающих мучения¹.

Если в российском правовом дискурсе подобная (традиционно религиозная) правовая позиция выразилась через резонансное и специфическое высказывание В. В. Путина², то в западной культуре концепция «общества праведников» вполне может выражаться через понятие золотого миллиарда (город на холме, европейский сад) или в концепции «меньшинства», чьи права всегда выше прав большинства³.

Божественная справедливость требует обязательного и безусловного наказания преступника, но все меняется, когда с наступлением эпохи Возрождения в центре Вселенной, а значит и правового сознания появляется человек: теперь именно он вновь — «мерило всех вещей» и все, что ему приносит удовольствие или пользу, объявляется легальным. Так. декриминализируются науки, искусство, кулинария, секс и даже занятия магией, если все это не связано с общественной опасностью. Правовое сознание уже не соглашается отдать высшую ценность — человека — на вечные муки и считает, что наказание должно быть временным и конечным: загробные муки теперь могут длиться столетия и даже тысячелетия, но все же заканчиваются очищением и помилованием, а заключенные после освобождения попадают в рай⁴.

По окончании эпохи Возрождения в Англии появляются первые исправительные учреждения и сама идея о том, что человека можно не только казнить или наказать, но и исправить. В определенном смысле современная традиция полного сложения сроков тюремного заключения англосаксонского права — наследие религиозно-юридического понятия чистилища и той идеи, что никакое преступление не должно оставаться не отомщенным.

«Проблему вагонетки» очень часто приходится решать медикам, например, в виде морального выбора времен эпидемии ковида — кому предоставить аппарат искусственного дыхания: пожилому человеку или молодому? Поступившему ранее пациенту с меньшими шансами на выживание или поступившему позже, но с большими шансами спасти ему жизнь?⁵ Может ли медик экстренно прооперировать сложного пациента с большой вероятностью неудачного лечения или же должен защитить себя с помощью системы медицинских протоколов и допусков и отказаться от операции, обезопасив себя и лечебное учреждение с помощью формальной стороны медицинского права?⁶

Похожая проблема решается внутри экологического дискурса в связи с промышленной или сельскохозяйственной деятельностью, например, при вырубке леса или разработке новых сельскохозяйственных угодий мы решаем, что благосостояние человеческого сообщества важнее, чем существование биологической системы с тысячами живых существ в их взаимосвязи⁷.

Изучаемую нами морально-этическую дилемму постоянно решают правители и военные: все люди рождаются равными, а равны ли в смысле ценности их жизни жители разных стран? Постколониальная европейско-американская цивилизация четко разделяет население земного шара на страны первого, второго и третьего мира, на «сад» и «джунгли», где жители Европы и Америки противопоставлены жителям других государств, а население Израиля более ценно, чем население Палестины.

¹ See: Spiegel J. S. Annihilation, everlasting torment, and divine justice // *International Journal of Philosophy and Theology*. 2015. Vol. 76. No. 3. Pp. 241–248.

² См.: Михайлов С. А. Новый мировой порядок – 2025 и роль Российской Федерации в его формировании // *Казачество*. 2023. №. 70 (5). С. 163–171.

³ See: Gill E. R. *Comprehensive Pluralism, Liberalism, and Religious Liberty* // *Liberal Constitutionalism and its Contemporary Challenges*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. Pp. 181–194.

⁴ See: Smith R., Malinowski B. *Crime and custom in savage society*. Routledge, 2018.

⁵ See: Stelios S., Konstantakis K. N., Michaelides P. G. The “Bystander at the Switch” Revisited? Ethical Implications of the Government Strategies Against COVID-19 // *Journal of Bioethical Inquiry*. 2024. С. 1–11.

⁶ See: *Acute Care Surgery: Navigating Recent Developments, Protocols and Challenges in the Comprehensive Management of Surgical Emergencies* / K. P. Moparthi et al. // *Cureus*. 2024. T. 16. №. 1: 52269. DOI:10.7759/cureus.52269

⁷ See: *The ethics of cellular agriculture* / S. Zhu et al. // *Cellular Agriculture*. Academic Press, 2024. С. 437–454.

Политика этноцидов порождена устаревшим псевдорелигиозным правовым дискурсом этих стран, где вместе с Хамом осуждены все представители не белой расы, а из-за евангельских событий — все евреи. Такое правосознание в силу объективных исторических и культурных причин отсутствует в постсоветской России или у коммунистического Китая — здесь жители всех стран действительно равны — из-за чего вышеупомянутые постколониальные страны уходят из Африки, а Россия и Китай напротив все больше вовлечены в развитие этого региона¹.

Среди решений «проблемы вагонетки» есть еще два неочевидных — это лишить жизни всех и «плохих», и «хороших» или ничего не делать. В первом случае, такой ответ — закон должен быть одинаков для всех, а возможные жертвы — неизбежное зло, сопровождающее функционирование любой системы, характерен для стран с высокой правовой культурой и развитым принципом верховенства закона и государства, выраженных прежде всего в виде философии макиавеллизма.

Так, например Иван Грозный (ок. 8 тысяч казненных за весь период правления) — жестокий тиран, а его современница Елизавета I (89 тысяч казненных) — одна из величайших английских монархов. Причем жертвы политики Ивана Грозного или Иосифа Сталина — это лично их жертвы, а число казненных при том или ином европейском правителе — обезличенные статистические данные, что неплохо демонстрирует влияние разработанной философии права на общественно-политический дискурс².

Второе неочевидное решение «проблемы вагонетки» — ничего не делать, то есть применительно к мысленному эксперименту вообще не трогать рычаг перевода путей, оставив все на волю божественного случая (кармы). Подобный ответ, причем практический, — предпринимать ли что-либо во время автомобильной аварии или другой катастрофы — чаще всего дают представители философии буддизма или индуизма, где подобная тактика уже несколько тысячелетий известна как ахимса, или недеяние. Тактика недеяния позволяет не брать на себя ответственность за последствия своего поступка и тем более за чужую судьбу: в этой традиции жизнь спасенного часто принадлежала спасителю, но он теперь был обязан взять на себя карму этого человека, то есть последствия и хороших, и дурных поступков³.

«Проблему вагонетки», причем с практической точки зрения, решает искусственный интеллект (AI) современных беспилотных транспортных средств: в проведенном эксперименте на дороге находится бетонный блок, при столкновении с которым водитель беспилотного автомобиля скорее всего погибнет, если же уклониться от столкновения, то погибают несколько человек, которые в это время вышли на проезжую часть. С одной стороны, один меньше, чем несколько, но, с другой стороны, кто же станет приобретать беспилотный автомобиль, который в экстренном случае постарается спасти жизнь не владельцу, а кому-нибудь другому. Однако, если авария уже произошла, то кто виноват, машина или ее владелец?

Чтобы избежать юридической ответственности, компании Tesla пришлось в ходе судебного заседания заявить, что «автопилот» всего лишь коммерческое название, а на самом деле это лишь «помощник» и в следующих обновлениях программного обеспечения управление перед моментом аварии передается человеку с тем, чтобы именно он решал изучаемую нами морально-этическую дилемму и нес за принятое решение как этическую, так и юридическую ответственность⁴.

В нашем небольшом исследовании мы на примере решения моральной дилеммы попытались показать, как изучение и развитие в общественном дискурсе философии права позволяет достигать понимания феноменологии социальных, политических и юридических процессов, а творческий потенциал заложенных в ней идей актуализируется в виде концепции многополярного мира или нормативно-правовой базы для искусственного интеллекта.

¹ См.: Париков О. В., Собко С. В. Метафизическое обоснование войны и европейско-американский расизм, неоколониализм // Гуманитарный вектор. 2023. Vol. 18. No 4. С. 20–30. DOI 10.21209/1996-7853-2023-18-4-20-30.

² See: Yoran H. Machiavelli's Critique of Humanism and the Ambivalences of Modernity // History of Political Thought. 2010. T. 31. №. 2. С. 247–282.

³ See: Kool V. K. et al. The Psychology of Nonviolence: Models and Their Validation // Gandhi and the Psychology of Nonviolence. Vol. 1: Scientific Roots and Development. 2020. С. 195–263.

⁴ See: Wansley M. T. Regulating Driving Automation Safety // Emory Law Journal. 2024. Vol. 73. No. 3. С. 505.

Соколов Дмитрий Вячеславович,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
профессиональной деятельности
сотрудников подразделений охраны
общественного порядка
Нижегородской академии МВД России;
Лабутин Виталий Валерьевич,
начальник кафедры
профессиональной деятельности
сотрудников подразделений охраны
общественного порядка
Нижегородской академии МВД России

Юридическая наука в Российской Федерации и технологический скачок: проблемы и перспективы

Развитие современного общества любой страны немыслимо без развития науки и техники, поскольку те блага, которые они несут, кардинально преобразуют все сферы человеческой деятельности. Однако вместе с улучшением жизни людей эти достижения приносят и новые риски, о наличии которых ранее не приходилось и думать. Традиционно в государствах, основывающих свое развитие на новых технологиях, предпринимаются меры, направленные на защиту интересов как самого государства, так и общества в целом и его отдельных индивидов.

Уже обыденными кажутся результаты исследований в сфере биоинженерии, технологий искусственного интеллекта, цифровой связи, ядерной физики и многих других. Для нормального развития общества и государства как гаранта функционирования основных институтов этого общества важным остается то, как будут использованы результаты этих достижений и как каждый член общества будет защищен от их возможных негативных проявлений.

Следует понимать, что скорость технологических изменений не позволяет государству и его органам всегда быть на острие атаки, то есть не всегда происходящие революционные изменения в науке и технике, фактически воспринятые обществом как данность, также оперативно регулируются государством. Более того, скорость этой реакции всегда должна основываться на взвешенном отношении к интересам частного и публичного. Поспешность внедрения научных достижений может нанести непоправимый вред, но и затягивание с введением регулирования новых отношений также влечет риски. Последствия подобных экспериментов с правом влекут возникновение болевых точек, которые, на наш взгляд, так или иначе будут возникать всегда, где через право сталкиваются интересы различных социальных групп и институтов. В. М. Баранов, отмечая наличие этих болевых точек, болезненных пунктов и состояний, рассматривает изменение законодательства как одно из содержательных и технико-юридических средств социальной терапии, которое, впрочем, должно быть умеренным¹.

Безусловно, базовой нормой, которая устанавливает понятие научной деятельности в Российской Федерации и требования к ней, является федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»². В нем получили отражение те изменения в российской науке и образовании, которые произошли на протяжении последних двух десятилетий под давлением вводимых норм, касавшихся традиционной схемы подготовки отечественного научного специалиста: специалист (лицо, получившее соответствующее высшее образование) — кандидат наук — доктор наук. В рамках статьи мы не станем давать подробную оценку и вести рассуждение об обоснованности и необходимости введения в этап подготовки научного специалиста магистра, заимствованного из зарубежного опыта организации образовательной и научной деятельности. Об этом в российской науке, на наш взгляд, написано достаточно. Отметим лишь, что при всех изменениях, прошедших за последние десятилетия в российской науке, удалось сохранить в системе науч-

¹ См.: Баранов В. М. Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 57.

² О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

ной аттестации кадров ученую степень кандидата наук, являющуюся традиционной для советской и российской систем подготовки научных кадров. Однако в рамках системы образования в настоящее время подготовка кадров высшей квалификации рассматривается как один из уровней высшего образования¹.

Мы полагаем, что замысел нормативного регулирования научной деятельности затрагивает и сферу юриспруденции, поскольку гуманитарное знание, получившее мощный толчок развития в постсоветский период, оказалось в современных условиях на определенном перепутье. Потребности общества диктуют запрос на накопление знаний, которые формируются вокруг технологической сферы. Следовательно, и юридическая наука оказывается в ситуации, когда новое знание, которое должно появиться в результате научного исследования в области права, так или иначе может соприкоснуться со сферой технологий и смежных отраслей научного знания.

Рассматривая отдельные проблемы, которые затрагивают область юридической науки, нам хотелось бы отметить, что подготовка научных кадров начинается еще на этапе получения юридического образования в вузе студентом или курсантом. Именно в этот период закладываются те профессиональные, деловые качества, которые будут характеризовать его как юриста, так и специалиста, формирующего новое научное знание. При этом, по мнению С. В. Кабышева, «...юридическое образование должно быть органичным продолжением конкретной социокультурной среды с присущими ей нравственными установками»². На наш взгляд, ученый-юрист должен формировать свою научную позицию, основывая ее на гуманистических ценностях и патриотизме.

Особенностью современной российской юридической науки также следует считать наличие формально установленных условий, выполнение которых позволяет говорить о наличии в трудах научного знания. Здесь необходимо вести речь, прежде всего, о подготовке диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

В рамках существующего нормативного регулирования молодому ученому предполагается пройти поэтапную проверку сформированности его научного знания через формально установленные процедуры соответствующего федерального государственного образовательного стандарта (далее — ФГОС), например, действующего ныне ФГОС высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция³. ФГОС также содержит наименование и перечень компетенций, установленных соответствующей образовательной программой. Отметим, что данный подход позволяет в некоторой степени механистически описать процесс и результат получения соответствующего образования, по итогам которого должен сформироваться фактически еще и особый научный продукт — научный доклад об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертация). Объясняется это в самом ФГОС достаточно просто: поскольку по окончании аспирантуры (адъюнктуры) предполагается осуществление выпускником профессиональной деятельности по двум направлениям: научно-исследовательская деятельность в области юриспруденции и преподавательская деятельность по образовательным программам высшего образования.

Другая, на наш взгляд, не менее важная проблема связана с установлением истинности научного знания, которое формируется в процессе современных юридических исследований. В частности, речь идет об эмпирической составляющей этого знания. Здесь следует говорить не только о ставших уже обыденными источниками сведений о юридических нормах, содержащихся в справочных правовых системах, которые позволяют получать доступ к тексту нормативных актов, материалам судебной практики и аналитических материалов, подготовленных для этих систем узкими специалистами в области экономики и права.

Речь идет об изменении подходов к получению информации в процессе научного исследования. Колоссальное количество информации, скорость доступа к ней порождают изменение модели поведения исследователя. Переход от «аналогового» к условно «цифровому» мышлению

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 года). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

² Кабышев С. В. Формула российского юридического образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3. С. 114.

³ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации): приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 5 декабря 2014 года № 1538 (ред. от 30 апреля 2015 г., с изм. от 17 ноября 2023 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).

некоторых современных правоведов порождает парадокс, который известен специалистам в области поиска информации в сети «Интернет»: желание быстро получить доступ к нужной информации специалистов к поисковой строке соответствующего сервиса в сети «Интернет», который на основе условий, ведомых лишь условному владельцу и специалистам, обеспечивающим функционирование таких систем, выдает ответ на поисковый запрос, то есть желание сократить время на поиск информации может сыграть злую шутку с ее получателем, когда вместо юридической нормы им будут изучены чей-то непроверенный текст, спорное, ненаучное суждение, оказавшиеся просто выше в списке выдачи поискового сервиса.

Особенно негативно это может проявиться в процессе работы с информацией. В отдельных случаях отмечается пусть и не подтверждаемое прямо их владельцами, но явно заметное изменение работы поисковых сервисов, влекущее сокрытие части ссылок на источники, относящиеся к государственным органам¹, а иногда предложение в ответ на поисковый запрос сайтов, содержащих недостоверные сведения². Таким образом, необходимость введения базовых правил, основанных на критическом мышлении анализа источников информации в сети «Интернет», становится данностью при получении юридического знания. Запретить использовать эти источники информации либо, что еще хуже, игнорировать их использование нельзя. На наш взгляд, прослеживается однозначная тенденция влияния технологий на юридическую науку и правоприменительную деятельность. Например А. В. Малько, П. А. Давыдов, Л. Г. Щербакова, рассматривая перспективы использования искусственного интеллекта в правоприменении, отмечают его преимущества (юридические, экономические, логические) при условии, что это ориентировано на человека, соответствует правилам этики и исходит из уважения основных прав и ценностей³.

Частично повышению объективности получаемого из открытых источников информации знания может способствовать базовая подготовка ученого-юриста, полученная им на этапе освоения образовательных программ высшего образования. Речь идет, например, о такой дисциплине, как «Информационные технологии в юридической деятельности», которая реализуется по направлению подготовки 40.03.01⁴. Кроме того, включение основ кибербезопасности в соответствующие учебные дисциплины, на наш взгляд, в современных условиях необходимо для всех реализуемых программ бакалавриата и специалитета. Это на минимальном уровне позволит гарантировать начинающим ученым адекватное восприятие имеющихся угроз профессиональной деятельности и выбирать средства для их устранения.

Как нам кажется, уже существующие средства, ускоряющие анализ текста (любого, необязательно научного или текста нормативного акта) — это лишь инструмент в руках ученого. С его помощью можно сокращать время на выполнение тривиальных операций по поиску необходимых сведений в массивах данных, их обработке на основе определенных алгоритмов. При этом необходимо понимать, что успешное применение различных алгоритмов не гарантирует получение научного результата. Анализ типовых ошибок при предоставлении эмпирических данных в юридических диссертациях, проведенный В. М. Барановым, А. А. Иудиным, Д. А. Шпилевым, показывает, что использование ставших уже традиционными методик, включая контент-анализ, не всегда приводит к научно обоснованному результату⁵.

Как отмечает М. Белоус, «уже в нынешнем своем состоянии языковые модели способны побудить немалую долю своих пользователей, обнаруживая некорректные в той или иной мере ответы нейросетевой системы, самостоятельно перепроверять еще и те, которые прежде казались им полностью заслуживающими доверия. И уже одно это, бесспорно, пойдет на пользу человечеству

¹ См.: Google заявил, что не удалял из поисковой выдачи сайты госорганов Российской Федерации. URL: <https://www.interfax.ru/russia/833421> (дата обращения: 20.03.2024).

² См.: РКН введет меры понуждения в отношении Google за несоблюдение законодательства Российской Федерации. URL: <https://www.interfax.ru/russia/833640> (дата обращения: 20.03.2024).

³ См.: Малько А. В., Давыдов П. А., Щербакова Л. Г. Электронное правосудие как средство усиления независимости судебной власти // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 1. С. 90–95.

⁴ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция: приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 года № 1011 (ред. от 27 февраля 2023 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).

⁵ См.: Баранов В. М., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Особенности представления эмпирических данных в юридических диссертациях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2. С. 12–25.

в целом — ссылка на достоверный источник в эпоху *ChatGPT* перестает быть решающим доказательным аргументом»¹, то есть источниковедение, существующее, например, в исторических науках, на наш взгляд, в юридической науке становится вполне актуальным. Речь не идет об ограниченном использовании тех или иных «правильных» с чьей-то субъективной точки зрения источников, а о некой их систематизации и описании применительно к отдельным проблемным вопросам, существующим в юридической науке.

Отметим, что научная деятельность как сфера человеческой деятельности, требующая творческого участия и соответствующего результата, становится в настоящее время определенной проблемой. Так, сгенерированный посредством алгоритмов генеративного искусственного интеллекта текст при отсутствии должного внимания со стороны ученого, научного руководителя, консультанта к его содержанию порождает ситуацию, когда псевдоинтеллектуальная работа будет засчитываться за результат научной деятельности человека либо, что гораздо хуже, выдаваться за продукт интеллектуальной деятельности человека.

Частично эта проблема может быть решена путем проверки текста научных работ на заимствования. Нам кажется, что использование систем поиска заимствований (например «Антиплагиат» как одна из наиболее известных) не позволит выявить такие нарушения с абсолютной точностью. Более того, как отмечает исполнительный директор АО «Антиплагиат» Ю. Чехович, их система «...выступает лишь инструментом, подсвечивающим подозрительные фрагменты работы, а дальше дело за человеком»². Таким образом, последнее слово в деле распознавания нечестного выполнения заданий обучающимся остается за живым человеком. Однако в этом случае кратко возрастают требования к лицам, участвующим в проведении подобных проверок. Отказаться полностью от этих проверок на начальном этапе занятия научной деятельностью, на наш взгляд, в современных условиях было бы нецелесообразно, поскольку именно в этот период особенно важно сформировать у молодого ученого практику самостоятельного изложения научных обобщений и выводов по итогам проведенной исследовательской работы.

Об особом обозначении создаваемого с помощью технологий генеративного искусственного интеллекта контента впервые в мировой практике было сказано в законе о регулировании использования искусственного интеллекта, принятого Европарламентом³. Опыт реализации этой нормы находится под пристальным наблюдением отечественных правоведов, поскольку такая технически и юридически сложная сфера не подпадает под те или иные «классические» нормы регулирования общественных отношений.

Рассмотренные нами отдельные проблемные вопросы влияния на юридическую науку современных технологий позволяют говорить о сложной задаче, которая стоит перед государственными органами, осуществляющими нормативное регулирование науки и образования. В настоящее время в условиях колоссальной динамики общественных отношений, вызванной скоростью технологических изменений, как никогда важным становится вопрос формирования ценностного аспекта деятельности юриста, основанного на гуманизме.

¹ Белоус М. *ChatGPT* как стимул к дальнейшему развитию человека разумного // ЗДНьюс: электронное периодическое издание. URL: <https://3dnews.ru/1079264/chatgpt-kak-stimul-k-razvitiyu> (дата обращения: 20.03.2024).

² ИИ оказал существенное влияние на ситуацию с заимствованиями в научных работах. Интервью с исполнительным директором АО «Антиплагиат» Юрием Чеховичем // Российский союз ректоров. URL: <https://rsr-online.ru/news/2024/2/22/ii-okazal-sushestvennoe-vliyanie-na-situaciyu-s-zaimstvovani-yami-v-nauchnyh-rabotah> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Гуреева Ю., Бевза Д. Европарламент утвердил первый в мире закон об ИИ // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2024/03/14/evroparlament-utverdil-pervyj-v-mire-zakon-ob-ii.html> (дата обращения: 20.03.2024).

Супрунов Александр Германович,

кандидат юридических наук,
первый заместитель начальника (по учебной работе)
Нижегородской академии МВД России;

Васильев Вячеслав Вениаминович,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления
Нижегородской академии МВД России;
доцент ИДО НГЛУ имени Н. А. Добролюбова;
доцент кафедры конституционного
и административного права НИУ РАНХИГС

Современная юридическая наука: взгляд сквозь призму непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел

Министерство внутренних дел Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, разрабатывающим и реализующим государственную политику в сфере внутренних дел, правомочным в числе прочих своих компетенций и на нормативно-правовое регулирование указанной сферы. С учетом того, что приоритетными задачами и самого Министерства, и его территориальных органов на межрегиональном, региональном и районном уровнях является, как отмечал Президент России В. В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании Коллегии МВД России, противодействие всем формам и видам преступности, а также охрана общественного порядка на территории Российской Федерации и ее субъектов¹, вопрос о юридическом качестве ведомственных нормативных правовых актов, равно как и об уровне юридической грамотности личного состава органов внутренних дел (далее — ОВД), осуществляющего правоохранительную деятельность и реализующего указанные нормы, как никогда актуален.

Основополагающим принципом текущей правоприменительной и правозащитной деятельности сотрудников территориальных ОВД выступает такая основополагающая идея, как законность, ее строгое соответствие требованиям юридических норм и предписаний. Вместе с тем, определяя и регламентируя для правоохранителя, как и в какой последовательности он должен реализовывать свою юридически значимую деятельность, юридическая наука не дает ответов на вопросы: ни почему реализуется та или иная модель девиантного поведения лица, требующая применения мер государственно-властного реагирования со стороны личного состава органов внутренних дел, ни как выстроить тот комплекс мер государственного и социального реагирования, который был бы способен в значительной степени снизить степень криминальной составляющей современных ожиданий гражданского общества.

Одной из причин недостаточно высокого качества нормативных правовых актов законодательного и подзаконного уровня, регламентирующих деятельность территориальных органов внутренних дел и их должностных лиц, мы видим отсутствие тесной и, что чрезвычайно важно, эффективной взаимосвязи между результатами научного поиска исследователей юридической науки и практики, одним из воплощений которой является нормативный правовой акт, регламентирующий общественные отношения в рамках реализации государственной политики в сфере внутренних дел. Обращаясь в данном ключе к «опыту предков», считаем необходимым вспомнить знаменитое выражение генералиссимуса А. В. Суворова о том, что теория без практики мертва, а, соответственно, практика без указанной теории просто слепа².

В процессе поиска путей совершенствования качества проектов законодательных актов, разработанных научными и образовательными организациями системы МВД России и вносимых на рассмотрение Правительства Российской Федерации в качестве возможной законодательной инициативы, равно как и проектов нормативных актов подзаконного характера, утверждаемых Правительством Российской Федерации или Министром внутренних дел России, к непосредственной научно-поисковой деятельности научного юридического сообщества, мы вновь и вновь убеждаемся

¹ Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 20.04.2024).

² Суворов А. В. Наука побеждать. Москва: Воениздат, 1986. С. 19.

в необходимости «связи теории с практикой». Юридическая наука, по нашему глубокому убеждению, должна быть приоритетно ориентирована на получение тех результатов научного поиска, которые могут быть в максимальной степени использованы в практической юриспруденции и применительно к системе МВД России в текущей правоохранительной деятельности. Достижение юридической наукой такого рода практической направленности своей научно-теоретической деятельности крайне затруднительно без «обратной связи», без постановки практикующим юридическим сообществом вообще и территориальными органами внутренних дел в частности заявок на проведение научных исследований.

Рассматривая различные проблемные вопросы научного обеспечения практической деятельности сотрудников территориальных ОВД, А. А. Бадин приходит к умозаключению, что отнесение территориального ОВД — заказчика научной продукции к числу полноценных участников научной деятельности является не вполне корректным¹. Аргументируя свою позицию, указанный автор ссылается на имеющееся несоответствие содержательного наполнения двух ведомственных нормативных правовых актов, определяющих проблематику внедрения юридической науки в правоприменительную деятельность ОВД и их личного состава². Мы считаем, что согласиться с данной научной позицией можно лишь опираясь на исключительность признака формальной определенности правовых предписаний. По нашему глубокому убеждению, причина того, что в настоящее время такой заказчик научной продукции, как территориальный орган МВД России, не может в полной мере рассматриваться в качестве субъекта научно-юридической деятельности, кроется в несформированности у его должностных лиц соответствующих общекультурных компетенций именно в научной сфере. Таким образом, мы приходим к умозаключению, что обладать познаниями в области юридической науки в системе МВД России должны не только представители именно научного сообщества в лице сотрудников научных и научно-исследовательских учреждений, научных педагогических работников, находящихся в штате образовательных организаций высшего образования системы МВД России, но и сотрудники территориальных органов Министерства на межрегиональном, региональном и районном уровнях, выступающие и как заказчики, и как, что гораздо важнее, потребители научной продукции. Формулируя такой вывод, мы вновь возвращаемся к теме нашего краткого исследования — роли непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел применительно к юридической науке и результатам ее исследований.

МВД России в научно-образовательном плане представляет собой относительно самостоятельную и автономную систему, позволяющую не только «продуцировать» кадры для прохождения государственной службы иных видов в территориальных ОВД в качестве сотрудников различных служб, подразделений и аппаратов, но и готовить научных сотрудников, осуществляющих фундаментальные и прикладные научные исследования преимущественно юридического характера. Помимо представителей ведомственной системы МВД России научно-юридического сообщества, образовательные организации Министерства осуществляют в адъюнктуре подготовку педагогических работников, способных на высоком профессиональном уровне осуществлять как непосредственно преподавательскую, так и научную деятельность.

Оговоренная Федеральным законом от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» концепция непрерывного образования в полной мере реализуется Министерством внутренних дел Российской Федерации. Так, входящими в его систему образовательными организациями среднего образования в лице суворовских военных училищ и кадетского корпуса, реализующими образовательные программы среднего общего образования, осуществляется ранняя профессиональная ориентация своих выпускников, привитие им первоначальных навыков осуществления научно-юридического поиска. Данная деятельность реализуется посредством постоянно функционирующих в каждом суворовском училище и кадетском корпусе научных обществ обучающихся. На качество данного начального этапа научно-юридической деятельности

¹ Бадин А. А. Проблемы организации научного обеспечения правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2-2 (41). С. 102.

² Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 апреля 2016 года № 155. URL: <https://base.garant.ru/72012320/?ysclid=lw0wowkqf1544756024> (дата обращения: 29.04.2024); Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 18 марта 2013 года № 150. URL: <https://base.garant.ru/71140014/?ysclid=lw0wrhx4gh464599858> (дата обращения: 29.04.2024).

указывают не только значительный процент выпускников училищ, принимающих решение о получении высшего образования в вузах системы МВД России, но и тот факт, что именно выпускники ведомственных суворовских военных училищ наиболее активно продолжают научно-исследовательскую юридическую деятельность, являясь обучающимися образовательных организаций Министерства.

Поскольку практически во всех образовательных организациях высшего образования системы МВД России успешно реализуются все без исключения уровни профессионального образования — от средне-профессионального образования до подготовки сотрудников органов внутренних дел, относящихся к категории «кадры высшей категории», их выпускники обладают реальными возможностями как продолжать заниматься научно-юридической деятельностью, так и оставаться высокообразованным специалистом в сфере юридической науки, находясь на должностях среднего, старшего и высшего начальствующего состава территориальных ОВД. Помимо адъюнктуры, выступающей финальным уровнем высшего образования, в научных организациях (ВНИИ МВД России) и ряде образовательных организаций высшего образования в настоящее время функционирует такая форма подготовки научных кадров, как докторантура, в которую направляются педагогические и / или научные работники для подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора наук¹.

Следующим, на наш взгляд, наиболее значимым элементом непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел является разветвленная подсистема дополнительного образования, представленная в МВД России преимущественно дополнительным профессиональным образованием в формах профессиональной переподготовки и повышения квалификации. В отличие от высшего, прежде всего юридического, образования дополнительное профессиональное образование, получать которое в соответствии с законодательным актом, регламентирующим вопросы прохождения службы в ОВД, в форме повышения своей квалификации обязан каждый сотрудник ОВД (полиции), может реализовываться не только образовательными организациями высшего образования и повышения квалификации системы МВД России, но центрами профессиональной подготовки, входящими в штатные расписания отдельных территориальных органов МВД России на региональном уровне. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что, выполняя свое базовое предназначение, — поддержание и совершенствование у действующего сотрудника территориального ОВД профессиональных компетенций по занимаемой должности, дополнительное профессиональное образование, как самый продолжительный элемент непрерывного образования сотрудников ОВД, крайне малое внимание уделяет повышению его научно-юридического потенциала. Это, в свою очередь, приводит к проблемам, обозначенным нами в начале нашего исследования: неспособность среднестатистического сотрудника ОВД в полной мере понимать и применять в своей практической правоохранительной деятельности научную составляющую нормативных актов, регламентирующих его служебную деятельность, равно как и достижений юридической науки, способных в значительной мере повысить эффективность его служебной деятельности. Итогом становятся как неспособность сотрудников территориального ОВД четко и конкретно сформулировать свою потребность в научном сопровождении своей служебной деятельности, так и недостаточно высокая реальная внедряемость наработок юридической науки в практику оперативно-служебной деятельности личного состава территориальных органов МВД России.

В качестве выводов мы считаем необходимым отметить следующее.

Непрерывное образование сотрудников органов внутренних дел, формирующее у обучающихся высокий уровень профессиональных и общекультурных компетенций, дающих возможность действующим сотрудникам ОВД в полной мере понимать, соблюдать и реализовывать требования законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих

¹ Об утверждении Положения о докторантуре: постановление Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2014 года № 267 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15, ст. 1759; Об особенностях прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, переведенными в образовательные организации высшего образования или научные организации системы МВД России для подготовки диссертации на соискание ученой степени доктора наук, связанных с организацией и осуществлением научной (научно-исследовательской) деятельности: приказ МВД России от 16 марта 2020 года № 152. URL: <https://bazanpa.ru/mvd-rossii-prikaz-n152-ot16032020-h4710842/?ysclid=lw2iquipb4421926019> (дата обращения: 24.04.2024).

их оперативно-служебную деятельность, в недостаточной мере реализует потенциал, теоретические и практические возможности юридической науки.

Требует дальнейшей проработки вопрос более тесного научно-практического взаимодействия научных и образовательных организаций МВД России, реализующих модель непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел, с территориальными ОВД в части повышения эффективности внедрения в практическую правоохранительную деятельность достижений ведомственной юридической науки.

Должно быть в корне изменено отношение руководящего состава территориальных органов МВД России на различных уровнях к такой знаковой составляющей организации текущей оперативно-служебной деятельности подчиненного личного состава, как научная организация труда. Раздел научной организации труда сотрудников ОВД (полиции), безусловно, должен стать обязательным элементом всех программ дополнительного профессионального образования как в форме профессиональной переподготовки, так и повышения квалификации личного состава служб, подразделений и аппаратов органов внутренних дел.

Царева Юлия Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России

Роль научной школы в популяризации уголовно-процессуальной науки

«Non scholae sed vitae discimus» — учимся не для школы, а для жизни. Принцип, которому следовал основатель Нижегородской школы процессуалистов В. Т. Томин, пытаясь привить ученикам полезные жизненные навыки не только для научного, но и для повседневного использования¹.

История эффективно развивающейся Нижегородской научной школы процессуалистов берет начало в далеком прошлом.

Ее основателем являлся заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Валентин Тимофеевич Томин. Всю жизнь он посвятил служению отечественной юридической науке и практическому уголовному судопроизводству. Он обладал неугасаемым научным потенциалом. Его творческий путь был живым воплощением диалектики, тонким искусством укрощения самых непримиримых эмпирических и практических противоречий. Он всегда был искренним новатором и в то же время ретроградом, бесстрашным проводником новых созидательных научных концепций и ярким защитником священных традиций уголовного судопроизводства².

С середины 70-х годов прошлого века В. Т. Томин продолжил профессиональную деятельность уже в Горьковской высшей школе МВД СССР (в настоящее время — Нижегородская академия МВД России). Он создал и возглавил кафедру уголовного процесса, которой руководил двадцать лет, 25 мая 2009 года решением ученого совета академии кафедре заслуженно присвоено имя В. Т. Томина.

За это время им были сформированы научные и педагогические традиции, которые успешно применяются и по сей день. Завершив активную преподавательскую деятельность, профессор не оставил свою главную миссию — миссию служения науке: он проводил масштабную консультационную работу, курировал научные проекты, вселял дух здорового научного оптимизма в молодых и зрелых исследователей.

Профессор В. Т. Томин обладал поистине энциклопедическими знаниями в области уголовного процесса. Все сферы и институты уголовно-процессуального права в той или иной степени были затронуты его вниманием. Профессором были заложены концептуальные положения теории

¹ Поляков М. П. Научная школа профессора В. Т. Томина — Нижегородская школа процессуалистов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2. С. 211–216.

² См.: Поляков М. П. Светлой памяти учителя профессора Томина Валентина Тимофеевича // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 304.

эффективности уголовного судопроизводства, разработана и внедрена в научную среду концепция целеполагания, а его оригинальное **учение** о принципах уголовного судопроизводства легло в основу созданной им Нижегородской научной школы процессуалистов¹.

Сейчас последователи профессора называют ее Томинской научной школой процессуалистов. Еще одно закрепившееся за школой наименование, известное более зрелому поколению учеников В. Т. Томина, — школа живого уголовного процесса.

Став теоретико-идеологической основой научной школы, учение профессора не превратилось в догму, а вобрало в себя различные концепции, гипотезы и разработки. Именно поэтому образованную В. Т. Томиным научную школу нельзя назвать школой монопроблемы. Это школа системная, ее задача — формирование цельного представления об уголовном процессе; научение последователей осознанному применению научного метода.

Подобно трудам основателя школы, имеющим большое методологическое значение и являющимся примером осмысленного применения диалектического метода познания², методология школы уникальна в своем роде и не останавливается в развитии.

Долгое будущее научной школы обеспечено созданными профессором традициями и его фундаментальным учением как богатейшим научным наследием современности. Это будущее гарантировано потенциалом учеников, последователей и соратников профессора, приверженцев его идей, подходов и взглядов, чьи талант и самоотверженность позволят школе жить и быть воистину Томинской школой живого уголовного процесса.

В 2019 году в связи с уходом из жизни бессменного лидера научной школы В. Т. Томина бразды правления перешли к именитому ученику профессора, ныне выдающемуся ученому, профессору, доктору юридических наук, профессору кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России Михаилу Петровичу Полякову, который не устает из раза в раз произносить в адрес наставника добрые, трепетные слова, демонстрирующие истинность чувств и эмоций ученика, навсегда впитавшего уроки мудрости своего Учителя.

Вот одни из них: «Мне (М. П. Полякову) посчастливилось стать учеником профессора В. Т. Томина в самых сокровенных значениях этого слова воспринять не только букву, но и дух его учения, понять и почувствовать перспективы концепций, осознать высокие задачи научной школы»³. В своих многочисленных научных изысканиях Михаил Петрович неизменно претворяет в жизнь научные идеи и замыслы своего научного наставника.

Вклад научной школы в развитие науки уголовного процесса определяется масштабностью научных интересов ее представителей, рожденных в особой ауре и атмосфере Томинского таланта наставника.

Более чем за тридцать лет своего существования Нижегородская школа процессуалистов сформировала оригинальные видения многих разделов науки уголовного процесса. Под ее научным влиянием было создано учение о принципах, цели и задачах уголовного процесса, заложены теоретические основы рационализации уголовного процесса (В. Т. Тomin, А. В. Федулов); получили развитие концепция уголовно-процессуальной интерпретации результатов оперативно-розыскной деятельности и основы уголовно-процессуальной концептологии (М. П. Поляков); создана доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права (Н. Н. Ковтун, С. А. Грачев, М. В. Лапатников и др.); разработана теория допустимости уголовно-процессуальных доказательств (В. В. Терехин); сформулирована концепция системообразующих оснований и компонентов уголовного судопроизводства (А. Е. Адаменко).

Реализуя здоровые научные амбиции, молодые исследователи школы смело берутся за интересные проекты. Существенные шаги сделаны в оптимизации правового регулирования отдельных мер пресечения (Ю. В. Царева); совершенствовании статуса участников уголовного процесса (А. В. Ламтева); изучении алгоритма обжалования действий и решений должностных лиц, ведущих процесс (И. А. Казнина); исследовании проблем преюдиции (Ю. Е. Салеева); осуществлении анализа проблемных аспектов производства дознания (Е. С. Кудряшова); предложены пути использования материалов средств массовой коммуникации в доказывании по уголовным

¹ См.: Поляков М. П. Светлой памяти учителя профессора Томина Валентина Тимофеевича // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 304.

² См.: Тomin В. Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Нижний Новгород, 1989. 112 с.; Тomin В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. Москва, 1991. 240 с.

³ Там же. С. 304.

делам (А. А. Рогова); исследован статус лица, подвергаемого уголовному преследованию на досудебном этапе уголовно-процессуальной деятельности (Т. А. Николаева); определены места судебных правовых предписаний в системе источников уголовно-процессуального права (Е. Г. Бугрова); изучены особенности отдельных следственных действий, сопровождающихся изъятием в электронных цифровых сетях (Ю. А. Телевицкая); комплексно изучены понятия и содержания электронных уголовно-процессуальных доказательств (А. А. Количенко) и др. За период существования научной школы ее представителями (учениками) было защищено более ста диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук и десятки на соискание ученой степени доктора наук.

И даже после своего ухода профессор В. Т. Томин не перестал объединять людей. Как при жизни профессора наука развивалась поступательно: группы превращались в кружки, кружки перерастали в школы, так и сейчас научная школа, с одной стороны, имеет своего рода ответвления (направления), с другой стороны, зародившиеся в «стенах» научной школы идеи и концепции не стоят на месте, развиваясь, они с каждым годом пополняют число ее единомышленников.

Так, на кафедре уголовного процесса Нижегородской академии МВД России существует научный кружок под названием «Шерлок Холмс», членами которого являются курсанты и слушатели академии, отличающиеся высокой успеваемостью, интересующиеся проблемами теории, доктрины и практики уголовного судопроизводства, занимающиеся подготовкой научных работ, статей и эссе. Это так называемое молодое поколение учеников научной школы, только вступающее на тернистую, но интереснейшую тропу научного поиска.

Научные руководители, наставники и консультанты передают им накопленный опыт и знания в рамках живого общения, без чинов и регалий. В научной школе все соратники и коллеги. Стоит акцентировать внимание на роли научной школы в обучении начинающих, но перспективных последователей — умению трудиться, творить, познавать, искать, анализировать, исследовать, дискутировать, спорить, «рождать» истину, в полной мере раскрывать заложенный потенциал.

С 2017 года на базе Нижегородской академии МВД России, благодаря активным действиям идейных вдохновителей и лидеров научной школы, под ее знаком проводится ежегодная научно-практическая конференция.

В ней принимают участие признанные ученые в области уголовно-процессуального права, представители научного сообщества, педагогические работники высших учебных заведений гуманитарно-юридического профиля из всех уголков нашей необъятной страны, а также адъюнкты, аспиранты, курсанты, студенты и иностранные слушатели. Мероприятие регулярно посещают представители правоприменительных структур: оперативных и следственных подразделений МВД России, Следственного комитета Российской Федерации, прокуратуры и органов судейского сообщества.

Так, с каждым годом ряды Нижегородской школы процессуалистов пополняются новыми именами, к школе примыкают ее единомышленники, соратники и оппоненты, продолжатели ее идей, концепций, внедрений и разработок.

Вначале мероприятие имело статус круглого стола и носило региональный или межведомственный характер, а в качестве дня проведения выбиралась дата образования Нижегородской школы процессуалистов — 7 ноября. География участников была не столь обширна. В 2018 году гостями научного форума стали ученые процессуалисты из Казанского, Сибирского, Уфимского институтов МВД России и Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. В 2019 году ситуация во многом была схожей.

С 2020 года уровень организации конференции повысился до всероссийского. Дата конференции уже не была столь константна, но месяцем проведения по-прежнему оставался ноябрь. В 2021 году всероссийский уровень форума расширил пространственные границы образовательных и научных организаций — участников мероприятия, которое посетили представители научно-исследовательского центра № 5 по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, ученые-процессуалисты из одиннадцати юридических вузов и сотрудники правоохранительных органов пяти субъектов Российской Федерации.

15 ноября 2022 года научно-практическая конференция объединила представителей девяти регионов России, включая педагогических и научных работников Академии управления МВД России, Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, а также сотрудников практических органов Республики Татарстан, Астраханской и Нижегородской областей. В ходе мероприятия обсуждались универсальные принципы уголовного судопроизводства; современная система уголовно-процессуального права; аспекты недопустимости доказательств; особые формы судебных производств; институты пересмотра судебного приговора; проблемы внедрения оптимальных моделей уголовного судопроизводства в условиях цифровизации.

16 ноября 2023 года на дискуссионной площадке обсуждены современные интерпретации типологии уголовного процесса; идеологические и нравственные начала; противоречия и парадоксы; критерии превосходства, доминирования и фикции источников уголовно-процессуального права; новые стратегии предварительного расследования в эпоху цифровизации; теоретические основы особых форм разрешения уголовных дел; современные тенденции и перспективы пересмотра судебного приговора; концепция разработки оптимальной информационно-коммуникационной среды в сфере международного сотрудничества.

Еще более широкая в сравнении с предыдущим годом география научного мероприятия представлена тринадцатью российскими научными центрами: Барнаул, Белгород, Волгоград, Екатеринбург, Иркутск, Москва, Нижний Новгород, Омск, Орел, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Уфа, Хабаровск. В работе конференции приняли участие: 6 докторов наук и 46 кандидатов наук. Практическая значимость и актуальность научного форума обусловлены участием представителей Следственного комитета Российской Федерации, четвертого апелляционного суда общей юрисдикции и Министерства по делам юстиции и региональной безопасности Республики Хакасия.

2 июня 2024 года основателю научной школы исполнилось бы 90 лет со дня рождения. В связи с чем предстоящая в ноябре текущего года конференция будет посвящена памяти великого ученого, профессора — В. Т. Томина.

По итогам указанных научно-представительских мероприятий, приуроченных к годовщине Нижегородской школы процессуалистов ежегодно издается сборник материалов с последующим их размещением в национальной библиографической базе данных научного цитирования «РИНЦ». Сборник именуется «Альманахъ Нижегородской научной школы процессуалистов». На данный момент опубликовано шесть сборников научных трудов школы. В 2018 году Альманахъ № 1; ... в 2022 году — Альманахъ № 5; в 2023 году — Альманахъ № 6.

Периодика выхода альманаха лишь подтверждает значение Нижегородской школы процессуалистов в научном юридическом сообществе.

Таким образом, укрепляются идеи, концепции и разработки научной школы, с новой силой они прорастают в примкнувших к школе молодых талантах. Признанные ученые-процессуалисты ведут поиск, применяют новые подходы и методы научного познания, передавая накопленные знания и опыт подрастающему поколению, а молодые специалисты (исследователи) интерпретируют

их в собственные замыслы и идеи. Но, безусловно, каждый, кто считает себя причастным к науке уголовно-процессуального права, проявляет неподдельный интерес к ее развитию и популяризации в юридической среде. Каждый стремиться своим трудом и трудом своих соратников и оппонентов сделать ее более живой и увлекательной, более совершенной с точки зрения юридической техники и правоприменительной практики.

В завершении скажем о главном.

Доказать популярность уголовно-процессуальной науки способна лишь научная школа, добившаяся выдающихся, опережающих свое время открытий. Эти слова справедливо сказаны о нашей процессуальной школе.

Нижегородскую научную школу процессуалистов можно назвать *проектом* В. Т. Томина, *проектом* прошлых великих достижений, *проектом* настоящих и будущих не менее значимых научных побед и свершений, в которых будет жить имя, дух и неиссякаемый жизненный оптимизм ее основателя и бесценного Учителя — В. Т. Томина.

Сегодня у Нижегородской школы процессуалистов новый виток в развитии. Успех научной школы заключается в научном потенциале и оптимизме ее основоположника, его идейных последователей, учеников и соратников. Отечественные ученые процессуалисты глубоко чтят и уважают достояние Нижегородской научной школы, ее традиции и обычаи, справедливо отмечают ее заслуги и достижения. Школа знаменита именами, трудами, научным рвением, старанием, силой духа и зазором ее учеников и последователей.

Получение широкой известности Нижегородской школы процессуалистов можно считать эффективной и продуктивной формой популяризации юридической науки в сфере уголовного судопроизводства, способом заявить о науке как о поистине фундаментальной, основополагающей, содержащей множество теоретико-прикладных концепций, доктрин и разработок, воплощающих идеи прошлого, настоящего и будущего.

Червяковский Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права
и государства Омской академии МВД России

Сравнительное правоведение как научное направление в современной российской юридической науке

Сравнительное правоведение имеет достаточно большую историю. Сравнительным изучением права ученые занимаются с глубокой древности. В трудах античных мыслителей уже содержится анализ правовых систем различных стран. В XIX веке появляются первые общества по сравнительному изучению права. Как самостоятельное научное направление сравнительное правоведение стало складываться в начале XX века.

В России проблемами правовой компаративистики ученые-юристы интересовались и в дореволюционный, и в советский периоды. Среди дореволюционных российских правоведов стоит отметить работы М. М. Ковалевского, Ф. В. Тарановского, П. Г. Виноградова. В Советском Союзе вышли ряд работ, посвященных сравнительному изучению правовых систем зарубежных стран. В этот период стоит отметить работы таких советских ученых, как А. Г. Гойбарх, М. М. Агарков, С. Л. Зивс, В. А. Туманов, А. А. Тилле. Развитию научного интереса к сравнительно-правовым исследованиям способствовало издание в СССР перевода книги Р. Давида¹ и М. Анселя², а также сборника статей ученых из западных стран «Очерки сравнительного права»³.

С начала 90-х годов прошлого столетия после распада СССР внимание ученых-юристов к сравнительному правоведению в России усиливается. В настоящее время появляются монографии, учебники, учебные пособия, выходят в свет новые специализированные юридические журналы. В работах российских компаративистов затрагиваются не только общие вопросы сравнительного

¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности: сравнительное право. Москва: Прогресс, 1967. 400 с.

² См.: Ансель М. Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике). Москва: Прогресс, 1970. 312 с.

³ Очерки сравнительного права: сборник статей. Москва: Прогресс, 1981. 256 с.

правоведения (предмет, методы сравнительного правоведения, классификация правовых систем), но и более предметный сравнительный анализ применительно к отдельным проблемам и отраслевой принадлежности. В Москве и в разных регионах страны организуются и проводятся многочисленные научные и научно-практические конференции, затрагивающие вопросы правовой компаративистики. В высших учебных заведениях страны на юридических факультетах сравнительное правоведение отвоевывает себе место как учебная дисциплина, вводится в учебные планы и программы.

Как и в любой области приложения научных знаний, в сравнительном правоведении существует множество спорных, дискуссионных вопросов, на которые ученые стремятся найти ответы. Проблемы, обсуждаемые учеными-компаративистами, носят не только прикладной, но и теоретический характер, имеют методологическое значение для сравнительного права и в целом для исследований в области юриспруденции и общественных наук.

Чем является сравнительное правоведение? Можно ли говорить, что это только метод, часть общей теории государства и права, или его значение значительно больше, и стоит вести речь о самостоятельном направлении в юридических исследованиях и даже рассматривать правовую компаративистику как отдельную юридическую науку, обладающую своим специфическим предметом и методом исследования? На первый взгляд простые вопросы, в ответах на которые ломают копья в многочисленных дебатах многие поколения компаративистов.

И по сей день не все ученые согласны считать сравнительное правоведение самостоятельной научной дисциплиной. Многие полагают, что сравнительное правоведение — это только метод или часть теории государства и права. Такое отношение к правовой компаративистике присутствует как в зарубежной, так и в российской юридической науке. Мы считаем, что позиция, согласно которой можно говорить не только о сравнительно-правовом методе, но и об особом, самостоятельном сравнительно-правовом направлении научного исследования, представляется более обоснованной. Сравнительное правоведение выступает не только в качестве частного метода юридической науки, но является самостоятельным научным направлением в рамках юридической науки. Такой вывод можно сделать, исходя из наличия общетеоретических исследований в области правовой компаративистики, присутствия множества работ, посвященных сравнительному изучению правовых систем. Важными для становления и развития сравнительного правоведения являются организация и проведение крупных научных форумов, посвященных данной проблематике. Об осознании правовой компаративистики как самостоятельного научного направления в рамках юриспруденции свидетельствует появление различных международных ассоциаций ученых, заинтересованных в проведении сравнительно-правовых исследований.

Нельзя сводить все существующие общетеоретические проблемы юридической науки только к вопросам в рамках теории государства и права. Отдельно в системе юридической науки могут и должны существовать особые направления научного исследования и отдельные научные дисциплины. Сравнительное правоведение не замыкается только на одном сравнительно-правовом методе исследования. Метод сравнительного правоведения — это один из арсенала частноправовых методов, используемых не только сравнительным правоведением, но и другими юридическими науками.

В зависимости от области исследования ученый-компаративист может выбрать из номенклатуры ВАКа близкую ему по духу специальность. Так, Ю. А. Тихомиров полагает, что пришло время включать сравнительное правоведение в классификацию юридических наук¹. Исследователи развивают новые направления научного исследования, занимаются изучением проблем права, а то, по каким научным специальностям будут защищаться диссертации и присуждаться ученые звания, вопрос второстепенный. Важно как раз другое: сравнительное правоведение — это составная часть науки о праве — юриспруденции, одно из направлений научной деятельности ученых-правоведов.

Нередко представления о сравнительном правоведении сводятся к разрабатываемым в науке многочисленным вариантам типологии правовых систем. Однако юристы, занимающиеся сравнительным изучением правовых систем современности, отнюдь не ограничиваются только их классификацией. Исследования в области сравнительного правоведения позволяют найти пути решения ряда достаточно сложных вопросов юридической науки, в том числе многих проблем

¹ См.: Тихомиров Ю. А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 5.

общетеоретической и философско-правовой направленностей. В настоящее время без учета данных правовой компаративистики, без применения сравнительно-правового метода юридической науки выводы теории государства и права не могут претендовать на универсальный и обобщающий характер.

Необходимость анализа правовых систем зарубежных государств сегодня признается большинством ученых. Нельзя ограничиться изучением только своего национального права и законодательства, историей становления и развития правовой системы того или иного государства. Это путь в никуда. Европейцы уже пытались в XIX веке исследовать только национальное право отдельных государств, у них ничего не вышло. К концу позапрошлого века Э. Ламбер, Р. Салей и многие другие ученые-юристы убедились в необходимости развития сравнительно-правовых исследований. В Париже в 1900 году проведен I Международный конгресс сравнительного права. В 1924 году в Гааге основана Международная академия сравнительного права, которая продолжает свою деятельность и по настоящее время: XXI Генеральный конгресс Международной академии сравнительного права состоялся в г. Асунсьон (Парагвай) с 23 по 28 октября 2022 года.

Французский компаративист Р. Давид полагал, что научные достижения в области правовой компаративистики являются ценными для проведения исторических и философско-правовых исследований, понимания и совершенствования национального права, а также для развития международного права¹. По мнению американско-германского юриста Т. Лудмарка, сравнительное правоведение находит свое применение в следующих сферах: международном частном праве, правотворчестве, толковании и применении права, сближении национальных правовых систем и развитии общих принципов права, унификации права².

Сложившиеся понятия юридической науки нуждаются в уточнениях с учетом зарубежного опыта и мировой правовой мысли. В российской юридической науке не прекращается дискуссия о подходах к пониманию права. Несмотря на большие успехи российских ученых в разработке вопросов о чертах, функциях и сущности права, следует обратить внимание на необходимость обращения к трудам зарубежных ученых, таких как Г. Харт, Р. Дворкин, Л. Фуллер, Дж. Финнис. Именно труды этих философов и теоретиков права в настоящее время определяют основные направления дискуссий, существующих в мировой юридической науке.

Сравнительно-правовые исследования раскрывают место отдельной правовой системы на правовой карте мира, позволяют выделить общие отличительные и единичные черты изучаемой правовой системы, показать незамкнутость существующих национальных и иных правовых систем в рамках отдельных правовых семей. В настоящее время остается достаточно трудноразрешимой как практически, так и теоретически проблемой отнесение российской правовой системы к той или иной правовой семье.

Сравнительное правоведение позволяет взглянуть на проблему унификации правового регулирования. Унификация права — явление объективное, глобальное, позволяет сблизить существующие правовые культуры, найти общий юридический язык для взаимодействия. Она не отрицает плюрализма правовых систем, наличия самобытных, исторически сложившихся и эффективных средств и элементов в конкретных системах. Ссылками на самобытность и свой путь развития нельзя оправдать отход от принятых мировых стандартов развития системы защиты прав человека в XXI веке. Для российской юридической науки и практики в целом характерны определенные метания в плане изучения и заимствования опыта разных государств и народов: то мы пытаемся полностью инкорпорировать нормы европейских государств, пересадить их на российскую почву, то смотрим на Восток: в Азию, Африку и даже Латинскую Америку. Можно, конечно, достаточно долго спорить, в каких странах правовые режимы более предпочтительны для сравнения и возможного последующего заимствования применительно к национальной правовой системе, однако то, что изучение и взаимное обогащение правовых систем является необходимым и достаточно полезным, полагаем, также не вызывает сомнения.

Сравнительный анализ правовых систем предполагает исследование права во всех государствах мира. Однако такая задача непосильна для отдельных ученых. Попытки объединить усилия многих исследователей из разных стран, чтобы описать хотя бы современное состояние права и юридической практики в национальных правовых системах, являются единичными. Наиболее

¹ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. Москва: Международные отношения, 1996. С. 9.

² См.: Лудмарк Т. Очерки сравнительного правоведения. Санкт-Петербург: Алет-Пресс, 2022. С. 40.

известным в мировой практике стало создание в 1972–1987 годах Международной энциклопедии сравнительного права (*International Encyclopedia of Comparative Law*). К сожалению, данная работа не переведена на русский язык, тем самым для многих российских ученых она осталась неизвестной. Отдельные положения энциклопедии нашли отражение в энциклопедическом словаре, изданным под редакцией А. Я. Сухарева¹. Полагаем, что такие исследования необходимы и в настоящее время, чтобы в них могли принять участие и российские ученые.

Не менее интересным и значимым для развития российской юридической науки и права, полагаем, является анализ опыта правового развития стран, имеющих границы с нашим государством. Сейчас активизировались сравнительно-правовые исследования в России, посвященные правовым системам Китая, странам Азиатско-Тихоокеанского региона, государствам ближнего зарубежья. Изучение права различных государств и народов с использованием сравнительно-правового метода позволяет понять, что в разных культурах и традициях существует отличное от других отношение к праву как средству регулирования общественных отношений. Не все общества готовы следовать только правовым предписаниям. Правовые нормы у некоторых народов играют значительно меньшую роль.

В отечественной юридической науке не прекращаются дискуссии о системе права, ее соотношении с системой законодательства. Изучение различных правовых семей и систем также позволяет уяснить взаимосвязь и взаимозависимость различных элементов правовой системы. Заимствование правовых норм не всегда оказывается удачным, а другие правовые нормы и институты, воспринятые страной-реципиентом, могут быть направлены на решение иных задач, нежели в стране-доноре. В настоящее время в Российской Федерации наблюдается неуклонный рост принимаемых законов, большая часть из них оказывается правовыми актами, направленными на внесение изменений уже в действующие правовые акты. Требуется расширение работы по систематизации законодательства. Исследования в области сравнительного правоведения позволяют выявить лучшие практики систематизации и кодификации законодательства в зарубежных странах. И здесь не стоит обращать внимание только на опыт стран континентального права, поскольку английское и американское право с точки зрения доступности и упорядоченности также является систематизированным².

В Российской Федерации не утихают споры о необходимости модернизации высшего образования, в том числе и системы подготовки специалистов в области юриспруденции. В последнее время активизировались сторонники отказа от бакалавриата и двухуровневой системы высшего образования. Заявлено о переходе в 2025 году на новую национальную систему образования. Не вдаваясь в детали развернувшейся дискуссии, хотелось бы, чтобы разработчики реформы и иные лица, участвующие в принятии решений, обратили внимание на особенности подготовки юристов в разных странах. На такие аспекты при характеристике правовых систем обращают внимание в своих работах К. Цвайгерт, Х. Кетц, Кр. Осаке, Т. Лундмарк. На наш взгляд, важно, чтобы выпускник российского юридического вуза не был «ремесленником», а смог бы ориентироваться в праве России и зарубежных государств, разбираться в сложных запутанных ситуациях, требующих правового разрешения, понимать назначение права в современном мире и свою роль в развитии справедливого, демократического правового российского общества.

Сравнительное правоведение выступает в качестве самостоятельного научного направления, имеющего специфический предмет исследования, и использует для его изучения специальные методы юридической науки, при этом активно занимается возможностью применения сравнительно-правового метода исследования. Сегодня можно говорить о развитии и самостоятельном существовании новых научных направлений, таких как юридическая антропология, социология права, философия права. Наличие этих научных направлений, в том числе и сравнительного правоведения, позволяет развиваться не только данным дисциплинам, совершенствоваться существующим методам исследования, но и стимулирует развитие и общей теории права, и юриспруденции в целом.

¹ См.: Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник / У. Э. Батлер [и др.]; отв. ред. А. Я. Сухарев. Москва: Инфра-М-НОРМА, 2001. 840 с.

² См.: Лундмарк Т. Очерки сравнительного правоведения. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2022. С. 379.

Гвоздецкий Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова

Нормативно-правовое проектирование законодательных и иных нормативных актов: теоретико-правовая характеристика

Ведомственная правотворческая деятельность как важное направление модернизации государственной политики еще на начальном этапе правообразования проектируемых положений законодательных и иных нормативных актов предполагает разностороннюю проработку всех возможных аспектов общественной жизни, регламентацию которой содержат структурные единицы проектируемого правотворческого решения. В связи с этим необходимо обратить внимание, что ведомственной правотворческой деятельности, реализуемой на площадках федеральных органов исполнительной власти, регламентированной специальными процедурными нормами, в том числе в рамках исполнения соответствующих поручений, отведено ключевое значение в нормативно-правовом проектировании законодательных и иных нормативных актов. В то же время осуществление нормативно-правового проектирования федеральными органами исполнительной власти, безусловно, требует принятия рационально взвешенных управленческих решений, учитывающих согласованную позицию всех участников правотворческого процесса, чьи интересы затрагивают прорабатываемые правотворческие решения.

В целом правотворческая деятельность разнообразна, к примеру, могут затрагиваться проблемы повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности, соблюдения обязательных требований¹, социально-экономические вопросы и т. д. При этом, учитывая многообразие направлений (сфер) отраслевого законодательства, во внимание принимаются не только официальные позиции государственных органов и организаций, но и точки зрения ученых-юристов, экспертов, результаты исследований которых находили положительное отражение в ранее прорабатываемых нормативных актах.

Применение вышеуказанного опыта позволяет анализировать проектируемые положения нормативных актов с учетом мнений и позиций не только официальных лиц, но и представителей научного сообщества, что дает возможность учесть возможные неточности на этапе разработки правотворческого решения, тем самым предлагая ответственному разработчику решения по устранению выявленных правотворческих дефектов.

В этой связи, как отмечается в научной литературе, нормативное правовое регулирование, как и правоприменительная практика, продолжает свое развитие, что непосредственным образом находит отражение на улучшении качества законодательства и повышение степени эффективности практики его применения². Принимая во внимание указанное, в ведомственном правотворчестве необходимо применять системный подход, рассматривающий процесс управления как последовательность управленческих решений³.

Одновременно с этим направление нормативно-правового проектирования законодательных и иных нормативных актов в большей степени основывается на текущих изменениях в функционировании государственного сектора и, соответственно, общественных отношениях, видоизменяющихся под влиянием внешних факторов, в том числе цифровизации. Так, в частности, как отмечается в научной литературе, правотворческая деятельность в условиях новой цифровой реальности имплементирует в себя новые технологии, способные существенно повлиять на ее качество и эффективность⁴.

¹ См.: Ноздачев А. Ф., Зырянов С. М., Калмыков А. В. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография. Москва: Инфотропик Медиа, 2022 С. 13.

² Васильев С. А. Правотворчество с позиции теории соотношения субъектов конституционного права // Lex russica. 2023. Т. 76. № 2. С. 17.

³ Люханова С. В. Принятие управленческих решений: учебное пособие. Москва: Директ-Медиа, 2021. С. 8

⁴ Хен Л. Г. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 208..

В этой связи на площадках органов государственной власти обсуждаются различные варианты внедрения инноваций, применяемых в ведомственном правотворчестве. Так, в рамках Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации было отмечено, что на уровне Министерства экономического развития Российской Федерации создана информационная система, содержащая практически все поручения, которые есть в министерстве по разработке нормативных актов, фиксирующая сроки их исполнения и позволяющая отслеживать все стадии разработки проектируемых актов, тем самым повышая прозрачность процедуры их принятия¹.

Необходимо отметить, что Министерство экономического развития Российской Федерации, как и иной федеральный орган исполнительной власти, в рамках своей компетенции является регулятором в определенной сфере (сферах) общественных отношений путем осуществления соответствующей государственной политики и нормативно-правового регулирования. В то же время от каждого федерального органа исполнительной власти в определенной степени зависит отраслевое законодательство и, соответственно, правоприменительная практика.

На основании вышеизложенного представляется возможным заключить, что ведомственное правотворчество отражает текущие отраслевые изменения, в том числе на основании правотворческих инициатив соответствующего регулятора (например, разработка федерального стандарта оценки Министерством экономического развития Российской Федерации; утверждение федерального стандарта бухгалтерского учета Министерством финансов Российской Федерации и т. д.). Наряду с этим проработка оптимальных правотворческих решений на площадке федерального органа исполнительной власти занимает длительное время в связи с проработкой их как внутри ведомства, так и на площадках иных федеральных органов исполнительной власти, государственных органов и организаций, чьи вопросы затрагиваются в проектируемом акте.

В целом проектный подход, применяемый в ведомственном правотворчестве, зарекомендовал себя с положительной стороны, обеспечивая тем самым высокую степень проработки проектируемых структурных единиц нормативного акта законодательного и подзаконного уровней. Данный подход реализуется на всех стадиях правотворческого цикла, что непосредственным образом позволяет разработчику (ответственному федеральному органу исполнительной власти по поручению Президента Российской Федерации и (или) Правительства Российской Федерации) корректировать его текст на соответствие действующему порядку.

Ориентация на применение проектного подхода в ведомственном правотворчестве особенно важна в связи с большой динамикой разрабатываемых правотворческих решений и недопущением возможной зарегулированности отраслевого законодательства. В этой связи в ведомственном правотворчестве для минимизации правотворческих ошибок, в том числе возможной зарегулированности отдельных отраслей законодательства, применяются средства повышения степени эффективности в проектировании соответствующего нормативного массива. Среди средств повышения степени эффективности проектируемого нормативного акта можно выделить правовую экспертизу, являющуюся неотъемлемой частью в ведомственной правотворческой деятельности, направленной на соответствие формы и текста нормативного акта правилам юридической техники, а также на соответствие актам более высокой юридической силы и на выявление в нем внутренних противоречий и пробелов в правовом регулировании.

Помимо правовой экспертизы как средства повышения степени эффективности проектирования структурных единиц нормативного акта, можно выделить и другие средства, к которым относится оценка регулирующего воздействия, направленного на выявление в актах избыточных административных и других ограничений в предпринимательской деятельности², тем самым прорабатывается лучший вариант правового регулирования с учетом современных тенденций развития общества, бизнес-процессов и трансформации всей системы публичного управления³.

На основании изложенного оценка регулирующего воздействия позволяет в перспективе закрепить единообразную правоприменительную практику. При этом будет обеспечено соблюдение

¹ Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/150832/> свободный (дата обращения: 08.04.2024).

² Андреева Л. А. Оценка регулирующего воздействия (правовой аспект) // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 12 (62). С. 71.

³ Зелепукин Р. В., Липунцова А. В. Оценка регулирующего воздействия: проблемы правового регулирования и привлечения предпринимательского сообщества к проводимым процедурам // Актуальные проблемы государства и права. 2021. № 19. Т. 5. С. 397.

прав неустановленного круга лиц в определенных отраслях, исключая в них трудновыполнимые административные и другие ограничения.

В то же время в процессе проектирования положений нормативного акта вышеуказанные средства повышения степени эффективности позволяют сократить и оптимизировать соответствующие денежные средства, выделяемые из федерального бюджета на реализацию федеральных норм правоприменительными органами.

В дополнение к изложенному представляется важным выделить и оценку фактического воздействия как средства повышения степени эффективности отраслевого законодательства, направленной на определение положительных и отрицательных последствий принятия нормативного акта, его обоснованности и эффективности¹.

Кроме того, целесообразно обратить внимание и на такое средство повышения степени эффективности отраслевого законодательства, как мониторинг правоприменения, степень эффективности применения которого повышается при условии его сочетания с юридическим прогнозированием, включающий различные пути совершенствования отраслевых норм, в том числе учитывая позитивные практики² в дальнейшем развитии отраслевого законодательства.

В целом, как отмечается в научной литературе, необходимость сочетания юридического прогнозирования с мониторингом правоприменения связано также с тем, что прогнозные оценки преследуют цель получить определенную информацию о направлениях и тенденциях дальнейшего развития законодательства и данные о том или ином его будущем состоянии³, а также реально полученными результатами⁴.

Также следует выделить среди средств повышения эффективности и инновационные решения, среди которых ключевое место в ближайшем будущем (5–10 лет) будет занимать технология искусственного интеллекта, направленная на повышение степени эффективности ведомственного правотворчества.

В настоящее время применение сложных математических алгоритмов, функционирующих в рамках соответствующих программных продуктов, зарекомендовали себя с положительной стороны, оптимизируя многие правотворческие процедуры, позволяя ответственному разработчику проектируемого акта большую часть своего времени уделять проработке понятийного аппарата нормативного акта, его общей и особенной частей, проверяя соответствующие положения на их внутреннюю и внешнюю согласованность с иными нормативными источниками, что положительно отражается на работе государственного сектора⁵.

Учитывая указанное, инновационные решения в большей своей части основаны только на автоматизированных процедурах, применимых к проектированию типовых нормативных актов и иных связанных с ними документов.

На основании вышеизложенного возможно сделать следующие *выводы*:

1. Проектирование отраслевого законодательства, его понятность для неопределенного круга лиц всегда была и остается одной из важнейших задач ведомственного правотворчества, находящего свое дальнейшее отражение в функционировании всей системы государственного управления. Принимая во внимание изложенное, представляется обоснованным на систематической основе всем участникам правотворческого процесса проводить семинары-совещания, в рамках которого целесообразно прорабатывать наиболее сложные правотворческие процедуры, приводящие к возникновению неточностей (типовых правотворческих ошибок), а также внутренней несогласованности проектируемых положений.

2. Средства повышения степени эффективности структурирования законодательных и иных нормативных актов являются необходимым условием для проведения полного анализа

¹ Чураков В. Д. Оценка фактического воздействия как инструмент обеспечения эффективности законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 98.

² Радченко В. И. Мониторинг правоприменения. Определение эффективности правового регулирования // Мониторинг правоприменения. 2014. № 3 (12). С. 22, 25, 27, 30.

³ Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 31.

⁴ Залоило М. В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 44.

⁵ Гвоздецкий Д. С. Цифровизация регламентных процедур в правотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти // Закон и право 2024. № 1. С. 16.

прорабатываемых правотворческих решений (законодательных и иных правотворческих (нормотворческих) инициатив). При этом только последовательное применение средств повышения степени эффективности в проектировании законодательных и иных нормативных актов представляют собой необходимое условие для принятия (издания) процедурных нормативных актов. В то же время следует разработать соответствующую методику реализации средств повышения степени эффективности, включив в нее практические подходы проектирования нормативных актов для получения лучшего правотворческого результата.

3. Инновационные решения, такие как технологии искусственного интеллекта, частично прошли апробирование и в перспективе позволяют проводить правовую экспертизу на принципиально новом уровне, уменьшая объем текущей загруженности соответствующих структурных подразделений федерального органа исполнительной власти. При этом инновационные решения, применимые в ведомственном правотворчестве, в сочетании с наработанной десятилетиями практикой нормативно-правового проектирования разнообразного нормативного массива направлены, прежде всего, как на оптимизацию правотворческих процедур, так и на минимизацию допускаемых правотворческих ошибок на различных стадиях правотворческого цикла. В целом инновации в сочетании с иными средствами повышения степени эффективности проектирования нормативных актов позволяют решить многие проблемные вопросы в текущей ведомственной правотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти (например, проработка вопроса в отсутствии единой понятийно-терминологической системы в отдельных законодательных актах).

Итоговый вывод состоит в том, что на систематической основе проводимые исследования в части повышения степени эффективности нормативно-правового проектирования законодательных и иных нормативных актов как в рамках научных и аналитических центров, так и в рамках различных по статусу органов государственной власти непосредственным образом влияют на корректировку сформировавшихся десятилетиями практических подходов в стадийном ведомственном правотворчестве с учетом внедрения в него инновационных решений.

Плешаков Евгений Александрович,
старший преподаватель кафедры
судебной и прокурорской деятельности
Нижегородского исследовательского
государственного университета
имени Н. И. Лобачевского,
вице-президент Коллегии адвокатов города Москвы

К вопросу о приоритете в юридической науке

Приоритеты в любой науке имеют особое значение, а их установление представляет значительную трудность. Речь идет не только и даже не столько о приоритете в выдвижении тех или иных конкретных идей, концепций, проектов, гипотез. Проблема определения, формулирования и нормативного закрепления приоритетов в какой-либо науке многозначна, многогранна и обычно находится на стыке многих доктринальных дисциплин.

Приоритеты в естественно-технических и точных науках расставляются с учетом финансовых возможностей государства, прочности его суверенитета, наличия угроз и вызовов национальной безопасности. Они обычно формулируются предельно четко: с обоснованием затрат и ожидаемых результатов. И это понятно. Например, выбор приоритетов в сфере космической деятельности всегда требует значительных финансовых и иных материальных ресурсов и, естественно, предполагает серьезное научное обоснование.

Расстановка некоторых политико-юридических приоритетов составляет предмет сразу нескольких и не только гуманитарных наук. Например, США и другие страны НАТО, делая выбор относительно объемов и сроков выделения материальных средств Украине либо Израилю и Тайваню, вынуждены принимать во внимание данные, по крайней мере, таких наук, как: экономика, политология, социология, демография, психология, культурология, религиоведение и других научных дисциплин.

В юридической науке картина иная: выбор приоритета в какой-либо отрасли законодательства, конечно, не требует огромных финансовых трат, но это не значит, что установить такой приоритет легко.

Если в основе той или иной правовой реформы лежит наука, то и она ответственна за результаты реформирования и избранные приоритеты.

Обращение к отраслевой структуре российского законодательства показывает, что приоритетность здесь играет далеко не одинаковую роль. Приоритеты в конституционном праве России вряд ли по уровню абстракции, весомости можно и нужно сравнивать с приоритетами, допустим, наследственного или авторского права. Как верно заметил профессор Б. С. Эбзеев, касаясь событий, влияющих на изменение Конституции Российской Федерации: «Таковыми событиями в истории России конца XX века явились распад Союза ССР и поражение советского социализма, которые привели к глубоким изменениям социальной среды и потребовали радикального пересмотра оснований и **ценностных приоритетов** (выделено нами. — Е. П.) конституционного правопорядка России»¹.

Здесь необходимо подчеркнуть: чтобы в каждый момент правильно определять приоритеты той или иной юридической науки, следует предварительно решить методологическую проблему соотношения фундаментального и прикладного юридического знания².

Решение этой задачи – вопрос крайне сложный, не терпящий умозрительного подхода и спешки. Однако и заранее капитулировать перед проблемой, посыпать «голову пеплом» не стоит. Ряд авторитетных представителей отечественной теоретико-правовой науки, например, полагают, что их область знаний утрачивает значение фундаментальной, обобщающей юридической науки, а эту функцию выполняют сегодня в большей степени отраслевые науки³. Позволим себе не согласиться с таким категоричным утверждением.

Убеждены, что наука теории государства и права как наука по-прежнему является фундаментальной, системообразующей по отношению к отраслевым юридическим дисциплинам, обладает синтезирующим и обобщающим свойством. Выявление наиболее общих закономерностей развития права и государства, формирование понятийного и категориального аппарата юридической действительности — большая задача теоретико-правового знания, без решения которой ни одно отраслевое направление не сможет развиваться эффективно. Верно прогнозирует «развал отечественной юридической науки» В. В. Кожевников: «в случае принижения статуса общей теории государства и права»⁴.

Приведем пример, демонстрирующий синтез теории и практики в рамках исследований теоретико-правового характера. Так, сегодня редкая научная публикация, выполняемая по предмету различных отраслей российского права, обошла стороной такой феномен, как приоритет. Ученые в области публично-правовых наук и гражданско-правового профиля⁵, уголовно-правового направления, а также юристы-международники⁶ активно тиражируют лексему «приоритет». При этом делают это подчас не углубляясь в содержательное наполнение данного явления, употребляя термин походя, смешивая его как с созвучными организационно-управленческими инструментами опосредования какой-либо деятельности (целями, задачами, ориентирами, направлениями и пр.), так и близкими по регулятивной составляющей средствами (преимущественными правами, исключительными возможностями и др.).

Между тем приоритет в праве — фундаментальная категория, как обладающая мощным ориентирующим, стратегическим потенциалом в рамках проводимой государственной политики, так и выступающая в виде конкретного регулятивного средства. И в этой связи где, как не в лоне теоретико-правовой науки, сформировать комплексное, общеправовое понимание сущности и содержания юридического приоритета. Думается, вопрос риторический.

¹ Эбзеев Б. С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12. С. 22.

² См.: Баранов В. М. Фундаментальное и прикладное знание в юридическом образовании: трансдисциплинарный поиск баланса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 128–131.

³ См.: Поляков А. В., Тимошин Е. В., Ромашов Р. А. Теория государства и права на рубеже веков // Правоведение. 2000. № 3. С. 240–246.

⁴ Кожевников В. В. Современная теория государства и права как методологическая юридическая наука // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18. № 1. С. 11.

⁵ См., например: Ахмедов А. Я. Обоснованность выделения приоритетного способа возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2023. № 5. С. 204–211.

⁶ См., например: Токарев А. А. Приоритеты сотрудничества португалоязычных стран Африки с азиатскими центрами силы // Проблемы национальной стратегии = *National strategy issues*. 2023. № 3 (78). С. 144–167.

По нашему мнению, приоритет в праве представляет собой средство дифференциации и иерархического построения многообразия элементов правовой системы, на основе которых государство устанавливает различия относительно значимости ее элементов (норм права, правовых институтов, правовых отношений, правового сознания, правовых статусов и проч.), а затем выстраивает внутреннюю иерархию, опираясь на ценности общества и преследуемый интерес¹.

Универсальность феномена «приоритет» заключается в том, что он, с одной стороны, еще проходит становление как доктринальная и законодательная категория, а с другой — сам формирует и впоследствии закрепляет важнейшие ориентиры не только теоретико-правовой, но и всей юридической науки нашей современности. Принимая во внимание, что тематика межвузовского практического мотивационно-просветительского форума была посвящена роли современной юридической науки в жизни российского общества, предлагаем задуматься над приоритетами юридической науки на современном этапе развития общества и государства.

При выборе обозначенной тематики нас тревожили сомнения. Возможно, обозначенное ниже и не должно составлять предмет исследования, позиционируемого в рамках отдельной публикации (для этого необходимы комплексные, фундаментальные научные разработки), и все же попробуем очертить грани приоритетов современной юридической науки (в нашем субъективном представлении).

Первое. Формирование новой доктринальной концепции современного «мирового порядка». Данное словосочетание все чаще звучит с экранов телевизоров, становится предметом дискутирования политических лидеров. Это не случайно. Слом устоявшихся концепций международного права, демонстрируемый дисфункционал многих международных организаций (в том числе правозащитных), происходящий на фоне массовых нарушений прав человека, актуализируют поиск новых форм и моделей взаимодействия государств.

События, развернувшиеся в Донецке и Луганске начиная с 2014 года, отчетливо продемонстрировали склонность к неоднозначному толкованию фундаментальных норм международного права, как правило, за счет двойных стандартов. Лидеры коллективного Запада активно пытаются сформировать однополярный мир, используя в своих конъюнктурных интересах не только отдельные положения международных конвенций, но и искажая фундаментальные, столетиями формировавшиеся основополагающие принципы международного права.

В свете сказанного *стратегическим приоритетом отечественной юридической науки сегодня видится формирование нового биполярного мирового порядка*, о чем неоднократно говорил Президент Российской Федерации в своих выступлениях². И огромная ответственность в данном вопросе лежит на юристах: как ученых, так и практиках.

С одной стороны, нормативная основа для этого фундаментального направления предусмотрена. Так, Концепция внешней политики Российской Федерации в качестве одного из приоритетов определяет формирование самостоятельного и многовекторного внешнеполитического курса, который будет основываться на национальных интересах и осознании особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях³. Однако с другой — это не снимает многих сложных вопросов, находящихся на стыке нормативного и ненормативного регулирования. Речь идет о необходимости учитывать духовную составляющую нашего общества, правовой менталитет и юридическое мышление, ценностные ориентации. Вышеуказанный документ акцентирует внимание на особом положении России в мире, то есть ее самобытности как государства-цивилизации.

Данный постулат позволяет сформировать приоритетное направление юридической науки, преследующее собой цель повышения суверенизации нашего государства во всех смыслах этого многогранного слова. Мы призываем к верной интерпретации феномена «суверенизация». Речь не идет об автономии и изоляции нашего Отечества, но должно подчеркиваться важное качество государства, способного противостоять вызовам, при этом не закрываться от сотрудничества с теми, кто открыт для него.

¹ Плешаков Е. А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 40.

² Выступление Владимира Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // Стратегические приоритеты. 2014. № 4. С. 7–18.

³ См.: Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

К примеру, в вопросах правового регулирования космического пространства сложилась реальная угроза использования различных средств вооружения. По словам Постоянного представителя Российской Федерации при ООН и в Совете безопасности ООН В. Небензя, «специалистам следует выработать юридический документ, который установит ограничения для милитаризации космоса»¹. И в этом вопросе Россию уже поддержали 7 государств из 15 членов Совета Безопасности ООН.

Второе. Создание баланса отечественных федеральных и региональных научных площадок и технологических систем. В частности, обновленная Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации² предусматривает не только синхронизацию данного процесса внутри государства, но и гармонизацию данного процесса, взвешенное распределение компетенций и полномочий. В рамках реализации такой непростой задачи была проработана экспериментальная нормативная правовая основа введения в 80 субъектах руководителей по линии науки и технологий (их статус более чем весомый — заместители глав регионов, что предопределяет широкие полномочия).

Однако этими организационно-управленческими мерами выполнение задачи всецело не решить. Нужна серьезная и кропотливая работа по правовому сопровождению данных мероприятий, поскольку в мае текущего года подготовленные регионами госпрограммы должны быть представлены на заседании Комиссии по научно-технологическому развитию³. По нашему глубокому убеждению, данные программы с правовой точки зрения должны быть обеспечены качественными статусными компонентами. Речь идет не только о закреплении соответствующих прав, юридических обязанностей участников стратегического развития науки и технологий, но и об установлении системы юридических гарантий и правовых преимуществ (льгот, дотаций, преференций, субсидий)⁴, необходимых для оказания мер поддержки в науке, высшем образовании, инновационном предпринимательстве и управлении сферой интеллектуальной собственности.

Третье. Вышеуказанная Стратегия научно-технологического развития предполагает осуществление комплекса мероприятий, направленных на *подготовку кадров и обеспечение трансфера технологий в приоритетных отраслях промышленности*. Без соответствующего участия юридического сообщества в данном компоненте не обойтись. Стоит признать, что проблематика формирования в нашем государстве профессионального ядра специалистов для решения задач развития науки и технологий — не нова⁵. Ее значение для научно-технологического развития России подчеркнул руководитель профильного комитета Государственной думы Российской Федерации С. В. Кабышев: «...ключевые проблемы, которые нужно решать, — это угроза изоляции от глобального научного сообщества и риск потери высококвалифицированных научных кадров. Нужно бороться за наших ученых, чтобы они служили интересам своей Родины»⁶.

Юридическая наука в рамках обозначенного направления не должна остаться в стороне. Напротив, создаваемые государством резервы повышения интеграции отечественных ученых в общемировые проекты, в особенности с дружественными государствами, должны составлять предмет юридического опосредования. О чем конкретнее идет речь, продемонстрируем на примере. Не так давно образован Международный центр синхротронных, нейтронных и лазерных исследований. Сегодня в центр вступили, кроме России: Белоруссия, Узбекистан, Таджикистан, Иран⁷. Следом рассматривается Казахстан и ряд иных государств, что позволит выйти на совершенно

¹ См.: Шабловский В. Небензя: Россия ответит на милитаризацию космоса Западом // Российская газета. 2024. 21 мая.

² См.: О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

³ См.: Регионы России в мае представят госпрограмму научно-технологического развития // Российская газета. 2024. 2 мая.

⁴ См.: Репьев А. Г. Юридические гарантии эффективной научно-исследовательской деятельности в системе МВД России // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 73–83.

⁵ См.: Баранова М. В., Репьев А. Г., Репьева А. М. Правовой статус ученого в Российской Федерации: юридико-лингвистический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 20–27.

⁶ Сергей Кабышев высказался в поддержку кандидата в вице-премьеры Дмитрия Чернышенко // Справедливая Россия-Патриоты-За правду. URL: <https://spravedlivo.ru/14217210> (дата обращения: 17.05.2024).

⁷ См.: Мы начали двигаться в сторону создания природоподобных технологий. URL: <https://www.interfax.ru/russia/957497> (дата обращения: 17.05.2024).

иной, беспрецедентный уровень коллаборации научного знания. Однако для всего этого уникального синтеза фундаментальной и прикладной науки необходима отлаженная, непротиворечивая правовая составляющая.

Безусловно, сформулированные нами и представленные на обсуждение приоритеты юридической науки не претендуют на окончательный, концептуальный характер. Они носят, скорее, ракурс постановочных ориентиров нашего развития, зародившихся в рамках дискуссионной площадки 26 марта текущего года в стенах Нижегородской академии МВД России.

Подводя краткие итоги представленного материала, в первую очередь остановим внимание читателя на важном тезисе, высказанном профессором В. М. Барановым в рамках состоявшегося межвузовского практического мотивационно-просветительского форума: «Перед научным юридическим сообществом России стоит важнейшая задача — фундаментальный исследовательский и организационно-управленческий приоритет деятельности — предпринимать все исчерпывающие меры к популяризации юридической науки в нашем государстве и социуме».

По нашему убеждению, популяризировать науку, в том числе юридическую, значит сделать ее не только доступной для широкого круга, но и востребованной. Для этого, как думается, необходимо обнаружить точки соприкосновения права и потребностей общества. Закономерности развития современной окружающей действительности и юриспруденции в России позволяют сформировать некоторые прогнозные ожидания. Не нужно быть прорицателем, чтобы четко понять, что юридическое знание, движимое нынешним и будущими поколениями, будет сосредоточено на правовом регулировании технологических процессов. Следовательно, лучшим механизмом популяризации юридического знания будет разрешение существующих проблем в области технологизации и информатизации правовыми методами. Для этого необходим комплексный подход, включающий знания специалистов как в области теоретико-правового профиля, так и из различных отраслей права. Только методом интердисциплинарности юриспруденции мы сможем сдержать давление нынешних глобальных вызовов.

Трегубов Игорь Сергеевич,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

Доктринальный анализ системы мер процессуального принуждения в науке административного права

Применение мер административно-процессуального принуждения — это сложный и ответственный процесс, поэтому очень важно соблюдать требования и условия законности при их реализации. Административно-процессуальное принуждение, являясь частью системы административного принуждения, сегодня уже имеет свою систему, которая частично определена в главе 27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ).

Система нормативного материала вообще и система мер принуждения в частности дают возможность более эффективно регулировать общественные отношения, а также выбирать оптимальную меру такого воздействия. Как отметил К. С. Бельский: «...под системой понимают определенный порядок расположения отдельных частей какого-нибудь явления. Понятие системы применяется там, где речь идет о совокупности элементов, образующих нечто целое, о раскрытии единого в его различных элементах»¹.

Система — это совокупность однопорядковых элементов, как минимум двух, которые так или иначе тяготеют к интеграции для создания нового качества. Система может повысить действие и эффективность своих элементов, такой подход в полной мере относится и к системе мер административно-процессуального принуждения, где каждый из элементов, имея определенную функциональную автономность, в то же время образует «монолит» соответствующего государственного принуждения. Система всегда обладает определенными качествами, именно это устойчивое в нашем случае правовое образование, которое ко всему прочему может способствовать формированию новых систем.

¹ Бельский К. С. О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5.

Система мер административного принуждения является частью полицейской системы в целом, отдельные элементы соответствующей системы уже хорошо изучены. Обратим внимание на определение некоторых систем административного принуждения. Так, И. В. Максимов пишет, что «...система административных наказаний в широком понимании представляет собой внутреннее организованное единство, состоящее из иерархически упорядоченного множества относительно самостоятельных видов административных наказаний, совокупность которых выражает функциональное предназначение административного наказания в социальной среде»¹.

Анализ данного определения, а именно системы административных наказаний, дает возможность сделать вывод о том, что иерархия административных наказаний весьма условна. КоАП РФ, несмотря на закрепление общих правил назначения административных наказаний (ст. 4.1), не обязывает применять сначала «мягкое» административное наказание, а затем «более жесткое» наказание за совершенное правонарушение.

Система административных наказаний показывает возможности государства реагировать на совершенные административные правонарушения, так как именно в данных мерах принуждения проявляется сущность административной ответственности, ее ограничительный потенциал. Формирование в свое время (1984 г.) системы административных наказаний явилось важным шагом в деле развития института административной ответственности, законодательства об административных правонарушениях, а также системы административного принуждения в целом.

Система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как часть системы процессуального принуждения была предметом исследования. Так, А. Ю. Соколов отметил, что «...система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляет собой целостную, иерархическую, относительно самостоятельную совокупность мер обеспечения, перечень которых является исчерпывающим, чье взаимодействие и взаимосвязь обусловлены единством оснований и целей применения»².

В данном подходе можно увидеть позицию, которая говорит нам о том, что элементы данной системы обладают определенным единством, тем не менее нельзя согласиться с тем, что меры обеспечения имеют общие основания своего действия и единую цель своего применения. Правовая сущность мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в целом едина, однако этого нельзя сказать об основаниях применения отдельных принудительных мер. Основания для административного задержания (ст. 27.3 КоАП РФ) свои, основания для медицинского освидетельствования на состояния опьянения (ст. 27.12.1 КоАП РФ) также свои и т. д. Поэтому в системе мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях говорить о единых основаниях его применения нельзя. Основанием для применения одних мер принуждения является совершение правонарушения, а основанием для применения иных мер принуждения — неисполнение каких-либо обязанностей или иные обстоятельства, в частности, связанные с получением доказательств. Однако нужно согласиться с тем, что «универсальным» основанием применения многих мер административно-процессуального принуждения является административное правонарушение, совершенное лицом. Основания применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях определяют цель их действия. Как следует из КоАП РФ, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях применяются в целях «пресечения административных правонарушений»; они также применяются с целью обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении, а также с целью исполнения принятого по делу постановления» (ст. 27.1 КоАП РФ). Именно из данных функций соответствующих мер, как нам представляется, следует исходить при конструировании системы административно-процессуального принуждения.

Правильное рассмотрение дел об административных правонарушениях возможно при наличии соответствующих доказательств. Доказательства по делу об административном правонарушении устанавливаются протоколом об административном правонарушении, а также иными протоколами, предусмотренными статьей 26.2 КоАП РФ. С. И. Чушкин пишет, что «...при этом каждый протокол о применении меры процессуального принуждения, как и протокол

¹ Максимов И. В. Административные наказания. Москва, 2009. С. 203.

² Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Москва, 2015. С. 116.

об административном правонарушении, выступает источником доказательств в данном производстве»¹.

Надо подчеркнуть, что дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ст. 28.1 КоАП РФ). В протоколах о применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях содержится доказательственная информация, а поэтому очень важно, чтобы соответствующие протоколы составлялись максимально скрупулезно. При этом соответствующий протокол должен отвечать определенным требованиям. Так, А. Б. Дудаев верно отметил, что «...протокол имеет доказательственное значение только тогда, когда он составлен на законных основаниях, а информация, содержащаяся в нем, получена законным способом»².

Исходя из этого, можно заключить, что меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как разновидность процессуального принуждения направлены на получение доказательств по соответствующему административному делу, и данный факт должен быть нормативно обозначен. Только при наличии доказательств возможно правильное рассмотрение дела об административном правонарушении. Анализ КоАП РФ дает возможность заключить, что меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не может быть закреплено вне данного закона. При этом КоАП РФ закрепляет общую систему соответствующих мер, в то время как процессуальные меры принуждения могут быть закреплены и в иных законах и применяться для осуществления принудительных мер медицинского и воспитательного характера, исполнения процессуальных обязанностей, а также прекращения противоправного деяния.

С общих позиций рассматриваемые меры процессуального принуждения могут быть подразделены:

- на меры административно-процессуального пресечения;
- меры административно-процессуального принуждения, направленные на получение и закрепление доказательств;
- меры процессуального принуждения, связанные с исполнением вынесенных по делу постановлений о назначении административного наказания или исполнения обязанностей в иных административных производствах. Меры процессуального принуждения могут ограничивать личные, имущественные права, затрагивать права организационного характера, быть направленными на прекращение противоправного деяния.

Данная идея впервые была обозначена и обоснована в исследовании В. Р. Кисина³. Более того, он также ввел в правовой оборот и такую категорию, как административно-процессуальное принуждение. Идея В. Р. Кисина относительно системы мер административно-процессуального принуждения весьма функциональна, его концепция дает возможность лучше разобраться в разнообразии мер процессуального принуждения в части реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Однако, несмотря на это, она не получила широкой популяризации, из современных исследований можно выделить лишь работу К. В. Хвастунова, который воспринял основные положения работы В. Р. Кисина относительно системы соответствующих мер⁴.

Д. Н. Бахрах все меры административно-процессуального принуждения разделил на две группы, а именно: меры процессуального принуждения, которые преследуют только обеспечительные цели, создающие условия для нормального осуществления производства по делам об административных правонарушениях, получения доказательств, а также исполнения постановления. Ко второй группе мер, по мнению автора, относятся меры, которые, наряду с процессуальной целью выполняют функцию пресечения, также предотвращают совершение новых правонарушений⁵.

¹ Чушкин С. И. Источники доказательств по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 95.

² Дудаев А. Б. Доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1999. С. 98.

³ Кисин В. Р. Меры административно-процессуального принуждения и их применение (по материалам деятельности органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1983. 23 с.

⁴ Хвастунов К. В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые милицией: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 195 с.

⁵ Бахрах Д. Н. Административно-процессуальное принуждение // Правоведение. 1989. № 4. С. 59.

Таким образом, можно сделать вывод, что меры процессуального принуждения действуют как в рамках производства по делам об административных правонарушениях, так и вне данного производства.

Как уже было отмечено, система дает возможность формировать иные системы, которые с базовой системой соотносятся как часть к целому. В этой связи можно выделить систему мер процессуального пресечения систему мер, направленных на поиск, сбор и закрепление доказательств по делу об административном правонарушении; а также систему мер процессуального принуждения, которые интенсифицируют процесс исполнения вынесенных постановлений по делам об административных правонарушениях, а также обеспечивают выполнение иных обязанностей. Все эти системы интегрированы в общую систему мер административно-процессуального принуждения.

Так, к *мерам процессуального пресечения* можно отнести: доставление и административное задержание; отстранение от управления транспортным средством; задержание транспортного средства; временный запрет деятельности. К *мерам, направленным на получение доказательств*, можно отнести: личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов; изъятие вещей и документов; освидетельствование на состояние алкогольного опьянения; медицинское освидетельствование на состояние опьянения. К *мерам, направленным на обеспечение исполнения постановлений об административном наказании*, можно отнести: административное задержание; изъятие вещей и документов; задержание транспортного средства; арест товаров, транспортных средств и иных вещей; привод; арест имущества; залог за арестованное судно; помещение иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, в специальные учреждения.

Конечно, нужно подчеркнуть, что данная система в определенной мере условна, одна и та же мера может выполнять различные функции в зависимости от цели и контекста своей реализации. Анализ доктрины также дает возможность отметить, что, наряду с мерами административно-процессуального принуждения, выделяются меры процессуального воздействия. Так, Ю. И. Попугаев писал, что «...меры административно-процессуального воздействия представляют собой урегулированные нормами административно-процессуального права процессуальные действия как принудительного, так и не принудительного характера. Данные меры применяются в целях обнаружения правонарушения, установления личности нарушителя, выявления и закрепления доказательств, а также обеспечения исполнения постановлений по делу»¹. Как видится, меры административно-процессуального воздействия — более широкая категория, нежели меры административно-процессуального принуждения. Между ними имеет место такая связь, как соотношение общего и частного или целого и части. Административно-процессуальное принуждение — это всегда принудительное воздействие, в некоторых случаях весьма «мягкое», в других — существенно ограничивающее права граждан и организаций.

Делая промежуточный вывод, отметим, что *система мер административно-процессуального принуждения* — это совокупность мер принуждения, которые имеют общую правовую сущность, применяемых при наличии установленных законом оснований и форме с целью пресечения административных правонарушений, установления истины по делу об административном правонарушении, а также обеспечивающих исполнение вынесенных процессуальных решений и обязанностей в юридическом производстве.

Нужно отметить, что формирование системы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях именно как части системы процессуального принуждения в административном праве шло эволюционным путем. В этом контексте надо выделить двух авторов (М. И. Еропкин и И. И. Веремеенко), которые предопределили современные условия доктринального анализа мер административно-процессуального принуждения. Так, М. И. Еропкин пишет, что «...предложенная нами в 1956 году классификация мер административного принуждения, в основе которой лежит специфика правовой характеристики данных мер, включает: административные наказания; меры административного пресечения; административно-предупредительные меры и меры обеспечения»².

¹ Попугаев Ю. И. Административно-процессуальные меры, применяемые в связи с совершением правонарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1991. С. 11.

² Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. Москва, 1965. С. 120.

М. И. Еропкин не отметил, что он понимает под мерами обеспечения, а функциями процессуального характера в его концепции были наделены меры административного пресечения. Нужно заметить, что в доктрине отдельно говорится о мерах административно-процессуального пресечения. Так, А. И. Дворяк пишет, что «...характерной особенностью мер административно-процессуального пресечения является то, что каждая из соответствующих мер данной группы административного принуждения выполняет функцию пресечения, при этом создаются условия для осуществления требуемых процессуальных действий»¹. Концепция «мер административно-процессуального пресечения» не получила своего дальнейшего развития. Преимущественно меры административного пресечения рассматривались в материально-правовом аспекте, что в целом неверно как с точки зрения оснований применения данных мер, юридических последствий их действия, а также необходимости их процессуального оформления.

По сути, первым, кто выделил в системе административного принуждения самостоятельную группу мер административно-процессуального характера, был И. И. Веремеенко. В целом обозначенный автор исследовал сущность административных санкций и пришел к выводу о том, что их применение не может быть осуществлено без использования процессуальных мер. И поэтому И. И. Веремеенко выделил: административно-процессуальные меры; административные санкции и административно-предупредительные меры². Более того, административно-процессуальные меры были поставлены им на первое место. Обращает на себя внимание тот факт, что в системе административного принуждения обозначенные авторы выделили группу мер административно-предупредительного характера. Такой позиции придерживались многие авторы. Однако М. С. Студеникина весьма категорично в свое время высказалась относительно данной группы мер. Так, данный автор писала, что «мерами административного принуждения могут быть признаны только административные наказания и меры пресечения, многочисленные меры административно-предупредительного характера к числу мер принуждения относиться не должны. Меры принуждения могут применяться только тогда, когда запрет нарушен, то есть совершено правонарушение»³.

Предупредительное качество мер принуждения — это универсальное качество, а поэтому меры административно-процессуального принуждения могут выполнять и предупредительную функцию.

На формирование системы мер процессуального принуждения оказывали влияние различные политико-правовые факторы, и прежде всего, развитие законодательства об административных правонарушениях, а также наличие и применение мер процессуального принуждения в сфере уголовной юстиции. Усложнение административной практики, связанной с применением административных наказаний, а также конституционные требования объективно заставили обратиться к разработке и закреплению процессуальных гарантий при применении таких мер принуждения, как административное задержание, личный досмотр, медицинское освидетельствование и др.

Появилось понимание того, что данные меры, несмотря на свой ограничительный потенциал, наказаниями не являются, а следовательно, меры административно-процессуального принуждения применяются к невиновному лицу, права которого должны быть обеспечены соответствующими гарантиями. Более того, меры процессуального принуждения, несмотря на свой принудительный потенциал, не должны быть более строгими (суровыми) по своим последствиям.

В завершение следует еще раз подчеркнуть, что административное принуждение без процессуального обеспечения не может существовать, процессуальное обеспечение может иметь как обеспечительный, так и автономный принудительный характер. *Административно-процессуальное принуждение* применяется в связи с совершением административного правонарушения или предположения в его совершении с целью пресечения правонарушения, сбора и закрепления доказательств, а также исполнения вынесенного постановления по делу об административном правонарушении и исполнения иных обязанностей в тех или иных административных производствах.

¹ Дворяк А.И. Меры административно-процессуального пресечения, применяемые милицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1996. С. 7.

² Веремеенко И. И. Административно-правовые санкции. Москва, 1975. С. 71.

³ Студеникина М. С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 20.

Хен Лариса Георгиевна,
адъюнкт Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Современная юридическая наука о развитии советской теории права

Юридическая наука, занимая важное место в системе современного гуманитарного знания, вносит свой вклад в исследование общих закономерностей социального развития, создает при этом и собственную теорию. Особенности этой теории является ее неразрывная связь с социальной динамикой. Соответственно, на разных этапах развития общества теоретическая юриспруденция также не будет одинаковой, она эволюционирует вслед за социумом. В связи с этим одна из задач современной юридической науки состоит в том, чтобы исследовать развитие собственной теории на разных исторических этапах. Полученные в этом случае новые знания могут оказаться полезными и в настоящее время, и в перспективе. С их помощью можно выявить такие закономерности эволюции научной теории, которые не зависят от перемен в общественной жизни и представляют собой определенные юридические константы. В указанном ключе работают те современные правоведы, которые исследуют творческое наследие советской юридической школы.

В советское время большой вклад в становление ключевых концепций теоретико-правовой науки внесли ученые, работавшие в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (в те годы институт назывался сначала Всесоюзным институтом юридических наук, а затем Всесоюзным научно-исследовательским институтом советского законодательства). Их усилиями разработана теория систематизации правовых норм, которая стала основой для создания Свода законов СССР. Наибольший вклад в решение этого вопроса внесли И. С. Самощенко, С. Н. Братусь, А. В. Мицкевич. Сегодня о востребованности работ советских ученых по систематизации законодательства свидетельствует их репринтное переиздание¹.

Одним из тех ученых, которые внесли весомый вклад в развитие советской теории права, был Алексей Валентинович Мицкевич — доктор юридических наук, долгие годы проработавший в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Вклад Алексея Валентиновича в юридическую науку не исследован в полной мере, но отдельные работы, посвященные его научному творчеству, были опубликованы. Как правило, авторами их являются сотрудники Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, в том числе ученики А. В. Мицкевича.

Самой масштабной работой, в которой отражен вклад А. В. Мицкевича в юридическую теорию, стала «Летопись российской юридической науки» — пятитомное издание, подготовленное коллективом авторов под руководством академика РАН Т. Я. Хабриевой к 100-летию юбилею Института и опубликованное в 2023 году.

Один из разделов третьего тома «Летописи» называется «Научная школа теории и истории права», его авторами стали Н. А. Путило, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и А. И. Абрамова². В этом разделе несколько страниц уделено научному творчеству А. В. Мицкевича, которое рассмотрено не изолированно, но в общем контексте работ Института. В частности, подчеркивается роль ученого в разработке проблемы соотношения структуры правовой нормы с текстом нормативного правового акта, так как он ввел в научный оборот понятие «нормативное предписание» (или правовое предписание). По мнению Мицкевича, правовое предписание — это логически завершенное положение, направленное на регулирование определенного вида отношений³.

¹ Теория систематизации законодательства: в 2 т. / авторы предисловия Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило. Т. 1: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства (репринтное издание) / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. Москва: ИЗиСП; ИД «Юриспруденция», 2023. 576 с.

² Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Т. III: Научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения (теория права, история права, сравнительное правоведение, международное право) / Т. Я. Хабриева, Н. В. Путило, Д. А. Пашенцев и др. 304 с.

³ Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. Москва, 1967. С. 34.

В кооперации с другими учеными Института А. В. Мицкевич разрабатывал проблему существования комплексных отраслей законодательства¹, которые не совпадают с отраслями права, что способствовало формированию правоотраслевой теории в ее современном виде.

Также в Летописи отмечается вклад А. В. Мицкевича в разработку теории подзаконного нормативного регулирования, в построение иерархии нормативных правовых актов. Стоит отметить, что данные идеи в их современном прочтении легли в основу подготовленного Институтом законодательства инициативного проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»², были частично реализованы в Законе города Москвы «О правовых актах города Москвы»³. Работа ученого «Акты высших органов Советского государства» сегодня справедливо оценивается как основополагающий труд советского времени в сфере подзаконного нормативного регулирования. В Летописи подчеркивается, что именно Мицкевич подробно разработал концепцию совместных актов, включая основания для подготовки совместных актов и виды таких актов, включая совместные акты государственного органа и общественной организации⁴.

Помимо Летописи, вклад А. В. Мицкевича в развитие юридической науки проанализирован в нескольких статьях, публикации которых были, как правило, связаны с определенными юбилейными датами.

В 2017 году, в котором Алексею Валентиновичу исполнилось бы 95 лет, была опубликована статья его ученицы Н. В. Путило. В этой работе ученый охарактеризован как научный руководитель через призму его научных и человеческих качеств, а также как классик отечественной теории права. Автор статьи констатирует, что монографии А. В. Мицкевича «Субъекты советского права» 1962 года и «Акты высших органов советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР» 1967 года «стали основой для создания теории нормотворчества, законодательной техники, разработок в области иерархического построения системы нормативных правовых актов»⁵.

Также в статье подчеркивается, что ряд идей, высказанных А. В. Мицкевичем, не нашел логического продолжения в последующих юридических исследованиях, несмотря на их содержательное богатство. К их числу относится, например, позиция о том, что принятие государственных законов связано с выражением согласия большинства народа на подчинение им как обязательным решениям⁶.

Еще одна идея А. В. Мицкевича связана с тем, что нормы права тем или иным способом воплощаются в сознании и поведении большинства членов общества⁷. Сегодня эта идея созвучна современным постклассическим подходам в теории права, утверждающим, что правовая реальность конструируется повседневными действиями субъектов права, реализующими свои полномочия⁸. Фактически ученый оказался у истоков таких методологических направлений в правоведении, как конструктивизм и антропоцентризм.

К столетию со дня рождения А. В. Мицкевича была опубликована статья ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, посвященная его вкладу в развитие теории права. В ней этот вклад раскрыт в рамках нескольких направлений. Прежде всего, проанализирована концепция субъекта права, разработанная ученым в кандидатской диссертации и последующей монографии. По мнению авторов статьи, концептуальное значение для развития теории правосубъектности в юриспруденции имели высказанные

¹ Мицкевич А. В. Соотношение системы советского права с системой советского законодательства // Ученые записки ВНИИСЗ. 1967. Вып. 11. С. 5.

² О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.

³ Закон города Москвы от 8 июля 2009 года № 25 (ред. от 28 декабря 2022 года) «О правовых актах города Москвы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения:)

⁴ Летопись российской юридической науки. С. 43.

⁵ Путило Н. В. Памяти А. В. Мицкевича — ученого, учителя, человека // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 152.

⁶ См.: Мицкевич А. В. О нормах позитивного права // Трудовое право и право социального обеспечения. Актуальные проблемы. Москва, 2000. С. 228.

⁷ Путило Н. В. Памяти А. В. Мицкевича — ученого, учителя, человека. С. 152.

⁸ Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной теории права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1. С. 18.

А. В. Мицкевичем положения о необходимости понимания ее как «характерного качества субъекта, возникающего у него в процессе участия в общественной жизни»¹.

Также важное значение для развития общеправовой теории имело рассмотрение субъекта права в неотъемлемой связи с развитием общественных отношений, с экономическим и политическим строем. В современных условиях ученые также акцентируют внимание на том, что субъект права обусловлен всей окружающей его социальной реальностью и должен трактоваться в ее контексте, в системе социальных взаимодействий².

В целом разработанная А. В. Мицкевичем теория правосубъектности отличалась комплексным и завершенным характером, ряд ее положений сохраняет свое значение для юридической науки. В то же время далеко не все идеи А. В. Мицкевича были сразу признаны другими учеными, некоторые из них подверглись критике. Например, выступая во время обсуждения монографии «Субъекты советского права» на ученом совете ВИЮН, профессор Л. А. Лунц отметил, что А. В. Мицкевич предпринял попытку дать такую классификацию субъектов права, которая могла быть применена для всех отраслей. Но такой единой классификации субъектов права создано быть не может, потому что понятие субъекта права имеет совершенно различное содержание в гражданском праве и в государственном праве³. Впрочем, сам выступавший признал, что на значение теории А. В. Мицкевича такие отдельные замечания не влияют.

Еще одна важная проблема, в разработку которой внес значительный вклад А. В. Мицкевич, связана с актами органов государства. Ее решению ученый посвятил и монографию, и докторскую диссертацию. «Главная заслуга автора монографии состоит в обосновании целостной концепции юридической природы нормативных правовых актов», — отмечают современные исследователи⁴. А. В. Мицкевичу удалось доказать, что юридическая природа актов не сводится к их нормативности, но включает также такие вопросы, как сила и сфера действия, а также форма.

Важное значение имели идеи А. В. Мицкевича о необходимости установления и соблюдения строгой иерархии нормативных правовых актов, а также разработанные им критерии разграничения актов нормативных и ненормативных. Ученый разделил акты на вспомогательные и основные, также предложил выделять производные акты.

Третий блок вопросов, которые разрабатывал А. В. Мицкевич, связан с системой права. Его вклад состоял в обосновании собственной позиции применительно к соотношению системы права и системы законодательства, а также к комплексным отраслям законодательства. Ученый оценивал комплексные отрасли как «несамостоятельные». По мнению авторов цитируемой статьи, «важнейшей из идей, высказанной А. В. Мицкевичем, но так и не получившей должного развития в настоящее время, можно считать предложения, касающиеся развития «комплексного массива социального права»⁵.

В цитируемой статье сделан вывод о большом вкладе А. В. Мицкевича в теоретико-правовую науку: «Многие идеи ученого выдержали успешную проверку временем, они лежат в основе важных направлений современной правовой теории: теории нормативных правовых актов, теории закона, теории субъектов права, теории комплексных правовых образований»⁶. В то же время ученые признают, что в полной мере вклад А. В. Мицкевича в разработку конкретных проблем теории права только предстоит в полной мере проанализировать и оценить. С такой позицией стоит согласиться.

Представляется, что современная юридическая наука может обогатиться в ряде своих аспектов за счет углубленного переосмысления творческого наследия А. В. Мицкевича. В современных условиях происходят важные изменения как в самой сфере права, так и в методологии правовой теории. Процессы технологического развития изменяют многие параметры системы общественных отношений, что порождает изменения в понимании источников права, их роли в регулировании

¹ Путило Н. В., Пашенцев Д. А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 151.

² Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях перехода к новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 8.

³ Стенограмма заседания Ученого совета ВИЮН от 19 сентября 1960 года. Обсуждение работы А. В. Мицкевича «Субъекты советского социалистического права» // Архив ИЗиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 438. Л. 6.

⁴ Путило Н. В., Пашенцев Д. А. Вопросы теории права в научном творчестве А. В. Мицкевича. С. 153.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Там же. С. 158.

социальных отношений¹. Возникают новые споры о соотношении нормативного и ненормативного, о гранях и пределах регулирования поведения в обществе. Существует и активно обсуждается идея о возможном расширении круга субъектов права. Сохраняется острая дихотомия права и обязанностей человека, диалектика которых определяет особенности его правового статуса.

Дать содержательные ответы на эти и другие вопросы, тесно связанные с современным правовым развитием, можно только с опорой на уже имеющиеся достижения юридической науки. Предстоит переосмыслить богатые идеи, сформулированные и обоснованные теоретиками права прошлых исторических периодов применительно к современным условиям. В связи с этим можно констатировать, что работы А. В. Мицкевича, как и прежде, востребованы юридической наукой. Более того, современная юридическая наука все чаще обращается в советскому теоретико-правовому наследию, переосмысливая многие его положения, сохраняющие свою актуальность вне зависимости от социальной динамики.

¹ Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 5.

Отзыв на диссертацию
УДК 34+655.552
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-578-583>

Цифровизация и частная жизнь: общеправовой анализ.
Отзыв ведущей организации — федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» на диссертацию Авдеева Даниила Алексеевича на тему «Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни» (Владимир, 2024. 202 с.), представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 (Теоретико-исторические правовые науки)

Баранов Владимир Михайлович¹, Толстик Владимир Алексеевич²

^{1, 2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

Dissertation review

Digitalization and private life: general legal analysis. Review leading organization — federal state government educational institution of higher education Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the dissertation of Danila Alekseevich Avdeev on the topic “Legal regulation of relations related to the digitalization of private life” (Vladimir, 2024. 202 p.), submitted for the degree of candidate of legal sciences in specialty 5.1.1 (Theoretical and historical legal sciences)

Vladimir M. Baranov¹, Vladimir A. Tolstik²

^{1, 2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Актуальность избранной темы **исследования** определяется активным внедрением цифровых технологий в частную жизнь и оставанием нормативно-правовой регламентации данных процессов. Существующее правовое регулирование частной жизни требует

комплексного теоретико-правового обобщения проблем правового регулирования отношений частной жизни в условиях цифровизации.

В настоящее время в обществе происходят изменения, связанные с усилением роли цифровых технологий во всех социальных процессах.

© Баранов В. М., Толстик В. А., 2024

Формирующееся «цифровое общество», с одной стороны, открывает новые возможности для взаимодействия индивидуальных субъектов и их объединений, с другой — несет серьезные риски и порождает вызовы, требующие адекватного правового ответа. Практически каждая сфера жизнедеятельности приобретает свой «цифровой» аналог в виртуальном пространстве. Развитие цифровых технологий, активное вовлечение индивидов в пространство информационного взаимодействия обуславливают потребность в совершенствовании юридических механизмов, направленных на обеспечение защищенности граждан. Описанные процессы требуют от государства соответствующего вмешательства в целях обеспечения правопорядка в цифровом пространстве, недопущения нарушения прав и свобод человека, связанных с использованием современных технологий.

Современные технологии, по аргументированному мнению соискателя, неоднозначно влияют на состояние правовой защищенности сферы частной жизни личности: они обуславливают появление новых элементов, относимых к частной жизни и подлежащих защите и охране; детерминируют возникновение новых способов проникновения в частное пространство; снижают регулятивный потенциал имеющихся средств правового регулирования. Изучаемый комплекс вопросов корреспондирует с современными дискуссионными проблемами в юриспруденции и находится «на острие» технического, социального и правового развития.

Опираясь на данные статистики, результаты социологических исследований, материалы правоприменительной практики, современное состояние доктрины, автор приходит к выводу о том, что требуются теоретическая разработка, концептуальное обоснование и практическое внедрение мер, направленных на совершенствование правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни.

Новизна исследования и полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Основные выводы и положения обладают свойством научной новизны, позволяют в инновационных ракурсах взглянуть на проблему регламентации частной жизни в условиях цифровизации.

Достичь научной новизны позволила постановка центральной проблемы исследования, предельно конкретно отраженной в теме работы. Ранее в литературе исследовались юридические стороны цифровизации государственного управления, экономики, права, тогда как выдвинутая

автором в заглавии «цифровизация частной жизни» — инновационный для общетеоретического исследования феномен.

Основные результаты диссертационного исследования, полученные автором, обладающие научной новизной и свидетельствующие о личном вкладе автора в теоретико-исторические правовые науки, состоят в следующем.

1. Разработана авторская *концепция* правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни, основанная на том, что многие сферы общественных отношений (в том числе отношения, связанные с осуществлением и защитой частной жизни), регламентируемые правом и иными социальными регуляторами, переводятся в цифровой формат и (или) существенно изменяются под влиянием цифровизации. Охарактеризована роль права в указанных условиях (положение 1, выносимое на защиту; с. 48–50 текста диссертации).

Научная новизна результата состоит в том, что при наличии в отечественной правовой доктрине отдельных работ о соотношении права и цифровизации в рецензируемом исследовании автором впервые предложена концепция, отражающая многообразие форм влияния процесса цифровизации на право с учетом особенностей регулирования сферы частной жизни.

2. С учетом имеющихся в правовой науке подходов к определению понятия «частная жизнь» (институциональный; описательный; «от противного», или логико-отрицательный; субъективный) обоснован новый подход — субстанциональный (сущностный), основанный на включении в определение юридически значимых признаков частной жизни гражданина, и сформулирована авторская дефиниция частной жизни как правовой категории (положение 2, выносимое на защиту; с. 27–33).

Научная новизна результата состоит в том, что диссертант, на основе обобщения исследовательских позиций и их авторской систематизации, уточнил ранее разработанное понятие «частная жизнь» для его использования в научных целях в предметной плоскости исследования.

3. Разработан концепт цифровизации частной жизни, предложено определение данного процесса, установлено, что цифровизация *двойственно (амбивалентно)* влияет на сферу частной жизни (положение 3, выносимое на защиту; с. 51–55).

Научная новизна результата состоит в том, что в отличие от большинства исследователей, рассматривающих цифровизацию как фактор,

угрожающий защищенности частной жизни, автор диссертационного исследования учитывает и позитивные свойства внедрения цифровых технологий в общественную (в том числе юридическую) практику.

4. Обоснована классификация цифровых технологий в зависимости от влияния на правоотношения, связанные с осуществлением и защитой прав в сфере частной жизни, заключающаяся в выделении четырех групп технологий, а именно: технологии, нейтрально влияющие на сферу частной жизни; технологии, использование которых способствует укреплению межличностных связей; технологии, использование которых потенциально может вести к нарушению прав, обеспечивающих нормальное функционирование частной жизни (положение 4, выносимое на защиту; с. 47 диссертации).

Научная новизна результата состоит в том, что автором впервые предложена классификация современных технологий с точки зрения влияния на частную жизнь. Практическое значение данной классификации состоит в том, что автором выявлено, внедрение и развитие каких технологий следует поощрять, каких, напротив, ограничивать.

5. Сформулировано авторское определение механизма правового регулирования в цифровой среде как системы взаимосвязанных и взаимодействующих юридических и неюридических средств, воздействующих на сферу частной жизни в целях обеспечения ее беспрепятственной реализации (в том числе защиты и охраны) в условиях цифровизации общественных отношений (положение 5, выносимое на защиту; § 2.1 работы).

Научная новизна результата состоит в том, что общеправовая теория механизма правового регулирования адаптирована к отношениям, складывающимся в цифровой среде.

6. Сформулировано авторское определение механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации, под которым понимается система взаимосвязанных и взаимодействующих юридических и неюридических средств, воздействующих на сферу частной жизни в целях обеспечения ее беспрепятственной реализации (в том числе защиты и охраны) в условиях цифровизации общественных отношений (положение 6, выносимое на защиту; с. 82).

Научная новизна результата состоит в том, что данное определение предложено впервые и имеет значение для разработки отраслевых стратегий защиты и охраны частной жизни.

7. Разработана структура (с учетом деятельностного подхода) механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации, определен ее элементарный состав (стратегическая и тактическая цели, средства, результат) (положение 7, выносимое на защиту; с. 82–83).

Выделение элементарного состава механизма правового регулирования частной жизни на фоне цифровизации является *новым результатом*, полученным автором в процессе исследования.

8. Сформирована авторская концепция взаимодействия юридических и неюридических средств, образующих механизм правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации, включающая следующие формы: взаимообусловленность, конфронтация, кооперация, иррелевантность (положение 8, выносимое на защиту; § 2.3 работы).

Научная новизна результата состоит в том, что ранее в теоретико-правовой науке не рассматривался вопрос о диалектической взаимосвязи между различными видами юридических и неюридических элементов правового регулирования отношений частной жизни в условиях цифровизации. Автор рассмотрел основные возможные формы указанного взаимодействия, а в полном тексте работы подтвердил их существование примерами из практики социального регулирования.

9. Сформулировано авторское понятие цифрового правового статуса личности, под которым понимается юридически закрепленное положение физического лица в цифровом пространстве, выражаемое в определенном объеме прав, свобод, обязанностей, ответственности, гарантий и других элементов, некоторые из которых являются «цифровым воплощением» традиционных, появление прочих детерминировано развитием технологий. Предложена классификация его элементов (положение 9, выносимое на защиту; с. 107 диссертации).

Научная новизна данного положения состоит в том, что автор вводит понятие «цифровой правовой статус личности», дает неординарную общеправовую характеристику данного феномена, тогда как в имеющихся исследованиях в основном делается акцент на отраслевые (цивилистические, конституционные) аспекты правового статуса личности в условиях цифровизации. Также новизной обладает вывод автора о «гибридном» характере правового статуса личности: в отличие от исследователей, отстаивающих позиции «полной» трансформации

правового статуса, диссертант признает наличие «традиционных» элементов (прав, свобод, обязанностей, гарантий, ответственности), не изменившихся в новых условиях, а также тех элементов, которые претерпели частичные изменения на фоне набирающей обороты цифровизации.

10. Сделаны выводы относительно модернизации содержания и реализации права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации общественной жизни (положение 10, выносимое на защиту; с. 121–138 диссертации).

Научная новизна заключается в том, что автором впервые на теоретико-правовом уровне рассмотрены юридические аспекты «шерентинга» (раскрытие информации о частной жизни детей их законными представителями), правовая основа концепта «цифрового бессмертия», проблема оптимальности ограничений права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации. По всем указанным вопросам автором сделаны обоснованные заключения, имеющие практическое и дидактическое значение.

11. Разработана концепция системы гарантий неприкосновенности частной жизни, предложена авторская дефиниция указанных гарантий и дана их классификация (положение 11, выносимое на защиту; с. 142; с. 145–158).

Научная новизна выдвинутого положения заключается в том, что ранее вопрос гарантий неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации не рассматривался, изучались лишь отдельные гарантии или социально-правовые феномены, выполняющие гарантирующую функцию. В рецензируемой работе автор не только разработал концепт гарантий неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации, но и уточнил их классификацию.

К положениям, обладающим признаками научной новизны и свидетельствующим о личном вкладе автора в науку, также следует отнести разработанные автором положения относительно методологической основы исследования правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни (§ 1.3 диссертации); классификацию государств с точки зрения выбранной модели систематизации законодательства, регулирующего отношения, связанные с цифровыми технологиями (с. 77–81); теоретико-правовое обоснование необходимости формализации и закрепления субъективного «права на отказ от использования цифровых технологий» (с. 149).

Структура и содержание диссертации.

Работа состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка литературы (347 позиций). Структура работы соответствует поставленным задачам, ее соблюдение позволило автору в полном объеме достичь цели исследования. Объем глав и параграфов выдержан в надлежащей пропорциональности.

Во введении диссертационной работы обосновываются актуальность исследования и степень научной разработанности, приводятся объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрываются методологическая и теоретическая основы, нормативная и эмпирическая базы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, доказываются теоретическая, дидактическая и практическая значимость результатов работы, даются сведения об апробации результатов, степени их достоверности.

В первой главе сформулировано определение понятия частной жизни как правовой категории, описана сущность «цифровизации частной жизни» и определены последствия указанного процесса; охарактеризованы методологические основы исследования правового регулирования отношений, связанных с цифровизацией частной жизни.

Вторая глава посвящена исследованию механизма правового регулирования сферы частной жизни в условиях цифровизации. В главе дана общая характеристика механизма правового регулирования отношений в цифровой среде; выявлена интегративная сущность механизма правового регулирования частной жизни в контексте цифровизации; описаны формы взаимодействия юридических и неюридических средств в механизме правового регулирования частной жизни.

В третьей главе автором установлено влияние цифровых технологий на правовой статус личности в целом и на один из его элементов — субъективное право на неприкосновенность частной жизни. Завершается данный параграф описанием гарантий обеспечения неприкосновенности частной жизни в условиях цифровизации.

В заключении сформулированы основные выводы по итогам исследования, определен потенциал применения достигнутых результатов и описаны возможности дальнейшего исследования темы.

Диссертация Авдеева Даниила Алексеевича на тему «Правовое регулирование отношений,

связанных с цифровизацией частной жизни» представляет завершенное исследование, качество ее оформления соответствует установленным стандартам и требованиям.

Аннотация диссертации отражает основные положения работы. Текст и структура аннотации соответствуют регламентным требованиям.

Оригинальным выглядит использование в тексте диссертации и ее аннотации QR-кодов со ссылками на материалы, дополняющие и расширяющие основной текст работы (данные статистики, социологии, опубликованные автором статьи по теме и др.).

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации. Научные положения, выводы, рекомендации, содержащиеся в диссертации, отличаются высокой степенью научной достоверности и обоснованности, которая обеспечена правильным и своевременным выбором объекта и предмета исследования, определением цели и задач, подбором и использованием совокупности методов исследования.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена также:

теоретической базой исследования, включающей значительное количество работ российских и зарубежных ученых;

нормативной и эмпирической базой работы, включающей законодательство Российской Федерации, законодательство и официальные документы зарубежных государств, международные договоры и документы международных организаций, материалы судебной практики судов Российской Федерации и зарубежных государств, исторические источники российского права, религиозные тексты, проекты законов, данные статистики, результаты социологических исследований;

внедрением результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, в учебный процесс, а также в деятельность государственных органов;

опубликованием основных положений работы в изданиях, включенных в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты исследования обобщены и представлены в научных статьях. Общее количество научных статей по теме исследования составляет семь, из которых шесть опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для

опубликования основных научных результатов диссертаций.

Значимость полученных автором диссертации результатов для развития соответствующей отрасли науки. Сделанные автором выводы и полученные научные результаты могут быть использованы в правотворчестве и правоприменении: при выработке правовой политики и разработке правовых норм, регулирующих охрану и защиту сферы частной жизни, а также в процессе их применения в юридической практике. Также содержащиеся в работе выводы и идеи могут быть использованы в образовательной и правовоспитательной работе в целях разработки программы формирования высокой правовой культуры, воспитания правопослушного поведения пользователей цифровых устройств; в преподавательской деятельности: отдельные теоретические положения могут быть использованы в рамках преподавания курсов «Теория государства и права», «Цифровое право», «Информационное право», «Актуальные проблемы теории государства и права» и др.

Замечания по диссертации. Как и любое творческое исследование, диссертация Д. А. Авдеева имеет отдельные недостатки и дискуссионные положения.

1. Дополнительного обоснования требует авторская позиция, согласно которой в механизм правового регулирования отношений цифровизации частной жизни включаются неюридические элементы (положение 5, выносимое на защиту; с. 72, 73). С учетом авторской позиции следует дополнительно пояснить, почему при наличии неюридических элементов механизм остается «правовым»? Где, с точки зрения автора, грань между механизмом правового и механизмом социального регулирования? Нет ли в таком доктринальном подходе внутреннего противоречия?

2. Насколько корректно говорить о формировании «цифрового правового статуса личности»? Возможно, точнее с точки зрения сложившихся представлений в теоретико-правовой науке вести речь о «правовом статусе личности в цифровой среде»? То же замечание применимо к используемому автором термину «цифровая правовая культура» (с. 155).

3. Классифицируя гарантии неприкосновенности частной жизни в цифровой среде, автор принимает за основу классификацию, согласно которой гарантии делятся на общие (экономические, политические и пр.) и специальные (к которым, в частности, относятся

специально-юридические гарантии) (с. 159). Возникает вопрос: если, допустим, экономическая, материальная гарантия нашла свое отражение в норме права, превращается ли она автоматически в специальную юридическую (собственно правовую) гарантию?

4. Новаторским является предложение автора о закреплении права на отказ от использования цифровых технологий (с. 149–151). Однако его существенные параметры не определены: в каком нормативном правовом акте, по мнению автора, данное право должно найти отражение? Какие существенные сферы жизни должны быть «ограждены» от цифровизации? Что подразумевается под системой «защиты прав тех, кто не хочет (или не может) использовать новые цифровые решения в социально значимых сферах»?

Представляется, что указанные недостатки и критические замечания не снижают общей высокой положительной оценки диссертационного исследования Д. А. Авдеева.

Диссертантом подготовлена завершенная, концептуально цельная, объективно представляющая высокий научный и практический интерес авторская научно-квалификационная работа высокого научно-теоретического и научно-практического уровня.

Не в качестве замечаний, а для «культивирования» на защите дискуссии и в порядке совета автору диссертации на будущее, полагаем, важным и уместным констатировать в просительной форме три момента.

Во-первых, цифровизация частной жизни испытывает тенденцию к расширению сферы применения или грядет ее (сферы) сужение и уменьшение числа решаемых задач?

Во-вторых, можно ли, нужно ли юридической науке и практике стремиться выработать количественные (посредством математического аппарата) показатели (свидетельства) внедрения цифровизации в частную жизнь?

В-третьих, прав ли, по мнению Д. А. Авдеева, доктор юридических наук профессор А. Е. Постников, который в статье «Цифровые свободы и цифровое рабство: взгляд конституционализма» («Независимая газета». 2024. 23 апреля) полагает, что с цифровыми технологиями мы не получили свободы, так как «Человек оказался втиснут в глобальную систему, на которую практически никак не может влиять»?

Заключение. Таким образом, ведущая организация приходит к заключению о том, что диссертация Авдеева Даниила Алексеевича на тему «Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 (Теоретико-исторические правовые науки), соответствует требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842). Представленная диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития юридической науки. Автор достоин присвоения искомой степени кандидата юридических наук.

Отзыв утвержден на заседании кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России 26 апреля 2024 года (протокол № 16).

Информация об авторах

В. М. Баранов — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;

В. А. Толстик — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Information about the authors

V. M. Baranov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the innovative development of scientific activities, President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”;

V. A. Tolstik — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Кафедра уголовного процесса
имени заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора В. Т. Томина

Department of Criminal Procedure named after Honored Scientist
of Russian Federation, Doctor of Law, Professor V. T. Tomin

15 лет назад, 25 мая 2009 года, ученым советом Нижегородской академии МВД России единодушно было принято решение о присвоении кафедре уголовного процесса имени заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук профессора Валентина Тимофеевича Томина. Кафедра уголовного процесса стала первой и единственной именной кафедрой академии. Но никого факт подобной исключительности не смущает и не обижает, поскольку само имя «профессор Томин» является главным и исчерпывающим аргументом справедливости и прозорливости такого решения.

Время коротечно, а память человеческая коротка. С каждым годом в академии становится все меньше людей, лично знакомых с профессором В. Т. Томиным, и все больше тех, кто, услышав это имя, вопрошает: «А кто такой этот Томин?». Казалось бы, нас, его учеников и последователей, подобный вопрос должен задевать, возмущать и оскорблять. Но нас как раз больше тревожит равнодушие, а не любопытство. Подобный интерес искренне радует, поскольку сами мы смотрим на вопрос: «Кто такой Томин?» как на важную исследовательскую задачу и не кичимся исчерпывающим знанием, ибо точно знаем, что еще мало знаем об этом незаурядном человеке.

В этой сократовской атмосфере «знания о незнании» родилось и развивается новое эвристическое направление нашей научной

Школы — «Томиноведение»¹. Для нас профессор В. Т. Томин не только история, не только вехи кафедры и этапы научной школы. Учитель был, есть и всегда будет с нами, равно как и кафедра уголовного процесса академии всегда есть и будет его именной кафедрой. И задача предлагаемой статьи заключается в том, чтобы сформировать сюжет, который подскажет, почему кафедра и научная школа заслуженно носят имя В. Т. Томина.

«Томиноведение» — это не ретроспективная «персонология», это перспективная идеология. Следовательно, формирование образа Учителя не может быть сведено к сухой констатации фактов биографии, к незатейливому описанию жития-бытия. Это как минимум должна быть попытка сотворения кумира (в хорошем смысле). Для научной школы, которая не отрывает себя и свои достижения от величия личности основателя, умение творить кумира — ответственная задача, установка на то, чтобы видеть, понимать и заново открывать то лучшее и важное, что хотел и мечтал донести до себя и своих последователей Учитель. «Томиноведение» и есть особое творчество, постижение того, кто В. Т. Томин для Школы и учеников именно сегодня, курс на продолжение строительства задуманных им миров.

Начнем от истоков. Родился Валентин Тимофеевич 2 июня 1934 году в г. Мариуполь Донецкой области. Рано остался без отца. Тимофей Михайлович Томин, старший политрук, пал смертью храбрых в августе 1941 года. Со всей остроумией Валя Томин испытал на себе тяготы войны и эвакуации. Широка география его школьных лет. В школу впервые пошел в деревне Свищевка Пензенской области, потом были Мариуполь, Ленинград, Коканд. Среднюю школу окончил в Перми в 1952 году с медалью. Эта медаль привела его на юридический факультет Ленинградского государственного университета, который он окончил в 1957 году с отличием. Место работы — милицию и Сахалин — выбрал сам.

¹ Поляков М. П. «Древо» томинской научной школы и «дом» томиноведения: размышление о новом пришествии больших учителей // Вопросы факта и права в юридической деятельности: сборник научных статей. Ярославль: ЯрГУ, 2020. С. 83–93.

Получил в 1957 году звание старшины милиции, должность следователя следственного отдела и с тех пор нигде, кроме милиции, не служил.

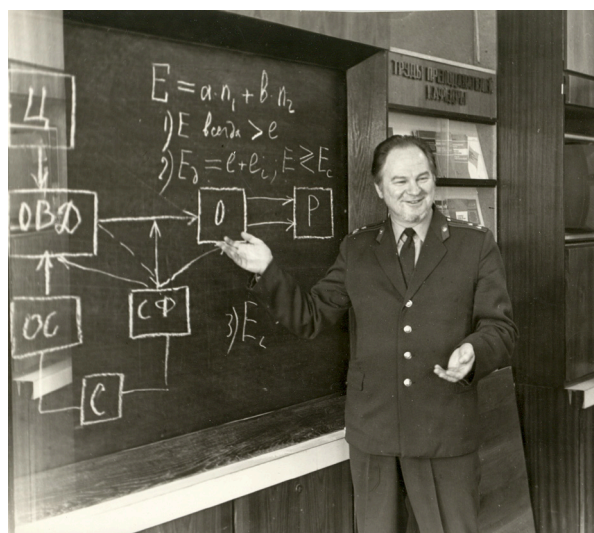
С 1961 года жизнь профессора В. Т. Томина тесно связана с учебными заведениями системы МВД СССР. Он стоял у истоков лучших традиций Омской высшей школы МВД СССР. Там с 1965 года он возглавлял кафедру уголовного процесса, а затем несколько лет был заместителем начальника школы по учебной и научной работе. Омская научная школа уголовного процесса тоже считает его одним из своих основателей.

В 1974 году Валентин Тимофеевич прибыл в Горький и оставшуюся жизнь связал с Горьковской высшей школой МВД СССР (во всех ее последующих статусах и именах). 15 октября 1974 года был издан приказ начальника Горьковской высшей школы МВД СССР об образовании кафедры уголовного процесса и криминалогии. В. Т. Тomin стал ее первым начальником и более двадцати лет бессменно руководил ей. За эти годы были сформированы лучшие научные и педагогические концепции и традиции, которые успешно применяются в настоящее время.

Но самое главное — кафедра обрела неповторимую душевность и романтизм. Без всякого преувеличения можно сказать, что кафедры всех поколений носят в себе частичку томинской души. Многие сотрудники сегодняшней кафедры уголовного процесса — это ученики его учеников. Но сам факт ученичества здесь никогда не определялся научным руководством по диссертациям. Передача опыта и знаний всегда происходила в рамках живого общения, без чинов и регалий. Мы всегда были соратниками, коллегами и друзьями. Профессор обладал незаурядным творческим магнетизмом. Рядом с ним оказывались надежные спутники и последователи, группы по интересам превращались в научные кружки, кружки перерастали в школы.

Некоторым кафедрам посчастливилось стать учениками профессора В. Т. Томина в самых сокровенных значениях этого слова, воспринять не только букву, но и дух его учения, понять и почувствовать перспективы концепций, осознать высокие задачи научной школы. Труды учителя все еще ждут особого прочтения, особой интерпретации. Но главное — специфического прикосновения к красоте и величию его личности и человечности.

В. Т. Тomin был Учителем с самой большой буквы. Он не насаждал, не назидал, — он созидал учеников. В буквальном смысле

сеял разумное, доброе, вечное. Он никогда не эксплуатировал учеников, не заставлял их работать на имя свое, на славу. Это его имя всегда упорно трудилось на наш престиж. И даже если и случались в рамках учительских проектов «творческие субботники» учеников, то это была не «барщина и оброк», а инвестиции в их научное будущее. И тот факт, что многие представители нашей Школы имеют докторские степени и профессорские звания, наглядно доказывает это. Профессор В. Т. Тomin искренне радовался находкам своих младших товарищей и в то же время следил, чтобы они по недоумию или неосторожности не присвоили себе незаслуженного и тем более чужого авторства, чтобы без особой надобности не нажили противников и врагов.

В. Т. Тomin никогда не навязывал свое соавторство чужим идеям и текстам. Напротив, брал нас в соавторы больших проектов, чтобы мы через искорки амбиций и тщеславия могли пробиться к собственной силе, обрести через его имя преемственность в известности. Свидетельством тому является многолетнее и многотомное совместное научное редакторство комментариев к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам Российской Федерации, предложенное в свое время М. П. Полякову и В. В. Сверчкову. Создателю кафедры уголовного процесса не нужно было чужого — у него всегда в избытке было свое. И он с радостью делился с коллегами своим оптимизмом, своим научным задором. Делился идеями, опережающими свое время. Многие впитали в себя этот дух, ставший «путем корреспондентов» выше «пути рецензентов» дух мечты и отваги.

Профессор В. Т. Тomin вышел в отставку в звании полковника милиции. И это звание — полковник милиции в отставке — он никогда

не забывал упоминать в списке других своих научных и общественных регалий. Он был настоящим офицером милиции, поэтому правильнее будет говорить, что в академии он не работал, а именно служил. Всю свою жизнь посвятил служению отечественной юридической науке, практическому уголовному судопроизводству, воспитанию достойных сотрудников органов внутренних дел. Его научный и творческий путь — живое воплощение диалектики, тонкое искусство укрощения и примирения самых непримиримых эмпирических и теоретических противоречий. Он всегда был искренним новатором и революционером и в то же время убежденным советским ретроградом, бесстрашным проводником новых созидательных концепций и ярым защитником священных традиций отечественного уголовного судопроизводства. Мы знаем и помним его пламенным советским процессуалистом, именно советскими. В нем всегда жил дух государственника, и этот дух он передал нам.

Профессор В. Т. Тomin оставил потомкам десятки монографий и сотни научных статей. Его имя навечно запомнят многочисленные комментарии к Уголовному и Уголовно-процессуальным кодексам Российской Федерации и к другим законам. Придет время, и из архива наверняка достанут его авторский проект закона «Об участии населения в охране общественного порядка». Немало цитат из его научных трудов станут прологом и эпиграфом к кандидатским и докторским диссертациям.

Валентин Тимофеевич был настоящим энциклопедистом в области уголовного судопроизводства. Не было уголовно-процессуальных сфер, которые бы он обошел своим вниманием. Он активно исследовал среду функционирования правоохранительных органов, разрабатывал теорию о факторах активности населения в борьбе с преступностью, сформировал цельное представление об основах уголовного судопроизводства, источниках его развития и проблемности, резервах эффективности.

Но его сердце, его подлинная научная страсть были отданы двум основным темам: целеполаганию и принципам уголовного процесса. Он умел чувствовать важное и главное в науке уголовного процесса. Без всякого преувеличения можно сказать, что профессором В. Т. Тominым и его учениками было создано цельное учение о принципах отечественного уголовного судопроизводства и сформирована теоретико-прикладная концепция целеполагания. Если подсчитывать труды его учеников, развивающих

идеи учителя, то число работ давно перевалило за тысячу. Он признан авторитетом во многих ключевых направлениях процессуальной науки.

Но вместе с тем томинское учение об основах уголовного процесса не является догмой. В. Т. Тomin никогда не делал заявлений, что его представления об уголовном процессе являются незыблемыми и единственно верными. Научное наследие Учителя — это больше, чем суммарный текст его работ. Это схема, контуры научного пути, уходящего за горизонт; руководство к действию. Большинство его работ не имеют срока годности. Напротив, методологическое значение их с годами только повышается, поскольку они являются примером осмысленного применения диалектического метода познания.

В. Т. Тomin всегда отдавал предпочтение системному подходу, мастерское владение которым было продемонстрировано им в докторской диссертации и последующих работах. Его работы имеют большое методологическое значение и являются примером осмысленного применения диалектического метода познания. Именно с точки зрения обучения диалектическому методу следует изучать его книги «Уголовное судопроизводство: революция продолжается» и «Острые углы уголовного судопроизводства». В этом качестве они еще очень долго не утратят своей актуальности. Названные работы сыграли не последнюю роль в создании костяка методологии Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов.

Развитие методологии Школы не останавливается. Методологическая увлеченность прорастает через учеников профессора В. Т. Томина. Томинская научная школа выделяется спецификой своего метода. Более того, у школы есть особый методологический дух. Для обозначения этого духа наиболее подходящей является выражение живой уголовный процесс.

Вклад Томинской научной школы в развитие теории уголовного процесса определяется масштабностью научных интересов представителей Школы. Более чем за тридцать лет своего существования Школа выработала оригинальные подходы ко многим разделам уголовно-процессуальной науки. Помимо учения о принципах и целях уголовного процесса (В. Т. Тomin, М. П. Поляков, А. В. Агутин, А. П. Попов, А. В. Федулов, Э. Ф. Лугинец и др.), можно говорить о разработке теоретических основ рационализации уголовного процесса (В. Т. Тomin, С. П. Сереброва), теории обеспечения участников уголовного процесса (А. Ю. Епихин, А. А. Юнусов), а также защите их имущественных прав (С. В. Смирнов),

о системе уголовно-процессуальных средствах обеспечения экономической безопасности (С. В. Петраков).

В недрах Томинской научной школы родились и развиваются серьезные концептуальные направления: концепция уголовно-процессуальной интерпретации результатов оперативно-розыскной деятельности, основы уголовно-процессуальной идеологии и концептологии (М. П. Поляков); теория судебного контроля, концепция эффективного обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе (Н. Н. Ковтун); теория допустимости доказательств (В. В. Терехин).

Здесь же вызывают концепции, которые в ближайшем будущем проявят себя в докторских диссертациях: технологический подход к уголовному судопроизводству (А. Ю. Смолин); методологические основы обвинения и оправдания в современном уголовном процессе (М. В. Лапатников); механизм процедурной реализации норм уголовного закона в современных условиях (С. В. Власова); методологические основы типологии отечественного уголовного судопроизводства (А. В. Ламтева); концепция социального назначения уголовного судопроизводства (А. А. Рогова).

Существенные шаги сделаны последовательными В. Т. Томина в разработке общих вопросов уголовного судопроизводства и их методической адаптации в целях повышения эффективности преподавания уголовного процесса (О. И. Долгачева); в разрешении проблем совершенствования дознания (Е. С. Кудряшова); в оптимизации мер пресечения и иных мер уголовно-процессуального принуждения (Ю. В. Царева, В. А. Тимошкина); в углублении представлений об электронных доказательствах (А. А. Количенко, Ю. А. Телевицкая, О. В. Атаева).

Заметный вклад внесен в разработку проблемы обжалования (И. А. Казнина); в осмысление уголовно-процессуальных средств стимулирования обвиняемого к добровольному признанию вины (А. Э. Иваньшина); доказывания отдельных категорий преступлений (О. И. Буцкова); процессуальной самостоятельности и независимости должностных лиц, ведущих процесс (Д. В. Наметкин, Н. В. Пьянкова).

Уверенные шаги делаются молодыми исследователями в освоении проблематики приостановления и возобновления уголовных дел (Д. В. Ростов), сроков досудебного производства (А. М. Черкасова); совершенствования процессуального статуса органов предварительного следствия (А. Г. Исаенко, К. А.

Шишпанов), оптимизации оперативного судебного контроля (Р. Р. Умярова), уголовно-процессуальной сущности идеи неотвратимости наказания (М. Д. Алешина). И это далеко не полный перечень проблем и имен.

Ученики профессора В. Т. Томина преуспели не только в научной и педагогической деятельности. Среди них выросло немало выдающихся практических работников, прославивших себя успехами в борьбе с преступностью. Ученики профессора становились генералами, начальниками главков и даже министрами. Это генерал-полковники В. Б. Рушайло и В. Ф. Щербаков; генерал-лейтенанты В. В. Черников, В. С. Чернявский, А. А. Обухов, С. А. Кучерук, генерал-майоры И. И. Кладницкий, Н. В. Чих, В. И. Мизилин, государственный советник юстиции второго класса Т. П. Захарова, государственный советник юстиции первого класса А. И. Федотов.

Сегодня юридическая наука начинает обращать повышенное внимание на проблемы собственной популяризации. В. Т. Томин всегда осознавал огромную важность этого дела. Он был человеком многогранным и запомнился как яркий публицист и писатель. Много его работ посвящено популяризации и пропаганде уголовно-процессуальной науки и милицмейской деятельности.

Следы этой миссии увековечены в книгах «Быть гражданином», «Рядом с тобой», в детективах «Убить президента» и «Искусство иметь врагов». В этих книгах, написанных для «широкой общественности», обнаруживается занимательный, по-настоящему живой уголовный процесс. Наука уголовного процесса в них оттакаивалась от жизни и связывалась с ней особыми, понятными и интересными нитями.

Особой заботой Валентина Тимофеевича было освещение связи милиции с народом. Эта связь была и предметом популяризации, и важнейшей концептуальной работой. Размышления и исследования на эту тему вылились в кандидатскую, а затем и в докторскую диссертацию, а также отразились в его доктринальной системе принципов («принцип народовластия»).

До последнего дня профессор В. Т. Томин оставался в научном строю. Отойдя от активной преподавательской деятельности, осуществлял широкую консультационную и агитационную работу, координировал мощные научные проекты, вдохновлял и ободрял молодых и зрелых исследователей. Его квартира на улице Горького фактически стала филиалом кафедры, своеобразным клубом пламенных процессуалистов, в котором он был общепризнанным

председателем. Именно там пришло понимание того, что мы, его ученики и единомышленники, уже не просто кафедра, не просто клуб, а настоящая Школа «живого уголовного процесса». Мы не помним, кому и когда пришла мысль называть Нижегородскую школу процессуалистов именно этим именем, но в дарственном пожелании М. П. Полякову к «Курсу проблемных лекций по уголовному процессу» он написал: «М. П.! Эту книгу, одним из незаменимых соавторов которой ты являешься, я счел необходимым подписать, чтобы застолбить за тобой право на отличный афоризм "живой уголовный процесс"». Твой стареющий В. Т., декабрь 2012».

В рамках этого дарованного Учителем права на «живой уголовный процесс» автор статьи (М. П. Поляков) позволит себе сделать несколько дополнений к его образу, как говорится, от первого лица.

Для меня профессор В. Т. Томин — великолепный узор маленких воспоминаний, личных впечатлений, добрых наставлений и пророчеств. Вот одно такое воспоминание.

В старые добрые времена (в «лихие девяностые»), когда за общим столом кафедральных чаепитий В. Т. Томин в очередной раз представлял своих адъюнктов, мы (а было нас тогда двое таких: Миша Поляков и Саша Агутин) замирали в предчувствии доброго и важного слова. Но представления эти не в угоду нашим наивным тщеславным предвкушениям были обычно кратки. Суть их всегда была примерно одинакова: «Саша много читает. Миша хорошо пишет». Так мы достаточно долго и оставались в оценках нашего Учителя отличным читателем и неплохим писателем. Тогда мне казалось, что это слишком скромная характеристика, что можно было бы что-нибудь еще прибавить к формуле «Миша хорошо пишет». Теперь же, спустя десятилетия, я понимаю, сколь емкой и программной была и остается эта формула, что в ней проявился талант Учителя видеть и немногословно определять главное. Время показало, что статус «Миша хорошо пишет» — это не просто эпизод личной истории, не умилительная «байка для учеников», но прежде всего обязательство перед Учителем и Школой писать хорошо. Писать, черпая вдохновение, глубину и мудрость в работах и жизни Учителя. Писать так, чтобы для всех последующих поколений кафедры и научной школы имя В. Т. Томина было не просто доброй историей, а являлось живым и ценнейшим помощником в поиске новых идей и откровений.

Вот и в этот раз (ответственный и юбилейный), я попытался написать о своем Учителе,

которому 2 июня этого года исполнилось 90 лет со дня рождения. Написать хорошо и не только про него, но и для него. Написать так, чтобы не перехвалить и не пересластить, но дать почувствовать читателю особую благодать прикосновения к личности В. Т. Томина. Чтобы прочитавшему стало чуточку лучше на душе и он почувствовал себя частичкой той вечной (теперь уже почти буквально) Академии, которая сделана из людей, соткана из идей, в которой все искренние исследователи и пламенные ученые — вечно живые и навечно в строю.

Валентин Тимофеевич был удивительным оптимистом. Оптимистом деятельным, созидательным. Его оптимизм был не только даром небес и свойством характера, наградой за сложнейший узор прожитых лет. Всматриваясь в эпизоды биографии В. Т. Томина, можно понять, что оптимизм вообще есть феномен парадоксальный. Оптимисты — это выпускники жизни, трудной на старте, сложной на переломных этапах; жизни, не уступающей бросать вызовы до самого последнего дня.

Без всяких метафор могу подтвердить, что В. Т. Томин создал именно «школу живого уголовного процесса». В этом имени (оно обычно лишь подразумевается) закодировано стремление к искусству оживления процессуальных явлений особым словом и глубокой мыслью. Так вот и хороший портрет Учителя в ауре этого «живого уголовного процесса» не должен быть стерильным образом безупречного человека. Чтобы понять подлинную сущность слов Учителя, погрузиться в глубины «Томиноведения», надо почувствовать и его живую душу, уловить, что человек он был увлекающийся, страстный, умеющий невероятно дружить и одновременно постигший «искусство иметь врагов».

В биографиях (особенно юбилейных) человека нередко представляют умудренным старцем, достигшим высот и не ведающим пороков. Но мне, нацеленному на пример Учителя, на ветры, наполнявшие его жизненные паруса, не менее важно и интересно знать нюансы. Я думаю, что в красоте его личного научного метода есть привкус и оттенки множества личных жизненных перипетий. Например, не остался без «творческих последствий» тот факт, что В. Т. Томин женился в студенческие годы, что с юношеским задором и молодой женой, сокурсницей (тоже Валентиной), помчался на Сахалин, где постигал азы следственной работы. В его научном взгляде на мир наверняка отразилась и траектория движения от Сахалина до Горького через важнейший «кармический» город Омск; через неведомые нам, но подсознательно

предполагаемые победы, неурядицы, жизненные перемены.

Настоящий образ профессора В. Т. Томина, столь важный для «Томиноведения» ярко проявляется лишь в контексте всех вертикалей и горизонталей его жизни. Глубина Учителя приоткрывается тогда, когда появляются привкус романтики, аромат тайны и проклевывается настоящее понимание величия и великолепия личности. И в этом душевном антураже «Томиноведение» превращается не в хронику, а в увлекательный роман.

Мы видим, что в Горький главный герой В. Т. Тomin приезжает один. Ему сорок лет. За плечами целая жизнь, но и целая жизнь еще впереди. Он пребывает в душевном смятении и одновременно в предчувствии необыкновенных вызовов и предложений Судьбы. Так оно и случается. Именно здесь, в Горьком, появляются интересные и любимые люди, обнаруживаются новые траектории личного пути и милицейской службы. Горьковская высшая школа МВД СССР открывает для него свои двери, оказавшиеся настоящими «вратами судьбы». Подразделение ему достается не самое крупное — кафедра. И не кафедра даже, а, образно говоря, «место под строительство кафедры». И он приступает к созиданию кафедры, к ваянию коллектива, показав, как может быть велик и красив человек, если он на своем месте. Во всех его делах чувствуются необыкновенный душевный подъем и уникальный опыт. Для строительства «маленькой кафедры» используются глобальные принципы, пригодные не меньше, чем для сотворения нового мира.

Кафедра строилась и расцветала, формировалась как новый мир. В строительстве кафедры каждый кирпичик — именной. И раствор, соединяющий эти кирпичики, тоже имеет особые ингредиенты, которые на первый взгляд не имеют прямого отношения к кафедре и науке. Но здесь все тончайшим образом связано со всем. Так, мы, близкие ученики Валентина Тимофеевича, всегда видим рядом с Учителем его супругу и соратника Ольгу Николаевну Томину, директора Нижегородской филармонии, заслуженного деятеля искусств Российской Федерации. Мы не найдем монографий по уголовному процессу с ее именем, но вклад ее в кафедру и Школу огромен, как и вклад в приобщение нашего научного сообщества к высокой культуре.

Однажды О. Н. Томина рассказала мне, что, когда отца Валентины Тимофеевича провожали на фронт, последние слова его, обращенные к сыну, были: «Сын, обязательно стань хорошим человеком!» Сын с честью выполнил наказ отца.

Он стал очень хорошим человеком, создал отличную кафедру, основал удивительную научную Школу. Нынешняя кафедра, несмотря на все обновления, живет и развивается на волнах изначальной инерции хорошего томинского потенциала и «магического» энтузиазма. После профессора В. Т. Томина нас, начальников кафедры, было много, но даже все мы вместе взятые не набираем и тридцати лет кафедрального управления и уж точно не можем похвастаться какими-то запредельными концептуальными прорывами. А Валентин Тимофеевич двадцать лет рулил кафедрой, еще двадцать «подруливал» и навечно останется ее негласным идеологическим штурманом и прочнейшим концептуальным стержнем.

Кафедра уголовного процесса академии — это поистине томинская кафедра и не потому, что Тomin был ее первым и «долгим» начальником, а потому что с надежным запасом заложил принципы кафедры. И наша кафедра — кафедра томинская, потому что сам Валентин Тимофеевич Тomin был и остается настоящим Человеком-Принципом.

Поляков Михаил Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в журнале
«Юридическая наука и практика:
Вестник Нижегородской академии МВД России»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике Журнала.

2. Рукопись статьи должна содержать:

— **универсальный десятичный код (УДК)** (см.: <http://teacode.com/online/udc/>);

— **сведения об авторе на русском и английском языках** (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), контактные телефоны);

— **заголовок на русском и английском языках;**

— **аннотацию на русском и английском языках;**

— **ключевые слова на русском и английском языках;**

— **список библиографических ссылок на русском и английском языках** (в журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с ГОСТ 7.0.5—2008, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках; использование подстрочных ссылок не допускается).

3. Статья объемом **не более 12 машинописных страниц** направляется в редакцию в распечатанном и электронном вариантах (в формате RTF), которые должны быть идентичны.

4. Текст статьи печатается гарнитурой Times New Roman, размер шрифта — 14, интервал — 1,5.

Поля — по 2 см с каждой стороны. Нумерация страниц обязательна.

5. Цветная вертикальная портретная фотография автора в формате jpg, разрешением не менее 300 dpi, размером 3,5*4,5 см (фон однотонный, белый).

6. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

7. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

8. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: **«Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)»**.

9. При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи в сети «Интернет» (на сайте Нижегородской академии МВД России, сайтах научных электронных библиотек).

9. Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей.

Почтовый адрес:
603144, Нижегородская область,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3,
Нижегородская академия МВД России (РИО).
Тел.: 8 (831) 421-73-21.
E-mail: vestniknamvd@mail.ru
Сайт: na.mvd.rf